

Лариса ШЕВЧЕНКО

Вкус жизни

Книга первая:

В поисках утраченного смысла

Книга вторая:

Мгновение и Вечность.

Уважаемый читатель!

Чтобы лучше понять творчество Шевченко Л.Я., я рекомендую Вам прямо сейчас скачать первую книгу автора, «Надежда», по прямым ссылкам:

В формате fb2:

В формате epub:

В формате txt:

В формате doc:

Первая книга содержит историю ее детства, которая проливает свет на многие аспекты ее жизни, поэтому читать эту и последующие книги Ларисы Яковлевны будет интереснее, начав с самой первой.

Приятного чтения!

Предваря возможные недоразумения, хочу предупредить читателей: не стремитесь к ложным идентификациям. Не ищите себя среди моих героев. Не забывайте, пожалуйста, что это художественное произведение.

От автора

Взглянув на обложку, потенциальный читатель может подумать, что эта книга об экологии природы, а она – об экологии человеческих отношений. Сюжет разворачивается и раскручивается вокруг двух осей: семья и перестройка. О том, как молодежь встраивается в современную жизнь, уже достаточно много написано. Моя книга о поколении шестидесятых, которым трудно вписаться в новую эпоху.

Книга эта прежде всего о женщинах. Мои героини достаточно умны, чтобы понимать, что возврата к старому режиму не будет, но они все еще живут памятью прошлого (временем, когда они были молоды и, несмотря на многочисленные проблемы, по-своему счастливы) и всем тем, что было в нем хорошего. Их волнует будущее страны и будущее их внуков и правнуков. Они стремятся передать им все лучшее, что накопили за свою жизнь. И в первую очередь – нравственные ценности своего поколения.

Через сорок лет после окончания вуза встретились двенадцать женщин. Половина из них – детдомовцы довоенных и военных лет. Эта встреча подруг – как бы подведение итогов жизненного пути каждой из них. Несмотря на далеко не юный возраст, их оценки своей жизни достаточно категоричны и откровенны. (Особенно у бывших воспитанниц детдомов.) И, возможно, именно этим они будут интересны читателям.

Книгу залпом не осилить. Это эмоционально насыщенное произведение. Потребуется некоторое время для осмысления прочитанного. Я сосредотачиваюсь на внутреннем мире своих героинь, ведь за каждой из них добрые или трагические судьбы сотен тысяч таких же очень и не очень счастливых женщин.

Пикассо говорил: «Я рисую мир не таким, каким вижу, а каким мыслю». Я описываю мир таким, каким его чувствую.

Читатели, успевшие до издания ознакомиться с рукописью книги, оказались единодушны в своем шутовском мнении: «Если ваш двухтомник «Надежда» стоит выдавать каждой молодой семье вместе со свидетельством о браке, то «Вкус жизни» надо вручать юным выпускницам школ вместе с аттестатом зрелости». А, как известно, в каждой шутке лишь доля шутки...

Приезд

Елена Георгиевна вышла из вагона. Город встретил ее неприветливой слякотной погодой. Холодный, пронзительный, напористый ветер разметывал полы легкой серой цыгейковой шубки, пробирался за воротник, стегал колючими снежными хлопьями по лицу, слепил глаза. Остановившись, чтобы протереть очки, она заметила группу цыганят, наперебой клянчивших деньги у молодых, хорошо одетых мужчин. «Почему к женщинам не подходят?» – удивилась она. И тут же один из них подбежал к ней и, скорчив плаксивую рожицу, жалостливо заныл: «Тетечка, дайте денежек на хлебушко».

Елена Георгиевна вынула из дорожной сумки булку в целлофановой обертке и с состраданием протянула мальчику. А тот стрельнул недобрый взглядом, громко фыркнул и, брезгливо оттолкнув ее руку, прокричал: «Деньги, деньги давай, тетка!» Оторопев от такой наглости, она достала мелочь, но, будучи педагогом, сочла необходимым ласково пожуричь ребенка за попрошайничество и напомнить о необходимости учиться в школе. «Не надрывайся, тетка», – презрительно процедил цыганенок сквозь зубы, круто развернулся и побежал за очередным клиентом. Переживая унижение и недовольство собой, Елена Георгиевна направилась к автобусной остановке.

Она шла тяжело и медленно, временами проваливалась в снежное месиво и тогда с трудом вытаскивала вязнувшие ноги. «Трутни! А я, наивная, мальчишке об учебе пыталась толковать, – раздраженно думала она. – Один знакомый инженер-итальянец как-то сказал резко: «Не уважаю людей, которые позволяют себя обманывать». И этот цыганенок не уважает дающих ему. Противоречие, абсурд?..»

Елена Георгиевна села в автобус, направляющийся в район города, называемый Левым берегом. (Наверное, «Левый берег» есть в любом городе, пересеченном рекой.) Каждый рывок автобуса дрожью отдавался в ее больном позвоночнике. «Все-таки доконали меня сквозняки в поезде», – зябко поеживалась она, чуть наклоняясь вперед, а то и сгибаясь в три погибели, чтобы несколько ослабить боль от подскоков салона и от толчков толпящихся в проходе людей.

Выйдя наконец из автобуса, она долго месила рыжий, насыщенный влагой снег, хрустела ледяным ломким крошечком, пытаясь отыскать нужный ей дом. Пот выступил на лбу. Она в изнеможении остановилась передохнуть и уже немного пожалела, что не согласилась на предложение Славы, мужа подруги Киры, встретить ее у поезда.

Но то была минутная слабость, мгновенная мысль, которая тут же ушла. «С чего это я вдруг стала нытиком?» – одернула она себя. И снег сразу стал мягким, пушистым, и ветер уже не казался ей злым, особенно когда повернешься к нему спиной. И снежная каша под ногами уже не раздражала. Она стала замечать красивые дома с многочисленными башенками на разноцветных крышах – дань современной моде. И все же сказывалось отсутствие привычки к долгой ходьбе. Прошли те времена, когда легкой летящей походкой она могла обежать пол-Воронежа или Курска и не устать, и не задохнуться.

Елена Георгиевна с любопытством разглядывала аляповатые тяжеловесные конструкции рекламных щитов, наперебой не очень грамотно и не всегда этично предлагающих различные услуги и товары. «Такие же, как и у нас. В ногу с новым временем. Изменился контекст жизни – обновилось оформление улиц. Вот здесь была тополиная аллея, а теперь два ряда мощной рекламной агитации. Пни еще не успели сгнить. «Где это видано, где это слыхано», чтобы природную красоту заменять безвкусыными картинками?» – грустно усмехнулась она.

Многочисленные торговые точки в первых этажах домов и средства рекламы буквально наводнили улицы, и стал неузнаваемым любимый когда-то город. За яркими витринами не видно его прошлого... Богатство и нищета стали в родной стране в равной степени запредельными.

...А на этом щите русские слова написаны английскими буквами. Для чего и для кого? Названия магазинов то на итальянском языке, то на английском. Что за низкопоклонничество? Своих слов уже мало? И вдруг Елена Георгиевна поймала себя на мысли, что и русские вывески неожиданно для себя сначала пытается прочитать по-

английски. Она поежилась от недовольства собой.

В витрине булочной объявление: «Торта на любой вкус». На соседней двери яркое громогласное заявление: «Починяем принтера». О великий и могучий! Похоже, ты не под силу уже своему собственному народу. Елена Георгиевна не поленилась вынуть из сумочки фломастер и сделать работу над ошибками. Оставила, так сказать, свой красный след на безграмотных физиономиях шопов.

Тут она заметила супермаркет и решила зайти за конфетами. Разыскивая кондитерский отдел, осторожно пробралась сквозь толпу покупателей. Вдруг чьи-то сильные руки крепко сжали ей плечи, резким движением повернули на девяносто градусов и передвинули ее на шаг в сторону. Елена Георгиевна мгновенно оглохла от боли, пронизавшей позвоночник и сковавшей все ее тело. Хлынули слезы. Сквозь их потоки она увидела мощные плечи и торчащий из-под короткой кожаной куртки огромный живот, обрамленный широким ремнем с мощной бляхой – мужчина лет пятидесяти обернулся на ту, которая своими медленными движениями мешала ему, бодрому, энергичному, спешащему. Он даже не попытался скрыть восхищения собой. Его румяное квадратное лицо сияло. На нем читалось: «Вот какой я сильный, никто мне не может препятствовать». Он не заметил слез немолодой женщины: наверное, радовался жизни, успехам, и, конечно, не понял, что причинил боль. А у нее не возникло неумолимого всепокрушающего желания обругать, хотя бы сквозь зубы обозвать нахала жизнерадостным кретином. За шестьдесят с лишним лет своей нелегкой жизни она много чего усвоила. К тому же интеллигентность не позволила. Да и не до того ей было. Слишком больно...

Некоторое время Елена Георгиевна стоит безвольно и обессилено, боясь пошевелиться и думая только о том, чтобы не упасть. Потоки торопливых людей огибают ее с двух сторон. Иногда она ловит непонимающие взгляды. Одна молодая и красивая, сердито толкнув застывшую, как изваяние, женщину, бросает на бегу: «Сто лет в обед, а туда же! Сидела бы дома. В магазин, как на выставку пришла, ворон ловить». «О чем ты запоешь лет этак через сорок?» – беззлобно думает Елена Георгиевна.

В ее памяти почему-то неотчетливо мелькает жесткое лицо женщины-вахтера, которая грубо вытолкала ее из поликлиники только за то, что она попросила помочь надеть ей куртку. Она после этого целую неделю проболела. А потом увидела эту женщину в церкви. Не вязались как-то эти два события, не складывались воедино в одном человеке.

...Опять этот зачуханный пацанишка, цыганенок, все чего-то навязчиво мельтешит в глазах. Никак она не может выбросить его из головы. Потом мысли Елены Георгиевны переключились на предстоящую встречу. Кого увижу? Какие они теперь стали? Вспомнились последние, «доисторические», яркие образы однокурсников, абсолютно заверченные по степени соответствия стандартам того времени. Порылась немного в воспоминаниях о молодости – на душе стало тепло и грустно.

– Елена Георгиевна! Вы какими судьбами здесь? – слышит она чем-то знакомый голос.

– Витя, ты ли это? – она сразу узнала в этом седом усталом мужчине одного из лучших студентов своего первого выпуска. – Со дня окончания тобой вуза ни разу не встретились, а тут на тебе! Какой приятный сюрприз!

– Я как-то в Москве был одни сутки, так столько знакомых встретил из тех, кого годами не видел, хотя живем недалеко друг от друга.

– Москва в этом плане – не показатель. В ней друзей со всего мира можно найти или заново обрести. Когда я училась в шестом классе, в нашей школе появилась девочка из Иркутска. Ее дедушка разыскивал моего деда, потому что писал о нем книгу. Вот тебе и «Широка страна моя родная», а затеряться невозможно. А в Чехии я недавно встретила со своей однокурсницей, которая теперь живет в Америке. Маленьким стал для нас шар земной, а в детстве казался необъятным.

– В одной точке Земли кто-то чихнет, а на другом ее конце, удаленном на тысячи километров, в ту же секунду об этом становится известно. Это еще что! Я как-то был проездом в Воронеже. Сажу, обедаю в ресторане – он днем работает как столовая, – подходит ко мне совсем древний старичок и спрашивает: «Ваша фамилия, случайно, не Заводчиков?» Я подтвердил. Мы разговорились. И тут старичок радостно, почти со

слезами меня обнимает и говорит: «Мы с вашим дедом в молодости здесь работали. Я сегодня впервые за много лет пришел сюда, чтобы освежить в памяти нашу с ним дружбу. Он жив? Обязательно расскажите ему о нашей с вами встрече». Парадокс!.. А помните, как вы учили нас на первом курсе физические парадоксы расшифровывать?

- Как не помнить! В быту, как видишь, их не меньше, и сложность заключается в том, что они не теоретические, а практические, реально существующие, - улыбнулась Елена Георгиевна.

Она была рада встрече.

- Где работаешь, Витя?

- В сельской школе.

- Ну и как там сейчас?

- Черт знает что творится!

- В твоём лексиконе раньше не было таких выражений, - удивилась Елена Георгиевна и поморщилась.

- Тут еще не такое скажешь... Наша директриса - депутат, с областным начальством на «ты», муж ее - в органах. Не подступись. Голос поднимешь - в порошок сотрут, - торопливо, словно боясь, что его могут прервать, заговорил Виктор, не замечая недовольства своего бывшего педагога. - Помню, еще в начале перестройки послали меня в город на профсоюзную конференцию. Сельские учителя, выходя на трибуну, буквально со слезами на глазах говорили о проблемах школы, о том, что упускаем поколение. А по телевизору показали двух-трех подпевал, которые хвалили администрацию, и теперь меня уже не удивляет несоответствие между повседневной, оптимистической информацией, что льется со страниц нашей районной прессы, и реальной жизнью. С тех пор не хожу на подобного рода фальшивые мероприятия. Кто бы и что бы мне ни говорил, я поступаю так, как считаю нужным, отдаю предпочтение своим наблюдениям и размышлениям. Поэтому и достиг того, чего достиг. Мне ли вам объяснять.

С моей точки зрения, орет наша директриса так же, как и до перестройки, только другие лозунги выкрикивает. Она - царь в школе, а мы рабы или вассалы. У неё получается, что не мы нужны детям, школе, а школа и дети для нее. Да, впрочем, мне год до пенсии остался. Дотяну как-нибудь, дотерплю. Хотя, конечно, фигурально выражаясь, и тут стопроцентную гарантию может дать только Господь Бог. Он хоть и бездоказательная, но все же неотъемлемая часть души хороших людей.

- Правдолюбцам во все века трудно было. А дети в селе лучше, проще, чем в городе?

- Всякие. Есть и хорошие. Ясное дело, не то, что раньше: хамства в них больше стало.

- А в смысле знаний?

- Хуже, конечно.

- Но умненькие-то встречаются?

- Бывает. Вот, в моем последнем классе «откопал» я одного, Сашком зовут. Повёл, увлек, радоваться за него стал: мыслит, интересуется, вопросы задает! А в девятом он попал в компьютерный класс - и все! Дальше монитора ничего не видит. Все забросил. Думает, что если освоил компьютер, так сразу в гении попал. Физика, математика - по боку. Двух фраз не свяжет, логическую цепочку элементарного явления природы проследить не может, вернее, не хочет. Говорит, словно на кнопки клавиатуры нажимает: тык-пык. Пассивный, вялый, что творится вокруг, его не волнует. Ему достаточно того адреналина, что получает от игр... Пропал у детей интерес к личному общению.

А тут еще этот чертов ЕГЭ! Мы его «ягбй» в шутку называем. Он же убивает у школьников мотивацию познания, отсекает всю основу нашего образования! Как приходит время выпускных экзаменов, так начинается самое интересное: «страсти по ЕГЭ» такие разворачиваются, хоть кино снимай! Зачем мы по-лакейски идем по чужим

следам? На кой нам сдался этот Запад? На мой взгляд, ему самому давно нужен духовный фитнес... Чем хорош ЕГЭ - в этом стоит разбираться отдельно, но мне кажется, что тестовая система проверки знаний скоро совсем отучит детей говорить и думать. Сашок теперь уроки зубрит, как попугай. Мой второй умненький на четыре-пять учился, так двойку на ЕГЭ отхватил, а его дружок-троечник - еле перетягивали его из класса в класс - четыре получил. «Натыкал», как он выражается. Я в шоке.

- Похоже, ЕГЭ обнажил все проблемы в образовании, - сказала Елена Георгиевна.

- На учителей давят начальники. Дети двойной пресс выдерживают: учителей и родителей. А все проблемы в наших внутренних установках. Люди зачастую не видят ничего дурного в том, что нарушают правила. Даже учителя не все готовы выполнять законы и учить этому детей. Вот и происходит на экзаменах череда «необъяснимых» явлений. В моей молодости этого не было... Говорят, американцы за ум взялись, нашу систему обучения перенимают, ну а мы их хвосты подбираем, те, что они бросают. Ой, болит душа за наших внуков: ни физиков, ни лириков не вырастим.

Раньше каждый год мои выпускники поступали в технические вузы, а теперь дети на компьютерах помешались, все в информатику подались. Не понимают, что именно математика, физика, биология и химия - основа всех основ, а компьютер - только инструмент им в помощь. В школе много компьютеров, а кабинеты физики, химии и биологии - пустые. Изгнали физику из школы. Я свой предмет по старым плакатам изучаю с детьми, а хочется им хотя бы осциллограф вживую показать, эксперимент провести вместе с ними, чтобы потрогали, пощупали, ощутили вкус к науке, и за себя, за свое понимание гордость почувствовали. Без этого у детей не появятся рецепторы, которые будут воспринимать научный опыт лучше, чем опыт пустырей и подворотен.

Кто-то из великих сказал: «Кто экономит на школе, тот будет строить тюрьмы». И в институте - я заходил - тоже беднота. Старые приборы на ладан дышат. С одним знанием компьютера технологическую революцию в промышленности не совершить. Математики у нас пока еще сильны, потому что им кроме бумаги, компьютера и приличной головы ничего не требуется.

- Если бы не знала твой неумный характер и пытливый ум, винила бы за слабые знания подрастающего поколения в твоём селе в основном учителей, - задумчиво сказала Елена Георгиевна.

А Виктор продолжал жаловаться:

- Родители тычутся в поисках работы - в деревне ее не густо - вечно злые, раздраженные, неудовлетворенные. Учителя затурканные: шаг вправо, шаг влево - на ковер. Если молодым из школы вылетишь, кудастроишься? Торговать шмотками на барахолке?

- Насчет ЕГЭ у меня двойственное мнение, и со школьниками я в основном в библиотеках общаюсь. Хорошие, умненькие, активные ребятки, только излишне фантастикой увлекаются. Студент, правда, более слабый пошел, но я пока не вижу здесь прямой связи с ЕГЭ.

- Но это как посмотреть. Хотя бы на время надо приостановить эксперимент над детьми, чтобы одуматься, - вяло возразил Виктор.

- Сомнения свойственны творческому человеку, - улыбнулась Елена Георгиевна.

Виктор в ответ только безнадежно пожал плечами. В его глазах переменялось то странное болезненное безразличие, то злое упрямство, которое мешало ему радоваться встрече с уважаемым педагогом.

- Витя, когда дотянешь до пенсии, куда работать пойдешь? Ведь не сможешь дома усидеть.

- В сварщики. Ни дня в школе не останусь за гроши. Врач в три раза больше меня получает, а сварщик - в пять. Но главная причина в том, что нервы у меня совсем сдают, смертельно устал. Остаток здоровья хочу сберечь: сына доучить надо - я поздно женился, - а может, и внуков еще увижу.

- Витя, а ты с компьютером на «ты»?

- Принципиально не стал изучать. Не хочу размениваться.

В разговоре последовала длительная, неодобрительная пауза.

- Зря, это помогло бы тебе найти контакт с ребятами, - бесцветным голосом сказала Елена Георгиевна и перевела разговор в русло своих проблем.

- Виктор, ты знаешь этот район города?

- Тетя у меня вон там, за магазином живет. Я в гости к ней приехал. Какой номер дома вам нужен? Без меня вам в лабиринте этого «алфавита» быстро не разобраться, потому что рядом с домом номер пять «а» здесь может стоять дом тринадцать «д». Неимоверная путаница!

- Проводи, пожалуйста, я что-то замерзать стала.

- С большим удовольствием! - обрадовался Виктор. Ему очень хотелось продолжить разговор, чтобы излить душу понимающему человеку.

Они быстро нашли дом номер пять, утопая в густой снежной жиже, еще немного побродили между строениями а, б, в, г... Вот и та самая пятиэтажка - цель путешествия, конечная точка маршрута. Елена Георгиевна попрощалась с Виктором, мягко напутствуя его не сдаваться, держать марку старых учителей и не забывать пополнять свой багаж знаний новинками науки и техники.

Взгрустнулось ей от этой случайной встречи. Виктор был ее любимым учеником. Рвался в аспирантуру, но конкурс там был слишком большой. Уехал по распределению в родную деревню. «Похоже, укатали сивку крутые горки. Но душу свою он, несмотря ни на что, всё же детям отдает. Не сбежал. Уверена, физик из него вышел хороший, и многие мальчишки и девчонки, повзрослев, добром будут вспоминать своего беспокойного, небезразличного, интересного учителя, - думала она с теплым чувством. - А ЕГЭ? ЕГЭ...» Мысль о нем покинула Елену Георгиевну, не став предметом долгих размышлений. Она снова подумала о подругах юности - о Кире, Инне, в первую очередь. И все-таки легкая отметина в ее сердце, оставшаяся после встречи с Виктором, никак не хотела исчезать и все тревожила и тревожила.

Перед Еленой Георгиевной - неказистая пятиэтажка среди разверзшихся ям и эффектных трещин в асфальте, по которым куда-то глубоко вниз убежала ручьями талая вода. Дом снаружи обветшалый, грязно-серый, какой-то неуютный, неухоженный: проржавевшие остовы балконов, широкими дугами выдвигающиеся в пространство двора; облупленные, обломанные кирпичи былого красивого орнамента глухой стены; наружная лестница, некогда узорным винтом взлетавшая на крышу, теперь исковеркана, ее обломки, оплетенные остатками сухожилий дикого винограда, торчат уныло и печально. Вся стена по скосу этой лестницы, насколько позволял рост «самодельных художников», исписана корявыми граффити.

Увидев их, Елена Георгиевна подумала: «Надписи на стенах - глупый и грубый способ заявить о себе всему городу. Но с появлением граффити исчезли на заборах и стенах матерные слова. Почему? С модернизацией экономики - она меняет всю систему взаимоотношений в обществе - повысился уровень культуры? Какая же это культура - писать на стенах? Возможно, некоторая раскованность и свобода выбора повернула ребятшек в сторону настенного «искусства». Ума, опыта, знаний и воспитания не хватает, а выразить себя хочется, вот и оставляют они всюду свои автографы-каракули. Ах нет, совсем выпало из памяти - мат перебрался в Интернет! Заполонили его грубости и глупости. Много потворствуем детям, а надо бы подправлять, направлять, поддерживать в них хорошие наклонности, чтобы со временем они могли вылепить новую Россию... В педагогику полезла. Что-то меня сегодня с утра пораньше переклинивает».

Вот и залатанная в нескольких местах обрезками ржавого железа входная дверь. Справа от нее красуется пестрый пивной ларек, вокруг которого вьются подозрительные

личности, готовые и «на подвиг», и на подлость, в зависимости от того, на что сподвигнет их содержимое бутылок; слева – кирпичный закуток для мусорных баков, загаженный гниющими отходами. Оттуда, несмотря на зиму, тянуло одуряюще тошнотворным запахом. Елена Георгиевна невольно отшатнулась и, зажав нос платочком, проскочила мимо смрадного места.

С балкона третьего этажа свесилась бритая голова, и вниз полетел полиэтиленовый мешок. Грязные бумажки и объедки рассыпались, и их подхватил пронзительный ветер-дворник, блуждающий между домами. С какой-то поразительно бесшабашной неторопливостью принялись за объедки вороны, привычно засуетились воробьи. Невозмутимое лицо с безразличными глазами не отказало себе в удовольствии взглянуть на результат своего действия. Похоже, он его не устроил, потому что любитель сомнительных экспериментов разразился со страшной бессмысленной силой высококвалифицированным многоэтажным матом.

Вдруг на тот же самый балкон в одной короткой запятанной рубашонке выскочил малыш лет четырех и энергично замахал ручонкой, просунутой сквозь прутья решетки. Елена Георгиевна оглянулась. Двор был пуст. Значит, ей! Она ответно поприветствовала мальчонку и закричала: «Беги скорей домой, застудишься!» А он не уходил. Бритоголовый продолжал «искренне изъясняться» в пустоту, не обращая внимания на ребенка. Елена Георгиевна мгновенно представила, как живет этот маленький человечек, если для того, чтобы получить внимание чужой тети, он готов до посинения стоять на промозглом ветру, босыми ножками утопая в снегу. Она торопливо вскочила в полутемный подъезд, надеясь таким образом «отпустить» малыша.

После достаточно яркого наружного света она ничего не видела и наткнулась ладонью на что-то мокрое и склизкое. Вздрыгнула, отдернула руку. Всмотрелась: кусок водопроводной трубы. Это все, что осталось от стоявшей здесь когда-то батареи отопления – приюта бедных влюбленных в холодное время года. Света от висящей под потолком на тонком витом проводе маломощной лампочки было мало. К тому же от порыва ветра, влетевшего в открывшуюся на миг дверь, она закачалась. Из стороны в сторону по стенам испуганно заматались блеклые тени. От них рябило в глазах.

Елена Георгиевна огляделась. Обыкновенный облезлый подъезд с развороченными почтовыми ящиками, с облупленной местами до кирпичей штукатуркой в разноцветных пятнах многослойной краски. По ней, как по кольцам дерева, можно сосчитать число ремонтов. И с потолка выкрошившиеся из трещин куски вот-вот готовы свалиться на голову. Наверное, лет пятнадцать не касались этого дома руки маляров.

Страшно притрагиваться к искореженным, шатким чугунным перилам с остатками завитушек некогда красивого ажурного орнамента. О существовании деревянных перил, прежде обрамлявших металл, можно было догадаться по отверстиям и кривым шурупам, еще болтающимся кое-где на их остовах. Ступеньки с сильно сглаженными выбоинами и трещинами всем своим видом требовали перемещаться по ним осторожно.

Елена Георгиевна благополучно преодолела несколько пролетов лестницы. Прошла мимо замызанной двери без опознавательных знаков, мимо трех кованых дверей-монстров и оказалась у чистенькой, светлой, беззащитной, деревянной, не гармонирующей с когда-то ядовито-зеленым, а теперь потемневшим фоном стен коридора, «украшенных» трещинами и скрученными рулончиками осыпающейся краски.

«Дверь в оазис?» – грустно и немного иронично подумала она и осторожно нажала на глубоко утопленную в стене кнопку. На звонок выскочила Кира и схватила Лену в охапку. Та громко ойкнула. Кира сразу все поняла, мягко отстранила от себя подругу, и уже нежно обнимая ее в своих приветливых объятиях, осторожно повела в квартиру. Лена, словно в оправдание, вздохнула:

– В молодости у меня ничего не было, кроме здоровья, а теперь есть всё, кроме здоровья. Вот в кои веки выбралась к вам, и то не обошлось без приключений. Не прими мои слова на свой счет, в магазине подверглась нечаянному «насилию». Ой, натоптала я тут!

– Ерунда, – махнула рукой Кира и подала Лене толстые шерстяные носки ручной вязки.

Лена сняла набрякшие влагой сапожки, надела теплые, уютные носки и прошла на кухню.

- Добралась без помех? А что в магазине с тобой приключилось? Упала? - первым делом сочувственно спросила подруга. - Ох и тряхнем мы сегодня стариной! Боже мой! Какая седая стала! А все равно можно узнать.

- Ну, если только заранее знать, что именно я приеду. А на улице, наверное, прошла бы мимо, хотя, может быть, и мелькнула мысль: «Кого-то эта полноватая блондинка мне напоминает?» - засмеялась Лена и добавила:

- После операции расплелась, закололи в больнице гормонами. Не до красоты было - выжить пыталась. В такой ситуации предпочтения быстро меняются. А теперь, на седьмом десятке, вообще не до внешних параметров. Я достигла того возраста, когда это обстоятельство уже не имеет такого значения, как раньше. Сорок шестой размер мне уже не носить и на «мисс Россия» - не претендовать. Все равно больше трех баллов из десяти возможных не наберу. Да и не стоит стараться похудеть. Раз попыталась, но бросила это бесполезное, а может, даже вредное в моем возрасте занятие - погоню за мнимой красотой. Худая я или толстая - все равно бабка.

Кира поставила на стол тарелку с бутербродами и налила в чашки горячего чая.

- Хватит плакаться! Если хочешь знать, ты ни капельки не толстая. У тебя приятная полнота самодостаточной преуспевающей леди, и в твоей жизни еще много хорошего впереди, - поспешила заверить она подругу.

- Ох уж эти зыбучие пески несбыточных желаний! Твоими устами да мед пить. Но, к сожалению, и память уже никуда не годится: иногда не сразу соотношу фамилии и лица людей. Однажды - уже не помню где - со мной произошел позорный случай: перепутала врача с бывшей учительницей своего сына. А ведь когда-то была зеркальная память.

- Со мной тоже происходят явления такого же порядка: имена и номера телефонов стала путать.

- И в зеркало на себя гляжу без удовольствия. Глазей не глазей - моложе не станешь. Не удается восстановить былую красоту минимальными средствами - с помощью помады.

- Элегантный период - сорок пять-пятьдесят пять - мы успешно завершили и, надеюсь, зрелый пройдем на высоком уровне! Наш возраст - золотая осень: силенки пока есть, болезни еще не замучили, получается радоваться. А это очень много.

- Вот и моя соседка-врач часто безжалостно иронизирует над собой, а иногда шутит в угоду собственному желанию: «Я не пожилая женщина, а зрелая». И тут же добавляет кокетливо, понизив голос: «Ну, совсем, совсем немного перезрелая». А я весело вторю ей: «Мне тридцать пять лет и много, много месяцев». И мы вместе хохочем, чувствуем себя в этот момент этакими молодухами, воображая, что, если нам нарисовать лицо, обозначить глаза - так мы еще и ничего! - рассмеялась Лена. - А ты, Кирочка, и правда, совсем не изменилась, фигура все та же, ходишь, словно танцуешь, и спину прекрасно держишь, только в лице усталость появилась, и живости поубавилось. Каждый день у балетного станка стоишь?

- То бишь у плиты? - уточнила Кира.

Вошел Слава и с радостной, чуть смущенной улыбкой обнял Лену по-отечески. Он еще в студенчестве, будучи несколько старше всех на курсе, выглядел серьезным, сдержанным, не то что эти полудети-полувзрослые, одним словом - семнадцатилетние. Слава так же высок, подтянут, те же приветливые глаза, уверенные манеры бывшего военного, и только свинцово-седые волосы говорят о том, что последние 40 лет и на него наложили заметный отпечаток, что дыхание подступающей старости уже коснулось и его. Но седина не портила, а напротив, придавала его облику значительность.

- Видишь, Слава, была я высокой, стройной, а теперь стала маленькой и полной. Такая вот метаморфоза. Ем мало, откуда что берется? Так что руки шире разбрасывай, а то не обхватишь, - с улыбкой посоветовала Лена.

- Не вставай на цыпочки, не пыжься, все равно выше не станешь, - засмеялся Слава, целуя Лену в щеку.

- О чем ты говоришь? Отлично смотришься! Ты почему-то всегда стеснялась своей

внешности. Раньше слишком худой себя считала, а теперь слишком полной, – удивилась Кира.

– Отчим внушил мне в мои юные годы, что я уродина, вот и комплекую по сю пору.

– Легкая полнота только красит женщину: морщин меньше и вид солидней, – улыбнулась Кира. – Худеют в нашем возрасте те, у кого фигура – главная радость в жизни, а у нас с тобой есть более интересные запросы.

– Что я могу сказать: импозантная женщина! Ты достаточно миниатюрная, а вот Тина на самом деле располнела и совсем в сдобную булочку превратилась. Поперек себя шире. Она у нас теперь женщина кустодиевского типа. Вот обнимая кого, приходится во всю ширь разносить свои крылья! Но ты знаешь, полнота ей странным образом идет. Наденет балахончик и плывет уточкой, – засмеялся Слава.

– Напустил на себя все свое джентльменство, – весело отмахивается от его комплиментов Лена.

– Прибарахлилась! Костюмчик у тебя от Диора, Версаче или до Юдашкина снизошла? – засмеялся Слава.

– И ткань из сундука Саломеи, – в тон ему с улыбкой отвечает Лена.

– То бишь доперестроечная?

– Какие успехи в творчестве? – чуть понизив голос, осторожно интересуется Кира.

– Я сейчас слишком часто болею, чтобы совпадать со своими желаниями, отсюда и неудовлетворенность количеством и качеством сделанного. Свет озарения вспыхивает все реже, уровень вдохновения все ниже. И с этим приходится считаться. Зрение начинает подводить. Сказываются годы напряженной работы на компьютере. Долгосрочных планов, сама понимаешь, теперь не строю. Обо всем этом мы еще успеем с тобой поговорить. Я нашла свою нишу, и это главное. И хобби есть.

– А в личном плане? – спросила Кира еще тише.

Слава тактично вышел из кухни, а Кира деловито загремела посудой.

– Думаешь, старичка себе подыскала? Случайные связи, если ты помнишь, всегда были не по мне, а постоянные... Не встретила больше такого, как Андрей. Ты же знаешь, я не склонна обманываться и обманывать других. А с возрастом и потребность исчезла. Думаешь, неправильно жила? – голосом, охрипшим от переполнивших ее чувств, спросила Лена.

– Я уважаю твой выбор, но не понимаю. Неужели никогда не думала, что зря верность хранила?

– Бывало. В минуты слабости, когда от себя уставала.

Новых откровений не последовало. Кира знала, что есть темы слишком болезненные, чтобы говорить о них даже один на один, поэтому замолчала и ушла на некоторое время своими мыслями туда, куда никому никогда не позволяла заглядывать.

Лена понимала, что Кире на самом деле не безразлична ее судьба, и ей захотелось улыбнуться подруге одобрительно и ласково. А еще она догадывалась, что Кира осторожно забрасывает пробные камешки или, как говорили в юности, закидывает удочку, выясняя, стоит ли ей поднимать эти темы в общем разговоре или оставить их на потом, для личной беседы, поэтому и не обижалась на откровенные вопросы подруги.

– Восхищаюсь твоей и Славиной молодостью, – искренне и радостно воскликнула Лена, – какие вы, право, молодцы!

Кира вздохнула:

– Люди с годами мало меняются, только стареют. С твоим зрением наших морщин тебе не разглядеть. Оно и лучше, когда их не видишь или не замечаешь. Душа-то, как прежде,

хочет парить. К тому же всегда трудно отличить, какие морщинки на лице от смеха, а какие – следы переживаний. Очевидны разве только те, что в уголках губ опустили свои стрелы до самого подбородка.

- Да нет же, ты все такая же неотразимая!

Кира оглядела себя в зеркале и улыбнулась, довольная увиденным:

- Я женщина неопределенного возраста.

- Мы сегодня обязательно сбачаем цыганочку или гопака выдадим, как в студенчестве. Помнишь, наши вечера и КВНы?! – поспешил сменить тему Слава, заглянувший в кухню.

- И выпьем с большим удовольствием за долгожданную встречу, – весело добавила Лена.

- Предвосхищаю твое изумление. Сегодня я совсем не буду пить, ну если только совсем чуть-чуть.

- Вечерние занятия, – догадалась Лена. – Ничего, завтра наверстаешь упущенное. Ведь программа встречи на три дня рассчитана?

- Ты своим приездом нам сегодня принесла радость, праздник устроила. Мы со Славой теперь к подобным встречам относимся, как к вехам жизни – отсчитываем время от приезда до приезда очередных друзей. Вчера, после твоего звонка, Слава отыскал твое студенческое фото. Помнишь, ты мне его после МГУ подарила? И вышел у нас с ним вечер молчаливых воспоминаний.

Боже мой! Сколько всего за эти годы случилось, сколько было тревог, волнений, забот всяческих, трудностей, радостей! Сначала дети распланировали нашу жизнь на много лет вперед. Теперь, ты знаешь, у нас трое взрослых внуков. В университете учатся. Я давно не работаю. Не смогла из-за денег оставить малышей без заботы, вот и определили они ритм всей моей жизни.

«Кира всегда умела обставить любое дело так, что всё казалось естественным и само собой разумеющимся. Где и в чем она находит силы быть всегда ровной, сдержанной, доброжелательной? Может, Слава аккумулятор ее положительных эмоций?» – подумала Лена.

- С внуками жизнь стала более осмысленной, хоть и до предела заполненной заботами. К сожалению, я утратила интерес ко многому, что раньше радовало. Но что поделаешь, столько домашней работы, что некогда было дух перевести. Иногда казалось, как рыба об лед бьюсь. Случалось, чувствовала себя старой цирковой лошадью: все по кругу, по кругу – один внук, другой, третий. В сутках не хватало часов. Минутки за день выкроить для себя не всегда удавалось. Конечно, это огорчало, но я сама выбрала эту стезю, сама приняла решение и неукоснительно его выполняла, как говорит Слава – с завидным упорством и рвением. Внуки от этого только выигрывали. Они – наша гордость. Не подкачали. Как-то старший комплимент сделал: «Вы, шестидесятники, – люди особого сорта». Это было объяснение в любви нашему поколению.

Конечно, я тосковала по прежней работе, но эта тоска не шла ни в какое сравнение с радостью видеть внуков здоровыми, веселыми и умными. Одна только мысль о них приводила меня в восторг, сразу уплывали сомнения, и оставалась лишь беспокойная радость за малышей. Мало кто из моих приятельниц рискнул на столь ранний уход на пенсию, но я не жалею. Домашняя работа не угнетает меня, и, хотя дел по горло, я не чувствую себя скованной по рукам и ногам и запертой в невидимой клетке с очень прочными прутьями, поэтому не протестую. Настроила себя так.

Долгое время моим кругом общения были бабушки, чьи жизни посвящались исключительно внукам. И я ощущала себя с ними постаревшей и боялась показаться Славе именно такой, а не сорокапятилетней женщиной. Не раз возникали мысли, что все лучшее уже позади, что жизнь идет на спад: никогда уже не доведется почувствовать того, как первый раз коснулись меня руки влюбленного студента, как ждали первого ребенка.

«Кира говорит и делает все с той прелестной простотой, которая всегда так привлекала в ней Славу», – подумала Лена, вслушиваясь в звуки голоса подруги.

- Теперь мои родненькие сами уже студенты, и я позволяю себе роскошь общения с бывшими подругами, с которыми раньше только перезванивалась или обменивалась поздравительными открытками. Пришло время, когда я могу замедлить бег и сфокусировать свой взгляд на чем-то другом, чем кухня и бесконечные домашние заботы. Занимаюсь своим здоровьем, посещаю библиотеки, собираю литературу по интересующим меня проблемам, много читаю.

Сейчас вот религией заинтересовалась. Удивлена? С возрастом стала чувствовать, что силы высшего порядка повелительно и властно входят в мою жизнь, диктуя, спасая, нанося неожиданные и, как мне кажется, незаслуженные раны. С этими силами у меня связаны большие сомнения. Много мне неясно. Лекции Кураева посещаю. Пытаюсь одолеть библию...

- Того самого Андрея Кураева, что иногда вещает по телевизору?

- Да. Он считает, что деградация современного человека началась с его обезбоживания, а я думаю, что вряд ли стоит все сводить к вере. Может, ошибаюсь, но хочу разобраться и посвятить в свои мысли внуков. Об этом, надеюсь, мы с тобой еще поговорим. У меня к тебе много вопросов накопилось.

Кира вопросительно посмотрела на Лену.

- Обязательно поговорим. Раны обычно наносят люди, с них и спрос, - грустно улыбнулась Лена. И, как показалось Кире, одной этой фразой сразу расставила точки над «i», выветив свое вполне определенное отношение к теме предстоящих разговоров.

- А на прошлой неделе внученька, радость наша, родилась, - сказала Кира. - На днях в Англию собираюсь к ней, крошечке моей. Повидать ее хочется и дочке помочь надо на первых порах. Только Семенов обошел нас - у него пять внуков. Когда на праздники все собираются, у них не семья, а массовка к фильму Бондарчука «Война и мир» образуется. Я совсем не представляю его окруженным муравейником малышей! Ты же помнишь Александра с его странными теориями демографического взрыва на планете? Он как-то задал мне вопрос: «В молодости мы живем ради будущего счастья, а в старости почему мы будем цепляться за жизнь, ради чего нам будет стоить жить?» Теперь, наверное, ответил сам себе. Понял видно, что наше теперешнее предназначение в том, чтобы молодое поколение в такое достаточно сложное время не утратило веры в себя.

- Ой, Кирочка, счастливая ты! А у меня один-единственный внучок. О внúчке пока только мечтаю. Не торопится невестка еще детей заводить. Боюсь, не дождусь или может так случиться, что из-за болезней мне в их жизни не будет места.

- Да ладно тебе. Уйми слезы. Еще на свадьбах наших внуков и внучек погуляем.

Горячей волной прошли по сердцу Лены добрые слова Киры.

- Сегодня одновременно с встречей однокурсников у нас еще один «общенациональный» праздник, - день рождения Киры, - с самым серьезным видом пошутил Слава. - Отметим с вселенским размахом. Вздоргнем по полной программе!

- Ой вздоргнем! Кто бы отказался! - обрадовалась Лена и обняла виновницу предстоящего торжества.

- Не вгоняй в краску, не стоит моя персона такого внимания, - покраснев, с радостным обожанием глядя на мужа, сказала Кира.

- Дина сегодня приедет, то-то все удивятся! Смотри, не проговорись девчонкам случайно, пусть сюрпризом будет.

- Будь спокойна. Самые приятные встречи - неожиданные, потому что искренние. Ведь и помощь наиболее ценна тогда, когда ее не просишь. Правда же? Я - могила. Помнишь, на первом курсе у нас в ходу было такое выражение? Боже мой, какое чудное было время! Тогда будущее казалось нам безоблачным и удивительно счастливым.

- Валя обещала быть. Уже известила о своем приезде.

- Она, как и прежде, мгновенно загорается энтузиазмом, всегда в гуще всех событий? Не

растеряла еще свой организаторский талант?

- Да, Валя не из тех женщин, что будут стенать, ожидая непредвиденных ситуаций. Сама их создаст и сама же разрешит. Заводила, мозговой центр всех веселых начинаний. Навсегда прописалась в стране оптимизма. Я учусь у нее. Не буду сейчас входить в подробности ее жизни, она обо всем сама тебе расскажет. Будет впечатляющая встреча!

Но при этих словах в бодрой речи Киры почудилась вдруг Лене глубоко запрятанная грусть.

- К нашей встрече я несколько сюрпризов приготовила. Надеюсь, приятных. Очень на это рассчитываю. Ой, что будет, что будет! И ты, может быть, до потолка подпрыгнешь от радости. - Кира при этом загадочно улыбнулась: - Что с лица спала? Настроение радостно-возбужденное или нервно-тревожное? Да брось ты! Не гадай и не строй предположений.

- Не подогревай мое любопытство. Не хочу о сюрпризах слышать заранее, чтобы не смазать впечатление или не разочароваться, если вдруг у тебя не получится удивить меня. Пусть эти заморочки останутся пока при тебе. Ты сегодня выступаешь в роли распорядительницы нашего «бала», и все карты тебе в руки, - остановила Лена Киру.

- Помнишь наших трех Нин? Мы их тогда сообразно характерам назвали Нина, Нинель и Нинон. Обещали завтра приехать. Инна наверняка придет без приглашения. Не заставит себя долго ждать. Всегда является с неотвратимостью Каменного гостя. Вчера еще прознала о твоём приезде по своим каналам, видно, почуяла новости, достойные ее ушей. Ты ведь ей не сообщала? Удивить хотела?

Так и не удалось тебе ее перевоспитать за десять лет, пока она у тебя работала. Какая досада! Не нашего она поля ягода, но ведь не прогонишь. Держу пари - первая явится. Я еще не забыла ее прошлые выверты. А ну как еще что-нибудь выкинет? Вот ведь наказание господне! Нет житья от нее никому. Будем надеяться, что в этот раз обойдется без эксцессов.

- А что она последний раз отчебучила? Кого приперла к стенке?

- Обозвала Нинель шлюхой. Не стесняясь в выражениях, сказала все, что о ней думает. Присочинила, конечно, с три короба. Она, если заведется, точно из реальности выпадает. Их тогда еле растащили по разным углам. Не думаю, что тебе захотелось бы на это посмотреть. Я лично чувствовала себя претвратно... Никого Инка не оставляет в покое. Нельзя же всегда всего добиваться нахрапом. С нею стоит чуть-чуть ослабить вожжи - пиши пропало. А ты всегда потакала ей. Почему? Прикипела к ней душой?

Кира мягко, но все-таки упрекнула Лёну, не одобряя ее потворства сумасбродству подружки детства. «Не пойму, зачем Кира с первых же минут нашей встречи пытается дать мне понять нежелательность присутствия здесь Инны? Разве это что-нибудь изменит в наших отношениях?». Больно кольнули Лёну слова Киры, но она стерпела, виду не подала.

- Ну и ну! Да уж, робостью и тактом Инна никогда не отличалась. И чем Нинель обязана такой «чести»? Она, я слышана, слишком недосыгаемо высоко стоит, чтобы «заигрывать» с ней подобным образом. Здесь кроется некая загадка. Противостояние часто приводит к осложнениям. Тем паче, что она еще в силе... Да ты сама знаешь...

- Не то слово...

- Значит, Инна опять в опале?

- Не стану отпираться: я тогда турнула ее. Возмутила она меня до глубины души. А что, я спасибо должна ей говорить? Нет уж, дудки!.. Правда, потом я сама была не рада, что с ней связалась. Она и в коридоре продолжала вопить, не сбавляя скорости. Соседи сбежались. Тебе, фигурально выражаясь, не мешало бы ее «отшлепать» или хотя бы сделать строгое внушение. Если получится, перемолвись с нею перед началом встречи двумя-тремя фразами. Во имя нашей дружбы.

- Похоже, совсем посыпалась Иннина жизнь, - вздохнула Лена. Кира услышала в этом вздохе глубокое сожаление и поторопилась уйти от неприятной им обеим темы.

- Махнула ты от нас в МГУ еще на втором курсе, а душа все равно тут осталась, да? Ах, родные пенаты! Волнуешься?

- Еще как! Будто в чистилище или на исповедь приехала. Боюсь, эта встреча станет для меня серьезным экзаменом, где будет оцениваться каждое мое слово.

- Так ведь не в преисподнюю же, к друзьям приехала, - рассмеялась Кира.

- Ой, может мне стоит что-либо купить к столу? От вас до магазина рукой подать, - вдруг всполошилась Лена.

- Не беспокойся, Слава уже обо всем позаботился с утра пораньше. Пока суд да дело, отдохни с дороги. Устраивайся удобней.

Повинуясь знаку улыбающейся хозяйки - еле заметному движению головы - Слава повел гостью в свои хоромы.

Лена благосклонно осматривает двухкомнатную квартиру друзей и одновременно пытается с помощью некоторых едва уловимых признаков проникнуть в сложный тонкий мир их семейных отношений. Она с удивлением обнаруживает, что квартира скромная, очень скромная для преподавателя университета. Оказывается, та еще, которую Слава в молодости получил, будучи офицером.

«От чего я ушла много лет назад, к тому и вернулась? А где доцентских двадцать метров для занятий наукой, которые обязан иметь каждый кандидат?» - грустно подумала Лена. Ей не терпится услышать разъяснение и поделиться своими соображениями, но она вовремя спохватывается, вспомнив, что хозяин квартиры не на заводе, а в вузе проработал всю свою жизнь. Слава, словно читая Ленины мысли, сказал:

- Ты же знаешь, наши преподаватели успевают детей вырастить в студенческих общежитиях и только к пенсии добиваются жилья, да еще с каким трудом, с боем, с унижениями. Часто с пробуксовками. Моя семья элитной считалась. На двадцати восьми квадратных метрах вчетвером «барствовали». Это на четыре метра больше нормы, поэтому и не ставили нас в очередь на расширение. Но нам никогда не было тесно в двух комнатах. Не это ведь главное.

По тому, какие маломощные лампочки были в скромненьких люстрах, в которых изысканный художник «не венчал бронзу с хрусталем», и как мгновенно выключался хозяйкой свет по мере перехода из комнат на кухню, Лена чувствует уровень достатка семьи: пенсия Киры, Славины преподавательские крохи. В комнатах ничего лишнего, дешевенькие, жиденькие советского или китайского производства люстры у потолка, оконные шторы и покрывала на кроватях изношенные, но чистенькие. На полу линолеум, начисто утративший свой рисунок. Мебель, выдавшая виды, без всяких стилей, но подобрана по тону и не лишена скромного изящества. Вот сильно просиженное кресло. Человек непроизвольно занимает в нем позу, от него не зависящую. Лена вспомнила его резные подлокотники. Обивку, видно, Слава сам перетянул. Ряды книжных полок начинаются вдоль всей длинной стены зала и уходят в потолок. Она прошла вдоль строя книг. Осторожно касаясь корешков тех, до которых могла дотянуться, прочитывала названия, улыбалась, встречая знакомые. Неизвестные книги пролистывала и бережно ставила на место.

Не обновляли ее друзья интерьер квартиры с момента рождения сына. В квартире капитального ремонта, наверное, никогда не было: все многократно подкрашивалось, подклеивалось, подновлялось. Аккуратный, симпатичный, малопритязательный быт. Изобретательно прикрытая бедность.

Лене нравится надежная правильность и обыкновенность дома друзей с успокоительным простодушием простоты и теплоты. И все же во всей этой скромности виделась ей достаточно скудная жизнь семьи, все свободное время уделявшей воспитанию детей и внуков, сберегавшей и рассчитывавшей каждую копейку. «Да, богатенький дядюшка наследства им не оставлял. Ни картин в глубоких золоченых рамах, ни высоких потолков с лепниной в стиле «ампир». И о машине они, наверное, никогда не мечтали. Но Кира удачливей других: семейную жизнь начинала в собственной квартире, а многие сокурсники, оставшиеся в городе своего студенчества, годами копили на кооператив и теснились в квартирах вместе с родителями, выделившими им - в лучшем случае -

отдельную комнатку», – подумала Лена. Слава опять отвечает на ее задумчивый взгляд:

– Были ли мы счастливы? Думаю, да. Конечно, и мы поначалу не избежали тихой войны взаимных претензий. Притерлись и не заметили, как пролетели сорок с лишним лет в заботах, хлопотах, обязанностях. Надеюсь, судьба окажется столь милосердной, что позволит нам идти рядом до конца жизни.

Развлечения? Иногда вырывались в гости, в театр один-два раза в год – и это уже счастье, а о последних десяти годах и говорить не приходится. Участок взяли, домик в саду несколько лет строим. Тяжело, возраст уже не тот, но мы не ноим. Одолеем проблемы перестроечного и послеперестроечного периода.

Голос Славы звучал, как и прежде, покровительственно, но несколько мягче, чем в былые годы.

Лена улыбнулась:

– Возраст, говоришь? Что правда, то правда. С годами мы накапливаем только ошибки да болезни. Я как-то в профкоме встретила женщину-ветерана, вахтером у нас в студенческом общежитии работает. Фраза ее мне в память врезалась: «Да какие мои годы! Восемьдесят семь вот весной исполнилось». Я тогда удивилась и порадовалась за нее: «Ну, дает бабуся – годы свои не чувствует! Видно, долго еще жить собирается. Молодец!»

– Вот в ком корни нашего оптимизма! – весело, но как-то задумчиво предложил Слава. – Хотел бы остаться с вами, только дела зовут, – добавил он твердо, будто ободряя себя, настраивая на рабочий лад.

– Лена, отдохни с дороги, я Славу на работу провожу, а тогда уж вдоволь наговоримся с тобой, – предлагает Кира.

Она опять нырнула в кухоньку, и Лена вновь остановилась у святой святых любого интеллигентного человека – книжных полок. Вода пальцем по истертым корешкам, провела их дотошный осмотр. На стук оглянулась. Слава застегивал скромную куртку. Он поймал Ленин взгляд и усмехнулся про себя: «Дубленка и пыжиковая шапка мне не по чину, как лейтенанту серая генеральская папаха».

Лена прилегла на продавленный диван, с наслаждением расправила спину, испытал при этом «варварское» блаженство; потом прикрыла глаза, радуясь постепенно окутывавшей ее приятной беззаботности. Она окуналась в состояние благодатного покоя, контакты с внешним миром прерывались. Лена еще пыталась расставить свои заботы по степени важности, но уже задремывала, расслабленно запрокинув голову. Сквозь легкий сон ей еще было слышно, как в притихшей квартире оглушительно тикают старые часы. Она еще успела подумать: «не электронные» и окончательно отключилась.

Встреча подруг

А тем временем Кира села за телефон обзванивать однокурсниц – обычная предпраздничная селекторная связь. Ей пришлось как следует потрудиться и даже употребить запретные фразы, что-то типа: «Ты очень меня обидишь, если...», зато уже через час и так тесный коридор стал еще теснее.

Первыми пришли тихая, скромная, по-прежнему худенькая сероглазая Аня, всю жизнь проработавшая учительницей, и энергичная Инна. Когда Лена обняла Инну, у обеих на глазах появились слезы. «Сдается мне, Инна ей стократ ближе меня. Общие беды примирают и сближают их крепче любых радостей», – ревниво подумала Кира, но промолчала.

Тут же снова тренькнул звонок, зашуршала дверь и шумной гурьбой ввалились двумя тройками Алла, Лера, Эмма и Лиля, Рита, Жанна – все безоговорочно узнаваемы. В передней еще толпилось шесть женщин, когда пришла Галя, яркая стройная блондинка, со своей черноглазой, высокой, крепкого сложения, говорливой подругой Милой (подпольная студенческая кличка «коломенская верста», или «дылда»). «Нас полный комплект: шестеро домашних и столько же бывших детдомовских девчонок», – с улыбкой подумала Кира.

Нежно облапив Аню, Мила кружила ее, насколько позволяла кубатура зала. Потом ринулась мять и тискать Киру. Они смеялись, любуясь друг другом, восхищенно качая головами, и вновь бросались обниматься крепко и бурно. И остальные с удовольствием накинулись друг на друга.

Очередь дошла до Лены. И ее Мила сгрэбла в охапку. Та, постанывая, пыталась высвободиться из объятий без помощи Киры. Еле «отбилась». Шум, гам, радостные слезы, взаимные вопросы и ответы, удивление переменами, которые нашли друг в друге или их отсутствием. И так все со всеми – по кругу. Говорили все разом и с радостным интересом. Одна за одной накатывали волны неудержимого смеха, приводя женщин в совершенное изнеможение. От смеха уже сводило скулы, но они не рассаживались по местам, а стояли, скучившись, тут же.

Переполненные эмоциями женщины наконец вспомнили о принесенных с собой сумках. Они оккупировали кухню, выложили деликатесы и вновь ринулись в зал. Шелест альбомов, восторженные возгласы, радостно-счастливые рассказы о внуках... Все говорили одновременно, не слушая, перебивая друг друга, и снова разражались безудержным смехом. Голова у Лены пошла кругом.

Легкая, радостная атмосфера встречи располагала к откровенности, раскрывала в подругах глубоко интимное. Женщины смеялись над безнадежностью своих жизненных ситуаций, одобряя или критикуя свои рискованные шаги и хваля удачные действия друзей. Вспоминали смешные несуразности своей жизни. Разговоры возникали сами собой, непринужденно, перетекая от одной темы к другой. Отовсюду слышалось: «Не томи, рассказывай. Ах, сгораю от любопытства». «Положительно уже то, что мы встретились». «Распахнулись пред нами двери взрослой жизни, но мы не растерялись... Не представляли, кто кем станет». «Ой, разбередила я душу! Девчонки, вообразите....» «И ты посмела усомниться! Десять годков отпахала и опять в ярмо на пять лет запряглась! Знай я, что он...», «Наши ребята были что надо!», «Общага – наш остров свободы».

«Теперь наступило время растерянных мужчин и уверенных деловых женщин». «Как прекрасны были наши тогдашние чудачества! Какие мы были молодые и наивные. Счастливое было время! Давно закончился наш розово-голубой период жизни – студенчество, а до сих пор как греет! Где она – наша юность – обетованная страна давно утраченного восторга?»

«Помните «пирожки с котятками» – с ливером? А любимые присказки: «А главное – дешево». «Обидно, досадно, но ладно». «Держи хвост пистолетом, прорвемся! Где наша не пропадала?» «Мягко говоря, грубо выражаясь». «Мне в высшей степени безразлично». Мы, конечно, иногда можем ругать то время, но оно было прекрасно!»...

«Ей шестьдесят? – А семьдесят не хочешь?» «Ты опять в фаворе! И ее это не

покорбило?» «А помните наши первые вычислительные машины «Минск-1022» и «ЕС-1060» – огромные, громоздкие, как шкафы?»

Потом возгласы поутихли, воспоминания стали конкретнее.

– Помните плакат на душевой «Оставь одежду, всяк сюда входящий» и как Вадька перед Новым годом перевесил его на дверь комнаты, где жил молодой стеснительный аспирант? Нам было жалко скромнягу, но Вадька только за сто рублей соглашался водрузить его обратно. Вы вслушайтесь – за сто рублей! Мы таких денег отродясь не видели. Я уж и не припомню, на каком это курсе было. Знаю лишь, что быстро промотал Вадик летний заработок, стипендию и очень нуждался. А тут еще жена его на две недели раньше обещанного приехала. Погибал парень... А группа поддержки аспиранта орала, настаивая на немедленной сатисфакции за попытку выставить на посмешище. Тщетно было их старание помочь, только усугубляли положение аспиранта, вводя в число зрителей всё больше студентов. Хохоту было на все общежитие. Водилась у нас такая студенческая забава. А напоследок, так сказать, под занавес... – рассказывала Жанна, Инна перебивала:

– У Вадима в карманах всегда были огромные дыры, протертые немереными долгами.

– В долгах, как в шелках, точнее, как в репьях, был. Вечно перехватывал трешки. Девчонки себе такого не позволяли, – это Лиля припомнила.

Каждую историю сопровождали взрывы неумеренного веселья.

«Все мы вышли в люди, все мы сумели открыть вожделенные двери вузов». «Я не рискнула пойти в МГУ, где все студенты, как мне тогда казалось, – небожители. Страхи осаждали. Не хватило героического темперамента. То слезами давилась, то выходила из себя, земля уплывала из-под ног». «Ах, наше прекрасное, донельзя перенаселенное общежитие, где в комнатах, рассчитанных на шесть человек, жило по пять «зайцев».

– Ой, я припев к нашей шуточной песне вспомнила: «У меня для этой самой, этой самой, самой штуки есть своя законная жена». Ни разу за все годы разлуки не приходил он на ум, а тут вдруг всплыл. Сегодня именно ощущение себя в том времени пробудило во мне эти незамысловатые слова», – это Жанна сказала. А эту помнишь: «Вот получим диплом, об даб дубá!..» А эту: «О чем не говорят, о чем не учат в школе». «Содержательная была эпоха». «Ха! Легко жилось, когда сверху на все случаи жизни спускались рекомендации».

– ...Михаил Викторович? Гад! Не к ночи будь помянут. А я сдуру поначалу ринулась защищать его от него самого. В новинку были его «отклонения».

– Ой, наш милый куратор! – вскрикнула Мила. – Я думаю, вспомнив себя на первом курсе, многие из нас могли бы сказать себе: «Что из меня получилось бы, если бы не Григорий Евгеньевич?» Признаться, я обожала его. Буквально цепенела от волшебной музыки его слов. Сердце начинало стучать в два раза быстрее. Хотелось просто так, совершенно от балды, говорить стихами. До сих пор не забыла его неповторимый тембр голоса и аккуратно уложенные природой волны кудрявых волос. Прямой, элегантный, исполненный королевского достоинства!

– Да ты прямо-таки обмирала по нем, – рассмеялась Инна.

– Все мы помаленьку выросли. Помните, как он говаривал, бывало, в шутку двоичникам: «Чтоб вы так жили, как учитесь!»

Лена выделила голос Эммы:

– ...Долго еще молча боялись возможности новой войны. Мысль была слишком страшная, чтобы облечь ее в слова... В войну наш любимый город фрицы разбомбили-раскатали до асфальта. Когда мы учились, много еще развалин с незрячими проемами выбитых окон оставалось на окраинах. И в центре города среди хилых кустов и сорняков высились горы битого, опаленного огнем кирпича. А сейчас, смотри-ка, цветет! Современные дома скрывают блеклый советский монохром панельных многоэтажек. А мы в них были бесконечно счастливы. Вызывающее великолепие церковей довершает ансамбли новостроек... Этот город – моя судьба... Но я бы не хотела вернуться в старый

социализм... Ну, если только в новый...

Теперь голос Ани умудрился возвыситься над общей какофонией. Она как всегда частит:

– За вычетом всякой идеологии – я ее выношу за скобки – нас хорошо учили в вузе. Какое воспитание без идеалов – наших путеводных звезд? Материальный стимул – недостаточная мотивация... Я не ярая поклонница соцстроа, но школа в наше время была прекрасная. Когда мы запустили первый спутник, американский президент заставил своих специалистов перевести на английский язык все наши школьные и вузовские учебники по математике и физике... У нас и в школе уважение к ребенку было. Бывало, провинюсь, а классный руководитель мне говорит: «Ты хорошая девочка, но сейчас ты совершила плохой поступок. Подумай, почему?» И мне до слез становилось стыдно за свою несдержанность. И к учителям уважение тогда еще не совсем угасло. И они, хотя, конечно, зарплаты всегда оставляли желать лучшего, максимально выкладывались сами и в нас открывали какие-то скрытые возможности и неведомые резервы памяти, вытаскивали из души что-то хорошее в нас, глубоко запрятанное, стремились развить не только таланты, но и сердца. Школа учила проявлять себя, осваивать практические вещи, к реальной жизни готовила, а теперь новому поколению навязали ЕГЭ, как Хрущев кукурузу. К чему детей приобщаем? Все на Запад оглядываемся, будто сами без мозгов. Обидно... Обманчивая штука жизнь. Давай назад, в джунгли? Я не претендую на абсолютную историческую правду о нашем времени, но сам факт обращения к этой теме...

Кира предпринимает отчаянные попытки прервать ее. Куда там! «Не замолчит Аня, пока не иссякнет», – усмехается она.

Лена опять успевает выхватывать только отдельные моменты рассказов подруг.

«Ты тут сослалась на Сёмку. Списалась с ним или созвонилась? Где он теперь? – Это Жанна осторожно окликает Киру. – В самом деле? У меня закралось сомнение: ты не разводишь меня? Мои слова оказались пророческими? Не любил он меня за то, что видела его насквозь. Больше таких фокусов не выкидывал. Ошибка является ошибкой, если нет возможности ее исправить... Мы с тобой спорим о разном? Странные ты говоришь вещи». «Иногда возникает ощущение понимания мистического зла. Мне до сих пор жутко от того, что я оказалась права, поняв, будто что-то водило его рукой и что писал он мне о своей собственной смерти. Я живу с этой болью. Всем известна чрезмерная изломанность и хрупкость его души». «...Талантов нашему курсу не занимать».

«Несравненный, блистательный Игорек. Не без удовольствия о нем думаю, – Лиля рассмеялась, откинув голову, наслаждаясь воспоминаниями. – Врал роскошно, гениально! Любил прикидываться простачком... Как-то встретила. Шел легкий, чуть седоватый, роскошный! По какому спешному делу покинул страну и вылетел в Израиль? Как вариант мог бы выбрать и Китай. Он везде к месту». «...Помнишь нашу импровизированную выставку веселых рисунков? На втором курсе это было. А гран-при все-таки получил рисунок «Первая любовь», где мальчик дергает девочку за косичку. Он дышал такой искренней, трогательной любовью к памяти детских лет!»

«Не нашли мы с ним консенсуса. Не устраивал меня такой расклад. Думаешь, оказалась не слишком памятливой?». «Правильно, что развелась. Будь он неладен! Боялась, что все начнет по новой. Избавилась от лишних терзаний. Разрулила ситуацию. Иначе ничего бы не добилась. Истратила бы себя на страдания и ревность. А он мне: «А за грех свой, милая моя, я перед Господом отвечу». Да и бог с ним». «Этот развод в наших кругах вызвал эффект разорвавшейся бомбы. А где теперь твой первый отвергнутый воздыхатель?». «Я спрошу то, что тебе не понравится. Всю жизнь, затянув пояс, жила?» «Знаешь, какого крюку я дала, чтобы к вам заехать?!» «Что сказала? А что подразумевала? Как ты понимаешь, это не одно и то же...»

– Косырева помнишь? Ну разве он не чудо?! – Это Рита спросила Жанну. – Как читал информатику! Кандидат наук, докторскую диссертацию писал. А когда заведующий пришел к нему на лекцию, растерялся, как студент-первокурсник. Все удивились, только не я, потому что сразу поняла: он из наших, бывших... Для нас с раннего детства начальник – это страх, это человек, выше которого только Бог. Напрямую спросила его после лекции, «тэт а тэт»: «Вы детдомовский?» Он не ответил. «Я тоже», – сказала я и добавила: «Детдомовский комплекс незащищенности остается в нас на всю жизнь. Я

пытаюсь с ним бороться, иначе он может завести слишком далеко. Этой зимой печальный случай со мной произошел. Вызвал меня к доске преподаватель по термодинамике. Стою, спокойно решаю. Вдруг заведующий кафедрой заходит. И у меня все поплыло перед глазами. Как сквозь туман слышу: с мест все мне что-то подсказывают, переживают... А после урока подходит ко мне начальник и давай выговаривать. А у меня слезы ручьями, задыхаюсь от обиды на себя, за то, что не могу объяснить ему, что только несколько минут назад на перемене объясняла подруге более трудные задачи, что лучшая в группе, что просто при его появлении не успела настроиться, взять себя в руки... что у меня детдомовский комплекс... А в сессию, увидев в ведомости против моей фамилии пятерку по курсовой, он заставил комиссию снизить мне отметку». Косырев понимающе закивал и грустно заметил: «Люди часто недопонимают друг друга из-за недостатка информации. Главное, чтобы они хотели понимать...» После сессии мы подружились, и прежняя щепетильность между нами стала неуместной.

«В войну назвать ребенка Адольфом! Очень меня раздражало его имя». «...Ты бы хохотала, расскажи я тебе, чем я там занималась. Все, что там могла почерпнуть, для меня было слишком мизерно, вот я и сбежала, не отработав срок, и не оплошала. Говорят, дорога начинается с первого самостоятельного шага».

Из всего многообразия возгласов Лена поняла только то, что подруги приезжали на встречу уже не по первому разу, хоть и вразнобой, а она и Жанна составляют исключение.

Теперь Лерин голос прорезался сквозь всеобщий шум и гам. Она встряхивает копной черных с красивой проседью волос и напоминает:

- Время от времени колючие мысли буравили нам мозги, и мы опрометчиво бунтовали против гуманитарных наук: истории, обществоведения, политэкономии, несогласные в них со многим. У нас было гораздо больше вопросов, чем ответов. Но как-то исхитрились получать по ним зачеты, сдавать экзамены, чтобы получить стипендию.

Позже началось тотальное увлечение художественной литературой: сначала почтенной классикой, потом ринулись читать Ахматову, Евтушенко, Вознесенского. Тогда талантливые поэты, как опята, произрастали по всей стране. Между нами возникало соперничество на почве знания поэзии, а книг было не достать. Не сразу, но научились мы выискивать и в прозе блестящие юмора, ценить живой могучий русский язык».

«Ты у нас всегда была по уши в Лермонтове». «У каждого были свои вершины, которых стремились достичь. Не могли не думать о высоком. Наживать и хапать не умели и не хотели, жертвовали личной выгодой ради общей пользы... Скоро наши внуки будут говорить, что было время, когда люди верили честному слову. Растет вокруг нас стена людского равнодушия».

«Помнишь черные сатиновые трусы до колен - символ нашей нищей детдомовской жизни? А дразнилку «бесштанное детство»? А самодельные, выдраенные до грозного сияния накладные бляхи на ремнях наших мальчишек? А как Петька напоролся на «нейтральную» мину и мы с диким ревом кое-как отволокли его к медсестре... Все мы пришли во взрослую жизнь с приличным багажом грусти. Детство долго еще отбрасывало серые печальные тени, тревожа нас зеленой тоской минувших дней. Но со временем мы научились воспринимать не только горе, но и радости жизни. И все же даже наше короткое бедное детство - безвозвратно утраченное счастье». «Нам не помогали, как помогают теперь студентам-детдомовцам. Тогда почти все бедно жили». «Мы не строили феерических планов. Нам хватало молодого нахальства новоиспеченных инженеров». «А было нас в одной комнате, как у богатея клеток в супе. Ой, клеток захотелось! Лет пятьдесят их не ела».

- Ты не забыла нашего Сашку, способного генерировать умные идеи и веселые шутки в любом настроении? Но когда на него неожиданно напала вроде бы беспричинная депрессия, наш милый «вечный двигатель» сразу становился неубедительным, даже слабым, неуклюжие беспомощные слова теснили в его голове, не находя выхода, и он, не умея сдерживать слез, убежал. Потом окреп, оперился и - полетел ввысь». «А в студенческие годы спасало нас сало, которое присылала из деревни твоя мама. Бывало, умнешь с ним полную сковороду жареной картошки - и счастлива до потери пульса, - соорюив уморительную рожицу, сказала Лиля. - А помнишь, ты у Саши спросила, как он

потратит свою первую зарплату? И что он ответил? «Целый месяц каждый день буду есть колбасы столько, сколько захочу, пока не наемся до отвала. А еще куплю огромный кусок копченого осетра, запах которого я все пять лет вдыхал в угловом гастрономе, не имея возможности купить и попробовать».

«Из деревни поступила в МГУ. Отчим не захотел помогать. Завидовал: его дочь техникум закончила. Она заболела с голодухи, читать не могла. Поняла, что на стипендию не проживет. Какая трагедия!»

«Вы были предоставлены сами себе, а я взаперти просидела все детство. Мать работала. Ни в Москве, ни в Ленинграде не удалось побывать. И в студенческие годы никуда не ездила. Наш стройотряд только в ближайшие колхозы посылали коровники строить. Это ты проводником всю страну исколесила». «Алла! Каким ветром к нам? – Подгадала. Дела у меня тут, потому и смогла оторваться».

«Наша любовь развивалась под джаз. Мы жили полной жизнью. Но наша искренность сейчас не востребована, она обескураживает, настораживает, удивляет молодых. По-прежнему не в наших правилах принижать высокое и потакать низменному».

Рита, смуглая, с четким выразительным восточным профилем, громко на всю комнату спросила у Лены:

– Лаевского не забыла? Он взял твою руку, торжественным жестом поднес к губам и поцеловал так, как целуют икону, свершившую наконец желанное долгожданное чудо. Это был акт уважения, преклонения перед твоими достоинствами. Мы смотрели, потрясенные, а у тебя от смущения – слезы из глаз. Стояла со счастливым ужасом на лице. Не привыкли мы к поклонению. Ты еще не потеряла способность заливаться огненно-красным румянцем?

Рита захохотала беспечно беспричинно и радостно, словно это невесть как смешно, будто она вернулась в детство. И Лиля ведет себя как ребенок, которого старшие мальчишки приняли во взрослую игру. И не только она... Ах, юность – время прекрасных иллюзий и быстрых решений. Жизненного опыта, надо признать, мы получили сполна, но приобрели ли житейскую мудрость?

События из жизни друзей проносились перед Леной подобно ярким бликам света от зеркального шара, висящего в актовом зале школы, где у нее недавно была встреча со старшеклассниками. Голова ее пошла кругом. Шум за столом опять нарушил ее минутное очарование.

– Олежка-мотылек? Мечется, мечется, бывало, словно яркая бабочка вокруг свечи. Всегда боялся обмельчания, рутины семейной идиллии, бежал от них как от чумы. А сам, того не понимая, суетился. Жил сентиментально, трогательно, но как-то раздвоенно, будто все время находился на полпути между мамой и будущей женой. Я думаю, что именно ее постоянный шантаж лишил его возможности создать семью.

Должна вам признаться, я боялась, что эмоциональная нестабильность на почве любви к сыну приведет его маму – не дай бог – к приступам шизофрении. Пронесло. Только видно устал Олежка от холостяцкой жизни. Очень поздно женился – после смерти мамы, – молодая королева-жена нянчит его самого и дочку. Он уже не ждал чуда. И вдруг счастье привалило неслыханное. Снизошел ангел с небес, воздал за терпение.

– А я полагала, что ничего Олегу не светит, что не захочет жена зависеть от его проблем и порвет с ним. В таком возрасте и душевно, и физически тяжело тратиться. В подобных случаях ситуация часто выходит из-под контроля. Один неправильный ход может привести к поражению. Как в шахматах. И тогда с любовью будет покончено, возникнет яркое стремление к саморазрушению, его потянет на дно, в черную пустоту, появится предчувствие трагедии, начнет горстями глотать таблетки, его станет одолевать мысль: все, чего я хочу – это умереть... Но ему повезло.

– Раньше Олежке любви хотелось, теперь заботы. Все как положено...

– Все мы отличаемся друг от друга теми или иными странностями.

«Как живу? Хорошо! По мне не видно? Чего плакаться, если есть внуки и даже правнуки

- становой хребет нации». «Женщины - вечный хребет нашей страны». «Ох и завралась ты, голубушка!» «А твой сынок по-прежнему целыми днями полощет руки в клавиатуре компьютера или поубавил пыль?»

«Наша жизнь, как качели - то взлетаем, то падаем, то визжим от радости, то замираем от страха». «Все врут политики. Мы видим только парадные мизансцены, а они - верхушка айсберга. Народ в России умнее и порядочнее власти, а живет в горькой несправедливости. Мой шеф шутил, бывало, что если в России чиновникам ничего не предпринимать, страна достигнет огромных успехов. Не надо мешать талантливым людям, они сами приносятся». «Глобализация набирает силу: одно едим, одинаково одеваемся. Помяните мое слово...» - «Не каркай».

«А как же быть с планетарным мышлением?» «Ему с бугра виднее». «Ну, ты молоток!» «Когда я долго смотрю телевизор, у меня начинается депрессия». «Внуки отгораживаются от нашего будто бы кошмарного взрослого мира». «Аферист, деляга, циник. - Это диагноз? - Шучу, шучу». «Мы, женщины, играем в жизни множество ролей, и все они для нас - главные». «Лена, не исчезай больше надолго». «Собраться всем вместе казалось нереальным». «Ой, девчонки, сколько всего хочется рассказать...»

Рассказы, как рукава реки, растекались то в одном, то в другом направлении, дробились на мелкие ручейки и опять сливались. В комнате творилась всеобщая веселая шумная суматоха. Смех так и рвался из женщин наружу. Забывая о своем возрасте, они хохотали до упаду, вскакивали и снова садились на освободившиеся места. Они не могли нарадоваться друг другу. Довольно долгий кавардак устроили давно не видевшиеся подруги. Такое творили, что у Лены от избытка информации и шума все в голове перемешалось.

«Сколько радости и доброй эмоциональной памяти в девчонках!» - думала она, с жадным любопытством вглядываясь в лица подруг юности и находя для каждой пару теплых фраз. - Собираясь вместе, оглядываясь в прошлое, перебрасывая временные мостики между событиями, они как бы омолаживают себя, взбадривают».

Лена почему-то ожидала увидеть отяжелевшие фигуры, заплывшие жирком талии, и была приятно удивлена обратному - молоджавости подруг. И все же на каждом лице в большей или меньшей степени жизнь оставила свои следы - морщинки.

На всех женщинах были строгие неброские туалеты, по большей части брючные костюмы. «Упакованы со вкусом, будто от Армани. Принарядились. Здорово, ни одного лица, вызывающего раздражение. Все такие милые, доброжелательные, интеллигентные. А как я выгляжу на фоне остальных?» - обеспокоилась она.

«Как и в юности, девчонки на этих встречах отводят душу. Им так же нужно внимание и понимание подруг, им хочется выговориться, похвалиться, посеCRETничать», - думала Лена, радостно оглядывая окруживших ее женщин, которых она воспринимала не иначе, как все тех же девушек, покинутых ею сорок лет назад.

Наконец все уgomонились и, удобно разместившись, принялись рассматривать друг у друга фотографии, изредка перебрасываясь отрывочными фразами типа: «А это кто? А сколько ему лет?». Кира отвела Лене самое «элитное» место - кресло.

- Ты читаешь мои мысли? Я, воспользовавшись правом «раненой», облюбовала это уютное местечко, чтобы иметь возможность хорошо видеть и слышать всех подруг, - сказала Лена, благодарно улыбнувшись Кире.

Хозяйка ушла священнодействовать на кухню, стараясь из скромных продуктов приготовить что-то из ряда вон выходящее, почти такое, как для застолья в старые добрые времена. От помощи она отказалась. Желала ли она блеснуть своими кулинарными способностями, которые всегда ценились в их компании, или просто хотела, чтобы гости сначала пообщались без нее, - это было неважно.

Внуки

Жанна на правах самого «далекого» и редкого гостя – она приехала из Владивостока – быстро овладела вниманием подруг.

– Здесь я с внучкой в зоопарке, – объясняла она, встряхивая светлыми кудрями, и передавала снимки по кругу. Ее серые глаза лучились счастьем. – Представляете, Юлечка кормила верблюдов сухариками и вдруг поняла, что один из них интересно проявляет себя: выпрашивая угощение, он не закрывает рот, пока не получит желаемое. И морда у него при этом такая умильная, улыбающаяся! И просьбы свои он сопровождал, радостно пританцовывая, исполняя грациозные движения. И это при его габаритах! Он был удивительно обаятельным, привлекательным и по манерам очень напоминал то мужчину-ловеласа, то балованного, ласкового ребенка. В считанные минуты талантливый верблюд стал «звездой» зоопарка. Из всех закоулков парка сбегались зрители, кормили любимца, снимали на фото и видео. Внучка была в восторге и все просила: «Давай еще сфоткаемся с ним, бабушка!» Это у них в детском саду так выражаются. Современный сленг с пеленок впитывают. Я взяла за правило редактировать ее речь, отучаю от излишнего засорения.

Так вот, я не помню, когда так искренне до слез смеялась. Я в этом зоопарке будто на десять лет помолодела. Потом еще много дней, вновь и вновь вспоминая милую просительную мордашку прекрасного животного, я по-детски переживала эту восхитительную историю и снова смеялась. Теплая волна проходила через сердце и радостно будоражила его, и я чувствовала себя удивительно счастливой.

А на этой фотографии мы с Юлечкой в выставочном зале нашего центра искусств. Один мой знакомый художник поинтересовался у нее впечатлением от своих картин. На что получил мгновенный четкий ответ: «Вот эта понравилась. Видите – гитара перевернута, все разбросано. Разгром, но на пятерку! Еще есть у вас одна очень хорошая картина. Вон та. Тут все намешано, течет разными красками. В моем стиле рисуете!»

Внучка тогда начала ходить в художественную школу и с удовольствием выступила в роли эксперта. Художник отошел растерянный, так и не поняв: радоваться или огорчаться ему такой категоричной оценке его произведений ребенком. Я заверила знакомого, что внучка в восторге, иначе ее «рецензия» не была бы столь эмоциональной и в то же время краткой.

Я замечаю, что у Юли бывают моменты вдохновения, тогда она говорит легко, радостно и восторженно. Слова, не задумываясь, употребляет умные, обороты яркие, образные и к месту. И, похоже, в эти минуты она сама себе нравится. Жаль, если эта способность не останется в ней, отомрет во время обучения в школе, как многое другое хорошее, что я замечала в своих детях. Тогда у меня не хватало времени на их воспитание, но теперь я пытаюсь «отыгаться» на внучке. Мы часто беседуем. Однажды спросила у нее:

«Как у тебя возникают мысли?»

Она ответила просто, будто говорила о чем-то обыденном, например, о своих куклах. А может, у нее у самой возникал этот вопрос, и она для себя его уже проанализировала. Передаю дословно: «Понимаешь, бабушка, иногда они идут по короткому пути: мозги – рот. В другой раз мысли долго по голове блуждают и застревают то в одном месте, то в другом и никак не выходят. Как по спиральке крутятся и крутятся. А веселые, радостные мысли и шутки сами выскакивают с красивыми и даже иногда с умными словами».

Нет, девчата, вы представляете – в восемь лет она уже понимала прелесть случайно вырвавшегося яркого словца. А теперь ей десять, и она уже намеренно вбирает в себя новые компьютерные словечки, жесты, повадки друзей, выпрашивает, учится, познает. Понимает, что все это может ей пригодиться в спорах с много воображающими мальчишками. Ей хочется быть на уровне.

И в то же время она еще такая маленькая. Идем мы как-то с ней мимо строящегося дома, ну я и брякнула от фонаря, мол, подрастешь, может, в этом доме жить будешь. А она чуть ли не в слезы: «Не хочу никуда от мамочки уходить». А что она «запоет» через десять лет?

Нравится мне, что внучка незакомплексованная и в карман за словом не лезет. Вот, на первое сентября я говорю ей как можно патетичнее:

«Сегодня у тебя праздник нового учебного года! (Второй класс)».

Она в ответ тут же парирует:

«Нет, бабушка, сегодня похороны лета».

Тáк вот, дорогие. Хоть стой, хоть падай. А недавно, сидя у меня в гостях, она в рекламном журнале «Эльдорадо» внимательно изучала страничку с мобильными сотовыми телефонами и увидела новинку за восемнадцать тысяч рублей. Вскочила и воскликнула:

«Ни фиги себе!»

Потом после паузы произнесла задумчиво:

«Можно даже сказать: «Ни хрена себе!»

Зять мой, ее отец, расхохотался:

«Смотрите, мама, Юля поняла, что так круче звучит.»

Внучка в смущении подбежала ко мне и шепчет на ухо:

«Ба, я грубое слово сказала. Прости. Но оно сюда так подходило!»

Меня это слово не обожгло, не рассердило и даже не раздосадовало. Оно на самом деле было к месту. Пришлось простить, даже взять внучку под свою защиту, потому что ее мама – моя дочка – возмутилась, даже занесла руку для шлепка по попе. Я сказала ей: «Хватит бодаться, не ищи проблем там, где их нет. Ну, позволил себе ребенок секунду «неизысканного» удовольствия, и что? Не уничтожать же на корню росточки зарождающегося у нее чувства юмора?»

Моя дочка недолюбливает шуточки своего мужа. Они ее уже тем задевают, что всегда направлены на жен и тещ. Нет, чтобы хоть иногда в свой адрес проехаться. Слабовато у него с самоиронией, самолюбие свое оберегает.

Почему-то вспомнила сейчас дочкино детство, ее заметки в школьной стенгазете, наполненные газетных фраз, она тогда третьеклассницей была. Надо же было такое придумать – в девять лет дети к политинформациям готовились по передовичкам газеты «Правда»! Маленькие дети и в нашем, и в их поколении одинаковые. Взрослые изменяют детей согласно окружающей действительности.

Юлечка похожа на отца, но я радуюсь, замечая, что в жестах и мимике внучки проглядывают какие-то черты бабушки и дедушки. Значит, тянется наша ниточка, не обрывается, передаются в следующие поколения наша кровь и неплохие гены.

Лена встретилась глазами с Аллой. Она напротив сидит. У нее, как и прежде, ясный взгляд с тем выражением спокойной уверенности и безмятежной тишины, который манит к себе, незаметно втягивая в сферу своего влияния, подчиняет себе силой любви и уважения. Она совсем не изменилась: все так же курносый носик задорно смотрит на полярную звезду, та же пушистая светлая челка над смоляными тонкими бровями, пухлый улыбчивый рот. «Интересно, повезло ли ей с мужем? – думает Лена. – Хотелось бы. Прелесть, какая была девчонка. Почему она молчит?»

Лера – черноглазая жгучая брюнетка, в юности шустрая, горячая и впечатлительная, – услышав рассказ Жанны, залиvisto рассмеялась:

– Мой внучок Гена в шесть лет также грубовато выразился, когда конфету ел: «Вкусная, обалдеть можно!» А отец ему подыграл: «Хорошо, что не офигеть». Так сынок ему тут же фитиля вставил. «Главное, говорит, чтобы не охренеть». У меня глаза на лоб полезли. Пришлось, когда Гена уснул, мужу лекцию прочитать о культуре речи. Наверное, на даче нахватался Геночка от него грубых словечек. Там у наших соседей просторечье в чести. А как-то зашел Гена со мной в булочную. Я увидела новую цену на хлеб и

возмутилась: «Семьдесят два рубля за батон? Бандиты!» А внук серьезно, спокойно так поправил: «Не бандиты, а «ООО-Бандиты».

Жанна продолжила рассказ о своей внучке:

– Юля у нас девочка разумная, умеет трезво оценивать свое поведение и характер. Она ведь как говорит: «Я родилась под созвездием послушания и непослушания. Иногда бываю на планете радости. У меня живот болит от скуки, когда одежда не нравится, когда много работы на кухне или если со мной долго и строго разговаривают».

У моей внучки плохой аппетит, и она сама ищет способы, как его улучшить. Как-то заявила матери: «Еда и телевидение для меня взаимосвязаны. Когда кушаю, я должна эмоционально восхищаться, тогда не замечу, что ем. Это особенно важно, когда ты заставляешь меня есть творог и яйца». Я дословно привожу вам ее фразы, потому что по возможности записываю их. Вот за последнюю неделю собрала: «Ой, сейчас со страху приобрету вечную жизнь!» «Бабушка, эта твоя блузка времен Очакова и покорения Крыма?» «Народу в парке – толпа! Как молекул в твердом теле». «Дядя Саша быстро печатает на компьютере, потому что сердцем чувствует клавиатуру?» «А в раю снег бывает?». «Юля, мы только вдвоем в квартире», – говорю я внучке. «Да, тараканов у нас нет, компанию не составят», – весело поддакнула она.

К своим недостаткам она относится с юмором. Как-то при встрече со мной говорит: «Гляжу, что-то в карманах у меня полный порядок. Поняла – не моя куртка, побежала в класс и обменяла».

Недавно прибегает из школы и кричит: «Бабушка, отгадай загадку. Кто лучший киллер на любовном фронте?» Я от смеха чуть мимо стула не села. Какая неожиданная комбинация, да еще из уст ребенка. Хитрюга – говорит, а сама на мою реакцию смотрит: не переступила ли она границу воспитанности?

Нет, вы представляете, на свой день рождения не платье, не игрушки или конфеты, как мечтали мы в своем детстве, а скоростной Интернет заказала, мол, «мой устарел, он крайне несовершенный». А когда она разговаривает с мамой, я их совершенно не понимаю – они для меня будто инопланетяне.

А как-то малышка задумчиво и грустно сказала: «Всем надо, чтобы всё было правильно и умно. А так иногда хочется сказать какую-нибудь глупость, сделать что-то совершенно ерундовое, не из разряда учебно-обязательного, что-то по-настоящему детское!» Я чуть не прослезилась. Рано начинают уставать наши внуки от сложности жизни. Мыслимое ли дело, чтобы и школа, и кружки, и балетный класс.

– Все мы уже стали для наших внуков частью мира прошлого, – вздохнув, поддакнула Лера.

«В связи с перестройкой предприятие, на котором работала Лера ведущим инженером, «испустило дух», и ей пришлось уйти на пенсию. Чувствуя в себе еще достаточно сил и знаний, она тяжело переживала сокращение и неудачные попытки хоть куда-нибудь устроиться по специальности. Поначалу ей пришлось довольствоваться местом вахтера, это уж потом она репетиторством занялась», – тихо сообщила Лене Инна.

И Лену мгновенно охватила щемящая грусть. Дома, в суете будней, она не задумывалась о своем будущем. А тут все как-то сразу четко высветилось: и возраст, и все пережитое и, может быть, даже скорый.... И проклюнулось в ней совсем новое, не свойственное ей чувство – отчуждение что ли. И, чтобы погасить это неприятно кольнувшее ощущение, она натянуто-весело поддержала слова Леры:

– Вот и мой внучок, узнав, что я школу заканчивала при керосиновой лампе, а телефон впервые «живую» увидела только в университете – и это при том, что уже в космосе полетал Юрий Гагарин, – сказал удивленно-солидно: «Да ты родилась в эпоху динозавров!»

– А мой младший внучонок Мишенька уже в пять лет со всякой бытовой аппаратурой был на «ты», – говорит Галя, яркая крашенная блондинка, – запросто включал телевизор, ставил себе лазерные диски с мультфильмами. Если где-то происходил сбой, спокойно нажимал на кнопки, искал причину неудачи, добивался качественного изображения,

регулировал звук, переключался с английского языка на русский.

В семь лет он получил в подарок «навороченный» мобильный телефон. Деду некогда было заняться изучением инструкции, так он, паршивец, сам разобрался во всех функциях аппарата, сменил заставку, сфотографировал свой пупок, и с хитрой мордочкой положил мобильник на дедов стол. А потом долго «обстреливал» дедушку СМС-ками.

Я поражаюсь и восхищаюсь уровнем развития современной техники и технологий, с трудом осваиваю новинки, а для него все эти современные бытовые изыски – необходимые мелочи жизни. Пара-тройка секунд – и он с экрана компьютера получает полную информацию обо всех событиях, происходящих в семье наших, казалось, раньше недостижимых родственников, видит их лица, слушает их голоса. Иногда рядом с ним я себя «чайником» чувствую и ощущаю потребность «подкачать» свой мозг и язык, читаю книги по информатике, чтобы быть вровень с внуком.

А теперь он еще обменивается адресами с детьми чуть ли не из всех стран мира. С изобретением Интернета произошла тотальная девальвация усилий человека по преодолению пространства и времени. Я задаю себе вопрос – какие еще глобальные открытия века ожидают нас и в каких областях?

– А вырос ли человек интеллектуально, душевно, эмоционально? Оснащен-то он разнообразно, а по сути своей остался уязвимым, слабым, что особенно наглядно заметно в семье. Как бы в погоне за современными технологиями из наших детей не ушла душа. Вот чего я боюсь. Мало теперь читают дети. Как без художественной литературы формировать детские души? Человек определяется тем, что он читает. Одна надежда на наши с детьми душевительные беседы. Была наша страна самая читающая, а теперь стала самая торгующая, – вздохнула Аня. – Времени у детей не хватает на чтение. Слишком много у них соблазнов, которые невозможно исключить из жизни. Компьютеры и телевидение вытесняют книги. И к чему это может привести?

– Сдается мне, что люди боятся того, чего не понимают. Не научных открытий боятся, а тупоумия и дебильной жестокости отдельных представителей человеческого вида, – хмыкнула Инна.

– Недавно у нас в семье появилась электронная книга. Мы все по очереди читаем в ней каждый свое и восхищаемся ее компактностью. Муж считает, что библиотеки скоро изживут себя, но я придерживаюсь другого мнения: бумажные книги обладают особой энергетикой, и поэтому электронные книги полностью не заменят их. Их начнут издавать меньшими тиражами, но все равно ими будут пользоваться параллельно, – весело заявила Жанна.

– Мой муж до сих пор как великую святыню хранит проигрыватель и пластинки шестидесятых годов, хотя дом полон современной аппаратуры и музыки... В музее будем смотреть на книги. А богатые станут собирать их как редкий антиквариат, – выразила свое мнение Галя.

– Библиотеки никогда не исчезнут. На полках рядом с электронными книгами будут стоять «древние» бумажные фолианты, – возразила ей Алла. – С появлением телевидения говорили, что театры исчезнут, а их число только растет.

– А у нашего внучка с юмором тоже все в порядке, – сказала Мила. – Помню, пришла к нам племянница и спрашивает Мишуню: «В темноте тебе страшно?» А он рассмеялся: «Страшно, когда конфеты кончаются». Он у нас такой сластена! У меня все внуки с юмором.

Подвижное лицо Милы светится счастьем. И ничего что при этом исчезают милые веснушки, придающие ей выражение искренней восторженности, когда она в спокойном настроении.

– Человечество выживает не за счет естественного отбора, а по причине гениальных изобретений, – солидно резюмирует Вадим, Милин старший внук, довольный словами своей восхищенной бабушки. – Моя старенькая прабабушка – ей девяносто шесть, и она в полном психическом здравии – часто наблюдает за моей работой на компьютере. И вот как-то говорит: «У меня все сильнее крепнет убеждение, что мои внуки общаются

посредством какого-то тайного шифра, от которого мне забыли дать ключ. Не понимаю, на каком языке они разговаривают, а я ведь на трех языках свободно общалась со студентами и до сих пор многое помню».

Вадим перед занятиями заскочил к «дяде» Славе на два слова по поводу какой-то сложной задачи и «немного» задержался «на посиделках», хотя сказал, что на все про все у него всего полчаса.

- Я бы согласилась больше не писать статей и книг, только бы у меня появились внуки. Уже заждалась, - с грустью неожиданно поведала подругам тайну своего сердца Алла и опустила свои серые, огромные под выпуклыми очками глаза. Узенькие, покатые плечи ее при этих словах совсем поникли, спина неожиданно сгорбилась.

Все присутствующие на некоторое время тактично умолкли, погрузившись в рассмотрение фотографий, и их реплики в основном касались судеб еще оставшихся в живых родителей.

- А моя Элиночка, - опять не утерпела Галина, - в три годика сочинила первый рассказик. Пошли мы с ней в парк на прогулку. Погода была чудная, солнечная! И вдруг она заговорила так тихо и проникновенно: «Была зима. Под крышей дома выросли большие сосульки. Затем пришла весна! Сосульки сначала радостно заискрились на солнце, но вдруг заплакали. Им не хотелось расставаться с зимой? Они не желали превращаться в ручеек?» Потом стишки сама стала складывать. Когда я читаю ей любого поэта, она старается ему подражать. Мне две строфы запомнились, потому что Элиночка с восторгом распевала их целый день.

«Наш веселый бегемот

Смехом надорвал живот.

А усатый таракан

Оседлал свой барабан.

Ну а муха, ну а муха

Села зайчику на ухо.

Лишь рогатая коза

Сердито жмет на тормоза».

Один раз читала я ей книгу Мало «Без семьи» - я сама ее в детстве очень любила - и вдруг она меня останавливает, дает карандаш и просит: «Записывай, бабушка». Вышло у нее доброе, трогательное четверостишие.

«В лужах блеклое небо.

В лужах лежат облака.

Детям дам много хлеба,

Много дам молока».

- Школа Лермонтовых не воспитывает, - вступила в разговор Рита, до тех пор занятая изучением новой Славиной методички для студентов.

- Я читала, что современные дети в основном воспринимают интеллект матерей, - развернула разговор в другую сторону Эмма. - Беда в том, что отцы часто самоустраиваются от воспитания детей и тем лишают их нормального развития. Мама - режиссер, она лепит ребенка, а отец огранку делает. Мой сын уже в шесть лет

интересовался устройством мироздания, открывал химические законы, а я, занятая каждодневными домашними делами, не имела возможности развивать его способности. Муж же занимался только собой, и увлечения сына прошли мимо него, как и, между прочим, многое, что связано с нашей семьей, с воспитанием детей.

- Возможно, вы упустили ребенка и потеряли большой талант, - грустно отреагировала Лера на слова Эммы.

Галя выслушала рассуждения подруг и продолжила рассказывать о своей внучке:

- А как-то Эля разыграла меня. Да так мастерски, что я поверила и разволновалась. Спрашиваю:

«Элик, откуда у тебя синяк на ножке?»

«С Максимом подралась, - отвечает. - Мы как начали боксировать, мутузить друг друга! Я его, он меня! Вот так: бац, бац. Здорово!»

«Чем он тебя ударил? - уточняю».

«Ногой», - отвечает.

«Больно было?»

«Нет, - успокоила меня малышка. - Ты знаешь, если рукой в подмышку ударить, это гол называется, если ногой - то два гола получаешь. А когда одновременно и рукой и ногой туда попадешь, сразу три гола засчитывается. Поняла?»

«А в лицо во время драки не бьете?» - озабочено спросила я.

«В глаза метим, если они в специальных очках. Прямо пальчиками тук-тук. Очки ударов не боятся, они же не стеклянные», - заверила меня внучка.

«Пластмасса, трескаясь, тоже осколки дает. Запомни, детка, в играх даже в шутку в лицо никогда нельзя бить. Ну, по рукам, ногам, в грудь - куда ни шло! Только не в голову!»

Элиночка настолько искренне и восторженно говорила, что я на полном серьезе стала уговаривать ее быть осторожней в играх с мальчиками. И тут она рассмеялась и сказала, что придумала себе бокс. Развела меня. Мы вместе хохотали над ее розыгрышем. Вы понимаете, она начала фантазировать, и ее как понесло! Может, у нее талант?

Я потом обняла ее и говорю: «Глядишь, еще писательницей станешь». А она мне серьезно так в ответ: «И книжки свои сама иллюстрировать буду». Уверенно сказала, потому что в художественной школе хвалят ее рисунки. В ее-то годы - в семь лет - я и слов таких не знала, а она уже понимает метафоры!

В голосе счастливой бабушки чувствовалась гордость за свое сокровище.

- Любит Эля свою учительницу? - спросила Лена.

- Как-то пришла из школы и говорит: «Если бы у меня был хвостик как у зайчика, я бы его поджала от страха перед своей учительницей». А ведь она в школе очень послушная. Чего боится? - недоуменно пожала плечами Галина.

- Сейчас заметно упал школьный образовательный ценз. А все почему? Лучшие выпускники поступают в престижные вузы, а в педагогические отправляются те, кто шли по призванию и троечники. Кого могут выучить троечники? Себе подобных. Не думаю, что новая тенденция с ЕГЭ поправит положение дел в образовании. Из методологии обучения убрали главную суть - развитие мыслительной деятельности, а оставили одни приемы и приемчики. Вот о чем хотелось бы поговорить. Мы прекрасным учителям обязаны появлением жемчужин в нашей среде. Вот тебе, Галя, вопрос в лоб: «Ты веришь в ЕГЭ?» - Аню по-прежнему волновали школьные проблемы.

«Ох уж эти мне педагоги! Начали про Тарзана, кончили про барана», - пробурчала Инна.

Жанна опять взяла слово.

- Пошли мы раз с Юлей в скверик на качелях покататься, а там девочка свое место не желает никому уступать и матерными словами всех отпугивает. Уже очередь из обиженных детей образовалась. Я беседу с ней затеяла. Не выдержала девочка нудной морали, соскочила с качелей и, подгоняя себя ругательствами, нырнула в беседку и уже оттуда продолжала сердито выкрикивать оскорбления в мой адрес. Я приблизилась к ней и попросила не выражаться грубо при пожилom человеке. А она мне в ответ: «Мои родители ругаются матом и мне разрешают. Я вырасту такой же, как они, потому что у меня такое окружение».

Сквозь напускную браваду этих слов крепко сбитой, красивой, но несдержанной девочки я почувствовала нежелание быть похожей на родителей.

- Каждое поколение должно быть чуточку умнее предыдущего, иначе не будет прогресса в развитии общества, - объясняю я ей спокойно и уверенно.

- Я пыталась учиться на пятерки, не получилось, - вдруг неожиданно горько сознается девочка.

- Ты думала, это просто? Не припомню, чтобы кому-то пятерки давались легко, - говорю я.

Юля подсказывает:

- Менделеев говорил, что успех - это один процент таланта, а остальные девяносто девять - сила воли и трудолюбие. Я в первом классе знаешь, сколько ошибок в тетрадках делала? Просто ужас!

- Я хочу быть хорошей, но родители учат меня другому: никому спуска не давать, и если надо - горло кому угодно перегрызть. Я буду такая, потому что все время с ними, - обреченно, но с явным вызовом сказала девочка.

Ее добрая душа еще пыталась восставать против жестокости и несправедливости.

- А ты поставь себе цель стать такой, какой хочешь, и не сходи с этого пути. Не сразу, но все равно получится. Я в свое время решила выбраться из деревни, получить высшее образование и добилась. Иногда так не хотелось учить уроки! Но я понимала, что не смогу уважать себя, если отступлюсь от мечты.

- Ничего у меня не получится! - прокричала девочка со слезами в голосе, сорвалась с лавочки и помчалась, не оглядываясь, домой.

- Бабушка, она из духа противоречия спорит, - успокаивала меня внучка, увидев мое огорчение. - О, какой у меня совсем недавно был дух противоречия! Как меня тянуло сказать поперек. Ну, прямо раздирало от желания возразить! Но ведь повзрослела и даже немного поумнела. Теперь грустно и стыдно вспоминать то, что было со мной.

Двое мальчиков откатали назначенное мной время. Подошла очередь Юли, а они не слезают с качелей. Я прошу того, который поменьше ростом, сойти.

- А почему я? - обиженно возражает он.

Я догадалась, что его, скорее всего, как невысокого и более слабого, ребята частенько «отодвигают в сторону» и он хотел, чтобы этого не делали взрослые, которым надлежит защищать справедливость.

- Мне показалось, ты более воспитанный и честный и хочешь, чтобы поступали по справедливости не только по отношению к тебе, - ответила я мальчику.

Не знаю, какие мысли закрутились у парнишки в голове, только он неохотно, но молча оставил качели.

Жанна замолчала, о чем-то задумавшись.

На диване Рита и Эмма шушукуются, делятся своими заботами. Лена прислушалась.

- Мне, прошедшей школу голода и холода, было непонятно, как это ребенок не хочет

есть, и его кормят из позолоченной посуды, уговаривают, обещают подарки. «Что это за дурь? – думала я. – Оставьте ребенка без обеда и ужина, а на утро он сам без разговоров придет на завтрак».

– Недавно я наблюдала, как внучка гордится своими ухоженными ногтями. Она с таким восторгом о них рассказывала! А я слушала и не понимала ее радости. В ее возрасте – в двенадцать лет – я гордилась более серьезными вещами: умением решать сложные задачи, пониманием какой-то трудной проблемы, своей помощью кому-то, – говорила Эмма.

– ...Разная реакция была у детей по поводу глупого поведения подружки. Одна сочувственно кривила губы, мол, что же она себя позорит, но палец о палец не ударила, чтобы помочь Зине. «Какая глупая эта Зинка!» – читалось на лице другой. Третья исподтишка довольно ухмылялась. А сестренки-двойняшки подзадоривали Зину продолжать делать глупости и говорить пошлости. А моя Светочка потом дома плакала от того, что Зина не слушала ее осторожных попыток подсказать, выручить. Свете было обидно, что «за глаза» девчонки потешались над ее младшей подружкой, вместо того, чтобы помочь малышке понять ее неправильное поведение. Светочку теперь на аркане не затянешь в эту компанию.

– ...Вот я и говорю внучке, мол, у меня в детстве не было книг, обучающих рисованию. Как видела, так и рисовала. А Элиночка рассмеялась: «Это вроде того – как слышишь, так и пишешь?» А потом еще сказала: «Мне мальчишек труднее рисовать, потому что изображать их ниже моего достоинства!» Тут уж я расхохоталась. – Об этом уже Галя рассказывала Жанне.

– ...Как-то я решила прозондировать отношение внучки к возможности появления у нее братика. И она мне очень даже уверенно заявила: «Я не хочу ни братика, ни сестричку. Боюсь, буду завидовать. Конечно, белой завистью, но все же завидовать. А я не хочу быть завистливой». Я ей отвечала на это, что никогда не завидовала ни чужому богатству, ни красоте, и ты перебори себя. Но она твердо ответила, что хочет быть одной-единственной, чтобы все хорошее доставалось только ей. Пришлось проводить с ней долгую терпеливую беседу, – поделилась Рита.

– А моя внучка как-то говорит мне: «Бабушка, сегодня дедушка старается быть ласковым», – вступила в разговор Мила. – Надо же, увидела то, что не всякий взрослый заметит. Тогда я спрашиваю: «Отчего дедушка старается быть ласковым?» «Так ты же болеешь. Он жалеет тебя». И сказала это так, будто между прочим, обыденно. Поразила меня. А дед был в восторге от своей любимицы.

А как-то спрашиваю ее: «Хочешь поехать к другой бабушке или останешься у меня?» Молчит. Чувствую, хочет поехать, но боится этим меня обидеть. «Стратег ты мой милый», – подумала я с нежностью и отпустила ее в деревню. – Это Эмма, блондинка с усталым строгим лицом, рассказывала об одной из четырех внучек, воспитание которых почти полностью лежало на ее худеньких, но надежных плечах.

– Послушайте, какие «перлы» выдает моя старшая малышка. Ну, прямо хоть свою собственную книжку «От двух до десяти» создавай вдобавок к уже существующей «От двух до пяти».

Эмма достала из сумки аккуратно свернутый вчетверо листок из ученической тетради и стала читать.

1. Внучка в спортзале устала и пьет воду из бутылочки. Тренер шутит:

– Водочку попиваешь?

– Нет, – отвечает влет, – коньяк без начинки.

2. – Ася, мы с тобой одни в квартире?

– Да, тараканов еще не завели, компанию нам не составят, зато есть пауки в туалете за трубой. Но я их не вижу, поэтому не боюсь. А ты замкнула входную дверь?

– Не бойся, не сбегут наши пауки и тебя никто не украдет. Кому ты нужна?

- Ну, это как сказать! - раздумчиво протянула внучка.

Очень ее удивила и озадачила моя шутивная фраза об ее ненужности. Наверное, она впервые задумалась над этим вопросом.

3. Бабушка, что-то ты сегодня экономная больно, даже шоколадную медальку мне не купила.

4. - Ем, - говорит, - твои соленые огурчики и чувствую, как нарастает во мне удовольствие, аж глаза малосольные становятся.

5. - Я снова хочу быть в годик. Проще жить.

6. Смотри, ба, какая экстремальная бабуся, как у Красной Шапочки. Смотри, смотри, дядьку сумкой лупит! Заслужил, значит.

7. Играет с пластмассовым домиком, напичканным мебелью.

- Ба, ну как я обустроила свой дом?

8. Смотрит страшный зарубежный мультик.

- Ба! Моя душа от ужаса уходит в спинной мозг.

9. Я уговариваю внучку позавтракать, объясняя, что для нас в детстве омлет был как праздник.

- А для меня он - похороны души на пять-десять минут, - заявляет она.

10. - Ба, дети в нашей школе ведут себя, как обезьяны в стаде. Я по телеку макак видела.

11. - Ба, я поняла, что на чужом опыте трудно учиться.

12. Спорю с внучкой.

- Мне это не нравится.

- А мне нравится. Ба, у нас с тобой разные характеры. Нам надо развестись.

13. Тороплю внучку завтракать. А она говорит:

- Ба, я еще не умывалась и мысли у меня грязные.

14. - Ну что, бабуся, сдала тебя Сашка, заложила? (Это моя младшая внучка.) Рассказала деду, куда ты ходила? (За подарком ему ко дню рождения).

Трудно хранить ребенку даже маленькую тайну, особенно, если эта тайна чужая.

15. Отец внучки, уходя спать в другую комнату, целует ее и желает спокойной ночи, а внучка вдруг и говорит: «Папа попрощался со мной письменно, а с тобой устно». Мы все, кто был в комнате, чуть не задохнулись от смеха. Очень понравилась нам шутка ребенка.

16. - Бабушка, в оперетте поют от радости, а в опере от горя, что ли?

17. - Бабушка, ты не старая и не молодая. У тебя переходный возраст, - говорит внучка.

- Куда переходный? - грустно шучу я.

Внучка не сразу понимает, о чем это я, а сообразив, укоризненно качает головой:

- Ну, ба! Ну, зачем ты так...

18. Стоим с внучкой в сбербанке за моей пенсией. Мужчина рядом произносит:

- Организовал еще один офис.

Моя внучка солидно замечает:

- Размножаетесь!

19. Девушка-менеджер как прилипла возле клиента, пожелавшего сдать деньги в кассу банка. Тот шутит:

- Не сбегу я в другой банк. У вас хороший процент на вклады.

Менеджер смущается, но не отходит. Ася это замечает и успокаивает девушку:

- Дядя шутит, чтобы не скучно было стоять в очереди.

20. - Ешь мидии, в них много микроэлементов.

- А я думала микроорганизмов, - кокетливо смеется внучка.

21. Сын-предприниматель говорит кому-то по телефону:

- Зоопарк просит поставить им телефон.

Внучка влет шутит:

- У льва уже есть, теперь медведям понадобился?

22. - А старики мечтают?

Ну, разве мы так говорили в нашем детстве! Разве мы так соображали! Не устаю удивляться современным детям. Я редко могу позволить себе приходить к старшей внучке (ей уже восемь), но даже за короткое время успеваю услышать от нее столько интересного! И чтобы все, что я за нею записала, перечитать, не один вечер надо посвятить моему дневнику. Не будет большим преувеличением сказать, что каждый ребенок - это космос! - умиляется Эмма взрослости своей внучки, аккуратно складывая исписанный листок. - Рита, а ты тоже записываешь за внучками афоризмы?

- Конечно. Я даже альбом с их рисунками и фотографиями для этой цели завела, чтобы прочувствовать изменения в интеллекте моих малышей. Вот как-то спрашиваю у старшенькой: «Почему у тебя цифра «2» горбатая? Смотри, как она некрасиво спинку выгнула». А внучка смеется: «У нее, наверное, как и у меня, сколиоз». Ну разве станешь после таких слов делать ребенку внушение за плохой почерк? Все мое раздражение как рукой снимает.

А летом лежим мы с ней как-то в палатке - на рыбалку с ночевкой приехали, - а малышка вдруг говорит с какой-то особенной грустью: «Вот лежу я тут, притворяюсь вкусной для комаров, а дома куколки остались. Им без меня грустно». Конечно, я поняла, что это она без них загрустила. Второпях забыла взять. Потом добавила: «А ты знаешь, бабушка, зачем я поехала с вами на речку? Запасаю лето на зиму». Понимаете, не тепло, а лето. Значит, о впечатлениях говорила. До чего же дети бывают точны и метафоричны в своих высказываниях!

А еще мне нравится, что она размышляет и оценивает свою жизнь, но не нутужно, а как бы с юмором. «У меня, - говорит, - первый класс тянулся долго-долго, а второй уже быстрее прошел, наверное, потому что в школе мне легче стало. А что же будет к одиннадцатому классу? Неужели сплошная радость?»

- Бойцы вспоминают минувшие дни. Нет?! Как всегда подрастающее поколение в центре внимания? Что за вакханалия амбиций? Что за акция тщеславия - хвалиться внуками! - Славин бас вторгся в пространство женских восторгов. (Он уже провел одно свое занятие в университете и поторопился вернуться домой.) - Слава нам, умным! Родительская похвальба часто принимает причудливые формы, а тщеславие бабушек и дедушек и вовсе безгранично.

Все радостно смеются, поддерживая веселый настрой товарища.

- Тебе не понять, ты не любил, - отшутилась Кира.

- Когда мы, мужчины, были молоды, все разговоры при встрече с друзьями крутились вокруг нашей карьеры. В среднем возрасте мы хвалились успехами детей, а теперь внуки

занимают почти всю сферу наших интересов после работы, – резюмирует Слава.

– Мужчины тоже говорят о внуках? А я думала, вы только о политике и женщинах способны спорить, – ущипнула Славу Инна, полненькая, маленькая, с преувеличенно надменным выражением правильного, можно даже сказать, красивого, лица.

Тот не успел еще среагировать на слова Инны, как Кира поддела мужа:

– Ну, уж футбол ты никогда не вычеркнешь из своей жизни. Понимаю, отдушина.

– Не слышу бурных аплодисментов умной мысли моей жены, – подзадорил гостей Слава, любовно и горделиво притягивая к себе Киру.

Женщины мгновенно откликнулись на комплимент, как будто им он тоже предназначался. Всем хотелось бы получать такие же и побольше. Всем хотелось постоянного внимания мужей.

«Это уже противостояние или пока что привычная разминка перед боем? Уж не заведется ли Инна опять, как в прошлую встречу? И как от нее потребовать соблюдения приличий?» – настроенно подумала Кира, но виду, что заволновалась, не подала.

– Слава, мы тебя не очень затруднили своим неожиданным появлением? Ведь как снег на голову свалились. Мы треплемся, а ты, бедняга, сегодня, наверное, все утро из кухни не вылезал, – притворно-жалостливо сказала Инна.

– Ничего, я отыграюсь на супруге, когда в гости придут мужчины с моей работы, – весело отреагировал Слава.

Кира чуть укоризненно взглянула на мужа.

– Шучу, шучу, – быстренько перестроился Слава. – Мы всегда все заботы делим на двоих.

Лена видела, как приятно Кире слышать эти слова, если даже в них не на все сто процентов была правда.

– Слава, ты теперь полностью наш? У тебя сегодня больше нет занятий? – спросила Рита.

– Днем еще две пары, а вечером подготовительные курсы для будущих абитуриентов. Как видишь, работы под завязку.

– Боишься расстаться с единственным пока мужчиной в нашей компании? – подколола Инна Риту.

Слава быстро взял инициативу в разговоре в свои надежные руки.

– А знаете, дорогие дамы, как я сына понятию совести учил? Не утруждал себя длинными беседами, просто рассказал ему два случая из жизни его родной бабушки Ани.

Используя право преимущественного голоса хозяина, Слава поднял серьезный вопрос о воспитании мальчиков отцами. Ему, наверное, хотелось подчеркнуть важность мужского влияния на детей, а может, он просто свой собственный отцовский опыт решил поставить вровень с женским. Не одним же дамам делиться своими удачными жизненными моментами. Его наблюдения и выводы тоже кое-что да значат.

Слава никогда не ссылался на занятость, беря заботы о детях на себя, не притворялся, как некоторые из его сотрудников, безразличным к семейным проблемам. И тем был горд, чем заслужил уважение в кругу семей, которые не чурались испросить у него совета в трудных ситуациях воспитания не только сыновей, но и дочек. И он со скромной гордостью знающего себе цену отца семейства помогал им выпутаться из затруднительных ситуаций. Друзья поговаривали, роняя на Славику душу «капельки меда», что он дока не только в физике, но и в педагогике и, несомненно, это свойство у него врожденное, потому-то любит он и бурное, и серьезное времяпрепровождение с внуками.

– Поделись с нами, если не трудно, такой опыт не бывает лишним, – попросила Эмма.

Она старалась, чтобы каждый из присутствующих раскрылся и преподнес что-то новое в ее педагогическую копилку. Перестройка вынудила ее стать (хоть всего лишь на полставки) еще и учительницей в школе, и она, привыкшая к работе относиться вдумчиво, вкладывая в нее всю душу, не упускала случая набраться у своих друзей теоретического опыта воспитания школьников.

- Да уж, какой тут труд, добром вспомнить старого человека. Так вот, мама мне рассказывала: «Трясли мы с друзьями яблони в соседском саду. Я не услышала, как появилась моя мама и давай стучать соседке в окно, чтобы сообщить о хулиганах. Все разбежались, а я осталась сидеть на макушке очень высокой груши. Мне было жутко стыдно, вот я и прыгнула, пренебрегая собственной безопасностью. Не было времени спускаться. Ничего не сломала, только очень сильно побилась. Но стыд все равно был сильнее боли».

Еще был случай. «Торопилась я домой, а на железнодорожных путях длинный состав стоял. Только я подлезла под вагон, а поезд тронулся. Лежу, к земле прижимаюсь и о путевом обходчике думаю. Не разрешал он нам лазить под вагонами. И так мне было совестно перед ним, что лязг вагонов не казался мне страшнее стыда. А обходчик как раз в тот день дежурил на станции. Увидел меня между рельсами и просит: «Деточка, вожмись в шпалы, не шевелись». Я почему-то не боялась, что меня за платье зацепит и потащит. Я умирала от стыда перед этим добрым старым человеком. Потом дома долго плакала. И совсем не из страха перед наказанием». Чувствительно голос мамы касался моей души, проникая в самую глубину. Вот такая у меня была наука воспитания. И для внуков она прозвучала.

Мама... женщина тонкой души, невесть откуда получившая свое величие, прозрение и знание. Интуиция ее была намного сильнее многочисленных житейских талантов. Умела гасить любые отрицательные вспышки в семье. «Ее можно прикладывать к больным местам», - шутил мой отец. «Сестра милосердия, святая, добрейшей души человек», - говорили о ней соседи. Не было в ней злобного негодования по поводу потери денег, собственности. Достоинно переносила удары судьбы. Религиозной не была, но жила по-божески.

Глаза Славы погрузнели. Его мама уже ничего никому не расскажет. Но есть благодарная память, и это успокаивало его сердце. В комнате наступила тишина. Солидные женщины, сами уже бабушки, с теплой грустью вспоминали своих родителей. Они любили свои семьи, искренне гордились ими. Не их вина, что война рано лишила некоторых из них родительской любви и ласки. Лица подруг посветлели, легкая задумчивая улыбка трогала губы. Это была минута доброй памяти, минута благодарности всему старшему поколению за все, что они успели сделать для них.

- Она так и осталась сердцем в последней войне, где погибли два ее сына. Снизошла на нее высшая милость, до девяноста девяти дожила. И умирала, как светлый ангел - тихо, спокойно, будто бы в предчувствии бессмертия. Такая свобода, такой покой и умиротворение были в ее лице, столько благородства и достоинства! Говорят, так уходят из жизни безгрешные, - по-доброму вспомнила свою свекровь Кира. - Сегодня обязательно выпьем за наших родителей, ушедших из жизни - кто в военные годы на поле брани, кто от голода на жирном черноземе родных полей, кто среди внуков и правнуков... мало ли где обрывались их жизни по воле судьбы. Главное, что они успели передать нам свои гены порядочности, верности, гены любви к родине, семье.

Наступило минута уважительного молчания, минута поклонения родителям.

Первой тишину нарушила Лиля, рыжеволосая, пухленькая, грустноглазая. Какой егзой была! А теперь медлительной стала. Устала от забот.

- Сами знаете, время сейчас сложное. Дочь моя вечно мечется в поисках подработок: то за квартиру денег не хватает заплатить, то за питание в школе. Кандидату наук мало платят. Не знаю, что бы с внучкой было, если бы я не помогала в ее воспитании.

Вот недавно мы с Галочкой жуткую картину наблюдали, когда шли из поликлиники в школу. Смотрим через дорогу: у магазина стоят три девочки и мальчик. Похоже, пятиклассники. Вижу, как две подружки на мальчика науськивают третью - высокую,

худенькую, подвижную – подбивают ее на что-то нехорошее. По их неприятным, хитреньким взглядам мне сразу стало ясно – пакость задумали.

Худенькая, заводная девочка выслушала подружек, азартно подскочила к мальчику и что-то закричала ему в лицо, подпрыгивая от восторга. Слов я не слышала – уровень уличного шума был слишком высок. Видела только, что девочки ехидно посмеивались, а мальчик злился и нервничал, аж волчком крутился и краснел до малинового цвета.

Иду я по переходу на зеленый свет, а сама продолжаю следить за школьниками. Перешла дорогу, руку внучки отпустила. И вдруг в момент загорания красного фонаря мальчик сорвался с места и побежал наперерез трем машинам, выстроившимся в ряд и уже двинувшимся с места. Я остолбенела от страха, и только увидев мелькнувшую ногу, успевшую за долю секунды вынырнуть из-под колеса третьей машины, ожила и направилась к девочкам. А они хохотали. Упивались своей глупостью.

«Теперь такие у вас «феньки»? А если бы этот мальчик по вашей вине погиб под колесами машины? Вы не подумали об этом, ненормальные?!» – истерично заорала я.

Сейчас, конечно, мне стыдно вспоминать о своей несдержанности, но тогда меня трясло, я была в шоке от пережитого и никак не могла успокоиться.

Высокая девочка так и застыла с широко распахнутыми глазами и открытым ртом. Лицо ее выражало ужас. Двух других мои слова привели в замешательство, испуганно забегали их маленькие черные глазки, и они мгновенно «слиняли».

«Они уговаривали тебя поиздеваться над мальчиком, и ты подчинилась? Своей головы нет или желание, пусть даже глупо и подло «хохмить», тормозит твой мыслительный процесс? Плохо работают сдерживающие центры? Вот если бы мальчика сбила машина, и он, слава богу, остался бы живым, но покалечился, как ты думаешь, кого бы он винил в своем несчастье? Тебя или твоих так называемых подруг, исподтишка натравивших тебя на него?» – зачастила я, сердито распекая девочку.

– Дети иногда тоже бывают гадкими, как и их родители. Уже по малышам видно, какими они станут, когда вырастут: добрыми, порядочными, стервами или сквалыгами, – вторглась в пространство рассказчицы Инна.

А Лиля, не обращая внимания на комментарий, продолжала:

– Девочка уже пришла в себя и уныло молчала.

«Ты видела, как твои подружки быстро скрылись с места «преступления?» Я не стану выяснять причин, по которым мальчик бросился перебежать дорогу на красный свет светофора: то ли на спор, желая доказать свою смелость, то ли его задела за живое твои грязные посягательства на его личную жизнь, это сейчас не главное, хотя и важное. Но я надеюсь, что после этого страшного случая ты поняла, что обманулась в выборе подруг, впредь будь осторожна и ни под каким видом не позволяй себя подставлять. Ты уже не маленькая и должна понять, что я заслуженно тебя упрекаю. Вон ты какая вымахала, осталось поумнеть. Красивым девочкам тоже надо уметь думать. Ты, видно, когда расхвастаешься, ничего от подружек утаить не можешь, а они этим пользуются. Понимаю, не желаешь со мной разговаривать», – с усмешкой закончила я свой педагогический монолог. И все же добавила, рассмотрев обезображенные пирсингом уши и нижнюю губу девочки: «Если бы не эти побрякушки, никто бы не заметил, что ты еще глупая».

Маленькая незнакомка растерянно похлопала огромными ресницами и побежала в сторону, противоположную расположению школы, потом вдруг притормозила, обернулась, наверное, чтобы что-то напоследок сказать, но не сумела или не посмела. И мы с Галочкой пошли своей дорогой.

Моя говорливая внучка до самого дома не проронила ни слова. Я понимала, что она сравнивает этот случай с недавно происшедшей с ней неприятной историей, когда подружка уговаривала ее сообщить по мобильнику в МЧС о том, что будто бы в их школе заложена бомба. Тогда провидение и мое, бабушкино, чутье спасло нашу семью от позора.

Если в ребенке присутствуют врожденная интеллигентность и достаточно хорошие способности, то стоит только коснуться их тонких струн воспитанием, они сразу зазвучат на нужной ноте, надо только не упускать из виду свое чадо. А вот если не дана, не запрограммирована в генах чувствительность, глубина восприятия, то для того, чтобы их развить, ой как много надо потрудиться, чтобы из малыша вырос достойный человек, – закончила рассказ Лиля.

– Если интеллигентности нет в крови, то учи не учи – пшик выйдет, – хмыкнула Инна.

«По себе что ли всех равняет», – раздраженно подумала Рита. За пятнадцать лет их совместной работы в НИИ она так и не сумела выработать «противоядие» от Инниных шпилек и подколов.

Жанна поделилась своим наблюдением:

– Недавно пришлось коснуться в разговоре с внучкой щекотливой темы. Стала я ей осторожно разъяснять кое-что о проблемах взаимоотношения полов. Смотрю, ее даже передернуло от брезгливости. Тут-то и припомнились мне слова Честертона о том, что «иногда детям лучше приказывать. Убеждая, вдаваясь в подробности жизни, мы лишаем их детства». Вот я и решила, что до времени не стоит мучить девочку сложными вопросами, наталкивать на какие-то лишние мысли, которые могут ее обеспокоить. Она, вне всякого сомнения, умная девочка, но вдруг вообразит, что у нее отклонения в психике или еще какую-нибудь странность найдет в себе. Не стоит по любому поводу поднимать переполох. Не надо ничего делать с тем, что непонятно взрослому в ребенке, что тревожит. Имеет смысл только наблюдать и анализировать. Понятное дело, это не беспечность, а осторожность. Главное – не напортить, тогда все постепенно встанет на свои места. Многогранен процесс воспитания. Нельзя пренебрегать различными, даже, на первый взгляд, абсурдными идеями, методами и подходами.

Кира, которой была противна командная система воспитания детей, с интересом прислушивалась к беседе Жанны с Лилей.

Заботы и проблемы

Лена опять слышит голос Лили.

- За непослушание рано или поздно приходится расплачиваться. Но почему ребенок делает глупости? Потому что еще не умеет предвидеть результатов и последствий своих действий. Вот посидел мальчик на сквозняке - не послушался маму - и переболел всего-навсего насморком, а через год попал в больницу с болезнью почек. И все почему? Он не мог связать в своем сознании два таких удаленных по времени события. Своего жизненного опыта не хватило, чтобы предугадать возможность осложнения, а маминым не воспользовался, - объясняю я Галочке, хотя знаю, что не любит она моих правoucений. Ей не нравится углубляться в серьезные проблемы, ей хочется жить легко и беззаботно, и она ладошкой в шутку прикрывает мне рот. Но я продолжаю излагать ей свою точку зрения в надежде, что закладываю в нее надежную базу, фундамент ее дальнейшей жизни.

«Не желая меня слушать, ты закрываешь путь к обучению и тем самым невольно готовишь себя к следующим ошибкам, - толкую я ей снова. - Вот сколько раз просила: не поддавайся на подстрекательства Наташи, не слушай ее хитренских речей - и какой толк? Пока никакого.

Заруби у себя на носу: пока не научилась анализировать ситуацию, старайся избегать контактов с Наташей. А ты опять купилась на ее сладкие речи. И вот результат - она использовала тебя как подопытного кролика в своем жестоком эксперименте над твоим здоровьем. Ты упала в обморок, ударилаcь головой, а уже через несколько часов опять играла с ней в карты! А если бы Наташа по глупости, по неопытности так тебе пережала сонную артерию, что ты не вышла бы из обморочного состояния? Ей бы ничего за это не было - дети играли, - а тебя мама уже не нашла бы на этом свете.

У тебя нет чувства собственного достоинства и нет страха за свою жизнь. Ты боишься, что мама в наказание за мелкую провинность лишит тебя на какое-то время компьютера, но совсем не осознаешь, что по вине своей жестокой одноклассницы можешь лишиться жизни. Из всей лагерной смены ты одна попала на ее удочку. Получается, тебе одной предназначены вкрадчивые взгляды этой девочки-вампира? Остальные дети оказались умнее тебя?» - сердито выговаривала я внучке. Галочка наверняка считает меня занудой.

Нет, вы представляете, как эта Наташа умно, точно по нотам, разыграла спектакль! Она не поддержала мою внучку, когда та падала, хотя предвидела обморок, зато тут же организовала проведение опыта на себе. Девочка понимала, что ничем не рискует, потому что никто из детей не знал ее подлого секрета. Когда подружки «колдовали» над ней, она сделала вид, будто ей дурно, и, помня падение Галочки, медленно и осторожно осела на пол, имитируя легкий обморок.

Потом она вовлекла в игру всю группу, естественно, никого не посвятив в тонкости своего «опыта». Дети глубоко дышали с закрытыми глазами, стучали друг друга по груди, но никто не падал в обморок. Все сочли, что Галочка слабенькая девочка, и успокоились. Им же и в голову не проходило, что их действия - всего лишь отвлекающие манипуляции при проведении опасного эксперимента... А случись что, никого не притянешь к ответу.

С другой стороны, я прекрасно понимала свою внучку. Ничье страдание никогда не представлялось мне как наслаждение. Я совершенно лишена этой сути демонизма и не подозревала наличия его в других. Этим летом я сама впервые столкнулась с его проявлением у Наташи и растерялась. И Галочка в меня. А эта Наташа - девочка ну просто загляденье, и вдруг - такое... Конечно, в массе своей дети добрые.

Лилиа так разволновалась, что никак не могла остановиться, все больше и больше погружаясь в подробности инцидента и своей на него реакции.

- «Радуйся, что есть кому оградить тебя от неожиданных ситуаций, подсказать, объяснить хотя бы уже свершившееся, - снова внушала я внучке. - Но мы с твоей мамой не можем быть все время рядом, вот поэтому и учим думать своей головой, чтобы сформировавшийся внутри тебя механизм защиты вовремя бил тревогу и подсказывал,

как поступать».

Мы живем сейчас в атмосфере абсурда, может, поэтому возникают такие «личности», как Наташа. Возможно, они всегда были, но не имелось почвы для их взращивания. Наташе всего одиннадцать лет. Боюсь, подрастет и еще не такие подлянки станет устраивать подружкам: может статься, к наркотикам глупых девочек обманным путем начнет приучать. А сама употреблять не станет, сбежит и, как ни в чем не бывало, будет строить наивные, невинные глазки и радоваться чужому несчастью.

Вот и остерегаю я внучку, надеюсь, что мои нравоучения позволят ей понимать события и людей в их реальном виде, помогут видеть на два-три шага вперед. Надеюсь, научившись осмысливать происходящее, она в дальнейшем сможет сама себя избавить от многих ошибок, неприятных, оскорбительных, а может, даже опасных моментов в жизни. С одним таким она уже успела познакомиться в лагере, но правильного вывода для себя пока не сделала. Почему? Не доросла до понимания? А неприятности не станут дожидаться ее взросления.

Лиля беспокойно вздохнула.

- А я своему внуку недавно говорила буквально следующее: «Думай своей головой. Вот Наполеон пошел по наущению Англии на Россию и проиграл, а мог бы завоевать Средиземноморье и стать для французов настоящим героем, а не изгнанным и побитым», - сказала Лера.

- И ведь не предоставлена самой себе ваша внучка, а все время попадает в сети. В педагогике такой тип характера называется «ведомым». Мы, взрослые, прекрасно знаем, что где-то рядом с нами есть другая, страшная жизнь, где процветают казино, наркотики, детская проституция, и оберегаем от нее своих внуков. Ведь если обрушится на неподготовленного ребенка грубый взрослый мир, он может растеряться. Его могут заставить обманом, вынудить шантажом и угрозами окунуться в эту грязь. Ужас!.. Хуже всего, когда дети не нуждаются в твоих мыслях и советах, - вздохнула Аня.

- А иногда мы подавляем заботой своих подрастающих внуков, лишаем их самостоятельности, - заметила Инна.

- Может, Наташа вырастет из своих глупостей? Надо принять во внимание ее юный возраст. Будем надеяться, что не сбудется твой мрачный прогноз, - пожелала Жанна.

- Хотелось бы в это поверить, но сомневаюсь. Девочка - копия своей бабушки. И мать полностью ее поддерживает и защищает, а на меня смотрит презрительно: мол, учить жить нас взялась, а мы без тебя знаем, как воспитывать своего ребенка.

Когда у Наташи уже в восемь лет проявились странные наклонности, я решила, что не замечать этого - подло, и попыталась объяснить с ее мамой. Но она меня так оговорила перед родителями и учительницей, что я поняла - дело там глухо и больше не вмешивалась в их жизнь, только еще надежней стала оберегать свою внучку от влияния этого сложного семейства. Не хочется верить, что оно намеренно воспитывает злодейку.

- И, конечно, очевидной причиной и следствием этого утверждения или даже обвинения являются твои собственные наблюдения? - прервала Лиллю Инна.

- К сожалению, да. Я неоднократно вытаскивала свою внучку из цепких ручек Наташи. Приведу пример. Молоденькая неопытная учительница в продленке не обращала внимания на двух девочек, каждый день лежащих в обнимку на диване вместо того, чтобы играть, читать или готовить уроки. Они же вели себя тихо и никому не мешали! Сначала моя внучка убегала от прилипчивой девочки, а потом, видно, привыкла. Пришлось забрать ее из продленки.

Вы бы видели, как изменились обычно деланно невинные глаза Наташи, когда я вводила внучку. Они излучали холод, были полны ненависти и странно остро блестели. От ее тона, от жесткого, немигающего взгляда исподлобья мне, взрослому человеку, сделалось не по себе. Еще при нашей первой встрече я обратила внимание на то, как пристально, изучающе, в упор, долго, не отводя глаз, смотрела на меня эта девочка. Я только раз видела подобный взгляд у одного пятиклассника. Мальчик был из бандитской семьи, и его боялись даже учителя.

Но в случае с Наташей я не отвела взгляда, тем самым давая понять девочке, что я сильнее и что со мной ей не стоит тягаться. Я понимаю, что трудно изменить сущность этой девочки, но учителям надо пытаться направлять во благо особенности и даже недостатки ее характера. В этом я вижу суть воспитания, – закончила Лиля свою исповедь.

– Я вижу, ты до сих пор под впечатлением случившегося в лагере, – сказала Эмма.

– Еще бы! Представь себя на моем месте. А вот вам еще пример. Иду я как-то по школьному двору во время перемены – наша старая школа стоит как памятник великому разуму среди разных шопов, парикмахерских салонов и ресторанов, – к играм детей присматриваюсь. Мне одного взгляда было достаточно, чтобы заметить, что группка второклассниц травит свою подружку.

– Одного небезразличного взгляда, – уточнила Жанна.

– Дети с криками носились за бедняжкой, как голодные воронье. На лицах – удовольствие и восторг охотников. Я вмешалась, выяснила причину. Оказывается, когда на уроке физкультуры дети ходили на руках, то эта девочка, по мнению некоторых одноклассниц, нарочно отпустила ноги напарницы, которую страховала, и та ушибла колени. «А вы представьте, что у Аси руки устали, и она не смогла справиться с заданием», – предложила я новую версию события, пытаюсь нивелировать ситуацию в маленьком коллективе. (Не все дети участвовали в травле). «Нет, она нарочно, она плохая», – упрямо возразила одна из девочек, буквально срываясь на крик. «Расскажи, что плохого делает Ася, чем она тебя лично обидела?» – допытывалась я. Девочка растерянно замолчала. А другая, внимательно слушавшая наш разговор, подсказала: «Когда учительница засвистела, Ася вздрогнула и не удержала ноги одноклассницы». По поводу поведения крикливой Любы она и словом не обмолвилась, только посмотрела на меня красноречиво: мол, вам, взрослым, виднее. Унд зо вайтер.*

Я отыскала пострадавшую, и та объяснила, что Люба из любви к ней организовала подружек отомстить Асе за издевательство. И ругательные записки продиктовала, в которых описывались все «грехи» обвиняемой. «И часто у вас происходят такие «игры»? – удивилась я. «Постоянно. Одна плохая девочка от нас даже в другой класс перешла. Она нам не подходила. И мальчишки устраивают противостояние друг с другом и с девочками. Недавно Вовку гоняли всей компанией за школой, а когда он упал, рот ему заклеили пластырем. Как в кино. Хотели его немного в шутку придушить, да звонок на урок позвал. Здорово! Гудини отдыхает», – с восторгом сообщила мне пострадавшая девочка. «А учительница как относится к вашим играм?» – спросила я, внутренне содрогнувшись от услышанного. «Нормально», – пожала плечами девочка. «А если тебя станут терроризировать?» – поинтересовалась я. «Не станут. Я же дружу с Любой». «И подчиняешься ей?.. Видно она когда-то сделала тебе маленькое одолжение, и теперь ты не можешь ей ни в чем отказать. А если раздружишь, когда поумнеешь?» – презрительно спросила я. Валя задумалась. Потом мы долго беседовали, после чего она помирилась с Асей и даже села с ней за одну парту. Как-то попросила я девочек позвать мне Любу. За приглашением, конечно же, ничего не последовало. Испугалась ответ перед взрослой женщиной держать. Только перед детьми смелая. Как говорили у нас в детдоме: «жидка на расправу» оказалась. Конечно, для большинства детей, наверное, эти забавы пройдут бесследно, многие, повзрослев, просто забудут о них. Но как быть с теми, кого они надломают?

– Нас в детдомовской школе учили дружить, уважать друг друга, помогать слабым, выручать. И я продолжала эту традицию в своих учениках, – поделилась Жанна.

– Вот из таких Люб и вырастают жестокие лидеры, которые с детства закрепляют в людях стремление видеть в любом поступке преднамеренное желание сделать другому плохо, – сказала Галя. – С человеком, настроенным на отрицательную волну, на неверие в добро, очень трудно общаться. Он кого угодно задержит. Сам вечно будет на нервах, и другие на него в постоянной обиде. И никакой радости.

– А какое у тебя общее впечатление о лесном лагере, в котором отдыхала твоя внучка? – спросила Эмма.

– Честно говоря – ужасное. Клоака. За две недели внучка набралась там столько гадостей, сколько не могла собрать за все одиннадцать лет своей достаточно

насыщенной жизни. Дети там целыми днями лежали в помещениях, играли в карты, смотрели телевизор и делились так называемыми «познаниями о жизни». И, как объясняла внучка, в потолок плевали. Мы ее оторвали от компьютера и отправили в лагерь, чтобы она там побегала на природе, воздухом лесным подышала, окрепла, научилась чему-нибудь полезному, но с детьми никто не занимался. Из комнат их выгоняли, лишь когда приезжала какая-либо комиссия.

А чему там внучка научилась, можно судить по ее дневнику, куда она записывала свои впечатления о ранее неизвестной ей стороне жизни. И новые подружки старательно заполняли страницы ее тетради перлами «современной детской поэзии и прозы». У меня волосы дыбом встали, когда внучка познакомила меня с ними. Там были одни пошлые песенки, сплошной мат и такая скабрёзная информация, которую мне, взрослому человеку, было стыдно и гадко читать. Забрали мы внучку из лагеря досрочно и решили в дальнейшем больше ни за что не посылать ее в подобного рода заведения.

Одного-единственного опыта было достаточно, чтобы ребенок понял, что, помимо домашнего, умного, доброго и интеллектуального, существует и другой мир, в котором она ощущает себя некомфортно и в который она не должна стремиться. А двадцать пять лет назад моя дочь благополучно пережила знакомство с самостоятельной жизнью. Там тоже не все было гладко, но пакостей было намного меньше.

– А все почему? Раньше в лагерь посылали в награду за хорошую учебу и примерное поведение, а теперь – когда ребенка на лето некуда пристроить или если родители хотят отдохнуть от своего чада, – заметила Инна.

– Родители на работе, бабушки-дедушки – далеко. Ребенок дома один. Чем он занимается? Вот так и упускают дитя, и вырастает из него бездеятельный, безразличный человек, ни к чему не способный, которому ничего не интересно, которому некуда деть свою молодую энергию. «А что? Одевали, кормили. Чего еще от нас ему надо?» – грустно прокомментировала ситуацию Эмма.

– Недавно порадовала меня Галочка. Пришла из школы веселая, счастливая и сразу с порога принялась мне рассказывать: «Представляешь, ба, разговариваю я с Анжелой, а тут подскакивает Ленька и обзывает меня спорой грибной. Он, видишь ли, здоровяк, а я мелочь, меня как пыль можно сдуть. Ленька обзывает, а я спокойно продолжаю разговор с подружкой. Он опять кричит: «Брысь отсюда, спора грибная!», а я с еще большим интересом веду беседу с Анжеликой. Он в третий раз с криком на меня налетел, я же даже бровью не повела. Ленька распахнулся и убежал. Как же я была довольна! Не кричала, не унизилась грубостью, смогла победить его своим достоинством». Я молча обняла свою малышку, а ей видно хотелось моей бурной реакции. Но и тут она сумела выказать свою сдержанность и просто добавила: «Взрослею».

– А моя внучка, – взволнованно заговорила черноглазая Мила-украинка, – это еще в первом классе случилось – прибегает раз из школы радостная и сообщает во всеуслышание: «А мы сегодня с Соней за мальчиками гонялись и целовали их!» «Зачем?» – спрашиваю испуганно. «Так просто, в шутку. Мы же не в губы». «Твои рассуждения, знаешь, на что похожи? Убить нельзя, а избить можно. Пойми: и то, и другое – преступление, только за первое последует меньшее наказание, – объяснила я сурово. – Скажи, пожалуйста, вы вдвоем с Соней бегали за мальчиками или еще кто-то участвовал?» «Вдвоем, – отвечала Ганя понуро, уже начиная понимать свою ошибку». «Остальные девочки оказались самостоятельнее? Объясни мне, что смешного в этой истории?» «Не знаю», – созналась Ганночка. «Пока не поймешь, в чем состоит игра, не участвуй в ней, чтобы снова не попасть в глупую ситуацию. Учись говорить «нет». Ты вспомни: сначала эта одноклассница ласково обнималась с тобой, потом целоваться взапас научила, теперь уж и до мальчиков дело дошло. А следующий раз она тебя «ради шутки» в подвал поведет к бандитам. У твоей мамы была безвольная как ты одноклассница, только нет ее уже давно на этом свете». «Не пойду», – угрюмо возразила внучка. «Пойдешь, – отвечала я. – Не впервой. А если и утерпишь, то надолго ли тебя хватит? Ты же настезь раскрыта для всего, в том числе и для дурного. В следующий раз если не Соня, так другая девочка уговорит. Скажет: «Ой, как здорово! Весело оторвемся!» И ты помчишься сломя голову. Ты же не хочешь думать, формировать свое мнение. У тебя мозги отключаются, когда подружка зовет тебя повеселиться. Я понимаю, не ты ее выбираешь, она тебя. А ты не подумала, почему? Увидела, что ты доверчивая, открытая, добрая, вот и решила сделать из тебя объект для своих

развлечений. Учись, Ганночка, понимать людей, не позволяй обманывать себя. Держись подальше от плохих людей. Ты еще маленькая, неопытная, но мы поможем тебе, и все у тебя будет хорошо», – успокоила я свою внучку.

Я попала в самую точку, потому что понимала – в семье у малышки дефицит положительных эмоций. Мама работой замучена, и все домашние дела на ней. Отец раз в неделю придет, молча отсидит за телевизором два положенных ему часа общения с ребенком и уходит. Я стараюсь увлечь внучку интересными и полезными занятиями, но по причине моего плохого здоровья любые начинания оказываются малоэффективными, – печально закончила свою исповедь Мила.

– У меня с Олечкой тоже были проблемы, – сказала Жанна. – Обманывать меня научилась. Как-то я застала ее за тем, что она вытаскивала из кармана моего халата конфеты. Я возмутилась. А она мне в ответ удивленно: «В сериале «Счастливы вместе» дети тоже так делают. Это же хохма, шутка». Пришлось растолковать внучке, что такое воровство и что этот сериал учит тому, как не надо себя вести. Наказывать не стала. Побоялась потерять ее доверие. И только будто бы в шутку сказала: «Для полного «счастья» тебе только «Дом-2» не хватает смотреть». Но успокоилась я совершенно напрасно. Новые трудности возникли. И их мы преодолели благодаря открытости и доверию ко мне Олечки.

Если дети скрывают от взрослых свои проблемы, свою боль – даже когда этим хотят уберечь своих близких от лишних разочарований, – значит, они не видят в них друзей. А это чревато печальными последствиями. Неконтролируемые впечатления детства могут сформировать из детей чудовищ и погубить их, и тогда родителям придется принимать неудачный опыт жизни своих детей на себя. Нельзя ставить слабых духом детей перед соблазном свободного выбора. В них часто горят желания, которые выше их возможностей. До некоторых пор – пока они не созрели до понимания жизни – им больше подходит строгое послушание.

– Я вот современные детские журналы не люблю. Раньше дети кукол пеленали и кормили, а теперь красят им волосы и меняют наряды. К чему ведет такое воспитание? – задала вопрос подругам Аня. Но Жанна громко продолжила свой рассказ:

– А как-то заметила, что неуважение ко мне внучка Катенька стала проявлять. Все началось с того, что подружка принялась преподносить ей дорогие подарки, покупать ее дружбу, когда они ссорились. Катя не интересовалась ценами вещей и простодушно радовалась вниманию в любом виде. Потом девочка стала давать ей деньги, просто так, мол, не знаю, куда потратить. Катя опять-таки не отнеслась к этому факту серьезно (ведь ей было всего восемь лет), но когда подруга звала ее куда-то, она неосознанно чувствовала, что не может ей отказать.

Много ласковых и строгих бесед я провела с внучкой, пока наконец она поняла свою ошибку. Говорили по душам о том, как трудно деньги зарабатывать и легко тратить, о самоуважении, о всевозможных типах характеров, еще о лести, зависти и сплетнях, о том, как сложно, но необходимо научиться говорить плохим людям «нет», не поддаваться «стадному» чувству, не попадать в зависимость. Я объясняла внучке: «Если ты один раз уверенно сказала подругам «нет», то не позволяй себя переориентировать. Тогда они поймут, что у тебя другие точки отсчета, что ты самостоятельная, что не удастся им затащить тебя в дурную компанию, и отстанут. Только отказывай спокойно, как бы лениво-безразлично, чтобы не вызывать с их стороны нападков и желания отомстить». Все эти рассуждения я подкрепляла интересными примерами из собственного детства. И внучка стала увлеченно искать в «прошлой эпохе» то, что ей близко и понятно.

С Катенькой я научилась свои бесконечные нравоучения переводить в шутку или игру. Мы с ней сочинили свой кодекс чести и порядочности, завели дневник хороших дел и ошибок. Как-то весь вечер пели с ней песни моего детства. Потом взялись за наши пионерские «переделки» типа «Все выше и выше, и выше, и скоро колени видать», а она меня современным песенкам обучала. Хохотали до упаду! Я в тот вечер девчонкой себя чувствовала. Мы были с внучкой как подружки.

...И вдруг как-то остро поняла, что раньше для меня «мы» было – я и моя страна, а теперь – только я и моя семья. Как-то грустно сделалось. Ничего, подумала, обживем и эту новую реальность. А потом, и правда, всё это – ностальгия и грусть – как-то со

временем ушло. Дело сделано – надо дальше идти... Отвлеклась я.

Так вот, все равно не все гладко между нами. Страсти особенно накаляются, когда из-за одежды спорим. Катя воспринимает как величайшее несчастье пойти гулять не с той «прищепкой» в волосах или без любимого браслетика. Вот такие «чудеса» с нею время от времени случаются. Ей, видите ли, не нравится мой безнадежно устаревший вкус. Именно так и сказала! С трудом, но все же находим общий язык. Надеюсь, то, что я в нее вложила, не пропадет даром. В эти годы ребенок все впитывает, он – сплошное зрение и слух. Конечно, не сразу Катенька воспользуется накопленными знаниями. Для понимания и осознания должно пройти некоторое время. Я до сих пор, пока внучка не повзрослела и не поумнела, осторожно отваживаю от нее настырных и хитрых детей, чтобы они не вовлекли ее в неприятные происшествия.

– Мне жаловаться на внуков не приходится, но младший тоже столкнулся с проблемами общения в классе, – сообщил Слава, пришедший из кухни. – Макс терпел «дружбу» одного мальчишки до тех пор, пока не «дошел до точки» – дружок его подставил и предал. Только тогда он задумался над их взаимоотношениями и перестал с ним общаться. А мог бы обойтись, по его словам, «меньшей кровью», если бы сразу доверился мне.

Я понимаю, подобных уроков не избежишь, наверное, они полезны для будущей взрослой жизни, но Максим с тех пор стал неуверенным и даже сейчас не стремится к общению с одноклассниками и с теми, кто старше. А я хотел бы вырастить его настоящим мужчиной, чтобы он имел хороших друзей, таких, как у меня, которые на всю жизнь. Сколько ни протаптывай тропинку для своих детей, жизнь поворачивает ее так, что только они сами смогут проложить ее для себя. Ни пяди жизни за них не проживешь. И все же надо учить мальчиков правильным мужским качествам: отвечать за свои слова, защищать женщину, друга.

– Да не переживай ты так, перерастет он свой страх, а осторожность еще никому не помешала, – успокоила Славу Рита. – Еще, бог даст, на футбол и на рыбалку вместе ходить будете. Представляешь, моя вторая внучка, Светочка – ей десять лет, – недавно заявила мне: «У меня начинается переходный возраст, поэтому я не слушаюсь». А я ей с усмешкой ответила, хотя знаю, что не любит она такого моего тона: «Переходный возраст бывает только у не очень умных детей». Так она сразу язык прикусила и задумалась о своем поведении. Не нравится детям ирония, но иногда мы должны брать её на вооружение, воспитывая своих милых чад.

Слава опять заговорил.

– Припомнился мне один случай. Помогаю я раз Кирочке на кухне справляться с грязной посудой и вдруг слышу, как старший внук говорит младшему: «Когда мне было шесть лет, я спросил у деда, зачем он смотрит по телевизору политику. Он ответил мне что-то страшно умное и непонятное, но с тех пор я стал обращать внимание на программы такого толка и до сих пор люблю их слушать. Думаю, эта любовь на всю жизнь». А совсем недавно сказал братишке: «Шестидесятники – понятие нравственное. Макс, это тебе надо осознать». Я растрогался... Вот так и вырастают из мальчишек мужчины, – вынес свой вердикт Слава, придав голосу некоторую официозность. – Конечно, мои мальчишки пока не все про себя понимают, но я верю, из них вырастет настоящая достойная смена.

– Чем старше внуки, тем сложнее нам разобраться в их чувствах, – сказала Жанна. – Современные дети совсем не похожи на тех, какими были мы. Нас глобальные вопросы волновали, а они закидываются на мелочах. В пятом классе у моей старшей внучки Насти конфликт с подружкой Таней произошел. Обе отличницы, а поссорились из-за оценок. И хотя никто никого не настраивал, девочки в классе разделились на два лагеря и поддерживали только своего лидера.

Когда на физкультуре учительница, построив всех по росту, приказала рассчитаться «на первый-второй», они не послушались: не захотели делиться на команды подобным образом, предпочли свои личные амбиции. Учительница, естественно, отказалась вести урок. Дело дошло до директора. Долго в классе сохранялась напряженная обстановка. А в конце года родители Тани Сычковой пришли вместе с классным руководителем к моей Насте домой, побеседовали, разъяснили ситуацию и помирили девочек. И все же еще год они мало общались.

А в седьмом классе на уроке географии ученик спросил учительницу, как рисуют карты, а она не знала, что ответить. У Насти папа – летчик, поэтому она встала и подробно объяснила способ составления карт. И с тех пор, когда в классе возникала спорная ситуация, девочки говорили: «Послушаем, что Настя Войкина скажет». Она стала арбитром – всех мирила, всем помогала. Настя с Таней окончательно помирились, стали вместе на танцы ходить. И до сих пор дружат. Им уже по восемнадцать, студентки. Переписываются. Мы же раньше в Чите жили.

И все же я не припомню, чтобы в моем детстве так жестко решался вопрос о лидерстве в классе. Мы все свое внимание направляли на помощь друг другу. Первая учительница научила нас дружить, уважать личность каждого, пусть даже слабого и не очень умного, приучала находить и ценить в товарищах крупинки хорошего, быть снисходительными. Учила отличать хорошее от плохого, говорила, что нельзя делить людей на злых и добрых, счастливых и несчастных и что уметь любить – быть может, самый главный талант человека. И поэтому, хотя мы принадлежим разным поколениям, я постоянно твержу внучке: «Мы звенья одной цепи. Вы есть мы, потому что вы наши внуки, наша кровь».

– Мы разъединяемся в детях и внуках, как ветви на деревьях, но основное, ствольное направление нашего характера остается в них, – уверенно сказала Лера.

– Я читала, что по современной хромосомной теории наследственности только через семь поколений заканчивается род каждого человека. Это еще скольким же детям придется мучиться с твоим упертым характером? – как бы шутя, поддела Инна Леру.

– Я не в обиде на свой характер и воспринимаю твои слова как комплимент, – весело ответила Лера.

– А вот с сыновьями и внуками у меня никогда не было проблем, потому что на них большое влияние оказывает мой муж. Мальчики просто обожают его! – не без гордости сказала Жанна.

– Слава, наслушался бабьей трескотни? Уши еще не заложило? – спросила Инна.

– «Ты б сидела да молчала, будто дело не твое», – не глядя на Инну, залихватски пропела Мила строчку из детской песенки.

Инна досадливо скривилась, но промолчала.

Временами разговор приобретал общую направленность, иногда рассыпался на кулуарные ручейки. Страсти то затихали, то вновь стихийно возникали и будоражились. Все как всегда при встречах.

Телесюжет

Уставшие от первых впечатлений гости примолкли. Только Жанна продолжала потихоньку делиться своим счастьем – внуками. Кира разносила чай. Телевизор, самовыражаясь яркими красками, тихо и невнятно бормотал что-то на сельскохозяйственную тему. Аня переключила его на спортивный канал. Там юноша бегал в странных ботинках на высоких плоских гибких пластинах.

– Ой, девчонки. Наконец-то еще кому-то пришла в голову та же самая идея, что и мне почти шестьдесят лет назад – создать сапоги-скороходы. Сначала я прикручивала к ботинкам витые пружины-рессоры. Потом, когда увидела, как вибрирует и раскачивается доска, после того как с нее соскочил мальчик, «изобрела» и примотала к ногам гнутые упругие металлические пластинки, которые нашла в мусорной куче за нашим детдомом. Ох, и повеселились мы тогда с ребятами! – вспомнила Рита счастливый момент из своего не очень счастливого детства. – Сколько всего хорошего еще хранит наша эмоциональная память, всего сразу и не вспомнишь, а сколько пережыто!

Как-то нафантазировала себе карманный излучатель, включив который, я могла бы оградить себя от любого плохого человека, потому что вокруг меня будто бы образовывалось ничем не пробиваемое, особое мощное цилиндрическое поле. Еще волшебный шар «изобрела». Я в нем все время находилась в нормальном, вертикальном положении, а он, вращаясь, мог перемещаться с любой заданной мною скоростью. Шар был прозрачен для меня и невидим для окружающих. Боже мой, чего я только не придумывала в свои шесть-семь лет! Боясь насмешек, я никому неверяла свои фантазии и, как правило, быстро о них забывала, потому что в голове снова возникало что-то еще более интересное и небывалое.

Счастливая улыбка на миг осветила смуглое задумчивое лицо Риты.

Началась трансляция футбола. Аня надолго не задержалась на нем и перескочила на канал «Дискавери». Молодая красивая женщина, кандидат наук, вводила зрителей в злободневную тему «Нарушение экологии – преступление перед последующими поколениями». Мила прислушалась и вдруг оглушительно расхохоталась:

– Нет, ну до чего похоже изъясняется! Галя, она прямо слово в слово повторяет твою недавнюю лекцию перед школьниками. Обороты речи те же самые!

– Что тут удивительного? У всех у нас примерно один и тот же запас бытовых слов и специальной терминологии, – спокойно отреагировала Галя.

Аня «побегала» по каналам и остановилась на черно-белом пейзаже. Сообщалось о снежном обвале в горах и пропаже двух студентов, любителей альпинизма.

– Не понимаю я альпинистов. Что заставляет их упорно преследовать свою мнимую мечту, – недовольно забурчала Аня и уже хотела перескочить на другую программу, но Инна остановила ее руку и резко и безапелляционно заявила:

– Не понимаешь, потому что не заводная, довольствуешься примитивной жизнью: кроме работы, ничего не знаешь и знать не хочешь.

– Да, я не тщеславна, не азартна, и, признаюсь, к стыду своему, спорт никогда не привлекал меня, – испытывая потребность оправдаться и пытаюсь смягчить слишком резкие слова сокурсницы, тихо ответила Аня. Она посмотрела на Инну удивительно чистыми и усталыми серыми глазами, которые редко оживлялись улыбкой. В глубине их, как и прежде, Лена обнаружила переизбыток стыдливости и стеснения.

Инна грубовато-ласково шлепнула Аню по спине и заговорила насмешливо:

– Эх ты, милейшее создание! Правда состоит в том, что эти дети ломают стереотипы твоего понятия о счастье. Они хотят быть героями, желают огромных, немислимо потрясающих, фантастически глубоких ощущений, чтобы страсти накалялись, чтобы они искренне до слез волновались и радовались. Они хотят быть там, где чувствуется дыхание истории! Молодежь устраивает себе праздник эмоций, чтобы сбросить с себя повседневность. Понимаешь, Аня, можно за всю жизнь так и не дожидаться случая, позволяющего совершить подвиг, а горы предоставляют его в любой момент.

Интересно, успели эти студенты почувствовать себя «одним народом» с альпинистской братией, чтоб «клекот услышать орлиный»? Ощутили себя в едином энергетическом пространстве гор? Смогли впустить во время восхождения внутрь себя, в свою душу что-то еще, кроме восторга от героизма? Может, они усвоили истину: настоящая жизнь – это то, что мы испытываем сейчас, а не вчера или завтра. А если поняли, что ощущения являются не обрамлением жизни, а самой ее сутью, тогда их лозунг: жить – значит чувствовать.

И я в юные годы испытывала счастливое состояние полного безрассудства, неосознанную жажду подвигов и успехов, прыгала с парашютом, ходила в горы в одной связке с парнем, которого обожала, – ностальгически, но бодро закончила Инна свой сбивчивый, восторженный монолог.

«Примазывается к героям. Было бы слишком смелым предположить, что все сказанное ею – правда», – пренебрежительно хмыкнула про себя Аня.

«Не думаю, чтобы Инна вознамерилась обидеть Аню. Наверное, ей просто захотелось раззадорить ее, подбить на спор», – подумала Жанна, на минуту отвлекшись от разговора о детях.

– Ты безжалостна в своей правоте. С твоим утверждением трудно поспорить. Где уж мне понять высокие чувства! Сравни свою жизнь с моей. Учти униженное, бесправное детство, тоскливое мировоззрение детдомовца, застрявшее во мне на всю жизнь. Надо сказать – что греха таить! – оно до сих пор аукается. Где и когда мне было учиться ярко и красиво чувствовать? Если человек не видел банан, он его не попросит, – сдержанно, словно неохотно, с обидой в голосе, пояснила причину своих нешироких взглядов Аня.

– Тише, девчонки, хватит препираться, дайте до конца прослушать сообщение, – подала голос Эмма, седая строгая дама с правильными чертами крупного бледного лица.

«... Руководство службы спасения не было оповещено... »

– Случилось что-то нечто экстраординарное? – забеспокоилась Лиля, взглянув на экран.

– У меня нет слов! Не верю своим ушам! В голове не укладывается! Никому не сообщили о своем маршруте. Туда летом редко кто из профессионалов решается идти. Сумасбродные мальчишки и девчонки, обезумевшие от порывов собственной юности, совсем не заботятся о последствиях своих поступков! Возьму на себя смелость утверждать, что это не героизм.

Студенты-первокурсники, очертя голову, помчались навстречу опасности без проводника. На «авось» понадеялись? А зачем лавину нарочно вызывали криками и выстрелами, что подталкивало их к такому действию? Детство взбрыкнуло, в школе не доиграли? Слишком далеко зашли в своих эмоциях. Намеревались взять реванш за проигрыши в каких-то школьных делах, героями захотели стать. Вот, мол, мы какие, никакой растерянности перед жизнью. Всего-то маршрут чуть-чуть изменили, а сколько восторгов! А чем кончилось! Думаю, они не осознавали степени риска. Безумцы – ни больше, ни меньше. Таких самоуверенных юнцов нелегко переубедить, – стараясь сохранить невозмутимый вид, тихо, но сердито говорила Аня.

– И тут мы с тобой несколько расходимся во мнении. Признаться, я не ожидала от тебя подобных мыслей, – не мешкая, ядовито начала осаду Инна. – Не суди о других со своей колокольни. Тебе бы только вразумлять, рога молодым обламывать. Педагог! Стараешься ребят под себя подмять, всех под одну гребенку причесать, а каждый человек – индивидуальность. Чего обрушилась на молодежь? Воздух лозунгами сотрясаешь. Справедливо полагая, что шею свернуть можно и на пороге своего дома, ограждаешь детей от малейших неприятностей? Нельзя всю жизнь их оберегать от излишних волнений. Перемен бойсья, с ужасом их ждешь? Учишь детей поступать по принципам, хочешь, чтобы все стали обыкновенными, серыми, стандартными? Современные дети должны жить сознательно и свободно. А такие педагоги, как ты, могут зарубить на корню самую хорошую идею.

– Куда тебя понесло! Меня ничем не обезоружить. Ты и раньше не отличалась пониманием человеческой психики, и с возрастом совсем не изменилась. Жизнь тебя ничему не научила. Понимаю, куда ты гнешь. У меня примитивный взгляд на вещи? Что

ты имеешь против меня? Зачем превратно толкуешь мои слова? Я не склонна преувеличивать недостатки детей, все совершают ошибки роста, но осторожность никому еще не помешала.

Не всегда можно сказать наперед, как повернется та или иная ситуация. Неизведанное имеет склонность проявлять себя самым неожиданным, самым невероятным способом, – отчаявшись пронять Инну доводами, повысила голос Аня, переходя в нападение. – Вот, хотя бы взять твои горы, раз уж о них зашла речь. Объясни мне, пожалуйста, во имя чего юнцы идут в горы? Хотят положить жизнь своих матерей на алтарь своего хобби? На дерзкие поступки их хватает, для этого много ума не надо. Когда их бурная молодая энергия не находит полезного практического применения, они разгораются от собственных безрассудных мечтаний до глупости, ничего вокруг не замечают, отбрасывают всякую сдержанность, не в меру храбрятся и не считают нужным учитывать мнение взрослых. Не угадаешь, что они еще могут выкинуть в следующий момент, – упорно защищала Аня свой четко определенный взгляд на проблему.

– Я поймала себя на мысли, что совсем не знаю тебя. Попробуй взглянуть на горы глазами самих школьников, – примирительно предложила Инна. Она, похоже, уже переживала, что обидела бывшую сокурсницу.

– Если сказать по совести, мне представляется, что в горы идут люди, в глубине души неуверенные в себе, чтобы самоутвердиться, а некоторые в силу своей трусости совершают отчаянные поступки. Есть такое понятие – мужество отчаяния, – не сдавалась Аня.

– Ничего себе! Неожиданный ракурс. Менястораживает твое предубеждение против молодежи. Я иначе считаю: в горы идут ради того, чтобы состояться. Горы формируют человека. К тому же этот вид спорта придает обыденности остроту. Ни для кого не секрет, что жизнь без приключений, что шашлык без соуса. Пойми, юным хочется быть королями. Не волнуйся, со временем поумнеют ребятишки, на все свой срок. Не повезло этим студентам, надо же было случиться такому совпадению, что как раз в этот день...

Аня резко прервала ее:

– И это говорит женщина? Горячку порешь, рассуждаешь, как мужчина.

– Что с тобой? Какая тебя муха укусила? Не надо на мне оттачивать свою иронию. До чего договорилась! С чем тебя и поздравляю! – с трудом контролируя себя, повысила голос Инна.

– Тебя задела мои слова? Да, не осталась в долгу, позволила себе грубый выпад на твой счет. Выскажусь начистоту. Я уверена, что всему виной такие вот взрослые, как ты. Наверняка дети ушли в горы с их молчаливого согласия. Пойми, в силу своего возраста и ряда других обстоятельств дети не могут предвидеть и предугадать многих ситуаций, – настаивала Аня.

– Девочки, хватит ссориться. Вам не по двадцать лет. Ваш спор со стороны, надо вам сказать, малопривлекательная картина, – попробовала предотвратить назревающий скандал Эмма.

– О, мой неугомонный оппонент! Мой дорогой визави!.. Аня, у тебя нет ни капельки радостного легкомыслия и романтизма. С тобой трудно. Ты – гранитный памятник. Только голуби могут запачкать твою репутацию. Ну что ты наседаешь на меня? Пойми, пока мы, взрослые, не «отформатировали» детей, они думают и делают по-своему, чувствуют по-своему. И в этом их прелесть, – не обращая внимания на слова Эммы, не унималась Инна.

– Хочу с тобой согласиться, но не могу. Не взваливай на детей всю ответственность. Конечно, они чувствуют себя способными совершать серьезные подвиги. Но на чем основаны эти чувства? На мечтах и фантазиях. В них говорит бесшабашность, безрассудная бравада, ребячество. Аня не заслуживает твоей жесткой отповеди. Не горячись, Инна, тормози, не переходи на личности. Не время вскрывать и выворачивать свои души. О детях говорим. Если они совершают ошибки, то в том и наша вина, – медленно, тщательно подбирая слова, чтобы уладить все более разгорающуюся ссору, заговорила Эмма.

- И тем не менее я считаю, что для некоторых людей борьба - стиль жизни. Это обусловлено током их крови, темпераментом. Не надо охлаждать пыл детей из-за того, что они еще не созрели для серьезных поступков. Они должны достигать пика своего внутреннего восторга. Им много надо испытать, чтобы всё в них стало на свои места. И только со временем они по-настоящему глубоко поймут, какое сильное влияние на формирование их характеров оказали походы в горы, - гордо провозгласила Инна, теперь уж совершенно не жалея о своих выпадах в адрес Ани.

- Я с этим и не спорю. Но пока такие дети повзрослеют, они у родителей всю душу вымотают своими фокусами, да еще и чувства вины не будут испытывать, - возмущенно воскликнула подруга-педагог.

- Нагнала страху! У тебя воспаленное воображение. Я не разделяю твоих взглядов. Вот мои возражения: «Горы - это симфония для гордых, сильных духом и телом, это страсть!» - продекламировала Инна.

- Все эти твои поэтические эманации* не для меня. Я могу понять непреодолимую тягу к познанию. Считаю науку, может быть, самой главной страстью в жизни человека. В свою защиту скажу: у меня не было случая убедиться в обратном. А ты, Аня, если мне не изменяет память, всегда была излишне прямолинейна и строга, даже беспощадна в оценке событий, а еще в тебе существует постоянная внутренняя, интуитивная готовность к самому худшему. Наверное, генетическая? И себе не доверяешь? - чуть иронично улыбнулась всегда не то спокойная, не то очень сдержанная Лера.

По комнате прокатился неодобрительный шепот. Бывшие детдомовцы понимали комплексы подруги. Аня не ожидала от Леры поддержки Инне, и, недоумевающая и больно задетая (деревенская, детдомовская!), взорвалась:

- Ты пала в моих глазах! Тихоня, воды не замутит, а туда же! Ты же теперь тоже педагог-репетитор и должна меня понять. Риск - не всегда благородное дело.

Лицо Ани залилось горячим нервным румянцем, губы скривились в обиженной усмешке. Она сердито ворошила на голове короткий ежик седых волос и бурчала:

- Не трогай мою генетику. Я с самого детства постепенно, шаг за шагом шла к такому пониманию. Жизнь научила меня быть осторожной. Когда нет мозгов, тогда нет и страха. Знаешь, можно, наверное, жить ради острых ощущений, можно стремиться получать их больше и больше, но стоит ли из-за них умирать или подвергать риску других людей?

Вниманием всех присутствующих опять завладели кадры телевизионной хроники.

Аня первая нарушила молчание:

- По-детски, опрометчиво поступили студенты. Причина их трагедии кроется в том, что не захотели они ввязываться в свои дела взрослых, а все равно пришлось. Почему спасатели должны рисковать своей жизнью, даже погибать из-за баловства, необдуманности или хулиганства великовозрастных балбесов? Смотрите, спасенная девчонка довольна собой, по глазам видно, героиней себя считает.

Я была права - сомнения и угрызания совести ее не мучают. Ей надо сначала упражнять мозги, а не мышцы. Думала, что для совершения подвига ей достаточно иметь надежного друга, на которого можно положиться. А друг-то, наверное, сам как восторженный теленок! Вот она, безответственность! И за примером далеко ходить не надо. Кому ты, Инна, благоволишь? Незадачливым героям? Оправдаться-то перед взрослыми они смогут, да смысла в том нет. Что фактам противопоставишь? По мнению таких несмышленьшей - все виноваты, кроме них, - горько добавила Аня, похоже, вспомнив что-то неприятное.

- Черный пессимизм! Некоторые взрослые склонны приписывать свои комплексы и недостатки другим, - презрительно заметила Инна.

«Не разговор, а сплошь педагогические и этические «открытия», - дернула плечами Лера.

- Ой! Смотрите, парень ногу сломал, - испуганно воскликнула Эмма, - но держится

прекрасно, владеет собой, не ноет. Для него настал час мужества. А девчонка рядом сидит, улыбается. Как ни в чем не бывало позирует перед телекамерой.

- Когда же наконец прояснят ситуацию, ведь чем она непонятней, тем кажется опасней, - нервничает Аня.

- Это тот случай, когда надо набраться терпения и ждать. Успокойся, ты слишком взвинчена. Не бери душу. Все будет хорошо, - успокаивает подругу Эмма.

Неожиданно подала голос Рита, молчавшая до сих пор и долго, с недоумением прислушивающаяся к длинным, но поверхностным, как ей казалось, рассуждениям подруг.

- Я не испытываю особого оптимизма по данной ситуации. Жить в непрестанном ожидании и страхе или верить, что все прописано в книге судеб - все это мне не по нутру. Обычно людям важны факты, а меня, как физика, интересуют закономерности. Тут я их тоже прослеживаю. В первую очередь это отсутствие должного морально-этического воспитания. Поэтому история заслуживает того, чтобы ее обсудить. Я за романтику без головотяпства, когда глупость и разгильдяйство одних принуждает к беззаветной храбрости других.

Слышите? Спасатели целую неделю к студентам пробивались, в поисках самого короткого пути ползали по самым опасным, отвесным скалам, вертолеты задействовали. Вот заставить бы этих ребят отработать и оплатить всю спасательную операцию, так потом я посмотрела бы, пошли бы они побеждать вершины так же бездумно, безрассудно, не подготовившись соответствующим образом, без необходимого достойного снаряжения? На Западе им не разрешили бы и на сто метров войти в зону неоправданного риска, а у нас все дозволено.

Таких случаев, как сегодняшний, у нас хватает. И здесь я согласна с Аней. Молодые люди не подумали ни о себе, ни о тех, кто, рискуя жизнью и здоровьем, вынужден их спасать. Другое дело - спортсмены-альпинисты. У них все рассчитано, выверено, они даже на казусы природы и погоды делают поправки. И если что-то случается, то виной тому - судьба, а не разгильдяйство мнимых героев. Вспомните случай с нашими ребятами.

- Не тревожь их память. До конца жизни не забыть нам гибель наших студентов-географов в горах на практике. Среди них был мой Леша. - Это Лера жестко остановила Риту.

Траурное молчание заполнило маленькую комнату.

Инна долго боролась с противоречивыми чувствами и все-таки не выдержала и зашептала, наклонившись к Рите:

- Оставь свой менторский тон. Хочу напомнить: у спасателей такая работа.

- Но подвергать их неоправданному риску - бесчеловечно и непорядочно. Спасатели не станут выяснять причины аварии, а честно и смело выполнят свой долг. Но им будет горько сознавать, что жизнь их погибших товарищей отдана на откуп глупости и безответственности, - возразила Рита.

- А всего-то надо было кому-то этим романтичным детишкам мозги прополоскать перед восхождением, - поддержала ее Эмма.

- Понятное дело, они себя самыми умными считают, - беззлобно проехала по горе-альпинистам Галя.

- Сама-то больно послушной была? - Это Жанна спросила.

- Я-то? Я никогда не могла позволить себе неразумных действий. У меня чувство ответственности было слишком развито. Между прочим, романтизм рассудительности не убавляет. Вспомните наши стройотряды в тайге, на сплаве леса. В идею с головой ныряли, а в дурь не лезли, - спокойно ответила Галя.

- Да, вы с Милой всегда с добротной, крестьянской жилкой были. И в лесу, и в городе

нас выручали. Помнишь, как ты «зеленых» под орех разделала, когда они к моим кожаным ботинкам привязались. Они отнесли меня к числу людей, которые верят в священное право без зазрения совести брать от природы все, чем она располагает. Как ты их тогда: «Диких кабанов нельзя уничтожать, а запрещать выращивать для своих нужд свиней вы не имеете права. Этим не нарушается баланс дикой природы. Если следовать вашей логике, то и хлеб, выращенный на полях, нельзя есть. Он ведь тоже часть живой природы». А им и крыть нечем, отступились, – залиvisto рассмеялась Жанна. А потом как-то грустно добавила:

– Ненавижу охоту. Убивать вольную птицу, чувствовать ее угасающий трепет, трогать холодеющее тельце – это выше моих сил!

– Теперь все поголовно увлекаются экстремальными видами спорта, а для меня они всегда были неприемлемы, как и громкие, красивые слова. Я никогда не смогла бы стать настоящим альпинистом, поэтому и не стремилась. Не из трусости, нет, просто не мое это. Здесь нужно особое геройство. Совсем не то, с каким идут защищать родину. Защищать мне по силам. В горах другое...

Альпинисты – люди из иного мира. Они выражают себя на своем, только им понятном языке души. В горах эти люди находятся в состоянии преодоления, мобилизации и сосредоточенности, на пределе моральных и физических сил. Для них нет большего восторга, чем стоять на вершине и созерцать близкое небо и далекую землю. Тогда достигнутая цель и яркие эмоции компенсирует все моральные и физические затраты. Я по-доброму им завидую. Они, как Икар, – с высокой небесной мечтой, – сказала Галя.

– Сейчас мода пошла на экстремальный туризм, – поддакнула Мила.

– На умных, смелых и красивых мода никогда не проходит, – усмехнулась Рита.

– Быть и казаться героем – не одно и то же. Еще один штрих к портрету той девочки-альпинистки, – прервала излишняя подруги Аня. – Меня беспокоит, что из этого трагичного урока спортсменка не сделала соответствующего вывода. Друг рядом на носилках стонет, а ей хоть бы что! Как же, прославилась на всю страну! Наверное, из-за этого и шла в горы. Пигалица. Для нее, наверное, этот подъем – трамплин к дальнейшим серьезным восхождениям по другому рода дорогам жизни. Одна радость: ее родители пережили сегодня момент бурного счастья – ведь их дочь жива и здорова.

– Аня, ты слишком категорична и нетерпима. У каждого есть слабости. Самые скучные на свете люди – те, что слишком правильные, – поддела сокурсницу Инна.

– Лучше быть скучной, чем непорядочной, упрямой и безрассудной, – сердито отрезала Аня. И, вконец расстроившись, с отчаянием крикнула: «Утихомирься!»

– Не могу я принудить себя замолчать. Это ты у нас выдающаяся личность по усмирению своего характера, – рассмеялась Инна.

– А ты так и не созрела до понимания элементарных истин. Привыкла любым способом подминать под себя...

Сокурсницы сделали вид, что между Аней и Инной ничего не происходит (привычная картина?)

– И все же они герои. На таких примерах воспитывались целые поколения молодежи, – попыталась вставить слово Эмма.

– Только не на таких, как эти юные альпинисты! – переключившись на Эмму, с неожиданной горячностью не дала ей закончить свою мысль Аня. – Спасатели – герои. Их риск оправдан. А эти мальчишки, как пить дать, гонятся за славой. Потехи ради получать адреналин за счет чужой жизни и за деньги государства – жестоко и непорядочно.

Развлеклись, в герои попали! Какое счастье! Такое поведение надо пресекать на корню. Отстегать бы девчонку, чтобы самодовольную улыбку с лица убрала. Глупышка. Конечно, сегодня, спасая студентов, не ее отец или брат погиб. До нее, наверное, пока еще не дошло, что она натворила.

- Есть люди, которые всегда рвутся в неизведанное. Они первопроходцы. Например, ученые. А мне не дано. Я - серая мышка. Обидно, - ни на кого не обращая внимания, как бы сама с собой рассуждала Жанна.

- Альпинисты стремятся достичь почти невозможного, считают, что риск как раз и есть то, что делает человека человеком. У них возникает острейшее чувство, что они обязательно должны достичь поставленной цели. Одно только знание, что покорили вершину, переворачивает всю их жизнь, они будто заново ее открывают. А, с другой стороны, после экстремальных событий они проще смотрят на неприятности в быту. Опасные ситуации, как ничто другое, помогают подросткам в самовоспитании, в развитии многогранных душевных качеств. Они учат соотносить то, что есть и что могло быть, - продолжала горячо отстаивать свою точку зрения Инна.

- По девочке этого не видно, - упрямо заявила Аня.

Вошла Кира с кофейными чашками на подносе, внимательно вслушалась в телесюжет и вдруг сделала плечом еле заметный знак Ане, все еще державшей в руке пульт от телевизора. Та, будучи раздраженной, не среагировала. Но когда почувствовала грубоватый толчок в бедро то, еще не поняв в чем дело, сначала понизила голос, а потом бодро попросила:

- Девчонки, я временно переключу на пятую программу, там должен быть сюжет о нашем университете, если я ничего не путаю.

И только после манипуляций с программами телевизора она тихо спросила Киру:

- В чем дело?

Та, внимательно оглядывая присутствующих, ответила шепотом:

- Подожди.

Поискала глазами Лену и, убедившись, что ее нет среди подруг, объяснила:

- Сын у Лены в шестнадцать лет погиб под снежной лавиной. Она одна его растила, гордилась им. Столько лет прошло, а горе все равно рвет ей сердце.

Оживление стихло, уступив место тяжелому молчанию.

- Мы не знали. Она все: «Сыночек мой Антошенька, счастье мое». Рассказывала, что с юмором он у нее. Зная ее пристрастие, как-то пошутил: «Мама, дикторы канала «Культура» с тобой еще не здороваются?»

- Так вот почему она молча ушла из комнаты, стараясь остаться незамеченной, - после мучительной паузы произнесла Аня, считавшая себя главной виновницей происшедшего и потому особенно больно переживавшая случившееся.

- Ладно, успокойтесь, ничего тут не поделаешь, случайное совпадение. Не ходите за ней, дайте возможность оправиться от нечаянно нанесенной боли. Да, девочки, имейте в виду: у Люды дочка умерла при рождении. Халатность медперсонала. А у Тамары единственный сын погиб в аварии по вине нетрезвого водителя. Не касайтесь этих тем, если они завтра придут, - предостерегла всех Кира. - Да, еще: если вдруг приедет Зина, ничему не удивляйтесь. Временами у нее бывает плохо с головой. Она обезумела от горя. Внук в армии погиб. Теперь она совсем одна осталась.

Тяжелые беды сокурсниц словно придавили присутствующих в комнате женщин.

Кира ушла на кухню.

- Если сын погиб, откуда тогда у нее внучок Андрюша? - недоумевая, тихо спросила Жанна.

Лавина

А Лена еще в самом начале нестерпимо тяжелого для нее разговора подруг ушла в ванную комнату, присела на короб для использованного белья, прислонилась лбом к холодному кафелю стены и окунулась в прошлое. Бурным потоком хлынули бесконечно-грустные воспоминания о сыне, никогда ее полностью не покидавшие. Двадцать пять лет прошло со дня гибели сына, а боль не утихла. Каждый момент того страшного события по-прежнему застилает глаза белой пеленой. А слова, которые он говорил в тот жестокий день: «Мама, ты увидишь, я достоин тебя. Я докажу. Mamочка, ты для меня самый главный человек на свете, самый любимый», – по-прежнему звучат в ее голове.

Снова и снова восстанавливая события того страшного дня, она будто впала в полузабытье.

...Сердце томилось, тосковало, предчувствие неминуемой беды сжимало его, оно дрожало от страха, но она подавляла волнение. Конечно, пыталась распознать загадочные ощущения, которые странным образом у нее возникли. Думала, что сердце так беспокойно бьется потому, что сын первый раз уходил в горы без нее, в связке-двойке с девочкой-однокурсницей, дочерью врача экспедиции. Не сумела она разгадать предупреждение своей чувствительной материнской природы, не остановила сына. Да и не могла она навязать ему своей воли. Он, юный, не понял бы ее трепетного предчувствия. Этими мыслями она как бы частично снимала с себя вину, которой казнилась.

...Лавина смела и похоронила его единым потоком: узким, мощным, жестким, перечеркнув жизнь ее ребенка и ее жизнь. Секунды смертельной акробатики... и все... Только стон в душе, полный невыразимой безнадежности, что лучше бы ей умереть. Она не плакала, не рвала на себе волосы, не пестовала горькие думы, не баюкала их ложью, лишь почернела и окаменела. Стала похожа на ту скалу, под которой погибли дети. Мысли не двигались в ее голове, тело заледенело. Никаких ощущений: ни запахов, ни звуков, ни боли.

...Дети, милые дети. Они верили, что все преодолеть. Где была верная рука, надежное плечо инструктора?.. При чем тут он? Дети еще не знали, как жестока бывает природа, которой все равно: взрослый ли, ребенок, робот ли попадает под ее жернова. Лавина снега затягивает тебя, и ты как в огромной стиральной машине. А когда она останавливается, ты словно замурован в бетоне... Только родителям до каждой клеточки тела понятна потеря, понятна бездна безысходности. Ей не вернуть единственного, ради которого жила, каждый день совершая героические подвиги: трудовые, бытовые, моральные, нервные, ощущая радость видеть, слышать сыночка, печалиться с ним и за него. Бессонные ночи, аскетизм – тоже ради него. Что теперь осталось ей? Какая цель в жизни, какой смысл?

...Те трое суток, пока искали детей, ей казалось, что она медленно умирает: изнурительны были дни, мучительно длинны ночи. Она что-то смутно помнила, но доподлинно не понимала. Только страх и боль... Она физически ощущала не только оцепенение холодеющего мозга, но и торможение всего организма. За три дня она ни разу не вышла из палатки, не шевельнула даже кончиками пальцев. Глаза не двигались, застыв блеклыми льдинками на обветренном сером лице. Плотно сжатые, мертвенно бледные губы каменной, жесткой, резкой складкой еле вырисовывались. А потом ей сообщили о сыне. И мир окончательно рухнул, исчез...

Врач спасательной команды, сам черный от пережитого несчастья, долго смотрел на мумию с руками, вытянутыми по швам, на остекленевшие глаза, трогал вену на шее, задумчиво хмурился, шупал, тер неживые пальцы вялых, бессильно лежащих ладоней. Потом вышел из палатки. Через некоторое время зашел снова, еле переставляя задеревеневшие ноги. Сел рядом. И вдруг громко, навзрыд заплакал, тяжело навалившись ей на грудь. Его слезы текли по ее лицу. Его огромное, мощное, как глыба льда, тело сотрясали рыдания...

Она знала горе, трудности, обиды, боль, и именно на боль этого большого, сильного человека откликнулась ее душа так, как не могла бы откликнуться на добрые слова, заботу и сочувствие. Именно колебания боли его души совпали с частотой ее отчаяния и, сложившись, вызвали в ней энергию, пробудившую, оживившую и поднявшую ее.

Очнувшись, некоторое время она приходила в себя, все еще не понимая, что с ней происходит. И вдруг всплеск горьких эмоций одним ударом, одним мощным толчком встряхнул весь организм, и хлынули слезы. Тяжелые и холодные, они выливались с диким рычанием, с гортанными всхлипами и рыками, потом с высокими воплями, еще бездумные, неосознаваемые. Что-то первобытно-безудержное, дикое было в ее столах и воплях. И тут только доктор заметил, что в болезненном остервенении сжимает, чуть ли не ломает ей пальцы. Он почувствовал, что руки ее теплеют.

Два стонущих человека изливали друг другу свое горе. Два измученных тела дрожали, соединенные одной болью, одной бедой. Два сильных человека, измученных горем, большее которого не бывает... Ее бессознательно погибающая душа уже не надеялась выжить, она не хотела выживать. И вдруг, когда несчастья сплелись, их стало двое... Потом они долго лежали молча и неподвижно. В радужной мути под ее веками проступало лицо сына... Она плотно сжимала веки с единственным желанием, чтобы того дня никогда, никогда не было... Она ничего не хотела кроме своего сыночка, своего солнышка, своей планеты, своей частички космоса...

Она понимала, что теперь будет жить, потому что надо, потому что обязана. Кому надо? Себе? Этого вопроса она не задавала, только прислушивалась к медленно растекающемуся по телу, еле ощущаемому теплу, котикам в пальцах рук и ног, к вялой боли, постепенно расслабляющей стиснутую, словно металлическими обручами грудь. Ее сознание медленно оживало, принося, словно издалека, из плотного тумана приглушенные звуки и неясные картины событий трехдневной давности. Оно снова возвращало ее к мучительным воспоминаниям и к последним словам сына: «Мамочка, я достоин тебя... Ты моя самая любимая»...

Детство

Женщины тихо переговаривались между собой, а Инна сидела, глубоко задумавшись. Ей вспоминались рассказы о раннем детстве Лены, ее новой странной подружки, непонятно откуда и в каком качестве появившейся в их деревне, да еще по соседству с домом, где жила ее бабушка. Им было тогда по девять лет.

...Из своего самого раннего детства Лене запомнилась керосиновая лампа, висящая на стене. Она еще не знала, что этот предмет на длинном шнуре называется лампой. Почему она выделила ее из всего уже знакомого? Все вокруг беспрерывно менялось, а лампа всегда оставалась на месте, рядом с нею. Каждый раз, просыпаясь, она видела ее и непонятно почему смотрела на нее бесконечно долго. Это успокаивало. Лампа висела и будто говорила: все хорошо, я тебя оберегаю. Иногда, открыв глаза, она ничего в темноте не видела и тревожилась, но лежала тихо и ждала, когда лампа вспыхнет и станет приятно-приятно и тепло.

Случалось и такое: ее тряско баюкают, она засыпает, а проснувшись, не обнаруживает перед глазами привычного предмета, пугается и оглашает комнату криком. За этим следует грубый окрик, резкий шлепок. Она сжимается в комок, что-то внутри ее мелко дрожит в непонимании и обиде. Она вновь раздражается ревом, опять получает шлепок и на время замолкает, словно пытаясь понять и себя, и того, кто за что-то ее наказывает. И не поняв, снова обиженно ревет в голос, требуя привычного...

Эти ее воспоминания кратковременны. Они как редкие, еще неуверенные весенние лучики – скользнут и скроются, но насовсем не пропадают... Потом она замолкает, покоряясь неизбежности. А может, сон брал власть над ней, и наступала тишина. И вдруг среди ночи взрывался чей-то крик – до визга, до хрипоты. И общий нестройный хор снова будил тишину, требовал чьего-то внимания. Голоса постепенно сипли и замолкали, будто понимали, что надеяться не на что... Так было в изоляторе... В память о нем на ее теле остались огромные безобразные шрамы. Чирьи. Говорят, от холода и голода. И что тут поделаешь... Главное, выжила... И еще аптечный запах запечатлелся, как что-то опасное, неприятное.

Она помнит те мелочи, о которых все давно забыли, а, может, и не знали. Конечно, она запомнила немного из первых двух лет жизни. В основном эти воспоминания непонятные, бледные и расплывчатые, словно осенние блики, но зато с отдельными яркими моментами, похожими на одномоментные вспышки, на вздрагивание нерва. Они четко запечатлены в ее памяти. Их картинки не стираются, не обесцвечиваются. Помнит она их потому, что они дороги ей или оставили на сердце заметную зарубку, пробуждая в ней первое печальное осознание себя...

Она знает тоскливое чувство одиночества, когда никто не подходит, а ей больно до потемнения в глазах. Она лежит в темном углу и слышит, как рядом всхлипывают, вскрикивают, постанывают, побряхтывают, поскуливают такие же никому ненужные... Она этого еще не понимает, но чувствует...

Говорят, грустные воспоминания со временем исчезают из памяти. Наверное. Но это случается, если их перекрывают радостные.

...И вдруг лучик солнышка заглядывает в окошко, весело пробегает по детям. Он изумляет ее. Это первый яркий проблеск радостного сознания. Хочется следить за ним, ловить взглядом, не отпускать. А он уже умчался дальше – радовать травку, цветы, деревья. Она их уже видела в открытую дверь и запомнила. Им тоже нужен теплый лучик. Они тоже его ждут. Птицы за окном что-то рассказывают ей, листочки что-то нашептывают. Ветер то уныло грустит, то весело будит кого-то. Иногда слышится шелест дождя. Все они, эти звуки – ее любимые. Они всегда где-то рядом за окном и всегда возвращаются к ней. Она их не боится. Они ласково успокаивают. От их тихого присутствия она впадает в полудрему... Это уже совсем другое – разноголосое и разноцветное воспоминание.

...Уже совсем светло. Кто-то первый возвещает о своем пробуждении басовитым, бодрым, отдохнувшим голосом. И все подхватывают и вторят ему – как лягушки на болоте. Так обычно говорит добрая няня. (Она не знает, что такое лягушки, но няня говорит ласково, значит это что-то хорошее.) Из хора выделяется чей-то оглушительно звонкий, какой-то

осознанно сердитый голос.

Входит добрая няня. Ее чуть надтреснутый голос звучит тихо и мягко. Руки у нее большие, теплые, уверенные. Тело помнит их приятные шершавые прикосновения. Наверное, это первое осознанное восприятие добра... Одним, двумя движениями она обмывает раздраженную попку, промокает пеленкой и уверенно делает «кулечек». Орать больше не хочется. Тянет в сон. Но голод не тетка, а злой дядька. И опять начинается ор...

А другая няня кричит и шлепает. Она только входит, а сердечко уже заранее трепещет и прыгает, как пугливый солнечный зайчик от холодного ветра. Оно будто на тонкой резинке, которая вот-вот оборвется. Лена так мала, что не умеет говорить, только чувствует страх, опасность. Она уже думает... А лампа не упадет со стены, не исчезнет?.. Шлепок. Ей бы смириться, замолчать, а она «разоряется» до посинения. Кто покрепче, те орут до покраснения. До чего надеются докричаться?

Воспоминания о своем детстве всплыли в памяти Инны.

...Мои ранние воспоминания никак не оформлялись во что-то более или менее понятное. Они не давались, ускользали. Я четко помнила себя только в три года. Я в детсад тогда ходила. Обнимет утром отец – и на целый день придает доброй уверенности в себе. Как важен был для меня его одобрительный взгляд... пусть даже осуждающий, непонимающий, но прощающий. Как больно отзывалось в сердце невнимание, торопливо брошенное на ходу «пока». Не подошел, не положил руку на голову, не обнял... и никакой уверенности, надежности.

Опять Ленины слова выплыли из памяти:

«...Думаешь, не зная ласки, не ждешь ее? Еще как ждешь. Как, бывало, болезненно-радостно вздрогнешь от одного-единственного мягкого взгляда или случайного спокойного прикосновения, неожиданного поглаживания! От горько-сочувственного – тоже вздрагиваешь, но совсем по-другому. Душа сворачивается в тугой кокон и не пускает внутрь себя, потому что там и так слишком много лютого холода и тоскливого одиночества.

...Не хотела плакать, само плакалось. А потом и плакать разучилась. Все больше молчком, зверьком... И только иногда не выдерживала, когда ураганом обид разрывало сердце. Вернее, организм сам начинал непредсказуемо разряжаться, и она убежала, пряталась, самолюбиво стесняясь своих слез... Полководец Суворов не плакал, и она не будет. (Няня о нем читала, а ее как пробило: «Я буду, как он!») А физической боли она тогда уже не боялась, притерпелась. Но это было позже, лет в шесть...

...Еще в ее ранней памяти осталось окно, за которым шла какая-то особенная жизнь. И она верила, что та жизнь интереснее и добрее. Там жило солнышко со своими яркими теплыми лучиками, оно прогоняло черную ночь и кошмары тяжелых снов, приносило долгожданное утро. Она не ощущала в жизни за окном ничего тревожного или страшного, потому что ничего не знала о ней. Правда, ее печально беспокоили гудки паровозов. (Видно, станция была поблизости.) Она никогда еще не видела поезда, но представляла его себе чем-то огромным, громко несущимся из черной неизвестности в далекое светлое... А иногда сквозь щель неплотно притворенных внутренних рам доносился тихий замирающий плач запутавшейся в паутине мухи. Сначала было любопытно, потом жалко...

Она всей душой стремилась в тот незнакомый ей, притягательный мир. Но она была маленькой, и требовалось ей жить в этой комнате, заполненной вечно шумящими детьми, в этом светливом муравейнике... Она ела настоящих муравьев. Они выползали из-под пола. Их все дети ели...

Подрастая, она все ближе и ближе подбиралась к окну. Сначала видела там плывущие облака. Они в разные дни были разные: то белые, как подушки в больничном изоляторе, то пепельно-синие, то оранжевые, ярко подсвеченные солнышком. (Так объяснила добрая няня). С тех пор она полюбила небо и чистые белые облака, сулящие радость. Она уже знала, что на свете есть радость – добрые шершавые руки няни.

И почему-то она никогда не боялась грозы и молний, хотя, как и все, вздрагивала от грохочущих раскатов. Но ведь не боялась! Любила это будоражащее буйство природы и не понимала панического визга детей, их испуганных глаз и лишь с любопытством взирала на них, дрожащих, цепляющихся друг за друга.

И вот она уже умеет взбираться на табурет и дотягиваться до подоконника, вот уже карабкается на него. Какое счастье целыми днями смотреть в окно, где все время что-то меняется! Она сидит мышонком, чтобы не заметили, не стащили, не прогнали. Она снова и снова то приближает лицо к самому стеклу, то удаляет, изучая получающиеся различия. С картинками в книжке она так же поступает. Потому что нравится.

В разное время года и в разную погоду оконное стекло меняется, и от этого даже уже знакомые картинки кажутся другими. Запотевшее окно дает расплывчатое туманное изображение, и жизнь за окном в дождь совсем иная. Да и капли, стекающие по стеклу, рисуют фантастические картины, глядя на них, можно придумывать удивительные рассказы... Она так играет.

Оно - это занятие - осталось с ней на всю жизнь. Вольно или невольно в любых переплетениях линий или в игре цветовых оттенков на любой поверхности она до сих пор находит развернутые сюжеты картин и видит лица - особенно лица! - и с улыбкой наделяет своих «героев» характерами, сочиняет им биографии, интересные сюжеты из когда-то увиденного, кем-то пережитого или просто придуманного.

...А как удивительно сказочно морозное, обледенелое, все в прекрасных узорах стекло! Эти тонкие изящные рисунки она могла изучать часами, блуждая в волшебном лесу, просто водя пальчиком по изморози. Еще стекло можно лизать и делать круглые окошечки-проталинки и попадать в другой, радостно искрящийся мир, и жить в нем, воображая себя кем угодно: зайчиком, припорошенным кустиком, снеговой тучкой... принцессой из той самой красивой на свете сказки, которую рассказывала няня. И тогда уходящий день кажется самым счастливым: радостным и тихим. И нет этой комнаты, нет жалко плачущих детей и сердитых воспитателей - нет ничего из того, что называется детдомом. Зато есть пронзительное, хотя и призрачное счастье. Оно внутри нее. Оно в ней.

...Самая большая радость, которую она чувствует, - это раннее летнее утро, когда через открытую форточку плывет прохлада, слышен легкий шелест листьев, когда чувствуется аромат цветущей акации, растущей в двух шагах от стены их дома. Запахи, запахи... она блаженствует... Она не может про все это рассказать, но чувствует, что внутри нее много-много хороших слов. Просто они еще не умеют из нее выходить, как не умеют пока ходить дети из самой младшей группы. Они перекатываются, ползают, но не могут подняться и пойти. Так вот и ее мысли...

Подоконник нагревается, и она нежится в жарких лучах солнца. Но это еще не вся и не совсем настоящая жизнь. Это только ее кусочек, островок счастья. Настоящая там, за окном, и она мечтает о ней, рисует ее в своем воображении, как мысленно рисует себе зверей из сказок. Она почему-то уверена, что там хорошо.

И вот она на крыльце, на пороге в новую жизнь. Она чуть покачивается, потому что ходит еще не совсем уверенно. Мир оказывается еще прекрасней, чем она себе его представляла. Он такой... он такой... Так бы и стоять, овеваемой живым ветерком... вдыхать запах весны, запах радости жизни, вбирать ласковые лучики, греться, тянуться к ним... Листья на деревьях трепещут - не оторвать от них глаз, и звуки они издают такие приятные, нежные, как музыка души. А на кустике их можно потрогать...

Она еще не знает, что весь этот теплый мир называется словом «красивый». Она жмурится, подставляет солнышку свое худенькое, бледное после зимы личико, ладошки и голый животик. Тепло проникает в каждую клеточку. Ей приятно. Ей так здорово! Так говорят большие мальчики, которые бегают рядом с крыльцом. Они тоже счастливы, кричат от восторга... Ее зовут, толкают, куда-то тащат, а она никак не может очнуться от счастья...

...Как-то вечером она засмотрелась на звездное небо. Оно ее непонятно тревожило. Пораженная призрачным блеском лунного света, размечталась. Всех детей увели спать, а она осталась во дворе одна. В тот вечер она впервые осознала чувство одиночества. Было ей тогда всего три года. Сияние луны ее тревожило, но она полюбила его на всю

жизнь.

...Однажды в зеркале (это было в больнице) в первый раз увидела себя. Не сразу поняла, что это и есть она сама. Испугалась чего-то, вздрогнула. Долго издали искоса поглядывала в зеркало, привыкала. Было любопытно, охватывал непонятный страх перед «потусторонней» незнакомкой, прячущейся неизвестно куда в пустом коридоре. И все же осмелилась, подошла, потрогала и улыбнулась. Немного поскоблела ногтем обратную сторону зеркала, чтобы узнать его тайну. Хотела хоть одним глазком заглянуть в неведомое, в непонятное. Позже кошку застала за таким же занятием. Та тоже искала своего двойника и даже поначалу пыталась воевать с ним. Сравнила свое поведение и кошки, улыбнулась и почему-то смутилась.

...Как-то повели их по улице городка. Она впервые увидела много больших домов. Домашний ребенок сидел на лавочке и ел конфеты. Они остановились, сбились в кучу. И ни в ком не находилось воли отвести взгляд от конфет, исчезающих во рту мальчишки. Не возникло мысли отнять – так сильно все были поглощены зрелищем поедания сладостей, просто заморожены, загипнотизированы. Долго не могли отвлечься, сделаться равнодушными. Пошли дальше. Увидели, как другой маленький мальчик нес кулечек конфет. Заметив большого мальчишку, он стал торопливо засовывать их за щеки... Хулиган крепко держал малыша за волосы и выковыривал у него изо рта розовые шарики. У мальчика текли слезы. Зрители стояли кружком, разинув рты, пытаются понять... Так в память врезалось...

Потом она еще немного подросла... Сегодня ее обидели взрослые. Она умчала свою беду в лес. Упала, не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Думала про все на свете. А свет-то весь – вот он, один детдом, ни больше и ни меньше. Ей хочется плакать, но не плачется. Привыкла прятать боль в сердце глубоко-глубоко. Оно часто слегка покалывает, напоминая о себе. Только тихие грустные мысли не запереть на замок.

У нее есть дружок. Желая ее порадовать, он делится с ней всем, тем немногим, что у него есть, пусть даже самым малым, но очень ему дорогим: самодельным деревянным пистолетом, рогаткой, просто красиво изогнутым сучком. Но здесь он ей не помощник. Он сейчас стал колотить палкой по стволам деревьев или орать до одури, пока не схлынет раздражение от несправедливого наказания, а она тихой мышкой, печальной улиткой сидит под деревом, и крутятся в ее голове маленькие мыслишки об огромных детских горестях.

Почему убегала в лес? Потому что хотела молчаливого уединения. Ее ощущения совпадали с однотонным, жалобным шумом ветра в вершинах деревьев, таким понятным и близким. Его порывы напоминали горькие всхлипы обиженной души. И покорное печальное падение осенних листьев тоже соответствовало ее грустному настроению, слезы подступали, но не текли... Красивые листья зачем-то расстаются с матерью-деревом и погибают. Жалко... (И почему это память выбирает и сохраняет именно печальные моменты?)

Ей в лесу не страшно. Здесь ей вольно и спокойно. Она любит лес, и он ее любит. Она ложится на шуршащую листву, смотрит в небо и улетает на белых облаках в царство, где все люди счастливы. Небо долго не отпускает ее, потому что тоже ее любит. Она это чувствует...

Незнакомый звук притягивает ее взгляд в то место, откуда вот-вот должно появиться что-то живое, роящееся – шмели или шершни. Она не боится их, но из предосторожности все же прячется за дерево. Ей интересно. Она радуется... Встревоженный ветерок принес дождь. Капли шлепают по листьям. Хорошо!

...Спускалась в овраг, а сама думала: «Зачем лезу?» Но мысль была какая-то далекая, глухая. И она все равно продолжала спускаться. Почему?.. Через речку пыталась перебраться вброд. И опять думала: «Зачем?» Не понимала опасности и шла в глубину, пока не сообразила, что может утонуть. С большим трудом выбралась... Потом была жутчайшая яма, где она чуть не погибла. И в нее полезла из любопытства. Дикое желание во что бы то ни стало вылезть, чтобы не опозориться перед малышами, заставило бороться. Наверное, так мир познавала.

Вспоминая лучшие моменты из дошкольного детства, те, что в своей несхожести и неповторимости укрепляли ее и радовали, она понимала, что это по большей части

общение с природой, а не с людьми. Природа во всей своей бесконечности и непостижимости тогда принадлежала ей. Так казалось. А вот принадлежать к миру людей так, чтобы он радовал, восхищал, чтобы она любила его, у нее не получалось. Она ощущала сложность окружающей ее природы, и это нравилось ей, а непостижимый человеческий мир пугал. От него не скроешься, не сбежишь.

Ей была по душе простая логика общения с природой: я тебя не трогаю – ты меня тоже, я тебе помогаю – ты мне тоже. А с людьми так не получалось. На добро ей часто отвечали злом, обманом, не испытывая при этом угрызений совести. И ее удивление и возмущение только подтверждали странную тайну их неизбежности и непонимания ею причин таких взаимоотношений. Отторжение себя от плохих людей было единственно приемлемым способом общения. Она не смотрела в их сторону, отворачивалась, сжимала свое сердце в кулачок, чтобы мучительное чувство обиды не разрывало ее душу. А потом убегала в светлый березовый лес или в поле, где бесконечное, спокойное пространство растворяло в себе все плохое. Конечно, не полностью. Грусть всегда оставалась с нею.

Наблюдая за шумно играющими мальчишками, она думала: «Я одна такая тоскливая, или они умеют прятать свою грусть?» В дошкольном детстве она редко предавалась беспечным забавам, только внимательно наблюдала их со стороны, словно изучала.

...Перед отъездом в другой детдом было прощание с доброй няней. И тут она впервые почувствовала, что может любить кого-то из этого неласкового, непостижимо чужого мира взрослых. И в ее душе что-то струнулось, ей вдруг захотелось чуть-чуть соприкоснуться с тем миром, но так, чтобы вовремя спрятаться в свою скорлупу, если больно тронут, грубо зацепят... Няня, даря ей ласку прощания, разбудила в ней сначала слабую, а с годами все крепнущую способность не бояться будущего. Она увозила с собой ее сочувствие и любовь. Ее сердце согревалось няниными объятьями, омывалось няниными слезами. И ее собственные слезы стали в тот момент не слезами горестей и обид, а знаком любви и благодарности к этому доброму человеку. Когда горе расставания, страх неизвестности и радость ласки прощания в один миг сошлись, слились воедино, сердце впервые позволило себе допустить в душу удивительное незнакомое чувство... ощущение настоящего счастья. «Няня меня любила, когда я сама еще не умела любить», – вспоминала она позже.

...Но и в другом детдоме, а потом и в семье еще долго наяву и во сне ее преследовал яростно ненавидящий взгляд жестокой воспитательницы, в ушах оживал ее змеиный голосок. В голове вспыхивали страшные моменты. На смену одной картине являлись другие, не менее отвратительные... Воспоминания эти, часто бессвязные и бессмысленные виделись ей как живые. Она жутко пугалась, начинала непроизвольно сучить ногами, будто пытаюсь убежать. Иногда от страха на время теряла голос... как в те печальные годы, уже кажущиеся далекими-далекими... Чаще всего это случалось в первые минуты пробуждения, когда тело уже бодрое, а рассудок еще в тумане. Когда давняя память выступала на передний план и мучила ее кошмарами, оставляя горький осадок на весь последующий день.

(Много-много лет спустя, оглядываясь на прожитую жизнь, она поняла, что никто никогда больше не жалел, не успокаивал ее, никто так не был с ней нежен и ласков, как та няня. Она больше никогда так остро не ощущала любви страдающей. Вот откуда в ней постоянная тоска и неожиданно бурные, вроде бы беспричинные слезы! Душа всегда желала тепла и любви, а их не было...)

Потом появился дедушка, потом бабушка. Но то было совсем другое... и по-другому...

Никогда в ней не было легкой беззаботности, которая дается человеку в детстве, в родной семье и остается с ним навсегда. В ней постоянно присутствовало настороженное, томительное отношение ко всему происходящему, которое накладывала и выказывала болезненная память о прошлом и никогда не исчезающая тоска... Отсюда в глазах грусть и безнадежность, так несвойственные ее возрасту.

– ...Я не задавалась таким вопросом. Не занимала меня эта проблема. Не берусь утверждать, что настал ее черед. – Голос Жанны прервал ход мыслей Инны, и они, вяло заскользив по узким каналам памяти, незаметно рассеялись.

И, тем не менее, немного поспорив с Жанной, Инна опять окунулась мыслями в воспоминания.

...Иногда рассказы Лены окрашивались в цвет сиюминутного настроения... Здесь, в деревне, ее тоже обижали, но никто не слышал ее стонов, и на лице ее ничего невозможно было прочесть. На людях почти всегда улыбка «рот до ушей»: она всем довольна. И никакой взрослый никогда не мог догадаться, о чем она думает. Правда, иногда взгляд грустных, недоверчивых глаз опровергал первое впечатление, не укладывался в привычную схему взрослых, но лишь я знала, что эта ее веселость продиктована глубокой внутренней трагедией, только я иногда видела ее редкие, но такие безутешные слезы. Отрвется где-нибудь за сараем или в огороде, и станет ей легче, хоть и не полностью. Чем еще заглушить свое иждивенческое горе? Чем остудить закипающие жгучие обидчивые слезы? Разве что представить, будто все, что вне ее, как бы отодвигается далеко-далеко и не касается никаким боком?..

А математичка ее сразу поняла. «Лена интроверт. Она только внешне веселая и бесшабашная. Она живет своим внутренним миром, стараясь не замечать неприятных сторон бытия».

Мать... Казалось бы, надо было рассказать ей про все эти девять лет. Но та боялась услышать правду, а сама она не могла начать столь болезненный разговор. (За всю жизнь так и не случилось того, что могло бы их сблизить. Не складывались у них отношения. Так и не стала она родной...)

Лена глубоко запрятала минувшее и стала жить настоящим: непонятым, не полностью осознаваемым, тяготившим ее, как досада или заноза. Непостижимость происходящего в семье беспокоило, больно задевало ее. Незнание распалало воображение. Без правильного понимания прошлого в ней не формировалось истинное настоящее. Каким-то временным казалось ей проживание в семье, в подвешенном состоянии себя чувствовала. Ей нужно было время, чтобы самой во всем разобраться. Еще этот отчим... его злорадные надсадные смешки с привкусом презрения и принижения. Он был в эти годы ее самым большим кошмаром. Из-за него период ее адаптации в этой семье так и не закончился. Ни укрыться, ни заслониться. А эти неопределенные, трудно расшифровываемые взгляды соседок, их невыносимо тягостная неискренняя жалость. В ней сквозили пошлость и непорядочность. Им всегда больше всех надо. К чему беречь запретную тему?.. Дай бог терпения, не природного, натренированного.

Только однажды она сказала бабушке как бы между прочим, мол, иждивенцев и незаконно рожденных детей матери не любят. На откровенность вызвала?.. Почему мать держала Лену в жесткой узде? Боялась ее прямоты? Боялась мужа?.. Вот и стояла Лена перед ней всегда как замороженная и молчала, уйдя, как считала мать, в свою неблагодарность. Что она понимала в Ленке!

...У нее был удивительно красноречивый открытый взгляд. Людям, которые ей лгали, он говорил одно и то же, но в каждом случае по-разному: «Зачем? Я же все понимаю». Взрослые не выдерживали и отводили глаза. Они неловко переминались или раздражались, но замолкали. «Понимаешь, - жаловалась она мне, - вижу, что нагло обманывают, злуют, но ничего не могу поделать. Будто в ступор вхожу. Не могу себя перебороть. Не умею «отбрить» обидчика как делаешь это ты». Она так искренне удивлялась непорядочности или неправильности взрослых! Никак не могла привыкнуть. Не хотела...

Возмущалась: «Говорю дяде Леше, мол, зачем вы мешок картошки с размаху на спину забрасываете? Так ведь спину можно сорвать. Мне когда тяжело, я сначала на табурет, потом на стол его взволакиваю, а потом уж на плечи беру и тащу». А сама думаю: перед кем он тут выхваляется? Кто его тупость оценит? Я, например, за разумный подход в любом деле. И ты думаешь, он меня послушал? Как бы не так! Он же мужчина, а значит, по определению умный. А теперь, как приходит время сажать или убирать картошку, так он в больницу бегом. Жена одна управится, осилит, женщины выносливые. От силы без ума толку мало» Совсем как старушка рассуждала. Мне бы и в голову не пришло приглядываться, кто как работает, а ей до всего дело было, всё замечала, всё пыталась понять.

«А как-то иду на станцию за хлебом. Гляжу, мужики по реке за лещами гоняются. Больная рыба почему-то поверху плавает. А реку уж первый тонкий ледок прихватил. Я заволновалась, кричу, чтобы вылезали поскорее, пока почки не застудили. Куда там! Увлечлись, визжат от восторга, как дети малые. А потом с ними жены будут, как с детьми малыми нянчиться... Ну, не может же быть, чтобы у ребенка больше было рассудительности».

И на меня один раз очень даже рассердилась. Я посмеялась над «заскоком» своей бабушки, мол, каждый год сушит мешок сухарей и прячет в погребе спички, керосин и ящик соли. Так Ленка мне целую лекцию прочитала о жизни своей бабушки: как та с детства батрачила у жестокого помещика, про голод, про три войны. Совсем застыдила. Будто сама все это пережила. Никогда я не видела ее такой злощей. Оказывается, ее бабушка тоже страдает тем же «недугом». В «печенке» у нее сидит страх перед голодом.

...Лена никогда ничего не просила у родителей. Сначала, сразу после детдома, она не знала, что можно что-то просить, но довольно скоро поняла, что она не тот человек в семье, который может себе это позволить. Конечно, поначалу не всегда ей хватало выдержки не зареветь. Случалось, что детское мужество покидало ее, и она убегала. Какой уж тут триумф воли?.. Научилась и этому. Причем первым делом. Кому охота играть на поражение, есть же самолюбие.

Лена всегда искала в себе созвучие с хорошими людьми. Бабушка для нее была воплощением справедливости и мудрости. Она очень любила, уважала ее подлинную, тихую доброту. Хотела заслужить ее одобрение, мчалась к ней по первому ее слову «в полной боевой готовности». Нет, чтобы как я: взбрыкнуть, отказаться. Говорила о бабушке с нежным чувством, вызывающим слезы. И она ее тоже любила, но внешне своих чувств не проявляла. Защищала. Мать начинала выговаривать, а она ей: «Как ты любишь все усложнять. Не бери в голову, не забивай мозги мелочами».

Не принято было в их семье произносить высокие слова, хвалить, громко восхищаться. Мать, правда, иногда смеялась, но как-то осторожно, скованно. И улыбалась натянуто, безрадостно; что-то ее тревожило, не давало в полную силу порадоваться. Позже Лена поняла: гуляет отец. Жалко ей было мать. И бабушка мало в жизни хорошего видела, оттого и неулыбчивая, но добрая. У нее печальные глаза, скорбно сжатые губы, глубокие морщины, как трещины на обезвоженной земле. Они от недостатка радости в жизни.

Лена рассказывала: «...Старательно орудую частым гребешком. С характерным шорохом падают на газету противные козявки. Я их с гадливым чувством давлю, не давая сбежать ни одной «заразе». У меня волос-то всего: ежик да чубчик. В детдоме не баловали разнообразием причесок, всех на один манер стригли. И где же они, гады, прячутся, где находят укромные местечки? Уж не в ушах ли? Каждый день их рьяно вычесываю, зло уничтожаю, каждую субботу их керосином морю, а они не кончаются. Мне неловко от того, что принесла в их семью этот факт нечистоплотности, поэтому не только не перечу бабушке, не пререкаюсь, когда напоминают, но и сама стараюсь не забывать по три раза на дню исполнять эту неприятную гигиеническую процедуру». Она панически боялась, что в школе заметят ее позор. Боялась слов матери: «Обвинят. Скажут, недосмотрела, запустила ребенка».

Потом еще рассказывала: «...Никогда не забуду, как тяжело болела. Температура далеко за сорок. А моему телу легко, я его совсем не чувствую, такое удивительное расслабление, будто каждая клеточка отдыхает и радуется. Я перестала ощущать боль и пришла в какое-то одухотворенное возвышенное блаженное состояние. До сих пор его помню... Я не понимала, что умираю. Но мой ангел-хранитель спас меня. А потом была неделя жутко болезненного состояния, ночи мучений. И каждый раз, открывая глаза, видела бабушку, склоненную надо мной или на коленях молящуюся о моем выздоровлении».

Я всегда подчиняюсь бабушке с покорностью и радостью. Она никогда не повышает голоса, но я беспрекословно повинуюсь ее укоряющему взгляду. Я боюсь ее обидеть, сделать не так, как она просит, очень переживаю, если что-то не получилось. Бывало, хожу, опустив голову, и никак не могу извиниться. Язык не поворачивался. Боялась, заговорив о своей вине, заплакать и еще больше расстроить бабушку. Но она умела понять, простить и успокоить взглядом, словом или ласковым прикосновением к моему вихрастому затылку. И меня отпускало.

...Бабушка попросила меня помочь ей отрубить голову гусю, мол, руки ослабели, не удержу и топор и птицу. Какой ужас охватил меня, когда по моей вине этот красавец после совершения над ним экзекуции, вдруг побежал по двору без головы, растерянно хлопая крыльями! Бабушка приказала мне догнать беглеца и завернуть в мешковину. Потом посадила рядом с собой ошипывать. Я преодолевала себя и старательно училась новой работе.

...Но как-то хотела бабушка послать меня на рынок овощи продать. Я взмолилась: «Как угодно наказывайте, хоть на хлеб и воду сажайте, но торговать не пойду – и все тут». А в голосе – страх, что станет бабушка настаивать. Она ушла на кухню, чтобы я сама справилась со слезами. Мне трудно, очень трудно противоречить ей. Сгораю от стыда, что не оправдала ее надежд. Начинаю размышлять, и вовсе становится невмоготу. Ну, не могу я переступить через себя, через то, что протестует во мне и упорно твердит: не мое, не мое это! Я не хочу пересиливать себя, иначе во мне что-то произойдет, сломается. Я это чувствую. И бесполезно на меня давить.

Осторожно захожу в кухню. Бабушка с интересом смотрит на меня. Она что-то во мне понимает. Считает, что в умном благородстве больше достоинства, чем в излишней строгости?.. И я уже знаю – прощена. Я шепчу: «простите», срываюсь с места и бегу во двор. Внутри меня все дрожит. Чтобы успокоиться, я должна поплакать. Это несколько позже я научилась гасить слезы физическим трудом. Умственным – не получалось. Мысли и обиды переплетались, образуя еще большие наслоения раздражения, они свивались жгутами и затягивали в темную бездну непонимания и обид.

...Как ни стараюсь быть хорошей, ошибки все равно совершаю. И не признаюсь. Наказания не боюсь, стыдно... Когда слишком долго откладываешь признание, его сделать становится все труднее и труднее. А потом и вовсе это оказывается невозможным. Пристыженная, я не смею поднять на бабушку глаз. Почему только на нее? Она для меня идеал чистоты и доброты. Стыжусь ее, потому что люблю. От отца вижу каждодневное незаслуженное презрение, от матери – страх за себя. Я ей тоже в тягость. Изводит меня ее страдальческое, упрекающее выражение лица, такое безотрадное, удручающее. А в чем моя вина? Не по своей воле я тут.

Я привыкла к одиночеству, к разговорам с самой собой, к постоянному анализу, перемальванию и перетиранию любой ситуации, потому что страдания и разлад были моими постоянными гостями. Я не испытываю даже минутной мрачной радости от желаний совершать подленькие гадости. Страшно боюсь стать плохой. «Глупо делать себе во вред», – рассуждаю я разумно. – Так почему же иногда попадаю в неприятные истории? Боже мой, Боже праведный! Так ведь по глупости, по неопытности. В детдоме смеялась над мальчишками, над тем, что они сначала совершают поступки, а потом думают. А сама? Но там, в мире детей, все было просто и понятно. Да, случается быть не на высоте... Как говорит учительница: «Это время, когда жизнь состоит из познаний, горьких и грустных уроков, из начал и начинаний. И конца им не видно...».

«Тот давний детский стыд за ошибки до сих пор не забылся. Не переболела я им до конца, не простила себя... Свои хорошие дела мы быстро забываем, а неправильные преследуют и мучают нас всю жизнь», – говорила Лена много позже, уже будучи взрослой.

А меня хранение маленьких тайн будоражило, а не беспокоило, как Лену. Тайны способствовали возникновению взрослого чувства собственной значимости.

«Наверное, многие дети проходят эти врата ада», – говорила Лена грустно, пытаясь усыпить свою взбунтовавшуюся совесть. А мне было странно слышать ее признания. Я проще относилась к подобным мелочам. «Я тоже ни в коем разе не сознаюсь. Бабушка даже в сердцах обзывает меня остервенело упрямой ослицей. Ну и что? Не вижу в том трагедии. Всегда можно придумать себе оправдание», – хотелось мне сказать Лене. Но язык не поворачивался успокаивать ее таким образом. Наверное, глубоко запрятанная совесть сковывала его. В эти минуты я уважала Лену, считала ее выше, тоньше, правильной себя. «Она ведь живет в мире чувств и эмоций, витает в облаках. Она такая романтичная и такая хорошая!» – думала я. Мне хотелось быть на нее похожей. А Лена восхищалась моей уверенностью, нечувствительностью к обидам, способностью легко и просто воспринимать житейские передраги. Она не знала, что я часто самым жалким образом отступаю от намерений и обещаний, и при этом самозабвенно навешиваю бабушке лапшу на уши. Сначала виной тому была жёсткая мать, потом привыкла к

такому поведению, научилась юлить, изворачиваться.

...Как-то били мальчишки бродячую собаку за дело – курицу сожрала – и Лена занесла палку, но не смогла ударить. Ушла в кусты, чтобы ее нельзя было увидеть и в чем-то обвинить. Но кур и гусей, скрепя сердце, рубила, потому что бабушке одной было не справиться. А что поделаешь? Такова деревенская жизнь, где все всё делают сами. Даже скот забивают: телят, поросят, хоть и жалко бывает их до слез, потому что сами выращивают. Но ведь заранее знают: для чего и для кого... «Проще и добрее деревенских людей с их грубоватой, нежно-жалостливой душой я не встречала», – говорила мне Лена.

...Мать Лене казалась ростом выше отца, потому что была громогласна и строга с ней. У нее один с ней разговор: не умничай. Она боялась ее. Отец тих и каверзен. И, тем не менее, последнее слово во всем отдавалось отцу. В отношениях родителей постоянно чувствовалась недосказанность, будто скрывалась какая-то неприятная тайна. Часто говорили недомолвками. Это раздражало и пугало ее. Ссорились в семье, не доходя до крайностей, и редко. По-интеллигентному. Заканчивались ссоры длительным напряженным молчанием обеих сторон...

Свое школьное детство Лена воспринимала как вынужденное (по причине иждивенчества) тюремное заключение за высоким забором, заточение в четырех стенах. Ни свободы, ни беззаботности в нем и близко не было. Невозможно было изучать окружающий мир. Он был ограничен домом, двором, огородом и нечастыми походами за продуктами. Тупая монотонная жизнь. А уж об играх с подругами или о прогулках по селу вообще речи не шло. «Неужели мать не понимает, что я ребенок?.. Все было бы терпимо, если бы не приходилось постоянно сравнивать два мира: свой, подневольный, и свободный – брата и сестер. И становилось невообразимо грустно. Но на них не обижалась. Они ни при чем... Грустила и с еще большим остервенением выполняла каждодневную, отупляющую работу по хозяйству, чтобы отвлечься, забыться. Но мысли-то, мысли-скакуны... их не запрядешь, не обуздаешь».

А работать она любила в одиночку. Смеялась: «Если получится, приятно, что дело быстро сладилось, а коли не выйдет сразу, то не на кого обижаться. Сама позже тишком переделаю и знать никто не будет». «И свалить неудачу не на кого», – подшучивала я. Лена всегда добивалась, чтобы у нее лучше всех получалось, даже если делать приходилось какую-то общую работу. Ценила она в себе достоинство труженика, слишком серьезно к нему относилась. Я не понимала ее, но не дразнила. Даже не знаю, что меня удерживало?

Наших деревенских подруг родители пугали привидениями. А Лену ими не напугаешь, она знала самое страшное – жить в ранние детские годы без родителей. А все эти привидения... такая мелочь!

Школа – вот где для Лены была настоящая жизнь! На уроках слушала учителей, держала весь класс в поле зрения, а руки знай рисовали рожицы. И ни одной одинаковой! Стишки писала и тихонько по классу «пускала». Всё успевала, всё у нее ладилось. Училась отлично, подругам объясняла трудные задачки. И с какой радостью! Она сразу заняла в иерархии класса одну из верхних строчек. Правда, подлинный интерес к учебе у нее впервые проявился только в четвертом классе, когда учительница стала рассказывать о строении вселенной. Зацепило так, что целый урок сидела молча, не шелохнувшись... Но и в школе она была под колпаком, под постоянным присмотром недремлющего ока непомерно строгой с ней матери.

А я плохо выносила пытку уроками. Для меня честь школы и честь ученика часто не совпадали и даже вступали в противоречие. Неписанные законы были мне важнее писанных, по которым сказать правду означало потерять друга. Они освобождали меня от панциря предубеждений. «Бывают моменты, когда дружба дороже истины», – считала я. Но друзья у меня были не из числа школьников, а уличные, потому что своим дерзким поведением я отвратила не только учителей, но и одноклассников. И, тем не менее, та деревня для меня до сих пор, хоть и навсегда потерянный, но милый рай детства.

А Лена не замечала моих фокусов. Когда ей было в них вникать? Ей же надо успеть сделать миллион мелких домашних дел и урвать минутки для чтения. Ведь в нем она видела единственную свою радость в семье. Я никогда не читала в охотку, в кои веки брала в руки художественную литературу, и то, если ее приносила и очень расхваливала Лена. Куда проще прикинуться дурочкой. Спросу меньше. Но я с интересом слушала Лену, когда она на переменах коротко пересказывала одноклассникам содержание книг, прочитанных ночью, под одеялом. И только после тридцати лет меня неожиданно охватила лихорадка приобретения и чтения художественной литературы.

Ленка считала необходимым учиться отлично, а я пыталась держаться крепкой четверки, что до девятого класса мне редко удавалось, хотя Лена, когда я не сопротивлялась, все перемены отдавала мне. А как-то, будто вскользь, заметила удивленно: «Гордишься незнанием и ленью?..» Это потом, в городе репетиторы два года восполняли пробелы, подтягивали мои знания до нужного уровня. Мать не слезла с меня, пока я не поступила в вуз. А Ленка сама как проклятая прорешивала все задачки, которые удавалось выпросить у учителей. Ей доставляло удовольствие получать правильные ответы в самых сложных примерах и задачах.

Было время, когда родители не позволяли Лене водиться со мной, потому что я будто бы плохо на нее влияю, мол, о ней люди по мне будут судить. Ясное дело, подавляли они ее волю, боялись, что выйдет из-под их рабского контроля. Им надо, чтобы она у них по струнке ходила. А она им тихо и сердито дедовы фразочки под нос: «У Иуды друзья были безупречными», «Настоящая дружба делает нас людьми». Вот как клеивала промеж глаз!

Нового своего отца Лена за многое не любила. Старалась проскочить раньше него или увильнуть в сторону, чтобы лишний раз не встретиться с ним, не получить незаслуженную, обидную колкость. Она замечала, как корчится он от злости с каждым ее новым достижением. Но и его ей бывало жалко. А он называл ее уродиной (и это при том, что старшие мальчишки негласно считали ее на мордашку самой красивой в нашем классе). Но что-то внутри нее сопротивлялось словам отчима, и она не придавала им значение. Не трогали они ее. Не нравился ему и ее высокий рост. И он презрительно изрекал, мол, располнеешь, станешь огромной тетехой. А она, оглядывая свое тощее телосложение, с беззаботной улыбкой отвечала: «Когда это еще будет?» И отправлялась во двор выполнять свои ежедневные обязанности. Помимо обычных каждодневных дел ей доставались и самые неприятные. Ее отряжали чистить курятник, таскать вонючий навоз из-под поросенка. Меня начинало тошнить, даже когда я просто представляла, будто делаю это сама. А она спокойно отвечала на мое удивление: «Бабушка одна не справится. Я научилась преодолевать себя. Это совсем нетрудно: настройсь – «и вперед и с песней». Такая шутка у нее была на случай, когда ей было противно. Наверное, именно тогда она научилась укрощать себя и целенаправленно приучать каждый раз делать хоть на немного, но больше, чем делала днем раньше. Может поэтому взрослой она с легкостью управлялась с любой работой, будь она физической или умственной. А вот отдыхать она так и не привыкла.

Все она умела делать по хозяйству. Любая работа была ей по плечу. Никто никогда от нее не слышал: «не хочу», «не буду». То ли врожденное трудолюбие ей помогало, то ли привычка подчиняться старшим? Вот и брал ее отец собой повсюду. Как-то поехал к председателю насчет сена договариваться. По болотам и кустам, в овраге не больно-то много травы насшибаешь, а корове надо в зиму пять возов.

Стыдно было ей слушать разговор взрослых. Директор пищевого предприятия, парторг, депутат, уважаемый на селе человек, а председатель с ним как с провинившимся мальчишкой, пришедшим выпрашивать прощение и готовым чем угодно загладить свою вину. Зло ткнул ему самый захудалый участок за двадцать километров от дома. На нем и трех возов не наскобишь, как ни старайся. А где остальное добирать?

Не хотела она, чтобы унижался отец и перед бригадиром, чтобы не пил с ним из-за сена. Он и сам не уважал бригадира. И себя в этот момент презирал. Противно было лгисто улыбаться, хвалить, дружелюбно похлопывать по спине. Но не одолеть ему двадцать возов сена. И нашему соседу не потянуть эту «барщину», – он с войны раненым вернулся и чихнет потихоньку... Не отменить крепостнический указ районного начальства, по которому из десяти возов заготовленного сена работнику причитался только один. Вот и

пил отец с противным бригадиром, подобострастно кивал, а сам, наверное, в душе плевался, кривился, но терпел. Когда голову вскидывал, приглаживая назад остатки своих черно-седых волос, она замечала, как прячет он глаза, избегая ее прямого взгляда. Век бы не видеть такого!.. Вот так и мучились оба от несовпадения души и реальности...

Начальники будто нарочно такой указ сочинили, чтобы унижать одних и давать возможность почувствовать свою власть другим. А отец, зло хмыкая, говорил матери, мол, пусть знает, как молочко достается. Лена молоко очень любила. Но слова эти ее обидели. «Я отрабатываю свое проживание», – беззвучно шептали ее губы. И при этом бледнело лицо и вытягивалась в напряженную струну и без того тощая фигурка.

Бабушка все понимала и просила ее не спешить осуждать людей, правильно истолковывать, прояснять. А что ей, слабенькой здоровьем, еще оставалось делать, как ни успокаивать, чтобы не ляпнула где-нибудь что-либо по глупости, по наивности да не навлекла беды на их семью... Бабушку она жалела и все приговаривала: «Не плачь, вырасту, выучусь, к себе тебя заберу». Не дождалась, бедная...

Дома и в школе ее вроде бы учили тому, что совпадает с ее сердцем, а в жизни она видела другое, поэтому ничего лучшего не могла придумать, как отгораживаться от реальной жизни, потому что попытки выступить против кого-то и чего-то всегда заканчивались плачевно.

Она молчала, но все равно испытывала стыд, будто врала. И тогда день уже не радовал, и дела не ладились, все летело вверх тормашками, путалось, смешивалось. И ехала ли она на возу с сеном по расхлябанной дороге, повисала ли на веревке, закрепляющей комель (бревно с насечками по концам для веревки, оно прижимало сено, чтобы его не растрясло по дороге), а сама все думала, думала. Лошадь маленькая, а вон какой воз везет... и она сумеет, всё вынесет, всего добьется...

Как-то жаловалась: «Взрослые сами запутывают свою жизнь, а потом говорят «се ля ви», оправдывая свою несдержанность или неспособность противостоять соблазнам. И детям жизнь портят. Они наворочают черте чего, а нам разгребай. От нас требуют честности, а сами юлят, изворачиваются. Плохие люди затягивают в свои сети хороших, но слабых, ставят их в безвыходное положение. Порядочным можно остаться, если только ты носа не высовываешь дальше своего огорода. А если захочешь добиться большего – ныряй в общий котел». Порой мне кажется, что она в душе так и осталась той наивной девчонкой, не желающей прыгать в котел и отстаивающей свое право на полную независимость.

Никогда не хотелось ей быть как все ни во мнении, если оно не совпадало с ее собственным, ни даже в таких мелочах, как одежда. Только она еще в первый год своего появления в деревне уяснила, что если одежда не нравится, ее все равно придется носить, и если с чем не согласна, обязана будет молчать. «Жизнь заставляла внешне смиряться. А что в душе? Какое кому дело до души, до того, что по-прежнему болезненная память частенько по утрам глумливо откликается голосом гадкой воспитательницы, и шпыняет, шпыняет, пугая и надолго выбивая из равновесия; и что это темно-синее платье точь-в-точь детдомовское, и ее тошнит от него; и что по некоему молчаливому уговору она обязана никогда не заговаривать о... Да ладно, «замнем для ясности». Конечно, достаточно одним глазком заглянуть в ее душу, чтобы убедиться, что она не капризна, не своенравна, просто слишком чувствительна. И я уговаривала: «Не ищи одиночества. Прикладывай усилия, чтобы не остаться одной».

...У каждого ребенка рано или поздно разрушается идеальное представление о родителях или о других любимых людях. Это всегда страшно тяжело, но, наверное, неизбежно. Сложность заключается в том, что у ребенка даже мелкие разочарования оставляют слишком глубокие раны, которые, запрятавшись глубоко-глубоко, кровоточат всю жизнь. Что уж говорить о чужих людях, которых пытаешься полюбить и простить. А если оказывается, что они не чужие... это еще большая трагедия. Лучше бы сразу, наотмашь, если фантазии не хватило придумать интересную байку, похожую на правду... Мы же в детдоме придумывали и верили.

Наверное, можно простить отца и мать, если они оставили тебя большой, а в детстве растили... Трудно полюбить, если узнала их слишком поздно, когда раннее, беззащитное детство прошло без них. Хотя если любят, наверное, можно. Но это если любят... А может, они все-таки чужие?»

...Страхи ее теперь были более осознанные, а потому контролируемые. Раз шла из магазина через речку и напросилась к подружке покататься на лодке. (Очередь за хлебом была небольшая, и она могла позволить себе маленькое получасовое приключение, не опасаясь взбучки от матери.) Но когда очутилась на середине реки, темные, почти черные волны испугали ее. Ей показалось, что они готовы затянуть ее в глубину. Природа перестала радовать. Она уже не разглядывала золотой лес на берегу, не изучала излучины, проемы. Ветер стал резким и холодным, леденил спину. Она с опаской поглядывала на высокие волны и стремительно закручивающиеся струи и ждала, когда же наконец они причалят. «Небо и вода – не мои стихии. Мне нужна твердая почва под ногами», – решила она. Позже сшила себе из подручного материала спасательный пояс. За десять минут, которые давались ей на то, чтобы помыться на речке после работы в поле или огороде, плавать не научишься. Потом, прежде чем на что-то соглашаться, продумывала «детали», осторожничала.

...Дождь она любила с грозой. А «сухие» грозы ей были неприятны, она чувствовала в них что-то мистическое, непонятное, они – как не свершившееся чудо.

...Часто, очень часто случалось с ней такое: отправляется куда-нибудь, но уже знает, что напрасно идет, без пользы. С раннего детства такую особенность за собой замечала. А еще обращала внимание на то, что первая ее мысль всегда была верной, а все остальные ошибочны. И нечего было изощряться. Странное чувство спокойного знания и понимания предстоящих событий у нее само собой возникало. Знаки-подсказки приходили во сне, случались в виде спазмов в сердце, тяжелой головной боли или являлись будто бы чужой внезапной мыслью. Плохое всегда предчувствовала. Но она пугалась своим догадкам, сама, видно, в них не очень веря. В ней постоянно тлела слабая тревога и неуверенность. А откуда быть уверенности? Со мной-то всегда рядом родная бабушка или мама были.

А простые вещи Лена часто не понимала. Ей первое время не приходило в голову, что при свидетелях не стоит говорить человеку открыто, прямо в лицо о недостатках его поведения – лучше потом, один на один или вообще помалкивать – и вокруг нее замыкался невидимый круг обидчивого молчания. Как-то пожаловалась: «Наблюдала, как компания мальчишек беспрекословно подчинялась одному хулиганистому переростку, выполняла его грубые неприятные приказания. Делать гадости только ради того, чтобы тебя заметили? Рисковать не от храбрости, а по глупости? Покоряться человеку, которого ненавидишь? Не понимаю причину такого повиновения. Я презираю этих несамостоятельных ребят. Вырасту и никогда никому не позволю иметь над собой власть. Хватит с меня тирании взрослых в детстве... И эти же мальчишки, попав в компанию младших ребят, бессовестно хвалятся своими подвигами в гадких делах. Хвастаются пороками, грязью, подлостью по отношению к товарищам, неуважением к девочкам. Почему им интересно представляться плохими? Почему нравится хвалиться своей глупостью? Неужели этому можно радоваться? Я не хочу с ними дружить». «И правильно, – успокаивала я ее, – это далеко не лучшая часть наших мальчишек. И их не очень много». Не сразу она поняла, что пацаны врут, сочиняют себе подвиги, чтобы показать себя более смелыми и хитрыми.

«Сочинять можно интересно, красиво, а они...» – возражала Лена. «Чтобы сочинять увлекательно, нужно шевелить мозгами. К тому же их цель – запугать младших или хотя бы приподнять себя в их глазах», – объясняла я. «Уважать за непорядочность?» – не верила она. «Так ведь мальчишки...» – уточняла я. «Мальчишки имеют право быть плохими? Они же просто трусы! Почему ты пытаешься их оправдывать? Пусть хоть кто-нибудь из них посмеет сказать обо мне или о ком-то из моих друзей неправду! Я не успокоюсь, пока не поставлю обидчика на место. Я просто отлуплю его, если он не поймет моих слов», – горячилась Лена. Она не обманывала. Эта девчонка с отважным любящим сердцем на самом деле не боялась мальчишек. В душе она была «гордым, юным рыцарем без страха и упрека», как любили выражаться мои подружки.

Лена всегда выступала на стороне слабого. Когда некоторые мальчишки примыкали к сильным друзьям, ее это ужасно злило: «Мальчишки могут заявить о себе только сбившись в стаю?» С такими, которые теряют индивидуальность, она не дружила. «Что может быть глупее бить более слабого, чтобы понравиться девочке?» – возмущалась она. А еще ей не нравилось, когда ребята стремились победить «противника» исподтишка,

обманом. Она утверждала, что хитрость необходима только с настоящим врагом, а со своими она непозволительна. Чудачка!

Как-то я удерживала ее от сумасбродного выражения чувств, а она рассердилась: «Не тормози меня, радость не приходит по расписанию. Сейчас мне весело, и я с ума схожу от счастья, на головах хожу!» «Когда ты в общественном месте, веселись только внутри себя. Может кому-то в эту минуту не очень-то сладко», – возразила я. Она задумалась. А скажи я ей, что так вести себя неприлично, еще не известно, как она отреагировала бы.

Громкий разговор Риты с Аней на некоторое время опять отвлек Инну, но, выслушав их, она продолжила копаться в антикварных развалинах прежних милых добродетелей детства...

...Маленькой она любила тревожащий и будоражащий запах полыни. Смешно объясняла, будто он горький, но интересный, как смелая жизнь. Любила, как пахнет влажная, теплая весенняя земля-матушка. Мол, в ней запах жизни и ожидание счастья. Странно говорила. Но мне нравилось. Я тоже вдыхала, хотела почувствовать, понять. Еще она знала запах снега, а я не могла его уловить. Босиком любила ходить, чтобы землю чувствовать. Относилась к земле с какой-то странной нежностью, благоговением. Откуда это в ней, она и сама не знала.

...Многое со временем и у Лены утратилось. Но кое-что закрепилось цепко, навечно. И это, так называемое «кое-что», отфильтрованное душой, оказалось самым главным, самым важным не только для нее – ребенка, но и много позже для ее взрослой жизни. Те случаи из детских лет закладывали основу всей ее будущей жизни и всех ее чувств, которые потом обрастали знаниями, пониманием, умением.

А пока все в ней было на уровне первых ярких, чистых и, к сожалению, чаще всего грустных чувств. И как можно такой странной быть счастливой, если она, даже найдя деньги, не могла искренне радоваться, понимая, что они чужие, что их кто-то потерял и теперь горюет. И все же было в ней главное – желание солнечного восприятия маленького (пока маленького) мира, поиск тепла, красоты и радости. Она тянулась к доброте, собирала ее по крохам, воспринимала всем существом, впитывала каждой клеточкой еще не уверенной, полностью не осознающей себя души. И одаривала ею других... не всегда заслуживающих.

Маленькой ей хотелось покоя, тишины, надежности, и она долго принимала это за истинную суть своей души. Но внутренний зов, окрепнув, позвал ее по пути активных поисков яркой радости. Но грустное детство все еще боролось в ней с напорающими бурными эмоциями подступающей юности, заставляя задумываться о прошлом, а не о будущем. Она еще долго освобождалась от избытка энергии длительными размышлениями, хотя уже достаточно отчетливо чувствовала, что мир закрытого детства хоть и не рушится, но уже прячется в глубокие кладовые памяти. «Щадающий период невинного восприятия проходил, и наступало время напряженной готовности к настоящему познанию человеческого мира», от которого она так долго старательно отгораживалась.

И все же она очень медленно пробуждалась от летаргического сна, от всего передуманного, не по годам умного, слишком серьезного, неестественного в ней, причиной которому было ее раннее одиночество. Она еще не знала, что люди с сильными, нежными ощущениями, одухотворенные мечтатели (к которым она принадлежала) и поэты живут более полной жизнью, и подавляла в себе это странное сумасбродство чувств, нахлынувших на нее будто ниоткуда. Будто с небес. И мне казалось, что я знаю ее лучше, чем она знает и понимает сама себя.

...Потом, когда заканчивался учебный год, Лена снова торчала за забором, как прикованная цепью собака. Это я с восторгом бросалась в лето, где были друзья, лес, река, свобода!

А в шестом классе Лена вдруг странно изменилась. Была безмятежная, нежная, ранимая душа – и вдруг проявилась дикарская, невоздержанная. Она сделалась не в меру решительной, острой на язык. Спорила напористо, высокомерно, ехидно. Будто прорвалась плотина, и вся разнообразная накопленная годами энергия выплескивалась

наружу. Неудержимая – таким словом я могла бы охарактеризовать тот ее период взросления. И я уже не боялась, что со своей трогательной чистотой и наивностью она не сможет существовать в этом не всегда справедливом мире.

...И вдруг помимо колкостей ей захотелось осторожно попытаться говорить пошлости и непристойности, про любовников и про все такое прочее, не особенно вникая в смысл, не понимая, просто на уровне интуиции осознавая в них что-то запретное. Произошло это у колодца, того, что рядом с клубом. Так сказать, принародно. У нее это получилось виртуозно, с какой-то мальчишеской лихостью. Но гогочущий смех слушателей шокировал ее, ей сделалось гадко. Шуткой она попыталась откреститься от только что произнесенного. Увидела соседку, втайне довольную ее поведением – та даже кривую злорадную улыбочку скрыть не успела. И добрая соседка бросила на нее косой, подозрительный взгляд. А тут еще старшеклассник, которому она нравилась, как-то особенно грустно сказал: «Метишь в теоретики разврата? Не твое это». Она залилась краской и больше «не упражнялась» в пошлости. Долго после этого инцидента я не могла к ней подступиться. Она презирала себя, изничтожала.... Что поделаешь. Мы познаем себя через стыд, через преодоление в нас дурного... Много позже говорила с болью: «Почему я так долго и мучительно взрослею?.. Я же всегда хочу как лучше...»

А раз смотрю: бежит по прилеску сломя голову, врывается на поляну и кричит от радости и восторга, подняв вверх руки: «Ура! Три дня свободы!! И у нее такое прекрасное лицо! И закружилась, закружилась... А сама такая тощая, нескладная... и такая нелепо счастливая. Я чувствую легкий укол сожаления: со мной такого не бывает. Мне почему-то тошно и жалко себя... Мне бы догнать, спросить куда намылилась, а я убегаю, на ходу обламывая ветки молодых кустов орешника... Зато у меня есть бархатное платье потрясающего малинового цвета. Ленка с ума сходит по нему. Ей нравится все яркое, сочное, праздничное. Наверное, всегда очень нравится то, чего нет.

...Как-то сказала мне грустно: «Я тупею от этой ежедневной, монотонной сельской жизни. Если бы не школа, мозгами сдвинулась бы. У мамы и бабушки нет времени, чтобы «соблудить в себе человека». Как заведенные: работа, хозяйство, заботы всякие. Никогда задуматься о себе. Они никогда не отдыхают на природе, не развлекаются. У них нет времени думать о чем-то другом, помимо хозяйства. Они вынуждены жить как животные, в вечной погоне за пропитанием. И при этом утрачивают теплоту взаимоотношений – удручающий недостаток, которой ведет к ощущению исчезновения полноты чувств к тем, кого любят. Они, как машины. Их жизнь похожа на обработку участка земли, не дающего прибыль, на уборку бесконечных авгиевых конюшен. Как в условиях катастрофической нехватки времени стремиться к вершинам духа и творчества?»

Отчим, стараясь убежать от забот, от семьи, позволяет себе расслабляться на стороне. И я, беря на себя часть мужской работы, сама того не желая, помогаю ему в этом. Только женщинам в семье от этого не легче. Я еще не знаю, какая жизнь пришлась бы мне впору, но не хочу в будущем для себя чего-то подобного. Я привыкла и даже люблю «вкалывать», но хочу радоваться не только хорошо выполненной работе».

«Все ясно: она мечтает уехать в город. Недобровольное приспособление к нежеланным обстоятельствам требует невероятных усилий. По себе знаю. Так вот почему она учится отлично, – поняла я. Взрослым часто приходится скрывать в душе тяжесть, которой хотели бы поделиться. Но у Лены есть я. И никогда после откровений мы не испытываем ни малейшего чувства неудобства, ни ощущения неполноценности».

...Лена стала такой разной, особенной, замечательной, точно смесь нескольких уникальных личностей. То как дикий мустанг носилась, выполняя какое-нибудь поручение бабушки, то, выгоняя скотину на выпас, как легконогая козочка, скакала по дорогам и канавам, наслаждаясь полной временной свободой и напевая что-то восхитительно нежное, придуманное на бегу. И вдруг совершала головокружительные прыжки с высокого берега в реку или кубарем скатывалась по крутому откосу на самое дно оврага. Ни минуты на месте не могла усидеть. Ела обычно очень быстро, глотая пищу, чуть ли не на ходу. Время для общения экономила, минуты выгадывала. Стала верной сообщницей тех моих подростковых проказ, которые укладывались в ее строго регламентированное время. Приобретенная осторожность не мешала ей «ходить на головах» в школе и верховодить в классе. Просто она делала то же самое, что и

мальчишки, только с умом. О чем ни разу не пожалела. Такой она мне нравилась... А как-то сказала смущенно и радостно: «Я в восемь лет была меньше ребенком, чем в тринадцать».

А участвовать в набегах на чужие сады и огороды категорически отказывалась. «Мне было бы неприятно, если бы кто-то отряс мою любимую яблоньку или вытоптал грядки, на которых мы с бабушкой целое лето «пахали», – говорила она, упрямо отвернув от меня свое раздраженное лицо. – Я сразу представляю, как чужая бабушка, увидев безобразие в саду, охнет, опустится на ступеньку крылечка, уронит свои тяжелые руки на колени – и так ей будет горько и обидно». Она всегда чужие беды примеряла на себя и жалела людей. Может, поэтому никаких ее серьезных проказ моя память не сохранила. В ней не было обычной детской бесшабашности, безоглядности, легкости. Она не умела мстить, ненавидеть. Могла только сочувствовать или не любить.

Мне казалось, что она малость отмякла душой, и все грустное в ней ушло, или она навсегда похоронила его в себе глубоко-глубоко и наконец-то стала сама собой. Оказалось, не совсем ушло... Долго еще она смотрела на чужой праздник жизни; своего не ждала. И хотя дух и сознание ее разносились все дальше и шире, детство пробивалось из глубин ее души и заставляло страдать, тем более что поводов тому в ее семье было предостаточно... И все равно улыбалась. Говорила: «Глупо открыто дуться. Не стоит давать лишний повод позабавиться или поиздеваться на мой счет, если кому-то придет такая охота. Уступая мудрому соображению, разумнее не нарываться». А передо мной ей не надо было притворяться.

А как она в редкие минуты свободы была благодарна чуду жизни, как радовалась солнцу, дождю, хрустальному воздуху, как наслаждалась брызгами воды! Я чувствовала ее тесный контакт с природой, которая помогала ей раскрепоститься. Ее душа в эти моменты открывалась миру, и она была такая нежная, ласковая и такая счастливая! Ей хотелось радостно жить, искренне восхитительно мечтать. Она, сама того не замечая, говорила в рифму что-то нежно-восторженное, прелестное, и я в эти минуты не позволяла себе ее прерывать. А дома постоянное подчинение выливалось у нее в грустно-горестное осознание себя ночью, на бумаге. И в нем она не терпела постороннего вмешательства.

...Помню день рождения Лены. В школе ее все поздравляли, за уши драли. Хохоту было! Шла она домой не спеша, опьяненная радостью, восхищенная прекрасной погодой, дышала всей грудью, песню какую-то напевала. И я радовалась за нее. Вдруг остановилась и говорит мне, что хоть раз в году имеет полное право никуда не торопиться. А тут ее бабушка из-за плетня кричит, руками машет, домой зовет. В голосе Лены слезы: «У меня же праздник...». Бабушка просит: «Коровушка отелилась, теленочек замерзает в сарае. Сегодня, как нарочно, минус десять. Помогите, детка, одной мне его в хату не затащить». Глянула Лена на меня грустно и молча пошла домой.

...Ленин восторженный образ поселился в моей памяти и уже не позволял находиться там тому другому: грустному, безнадежно-тоскливому. Но я знала, что за всей этой смелостью, уверенностью, бесшабашной бравадой или внешним спокойствием все равно скрывались сомнения и неуверенность и что все равно она часто замыкалась, отрезая себя от внешнего мира, казавшегося ей очень неправильным.

...Один раз иду я в магазин. Гляжу, Лена стоит с бабушкой в своем дворе за плетнем с истерзанным, заплаканным лицом. Та выговаривает ей за что-то насчет отца и, повторяя свои наставления, приглаживает на ее затылке разлохмаченные патлы. А она, терпеливо и уважительно слушает, не поднимая глаз, смущенно бормочет что-то невразумительное, и фартук, который она теребит в руках, темнеет от слез. Я так и застыла от удивления. Такая ершистая и вдруг... За что ей бабушка пеняла? Чему же я стала немой свидетельницей?.. Осторожно, чтобы не выдать себя и не выглядеть в глазах Лены идиоткой, я отошла от плетня... Умела бабушка подбирать ключик к ее поведению и настроению. Мать к ней боялась прикоснуться. Между ними всегда стояла стена непонимания. Отец вообще ее игнорировал.

Как-то открылась: «Глаза у бабушки к вечеру в темных провалах, взгляд тяжелый, стылый. Видно, сильно болеет, но молчит, терпит, поблажек ни в чем не просит, сама справляется. Нет, чтобы вытребовать. Мать – дочь ее – за своей работой совсем махнула

на нее рукой. («Свои проблемы еле успевает разгрести. Вся во власти нервов». Так моя бабушка говорила.) Вот и помогаю ей во всем, не отлыниваю, угадываю каждое ее намерение и бегу выполнять. Ведь она каждый божий день в пять часов поднимается корову доить, а я дрыхну до семи. Я бы тоже вставала ни свет ни заря, да на уроке боюсь заснуть. Стыда ведь не оберешься. Перебарывать сон под монотонный голос учительницы очень трудно, получается только, когда вожусь по хозяйству... Жалею я бабушку, потому и слушаюсь.

Вот обедаем мы раз с братом и сестрами, суп молочный едим. Высунули изо рта макаронины, представляемся курящими. И такие мы довольные собой! «Не играйте едой. Грех. Так и разбирает вас за столом!» – возмущилась бабушка. Я не обиделась. Сама знала, что такое голод, и слышала, как бабушка горбатилась за кусок хлеба. Но и подурачиться хотелось. Дети ведь еще»...

И ведь до сих пор хранит бабушкин ситцевый, белый головной платок с голубой каймой. Старенький такой, линялый...

А у меня «лекции» моей бабушки в одно ухо влетали, в другое вылетали, ничего не проясняли. Я умела подыграть, чтобы она отстала. Цель достигнута, я довольна. Чего еще надо? С матерью я считала за благо понуро отмалчиваться. Она и врезать могла. А это тебе не фунт изюму. Мне за глаза ее нотаций хватало.

...А как-то увидела Лену рядом с обидчиком. Взвилась она не на шутку. Кровь бросилась ей в лицо. На мгновение глаза зло сверкнули. В ее тихом яростном голосе было столько сдержанной силы, что он ушел. Побежал, опасливо оглядываясь. Не пустилась она за ним вдогонку, только презрительно фыркнула. Мальчишка не отличался особым умом, а тут сообразил, что в такой момент с ней лучше не связываться, иначе ему несдобровать. И я поняла, что защищая себя или кого-то другого, ей дорогого, она могла и ударить.

Потом она на самом деле научилась защищать подружек. Городской задохлик, милая мордашка, ясный, открытый, простодушный взгляд создавали впечатление слабости и безволия. От нее не ожидали получить сдачи. Вот тут-то и крылась заковыка: ловились чужие мальчишки на ее бесхитрость и якобы незащищенность. Подобный обманный маневр для мальчишек – ее коронный номер, но не преднамеренный.

Она не визжала, как многие девчонки. Действовала молча, спокойно, не опускалась до оскорблений и унижений. Не терпела улюлюканья. Из ее цепких жилистых рук вырваться было невозможно. (Не могла она себе позволить быть посмешищем.) Как в тиски брала запястья нападавшего и жестко спокойно смотрела в упор... Она никогда не плакала от боли.

Это быстро подняло ее на вершину подростковой иерархии. Лично меня удивляла не сила – тут все ясно: ежедневные тренировки если не с топором, то с лопатой или с десятками ведер с водой, с цементным раствором творили свое надежное дело, укрепляли здоровье, – а ее недетское бесстрашие и стойкость. А вот от обиды могла расплакаться... и очень даже легко.

(Инна чуть не расхохоталась вслух, вспомнив вдруг выпученные от изумления и страха глаза подвыпившего назойливого молодого человека, попытавшегося в порыве неукротимого вождения позволить себе на ходу слегка приобнять Лену за плечи. А она спокойным движением отвела игривую руку и резким толчком препроводила нахала к стене выставочного зала, в который мы направляли свои стопы, притом так, что тот влип в нее, как приклеился. Мутные глаза его зло полыхнули. Но Лена еще крепче притиснула его и, мгновенно подложив ладони под нижнюю челюсть, крепко прижала его голову к шершавой поверхности фигурной панели и... медленно демонстративно подняла колено для удара.

Наверное, любвеобильный ловелас-неудачник сумел оценить железные тиски нежных ручек моей подруги. Он быстро протрезвел и, поняв с кем имеет дело, как бы шутя поднял руки вверх, демонстрируя свое поражение. А я испугалась, что выцарапает Лена зенки обидчику, и не была готова соответствовать «торжественности момента». Пронесло. Не слышала я, что Лена шепнула молодому человеку на прощание, но через стеклянную входную дверь я видела, что он еще долго стоял столбом, «изучая» выносную афишу, призывающую ознакомиться с масштабной экспозицией шедевров столичного художника, и все колупал, колупал свой наморщенный непосильными

мыслями низенький лоб... А было тогда нам с Леной за сорок. Я приезжала в то лето к ней в гости.)

...Раз нашла Лена в подвале разрушенной церкви клад старинных медных монет. Отдала в школьный музей. И другие дети стали приносить деньги из сундуков своих бабушек. Особенно впечатляли огромные, бумажные деньги, дореволюционные. Но хулиганы разбили стеклянную витрину и по всей деревне разбросали монеты. Ей было обидно и горько. Для всех хотела... Она всегда старалась для всех. Долго не могла успокоиться. Не понимала тех мальчишек.

Помню, случай с коровой меня рассмешил, а она рассказывала о нем как о чем-то серьезном, очень важном для нее. «Обычно я корову гнала из стада домой веселым свистом, и она слушалась меня. Хворостину применяла лишь в том случае, если ее несло за компанию с другими животными на чужой огород или на колхозное поле, и то лишь когда она не подчинялась моему грозному окрику. А в тот день я раздраженно хлестнула коровку со зла, сорвала на бессловесном животном свое плохое настроение, потому что родители меня незаслуженно наказали.

Марта приостановилась, оглянулась и посмотрела на меня таким обиженным взглядом своих огромных грустных глаз, что мне стало жутко стыдно за свой поступок. На удивление выразительно поглядела, осуждающе. Мол, я слушаюсь, а ты... Даже длиннющие, белесые ресницы ее вздрогнули... До боли в сердце жалко ее стало. Не ожидала я от коровы такого осмысленного поведения. И так нехорошо мне вдруг сделалось, когда вспомнила, что режем мы кур, гусей и поросят в ее присутствии. А если она все понимает? А если и те... тоже... Отбросила я хворостину в сторону, руки сзади замком сцепила, иду, голову повесив. И коровка моя тоже идет домой задумчиво, ни на что не отвлекаясь...»

«А за что тебя наказали?» – не утерпела спросить я.

«Пастух почему-то слишком рано оставил стадо, не довел до деревни. И тогда те коровы, что были в конце стада, не слыша щелканья кнута, почували волю и ринулись на клевер – известное коровье лакомство.

Я сразу сообразила, почему нет моей буренки в стаде, и бросилась на поиски. За потраву правление колхоза крепко наказывало рублем. Отловила я свою милую хулиганку на клеверном поле, схватила за рога и пригнула ее морду к земле. Знаю, что только в этой позе я смогу ее одолеть. Она упирается, взбрыкивает задними ногами, а вывернуться из неудобного положения не может. Продержала я буренушку, кормилицу мою в такой позе пару минут, и она сдалась...

В общем, лишили меня родители воскресного фильма, который я зарабатывала целую неделю. Не пустили с девчонками в кинотеатр. Наказали самым желанным. «Сами не выпускают пораньше, чтобы я погуляла немного с подружками за селом и корову не упустила, а потом винят, – грустно возмущалась она – Других детей родители не наказали, а мне мои не спустили. Ничего мне с рук не сходит... Не привыкать. Я не имею права ни послушаться, ни высказать своего мнения... Вот и стеганула Марту. Дура я, конечно, беспардонная, гадина. Скотина-то безответная»...

Лену мать часто ругала за то, что ей казалось, а на самом деле не было, потому что не верила ей и не понимала. Трудно понять душу ребенка, если он столько лет жил вне семьи. Ее никогда не хвалили. А ведь похвала, как солнечный лучик, – и радует, и греет.

Лена была вылеплена в божественном саду своей души, но огранку ее и доводку производила реальная жизнь. Учителям казалась, будто ее воспитали в спешке – сплошные проблемы. (Не знали о детдоме. Родители сказали, что она раньше у деда в городе жила.) Она была в чем-то ниже, а в чем-то выше нас, ее подруг. А как-то смущенно, стыдясь, сказала мне по секрету, что иногда чувствует свое некоторое превосходство над ними. Но никогда не проявляет его. Я не обиделась за это ее странное ощущение. Мне самой порой так казалось.

Непостижимо добрая, наивная, без жеманства, чистая, открытая и очень доверчивая, Лена не умела лгать. Не было в ней никогда злого умысла, мелочности, ревности,

зависти. Ненависть и злоба – несовместимы с ее солнечной натурой. Она часто переживала разочарования, потому что считала, что все должны вести себя, как и она: всё принимая, с доверчивой серьезностью. Это типа того: слушала «Рио-Рицу» и хотела, чтобы все танцевали. Она не принадлежала к той реальности, в которой жила, но ей приходилось принимать правила игры. То ли это были последствия детдомовской жизни, то ли такова была ее суть, но ребячий опыт, усваиваемый домашними детьми с молодых ногтей, она постигала с трудом даже уже будучи взрослой. Тяжело переносила эти уроки, дорого платила за наивность.

Но в ней для меня было главное: она умела понимать. Она могла объяснить, почему я плачу, почему дерусь, привередничаю и многое другое. Я, полагаясь на взрослых, о многих вещах просто не задумывалась, а ей поневоле приходилось. «Я чту людей, если они меня любят. Я лгу, чтобы их осчастливить. Правдивыми, откровенными и ласковыми могут быть только девчонки, да и то не все. В основном дуры», – смеялась я. А она мне отвечала: «Я достаточно быстро поняла, что «пай-девочкой» быть намного проще, чем лгать, изворачиваться или проявлять агрессию. Воюй не воюй – никому из взрослых дела нет до причин, вызывающих твое раздражение. Накажут, не разбираясь, и все. Тогда какой смысл бузить? Свою энергию можно и в мирных целях очень даже неплохо использовать». Дурное не прививалось и не закреплялось в ней.

А как она любила музыку! Музыка господствовала в ее душе. И это, как она считала, при полном отсутствии голоса и музыкального слуха. В музыке для нее не было границ. Она безошибочно в любом жанре находила лучшее, гениальное. Музыка преображала ее. Как она органично сливалась с тем, что слушала с удовольствием! И меня рядом с ней переполняла красота, и я, попадая под ее чары, пробуждалась, приходила в состояние экстаза и рвалась к вершинам и мечтам без пафоса, но с любовью.

Мне казалось, что музыка для нее – не только подпитка положительной энергией, но и процесс общения с высшими силами. А вот лет до шести тишина для нее была выше любой музыки, ее она больше всего ценила. Музыку научилась понимать с тех пор, как она стала рождаться в ее собственной голове. Первый раз у нее это случилось за год до школы. Музыка неожиданно заставала ее в самых неподходящих местах: за мытьем полов, на верхушке яблони, за работой в поле. Она до слез сожалела, что не может записать услышанное и поделиться со всеми неземной красотой. А много ли мы слышали красивого из хрипящего и окающего радиоприемника?..

Может, именно за эту восторженность ее некоторое время называли актрисой. Она не потакала этой кличке. А одна-единственная фраза о том, что для того, чтобы актрисе подняться на пьедестал славы, ей надо сначала низко опуститься, категорично отвратила Лену от желания слышать ее в свой адрес.

Как-то задумчиво и очень серьезно рассказывала об отчине. «Красивым и непутевым был. Девушек соблазнял. Сын у него родился вне брака. А тут война... Знаешь, почему он не погиб на войне? Мама сказала ему: «Не будешь грешить – выживешь. Бог тебя спасет и мои молитвы». Так он за всю войну ни одной девушки не тронул и за четыре года ни одного письма не написал сокурснице, которую полюбил перед самой войной. Все письма и деньги отсылал родителям и той женщине с ребенком». Потрясла ее эта правдивая история. «Зато теперь отыгрывается на твоей мамаше с полным удовольствием», – зло заметила я тогда Ленке. Я ненавидела ее отчима.

О книгах – особый разговор. Тут совершенно другие чувства подхватывали ее и уносили в необъятное пространство фантазий. Она забывала обо всем на свете, кроме содержания книги, наполненного ее мечтами, ее смыслами. Пространство и время то растягивались, перебрасывая ее в неведомое, то сжимались в точку, заставляя хоть на миг вернуться к реалиям и осмыслить прочитанное.

Лену изумляли чудеса словесного строя. Она непонятным образом чувствовала музыку слов. Нет, не только музыку странствий, которую в книгах слышала и я, а именно музыку слов. Она говорила восторженно: «Ты понимаешь, как к месту здесь стоит «но», а не «и»? Если здесь поставить «и», то нарушится гармония и даже смысл сказанного». А мне было все равно – «но», «и» или вообще без них. Чудачка! Ну ладно бы в стихах, а то в прозе! Она восхищалась: «Ты обрати внимание на слово «задействовал». Как оно здесь здорово подходит! Я пробовала заменить его другими словами и убедилась, что оно

самое точное при описании этого события. Интересно, автор подбирает подходящие слова или у него это получается само собой? Может, именно в этом и состоит талант писателя?» Позже я узнала, что это называется обладать вкусом к слову, чувствовать слово.

Лена сочиняла по просьбе учителей стихи в стенгазету, могла зарифмовать любой разговор между людьми, любой текст – все это было из головы. Но стоило ей написать строчку по велению сердца, остановиться она уже не могла. Рука еле успевала записывать и тогда она просто начинала говорить вслух торопливо, захлебываясь словами. Звенел звонок и ей приходилось бежать на урок. Но еще долго она не могла успокоиться, потому что во время написания этих стихов, она приходила в неимоверное возбуждение. Все внутри ее дрожало и трепетало. Глаза сияли, рот пересыхал. Она ничего не замечала вокруг.

«Слова, – говорила она, – это магические формулы, которые позволяют открыть врата познания и развития, ведущие к высотам духа». Ей нравилось говорить красиво. В этот момент она и представить себе не могла, до какой степени эти слова могли бы изменить всю ее дальнейшую жизнь, вникни она в них со всей глубиной и серьезностью своего юного возраста и поставив их во главу угла всех своих желаний. Но она была иждивенцем и должна была заботиться о материальной стороне своего будущего. Тут не до высоких материй.

Когда она читала, то и время счастливо летело, и мысли радостно теснились в голове, и душа наполнялась восторгами, каких не бывает в реальной жизни. От этого ей хотелось делать что-то особенное, прекрасное. И хорошо, если рядом никого при этом не было, никто не отрывал от книги, не рявкал, не гнал. Но как редки были такие минуты!.. Как-то родители застучали ее с братом. Они до полуночи с механическим фонариком «жим-жим» читали книжку... Ох уж эти незатейливые детские хитрости! Наверное, все через них проходят.

И все-таки самым ее счастливым временем были минуты перед засыпанием, когда она была истинно свободна. Она мечтала, чтобы в сутках было сорок восемь часов и половина из них – для ее счастья, чтобы уходить в параллельный мир, где настоящее детство: много свободы и радости. На этом ее фантазии заканчивались. О большем она не осмеливалась мечтать.

И вдруг влюбилась. То был всем годам год! Ей открылось очарование первой невинной любви. Влюбилась ярко и нежно, с присущей ее бескомпромиссной, слишком правильной натуре оголенной беспомощностью. Она в любви была так мила! Ее взросление в этом плане проходило легко и просто. Ее мечты были честны и чисты. Эта любовь была искренняя и счастливая. Ей ничего не надо было от предмета обожания – только иногда видеть его. Не было касания рук, только смущенные взгляды, редкие неловкие фразы о пустяках и еще – «Мне бесконечно жаль своих несбывшихся мечтаний» Цфасмана, и самое грустное на свете «Албанское танго».

Любовь осветила ее жизнь радугой радости, которой у нее раньше было слишком мало. Она была благодарна этой влюбленности, как никакой другой являвшейся впоследствии. Она нашла рай, о существовании которого прежде не знала, о котором не мечтала. Она вся находилась во власти настоящего счастья. Влюбленность разбудила ее, открыла ей чудный мир. На нее повеяло предвестием прекрасного будущего. Ей так хотелось жить! Может, поэтому каких-то особых потрясений в подростковом возрасте она не испытала. На ее счастье юноша, в которого она влюбилась, был милым, целеустремленным и очень порядочным. Он все понимал, но, как и она, не позволял себе подходить к ней ближе, чем на два метра.

Через год еще один молодой человек ей понравился. Взрослый, избалованный девушками. Но была паника, страх перед его распушенностью. И она преодолела себя, вышла победительницей. Не поддавалась красавчику. Самолюбие спасло. А меня доконал мой изматывающе долгий безнадежный роман, начавшийся в преддверии выпускных экзаменов...

Потом один мальчик подарил Лене открытку, на которой был изображен Московский университет, и всё в ее мечтах, а позже и в судьбе на многие годы определилось. И она говорила мне: «Я бесконечно благодарна родителям. Хватило ли бы мне силы воли в детдоме учиться на отлично? Может меня отправили бы в ремесленное училище?» ...Но

Андрей все равно сломал ей жизнь...

Я отдаю себе отчет в том, что душа Лены никогда не была Армагеддоном. Она никогда не взрывалась, потому что слишком много размышляла, анализировала внутри себя. Это моя была постоянным местом бурных вспышек битвы добра и зла. Такой я зародилась.

...При первой же встрече в нас что-то пробудилось. Но отношения сложились не сразу. Лена долго ко мне присматривалась, пока не нашла во мне то, что долго искала: простоту, искренность, верность. И я в ней, смею надеяться, увидела то же самое. Выслушает, ничего не требуя взамен, не осудит, не предаст. Она не покидала меня ни при каких обстоятельствах, как другие. Детские обещания и клятвы обычно не налагают обязательств. Только Лена не старалась от меня отделаться или отгородиться под разными предлогами, если я наломаю дров. Мы тяжело расставались, когда я уезжала в город.

Она меня выбрала. И наши души оказались слитыми воедино. Только мы с ней осознавали глубину и необходимость нашей дружбы. Мы такие разные. Что нас притянуло тогда и всю жизнь связывало, я до сих пор не пойму, только лучшей подруги мне не встретилось... Ее слова всегда имели для меня решающее значение, хотя тогда я этого толком не осознавала. Мне просто хотелось быть рядом с ней, учиться, работать вместе. С ней всегда было просто и ясно... Теперь мне кажется, если бы не Ленка, еще неизвестно что бы из меня выросло...

Вот так и росла Лена, на самом деле и виртуально «набивая шишки, подхватываясь и снова падая», оставаясь чистой и на удивление правильной.

И я, помнится, открывалась Лене.

«...Я, как ни силюсь, не могу ничего вспомнить из своего самого раннего детства. Говорят, так бывает со счастливыми. Потом две жутких трагедии случились одна за другой. Сначала ушел от нас папа. Я тогда чуть с ума от горя не сошла. Чем я его обидела?.. Сквозь злые обидчивые слезы, казалось, долго еще видела спину навсегда уходящего отца.

Ребенок должен, пока ему мало лет, верить всему самому фантастическому, самому невероятному и чудесному. А отец, оставив меня, разрушил тонкую связь между иллюзией и действительностью. Он лишил меня детства, лишил возможности гордиться им. У меня и так было не очень много веры в людей, а после развода родителей она окончательно пропала. Отец ее уничтожил. Этого он добивался, покидая меня? «Как он мог?.. Очень даже мог... и все так просто, буднично». Нервная я стала, издерганная. Все не по мне. Все с криком, с истерикой. «Как же мне жить дальше, на что надеяться? Господи, помоги и вразуми!.. Да святится имя Твое», – молилась я перед сном совершенно искренне и жаростно.

У мамы появился сожитель. Так называли его соседки. Я звала его дядей Гошей. Его никто не любил. Я это чувствовала. В тот день мама и бабушка на него кричали, в чем-то упрекали. Я не вникала. Мне было противно слышать: «Заслужил, ну так получай на полную катушку!» «Чересчур усердствую? Пощадить? С какой стати!» А дальше – больше... «Устроили показательную порку, стерли в порошок. Получалось, на его долю доброты в них не хватало. Другой давно преспокойненько смылся бы, а этот слушает, интеллигентность проявляет, что ли?» – хмыкнула я, и раздосадовано махнула рукой, проходя к себе в спальню. Еще и дверью демонстративно грохнула.

Дядя Гоша сидел на диване напряженный, застывший, как статуя. Мне казалось, он сдерживается, чтобы не ответить женщинам тем же, а он, отталкивая ругань каменной непроницаемостью, оберегал свое сердце. Потом он вышел на улицу подышать. Я, гонимая неясным чувством опасности, выскочила ему вслед, удивив тем самым маму. Была ли в этом поступке еще и доля любопытства – не помню.

Некоторое время я просто смотрела в направлении удаляющейся сгорбленной фигуры, потом пошла за ним. Я не понимала, куда и зачем он направлялся. Это меня беспокоило.

Долго, в метрах в пятидесяти от меня маячила нескладная тощая фигура дяди Гоши. Он шел неуверенно. Ноги слегка заплетались и волочились, как у пьяного, хотя он был на этот раз трезвым. Дышал прерывисто, подрагивая плечами. Его поводило из стороны в сторону. Мне сразу припомнился мой восьмидесятишестилетний деревенский дед, шедший с сенокоса. Его тоже шатало и заносило от усталости.

Дядя Гоша шел, широко расставляя ноги и выставляя в стороны острые локти, как это делали новорожденные цыплята в коробке, куда их помещала бабушка обсушиться. Выглядел он неловким и нелепым, но что-то удерживало меня от смеха. Во мне почему-то нарастала тягостная непонятная тревога. Вдруг он забеспокоился и суетливо, мелко-мелко переступая, направился к газону. Его еще больше закачало. Я догадалась: боится падать на асфальт, земля все-таки мягче... Упал, неловко скорчившись.

Я никогда раньше не видела кончины, но почему-то догадалась, что сейчас на моих глазах умирает человек. Детская паника сменилась недетским ужасом. Я остановилась, чувствуя, что следующий мой шаг к нему уже не нужен. Поздно. Ему уже не поможешь. И все-таки подскочила, схватила за руку. Еще услышала расплющенный до неузнаваемости голос, предсмертный хрип... Наверное, я должна была заорать, но я молчала. Страх перед смертью пережал мне голосовые связки. Дядя Гоша ничего не просил. Он пытался справиться сам. Он еще не верил, что началось то, чего никто не может изменить...

- Люди! Скорую! - заорала я, придя наконец в чувство.

Мальчик, по всей видимости, школьник-старшеклассник, поддернув плечом тяжелую сумку, метнулся к телефону-автомату. Я продолжала сидеть на коленях, не в силах сдвинуться с места. Мое тело мгновенно ослабло, как от болезни. Вокруг нас толпились набежавшие откуда-то люди. Они тихонько переговаривались между собой. Кто-то трогал больному пульс на запястье, кто-то поднимал веки. Какой-то ребенок, не поняв происходящего, не к месту хихикнул. Женщина в струящемся длинном платье вытолкнула его из круга.

А дядя Гоша лежал на животе, неловко подвернув под себя правую ногу и выставив локтями вверх свернутые руки-крылья, будто делал слабые тщетные попытки взлететь. Сразу осунувшееся лицо смотрело в мою сторону полуприкрытыми неподвижными глазами. Оно, как всегда, ничего не просило...

Зачем-то вспомнился мой вопрос отчиму: «Вы воевали и все знаете. Американцы лучше немцев?» Он криво усмехнулся, и я сразу все поняла. Взгляды и мимику взрослых я понимала лучше слов. Слова могли лгать, изворачиваться, быть неточными...

Поддавшись неожиданно накатившей на сердце тяжести, я откинулась навзничь на траву, закрыла лицо руками и взывала громко и горестно. Наверное, в этом бессловесном плаче слышалось людям что-то смутное, может, до конца не представляемая детская невнятная просьба к кому-то для нее по-настоящему еще не существующему... Вдруг услышала свой собственный голос и, словно испугавшись чего-то, умолкла, и уже только тихонько всхлипывала... Это была моя вторая утрата... И этот меня оставил. Навсегда...

Почему плакала? Я не успела полюбить этого нескладного беззащитного человека, а может, - останься он в живых - так и не полюбила бы, но мне было очень жаль его. Ему было пятьдесят два, мне - десять. Явился как бы ниоткуда и ушел в никуда... и все же оставил болезненный, чувствительный след. Может, я не только его, но и себя жалела. Тогда эта трагедия притушила многие мои детские обиды. И в жизни нашей семьи надолго наступило затишье... А я перестала на лето приезжать к матери в город. Лена сразу все поняла. Другие понимали лишь какую-то малую часть меня, а вот Лена - доподлинно и полностью».

Накрыла меня сегодня горячая волна воспоминаний детства...

...Зато взрослую Лену, я думаю, никогда не одолевал страх того, что не приживется на новом месте, потому что, наверное, не держал ее, как многих дом и постоянное желание в него вернуться. Кто ее ждал, кто в ней нуждался? Разве только бабушка. Но та сама там была словно не на месте, будто не родная. Вроде как по необходимости...

Способность приживаться – слишком малая компенсация за отсутствие любви.

А может, эта старая хата, где прошло несколько лет ее жизни, именно из-за бабушки стала ей родной? Ведь она хранила в себе заботы, беды и радости ее школьного детства. Она помнила ее первую счастливую наивную влюбленность, слезы разочарования в людях, первое осмысленное понимание ценности человеческого ума, надежности, трудолюбия. И много еще чего...

Ведь говорила же, что больше нигде не испытывала того покоя, который окутывал ее в хате, когда оставалась в ней одна, вольная в своих желаниях фантазировать, слушать по радио музыку и не думать ни о чем грустном. Могла без страха вбирать в себя остатки звуков усталого дня, благодатную тишину вечера и мечтать, мечтать... Это только кажущаяся сродненность со студенческим общежитием может постепенно исчезать, потому что в нем не оставались те, кто тебе стал дорог. Все со временем разлетались. И то ведь какой глубокий след оставило! Долго еще трепетала душа при одном упоминании о нем...

...Вот и провела я прямую линию от Лениного непонятного грустного детства до взрослой жизни. Непрерывную? Скорей всего, пунктирную. Или изобразила что-то типа азбуки Морзе с черточками разной длины. Где точки – там уверенное знание, где пробелы – там невозможность понять и предпринять осмысленные действия. А отрезки прямых и есть те самые случаи из жизни, о которых рассказывала мне Лена.

Линия жизни не бывает прямой. Она – из непредсказуемых зигзагов. Только время жизни не повернешь вспять, можно только изменить скорость ее истечения. Всякому известно, что когда чего-то ждешь, время тянется мучительно долго. Мое время идет только в связи со мной, а для других оно течет иначе, согласно их мироощущению и даже настроению. Для кого-то оно проскакивает поездом без тормозов, для кого-то тянется улиткой. Скорость течения времени разная в течение года и даже в течение одного дня. Избежать однонаправленности времени можно только воспоминаниями. Тут возможны скачки, перебежки, повороты на сто восемьдесят градусов...

Воспоминания Инны хаотичны, стремительны и немного печальны... И промелькнули они быстро-быстро, как фильм в ускоренном режиме при перемотке пленки.

Каждая о своем...

Женщины молчали. У каждой перед глазами стояли свои прекрасные или опасные моменты жизни. Кире припомнились первые очень тяжелые роды, счастье появления сына. Жанна смотрела в окно, и в ее глазах почему-то блестели слезы. Лера вспомнила их с Леной беседы в МГУ. Она к ней в гости приезжала. Лена еще не привыкла к новому коллективу, очень грустила, и поэтому, найдя в ней понимающего человека, делилась глубоко личным.

«В раннем детстве я часто была грустна и одинока. Постоянно находилась в ожидании чего-то непонятного, неосознаваемого, в смысле доброго, злого или печального. Томимая этими чувствами, в лесу, парке, во дворе одна подолгу сидела в темноте, пытаюсь что-то осмыслить, до чего-то докопаться своим несформированным детским умишком. Не любила шумных игр, пустых разговоров, не несущих информации. Пыталась нырнуть в глубину жизни, выудить оттуда что-то хорошее, близкое моему чувствительному сердцу. Вспоминала теплые моменты общения с детьми и взрослыми. Любила подолгу смотреть на людей, слушать их речь, проникать в смысл.

Иногда меня занимали травинки, жучки, облака, ветер. Я прислушивалась к его порывам, подставляла ему руки, лицо, чтобы лучше почувствовать. Запахи вдыхала, разделяла на составляющие, радовалась. Ходила медленно, задумчиво, будто присматриваясь, прислушиваясь к жизни вокруг себя, готовая в любой момент защититься, скрыться, исчезнуть из поля зрения неприятного. Лишь иногда бывала порывистой. Не сказать, что была пуглива. Нет. Просто все вбирала в себя и мало выплескивала. Душа была открыта миру, но не людям. Природа всегда радовала во всех проявлениях. Я улыбалась солнцу, облакам, цветам...

Люди часто печалили, раздражали грубостью, несправедливостью, непорядочностью. От них я ждала беды и боли, их страшилась, избегала. Каждый жестокий случай безжалостно резал по сердцу, оставляя долгий болезненный след, заставлявший прятаться в глухую скорлупу неверия, нежелания общаться. Я представляла, что их, этих плохих, для меня уже нет. Отворачивалась, прикрывала глаза, проходя мимо. Мне даже казалось, что притуплялся слух и другие ощущения, когда я находилась рядом с людьми, обижавшими меня или моих друзей. Никто не учил меня этому. Моя натура всегда выбирала доброе, светлое, красивое. Может, у всех детей так. Не знаю... Это потом, немного повзрослев, дети по-разному отвечают на зло взрослых: кто звереет, кто приспособливается, хитрит, юлит, а кто отгораживается. Выбирают, кому что ближе или проще.

А я, взрослея, постепенно училась выискивать хороших людей и улыбаться им, потому что интересны они стали тем, что в разных ситуациях проявляют себя не одинаково. Трава растет, и я всегда знаю, что с нею станет весной, летом, зимой, а с человеком непонятно, какой он будет уже в следующую минуту: гневлив ли, ласков ли, угрюм. Ведь не будет же молодая женщина заигрывать со стариком, улыбаться, счастьем светиться, как если бы с молодым. И вдруг она за старого идет замуж...

А директриса детдома, может, и бывала когда человеком, но я не видела. Только столбом гордым и пренебрежительным, да овчаркой бешеной являлась перед детьми. Вот и все. А какая она со своими детьми, с мужем, с мамой своей старой? Тоже вебрь? Тогда их жалко. Людей всегда жалко больше травы и животных. Сердце сильнее за них болит. Почему? Наверное, потому, что я тоже из этого «стада». Бывает же стадо коров, косяк рыбешек, стая птиц...

Муравья я могу обидеть, даже съесть, когда хочется кисленького. Почему? Потому что он маленький или потому что вкусный? Я же рву и ем дикую лесную грушу и не переживаю. А муравей живой. Его жалче. И рыбешка живая, а я ловлю ее и тоже ем, когда голодная. Все едят, и я ем. Так жизнь устроена. И курицу ем, хотя и редко. Очень люблю, даже слюнки текут, когда праздники вспоминаю...

Взрослого человека я могла обидеть словом, взглядом. Помню, ох как я зло посмотрела на воспитательницу! Так было за что. А чужак даже сплюнул, увидев меня такой. Мол, мелюзга поганая. Брысь отсюда. А за что? Не я же виновата. Обидно было. А когда я

научилась обижаться? Думаю, очень давно, когда стала различать взгляды, интонации, когда получала первые шлепки. Ждала теплых, мягких, добрых прикосновений, а получала раздраженные оплеухи. Я их помню. Удивлялась, возмущалась громким ревом. И за это тоже доставалось. Терялась, скулила щеночком...

Почему ждала доброты? Откуда знала о ее существовании? Я думаю, все дети изначально запрограммированы на добро, рождаются с желанием любви и ласки... Любить себя просто, а вот любить другого надо учиться. В этом я не сомневаюсь ни на йоту. Но почему же я мало себя люблю? Когда наказывают ни за что, у ребенка сбивается программа, и он ищет разные пути-выходы. Вот тут-то и возникают варианты характеров, правда, Лера?

На луну и звезды любила смотреть. Притягивала неземная прелесть ночного неба. Не страшила, а звала таинственно, ласково, трепетно. Не будоража, умиротворяя. А иногда погружала в нежную грусть, тонкую возвышенную печаль, звала в неземное, в далекое-далекое и потому не пугающее.

Когда одиночество сжимало сердце, я представляла себя одной из маленьких звездочек, на короткое время опустившейся на землю. Я чувствовала себя в их вечном хороводе уверенно и спокойно. Они всегда со мной. Если даже скоротечная тучка на время прикроет их, они не бросят меня, как бросали люди... Я долго не выросла...

Метели не боялась. Она – зимний дождь. Одно плохо – холодно. Мне всегда не хватало тепла и внутри, и снаружи. А когда нашу хату, – я тогда уже жила в семье, – засыпанную до крыши снегом, откапывали, я не осознавала ужаса и с восторгом воспринимала это редкое, неожиданное, особенное событие. Взрослые не охали, а только ахали – наверное, отсюда мой взгляд на это интересное явление. Мне не хотелось, чтобы нас быстро спасли. Я хотела продолжить игру. И только потребность в воде заставила смириться. Может, на мои эмоции положительно повлиял рассказ бабушки, что такое в ее детстве было не раз.

Процесс спасения людей из-под снега всегда в моем сознании выливался во что-то шумное, веселое, праздничное. Он сопровождался разного рода новыми познаниями. К примеру: наружные двери хаты надо навешивать так, чтобы открывались внутрь коридора или что разумно рыть траншеи к воротам и сараям, а не норы. Я представляла лабиринты, по которым ходят люди, а вокруг безлюдье, потому что их не видно. И это казалось мне удивительно увлекательным, фантастическим или сказочным. Игра, а не жизнь!...»

Я понимала, грустит Лена без своей подруги Инны. Я слушала рассказ Лены и со своим детством его сравнивала.

«Я тогда думала: жизнь не богата радостными событиями, и счастлив тот, у кого есть добрая веселая семья, в которой все дружно работают, помогают друг другу, не требуя ничего взамен, не выпячивают свою значимость. Вместе отдыхают, радостно смеются, не вредничают, не завидуют, не лгут, не хитрят. Хорошо, когда в семье все просто и естественно, открыто и честно; где музыка, книги и поделки, где все уважаемы и любимы в равной степени, а не безразличны, злобны и алчны. И тогда каждый день, как праздник нежности, душевной щедрости. Где не сюсюкают, не ахают-охают. Любят просто, спокойно, ласково, без дерганья, ревности, неверия и ничего не делают. Мне легко было этого желать, я видела и знала другое...»

Я тоже посвящала Лену в свое каникулярное деревенское детство... Иконы жмутся в углу. Рядом иконостас из фотографий. Здесь дед молодой, а тут обомшелый совсем. Сидит сгорбленный, угрюмый, как урытый. Бабушка – красавица писаная. Не гоже им рядом висеть. Вдосталь насмотрелась. Бабушкины рассказы о дедушке помню. Он был хорош, импозантен. Знаюк всего, что связано с лошадьми, бегами, скачками. В молодости он бабушку превозносил, боготворил. Ее популярность росла, его же все дальше отступала в тень. Он ревновал ее к успеху, испытывал злорадное наслаждение, представляя, как приятно было бы ему, если бы она исчезла с горизонта славы. При этом без всякой видимой причины и повода расточал вокруг себя благосклонные улыбки. Его спрашивали, когда он появлялся в компании один: «Чьим заботам вы доверили супругу? Кого вы удостоили чести проводить ее домой?» А потом он вовсе пропал. Оставил ее с

двумя детьми. Бабушка скрывала сей факт. Только подлинное положение дел разве утаишь? Оно немедленно выяснилось. Иначе на что у нас досужие тетушки...

Припомнила приезд деда через много лет отсутствия, желание бабушки показаться молодой, красивой, в блузке и юбке из молодости, которые странно смотрелись на ее теперь уж полноватой фигуре и при сильно постаревшем лице. Хотя, надо заметить, эта одежда все-таки молодила ее. Взволнованное и смущенное лицо матери тоже помнила. И еще свое удивление, непонимание. Зачем нарядилась перед чужим мужчиной? Закралась смутная догадка, что он бабушке не чужой. Пыталась связать концы двух непонятных нитей: «Он – отец моей матери, она – мать матери. А жена у деда другая. Вторая? Тогда он не вдовец, а разведенный. Но разве мог он оставить такую прекрасную женщину? Он же хороший. Боже мой, бабушка его первая жена?! Не может быть!»... Глупая, маленькая была...

Мать тоже чувствовала неловкость за бабушку. Что она думала? «Бабушка всем видом показывает, что веселая и счастливая?» А мне казалось, что взволнованная, возбужденная, даже взбудораженная, как от встречи с первой любовью своей юности. Видно, так оно и было. И дед какой-то встрепанный, тоже смущенный, растерянный, неуверенный. Места себе не находил. Тыркался туда-сюда, то ко мне повернется, то к дочери. То нож в руки возьмет, то рюмку по столу подвигает, то откроет следующую бутылку при недопитой первой. Всё вроде приятно и радостно, все возбуждены встречей, а если присмотреться, глубже копнуть, тайна какая-то проглядывала из тумана прошлого.

Тайна была для меня, а не для взрослых. Нет, чтобы объяснить ребенку. Мучайся тут, разгадки сочиняй. Две бабушки при одном дедушке. Получается, это обычная, хотя и неприятная житейская драма? Наверное, для моей бабушки это жутко тяжелая встреча с прошлым. Но как держится! Может, радость встречи затмила боль долгих лет разлуки? Зачем дед приехал? Неужели захотел увидеть свою давнюю любовь, мать своих детей? Может, совесть замучила или что-то наподобие ностальгии с возрастом проснулось?..

Тянет же меня увидеть деревенских друзей, хочется знать их судьбы, заглянуть в переулки детства, окунуться в былую наивную радость, вдохнуть, пусть измененный, но все же воздух тех мест: лесов, лугов, огородов. Это воздух не такой, как в городе. Он роднее, слаще, теплее, гуще. Насыщенный душевностью, событиями, ласкающими душу... Теперь он уже почти без боли, обид, горечи, потому что он из прошлого. И поэтому настоян на радостях, на тумане забытья, на добрых выжимках хороших моментов...

Ах, бабушка! Милая бабушка. Всем в любом возрасте хочется помнить только о хорошем, надеяться на лучшее. В тот день она открылась мне другой гранью своей души: искренней, трогательно детской, незащищенной, любящей раз и на всю жизнь, такой странно хрупкой. Вспомнила рассказ о любви ее родителей между собой и к ней. Вот она откуда, ее вера, любовь к мужу до гроба. Она винила только ту женщину, потому что без памяти любила. Она не могли винить любимого. Он для нее, несмотря ни на что, безгрешен и прекрасен. Вот такая арифметика. Ее любовь до сих пор идеализирует его, не позволяет признать недостатки, поверить в греховность его помыслов и действий...»

Лере другой рассказ Лены вспомнился.

«...Посылая мое фото своей дочери, дед на обороте надпись сделал: «Папы и мамы от Лены». Я уж тогда поборник грамотности, не только не исправил ошибки, но даже сделала вид, что не заметила их. Мне было девять лет. Детское чутье подсказывало, что это будет выглядеть грубо, бестактно, безжалостно. Старик ведь писал. И с таким старанием выводил большие, чуть дрожащие буквы! Может быть, с любовью. Конечно, с любовью... А я ведь тогда вообще ничего не знала об этой новой семье, но понимала, что меня в нее отправляют. И откуда у детдомовского ребенка чувство такта? Может, природное, от тех самых малограмотных, но таких тонких, умных и порядочных?..»

Понимали мы с Леной друг друга...

Опять Лена о деревне вспоминала.

...Приехала я в деревню. Вышла из поезда. Прелестное тихое утро. Под лучами на удивление яркого августовского солнца искристо серебрились лиственные деревья лесополосы, через которую проходил мой путь. Деревья выглядели так нарядно, так празднично, что, казалось, в душе у меня вот-вот запоют соловьи. «Блажен, кто посетил сей чудный уголок», – мурлыкала я бездумно. Сразу ощутила, до чего неторопливо течет время в деревне, как оно успокаивает и умиротворяет!..

Пересекла росистый луг с низким густым мощным травостоем, столь плотным, что при всем желании не добраться сквозь стебли пальцами до жирного, влажного чернозема. «Такого, как у нас, луга не сыщешь в других краях», – улыбалась я. – А вот знакомая мне с детства копань, по-местному копанка. Увидела, и мороз по спине продрал. Я даже зябко и нервно передернула плечами. Вспомнилось из детства: «Ой, гиблое место, засосет!» Здесь у меня впервые пробудился страх перед жизнью, точнее, перед смертью. Остро, проникновенно ощутила. Поразилась слабости человеческой. Помню, цепляясь за кусты и траву, молилась все откровеннее и отчаяннее. И после благополучного завершения «выползания» из топи продолжала нервно бормотать схваченные общей мыслью обрывки молитв.

...Деревенская жизнь воспитывала меня сменой болей и радостей, острыми, рвущими душу впечатлениями... Почему копань странным образом притягивала меня? Говорят, будто влечет к себе страшное, таинственное. А меня, как и в детстве, оно больше пугает...

Иду дальше и вспоминаю, как, возвращаясь из школы, мы часто катались по этому пахучему ковру, наслаждаясь природными пуховыми перинами, мягче которых не бывает во век, а намаившись, запыхавшись от избытка эмоций, останавливались и замирали, замороженные розовым закатом, быстро сгущавшимися теплыми спокойными сумерками. И в тот момент мне казалось, что это райское место, где вся земная доброта, тишина и красота собрались вместе, чтобы радовать, восхищать и умирять рвущиеся вдаль и виришь души маленьких сорванцов с их детскими, а подчас и недетскими мыслями, заботами, мечтами.

...И вдруг вспоминала островок бед, страхов из очень раннего детдомовского детства и не понимала: зачем он нужен мне здесь, в долине счастья? Чтобы напоминать о том, что не все в этом мире нам на радость, что всюду подстерегает каждого из нас неизвестное, тайное, опасное, которого мы должны бояться, чтобы не забываться и всегда помнить: зло существует, оно всегда где-то рядом? Оно тянет, требует познать его, испытать, преодолев себя, или избежать, обойти его. Поэтому во мне просыпался страх? Чтобы оградить, уберечь от ненужных бед? Ведь существует разум, чтобы решать: бежать или побеждать. Бежать надо от пустого соблазна, глупого геройства, от искушения легкой победы. Да мало ли еще от чего. Конечно, без риска не взорлишь, высоко не поднимешься. Но инстинктивный страх заставит задуматься, и тогда разум и совесть встанут на охрану человеческого, порядочного во мне... Эко меня повело на размышления! Видно копань – место такое, располагающее к философии...

Вот старая школьная аллея – живая память юных лет, место милых секретов. Под этим дубом и я прятала записки, вложенные в коробку из-под зубного порошка. У нас считалось постыдным выставлять напоказ свои «сердечные раны». В этой аллее эхо уже нашего прошлого, потеснившего в ее памяти пережитое родителями в войну.

Картинки детства одна за другой выстраиваются в моей памяти... И они вполне узнаваемы. Но как заросла аллея. Как сцепились ветвями дубы и тополя. Кусты проросли щиром, лебедой, крапивой и лопухами. Все переплетено диким виноградом и повиликкой. Не пробраться сквозь джунгли.

А вот и прогалки. Нет теперь моих любимых тополя и березки, как нет уже моих лучших друзей детства Лили и Толика. Во имя чего они так рано ушли, вознеся себя на алтарь Добра и Света? Всевышнему нужна была эта крестная жертва? Разворошила, растревожила я бесконечные нетленные кладовые своей памяти... И каждой весной в этой аллее по-прежнему цветет белая акация, опьяняя других мальчишек и девчонок, и также неумолчно гудят деловитые пчелы...

А вот эта улица заставила сердце забиться учащенно. Первая влюбленность, первое свидание. Вот его дом. Но живут там незнакомые мне люди. И от этого сделалось ужасно грустно до слез. «Никого из родственников у него здесь не осталось. Не придет.

Никогда больше даже мельком не взглянем друг на друга...» Помню, в один из приездов кто-то опустил руку на мое плечо. Я вздрогнула от неожиданности. Его соседка. Поняла мои мысли. Деликатно, тактично помолчала, повздыхала...

Лера более поздние слова Лены к месту вспомнила:

«Меня измена Андрея сразу вернула с облаков на землю. Я не стала искать ему оправдания, хоть и любила его... Возможно, твоя бабушка хотела сохранить ранний образ мужа, когда он еще любил ее, потому что его все годы не было рядом? Она сберегала свою душу его и своей любовью, чтобы не сломаться, не превратиться от обиды и боли в мегеру. Она не казнила память о нем, не хаяла, а несла его образ перед собой по жизни как икону, как факел веры, как путеводную звезду. Она всю жизнь ждала его. Ведь без надежды на любовь смысл жизни теряется, радость жизни исчезает и остается только работа ради существования.

...Мне иногда кажется, что у животных тоже есть любовь. Может, неосознаваемая, но есть. Ведь что-то держит их рядом. Некоторые виды одной парой до конца жизни идут. Что их притягивает? Только ли инстинкты да рефлексы? Ну, бог с ними, с животными. Тут с людской породой не удастся разобраться сполна, во всю глубину, бесконечную, бездонную.

...Я бросила на весы судьбы свою любовь и наши отношение в будущем. Взвесила и сама себе выбрала дорогу. Правда, тогда я еще не знала, что уже ношу под сердцем свое счастье. Но вряд ли это что-либо изменило. Минусов много больше и для меня, и для ребенка... Жить рядом, ежедневно видеть, мучиться... это выше моих сил». – Так считала Лена...

Эмме вдруг свой подарок деду вспомнился. Туфли купила ему по окончании вуза. Он так смутился. Я думала, что не понравились или он понял, что они очень качественные, дорогие, а я студентка. Так нет же. Я его жене не купила подарок! Он знал мою нелюбовь к ней, и, тем не менее, не хотел, чтобы я открыто ее выражала. Наверное, его задел, обидел мой поступок. Он растерянно и неловко совал мне в руку деньги и тихо бормотал: «Комбинашку, комбинашку купи, шелковую». Сказать, что я была не в восторге от его просьбы, это значит ничего не сказать... но я, не желая обидеть деда, пересилила себя, взяла деньги, купила, и скрепя сердце, подарила... Горькое чувство стыда и внутренней несовместимости не исчезло. Оно до сих пор царапает.

Я о его второй жене даже не вспомнила, покупая подарки всей родне, потому что не любила. По ее милости моя родная бабушка несчастлива... Но я могла бы подумать о нем. Она же его жена, и ему, конечно, хотелось, чтобы я не обижала ее, не оскорбляла. Да, она не стоила его, моего любимого деда, да, она намного хуже по душевным качествам моей родной бабушки. Но он худо-бедно прожил с ней много лет. И я должна уважать его выбор, не перечеркивать своим поведением его жизнь. Это его жизнь и, наверное, в ней было что-то хорошее, раз он не расстался с этой женщиной. Не по инерции же он катил все эти годы? Не только же чувство мужского самолюбия не позволило ему вернуться к бабушке. Наверное, была у него к той женщине любовь в каком-то там ему только понятном виде и отображении. Я не имела права ни корить, ни осуждать его. Он сам выбрал свой путь, и то, что я считаю ошибкой, для него может быть благо.

По отдельным репликам в семье я замечала, что дочь – мою мать – дед любил сильнее, делился с ней заботами, проблемами, жаловался на что-то. Они хорошо понимали друг друга. Сын был рожден, когда дед вернулся к бабушке после годичного «отсутствия». Но видно, прежняя любовь в нем угасла. Он уже тогда был на распутье, пытался разобраться в себе. Долг и новая женщина разрывали, растаскивали его сердце в разные стороны. Не так был любим сын, зачатый в смутное время его души. И нечего самой себе доказывать, что, мол, ничего подобного. Факт есть факт...

А может, дед будней не выдержал? Вторая жена чаще праздники устраивала. Наверное, была спокойна, легка, нарядна, весела. А бабушка под гнетом забот, которые взвалила на себя, стараясь угодить любимому мужу, была всегда усталой, измотанной. И дети были сыты, и в доме чисто, и пироги всегда на столе горячие. Да видно не то ему было важно... Из последних сил весела, энергична. Но не было в ней той беззаботной легкости

неработающей бездетной женщины, живущей только для улаживания мужа.

Бабушку я любила как никого на свете. И сейчас, когда ее уже нет, люблю. Жалею ее бессильные старческие слезы. И деда, несмотря ни на что, люблю, потому то жалею и оправдываю. Не по своей воле ушел, заставили, а потом привык, телом был с той женщиной, но душой рвался к детям. Судя по рассказам, стыдился своего слабого поступка. И мать, видно, давно простила деда.

Быть несчастливymi – наша наследственная судьба? Просматриваю, прослеживаю родословную. Мать моя, проглатывая стыд и обиду, несла крест измен мужа, пока не заработала шизофрению, я, глупая, любила недостойного, и кончилось всё тяжелой болезнью. Всевышний спас. Дочь моя разумнее нас оказалась, вовремя ушла от мужа. Может, счастливее будет? Хотя какое счастье без любви? Милая бабушка, что ждет твою правнучку? Если душа твоя на самом деле витает где-то над нами, подскажи. Там, наверху, говорят, все умнее становятся...

Сколько нас таких... несчастливых?.. А теперь странные отношения (интеллигентные?) вижу я в семьях своих родственников и друзей. Расходятся, мужья женятся, а первые жены – если не замужем – поддерживают дружеские отношения с их новыми семьями, с их новыми женами. Ну, только что не гарем. Ох, наверное, дорого им обходится эта дружба! А может, они таким образом, по-другому, чем моя бабушка, сохраняют в себе свою любовь и не дают развиться ненависти? Вроде бы он, бывший муж, еще остается немного ее? Уважает, ценит, советуется (если не смотрит сычом). А вторая жена разве не ревнует, не боится, что вернется он в первую семью? Наверное, не боится, если терпит этот «союз». А может, боится, потому и терпит? Такая вот многозначная система уравнений. А говорят, раньше редко расходились. Видно, это верно только для деревенских жителей».

Усилием воли Эмма переключилась на разговоры подруг.

Вина

Лере вдруг вспомнилось, как она приезжала в деревню к Лене, и та делилась с ней впечатлениями одного студенческого лета. Они тогда лежали на диване. Дождь хлестал за окном. О прогулке в лес не могло быть и речи. Все располагало к душевным разговорам.

– ...В тот приезд домой чужая судьба навсегда запечатлелась в моем мозгу. Из памяти изгладились многие события того печального лета, смутно припоминались лишь отдельные моменты, а это сохранилось. Не хотела вспоминать, да вот вспомнилось...

...Тропинка тогда тоже вела меня мимо ремонтных мастерских. Из ворот вышел высокий, крупный, плотный мужчина лет так под сорок пять-пятьдесят. Я сразу узнала его, вернее, догадалась, кто он, и почему-то не сомневалась в своей догадке, хотя видела его в прошлом году всего лишь один раз со спины.

Я заметила соседа издали, когда черты его лица были еще расплывчаты, неясны. Выделялись только темные волосы и поразившие меня два чистых, ярко-синих огонька на белом, неожиданном для деревенского жителя лице. Странные глаза: очень крупные и словно подсвеченные изнутри, лазурные. Никогда не встречала таких по мощности излучения, по теплоте. Они смотрелись как два маяка или этикетки солнечного майского неба, от которых трудно оторваться.

Еще меня поразило его удивительно доброе лицо, которое, когда наши взгляды встретились, в секунду стало неподвижным, каменным. В глазах застыли боль и страх. В них читалось: «И она уже знает...» С трудом отвела взгляд. Попыталась сделать вид, что не узнаю или ничего не знаю. Я же только из писем мамы черпала информацию о соседях...

Внезапно нахлынули слова утешения, поддержки. Хотелось назвать его сильным, верным своим детям, поблагодарить за терпение, за надежную опору, за горькие, но прекрасные страдания во имя их счастья. Хотелось сказать, что горжусь его мужеством, победившим самолюбие и глупый мужской гонор, людскую жалость, непонимание и презрение некоторых мужчин, хотелось объяснить, что уважаю за умение разумно расставить жизненные приоритеты.

Хотелось крикнуть: «Вы достойны великой любви! Любовь к детям держит вас рядом с ними, придает силы. Дети пока не в полной мере понимают ее, но они повзрослеют и оценят. В моих глазах вы герой, настоящий человек. Вы во много раз лучше тех, кто кичится силой тела, потому что вы сильны душой. Я восхищаюсь вами». (Ты же помнишь, какой восторженной я была в ту пору.)

Боже мой! Сколько теплых, ярких, искренних слов признательности застряло в моем горле.

А я ничего не сказала. И мои глаза больше не встретились с его взглядом. А все почему? Побоялась вторгнуться в чужую жизнь и навредить. Подумала, что не поймет, обидится, если вынесу на поверхность его души то, что он прячет в самую ее глубину. Боялась сочувствием нарушить зыбкое равновесие сил и чувств, которое ему удается столько лет сохранять в себе во имя семьи. Вдруг я явлюсь той последней каплей в его терпении и толкну его на безрассудный поступок? А он такой красивый, добрый, редкий...

Изобразила безразличное лицо. И этим тоже могла обидеть. Поздно, я не подготовилась, не успела сделать вид, будто не догадываюсь, кто передо мной. Я не смогла быстро принять разумное решение, не справилась со своими чувствами. Немудрено, что растерялась. Слишком мало было времени на размышления. Ведь сначала я ощутила лишь свое волнение, а когда захлестнули эмоции, не удалось мне направить мысли в нужное русло. «Не представилась возможность не спеша, трезво оценить ситуацию», – оправдывала я себя.

Я медленно прошла мимо, опустив глаза, с трудом пересиливая желание оглянуться, а потом заторопилась, чтобы скрыть свое запредельное смятение, разброд чувств, щемящую боль за несправедливо обиженного, жестоко наказанного судьбой человека.

Быстрой ходьбой я старалась заглушить ноющую боль неуверенности.

«Что сказал ему растерянный взгляд посторонней девушки, опешившей от неожиданной встречи? Понял ли он мое смятение или его в данный момент обуревали свои более сильные, скорбные мысли униженного человека?» Он шел медленно и тяжело, онемевший, под грузом своей непосильной, многогранной беды. Но от меня не ускользнуло, что он тоже не подал виду, что узнал меня. А может, мне это только показалось или то был результат его нервной заторможенности? Стараясь совладать с волнением, вопросами к себе я пыталась загасить фонтан своих все разрастающихся эмоций.

Я сразу представила себе бестактных, подчас пьяных работников МТС, их грубые насмешки, грязные, ежедневные намеки, то громкие, то затихающие при виде его, пошлые рассказы о поведении его жены с очередным, кратковременным «хахалем». Сердце мое сжалось до спазм от непосильного давления чужой беды. Чувства поглотили меня. Я остановилась, прислонилась к березе, чтобы прийти в себя.

Обидно. Ни у кого из его детей нет небесно-чистых, удивительно добрых глаз, у всех серо-зеленые, наглые – матери. Так писала мне мать... Какой же он все-таки молодец! Не пьет, не устраивает потасовок, чтобы не пугать детей. Пытается сохранить семью, переезжает из района в район. Все надеется, что жена переберется, ей ведь уже далеко не двадцать лет.

Опять склонилась к березе: задохнулась его горем и уже осознаваемым его старшими детьми позором. Две его дочки уже старшеклассницы. Женщины меньше язвят. Сочувствуют своим «подругам по несчастью», вот и помалкивают. Мужчины более жестоки. Почему? У них крепче собственнические чувства, приправленные уязвленным мужским самолюбием и неуверенностью? А может, я, наивная, ошибаюсь, меряя мужчин своей женской меркой? Не доросла еще до понимания их психологии, не имея личного опыта.

Женщины часто терпят позор мужских измен, потому что чувство ответственности перед детьми у них превозмогает все остальное. Им приходится терпеть, если муж единственный кормилец в семье и если к тому же они не имеют своего жилья... Может, зря терпят? Соседка, что напротив нас живет, после смерти мужа-алкаша расцвела, четырех детей подняла. А ведь как бил...

Почему же этот мужчина терпит унижения? Должна же быть какая-то веская причина. Желание обладать такой темпераментной женщиной, любовь к ней? Любовь к детям? Это более чем достаточные основания для объяснения факта верности семье. Но, говорят, мужчина не может испытывать к детям такую же гамму чувств, на которую способна женщина. Видно, могут. В своей, пока еще короткой жизни, я хоть и очень редко, но наблюдала такие примеры.

Сосед видел, что я поспешила скрыться. А вдруг он счел мою торопливость презрением к нему, нежеланием даже одну минуту находиться рядом с «прокаженным»? Слезы побежали по щекам. Вернулась. У ворот МТС пусто. Не заходить же в цех-сарай. Зачем? Выслушивать насмешки, ставить соседа и себя в неловкое положение, вызывать домыслы, сплетни мужчин? Глупо. Не вернешь того упущенного мгновения, когда можно было сказать честные, сердечные слова. Не смогла, не сориентировалась. Смутилась, растерялась, струсила.

Сложное это дело – лезть в чужую душу. Невозможно предвидеть реакцию. Не по отношению ко мне. Его к себе. Сама я переживу и резкость, и грубость. Не навредить бы бедняге. А может, как раз мое слово и помогло бы ему? Пока он сам справлялся. Что бы он сказал мне? «Со свиным рылом, да в калашный ряд?» А может, сочувствием размягчила бы, расправила зажатое бедой сердце, уважением укрепила бы его веру в себя, в правильность его христианского пути – терпения? Мол, Бог терпел и нам велел, мол, терпение окупится сторицей хорошими детьми. Ведь хоть и в усеченном виде, но любовь у них к нему существует.

А вдруг ему нельзя расслабляться, чтобы вытерпеть незаслуженную кару, нельзя разжимать сердце, сжатое в тугую пружину. Многие мужчины считают его вахлаком, лопухом. А может, только внешне? Ведь он выделяется среди них, по многим статьям их превосходит. А вот большинство женщин – я уверена – хотели бы иметь такого

работающего, стойкого, терпеливого, незлобивого мужа.

Вспомнила о его жене, и мое сердце ожесточилось. Мать сообщала в письме: «Высокая, стройная, ладная. Не поверишь, что кучу детей родила. Лицо простое, ничем непримечательное, обыкновенное. В чертах нет строгой классической правильности. И только иногда в голосе отдельными нотками скрывается сила и уверенность, а в движениях внезапно проявляется то хорошо скрываемая увертливость хищной самки, то кошачья грация, то напористость и властность. А так женщина как женщина. Пройдешь мимо, не оглянешься».

Почему она ради похоти жертвовала судьбами своих детей, калечила их психику? Душа ее червивая, темная, страшная в своей безобразии и жестокости? А зачем тогда рожала? А может, была причина такому поведению? Когда приглядываешься к человеку, то обнаруживаешь в нем много неожиданных черт, разрушающих уже сложившийся образ...

Нет ей оправдания! Была бы одинокая – твори что хочешь. Сама за себя в ответе. А тут дети... Я ненавидела ее с остротой и едкостью личного чувства, презирала без тени даже брезгливого сочувствия. Во мне еще плакало не такое уж далекое детдомовское детство. «С нее станется, она еще не такое может отколотить, стерва», – зло думала я о незнакомой еще мне соседке. Ее семья переехала в наше село меньше года назад.

Вдруг перед моими глазами возникло зрелище содрогающегося в петле тела... О господи, зачем мне это... Закружилась голова, все поплыло. Я очутилась в какой-то нематериальной реальности. Затосновало... Видение быстро отступило, исчезло, остался горький осадок в душе, дрожь и неуверенность в ватных ногах, а вокруг какая-то раздражающая туманная оболочка... Но и она постепенно растаяла.

Мысли снова вернулись к отцу многочисленного семейства. Может, он в моих глазах прочел жалость к нему? Наверное, он уважает себя, может, даже втайне гордится своим подвигом, каждодневным совершаемым ради детей, так, как гордимся мы, женщины, своим самопожертвованием, а я своей жалостью оскорбила, унизила его... Именно такой возможностью мне следовало бы избежать любым способом при встрече с ним. Ведь знаю, у меня слишком честный взгляд. Я оголяю им души людей, поэтому часто его прячу, чтобы не задевать, не будоражить, не злить.

...А на следующее утро по селу прокатилась волна страха и сочувствия: Дмитрий Старков свел счеты с жизнью – повесился. Шептались у колодцев женщины, молчаливо, угрюмо курили на лавочках мужчины.

Сердце мое ухнуло в яму ужаса. Неистребимое чувство вины захлестнуло меня. «Неужели это я подтолкнула его к самоубийству? Ведь он же жалел себя. И именно моей порции жалости не хватало ему, чтобы решиться умереть. Может, добрым словом, хвалой я могла бы предотвратить беду? Я не знала, как поступить, я слишком молода и глупа, чтобы выбрать правильное в таких случаях поведение, – оправдывала я себя, стараясь заглушить страх вины. – Может, он еще кого-нибудь встретил после меня? Боже мой, неужели мой взгляд был той самой последней каплей? Но я же опустила глаза.... Господи, прости, прости, если...» Совсем извелась я со своими мыслями.

Возможно, он на самом деле уже давно и абсолютно сознательно принял решение уйти из жизни, давно думал о неотвратимости этого поступка. Наверное, в его случае, доведенный до отчаяния человек перед тем, как покончить с собой, не говорит сам себе пафосных слов. Он готовится, свыкается с мыслью о смерти, сомнения уже не одолевают его, думает о ней спокойно, без надрыва, как о чем-то, к нему не относящемуся...

Нет, не мог он не думать о семье, о детях, как не мог он уйти к другой женщине и тем самым предать их. А разве, уйдя из жизни, он не предал их? Может, поэтому говорят, что грех самоубийства не замолишь? Нет, все-таки у этой мысли религиозные корни. Вроде бы против Бога пошел, который определил ему другую меру нахождения на земле. Верующие люди, наверное, реже убивают себя. Неужели атеисты проще идут на такой шаг?.. А был ли он атеистом?

Я читала библию в детстве. Бабушка потихоньку ее мне подсовывала, когда родителей не было дома. По христианским заветам получалось, что если плохого человека накажут (допустим, убьют) на Земле, то он уйдет к Всевышнему уже безгрешным, а тот, убивший,

попадает в ад за самый страшный из всех грехов. Казуистика какая-то. Может, я своим малым умишком что-то не так поняла? Может, смерть соседа – его приношение, его дань любви к Богу?.. Нет, нет, в религию мне лучше не окунаться... там исходят из других посылов...

Может, Старков устал и хотел, чтобы его пожалели хотя бы посмертно? Нет. Не думаю. Могла ли его успокаивать мысль о смерти, как о решении всех его личных проблем, как избавление от постоянного унижения? В критических ситуациях на самом деле кажется, что смерть – единственный выход. Устал слушать от людей одно и то же, отвечать одно и то же, убеждать, просить, чтобы оставили в покое, выслушивать за спиной ядовитые шепотки: «Что-то с ним неладное, что-то он скрывает...». Трудно бороться с собой в одиночку.

А вдруг он в какой-то миг обнаружил в самом себе еще одну неожиданную слабость – низкий порог восприятия жизни, и поэтому, пусть даже с отвращением, обратился к простейшему, с его точки зрения, способу ухода, который подсказывала ему его измученная фантазия. Посчитал, что многого хотел, но мало чего добился. Готовился долго, озабоченно, но бестолково, полубессознательно...

Может, в этом поступке проявилась его сила? Он личность?! Нет. На такое способен человек со слабым «я». У меня тоже случались минуты слабости... Как же так! Сумел пробиться сквозь голод, равнодушие и страх – в детстве, сквозь смерть на войне. (И об этом тоже писала моя мать.) Медали за храбрость получал и вдруг такое... Какие тайные силы – сильные, острые, цепкие – удерживали его столько лет... А вдруг не простился с миром, а обрел его... Прошло время сказок! Не обрел... Я не спасла...

В какой момент и почему он выпустил из рук судьбы дорогих ему детей? Когда упустил этот самый важный аспект бытия? Они же смысл его жизни! Почему потерял способность мыслить? Как нашел силы отказаться от жизни? Разве человек вправе принимать такие решения? Ведь не юнец, не ведающий, что творит. Может суицид – умственное заболевание, что-то вроде навязчивой идеи, которая возникает, когда у человека заканчивается запас моральных сил? Можно понять готовность человека к чуду, но никак не к смерти.

Наверное, не так страшно уходить из жизни, когда не оставляешь людей, которых любишь. Но у него они были, и такие маленькие! Почему в возрасте после пятидесяти самоубийства чаще раз в десять именно у мужчин?..

Я читала, что существует мифология мостов и скал, с которых падают, будто есть в них заманивающая красота последнего полета для тех, кто стремится театрально закончить жизнь. А тут такая проза – веревка... В глубине души люди хотят, чтобы их спасли, и на мост приходят за помощью. Но любопытные до сенсаций, безразличные люди не выручают их, успокаивая себя: «В конце концов меня это не касается. Он по своей воле, без принуждения идет на этот безумный шаг». Нет, чтобы спросить, что, черт возьми, с вами случилось? И крикнуть: «Стой! Только не это!» Главное отвлечь, а уж потом попытаться вернуть человеку желание жить. Нельзя оставаться в стороне от чужого несчастья...

Что происходит в головах тех, кто собирается погубить свою жизнь? О чем они думают и думают ли вообще? Что проходит человек, готовящийся к самоубийству? Он делает выбор, мучается, страдает? Видит смелость в своем последнем прыжке?.. Или просто подходит такая минута, бессмысленно странное мгновение, когда будто что-то на миг затмевает его разум, и только упрямое чувство обиды руководит его действиями. Будто не он сам, а кто-то другой ведет его по пути жутко тоскливых эмоций. Эта непредсказуемая неконтролируемость, ступор, что-то вроде кратковременной болезни, забытья, когда все делается неосознанно, без понимания последствий. Это минутное лишение разума. Зачем эти моменты даны человеку? Они же губят его.

И вздрогнуло во мне прошлое. Память вернулась к тому дню, когда...

...Я бежала из читального зала университета. Опоздала. Вахтер не пустила в общежитие. Милиционер за шиворот вышвырнул с вокзала, где она пыталась согреться, на двадцатиградусный мороз, причислив к проституткам. Еще и ногой пнул... Его не

убедили университетские учебники в ее руках. Он грязно обзывал, он презирал... Первый раз в жизни так грубо словесно оскорбляли... Ее, такую тонкую, нежную, такую порядочную... Ей было всего семнадцать... Где же справедливость? Где человеческая доброта?! Потрясенная, простуженная, голодная, холодная и жестоко униженная, бродила она по ночному городу и в какой-то момент сказала себе: «Такая жизнь мне не нужна». Наверное, она находилась в состоянии протрации. Желание погибнуть было искренним. Она была честна перед собой. Она помнила свое спокойное равнодушное ожидание смерти, после того как выпила две упаковки таблеток от простуды. Из-за них-то и опоздала... Вдруг бабушку вспомнила...

Ей повезло. Таблетки, слипшись в комок, не растворились в желудке. Ее тошнило, земля уходила из-под ног. В общественном туалете промыла желудок ледяной водой. В шесть часов утра открылись двери общежития. А в восемь, измученная тяжелой ночью, бледная до зелени уже сидела на экзамене, пугая педагога своим «больничным» видом. Потом лежала в общежитии на своей койке под теплым одеялом и анализировала произошедшее: «Почему не было страха смерти? Умирать легко, просто и не страшно, но глупо. Нет в такой смерти ничего интересного. Есть только постыдное... Нет! Только не позорная смерть, не пустота и вечность...» Она не умела себя любить. Бабушка напомнила о себе, она отвела от нее беду. Господи, вразуми и прости меня, неокрепшую умом и сердцем...

«Священник, наверное, назвал бы это неконтролируемое состояние богооставленностью. И если верить религии, эта минута стоила отцу семейства отказа от вечности. Совершенно очевидно, в Старкове на равных правах существовало самопожертвование, терпение и слабование. Наверное, у него закончился запас прочности, и нить его жизни оборвалась. Как бы ни было тяжело, человеческая жизнь должна всегда торжествовать», – думала я, слушая Лену.

– ...В то памятное лето это трагическое событие наполнило меня чувством невозвратной утраты чего-то легкого, радостного. Сколько раз после той беды беззаботность то появлялась во мне, то вновь исчезала. Откуда она возникала, что являлось источником моего оптимизма? Жажда счастливой, радостной жизни заложена во мне и понемногу расходуется, убывая, уничтожаясь своими и чужими бедами? «Надолго ли хватит мне запаса терпения, данного с рождения, или я опять когда-то сломаюсь, если не морально, то физически, если этих бед будет слишком много?» – думала я с тоской. И тут же зло возражала себе...

Другого соседа вспомнила. Это в то же лето случилось. Было парню двадцать лет. И жил он на нашей же улице, только по другую сторону от моей хаты. С какой тоски, с какого отчаяния он ушел из жизни? Почему не извлек урока из опыта Старкова? Влюбился. Женится. Общение с женой, их совместный труд доставляли ему острую радость. Он жил в созданном им самим простеньком, добром, честном мире своих фантазий. Он не хотел быть похожим ни на мать, ни на отца... Откуда у этих грубоватых людей – его родителей – явилось столь нежное душой дитя, не сумевшее приспособиться к реалиям жизни, отторгавшее всё грязное, мелочное, пошлое, подлое, чувствующее себя в своей семье, как на чужой планете?

А может, и его отец когда-то был другим, потом ошибся по молодости, по глупости, в тюрьму попал. Катя, жена его, говорила, что в нем порой проявляется столько нежности и ласки! Только не умеет он выразить доброту, по-дикому вырывается она из него, дурью оборачиваются хорошие желания. Не воспитано в нем что-то очень нужное, без чего нельзя быть хорошим человеком. Раз сбившийся с пути, вечно заблуждающийся, отвергающий добро, он как зверь в клетке. И сына часто ни за что наказывал... А может, жена просто пыталась оправдать себя?

И вдруг у этого парнишки с лицом и фигурой деревенского увальня удивительная, прекрасная любовь! Его, казалось, поняли наконец... А потом причислили к ворам, гадам, которых он ненавидел всей силой своей неопытной душой. Обвинили его – чистого, доброго, идеального! Сначала друг предал. А ведь пришел тот во власть – в милицию – вполне приличным человеком, но недолго им оставался. Быстро сумел освоиться в новой роли. Обвинил. И он, Ленчик, невиновный, как в ледяную воду ухнул.

Жена кричала, настаивая самому всё отнести назад: «Не держишь слова. Сколько можно

с такими цацкаться?.. Страшно сказать, но подло промолчать. И если уж на то пошло, не стану миндальничать, фразы подбирать... назову вещи своими именами... И если врежу промеж глаз, так врежу. Всыплю, только держись. Скажешь, вынужден был играть навязанную тебе игру? Мы доскребемся до сути, мы сорвем с тебя покров и сбросим его тебе под ноги... Правда часто чудовищна... Я раскусила тебя! Уйди, оставь нас в покое!»

«А казалась легкой, искренней, ласковой в своей белой блузочке с матросским воротником. Вот чем оплачена радость моей первой любви. Хорошее всегда хрупко, оно погибает первым... У нее все это идет от головы... у меня от сердца. Вот к кому я торил дорогу...» – стонал он на весь двор.

Ее обвинение было точной калькой с речей парторга. «Обращаю ваше внимание на то, что... я на этом настаиваю, предоставляю возможность озвучить...» Она договорилась до того, что требовала публичного покаяния, считала, что он такой же, как его отец. Комсомольским секретарем была. Привыкла по поводу и без повода говорить высокие слова, боясь нарваться на неожиданное, несогласованное мнение.

Ему хотелось с болью крикнуть: «Поверь мне на слово, оставь свой менторский тон. Ты не на собрании. У тебя клиническая картина мании величия, – так говорил об их прапорщике его армейский друг, бывший студент, бывший безоблачный оптимист. – Дался тебе этот мешок. Я не брал...»

Потом все кому не лень его критиковали... Все дружно забыли его первоклассную работу на летней жатве без выходных, с дневными и ночными сменами. Красный вымпел на его комбайне. «Почему я иду к людям с добром, а меня воспринимают с подозрением, ждут от меня подвоха? Из-за отца? Это мое вечное клеймо? Когда при мне плохо говорят о каком-то человеке, то первое, что приходит мне в голову, – не верю. Надо же разобраться... А ей нравится развенчивать, командовать, чувствовать свое превосходство?.. Глупенькая еще... А я не брал, не знал, что отец положил в мой мешок. А она не поверила...»

Он думал, что нашел в новой семье рай, что покончено с резким, колючим, никогда ни к кому не подлаживающимся отцом, который в детстве избивал его, веруя в единственный способ воспитания, который и с матерью вел себя совершенно непотребно. К тому же без стеснения приворовывал, считая это «естественным приработком»... Он думал, что энергичная, подавляющая и командующая им мать не станет больше травить его душу, когда он придет из армии. А все осталось по-прежнему... И вот появился светлый лучик – Галочка... (Как ее не отпугнула «такая» семья?) Но и этот лучик потух... Не поверила, опозорила.

Это потрясло его... Он ловил ее яростные руки, целовал их и кричащий гадкие обвинения рот. Он умолял и плакал, он искал у нее защиты. С горечью и стонами говорил тронувшие меня слова о людской низости, о том, что такое происходило и будет происходить всегда, но надо бить во все колокола... А она не вникала... Я все это доподлинно знаю. Я видела их, собирая на ужин огурцы на своем огороде, отделенном от их участка стеной высоких подсолнухов. Я устыдилась своего неявного присутствия при их ссоре и потихоньку улизнала в хату.

«Я с раннего детства стремился уйти от трафарета своей семьи, быть другим. Самим собой. Не вышло. Жена, как оказалось, верила кому угодно – только не ему!.. Я никогда не буду счастлив! Ни в ком нет понимания! А этот вечно постный взгляд и поджатые губы Галиной бабушки. Она читала мне из Нагорной проповеди, что «кроткие наследуют землю». Подземелье они наследуют, а не землю! Зачем такая жизнь? Какой в ней смысл, если будущее беспросветно, если даже любимая женщина не верит в его чистую душу...» Так он думал.

Выбежал из хаты, вскочил в сарай. Минутное состояния аффекта – и все! Нет человека... Не погнались за ним, чтобы успокоить, ни мать, ни жена, ни суетливая, крикливая соседка. Не случилось... Разве была его смерть неумолимо неизбежна? Ведь нет же...

Да, «богата» была моя жизнь на жуткие события. В одно лето от маньяка дважды удалось остеречься, в другое – дважды пережить смерть добрых, ни в чем неповинных взрослых людей. А сколько глупых детдомовских судеб за это время сломалось? Зачем мне все это? Сделалась ли я от этого крепче духом, как утверждала моя учительница? Вряд ли. Хотя, конечно, добра хотелось делать больше, чтобы компенсировать горькое,

чтобы уравновешивать в себе баланс чувств... Нет, лучше, чтобы доброе перевешивало. Когда балансируешь на грани – это слишком рискованно для души...

Я не заблуждаюсь на свой счет. Знаю, что смогу себе помочь. Учительница утверждала, что человек учится осознавать себя человеком, когда начинает задавать себе вечные вопросы. А я бы тут добавила: когда начинает делать добрые дела и при этом ощущать радость. Мне так кажется...

Несколько месяцев прошло, а я все задавала себе этот ужасный, отчаянный вопрос: «Может, зря маюсь, может, нет на мне вины?» Тогда мне стоило немалых усилий вернуть себя к прежнему, ясному умиротворенному состоянию и быть способной полноценно продолжать учебу, – тяжело вздохнув, закончила свой рассказ Лена. – Теперь страшные воспоминания переместились на задний план. На смену им пришли многие другие, но нет-нет, да и всплывет в моем сознании тот тяжкий день, то страшное лето. И сожмется в горькой тоске мое усталое сердце той далекой юношеской болью... всего лишь возможной, непреднамеренной вины...

Костер

У Киры замелькали перед глазами, будто театральные сцены из спектакля, моменты ее собственной жизни. Шаг за шагом просматривала она их. Остановилась на одном.

...Дивная майская ночь. Огромные звезды праздничным салютом застыли на совершенно черном полотне неба. Одиннадцать молодых людей, утомленных многокилометровым кружением по лесу, сидят на поляне тесным кружком и замороженно смотрят на огонь. Тихо. Задумчивый костер шипит, потрескивает дымным пахучим сосновым лапником. Из сырых веток – прошел теплый кратковременный дождь – выстреливают трассирующие багровые искры. Колеблются тени. Кусты отступили в темноту к черной стене леса.

Они, отдавшись тихой радости огня и чувству сопричастности с чем-то таинственным, молчат. В такую ночь невозможно говорить. Ей кажется, что все они погрузились в прочтение своего будущего. Пятый курс, защита дипломов, распределение. Последние дни учебы были отмечены неподражаемой восторженностью, волнением и грустью, радостным трепетом предчувствия новой жизни. Что дальше? Разбросает их жизнь. Встретятся ли когда? Сроднились за пять лет.

Вот одна пара: Лана и Георгий. Оба высокие, светловолосые. Она – нежный василек с распахнутыми грустно-наивными глазами, с милыми ямочками на щеках, всегда такая заботливая, шустрая, деловая. Он – кареглазый нарцисс. Наверное, потому, что всегда держит свой красивый, с легкой горбинкой нос на полярную звезду. «Чтобы очки не соскакивали», – объяснял он важно, делая характерный жест рукой. Вот, мол, какой я умный, интеллигентный. И еще выше, картинно, поднимал свой мягкий подбородок с еле намечившимся золотистым пушком. В его глазах мелькала тайная потребность поразить мир, желание риска, упоения в бою, так необходимого людям его склада. «Знаете ли, понимаете ли», – любил он повторять, втолковывая какую-то свою заумную мысль друзьям.

Как ни крути, они самая прелестная пара в нашем кружке. Они были удивительно милы, всегда по-детски держались за руки, всегда улыбались. И всякий встречный видел в них влюбленных второкурсников или молодоженов. И сегодня в своем искреннем, радостном счастье и в этих брезентовых, цвета хаки туристических костюмах они совсем не «тянули» на выпускников университета.

А слева от них тогда сидела на вид более зрелая, фантастически красивая пара – Лена и Андрей. (Они на три дня приехали из Москвы в гости к друзьям.) Он темноволосый, крепкий, спортивный, уверенный в себе. Она – стройная, изящная, голубоглазая, чернобровая блондинка. Поэтому и удивляло всех это, казалось бы, столь не шедшее к ее яркой внешности занятие альпинизмом. Лена рассказывала, что их любви завидовали девчонки всех трех рядом стоящих общежитий. Тайком оглядывались они на них, когда провожая ее, Андрей стоял перед нею на коленях и целовал ее руки, когда засыпал цветами, когда кружил на сильных уверенных руках...

Гитара Андрея не умолкала в этот прощальный вечер. Сначала отзвенели бойкие, спортивные, веселые студенческие песни, потом потекли лирические мелодии, затем романсы заципали души. Боже мой, какая гармония стиха и мелодии! Романтика этих песен безотказно действовала на наши сердца.

Все загрузили. Тихо дышали чуть пламенеющие угли костра, под пеплом вздрагивало их последнее дыхание. Ветер шуршал, перебирая листья камыша на берегу реки. Все говорили полупшепотом, словно придавленные тяжестью тьмы...

Ирина и Борис. Она шепчет ему: «Люблю минуты совпадений моих чувств и настроений с внешним миром, когда душа лишается тревоги... Такой необъятный общий покой поселяется в неоглядное пространство моих чувств! Тогда я боюсь шелохнуться, боюсь нарушить гармонию своих ощущений. Чаще всего это случается на природе и совсем уж редко в городе. Пожалуй, еще когда слушаю классическую музыку и душа поет в унисон с оркестром...

Бесконечность, неопределенность выбора не мучила меня. Я будто знала тебя еще в далеком детстве, а потом долгие годы ждала твоего появления снова, потому что только с тобой возможно мое счастье».

Алла и Александр. Он круглолицый, плотный, я бы сказала, достаточно упитанный молчун. Она быстроглазая, насмешливая. Они сидели, держась за руки. Она говорила, а он, заглядывая ей в глаза, отвечал молчаливым горячим пожатием...

Громко выстрелила в костре сырая ветка. Пары притихли, плотнее прижались плечами, образовав неподвижное кольцо, внутри которого догорала их студенческая жизнь под стук одиннадцати молодых и таких разных сердец. Высокие, темные сосны шатром склонили над ними мохнатые ветви, а ели будто уплотнились и приблизились к костеру, к маленькой полянке, где на сухих, полусгнивших стволах сидели утомленные дальним переходом и яркими впечатлениями дня теперь уже бывшие студенты, такие милые, добрые, ранимые, сердечные, неопытные, необстрелянные. Потому что, несмотря на солидный опыт голодной студенческой жизни, еще не хлебнули они самой сложной части своей жизни – жизни в своей отдельной семье или с родителями. Они еще не понимали, что самое трудное для них еще только начнется.

Какое-то легкое волнение присутствовало в них, но оно витало, не касаясь сердец. Всем им предстояло начать новую и тем уже трудную жизнь. Но неизвестность не пугала их. Они верили в себя, в свои возможности, в свое счастье, доподлинно не осознавая трудностей, которые встречаются на пути всякого человека. Жизнь, как они считали, не сулит им больших сюрпризов, все распланировано на десять лет вперед. Не ждали ничего худого. Они еще не понимали, что самое трудное – выстоять в быту, не закопаться в мелких проблемах, не потонуть в них. Не потерять себя и своего близкого, теперь уже родного человека...

Она-то уже многоопытная. У них со Славой за плечами четыре года семейной жизни и трехлетний сынок. Пока нет детей – все молодожены. Свидания, праздники, развлечения. И только в семье с детьми проявляются истинные характеры молодых людей, их способность жертвовать ради детей многим – сном, временем, увлечениями, их умение подчинять свои желания необходимости, правильно расставлять приоритеты. Быть ответственным друг за друга и за малыша – это так много и так важно для семьи...

Лена и Андрей в тот вечер были так удивительно трепетны и нежны! Андрей шептал ей: «Скользнешь взглядом по мне из-под ресниц – и все, я счастлив! Коснешься кончиками пальцев моей руки или просто рядом постоишь несколько минут и для меня весь мир возвышенно-восторженный, прекрасный. Я хмельной от переполняющих меня чувств, бесконечной радостью наполняется грудь, мозг творит чудеса вдохновения. И что это за эликсир счастья такой вливается мне в сердце? Он способен вызвать во мне бурю положительных эмоций, равной которой по силе и накалу мне не приходилось испытывать. Душа то трепещет, то замирает от восторга, то поднимает меня на божественную высоту. А тут еще сегодня такое сумасшествие весенних запахов, красок, кристально чистые родниковые глаза озер вокруг нас. Я схожу с ума от счастья. Я рад, что это происходит со мной, и нисколько не смущаюсь своего чувства...»

В глазах Лены искорки, как восклицательные знаки.

«Это любовь», – говорила она, застенчиво и доверчиво улыбаясь, потрясенная открытым проявлением чувств жениха, и сердце ее заходило от переполнявшей ее радости, и могучая волна нежности охватывала ее и разливалась по всему телу. «Как это чудесно – сидеть вот так рядом, неловко и слегка смущенно и радостно улыбаться своему счастью и верить любимому, как самой себе, – думала она. – Постоянное ожидание главного чувства – любви – теперь исчезло, растворилось, рассеялось. Будто стронулся с места лед и пронесся по реке жизни мимо. Любовь во мне навечно...»

Его пытливые глаза будто заглядывают внутрь меня, жаждут ответа, просят говорить, говорить... Смешной! А мне хочется молча прижаться и бесконечно долго ощущать радость прикосновения к нему. Слова в этой ситуации кажутся легковесными, простоватыми для такого особенного дня. Невозможно ничего выразить ими...

Почему я так счастлива сегодня? Почему все во мне ликует? Ведь пять лет рядом... Это огромное непостижимое чувство, этот дар богов – навсегда! Он мой! Голова кружится от счастья, верится в самое невероятное! Кажутся возможными простые разрешения любых самых сложных проблем. И по-другому не может быть. Ведь мы любим друг друга!..»

Та трогательно-грустная ночь еще теснее связала их души, соединила объятья и они, забыв осторожность, всецело отдавались своему чувству, отправляясь навстречу своему бесконечному счастью. В ее душе было такое пространство, такая широта! Весь мир распахнулся перед ней, и она готова была без страха вместить его в себя. Ей чудилось, что в своей любви они поднялись над землей и находятся вне пространства и времени. Ее охватило странное чувство бестелесности.

От ощущения счастья она казалась себе невесомой. Душа ныла от мучительного, сладостного желания... В какой-то момент ее пронизал толчок сладко-острого блаженства, и внутри нее разлилось горячее ни с чем не сравнимое божественное ощущение физического счастья, которого она раньше не знала. Оно поднималось все выше и выше, охватывая ее полностью. В глубинах сознания забило изумление перед тем, что с ней происходило. Хмелела и кружилась голова. Дух захватывало от ощущения сокровенной радости. Как бесконечно глубока и непреложна их любовь, как трепетна и завораживающе притягательна ее тайна!.. Ей казалось, что ее любовь слила их сердца, и они зазвучали одной мелодией...

Лена еще не знала, что эту ночь будет вспоминать всю жизнь. Ей было суждено первой из их компании ощутить смертельный удар судьбы – уже в первое прекрасное утро после той волшебной ночи прощания с юностью, со студенческой жизнью...

Ей было двенадцать лет, когда она впервые поняла, что отчим предает не только маму, но и ее. Это было первое предательство в ее жизни и, она считала тогда, что последнее. Не предполагала, не думала, не гадала, что ее могут ожидать такого же рода разочарования. «У меня все будет иначе, лучше, чем у мамы», – думала она тогда. Но судьба уготовила ей испытание, какое не дай бог никому пережить.

...Утро было восхитительное, лучезарное. Лена осторожно, чтобы не потревожить Андрея, поднялась с койки, окинула взглядом его сильное красивое тело, и горячая волна нежности затопила ее сердце. Она только на секунду, чтобы не «завестись», прижалась губами к его щеке, вдохнула его мужской запах и помчалась на речку. Трава на берегу в лучах восходящего солнца была серебряной от росы, золотой от цветов, а вода ледяной.

Лена нырнула, взвизгнула и выскочила как ошпаренная на берег. Быстро растерлась полотенцем и, бодрая, свежая, легкой походкой счастливого человека пошла к своему двухкомнатному домику на университетской базе отдыха.

На пороге встретила Иру. На лице подруги блуждало изумленно-растерянное выражение, она невидящими глазами смотрела куда-то вдаль. Лена не рискнула ее окликнуть и обошла стороной. Но что-то дрогнуло в ее сердце, почему-то с невыразимым страхом подходила она к неплотно прикрытой двери своей комнаты. Странно знакомые звуки доносились из-за нее. Вздригнуло, екнуло сердце. Зачем-то растеряно прикинула к двери. Сквозь узкую щель ей сразу бросился в глаза колеблющийся кусок синего казенного покрывала. Задохнулась от волнения, мгновенно маму вспомнила. Невольно подалась вперед, чуть не ударилась лбом о дверь. С гневом и отвращением отскочила...

«Ксюшка? Подружка обрекла ее на невыносимые адские муки?! Серенькая малозаметная мышка без надежды на личное счастье. Все пять лет жила впритирку с ней. Сколько раз она плакала у нее на плече, кляня свою неудачно складывающуюся жизнь, сколько раз приходилось выручать ее из нелепых и даже глупых ситуаций! И в этот раз она упростила взять ее с собой на встречу друзей. И теперь она той же неприметной мышкой юркнула в ее еще не остывшую постель. Почему потакала, почему жалела? «Не любви ради, дружбы для...» И вот результат... Преданная, любящая подруга – змея подколотная? Хоть на час, но мой!?! Ослепленная любовью, она не замечала ее черной неприкрытой зависти? А он!! Ни в грош не ставит ее любовь? С деловитой торопливостью воспользовался ситуацией... Он всем женщинам говорит: «Я ваш покорный слуга»...

Этой ночью начался наш медовый месяц! Этой ночью я впервые ощутила волнение и страх, связанный с близостью... Он ни к чему не понуждал ее, даже не уговаривал. Она доверилась ему. И сейчас она еще не утратила ощущения благодати, снизошедшей на нее этой ночью... Через три дня свадьба. Белое платье уже висит в общежитии на

гвоздике в изголовье ее кровати...

Счастлирое состояние мгновенно исчезло, уступив место обиде, злости, судорожным рыданиям. Она обреченно сжимала виски ладонями. Душа разрывалась. Она сидела в тоске и в недоумении, уставившись на пустую стену соседнего домика. Случившееся казалось ей каким-то нелепым, невозможным кошмаром, дурацким розыгрышем, злой глупой шуткой. Оно не укладывалось в голове. Андрей низверг ее с солнечной высоты радости в черную пропасть отчаяния.

«И что прикажете делать в этой ситуации? Искать альтернативные выходы из положения? Жизнь иногда преподносит такие парадоксы, что задумаешься: может, и правда у каждого из нас есть заранее предназначенная и выверенная кем-то судьба? У нее она такая же, как у мамы? И как тут ни обратить внимание на их сходство?..»

Лена сразу положила конец их взаимоотношениям. С трудом сказала несколько ничего не значащих фраз и удалилась. Может, внутренний голос и шептал ей, что в сложившихся обстоятельствах разумнее всего было бы не торопиться с решением, но был взрыв негодования, была растерянность, непреодолимая обида. Может, и был соблазн простить, забыть, выбросить из головы его гадкий поступок, но перед ее взором тогда стояло скорбное лицо матери, постоянно терпящей унижения от мужа. Она понимала, что этот прискорбный факт с Андреем – не случайность. Он будет иметь далеко идущие последствия. И нечего надеяться, что все переменится. Она не сможет постоянно прощать, потому и подавила в себе остатки сомнений. «Я не хочу вздрагивать от каждого телефонного звонка», – повторила она фразу, оброненную мамой много лет назад, когда она еще верила, что муж опомнится, изменится к лучшему. И как это она вдруг пробудилась в ее памяти?

Андрей же не пожелал пускаться в объяснения. Ни слова не проронил. (Надеялся, что она простит?) Он не видел в своем поступке ничего предосудительного?.. Его друг, «жалей» беременную жену, ходил к другой женщине. Мол, без любви это не предательство... Женщина узнала о «походах налево» – «добрые» люди просветили – и родила мертвого ребенка. А муж не посчитал себя виновным... И Андрей такой же?.. И между ними пролегла пропасть. Что будет дальше, ей не хотелось думать...

Она любила и поэтому замечала в нем только хорошее, – каждый видит в любимом только то, что хочет видеть. Многие девчонки были ей благодарны за советы. Почему же с ней произошло такое? В чем ее вина? Он же любил! Кто же за него ответит, раз он молчит?.. Внезапный разрыв с Андреем опустошил ее. И это сделало их общение невыносимым... Одумается, придет, покается?..

Втроем, а по сути дела, поодиночке, они вернулись в Москву. На следующий день предстояло распределение. Многие ее подруги заранее озаботились внушительными животиками, желая остаться в родном городе. Она, имея, как отличница, право выбора, отказалась ехать на заранее намеченное общее с Андреем предприятие (по распределению им выходило работать в Киеве), согласна была ткнуть пальцем в любую точку на карте страны и отправиться в любой заштатный городишко. Не понимая странного поведения всегда уравновешенной студентки, комиссия, стараясь не затронуть ее самолюбия, сама предложила несколько предпочтительных мест... Она молчала. Ее оставили в городе. Местный завод тоже нуждался в кадрах.

И все же она надеялась... На что?.. Найти лучшего?..

Кира знала, что недоумение от измены Андрея у Лены не развеялось с годами, что и после многих лет одиночества она еще испытывала к нему любовь, ту первую и единственную. Допустила ли тогда Лена ошибку, оставив Андрея? Нет. Никогда себя не корила. Такой ее стержень, такая у нее особенность – рубить с плеча раз и навсегда. Что было дальше в ее жизни? Все было: и насмешки – как же, мать-одиночка! – и притязания мужчин-коллег, и подозрительные взгляды их жен... Все это мелочи. Главное – был сын, ее радость, счастье...

Антошка

Из роддома Лену с Антошкой встречали подруги. А принял малыша из рук медсестры двадцатидвухлетний Александр, двоюродный брат Яны, соседки по палате, поэтому со стороны сцена была трогательной и прекрасной. Приятно было видеть, как неловко и неуверенно новоявленный «папа» пытался пристроить белый «кулечек» на своих длинных, неуклюжих, негнущихся от волнения руках. Примерял ли он на себя эту ситуацию, или просто новая маленькая жизнь взволновала его? Некоторая комичность положения «отца и мужа» смущала его и радовала? Ведь это же не тот жестокий студенческий розыгрыш с куклой.

Александр помнил свое испуганное до дрожи лицо, когда ребята внесли ему «ребенка», будто бы от девушки, с которой он знался всего-то один вечер, огромной болезненной занозой засевший у него в мозгу. Вспомнил он, как в панике пулей вылетел из комнаты, не желая даже прикоснуться к «результату» той первой и единственной пьяной ночи в его жизни, которая надолго отбила ему охоту встречаться с девушками...

Тут же совсем другое. Почему-то приятно, трепетно дрожит тело. Ему даже показалось, что он не против иметь сына, но обязательно похожего на него. Он втайне гордился, что его выбрали для такой серьезной мужской миссии, и ему казалось, что медсестра с большим уважением смотрит на него и даже с какой-то материнской любовью, вот, мол, какой молодец, какой молоденький, серьезный папа!

И опять наплыли черные воспоминания. «И занесло же меня тогда в рабочее общежитие! Никогда в жизни больше туда не пойду». И маме побоялся рассказать. Только с друзьями-старшекурсниками поделился. Совета испросил. Те предложили забыть, успокоиться и не торопиться искать себе подругу жизни, повзрослеть.

Именно тогда он заметил разницу в поведении студентов. Первокурсники появление каждой девушки встречали бурным гомоном, расшаркиваниями, все свое обаяние направляли на то, чтобы понравиться, а пятикурсники (если женаты) спокойно лежали на своих койках, уткнув носы в конспекты, и разговоры с девушками вели с достоинством, без суеты, без заинтересованности...

Мытарства с Антошкой у Лены начались с первых дней выписки из роддома. Ни ванны, ни туалета в рабочем общежитии – куда ее после распределения вселили будто бы на время – все удобства во дворе. В кране только холодная вода, и та с перебоями. К девчонкам, с которыми жила в комнате, ребята постоянно шлындали с папиросами, в грязных ботинках. Никакой гигиены! Дверь беспрерывно грохочет, сквозняки. Как ни старайся – не углядишь за всеми: то окно не закроют, то дверь не притворят. Девчонки добрые, но грубоватые, иной раз помогут, а то вдруг зло напакостят. А когда праздник – дым коромыслом. И ничего не скажи. Свою личную жизнь из-за ее ребенка никто ломать не станет.

Чуть оправилась от родов, ясли у высокого руководства по недомыслию запросила. Долго не отваживалась заговорить, переминаясь с сыном на руках у огромного обитого зеленым сукном стола. Там встретили ее немым безучастием, раздраженно отмахнулись и отправили к начальнику цеха, считая, что он исполнит свой долг.

– Сколько у вас, Степан Иванович, детей? – спросила у начальника цеха.

– Двое, – ответил.

– Вот и у меня перед страной обязанность хоть одного вырастить, – с улыбкой сказала, мягко.

А он сердито ворчал:

– Теперь начнутся больничные. На два года из плана тебя вычеркнуть придется. Кто за тебя работать будет?

– Не сорву планов, по ночам дома программы буду писать и отчеты составлять, только ясли дайте. Матери-одиночке в первую очередь положено, – тихо, со стоном в душе,

напомнила, стыдливо содрогнувшись при произнесении позорного словосочетания.

«А что поделаешь, придется обернуть себе на пользу факт Антошкиного безотцовства. Для меня иметь ребенка – счастье, а что посторонние скажут – мне безразлично», – успокаивала она себя, сдерживая слезы, терпеливо выслушивая нотации о том, что «вот не думают, рожают, а другим расхлебывай».

– Теперь вот на льготную очередь тебя надо ставить, – сердито бубнил начальник.

– Но все равно надо давать квартиры. Строит ведь завод. Чем я и мой сын хуже?

Наивная еще была, не знала, что люди десятилетиями ждут жилья.

– Понаехали тут, давай им садик, квартиру, – не унимался Степан Иванович.

– Я же по распределению, – напомнила Лена.

«Все вытерплю ради сына, посижу с позорно поникшей головой, пусть унижает, ругает, только бы дал место в яслях», – думала молодая мама.

Степан Иванович предложил подождать в коридоре, пока он переговорит с членами месткома. Вышла, увидела девушек, которым было в чем-то отказано. Одна дрожала от гнева:

– Как он смеет так грубо разговаривать! Он же видел мои документы. МГУ, аспирантура. Мне надо на заводе перекантоваться пару лет. Мужа-военного сюда распределили. Не по своей воле я сюда приехала!

Другая улыбнулась:

– А я-то переживала! Если с вами так разговаривали, чего уж мне ожидать с ВГУ и опытом работы в НИИ. Тут завод, и наши «высокие научные материи» им не нужны.

– Ну хотя бы вежливость проявили, интеллигентность. Ведь видят, кто перед ними! (Дочь генерала. Это она имела в виду или собственные заслуги?)

– При чем тут наши личности и образование, он обязан план во главу угла ставить. Ему работники нужны, а не наши больничные листы. Его понять и оправдать можно, – защитила начальника Лена.

– Ни понять, ни оправдать! – возмущенно крикнула первая девушка.

Лена промолчала. Ей мечталось, что когда-нибудь женщины будут рожать по пять детей, и время их воспитания станут зачислять в стаж. И детсадов хватит на всех, потому что государство сможет всем родителям помогать растить достойную смену, а не только остро нуждающимся. А пока надо кланяться, унижаться, терпеть и верить в лучшее.

...Антошке два месяца. Пора выходить на работу, а послезавтра местком обещает решить ее вопрос. Пришла на день раньше, но слова вымолвить не смогла – слезы градом. Ушла, постыдилась своей слабости. На следующий день, перед тем как зайти к председателю профкома, положила в рот таблетку валидола. Она еще пощипывала под языком, когда Лену вызвали «на ковер».

– Отец-то где? – прямо в глаза спросил председатель месткома, седой, усталый человек.

– Он изменил мне, и я забрала заявление из загса, – коротко ответила она, почему-то не постеснявшись правды. Наверное, как старшему, как отцу сказала.

Председатель опустил глаза.

– Родители? – уточнила молодая женщина, член месткома.

– У меня отчим. Меня дедушка воспитывал, потом бабушка. (Про детдом ни гу-гу).

– Понятно, – спокойно сказала другая, та, что постарше.

– В комнате с девушками ладишь? – поинтересовался еще один член месткома.

- Деваться некуда, приходится, - ответила, грустно усмехнувшись.

Пожилая женщина протянула ей направление. Валидол не помог. Слезы все-таки хлынули на пеленки Антошки. Кто-то обнял ее за плечи и молча вывел из кабинета. Она шла и думала, как внимательно и предупредительно отнеслись к ней люди из профкома: ни словом, ни намеком не напомнили об ее положении.

Беспокоило Лену развитие Антошки. Полный, светленький, кудрявый, с огромными голубыми глазами, он не хотел двигаться. Ласковый, улыбчивый ко всем, кто бы к нему ни потянулся, он лежал, довольный и счастливый. Игрушку дадут ему, он ручкой махнет и уронит ее, будто не нуждается в ней. Врачу пожаловалась. Та, не глядя на ребенка, пощупала ему животик, головку и поставила диагноз: «Толстый он у вас, не перекармливайте».

- И сидеть не может, а пора бы, - подсказала Лена.

- В подушки сажайте, - категорично потребовала врач.

- А ножки и ручки почему бледные?

- Наверное, температура у него.

- Нормальная, я мерила, - возразила Лена.

Врач промолчала. Лена ушла, не удовлетворенная посещением специалиста. Одно успокаивало - веселый Антошка, значит, здоров. «Был бы больной, кислил бы», - ободряла она себя, вспоминая, с какой счастливой улыбкой встречает сынок телевизионных дикторов-женщин, как восторгается ритмичной музыкой и как его пухленькое тельце раскачивается в такт ритмичным аккордам. Народные мелодии не воспринимал и не подыгрывал им.

Когда Антошке было девять месяцев, занес в комнату гость одной из девушек грипп. (Он три дня лежал на соседней койке с температурой под сорок.) И Лена с Антошкой вслед за ним свалились. Неделю ничего не ели, только пили. Лена на дрожащих ногах вставала, грела воду и опять падала на кровать. Антошка, будто чувствовал, как маме тяжело, не кричал, только стонал, хрипел и спал.

Лена быстро выздоровела, а у Антошки обнаружили осложнение - воспаление легких. Десять дней она сама колола ребенку антибиотики, но температура упорно держалась на отметке тридцать девять. Врач приказала: «Отправляйте в больницу, иначе я за его жизнь не отвечаю». В больницу с матерями не клали категорически. Лена умоляла, объясняла, что ее мальчику требуется особый уход, обещала ухаживать за всеми детьми в палате. Бесполезно! Написала доктору записку, чтобы всем сменным няням сообщили, что малыш еще не сидит, не стоит, чтобы учитывали эту особенность. И, ослабев от волнения, еще целый час простояв у окошка, откуда была видна кроватка сыночка, окончательно промерзшая, побрела на остановку с тяжелым сердцем, с тяжелым предчувствием.

И потом еще неделю после работы каждый вечер дотемна стояла под окном (благо первый этаж), плакала, глядя на неподвижное тельце, уткнувшееся лицом в подушку. Все дни сынок лежал ничком и ни разу не поднял головку. А она все стояла и стояла, дрожала, синела, костенела, но надеялась хоть на миг увидеть его глаза, хотела, чтобы и он увидел ее.

А сынок лежал, неподвижный, безразличный, бесчувственный. О ком и о чем думал ее малыш? О покинувшей его маме? Скучал ли по ней, помнил ли ее руки? Он так любил, чтобы она прикасалась к нему, и никогда не капризничал, когда она его переодевала или купала.

С трудом оторвалась от окна. Но уйти, пока окончательно не стемнеет, не получалось. Там, за стеной, так близко и недосягаемо находится ее сыночек, которому ничем, совсем ничем не могла помочь. И эта беспомощность в борьбе с буквой глупого приказа «нельзя» раздавливала... Еще она боялась, как бы огромные дозы антибиотиков окончательно не обездвижили сыночка.

На восьмой день врач сказала:

- Забирайте малыша, пока он тут еще чего не подхватил.

Лена, заливаясь слезами радости, взяла на руки сына. Жуткие одинокие ночи закончились. Он рядом, и живой. Он не узнал ее, но он был с ней, и это давало ей силы жить и надеяться. Принесла Антошку в общежитие, раскрыла одеяло, сняла рубашечки, чтобы выкупать, и ужаснулась. Вся спина у ребенка – черно-синяя. Осторожно, сантиметр за сантиметром ощупала тельце сына. Он не реагировал, но стоило положить его на спинку, начинались жестокие судороги. Малыш извивался, сучил ручками и ножками и плакал осипшим, скрипучим голосом.

- Почему промолчали, отдавая ребенка? Вы хотя бы диагноз мне сообщили, чтобы я знала, что делать дальше, как лечить, – возмущалась Лена в больнице.

Врач, пожав плечами, дала направление на рентген.

- Другого способа нет? У него же судороги, четкий снимок все равно не получится, – сомневалась Лена.

- Не задерживайте меня пустыми разговорами. В рентгеновском кабинете разберутся, – был ей резкий ответ.

Доктор четыре раза облучала извивающегося от боли ребенка, пытаясь получить качественный снимок. Лена вырывала сына из рук медсестер, пытаясь объяснить бессмысленность процедуры, плакала, а ее ругали, грозили пожаловаться в цех. Наконец, самая старенькая из медсестер тихо и горестно пробормотала:

- Что же вы делаете с грудничком? Что из него потом вырастет?

Лена воспользовалась заминкой, схватила сына со стола и бросилась в коридор.

Антоша не улыбался, не шевелился и только тихонечко скулил. Он не реагировал на мокрые пеленки, не просил есть, днем и ночью лежал пластом на животе, безучастно глядя в подушку полуоткрытыми глазками. Не откликался он ни на маму, ни на приветливо улыбающихся, красивых телеведущих в постоянно включенном телевизоре.

Девушки тоже заволновались. Антошка редко плакал, мало им досаждал, они искренне сочувствовали Лениному горю, поэтому часто подходили к малышу. А однажды прослышали, что в соседнем городке объявились молодые доктора, знаменитости в области ортопедии и что они будто бы помогают избавиться от болезней каким-то новым, ими изобретенным способом.

Лена поехала. Простояла в очереди в узком холодном, сыром, вонючем коридоре, до отказа забитом взрослыми и детьми (в основном грудничками), около семи часов. Никто не роптал, все терпеливо переминались с ноги на ногу. Женщинам, приехавшим с мужьями, было чуть легче. Мужья подменяли жен, пока те перекусывали и дышали свежим воздухом, потом опять уходили на улицу, чтобы не поглощать кислород. Стоны, плач детей, тихий, нервный шепот, скрип сапог на усталых ногах, ломота в онемевших руках. В Антошке семнадцать килограммов, да еще ватное одеяло, а в Лене-то самой всего сорок пять.

Подошла ее очередь. Развернула сынишку. Над ним склонились два доктора. Один поднял, подложив ладони под животик. Обессиленное тельце неподвижно зависло, не шевельнув ножками. Положили на бочок – тихий стон вырвался из бледных полуоткрытых губ. Перевернули на спинку. Мучительный крик сопровождал судороги и не скоординированные, крученые движения малыша. Его усталое обиженное личико словно просило не трогать, не беспокоить, пожалеть. Один из докторов с сочувствием посмотрел на Лену, и тихо сказал:

- Зачем вам такой? Он не полноценный, за что тут бороться? Оставьте его у нас в институте.

Кровь прихлынула к лицу матери:

- Для экспериментов оставить? Диссертацию еще не защитили? Сама вылечу и выращу.

Вот увидите!

Быстрыми нервными движениями рук схватила Антошку и, обливаясь слезами, уехала. По ночам читала медицинскую литературу, но без диагноза не могла сориентироваться в массе материала. Опять пошла к участковой. Ничего нового не услышала. Сходила к невропатологу. И тот не нашел отклонений от нормы (!). Совсем растерялась Лена. В общезнатьи старенькая кастелянша сказала сочувственно:

- Не трожь малыша. Корми и не ломай голову, само срастется, дай Бог. Дитё ведь.

Через месяц, когда Лена попробовала выложить сынишку на спинку, он вздрогнул, но не закричал, а только нервно задергал ручками. Она до слез обрадовалась, отметив явное улучшение, и понесла сына к невропатологу. Вместо любезного молодого мужчины ее встретила очень красивая, строгая, волевая, резкая женщина. Взглянув на мальчика, она приподняла свои высокие, черные брови и сказала с долей брезгливой иронии в голосе:

- Мамаша, кого вы мне принесли? Он же ни на что не реагирует. У него отсутствуют почти все нормальные реакции!

Лена кинулась в слезы и поведала всю историю ребенка, начиная с неудачно принятых родов. Доктор открыла карточку и побледнела то ли от бессильной злости, то ли от жалости к мамаше и малышу. Она вдруг стала похожа на пантеру, готовую в любую секунду защитить ребенка. Решительным толчком открыла дверь, схватила Лену за локоть и потащила к участковой. Там что-то долго и резко объясняла на латыни, потом закончила монолог словами:

- Еще один запущенный больной и я определю вас в тюрьму! У этого ребенка вы отняли год жизни.

Участковая что-то лепетала насчет того, что не виновата, что это в роддоме упустили ребенка и потому у него куча болячек.

- Но вы обязаны были сообщить мамаше о проблемах ее сына. Что вы сделали, чтобы восстановить утраченные в тяжелых родах функции? Чем вы лечили ребенка? Где массажи, уколы, ингаляции, где современная терапия вашего физиотерапевтического кабинета? Ни-че-го не проведено!

Позже Лена узнала, что Елена Владимировна только что приехала из Африки, где была главным врачом огромной больницы, в которой русские врачи не только лечили, но и учили местных врачей. Теперь Лена после работы каждую свободную минуту целенаправленно занималась лечением сына. Научилась делать массаж, потому что медсестра халтурила, если не присутствовать на сеансе или не приплачивать. Она тщательно растирала пухленькое тельце сына, начиная с пальчиков рук и кончая ножками, неукоснительно выполняя указания врача, по секундомеру через каждый час проводила специальную гимнастику и ни разу не пропустила ни одного занятия, если здоровье сына позволяло давать ему нагрузку. А по ночам продолжала изучать медицинскую литературу. Она уже никого не обвиняла, ничего ни от кого не требовала. Понимала, что здоровье сына теперь зависит только от нее.

Много в поликлинике было мамаш с больными малышами. У одного ребенка была послеродовая кривошея, у другого ножки отнялись от прививки, у многих был родовой вывих нижних конечностей. Вот тут-то, в очереди на массаж и другие процедуры, Лена и познакомилась с Оксаной. У нее тоже был сын и те же проблемы. То ли одинаковые болезни детей их сблизили, то ли просто сошлись душами, только теперь, увидев одна другую в очереди, они, как сестры, обнимались и начинали торопливо делиться наболевшим. Лена выяснила, что обе рожали в одном роддоме. Еще узнала, что Оксану ненавидит свекровь, не хочет, чтобы у нее были дети, что свекровина подруга загубила ее сына не по халатности, а по злему умыслу, по злобе не подходила к ней во время тяжелых родов. Не понимала Оксана, что такое плохое могла придумать о ней ее свекровь, чтобы вызвать столь яростную ненависть.

И стали они, как говорится, не разлей вода. Легче жилось обеим, когда душу могли облегчить друг перед другом, не боясь непонимания и осуждения. А ведь как это иногда бывает нужно! Может, впервые в те дни они оценили необходимость этого общения, его благотворность. «Будто исповедовались», - шутили они, не стесняясь своих слез.

Когда через месяц Лена пришла к Елене Михайловне, то заметила перемену в ней. Нет, у доктора был тот же независимый вид, уверенность, достоинство, но взглянула она на Антошку с какой-то грустью. Лена не ошиблась. Елена Михайловна сказала ей тихо и задумчиво:

- Садитесь, мамаша. У меня есть все основания предполагать недостаточность знаний вашего участкового врача. Вот я вам уже и ручку приготовила, записывайте все, что обязаны делать с сыном до двадцати пяти – двадцати семи лет. Его здоровье теперь только в ваших руках.

Она сообщила, что у малыша из-за родовой травмы произошло длительное кислородное голодание организма, результатом которого, возможно, будет слабое сердце, плохое зрение, косолапость, плоскостопие, проблемы с позвоночником и все такое прочее, и продиктовала, как и чем все это нужно лечить. «Если пренебрежете указаниями, – получите у вас на всю жизнь лежачий больной, выполните все условия, – будете иметь, нормального, может только несколько болезненного молодого человека. Это что касается физического здоровья. Насчет головы пока ничего сказать не могу. Будем надеяться, что болезнь не затронула мозг. Молитесь», – на прощанье сказала Елена Михайловна.

Лена поняла, что они больше не увидятся. Она хотела встать перед доктором на колени, но та то ли поняла ее чувства, то ли так уж совпало, но повернула ее за плечи в сторону двери. Сердце Лены защемило, она еле сдержала рыдания.

Позже узнала, что травили доктора сотрудники поликлиники, как свора собак, выживали, подставляли, оговаривали. Гордая женщина не хотела ввязываться в сплетни, понимала, что все равно не дадут ей работать плодотворно. В ее знаниях здесь не нуждались, она мешала руководству жить спокойно. Оказывается, у этой участковой была «мохнатая рука» в горздраве... Доктор сама ушла. Нашлось место, где она была востребована. Она только переживала за тех детей, которых не могла спасти, и понимала, что на всех ее не хватит, особенно если будет тратить время и энергию на борьбу с бездарями. О переживаниях Елены Михайловны Лена узнала, когда случайно встретила с нею через много лет в театре.

Десять лет ежедневного терпеливого труда Лены принесли свои плоды. Благо сынок по природе оказался покладистым и веселым. Участковая постоянно запугивала ее наличием слабоумия у ребенка, указывая на густоту волос на затылке и большой интерес к быстро-вращающимся предметам, грозила школой для слабовидящих, брезгливо косилась на обувь, стертую «неправильным» образом, намекая на возможность остаться ребенку на всю жизнь калекой. Много слез пролила Лена, живя в постоянном страхе за здоровье ребенка, но все болячки они вместе с сыном преодолели. Заведующая областной больницей, осматривая ребенка, сказала: «Памятник вам надо ставить, мамаша!»

Талантливым оказался сынок во многих областях. Радовал своими знаниями, оригинальным мышлением, неожиданной интуицией, педагогическими способностями, стремлением к самостоятельному изучению интересующих его наук. Не понимал он, как это можно болтаться по улицам без дела, мечтал, чтобы в сутках было вдвое больше часов для его многочисленных увлечений...

Детсад

А Миле почему-то первый день Антоши в детском саду припомнился и то, как она Галине о нем рассказывала. (Лена тогда после аспирантуры и защиты диссертации по распределению приехала в их родной город.)

Лена с Антошкой из коридора-лабиринта попали в тесную комнату, по периметру которой были расположены персональные шкафчики с красивыми картинками на дверцах. Низкие, длинные лавочки были заняты детьми, вокруг которых суетились родители. Воспитательница стояла в дверях другой, основной комнаты и как дирижер уверенно руководила маленьким беспокойным муравейником. Вид у нее был деловой, спокойный, говорила она тихо, но требовательно. Даже взрослым хотелось ее слушаться.

Ее Ганночка не обратила внимания на нового мальчика. Она торопилась к подружкам хвалиться новой куклой. Антоша прятался за спину мамы, но в его глазах светилось любопытство. Лена догадывалась, что именно оно спасет ее, победит в сыне горечь их временного расставания, и он одолеет слезы, вот-вот готовые хлынуть безудержным потоком.

С расписной лавочки встал плотно сбитый, круглоголовый темноволосый малыш с огромными карими глазами. Он по-хозяйски сложил в шкафчик свои вещи, сам развязал шнурки на туфлях, надел тапочки и, поцеловав маму на прощание, помахал ей рукой. И тут глаза мальчиков встретились. Антоша склонил голову и, не выпуская из рук подола Лениной юбки, весь подался вперед, с интересом, но с какой-то рассеянной улыбкой разглядывал мальчика. Пауза длилась минуты две. Лена не мешала им. Малыш протянул Антоше свою пухлую, но крепкую, загорелую ручку. Антоша взглянул на маму и, увидев одобряющую улыбку, сделал шаг навстречу новому знакомому. Но только один шаг, не отпуская юбки.

Следующим движением мальчик достал из нагрудного кармана рубашки малюсенький пластмассовый грузовичок. У Антоши загорелись глаза – у него такого не было! Он сделал еще один шаг, пытаясь при этом не разорвать связь с мамой, отчего хвост ее юбки натянулся. Но Лена не сдвинулась с места, желая, чтобы он сам оторвался от нее. И когда мальчик вытащил из кармана шорт горсть разноцветных камешков, Антоша мгновенно оказался рядом и застыл с открытым ртом, весь превратившись во внимание. Мальчик вроде бы с безразличием смотрел на горку блестящих «драгоценностей» в центре ладошки, а сам ждал, каковы будут действия новичка. Прошла еще одна минута. И тут Антоша подскочил к маме, сунул руку в ее сумку и вытащил мешочек со своей любимой игрушкой – пластмассовым конструктором, из которого можно было собрать что угодно: подъемный кран, тележку, машину, жирафа, собаку и даже обычную скамейку...

В следующий момент мальчики уже стояли в игровой комнате друг против друга, крепко прижимая к груди свои богатства. Воспитательница позвала Лену. И пока они разговаривали, я искоса поглядывала на ее сына, который развязал пакет, достал красное колесо и стал прикручивать к нему соединительный стержень. И тут мальчик, внимательно следивший за действиями Антоши, сказал:

– А у меня в конструкторе ключ есть. Я умею им гайки закручивать.

Он хорошо, с удовольствием и с гордостью произносил букву «Р».

– У меня тоже есть ключ, но мне пальцы надо тлениловать. Так мама сказала, – строго объяснил Антоша.

После этих слов мальчики сели на пол, высыпали содержимое карманов и пакетов на ковер, и больше для них ничего вокруг не существовало. Ни общий шум, ни тонкие взвизгивания девочек не отвлекали их от важного дела – конструирования. И даже окрики грубой нянечки не мешали им играть.

...Антошка – полноватый, добродушный бутуз. Мысли его витают в облаках. Он улыбается сам себе, не слышит, что ему говорит мама, чем возмущается нянечка. Снял один ботинок и опять «улетел» высоко и далеко. Его треплют за плечо, с большим трудом «возвращают на землю». Мальчик виновато улыбается и опять начинает

старательно раздеваться. Только ненадолго хватает его усердия. На третьей пуговице курточки он замирает, поднимает лицо к потолку и, радостно шевеля губами, что-то восторженно и неразборчиво бормочет. Воспитатель не выдерживает и требует:

- Мамаша, разденьте ребенка. Он к завтраку опаздывает.

А в конце дня вышел Антоша в раздевалку, чуточку, но по-особому взволнованный. Что-то его беспокоило. В нагрудном карманчике носовой платочек сильно выглядывает уголком. Обычно у мальчишек он скомканный. Лена вытащила платок и увидела розовый карандаш. Красивый. Такого у них дома нет. Видно очень захотелось Антоше иметь именно такой. Лена взглянула на сына. Он зарделся, как-то весь напрягся и говорит:

- Он нечаянно в кармане остался.

Не стала Лена ругать сына, только предупредила:

- Поиграешь вечером, а завтра принесешь назад в садик. Всем детям хочется рисовать таким красивым карандашом. Ты что им хотел раскрасить? - Мягко так спросила.

- Не знаю, не думал, он просто мне нравится, - сознался сын.

- А в следующий раз не забудь спросить разрешения у воспитательницы, ведь она очень волнуется, когда что-нибудь в группе теряется.

- Обязательно! - весело, с облегчением сказал Антошка.

Он был рад, что «пронесло», не поругали. А может, радовался тому, что не совсем осознаваемое маленькое воровство сильно тревожило его своей непонятностью. Он чувствовал, что не стоило брать карандаш, но желание иметь его пересиливало. Мальчик не мог себе объяснить, что плохого в том, что он поиграет им вне садика, но что-то внутри него царапало душу и тихонечко укоряло. Он с беспокойным волнением шел мимо воспитательницы, с тревожным чувством подходил к маме.

Но мама поняла его: велик соблазн красивой вещи. Ей самой было приятно смотреть на какой-то особенный, редкий оттенок розового карандаша. Она проникла в наивную попытку сына скрыть свой поступок, оправдать себя, поняла его волнение, борьбу чувств и отнеслась к ним осторожно. (Видела она, как один папа накричал, обозвал, отшлепал при всех своего малыша за малую провинность и как тот испуганно сжался...)

Лена не наказала сына, чтобы в следующий раз у него не было желания спрятать какую-либо вещь подальше, соврать естественней, хитрее. И все же заставила задуматься и о воспитательнице, и о детях, которым плохо без красивого карандаша.

...Миле вспомнился Вова, как он вдруг впервые понял, что его отец начальник, что его уважают и даже, может быть, побаиваются. Как это интересно отразилось в его сознании! Сначала это был неловкий, несобранный, но добрый ребенок. Его обманывали мальчишки, дурно подшучивали над ним, рассказывая пошлые анекдоты, которых он не понимал, и из-за которых его осмеивали дети и ругали взрослые. У него отнимали или выманивали игрушки, вкусные вещи. Но если папа приводил его в садик, он начинал вести себя совсем иначе: уверенно, даже нагло, сам пытался принизить более слабого, заставить убрать за ним игрушки, небрежно, даже по кличке обращался к своему обидчику, быстро находил нужные слова. Мне казалось, он делал это бездумно, так руководило им подсознание.

- Странно, - говорила его мама, - мне было плохо, когда меня незаслуженно оскорбляли, обижали, но никогда не хотелось в отместку сорвать зло на ком-то, не хотелось издеваться над более слабыми. Мне было жалко их. Почему же мой сын так поступает? Он же хороший. Для мальчиков такое поведение - норма? Это стремление утвердиться хотя бы на время заложено только в них или это свойственно всем детям, независимо от пола? Это следствие влияния ген, родительской закваски или воспитания? За старшей дочерью я такого не наблюдала. Она просто не общалась с теми, кто ее обижал, и все.

...Как-то услышал Антоша в садике смешной анекдот, идет домой, рассказывает его маме и нам с Ганночкой и хохочет. Только мне показалось, что смеется он как-то не от души, не так заливисто и радостно, как обычно. Я спросила его:

- Ты понимаешь суть анекдота?

- Нет, - ответил смущенно.

- А почему смеешься? - удивилась я.

- Так все смеются.

- Боишься выглядеть глупым? Ты всегда рассказывай маме о том, что происходит в садике. Она будет объяснять тебе непонятное, и тогда ты на самом деле станешь умным, и тебя все будут уважать. Представляешь, как ребята станут издеваться над тобой, если почувствуют, что ты чего-то не понимаешь? - объяснила я сыну Лены.

- Я думаю, многие ребята не понимают анекдотов, но стыдно сознаться, скажут, дурак, - задумчиво сказал Антоша.

- А тебе важно мнение ребят о тебе?

- Конечно.

- Чье мнение тебе важнее - ребят или мое? - задала Лена «коварный» вопрос.

- В садике - ребят, дома - твое, - честно ответил Антоша.

Я тогда поразились его ответу. У мальчиков уже не проходит: «мама сказала», это девочки могут позволить себе так выразиться. Даже «мне папа сказал» в этом возрасте не всегда спасает. Они уже пытаются свое, пусть не всегда правильное (чаще всего навязанное детсадом) мнение высказать, да еще с таким апломбом! Хорошие ребяташки!..

Каждый день что-то открываешь в детях и складываешь в свою родительскую копилку.

...А вот еще малыш, которому никак не удается застегнуть пуговицу на брючках. Он сопит, испуганно поглядывает на сердитого отца - тот торопится на работу - и его пальчики нервно скользят по жесткой ткани в поисках как бы нарочно ускользающей петли.

Рядом с ним садится Алеша - плотный, круглолицый, белобрысый, очень подвижный. Он быстро раздевается и идет в игровую комнату. Алеша ходит напористо, «бычком», голову выставляет чуть вперед, будто бодаться собирается. Слышу визг. Оглядываюсь. Худенький, бледный Петя заливается слезами и рукой указывает на Алешу. Его мама удивленно и испуганно разглядывает четкий кровавый след двух рядов зубов на руке своего сына. Она резко поворачивается к матери Алеши и говорит возмущенно:

- Вы бы объяснили своему сыну, что он человек, а не собака. Я не верила, что он кусается, пока сама не увидела. Воспитывать ребенка надо. До чего он может докатиться, если уже в садике с ним сладу нет.

- Мы живем в зверином обществе. Нечего скулить. Пусть дети уже сейчас начинают учиться защищаться.

- И что же это будет, если все дети станут друг друга бить и кусать? Мы же вырастим жестоких людей! Не знаю, как вас, а меня в детстве учили добру и взаимопомощи. По-вашему, получается, что если мой ребенок слабенький, так пусть над ним издевается более сильный мальчик? - возмущалась мама Пети.

- Вы его тренируйте, закаляйте, - не сдавалась мама Алеши.

- Вам хорошо рассуждать, ваш сын родился крепким, и развитие у него нормальное, а моему при родах вывихнули ножки, так намаялась я с ним, пока лечила, да учила ходить. Мне его теперь лет до 18 по поликлиникам водить.

- Ваши проблемы, вы их и решайте, - резко ответила мама Алеши и, горделиво подняв голову, удалилась.

Знала себе цену жена большого начальника. В комнате воцарилась тишина. Даже детвора притихла, наверное, пыталась что-то понять из разговора двух мам.

Появился Илюша. Поразительно, как маме удастся растить сына без обычных для детей болячек! Может, наследственность хорошая? Маленький, худенький (в родителей), серьезный и спокойный, он зимой ходил в ботиночках, в продуваемых ветром полушерстяных штанишках и легком пальто. Никогда я не слышала, чтобы он кашлял, или пользовался носовым платком. Мальчик ни с кем не ссорился, ни к кому не приставал, все делал самостоятельно, неторопливо, четко. Говорил, когда видел в этом необходимость. А мама у него обыкновенная, ничем не выдающаяся, дед заботливый, деньгами помогал молодой семье.

А вот рыженький Витя. Он уже два года ходит в музыкальную школу и при случае не забывает вернуть в разговор какой-либо музыкальный термин. Видно, что гордится своими успехами. Очевидно, родители хвалят его. Очень деловой, собранный и ответственный мальчик! Весь в папу, даже веснушки на лице у них похожие. Маму один раз только видела. Очень милая. С маленькими дочками-близняшками дома возится. Витя их обожает. Он очень заботится о сестричках и всем с восторгом рассказывает об их проделках.

Вот Шурик - худенький, нервный, вялый, с черной родинкой на впалой бледной щеке. Плечи опущены. Сидит так, будто вот-вот сложится втрое. Когда к нему пристают, сердито отмахивается, уныло вскидывает голову, как двухдневный жеребенок, и опять «опадает» плечами вперед.

«Какие они будут лет через десять-пятнадцать?», - думала я тогда, вглядываясь в их милые личики.

Горький опыт

Инне было что вспомнить и из их взрослого прошлого с Леной: теплые встречи, откровенные и деловые разговоры.

...После университета, имея красный диплом, терпеливо сносила на заводе издевки и постоянное насмешливое презрение мужчин. Ты же помнишь, я была не бойкой провинциальной девчонкой, а цветочной феей из мира сказок. Отчаянно верила в справедливость, поэтому сразу не сумела вписаться в реальную взрослую жизнь.

Первые признаки недовольства коллег обнаружила сразу же, как только переступила порог лаборатории. Мое появление было встречено единодушным, настороженным молчанием. Мужчины не желали видеть в своем коллективе женщину и, наверное, надеялись в скором времени выжить меня. Сначала я в это не верила, пыталась обнаружить хоть что-нибудь, способное опровергнуть мое мнение. Но бесполезно.

Мужчины быстро оценили преимущество большинства и эффективное воздействие на женскую душу грубости и бестактности. Они подмечали мои малейшие промахи, чтобы использовать их для давления на меня. А я, воспитанная на идеалах Николая Островского, на «тонких и высоких материях», до этого понятия не имела о подобных отношениях в коллективе. Душой я жила в тургеневском времени, а грубая современная реальность меня унижала.

В своей студенческой подгруппе я тоже была единственной девушкой, но всегда ощущала уважительное внимание, какое-то легкое, приятное возбуждение и чарующую приподнятость в настроении сокурсников при общении со мной. А эти нет чтобы помочь в чем-то – постоянно топили. И я боялась сделать какую-нибудь оплошность, разоблачающую недостаток моего опыта. А он, естественно, был у молодого специалиста, делающего первые шаги в применении своих, пусть даже прекрасных, теоретических знаний.

Не заботясь о приличиях, с пугающей прямолинейностью коллеги унижали меня за то, что я будущая мать-одиночка, открыто демонстрировали мне гадкое злорадство, с наслаждением изводили пошлостью. Не умом брали, пакостливостью.

Приходилось терпеть: обязана была после учебы отработать два года по месту распределения. Мужчины прекрасно понимали, что происходило в моей душе, но это их только подстегивало. Добрых слов заслуживал лишь молодой инженер Евгений. Он единственный, кто попытался оградить меня от прямых посягательств. Но шквал насмешек не обошел и его. К тому же эта защита вышла ему «боком». Когда стал вопрос о его повышении, начальник выразился достаточно откровенно: «Вы не готовы стать руководителем группы. Мне безразлично, кто прав, а кто виноват. Мне не нужны склоки. Для меня главное, чтобы взаимоотношения в коллективе не влияло на производительность труда, на показатели».

Я вызывала в мужчинах патологически враждебное раздражение. Для них не было большей радости, чем нагло оборвать, не дав мне раскрыть рта, подвергнуть осмеянию, воображая, что ведут себя остроумно. Еще любили с пренебрежительным снисхождением объяснять мне прописные истины, не позволяя им возражать, а потом грубо утверждали, что я отняла у них массу времени. Эффектно, зрелищно обставляли свои нападки и, похоже, гордились своей изощренностью.

Как-то услышала доносившиеся из коридора достаточно громкие откровения одного сотрудника. Он хвалился товарищу из соседней лаборатории: «Ни на какие блага не променяю удовольствие травить новенькую. Это почище оргазма будет!» Не успела я понять, кому принадлежит этот голос, как услышала замечание еще более грубое и жестокое. Чуть не задохнулась от обиды. «Ну почему я служу для них излюбленной мишенью для издевок? Почему этим привожу их в прекрасное расположение духа?» – недоумевала я.

Мое мнение никогда не пользовалось уважением в их среде, даже в мелочах. Как-то придумала простейший способ продевания проводов через узкие трубки – необходимая процедура при ремонте аппаратуры – так они, прекрасно понимая удачность предложенного мною метода, категорично отвергли его, мучились, но продолжали

работать по-старому.

Я не знала, как противостоять сплотившимся против меня людям и обстоятельствам. Мама считала, что эти мои пустые детские обиды яйца выеденного не стоят (ей-то повезло с коллективом), а подруга студенческих лет Вера в письмах настойчиво советовала не церемониться и никому не спускать обид. Учила выискивать всевозможные способы отмщения. Приводила в пример свой, поначалу горький опыт. Призывала следовать принципу: «Если столкнешься с неизбежностью, бей первая». Она даже предложила мне использовать убойную, безотказную фразу: «Мол, слышала я тут от одной дамы об одном из вас... Очень старался... только все бесполезно...». Не могла я опуститься до подобной грязи.

Но Вера вселила в меня уверенность, я поддавалась на ее уговоры и пошла в «бой» с открытым забралом. «Наступил мой черед говорить», – думала я. И начала свою глупую атаку: «Вы не признаете за женщинами права на уважение и достоинство. Это не делает вам чести, а говорит о примитивном интеллекте. Я вывожу вас из себя тем, что часто попадаю в точку. Именно это вам не хочется признать. Понимаю, в вас говорит вечная борьба мужчин за первенство, за свое превосходство. Вы боитесь женщин, иначе бы не использовали унижительные способы общения с нами. Вы наша сильная, гордая, умная половина? Ха!.. и т.д. и т.п.»

Слова были правильные. Стратегия и тактика подкачали. Этой борьбе не суждено было оказаться такой легкой, как считала моя подруга. События развивались в полном несоответствии с намеченным ею планом. Уже одно то, что я стремилась защитить чувство собственного достоинства, производило на них такое же действие, как красная тряпка на быка – вызывало желание ударить меня еще сильнее. Их было много, и этим они были сильны. То был «террариум единомышленников». Я ненавидела их... Не помогли советы подруги. Видно, ситуация у нее была много проще. А может, «что позволено Юпитеру, то не позволено Быку»?

Потом я выработала иную позицию: стала сама подшучивать, подсмеиваться над своими слабостями и даже иногда весело позволяла издеваться над собой всем, кому сколько было угодно. Пряча за самоиронией смятение, я старалась хотя бы внешне не выказывать своей обиды. За год работы сближения так и не произошло. Постоянные унижения продолжались и после рождения сына, когда через два месяца после родов я вынуждена была выйти на работу. В любых недочетах и неудачах в лаборатории обвиняли – хоть и голословно – всегда только меня.

Моя гордость не могла больше мириться с таким положением вещей, я испытывала потребность вырваться из начинавших уже делаться цепкими объятий заводской рутины. Меня всегда тянуло к новому, неисследованному, я чувствовала, что ампула ученого мне ближе. Дед учил меня стремиться к высокой мечте и выживать в любых условиях. Память о нем поддерживала, давала силы, а его глаза, струящиеся добротой и любовью, всё чаще грезилась мне и во сне, и наяву. Так было всегда, когда мне было трудно. Тогда-то и возникла у меня идея пробиться «в дамки» и защитить себя от мужского превосходства, вернувшись в цех в ином качестве – кандидатом технических наук. И я тайком от всех стала готовиться к экзаменам, и уже через год поступила в аспирантуру. Утерла нос своим мучителям.

Сосед по лаборатории

Галине события 40-летней давности припомнились. Она тогда рассказывала Миле, как они с Леной иногда в обеденный перерыв ходили в «курилку», что в конце коридора под лестницей обсуждать общие текущие проблемы.

...В ведении Николая Ивановича, инженера из соседней лаборатории, был компьютер, и в тот день Лене необходимо было договориться с ним о получении дополнительного машинного времени. Помнит ли Лена эту неприятную беседу или вычеркнула из памяти?

Я остановилась неподалеку, среди инженеров своей лаборатории, но не очень вникала в суть их беседы, а старалась быть в курсе разговора Лены, чтобы вовремя прийти ей на помощь, если «главный по компьютеру» вдруг заартачится. Человек он пожилой,

всесторонне положительный, но и от него можно было ожидать всякого. Вдруг проявит излишнюю принципиальность и откажет под предлогом необходимости строгого соблюдения намеченной очередности. Да и Лена может погорячиться и выдать неожиданный фортель. С нее станется. Работа, больной ребенок. Помощи ждать не откуда. Измотана до предела. Не позавидуешь.

Замечаю, что их разговор пошел не в то русло. Решила пока не вмешиваться. Ясное дело, неприлично сразу подступать с просьбами, не поговорив о том о сем. «Надо дать начальничку поупрашивать себя, выслушать его проблемы, может быть, даже где-то поддакнуть», – практично рассуждала я, как многоопытный человек. Сфокусировала я свое ухо на окно, у которого расположилась Лена, прислушиваюсь.

– ... Давно я вас, Леночка, заприметил, – мягко сказал Николай Иванович.

– Жить, не привлекая ничего внимания, невозможно, – в ответ недовольно пробурчала Лена.

К ним подскочил Иван. Он работал на втором этаже, в лаборатории спектроскопии. Заносчивый нервный тип. Не любила я его.

Иван с нескрываемым восхищением оглядел Лену с ног до головы и выразительно сказал:

– Знаешь о себе – хороша!

И громко добавил после длительной паузы:

– Вот и цену себе набиваешь.

Тонкие губы его расплылись в блаженной ехидной улыбке. На худом лице зашевелились ранние глубокие морщины, подчеркнув тем и без того его далеко не гладкую кожу. Зло, с удовольствием высказался, с явным ликованием. Он самодовольно обвел глазами присутствующих в «аппендиксе» коридора, надеясь, что его услышали многие. Но все были заняты своими разговорами, и ожидаемого эффекта не получилось. Только Николай Иванович покачал головой, выражая свое неодобрение его поведением.

Лену передернуло от возмущения. Ей сразу не понравилось присутствие этого неприятного молодого человека при ее разговоре с Николаем Ивановичем, да и наглое вступление в их беседу не предвещало ничего хорошего. Услышав презрительно-высокомерное восклицание «хороша», она подозрительно покосилась на Ивана. Болезненное раздражение отразилось на ее лице, но она не удостоила обидчика своим вниманием. И, уже будучи заведенной, повернулась к Николаю Ивановичу и заметила:

– Сейчас вы делаете мне осторожные комплименты, а потом этот разговор послужит для вас оружием против меня. Тоже, наверное, не упустите случая в самый неподходящий момент обронить несколько слов в мой адрес, чтобы уколоть, унижить? Такова психология большинства мужчин. Говорят, мужчины и женщины грешат этим в равной степени, только мы, женщины, более беззащитны перед клеветой и грубостью. И вы, при всей вашей добропорядочности, можете ненароком обмолвиться грязной шуткой в узком мужском кругу. В присутствии женщин не позволите. Я ошибаюсь?

«Боже, куда Ленку понесло, – испугалась я, ища ее взгляд, чтобы глазами обругать за неправильное ведение предварительной беседы, так сказать, прелюдии. – Достали ее мужчины своими издевками. Уже на невиновных бросается. Совсем контроль над словами потеряла».

– Обижаете. Глаз у вас ненаметанный. Не набрасывайтесь на меня как коршун. Вы слишком скептически относитесь к мужчинам. С чем это связано? Они вас часто обижали? Я никогда не позволяю себе таких вольностей. В хорошей компании это производит невыгодное впечатление. Я не поддаюсь соблазну грубо поострить. Предпочитаю другое – похвалы. Стараюсь о людях говорить только хорошее, чтобы не наживать врагов, или помалкиваю.

Не стоит упускать из виду следующее немаловажное обстоятельство: даже в не очень достойной компании иногда полезно своевременно и тактично вмешаться, увести разговор в положительное русло, чтобы предотвратить назревающий неприличный

скандал и тем самым положить конец не начавшейся еще «войне», – строго, как учитель, но с обидой в голосе, отчеканил Николай Иванович.

Он сказал это с такой силой и выразительностью, что Лена на миг растерялась и, почувствовав, что сгоряча напрасно нагрубил порядочному человеку, попыталась оправдаться:

– Простите. К сожалению, не знаю, как бы мягче сформулировать, но досужие вымыслы о безнравственном поведении незамужних женщин часто людям кажутся правдоподобными, достоверными. В плохое люди легче верят. Добрым, открытым всегда больше подковырок достается. В глазах мужчин они выглядят гораздо хуже, чем можно предполагать. И начальство боится их выделять, продвигать по службе. Как бы чего не подумали! И всё у них в карьере часто незаслуженно идет вразнос. Вот и мои проекты не рекомендуют к производству. Воевать приходится. И часто неудачно.

Многие женщины злословят из боязни потерять своих мужей. Некоторые мужчины сплетничают по причине завистливого характера. Не следует списывать со счетов задетое мужское самолюбие и раздутое самомнение. Для таких мужчин оговоры – в порядке вещей. Меня подобные разговоры выводят из равновесия. Я боюсь совершать якобы «предосудительные» поступки. Это тем более опасно для меня, что в глазах обывателя особенно постыдным считается быть не просто не замужем, а еще и с ребенком.

Лена горько усмехнулась.

– Меньше обращайтесь внимание на сплетни, – посоветовал Николай Иванович уже мягче.

Своим ответом он не возбудил в Лене интереса. Но в его взгляде она заметила оттенки собственной печали, разочарования, неудовлетворенности. А Иван тут как тут со своими комментариями.

– Зря избегаешь мужчин.

– Не начинай! – зло оборвала его Лена.

– Случайностью невозможно управлять. Жизнь не предупреждает о предстоящих поворотах судьбы и можно не расслышать ее голоса, не понять ее зова или предупреждения. Может быть, скоро ждет тебя самый крутой и опасный вираж судьбы. Не стучит набатный колокол в твоей голове? А вдруг это не ложное впечатление? И тогда нужно рассчитать вероятность такого события и подсуетиться. Если суждена тебе роковая встреча, то все равно не избежишь ее.

Предвижу возражения, ироничную улыбку... но, понимаешь, для меня чем выше забор, тем больше желание его перепрыгнуть, – то сладко шурясь, то кривясь в ехидной улыбке, снова язвительно цепляется Иван, раздевая Лену глазами и явно намекая на свои завышенные сексуально-плотские возможности.

Тень неподдельного страдания скользнула по лицу Лены. Не было бы Николая Ивановича, она быстро и грубо отшила бы пошляка, но присутствие пожилого человека связывало ей руки, точнее, язык. Она только бросила на Ивана уничтожающий взгляд. Ее раздражало его необычайное самомнение. С чего бы это ему упиваться своим торжеством? Но она тут же предположила, что у него собственные неудачи выливаются в открытую грубость не только к тем, к кому он испытывает неприязнь, но даже по отношению к тем, с кем ему хотелось бы положительно общаться. А его намеки, разумеется, – не больше чем миф, созданный им же самим для внешнего и внутреннего самоутверждения. Поэтому она ответила сдержанно, очень даже сдержанно, до скрипа зубов.

– Удачная встреча? Это на твой взгляд. Что за нелепость? Я нацелено не стремлюсь к замужеству. Не хочу искать приключений, не хочу никому кружить голову преждевременными обещаниями. И вообще, я не готова к диалогу на эту тему. Зря ты определил себя в штат моих духа и тела хранителей или обожателей, – решительно прервала Лена ненужные ей излияния и отвернулась от Ивана с мыслью, что надо немедленно и жестко положить конец этому неприятному разговору.

- Травишь здорово и гладко, поэтому доставлю тебе удовольствие и выслушаю в сто первый раз твою байку о нежелании выйти замуж. Наверное, из головы не идет любовь. Ведь хочется урвать хотя бы от чужого счастья? Или, может, ждешь подходящего случая, чтобы еще раз всех удивить? – закончил он непристойным намеком.

Лена побледнела и пошла в атаку.

- Ты любишь рассказывать о том, что многих соблазнил. Я не верю в это. Может, хочешь услышать в ответ, перед сколькими обожателями я устояла? Не надейся...

Иван, не слушая выпада Лены, продолжил:

- Она, видите ли, не озабочена телесным дискомфортом. Нос воротит от мужчин! Посмотри правде в глаза: рада бы в рай, да грехи не пускают. Утверждаешь, что не коснулась тебя распутная фортуна?.. Не везет, пробуксовочка пока идет, а то бы давно уж... кордебалет... да вверх копытами... И хочется, и колется да мама не велит. Не подвернулся приличный шанс? – словно гордясь своим поступком, нимало не смутившись, снова гадко уколол Лену Иван, сопровождая свои слова радостно-пошлым смешком и поглядывая на нее с жутковатым интересом.

«Подобной бестактности, такого гнусного посягательства на Ленины чувства не позволяли себе даже самые наглые ребята из ее лаборатории. Это было самое гадкое из когда-либо ею услышанного в свой адрес, – молча кипела я, готовая взорваться и наговорить грубостей никчемному обожателю. – Нет, что ни говори, а замужняя женщина в большей степени защищена от нападок мужского внимания, и как к специалисту к ней меньше придираются, чем к свободной», – решила я.

Душевное равновесие Лены было окончательно поколеблено. Ее глаза загорелись возмущением и дикой злобой. Она рванулась на Ивана с кулаками. Уж на этот раз она не останется в долгу! Но Николай Иванович удержал ее, и больно сжал локоть Ивана.

- Ну и сказанул, как в воду плюнул, – отреагировал он удивленно. – Не ожидал.

Лена даже не представляла, что может быть настолько благодарной за маленькую поддержку этому, в общем-то, малознакомому человеку. И она смирилась, только жестким взглядом осадила грубияна.

- Вы меня на голос не берите, – насмешливо фыркнул Иван, продолжая жадными глазами исподтишка любоваться смущением и злостью Лены.

«Да он сексуально озабоченный», – поставила я неопровержимый диагноз.

Намеки Ивана были слишком грубыми и обидными, чтобы безропотно сносить их. Даже у Николая Ивановича был растерянный, недоумевающий вид. Но Лена и на этот раз выдержала «осаду», сделала вид, что остыла, пропустила издевку мимо ушей и только подумала: «Он оказался гораздо более опасным противником, чем я ожидала. Странно, при свидетелях ведет себя более нагло, чем один на один при встрече в коридоре. Что за этим кроется? Показное? На публику работает. Пожалуй, при случае стоит отбрызнуть его, чтобы неповадно было цепляться». А вслух сказала:

- Станным образом клеишься. Честный. Не желаешь хранить под спудом свое хамство. Вживую его предъявляешь. У тебя извращенная страсть к грязи? Прекрати, «Карузо». Не ту песню поешь. Не от большого ума желание быть оригинальным доводит тебя до пошлости. Мнишь себя «ярким представителем темных сил»? Ожидаешь одобрения? Глупо. Надо заранее тщательно взвешивать шансы на успех, а не бросаться в омут с головой. Бредешь по жизни вслепую, на ощупь. Тебе совершенно неважно, что я о тебе подумаю? Что скажешь в свое оправдание? И к чему приведет тебя шутовское отношение к жизни? Герой-любовник!

«Не узнаю Лену. Как озлобилась... – ужаснулась я. – Мне проще. Муж, как охранный грамота».

- Чего пристал? Если перебрал малость, так пора завязывать. Или не умеешь радоваться жизни без горячительного? Крыть нечем? – хмуро намекнула Лена на «маленькое» пристрастие Ивана. – По мне: чем рядом плохой мужчина – лучше никакого. Зачем попусту мозолить глаза, отнимать время у себя и у другого? При виде таких

экземпляров, как ты, меня в дрожь бросает уже от одной только мысли о замужестве.

От Николая Ивановича не скрылся усиленный интерес Ивана к Лене. Он даже смутился, настолько был уверен в правильности своей догадки. Постоянные настойчивые выпады Ивана в адрес Елены, его воззрения, разожгли любопытство и побудили Николая Ивановича продолжить разговор на эту тему.

- Немаловажное обстоятельство, Леночка: мало достойных мужчин, - подтвердил он ее мысль.

Лена искренне улыбнулась поддержке.

- Точно, мало. Казалось бы - какое время! - и вдруг такие «Ромео»... Все стоящие мужчины накрепко женаты.

- Отбрываешь всех мужиков. В этом я тоже вижу твою ущербность, но ордена за храбрость не получишь, - замогильным голосом сказал Иван, исподтишка посматривая на Лену. Его глаза алчно посверкивали из-под полуприкрытых век. - Ишь, цаца недоступная. Мужчины ей не такие! Боишься тонуть, заблуждаться, теряться. Тебе бы только, чтобы всё гладко, чтобы всё в ажуре. А кто нас, не великих, приветит?.. Ну, да. Я, конечно не Петр...

Иван побагровел. На висках налились вены. Он пытался сообразить, какому бы еще унижению подвергнуть строптивую девицу. Но обида уже захлестнула. Под презрительным взглядом Лены он чувствовал себя уязвленным. Конечно, ни квартиры, ни машины... выдавший виды пиджак... Все равно он давно нацеливался на нее, хотя и понимал, что не у него одного возникает такое желание.

Лена стояла бледная. Глаза ее расширились, губы задрожали. Николай Иванович что-то тихо говорил ей. Я не могла расслышать. Потом он еще сильнее сжал локоть Ивана. Тот наконец понял намек и отступил на пару шагов в сторону.

А Лена словно забыла о существовании Ивана и, как бы оправдываясь перед Николаем Ивановичем, заговорила откровенно, с болью.

- Петр... Я не сильна во взаимоотношениях с мужчинами, но хороший урок общения получила еще в первый месяц работы. Судьба словно издевалась надо мной. Вроде не дура, а вот, поди ж ты, вляпалась. Тогда я дружила с компанией незамужних девчонок. К нам часто в перерыв присоединялся Петр. Он всегда был внимателен, предупредителен, расшаркивался приятными словами перед каждой из нас, никого не выделяя. Меня это устраивало, и я не прочь была поболтать с ним в свободную минуту. Он был достаточно эрудированным. Я не почувствовала опасной неуютности этого человека.

Одно меня в нем злило: вечно попрошайничал. То этот ему прибор дай на время, то другой. А начинал с того, что пел дифирамбы. Но я, выслушивая комплименты, не имею привычки млеть и расплываться от удовольствия в улыбке, поэтому сразу говорила: «Зачем пришел, какой прибор нужен?» А он возмущался и мгновенно обретал вид обиженной невинности, мол, зачем так грубо гасишь добрые чувства. А я ему: «Ты меня первый оскорбляешь. Сделаешь комплимент и тут же просишь что-нибудь, точно покупаешь меня за красивые слова. А просто так не можешь расщедриться? Неужели я не заслуживаю? Кумекать надо, а не шаблонами жить». Убивала я его своей прямолинейностью.

Случалось, в плохом настроении я и сама искала в перерыв с кем бы «покурить», то есть поболтать. И он всегда был «за». У него своих сигарет никогда не было, и я, желая развеяться, угощала собеседника заранее предусмотрительно купленным «ядовитым зельем».

«Чего это она с Николаем Ивановичем откровенничает? Давит на жалость?» - удивилась я.

- Вот как-то идем мы в его лабораторию, а тут шеф меня останавливает. Я сигарету из своей ладони в ладонь Петру переложила, и стою, беседую с начальником. Заметила, конечно, как он стрельнул в нашу сторону глазами, засекая передачу чего-то из рук в руки, но значения этому факту не придала.

После разговора зашла к заму за отчетом, выхожу, а шеф уже стоит у дверей Петра. Никак себя не проявил, не подал вида, что заметил меня, вроде бы график работы внимательно изучает. Я без задней мысли мимо него юркнула в лабораторию к Петру. Посидели, пожаловались друг другу на жизнь, и я побежала к себе. Смотрю, а шеф как стоял у двери, так и стоит, только теперь разговаривает с дипломником. Я удивилась: с чего это он околачивается возле чужой лаборатории? А он, похоже, еще больше. Как потом выяснилось, посчитал, что слишком быстро я вышла от мужчины. И по лицу моему ничего не смог прочесть. Оно было спокойным, даже безразличным.

А на другой день знакомый лаборант отвел меня в сторонку и говорит: «Я очень уважаю вас, но в кругу мужчин Петр хвалится связью с вами. Вот и вчера сказал вашему шефу, что «моя ко мне придет, не мешайте». А я знаю, что вы с ним только беседуете. И кофе с коньяком не ходите к нему пить в общежитие, как другие девчонки».

Я чуть не застонала от досады. Мне и в голову не приходило, чем могут закончиться минуты невинного общения. Меня затрясло. Когда, в какую злую минуту пришла ему в голову мысль обгадить меня, запятнать бесчестьем? За что? Как мне вернуть утраченную репутацию и усмирить задетую гордость? До глубины души обидели меня слова лжи. «Ну, – думаю, – покажу гаду, как плести против меня интриги! Он никогда не предполагал, что одураченные им люди точно так же могут поступить и с ним?.. Пользуется тем, что порядочных людей больше. Понимает, что не смогу, как он...», – кипела я и тут же бессильно сникала.

И вдруг страшно явственно представила себе все увеличивающиеся, волнами расходящиеся по цеху сплетни. И так потемнело в глазах, будто надо мной обрушилось небо... Вы же знаете, как это обычно бывает: при каждом пересказе слух постепенно обрастает все новыми дикими лживо-фантастическими подробностями. Еще Геббельс утверждал что-то вроде того: «Для того чтобы быть убедительной, ложь должна быть чудовищной».

Стала анализировать свое поведение. Дошло, зачем шеф стоял у двери – время посещения засекал! Поняла, почему Петр пытался меня задержать у себя в лаборатории, упрашивая посмотреть работу новой экспериментальной установки. Скомпрометировать хотел. Хорошо, что я торопилась закончить расчет и не могла позволить себе расслаживаться в чужой лаборатории.

Сигарета, перешедшая из рук в руки, явилась для шефа поводом поверить в сплетни. Она была той самой крупинкой истины, которая подтверждала горы лжи. Ведь вранье, приправленное капелькой правды, всегда звучит гораздо убедительнее. Петр все рассчитал правильно, полагая, что шеф знает обо мне достаточно много, чтобы поверить в рассказы, и одновременно очень мало, чтобы поймать Петра на лжи. Но тут Петр просчитался, не учел мое рвение в работе, и тем самым ничего не смог доказать шефу. С тех пор разговариваю с мужчинами только прилюдно, вот как сегодня... Собственно, чего обижаться? Сама виновата.

Лена, исповедуясь перед Николаем Ивановичем, совсем было забыла об Иване, но он напомнил о себе.

– Дыма без огня не бывает. Ах, какие шекспировские страсти, какой сюжет! – со злорадным удовлетворением фыркнул он.

Лена с надменным выражением лица повернулась к Ивану спиной.

– Такое поведение неосмотрительно с вашей стороны. Надо всегда действовать с оглядкой. Не детсад, где вокруг вышколенные детишки. В среде скверной людской невоздержанности трудно оставаться безвинным. В вас должна обнажаться твердокаменная порода, тогда, может быть, побоятся трогать, – начал Николай Иванович привычным назидательным тоном, в который он, наверное, неизменно впадал во время своих разговоров с детьми и внуками. Сходство с добродушным человеком в нем будто стаяло. – И все же расслабьтесь. Не берите на себя то, что приписывают вам. Не переживайте, вы не первая и не последняя, споткнувшаяся о сплетни. С таким же успехом это могло случиться с любой даже замужней женщиной. Вы еще легко отделались. Отвергнутые мужчины часто не только словами негодующе презрительно мстят красивым женщинам. Бывает много хуже... Занесите этот постулат в анналы своей памяти. Вне всякого сомнения – скромность является одним из ваших главных

достоинств. И в работе, я слышал, если уж беретесь за что-то, то доводите до конца и делаете все на совесть, – искренне, с уважением закончил Николай Иванович.

– С течением времени эта история, я полагаю – и это неизбежно, – подвергалась некоторым коррективам, но не забылась в коллективе. Я часто слышу за спиной гаденькие ехидные шепотки. Не удивлюсь, если еще кого-нибудь мне навесят и пристегнут эти искусные мастера наветов. Дорого начать... Мы побеждаем мощных внешних врагов государства, но справиться с мелкой гадкой подлостью в отдельно взятом человеке не удается...

А ведь в работе Петр человек увлеченный, потому-то и не ожидала я от него пакости. Он мне как-то на бегу выразил неудовольствие: «Почему «не дружишь» со мной? Какая теперь разница, все равно о тебе говорят». Думал, если оговорил меня, так уломает? А ведь он, как никто другой из наших девичьих разговоров, знал о моей порядочности. Бил по самому больному...

Долго еще при любом удобном случае он упорно и хитро, при свидетелях, продолжал демонстрировать свое отношение ко мне, разыгрывать влюбленного, намекать на наши будто бы ссоры, когда я резко реагировала на его приближение ко мне. Решил всерьез и надолго опорочить мое имя. Не мог простить отказа. Так я всех отшиваю. Зачем он поддерживал мнение, будто я его пассия, хотя имел постоянную любовницу? Это льстило его самолюбию? Вот так и создаются «биографии»... Этот случай привил мне стойкий иммунитет от мужского прилипчивого внимания... Бесперебойная череда неприятностей первого года работы до сих пор стоит перед глазами. Этот период жизни я отношу к самому тяжелому, унижительному.

И с первым начальником-мужчиной мне не повезло. У нас с ним сразу наметилась несовместимость.

– А я слышал, как он отзывался о вас с необычайной похвалой.

– Может, в тот момент он хотел свалить на меня подготовку квартального отчета. Без выгоды он не произносил доброго слова. Клинья ко мне подбивал... Ну, это уж вовсе бабьи разговоры... Я страшно обижалась, потому что не давала повода делать мне гадкие предложения.

«Ну, Ленка дает! кто же с мужчинами мужчин обсуждает!» – негодую я.

– Ты давала повод уже тем, что стремилась делать карьеру. Не мог же он упустить случая «взять свое»? Он знал, сколько сил ты прикладываешь для достижения своей цели, вот и решил сделать вид, что хочет «помочь», полагая, что не откажешься запрыгнуть к нему в постель хотя бы ради того, чтобы твои усилия в науке не пропали даром. А ты отказала ему, и тем самым нажила себе врага. Он, очевидно, воспринял твой отказ как оскорбление своего мужского достоинства. Ты пренебрегла им, унизила, – с усмешкой разъяснил Иван.

– А он не унизил меня скабрзным предложением?

– Что для женщин пошло, то для некоторых мужчин предмет гордости. Поэтому и нет между полами взаимопонимания, – сказал Иван.

– Представил бы на моем месте свою жену, так, наверное, сразу бы понял.

– А зачем ему надо тебя понимать? Ему, дай бог, в себе разобраться.

– Значит, ты считаешь, что в данной ситуации я была в безвыходном положении? Мне оставалась конфронтация и неприятности, связанные с ней?

– С твоим бывшим шефом – да. Или сидеть, не высывая носа, и помалкивать в тряпочку. Повезло тебе, что «ушли» его.

– Я, кстати, проследила его дальнейшую судьбу – мать пристроила на только что отстроенный завод. Работает начальником цеха, командует «полком» женщин. Отдавать приказы, спущенные «сверху», у него хорошо получается. Науку от него не требуют. И в настоящее время я придерживаюсь о нем другого мнения. Каждому свое. Он нашел свое место под солнцем... Да ладно, чего уж там, проехали. Теперь мне много проще: у руля

стоит женщина. Колесо фортуны повернулось в мою сторону.

Мужчины в моем «кружке» шумно заспорили, и я потеряла нить разговора подруги.

- ...Своей ложью Петр далеко ушел за пределы допустимого флирта. Знаете, даже при самом буйном воображении я не могу себе представить его рядом с вами, - рассмеялся Николай Иванович и заверил: - Не переживайте. Умные поймут и не осудят, а на дураков надо плевать.

- Мужчины таращатся, взглядами унижают - это у них вне возрастных категорий - и к этому нельзя адаптироваться, - с обидой проговорила Лена.

- ...Неужели ни разу не встретили достойного? - деликатно удивился Николай Иванович.

- Опасный вы человек! Мастер выпытывать секреты? - рассмеялась Лена. А сама привычно подумала: «Что кроется за этой попыткой выведать мои мысли? Неприязнь, враждебность, обычное любопытство, неужели желание помочь?»

- Вы находите, что я слишком...

Николай Иванович сделал паузу.

- Слишком прямолинеен? - спокойным обезоруживающим тоном закончил он.

- А вы сами-то любили? - неожиданно перевела Лена разговор на самого Николая Ивановича, в полглаза наблюдая за его реакцией.

Иван выпал из их общения, но почему-то вообразил, что спросили именно его, и ответил неожиданно резко:

- Много, жестоко, бессмысленно, зло, упрямо и распутно. Люблю гибельно сладкое. Сердце мужчины - бездонная пропасть.

- Или лохань для помоев - не утерпела съязвить Лена в ответ на его неожиданное откровенное «явление народу».

- Не женюсь из гуманных соображений: не хочу делать жену несчастной. Я по-своему порядочный человек. Каждой женщине я сразу раскрываю карты: я вот такой. Хочешь - принимай, а можешь сразу развернуться и уйти. Не держу. Мои отношения - сплошная импровизация.

- У тебя женщины, может, и разные, да ты со всеми одинаков. Думаешь, твое имя овеяно ореолом легенд и мифов?

- С моим желанием бурной жизни и разнообразия никакая женщина не может быть надолго. Я еще ни разу не отступил от своего незыблемого принципа. Свято ему следую. Напролом иду. Не выношу вязкой привязанности, когда все будто по обязанности...

«Может, они тебя не выносят? Ну и хвастун! Ну и заливает!» - поразила Лена.

- Только однажды так случилось, что мне представилась возможность влюбиться до беспамятства... Была в юности девочка, совершенно незаметная, обыкновенная. Впервые проложила дорогу к моему сердцу, доставила много мучительно-счастливых минут. До сих пор с ней немой разговор продолжаю... От деревни веяло древностью, плотина отливала серебром. Мы сидели на одеяле из горящих кленовых листьев, невнятно бубнили струи воды, пугливо-радостно пощипывало сердце, упругий ветер теребил пряди ее волос. Я обнажил душу перед ней, а она рассмеялась... Это к нынешней жизни не имеет никакого отношения...

В его словах Лена услышала столько недоговоренного, щемяще-грустного.

Иван внезапно умолк, словно только что почуял подвох в вопросе Лены. Весь его глубокий душевный накал как рукой сняло.

Лена и Николай Иванович переглянулись: о ком он? Столь неожиданно откровенные слова застали Лену врасплох. Взгляд ее выражал открытое недоверие. И Николай Иванович пожал плечами, словно был не меньше ее поражен словами Ивана. Никто до

этого за бесшабашностью и цинизмом не угадывал горьких тайных мук сердца Ивана.

«Да он поэт!.. Он поступил так, пусть даже опрометчиво, чтобы лишний раз продемонстрировать свое «я»? Это глупая бравада истеричного мужчины или он случайно, под каким-то толчком впечатлений обнажил душу? Это горькая, очевидная правда? Ранимый, а строит из себя Дон Жуана. И это при его-то внешних данных? Не то амплуа выбрал», – усмехнувшись, предположила Лена.

У нее не было желания посмеяться над ним, не было стремления раздавить жалкой мелочной местью. И вслух она искренне удивилась:

– Так мы с тобой друзья по несчастью! Ты тоже жертва. А я-то терялась в догадках относительно твоего поведения. Так вот откуда море желчи. Но я не вполне уверена, что правильно поняла тебя.

«У него хрупкое, может быть, даже болезненное самолюбие и все его грубые слова, сальности – поза, игра. Возможно, он и сам себе в этом не признается». Лене стало немного жаль Ивана. Но простить его пошлости она не могла и не хотела. И презрение к нему не уменьшилось, наверное, потому, что до конца не поверила ему. «Не выношу слабаков», – только и подумала.

– Не беспокойся на мой счет... Не тебе об этом судить, не хочу вдаваться в подробности. Никто не знает, какие шрамы в моей душе оставила та девочка. Не собираюсь развивать эту тему... Твоя ирония неуместна, – нервно прошипел Иван, явно раздосадованный своей неожиданно излишней откровенностью.

«Да он пьян! – догадалась я. – И когда успел?.. Раз обжегшись, Иван не верит в искренность намерений и чувств женщин и от этого очень страдает. Уязвленное самолюбие превратило его в пошляка», – подумала я. Но жалости к нему не испытала. Обида за Лену перекрыла все возможные положительные к нему чувства.

– Я сочувствую тебе, а иронизирую только по отношению к себе, – успокоила Ивана Лена. – Женись, может, тогда тебя меньше будут занимать чьи-то воображаемые счастливые интимные отношения.

Реакция Ивана была совершенно неожиданной.

– Мы, мужчины, ленивые, поэтому ищем партнершу где-то совсем рядом. И у меня практика поиска женщин на расстоянии вытянутой руки. А если нам с тобой попробовать? Может, это встреча жаждущих сердец сплетет нити наших судеб? Не могу устоять против твоей женской неотразимости. Ты же дьявольская, гремучая смесь из чувственности, темперамента, нежности и обаяния, ты же стихийная анархическая натура. Не прячь ее... Без тебя мне небо с копейку. Дай надежду, цель в жизни, которая позволит мне собрать мозги, поможет достойно жить в нашем кривом, жестоком, несправедливом мире, в нашей черно-белой повседневности. Прошу, предоставь мне эту возможность. Что тебя удерживает? Только на высокие сентенции не надейся. Перегорел я. Не отказывай. Придавить к земле каблуком может каждый, – вдруг по-мальчишески азартно заговорил Иван, схватил Лену за локоть и с совершеннейшей наглостью многозначительно подмигнул.

Такой переход в настроении Ивана поразил Лену. Она раздраженно высвободила руку.

– Однобоко, примитивно мыслите, дорогой Иван Иванович.

– Уже и дорогой? – озадаченно вытаращил глаза Иван, боясь поверить в услышанное.

– Таким обращением я подчеркиваю свое ироничное отношение к субъекту. О душе забываете, любезный.

– О ней я стану вспоминать, когда тело перестанет откликаться на женские прелести.

– Есть такая категория слишком веселых людей, для которых все на свете – шутка. Ты из их числа? Не ожидала от тебя такого фокуса. Считала, что твои чувства ко мне – тайна за семью печатями. Нет, вы только посмотрите на него! Какую порцию дури выдал! Записной шут! На бреющем подлетел, фривольный танец исполнил! Слюни до полу вожжами распустил. Думаешь, из жалости голову потеряю, сразу сменю жесткий тон

разговора на интимный, – раздраженно заговорила Лена. – Быстро ты приравниваешься к изменчивой обстановке. Я возбуждаю желания, которых ты не стоишь. На всех вас, слабаков, доброты не напасешься. А может, мысленно уже празднуешь победу? Зря. Ты не представляешь для меня интереса. Ты исходишь из предположений, вероятность которых слишком мала. Ты – жертва своей собственной досадной ошибки принимать желаемое за действительное.

Попытаешься обольстить, а если не сможешь, оболжешь? Так вот, какова я, мигом ощутишь, как только пожелаешь погладить меня против шерсти. Быстро познаешь глубину и силу женского характера. Я могу легко остудить твой «юношеский» пыл. Надеюсь, со временем самоуверенности в тебе поубавится, – не желая превращать разговор в шутку, язвительно ответила Лена, в упор разглядывая его изжеванную рубашку и брюки, давно забывшие прикосновения утюга. – Попытался тут один... не первой молодости, пристроиться ко мне. В мужья напрашивался. Преподносил свои переспелые мечты. Клянчил, вымаливал мое внимание. Мол, у женщины должна быть боль за человека, желание согреть... Чуть не стошнило. Из-за кого закабалиться? И это, с позволения сказать, мужчина? Щеки да живот отрасли на пиве, а мозги усохли. Мое презрение к нему граничило с издевательством. Может, ему еще нос утереть и слюни подобрать? Решил хорошо пристроиться. Добренькую дурочку нашел. Размечтался! Больше не попадается мне на глаза...

Естественно, что осталась безразличной к его знакам внимания. Стойко отвергла предложение. Успешно пресекла все его поползновения. Я хочу быть такой, какая есть и не обязана приспособливаться, подлаживаться к окружающей низости в угоду пакостному мнению о незамужних женщинах. С бутылкой приходил!.. Нет, замужество для меня – закрытая тема. Достойных давно разобрали, а такие субчики и даром не нужны.

– Облажался мужик, – расхохотался Николай Иванович.

– Ты не вызываешь у мужчин желания защитить тебя. Возле тебя они не чувствуют себя сильными и уверенными. А для них это вопрос принципа. Вот они и стремятся найти в тебе изъяны. И меня хочешь лишить удовольствия беседовать с тобой? С наслаждением клюешь, зловредная девица. От меня не так-то просто отделаться. Не нарывайся на грубость. Ты вполне отчетливо обозначила общее направление своих мыслей... Не люблю, когда намекают, но меня это не касается. Хорошая кобыла, да мне не мила, – гадко закончил Иван.

Почувствовав решительный настрой Елены и получив от Николая Ивановича осторожный, но весьма ощутимый толчок под ребро, он зло и самолюбиво хихикнув, быстро удалился. Как кошка, беззвучно растаял в длинном цеховом коридоре. Видно, запас его нерастраченной энергии прогорел.

Лена обрадовалась: порядком надоел, тошнило от его присутствия.

– После такого обмена любезностями ему здесь делать нечего, – сказали они одновременно и расхохотались.

Николай Иванович уважительно сосредоточил все свое внимание на Лене.

– Страсти, не обузданные рассудком, могут привести к плохим, даже страшным последствиям, но не принимайте близко к сердцу слова Ивана. У него нет никакого разветвления в мыслях: все по прямой, в одном направлении и об одном. Неудачник, ниспровергатель всего доброго. Всяк по своему спасает свои интересы. Но в данном случае, удалившись, он поступил разумно. Наверное, решил приберечь свои «остроты» для более подходящего момента. Я боялся, что заартачится и придется принимать решительные меры.

«Иван ушел, можно о нем высказаться откровенно», – подумала я о Николае Ивановиче не очень положительно.

– И все же, возвратимся к нашей теме.

Судя по всему, мысль поговорить с Леной пришла ему не только что.

Николай Иванович прокашлялся.

- Не поверю, чтобы такая женщина, как вы, из соображений приличия разучилась чувствовать, сумела побороть свой природный темперамент и намеренно не позволяет себе радость любви. Это же неразумно. Живете в гордом одиночестве. Зачем избрали такой удел? Судя по всему, дело в каких-то не вполне понятных, а может быть, не правильно воспринимаемых моральных причинах. Жизнь человеку дана, чтобы познать любовь, иначе она будет окрашена в серый цвет. Без надежды на любовь жизнь теряет смысл. Я это утверждаю с высоты своего достаточно преклонного возраста и многоопытности. В чем радость жизни для вас?

«Почву зондирует. Уж не сватает ли он Лену своему несостоявшемуся сыну?.. Весь перерыв Ленка на бредни потратит, а когда же о деле заговорит?» - обеспокоилась я.

- Не надевайте на меня венок мученичества. Любовь и мелкие уступки человеческой природе - разные вещи. Я от любви не отказываюсь. Она всегда в моем сердце. И еще. Сынок - мое единственное счастье. Этот мой маленький мужчина не предаст, не обманет, не унижит. В нем я черпаю спокойствие и уверенность. Его воспитание считаю смыслом своей жизни. Знаете ли, заботы, хлопоты, суета... и мама, к великому моему прискорбию, часто болеет... В лесу боль с души спадает. Спорт отвлекает. Святая святых для меня библиотека. В уединении с книгами моя душа на месте. Еще музыка. Искусство занимает, да времени не хватает.

Я насквозь вижу многих своих «претендентов». Они слишком большое значение придают сексу, а значит, и собственной значимости. Заблуждаются. Женщине нужна настоящая любовь, а не отношения. Я не могу и не хочу быть счастливой на месяц, на год. Мне нужно душевное равновесие, слияние с любимым... а не собачьи радости.

- Не заблуждаетесь, признавая только платонические отношения? Все-таки вы еще так молоды. Существуют же, в конце концов, потребности... Вы недооцениваете себя.

- Отбить? Не способна. Подруга говорила, что «мужчина - довесок к ее жизни, к ее личности. Внутри меня целый мир, и он более интересен, чем то, что я вижу в мужчинах». Стать чьей-то любовницей? Это ниже моего достоинства. Я уважаю себя. К тому же я слишком рассудочна. Не гожусь в любовницы. На примере подруги делаю выводы. Вижу, как она страдает от приниженности, от жалости к самой себе.

Сначала, пока добивался, мужчина боготворил ее, на коленях перед ней стоял. С год их отношения не теряли яркости и свежести. Потом как с женой разговаривать стал: со злостью, с пренебрежением. Конечно, сначала была тайна, новизна редких встреч. Потом все приелось. И она уже будто обязана с ним встречаться, не может отказать, когда он звонит. Потом претензии начались. И ему она уже в тягость, но он привык к ней, как к вещи, которую выбросить жалко. Ревнует. Никого другого к ней не подпускает. Мое, не посягай! Ей поначалу это нравилось. Не жена, а все равно ревнует, значит, любит. Потом поняла, что у него срабатывает мелкособственнический инстинкт. Смешно и гадко все это. Годы летят, а что у нее впереди? Я видела, что ее любовь приносила ей боль и тревогу, давало о себе знать ощущением пустоты в душе. Она жадно и настойчиво требовало заполнения. И ребенка он не хотел.

А я только симпатизирую. Мое обожание не омрачается бытом, угрызением совести, что ворую чужое тепло. Я счастливее любовницы. Никакой зависимости! Нет ласки? А много ли ее видят жены?.. Хорошо еще, если любовник более или менее достойный попадет. А если грубый, требовательный, жестокий? Нет уж, увольте меня от такого «счастья». Я сознательно отбросила извечный, многовековой страх женщины перед потерей мужчины, и не жалею об этом. У каждого свои приоритеты в жизни.

- Аналогия, как известно, - вещь рискованная. У подруги - одно, у вас может быть другое. Смотрите, чтобы потом не почувствовали сожаления, раскаяния. Кстати, почему вы курите? - неожиданно оборвал Николай Иванович монолог Лены.

- Дома не курю. Общаясь с мужчинами по работе, незаметно для себя переняла их слабость. А началось с того, что иногда в курилке мужчины обсуждают не только женщин, но и рабочие проблемы. Мне кажется, под этим предлогом в основном они там собираются.

И добавила с усмешкой:

- С сигаретой я внешне вроде бы равной с ними чувствую себя, да и они меня в это время своим парнем считают. Собственно, я не затягиваюсь, видимость создаю. Настоящее курение считаю распушенностью. К тому же я обратила внимание на то, что курящие женщины смотрятся сиротливо. Они мне все, как одна, кажутся несчастливыми. И мужчин с «соской» в зубах я считаю или не очень умными, или слабовольными. Разве самостоятельный мужчина позволит сам себе губить здоровье? У одного знакомого спросила, почему он курит. Ответил: «Дурак». - «Лучше бы уж слабак, - возразила я. - Дурак с сильной волей опасен. В такую дурь может попереть, что с ума от него сойдешь». А он, похоже, обиделся. У него, видно, слово «слабак», как у большинства мужчин, ассоциируется не со слабой волей, а опять-таки с постелью... У кого что болит...

- Вы злитесь, когда вас ругают? - неожиданно, непонятно зачем поинтересовался Николай Иванович.

- Только в первый момент. Под влиянием эмоций. Потом задумываюсь и прихожу к выводу, что сама в чем-то виновата и нечего в других искать причины своих бед. Вгрызаюсь в тему, с головой окунаюсь в проблему и не вылезаю из нее, пока не решу.

«С чего это он тестирует Лену? Здесь явно просматривается личный интерес. К себе в лабораторию хочет переманить?.. Ну, если только с повышением», - рассуждала я.

- Надо не только свои, но и чужие ошибки замечать, иначе вас всегда будут использовать, понимая ваши особенности характера: трудолюбие, порядочность, самоедство, увлеченность.

- Знаю за собой такое. Еще в школе учитель пользовался моей добротой. Я его жалела, демонстрации опытов помогала готовить к урокам. Настрою, принесу в класс приборы, а он их не показывает ученикам. Позже, узнав, что я умею печатать, принес мне папку с какими-то списками. Тут уж я не выдержала: «Вы, может, мне предложите еще мемуары свои напечатать?» И перестала ему помогать. Я думала, он ценит мои знания, умения, а все оказалось гораздо проще и противнее: его собирались убрать из школы за некомпетентность, вот он и придумал меня использовать. Позже стала приглядываться к нему. Смотрю, скользкий, изворотливый... Дура была.

- И теперь вы пытаетесь уходить от подобных проблем?

- Это лучше удастся, чем решать их. Для решения необходимо глубокое знание человеческой души, а я темная в этих вопросах. Если начну действовать, только всполошу всех своей прямолинейностью, противопоставлю себя многим. Зачем мне это?

- Учитесь быть гибче.

- Учусь. Не всегда язык на цепочку удастся посадить. Вот, Василия Леонтьевича вчера обидела. Стоит картинно. Холеный, осанистый, эффектный. Упивается звуками собственного голоса. Хотела бы увидеть его дома! Наверняка, капризный, вредный, неуступчивый, жесткий. «Я, - говорит, - вчера выпил пива больше, чем нужно, но меньше, чем хотелось». А потом стал хвалиться, что второй месяц по вечерам ходит к другу конструировать «прибор сна». Сидят там, философствуют о том, как наладить сон его жене. Умников из себя строят. У Василия Леонтьевича две маленькие дочки - одной годик, другой - два. Он из дому сбегает будто бы с благими намерениями, а жена одна мается с детьми. У нее от переутомления нарушение сна. Вот я ему и врезала: «Вы бы лучше посидели после работы с дочками, а жена поспала бы, сон сам и наладится. Ей ваше душевное тепло, забота и реальная помощь нужна. Надо не допускать сбоев сна, а вы дождались, что теперь ей лечиться надо, но не послали ее в поликлинику, где уже есть методика лечения, иначе вам с детьми сидеть придется! Вы уходите от своих прямых обязанностей отца и мужа к другу, прикрываясь высокими фразами о желании помочь жене.

А этот друг сам сбегает от жены в гараж. И наплевать ему, что дома остается дочка, которая в четыре года еще не умеет говорить, отстаёт в развитии.

Он не хочет заниматься с ребенком, а супруге говорит, что сердце болит, нервы не выдерживают от жалости, когда смотрит на нее. А кто будет делать из девочки пусть

даже условно нормального человека, способного хотя бы обиходить себя? У матери, что, меньше сердце разрывается от безысходности? Все на жену свалил: и домашние заботы, и больного ребенка... Многие мужчины убеждены, что нам пострадать, как воды напиться. А кто женщин заставляет страдать? Вот то-то и оно. Да еще и вину за все возникающие проблемы на них спихивают. Мол, тащите, вы выносливее. А себе пить, курить да лодыря гонять оставляете?»

- Зачем же так примитивно и грубо? - удивился Николай Иванович. Судя по выражению лица, ему не нравилось то, что говорила Лена.

- Не права по форме, но права по сути. А как еще можно пробудить в этом пижоне совесть? В нашем отделе поговаривают, что он собирается разводиться. Жена его уже не устраивает!

- Уже развелся, - хмыкнул некстати подошедший Иван.

- Не удивил, - дернула плечами Лена.

- Хорошо с вами, Николай Иванович, власть можно поговорить на любые темы. Извините, перерыв заканчивается. Нас ждут великие дела, - грустно пошутила Лена.

- Прямо вот так? Ни больше, ни меньше! - рассмеялся Иван.

Лена уже не слышала его слов.

«Ключула» на сочувствие старичка и забыла поговорить о деле», - сердилась я. - ...А вообще-то Ленке не позавидуешь. Я вот тоже беременна, но статус замужней дамы - достаточно надежная защита от паскудного мужского внимания.

Мечта

«Был один». Именно этими словами когда-то начала Лена свой рассказ Кире о своей первой студенческой влюбленности. Тогда она была еще такая восторженная!

...Был один. Уехал... Он занимает совершенно особое место в моей жизни. Он – едва ли не самое лучшее, что ценю я в мужчинах. Живой, естественный, искренний. А какой душевной красоты человек! Все время разный, неузнаваемый, незаштампованный, с необъятной широтой интересов. Единственный в своем роде. Невысокий, мягкий, на первый взгляд беззащитный, с гривой непослушных русых волос, чем-то на Эйнштейна похож. Но, почему-то в его присутствии я чувствовала себя женщиной. Наверное, потому, что от него исходило облако обаяния и какой-то необычайный магнетизм. Я чувствовала в нем сильное мужское начало. Не в смысле физиологии, в другом предназначении мужчины: рыцарь, не склонный к импульсивным эмоциональным инициативам и решениям. Такой человек не может ни предать, ни подвести. Он из детдомовцев военных лет, может, поэтому надежный, как отчий дом. Ему, наверное, было неловко, что я ходила за ним как веревочкой привязанная. Но он был настолько внимателен к чувствам других, что никогда ни словом не обмолвился об этом, боясь меня обидеть.

А началось все с того, что выпало мне счастье случайно побывать на его лекции для третьекурсников. Торопясь на занятие, заскочила я не в свою аудиторию, а выскользнуть не посмела. (Бестолковая первокурсница!) Я слушала его и замирала, всем своим существом осознавая, что это одно из самых мощных воздействий, которые когда-либо привелось мне почувствовать в своей жизни. Первый раз нечто подобное я ощутила на месячных подготовительных курсах. Именно тогда я – пусть даже на самую малую толику – приблизилась к пониманию теории физики полупроводников. И теперь был непередаваемый восторг познания глубины явления, открывавшего истинную любовь к науке, к данному изучаемому предмету. Но тут еще примешивалось божественное обаяние личности лектора. Как и в случае любых сильных чувств, это мгновение первой с ним встречи было для меня бессловесным потрясением...

Я не испытываю мощного эротического наслаждения от вида мужского тела, я не схожу с ума от его красоты, мне оно нравится только чисто эстетически. Красавчики меня не притягивают. Ум мужчины действует на мои эрогенные зоны. Но не всякого, конечно. У меня, как, наверное, у всех, существует какая-то безотчетная избирательность. Этот удивительный человек затрагивал мою душу. Общаясь с ним, я поняла, что интеллект может связывать людей ничуть не меньше, чем плотская любовь. У него была мягкая, добрая, ни к чему не обязывающая манера дружить. Своим деликатным поведением он умел каким-то непонятным образом ставить неощутимую преграду даже возникновению, не то что проникновению в отношения эротических чувств.

Говорил он без нажима, с какой-то необъяснимо волнующей, невероятно странно притягивающей меня вибрацией голоса. Он – человек не напоказ. Скромный, переполненный внутри себя сокровенным, невообразимо прекрасным. Закрытый, на первый взгляд. И вдруг какая-то чистота, прозрачность, неожиданно проскальзывающая в его взгляде милая детскость, сражала меня, вызывая удивительное завораживающее впечатление.

Природа не поскупилась, наделяя его талантами. Она заложила в него и неисчерпаемые возможности юмора. В нем присутствовало веселое лукавство ума. Никому из моих знакомых не достичь роскошества его остроумия. Шутил мягко, деликатно, тонко и в то же время искрометно. Неподражаемые, оригинальные шутки «выдавал» спокойно, естественно, не заостряя своего превосходства. Об этом и речи не могло быть! Помню, успокаивая меня, как-то сказал, что юмор восполняет дефицит радости, которой нам так не хватает в жизни. Умел он и с предельной добротой, не обижаясь, обратиться в шутку любую чужую каверзу. И от всяческих неприятностей отгораживался юмором. А по уму, интеллекту и эрудиции был на порядок выше всех в своем окружении. Он явно был главным персонажем, игравшим определяющую роль во всем, что происходило в его присутствии (но без начальника). Первым был во всем, но специально не стремился привлекать интерес к своей личности. В науке шел своим путем, не вызывая ни малейшего протеста оппонентов. Напротив, они незамедлительно следовали его

выводам. Откуда знаю? Умудрялась проходить на их научные семинары и конференции.

А как увлеченно читал лекции! Он зажигался. Он расцветал. Его лицо начинало сиять одухотворенной страстью. Это было ни на что не похожее действо. Ему хотелось щедро отдавать свои знания, и делал он это с удовольствием, уводя студентов в глубины научных теорий. И когда его «заносило», я думаю, мало кто его понимал. Слишком высок был уровень его научных познаний. И в то же время, когда это было необходимо, умел просто, доходчиво говорить о самых сложных вещах.

Покоренная волнующими звуками его чистой литературно грамотной речи, я могла слушать его бесконечно долго. Ни одной жесткой, плоской интонации повседневности на протяжении всей лекции, только высокие материи, только высокая наука. Для меня это были минуты райского блаженства. И лишь звонок вырывал меня из объятий зачарованности. Наверное, в каждом человеке коренится подспудное стремление к совершенству и завершенности, только потолок у всех разный. Мы бессильны переосознать или переделать свое внутреннее существо, свое «я», мы можем только развивать его, корректировать, контролировать или загубить данное нам природой. Ему было дано сверх меры, и он с радостью делился с людьми своим даром.

На переменах мы часто вели с ним легкие, ни к чему не обязывающие беседы об искусстве, от которых, как мне тогда казалось, обоим было приятно. Конечно, в основном он говорил. Я задавала вопросы и поражалась его эрудиции. Наши беседы всегда будили во мне свежие мысли. Он понимал, что я ценю изящество его ума, что он интересен и близок (какое самомнение!) мне сплавом мудрости и романтизма. Эти непродолжительные встречи обнаруживали (в чем я по наивности не сомневалась) некоторое родство наших душ. Милый, предупредительный, искренний, он жил в согласии с самим собой, а я этому только училась. Спорил гуманно. При таком-то уме – и вселенская скромность! Кто-то хорошо сказал, что в каждом таланте живет частичка Бога. В нем она точно была.

Я никогда не отважилась подходить к нему сама, хотя всегда испытывала ни с чем несравнимое удовольствие видеть и слышать его. Я только позволяла себе смотреть на него издали или «случайно» попадаться ему на глаза, в надежде, что он остановит меня хотя бы приветствием. Хотелось видеть его еще и еще раз, бесконечное число раз! Его голос, коснувшись моей души, излечивал от боли, приносил в мою жизнь радость, делал ее счастливой. Он был украшением моей жизни, уже только своим присутствием в ней. Для меня он был, есть и всегда будет.

Он не становился примитивнее от того, что по причине болезни жены все бытовые проблемы семьи лежали на нем. Не хочу тебя разочаровывать (шучу!), но меня с ним связывало только платоническое обожание. У меня было к нему нежно-осторожное отношение. Он недостижимый, словно обитающий в параллельном мире. Моя влюбленность ни к чему не вела и не могла привести. С ним не пофамильярничаешь, по плечу не похлопаешь. При нем мысль о любви никогда не могла быть озвучена. Не тот это был человек. Вот такая у меня была с ним волнующая виртуальная близость. Может, это тебе покажется странным, но рядом с ним меня на самом деле не охватывало нервное, лихорадочное эротическое возбуждение. Я боготворила его, таяла в его присутствии, не поднимала на него глаз, но меня влекло к нему не как к мужчине, а как к интеллектуалу. И его руки никогда не тянулись ко мне. Высокие были отношения.

Он работал на другом факультете. Я увлекалась информатикой, посещала кружок, руководитель которого предоставлял мне доступ к вычислительной технике. Именно этому счастливому обстоятельству я обязана нашему более тесному знакомству, положившему начало дружбе, которая была предметом моей гордости и зависти подруг.

Потом он получил выгодное предложение и с семьей переехал в другой город. Его голос при прощании прозвучал неожиданно хрипло, выдавая его внутреннее волнение, и я страшно боялась, что мне не хватит мужества не расплакаться... Еще задолго до того, как он должен был уехать, я почувствовала, что нам предстоит разлука. Он покинул город, а я три дня в столбняке просидела. Не ходила на занятия. И это на первом курсе!

В школьные годы я влюблялась, но как-то иначе, по-детски, что ли... Я понимала, что никогда не смогу признаться ему в своем обожании, но это не причиняло мне боли. Ведь даже безответные чувства приносят радость. Обожать его – было уже достаточным счастьем. Я ощущала его положительное отношение, и оно было для меня верхом

блаженства, верхом моих желаний. Я никогда бы не посмела обременить его существование малейшим, неосторожным намеком о своих чувствах. Душа моя устремлялась ввысь, высокопарно пела, опьяненная сильным и чистым желанием очередной встречи. Я боялась своим признанием нарушить божественный контакт наших душ и тем упростить или уничтожить наши отношения. Я знала, что никогда не открою ему свою тайну. И не смогу позволить себе решиться дотронуться хотя бы до рукава его пиджака... потому что он такой... такой особенный, он – талант высокой пробы. Он – космическое явление. Если бывает в человеке звезда, то она внутри него. И звезда эта необыкновенной яркости. Никто из знакомых мне мужчин не дотягивал до той планки, которую он для себя поставил. Где он, сияющий образ человеческого совершенства? Где этот идеал? Увидьте его... Не хотят...

Удивительный, потрясающий человек! Его незащищенность трогала меня до слез. В нем я видела себя. Наделенный нежным складом души и повышенной чувствительностью, он умел заглядывать в глубины человеческого сознания, обладал уникальным ощущением и пониманием внутреннего мира, очень точно улавливал эстетику души. Мог поддержать, вдохнуть надежду, остеречь. Он укреплял во мне приятную уверенность в моих способностях. С величайшей готовностью многим подставлял свое плечо. Умел блюсти не только свои, но и чужие интересы. Чуждый всякой зависти, он преподносил людям только добро. Ни крупинки зла не обронил. И при многих своих сложных жизненных проблемах даже и намека не делал на собственный душевный дискомфорт. Легким был для окружающих его людей человек.

– Общаясь с ним, сама лучше становишься, правда? – сказала я избитую фразу, видно устав от излишней Лениной эмоциональности.

– Он знал жизнь, у него была прочная земная основа. Может, поэтому, он не видел смысла в борьбе с начальником, который душил его талант. Чувствительные люди редко бывают победителями, если только судьба сама не позаботится о них. На каждый талант всегда находится агрессивная бездарь, а то и не одна. Не так уж часто случается людям найти дело по душе. Жаль бывает, когда отыскавшим свою дорогу перекрывают кислород и выставляют себя на первый план люди с мелкими завистливыми душонками и наглыми загребущими руками.

Он был слишком талантлив, слишком блестящ, вот шеф и давил его, не давал развивать карьеру. Прибавь сюда и его душевную щедрость, которая начисто отсутствовала у шефа. Таланты неудобны для слабых в науке начальников, облеченных властью, вот они и выдавливают их беспардонной наглостью или нещадно эксплуатируют, пользуясь их незащищенностью, интеллигентностью, неумением отказать. Таланты ненавистны таким начальникам из-за необходимости замечать их в других. Потому-то они и «задвигают» их, принижают, не пускают. Сначала душат самих ученых, потом гадко поносят их труды или используют их под своим именем, или, что еще хуже, предают забвению, замалчивают». Обо всем этом со мной поделилась наш милый руководитель кружка Анна Ивановна Залеская. Видно, захотела просветить, заметив мою патологическую наивность. А может, свою собственную горечь изливала.

Его шефу, наверное, казалось, что он создан Богом в назидание окружающим и, в первую очередь, для их унижения. Чужие таланты ранили его самолюбие. А я, глупая, считала: тянись, становись вровень с лучшими, тогда и не придется комплексовать. Вот я понимаю, что мне не подняться до него, и не переживаю. Боготворю, и все. Таланты часто ненавидят. (Как и мою идиотскую честность и прямолинейность, из-за которых мне крепко достается.) Наверное, еще и поэтому он был бесконечно скромн. Чтобы не возбуждать зависти. Ведь завистники, если их много и они вместе, часто бывают сильнее таланта. Им надо, чтобы именно их носили на руках, их осыпали наградами. А ему было достаточно того, чтобы давали спокойно работать. Хочется верить, что на новом месте он не встретит подобного гада. Люди не во всем и не везде одинаковы. У меня есть с кем сравнивать. Вот у меня на родине они явно добрее, а в краю, где моя подруга детства Татьяна обосновалась, они еще проще и отзывчивее. А здешние часто на добро злом отвечают и, соответственно, от других только плохое ожидают...

Знаешь, он всегда выказывал спокойную готовность помочь любому студенту и умел дать почувствовать это без навязчивости. С выражением безграничного доверия внушал приятную уверенность в том, что не подведет. Я очень нуждаюсь в нем, и поэтому не могу сказать, что «ничего в прошедшем мне не жаль». Моя любовь к нему – высокая

степень обожания. И она на всю жизнь. Такие вот дела... Потом появился Андрей...

Аспирантура

А Инна, отвлекшись на короткое время на Аню, опять погрузилась в воспоминания о Лене. Та рассказывала:

- ...Три года яростно «грызла гранит наук», работала на износ. Училась, ничего не замечая вокруг, в буквальном смысле отключалась от внешнего мира. Учеба и сын – вот и все мои интересы. То был бесконечно долгий марафон без передышки, без денег. Кантовалась в аспирантском общежитии на одной койке с Антошкой – он со мной «зайцем» проживал, пока я училась на дневном отделении. Сынок был тихим и послушным, будто понимал, ради чего мы терпим лишения. Любая помощь пришлась бы мне тогда кстати, но откуда ее было взять? Мама из-за болезни уже не могла мне помочь. Она и сама тогда уже требовала заботливого внимания. Провожая меня в Москву, она говорила, что замахнулась я на большое дело, а потому ждет меня бездна трудностей, которые я, имея высокую цель, должна вынести. С материнской проницательностью она предвидела многие из ожидавших меня бед, но верила, что я преодолею все препятствия, которые встретятся на моем пути, пройду хоть между Сцилой и Харибдой и добьюсь успеха. (То была надежда счастливого неведением провинциала.)

Люди говорят, будто тот, кто в детстве ощущал любовь и ласку близких, легче переносит тяготы жизни, потому что знает – есть на свете добро, есть счастье. Может, это и правда. А меня любимая шутка деда поддерживала: «Трудно жить только первые восемьдесят лет». Не было его рядом в эти сложные во всех отношениях годы, но он был в моем сердце...

Годы учебы в аспирантуре (как и в студенчестве) меня преследовала одна неустраняемая проблема – нехватка денег. Голод был моим постоянным спутником. Не всегда удавалось свести концы с концами. Подрабатывала: «пахала» в НИИ, школьников и студентов «натаскивала», держа сынишку на коленях. Возвращалась в общежитие, выжатая как лимон. А после ужина вновь садилась за книги и конспекты. Девушки, с которыми я жила в комнате, сочувствовали мне и шутили: «Не сдвинешься по фазе?». Все мои усилия были направлены на то, чтобы «выплыть». Единственную роскошь, которую я позволяла себе в любых условиях, даже когда в тумбочке оставался только хлеб и молоко, – были книги. Чтением утоляла жажду знаний и тоску молодости...

Помнится, научная тема моя в программах многих конференций института заявлялась как перспективная, инновационная, но пробить ее на практике никак не удавалось. План эксперимента на кафедре встречали холодно. Руководитель вообще не верил в мой успех и откладывал испытания в долгий ящик как безнадежные и только руками разводил. А постоянная фраза: «Вы же не допускаете, что я умышленно затягиваю», – могла вывести из терпения кого угодно. Первое время я была спокойна, зная, что шансы на успех у меня появятся, как только мне удастся провести удачный эксперимент. Когда я приносила математические выкладки и компьютерные распечатки, руководитель высокомерно соглашался с моими доводами, а сам ни мур-мур, как выражались в подобных случаях мои подопечные студенты.

До меня доходили слухи, что мой научный руководитель пользуется репутацией не слишком щепетильного человека. Но я не верила – мало ли чего наговорят обиженные или неудачники – и все же старалась намекнуть ему, что хитрить со мной – дело неблагодарное, что не поддамся я на его уловки, что полезнее для него и науки наладить со мной контакт и оказывать помощь. Наивная! Он только ухмылялся. В спорах с ним я попадала в логический капкан его заумных, витиеватых речей – он ловко уводил меня в нужном только ему направлении – и тогда наши беседы превращались, к удовольствию руководителя, в его сплошной монолог, и лицо ученого освещала торжествующая усмешка. Он умело и решительно отметал в сторону все мои рассуждения.

До чего же молодость ранима и беззащитна! Я впадала в депрессию. Мне хотелось кричать: «Гори оно всё синим пламенем!» И все-таки у меня оставалось стойкое ощущение, что моя работа достойна того, чтобы ее заметили, что мои идеи имеют право на существование и что я не меньше, чем кто-либо другой, достойна поддержки. По молодости или из ложной скромности я сильно комплексовала и, наверное,

недостаточно настойчиво оспаривала мнение руководителя, мне не хватало решительности. Я по-доброму завидовала легкости, с которой общались мои знакомые аспиранты-москвичи со своими руководителями, удивлялась их умению свободно вращаться в кругах разного уровня, чувствовать себя в любых ситуациях как рыба в воде. У них это получалось замечательно! К сожалению, я не могла сказать того же о себе. Я зачастую выглядела примитивной, «деревней». Мне не хватало их манеры равнодушно говорить о делах, которые особенно волнуют, изображать чувства, не имеющие ничего общего с теми, что в действительности охватывают в тот момент, и поступать так всякий раз, когда жизнь делала ставку на выявление истинного положения вещей. Это умение сослужило бы мне немалую службу.

В общем, я запаниковала. Меня точила мысль о том, что меня дурачат, водят за нос, что, уклончиво обещая, руководитель на самом деле желает избавиться от меня. Делает вид, что прислушивается ко мне, а сам лишь удовлетворяет свою научную любознательность с пользой лишь для себя. Что-то фальшивое мерещилось мне во всем его облике. Кружит вокруг моей темы, а вплотную заняться не решаете или не хочет. Да, укусный был старичок, себе на уме. Хитроумное поведение шефа ни для кого не было тайной, но все молчали, мол, мало ли что бывает между руководителем и аспирантом – это не наше дело. Такой вот был мой наставник – бездушный, зажившийся на этом свете старикашка! Видишь, Инна, и я дошла до неуважительного отношения к пожилому человеку. Слышал бы это мой дед... Раньше я не сталкивалась ни с чем подобным. И моя семья тоже. Мы жили в другом мире: простом и достаточно честном. Чем выше были мои требования к себе, к своей жизни, тем глубже я погружаюсь в мир, где действуют другие законы. Волчь. Опять свои беды на все общество переносу? Это от усталости и безысходности.

– Еще в мифах Древней Греции проявлялось, как герои-мужчины совершали свои подвиги, используя женщин. А взять того же современного Джеймса Бонда. Он не чурается того же метода. Грудью стоит... за спинами женщин», – усмехнулась я.

Знаешь, Инна, наверное, всяк в свое время взрослеет и мудреет. Есть у меня хороший знакомый со знаменитой тогда у нас фамилией Раппопорт. Окончил с отличием географический факультет, и отправили его под Курск глину копать, где и закончились его романтические мечты. Впал он в транс... И вдруг недавно его в нашем НИИ встречаю! Прекрасный семьянин, успешный предприниматель, умница, большой души человек. Подобно ему, и я, идеалистка, наивная провинциалка, долго выросла.

Может, зря говорят: «Насколько в человеке сохраняется ребенок, настолько он личность». Не детскость, стержень надо в себе сохранять. А еще говорят: «Насколько точно человек придерживается своей линии жизни, настолько ближе он к идеалу, назначенному ему судьбой». Слова, слова... А если судьба обрекла человека быть вором, разве он обязан к ней прислушиваться? Судьба, если она дается свыше, всегда должна быть положительной. А уж следовать ей или портить ее – дело индивидуальное.

Лена усмехнулась:

– Не судьбы ломают нас и загоняют в тупик, а мы сами и еще люди, от которых мы зависим... Нередко обстоятельства бывают сильнее нас, они играют с нами злые шутки, и тогда мы обязаны кардинально менять свою жизнь. Не у всех это получается. И даже если удастся, то не всегда эта перемена оказывается к лучшему... Видно, существует насилие судьбы над человеком и человека над судьбой. Такая вот арифметика жизни. И все же умный человек просчитывает варианты и часто выигрывает... Куда меня занесло! В юные годы меня интересовало все лучшее, что сформировалось в человеке за тысячелетия его развития, а вот теперь, став старше, будучи многократно битой, я изучала худшее в нем. Детская простота пропала, но не очень скоро сформировалось реальное восприятие окружающего мира. Собственно, оно до сих пор постоянно корректируется сознательно и бессознательно...

Да, теперь-то я могу посмеяться над своими страхами, а тогда... тогда все опротивело, было до жути тошно. Я уже подумывала, не повременить ли, не отложить ли защиту диссертации до лучших времен или не сменить ли тему и руководителя. Я уже отчасти жалела, что была столь самоуверенна в своих мечтах. Могу тебя заверить, ощущения мои были не из приятных. Может, так и не выпустил бы меня шеф на защиту, попридержал бы...

Но неожиданно пришла помощь. Ты наверняка сказала бы: «Провидению было

угодно...». Профессор из Новосибирска заинтересовался нашими разработками. Тот самый, личным присутствием которого были отмечены все крупнейшие открытия в научной области, к которой относились мои скромные изыскания. Хотя широкой публике он больше известен тем, что увековечил свое имя учебником, в котором ему удалось в доступной форме изложить для школьников самые сложные моменты теоретической физики, те, что подчас не по зубам и студентам. Так вот, профессор сам приехал познакомиться с нашими наработками. Представляешь, вдруг ко мне проректор по науке, человек, облеченный значительными полномочиями, лично обращается: «Спешу порадовать, наш гость просит вас к себе». У нас обычно все вопросы решались «верхами» без участия «низов», на уровне изучения документации, а этот человек нарушил сложившуюся традицию.

Ученый был озабочен тем, что некоторые его новейшие изыскания зашли в тупик. Мы поговорили с глазу на глаз. Он предложил помощь, но ставил непременным условием свое соавторство в идеях. Потом сказал удивленно: «Вы так молоды. Даже не верится, что самостоятельно пришли к нетривиальным выводам. Как бы там ни было, но вам удалось подметить интересную закономерность и использовать ее, опередив тем самым наших западных коллег. Хотя чему удивляться, именно у молодых, имеющих свежий взгляд на вещи, чаще всего бывают интуитивные озарения. Я с высоты своего возраста и опыта уже не рискнул бы допустить возможность столь взаимоисключающих путей развития нашей проблемы. Меня радует перспектива нашего содружества». Умел ободрить этот в высшей степени интеллигентный человек!

Профессор точно и ясно формулировал свои мысли и цели. Отвечал на мои вопросы сдержанно, но не подчеркивал огромного статусного и научного интервала между нами. Несмотря на простоту общения, в нем чувствовалась порода старых, глубоко образованных ученых. Закончил он наш разговор настойчивой просьбой доверять ему безоговорочно и со своей стороны обещал максимум помощи, хотя разделял не все мои выводы. Утверждал, что всегда преодолевает преграды, а не обходит их стороной. Для того, чтобы он смог более или менее определенно ответить на все мои вопросы, просил дать ему срок неделю. Потом заявил, что наши общие фундаментальные исследования коренным образом изменят привычный взгляд на исследуемую проблему. Говоря «наши», он, конечно, льстил мне, хотел поддержать морально. Я-то со своей одной-единственной идейкой как с писаной торбой носилась, а у него масштабы!

Профессор покорила меня честностью, признанием своих ошибок, отсутствием рисовки. Я поверила ему и не смогла устоять перед соблазнительной возможностью выбраться из своего затруднительного положения. Я нашла в себе смелость, все поставила на карту и сделала рискованный шаг без колебаний. В дальнейшем я твердо опиралась на принятое нами соглашение. Когда появилась надежда, я вновь почувствовала себя счастливой, ощутила прилив сил. И как показало время, я не просчиталась.

Испытания прошли успешно. И кафедра, и мой руководитель от этого только выиграли. Наконец-то с моей диссертацией стало вытанцовываться что-то определенное, тогда-то увидела свет моя первая статья. Потом пошла их целая череда. Наша технологическая схема полностью себя оправдала. Результат превзошел все ожидания – оказался на порядок выше, чем у оппонента. Эти данные широко публиковались, внедрялись в производство. Рецензентом у меня был академик из Ленинграда. Член-корреспондент Академии наук! Вопреки грозным прогнозам шефа я успешно защитилась: ни одного черного шара не получила.

На защите завистники вытягивали шеи, артистично изображая несуществующий интерес к моей теме, кивали, играя роль придерживающихся со мной одного и того же мнения, хотя раньше на самом деле в их намерения входило совсем другое. Честолюбивые, не умеющие скрывать разъядающие их амбиции, не пришли, сослались на нездоровье. Отмечала я и натурально одобрительные взгляды своих коллег. То, что комиссия пришла к полному согласию, следует объяснить не только высоким уровнем диссертации, но и тем огромным впечатлением, которое произвел академик на всех членов ученого совета. Благодаря его имиджу, отпал целый ряд недомолвок, и вопросы задавались исключительно научные и очень важные. Не рискнули недруги напасть. Я была отомщена и наслаждалась чувством удовлетворения. Мы победили! Единственное, что вызывало во мне негодование, так это наличие не умолкших и после успешной защиты домыслов сплетников. Благо ученый был в возрасте. Каких только собак на меня не вешали! До сих пор это меня гложет. Конечно, в ладу и

согласии со всеми жить невозможно. Как ни старайся – не получится. Но должны же быть определенные рамки приличия в общении друг с другом.

«Наделали шуму в научном мире... На десятилетие определили развитие направления... Ваша диссертация послужила поводом для возведения вас в ранг основоположников новой теории... применительно к космическим исследованиям... научное направление включено в сферу национальных интересов». И все в том же духе. Таких высоких эпитетов я раньше никогда в своей жизни не слышала. Резонанс был потрясающий. Впечатление сногшибательное. Это были слова председателя. Я смущалась, а он говорил, что работа того стоила... Не ожидала, что так меня возвеличат. Я скромно помалкивала и думала в порыве радостного простодушия: «За меня говорят мои дела. Не бог весть какая победа, но все же. Не кричать же о своей удаче на каждом перекрестке. Если бы судьба не поставила на моем пути прекрасного профессора, состоялась бы моя карьера – это еще большой вопрос». И профессор тоже наслаждался триумфом, получая удовольствие от того, что большинство наших ученых взирали на него с профессиональным уважением, если не с восхищением.

Потом на кафедре говорили, что приятно поражены моей интуицией, знаниями, неуёмной напористостью, что теперь у них рассеялись все сомнения. Доказывали, будто не препятствовали мне, а просто считали, что решение не должно быть чересчур поспешным. К тому же мы, мол, были ограничены недостаточным уровнем развития нашей материальной базы... Как нескоро на нас снисходит прозрение! Говорят, женщине позволительно быть наивной. Ой ли! Хотя, конечно, если не делать карьеры, да при хорошем муже.

Я слушала эти нелепые оправдания, и в сердце моем находила пристанище затаенная досада на этих, в общем-то, неплохих людей. Прошла не одна неделя, прежде чем обида окончательно улеглась. «Польщена», – только и отвечала коллегам по аспирантуре на их комплименты. Не могла отказать себе в удовольствии гордым молчанием подчеркнуть свое достоинство, хотя в голове, честное слово, иногда плясали ехидные фразы. Но перед лицом победы прежние стычки казались чем-то мелким, недостойным внимания. Было бы преувеличением сказать, что, защитившись, я возомнила из себя невесть кого. Нет, конечно. Я просто поставила точку еще в одном трудном деле и поднялась на ступеньку выше. Передо мной открылись новые перспективы, не совсем радужные, но все же. Врать перед тобой не стану: почувствовала необыкновенное облегчение и яркую радость. Чувство было незнакомое, пьянящее. Не всякий год бывает отмечен таким приятным событием! Понемногу начинала ощущать себя совершенно иным человеком – уверенным. Знаешь, Инна, позже добрый десяток ученых заработал свои титулы, анализируя мою диссертацию. Это тоже приятно.

Правда, жуткая усталость все же приглушала радость. Каких усилий стоила мне аспирантура, история умалчивает. Тернист был мой путь, но желаемый результат достигнут, и это главное. Сама не понимаю, как только выдержки хватило! После всего этого я имела право демонстрировать изрядный оптимизм, не боясь, что он может быть дурно истолкован коллегами... А теперь вот с меня новый шеф за аспирантов спрашивает – эта моя постоянная нагрузка, и я надеюсь, что для них что-то значу, что играю в их судьбе не последнюю роль.

С получением квартиры у меня появилась возможность комфортно обставить свой быт и отдых. Теперь я все свое свободное время посвящаю сыну. Моя жизнь укладывается в простую формулу: сын – работа – одиночество души. Свобода не открыла передо мной наслаждения жизнью. Напротив, как это, оказывается, всегда случается у нас, у русских, возникали другие помехи, а с ними и новые проблемы. Я, как и прежде, кручусь, точно белка в колесе, с наибольшей пользой используя каждую минуту. Наверное, не умею жить иначе. Иногда вспоминаю мамины размышления: «Когда болезнь заставляла посмотреть смерти в лицо, мне хотелось наслаждаться жизнью, предаваться неизведанным страстям, которых я была лишена, наверстывать упущенное – начать, допустим, путешествовать. Но стоило опасности миновать, я снова возвращалась к прежней скудной жизни, к мелочным заботам. Основная тому причина – отсутствие денег, не позволяющее переложить на кого-то хотя бы временно бремя ежедневных забот. Или все-таки наша инертность и неумение отдыхать?» Что-то потянуло меня на лирику...

Моей подруге Ольге больше повезло с научным руководителем. Молодой и энергичный, он смело одобрял ее осторожные предположения, переплетал их со своими идеями и поднимал «на-гора». Защита у нее прошла быстро, без сучка и задоринки. В Москве осталась, замуж вышла. У каждого своя судьба. И предначертанность моей отчетливо проступала на каждом отрезке жизни...

- Значит, ты даже не пыталась возобновить отношения с Андреем? - Это я вернулась к более интересовавшему меня вопросу.

- Конечно, нет. В прошлое никогда не стоит возвращаться. Помнишь старуху Изергиль у Горького? Я с нею согласна. К тому же, как известно, счастья много не дается в одни руки. Я была чересчур счастливой четыре года студенческой любви - вот что дала мне судьба.

- На этом твое сходство с горьковской старухой закончилось. Она-то жила хоть и не по нашим понятиям, но на полную катушку - до самой старости влюблялась и любила, а ты упертая однолюбка.

- Не перебивай, а то брошу рассказывать, - деланно сердито остановила меня Лена и продолжила исповедь:

- После защиты распределили меня в университет на кафедру теории упругости материалов. Никогда не думала, что стану преподавателем. Еще в детстве, глядя на своих учителей, зареклась работать с детьми. Не вдохновлял меня опыт и некоторых моих педагогов.

Когда я появилась на месте своей новой работы, заведующий, опустив глаза долу, предложил мне временно поработать в НИИ, потому что мое место преподавателя занял «чей-то» племянник. Оскорбил он мое ярко выраженное чувство справедливости. Тогда-то я впервые натолкнулась на стойкое противостояние руководства. Помнится, сначала, почти ослепнув от бессильной ярости, охватившей меня, не могла произнести ни слова, будто погрузилась в омут отчаяния, потом до сознания дошло, что в разговоре перешла на крик. Не спасло и то, что моя путевка на надежное будущее была со штампом выдающегося профессора. К своему огорчению поняла, что если не смирюсь и перейду дорогу чьему-то там родственнику, все равно отомстят, найдут повод выгнать. Это нетрудно было предугадать, но мне еще хотелось верить в лучшее в людях. А во взгляде моего нового начальника без слов читалось: «Если вы не глупая, то...» И я больше не отстаивала свое желание занять законное место и отказалась защищать свои интересы, поспешно заняв отходную позицию. Только так я могла остановить, возможно, нескончаемый поток нападок, обвинений, подсиживаний, не способствующих творческой работе и корректным отношениям в коллективе. Кто бы осмелился утверждать, что я неправа! С полным основанием считаю - никто.

С тех пор взяла себе за правило слепо не нарываться на непорядочность или грубость руководителей. Думаешь, приучили, что последнее слово всегда остается за начальником? Нет. Мне дали понять, что с ними придется считаться. Но характер-то остался при мне, и я стала учиться обходить острые углы и искать новые тропинки к достижению цели. И позже, в НИИ, зная истинное положение дел, вопреки ожиданиям руководства, часто в чем-то не соглашалась, отвергала ни с чем не сообразные предложения, которые состояли преимущественно в желаниях начальников свалить на кого-то безденежную или «общественно полезную» работу, уволить неугодного. Не поддавалась на уговоры, спорила, чтобы сохранить свое лицо, но сама никогда не искала поводов для ссор.

По правде говоря, именно неудачи научили меня быть в высшей степени осторожной и в словах, и в делах, приучили просчитывать всевозможные ходы, поэтому, как правило, непредвиденного не случалось. Училась с первого взгляда схватывать оттенки настроения начальника, и это не раз выручало в трудные моменты жизни, позволяло мгновенно выработать правильную линию поведения в разговоре с вышестоящим лицом. И, тем не менее, много еще было в жизни разочарований, обид. Энергия и необъяснимое чутье выручали. Иногда думала: «Что со мной случилось? Ведь это уже не я. Плохо это или хорошо? Кто бы научил надежным, эффективным способам сохранять в неприкосновенности благоприличие, кто бы помог не растерять достоинство и чувство справедливости? Нет, всего надо добиваться самой...»

Достаточно скоро я получила в свое распоряжение группу инженеров и лаборантов. Как потом выяснилось, очень слабенькую. К тому же прежний руководитель не спешил сдавать своих полномочий. И первое время, давая мелкие указания, я ограничивалась лишь тем, что наблюдала за их неукоснительным исполнением. Но я не протестовала. Что-то подсказывало мне, что прежде чем принять на себя все полномочия полностью, я должна с трезвой и беспощадной головой проанализировать возможности своего характера и поведение.

Начала с самого простого: привыкала носить соответствующую статусу одежду и вырабатывала определенную манеру общения с подчиненными – то есть приучала вести себя как руководитель. Потом я должна была разобраться с каждым своим сотрудником, изучить поле его деятельности, способности, желание работать. Затем следовало освоить новую науку: обращать на себя внимание руководства. Стараться быть на виду, но делать это так, чтобы невозможно было догадаться, что все это происходит преднамеренно.

Для этого необходимо было научиться быть полезной руководству своими советами и рекомендациями, чтобы оно чувствовало в них потребность. Еще на пятом курсе, во время подготовки дипломной работы к защите, мой руководитель, Лилия Хабибуловна пыталась объяснить мне азы общения в коллективе. Это была неплохая школа зарабатывания настоящего, а не авантюрного авторитета как в группе, так и в отделе. Пригодилось мне и владение истинно женским искусством, заключающимся в том, чтобы из недостоверных посылок извлекать верную информацию и делать правильные выводы, то есть выделять истину из лжи, используя предположения или полуправду, опираясь на знание психологии и привычек подчиненных. Училась выбирать, с кем поддерживать дружеские отношения, с кем завязывать новые, важные знакомства, которые могут пригодиться в будущем, а кого игнорировать.

И всюду были свои «за» и «против». Не хотелось совершать ошибок, боялась наносить обиды. Первое время в жарких спорах никогда не называла виновных по именам, никого прямо не обвиняла, хотя понимала, что любой двурушник может не соответствующим способом истолковать мои слова, и я окажусь между двух огней или, как принято у нас выражаться, – между молотом и наковальней. И тогда последствия будут самыми непредсказуемыми. Я считала главным, чтобы слова критики были сказаны и услышаны, чтобы им суждено было стать достоянием гласности, и их приняли на вооружение. Трудно было строить взаимоотношения, но все равно шла по пути, от которого меня некоторые пытались отстранить.

Во взаимоотношениях в новом коллективе определенно держала курс на смягчение обстановки, старалась избегать таких ситуаций, об участии в которых потом могла бы горько пожалеть, пыталась расположить к себе сотрудников. Да и как могло быть иначе, если я всю жизнь хотела добрых отношений между людьми и стремилась к этому? Я достаточно настрадалась от острых клювов завистников, не прощавших мне моих способностей и трудолюбия, вонзавших свои злобные коготки в самые чувствительные места моей души. Я всячески старалась никоим образом не выставлять напоказ свои заслуги, потому что даже самый мелкий промах в моем обычном поведении обращал на себя внимание и вызывал подозрение и пересуды. Уж мне-то об этом, как никому другому, было известно! Я видела эти проявления как раз там, где, как меня уверяли, не должно быть подобного.

Но самой больной темой для меня всегда оставалось сохранение чувства собственного достоинства. И то, что постоянно приходилось решать эту проблему, причиняло мне даже больше беспокойства, чем денежный вопрос. Как и прежде, от мужчин я продолжала отделяться шутками; позже ироническую дистанцию взяла на вооружение в борьбе с их колкостями. (Ничего не поделаешь – издержки работы в мужском коллективе.) Хороша я была бы, если бы ничего не вынесла из опыта работы на заводе. В довершение всех бед не обходилось без открытых непристойных приставаний. Мужчины и тут исходили из своей первоначальной и основополагающей, примитивной предпосылки: опирались на существующее в народе расхожее мнение о матерях-одиночках.

Не скоро я научилась проявлять характер в этом вопросе. Нетрудно догадаться, что сначала пытаюсь найти удовлетворительное объяснение этим фактам, искала веские причины прежде всего в себе. В случае крайней необходимости прибегала к грубости. К тому времени я неплохо усвоила повадки разного типа мужчин. В своих действиях я не

всегда пыталась сойти за амазонку, хотя иногда вела себя воинственно, дерзко бросая вызов ничтожествам, чтобы сочли меня, по меньшей мере, опасной, заслуживающей если не уважения, то хотя бы стремления держаться от меня подальше. Многим приходилось принимать угрозы и брать на заметку мои предупреждения.

Некоторые жестоко мстили за отказ; в основном те, что выше чином. Люди несколько другие, чем на заводе, да суть их одна, как это ни горько признавать. Доля уверенности в существовании мужской порядочности во мне осталась, хотя часто приходилось глотать обиды, призывая на помощь всю свою волю и мудрость. И все же эти унижения не шли ни в какое сравнение с теми, которые я выносила в первый год работы. И все же... Такая вот она жестокая проза жизни.

Говорят, страдания обогащают. Может, так оно и есть, но поменьше бы их... Несмотря ни на что, жизнь продолжалась. Уверенность в своей правоте позволяла мне оставлять позади целые пласты неприятных моментов своей жизни, не испытывая при этом угрызения совести, разве только сожаления, что они были, потому что твердо знала – то прошлое уже завершено, выводы сделаны и надо идти вперед и смотреть в будущее. Эта жизненная позиция и ежедневная максимальная загруженность помогли мне не оставлять от невзгод слишком глубоких следов на сердце. Ведь у меня было нечто иное, самое важное, что постоянно держало в напряженном состоянии и в вечном беспокойстве, – мой сынок... Ладно, оставлю эти грустные факты в стороне, отмечу главное: все-таки добилась я своего!

Прошел год. Меня уже не прельщала перспектива просидеть всю жизнь в НИИ. Я предпочитала преподавание, но руководство вуза будто забыло о моем распределении на кафедру. И все-таки судьба иногда посылает нам кое-какие знаки, подсказки. Важно их не просмотреть, не упустить. На этот раз ей опять было угодно за все мои страдания преподнести мне подарок.

Так или иначе, в окружающей нас природе и в человеческом обществе все взаимосвязано и действует одновременно. Мы только пока не знаем, за какие нити должны дергать и какие высшие силы этим командуют. Я, конечно, приверженец материалистической теории, но кто знает, кто знает... Некоторые аспекты идеалистической концепции, как ни странно, с возрастом тоже стали вызывать у меня интерес и симпатию. А когда-то, на заре нашей туманной юности – помнишь нашу любимую присказку? – я была катастрофически категорична в этом вопросе.

Так вот, как-то заболел старый преподаватель с кафедры теоретической физики. Я прочитала вместо него пять лекций в присутствии руководства, а через месяц была принята на должность доцента. Но и тут приходилось доказывать свою осведомленность, состоятельность, потому что встретили меня преподаватели с мнительной настороженностью. Поэтому-то для страховки я и оставила себе в НИИ полставки... Как заступила на вахту много лет назад, так и тяну до сих пор обе нагрузки. Ничего, пока справляюсь.

Разными способами приходилось заботиться о подтверждении своего приоритета. Помнится, оснащение лабораторий кафедры было скудным, оформление кабинетов оставляло желать лучшего, так я, прежде всего, занялась детальным анализом финансовых возможностей вуза. Они были не очень большими, но все же удавалось выбить денег для кафедры, для студентов, и это придавало уверенности, твердости, даже авантюриности. На местных заводах «проталкивала» заказы на изготовление эксклюзивных установок, «доставала» в Москве новые приборы, укомплектовывала современным оборудованием и приборами старые изношенные установки, ставила для студентов современные лабораторные работы.

Мне нравилось добиваться того, что другим было не по силам. (А может, они просто не хотели себя обременять). Я руководствовалась стремлением поднять уровень кафедры и испытывала истинное удовольствие от сознания того, что это возможно лишь благодаря моему уму, старанию и осмотристельности, что именно я имею к этому самое непосредственное отношение. Хотя, конечно, я была не против поощрений: одно другому не мешает.

Обрушивали на меня тонны информации – я справлялась, каждый семестр разные

спекурсы поручали читать – успевала готовиться. Мне было комфортно там, где билась живая мысль и где находилось место ее применению. Вот так и укрепляла свое положение на кафедре. Преподаватели, как и артисты, очень зависимы от начальства. Не оправдаешь надежд или «возникнешь» не ко времени – через пять лет не переизберут, несмотря на то, чего ты стоишь как педагог и ученый, и тогда прощай вуз. Не у всякого руководителя достанет великодушия не отстранить от работы того, кто когда-то в чем-то выступил против него. А дальше произойдет обычное: будет сделано все, чтобы забыли о таком человеке, и о его пусть даже талантливых открытиях. И останется такому одна дорога – на завод. А там какое творчество? План, план... и, помимо всего прочего, за звание не приплачивают.

И все-таки диплом кандидата наук поднял меня на более высокий уровень общения, придал уверенности, к тому же спасал от мелкой травли, позволял расширять интеллектуальные горизонты и служить науке. И я теперь не упускала возможности выдвигать и отстаивать свою точку зрения на возникающие проблемы. Нашла-таки себе достойное занятие, не ошиблась, выбрав этот путь. Получилось точное попадание – в самое яблочко.

Позже, когда проявилось педагогическое чутье, окончательно убедилась: преподавание – это мое призвание, моя стезя.

«Мои успехи в сотом НИИ тоже значительны и мне не о чем жалеть, сравнивая себя с Еленой», – весело думала я, слушая подругу.

– А как же личная жизнь? – снова не утерпела я.

– Не очень скоро, но появились у меня райские кущи – двухкомнатная квартира, где ночи напролет пустая, холодная постель, лежа в которой, сканирую свою жизнь по годам, месяцам. Есть место, где постигать науку одиночества, рыдать в подушку, слушать голос безысходности и отверженности, мною же самой созданной, воскрешать в памяти прошлое, не обесцененное настоящим. Да, случаются в моей жизни редкие минуты, когда я нахожу утешение тщательно таимых чувств в мечтах. Они уводят меня в мир тонких, глубоких отношений, где Андрей все тот же любимый, единственный. И давнее прозрение по-прежнему терзает слишком гордое, одинокое, любящее сердце невыразимой болью и теперешней горькой мудростью. Тоскую, как может тосковать человек, заикленный на чем-нибудь одном, когда это одно-единственное отняла у него судьба. Такую тоску не заглушишь даже самыми большими научными успехами. Андрея мне не хватает. Гони не гони – стоит перед глазами. И тогда я всем сердцем там, в юности. Но эта история в моей жизни стоит особняком. Она – статья неприкасаемая...

Мама утверждала, что я натура слишком гордая, страстная, скрытная, что из-за своего характера я обедняю свою жизнь, не имея телесных удовольствий. А я при этих ее словах чувствовала себя тем ребенком, что беспомощно взирал на полную незащитность своей мамы в семье. Память об этом до сих пор жжет меня изнутри. Думаешь, слабая я, потому и не имею друга жизни? Не могу пересилить отвращение к нелюбимому человеку. Не уверена, что ощущения в таком случае будут достойной компенсацией униженному самолюбию. Я, как в детстве, очертила вокруг себя границу и поместила себя в стеклянный зеркальный шар.

Говорят, стыдно быть несчастливой. А я всю жизнь люблю Андрея, и это, наверное, тоже счастье. В юности мне казалось, что мы проросли друг в друга корнями за четыре года дружбы, думала, не надыхусь им за всю жизнь, да вот, не случилось... Не смогла бы я смириться с изменами. Всегда кто-нибудь любит сильнее, чем любят его. Я не могла поступить иначе, ведь все равно наступил бы тот миг, когда захотела бы отторгнуть того, кого любила, возненавидеть, чтобы он больше не мучил никогда, никогда... А я не хотела ненавидеть.

В жизни без унижений не обходится, но я не смогла бы быть ежедневно унижаемой самым дорогим мне человеком. Это благодарность быстро проходит и забывается, а страх потерять любимого – никогда. Как оказалось, мы с Андреем слишком по-разному воспринимали понятия «вкус жизни и ее ценность». Андрей – плод моей изысканной фантазии. В этом мире, оказываясь, нельзя слишком сильно любить. Такая любовь чревата жестокими разочарованиями... Андрей перевернул мою жизнь, но не сгубил. Я не из тех, кто умирает, словно надломленный росток. Я сильная и самодостаточная... Только до сих пор душа к нему рвется... Каждому хочется, чтобы кто-то, нежно любимый,

осторожно коснулся руки, тепло и сочувственно посмотрел в глаза, ласково обнял. Говорят, сердце мудрого всегда в доме печали... Мужчины обычно о своих печалях говорят с юмором или иронией, а у меня не получается... Кстати, Андрей тоже преуспел в своих амбициях, даже купался некоторое время в лучах славы, но за его победами стоят жена и мама. В моих глазах это их обесценивает.

Для души

Глядя из окна на одинокую фигуру девушки в глубине двора, терпеливо кого-то ожидающую, Кира припомнила откровения Лены.

...Когда я училась на первом курсе, на моем горизонте появился дальний родственник знаменитой артистки Быстрицкой. Бизон: жесткий, самоуверенный, самолюбивый. Странная с ним вышла у меня история. Он был поражен, шокирован моей юной чистотой и наивностью и не смог вести себя со мной нагло и развязно, как с женщинами своего круга. Я чувствовала, что у него в голове шевелятся непонятные мне мысли, видела, как, раздраемый внутренними противоречиями и пороками, он бесится, борется с собой, не понимая себя, раздражаясь. Он не хотел себя ломать, но не видел другого выхода завоевать девчонку, почему-то не «клюнувшую» ни на его обаяние и неординарную внешность героя, ни на завидную родословную, ни на уже уверенно выкристаллизовывающееся приличное положение в обществе. Он не понимал, чем меня зацепить и привлечь. Я была слишком «не такая». «Неужели моя скромность, мое простосердечие так глубоко тронули его, что пробудили в нем самые возвышенные чувства? – удивлялась я. – А почему я не чувствую себя на седьмом небе? Мне же приятна его растерянность, его несогласие с самим собой. Это должно льстить моему хрупкому самолюбию, а во мне говорит только любопытство. Что охраняет меня от вознесения на порочную высоту самолюбования?»

...Я видела, как он в немой ярости сжимал граненый столовский стакан с кофе, в обеденный перерыв подсаживаясь за мой столик, как наливались кровью его черные, мрачно пылающие глаза, как от напряжения деревенело его лицо. Я спокойно изредка бросала взгляды будто бы поверх его головы. Он тоже незаметно изучал меня, как непонятное реликтовое создание. А как-то, думаю, через полгода после нашего знакомства на кафедре ядерной физики, случилось непонятное. Сидел он в столовой странный, несколько обмякший и, казалось, что-то хотел мне сказать, но не решался. (Это он-то?! Это при его наглой презрительности ко всему человечеству!) Я продолжала сохранять выжидательное, внешне безразличное спокойствие. А его напряжение нарастало на моих глазах. Помню, он взглянул на меня каким-то растерянным, словно загнипнотизированным взглядом. Я тоже незаметно коснулась его своим, осторожным. Он взял в руку привычный стакан кофе, приблизил к губам... и вдруг уронил его на край стола, залив себе колени. Я даже не вздрогнула (нервы еще были молодые, крепкие) и как смотрела в сторону двери, так и продолжала удерживать свой взгляд на уровне лиц людей, входящих и выходящих из университетской столовой. Конечно, боковым зрением я видела, как вздрогнуло его лицо, как исказила его гримаса неловкости, как гневно сверкнули его глаза, когда он одним быстрым взглядом оценивал обстановку в зале (люди вокруг были воспитанные, тактичные). Уже в следующее мгновение его лицо забронзовело. Он несколькими неуверенными движениями отер салфеткой свои кожаные брюки (такие я увидела на рынке только лет двадцать спустя), на секунду задержал на мне взгляд и твердым, уверенным, но быстрым шагом покинул столовую. По его отяжелевшей походке я успела понять, что эта уверенность стоила ему огромных усилий. Больше я его никогда не видела. (Поговаривали, будто он неожиданно сорвался, бросил лабораторию, диссертацию и уехал). Но в памяти остался... не знаю даже чем... Это еще до Андрея было.

- А ты пыталась создать семью? – спросила я. – Делала попытки наладить личную жизнь или безмерная преданность Андрею категорично тормозила женские инстинкты?

- Конечно, пыталась. Искала, но не находила достойного неженатого. Случалось мимолетно или серьезно влюбляться, обожать. Душа жаждала тепла. Но чужого не хотела... Одного случая до сих пор стыжусь. Краской заливаюсь, вспоминая мужчину, так некстати появившегося на моем пути. В командировку к нам в институт его прислали как узкого специалиста. Утрясти надо было какие-то несоответствия в договоре.

Смотрю, у него оторвана пуговица у воротника на рубашке. Хотела предложить пришить, но моя подруга Лида опередила меня. Сама пришила, не снимая с него рубашки, и, не найдя у себя под рукой ножниц, стала перекусывать нитку зубами. Лидина щека касалась его шеи, а он из-за ее головы на меня таратил глаза. Пикантная сцена! Я

почувствовала ревнивое раздражение, торопливо взяла ножницы и осторожно срезала торчащую нитку. Он весь напрягся. Все тело его излучало пылкое мужское желание. Меня это не смутило. Мне понравилось. Я только подумала: «Лида так же чувствует его или она просто кокетничает по привычке красивой женщины привлекать внимание мужчин?»

Весь день прошел в нервном возбуждении, в быстрых взглядах, которые всегда совпадали, будто он только тем и занимался, что ловил их. Я все время чувствовала дрожь в кончиках пальцев, видела нервную жилку, трепещущую на его напряженной крепкой шее, и его грустные, зовущие глаза. Лида в обед рассказала, что он женат, имеет маленького сына. «Для кого рассказывает?» – думала я, внимательно вслушиваясь в каждое ее слово. Я нашла в себе силы не искать повода для встречи с женатым мужчиной. Есть же общепринятые нормы порядочности. Да и красавицей себя никогда не считала. Не верила, чтобы так сразу он мог в меня влюбиться. Шустрая, спортивная, внешне веселая, простая в общении и только. Таких много.

А вечером была свадьба у нашей лаборантки Любы. Я тоже была приглашена, но отказалась. Адрес запомнила машинально. Было уже девять часов вечера, когда ноги сами понесли меня к тому дому. Я знала, он обязательно там будет, но искала себе оправдания, мол, просто зайду на минуту отдать долг вежливости – поздравлю девушку, – хотя прекрасно понимала, что иду только для того, чтобы увидеть его. Что и злило. Громко звякнувшая входная дверь не отрезвила меня, и, как это ни смешно звучит, даже возбудила, внесла таинственную детективную нотку. Сердце колотилось немислимо громко, заглушая в голове противоречивые мысли, выдвигая на первый план одну: «Легкая влюбленность – это нормально. Она даже необходима при моем одиночестве».

По тому, что я встретила его в коридоре, нервно ходившим туда-сюда, с обжигающей радостью поняла: ждет. Это польстило самолюбию и придало уверенности. Не я, он ждет. Игра в прятки с самой собой продолжалась. Сошлись в конце полутемного коридора. В кратких возгласах выразили удивление от неожиданной встречи. Он судорожно сжал мои руки в своих больших, плотных, горячих, бурно и напористо зашептал яркие красивые слова. Мне было приятно их слышать. Они ласкали слух и сердце. Мелькнула грустная мысль: «Не любовь и даже не влюбленность, плоть говорит во мне. Тело соскучилось по ласке, природа требует свое». Его пальцы коснулись моих губ, заскользили по волосам, плечам. Он резко прижал меня к стене. И это решительное, напористое, неласковое движение вызвало во мне противодействие, я вырвалась. Он схватил мои руки, стал целовать их и вдруг снова, теперь уже нежнее, притянул к себе и коснулся моих губ. Я не оттолкнула. Во мне говорило любопытство. Он целовал страстно и продолжительно. Его поведение мне было интересно. Я прислушивалась к своим ощущениям и чувствовала, что завожусь все больше и больше. Колени слабели, ноги подкашивались. Я уже начинала бояться, что не выдержу, уступлю его ласкам, горячему, настойчивому шепоту, его сильному, молодому, упругому телу. Наши ломкие тени металась по стене...

«Что я делаю? – пронеслось в голове. – Истинная страсть не может уместиться в рамках приличия. Любовная страсть или физическое влечение?..» Разум во мне всегда преобладал над страстью. Контроль, контроль... Вдруг мысль о его семье смутила мой начинавший туманиться разум. Я пробормотала заплетающимся, будто пьяным языком: «Нельзя, у вас жена, сын». В тот момент я на самом деле воспринимала себя как серьезную угрозу его семье. И тут он быстро-быстро зашептал, что давно не любит жену, что она такая вот и такая... Его нелестные слова о матери своего ребенка отрезвили меня, как обухом по голове стукнули. Я неожиданно представила себя на месте его жены и мгновенно обрела способность здраво мыслить. И вот тут-то я окончательно убедилась, что не зарождающаяся влюбленность бросила меня в объятия женатого незнакомца, а нечто совсем иное, постыдное.

Бежала домой и думала: «Почему я чуть не сорвалась? Безнаказанность ощутила: чужой, из другого города, никто не узнает. Интуитивно почувствовала слабака, которого можно увести? Нет. От семьи, от ребенка – никогда!.. Все же физиология виновата». Успокоилась. «С нею-то можно бороться, она контролируема. Я не впустила его в свою жизнь, но хоть кратковременно, да впустила в свои мечты. А он не стоил того». Бабушка когда-то говорила: «Измена в мыслях, тоже измена». Строга была. На меня накатила волна раскаяния: глупость сделала.

Возвращалась по пустынному ночному городу, переполненная отрицательными эмоциями: недовольством собой, раздражением, презрением к себе и к нему, брезгливостью. Ломило в затылке, стискивало виски. Хотелось как можно скорее перевести случившееся в разряд прошлого. Чтобы унять монотонную, саднящую боль в сердце, попыталась отвлечься, вспоминая слова своих старших подруг о мужьях. «Многие мужчины лет до сорока-пятидесяти незрелые. Им надо, чтобы что-то их крепко стукнуло по голове, только тогда просыпаются от себялюбия». Правы ли подружки? Ой ли! «...И опять-таки они просыпаются из страха за себя. Забаловали, залюбили мы мужчин, вот и забывают они обо всех, кроме себя. Как капризные дети. Мы, матери, в первую очередь виноваты. А может, эмансипация отучила мужчин от ответственности? Привыкли на женщин надеяться. Видно всё вкупе». Зарылась лицом в подушку и сон увел меня в царство покоя, прихватив с собой мои грустные мысли. До сегодняшнего дня не вспоминала об этом неприятном случае...

А вскоре - видно я не могла жить без состояния влюбленности - на моем пути встретился еще один человек, достойный моего внимания - милый такой, молоденький, скромный. Но в работе, когда нужно, он мог быть сильным и требовательным. Почти десять лет я представляла его своим рыцарем, героем. Я вспоминала о нем и в минуты редких радостей, и в дни и недели трудностей. Он был ангелом-хранителем моей души, сторожем моей нравственности. Мне казалось, что его внимательные, ласковые глаза неотступно следили за мной, смягчали, тормозили отрицательные эмоции. Его постоянное присутствие в моем сердце не позволяло пробраться в него непорядочным, хитрым и коварным мужчинам. И такие встречались.

Эта влюбленность была мне необходима. Очень уж тоскливо иногда бывало одной, но заслон, выставленный его положительной личностью, был так крепок и надежен, что об него разбивались попытки недостойных занять мое сердце. А без сердца я не могла идти ни на какой контакт. Я шутила, получала комплименты, и этим всё заканчивалось. Ни одному мужчине больше не позволяла себя ни обнять, ни поцеловать. Гордилась своей стойкостью. Яркого презрения к мужчинам не испытывала, с пониманием относилась к их слабостям, к их попыткам завоевать меня, достаточно еще молодую, свободную, независимую, неглупую. Я знала, им было бы приятно получить внимание такой женщины, лишней раз почувствовать, что они еще что-то значат как мужчины.

Мы не виделись с ним после первой встречи девять лет, хотя в минуты жутчайшей тоски и одиночества, периодически нападавшей на меня по ночам, я несколько раз приезжала к зданию, где он работал, в надежде хоть издали увидеть его слегка сутулую, чуть подавшуюся вперед фигуру. Но случай не представлялся, (так было угодно судьбе), и я, разрядившись и уже недовольная своим «молодежным» поступком, отправлялась домой, коря себя за потерю времени, которое могла бы уделить сыну.

И вдруг случай снова свел нас. Он помог моему сыну, продемонстрировав себя великолепным специалистом. Я на радостях в душевной беседе поделилась с ним доброй о нем памятью на протяжении всех этих лет. Ему польстило мое откровение. Он стал иногда звонить мне. А как-то пришел ко мне на работу и начал жаловаться на трудности, на желание преклонить на чье-то доброе плечо усталую голову. А я, привыкшая по минутам рассчитывать каждый свой день, не могла найти время поговорить с ним и выслушивала его жалобы на бегу. И только извинялась то за одно, то за другое мое отвлечение на преподавателей и студентов. Он удивился моему напряженному ритму работы и стал доказывать, что так я долго не выдержу. А я слушала его, а сама думала: «У него хорошая семья. Он очень любит свою жену, которая, как он считает, подходит ему во всех смыслах. Она страшно ревнует его, стесняется своей полноты, которая его как раз-то и устраивает. Ему нравится ее уютность. Тогда зачем он звонит, зачем пришел, делает комплименты?».

И вдруг, в какой-то момент разговора, я поняла его корыстный интерес. «Почему взаимоотношения надо обязательно сводить к постели? Почему просто не попросил помочь? Я же с радостью...» Противно стало. Брезгливость у меня к подобного рода людям. Видела-перевидела таких...

Больше не лежала к нему моя душа. Романтичная сказка закончилась. Я одномоментно отрезала. И это не причинило мне боли, потому что я уже не была в него влюблена. Я решила - хотя возможно и не права, - что в принципе ради карьеры, ради своей семьи он не станет считаться со способами ее достижения. И вышестоящего начальника спойт, и

сможет уволить ему неугодного. Да мало ли чего еще сделает. И все оправдывает словами: «Такова жизнь, и не мне ее менять. Жизнь – это борьба». С кем борьба? С собой, со своей врожденной порядочностью? А ведь какой талантливый!.. И таким он остался в моей памяти. Только с некоторым осадком... И ничего тут уже не поделаешь...

Я тогда еще подумала: «Ленины влюбленности – это ее малые радости, дополнительные, тайные источники ее сил, ее оптимизма».

– Еще одно очень милое знакомство вспомнилось. Он из другого вуза нашего города. Мы встретились на научной конференции, а потом было несколько лет «встреч» на расстоянии: каждый вечер, возвращаясь с вечерних занятий, я видела его работающим на подоконнике при ночнике. Не ожидала я от закоренелого педанта способности влюбляться. Это было так искренне, так трогательно...

Порой задумываюсь: почему я часто влюблялась? Незаполненная душа тому виной? Так в ней всегда был Андрей. Тоска по теплу и нежности?.. Редко кому выпадает счастье отыскать в человеческом потоке свою истинную половину, вот и влечет искать в других людях то, чего недополучают в семье... Как иногда хотелось уткнуться лицом в сильные добрые мужские руки...

Еще был случай. В Казахстане я тогда проработала набегами в общей сложности почти целый год. Очутилась я в восточной столице не от чрезмерного тщеславия, не от желания познать чужую культуру (хотя и это не исключалось), серьезный договор у нас был с местным НИИ, и часто требовалось мое личное присутствие как его руководителя. Помимо всего прочего, спецкурс четверокурсникам в тамошнем политехническом институте успевала за это время блоками начитывать.

Помню, спешу на лекцию, а навстречу идет мужчина, черты лица которого заставили меня обратить на него внимание. Даже, пожалуй, не черты лица а, скорее всего, выражение угольно-черных глаз остановило меня. «Какое необыкновенное украшение!» – только и подумала. «Склонна полагать, что еще голос понравился, его богатая интонационная палитра. Особенно красивым его, пожалуй, не назовешь, но был он глубоким, колоритным, своеобразным. Приветствие «здравствуйте» он произносил с тончайшими звуковыми оттенками и с таким многообразием чувственных нюансов, что я не только поразились, но и восхитилась его мастерством общения», – несколько позже размышляла я, представляя уровень его взаимоотношений с этими людьми. – «Умеет торговать лицом и голосом», – сказал бы о нем мой шеф».

– Ты испытывала от него «поистине эстетическое, стилистическое наслаждение, которое в твоём случае приравнивалось к эротическому», – пошутила я. А Лена не обиделась, хотя и не хотела шутить на эту тему, потому что для нее это на самом деле было серьезно.

– Сложен был прекрасно: широкий разворот плеч, прямая спина, походка спортсмена. Под строгим, прекрасно сшитым костюмом, просматривалась сухая, поджарая, мускулистая фигура, – продолжила она. – Люблю в мужчине рафинированность, изысканность. Немногословен, сдержан, очень даже сдержан. Может быть, неэмоционален? Любопытство вызывал. Кто такой? В чем его необыкновенное обаяние?

Обнаружила его случайно в деканате. Мне в помощь дали лаборантку, которая, по ее собственному выражению, «намылилась» уходить с кафедры. Скучно ей было среди приборов и «сухих» сотрудников. Ее художественная натура бунтовала от строгого распорядка, от необходимости выполнения каждодневных, четких обязанностей. Натурой она была увлекающейся. Могла неделю ничего не делать, болтаться по лабораториям, хохотать, часами отвлекать всех от работы, а потом вдруг, без особого на то указания, за короткий срок прекрасно оформить все стенды, написать массу плакатов. И делала все это быстро, красиво, не считаясь со временем. Работала по вдохновению и с вдохновением. Затем снова возникал «застой души» – длительное безделье. И она опять только раздавала направо и налево обещания и ничего не выполняла.

Все любили ее веселый, свободный нрав, видели в ней подружку, ровесницу. Она была не глупой, а просто безалаберной, восторженной, романтической и в то же время практичной (себе на уме), молоденькой стержочкой, косящей под наивную дурочку. Легка в

обращении, даже слишком легка. Никого не обижала, и на нее не обижались... Умела как-то...

Ох, увлеклась я, от темы ушла. Так вот, я как бы шефство над Машей взяла и решила помочь ей найти работу по душе на факультете художественного конструирования. Скромненько эдак зашла с ней в деканат, представилась, не уточняя своего статуса, и Машу охарактеризовала положительно. Декан неожиданно широко улыбнулся и, насколько я поняла, почему-то решил, что это я собираюсь устраиваться к нему на работу. Вытолкнув вперед Машу, я уточнила, за кого ратую. Но он все равно смотрел в основном на меня, а в конце разговора, как бы шутя, предложил нам обоим перейти под его крыло. Я вежливо обосновала свой отказ и удалилась, оставив Машу для беседы по существу дела. Но его взгляд уже заложил краеугольный камень в фундамент моего расположения к нему.

С тех пор мы здоровались очень даже приветливо, хотя и строго. И встретившись не в первый раз за день в холле института, также мило обменивались молчаливыми взглядами и, довольные друг другом, расходились по своим делам. Достаточно скоро эти встречи стали не просто ритуалом, они сделались необходимостью. Он всегда знал о моем очередном приезде в командировку. Я заприметила, что он посещает сквер и магазины района моего временного проживания, и хотя бы мельком стремилась увидеть его. Как-то обратила внимание на то, что, идя по улице, он ищет меня глазами. И я провожала его глазами до тех пор, пока его прямая спина не затеряется в толпе. Мне было приятно, о большем я не помышляла.

...Одна связанная с ним грустная история припомнилась. Раз мне срочно потребовалось подписать у директора отчет по командировке. Был конец рабочего дня. Секретаря на месте не оказалось. Рискнула сама пойти в его кабинет. Тихо стучу, осторожно приоткрываю дверь, чтобы заглянуть, на месте ли он. И буквально замираю. В пяти шагах от меня разыгрывалась трагическая сцена. От волнения я не слышала слов, только видела, что стоит мой знакомый в позе Наполеона и в чем-то отказывает старому директору высокомерным, презрительным тоном. А тот стоит сгорбленный, держится за сердце и что-то отвечает сдавленным голосом. Не поверила я этой униженной позе начальника. Слишком хорошо представляла его характер. Успела узнать его артистические способности и умение манипулировать людьми. «Что же вы делаете! Не запрягли, а уже погоняете! Не умно. Не простит он вам этой, пусть даже специально пригранной сцены. Он же нарочно проверяет вас на вшивость, а вы купились», – с горечью подумала я о недалековидности своего знакомого. Случайно подсмотренная сцена снабдила меня точной информацией о событиях, которые позже развернулись в институте.

Разумеется, я не рискнула делать категорических выводов. Мое мнение, к сожалению, подтвердилось. Через неделю было открытое партийное собрание, где незнакомый мне мужчина (похоже, из клерков) из обкома (я еще удивилась: почему не заместитель партийного руководителя области?) представлял членам ученого Совета и всему коллективу моего знакомого как будущего руководителя вуза. А я в этот момент внимательно смотрела на старого директора. Ни один мускул не дрогнул на его лице. «Он знает, что это «липа». Скорее всего, сам устроил этот цирк, чтобы щелкнуть по носу несговорчивого, не очень умного претендента», – поняла я.

Перебросила взгляд на знакомого. Он улыбнулся мне едва заметно, одними глазами. Я удивленно взглянула на него и легонько отрицательно качнула головой. Но он не воспринял мой жест. Он был в состоянии эйфории. Многие поверили словам представителя обкома и стали оказывать претенденту повышенное внимание. Но не стал мой знакомый директором. «Ушли» его с руководящей должности. Могло быть и хуже...

Мы и потом, когда мне случалось быть в этом городе в командировке, при встрече уважительно разговаривали, интересовались личной жизнью друг друга. Нас ничего не связывало и не разделяло, поэтому и отношения складывались простые, добрые, дружеские.

...Пока была молода, было много попыток свернуть меня «с пути истинного». Только повилась я в институте и сразу приглянулась одному зав. кафедрой. Он слыл ярким самородком и сам себя осознавал как эффектного обольстителя. Ему нравилось увеличивать коллекцию обожающих его женщин. Внешне хорош, и язык прекрасно подвешен. Но в моих мозгах технаря его речи звучали красивым словоблудием. Я же не

студентка. Меня этим не проймешь. Мне нравится новизна услышанного, а не тривиальные истины в новом цветистом обрамлении. Он быстро потерял свою прелесть в моих глазах. Я ценила железную логику технического интеллекта и глубину знаний, а мужское любование собой мне претило. Профессор был по-своему умен, поразительно обаятелен, притягателен, но не в моем вкусе, хотя я не могла не отметить и не выделить его среди гуманитариев. Мое сердце он не задел. Легкую рябь на поверхности произвел и остался в памяти лишь маленькой черточкой, да и та стерлась, когда соприкоснулась с ним на вступительных экзаменах... И все же злые языки некоторое время болтали о нас. Я выслушивала чудовищные по своей несправедливости оговоры. Потом осознала, что, не понимая сущности некоторых людей, сама давала им пищу для кривотолков своим искренним восхищением тем или другим человеком.

Все встреченные мной достойные мужчины – их можно посчитать по пальцам одной руки – не умели ухаживать, увлекать. А те, которые умели – были самцы, и я сторонилась их. Иногда мне казалось, что наши так называемые отношения могли бы перейти известную грань, если бы они были решительнее... Нет, не могли... только молчаливое взаимопонимание... Нравились, но что-то внутри меня не откликалось, так, чтобы на самом деле и всерьез, так, чтобы позволить себе переступить... Наверное, я подсознательно чувствовала, что так хорошо, как с Андреем мне не будет ни с кем, потому что, вне всякого сомнения, я любила его. А любовь и влюбленность далеко не одно и то же. Нравственные правила, привитые в детстве, были во мне много сильнее желания частично обладать обожаемым мужчиной. «Я никогда не позволю оскорбить его своим признанием. Только тогда я имею право смело и прямо смотреть ему в глаза», – думала я о каждом, в кого влюблялась. Я ценила их за то, что они не претендовали на постельные отношения, за то, что за спиной ничего дурного не говорили. Они, наверное, как и я, нуждались в платоническом обожании.

Я сама кроила свою судьбу на свой лад: выбирала в кого влюбляться, сама добивалась взаимности и никогда не жалела, что не переходила границу дозволенного. В этой связи вспомнилась мне шутка из любимого журнала «Крокодил»: «Добивался победы, а потом не знал, что с ней делать», – рассмеялась Лена искренно и залиvisto. – Все проходит. И влюбленности, пусть даже долговременные, тоже проходили, оставляя то грустный, то радостный след, то разочарование и пустоту. Всякое случалось. На то и жизнь, на то и ее разнообразие...

Одна мысль не давала мне покоя: почему я не представляла обожаемых мужчин в своей постели? Любовь к Андрею, романтичность, порядочность или еще что-то... из юности? Помнится, отпустила меня бабушка на речку выкупаться после сенокоса. Быстренько занырнула. Лежу, блаженствую, глаза прикрыла, греюсь на раскаленном песке. Мужчины рядом о чем-то спорят с женщинами. Мечтательно поднимаю глаза в небо, а взгляд уперся в голого мужчину... Черный, волосатый, ужасный, противный. Передернуло от страха. Вскочила, помчалась сломя голову... Тринадцать мне тогда было.

Еще один жуткий случай был. Возвращалась я часов в десять вечера из кинотеатра. Уже темно. Я отстала от класса. Шнурок на ботинке развязался, да еще и порвался. Поднимаюсь с корточек – огромный вдребезину пьяный мужик передо мной в приспущенных брюках. Что-то мямлит, чего-то просит. Я отступаю, он меня к забору притискивает. Не сразу дошло, чего ему надо. Вдруг жутко тошнотворно сделалось. Выскользнула, в ужасе рванула от него. Он, матерясь, за мной. Я пришпорила. Думаю, если догонит, убью гада к чертовой матери чем ни попадя... Вот и одноклассники. Долго еще трясло от отвращения...

Может, где-то в глубине подкорки засели тормозящие, раздражающие, стойкие отрицательные ассоциации. Меня отпугивало неведомое или неэстетическое?.. Не каждому дано уметь красиво преподнести свои чувства... вознести отношения на такую высоту, чтобы они стали чем-то священным, чтобы смогли подняться над пошлостью, над...

Лена замолкла, не договорив. Потом раздумчиво возобновила рассказ.

– ...Нет, все это не то. Причина, скорее всего, в раннем детдомовском детстве. Нас обзывали подкидышами, говорили гадости о наших родителях. Вот тогда-то и зародилось в моем сознании четкое однозначное протестное отношение ко всем мужчинам, кроме одного-единственного, которого полюблю. Именно тогда выстроился и закрепился в моем сознании, а может, и в подсознании, страх показаться непорядочной,

распущенной, он заблокировал физиологический интерес к мужчинам и ко всему пошлему, что с ними связано.

Я никогда никому не рассказывала о своей неподотчетной стороне жизни, прежде всего, чтобы не возвращать сплетен, способных повредить предмету моего обожания, и бумаге не доверяла свои тайные чувства. И что самое интересное, влюбляясь, никогда не чувствовала даже смутной тревоги, разрушения своего привычного уклада жизни. Видно, подсознательно понимала: платоническая любовь – это все, что мне необходимо, и все, что я способна себе позволить с женатым мужчиной. Они – мое лекарство от одиночества души. Пожалуй, можно сказать, что я любила свои мечты, а не объекты своего обожания. Реальная жизнь слишком суетная, а тайная – прекрасная, неисчерпаемая, приносящая только блаженство, превращающая черно-белую жизнь в расцветленную. Думаешь, мои влюбленности – мои заблуждения?

...А на самом деле я люблю только одного – отца своего ребенка. И любовь эта не ослабевает, не притупляется. Разве можно любить кого-то еще, не предавая первого?.. Есть любимый, есть прекрасный человек, которого обожаю с первого курса. Но там другое... Разве этого мало? Другим и этого счастья не дано. Я знаю людей, которые никогда не любили. Разве лучше жить с недостойным тебя?.. Любовников не было и не будет, потому что дважды в жизни встретить нечто подобное... как с Андреем, даже близко невозможно. Теория вероятностей дает слишком малый процент возможности данного явления. Бывают случайные встречи из разряда тех, что вполне могли бы не состояться, ни на что не влияющие. А случаются судьбоносные, переворачивающие если не жизнь, как Андрей, то душу, как тот преподаватель на первом курсе, – что иногда не менее важно. Он тоже был из тех, самых редких... Сейчас, оглядываясь назад, я не возьмусь предугадать, как сложилась бы моя жизнь, не встреть я Андрея... Кира, ты считаешь мою любовь нелогичной, ненормальной?

– Ну, что ты, – возразила я. – Мне очень хотелось, но я не рискнула спросить Лену о том, видела ли она еще когда-нибудь того самого обожаемого преподавателя.

И, словно угадав мой невысказанный вопрос, она сказала:

– Много лет спустя увиделись. Он позвонил, и мы встретились в библиотеке. Нам не надо было слов, мы и так понимали друг друга. Он преподнес мне увесистый том своих научных трудов... «Всего сто экземпляров. Кризис, сами понимаете»... На обложке две фамилии. Его – вторая. Это сказало мне о многом. Мне казалось, что я не заслужила столь дорогой и редкий подарок. Но то, с какой любовью и трепетом он был преподнесен, давало мне право оставить его у себя и беречь пуще глаз от преждевременного посягательства внука. «Ваша книга будет самой ценной и любимой в моей библиотеке. Вы самый талантливый физик из тех, кого я знаю... У нас очень много общего», – сказала я, смущаясь своей откровенности. Он кивнул. Он тоже был смущен, взволнован и боялся говорить. Я подарила ему свои книги, и мы расстались. Потом я стояла у окна, а он шел по улице и улыбался. Он хотел этой встречи. Он был счастлив. «Наверное, хорошо, что я не рассказала ему, как иногда в минуты горьких размышлений представляла нас рядом идущими по жизни», – думала я.

Дома долго и вдумчиво изучала по книге его мысли, идеи, теории и чем больше вникала, тем больше понимала: они уже не просто его достижение, они – всеобщее достояние... Книга есть, и никто не сможет похитить у меня ни ее, ни восхитительные минуты нашей короткой встречи. И память о ней будет мне верным стражем в периоды тоски, отчаяния, депрессии. А они ведь случаются. Лена грустно улыбнулась.

– А у тебя случались мимолетные, кратковременные обожания? – спросила меня Лена. – Или удачное замужество – надежная преграда сердцу?

Не могла я перед одной из ближайших подруг скрывать своих чувств, тем более, если это Лена.

– Безусловно, надежная. Но был мне симпатичен один мужчина. Только я быстро в нем разочаровалась. Заметила я, что у нашего секретаря парткома любовный зуд начался: новизны ему захотелось. Такое за версту видно. Жену его я знала: милая, грустная, труженица великая. Видный юрист. Она понимала, что теряет мужа, но ничего не могла

поделать. Только переживала. Им было по сорок. Так вот, целый год он увивался за мной. Но я умела одним взглядом отшивать мужчин. Секретарь был упорен, я тоже. Мне было приятно, что нравлюсь, но я помнила слова моего начальника: «Не любовь это, сперма давит ему на глаза». А тут еще вспомнились его откровения за рюмкой коньяка на каком-то празднике: «Во мне живут два человека. С вольными женщинами я вольный, со строгими – строгий. Тебя боюсь, ты слишком чиста. Я не могу разрушить твой мир и свой, связанный с тобой, потому что мне он нужен таким, какой он есть. Я хочу тебя, но не смею». «Ищите себе такую женщину, у которой те же желания, что у вас», – подумала я, отстраняясь от его горячего дыхания. Я быстро вывела его из состояния зачарованности. (Ситуация достойная слуха сатирика. При желании было бы над чем поиздеваться. Но я обычно глубоко сочувствую покинутым женам и не могу ни шутить, ни иронизировать над их проблемами).

Он сначала приуныл, а потом нашел себе студентку. А та уж не выпустила его из своих цепких ручек. Я заранее предполагала у них два варианта: любовница или жена. Предвидела второй и далеко идущие последствия. Всё оказалось до противного тривиально и предсказуемо. Увезла она его к себе на родину. У меня не было ненависти к нему, только презрение и отвращение. Сына оставил, а я такие вещи не прощаю. «Какова природа страсти? – размышляла я. – Это особая биохимическая форма заболевания, и от него вылечиваются, как от гриппа? Только некоторые за время болезни успевают совершить много глупых необратимых поступков, о которых потом жалеют. Одни, переболев, приобретают стойкий иммунитет от неуправляемой страсти, другие всю жизнь скачут...»

Он не думал, что будет дальше, только жаждал новых ярких чувств. Они правили бал! Потом, оказалось, шел навстречу не судьбе, а своей гибели – insult через три года сразил его. Жалко, в принципе неплохой был человек, в работе ответственный. Тормоза вовремя не сработали. Злая судьба... А может, просто нравственные устои когда-то им были утеряны, и зачем все валить на высшие силы, мол, против судьбы пошел, а она ему отомстила. Любим мы, оправдывая непорядочность, искать её причины вовне...

Молодая жена сразу оставила его, забрала дочь и стала искать себе другое счастье. Первая, не простив предательства, тоже не захотела нянчиться с калекой... Спросишь, а как же милосердие? Много ты видела мужчин, доведших своих жен до болезни, а потом ухаживающих за ними? Ты тоже требуешь милосердия только от женщин? Мы обязаны страдать за грехи мужчин? За порядочных мы в огонь и в воду, а не за таких вот... козлов. Пусть будет другим наука. Где же хваленая мужская логика, трезвость ума? Она у нас, у женщин, и нечего ее себе приписывать.

Лена не ожидала от меня подобной категоричности.

- Я что-то слышала насчет твоей племянницы... Может, именно это обстоятельство послужило причиной твоей одномоментной вспышки гнева? – озабоченно спросила она.
- Но ты, как всегда, права. Сколько мужчин нежно ловило мой взгляд, сколько стояло передо мной на коленях! И что было бы со мной, если бы я каждому отвечала взаимностью? Они же потом сами бы меня шлюхой обзывали. (Самое обидное, они еще умудряются награждать этой оплеухой женщин, которые им отказывают!)

Послушай, Кира, став его любовницей, ты могла бы спасти его семью, – усмехнулась Лена.

- И потерять свою, – закончила я мысль подруги. – А оно мне надо? Самолично втоптать себя в грязь? Много чести...

- Шучу, шучу, – остановила мои эмоции Лена.

- Через пять лет я встретила бывшего председателя парткома. Выжил, но остался инвалидом. Мама его выходила. Чего искал – не нашел и стыдился этого, старательной скороговоркой утверждал, что счастлив в своем одиночестве. Я была жестока с ним: о сыне от первого брака спросила. Потемнел глазами, горько ответил: «Ксения не хочет, чтобы он общался со мной»... «А дочь? – продолжала я мучить его. Он только рукой раздраженно махнул и отвернулся. А я подумала: «Бог не фраер, он все видит. Жаль, что не всегда и не всех наказывает...» Я жестокая?

Не права Ксения, что не подпускает сына к отцу, но понять ее можно. Сын – это все, что

у нее есть. Может, вырастет и не будет предавать близких... А вдруг в нем победит отцовский эгоизм? «Я хочу, мне надо. Такова жизнь, ничего не поделаешь», – будет разводить руками. И так же обидой будут стонать сердечки его детей. А он, забыв о своем поломанном детстве, задрав хвост трубой, как его отец, помчится искать призрачное счастье. (Почему говорят мартовские кошки? Коты!) И найдет те же пеленки, те же проблемы, да еще плюс капризы молодой жены. И тоже будет делать вид, что счастлив, горд молодой женой. Ах, вот, мол, какой он герой: молодая женщина его любит! Да, любит за то, что обеспечен, за то, что опытен, умеет обхаживать, добиваться, поможет сделать карьеру... Ну, это кому что: одному хлеб медом намазанный, а другому доброй души, спокойного, ласкового, надежного плеча достаточно.

Человек тем и отличается от животного, что может обуздать свои чувства, может руководить ими... Но не хочет. Проще, приятнее плыть по течению своих чувств. «Зачем лишать себя прекрасных моментов? Мне хорошо – и ладненько. Зачем голову себе забивать проблемами, короткую жизнь свою опреснять, а то в старости вспоминать нечего будет». Что вспоминать? Брошенных детей? Минуты увлечений – это счастье? Кому что... Я это называю духовным саморазрушением. Будь моя воля, я бы... Не разум, эмоции говорят во мне, но во многом, особенно, что касается детей, я права. Плачет в душе свежая рана – испорченное, омытое слезами детство моего внучатого племянника Данилки. Как ни старайся, отца не заменишь... «Разошлась я, разнервничалась», – смущенно закончила свой рассказ Кира.

Споры-разговоры

Одни женщины вспоминали прошлое, другие тем временем все продолжали беседовать о внуках. В разговор вступила Эмма, до этого молча очень внимательно слушавшая своих подруг. Лена исподтишка разглядывала ее: узкие плечи, сильная, выразительная линия бедер, щедрая грудь – по-прежнему эффектна. Только глаза то грустные, то какие-то слишком строгие и суровые.

– ...Все это вполне преодолимые мелочи. Меня сейчас больше беспокоит насаждаемое телевидением клиповое сознание.

– Оно в подавляющем большинстве случаев гарантирует эффект стойкого внушения, – подтвердила ее мысль Лера. – Молодым теперь надо, чтобы все происходило быстро, говорилось коротко. Им трудны длительные рассуждения, а значит, и размышления. Они хотят получать сведения малыми порциями, которые легко проглатывать не задумываясь. И в школе у них одна зубрежка. Дома они не отлипают от компьютерных игр. Билл Гейтс мозги им набекрень своротил. Не сладишь с ними. Со всей ответственностью могу сказать, что формулу: «Владеющий информацией – владеет миром» они понимают слишком буквально. А нас учили анализировать, рассуждать. Современные дети не умеют вести диалог, спор. Двух логически связанных фраз сказать складно не могут. Раньше о таких редких детях учителя говорили: «Лыка не вяжет». А теперь таких много. Неприятен их примитивный тарабарский язык.

– Ой ли? Не могу согласиться с тобой. Я бы не рискнула категорично утверждать подобное. И чтобы развеять твои сомнения, замечу, что среди детей в библиотеках мне в основном встречаются интересные собеседники. Все ужасы современной речи их будто не касаются, говорят грамотно, красиво. Они не боятся влияния уличных сленгов и считают, что слова-паразиты в языке долго не просуществуют. И скорость восприятия информации детьми теперь гораздо больше, чем у нас. Я, например, не всегда успеваю осознать, что происходит в современных мультфильмах, а они – запросто. Может, ты зря «лезешь в бутылку» и обрушиваешь на всех детей шквал обвинений? – возразила Лена.

– Не горю желанием спорить с тобой. Ты же у нас мыслишь масштабно! Только напрасно захлеб хвалишь детишек. Нашла на чем строить свои заключения: на встречах в библиотеках. Ты же, что бы другие ни говорили, там лучших из лучших агитируешь в свой университет, с элитными детьми работаешь. К тебе на диспуты приходят ребята будь здоров!.. Соображаешь? – негодуяще перебила ее Инна, услышав, как ей показалось, непрофессиональный ответ. – Она, видите ли, не согласна! Так вот не с бухты-барахты я заявляю: по статистике только двое из десяти школьников знают фамилию автора «Анны Карениной».

Всегда оставаясь верной себе, Кира подняла руку, успокаивая спорщиц, мол, не хватало нам еще выяснять отношения. Лера обернулась к Эмме и дурачится:

– Это по твоей милости я получила «взыскание»? Больше не пророню ни слова на педагогическую тему.

– Зачем нервничать? О том, что дети стали меньше читать, не может быть двух мнений, но и проецировать на себя их нежелание работать с книгой тоже не стоит. Современным детям несколько труднее, чем было нам, в том смысле, что соблазнов больше: телевизор, компьютер, музыкальные центры.

– Современных детей фактически воспитывает телевизор, – в ответ на Ленины слова заявила Инна.

– Поэтому отбор телепередач должен быть очень строгим. Я выступаю в основном за позитивное на экране.

– Чтобы противостоять соблазнам, детям требуется большое мужество. К тому же информации они получают слишком много, накапливают ее, а обдумывать не успевают, – спокойно отбила Иннин удар Рита.

– Что касается информации – она как деньги, ее нельзя долго хранить в шкафу нерассортированной и неосмысленной, иначе она потеряет свою ценность. Ее надо использовать. Пусть молодежь ее потребляет хотя бы и малыми порциями, – высказала

свое мнение Лиля.

– Смотря какую, – упрямо возразила Аня, и ее лоб собрался в мучительные складки. – Реклама забивает глаза, уши и мозги. Ее ты тоже предлагаешь поглощать? Трудно сейчас детям справляться с обилием свободы информации. Надо им помогать учиться отделять черное от белого, а то они надергают из Интернета, из непроверенных источников всякой ерунды – и счастливы. Сегодня компьютеры – обиходная вещь и справедливости ради надо сказать, что это здорово, но они – слишком малая толика в море знаний, которые дети обязаны освоить.

К тому же нахождение в виртуальном пространстве не безобидно. Оно влечет за собой массу сопутствующих проблем. Детям попросту не приходит в голову мысль о том, чтобы поискать себе другое, пусть даже самое простое реальное занятие. А в играх они идут на любые ухищрения, и только очень воспаленное сознание способно вообразить все их варианты. И это уже бесполезная тотальная изоцированная фантазмагория без всяких попыток выглядеть неправдой. Вполне понятно, что после виртуальных игр детям неинтересна обычная жизнь и они не хотят отрываться от своих фантазий, которые не имеют никакого отношения к парадигме семейных и общечеловеческих ценностей. Вот и подумаешь иногда, стоит ли с такой готовностью воспринимать любые перемены, любые новые веяния? Может, надо их сначала серьезно осмысливать? Считаете, во мне говорит учительский консерватизм?

У школьников голова кругом идет от комплимента «Ты – компьютерный гений». Они с ума сходят от счастья, что могут в Интернете в самых сочных выражениях высказать свое, мягко говоря, не всегда сформированное мнение хоть самому президенту. И дело тут не только в торжестве технического прогресса, но еще и в невоспитанности. Кто они, не впитавшие культурного наследия своего народа и не принявшие в расчет наши замечания? Роботы, которым чужд пафос созидания, которым не интересны люди. Естественно, что и во взрослом состоянии они не смогут поступиться своим ограниченным мирком ради того, чего они не усвоили в детстве. Потом на все лады будут склонять свою неудавшуюся жизнь. А все потому, что развитие их душ оставляет желать лучшего. Вот к чему может привести вроде бы безобидная безудержная страсть к игре.

Я не умаляю достоинств современной техники, но компьютер – усовершенствованный арифмометр с кучей наворотов и прибабасов! Система знаний на уровне нервных окончаний пальцев – это не истинное знание, а в большей степени опыт. Компьютер для ребят пока – полезное, но далеко не безобидное хобби.

«Тягомотина. Азбучные истины. Но как поет! Прямо-таки сирена. Пой песню, пой...», – морщится Лена.

– Я не борюсь за монополию на абсолютную истину, но считаю, что дети должны жить здоровой, интересной, реальной жизнью, а не заменять ее выдуманной, превращаясь в виртуальных монстров. Это надо осознать не только нам, но и детям, иначе придется кусать локти, да поздно будет. Упустим поколение. А еще дети должны понять, что смысл жизни не в том, чтобы только радоваться.

Нашим внукам предстоят такие моральные испытания, каких не суждено было знать их дедушкам и бабушкам. Ты, Рита, правильно заметила, что современная цивилизация преподносит детям слишком много соблазнов на пути к знаниям, обрекая их на постоянное преодоление себя. И как оградить их от переизбытка при таком бурном развитии электроники? Эта задача для нас как минимум – мозговой коллапс. А тут еще одна беда появилась: всё в нашей жизни теперь поставлено на коммерческую основу. И опять безудержная страсть, только теперь к наживе.

– Серьезное обвинение нашей действительности. С компьютерной фантазмагорией ты явно перегнула. Не станем комкать или вычленять этот сложный вопрос из ряда таких же многострадальных. Это тема для отдельного серьезного изучения. Позже мы еще к ней вернемся, – наставительно заметила Эмма.

– Лучше оставим ее на растерзание специалистам. Надеюсь, в их лоне она прекратит свое существование как неизменная и подавляющая. Или ты всерьез полагаешь, что наши рассуждения подчас важнее научных выводов психологов? Ну, тогда пиши пропало, – с издевательским сочувствием засмеялась Инна.

- А вот этого не надо, не надо! Я не нуждаюсь в твоих поучениях. Никто тебя не уполномочивал, не делегировал... Нравится отыгрываться на мне. В галантности тебя не упрекнешь. Стереть в порошок и сравнить с землей, если тебе что-то не по нраву – твой стиль общения. Нужно быть идиоткой, чтобы затеять с тобой спор. Ты сделаешь одолжение, если прекратишь смешки, помолчишь и дашь мне высказаться. Мы, педагоги, тоже должны сказать свое веское слово по этой проблеме, – с полуоборота завелась Аня. И сразу стала выглядеть маленькой, затурканной, обреченной и обиженной.

Лиле сразу же припомнилась когда-то понравившаяся ей фраза: «Вести себя в неестественной ситуации естественно – это противоестественно». И она шутиливо обратилась к Ане:

- Не бери в голову. Инна цапается от «переизбытка» взаимопонимания.

- Ты на мой счет больно-то не расстраивайся. Сечешь? Так мои подопечные выражаются, – успев успокоиться, усмешкой ответила Аня на иронию Инны. – Утерла тебе нос?

- В голове не укладывается, сумела! Поразительно исчерпывающее заявление. Любо-дорого услышать, – весело отреагировала та.

- Надеялась услышать от меня ласковую воркотню? Думала, стану грешить благородным простодушным тщеславием и предосудительным потворством и притворством? Считаешь, что во мне отсутствует даже толика агрессивности? Для начала тебе бы помолчать немного, – неожиданно ошетилилась Аня и с готовностью приняла позу Полкана.

Жанна, проникательно угадав настроение Инны, увела разговор в другую плоскость.

- Я слышала, что любое общество яростно охраняет серость. Вот и наше современное телевидение – страшная школа опустошения душ – вымывает мозги, воспитывает психологию потребления. Желающих поглощать этот примитивный продукт у нас предостаточно, и количество их растет день ото дня. Дети пропускают через себя все хорошее и плохое, что накапливает общество, а оно самых умных выдавливает, осуществляя таким образом искусственный отбор. Глупость доминирует, потому что она управляема и тем самым цементирует и стабилизирует общество. Человек деградирует. За семьдесят тысяч лет мозг человека уменьшился на двести пятьдесят граммов. И Интернет – не остров надежд и положительных познаний, – поделилась она своим видением вопроса построения человеческого общества и отрицательного влияния СМИ на школьников.

- Ой, держите меня! Японский городской! Америку открыла! Ой, не спугните эту прекрасную мысль, – непонятно с чего развеселилась Инна, с интересом естествоиспытателя рассматривая Жанну.

Лера серьезно и однозначно отреагировала на сообщение Жанны:

- Мало ли что сейчас пишут и говорят. Ты слишком подвержена внушению. Надо же сколько-нибудь и самой думать. Нельзя всему верить.

- Радиоканал «Эхо Москвы», например, своей убойной информацией и нормального человека может сделать ненормальным. Их корреспонденты, наверное, на негатив, как мухи на свежее г..., слетаются, – взъерошилась Инна.

- Я полагаю, этот канал завоевало прочную симпатию миллионов. Меня он устраивает, – сердито возразила Лила. – Не язык у тебя, грязное помело.

И Кира нервно осадила Инну:

- Тут ты совсем маху дала.

- Может, ты, Жанна, веришь и броской, шокирующей рекламе? Я твердо убеждена, что она играет с нами как кошка с мышками. Эта тема тоже слишком сложна, чтобы о ней говорить походя. У меня есть подозрение, что ты выбрала неподходящее время и место для разработки фундаментальных социальных теорий. Выдергивая из контекста отдельные цитаты, ты сначала осмысливай их сама, а потом уж преподноси другим. В

наш бурный век мы не только не успеваем понять то, что творится вокруг и правильно донести суть происходящего юному поколению, но и забываем о его элементарном воспитании. Вот о чем имеет смысл больше задумываться, – строго посоветовала Лера.

От нее исходили волны уверенности и надежности.

– Надо меньше давать смотреть детям американские фильмы. Они – учебные пособия для отморозков, – подхватила привычную тему Аня.

– Исчерпывающая информация! Что-то подсказывает мне, что эта миссия заведомо безнадёжная, но благородная и привлекательная, – приторно-ласково промурлыкала Инна.

«Мне откровенно неуютно под ее немигающим, настырным взглядом. Я от него буквально впадаю в коматозное состояние», – молча раздражается Аня.

«Инне не составит никакого труда тут же заявить обратное. И все-то у нее на грани фола. Собственно, вполне в ее духе», – думает Лера и спокойно продолжает развивать свою мысль.

– Недавно шла по своему школьному двору и наблюдала неприятную картину. Прозвенел звонок на урок, дети бросились в здание. Одна девочка упала, а мальчишки стали ногами засыпать ее мокрым, грязным снегом. Бедняжка закрывала лицо руками и растерянно улыбалась, пытаясь сохранить хоть капельку достоинства в этой гадкой «игре». Я схватила двух мальчишек за шиворот и рявкнула: «Так вы понимаете рыцарство? Тоже мне – будущие защитники родины!» Конечно, заставила мальчиков помочь девочке встать, попутно объясняя, в чем заключается недостойность их поведения. Надеюсь, в их сознании что-то полезное отложилось.

– За нарочитой грубостью мальчишки всегда прячут свое смущение, – защитила подростков Жанна.

– И безразличие. Компьютерщики они прекрасные, в олимпиадах побеждают, и, тем не менее, язык не поворачивается назвать такое воспитание нормальным. Не задумываются они о «мелочах» жизни, потому что мы сами, закрученные водоворотом событий, не подсказываем им, не учим тому, «что такое хорошо, а что такое плохо».

– И вырастают из них странные «типчики». Недавно сделала я замечание молодым людям за то, что они постоянно распивают спиртные напитки на нашей лестничной площадке и оставляют после себя горы мусора, которые приходится убирать нам, пенсионеркам. Так они такое мне наговорили... не берусь повторить, а потом собрали все половинки перед нашими квартирами и не поленились отнести в мусорные ящики. Все десять этажей обошли. Охламоны! Обиделись! На мелкие пакости им хватает ума, сил и желания, а вот на большое и доброе дело... не больно-то разбегутся, не достаёт им фантазии, и некому ее разбудить, – пожаловалась Аня. – А наша жизнь базировалась на доброте и совести.

– И некому им накостылять, – откликнулась с добродушной невозмутимостью Жанна.

– А в нашем подъезде все почтовые ящики раскурочили, – добавила негатива Лиля.

– Пожинаем плоды перестройки? – вздохнула Аня.

– Глупости! Они классиков не читали, – вызывающе поддела ее Инна.

– Нам тоже не так уж много времени давалось для чтения. А жажда была неимоверная. Не потому ли, что учителя говорили: «книги, прочитанные в детстве, влияют на судьбы людей»?

– Наверное, всё наше поколение в чтении неумно, – подтверждая слова Ани, сказала Жанна.

– А я так и не сумела приохотить сына к чтению, – вздохнула Эмма. – Но он увлечен работой, и я не настаиваю. Придет время, сам почувствует потребность в книге.

Лера терпеливо продолжала развивать свою мысль:

- Не могу не вспомнить, как в детстве, совсем маленькой я побывала с мамой на море, и с тех пор моя душа жаждала необозримого простора. А с бабушкой я смотрела на ночное небо. И в какой-то момент произошло что-то непонятное: мне показалось, будто лучи всех бесчисленных миров разом сошлись в моей душе и зажгли в ней звездочку ослепительной надежды. Я сидела в невообразимо радостном смятении, в счастливейшем состоянии и, наверное, поначалу не давала себе отчета в происшедшем пробуждении своей души. Не представляла, что такое возможно... и что я могла бы пропустить, не познать, не прочувствовать... Потом на основании полученных знаний и ощущений училась достраивать, анализировать... Это было удивительно увлекательно... В природе нет ничего случайного, лишнего. А мы ее часть.

Мне хотелось бы, чтобы современные дети могли понять меня, проникнуться, чтобы не обедняли они свою душу отсутствием любви к природе, чтобы умели ценить красоту, радоваться ей. Интеграл ребята умеют взять, а вот заката и рассвета в деревне никогда не видели, и звездного неба тоже. Оттого и пусты их души. Разве поход за грибами заменишь книжным знанием... Надо сначала познать прелесть пахучего лесного воздуха вживую, а потом уже вспоминать о нем, листая страницы книг или вытаскивая впечатления из закоулков памяти. Как иначе они смогут понять, что природа - удивительный мир невинности и совершенства, что природа - то место, где пробуждается в ребенке человек... Надо учить замечать красоту. Может, осенний лес, увиденный в детстве, спасет кого-то из них от самоубийства в юности или от депрессии в старости. Это сейчас они счастливы в своем духовном невежестве и убожестве.

Лера вздохнула и замолчала. Потом добавила резко:

- Мы нефть качаем, а надо интеллект добывать - основное богатство любой страны... Стоит подмечать блеск в глазах детей уже с класса четвертого-пятого, а с девятого уже вести их по тропе науки целенаправленно.

- Принять твои пожелания к сведению? Допекла! Я думала, с годами ты потеряешь свою назидательность. Вижу - нет. Речь в лучших традициях прошлых лет. «Ах, лютики-цветочки!.. Нет, это клиника!..» - расхохоталась Инна. - Может, еще скажешь: «Ах, былые времена - шестидесятые годы! - полные человечности, поэтичности и великих подвигов. Только сейчас, задним числом, мы начинаем по-настоящему понимать их чарующую прелесть! Мы были такие боевые, самобытные и в то же время скромные, нетребовательные. Как мы любили свои студенческие годы! Может, даже припомнишь, какие мы разыгрывали скетчи, добродушно поддразнивая друг друга и что у нас совсем не было размолвок?.. Да, мы понимали, какое место отводили себе во вселенной!.. А теперь девяносто первый год разделил нашу жизнь на до и после... и у нас липкий страх по телу». Так, что ли? А на самом деле почти все мы были выточены по одному шаблону, но прошли разную шлифовку и огранку жизнью. Ты наповал сразила меня своей наивной восторженностью.

Ты вызывающе несовременна, и я решительно ухожу от твоих рассуждений. Достоевского надо читать. Там все про наше теперешнее время сказано. Срочно, не откладывая на потом, меняйся. На данном этапе развития нашего общества цивилизация опережает культуру. Урбанизация побеждает - ей принадлежит пальма первенства. Современные дети красоту природы меняют на красоту никелированной автомашины. Она им в кайф, она, любимая, греет им душу. Принимаешь вызов? Или ты до сих пор настаиваешь на том, что через эстетизацию жизни можно прийти к нормальному обществу? Красиво жить, красиво чувствовать, есть, одеваться. И это с нашим-то чудовищным неуважением к человеку!.. Тогда у меня не остается никаких сомнений: твои мечты - очередная ахинея! Советую: пока тебя не объявили «гением», проявляй умеренность в мыслях, словах и делах.

А может напротив: углубимся в экзистенциальные стороны нашей жизни? Они предполагают известную сдержанность умозаключений... Нет уж! Пребывая в состоянии неуверенности, мы лучше скромненько уткнемся в компьютер. Нам хватит ума вслух не рассуждать об этом при посторонних.

«Язвить она смелая, а как доходит до дела, небось первая в кусты», - недобро подумала об Инне Аня.

- Пройдут годы, и повзрослевшие дети будут говорить о прошлом, как и ты: горькое похмелье отравленных лет. Этого ты хочешь? - прервала Инну Лера.

Пока Лиля спорила с Аней о проблемах воспитания молодого поколения, на разных концах стола пары женщин вели только им интересные разговоры. Инна рассказывала Жанне об Антоне, Лена беседовала с Аллой о художниках, у Киры нашлись общие интересы с Лерой в сфере научных изысканий. Рита и Эмма поднимали горькие пласты своих семейных невзгод и многое другое. Воспоминания роились, уносились, возвращались... Одновременно женщины пытались услышать что-то из бесед подруг. Если возникала новая общая тема, они, не прекращая своего разговора, мгновенно включались в нее, торопясь поучаствовать в споре, стараясь успеть высказать свое мнение. Растревоженный улей гудел на все голоса. И по типу пчел его участники не сидели на одном месте, а пересаживались, выходили в коридор, снова возвращались к столу.

- ...Я и при Советах часто себя Мышкиным чувствовала, а теперь так и вовсе... - еле слышно пробурчала Аня, издав при этом горький смешок.

- К тому же теперь корысть во всем и повсюду. А это, извините меня, уже не шуточки. И доискиваться до причин ее не надо, она на поверхности. Одни, не теряя время даром, «обряжаются» в давно забытую форму и, уверенные и умиротворенные, в церкви начинают крестом себя осенять и поклоны класть, считая свою миссию перед Богом выполненной. Другие вынуждены если не мириться, то терпеть такую человеческую слабость, как двуличие, уверяя себя - эффект Плацебо, когда сам себя лечишь внушением, - что ничего существенно опасного в жизни не происходит, - продолжила шутивно-сокрушенно вбуравливаться в рассуждения Ани Инна.

Та жестом остановила ее:

- Духовность бывает общечеловеческая и религиозная. Мы воспитаны в первой. И я не жалею об этом.

- И не видится тебе в том Божье вмешательство, так сказать, Его рука? Грубо говоря, прямо выражаясь... если церковь под эгидой государства, она обычно поет под его дудку и соответственно... - злорадно, с каким-то особенным смаком начала было Инна.

- Не найти Бога ни в душе, ни в космосе человеку безразличному, равнодушному, забывшему азбучные истины и тем более зловерному. Очень уж своеобразно и однобоко ты трактуешь нравственные понятия. Только этим знанием увенчались твои духовные поиски? - стремительно нашлась Лиля.

- А ты поддалась паутине страха, навеянного телевизионными сюжетами из программы про невероятные мистические события, и застыла в ожидании пришествия.

Чтобы не разволноваться и не выйти за пределы приличия, поддавшись соблазну продолжить спор, Лиля вышла из комнаты.

- Инна, не злоупотребляй моим терпением. Сколько в тебе самоуверенной поверхностности! Не с того конца палку держишь. Смотри, чтобы не пожалеть, - строго заметила Лера.

- Лера пытается тебе втолковать, что духовная связь поколений - основа любого человеческого общества, - поправила Инну Жанна.

- Она меня учит! Уму непостижимо! Если не хватает соображения сказать что-то разумно-приемлемое, так лучше помолчи, - испустила негодующий вопль Инна.

- Не так грубо, - одернула ее Лера.

«Похоже, они не на шутку схватились», - удивилась Лена.

- Я, в твоём понимании, по причине своей личной бестолковости не воспринимаю прописные истины? Что с меня взять? Деревня, периферия, так, что ли? Сойди со своего воображаемого учительского Олимпа, - снова взвилась Инна, будто ведомая посторонней силой. И тут же приняла независимое выражение лица с полной непричастностью к неприятному разговору.

«Сама себя высекла. Знакомый метод заводить себя и окружающих – стать в позу оскорбленной фурии. Мол, разве нам с нашими куриными мозгами понять ваши теории. Вам-то с высокой колокольни куда как видней и т.п.» Знаю, с кем имею дело, – не удержалась от злорадных мыслишек Лера.

«В том-то и ужас, что Инка не только «выделяется» на каждом шагу, но и знает это за собой. С оттенком самолюбования издевательски точно подмечает наши недостатки. Не из любви к истине и добродетели противоречит. Так и кажется, что с разной степенью обоснования, но с откровенной снисходительностью спешит объявить всех нас людьми второго сорта. И меня поспешила пнуть, дыша «благородным» негодованием. Так и рвется в бой. Дождалась своего часа. Можно подумать, другого шанса почувствовать себя героиней ей больше не представится. Ума не приложу, зачем ей это? Только таким путем умеет обеспечивать свою неприкосновенность? Сомнительная личность. Кого она в этом качестве может устраивать?.. Сейчас вообще стало хорошим тоном все критиковать. И она туда же. Не все способны подняться над средой», – обиженно думает Жанна.

Лера снова завладела вниманием компании.

– Я вот как-то шла и размышляла: «Почему нынче не достучаться до молодежи? Откуда в современных детях жестокость? От времени, которое не выбирают? От гадких фильмов? От рождения? Может, на самом деле есть в некоторых людях такие грани характера, которые сильнее, глубже их, непреодолимее?»

– В одних дух воплощается, в других плоть одухотворена. У третьих – ни того, ни другого. И, по определению, у этих последних ничто не может кончиться хорошо. «Ослепленные миражом минутных ценностей земных, ценою преступлений даже...», – пропела Инна строку незнакомого Лене стиха.

– Я таких людей не оправдываю, но иногда всерьез полагаю, что независимо от их желания копят в них гадкие страсти – и это их призвание, такое же неумолимое и неистребимое, как у других наука или искусство. И от этого им ничуть не легче. Сами мучаются. А мы не всегда готовы с этим считаться. И эта непохвальная неразборчивость приводит к тому, что нашему окружению может не поздоровиться. А ведь можно было что-то в них хоть чуть-чуть подправить. Своим непониманием и незнанием мы подписываем им приговор. Мне, например, с раннего детства не хотелось ударить, раздавить букашку, я жалела всех, а сосед рос неблагодарным, злым. Вопрос на засыпку...

«Нас, педагогов, хлебом не корми, дай только кого-нибудь воспитывать, – улыбнулась про себя Лена, – ей осталось продекларировать, что «к каждому встречному надо относиться как к своему учителю, чтобы чему-нибудь научиться».

– Зачем я ищу ребятам оправдание? Упускаем их дома, а потом стонем – школа виновата. А ведь наша цель помочь детям несколько сократить путь к пониманию истинных ценностей, чтобы не заблудились в трех соснах. Воспитанность – это, прежде всего, восприимчивость к чувствам других. И если человек правильно держит вилку, но не воздержан в эмоциях и словах – он невоспитанный человек. А мы тут о компьютерных увлечениях детей тревожимся, – закончила свою мысль Лера.

– Нет, вы слышите? И Лера закрывает мне рот. И не чувствует угрызения совести. Я ли не о том же радею? – горячо и обиженно возвала к подругам Аня. – И ты пытаешься столкнуть нас с Инной лбами? – Она облизала губы, нервно взъерошила свой седой короткий ежик, резко встала и подошла к приоткрытой форточке. Сигаретный дым блаженно смягчил взбудораженность ее ощущений, и туманное сознание стало посылать тяжелые файлы в бесконечность, «штопая – как сейчас принято изъясняться – ее расхристанную, изношенную ауру». – ...Как сейчас сеять разумное, доброе, вечное? Мне трудно воспринимать то, что творится вокруг, сопоставлять масштабы происходящих событий. Я вижу вокруг столько плохого! Чума свободы – эта подлая навязчивая реклама! Чем гаже продукт, тем ярче его представляют... И душа проходит круги ада. Я словно в подвешенном состоянии. Торчу, как одинокое пугало на осеннем огороде.

«Когда-то давным-давно возникло у Ани трагическое выражение лица, да так и

утвердилось на всю жизнь, – обреченно вздохнула Кира. – Заладила одно и то же. Лучше бы о своих учениках говорила».

– А Думе и правительству пора кончать споры и начинать исполнение решений и законов.

– Бодро радуюсь за тебя!.. Нет, вы посмотрите на нее! Ну, совсем как ребенок. Ты настолько наивна или притворяешься? Тебя они забыли спросить, что и как им делать. Тоже взялась за критику верхов? – быстро воткнула в речь Ани свое мнение Инна.

Она говорила с откровенным состраданием и смотрела на Аню с таким бесстыдным любопытством, что та сразу почувствовала жуткое раздражение.

«Какие сейчас у Инны настырные и удивительно требовательные глаза, а говорит с деловой ласковостью», – невольно поежилась Жанна. Задетая презрительным тоном и в данную минуту смертельно ненавидя Инну за очередное унижение, Аня неожиданно произнесла четко и значительно:

– Я критикую не ради разрушения, а ради укрепления страны. Разве не наш долг говорить о недостатках?

– Проснулась-встрепелулась. Трибуну повыше выбери. Эта тебе маловата, – пошутила Мила, оторвавшись от фотографий.

– Не мне вам об этом говорить. Мне лишь хочется добавить, что колесо истории вспять не повернуть. Дороги назад нет. Поставили страну, страшно сказать, с ног на голову, и хоть трава не расти. Ох уж эти зыбучие пески политики!.. Я становлюсь нетерпимой? Куда меня понесло? На чем мы остановились, дай бог памяти? Я потеряла нить разговора. Сама себе заморочила голову, – без всякой, впрочем, надежды быть понятой и поддержанной смущенно забормотала Аня.

«Ее не выключишь. Но стоит хотя бы слегка притушить, убавить звук ее тонкого высокого голоса», – поежилась Лена. И тут же одернула себя: «Я сегодня слишком нетерпима. Устала. А тут еще эта спина...»

– «Мы живем, под собою не чуя страны», – с холодным удовлетворением констатирует Инна.

«Зачастила! Ох уж это мне Анино многословие!.. Собственно, никто из нас не безупречен в способах выражения эмоций. И я имею обыкновение... Повышенная мнительность – признак нездоровья. Правда, Аню изначально отличало трагическое мировосприятие. По той или иной, едва ли осознаваемой ею причине, но сделалась она вечным нытиком. С ее не слишком изощренным умом неуместно глубокое философствование. Собственно, все равно она хорошая... добрая, безвредная. И так, как она, никто из нас чужих детей любить не умеет... Люди часто пренебрегают добрыми и неопасными. Они боятся тех, за кем признают силу, и на них концентрируют свое внимание», – грустно-сочувственно думает Лера.

А явилась ей эта последняя мысль очень даже по конкретному поводу. Мужа своего в некоторых обстоятельствах сравнила с Аней, свою борьбу с его слабостью вспомнила. Человек всегда примеряет на себя чужие беды.

– Называешь вещи своими именами? С отчаянным удовольствием все ниспровергаешь и смакуешь? Тоже мне, гурман-самоучка! Посмотри на события по возможности беспристрастно, без намерения пиарить прошлое и не через призму своих страхов. Понимаешь, шаг времени теперь иной, торопливый. Это же хорошо... Ах ты, мой «ангел с потускневшей позолотой и с горестной усмешкой на устах» – так писал мой знакомый поэт, правда, для другой ситуации.

С какого бодуна зашла от страха? Трагедия, повеситься можно. А как же Блок с его прекрасными словами: «Сердце радоваться радо и самой малой новизне»... А я, мне думается, захожусь от смеха. Я ненавидела диктат парткомов. Мне в новой формации приятней и уютней, а для тебя она просто неудачное сцепление обстоятельств, – сказала Инна с такой презрительной гримасой, что всем присутствующим стало неловко за то, что она их сокурсница.

- Пыхаешь иронией и сарказмом. Счастлива до потери пульса? Государство другое, а люди в нем все те же, - от неловкости вызывающе громко, с жаром выпалила Аня.

«Защищает ущемленную гордость. Глаза-то как загорелись! Стеснительна, но самолюбива. Бойтся показаться смешной и несерьезной. Такие часто бывают хитрыми и мстительными. Но только не Аня», - сделала вывод Лена.

- Не скажи. Те да не те. Перестройка многих вышибла из седла. Раскол, смута в прежде единых рядах. Кто мы? Зачем мы? В какую гавань нам плыть?.. И все попытки выбраться из бед пока безуспешны. Главные понятия: родина, честь, добро - теперь истрепанные, затертые словеса. Пора вернуть им их истинное содержание. Например, любовь - великое слово. И вдруг это странное выражение... «заниматься любовью». Красота чувств вытесняется вульгарностью современных нравов. Мы верили в индивидуальное совершенство человека, во всеобъемлющую силу высокой духовности. Неправильно... не точно было бы сказать, что мы очень многого достигли, но мы стремились к прекрасному. Нельзя рушить мост, связующий поколения. Я понимаю, со временем многое хорошее из нашей эпохи вернется на круги своя - ничто не способно поколебать истинную многовековую мудрость - и все же жаль нынешнее молодое поколение.

...Интеллигенция - совесть нации - исчезла в девяносто первом году. Обнищала, разбежалась. Она теперь фантом. У нее было чувство ответственности за свои слова и дела. Она учила куда идти. Все мы были в одной лодке. А сейчас время тоски по обостренным поискам смыслов, время просителей, воров, мошенников и спекулянтов. Социалистическая этика ориентировала людей на бытовую скромность, а теперь началась эпоха восхваления потребления. Все резко поменялось даже в воспитании детей. Раньше девочки купали, кормили и спать укладывали своих кукол, а теперь они им красят волосы и делают маникюр. Корреляция очевидна? - неожиданно для всех проговорила Лиля и будто сразу обмякла, отрешилась.

«Ведь только что излучала оптимизм! Аня, что ли, загипнотизировала ее своим размеренным, монотонным голосом или она просто устала? - удивилась Лена.

- Не рви жилы. На Востоке не задаются такими вопросами. Они просто живут, и все, - дружелюбно сказала Жанна.

- Я тоже не очаровывалась бы человеческой природой - много чего в нас намешано! - а уповала бы на законы, особенно теперь, когда джинна наживы выпустили из бутылки, - коротко выразила свое мнение Эмма.

- Только слепой не боится наступить на змею, - хмуро откликнулась Галя на слова Инны, поддерживая Аню.

- Как в цирке: чем дальше, тем смешней, - поежилась Лиля.

- Не начинай свирепеть, - шутливым тоном остерегла ее Мила.

- Какая мощная разноголосица мнений! Еще не все проблемы аккумулировали?.. Наблюдаю устойчивое тяготение к пессимизму, - повернувшись к Алле, тихонько усмехнулась Лера.

- Конечно, знакомый черт лучше незнакомого, - непонятно почему смягчившись, непроизвольно, как бы для себя закончила свою мысль Инна, чем и оборвала натянутый тон разговора.

- Без ложной скромности скажу: за всю жизнь я не совершила ни одного бесчестного поступка, - вдруг сказала Аня, ни к кому не обращаясь. И покраснела. Ее душа не терпела хвастовства. Почему, в какой связи из нее выскочила эта неподходящая фраза, она и сама не поняла, отчего еще больше стусевалась, вот-вот готовая смаргивать близкие слезы.

Возникла неловкая пауза. Женщины удивленно переглянулись. У Жанны на лице вежливое изумление: «Впала в неслыханную простоту?..» Только Лиля в сонном неосмысленном блаженстве привалилась к креслу, на котором сидела Лена, и не реагировала. Похоже, задремала на минутку-другую. Устала.

Инна снова хотела отметить ехидным замечанием, но что-то ее удержало от

привычной иронии. «И ведь не лицемерит. Библию не читала. А по ней получается, что каждый наш шаг, каждое громко сказанное слово изливается ложью, мы тонем в грехах. Если, конечно, я что-то поняла в этом мощном фолианте мудрости. Все мы стремимся стать идеальными, но ни на грош не получается. И живем, как ни в чем не бывало, не ввергая себя в уныние. Сначала грешим, потом изучаем трактаты. Только кому нужен соус после обеда?» – мысленно усмехнулась она наивному высказыванию Ани и своим откровенно грустным рассуждениям.

– «Ты сам себе свой главный суд», – приблизительно, но к месту припомнила слова Пушкина Рита. – Стало быть, так оно и есть, – добавила она раздумчиво.

– И комар носа не подточит, – как в пустоту бросила Инна.

И словно проснувшись от неглубокого одномоментного сна, оглядев всех рассеянным взглядом, Аня продолжила болезную тему:

– Нас поставили перед фактом, а не перед выбором. Все ближе и теснее смыкается вокруг нас незнакомая пугающая жизнь. И это тем более тяжело и страшно, что сейчас не лучшее для нас время – время подступающей старости.

– Потрудись объяснить это подробнее, – воскликнула Инна и ее тонкие дугообразные брови взлетели чуть ли не выше лба.

Она надеялась завести Аню, поэтому ее лицо уже заранее пылало любопытством. Но Аня говорила тихо и монотонно:

– Я не подыгрываю новому времени, не насаждаю идеи потребления, не внушаю детям любви к деньгам, живу, как и прежде. А олигархи бесчинствуют, обдирают народ. Кто они? Бывшие начальники-коммунисты, вот ведь что самое обидное. Это черт знает что такое! Депутаты в духовной эмиграции от своего электората. Надо еще посмотреть, за счет чего и кого они достигают успехов. А им нужен масштабный, философский кругозор, они должны быть маяками, – говорила она уже с некоторым вызовом. – Стыдно за то, что они делают. Дорого я бы дала за то, чтобы узнать, что будет со страной через двадцать лет. У меня в голове что-то выстраивается, но пока что отдельные мысли никак не связываются. Вроде бы капитализм у нас, но не совсем западный. Торкаемся туда-сюда. А ведь уже новый век разменяли, пора бы с мыслями собраться... Тут хотя бы себя обрести. Вот так и живу наедине со своей неловкостью, страхами и непониманием. И пенсия постыдная. Загодя знать бы...

Аня смотрела на подруг с таким ожидающим доверием, что всем слышавшим ее стало как-то не по себе. Ну не смеяться же? Даже Инна тихо сочувственно заметила:

– Не хватает тебе, Анюта куража в жизни, и сомненья в тебе маловато, вот и видишь одну чернуху.

Лена внимательно считывает с выражения лица Киры мнение о словах Ани и понимает, что сдвинуть ее с этой точки зрения не представляется возможным даже ей.

Но Инна уже перестроилась и насмешливо спросила Аню:

– Сказавши «а», говори «б». Тяжки тебе размышления о дне сегодняшнем? Не тянет умиляться, глядя на современную жизнь?! Ах, после девяноста первого все безнадежно изменилось к худшему. Никого не пытаешься оправдать? Хоть олигархам сделай послабление. Откуда в тебе эта отроческая ершистость на фоне всеобщего финансового кризиса и увеличения морального дисбаланса в мире?.. Ха! Быстро ты забыла очереди в магазинах, жуткие нравы коммунальных квартир, и на демонстрациях портреты членов ЦК, как двенадцать апостолов. Вспомни чекистов – советских гестаповцев. Получатся далеко не доблестные мемуары. Сплошной кавардак у тебя в голове, милочка. Вломить бы тебе как следует, чтобы освежить память... Нет сил радоваться жизни. Впередсмотрящий ей нужен! И это все? Кто бы решился на этот беспрецедентный шаг? Ну, если только провидцы из одноименного телевизионного шоу? Не разыгрывай трагедии. Точку экстремума на кривой перестроечных проблем мы уже прошли.

– Не касайся чекистов. Не тереби раны... Тебя бы в то кровавое время, ты бы только

рукавом утиралась... Если уж выступать, так в принципе вообще против семнадцатого года, а не против последствий... Можно подумать, что от теперешней власти, у которой все схвачено, ты сможешь получить хотя бы заваливающую коммуналку... Повкальваешь с мое, так не то еще поймешь, – тихо пробурчала Галя, неожиданно в очередной раз поймавшись на желании опровергнуть доводы Инны.

Вопрос жилья для нее был самым болезненным. Трое взрослых внуков жили на ее скромных квадратных метрах, и свет в конце туннеля в разрешении этой проблемы ей пока даже не мерещился.

– Угомонись. Невозможно идти вперед с головой, повернутой назад, – попыталась пресечь Галино нытье Инна.

– Но не оглядываясь назад тоже нельзя жить, – резанула в ответ Галя. – Куда теперь качнемся? К сожалению, время меняется быстрее, чем мы успеваем его осознать. И главная беда в нем – отсутствие надежды. Тектонические сдвиги в сознании, к несчастью, слишком болезненны.

– А может, и к счастью, – хмыкнула Инна, предполагая, что оставила за собой последнее слово. – Теперь не надежда – путеводная звезда любого человека, а мечта о собственном реальном успехе. Как тебе новый ярлык?

– Американская лабуда. Как тебе старорежимный советский оборот? Он уже не в моде? Ты разве не чувствуешь, что американцы стремятся контролировать сознание людей во всем мире? Этот новый ярлык ты уже обсудила в правительственных кругах? – съехидничала Галя, хотя понимала частичную правоту Инны. И та поглядела на оппонента так, что всем стало ясно: Галины мысли для нее не загадка.

– Может, он с твоей точки зрения нуждается еще и в одобрении толпы? – не уступила ей Инна. – Или... – она выразительно и грациозно ткнула пальцем в потолок. – Что, речи лишилась? Закручинилась?

– Сильный жест! – рассмеялась Галя и тем закончила неприятно задевающий ее разговор.

– Неплохо размялись – засмеялась ей в ответ Инна.

«Беспокойный характер часто во вред себе. Не получилось на этот раз переплюнуть Галю. Ничего, это бывает полезно для сохранения «спортивных» навыков», – улыбнулась Лена и окунулась в приятные воспоминания, связанные с подругой.

– ...А сколько скверны нам идет из Америки! – не сошла с накатанных рельс Аня. – Она раскалывает наше общество, портит вкус молодежи к истинной культуре. Надо немедленно пресечь, как-то заблокировать их влияние. Вы слышали, чтобы американцы русскими словами называли свои магазины? А мы – пожалуйста! Да еще и безграмотно. Стыд и срам. Нельзя одновременно ценить западную попсу и Пушкина. У нас должна существовать государственная охрана и поддержка национальной культуры. Нам нужна своя родная страна, а не «жвачная». Смешно, обидно и страшно, что мы тонем в американизмах. Они же деньги считают высшим счастьем жизни. «Осчастливили» весь мир своими зелеными бумажками... в туалет с ними ходить. Только диву даешься, как эти умники с царственной легкостью берутся решать судьбы целых стран.

– Кто бы спорил – поддакнула Лиля.

– Ха! Каков момент справедливого гнева! Америка смущает твой внутренний покой и не мается совестью. Может, она и вдохновение твое гасит? – развеселилась Инна.

«Одно и то же из пустого в порожнее переливают. До дыр протерли насущные проблемы, – устало раздражается Лена. – Прекратить бы эту тягомотину добротным, виртуозным матерком. У Инны он обычно звучит не как ругательство, а как дополнительный, весомый аргумент. Тащусь я от нее».

– Отстань от Ани, не заводи ее, – насуплено отозвалась Рита.

- Только зубы они об нас поломают. Никаких шансов у них нет. Я погнала бы их с этой «зеленью», чтобы бежали от нас, будто пятки им натерли скипидаром. Я бы их быстро призвала к порядку! Не променяем мы свою родину, не поймаемся ни на какие посулы, не станем кидаться на их приманки, - поощренная Ритой, все больше расходилась и ярилась Аня, бросаясь лозунгами. - Мы не западники, мы - Россия, мы - великая страна! Русские должны оставаться русскими, немцы, допустим, - немцами!

- Какие знакомые, родные лозунги! Только, пожалуйста, без патетики. Опять желаешь провести нас всех к общему знаменателю? А смирительную рубашку не хошь? - негромко хихикнула Инна. - В тебе все-таки присутствует какая-то инфантильность... ненормальность. Не валяй дурочку. Нет ничего нелепее, чем обновлять старое барахло ходовыми, затертыми фразами. Где есть начало, там всегда есть конец, финиш. Подавляй в себе пережитки социализма, ломай застаревшие, устоявшиеся представления, - с хамоватой самоуверенностью посоветовала она.

- В семнадцатом уже ломали, - заметила Лера.

- Благо на этот раз легко отделались, - добавила Алла.

Лена заметила:

- Не стоит искать утраченное величие в прошлом. Надо восстанавливать и выстраивать его заново.

- Моя вера пошатнулась, но устояла. Не будите лихо. Я по-прежнему не могу мириться с несправедливостью. Она - опухоль, от которой надо избавляться. За страну обидно. Когда же мы утрем нос этим выскочкам без роду и племени, - упрямо продолжала бурчать замогильным голосом Аня, уже не на публику, себя успокаивая.

«Не Аня, а сплошное... мелкое недоразумение», - подумалось Жанне.

«Понеслась душа в рай. Раньше никогда ее такой злой и нервной не видела, - удивилась Лена. - Крепко ее потрепала жизнь. А сейчас, видно, не хватает ей на жизнь пенсии. Мне, конечно, в смысле денег проще, я пока еще работаю».

Она снова вглядывается в фотографии в поисках, казалось бы, навсегда забытого или безвозвратно упущенного. «Кто-то хорошо сказал, что «каждое новое фото, как закладка в книге жизни, отделяет один этап прожитого от другого, последующее событие от предыдущего» и, как правило, говорит только о радостном или счастливом моменте в жизни человека. Фотографии - не только прекрасный способ возврата в прошлое, это еще и продление счастливых моментов жизни до бесконечности. А у меня своих фото о молодых годах совсем немного, все недосуг было», - с грустью думает Лена. Эта грусть не ускользнула от взгляда Киры. Она по глазам подруги поняла ее мысли и подседа к ней с желанием отвлечь разговором...

Спор возобновился на повышенных тонах.

- ...С мозгами, оболваненными пропагандой! Вся исходишь злобой. Окажи услугу: замолчи. Прекрати свои пустые воинственные эскапады. Кем ты себя возомнила? Тобой движет позорное отчаяние. Мы всё гибнем и гибнем... но никогда не погибнем. Мир вокруг нас не стал ни хуже, ни лучше.

- Нет, хуже! - негодуя, вскрикнула Аня. - Не я, а ты без зазрения совести замахиваешься на самое святое. Окрысилась. Упражняешься в злословии? Ну-ну...

- Зря ты так воспринимаешь мои слова. Я испытываю к тебе самые теплые чувства. Я сочувствую твоему непониманию, стремлюсь развеять твои сомнения. Тебе приходится бороться прежде всего с собой. Теперь надо быть побойчее, а ты разоряешься, в истерике бьешься. Опустить с облаков на землю. Не закрывай глаза на реалии. Просто кто-то оказался в состоянии победить трудности, а кто-то нет. Факты говорят за себя. У тебя страсть к выражению экстремальных, крайних взглядов? А все много проще, - с убедительной интонацией матери к ребенку говорила Инна.

- Нам сейчас нужен здоровый прагматизм, системный подход во всех областях производства, а не высокие слова из прошлого, - порывисто, как разорвавшаяся бомба, вскинулась Инна, адресуя слова уже не только Ане. - Я не права? Опровергните! - с

какой-то садистской радостью предложила она. – Между прочим, конкуренция – один из способов развития личности.

– Толкать соперника в яму? – саркастически уточнила Аня.

– Нет, она имеет в виду совсем другое: конкурировать в знаниях и умениях, – за Инну ответила Лера.

– Сельское хозяйство надо поднимать. На него надо делать ставку. С нашими просторами мы можем накормить не только себя, но и все страны ближайшего окружения. А у нас брошенные земли, леса разворовываются. Вот слушаю радио и не понимаю: зачем нам лгут? Может, воспринимать все слова с точностью наоборот?.. Руководству стоит быть проще, убедительней и честней, – продолжает жалобно бубнить Аня и растерянно, ища поддержки, обводит всех беспомощным взглядом своих сильно близоруких глаз.

Кира украдкой поглядывает на Инну, ожидая подвоха или резкости. Но та спокойна, даже безразлична. Зато Лиля откликнулась:

– Надо современные технологии развивать, чтобы твердо стоять на ногах, и дальше все пойдет как по накатанной. А мы, как всегда, стремимся «варварскую Россию варварским путем выводить из варварства» и вечно попадаем во всякие переделки. Хрущева вспомните. В его правление в селах ждали высочайших указаний на сев.

«Скучища. – Лена привычным движением помассировала затылок, взъерошив ворох непослушных волос. – Я – зануда? Наверное. Вся жизнь в тисках самоотречения».

– В рамках тех условий, какие сейчас имеются в стране, развитие технологий невозможно. Пока, к сожалению, расклад не в нашу пользу. У нас, куда ни сунешься – конь не валялся и Мамай не гулял. Запустенье. Мы только пытаемся перезапуститься и раскочегариться, – в ответ ей бухтит Аня. – Не торопятся олигархи проявлять себя в боевых условиях рыночной экономики, не хотят награбленные деньги направлять на расширение собственного производства, в заграничные банки всё отправляют. И молодые, чтобы зарекомендовать себя, все еще уезжают на Запад, хотя удача там сопутствует далеко не всем. Но все же кое-кто там оседает. Из двух путей люди обычно выбирают наиболее легкий. А помните раньше... Академгородок в Новосибирске с его максимальной концентрацией интеллекта на ограниченной территории. Я вас уверяю, интрига была связана с постоянным соперничеством НГУ с МГУ.

– Не знаю, насколько возможна и очевидна эта связь. Несколько надуманное, самонадеянное заявление, – усомнилась Лера.

– Аня права. У тебя короткая память, – не согласилась с ней Инна.

– Я слышала, будто собираются создавать технопарки и технико-внедренческие зоны. Читала, что сейчас остро стоит вопрос приобретения российскими предпринимателями наших же изобретений, чтобы не уплывали они на Запад. Это гигантская стратегическая задача, – подсказала положительное направление разговора Лера.

– Это «собираются» лет на десять растянется. Делаем мы все из рук вон плохо. Кое-чему у прагматичных немцев нам не грешно поучиться. Они Германией рачительно, как на своей кухне, командуют...

– Их страна и есть, как кухня. Это тебе не Россия – «От Москвы до самых до окраин...». Нам трудно за всем углядеть. – Это Жанна не согласилась учиться у немцев. – Если люди почувствуют, что власть на самом деле заботится о них, то результаты не заставят себя ждать. С материальным стимулом просыпается жадность к работе, а потом уж и гордость за дело рук и мозгов своих.

– О! Замечаю угасание левых взглядов, анемию и их переход в число чисто исторических, – с удовольствием провозгласила Инна.

– Непонятно почему, но, к сожалению, развитие технологий не способствует рождению талантливых руководителей предприятий. А без них нас будут держать за дураков, – заявила Инна и тем самым развернула разговор в новом направлении.

Кира не услышала слова «предприятий» и настороженно глянула на Инну. Это не

возымело желаемого результата. «Час от часу не легче. Для полного счастья мне только разговоров о политике не хватает! Надоела Инка, как горькая редька. И что она тут забыла?.. Вконец отравит мне вечер», – вздрогнула она.

Лена чувствует ее волнение и понимает Киру. Она знает, почему та при живых родителях много лет провела в детдоме, что на всю жизнь сделало ее очень осторожной. В те далекие годы ничего не сходило с рук ее большой своеобразной многонациональной и многоконфессиональной семье.

– Как недалеко это от истины! Кадры оставляют желать лучшего. И мне не безразлично, как сложится жизнь у моих внуков. Я не могу мириться с тем, что вокруг творится, – вдруг вырвалось у Лили с горечью. – Глава нашей администрации врал нам, мол, наша область лучше всех, а мы, дурни, верили. А минувшим летом сняли его и что выиграли? Тем же пузым, да по тому же месту. А мы-то возрадовались!

– Очень мило! Ну, прямо как при Брежневе. Мы все, как и «всё прогрессивное человечество», знали только о победах и достижениях. Старый избитый партократический метод оболванивания народных масс, – высветила свои глубокие познания Инна.

– А ты, Лиля, хотела бы раз, два – и в дамки? Скоро только сказки сказываются, да не скоро дела делаются. Хватит напрасно сотрясать воздух! Вы все сегодня во всём слишком категоричны. Умоляю, замолчите. Вам только дай повод – немедленно последует фонтанное словоизвержение. А за твоими окольными речами, Инна, всегда что-нибудь да кроется. Ты любишь переходить все мыслимые границы. Ты бываешь безжалостна. Если что-то устраивает тебя, это не значит, что то же может устроить и меня. И наоборот. Я склонна критически относиться ко всем твоим словам. Оставим политику мужчинам. Нам бы в своих женских делах ладу дать, – взмолилась Аня, не зная толком, как прореагировать на резкую реплику в адрес верхних эшелонов власти, и это при том, что сама затеяла этот «неуютный» разговор.

– Да пожалуйста! Я только сообщаю факты или даю советы, но не настаиваю на их исполнении... Стареешь, подруга. Гормоны радости перестают вырабатываться и уже не создают естественной комфортности организму. Извне тоже поступает мало позитивных эмоций – вот и становишься ты скучной, ворчливой, – дурашливым голосом изрекла Инна. – Я сочла своим долгом немного развлечь тебя. Ведь без драматических аспектов твоя жизнь сухая и серая. Я, признаюсь, нахожу это неправильным.

Все рассмеялись, обрадовавшись неожиданному выходу из щекотливого положения, разрядившему общую взволнованность. Видно, Инна сама уловила, что некстати влезла в разговор на большую, очень большую тему. Женщины успокаивались, лениво перебрасываясь ничего не значащими фразами. «Все мы бываем несносны, только по-разному», – усмехнулась Лена, оглядывая подруг.

И тут Кира поставила жирную точку в грустном монологе Ани:

– Насколько я знаю, даже в самый трудный период перестройки никто из наших друзей и их детей не ходил в «братках». Учились, работали, выживали, верили, пытались что-то создавать. Хватит стонать. За десять лет сдвинули основные проблемы с мертвой точки. Страшный системный кризис преодолели. Адекватно представляем перспективы. Как раньше говорили старики в деревне: «Лошадь в телегу запрягли, пора за кнут братья и мчаться». Пугает стабильность? Так ее нельзя противопоставлять развитию. Она – одно из его необходимых условий.

Друзья-товарищи

Лена устала от бесконечных разговоров, как ей казалось, о пустом. Ей хотелось услышать, как сложились судьбы однокурсников, как ее бывшие педагоги переживают перестройку в обществе.

- Яков Борисович еще жив? - спросила она Киру негромко.

- Насколько я знаю, жив, но не очень здоров. Нервный очень стал. Он в Америке.

- Да... - протянула Лена, не зная, как реагировать на известие.

- Я слышала, будто Якова Борисовича жена подбила на авантюру. Брат у нее в Нью-Йорке. Не говорит ли это о его неспособности мыслить широко и быть менее энергичным, чем те, которые остались? Может, напротив? - с бесстрастным каменным лицом задала Инна провокационный вопрос.

Ответа ни от кого не последовало.

- Надеюсь, ему хватит ума вернуться или самолюбие не позволит? Скажешь, прямо-таки разбежался возвращаться? - опять, как бы в пробор, в шутку спросила Инна.

- Просто он не видит в том особой необходимости. Считает, что поздно, что все равно где умирать, а там все-таки родные жены рядом, - тихо, не выдержав «долбежки» Инны, выступила в защиту любимого преподавателя Лера.

- Ты его оправдываешь, потому что по-прежнему обожаешь? Помню твои слова о нем: «Скажет, как к стене пригвоздит». Тебе нравилось, что он часто напоминал нам слова Гейне «Жить имеет право тот, кто чем-то владеет». Он имел в виду, конечно, специальность и интеллектуальные способности. Еще помню, что Яков Борисович принимал горячее участие в наших судьбах, преподносил спорные, экстравагантные мысли, изрекал умные фразы. Его биография обростала легендами, и уже трудно было понять, где правда, а где миф. Его вклад в наше воспитание неоспорим! Весьма недурная характеристика, правда? И вдруг драпанул на Запад! Можно подумать, ему крупно повезло. Станный способ сохранить лицо... Может, до сих пор ты поминутно повторяешь: «О, высокочтимый!» Ты так постоянна в своих привязанностях? - неодобрительно удивилась Инна, приняв молчание Леры за согласие. Вглядываясь в смущенное лицо «осуждаемой», она даже привстала со стула.

- Тебе не понять. Ты у нас как будто не отличалась склонностью к сантиментам, но попробуй прищипорить свое чахлое воображение. Ведь случалось же и тебе обнаружить их в себе, скажем, когда сама обожала, - тихо ответила Лера.

В глазах Киры замелькали искорки беспокойства.

- Язва с претензией на житейскую мудрость. Твоя ирония не ко двору. Что тебе не живется спокойно, поклонница риска? Притягивает дерзость, карнавальный антураж. У тебя чрезвычайно живой нрав. Вставить фитиля? - свистящим шепотом произнесла она.

- Я много раз бита, мне не страшно. Мне претит твоя щепетильность, твои застывшие каноны. Человек тем и отличается от животного, что умеет смеяться, шутить и иронизировать, - хмуро ответила Инна.

- И думать, - спокойно добавила Кира.

- Какой аргумент! Вообразила, что огорошила и взяла меня в оборот? Надеешься услышать: сюда я больше не ходок? Оставлю тебя в искреннем недоумении.

- Перестрелку первым заканчивает не тот, у кого кончились патроны, а тот, кто разумнее, - назидательно заметила Кира.

Жанна во все глаза смотрит на сокурсниц, и лицо ее выражает что-то среднее между любопытством и удивлением.

- Лера, а ты смогла бы уехать на Запад? - спросила Аня.

Инна состроила на лице мину искреннего дружелюбия и уставилась на Леру в надежде узнать что-либо ужасно экстравагантное или, по меньшей мере, чрезвычайно современное, но услышала привычное:

- Разве можно эмигрировать от себя? Что я там забыла? Предпочитаю есть ржаной хлеб на родине, а не пшеничные пироги из чужих рук.

- В гробу и в белых тапочках я видела эту за границу. И продукты, и одежду я принципиально покупаю свои, российские, - раздался сердитый голос Лили.

- А я бы не против... - произнесла Галя.

- Ты другого поля ягода? Что ж не свалила? - прервала ее Инна. - Так тебя там и ждали. Гляди, уже объятая раскрыли.

- Ну, это уже перебор. По туристической путевке, - закончила фразу Галя.

- Девчонки, а помните, как Яков Борисович впервые попал в Финляндию? Лена, ты наверняка об этом не слышала. В составе делегации были одни чиновники, а его взяли как крупного специалиста по прикладным компьютерным программам. Тогда эта наука у нас была еще в зачаточном состоянии. Он приехал назад ошарашенный, растерянный и все повторял: «Это же коммунизм! Это же настоящий коммунизм!» Похоже, вид сотен сортов мясных изделий в витринах их магазинов потряс его больше, чем любые достопримечательности этой страны, - улыбнулась Лили.

- Мне тогда сразу пришла в голову мысль о том, что там полные полки колбасы, потому что ее не покупают. Наши люди вмиг бы все смели с прилавков, - рассмеялась Инна, и, отсмеявшись, добавила:

- Разными категориями мы с ними мыслили. Нам с нашей совковой философией их было не понять.

- С Яковом Борисовичем там маленькая история произошла. В гостинице ему дали изношенную простыню, и ночью он нечаянно порвал ее, зацепившись за дыру пальцем ноги. И вот сидит он на кровати растерянный, испуганный и подсчитывает, сколько с него сдерут за простыню и кому в его семье из-за этого непредвиденного случая он не сможет привезти подарок. В таком несчастном виде и нашел его инженер-финн.

Услышав печальный рассказ советского коллеги, он одним рывком разорвал простыню пополам и с обидой в голосе сказал: «Как же вы, русские, не цените и не уважаете себя! Вы позволяете вселять вас по три человека в номер, где положено жить одному, вы не требуете полного сервиса в обслуживании!» Он не понимал, что гости из Союза не привыкли к комфорту. Не знал он и того, что они буквально голодают, чтобы, сэкономив на еде, купить детям что-то особенное, «заморское», то, которое для них, финнов, обыденно и каждодневно. Бедный Яков Борисович даже побелел от ужаса при виде клочков простыни. А финн заставил коридорного не только принести совершенно новое постельное белье, но еще и извиниться перед гостем.

А еще Яков Борисович поведал, что извечное русское пьянство - выдумка, не имеющая под собой основы. На дармовщину все крепко пьют - и шведы, и немцы, и финны. Насмотрелся на презентациях. Не хуже русских надираются. Рассказывал и о том, что с удовольствием чувствовал себя за границей самым знающим специалистом-теоретиком, и это при том, что уровень компьютерной техники у нас тогда был много ниже. А финны удивились тому, что, имея такую высокую квалификацию, их русский коллега кроме двухкомнатной квартиры на четверых к сорока годам ничего не приобрел, и водили показывать свои огромные коттеджи и яхты.

- Но ты не рассказала, как дóроги в Финляндии бытовые услуги и что каждый уважающий себя финн считает своим долгом самому чинить, допустим, сантехнику и многое другое. Умеют экономить, - заметила Лена.

Кира, тихо вздохнув, заметила грустно:

- И все же, наверное, Яков Борисович теперь жалеет, что уехал в Штаты. Какой талантливый был! Слава говорил, что фундаментальной наукой все-таки лучше всего заниматься в России. Он у меня убежденный противник всякого рода «фокусов».

Искренне не понимал Якова Борисовича. Почему столько несчастий всегда сваливалось на нашего любимого педагога? Может, он все время пытался прожить не ту жизнь, которая ему предназначалась, и она его за это наказывала? Я в последнее время все чаще задумываюсь о том, что каждый из нас пришел в этот мир с каким-то заранее обусловленным предназначением. Некоторые люди, одаренные особым обостренным внутренним зрением и слухом, способны предчувствовать, угадывать свое будущее, а другие постоянно сворачивают с намеченного им пути.

«Она права. Я хоть и в малых дозах, но тоже обладаю этим качеством. Однако, к сожалению, редко доверяю своим ощущениям по причине впитанного с детства жесткого отрицания нашим обществом существования этих явлений. А теперь вот в другую сторону все качнулись: пришла мода на экстрасенсов и гадалок», – подумала Рита.

«Не слишком ли увлекается Кира всякого рода необоснованными теориями? Это при ее-то безоблачной жизни», – удивилась Лена и задумалась, перебирая в памяти, просмотренные на эту тему телепередачи.

– ...Петр депешу прислал: завтра приедет! Лена, помнишь его? Примечательная история. Во исполнение родительской мечты поступил в университет. Они исходили из того, что физик – истинно мужская профессия, имеющая многогранное применение, и что найти себя в ней сможет каждый. А Петр оказался гуманитарием. Он долго мучился, плутая в лабиринтах высокой теоретической науки, и вдруг понял – не его дорога. Оставил наш факультет, и без «высочайшего» спросу стал журналистом.

Ты бы видела его счастливые глаза! А если бы не послушал себя? История не терпит сослагательного наклонения, но в результате мы могли бы получить несчастливца и неудачника. Не знаю, что потеряла физика, но журналистика, я думаю, очень даже выиграла. Петя до сих пор прекрасно трудится, приспособив свои знания и опыт к требованиям сначала социалистической, а теперь и капиталистической действительности. – Это Лиля потревожила и распугала отвлеченные мысли Лены.

«Здесь не место выпячивать грудь и хвалиться своими заслугами. Здесь хорошо говорят о других», – с удовлетворением отметила про себя Лена.

– ...Виктор, выйдя на пенсию, художником стал. В Москве выставлялся. А Светлана! Внешне не примечательная и в общении ничего особенного собой не представляла. И вдруг – талант! Ей назначено судьбой быть поэтом, а она ради надежного куска хлеба подалась в технари. Что поделаешь, положение у нее тогда такое было, только на себя надеяться приходилось. Ничего не могу сказать плохого об ее инженерном прошлом. Умная, трудолюбивая, с огоньком работала, с инициативой. Мужчинам, случалось, фору давала, за что и зажимали ее, придавливали, чтобы не высовывалась. Но сколько бы она ни уходила в сторону от предначертанной ей линии жизни, все же вернулась на нужную её душе стезю.

Уже будучи на пенсии, прислушалась к своему внутреннему голосу и выполнила свое предназначение, издав за короткий срок несколько, с моей точки зрения, очень даже неплохих, зрелых сборников стихов, стала членом Союза писателей. Она состоялась не только как хороший человек, прекрасная мать, достойный инженер, но и как оригинальный, своеобразный поэт. Успела выплеснуть свои талантливые строки, не стубила их втуне. Поначалу в ее родном городе к ней, как к поэту, никто серьезно не отнесся. Признали, когда начала печататься в Москве, когда премии посыпались как из рога изобилия.

– Признали? Насколько я знаю, у себя она так ничего и не получила, – неодобрительно уточнила Инна. – Светлана раньше не печаталась, потому что биография родителей ее мужа была для нее губительна; она вынуждена была добросовестно отсиживаться в честных инженерах. Вы не в курсе? – удивилась Инна, довольная своей осведомленностью и тем, что смогла хоть чем-то поразить сокурсниц, а значит, выделиться.

«Всякое тайное знание дает ощущение избранности», – сказал Инне когда-то один из ее поклонников, когда узнал, что она работает в номерном институте, «в ящике», как

принято было говорить в семидесятых. Ей запомнилась эта фраза, потому что радовала, повышала самооценку», – вспомнила Лена, увидев просиявшее лицо своей подруги.

И вдруг, будто осененная, Инна выдохнула:

– Только что-то не очень мне верится в предначертания. Как же тогда понять гибель человека в расцвете сил, онкологию у ребенка? Неужели свыше подобное заранее планируется? Это же безнравственно, невозможно жестоко. Дикость какая-то. Что-то здесь не то. Мы перекладываем на Высшую силу ответственность за свои ошибки?

Вслед за неожиданными словами Инны последовала растерянная тишина. Инна права, но никто не был готов озвучивать эту трудную тему. Сердца требовали излагать ее с болью, а они собрались здесь порадоваться друг за друга. Обошлись без обсуждений. Кира торопливо сменила направление разговора: стала хвалиться недавним рождением внучки.

Костя

- ...Ирина, которая Леонидовна? Они с детства дружили. Он всегда был рядом. Их сердца будто слились в одно... Прихожу как-то к ней на работу. В ее компьютере его портрет во весь экран. «Его уже два года нет... - Говорит так, будто несчастье случилось только вчера. У меня мороз по коже. - Тридцать семь лет вместе... И вдруг рак. Даю ему кислородную подушку, слышу: «Ты не представляешь, какое счастье - дышать». Это его последние слова. С ними и ушел в мир иной». И словно окостенела...

Я тоже в ступоре. Она не могла говорить, ей трудно было дышать. Лицо сделалось малиново-красным. Она сжала виски ладонями и отвернулась к стене. Я уже пожалела, что, проявив любопытство, всколыхнула самое больное...

Она ни разу не сказала «был». Она не хотела говорить «был». Он всегда с ней...

- ...А вот небезызвестный, в высшей степени замечательный Костя Литовский! Помню, пришел на первую лекцию не студент, а солнечное сияние! Что-то в его облике было есенинское. Такой светлый, лучистый. Учился, глядя в небо, не замечая земли. Бриллиант искренности и чистоты. В нем было столько жизни, столько любви к Миру! У него тут такой мечтательный вид, - радостно воскликнула Лена, внимательно перебиравшая фотографии их юности, обещавшей каждому немало счастливых минут.

«Ленка обычно не склонна обнажать свои чувства, а тут разошлась, из берегов вышла. Не созвучно это с ее характером, - удивилась Инна. - Вот что значит долго не общаться с друзьями».

- Вынуждена тебя огорчить: отмечался Костик десять лет назад, да будет ему земля пухом. Пришел час, положивший конец его земным невзгодам. Достойные уходят слишком рано. Но нам не дано изменять порядок, установленный Всевышним, и вмешиваться в волю проведения. В юности мы считаем, что в человеческом существовании нет ничего заведомо заданного, predetermined, а с возрастом начинаем сомневаться в полной свободе выбора. Что-то подталкивает нас... - вздохнула Кира. - Я до сих пор не могу побороть саднящее чувство утраты. С мучительным сожалением думаю, как несправедливо мало было отмерено счастья нашему Костику. Ты права: золотой души, исполненной полета, был юноша, умница, каких мало, наполненный каким-то неземным очарованием. Чистый сердцем. Отличался вдумчивым и в то же время оптимистическим взглядом на окружающих, умел восхищаться другими, язык его не знал лукавства. Годы житейских испытаний не влили в его сердце ни капли зла или желчи... только чуть-чуть горечи. С его солнечным восприятием жизни ему, казалось бы, еще полному сил, не нашлось места среди нас, грешных. Он унес с собой целый мир...

Он обогащал нас уже одним фактом существования рядом с нами. К людям относился с интересом, с любовью. Крепко стоял на ногах, всегда был готов к мужским поступкам. Не грузил окружающих своими проблемами. Мол, зачем трезвонить. Действовал только на свой страх и риск. Ему бы еще жить и жить. Сердце не выдержало. Смерть никому не делает исключения. Святые долго не живут. Сколько лет его знала, ни разу не усомнилась в первом о нем впечатлении.

- Он казался мне таким уверенным, - сказала Лена.

- Быть и казаться - не одно и то же. Тебе ли этого не знать, - заметила Лера.

- Каждый год смерть неумолимо забирает наших лучших друзей. На каждой встрече приходится подсчитывать потери нашего неуклонно редющего племени. Воспоминания приоткрывают бездонность наших утрат. Каких прекрасных ребят мы теряем, мир их праху, - снова горестно вздохнула Кира. - У Костика был талант вознесения взаимоотношений между людьми на небывалую высоту. Такие вот мальчишки были на нашем курсе... Все уже круг друзей.

- «Талант - единственная новость, которая всегда нова», - непонятно зачем с преувеличенными, ничем не мотивированными эмоциями продекламировала Инна строчку из стихотворения Пастернака. - «Понятие таланта - это единственная подлинность, которая не меняется из века в век», - глубокомысленно повторила она чьи-

то слова. Наверное, она относилась к Косте.

- Подчас мы доподлинно узнаём человека, лишь расставшись с ним. Надо бережно относиться хотя бы к памяти человека, раз при жизни не получалось. Зачем дан человеку талант, если путь ему закрыт? Умение разбираться в людях часто не совпадает с умением строить синхрофазотроны. Говоря научным языком, не коррелирует это умение с талантом в какой-то узкой области науки. Человеческие отношения - самая сложная наука в мире. Интуитивно я чувствовала его проблемы, и мои ощущения печально оправдались в большей степени, чем я могла предположить. Вот и думаю: разве за нами выбор дорог? Судьба Кости - лишнее подтверждение моей правоты, - опять вздохнула Кира.

Кем был закрыт путь Костика в науку, она не договорила. «Похоже, и для нее это вопрос вопросов», - поняла Лена, но заостряться на этом не стала, а просто приготовилась выслушать все, что расскажет Кира о Косте.

- Мне казалось, что в нем все время шел какой-то внутренний процесс борьбы с самим собой. Видно, трудно доставалась ему эта внешне обманчивая легкость, устойчивость и доброжелательность. Слишком трагично относился он к обыденным жизненным передрыгам. Да еще с его-то самоиронией до самоистязания... Но какое обаяние отваги!.. Всё через сердце пропускал, но таил этот факт от всех. А жизненный ресурс каждого из нас не бесконечен. Надорвался. Не вынес, перешел в новую реальность. Но во всех нас, его друзьях, остался его добрый свет.

На наши посиделки «между вином и чаем» к Вале не приходил. Все некогда было. Вовлеченный в водоворот сложностей жизни, не мог позволить себе расслабиться. А как-то открываю дверь, - это как раз в канун Нового года было, - и можете себе представить! - стоит Костик. Явился-таки! Вы бы его видели: он был так счастлив, что выбрался к друзьям. Его глаза светились чистым мальчишеским восторгом. «Наконец-то, - говорил, - я воссоединился с вами и попал в оазис дружбы и любви».

Сколько было радости от встречи! Сразу за гитару схватился. Пел тихо, но все сразу замолчали и слушали. Я сама словно онемела от какого-то сверх напряженного внимания, боясь хоть на секунду отвлечься и потерять драгоценные моменты слияния с его сердцем. Я так ему обрадовалась, точно век не виделась. Как-никак двадцать лет в нашу компанию глаз не казал. Все больше по телефону общались.

Мы долго беседовали под тихие аккорды песен нашей юности. Вспоминали шестидесятые - время, когда были молоды и романтичны. Всколыхнул он память тех весенних лет, когда по радио пели одно, а мы другое - свое, студенческое: Александра Городницкого, Высоцкого, «битлов», «Над Канадой небо синее», «Свобода, брат, свобода, брат, свобода», «Журавленок».

С тех пор Костя стал приходить к нам - как он сам выражался - за новыми вливаниями бодрости и радости. Делился со мной: «Какие это прекрасные моменты человеческого общения! Душа от них восхищается, и так жить хочется!» Редко виделась, но каждый раз это было счастьем.

Только год успел пообщаться Костик с нами. Никто не мог предвидеть неожиданной развязки. Как-то пожаловался мне, что имена в памяти обесцвечиваться стали, что силится припомнить названия сел и городов, где вместе были на практике, в стройотрядах, и с тревогой понял - уходит в небытие радостное восторженное прошлое, уже не поддерживает своей положительной энергией. Стало иногда возникать ощущение беспомощности, невозможности выполнить привычную работу. (Наверное, он тогда уже болел).

Сначала предположил подсознательный вымысел, потом понял, что надо себя спасать, прикинув к роднику наших общих воспоминаний, чтобы вновь услышать музыку былой весны, извлечь и оживить в памяти верный, но забытый таинственный оттенок ТОГО чудного времени и воспрянуть духом. Ему захотелось хоть на короткое время возвращаться в теплую, яркую свежесть юности, приводить себя в состояние восторга и восстанавливать нарушенную стрессами гармоничную целостность своей души.

«По прошествии стольких лет я снова, обретая общение с вами, «уловил ликование цвета, пробудил в себе память запахов прошлого, ощутил прежнюю, невиданную мягкость,

нежность, облагораживающую душу праздничность». Сколько я пропустил сердечных минут! Зачем лишал себя всего этого?» – с грустно-радостной слезой в голосе вспоминала Кира слова друга юности. – Костик жизнь у нас свою продлевал. И напоследок, помню, пришел как за живительным глотком воздуха... У меня есть право так говорить. По своему опыту знаю, как целительно общение с прекрасным прошлым в кругу старых друзей.

Мне даже как-то показалось, что в последний год жизни он по-настоящему счастливым чувствовал себя только у нас, с гитарой в руках.

– Он знал, что приговорен? – тихо спросила Лена.

– Не знал, но чувствовал. Когда человек неизлечимо заболевает, сначала все в нем затухает, а потом вдруг появляется огромная жажда жизни. Он ярче чувствует, глубже видит, но ненадолго... Гитара затихала, умирала. Тяжко на сердце, когда не можешь помочь, когда даже доброе слово друга уже не доходит, повисает в воздухе. Этого мне никогда не забыть. Его уход был для всех нас страшным шоком. Я до сих пор до конца не осознаю, только ощущаю боль утраты. В юности были встречи, теперь все больше прощания. Я написала о нем огромную статью в местную газету. Считала это делом чести. А там целую жизнь ужали до нескольких строчек некролога. И какую жизнь!

– Боже мой, я же, оказывается, с Костиком за год до его кончины на нашей родной кафедре разговаривала. До такой степени обрадовалась! Он, как всегда, был светел, красив, обаятелен, интересен в беседе, в голосе чувствовалась полнота жизни, строил планы на будущее. Мечтал защитить докторскую. Я поняла, что он на подъеме. Мы с ним целый час проговорили, потом долго стояли на крыльце в молчаливом душевном согласии, но я так и не рискнула сообщить ему о том, что упомянула о нем в своей книге. Вот, думала, выпущу в свет, тогда и вышлю экземпляр в подарок. Удивлю... Удивила. Окончен бал, погасли свечи. И все же я спроецировала его душу на страницы своей повести, перенесла частичку его в завтра, в будущее. Чтобы помнили. Ведь верно писал Роберт Рождественский: «Пока я помню – я живу», – тихо сказала Алла.

– Сгорел Костик в три месяца. И талант от болезни не защитил. Все умирают вне зависимости от ранга и статуса. У всех нас – единственный дубль. И он достойно отыграл свою роль. «В этой шахматной партии по имени «жизнь» человек не бывает победителем, смерть всегда выигрывает». Какие обстоятельства помогли уйти ему из жизни? Кто манипулировал им? Не дают мне покоя его откровения, полные противоречивой недосказанности. Почему жизнь такая непонятная штука?

Так получилось, что угасал он на моих глазах. Какая мука наблюдать, что делает болезнь с обожаемым тобой человеком. А каково было его жене? Они так были привязаны друг к другу. Когда Костика не стало, она плакала: «Как же я теперь одна, без твоего плеча... Мы теперь в разных мирах, но я чувствую, что он смотрит на меня». Надежный был, настоящий. О семье говорил: «Вы – главные бриллианты в моей короне». – Это Лера рассказала.

«Все подсознательно боятся смерти, даже те, кому нечего терять, не с кем расставаться», – подумала Лена и зябко поежилась. Чувство необратимости случившегося заполонило ее. Ей вдруг показалось, что она знала Костика давно-давно, в том далеком, которое бесконечно длиннее ее жизни.

– А какой был друг! Будто осиротел без него Володя. Многие из того, что связывало с ним крепкой дружбой, кануло теперь в Лету... Вместе с ним ушла частичка и меня самой. Народу за гробом была тьма, сколько слез – передать невозможно. Больше всего было родным и тем, кто знал его юным, – Кира, скрывая подпирившее волнение, подняла глаза вверх. – Может, ожиданий от жизни у Кости было больше, чем он получил, и это его постоянно точило? Нас ведь в вузе готовили к встрече с чем-то необыкновенным. В жизни слишком много прозы, а его к солнцу тянуло, вот и сгорел до времени наш Икар.

Перед ее глазами поплыли наиболее трагичные страницы биографии друга.

– ...Главное, не зря прожил. Много доброго успел после себя оставить. Ах, Костик, Костик, – тихо обронила Эмма.

«Шадающая память, раскручивая назад машину времени, выдает только добрые моменты

жизни. Говорить хорошие слова надо живым. Мертвым до ваших речей дела нет», – чуть слышно сердито пробурчала Инна.

– Некоторые из нас слишком быстро ушли под нож нашего времени, но остались корни и им есть из чего и для чего произрастать, – задумчиво произнесла Кира.

– В чем высший смысл раннего ухода из жизни прекрасных людей, не успевших достичь вершины успеха и счастья? – грустно пожала плечами Галя, похоже, думая уже о ком-то другом.

– Сколько раз вроде бы совсем забытая студенческая дружба внезапно подавала признаки жизни, возникал повод откликнуться, напомнить о себе, а я все откладывала встречи на потом, был не отпуск, и только узнав о смерти Кости, стряхнула с себя груз забот и примчалась на нашу «сходку». С тех пор вот так и прихожу сюда чуть ли не каждую субботу. – Мягкий задумчивый взгляд Милы на миг отвлекся от того, что происходило здесь, сейчас, в эту минуту, но потом она продолжила:

– Надо при каждом удобном случае встречаться и вспоминать ушедших друзей.

– Испугалась, что ждет тебя болтливая, кокетливая или, напротив, меланхоличная одинокая старость. Поэтому потребовался эликсир общения? – попыталась пошутить Жанна, надеясь развеять печали подруг, но получилось как-то неуклюже, неловко и неприятно.

Жанна сама почувствовала неуместность своих легковесных слов и добавила тихо:

– Я приехала и сразу загрустила. Когда еще мне выпадет счастливый случай встретиться вот так, чтобы все вместе? Вряд ли еще представится возможность. Все-таки Владивосток – не шуточная поездка на дачу к подруге. Мне нечаянная удача на голову свалилась, и я поспешила ею воспользоваться. Теперь понимаю, что именно подспудное ощущение того, что резервы здоровья конечны, толкнуло меня на такое далекое путешествие на поезде. Самолеты не выношу.

«В маске любви и дружбы каждого провожают, похвалы расточают. Рады производить друг друга в святые, горой за друзей стоят, а если прозондировать почву, то окажется, что грехи есть у каждого. Одно ясно: важно, что теперь это совершенно... не важно. Теперь только заслуги чтятся. А я не надеваю лисью шкуру и придерживаюсь того мнения, что в жизни опаснее всего молчаливый недруг», – чуть слышно пробубнила Инна на ухо Жанне. Ее распирало желание выговориться:

– Ты слышала о Варьке?.. Прибивалась то к одним, то к другим штанам, как блудная собачка.

Жанна брезгливо отстранилась: «А сама-то?..» Ей подумалось, что ревнует Инна всех, кого хвалят, потому что ей самой не хватает теплых слов друзей, достойного внимания к ее заслугам, которых, наверное, предостаточно. «И все из-за ее трудного характера. Может, даже жаба зависти давит ее. Ненасытность – причина всех ее бед или она из тех, которых больше всего интересует «кто и с кем?» Что с нее взять. Она же у нас не как все. Строптивая... А на лице у нее иногда мелькает выражение стоического примирения с судьбой... Счастье. Равноценным его распределение не назовешь».

Но Инна ничем не выдала своей обиды. Она уже наострила и развернула уши в сторону Лены. А та, потрясенная известием о смерти Кости, безуспешно пыталась вникнуть в следующие рассказы подруг. Инне пришлось чувствительно тряхнуть ее за плечо. Лена взглянула на нее с видом человека, которого оторвали от работы, требующей максимальной сосредоточенности. Прошло еще некоторое время, прежде чем она заговорила.

– Раздули вы костер воспоминаний, окунули меня в прошлое. Подошло-подступило времечко, когда надо бросать все дела и встречаться друг с другом, пока не поздно. Многих я уже не увижу никогда. Доведется ли еще приехать? Нет, обязательно приеду. Но память о них, уже ушедших, все равно останется в нас до конца дней. – Лена незаметно смахнула слезу. – Я впервые поняла, что такое смерть, когда она забрала у меня человека, которого я любила больше всех на свете, – дедушку. Ум человека истощается, язык сердца – нет. Слезы о нем не оставили следов на лице, только шрамы

на сердце. И все накапливается, накапливается долг благодарности, – раскрыла себя Лена. – А потом и друзья один за другим стали уходить. Хотелось говорить им единственно возможные слова, но часто не успевала... Хотя умереть на бегу или во сне, что может быть лучше?

– Догорают наши свечи. В принципе для меня смерть не страшна. Главное, как без меня будут мои внуки. Нас привязывают к жизни те, кому мы служим опорой, – пробормотала Рита.

– Да и то сказать, взгрустнулось что-то. Если исходить из того, что молодость – время новых встреч, то наша теперешняя жизнь напоминает постоянное прощание. Но не будем грустить. Нас ждут среднестатистические пятнадцать-двадцать лет, – оптимистичным тоном подвела черту Кира. – Приезжайте снова. Не пропадите надолго.

И ей подумалось горько: «Каждый знает, что впереди ждет нас еще чья-то смерть, еще чье-то и наше общее горе. Любая жизнь заканчивается альбомом с фотографиями, памятью детей, внуков, а у некоторых многим больше. «Дух вечен», – писал Сенека. Может, и встретимся где-то там». И вдруг собственная смерть почудилась ей не такой уж и далекой. Она вздрогнула, резким движением головы отогнала пугающую мысль, прошептал «Боже сохрани». В этот момент ей показалось, что она без колебаний могла бы записать себя в число искренно верующих.

– Результаты статистики говорят, что мужчины, дожившие до шестидесяти лет – те, что не пили, не курили и вели правильный образ жизни, – дальше живут вровень с женщинами, – внесла в разговор нотку успокоения и отвлечения от грусти Лиля.

– Ах, какой безмятежной иногда бывает жизнь! Но как редки эти драгоценные врачующие минуты, – вздохнула Аня и грустно улыбнулась каким-то своим далеким, сокровенным мыслям.

И все же за этим разговором последовала длительная, печальная пауза. Ее прервала вошедшая из коридора Мила. Заглянув в альбом через плечо Лены, она воскликнула:

– Ой, девчонки, а у меня нет такой фотографии! Какая я тут смешная! Косички, бантики. На мне спортивное трико, строгое платье и огромный мамин пиджак – чучело гороховое!

– С чем тебя и поздравляю, – не утерпела, чтобы не взбрыкнуть, Инна.

– На первом курсе я не комплексовала насчет одежды, готова была напялить на себя весь свой гардероб, лишь бы не замерзнуть в только что отстроенном холодном корпусе, чтобы не заболеть и не дай бог пропустить лекции.

Какая я тут тощенькая, кажется, дунь – упаду. А какие у меня тут невинные детские, искренние глаза! И притом недетская серьезность и строгость. Такой вот неожиданный симбиоз. И при этой-то внешности пятикурсники мне замужество предлагали?! Что они во мне могли тогда разглядеть? А я о замужестве не помышляла, хотела уметь, а не взрослеть. А некоторые девчонки в общезнании поддразнивали меня, насмехались над моей подростковой внешностью. Но я не нервничала и отвечала весело, мол, в тридцать пять лет вы уже будете старухами, а я только в пору начну входить.

Какая я тогда была глупая. Помню, мама спросила меня, когда я приехала домой на каникулы: «Говорят, кто-то там у тебя в шляпе завелся». А я в первый момент удивилась странному вопросу, потому что сразу представила себе шляпу, перевернутую тульей вниз, и в ней что-то шевелится. И только через минуту до меня дошло, что она о мнимом ухажере спрашивала. Боже мой, как я всегда торопила лето, как рвалась сюда, к друзьям!

– Кто это в шляпе? Ты это о вредном старичке Михаиле Викторовиче, о котором на первом курсе поговаривали, будто бы он часто пешком возвращался вместе с тобой из университета? – спросила Лена.

– О нем, будь он трижды неладен, – сердито фыркнула Мила.

– А я почему-то в этой связи Игоря Васильевича Копытина вспомнила. Многие в него были влюблены. Еще бы! Молодой, талантливый, амбициозный, неженатый, – восхищенно произнесла Алла и даже глаза прикрыла, будто желая прокрутить перед

своим внутренним взором интересные лекции удивительно обаятельного педагога по теоретической физике. – Во всяком случае, я вполне могу считать его своим первым учителем на пути осознания себя как ученого. Первые годы обучения я почитала его как Бога. Становление личности происходит через содержательное общение. А я три года в его котле варилась. Сам того не зная, своим примером он удерживал меня от многих глупых шагов, вселял в меня уверенность в свои силы и даже привил изрядную напористость. В противном случае карьера стоила бы мне много больших нервов и сил. В этом плане я благодарна ему как никому другому. Встречая на своем пути таких прекрасных людей, становишься внутренне богаче.

– Вот именно, что таких, а не всяких, – пробурчала Инна только для того, чтобы хоть что-то произнести.

– Экспериментальной физикой я увлеклась уже на пятом курсе. Но и здесь мне пригодились все, что вложил в меня Игорь Васильевич, – закончила Алла.

– И я не могла позволить себе влюбиться в Игоря Васильевича. Я его слишком уважала и боготворила, – серьезно сказала Аня. – Может, поэтому при упоминании о нашем любимом городе я всегда невольно вспоминаю о нем.

– Город на всю жизнь становится родным, когда ты любишь одного из живущих в нем. Вот и мы со Славой здесь счастливо встретились, – вздохнула по ушедшей юности Кира, но глаза ее светились радостью.

– Рита, это твоя свадьба? – спросила Лена, подавая подруге большой черно-белый снимок.

– Моя, – смущенно зарделась Рита. – Мне тогда очень хотелось выглядеть серьезной, но мой рот сам собой разъезжался чуть ли не до ушей. У меня здесь такая глупая счастливая улыбка! Правда же? – как-то по-детски спросила она.

– Вы здесь такие красивые! Твой муженек совсем не похож на деспота, каким его представляло мое воображение. А теперь он какой? – Инна прицельно направила свои острые черные глаза.

Рита закусила нижнюю губу и промолчала.

– А это Аркаша Трушев. Какой милый! Личико круглое, лопухое и такое отчаянно смелое. Девчонки, где он теперь? Как сложилась его судьба? Такой правильный был. Юный добрый рыцарь без страха и упрека. Мне он казался самым счастливым мальчиком на свете. Только он тогда не понимал этого. Глядя на него, я, бывало, думала: «Счастлива будет та, которую он полюбит». Этой выцветшей любительской фотографией я обязана всплывшими в один миг теплыми, немного грустными воспоминаниями юности, правда, совсем не связанными с Аркашей, – с улыбкой исповедовалась Лена. И вдруг подумала: «Я уже не способна, как прежде, беспечно смеяться по каждому пустяку, но улыбку во мне вызвать еще очень даже просто. Не затухли еще радостные искорки в душе».

– Никто, к сожалению, об Аркаше ничего не знает. Добросердечие и мягкость сослужили ему плохую службу, став причиной многих его бед. Всё у него было: и юношеские амбиции, и мечты, благополучно растворившиеся в жизненной текучке самых разных уровней. Потом поднялся с колен, женился. Женитьба не стала событием в его судьбе, не повернула его жизнь в лучшую сторону. Проблем возникало – хоть отбавляй, и все неразрешимые. Начальник – сволочь, яслей нет, квартиры нет, жена переживает. И вдруг навсегда покинул наш город и как в воду канул. Уехал и больше не давал о себе знать. Через его маму напала была на след, но он никуда не привел. Временами я думала, что не хотел он светиться, пока не достигнет определенных успехов. Его исчезновение до сих пор окутано завесой загадочности. И где обрывается его след, не удалось обнаружить. Хоть в мировой розыск подавай. Даже всё ведающая Инна ничего «не накопала», – шутливо откликнулась Кира, скользнув быстрым одобряющим взглядом в сторону всезнающей однокурсницы.

Лена не успела удивиться рассказанному, а Лиля уже среагировала:

- Инна, под Коломбо косишь? - поддержала она шуточный тон Киры. Ей не хотелось грустить на встрече друзей.

- Надеюсь, Аркаша сумел найти себя и справиться с трудностями, - как-то по-детски ласково-грустно сказала Жанна. И подавила вздох, сделав вид, будто хотела откашляться. - Я верю, мы с ним еще встретимся. Этот момент обязательно настанет. Странно устроена жизнь: мы часто не замечаем тех, кто рядом, стремимся искать понимания на стороне и лишь с годами, словно спохватившись, начинаем ценить добрые качества далеко ушедших от нас старых друзей.

- Жаль. Хотелось бы его увидеть, - опечалилась Лена, будто не веря в предсказания Жанны.

- Девчонки, я оставлю вас ненадолго. Мне на кухню надо. Слава там один не справляется, - сказала Кира.

- Так давай поможем, - с готовностью вскочила Аня.

- Слава колдует над своим фирменным блюдом. Не станем ему мешать, - таинственно возразила Кира.

Как всякий уважающий себя человек, Лена ненавидела сплетни. И хотя ее преследовала неотвязная мысль о неуместной категоричности Инны в их компании, ее все-таки настигло настоящее желание прислушаться к разговору Инны и Жанны. И она повиновалась этому чувству, успокаивая себя тем, что сможет распознать истину в потоке Инниных слов. Но ничего в их разговоре ее не заинтересовало, и она обратила свой слух к Гале и Миле, развлекавшимся свежими «компьютерными» анекдотами.

«Не оторвешь их друг от друга, ну прямо-таки не разлей-вода, - про себя улыбнулась Лена. - Впрочем, ничего удивительного - живут рядом, у них много точек соприкосновения. Они спокойны. Такие встречи для них привычны; это я взбудоражена».

Вася

- Лена, а вот Вася. Узнаешь? Студентом был необоснованно амбициозным, но таким милым и обаятельным! - подсказала Кира тему дальнейшей беседы, осторожно дефилируя между гостями с подносом, уставленным маленькими бутылочками. Она успевала вставлять замечания в разговоры отдельных группок подружек и одновременно разносить безалкогольные напитки на любой вкус.

- Теперь, наверное, на пенсии, отошел от дел, - предположила Лена.

В ответ на слова Киры Инна наклонилась к Лене и зашептала энергично:

- Слабо сказано. Вася - вдохновенный враль и самовлюбленный индюк. Ты его мало знала, он не из нашей группы. Сам себя возвел в ранг счастливого, а судьба таких не любит и жестоко наказывает. Как ты думаешь, кем он оказался по жизни: гусем ли лапчатым, петухом ли горластым?

- Обойдемся без ярлыков, - передернула плечами Жанна, - суть говори. - Она тоже заинтересовалась судьбой Васи.

- Встретила я его через год после распределения на вокзале. Он беременную жену к маме провожал. Они так истошно целовались! Я даже в какой-то момент позавидовала их счастью, но не поверила. В глубине души он должен был понимать, что переоценил себя, что не по себе дерево срубил. На что надеялся? Выбрал бы себе девчонку попроще и был бы счастлив. Так нет же, забраковал этот вариант. Он, видите ли, не мог пройти мимо истинной красоты!

Зачем хвост павлином распускал и тигром прикидывался при заячьей душонке, разыгрывая роль перспективного ученого? Смелый тигр достаточно быстро превратился в неподдающегося дрессировке облезлого кота. Невменяемый. Все мы, конечно, по молодости были глупы, но не все так бездарно самонадеянны. У него ума и энергии хватило только на то, чтобы завоевать будущую жену. Возбужденно-радостный всплеск его эмоций быстро угас.

Помню, я у него спросила, отчего он небритый. А он мне: «Не буду бриться, пока сына на руки не возьму». Я тогда еще подумала: «Белены объелся. А если дочка родится? Зачем дураком себя выставлять? Ведь бывают же мужчины, от которых мальчики вовсе не рождаются». Мы в журнале «Наука и жизнь» об этом читали. А он хвастливо радовался будущему ребенку, как троечный школьник неожиданной пятерке. Он еще не мог чувствовать себя виноватым за свою неудачную, в ближайшем будущем, семейную жизнь. Растрезвонил о своем призрачном счастье на всю округу, а потом долго не мог привыкнуть даже к тому, что у него дочь, а не сын, что уж говорить об остальном. Боже мой, какой глупый! Он сразу взял неверную и слишком высокую ноту, вот и не справился с арией, сорвал голос.

- Не будь так строга к Васе. Он же тогда был пьян от любви. Ему казалось, что он на вершине счастья и ему доступно все, что пожелает, а нюхнул реальной жизни и сразу завял. В двадцать один год ты хотела от него мудрости старика? - осторожно возразила Жанна.

- Мне не раз приходилось у них бывать. Как-то сразу там что-то не заладилось, но они надеялись, что все поправимо. А когда настало время раздражения, обид, ссор, они не сумели преодолеть усталость друг от друга. Постоянная, дикая отрицательность эмоций в их доме просто поражала. Вася уходил из семьи, опять возвращался будто бы из-за дочки, а на самом деле боялся одиночества и хотел, чтобы его любили просто так, ни за что. То была их обоюдная ошибка, достойная сожаления и сочувствия. Жена молчала, а он выставлял напоказ свою трагедию, свою слабость - глаза вечно в глубоком гипнозе, ходил с лицом мятым, как пустой мешок, жалкий какой-то, будто ничейный. Его вид не вдохновлял меня на добрые слова. А ведь мальчиков с детства учат не плакать...

И позже, взрослея, но не мужая, он в известном смысле продолжал жить в выдуманном им самим сказочном пространстве. Видно, не слишком был способен к внутреннему перевоплощению. Я знала об их стесненных жилищных условиях и как-то спросила: мол, когда выберешься из своей собачьей конуры, то бишь из однокомнатной «хрущевки»? А

он тоскливо сказал: «Теперь уж никогда».

«Этот Инкин голос – внушающий, полный убеждения, всю жизнь неотвязно преследует меня», – передернула плечами Рита.

– А вот Алиса, жена его, оказалась намного умнее, напористой, оборотистой. Помню, ее шеф говорил, что «если нужно выступить с речью, я обращусь к мужчине, а если мне нужно что-то сделать, я дам задание женщине, и, скорее всего, такой, как Алиса. Петух, может быть, и хорошо кукарекает, а яйца все-таки несет курица». Знал, что комплименты повышают производительность труда женщин. Щедро раздаривал их тем, кто заслуживал.

Алиса знала, что красивая, но не придавала этому большого значения, ценила в себе только трудолюбие. Она эффектной осталась, даже когда раздобрела после родов. Поначалу Вася пытался ей соответствовать, но избыток самолюбия порождал неудовлетворенность, обидчивость, раздражительность. Он из-за самозабвенной приверженности к фантазиям был азартным, спонтанным, взрывным, но не практичным, не предприимчивым, непредсказуемым, неспособным к длительным научным изысканиям, а в скором времени совсем иссяк и вынужден был заниматься с его точки зрения бесперспективными проблемами и расчетами. Неудачи быстро согнули его.

Вася с беспокойством замечал, что жена все хорошеет, ревновал, отслеживал нестыковки фактов, достраивал их в голове, заполняя собственными домыслами. Стал «мастером по части видений», замучил жену своими необоснованными фантазиями. Алиса на самом деле была не лишена привлекательности и обаяния. И сначала это было предметом Васиной гордости, только достаточно скоро перестала его радовать ее неповторимая индивидуальность. Она задевала и подавляла, что крайне осложняло его поведение. Казалось, он завидует ей. И это был существенный минус в их отношениях.

Вася лихорадочно, любым способом силился привлечь к себе ее внимание. Только не удавалось ему переступить через себя, переломить свой гонор, свою ревность, и, всецело поглощенный лицемерной скорбью, он изводил себя и семью. Все всегда у него сводилось только к пустым разговорам. Не понимал, что надо всю жизнь работать над собой, развивать то, что дала природа. Скулить и киснуть – не велик труд и не почетен. О таких говорят: «Посредственный». Вечно несобранный, растерянный, заспанный, недовольный... Может, ему до сих пор рисуется иная жизнь, умчавшаяся в вечность вместе с его фантазиями.

Ты знаешь, откуда он родом? Представь себе самое далекое, богом забытое место на карте нашей страны, пройди по карте еще несколько сот километров и там найдешь его родное селение... Конечно, он гордился собой, тем, что из глубинки попал в университет, добился любви красивой девушки. В каком-то смысле и я поначалу восхищалась этим деревенским мальчиком. Только стержня в нем не оказалось, один гонор.

...Трудно сказать, когда это у них началось. Слухи о том, что виновником ссор является Вася, впервые пошли после его «открытого выступления» в нетрезвом виде на балконе. Он потом очень расстраивался по этому поводу. Впрочем, и жена не далеко ушла от него в изъяснениях своих отрицательных чувств. Не могла смириться со своей ошибкой, злилась на себя, что по неопытности не рассмотрела за внешним шиком красивых слов слабого, безвольного, не очень умного человека, который не стал ни опорой, ни надеждой, ни перспективой. Она сама в былые годы, как и все мы, додумала, дорисовала его образ, а выйдя замуж, при любой возможности отыгрывалась на муже.

Ее темперамент утомлял Васю. Сверлом вбуравливались в его мозг ее жесткие, хлесткие фразы, от которых он потом не мог долго отделаться. Это был коронный номер, срабатывающий с любым мужчиной. Только каждый подопытный муж по-разному реагирует на подобную мозговую атаку. Некоторые не выдерживают, насовсем уходят из семьи, а эти так и грызлись как кошка с собакой, изливая недовольство друг другом затасканными, примитивными фразами. Мухи дохли от их скучных ссор. Безотрадная картина. Они наводили меня на мысль о никчемности подобного существования. Я считала, что им необходимо разойтись. Нельзя примирять непримиримое! – энергичной скороговоркой шептала Инна.

– Инка, ты прорва! Сколько в тебя пакости влезает! Тебе, чтобы стать милосердной, надо разгрести в себе кучу зла. Опять перебиваешь чужие косточки? Я бы на твоём месте не

стала рассказывать о том, что иногда думаешь о других. Васе и так было несладко. Ты же знаешь, чем кончаются подобные «откровения», – сердито фыркнула Рита, до которой волей-неволей долетали отдельные фразы из монолога Инны-всезнайки.

– Почему ты вечно меня одергиваешь? Я ничего против Васи не имею, просто даю ему характеристику. В конце концов, я не с тобой разговариваю, – огрызнулась в ответ Инна.

Кира не могла сразу вникнуть в суть разговора Инны и Жанны, но, разобрав последние фразы, поняла, что Инна как пороховой склад, готовый в любой момент взорваться. «Нельзя ни на минуту спускать с нее глаз», – подумала она и поспешила вмешаться, чтобы не дать времени для новых оскорбительных восклицаний в адрес Риты. Она заступилась за сокурсника:

– Зря ты о Васе так. Ты всегда надеешься доискаться до правды, но твои сведения редко соответствуют действительности, ты слишком предвзято относишься к мужчинам. Хотя запоздало, но я разъясню тебе Васину суть. Безвредный он был, по-своему добрый, незащитный, ранимый, безропотно переносящий неудачи. Не нашел он в жизни свою верную стезю, вот и мучился. Его не удовлетворяло то, что он делал, чувствовал, что не достигает желаемых высот, и очень от этого страдал. Говорил, что в определенный период жизни он поместил себя в торпеду и заставил ее лететь, а сам не был готов к большой скорости.

Может, он вообще хотел бы двигаться в другом направлении, потому что сначала не понимал, что сам из себя представляет. Кто бы мог подумать, что душевные метания наложат такой сильный отпечаток на всю его последующую жизнь. При его апломбе трудно было предположить, что внутри он такой нежный. Я была чрезвычайно озадачена и озабочена одним обстоятельством, которое, видимо, ускользнуло от внимания многих. Теперь уж не скажу, что навело или натолкнуло нас на эту несколько неприятную тему. Помню только, что случилось так, что речь зашла о мистике, так он – тогда ему было еще тридцать пять лет – вдруг сказал, что у него уже составилось достаточно четкое ощущение кратковременности жизненного бытия и что отпущенный ему срок подходит к концу.

Сначала я подумала, что он, как обычно, рисуется и его слова суть не что иное, как желание добиться внимания, а не искренняя исповедь. Но что-то в тоне его голоса – быть может, легкий оттенок горечи – возбудило во мне сначала любопытство, а потом и подозрение. Я стала успокаивать его, ободрять: мол, не развивай эту тему, лучше покончить с этим мнением раз и навсегда, что твоя вера основывается на ложных представлениях, что этот путь никуда не ведет и с точки зрения логики сказать что-нибудь в его пользу мне нечего. Но я чувствовала, что переубедить его мне не удастся. Как можно переубедить в том, во что человек сам верит как-то неосознанно? Как помочь человеку, если его мечты рухнули как карточный домик?.. Хвалила его, чем, как мне казалось, доставляла ему большое удовольствие. Видно, нечасто он слышал в свой адрес добрые слова. Потом довелось побывать в его семье.

– Ты в самом деле полагала, что он не выдумывал свои предчувствия? При всем моем уважении к тебе я этого не понимаю, – удивилась Инна, сделав вежливо-отсутствующее выражение лица.

– Так я считала не всегда, но в последний год на этот счет у меня уже не было никаких сомнений. Его слова как-то странно завораживали своей неожиданностью и болезненной искренностью.

– Версия не лишена интереса. Но только не при нашем воспитании, – саркастически хмыкнула Инна.

Киру кольнула легкая досада, но она продолжила развивать свою мысль:

– После горьких Васиных слов, когда случалось вспомнить о нем, мое воображение всегда рисовало то человека, разрываемого непосильной тоской и отвращением к себе, то гордого, трагического героя, сочинившего себе прекрасную сказку, но не нашедшего ее в реальной жизни. И тогда мне бывало грустно, очень грустно... И прежде чем мне удалось найти верное толкование его словам, он ушел от нас, и теперь мне уже не кажется странным, что горечь его слов особенно ощущалась в то его последнее лето.

Не каждый мужчина может стать лидером. Надо уметь ценить и простого честного труженика, если к тому же он добрый и порядочный человек. Кому-то дано облагодетельствовать массы, а кто-то только для своей семьи царь и бог, и в том его счастье и заслуга.

- Вон Максим во многих странах побывал, на трех языках книжки в подлиннике читает. Гордится собой, для себя живет, только себя тешит, а детей не приобщил, не помог им поднять великие пласты культуры. Он сам по себе, они сами по себе. Вот и считай, кто лучше жизнь проживает, - привела конкретный пример Лиля.

- Ты же знаешь, Инна, жизнь - странная штука. Иногда слишком непосильной бывает наша любовь для тех, на кого она направлена, и тогда жар души растрачивается впустую. Ведь даже когда два человека любят друг друга, они любят по-разному. Никогда не понять до самого дна душу другого человека... Слишком много в мире и прекрасного, и омерзительного. Когда вспоминаешь, что все мы чуть-чуть верблюды, чуть-чуть «шизики» или шакалы, то многое начинаешь воспринимать проще, сочувственней, что ли. Душой...

Как-то Вася сфотографировался, принес нам фотографии и сказал шутливо, нисколько не заботясь о произведенном впечатлении, что, мол, теперь может спокойно умереть, а этих фоток хватит на все случаи, в том числе на памятник. Меня тогда мороз по коже пробрал от этих его слов. Помню, стоял он передо мной с отсутствующим взглядом, отрешенный, тихий и бормотал: «У меня было множество видений на этот счет, но я не знаю, на какие из них можно полагаться». Я не решилась пристать к нему с расспросами. Мне чудилось в его словах расщепленное восприятие мира, неспособность к нормальному эмоциональному взаимодействию с близкими людьми. «Очередные странные фантазии», - посчитала я. Это я к тому говорю, что Вася будто сам напроорочил себе гибель. Последний год в нем проявлялось твердое ощущение того, что его неизбежно и очень скоро ожидает смерть.

Кира вздохнула.

- Мне, как, впрочем, и моему мужу, он казался человеком, уже вобравшим в себя всю горечь последующих еще не прожитых им десятилетий. Изо дня в день он вновь и вновь впадал в меланхолию и хоть и вскользь, но все время упоминал о грядущем своем несчастье. Он испытывал усталость, неудовлетворенность, подавленность и как-то быстро состарился. Я обнаруживала в его отчетах такие нелепицы - мы в одном отделе работали, меня приставили к нему, - собственно, не относящиеся к качеству его ума. Этим он неоднократно удивлял меня. Я сердилась, по нескольку раз возвращая отчеты, напоминала ему, что он всегда был донельзя щепетильным, призывала больше думать о расчетах, укоряла, мол, с таким же успехом его работу можно доверить начинающему инженеру, и, как следовало ожидать, отказывалась соглашаться с его странным изъясном. Работа есть работа.

Менее всего я склонна была признавать, что он по этой непонятной мне причине скоротечно деградирует. Врачи не находили болезни. Потом и другие стали замечать, что с ним творится что-то неладное. Лицо его сделалось какое-то странное, сдвинутое. Может, он на самом деле чувствовал, что обречен... Теперь, когда все связалось воедино, я иначе смотрю на многое в его неудавшейся жизни. Но ведь не вернешь ее к началу, заново спектакль не отыграешь... Я укоряла Васю, а он в эти моменты, наверное, искренне презирал себя и свою жизнь. Помню, с обидой говорил о том, что все мы разные, не скроенные по одному и тому же шаблону, как платья по лекалу пусть даже талантливого портного... Это вполне могло быть метафорой, а может, и на жену намекал. Жаль милого человечка.

Однажды шли вместе на работу. И вдруг он говорит так восторженно, так искренне, с ласковой улыбкой, что, мол, когда иногда вот так остро ощущаешь себя здоровым - ни тебе давления в башке, ни тяжести в ногах, ни колик в сердце, - хочется верить во Всевышнего и благодарить его. А через полгода будто заживо истлел. В нем заглохло даже эхо собственных чувств... Собравшись вместе - вот как сегодня, - мы с девчонками дружно сетовали о его неудачно сложившейся жизни. Жил бездарно и погиб странно. Жуткая фантазмагорическая история, которая даже заставила некоторых впечатлительных людей задуматься о влиянии высших сил на наши судьбы.

Спешил, уворачивался от мальчишки, мчащегося ему навстречу на велосипеде, упал,

ударился головой об острый камень бордюра – и нет Васеньки. В происшедшей трагедии было что-то чудовищно нелепое, похожее на жестокий рок. При известии о его гибели у меня сразу возникло жутковатое ощущение мистического страха. Найти логическое объяснение случившемуся я не смогла и до конца так и не уяснила, что явилось настоящей причиной его гибели. Какая-то злая минута выпала ему, как черная карта. «Каждому назначен час, тот, что не минует нас». Несомненно одно: не пощадила его судьба. Время от времени мне кажется, что он еще жив и вот сейчас войдет, улыбнется и его грустные глаза засветятся радостью встречи с друзьями. Но ему уже не видеть ни рассветов, ни вёсен, которые он так любил.

Милиция остановилась на версии «несчастный случай». Так и зафиксировано в протоколе. Уж двадцать лет прошло, как закончился жизненный путь Васи. Он первым из нашего курса ушел. Торопливая рука смерти слишком рано выхватила его из наших рядов. Погас огонек. Еще один теплый мягкий лучик пропал с поверхности земли. Боже мой, как скоротечна жизнь!.. Все люди умирают от горя, обиды и одиночества. А болезни ли, несчастные ли случаи – это лишь следствия, это лишь способы ухода из жизни, навязанные нам свойствами организма, а может быть, и судьбой. Всем нам хотелось бы иметь точные ответы на все вопросы. Но мы не можем их получить.

– Простите... не знала. Я думала, что они просто разошлись и разъехались. Почему же Алиса мне ничего не сказала? Значит, ей слишком дорога память о муже, – растерянно, как-то испуганно запинаясь, пролепетала Инна и попыталась незаметно выскользнуть из комнаты. Жанна удержала ее за руку, вынудив остаться.

– Как жена перенесла утрату? – спросила она у Киры.

– К чему разглашать подобные подробности? Эту слишком личную главу из ее жизни я бы опустила, – отклонила Кира нетактичный вопрос.

– Какова роль жены во всей этой истории? Ты не находишь, что она причастна... Тебя не смущает, что сознавая власть над ним...

– Ты неверно истолковала мои слова. Я и мысли такой не допускаю. Не упрощай. В ранней смерти Васи у нас не принято даже косвенно винить жену, – поняла Кира неоконченный вопрос Жанны, – все мы более или менее сошлись на том, что такова его несчастливая звезда.

«Простодушие Жанны для меня непостижимо», – досадливо подумала Кира, направляясь в кухню.

И та, и другая версии Жанне были далеки, если не сказать большего. Но она подумала: «Я одна знаю подробности ухода Валеры из жизни, но у меня никогда не появляется желание поведать однокурсникам подлинную историю его смерти. Даже виду не подаю, что о чем-то осведомлена больше других. Хороша бы я была, если бы рассказала о его странной гибели. Пусть останется в их памяти таинственным героем.

«...Помнится, подружка была не на шутку встревожена моим рассказом, уговаривала меня непременно познакомить с ним. Надеялась, что сможет удержать от суицида?.. В тот день он дожидался меня у церкви. Я доводила его до ручки своим скептицизмом, слепым неверием в его особенную любовь и, боясь вспышки агрессии, осторожно искала возможные пути отступления, если вдруг потребует ретироваться без промедления. А он делал слабые попытки что-нибудь противопоставить моей, как ему казалось, столь нелепой критике его поведения. Я даже в какой-то момент, дивясь его чистой детской наивности, беззастенчиво расхохоталась. Я говорила с ним таким тоном, словно он был законченным идиотом. А он оставался непреклонен...

Мне было семнадцать. И у этой глупой девчонки он искал понимания и поддержки? Разве я могла найти правильные, нужные слова, чтобы переубедить его? Я даже не переполошилась. Я, дура безмозглая, отмахнулась от него. «Не канючь, не морочь мне голову, совсем с катушек слетел. Ну тебя к бесу с твоими заскоками. Дурью маешься и не лечишься...» Вот и весь мой арсенал. А он, не помня себя от волнения, нес чепуху. Толковал что-то по поводу искушения проведения, о подсознательном возмещении прошлых утрат – все такое неосязаемое, непонятное, – бормотал что-то насчет

попранной красоты и поруганной гармонии. В общем, изливал мне бред своей больной души.

Я отвернулась от него, но он все равно был верен себе и стойко переносил мое непонимание и неприятие. А незадолго до этого... твердил, что, мол, «если я даже не прав, то все равно до конца пройду этот путь; потому что ради этого живу, ради этого страдаю»... Влюбился в красавицу-актрису. В Вертинскую.

Так вот, оказывается, к кому прибилось его пылкое сердце! Он стоял передо мной худенький, прыщавый, неказистый. (И это в двадцать семь лет!) Глаза его пламенели... Я отвела его домой, хотя, как я тогда считала, имела полное моральное право оставить малознакомого мне парня наедине с его закидонами. Я знала его всего три дня. (Он, как и я, поступив в университет, приехал в деревню, где находился мой детдом, провести свою бабушку. Надо же было случиться такому совпадению! Может, именно поэтому он мне доверился? А я не поняла его). Кто бы подсказал, что за всем этим стояло? Любовь? Фанатизм? Психическое заболевание? Стремление к самопожертвованию – удел юности и молодости. В моих глазах он был стариком. Его ожидала, в сущности, счастливая жизнь. И вдруг... Вот рассказать кому – не поверят.

Я рассталась с ним в тот день не то чтобы рассорившись, но с явным отчуждением. Судьба мстила ему за его преданную любовь? Умереть за веру в любовь в молодые годы – самое худшее, что можно сделать со своей жизнью. Всех нас в юности подкарауливала разного рода любовь, но вера нужна для того, чтобы жить. Я так понимаю». Вне всякого сомнения, у каждого есть вещи, в которых не хочется признаваться даже себе. Но они прорываются, дают о себе знать, мучают совесть, требуют...»

Инна опять наклонилась к Жанне.

– Ты знаешь, Котосонов погиб. Выбросился из окна из-за приемного сына. Кто бы мог подумать? Такой был добродушный медведь... Умница, заведовал кафедрой. Его называли мастером отважного знания. Не знаю, успел ли докторскую защитить. Его прочили в директора вместо Золотницкого. Жена его, сколько я ее помню, всегда тяжело болела. Доставалось ему... Поговаривают, непутевый сыночек его столкнул.

Жанна раздраженно вскочила с места и выбежала за дверь. Инна проводила ее удивленным взглядом.

– А вот Заднепровские! – радостно воскликнула Кира. – У них прекрасная семья. Вот Валиховы. Все у них всегда на высоком уровне. Одна беда – обе дочки не замужем, но они не теряют надежду...

Лене показалось, что Кира, рассказывая о счастливых судьбах сокурсников, наслаждается выпавшей ей ролью. «Милосердная у нее память», – с нежностью подумала она. Для подобной благосклонности у нее было много причин.

– Надю Либанову помню. Вот она, слева от меня. Клевая была девчонка. Раньше всех нас замуж вышла, но что-то не заладилось у них. Говорят, после армии муж не вернулся к ней? Это правда? – тихо поинтересовалась Жанна.

– У мужчины та жена, которая ближе, – фыркнула Инна.

– Зря ты так. Надя сама виновата. Подавляла его своей инициативностью, а он всегда в ее тени оставался и очень переживал. Не мог смириться с тем, что она в чем-то компетентнее его. А ей казалось, что он ее больше ценить будет, если она всюду станет первой. Я как-то случайно услышала их ссору и объяснила ей, в чем она ошибается. Мол, если любишь и хочешь сохранить для себя мужа, поумерь свой пыл, делай то, что ему нравится, и так, как он любит, теще его самолюбие. Она сразу меня поняла и принялась энергично исправлять положение. Но, видно, уже было поздно. Он принял решение, – объяснила Лилия. – Как Надя ни старалась, не вышла больше замуж. Мужчины боятся энергичных дам. Жалко ее. Она, конечно, не писаная красавица, но что-то в ней было такое, что кружило головы многим молодым людям.

– Раньше боялись, а теперь некоторые – всякая шушера – сами ищут таких женщин, за

счет которых можно легко прожить. Трутней развелось несчетное количество. Теперь многие семьи на женщинах держатся. У мужчин появилась возможность не стремиться делать карьеру, не зарабатывать, – заявила Инна. – У моей подруги дочь вышла замуж, мальчика родила, а ее муж, получив в приданое от тестя долю бизнеса, смотался. Вот и пойми, по любви он женился или деньги его интересовали.

– Очень свежий взгляд на мужскую породу. Готова поспорить: слишком современный и своевременный, – недовольно возразила Жанна.

– Инна, на этом фото ты странная какая-то. – Лена окинула Инну оценивающим взглядом.

– На моем лице и в глазах еще видны следы перенесенных мучений. Я здесь после второй онкологической операции. Длинная история, потом как-нибудь расскажу...

Лена смутилась:

– Я не знала. Почему не написала?

Инна пожала плечами. Она любила Лену.

Марго

- О Кармен ты слышала что-нибудь? Помню, она была феерически остроумная, обаятельная, по-хорошему напористая, независимая, дерзкая. Этакая поджарая, жгучая брюнетка, не скрывающая своих соблазнительных роскошных форм. Глядя на нее, я невольно вспоминала расхожее мнение, будто бы талант и красота в одном человеке не сходятся. Еще как сходятся! Помню, уже тогда, в юные глупые годы она призывала нас сбрасывать оковы накопившихся столетиями бесчисленных условностей, быть раскованными. Сколько в ней было жизни! Душа ее была инкрустирована таким богатым узором, что его хватило бы на дюжину обыкновенных женщин. Какая она теперь? Не обломала ее женская доля? - тихо спросила Лена у Риты.

- Ты о Марго, о нашей Валькирии? О Немезиде, для которой меч, скипетр и плеть - символы власти над мужчинами? О ней позволительны самые высокие эпитеты. Она парила над мужчинами. Кто-то из них сказал: «Мы зависим от ее голоса, ума, подлинной страсти. Редко кто из мужчин и женщин способен на такую мощную жажду страсти. В ее утлении она идет до конца. Ее несчастье в том, что ей трудно найти достойного партнера. Рядом с ней мужчины смотрятся мелкими. Она желанна и романтичным юношам, и зрелым мужчинам. Она обаятельна и чертовски сексуальна. При ней мужчинам хочется говорить высокими стихами и нести прекрасную умопомрачительную чушь. С нею крылья вырастают. Она совершенно свободна от предрассудков, но при всем при том никогда не кажется вульгарной. В этом-то и весь кайф. В ней есть что-то особенное, и это ее оправдывает... Такая женщина, если в нее без памяти влюбиться, может лишить мужчину всего, что ему раньше было дорого».

- Она женскую красоту сделала символом тирании и жестокости, - не согласилась с Ритой Лиля.

- Один мой знакомый после общения с Марго сознался: «Всю жизнь держал себя в жестких рамках, в узде. Не надо было этого делать. Люби, сходи с ума, гори страстью. А там будь что будет! И бог с ними, с этими грозными возмездиями на том свете», - вспомнила Инна.

- Изменять не изменять - в Бразилии этим вопросом не задаются, - смущенно прыснула в ладошку Аня.

- Инна, я бы ответила твоему знакомому, что надо было перебеситься, прежде чем жениться. Жизнь доказывает, что я права, - сказала Лиля.

- Стоит ли ради страсти разрушать семьи? - спросила Аня, явно не ожидая ответа.

- Интересная постановка вопроса, я бы сказала, излишне прямолинейная. Ни на чью сторону я не стану и никого защищать в этой ситуации не хочу, - выразилась Лиля достаточно уклончиво.

- А мне разведенная подруга поведала, что после кратковременной связи с ближневосточным мужчиной для нее все наши мужики представляются незамысловатыми валенками. Ни обхождения, ни обожания, ни умения. Ну, если только на хозяйство годятся, на подсобную работу, - чуть смутившись, поведала Жанна. - ...Для некоторых развод - это повод, спусковой крючок. Их, разведенных, теперь куда как много. И уже не кажется, что ситуация такая уж безобидная... Понимаю, счастья хочется всем... но...

- Не бойся, всех женатых мужчин не заграбастают, - давась смехом, сказала Инна. - Но тем, кого заполучат, не дадут поблажки.

- Мужские и женские точки зрения на Марго абсолютно разные, - продолжила Лиля. - С моей точки зрения, она женщина драматической, даже трагической судьбы. Сильная, властная, несколько экзальтированная, одинокая и такая ранимая! Трудно даже такой умной женщине участвовать в мужских играх - делать карьеру. В молодости Марго жила при температуре сорок градусов, буквально горела. Натиск и жизнестойкость были основными ее качествами. Знаешь, кому-то цепочки счастливых случайностей делают судьбу, а кто-то вкальвает до потери пульса, а ему только мешают: давят, давят.

- Не верю я в счастливые случайности. Их делают надежные знакомства и связи, -

громко и насмешливо сказала Инна. – Марго – фантастически талантливая женщина с мощным тщеславием. Непредсказуемая, неумная, яростная, азартная. Она не скрывала своих способностей и не искала легких путей. Сама о себе говорила: «В жизни должно быть много чего разного. Всего у меня хватало в избытке – и любви, и лжи, и стыда, и боли, и страха. Случалось, в любовь как в омут с головой бросалась. И мне было безразлично, что говорят обо мне за моей спиной. Всем пресытилась. Но когда человек проходит через тернии, ему больше открывается. К тому же от женщин жизнь требует большей силы духа, чем от мужчин. Она с нами не церемонится, чуть что не так – сразу наказывает. Меня это коснулось не в последнюю очередь. Судьба сама натягивала струны моей души и создавала такое напряжение, что они рвались. Но я, сбросив постылые цепи, обретала второе дыхание, опустошенная физически и душевно, начинала все заново. Тоскливая пустота – не вселенская скорбь. К чему бесплодное насилие над собой? Мне хватало мощи ума, чтобы преодолевать чувство трагического и каждый раз подниматься выше ранее взятой высоты...

Вот и говори после этого, что жизнь прекрасна и удивительна. Удивительна – я согласна. И чем только не испытывается терпение женщины! Я уже сомневаюсь, было ли время, когда его границы не раздвигались до бесконечности... Стоит ли искать непостижимую божью справедливость, если ее нет? Страшные мысли? Скажешь, что я себе позволяю? Хитрить, воду мутить, произносить заезженные фразы – это не мое».

Марго постоянно на таком невероятном нерве, буквально на разрыве аорты, всегда и везде проявляет свой свободолюбивый своенравный характер. Когда она разъярена, лучше на глаза ей не попадаться – сметет, в порошок сотрет посягнувшего, как ей кажется, на ее права. Марго – женщина бешеного, неистового темперамента, прямо-таки вечный двигатель. Тайфун, стихийное бедствие. Диким, неприрученным мустангом была. «Остынь, пар из ушей идет», – говорила я ей, шутя. «И погибни», – добавляла она.

Ее яркий органичный ум и неукротимая энергия требовали простора для действий, и что замечательно, она никогда не пела с чужого голоса, не шла на поводу у мужчин, неуместным штырем торчала на пути карьеры многих из них. Ее отточенная умственная жесткость пугала многих, да и ей самой не хотелось быть скатертью-самобранкой на все случаи жизни – так сказать, и в радости, и в горе – для недостойного. Она с детства приучена следовать своему жребию, слушать свою природу. Понимала: ее активность – дань собственному темпераменту, поэтому всегда рвалась в бой. Для нее все как в первый раз. Она по гороскопу «Дева», потому-то всего добивалась, везде умела извлечь максимум возможностей. Мне казалось, что к мужчинам она относилась с той же хищной расчетливостью, с какой оценивала свои перспективы в карьерном росте. Не упускала случая прибрать к рукам заинтересовавшего ее мужчину. И в то же время славилась тем, что могла сказать «нет» самому титулованному начальнику. Ее жизнь – брагурный гимн свободе. Капкан быта, мышьяная возня на работе – не для нее, не те масштабы. Судьба выносила ее на самые высокие гребни волны жизни – я о депутатстве, – она и тут справлялась. Ей вечно нужно быть в авангарде, а мужчины этого терпеть не могут. Такие не выходят замуж. Она слишком независимая.

– Умная женщина может позволить себе быть независимой, – добавила Инна, драматически вздохнула и театрально взмахнула густо накрашенными ресницами.

– Марго – женщина без возраста. Наверное, о такой прекрасно сказал современный поэт Владимир Вишняков: «Такую женщину, когда ни встретишь – все вовремя», – проявила эрудицию Лера. – Не важно, сколько лет женщине, главное, чтобы у нее горели глаза.

– Быт для некоторых женщин труднее любой работы на производстве, где нет монотонности и однообразия, – вставила фразу Аня.

– Марго – фигура неоднозначная. Современная, самостоятельная, общественная жилка в ней неистребима. Она охотилась за жизнью, которую стоило бы прожить даже тогда, когда еще не вступила во владение своей женственностью и не осознала ее силу и власть. Помню, шутила: «О, этот вечный конфликт души и тела! Что-то бесится внутри меня, но не находит выхода». Она, слишком рано бросившаяся в пучину юношеской любви, тогда еще не понимала, что свыше ей дана необузданная сексуальность, неукротимое желание мужской плоти, – сказала Лера. – Марго – амазонка. Еще в молодости она создала себе легенду, и всю жизнь за ней тянется шлейф приключений. Ведь мужчины тоже часто влюбляются не в женщину, а в тот образ, который создают вокруг нее поклонники. «Марго – богиня, вселяющая в мужчин ужас и покорность. Она

способна разбивать сердца одним лишь взглядом». Она была мечтой для мужчин, которым кроме сексуальности больше ничего не надо. А ей хотелось, чтобы жизнь открылась ей во всем многообразии и блеске: с воздушными замками, умопомрачительными безднами. А она была, швыряла ее... Разумеется, Марго считала, что достойна много большего. Теперь уж, наверное, годы неудач и болезней отняли у нее силы бороться. Мало того, удары судьбы и всякие обескураживающие обстоятельства, да мало ли чего еще... Между нами не возбраняется любой намек на личное?..

Я не обманываюсь относительно ее способностей, но, с моей точки зрения, Марго не могла быть и не была образчиком добродетели. Любовь для нее – неиссякаемый источник энергии. Многих мужчин знала. Зачастую ее избранниками становились люди неординарные и талантливые. Мне казалось, что в молодости, не зная смиренной узды стыдливости, когда благоразумие оставляло ее, она коллекционировала их, в жизни некоторых сыграла роковую мистическую роль. Но все они с непостижимой быстротой становились жертвами забвения, а она – источником, предметом кривотолков.

«Похоже, отношение к Марго формируется в постоянной борьбе между презрением и восторгом к ее неординарной личности», – отметила про себя Лена.

– Всё идеального – в физическом смысле – мужчину искала, но критерий отбора ее был слишком высокий. Считала, что пробным камнем, на котором проверяется мужская суть, является акт физической любви. Говорила, будто интуитивно чувствует, что именно он скажет ей о мужчине правду, откроет все особенности его характера: добрый ли, чуткий ли, эгоистичный. Остальное можно домыслить. Она предполагала, что именно в интимном процессе человек открывается полностью, во время абсолютного доверия партнеров, когда каждая клеточка твоего тела и души принадлежит и ей, и ему одновременно, – посвящала Инна подруг в интимные подробности взглядов Марго.

«Вот те на! Марго душу перед ней раскрыла, а она теперь... будто раздевает ее. Вместо обмена мыслями мы делимся секретами, слухами». – Лена почувствовала себя неловко

– Интересная исчерпывающая информация, – задумчиво прокомментировала Жанна услышанное. – Я тонула в море сплетен, которые доходили до меня, но защитный рефлекс говорил мне: «Не верь, мало ли что люди понапридумывают, не зная души человека. Наверняка слухи о Марго сильно преувеличены. Тысячекратное эхо обычно доносит интерференционную картину событий. Истина предстанет, если побеседую с источником первичного излучения с глазу на глаз».

– Я столько гадкого слышала о Марго, что нисколько не сомневаюсь, что она, как и прежде, прекрасный человек, – с улыбкой сказала Лена.

– Я считала, что характер мужчины наилучшим образом проявляется с тем, кто не может дать ему отпор, но Марго была сильной женщиной, и этот простенький тест на вшивость ей не подходил, – снова вступила в разговор Лиля.

Рита продолжала негромко:

– От слов Марго у меня глаза во все лицо, искры во все стороны, физиономия становилась пунцовой от смущения. Я не соглашалась с ней, решительно утверждала, что ее взгляды – неслыханная западная дерзость или их нелепая статистическая ошибка. Доказывала ей, что счастье – это когда два человека понимают друг друга, что муж должен быть больше чем партнер по постели и что единение душ происходит лишь тогда, когда истинно любят, а не при малейшем влечении разнополых субъектов. И то, о чем она говорит, – это не любовь, а что-то около этого.

Я не одобряла ее и всегда считала, что когда мы, женщины, по-настоящему счастливы и испытываем наивысшее духовное удовлетворение, то совсем не порабощены сексом, что духовная любовь наделяет нас способностью наслаждаться всем, к чему бы мы вместе ни прикасались, на что бы ни смотрели. Любящие и любимые по-другому живут, по-другому чувствуют. Они помогают друг другу раскрыться до самой глубины, не испытывая эмоциональных перегрузок. Алла, я думаю, ты меня понимаешь.

Я росла в ощущении, что мужчины и женщины равны. По крайней мере, на словах это звучало именно так. Мне казалось, что семейная пара – это фундаментальное единство, обе половины которого прикованы одна к другой и к детям, и поэтому никакого

расслоения общества по принципу пола не должно быть. А насчет всяких там влюбленностей на стороне... есть же внутренние тормоза. Личность прежде всего характеризует самоуправляемость.

Помню, насколько полнее и интереснее стала моя жизнь, когда у меня появилась семья. Больше не съедала скука, страх одиночества пропал. Я считала, что самой большой трагедией для женщины является ее неразделенное чувство. А если один из супругов изменил, то образовавшуюся брешь во взаимоотношениях уже ничем нельзя заполнить. Я так была воспитана книгами.

«Оно и видно!» – смеялась мне в лицо Маргоша, словно читая мои подспудные мысли.

Лена оглядела подруг: излишне серьезные, строго озабоченные лица выражали не только вежливый интерес. Значит, трогает тема, беспокоит.

Лиля

- Я сначала тоже так считала. Но прошло время, и я разочаровалась в первом муже и многое поняла в поведении Марго, - опять встроилась в разговор Лиля. - Мой муж не чувствовал угрызения совести, нарушая обещания, которые только что давал себе и мне, забывал о благих намерениях, отлынивал от своих обязанностей перед семьей. «Плохая память» освобождала его от запоздалых переживаний за сказанное, нерешенное, неделанное. Стал срываться и вести себя грубо. Иногда его поведение граничило с идиотизмом: какое-то агрессивное ультимативное неприятие простых вещей. Нес какую-то бредятину. Мы далеко не всегда понимали друг друга. Я не могла смириться с этим.

А у него появился очень удобный лозунг: «Нет борьбы - нет поражений». На все мои претензии у него был один ответ: «Ты так думаешь, потому что ты женщина». Я парировала: «Обосновать умеючи можно что угодно, но ты и этого не умеешь. Я так думаю, потому что это разумно, и пол тут ни при чем. Мы же с тобой вместе читали статьи в журнале о новейших достижениях в области изучения работы мозга, и в нем четко доказывалось, что если у мужчины и женщины одна профессия, то и мозг у них развивается одинаково».

Тогда он про нашу женскую слабость стал мне напевать. А я отвечала: «А кто пашет в три смены: на работе, на кухне и ночью с ребенком, ты, что ли? Всем известно, что женщины в массе своей активнее и делают много больше мужчин. К тому же вы величественно забываете, кто вас родил. И вы, между прочим, тоже наряжаться любите. Мода - дело ваших рук. Бантики и рюши вы для себя придумали, а не для нас». Денису нечем было крыть, но он все равно упрямо оставался при своем мнении. О, это вечное непонимание между мужчинами и женщинами!

- В какой-то мере ты, конечно, права, но зачем вы на мелочи растратили свою любовь? Вспомни волны глупого счастья перед свадьбой. Вы были такие милые, трогательные, неловкие и немного легкомысленные. Боже, какие вы были счастливые!.. Он был не в ладах с галстуком. Ты стояла перед ним на цыпочках, помогала завязывать. Время поджимало. Его оставалось всего ничего, а он совсем был не готов, потому что его мамы не было рядом. (Она уже тогда на дух не переносила будущую невестку и демонстративно на время сборов покинула квартиру.) Он, такой длинный и нескладный, не догадывался наклониться, а тебе от волнения не приходило в голову заставить...», - с улыбкой напомнила Лиле Кира.

- Всё они понимают. Им выгодно делать вид, что не понимают нас, - усмехнулась Жанна. - Ты сама ушла от мужа?

- Сама. Сначала смиренно кивала. Я же была неискушенной, прямолинейной. Да и некому было прививать мне трезвый взгляд на жизнь. Потом поняла, что моя чрезмерная уступчивость порождает в них эгоизм, и решила поступать по собственному разумению. Попыталась в пух и прах разнести жизненные постулаты мужа. Не смогла. И тут задумалась: если всю жизнь делать только то, что хотят другие, тогда зачем жить? Разве добродетель состоит только в самоотречении? Собрала манатки - и вперед, с песней Павла Когана «Бригантина поднимает паруса», с высоко поднятой головой, при полном параде, на глазах у всего честного народа, то бишь соседей, отправилась в свободное плавание. Толпа обожает не только разоблачения, но и последствия несчастной любви. Исхитрилась я как-то не зареветь, не дала им повода пожалеть или порадоваться. Потом уж стала думать, куда идти и как из создавшегося положения выкручиваться. Один лозунг был в голове: где наша не пропадала! А настроение было препаршивое. Таков был бесславный финал моей первой попытки обрести надежный причал.

- И где ты этого красавчика подцепила? - поинтересовалась Инна.

- На танцах в технологическом. Не на Монмартре, конечно. Слушай дальше. Конечно, нехватка денег сразу обозначилась. До зарезу требовались. Бывший муж не торопился облагодетельствовать алиментами, уклонялся, хитрил. Как же, загорелся дачу маме строить! Что было толку плакаться, распространяться... Да и гордиться было нечем. Только все это мелочи жизни. Работы вокруг будь здоров сколько. Подработка подвернулась приличная, дай бог всякому. Выплыла.

Конечно, первое время, о чем бы ни говорила, о чем бы ни думала, в голове было одно: я одна. Но как бы там ни было, я распорядилась своей жизнью по-своему... хоть и в его пользу. Так сказать, уступила под напором судьбы. А он еще выставлял себя героем... Говорят, у жен столько прав, сколько они сумеют взять. В НИИ считали меня бойкой. В работе я была деловой и заводной, а за себя не умела постоять. Хотелось тихой гавани, чтобы муж защищал... Куда мне было с его мамашей тягаться! Что без толку мудрить? Она умела и отбиваться, и выворачиваться и сына подучила. Разрази меня гром, ежели вру... Незачем мне было пыжиться. Это теперь я знаю что почем. Специалистом по сложным семейным проблемам заделалась.

В Лилиной полуулыбке сквозила горечь и самоирония.

- И не говори! Все мы через это проходили, - засветила Инна тихую грустную улыбку.

- А мужу-то что? С него взятки гладки. Похоже, он не сильно огорчился. Я даже больше скажу: Денис, исчезнув из моей жизни, много лет ничем о себе не напоминал. А я была гордой. Глупая, красавчика ухватила. Счастье превеликое!.. Если начистоту, тут дело было еще вот в чем... Его дальнейшая жизнь - беспечный чардаш на пару с маменькой. Нашел для себя самую что ни на есть счастливейшую судьбу... Есть в этом какое-то ленивое легкомыслие...

Иной раз думала: «Что это было? Влюбленность, фантазии или просто отчаянное желание детдомовской девчонки крепко ухватиться за жизнь, создав семью?» Только семья для Дениса оказалась непосильной ношей. И благородным сердцем он не обладал. Его маманя сразу преспокойненько узурпировала мои права как жены. Цыц, дескать, девка, нишкни! А я по дурости подчинялась, все надеялась, что ситуация образуется. Поначалу не закрадывались сомнения. Сына родила. Но и в нем, как оказалось, муж не нуждался. Он ему был вроде бы как ни к чему. Не понимал он, как важно ребенку общаться с отцом. Денису достаточно было любить себя и маму. Вот тут-то я и схватилась за голову... Для отвода глаз, что ли, женился?.. Он, бывало, всё «я» да «я». Мое «я» осталось при мне, а где его? У мамыши под юбом?.. Такие типчики всю жизнь не могут расстаться с детством. Оставила я муженька наедине со всеми его несуразностями и стала распорядиться своей жизнью самостоятельно.

«Нет ли в ее пылкости фальши», - засомневалась Инна.

- Воскрешая прошлые события, понимаю: с самого первого дня нашей семейной жизни не ценил Денис меня, вот и надоело мне с ним нянчиться. Я, бесхитростная, все хотела по-честному. В глаза об этом говорила. Шокировала их, наивная! Попыталась в чужой монастырь - в чужую семью - со своим уставом войти, в котором и уважение к старшим, и право собственного голоса, и достоинство. Не вышло. Я соглашалась жить только на своих условиях. Нет, я, конечно, понимала, что в семье полного равенства не может быть в принципе, хоть чего-то более ли менее удобоваримого старалась добиться. Но такая тактика не сработала. Не поняли меня. А надавить я не умела и не хотела. Предпочитала не заимствовать чужие методы и способы достижения целей как не свойственные и не подходящие моей натуре. Не было у меня черт, которые должны быть у командира. И в работе я не предназначена для карьеры руководителя. Не люблю быть в центре внимания. Я хороший исполнитель. Да и бесперспективная это была идея перевоспитывать, требовать.

Я, конечно, пыталась растолковать мужу, что многое в семье зависит от того, в каких отношениях он находится с самим собой, что нельзя себя слишком любить, надо, чтобы и другим людям от тебя любви доставалось. Но, по правде говоря, безуспешно, не понимал он меня. Со временем сделался полной необратимой заурядностью... Советовали мне девчонки, подружки из общежития, подождать, пока пена влюбленности осядет, а потом замуж идти, так не послушала. Со стороны-то видней было, чем он дышал. Вот и произошел между нами предсказанный ими разрыв. Мать - его опора, сила и спокойствие, она его семья.

- Надеюсь, ты не упустила случая высказать им все, что о них думаешь? - игриво поинтересовалась Инна.

- Какой смысл в том?.. Почему два года терпела? Почему задумывалась и тут же в суете будней забывала о своих проблемах, бессознательно отодвигала их на задний план? Так ведь сынок маленький был. Вот и боялась осознать свою ошибку, боялась разрушить уже

созданное. Зачем цеплялась за то, что не стоило того, и не хотела искать лучшего? Поначалу верила, что смогу перебороть Дениса. Он же был слабохарактерным. Его жалела. Надеялась сделать самостоятельным. Не тешила себя иллюзией, но пыталась что-то предпринять, как-то расшевелить мужа. Думала, ему тяжело под маминым гнетом. Устраивала праздники, чтобы скрасить наш скучный, монотонный быт. Хотела создать в семье особую ауру, атмосферу, в которой легко дышится. Мало того, каждый выходной пекла что-либо этакое, особенное или готовила любимые блюда Дениса. А ему и этого не надо было. Его устраивало привычное. Может, и перевоспитала бы его, если бы не мать. Двоих мне было не одолеть. Родного отца сыну хотела. Да много еще чего... Сначала во всем себя винила, мол, вечно у меня то что-то сорвется, то пойдет не так, как намечала. Потом поняла, кто виновник моих бед, и смирилась с неудачей.

- Жан Жак Руссо говорил: «Тысячи путей ведут к заблуждению, а к истине только один». И ты сумела найти тот единственно правильный, - одобрила Лилино решение Лера.

- После развода сердца на мужа не держала. Видно, иссякла любовь. А может, то была всего лишь влюбленность, поэтому и хватило мужества не возненавидеть его. Только презирала. Скажете, сама себе такого выбрала? Выбрала, не предвидя последствий. Молодая была, бестолковая, необстрелянная. Откуда в двадцать два года было взяться соломоновой мудрости, если до этого голова много лет была занята только формулами и теоремами. Разве объяснишь все в двух словах...

Потом снова затосковала о счастье, о любви... Замужество мне было необходимо прежде всего затем, чтобы многое вычеркнуть из прошлого - хотя я не в обиде на свой детдом - и создать свое настоящее счастье: со своим домом, со своими, а не казенными вещами. Мечтала начать историю своей собственной семьи, прорости корнями... Но мы с Денисом от женитьбы разного хотели.

«Вот заливаешь! Хотя какой резон ей врать?» - тут же засомневалась в своем недоверии к рассказу Лили Жанна.

Она почувствовала, что Лиля чего-то недоговаривает, темнит, что-то в словах подруги настораживало ее, но удержалась от дальнейших расспросов, не стала вызывать на откровенность. Подумала: «Наверное, и у нее некоторые темы под запретом».

- После пережитого мы иначе, глубже понимаем жизнь. В прошлое можно возвращаться без опасений. От воспоминаний линия жизни не истончается, не рвется. Это будущее кого пугает, кого волнует, - тихо проговорила Инна.

В подтверждение этих слов Лиля заметила грустно:

- Когда принадлежала самой себе, я была счастлива, но поняла это много позже, побывав трижды замужем.

Второе замужество

- Не распробовала с первым мужем семейной жизни, на новый эксперимент потянуло? Видно, плохо усвоила его уроки? - спросила Инна.

- А ты думала, одна куковать стану? С тебя, между прочим, пример брала.

- А твой второй муж, говорят, пил. Это правда? - кротко спросила Аня, помогая собеседнице преодолеть еще одну ступеньку откровенности в пространстве судьбы, размеченной кем-то свыше и осваиваемой ею с таким истовым желанием счастья.

- В этом Дима был весьма силен, чего не скажешь об остальном. Бывало, поднаберется, и море ему по колено. Мог переступить черту. Будучи трезвым, не отваживался заставить себя поднять руку на женщину, трусоват был. Я покрепче его фактурой. Предупреждала, что первая оплеуха окажется последней. А он утверждал, что ничего не помнит. Не задумалась я, не опомнилась. Потом стал заявлять, мол, сама напросилась. Приходилось умирять. Спуску не давала, но когда расходился, насилие унимала.

Под влиянием алкоголя в нем просыпались самые худшие свойства его натуры: злость и дикое бессмысленное упрямство - пусть мне во вред, но только не по-твоему. И когда он входил в «штопор», ничего уже поделать было нельзя. Разве я давала ему повод так вести себя со мной? Вот так и жила ожиданием: что опять учинит, что еще стряется. Спасать из драки с поножовщиной - дело не для слабонервных. Хотела жить просто и мудро, а получалось черт знает что. В общем, сплошные неудачи и сожаления. Неприятности сыпались на меня как из рога изобилия. Нахлебалась я этого добра вдоволь. Бывало, говорю Диме: «Жизнь коротка. Зачем ты ее тратишь на глупости и меня вынуждаешь разминиваться на ссоры?» Не понимал. От недостатка культуры возникают подобные отношения в семьях, когда гадкое считается нормой.

- Ты не перестаешь меня удивлять. Редкостное великодушие. «Она его за муки полюбила, а он - из состраданья к ней», - не то сочувствуя, не то иронизируя, пропела Инна. И добавила решительно:

- Я бы так впаяла ему!

- Так ведь жалела. Хорошего человека жалко, а плохого еще жальче.

- Странная логика.

- Один жалеет снисходительно, посмеиваясь, а другой - сердцем, - вздохнула Жанна.

- Да уж точно. Поначалу Дима стал для меня нечаянной радостью. Я была по-дурачки беззащитно влюбленная и счастливая. Первый год мне казалось, что он вписался в мою жизнь, как будто в ней и был. Во взгляде невинность, скромность, а на поверку оказался... Он и сына моего приветил. Решила: сроднились, говорим на одном языке. Дочь ему родила. Надеялась, что наш общий ребенок - пропуск в новую жизнь. Думала, вот оно счастье... не за горами, рядом.

Поздно спохватилась. Задумалась: где и в чем напортачила? Какова его истинная сущность? А моя? Может, он тоже верил, что, женившись, изменится, но не выдержал испытания? Возобладала над ним водочка, и стал он предаваться сомнительному удовольствию. Когда перед человеком становится выбор, допустим, пить или не пить, только тогда он проявляется по-настоящему... Душа у него чувствительная, но неразвитая, вот в чем беда. Оттого-то и пил. Невольно поверишь словам мудрого Конфуция: «Если человек не учится, природа его увядает». Вот и держалась моя семья на честном слове.

- На твоём, - уточнила Жанна.

- Бывало, ноет: «Что мне делать?» «Ответ в тебе самом», - отвечала я однозначно и жестко. А сама стонала от злости, усталости и обиды.

- Застрекотала как сорока. Заплачь еще. Разве не было в Дмитриии уже с самого начала чего-то, вызывающего беспокойство? - спросила Инна, испытующе сощурившись. - Что мнешься? Выкладывай как на духу, не напускай на себя таинственность.

- Был один странный, несуразный случай до замужества. Но смотря как на него посмотреть. Неприятная мысль, правда, слабо пробрезжила, но не насторожила. Не бросилось это происшествие мне в глаза, не резануло по сердцу. Подумала: нелепое недоразумение. И память будто отшибло. Влюблена была. Какие уж тут трезвость мышления и расчет, - усмехнулась Лиля. - А в нем оказался скрытый порок и еще много чего плохого заложено. Все началось...

- Не началось, а проявилось, - поправила ее Инна.

- Отсюда трагические повороты, неожиданные выверты. Сам не жил и другим не давал. И полетела в тартарары моя несокрушимая вера в «высшей степени порядочного человека», коим я его себе нафантазировала.

- Несчастливым быть много легче, чем счастливым, - усмехнулась Лера. (О ком это она?)

- Говорят, недостатки тоже сближают, - голосом, полным несокрушимого доверия, сказала Аня.

- Скорее вызывают сочувствие.

- А почему не отторжение?

- Предназначение женщины - жалеть.

- А для мужчин наши недостатки - это платформы, по которым они стремятся подняться выше нас. И все потому, что они эгоисты.

- В них заложено стремление повелевать. И мы должны у них этому учиться, - сказала Инна.

- А я, помнится, наивная, в первый год замужества уговаривала его: «Не очень налегай на вино, это вредно, можно ступить на скользкий путь. Мол, в праздник - куда ни шло, а в будни ни-ни». Не внял моим советам. Не мне тебе рассказывать, сама все понимаешь... И почему мы так быстро умираем в тех, кого любим, даже когда всю любовь и все свои силы им отдаем? Ведь и он любил...

«Сегодня Лиля в ударе. С чего это ее так развезло? Будто под Кириным кровом ожили былые дни, вскрылись давно зарубцевавшиеся раны», - удивилась Галя.

- Он находил себе оправдания, вместо того чтобы исправляться? Мол, в жизни мало что зависит от меня, больше от предлагаемых обстоятельств. Да? И ты шла на уступки? - спросила Жанна.

- Он даже не пытался понять, что делал неправильно и почему.

- Ум - духовные глаза человека, а разум - его интеллект. И эти компоненты имеются в нас в разных пропорциях. Бывает, что ум есть, а разума ни на йоту.

- Ха! Как умно! Я плыву, - фыркнула Инна, театрально подняв глаза к потолку.

- Ко всему прочему скрыл, что пьющий. Этот факт явился для меня полной неожиданностью. Целый год трезвый ходил вокруг меня кругами, как телок, привязанный на кол за веревку. Я успела свыкнуться с ним, привязаться душой... Подставил. Совершенно немислимо, постыдно врал. Хорохорился, похвалялся... Остатки жалкого запоздалого тщеславия!.. А я верила и горбатилась на него. Вот в чем моя обида. Потом, как и с первым мужем, рассудок конвульсивно сопротивлялся осознанию ошибки. Болезненно отмахивалась от реальности. И он не пытался вникнуть в суть наших разногласий. Его все устраивало. Ему много не надо было... В таком непотребном виде являлся, в таком диком обличье...

«Лиля всегда умела приписывать людям добрые поступки там, где этим и не пахло», - огорчилась за подругу Лена.

- А я ведь, когда искала мужа, далеко не всех подпускала к себе, предпочитала людей неординарных. На эрудицию и поймалась. Умел красиво говорить. Трепло и только-то, пустая балаболка. Целый год с независимым видом курлыкал надо мной, уговаривал,

видимость создавал. Вот и проследовала в его мнимый рай. А потом он все вокруг себя крушить стал... Почему бы и нет? Ха! За чем дело стало!..

Слова на поверхности, а что у каждого из нас внутри? У одних огонь, а у других лед, который они пытаются растопить с помощью горячительных напитков. Но ведь, глядя на него, нельзя было понять, что он алкоголик. Роковую оплошность совершила. Все проблемы переплелись и стянулись в тугий узел. Утратила я романтические иллюзии по отношению к Дмитрию. Поперек горла стали мне его дифирамбы... И все равно хотелось иногда напомнить ему, как мы пребывали в небывалом волнении, как испытывали необъяснимую и неведомую прежде нежность: «Ведь было же! Было. Признай!»

- Хорошенькое приобретение, нечего сказать! - рассмеялась Инна. - Распознавать человека - это тебе не тридцать два фуэте крутить (в школе Лиля успешно занималась бальными танцами), тут другое должно быть задействовано. Интуиция. А откуда ей в тебе взяться, в детдомовском неопаленном цветочке? И кто это придумал, что человек влюбляется в проекцию своей собственной неосознаваемой части личности?

- И по какой убийственной иезуитской логике ты любила этого гада? - требовательно спросила Мила. - Ты столько ему давала и так мало получала. Какой прок от такой любви?

- Любовь не нуждается в рациональных доводах, - выпалила Аня.

- Ты сама-то согласна с этим тезисом? - недоверчиво уточнила Лера.

- Собственно, руки у него золотые, и голова вроде бы не глупая. Был бы какой-нибудь бестолочью, бездарем, разве я пошла бы за него? Ты видела, чтобы мужчина стирал белье? А он стирал. Это уже кое о чем говорит, - пробормотала Лия. - Что водка со слабым человеком делает! Неспособен он был рассчитывать свои силы, вот и не удавалось мне вывести наши отношения на более высокий уровень. Все, что когда-то казалось нерушимым, погибало на глазах и превращалось в ничто. Хуже не придумаешь. В голове туман, в сердце болото бездонной печали... И пошли все мои труды псу под хвост.

Случалось, говорила как нашкодившему ребенку: «Образумься. Не стыдно? Не передо мной, перед собой хотя бы. Вон твой друг Аркадий защитился, а ты свою карьеру «успешно» погубил в самом ее начале». А он мне: «Не ставь меня в положение оправдывающегося. Подумаешь, невидаль - кандидат наук! Для полного счастья мне только диссертации не хватает». А я ему: «Не паясничай». Он молчит настороженно, ждет моих дальнейших, решительных действий - привычного разноса. И кто знает, что у него в это время на самом деле в голове?.. Справедливости ради скажу как на духу - пока не пил, хороший был.

- А может, чувство вины топило в нем все человеческое? - предположила Жанна.

- Перед кем? Не путай причину и следствие, - обиделась Лия.

- Ты добровольно заточила себя в его слабости, любила его ради себя. Спину ломит, в глазах двоится, а ты знай себе вкалываешь на него не разгибаясь, - сказала Эмма, оторвавшись от разговора с Аллой.

- Для себя? В таком случае я бы оставила Дмитрия и нашла бы себе что-то более подходящее: хотя бы женатого любовника. И жизнь моя было бы много проще.

- А я думала, кое-кто присочинил о тебе лишнего, пустой звон пустил, - удивленно созналась Жанна, бросая настороженный взгляд в сторону Инны.

- Полноте, стоит ли он того, чтобы о нем спорили? - презрительно фыркнула Инна.

- Ставлю себе в заслугу, что восемь лет Дима сносно держался. Кто бы знал, какой кровью дались мне эти годы! Потом сорвался, и пошло-поехало. Солоно мне пришлось. Дружки зачастили. То за грудки друг друга хватали, то плакали пьяными слезами. Оглашали подъезд бранью, состязаясь в знании «тонкостей» устной народной речи, в грязь меня втапывали, отвратительно поносили. Да и опохмелившись, говорили язвительно туманные мерзости. А ему хоть бы что... не защищал. Потом сам стал честить в господа бога и в эту самую мать-перемать. Не понимал, что боль, вызванную обидными

словами, трудно унять, что клевета ранит, даже если слышишь ее из уст глупца... Пьяным только и мог убогие порочные фантазии осуществлять, всякие пертурбации устраивать, чтоб не скучала. Бывало, осатаневший, дубасит, будто повинуюсь чьей-то недоброй воле, ночью в дверь, соседей поднимает. В печенках у меня этот пьяный гвалт. Я ему хвоста накручу, всех успокою... Глаз да глаз за ним был нужен...

Он бузит, а я чувствую за него виноватой перед детьми, мне нестерпимо неловко за его мат. Ну был бы диким, безграмотным. И образованным, когда они во хмелю, культуры недостает... И я сама не своя, не будучи в состоянии разделить их «мнение», проводила за милую душу «разбор полетов» со скалкой и с забористыми, грубыми фразами. Без постыдного мата, конечно. Одним словом, глаза бы мои их всех не видели, уши не слышали. Тяжело нести чужие грехи.

Не раз подвергалась с их стороны физическому насилию, но не на ту напали. Не избежали они моих тумачков и затрещин, раздаваемых с диким ожесточением. Влетало им по первое число. Потеха! Еще зевак охочих до зрелищ распихивала, разгоняла. Они, как водится, не пропускали ни одного «концерта». Насилу отрывала от двери любителей таких ярких представлений. Чего стоил один сосед Иван! И смех, и горе.

- Юмор со слезами на глазах. Гоголь точно подметил: «Истинный юмор тот, в котором сквозь «видимый миру смех» струятся «незримые миру слезы». Я поняла эти слова еще в школе, когда выслушивала анекдоты о неудачной семейной жизни.

- Очень точное изречение, - поддакнула Жанна Инне.

- Но перевес сил часто был на стороне «превосходящих сил противника», - продолжала Лиля, - они уводили Диму с собой, а дальнейшее, сами понимаете, дело техники: набирались. Их так заносило... И моя жизнь опять превращалась в изнурительную, мучительную агонию, заставляющую страдать все мое существо. А он, подлец, еще и выкаблучивался: поднимал над головой прижатые ладони и тряс ими в качестве прощания. Мол, жди, голубка, скоро вернусь. И являлся голодный, худой, растерзанный... Вот какое у нас с ним было «непринужденное» общение. Не раз думала: стоит ли все это длиться? Как выпутаться? Такая вот цена семейному «счастью», не возрадуешься. Пребывала в вечной обиде, а мечтала, «чтобы день начинался и кончался тобой». Мечтала о таком: «мужчина сказал - мужчина сделал!» И я с гордостью и нежностью любовалась бы своим любимым.

«Неаппетитные подробности», - ежилась Лена. На нее накатывала депрессия. Она пугалась: «Как с ней бороться? Ведь не дома... здесь не поплачешь», и еще крепче сжимала руками плечи и стискивала зубы, пытаясь отвлечься. Депрессия мало-помалу отступала.

- Я бы и гроша ломаного не поставила на твою несчастную судьбу. Может, на тот период это был твой новый и единственный способ существования? - неудачно пошутила Жанна.

- Чем гаже действительность, тем меньше ее надо принимать к сердцу, - посоветовала Мила, похоже, только теоретически знакомая с подобными проблемами в семьях.

- «Люди жестоки, а человек добр», - непонятно к чему, без всякого перехода глубокомысленно процитировала Инна Рабиндраната Тагора.

Никто из присутствующих не озадачился расшифровкой этого заумного тезиса.

- Я проигрывала битву не только с мужем, но и извечную борьбу с самой собой. Представляете, как низко пала: втайне от мужа ходила за него просить, чтобы его хотя бы держали на работе, чтобы он в коллективе оставался. Ведь он часто бывал не у дел. Человек - существо общественное. Если рвутся связи с себе подобными, человек перестает существовать. Тогда он как в психушке... А ненавидеть мужа не могла. Боялась стать такой, как его дружки. Если бы он захотел, я бы любую стену для него пробила, прошла бы любые испытания.

Только Дима, уверяю, себе подобными считал кучку отщепенцев. Не испытывал он удовольствия от общения с нормальными людьми. Дратья, дебоширить - вот это его... Так сначала все должности мимо него проносили, потом его многократно выгоняли, восстанавливали по моей просьбе, потом уже ничего не помогало. Перевоспитывать

пьющего оказалось трудом нешуточным. Видно, не за свое дело я взялась. Неподъемной оказалась задача. Идеалисты всегда проигрывают схватку с реальностью. Не думаю, что изрекаю непогрешимые истины. Не могу простить себе мягкотелости, бесхарактерности. Сразу надо было разрывать цепи. А то любовь, любовь...

Для меня до сих пор Зоя – тайна за семью печатями. Помните, на курс старше училась. Ведь сумела как-то своего парня воспитать: облагородила, научила себя уважать. Каким он гордым и счастливым выглядел рядом с нею, когда они женились. Был-то совсем сереньким.

А я любила, и вдруг... скалка и мрачноватая ухмылка боевой готовности. Страх мне был неведом, но чувствовала себя затравленно и подавленно. Никак все это не вязалось со мной, с моими представлениями. Балет, музыка, чтение баллад со сцены... Не успела оглянуться, как за здорово живешь превратилась в невесть что... Несколько раз порывалась разойтись. Он упрекал. Вид его был совершенно беспомощный. Я возвращалась, крепилась, пока опять не выходила из себя.

Представляете, два человека изливают друг на друга лаву обид, непонимания, затаенной ненависти, скрытого отвращения. Я мечтала о потоке любви... к этому идиоту, своему муженьку... Многократно заставлял переживать позор... А я с энергией, замешанной на сострадании, обиде, иногда и на злости, вновь и вновь кидалась его спасать. Я фактически не принадлежала себе. Сначала по незнанию, потом уж и сама не понимаю почему, из жалости, что ли, к этому капризному, истеричному и в то же время вьедливому субъекту, которого все соседи между собой называли не иначе как гнида, потешались над ним... У нас уж если припечатывают, так припечатывают. Стало быть, заслуживал.

- А на детей руку поднимал? – обеспокоилась вдруг Аня.

- Пьяным?

- ...А дальше тайна, не подлежащая разглашению? – полушутя поинтересовалась Жанна.

- Сколько раз отводила от него беду. А он все забывал. Опять выговаривала ему не раз и не два. Обещал. Снова срывался. Мог в один день ухнуть всю зарплату, не моргнув бесстыжими глазами. Мерзавец, подонок. У меня просто руки опускались. Злилась. Мол, твои обещания у меня вот где сидят. Всякому терпению приходит конец. Появилось чувство, что я, не изведав истинной жизни, уже стою на пороге... и ужаснулась. А чем подбодришь себя?

- Успокойся. Совсем с лица сошла. Кто потоком слов и ссорами стравливает излишек напряжения в организме, кто алкоголем. Человек с больной душой стремится прислониться к доброму и сильному, да еще норовит стать в его жизни главным, – негромко, с грустной усмешкой отреагировала на слова Лили Инна.

- Правда, будучи вусмерть пьяным, он пылко раскаивался. Мол, всего-то по бутылке на рыло взяты. Это потом я не удержался. Прости... Думал, если извинился, то вся боль сразу сотрется из памяти, раны и обиды вмиг заживут?... Водку ценил превыше всего. До одури пил. Сгубил себя этим пристрастием. В свои тридцать с хвостиком без стакана дня прожить не мог. А я когда-то пыталась включить в нем стремление к прекрасному. Считала, что культура – форма существования нормального человека. Ведь культура – это не только музыка, живопись, поэзия, это прежде всего высокий уровень взаимоотношений между людьми как в плане общения на производстве, так и в семье. Кто-то сказал: «Кому больше всего удивляюсь, так это людям». Вот и я удивляюсь.

- Ох, надрала бы я ему задницу, будь он трижды неладен!

- Это уж слишком, – возразила Аня, впрямую восприняв слова Инны.

- Да уж, такому амбалу не скажешь, мол, по попе надаю, – как девчонка, хихикнула Жанна в ответ на грубое Иннино словцо.

- Потом ноги отморозил, а я продолжала за него биться. По врачам возила, на протезах учила ходить. А он скулил, капризничал, бутылку требовал. Впору хоть все бросить и сбежать из этого ада. Бывало, лежу ночью без сна, закинув сцепленные руки за голову, и

думаю: «Оставляю, так он же первый взвоят... и как не понимает...» Недоумение заставляло задумываться, разбираться в ситуации. Не оставалось ничего иного, как прибегнуть к последнему средству – я его всегда избегала, считая неэффективным без собственной воли больного, – к принудительному лечению. Так сбежал. А ведь один его дружок, пройдя через это, победил свой порок, – припомнила Лиля и разволновалась с новой силой. – Во всяком случае, я не стыжусь признаться, что муж стал мне не по силам. Я многое смогла.

«Какое было чистое, нежное поэтическое создание!.. Так саднит сердце чужой неудачно прожитой жизнью...», – вздыхает Лена.

– Неужели такое возможно!.. У всех жизнь проходит не всегда гладко и не без потерь, но такое... – не приведи Господи, – сочувственно вздохнула Жанна.

– У меня нет причины драматизировать ситуацию, но иногда отказываюсь верить, что это происходило со мной. Скажи такое о ком-либо, не поверила бы своим ушам. Возразила бы, мол, факты перевираешь. Вот тебе и благие намерения. И верь после этого, что в нашем мире каждому воздается по заслугам.

«Сколько боли в ее голосе! Какая сила была заключена в этой, казалось бы, кисейной барышне! Только потратила она ее на того, кто за бутылку мать родную продаст. Не выпадает она из моих привычных представлений о детдомовцах. Ленка вон тоже железная леди», – подумала Инна.

«Несколько злоупотребляет Лилия нашим вниманием. И что это ей вздумалось сегодня распахивать перед нами свою душу? Слишком много в ней накопилось неизжитого?» – подумала Лена, продолжая слушать печальную повесть.

– Потом энтузиазм сострадания стал стихать, я плюнула на его дружков, оставила эту затею с перевоспитанием «народных масс», как они себя называли. Но скалку на всякий пожарный случай далеко не прятала. Такая мера предосторожности была не лишней... В трудное время нужно вместе держаться, а он...

– Зло предсказуемо, добро парадоксально, – усмехнулась Лера. – Твоей истории жизни на десять трагедий хватит.

– И не только трагедий, – подхихикнула Инна, не глядя на Лилию. И неожиданно развеселилась не в меру. – Наблюдаю апофеоз критической неудачливости человека, который хочет больше, чем может. Десятки мединституты не в силах переломить ситуацию, а ты занимала безнадежную оборону.

– Как один раз выпустила вожжи из своих рук, так больше и не удалось мне наставить его на путь истинный. Жил на самоуничтожение. Его неумолимо тянуло выскочить из налаженной стези. В семье он чувствовал себя загнанным в ловушку. Тот еще типчик. Все рвался к свободе, а сам не знал, что с нею делать. Нет, вы мне скажите, чего ему не доставало? Лучше перебиваться с хлеба на воду, но с дружками? Ума не приложу, ведь себе же во вред. Упорствовал и не мог ничего вразумительного ответить. У каждого свои фетиши... Наверное, таким не надо жениться. Не могла я позволить себе надеяться на его порядочность и верное плечо. Сама пахала. Мужчины сначала поют нам серенады о нашей хрупкости, а потом грузят нас на максимум.

Может, и правда алкоголизм – болезнь и мне грех на него было обижаться? Но ведь надо было лечиться. Вот где пригодилось бы несокрушимое честолюбие, которое, вопреки всем очевидностям, я со всем своим простодушием предполагала в нем. Жизнь опровергла мои фантастические надежды. Не вырвался он на простор жизни, так и обрелся в ее предбаннике. Собственно, я уже была готова к худшему. Научилась распознавать и учитывать жизненные обстоятельства, мелочи не принимать близко к сердцу... и все равно утирала слезы бессильного унижения. Казалось, смиряя самолюбие, стерпелась с судьбой. Но жалость тоже иссякает.

– Сама приручила, а теперь стонешь. – Инна метнула на Лилию сочувственный взгляд. – Я бы такого в один миг притормозила, не позволила бы привередничать и права качать, быстро бы дожала.

– А Дима, надо заметить, – никчемный и несуразный – не испытывал никакой

неловкости. Откровенно, бесцеремонно говорил о своих неудачах «на поле брани», устраивал тупые демарши. Я высмеивала его, а он не стеснялся, не конфузился, будто все в порядке вещей. Поражалась его бесстыдству. Меня плющило, дико коробило от омерзения. Сколько разных передраг было! Нахлебалась я с ним по самую макушку. Что толку от него такого чего-то требовать... Как я устала от всех этих несоответствий и несовпадений!

- Люди далеко не всегда поступают логично, на то они и люди, - покровительственно сказала Инна.

- Но хотя бы справедливо.

- Чего захотела!

«С Инной надо быть постоянно настороже. Говорит беспечно, а на самом деле, небось, злорадствует. Нельзя ей потворствовать. Только и ждет, чтобы на чем-то подловить», - усомнилась в ее доброжелательности Аня.

«Не сказать, что Дмитрий - удачное Лилино приобретение, - подумала Эмма. - Но пьющий муж, наверное, лучше, чем гулящий».

- Знаешь, сначала я стоически принимала муки. А он все глубже падал на дно житейского колодца. Во всю ширь развивал скандальную безудержность. С пьяну то катавасию затеет, то кипеж поднимет, хоть святых выноси, то свару с соседями, не приведи господи. Орет точно иерихонская труба. А я только молила: «На два тона ниже, ночь ведь!» Какое уж тут доказывать, что очаг - святое место.

- Ну, это уже ни в какие ворота не лезет, - возмутилась Аня. - Зачем он так?

- Чтобы жизнь Лиле малиной не казалась, - не без удовольствия ответила Инна.

- Потом поняла, что ни лбом, ни любовью его бездушие не протаранить, что его заверения и пьяные слезы - неперемный атрибут любого алкаша, и ушла в глухую защиту. Мне его надо было пришить к своей юбке и водить за собой, как насадка цыпленка? Осточертели мне его выставляемые напоказ слабости. Ему надо было искать опору в самом себе, а он на меня надеялся. И вдруг мне стало смертельно противно... А как-то навел марафет и предстал передо мной как лист перед травой при полном параде. И вдруг на колени бух... этаким вот «макаром» каяться пришел, долговязый черт. Совсем «сошел с рельс». Ей богу. Ничуть не вру.

А я думала: дудки тебе, не шестерка. Может, ты и чувствительный, да только не сердечный. Шифруешься под хорошего. Вино сначала размывает контуры совести, а потом и вовсе ее уничтожает... Не пой мне Лазаря. Хоть об стену головой колотись, не поверю, разгильдяй чертов... А он орал не своим голосом, мол, за жизнь не держусь, уйду, и концы в воду. Пугал. Попала я в переплет... Зачем обманывала себя да еще мучилась вопросом, как вдохнуть жизнь в нашу остывающую любовь? К нулю низвел наши чувства. Волна его слабостей и комплексов ее слизнула, одно душевное смятение внутри меня оставила. Тут и поняла, что надо жить не только не обижая, но и не обижаясь. Иначе пропаду, погибну и его не спасу.

- Доброта - это валюта, имеющая неограниченный ареал хождения. Но когда ее очень много, она тоже девальвирует, - сказала Лера.

- Мне советовали: «Не спасай. Пока не даешь ему упасть, он не научится подниматься». Так это верно только для ребенка. Бывало, явится пьяным по «самое не хочу» с глумливым выражением и «со следами дружеского мордобоя на лице», я и застываю в скульптурной позе. Отмываю его от грязи и крови, а он еще и выкобенивается. Дух целомудрия и смиренномудрия не посещал его нетрезвого. Огрызается, а сам боится... шкодливый пес. Бесценный мой, никчемный мой. Боялась, что сама задохнусь и погибну в этой зловонной жизни, черт ее побери. Мне нужна была помощь, а приходилось поддерживать мужа.

- Да еще с каким энтузиазмом, мол, за ценой не постоим! - усмехнулась Инна.

- Любящим людям не требуется мотивации для совершения добрых дел. И награды они не ждут, - сказала Жанна.

- У пьющих людей часто возникает целенаправленная, но неосознаваемая деструкция своей жизни, - вздохнула Лилия.

«Непоследовательно, бестолково, на одних эмоциях рассказывает о муже. Сдается мне, впервые раскрылась перед подругами», - сделала вывод из услышанного Лена.

«В больших дозах Лилия невыносима. Похоже, сегодня она совсем отключила свое левое полушарие, на одном правом работает», - усмехнулась Инна.

- Поведение мужа постоянно держало меня в тревожном, опасливом напряжении. И ведь не пресечешь в судебном порядке, и суд общественности таким до фени. Уровень ненасытности в получении одних и тех же ощущений приводил меня в недоумение... ну, если бы разных... это я еще могла бы понять. И как я могла надеяться, что все утрясется? Бывало, говорю: «Ты же и меня дискредитируешь в глазах наших детей и соседей». Не понимал...

- Если дурак и слабак, то это пожизненно.

- Это уж точно. Мудрость с возрастом приходит не ко всем, - затвердила Аня мнение Инны.

- Дмитрий принимал твою заботу о нем как знак одобрения свыше, - горько выдохнула Эмма.

- Возлагала я на наш союз немало надежд. Мечтала увидеть жизнь чарующую, необыкновенную, только магия быстро рассеялась. Вот тебе и бдения в парках до рассвета. Вот тебе счастье, когда глаза автоматически ищут только его. Видно, любовь открывает свои тайны не для всех.

Лене вдруг стало смертельно скучно от монологов Лили. Она подумала грустно: «В молодости мы захлеб спорили о писателях и художниках, а теперь иронично оцениваем свою жизнь и судьбы друзей... В больших дозах Лилия труднопереносима. И обо мне то же самое иногда можно сказать?.. Собственно, все эти воспоминания - необходимость разобраться прежде всего в себе».

- Быт способен задавить любые восторженные чувства, - незаслуженно кольнула Инна Лилию. Но та приняла эти слова на счет мужа и продолжала исповедоваться.

- Душу труднее отмывать, чем тело. А он не стыдился своей никчемности. Ни в чем не раскаивался. Зачем ему право на прощение и искупление? Только проверки на упрямство мог себе устраивать. Таким прямая дорога в преисподнюю. Подруга сказала, что в нем гремучая смесь русского отчаяния и безысходности с бездеятельностью.

«В ее словах такая тоска по счастью. О, как громко и горько звучит в ней какая-то тайная жестокая обида!.. Нет, другое было истинной причиной их развода», - поняла Лена. Но от расспросов удержалась.

- Теперь мне кажется, Дмитрий - обыкновенный циничный, изворотливый эгоист и слабак, и национальность тут ни при чем. Если у кого из мужчин и бывает лет в сорок кризис среднего возраста, то у него он был всю жизнь. И начался он уже через год после свадьбы. Сколько раз был на расстоянии вытянутой руки от мечты, но как я ни старалась расшевелить, помочь, подтолкнуть, он так и не решился схватить удачу за хвост. Не мог рискнуть, боялся не справиться. Не удалось его ни растормошить, ни заставить. А слова говорил обнадеживающие. И я сломя голову бросалась устраивать и налаживать его дела. Только оказался он необучаемым и трудновоспитуемым. Всю жизнь старался получить отсрочку от взрослой жизни. Проще плыть по течению, куда вывезет. Ни подъемов не переживал, ни чувства обновления. Рано его душа очерствела, оттого-то все и рухнуло у нас.

Выходя за него замуж, я волновалась: судьба сжалилась надо мной или это очередная ловушка? Боялась обжечься, но поверила, что его любовь всесильна. Но, видно, одному Создателю изначально известны наши судьбы... Бывало, вожусь на кухне, а мысли о нем все по кругу, по кругу. Мою полы, а они опять крутятся вокруг его бед. Интересно, мужчины тоже переживают и перемалывают свои проблемы?

- Чтобы не думать, они из телевизора не вылезают, из домино или, как твой бывший

муженек, глаза заливают, – фыркнула Инна.

– Не все, – заступилась за мужчин Лиля. – Это нам с тобой не везло.

Ей очень хотелось верить хотя бы в чужое счастье.

– Думаешь, я стала излишне сентиментальной, говорливой? Нет, натужно вспоминается былое, когда-то так ярко желаемое... Мечты отдалялись, надежды увядали. Печаль все застилала плотным непроницаемым покровом.

Почему все, что не касалось Димы лично, не вызывало в нем ни печали, ни особого интереса и легко забывалось, не взволновав души? Никого не хотел принимать в свое заледеневшее сердце, а потом и сам себе стал не нужен. Так и просились на язык грубые слова... блин... Нет, нам стократ тяжелей, чем мужикам. Пугает невозможность их любви, ее краткость и трагическое завершение... Как же так, ведь когда люди живут с любовью, вокруг них образуется пространство заботы и нежности... Получается, оно есть только у женщин?

– Этого мало. Еще нужно обоюдное уважение, взаимопонимание, стремление соответствовать и желание строить общую жизнь, – сказала Алла.

– Я не сомневаюсь: в эгоизме заключена причина неправды жизни людей, – твердо сказала Лера.

– И в слабости людской. Правда, в меньшей степени, – добавила Лиля.

– Каждый человек – заложник своих успехов и неудач. Кто-то борется, кто-то мстит или сникает, – вторила ей Инна.

– Это когда он один и отвечает сам за себя, – уточнила Рита.

– Давай, Лера, обличай, может, хоть теперь ей легче станет. В вашей семье, Лиля, кипели нешуточные страсти! Я отказываюсь понимать, как можно столько времени терпеть такое! – воскликнула Инна.

– Любила. Воображала себя мудрой, тонкой, понимающей, способной помочь, повлиять. Гордилась своим мужеством. Нам в детстве внушали, что неисправимых людей нет. «Оставить? Да ни за что на свете!» А самой даже не удавалось вытянуть из него извинения за грубости.

«Лиля, имея деятельный характер, не позволяла себе подолгу унывать, – порадовалась за подружку Лена. – А я всю жизнь безуспешно пыталась научиться выкидывать из головы все неприятное».

– Исправляют, когда ребенок еще поперек лавки лежит, а не взрослого бугая. Любила... воображала, – слабым эхом, будто передразнивая, отозвалась Аня, видно, найдя в этих словах созвучие со своими мыслями. – Почему мы обычно ищем оправдание тому, что сделали не так, а не причину? Ну а как же...

И сразу сбилась.

– Не убедила меня твоя версия. Да у тебя, Лиля, паранойя, только со знаком плюс, в сторону доверия. Невменяемая, – рассмеялась Инна так, что буквально сложились пополам от смеха.

– Тебя, Инна, трудно в чем-либо убедить. Общеизвестный факт. Рассуждая отвлеченно, скажу: я сторонница Лилиной позиции. Только поставив себя в критические обстоятельства, можно понять ее нравственный выбор, – заметила Рита. – Иногда у человека нет другого пути, если он хочет остаться человеком, – жестко добавила она.

– Я мечтала, чтобы муж жил мною, как я им. Бывало, мечтала сказать ему: «Ты моя мелодия», а он... – «мать твою». Хотелось, чтобы был воспитанный, сдержанный, по-своему умный, может, даже мудрый, чтобы дети видели теплую, полную любви и обожания улыбку отца. Хотелось такого, которого можно было бы любить всю жизнь и даже унести эту любовь с собой туда... Деньги меня всегда интересовали в последнюю очередь. Я никогда не умела вытягивать их из мужей... Но Дима быстро забыл, как

вместе качали кровать дочки и восхищались ее маленькими пальчиками. Он все забыл.

Напрасным было мое желание обрести гармонию. Он был со скрытой червоточинкой, только она сначала не проявлялась. Любовь, даже такая, как моя, закаленная болью, сплавленная с прочной привязанностью и постоянством, не всегда может изменить человека. А страсть тем более, она переменчива. Надеялась, говорила: «Посмотрим, чья возьмет! Не пропадешь, не доставлю тебе такого удовольствия». А воз и ныне там. Не хотел вовремя останавливаться, жил «в строгом соответствии со своими желаниями». Не любил, чтобы за него думали, а сам ничего не мог решить, – усмехнулась Лиля.

- Не искри! Посмотри правде в глаза. Твои рассуждения означают состояние осознания жизни через пепелище традиционных ценностей, – сказала Рита.

- Воображение и разум идут во мне параллельно. Когда разум не справлялся, я уговаривала себя: «Освободись от власти благоразумия, выйди за его границы, выпусти на волю фантазии, которые всегда поддерживали, обнадеживали, щедро дарили надежду и силы, приоткрывали красоту жизни». Детдомовская привычка.

- Если безудержные мечтания помогали, да ради бога! Без них-то гораздо хуже, – тихо сказала Жанна.

- А кому они мешали? – флегматично откликнулась Аня.

- До сих пор не покинули фантастическую Аркадию. Что же вы, детдомовские, никак не желаете признать, что жизнь дается не за тем, чтобы ждать или искать несуществующий идеал мужчины, не за тем, чтобы верить в рай на земле, – брезгливо фыркнула Инна. – ... Я настолько привыкла к абсурду в жизни, что уже не замечаю его.

- Детдомовским хочется видеть в мужьях не столько мужа, сколько отца, опору, – тихо отозвалась Жанна.

- Замучилась я противостоять патологическим чертам характера Димы. Долго точил меня гнус сомнений: оставить, не оставить его? Иногда человек не заслуживает прощения и помощи. Говорят, милосердие выше справедливости. А был ли он ко мне хоть чуточку милосерден? В его арсенале присутствовали всё больше пули крупного калибра и разрывные. Не жалел для меня обидных слов. Оскорбить для него что плюнуть и растереть. Походя, не замечая, унижал. Злость, дремавшая в нем трезвом, после первой же рюмки настоятельно требовала выхода. А потом совсем вразнос пошел, превзошел самого себя: и без «градусов» начал на меня бросаться.

- От одних бесился, из-за других злился, а доставалось тебе, – вздохнула Инна и добавила уже тоном, не терпящим возражений:

- Судьба – это то, что предрекалось, а жизнь – то, что получилось. И что уж плакать, судачить. Апеллировать к разуму теперь совершенно бесполезно.

- Такое вот у меня вышло «неисчерпаемое» счастье. Такой вот мой мрачный романтизм. Мне уже никогда не избавиться от того, что пережила. Оно мое навсегда. Ни изменить, ни изгнать из сердца... Всегда будет мягким женщинам доставаться горечь жизни?

- «Ее пили и будут пить дочери Евы». – Это Галя скорбно продекларировала.

- Это закон? Я угораю! Это закон серости и дремучести семейной жизни, установленный слабыми, эгоистичными мужьями. Поддаваться не надо, – доходчиво выразила свое мнение Мила.

- С таким фасадом и такая дурная голова, – удивилась Аня, разглядывая фото Дмитрия. – Не всяк умен, кто лбом высок.

- Твой выбор, Лиля, был нравственно оправданным, – заметила Лера.

- Спасала его. Но какой ценой! – возмутилась Мила. – Своим поведением ты преподносила детям уроки мужества или, напротив, слабохарактерной терпеливости?

- ...А все началось – с его слов – в юности с бутылки пива. Потом и я с неприятным удивлением стала замечать все больше и больше предосудительных склонностей и

абсурдных сдвигов. Аховые возникали ситуации. За глаза хватало фортелей. Обидно, досадно, но ладно. Так ведь говаривали мы в студенческие годы по всякому грустному поводу? – усмехнулась Лиля.

– Я тебя видела в период вашего развода с Дмитрием. Ты не смотрелась затравленным человеком, которого не ставят ни в грош. Гордо голову несла, – въедливо заметила Инна.

– Ты застала меня не в лучший момент моей жизни, но, во-первых: неприятность, осуществившись, перестает раздражать неопределенностью своих гадких возможностей; во-вторых: мне надо было всему свету продемонстрировать свое поражение, ложиться в гроб и умирать? А дети? С тремя оставалась.

– Откуда третий ребенок? – удивилась Жанна.

– Его сын от первого брака.

– Так он тоже был «с приданым»?

– Раньше говорили: с прицепом или довеском, – ехидно уточнила Инна.

– Не могла же я оставить его алкашу. Дети – мое единственное счастье. Не о себе думала, за ними в десять глаз смотрела, им старалась внушить, что все у нас теперь будет хорошо. Я даже подработки не брала, чтобы с ними больше времени проводить. Всех денег не заработаешь, а если упустишь ребенка, никакие «бабки» не помогут его выправить.

– Ну, тут тебе равных нет – покривила губы Инна.

– Что ты взъелась, Инна? Чем Лиля навлекла на себя твой гнев? Не поплакалась в твою жилетку? – поморщилась Аня. – Поговорили по душам!

– Чтобы упрямому сделать хорошо, его надо чем-то связать. Въезжаешь? – предположила Инна как ни в чём не бывало.

– Чем, если у человека отсутствуют положительные предпочтения? – снова ожесточилась Лиля. – Нет у меня иллюзий насчет человеческой природы. В Диме зло побеждало добро. Я ради него отрекалась от себя. Любила его горестно, трудно. Нежности, жалости, сочувствия он получал сверх головы, а сам слабо чувствовал, мелко понимал. Можно подумать, меня уже ничего не интересовало, кроме работы, кухни и роли его няньки!.. «Крым и Рим» с ним прошла... И опять моя личная жизнь сдулась как майский воздушный шарик.

– Он слинял? – не поверила Инна.

– Я же уже говорила: сочла за лучшее разойтись. Сама указала на дверь. Стукнула кулаком о стол и высказала все, что о нем думала. Слишком глубокую рану нанес, горькую оставил память. Сколько можно балансировать между справедливостью – несправедливостью, правдой – неправдой, любовью – ненавистью? Иногда надо останавливаться, чтобы понять что-то из прожитого, и дальше двигаться правильным путем. Не сразу получилось. Случай помог развязать гордиев узел противоречий и печальное стечение обстоятельств. А так, может, и до конца тянула бы свою лямку.

Иногда жизнь берет верх над своими смыслами. Дима ткнул меня носом в мою же добродетель. Дескать, на, нюхай ее сама. Я ужаснулась, опешила. Жила, оглушенная, впадая то в ярость, то в протрацию, то в депрессию. Так развел! Любовь прощает все, кроме низости. Нельзя мужчин ни превозносить, ни идеализировать, ни слишком жалеть, иначе они могут такое натворить, что не приведи господи... Я даже наши с ним фотографии убрала в самый дальний ящик. Нестерпимо ранили каждой подробностью.

Истерзанная моя душа ссохлась, растрескалась до крови, часто проваливалась в тоску как в омут. Порой мне кажется, что до сих пор мое сердце – саднящая, незатянувшаяся рана. И я понимала: сто лет мне без надобности такое счастье... Обоих моих мужей уж нет... а я вот живу. Хранит меня Бог за терпение. Говорят: «Кому что на роду написано». Может, не зря страдала столько лет... И что это я все о грустном да о грустном? Пора переплывать «в нейтральные воды».

В глазах Лили стояли слезы, но она справилась с ними.

«Если бы Дмитрий не ушел от Лили к той пьянчужке, мы сегодня о нем не услышали бы ни одного плохого слова, несмотря на то, что мучил он ее столько лет», – подумалось вдруг Инне.

– Если бы ты сейчас смеялась над своей жизнью, это было бы совсем странно, – сказала Аня.

– Каким же гадом должен быть следующий муж, чтобы женщина пожалела о предыдущем подонке? – грустно спросила Инна, сопроводив высказывание изрядной долей иронии и желчи, очевидно, осмысливая и свой собственный жизненный опыт. – ... Настоящего счастья захотела? Губа не дура. Испугалась беспроектного одиночества надвигающейся старости. Это в тридцать-то с малым хвостиком лет?

Риторические вопросы праздно зависли в воздухе.

– ...Жизнь кажется невыносимо трудной до тех пор, пока не увидишь чью-то еще более худшую, особенно если у близких тебе людей. И тогда собственные беды превращаются в ничто, – сказала Аня очень серьезно. – Ты вот все о себе да о своих несчастьях, а как дети отнеслись к твоему разводу с Дмитрием? Однозначно приняли твою сторону? Понимали, что разрываешь его слишком слабые, гнилые узы отцовства? Не казнили, не терзались?

– Наша дочь была категорически «за». В переводе с детского на взрослый язык она сказала: «Он отрекся от меня чуть ли не с самого моего рождения, на алкашей променял; никогда не дорожил семьей, мучил всех, ничего доброго в памяти не оставил. Ты последнее время не его жалела, а годы и силы, которые на него потратила». Я с ней согласилась, потому что ничего так не возмущает мать, как боль, причиненная ее детям. Мой сын и от первого развода страдал, сначала тянулся к отцу, но поняв, что никому кроме матери не нужен, смирился. И с Дмитрием он некоторое время продолжал общаться даже после развода. Нуждался в мужском плече. Но окунувшись в грязь его новой жизни, тоже жалеть перестал. Сказал: «Он не из нашего стойла. Теперь пусть за него отвечают другие».

Не хочу поднимать здесь вопрос о детях, душу он мне рвет. Дочка маленькой была веселой, оптимистичной, а стала молчаливой, задумчиво-грустной, безразличной. Еще до развода чувствовала себя брошенной, нелюбимой, – понизив голос до шепота, добавила Лили. – Вот ты, Галя, наверное, думаешь, что для нас, детдомовских, существует только черное и белое? Но разве мое терпение не было признанием мною полутонн?

Галя утвердительно кивнула.

«И все-таки в словах Лили больше муки и отчаяния, чем презрения и ненависти. Она на самом деле любила Дмитрия. И до сих пор не все в ней, оказывается, отболело», – решила про себя Лена.

– Отхватила себе муженька. Чмо он непотребное! А ты ему мед, да еще ложками. Не слишком ли жирно ему было? Глаза на лоб от удивления у него не вылезали? Сами мужчин развращаем заботой, а потом плачем.

Инна начинала «расходиться». Женщины это почувствовали и примолкли. Только Аня сказала, пытаясь выглядеть как можно убедительней:

– В подметки тебе не годился Дмитрий. Законченный алкоголик. Он, пожалуй, со всеми оговорками, заслуживает то, что теперь имеет.

Но и она не решилась задавать вопросы, чувствуя, что Лили сама хочет еще что-то рассказать из своей жизни.

А Жанна подумала об Инне раздраженно: «Самой не получилось свою красоту «конвертировать» в семейное счастье, а туда же, в советчики лезет».

- Святая простота. Деревня. Отвянь, Аня, - надменно фыркнула Инна. - Я бы, не церемонясь, без проволочек нашла способ отомстить мужику. Сделала бы так, что комар носа не подточит. Сам бы сбежал не оглядываясь.

- Не цепляйся к Ане. Не тебе о ней судить, - строго осадил ее Лера, боясь ехидного продолжения.

- Добро потому добром и называется, что хороший человек не может делать плохое. Вот и Лиля не могла. Потому-то, в целом, добро и побеждает, - сказала Кира.

- Кого побеждает? - съязвила Инна. Но ответа не получила.

- С Дмитрием почему ошиблась? - тоном осторожнее некуда спросила Жанна.

- Доверчивость подвела. Смысла от вымысла не отличала. По себе его мерила. Я же была до мозга костей правильной, честной. По молодости считала честность одной из своих сильных сторон.

- Это святая правда, - подтвердила Кира.

- Ни минуты не сомневалась, что патологическая честность - бесплатное приложение ко всем прочим твоим достоинствам, - фыркнула Инна.

- Не перестаю тебе удивляться, - тихо заметила подруге Лена.

- И оглянуться не успела, как снова стала девушкой на выданье, - сама над собой пошутила Лиля, вызвав тем самым у Инны короткий приглушенный смешок, мол, дай бог не последний.

- В третий раз мужем быстро укомплектовалась или долго зализывала раны? Не томи, рассказывай, - с задорной интонацией попросила Мила.

- Такой товар долго не залеживается, - хихикнула Инна. - Или в твоем положении - с детьми - выбрать и привередничать не приходилось?

- Не паясничай. Накатило? Одно у тебя на уме. Не можешь без ложки дегтя. Даже если начинаешь за здоровье, все равно кончаешь за упокой, - с осуждением заметила ей Лера. И зло подумала: «Бьет по самому больному. Ее бы так».

- Тоже мне адвокат дьявола, - сердито буркнула Инна так, чтобы ее услышала только Лера, и замолчала, побоялась наговорить гадостей.

- Правильно делала. Ты молодец. Надо искать счастье, а не только убегать от несчастий, - похвалила Лилю Жанна.

- Не торопилась я включаться в гонку за женихами, - усмехнулась Лиля. - Не скоро замуж пошла. Эмоционально зависла. Всегда трудно заканчивать одну жизнь и начинать другую. Долго еще в душе, там, где еще оставался Дмитрий, шевелились какие-то смутные, тревожные чувства, вкрадчиво наплывала боль. Думаешь, перевернула страницу и вон из головы? Да и проблемы долго еще расхлебывала. Дмитрий неожиданно для меня квартиру принялся делить самым что ни на есть подлым способом. Подобного я не могла ни ожидать, ни даже предполагать. Всеми правдами и неправдами обманывал, плутовал. Пытался отыгаться на собственной дочери за то, что от него избавились навсегда. А она уже многое понимала. Ей стыдно, обидно и противно было видеть отца таким. Она вся скукожилась, но делала вид, что все в порядке... Надеялся объегорить, одолеть нас без труда, но закон стал на сторону детей. Благо Союз тогда еще не рухнул. Вот и верь после этого в человеческую порядочность. Правда, тогда у него уже не существовало таких понятий, как гордость и стыд... Только все равно считаю, не сам он такое придумал.

- А я думала, тебя не устраивали проходные варианты, - опять «ущипнула» Инна Лилю. Та не отреагировала.

- Как сейчас помню, взгрустнулось мне что-то, и сказала я старшему сыну - его сыну, - мол, не хватает мне Дмитрия, твоего папы. Вовчик грустно ответил: «Мне и раньше его не хватало. Он хоть раз постоял за меня, защитил? Только ты и выручала».

Я попыталась заступиться за его отца, мол, не умел он выражать своих чувств, он так устроен. На что Володя спросил очень серьезно: «А может, у него их вовсе не было?» Я горячо возразила: «Любил он тебя!» Сынок только вздохнул: «Себя больше нас всех».

- Вот тебе и дармовой катарсис!.. «А ты боялась... и мама не узнает». И все потому, что хватаем мы что ни попадя, - хихикнула Инна.

- Ты сегодня в ударе. - Лена неодобрительно посмотрела на подругу.

- Влюбленность сбивает нам прицел, - мягко остудила Инну Рита.

«А ведь не со злобой говорит Лиля. С тоской и печалью, словно не перегорела в ней любовь», - отметила про себя Жанна.

- Получила удар кулаком под дых! И после всего этого не зареклась, опять замуж пошла? - удивилась Галя, внимательно слушавшая откровения Лили.

- По горло, до предела была сыта жизнью с Дмитрием. Повтора не вынесла бы. Думала, может, другая история будет лучше и в ней возникнет какой-то положительный смысл. Может, думала, снова полюблю. Ведь ничто не лечит душу лучше, чем любовь. Заразил меня Георгий верой в возможное счастье. Так хотелось безудержной легкости, абсолютного понимания!

- Напророчила, - хмыкнула Инна и прикрыла рот рукой, чтобы Лилия не видела ее усмешки. - А третий каким был? Другой коленкор? Давай начистоту. Первый шаг на трудном пути признания уже сделан. Почувствовала с Жоркой разницу?

- Случайно он мне подвернулся. Наша встреча была полной неожиданностью. Недолго думая, на свой страх и риск за него пошла, чтобы забыть Диму. Обида толкала в спину... тоска по большому светлому чувству. Вот и нашла приключение на свою голову. И тут не скоро я доросла до понимания неизбежности разрыва. Не хотела бы проводить параллели и сравнивать несравнимое.

После второго развода решила: «Никому больше не подчинюсь. Хватит, хочу принадлежать самой себе. Выйду замуж, если только в семье все будет на равных. Поумнела, меня теперь задешево не купишь». Ну и опять двадцать пять! Ни с чем не сопоставимая личность, «новатор», неустрашимый, непоколебимый в своем фанатизме. Вымещал на мне свои несостоявшиеся амбиции. Он из тех, кто много начинает, но никогда ничего не заканчивает. Все у него шалей-валяй... Неуравновешенный, заносчивый и пристрастный, он не мог простить удачливым друзьям ни успеха, ни богатства, ни власти. У него была тяжелая болезнь - гордыня, от которой лекарство - смирение и мягкосердие. А их у него не было. Он испытывал чувство неполноценности, а страдала я. Самодур чертов. Он слишком любил себя, чтобы любить еще кого-то. Все шутил: «Бог покарал мужчину и отдал его в руки женщине». «Чтобы он мог сваливать на нее все свои неудачи!» - добавляла я.

Пытался перестраивать мою жизнь под свои нужды и считал, что я должна ему быть за это обязана и благодарна. Мол, знай сверчок свой шесток. Кого этот чертов Пигмалион хотел из меня слепить? (Какая прелестная абракадабра!) Можно подумать, он лучше знал, что мне нужно. А я ему: «Не въезжаешь? Ты действительно идиот или только прикидываешься?» С Жоркой иначе не получалось. Не мужик, а полный отстой. Так, бельмо на глазу. Я шутила: «Посмотри на себя со стороны. Не испугался? И еще утверждаешь, что ты в здравом уме и твердой памяти? Не пора ли грехи отмаливать?» Не ощущал собственной несостоятельности... Не соизволил, не удосужился вникнуть. Не удалось сбить с него спесь. Думала, вживусь, врасу в ситуации. Не смогла. Опять дошла до точки плавления. Для полного «счастья» только его мне и не хватало. Надоело постоянно жить в состоянии гражданской войны. Вымоталась я с ним хуже, чем собака после гона. Депрессией стала страдать.

- Говорят, если есть любовь, то нет депрессии.

- Какая там любовь... Его позиция всегда оказывалась сильнее моей. Он скорее поступится своим чувством, нежели откажется от своих прихотей. Пропади оно

пропадом, это замужество... Ему бы только чужими руками каштаны из огня доставать. Ни полущки никогда не дал. Не муж, а пришей-пристебай какой-то. Жертва уязвленного самолюбия и тщеславия. Все корчил из себя непризнанного гения.

- Талантливый и несчастный - вот два качества мужчины, заставляющих русскую женщину становиться няней, а не женой, - вставила Инна.

- На самом деле Георгий был опустившимся рефлексирующим неврастеником и слюняем. Его поиски самого себя, затянувшиеся на всю жизнь, не увенчались успехом. Обидно. Ну, если бы ни бельмеса не смыслил, тогда было бы понятно, но ведь лодырь темный, беспросветный. Только пыль в глаза пускать научился... И прошлый он себе нравился, и нынешнего приемлет... а толку ни от какого не было. В нем отлично уживалась масса отрицательных качеств. Ха! Была счастлива с ним, как муха в меду!.. Не сумела, да и не хотела примириться. Было бы его поведение в новинку, а то ведь всё одно и то же. Вот и решила, что при самом оптимистичном раскладе он - не вариант. Все в нашей жизни было мелко, противно. А во мне всё еще горела бескорыстная жажда любить и оберегать. Я как та Герда из сказки о Снежной королеве... Боже мой, сколько глупого, ненужного было в моей жизни! В страданиях нет сладости. Это придумали нечестные поэты. Страдания уничтожают человека если не морально, то физически... Развелась, сказав себе: «Тяжелый случай, но жить буду». Так говорят в больнице? Я могу - в моем конкретном случае - с уверенностью сказать, что если я разочаровалась в браке, то виной тому мужчины. Да... непросто жить на свете.

Лиля вдруг расхохоталась. Женщины дружно ее поддержали. Лене понравилось, что подруги смеются. Ей самой захотелось отвлечься, встряхнуться, развеселиться. Но рядом опять послышалось:

- ...Жалкое подобие мужчины! - Это вырвалось из уст Ани.

- Не стоил он тебя, - успокоила ее Жанна.

- Воспитанность и такт передаются из поколения в поколение, только тогда они бывают истинны.

- Опять стонете! Совсем уболтали. Панихиду не заказать? - подала голос Инна. - Открою страшную, горькую тайну: добрых и любящих жен если не покидают, так изменяют им. У наших с Лилей мужчин все хорошее в них восставало против них же самих. Они сами не знали, чего хотят, потому что были без стержня. А мы в течение всей жизни с ними пытались взрастить его в них.

- У меня была подруга. Мужу досаждала, буквально измывалась над ним, а он все равно ее любил. А когда она ушла из жизни, этот мужчина не захотел видеть рядом с собой другой женщины, хотя был еще достаточно бодрым. Вот и пойми его. Видно, опознал в ней свою судьбу, - удивляется Аня.

- Может, Георгий с самого детства никогда от жизни не ждал ничего хорошего, поэтому даже в каждом внешне благоприятном событии видел начало неприятностей? Отсюда его постоянная мрачность, неприветливость, излишняя настороженность, недоверчивость, отчужденность... И все же он был неизмеримо выше обоих моих предыдущих мужей. Животные инстинкты и алкоголь не имели над ним власти. Рук не распускал. А на язык злой был. Нет чтобы с юмором, самоиронией, как подобает умному мужчине.

- Смеяться над собой - удел немногих мужчин. Это заповедная зона избранных. Мой Вадик был из их числа, - заметила Мила.

- Не подобрала я ключика и к характеру Георгия. Из цепочки неудачных случайностей выстроилась вся моя жизнь.

- Не выгораживай мужчин. Они считали тебя железной, неиссякаемой, - сердито остановила ее Мила.

- Лиля, как я тебя понимаю! Мы с тобой по одну сторону баррикад. Георгий - твой тип! Рохля. Опять осмелилась полюбить неудачника? Переоценила свой иммунитет. У нас так: чуть зазеваешься - и ты в дерьме. Но как ты его «причесала!» - беззастенчиво

рассмеялась Инна.

- Полюбила? Громко сказано. Мирного сосуществования захотела. Георгию много было дано. Не чета другим. Ему прочили славу знаменитого конструктора. И он видел себя чуть ли не демиургом. Верил в несбыточное. Но не тот был промысел божий. Не справился он со своим талантом: возносился в небо, а шлепался в лужу. Видно, не совпадало его завышенное представление о себе с мнением коллег и начальников. И на этот счет было множество неопровержимых доказательств. Без лишних слов тут все понятно. Но и этого я пыталась пристроить, приобщить. А теперь и мой ему приговор такой же... И с ним облом вышел. Все у него кое-как, на скорую руку, все авось да небось. И дома, бывало, то бесится, то днями молчит.

- По мне лучше накричать, чем молчать. Не могу долго обижаться. Не умею скрывать того, что у меня на сердце. Я думаю, молчание - это слишком тяжелое наказание для меня и для человека, которого люблю. Я не могла себе такого позволить, - сказала Рита.

- Мне Жорка достался уже достаточно потрепанным. Вот что я тебе скажу, Жанночка: пожалела, подобрала и пригрела его на свою голову. Нарвалась на заразу. Сама себе устроила истязание. Думала, окажусь полезной. Хотела «подправить и в дело пустить», - усмехнувшись, ушла от подробного ответа Лиля. - Некоторые мужчины, привыкнув к тому, что матери с ними нянчились, надеются, что и жены станут с ними как с маленькими детьми возиться. А у нас тоже работа, еще и дети. Вешать на себя еще и это великовозрастное дитя у меня вовсе не было желания. К тому же всегда хорошо пригнанный механизм терпения с третьим мужем начал сбоить.

Был бы человек приличный, еще куда ни шло, можно было бы отбросить сомнения, и то если только в разумных пределах. А он то на жалость давил, то мелко, пакостливо мстил, истощая меня эмоционально и физически. Говорят, подавленные желания могут вызывать зло даже в добрых и благородных душах. Его отношение парализовало во мне не только чувство юмора, но и желание секса. Но тоже не сразу я сделала пугающее открытие, что лучше одной растить детей. Когда сама принимаешь все решения, не на кого обижаться, - шутливо закончила свою мысль Лиля.

- Дмитрия поначалу приятно было нянчить? - спросила Жанна так, будто взяла в сообщницы Инну.

А Лиля в запале продолжала:

- Светлый юношеский оптимизм угас, хватит. Пора вещи называть своими именами. Как пошутил талантливый пианист Денис Мацуев: «Ни ноты без банкноты». Хотя, конечно, это не мой стиль. Теперь вспоминаю третий брак с чувством боли и недоумения. Счастье вообще малопонятное, выдуманное понятие. Например, благополучие, взаимопонимание - они естественней и, может, потому современной молодежи как-то ближе. Улавливаешь мою мысль?

«Лиля мягкая, но с жестким, несгибаемым стержнем внутри», - подумала Лена.

- Моя душа всегда рвалась ввысь белым лебедем, а потом снова и снова падала на грешную землю, чтобы выполнять не только то, что кроме меня в моей жизни никто не мог делать, но и то, что кроме меня никто не хотел делать. Тяжело, но надо жить, пока занавес не опустился.

- Кто-то сказал: «Чтобы войти в дверь здания человеческого величия, надо сначала пригнуться». Так вот ты, Лиля, вошла в него, - сказала Алла.

«Жизнь испытывает нас на прочность. Лилина стойкость, вера в добро, встречая сопротивление, не потеряли своей истинности. Она до последнего не усомнилась в своей способности бороться за счастье. Какая молодчина!» - восхитилась Жанна.

Голос Лили слегка дрогнул, но она справилась с ним, набрав полную грудь воздуха.

- У меня такое ощущение, что за шестьдесят пять лет я прожила несколько непростых жизней и ни в одной из них не была счастливой. А все потому, что всегда ждала настоящую любовь, надеялась, верила. Влюблялась и прямым ходом отправлялась на борьбу с трудностями. Во втором замужестве поверила, что нашла кого хотела. Боролась

за любовь до последнего, а он не ценил, позволял себе нелестно выражаться по этому поводу. Откуда мне знать, может, на самом деле неуместно было суетиться? Видно, я из тех женщин, которые всю жизнь остаются няньками над своими детьми и мужьями. Была кроткая, прощала обиды. Все равно вышла неудача. Говорят, несчастье меняет человека. Это верно. Но не всегда в лучшую сторону. Поняла я, в чем корень зла, и ушла от Дмитрия.

- И поделом ему, - зло бросила Инна.

- И опять умчалась моя мечта далеко-далеко... Что толку, что была ему верна. Счастья это мне не прибавило. И уважения тоже... Потом это бестолковое третье замужество. И снова жизнь щелкнула меня по носу. Зачем стараться выводить отношения в семье на более высокий уровень? Куда проще уходить от трудностей налево или плакаться в жилетку... А мне надоело быть главою семьи, домработницей, огородницей, женой большого, неприспособленного ребенка!.. Такое вот оно, наше мужество обреченных. Жить больно...

Теперь вот все трое ушли из моей жизни... и все остались в ней: кто горечью, кто тоской, кто обидой...

Голос Лили пресекся.

- ...Лежишь долгими ночами, заклиная неприкаянные призраки утраченных грез, вслушиваешься в отголоски собственных поражений... Что толку вспоминать поруганную любовь, утраченное сомнительное доверие? Я сама выбирала таких мужей и платила за это непомерно высокую цену...

«Простодушная, верная, добрая, самоотверженная... и вот итог...», - подумала Аня.

- Душераздирающий сценарий. Довели тебя мужики до ручки, - неодобрительно хмыкнула Инна. - Я бы не позволила ничтожеству собой помыкать, быстро вышвырнула бы. Я тоже всегда сама сдавала карты, сама вершила свою судьбу, - добавила она энергично, будто от самих только этих слов наполняясь горделивой удалью и силой.

Жанна вклинила в рассказ Лили эпизод из жизни своей подруги:

- Только после шестидесяти Альбинин муж стал замечать, что и он бывает не прав, что ссоры по большей части происходят по вине его взрывного, самоуверенного и самолюбивого характера. Ему трудно мириться с этим пониманием, но иногда он уже перебарывает несдержанность, даже позволяет себе извиниться. Как-то сказал: «Как же меня бесит, когда ты начинаешь играть по моим правилам и говорить моим языком!» Он наконец-то взял на вооружение иронический подход к себе и собственным поступкам. Аля ценит это, поддерживает мужа в его потугах. И ей стало с ним намного легче, когда почувствовала с его стороны некоторое сочувствие и уважение. Подруга грустно шутит: «Вот умру, он приведет себе женщину - а он обязательно ее приведет, не сможет без няньки, - и той не придется мучиться, как мне. А вот научить ценить меня так, чтобы он не мог представить рядом с собой другую, я уже не успею».

«И мой отчим был таким», - вспомнила Лена.

«Истинный духовный поиск всегда связан со строгой самодисциплиной, которая больше присуща женщинам... по необходимости, конечно», - подумала Лера.

- Теперь я тоже часто завожусь, срываюсь, но только по причине своего нездоровья. А Георгий всегда бесился из-за своего дрянного характера, несдержанности, капризов. И чего добился?

- И до сих пор не оставляет тебя чувство тревожного волнения за его судьбу? Где он теперь? Расстались по обоюдному согласию? Списала вчистую? - любопытствовала Жанна.

- Был такой шанс, но...

- Кому достался?

«Все-таки какая-то Жанна порхающая. Лезет в душу, когда не просят. Коробит меня ее

простенькая непосредственность», – недовольно затрясла головой Аня. И в ее собственных глазах при этом мелькала детская простоватость. Но она этого не могла видеть.

– Всевышний принял соломоново решение: никому.

– Как это?

– В аварию попал. Богу душу отдал.

– А принял ли Он её? К кому причислил? На небеса, небось, не послал. Скорее всего, в преисподнюю или в преддверие ада... там ему самое место, – сердито пробурчала Аня.

– Безупречный финал, – изрекла Инна удовлетворенно.

– Ты жестока. В этом тебе нет равных, – сказала Эмма.

– Ну-ну, толкни речь, как защитник на суде... люблю слушать.

И в ответ Инна получила обидчиво-испепеляющий взгляд.

– Спору нет, ты знаток в таких вопросах, – не сдалась Аня.

– Да уж не наблюдала жизнь с твоего насеста.

– А катись ты... – Сказано было в сердцах.

Аня изменилась в лице: «Мне бы Ленино жизнелюбие и стойкость, я бы тебе показала...»

– Ах, я полна раскаяния!

Лиля, казалось, не слышала их перепалки.

– ...Кабы знать... Думала, ко мне никто больше не сунется. Возраст. Буду жить тихо, не привлекая внимания.

– Рада была избавиться? – прервала Лилю Инна.

«Она продолжает усугублять неприятные моменты», – забеспокоилась Кира. Лена заметила ее волнение и подумала: «Хозяйка дома, как хорошо настроенный камертон».

– Что же ей теперь, под поезд бросаться? – вспыхнула Аня.

– Мне это не померещилось? Как часто мы принимаем желаемое за действительное! – тут же поддела ее Инна.

«Опять эти ее перевертыши!» – разозлилась Аня.

– Бог с тобой, Инна! Как можно? Какой бы плохой человек ни был, его все равно жалко. Таким он был по причине неудач. Не раскрутился, не сумел. Страдал. Настроение – хуже некуда. В депрессию впадал: мрак запустения в душе, все немило. Не читалось, не спалось, не работалось ему, даже от телевизора воротило. Вот он и цеплялся ко мне.

«И этому нашла оправдание», – неодобрительно подумала Лера.

– И почему мне не везло, ведь не так уж много мне было нужно, чтобы быть счастливой: чуть-чуть тепла, нежности, понимания. Обязательность, ответственность, способность к анализу, критическое отношение к жизни, самоотверженность – все это я оставляла самой себе... Нет, все-таки истинное исцеление и покой способны принести только одиночество. Зачем усложнять и без того запутанную жизнь...

– И с Георгием ты не жила, а «развлекалась», – совсем по-старушечьи жалостливо вздохнула Аня. – С ним ты как на «русских горках»: то в яму, то в канаву.

– Так его! – злорадно усмехнулась Инна.

– Слава Богу, детей не трогал. Они для него будто не существовали. Иначе и дня его рядом не потерпела бы.

- И все-таки немного сожалеешь, что разбежались, - решила Аня.

- Сожалею? Было бы что терять. Чем ему хвалиться? Разве что заурядным линиялым экстерьером. И при великом желании много хорошего в себе не накопал бы. Сколько их по России, таких вот Георгиев... талантливых, непутевых, несостоявшихся. Не греют... Я не могу отделаться от мысли, что благосклонная фортуна по неведомой мне причине намеренно обходила меня стороной. Это не упрек высшим силам, а констатация печального факта... Куда меня повело, а?! Ладно, поплакалась и будет, - закончила Лиля, больше не желая пускаться в воспоминания.

Она натянуто улыбнулась. Она явно храбрилась, стараясь представить грусть пренебрежением. А у самой во время откровений понурая, свинцовая тоска в глазах... мол, такая уж моя недоля. Душа ее смята, исковеркана и все же неподвластна внешним мерзостям. Она по-прежнему искренне расположена к добру и подвержена минутам одинокого вдохновения. Еще живая...

- Жизнь необъятна и прекрасна, но испоганить ее можно в одночасье: тот закрутил роман на стороне, кому-то подставили подножку, и он вылетел с работы, а кто-то слишком слаб, чтобы жить в этом мире, - резюмировала Жанна, чтобы поддержать беседу.

- Мне кажется, этот твой Георгий - один из тех, кто сочиняет анекдоты о женах и тещах, он из тех, кто пытается представить свой тип мужчин нормальными людьми, - заметила Аня.

- ...Как быстро в ежедневной круговерти пролетели годы. Вроде и не жила еще толком, а уже внуки большие, - вздохнула Лиля.

- Вот и поживи хоть сейчас в свое удовольствие, - сказала Инна.

- Как это, в удовольствие? - не поняла Лиля. - Это когда у внуков все хорошо?

Инна только плечами пожала.

«Мы, женщины, тоже делаем массу глупостей. Требуем искупления чужих грехов, а память о собственных держим под надежным замком. Не мучаемся прошлым, будто и нет у нас вовсе постыдных воспоминаний об ошибках. Хотя в чем, в чем, а в неискренности заподозрить Лилю я никак не могу. Милый, светлый, мужественный человечек! Не получалось у нее быть одной. Неужели до сих пор живет предвкушением спокойной любви и ждет какого-либо приличного старичка, чтобы скрасил одиночество? Или для нее теперь жизнь - сопротивление старости? - задумалась Лена. - Нет, конечно, внуки... И все-таки как болезненно трогает Лилина история!»

Счастье, ау...

- ...Это не Христос, а несчастливые в браке женщины распяты на кресте за грехи мужчин. Всё у нас так: одни грешат, другие страдают, - подала голос Инна.

- Позволь мне усомниться в твоём выводе. Не только женщин обламывает жизнь. Вспомни прекрасные романтические произведения Александра Грина. А как-то я прочитала его поздние рассказы. Куда делся юношеский оптимизм? Желчь на страницах изливал. Не знаю, какие злые буйные метели мотали его душу. Сердце мое так и заныло.
- Это Лена сказала.

«Инициатива в разговоре перешла к Лене», - обрадовалась Кира.

- Мне в этой связи почему-то пьеса Островского «Собака на сене» вспомнилась, - задумчиво произнесла Лиля.

- Мудрый писатель. Я его очень люблю, - заметила Кира, желая закрепить литературное направление в разговоре.

- Я тоже, - отозвалась Инна. - Но название этой пьесы мне не нравится. Она не столько о помещице, сколько о молодом человеке, который метался между желанием быть богатым и любимым. Каждая из женщин предлагала ему то, что имела: одна - чистую юную любовь, другая - деньги, а он не мог выбрать. Буриданов осел, марионетка! Если бы он мог жениться на богатой, то, однозначно, выбрал бы помещицу. Он юлил, вел двойную игру. Хотел и рыбку съесть... и колбаской закусить. Много я таких «любителей» повидала. Из каких только щелей не вылезали. А сейчас еще больше авантюристов, желающих поживиться или пожить за счет слабого пола.

- Тебе бы только классиков ниспровергать, - недовольно буркнула Лиля.

Аня слушала напряженно-вдумчиво, будто сверяя слова подруг со своим пониманием, и вдруг подала голос:

- Недавно я была в одной компании. После ужина спектакль смотрели. В нем женщина в ярости убила своего бывшего мужа. Наши мужчины вовсю возмущались жестокостью главной героини. И тут одна из присутствующих дам во всеуслышание сказала: «Муж сначала отобрал у жены бизнес, потом бросил ее, закрутив с молоденькой. Затем за украденные у жены деньги отвоевал с помощью адвоката их сына - вот она и сдвинулась мозгами. Следствие видите, а причину не хотите замечать? Не в «красную армию» ваши слова. Может объяснить вам, что первично, а что вторично? Только нечто подсказывает мне, что в ликбезе вы не нуждаетесь». Я, представьте себе, тоже стала возникать, правда, без тени язвительности. И, к радости своей, была услышана. Разгорелся спор.

Мужчины не выдержали нашего напора и вышли на лестничную площадку покурить. Они ни под каким видом не желали продолжения разговора, считали откровение той гостьи ущербным. Глумились, мол, не всякий страдающий полон благородства. Величия души от героини фильма ожидали. Я возмутилась: «С какой стати!» «Да вот с такой...», - ответили мне пренебрежительно, как какой-нибудь девчонке-школьнице. Оскорбили, особенно если принять во внимание тот факт, что я их гостья. Интеллигентия вшивая. Где их мужское великодушие?

- О чем это ты? Какое великодушие! Проветри чердак, - фыркнула Инна.

- Вильям Блейк сказал: «Умными мы считаем людей, которые с нами соглашаются». А ты возразила, - спокойно сказала Лена.

Жанна вдруг подумала: «С Леной мило не пощечечешь, только выводы делает и черту подводит, словно приговор подписывает. А была улыбчивая, говорливая. Укатали сивку... А с внучком она «поет» или тоже изрекает?.. И Эмма той еще хохотушкой была. И ее жизнь обломала». Жанна вздохнула и прислушалась к разговору.

- ...Грубили, стало быть, считали, что ничем не рискуют, - усмехнулась Инна. - Вот тебе еще один повод разобраться в своих друзьях. Наверное, до этой стычки всех их считала учителями в самом безукоризненном высоком смысле этого гордого слова. Раскусила, с кем имела дело?

- Они с ног на голову переворачивали ситуацию, а потом предприняли всё необходимое для того, чтобы мы разозлились и первыми перестали спорить. Но мы не сдавались... Я замолчала потому, что меня тошнило от неприкрытого уродства их пошлых фраз. Лицемеры! Они поставили под удар свою педагогическую квалификацию. Больше за весь вечер я с ними и словом не обмолвилась. Конечно, можно подумать, что это только видимость, внешняя форма, суть-то поглубже будет, - поспешила подправить и оправдать мужчин Аня. - Но все же, какая жуткая манера изъясняться! Пренеприятнейшая история.

А про себя подумала: «Я не настолько подвержена поиску истины, чтобы из-за нее портить себе жизнь. У меня уже нет наивных убеждений. Жизнь давно их отвергла... А жалко».

Никто не продолжил список знаменитых мужчин, пострадавших от житейских тягот, не высказался по поводу пьес великого драматурга и трагично закончившегося фильма. Никто не оценил Аниного героизма и не стал отягощать себя рассуждениями над ее сетованиями. Женщины погрузились в свои «глобальные проблемы». Только Инна буркнула негромко: «Кто бы сомневался».

- ...Неуверенные мужчины ищут мягких, хозяйственных женщин, чтобы стоять грудью за их спиной, - ехидно прошлась по мужской психологии Инна.

А Лиля, похоже, опять завелась на почве воспоминаний:

- Обычные женские домашние будни - повседневная кабала. О, этот вопиющий тошнотворный быт! Но я каждый раз честно впрягалась в его оглобли. И что? Думала - помнишь, как у Роберта Рождественского? - моя забота «добротой наполнит тебя и меня».

- Вкалываешь, вкалываешь, а в пенсионный фонд ничего не отчисляется, - пошутила Жанна.

- А эти мелкие гадкие ссоры - непременный атрибут серой, обветшалой жизни, своего рода разрядка, отводной канал отрицательных эмоций. После них становилось стыдно и досадно за собственную тупость, беспринципность, за надрывное лицемерие мужа. Я была издергана предыдущими браками. И тем не менее для меня больше характерны внутренние переживания, чем внешние их проявления. Я привыкла сдерживать свои эмоции. Не сказать, что муж находился на высоте положения. Не скрывал раздражения. Терпение не было его бесспорной чертой. Забывал, что мужчине надлежит держать себя в руках. Да я и не требовала мужественной сдержанности. Хотя бы без мата...

Жалела. Знала, что мы, женщины, лучше переносим рутину, потому что постоянно варимся в ней. Вот и считала: кто, если не я? Мужчинам быт поначалу представляется простым и легким. А как коснутся... Как-то все у нас было мелко, пошло, подчас гадко. Вот и иссякли мои запасы сострадания. Это я о третьем замужестве.

Постоянные нестыковки, какая-то глубокая внутренняя непродуманность поведения Георгия вызывали - пусть скрыто, пусть даже неосознанно - мою крайне неоднозначную, подчас негативную реакцию. Мне казалось, что характер его амбивалентен, недооформлен, размыт. Все-то у него кое-как, тяп-ляп. Мне нужны были действенные подтверждения его любви - ведь клялся, - а он только говорил, говорил. Не понимала я его. Последствия всего этого не замедлили сказаться. Может ли кто избежать ссор?

А тут еще ревновать начал. На почве неудач в профессии в нем развился комплекс неполноценности. Мнительным стал по причине своего слишком яркого воображения. И совсем житья не стало. Человек ревнует, когда боится потерять.

- И где было наше с тобой сверхзвериное женское чутье? - усмехнулась Инна.

- Я в школьные годы влюбилась в молодого человека, который с ума сходил по своей однокласснице. Я его не ревновала, потому что он принадлежал другой, но от этого моя любовь не тускнела. Целый год я была счастлива, - скромно поделилась Аня.

- Ты, Лиля, абсолютно права. Мой знакомый, когда влюбился в молоденькую

секретаршу, продолжал страшно ревновать свою жену. Я, глупая, думала, что он боялся потерять семью и все хорошее, что для него связано с ней: уют, детей. Люби там уже вовсе не было. Он сам мне об этом говорил, – поведала Жанна.

– Вот говорят: ревнует – значит любит. Элементарное бытовое заблуждение, аналогичное другому: бьет – значит любит. Любит он не того, кого бьет, а себя. Вот и вся арифметика. И кто только преподносит женщинам эти лживые житейские формулы?

– Кто? Однозначно, мужчины, – уверенно заявила Инна. – Нет, все-таки женщины ближе к Богу...

– Частенько мне приходит на ум разумная фраза русско-американского писателя-фантаста Айзека Азимова: «Господь любит всех, но ни от одного из нас не в восторге», – улыбнулась Лиля. – Да... семья не способствовала развитию независимости и самореализации моей личности. На работе я была более уважаема, несмотря на то, что не разгибая спины как ослица, одна тащила воз домашних забот. Теперь о многом сожалею. Не умела я сразу поставить себя, вот и садились мужья мне на голову. Они-то ничем не хотели поступаться. Может, потому и не уважали меня, что из-за своей загруженности я не находила времени бороться за свои права в семье, пускала на самотек решение этого важного вопроса и по своей вине проходила «семь кругов ада».

Я, например, тоже разбираюсь в хоккее, игры на первенство России и мира никогда не пропускаю. А муж все подряд смотрел. Мне же надо было стоять у плиты, стирать, гладить, с детьми возиться, по очередям носиться в поисках продуктов. Он раз помоет «мне мою» посуду, а потом об этом целый год напоминает. Надо было во всем вожжи держать в своих руках, тогда и в карьере могла бы добиться большего. Слишком много во мне оставалось неизбывной детдомовской первобытности и мечтательности. Кто бы тогда научил... Но ведь каждый может объяснить только себя, да и то не до конца. Видно, не с моим слишком мягким характером командовать парадом.

Пережитые в детстве несправедливости привели к тому, что выросла я с чувством покорности, неуверенности, излишней терпеливости. Вот и допускала такое отношение к себе. Неспособность постоять за себя приводила к обидам, частым мелким размолвкам, тяготине... оттого неладно было «в моем королевстве». С таким «букетом украшений» не уберечь семейного гнездышка. В моей истории жизни не было милой сердцу надуманной идеалистической гармонии, она реальная и потому жесткая.

Надрывалась, надеялась осчастливить. Гордилась своей способностью всё успевать. Вот и верь после этого в пользу жертвенности. Мужская порядочность, преданность, уважение – мираж, сказки Венского леса... За дурочку держали, ложью опутывали... Теперь-то я понимаю, что нельзя быть слишком наивной, а тогда... Думаешь, чтоловишь меня на вольном обращении с правдивым материалом из своей жизни? Воображаешь, что слышишь ее кастрированный вариант?

Лиля мужественно подавила вздох.

– Четко обрисовала ситуацию. Твоя жизнь не блистала совершенством. С мужчинами скреживала шпаги, но расчет на их рыцарство не оправдывался. Твоя жизнь – непревзойденный шедевр. Ах, ах! Живое чистое сердце погибло в борьбе со злом. Твоя слепота была слепотой любящей женщины, – по-своему оригинально посочувствовала Инна.

– Можно смеяться над тем, что ненавидишь, но не над тем, что любишь, – вспыхнула Лиля. – Мы не знаем, чем, когда и за что платим... Ты понимаешь, о чем я. Может, подскажешь, какие ценности могут быть предметом сделки с совестью? Давай, предлагай!

– Ты что? Не пыли. Человек – несовершенное существо, – отступилась Инна. И подумала: «Если хорошенько поскрести семью каждой здесь присутствующей, то шелухи, ошибок и неудач наберется вагон и маленькая тележка».

«Не узнаю Лилю. Раньше была такая закрытая. Устала от жизни. Видно, и ей иногда требуется расслабиться», – сочувственно подумала Жанна.

«Еще студенткой я понимала, что в Лиле, как и во мне, до конца дней неизбывно будет

сидеть детдомовец и что всю жизнь она будет бороться с ним, ущербным. Она была уверена, что победит самое главное зло: не запьет, не загуляет, не пойдет воровать... Только в горькие, тяжелые минуты жизни он, этот обиженный маленький человечек, все равно всегда будет напоминать о себе. Она станет впадать в депрессию, исходить слезами, но никогда не позволит себе сдаться... И к домашним судьба часто поворачивается спиной», - размышляла Рита.

- Я пыталась понять причины недовольства и разложения второго мужа. Получалось, что разбаловала. Жил на полном моем попечении, правдами и неправдами стремился продлить свое иждивенчество. Плакался, что не удовлетворен жизнью. Был из тех, которые всегда ищут виноватого на стороне. Стал непереносимо требовательным, капризным, противным. Если не по его, значит, никак. Бред собачий. Ему лафа, а мне... Жалела, понимала, что он жертва своих слабостей. Ведь любое разрушение уклада жизни так болезненно... К тому же было время, когда я была от него на седьмом небе... это потом, оглядываясь на прошлое, я сделала вывод, что надо было положить конец встречам, пока не разгорелось в сердце пламя. Все мы умны задним числом...

- Бесхитростные, прямодушные мы с тобой, Лиля. Не умеем когда надо подладить, похвалить, сыграть на слабых струнах. А есть женщины хваткие, с хитринкой. И своего мужа удержат, и чужого уведут. Одну такую знала. Понимала, что любовник не хочет от жены уходить, так шантажировала, угрожала, что расскажет об их связи. Какая уж там любовь, боялся он ее, вот и приходилось ему играть не в того, кто он есть на самом деле. Только кто ему виноват, - с презрительной гримасой сказала Эмма.

- Не понимаю, к чему ты призываешь? - воинственно поинтересовалась Инна.

- Я с беспокойным неудовольствием пыталась понять, что же это такое творится на белом свете, если...

- Лабуда все это, не гони пургу. В тебе говорит жена и педагог в одном флаконе. Гнать их таких надо взашей, а не оправдывать - вот беспроектный вариант, чтобы не терзал напрасно демон сомнения, - ухмыльнулась с неудержимой, вроде бы беспричинной радостью Инна. - Я своему последнему так и сказала: «Сладко жрать будешь, задница... то бишь... кишки слипнутся».

Жанна сразу после этих слов перестала лучиться спокойствием, взглянула на Инну с неожиданной усталой мудростью и произнесла:

- Хотела бы порадоваться за тебя, но... советовать непотребное...

- С твоей ли взыскующей душой... - усмехнулась Инна.

- Поскреби добра по сусекам, может, изменишь мнение...

- Пыталась. Попытки успехом не увенчались.

«Не стану подогревать боевой дух Инны, промолчу, а то от нее не скоро открестись», - решила Жанна.

- Изуверилась я с Дмитрием во всем хорошем. Судьба обманула меня, кинула. Земля под ногами ходила ходуном, когда разводились. С тех пор я так и не обрела сердце, хотя знаю, что милосердие, справедливость и порядочность у него давно выпали в осадок. Его голос, несмотря ни на что, почему-то до сих пор вызывает во мне слезы. Раз мы поженились, значит, какие-то струны в наших сердцах резонировали. Чем приглянулся? Была поэзия первых впечатлений, потом привязалась... Так и не научилась лгать ни себе, ни ему. Не могу скрывать своих чувств. А казалось бы, проще простого. Патология.

- Не парься. Теперь смысла нет, - грубовато успокоила Лилу Мила.

- Где любовь без меры, там и обиде нет конца, - сказала Жанна. - Как иначе сердцу высказать себя, не теряя достоинства?

- Спасибо на добром слове... Любила я его, но не срослось у нас. Думала, больше не захочу ввергать себя в новые страдания. Не скоро вышла из тихого отчаяния... А он

быстро нашел родственную душу в другой женщине. Скитался с ней, грязью зарос, горюшко мое. Чуть ли не нищенствовал... Оскотинился, окончательно потерял уважение к себе. Потом чисто зверем сделался. Но я уже так не переживала, не думала, что он опять с пьяни натворил, кого подвел под монастырь.

Думала: сто лет он мне без надобности, и задаром назад не возьму... И почему человек часто поступает во вред себе? Он так запрограммирован изначально?.. Жизнь моя, максимально насыщенная отрицательными событиями, – грустная песня, и слов из нее не выкинешь. Она преподавала мне уроков как никому другому, и что из этого?..

Вот объясните, почему мне понятно, что жить надо так, чтобы в семье всем было достаточно комфортно, и это возможно только при условии, когда оба хотят одного, а Диме – нет. Почему он бездарно прожигал свою жизнь, словно начерно жил. Неудачно репетировал спектакль своей будущей жизни? Почему мне не удавалось объяснить ему, что второго шанса судьба не дает, что в семье должны быть любовь, взаимопонимание, взаимопомощь, сопереживание? Неужели это такая трудно воспринимаемая истина? И всего-то от него требовалось побороть свои слабости и эгоизм.

– Любила ты и возилась с ним не только по доброте душевной, но и по причине неуважения к собственной личности, – категорично заявила Инна. – Прогнала бы, глядишь, и сама для себя хоть немного пожила бы нормально. А то подседа на суету и заботу о полуразрушенных мужьях-подростках и недоносках, а теперь за голову хватаешься, мол, на кого жизнь положила.

– Не трави душу... Мои мужья – это проказа или насмешка судьбы. Удивительное дело: один «интереснее» другого! Натерпелась я с ними. «Награды» от них сыпались мне как из рога изобилия. Что позволяло мне верить, что пересилю мужей? Что-то перемкнуло в моей голове еще в юную, мечтательную пору? Думала, поймут, что с женщиной надо считаться, что не солдат она, не на службе у них. Почему я притягивала порочных?.. Проиграла я борьбу с мужьями с позорным счетом три – ноль в их пользу. И опять зияло освободившееся место отца семейства – подумать только! – мне неммым упреком. И опять жизнь проходила мимо, – грустно пошутила Лиля.

– По мне так это лучше, чем она снова тяжелым катком прокатилась бы по тебе, – осторожно высказалась Аня.

– Не умела «употребить» мужчин по их прямому назначению, – вклинилась Инна, – вот и оставалось тебе кивать и поддакивать, если не хотела нарываться, или воевать до потери пульса. Наверное, мучилась проблемой: «И чего это мое деятельное добро не достигает цели?» Просеивать мужиков надо, отфильтровывать из дерьма лучших...

В ее голосе, как обычно, звучала ирония.

– Ты умела! Не мути воду. Никому еще не удалось найти универсальной формулы бытия... Знаешь, тебе идет помалкивать, – отбрила Инну Рита.

– Много позже я неизбежно научилась оставлять и отпускать мужчин, без слез, просто вспоминая их недостатки. Мол, что испытывала? Гадливость, стыд, омерзение?.. И это был огромный плюс. Уже не хватало энергии на инициативы романтического, бескорыстного добра. Много чего неожиданного возникало на моем пути. Мужья были, мужчины не встретила. Не знаю, бывают ли удавшиеся судьбы? Даже Чехов не верил в любовь. «Любовь – это нечто великое, что было в прошлом и что будет в будущем, но не в настоящем». Не встретил он настоящей женщины, такой, чтобы он смог написать что-то другое, более оптимистичное.

Вот Марго утверждала, что «в покое и равновесии нет развития, а потому вечного счастья не может быть теоретически, что не бывает чувства длиною в жизнь. Рано или поздно в любой семье возникает исчерпанность отношений. Полосы неудач так же неотвратимы, как и полосы побед. Отсюда непрочность семьи. У каждого есть право на эту непрочность». Я не согласна с ней. Достойного я могла бы любить до конца дней своих. А проблемы надо решать по мере их возникновения, не накапливать, дожидаясь взрыва. И главное: семейная жизнь должна строиться на взаимных усилиях.

Подруги молча слушали. Понимали, Лиле надо выговориться, выплеснуть наболевшее. А Лена подумала: «Нагородила слов! Ворохом эмоций засыпала. Конечно, все правильно

говорит, но я бы тут одной фразой обошлась».

- Сколько лет на мужей ухлопала, и никакой отдачи. Дикие фантазии бледнеют перед твоими рассказами. Есть от чего прийти в отчаяние, - вздохнула Жанна.

- Ох, и насолили тебе мужчины, - посочувствовала Лиле Аня. - У мужчин получается так: надоели проблемы в семье - бегом от них к бутылке. Загорелся - помчался искать новое счастье. Любить не умеют. Пока они молоды, секс ставят на первое место, водку на второе. А потом наоборот.

Сказала и рукой махнула: чего, мол, теперь говорить.

«Тоже мне эксперт по семейным вопросам. Каждый судит о ярмарке по своей выручке»,
- насмешливо фыркнула про себя Инна.

- Так ведь не все плохие. Хороших много, - тихо произнесла Жанна.

Ее слова были встречены длительным молчанием.

Первый муж

А Лиля словно отключилась. И побежали, побежали виденья... воспоминания вдруг нахлынули разом, беспорядочно, безжалостно... Прошлое не убирает за собой последствий. Ничего не стирается из памяти, все намертво врезается.

...Первый муж. Мать как щупальцами спрута охватывает его, заполняет всего без остатка. Она – его Вселенная, а не женщина, которая делит с ним ложе, обихаживает его, растит их ребенка. Она – родная, навсегда вошедшая в его сознание единственно преданной, не может быть вытеснена какой-то там чужой женщиной, удел которой – прислуга, нянька, пусть даже если бы она нянчилась с ним уже вдвое больше, чем нянчилась с ним мать. Каждое слово матери – доброе или заведомо лживое – для него закон. И не может тут быть ни размышлений, ни рассуждений. Это как вера в Бога. Бог есть, и он всегда и во всем прав. И точка. Это выше разума, это как инстинкт у животного. Она зовет – он идет. И при чем здесь семья, если говорит, если требует мать. Его сердце заполнено любовью к матери, и в нем нет места для любви еще к кому-то. Даже отцу там не было малюсенького уголочка. Как смогла внушить ему такое безграничное почитание обыкновенная хитрая женщина?

Кем закладывается в человеке прекрасная возвышенная душа, полная благих намерений, или гадкая, подлая? Богом, многими тысячами поколений предков? А родители ее только чуть-чуть корректируют? Но, видно, не чуть-чуть... Может, он родился таким? Только что вылупившийся цыпленок тоже следует за тем, кто первым появится перед ним. Но даже птица, повзрослев, покидает родителей. Так запрограммировано природой...

И вдруг я прозрела, вспомнив, как часто мать буквально часами восторженно нахваливала сына. Помнится, мне было неловко выслушивать не очень заслуженные дифирамбы, а он светился от счастья. Лестью добивалась такой привязанности! Сын был единственной выигрышной картой в ее игре, он для нее знаменовал весь мир. Она хотела, чтобы он любил только ее. От ее воспитания его вечное недовольство их молодой семьей. Он ей был нужен, и она умышленно не готовила его к отрыву от себя, к будущему нормальному браку. Она тщательно оберегала его от долгих надежных привязанностей к другим женщинам. Но в студенческом коллективе ее материнские чары на время ослабли, и он вышел из-под контроля. А я, глупая, так самозабвенно отдавалась первой влюбленности, так верила в счастье! Я была с ним ласкова и нежна и не замечала, что он только принимал мою любовь...

Позже, когда разошлись с ним, вычитала, что такое поведение называется эдиповым комплексом. Для таких сыновей единственная в их жизни женщина – мать. И как я затесалась в этот нерасторжимый союз?.. Возможно, такая непостижимая любовь – привилегия ущемленных людей. А я-то сначала никак не могла понять: что так меня в нем возмущает?.. Теперь это не суть важно.

Увидев свою свекровь, я почему-то сразу многое в ней поняла, но не поверила, что ей совершенно нет дела до того, что у сына теперь кроме нее есть еще кто-то, кого можно любить. У меня возникали сотни нетерпеливых вопросов к мужу. А он не хотел ничего объяснять, раздражался криками, истерикой. Вместо спокойного диалога говорил с интонацией выяснения отношений, упреков, создавая этим еще более неприятную и запутанную ситуацию.

Ведь как люди беседуют: один спросил, другой ответил. Все просто. А с моим мужем нормально говорить было невозможно. Он сразу ерошил: что ты этим хотела сказать? что ты имела в виду? Ты хочешь меня унижить, захватить власть в семье? И понеслась писать губерния... Зачем мне искать двусмысленности, тайные подкопы и черт знает что еще? Зачем ему эта странная способность завуалировать элементарное, делать из мухи слона, задалбливать дурацким многословием? Чтобы заткнуть мне рот, не дать высказать свое мнение, не позволить точно и четко обозначить проблему? А его мать на мои прямые вопросы после ее очередной пакости просто молча смотрела мне в глаза неподвижным стеклянным, ничего не выражающим взглядом. И я терялась.

Мою свекровь можно понять. Она теряла слишком много: внимание сына, деньги. Но это же дикий противоестественный эгоизм! А я-то надеялась, что муж защитит меня от всех возможных невзгод в их семье. Ведь для чего еще нужен мужчина? С остальным я сама

могла справиться... Всегда хочешь чего-то большего, надеешься на лучшее, а дождешься или нет – это другой вопрос. Здесь всегда есть варианты, и они часто не в пользу женщин.

А он верил: мама для него – все. Она и теперь, когда он женат, по-прежнему будет о нем заботиться, беречь, пока сама жива. Вот она даже свою любимую детскую скрипку сожгла у него на глазах, потому что та его раздражала... Хотя чем-то старалась блеснуть, запомниться, заслужить его любовь... Но когда мы уже жили отдельно и вдруг заболели гриппом, она не захотела прийти на помощь своему сыну. Побоялась заразиться. Так и сказала. Я была потрясена, а он не удивился, будто не заметил... А вот прийти и нагадить мне она не забывала... У нашего сыночка тогда случилось тяжелейшее осложнение. Ничего. Сама вышла. Выиграла битву за его жизнь. Я сильная. А для него это событие не стало из разряда заметных. Желания мамы – эти да, самые важные. Другая мамаша, видя мою заботу о семье, сказала бы сыну: «Держись за эту женщину, с нею не пропадешь. Она горой за тебя». А эта...

Почему между нами не стало душевной близости, когда мы появились в квартире его матери? Ведь была же. Может, мне только казалось? Ни ласкового, ободряющего слова, ни нежности. Как отрезал. Инстинктивно боялся ревности матери, боялся своей любовью к жене обидеть ее, вроде как предать?.. А она выискивала в моем поведении малейшие недостатки и своим ехидством и оскорблениями принижала меня, стремясь изжить в сыне то чувство влюбленности, которое еще теплилось в нем. А не найдя к чему придраться, в мое отсутствие оговаривала, настраивая его против меня. Ранила бездушно, безжалостно, с удовольствием, с улыбкой. Наверное, мстила за что-то свое несостоявшееся, мною неизвестное. Мне было жалко мужа. Он тоже страдал... Оказалось, не из-за любви ко мне. Самолюбие страдало...

После бесед с матерью он становился невыносимым, а она торжествовала: не выпустила сына из своих рук, он по-прежнему ставит ее на первое место, и так будет всегда! А ее сын, обсуждая только с ней свои дела, все дальше уходил от меня, все глубже погружался в омут ее лести и лжи.

Она не хотела нашего ребенка. «Только аборт! Ничего с ней не случится. Все женщины через это проходят. Сама проявила беспечность. Предохраняться – ее дело». «Ему будет трудно с твоими детьми. У него слабое здоровье». – «У вас оно тоже было слабое, но вы же рожали». – «Я тоже делала аборт. Хотела для себя пожить». – «А я не хочу для себя», – возражала я.

Можно подумать, она не знала, что если в семье ссоры, то еще не рожденные дети инфаркты в утробе матери переносят. У них на нервной почве кучи болезней образуются... А потом еще удивляемся: откуда у малышек от здоровых родителей то рак, то сахар на максимуме, то порок сердца. Даже в старину знали, что хотя бы ради здоровья будущего ребенка надо беречь нервы беременной женщины.

«Что с его мамашей такое? – спрашивала я себя. – Откуда в ней жестокость, махровый эгоизм? Это тупость?»

А он быстро успокоился, спрятавшись за ее спину, за ее жизненный опыт. Он-то мужчина. Дело-то женское, маме видней. Он предал нашу семью, поверил матери, самоустранился. А та продолжала измываться, требовать. И когда у меня случился выкидыш, открыто радовалась... И во второй раз она пыталась помешать, но я во имя ребенка научилась плевать на ее наскоки и вообще на всё их семейство...

Я настаивала уйти на квартиру. Свекровь устраивала истерики. Сын, видите ли, ее бросает. И это при том, что рядом с ней проживало ее огромное семейство. Она просто не хотела лишать себя удовольствия издеваться над невесткой. А муж упорно не желал замечать очевидного, он так и не вышел из подчинения матери, не разорвал пуповины... А ведь даже в Библии сказано: «...Притулись к жене своей». К сожалению, не могла я своей свекрови сказать: «Спасибо вам за сына». И мужу: «Спасибо за любовь, за счастье быть рядом с тобой». Ладно, опушу подробности... Его жалко было. Если бы не мать, из него, наверное, мог бы выйти прекрасный муж, отец. Хотя не поручусь.

Никто больше не позарился на моего раскудрявого черноокого красавчика, так при маме и остался. Ходили какие-то заплесневелые слухи... положим, от лиц заинтересованных, но я не допускала такой мысли и не имела повода усомниться в своем мнении. Крепко

мать держала сыночка в руках. Никакую самую распрекрасную женщину не мог он сделать счастливой. Впрочем, для меня это было уже не важно. Было время, когда мне хотелось, чтобы у нас была одна судьба на двоих, чтобы всё с любовью, даже если обмываешь после клизмы... Но не осталось во мне места для таких к нему чувств, вот и ушла.

Почему же так получалось, что его желания всегда были моими, а мои – не его и не его мамы? Он ее слова повторял, их мнения совпадали? Своих не имел. Иначе в этой семье и не могло быть. В борьбе двух женщин за одного мужчину победила мать. Собственно, я не боролась. Я тащила на себе все заботы о семье, думала, если сразу не могу ничего изменить, смирюсь до лучших времен. А мамаша продолжала строить козни. Как она изощренно издевалась! Самым мучительным были даже не ссоры, не ругань в семье, а равнодушие, безразличие, отчуждение мужа. Убивало чувство ненужности ему, отсутствие своей семьи как таковой, неуверенность в будущем.

Так будет всегда? Зачем мне его неприступная невозмутимая закрытость?.. За нею прячется пустота, которую сложно уличить. Я же ничего кроме обид не выношу из нашего общения. Он даже простые, казалось бы, любезные фразы говорил со злым напором, словно боялся, что его заставят в чем-то уступить. «Ты счастливый человек: тебе в одно ухо влетает, в другое вылетает, – шутя говорила я ему, – а в компьютере моей индивидуальной памяти все записывается и будет сохраняться всю жизнь. У нас, женщин, очень крепкая эмоциональная память».

Разве женщина приходит в этот мир, чтобы при муже осознавать свое одиночество? – злилась я. – Черта с два он теперь дождетя от меня хоть одного доброго слова. Хватит, никаких благодеяний, покатался на дармовом хребте, научил жить. Его мамочке никакая, пусть самая идеальная, женщина не будет мила. Она никого не хочет видеть рядом со своим сыночком, ни с кем не пожелает делить его любовь. «Пусть теперь в ней черти бродят для какой-нибудь другой... может, стерве попадетя в лапы и сама наплачетя вдоволь, – пожелала я злорадно. – Прости меня, Господи! Каюсь, грешна»... И вернулась в общежитие. Нас там таких, осчастливленных мужьями, было пруд пруди. Ничего, не пропала!

Чехов считал, что миром правит случай. Он тоже не из числа счастливчиков, хоть и не был обделен талантом. А мне, видно, сам Бог повелел не надеяться на счастье.

– А теперь я замужем за внуками, – усмехнулась Лиля и расправила плечи. – Вот ты, Инна, говоришь, что мы не знаем или не замечаем, когда бываем счастливы. Но мы знаем, когда несчастливы, и потому всегда в поисках.

«Я далека от мысли, что это привычные жалобы. Глубоко загнанные обиды и разочарования, накапливаясь, с возрастом стали невыносимо распирают сердце. Она уже не может жить с этим», – поняла Лена причину откровенности Лили.

«И что за манера все преувеличивать? В моем подъезде сто квартир. Пьяниц всего двое. «Засидевшихся в девках» холостяков тоже двое. Истинно несчастливых семей от силы с десяток, – недовольно поежилась Лера. – Хотя если внимательно вникнуть, глубже копнуть... всё может быть...»

Жанна шушукается с Милой.

– ...Я вот в молодости думала: «А что если страсть за собой поведет? Идти за ней? А если она быстро пройдет, я останусь на бобах и буду потом ныть, что судьба наворожила, знать, планида мне такая выпала. Нет, мы обязаны контролировать свои чувства, решала я в сторону порядочности», – поделилась, несколько смущаясь своей откровенности, Жанна.

Инна смехом встретила это признание:

– У тебя, как я посмотрю, в сердце, да и в сознании всегда красной строкой и заглавными буквами проходит слово – МУЖ.

– А что в том плохого? Уметь любить – счастливая участь немногих, и приобретается это

везение, как правило, ценой отказа от чего-то важного. Правда, в моем случае это не совсем так, но кое-чем и мне пришлось пожертвовать, – скромно, с достоинством ответила на выпад Жанна.

– А мужчины не считают нужным сдерживать себя, вменяют это в обязанность только женщинам и, сняв с себя ответственность, валят всю вину за развал семьи на нас. Мол, они такие-сякие, не создают нам условий, за собой не следят, полнеют. (Очень веские основания для бегства из семьи!) Таков их менталитет, поддерживаемый общественным мнением. Точнее, мужским. На себя оборотитесь! Пупки распустили. А как бы вы выглядели, если бы, как мы, рожали? Нет чтобы войти в положение, посочувствовать, помочь... мчатся за новой любовью, – раздраженно выплеснула свое возмущение Рита.

– Все в жизни намного сложнее, чем иногда кажется, – вздохнула Лера.

Лена вслушалась в спор подруг.

– ...Можно подумать, что, будучи замужем, ты не симпатизировала ни одному мужчине, – недоверчиво передернула плечами Инна.

– Зачем же? Нападала легкая влюбленность как защита от серости или, наоборот, от сложности семейных проблем. Но семья есть семья. Эти редкие вспышки не заслоняли любви к мужу. Они лишь слегка украшали мою жизнь, расслабляли натянутые нервы. Никто из тех мужчин, кому я симпатизировала, не мог на меня претендовать как на любовницу. Я выставляла четкую границу и грамотно расставляла флажки, за которые они не переступали. Иногда, для остроты ощущений, не скрывала, что мужчина нравится, но тут же давала понять, что из этого ничего не следует. А чаще всего они даже не знали о моей к ним симпатии. Может, поэтому все свои так называемые влюбленности вспоминаю или с радостью, или с иронической улыбкой, но совершенно без боли. Они живут во мне приключениями из моей «записной книжки».

– И муж знал об этих безгрешных влюбленностях?

– Мы живем с уважением к территории друг друга. Семья – это огород, который надо постоянно возделывать. Каждый по-своему справляется с этой задачей. Мне, например, иногда требовался допинг. Основа семьи – уважение. Любя, можно оскорбить, обидеть, а уважая – нет.

– И вы никогда не ругались?

– Орут от собственного бессилия, от беспомощности. Из уважения к себе и к мужу я никогда себе этого не позволяю. Зачем в свой дом нести негатив? Я с улыбкой встречаю мужа.

– И во всем ему уступаешь?

– Мы договариваемся и вместе выплываем из трудных ситуаций, а их у нас было, как и у всех, сверх головы, особенно в перестройку. Главное в нашем союзе – семья, дом, и все вокруг них плетется. Но ощущение дома не связано с кухней. С детьми, с взаимопониманием. Муж сам осознал, что не в друзьях, в семье его основное счастье. Мы подходим друг другу. Недаром я долго и придирчиво выбирала себе мужа, – улыбнулась Лера. – Одна моя подруга утверждает, что ей важно любить самой. А мне нужно, чтобы и меня любили. Я же люблю, забочусь, и что – все это на ветер? Это же оскорбительно, когда используют тебя, твою любовь и привязанность, а любят кого-то другого. Для меня человеческие, а не мужские качества на первом месте. Мне важно даже не то, что муж говорит, а почему и что он делает для семьи. По части женщин он всегда был строг. Не давал повода к пересудам. В этом мое счастье.

– Если у человека не любовь, а самолюбование – это страшно, это катастрофа. В мужчинах и так слишком много самолюбия. Чуть что не по нем – расплевался, разругался и бегом из семьи. А теперь и женщины иногда стремятся не отстать от них. Куда это годится? К чему приведет? – выразила свою точку зрения на проблему века Жанна.

– Когда семейная жизнь наполнена личностным содержанием, никакие призывные страсти на стороне, никакие другие беды не потопят, не перевернут семейный челн... А

если каждый в семье будет настаивать на своей мелодии – оркестра не получить... Не стоит об этом, – поморщилась Рита и замолчала.

– Препарируешь свою жизнь? С каких это пор мужчин интересует наше личностное содержание? – рассмеялась Лиля. – Даже мы себя видим лишь как загнанных лошадок. А мужички наши напоминают мне кобельков, которых я частенько замечаю на улицах, в подворотнях. Они же абсолютно безграмотны в вопросах семьи и секса, какие уж тут тонкости женской психологии. Им бы так, перехватить чего-либо на бегу... дома ли, на стороне ли. У нас в стране на самом деле напрочь отсутствует культура взаимоотношений и культура секса.

– Зачем так грубо? – поморщилась Рита.

– Допекли, – огрызнулась Лиля. – Один мой знакомый удивленно поделился: «Только после смерти жены узнал, что у нее под коленкой крупная родинка. Полностью раздетой ее никогда не видел. Сношались как собаки, никакого отличия. А теперь вот по ящику такого посмотрелся! Да уж поздно... И тут не в ту сторону гребли».

«Какой смысл вытаскивать на свет божий подобные откровения? – подумала Лена. – А может, имеет?.. Никогда об этом не задумывалась».

– Влюблялись мы в мужчин, на свое горе, по молодости, по глупости или когда на безрыбье и рак – карась. Вот говорят: любовь зла – полюбишь и козла. Любовь уходит, а козел-то остается! И нужны нам такие мужья как козе баян... Разве найдешь такого, чтобы перевернул всю твою жизнь, чтобы засияла она, засверкала. Я бы за таким и в огонь, и в воду... Вот и получается, что мы мечтатели, вечные искатели призрачного счастья...

Лиля попыталась улыбнуться. Получилась кривоватая усмешка.

– Лиля, ты не первая и не последняя, кто так думает. Не давай волю своим терзаниям, а то у тебя давление подскочит, – мягко посоветовала Галя.

Жанна сочувственно вздохнула и снова тихонько поделилась:

– Про любовь я в молодости тоже как ты думала. Вот что я понимала в сексе в первые месяцы замужества? Но ведь была же на вершине блаженства только от того, что муж прикоснулся ко мне, счастлива была уже тем, что он желал меня, а все потому, что духовная любовь более сильная, чем физическая, и она без всяких вывертов. С годами гормоны уходят, а высокая любовь остается.

Я, например, только после рождения двоих детей стала осознавать, что хочу не только его ласк. Когда любишь, никаких романов на стороне не хочешь – их у меня и в помине не было, – да они и не получаются, если сердце занято полностью. Вот тогда-то и понимаешь – это настоящее. Когда любишь, то дорожишь тем, кого любишь. Физическая сила меня никогда не прельщала, она бывает грубой. Меня притягивала духовная целостность мужчины. Меня жизнь Маргариты не прельщает, но я понимаю ее и не вижу в ее поисках ничего предосудительного. Каждому свое. Лишь бы женатых не трогала.

Последняя фраза прозвучала слишком наивно, если учесть возраст говорившей.

– Марго выстраивала всех мужчин, а своих любовников в первую очередь, – восторженно сказала Инна. Она гордилась подругой.

– Да уж, на это у Марго хватало характера. Но и у нее случались промашки. Помню одного. В Викторе было столько талантов! И всё в нем ей нравилось: красота, ум, мужская сила. Они были как два горящих факела. Его энергия обволакивала ее, ее – проникала в него. Вместе с ним она приобрела совсем другую жизнь. Ей казалось: жить с таким человеком огромная ответственность, что ему надо соответствовать, а он не думал об этом. Он легко относился к жизни. Двадцать четыре часа в сутки быть вместе – это не только взрыв радости, это выживание... Она думала – победила, но тут впервые у нее прокол вышел. И покатило. Она страшно завелась и будто мстила другим мужчинам за несостоявшееся счастье. Жалко ее было. Нельзя быть счастливой, играя

чужими судьбами... Женатым оказался, - вздохнула Рита.

- Раньше старики говорили: так на роду написано, - сказала Жанна, как бы оправдывая Марго. - Правда, это выражение вызывает у меня двойственные, точнее сказать, смешанные чувства.

- Те самые, которые - по словам великолепного режиссера Эльдара Рязанова - испытывает зять при виде тещи, летящей в пропасть на его автомобиле? - с благодушным самодовольством рассмеялась Инна.

Марго, опять Марго

Поделившись горечью своей жизни, Лиля тоже начала рассказывать о подруге:

- Марго шутила: «Чувствовать, что любишь, созерцать любимого и больше ничего не надо? Это утрата собственного «я». Такая любовь – сгусток чистой радости – только первая стадия «умопомрачения». Дело ясное: любовь становится значительней, сильнее, неискоренимее лишь при наличии двух удачных слагаемых: духовной и физической, только где такое отыщешь? Приходится выбирать – или-или. Я пока что предпочитаю вторую ступень, но считаю, что всякая любовь – счастье, если даже она неразделенная».

«Похоже, я остановилась на первой стадии развития любви, потому что именно духовная составляющая моего отношения к мужу, со временем видоизменяясь, делала мою семью крепче. И что в том плохого? С возрастом я стала больше ценить его личные, внутренние качества, больше уважать. А сначала у меня были юные иллюзии, жгучая мимолетная радость от того, что немолодой уже человек ставит меня перед собой в положение главной. Я ничего не знала о сексе. Я была польщена его любовью, мне хотелось ответить ему взаимностью. В глазах любящей женщины мужчина выглядит умнее, крупнее, интересней, – улыбаясь про себя, думала Жанна, одновременно слушая Лилю. – И мама Николая говорила, что если мужчина никогда не довольствуется тем, что имеет, он, в результате, всегда оказывается более потеряннным и одиноким, чем верящий в любовь к единственной женщине».

Жанна, понизив голос до шепота, поделилась с Лилей:

- Вот говорят: удовлетворяет, не удовлетворяет. А откуда нам знать, что мы должны при этом испытывать? Мне вообще кажется, что физические качества мужчины мало что значат. Главное, как он относится к женщине и каков его внутренний настрой. Подруга мне рассказывала: «Было у нас с мужем как всегда. Вдруг я одного человека вспомнила... в тот самый момент, и меня от прекрасных мощных ощущений с ног свалило. И ведь не сказать бы, что тот мужчина мне очень нравился. Знакомы были только по работе. Приятный был в общении, вежливый... Мне стало так стыдно, что не с мыслью о муже я получила наслаждение. Долго потом приучала себя не отвлекаться во время этого самого...»

И словно осознав, что сказала слишком много, даже то, о чем не собиралась говорить, она в замешательстве умолкла.

- Ты, Жанночка, как и твоя подруга, зациклена на своей порядочности. Вы даже в мыслях боялись изменять мужьям и потерять чистоту отношений и тем самым лишали себя возможности получать максимальное удовольствие. Насколько я знаю, мужчины постоянно пользуются этим способом усиления оргазма, – запоздало просветила сокурсницу Мила.

- Так ведь неизвестно до чего можно дойти, – смущенно и растерянно возразила Жанна.

- Безграмотная ты. В твоём возрасте не знать истинного положения вещей... Челюсть отвисла? В отношениях между мужем и женой не может быть границ, стеснения и прочее... – шутивно-наставительно сказала Мила. И Жанна не поняла, какова в её словах доля шутки и стоит ли ей обижаться.

Инна примкнула к интимному разговору с приличествующей случаю скромной миной:

- Если уж вы заговорили о Марго, я должна признаться, что достаточно много думала о ней. Сведения, которыми я располагала, были не очень приятными, поэтому, когда нам случалось беседовать, мне сначала казалось, что в голосе Маргоши было что-то неискреннее, что ей просто хотелось играть, ставить условия, быть тайной до тех пор, пока мужчина посягает на нее. А может, это было печальной необходимостью ее организма? Я с нервной поспешностью перебивала ее. Мне не хотелось разбираться в чужой жизни, завеса которой приподнималась передо мной так внезапно и слишком откровенно. К тому же я боялась выглядеть некомпетентной, наивной дурочкой, какой, несомненно, была в ее представлении. Я колебалась, но еще держалась прежних позиций, привитых матерью.

Позже я считала, что Марго хотелось бы переиначить свою жизнь, найти человека, ради

которого она могла бы бросить все и служить только ему. Но у нее уже не получалось. По поводу детей она шутила, что «они – ангелочки, чьи крылышки укорачиваются по мере того, как растут их руки и ноги, и что не стоит торопиться надевать пожизненные оковы материнства». Поразить хотела своим цинизмом?

Марго исповедовала принцип добровольной диктатуры, построенной на любви и доверии в семье, когда оба не исполнители и не подчиненные, а полноправные участники, где каждый честно несет свой «портфель» обязанностей, где нет принесения в жертву жизни одного человека во имя эгоизма другого. Ей хотелось, чтобы мужчины избавились от пренебрежительного отношения к другому полу, от нелепой своей гордыни, поняли ценность равноправных отношений, чтобы женщины помогали мужчинам поверить в себя, а мужчины поддерживали женщин в их начинаниях, чтобы оба стремились украсить заурядные супружеские будни. Ведь так чудовищно осознавать несправедливость женских судеб! У каждой из нас своя формула гармонии, но получалось, что и Марго в душе была идеалисткой.

Она считала, что в женщине изначально заложены те же потенции и те же способности к проявлению воли и саморазвитию, что и в мужчине, что она способна наравне с мужчиной самоутвердиться в творчестве, в труде и не должна терпеть тиранию сильной половины. (У нее была прекрасная привычка подходить к любому вопросу с научной точки зрения.) Продолжение рода – только одна из многочисленных функций женщины, поэтому ее личность должна оцениваться выше, чем природное назначение быть матерью. Уже давно не новость, что в социокультурном плане женщина совершенно тождественна мужчине. «Так почему же в семейных отношениях так мало прогресса? Мы тоже хотим жить своей жизнью, а не придуманной для нас мужчинами. Почему мы должны свои мечты класть под молот их эгоизма?» – возмущалась она и картинно разводила руки в жесте недоумения.

Я ей в шутку отвечала: «Мужчинам выгодно, чтобы мы вкалывали за них на производстве, а взамен брать на себя хотя бы часть домашних забот они не торопятся, по полной программе эксплуатируя гендерную теорию – разделение по половому признаку. Для них долг – это то, что они требуют от нас, но не выполняют сами».

Конечно, в теории Марго была какая-то притягательная двойственность и загадочность, интригующие моменты, временно сбивающие мужчин с толку. Но, как говорится, хорошего понемножку. Чем сильнее мужские затраты, тем больше их энергия разрушения наших мечтаний. Так устроен мир мужчин. Они считают, что гармония предполагает подчинение одному лидеру.

– Это не бредовая идея, ведь если возникает противостояние, то каждый стремится утвердить себя. Считаю, что в семье, как и в армии, должен быть один генерал, иначе – неминуемый разгром. В моей семье команду я, – не без гордости сказала Жанна.

– Говорят, чтобы свободный союз был прочным, надо либо очень любить мужчину, либо не любить вовсе. Вранье. У меня было и то, и другое, и примерялась я не раз, а в результате – я одна. Дырка от бублика мне досталась. И к чему было колобродить, душу теревить? Такая вот моя житуха. Теперь я не верю ни единому слову мужчин и только использую их по мере своих возможностей.

Я поняла, что мужики – эгоисты, слабаки, слишком испорчены и развращены, не умеют противостоять соблазнам. Они даже не желают им противиться, утверждая, что жизнь слишком хороша, чтобы рассуждать о ней серьезно, а если держаться строгих правил, то она будет скучной. «Так сделайте ее интересной для своей семьи!» – возникала я. Нет, только о самих себе, родимых, болеют! Ни в чем их надолго не хватает. Я у одного из своих мужей недавно спросила: «Стоили ли те женщины моих слез, моих болезней?» Не нашелся что ответить... Так и прожил жизнь, не задумываясь. Иногда мне кажется, что у них отсутствует гармония ума и сердца...

– Ну не у всех же, – заметила Лера.

– А некоторые женщины считают, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок, – решительно продолжала Инна. – Тоже неправда. Через постель. Иначе каждый сынок оставался бы со своей матерью. Сейчас, между прочим, таких «сосунков» стало почему-то предостаточно. Еще одна напасть на наши бедные головы. Такие мужики умеют только глотку драть да руки распускать, на большее у них мощи не хватает. А если и

пожалуют, то как обворуют... И пусть они такие ... хоть на все четыре стороны! – тихо и отрывисто закончила Инна.

«Совсем ты оскудела душой. Обиды изувечили твое сердце», – подумала Кира.

В голове Лены блуждали какие-то мысли на эту тему, однако «они никак не выстраивались в систему организованных доводов и разумных сомнений». Она раньше никогда не задумывалась над подобными вопросами. Для строгих выводов ей не хватало ни теоретических, ни практических знаний.

– Марго всегда интересовалась вопросом соотношения биологического неравенства мужчины и женщины и их социального равенства в обществе. Ее натура нуждалась в немедленном логическом оправдании своих чувств и действий. Она искала им теоретическую основу. «К сожалению, жизнь далека от теории, – утверждала она. – Эмансипация, оказывается, означает не равенство, а равный статус разных ролей», и счастье в семье зависит от того, кто и как играет свои роли.

– Мужчины способны быть героями на час, а нам хотелось бы, чтобы они ежедневно помогали нам в домашних делах, ведь мы же тоже работаем. Но этот вид героизма им не по душе. Только певице Королевой оказалось под силу захомотать Тарзана.

– Но чего ей это стоило, знает только она сама, – перебила Инну Рита. – К твоему сведению, мне тоже всегда не хватало такого, и я его себе придумывала длинными, одиночными ночами, если даже рядом со мною был какой-то из мужей (вот именно, что какой-то). Воображала, как мы с ним то умно беседуем, то танцуем прекрасное танго. Он нежен, галантен, великолепно воспитан. Потом мы вместе возимся с детьми, вместе отдыхаем... Помогало.

Что еще оставалось? Контраст между реальностью и мечтами был таким разительным, что часто я не могла удержаться от смеха над собой. И до слез дело доходило. А как иногда хотелось быть самой собой, делать то, что просит душа. Нести радость любимому, самой задыхаться от счастья. Ради чего живем в разладе с собой?

– Я бы сказала, да промолчу, – рассмеялась Инна. – Каждой женщине хочется быть королевой в глазах одного мужчины, чтобы он говорил: «Ты для меня самая красивая, самая талантливая, самая-самая...» Не грех подчиниться такому, который умнее тебя или превосходит в доброй силе. Да где ж его такого найти днем с огнем?.. Мой второй срывал на мне зло за свою никчемность, мой третий... а, да черт с ними...

– Крушение идеалов рыцарства и милосердия произошло много-много десятков лет назад, а мы, женщины, все еще ищем героев. Нам нужна вера в доброе благородство и справедливость, нам хочется утешиться красотой отношений. Мы вечные, наивные искатели правды, в нас не иссякает жажда поиска в жизни идеальных моментов (хотя бы моментов!). Откуда в нас этот непостижимо упорный, казалось бы, неистребимый оптимизм?.. Но после всего пережитого в жизни только горестный шепот тает в глубинах наших сердец... – печально закончила Рита.

– Кто-то, очень умный, сказал: «Жизнь – это трагедия для тех, кто чувствует, и комедия для тех, кто думает», – процитировала Алла.

– Значит, женщины как более эмоциональные в принципе не могут быть счастливыми?

– Зачем нужна жизнь, которая не ведет хотя бы к надежде.

– Значит, хорошо, что современные девушки более практичные? – слышалось со всех сторон.

– Если не забывать правило золотой середины, то да, – сказала Лера.

– Быть женщиной удобно только в том смысле, что ей всегда можно притвориться глупее, чем она есть на самом деле, и если кто-то этому поверит и не удивится, то он всецело поступит в ее распоряжение. Командовать в семье – привилегия красоток и хитреньких женщин, – кокетливо сказала Жанна. – Редко кому из женщин выпадает такое «счастье». Знала я одну такую притворщицу, умеющую разыгрывать яркие спектакли. Он, бывало, ее утешает, уговаривает не волноваться, а она, заливаясь беспричинными слезами, сидит вся поникшая, безжизненно свесив руки вдоль тела,

голова падает на грудь. У нее, видите ли, депрессия! Требования ее были несуразны. Казалось, ребенок мог бы предсказать, чем все это кончится. А он верил в ее искренность! И как она этого добивалась?..

Свекровь моя такая. Ничто не мешало ей прибегать к самым недостойным способам порабощения мужа. «Правдой не заработаешь внимания, вот и придумываю, больной притворяюсь», – цинично отвечала она мне на мои растерянно-осуждающие взгляды. Она считала, что я с моей шепетильностью в этой жизни ничего хорошего не добьюсь... Не люблю уловки, не говоря уж о том, что это просто непорядочно.

– Повезло твоей свекрухе, нашла себе доброго тюфяка. Но чаще случается, что когда жена слишком притесняет своего мужа, твердо считая его стопроцентным подкаблучником, он потихоньку изменяет ей, тайно радуясь своей мести. Ни для кого, собственно, это не секрет. Может, и твой свекор для виду уступал жене, глаза ей отводил, прикрывая этим свои неугасимые желания? Это вполне реально, особенно если принять во внимание изощренную тиранию мамыши твоего мужа, – бесстрастно сказала Инна, но хмурю, скабрзную ухмылочку полностью скрыть все-таки не смогла. По ее лицу неторопливо прошлась тень тотального презрения то ли к Жанниной доверчивости, то ли вообще ко всей мужской половине человечества.

– Не могу обвинить его в сомнительной игре. Он был хорошим человеком, – просто ответила Жанна. – И свекровь у меня тоже хорошая. А ее игры с собственным мужем меня не волнуют. Это их жизнь. Значит, она устраивает обоих, раз до сих пор не разбежались.

– В их-то возрасте? – рассмеялась Лиля.

– Жанна, ты сама-то веришь в то, что сказала? – спросила Инна.

Та с достоинством промолчала.

– ...Мой первый муж выслушивал меня, делал для себя выводы и спокойно отклонял все мои просьбы и требования, не проявляя ни малейшей отзывчивости. Даже не давал себе труда опровергать или доказывать несостоятельность моих слов. И нет чтобы хоть загладить неприятное впечатление от своего поведения, напротив... – жаловалась Лиля Жанне. – Муж, если он настоящий мужчина, должен брать главный удар проблем на себя, а Денис на меня всё перебрасывал. Может, я одна такая глупая?.. А в постели он меня не устраивал не из-за отсутствия хороших мужских данных, торопливым был, только себе хотел сделать приятное. Капризный, раздражительный. Требовал рисковать моим здоровьем ради своего минутного удовольствия. Но даже не это главное. Беда в том, что я до постели добиралась вусмерть уставшая, взмыленная как загнанная лошадь. До наслаждения ли мне было? Не помогал муж ни в чем. После работы сразу у телевизора с газетой пристраивался. Его мама так приучила.

«С Лилей не побеседуешь, она одна может говорить часами», – подумала Лена.

– Столь длинное выступление тебе понадобилось для того, чтобы прояснить свою семейную ситуацию?.. Не только тебе не повезло. Мне кажется, мужчины давно сдали многие жизненные плацдармы. Я отношу это на счет их бездеятельности, пассивности. Пришло наше время. Но они желают, чтобы мы проявляли себя во всем, не уничтожая их мужского превосходства над нами. Не слишком ли многого хотят? На все у них двойные стандарты. Госпожа Тэтчер сказала что-то вроде того: мол, «когда женщина демонстрирует свой характер, то говорят, что она вредная, а если представитель сильного пола делает то же самое – он, оказывается, настоящий мужчина». А она, несомненно, умная женщина. Умела и требовать, и соблюдать дистанцию. – Это Инна задумчиво в замедленном темпе вторила Лиле.

Рита, выслушав подруг и выдержав паузу, продолжила рассказ о подруге.

– Презирая мужчин, Марго не становилась менее требовательной по части мужской обходительности и внимания. Она никогда не делала секрета из того, что знала, и, делясь своими соображениями, утверждала, что «женщина должна выбирать, чтобы знать, за что ценить своего мужа, чтобы с годами ее сексуальная жизнь не прозвучала как насмешка. Зачем хранить маразматическое стародевичье целомудрие? На что годится такой, от которого «ни волны, ни зыби», срам один? К тому же многие мужчины

все еще питают наивную веру в то, что если им хорошо с женщиной, то и ей с ним хорошо. Им каждый раз хочется слышать: «Ничего подобного сегодняшней ночи я еще не переживала!» Удобное заблуждение. Только у меня жесткий критерий отбора: на лести и дармовщине у меня не проскочишь», – звенящим от возбуждения голосом говорила она. Как ни странно, несмотря на всю парадоксальность высказываний Марго, ее интересно было слушать.

– Не раз я слышала, как мужчины говорили, что, мол, жена уже не охоча до этого самого... а мне только давай. Только ведь все это только слова. Себя они успокаивают. На деле-то все как раз наоборот: они уже слабы или вовсе ничего не могут в постели, а мы – всегда-пожалуйста, но, конечно, если как следует. А то только заведешься... и всё... сдулся дружок. Это же бесит. Вот и сочиняешь басни, чтобы напрасно не возбуждаться, говоришь, что, мол, не требуется. Еще как требуется. Но ведь не побежишь другого мужика искать, совесть не позволит. Ну и подавляешь, душишь в себе желания. Им невдомек, что мы их жалеем, самолюбие их щадим. А они еще и выпендриваются, мол, жены старые, пора молодых искать. Дурочки, сами себе яму копаем, пуская мужиков «по ложному следу». Конечно, если мужчина приличный семьянин, его не стоит оскорблять. Но своим мужьям я быстро мозги вправляла, – откровенно «выдала на горá» Инна то, в чем не могла сознаться ни одна из присутствующих женщин.

– Язык, как помело, – тихо, смущенно буркнула Жанна.

– Мне один парень «заливал», что память о первом мужчине не позволит женщине быть счастливой с другим. Выдумки, – объявила Инна с улыбкой чувства превосходства. – Это верно лишь при условии, что первый был хорош во всех отношениях.

– Я выходила замуж нетронутой, только счастья это мне не прибавило. Да и не вспоминаются мне наши ночи... – добавила Лиля тихо и доверительно. – Сохранять себя мы должны прежде всего ради собственного уважения к себе.

А Инна продолжала:

– Мне раньше как-то самой не приходило в голову, что всё, что женщины знают о сексе, было внушено нам мужчинами и что они, требуя от девушек девственности, преследуют только свои интересы: надеются оградить себя от неприятных укоров в мужской несостоятельности. В это трудно поверить, еще труднее понять, но факт остается фактом. Марго меня в этом убедила.

Она рассказывала, что «различия между мужчиной и женщиной, необходимые для их общей гармонии, вовсе не означают нравственного превосходства мужчины. Знака равенства между нами никогда не будет, но и символов больше-меньше – тоже. А открытие женщинами реальной возможности достижения оргазма стало смертельным ударом по их мнимому физическому превосходству и по их будто бы полигамности. «Ты думаешь, в своем гареме мужчина устраивает и удовлетворяет всех своих жен? Как бы не так! Он только о себе любимом радеет».

– Знаменитый астролог Глоба как-то озвучил по телеку интересную фразу: «Только настоящий мужчина может найти в одной женщине воплощение всех своих сексуальных запросов». Получается, что слабакам требуется разнообразие. Тем, которые не могут ни отстоять, ни устоять, ни что-то приличное с женщиной сотворить... да еще ждут восторженной оценки, – огорченно вздохнула Лиля.

– Сами гуляют, а ты, женщина, – честь свою уронить не моги. С какой стати? Вот с этого и начинается бесправие, – скучным голосом запротестовала Аня и меланхолично вздохнула.

– «Мы в такой же степени полигамны. Природа сама призывает женщин искать себе лучшего партнера. Но нас останавливает желание быть любимыми не на одну ночь. Нам, не в пример мужчинам, этого недостаточно, и это говорит о нашем духовном превосходстве над мужчинами. Недаром Бог, когда создавал цепочку живых существ, начал с самых примитивных животных и закончил женщиной – венцом совершенства. Мир вращается вокруг женщины, и это не обсуждается», – любила говорить в молодости Марго.

- Мать честная! Ну, это, пожалуй, перебор. Я бы не рискнула сделать такое грандиозное заявление, - засомневалась Мила. И пошутила:

- Бог, наверное, бесполое или двуполое существо, иначе бы он подыгрывал или мужчинам, или женщинам. Но если глубоко разобраться, то получается, что и те, и другие... в равной степени счастливы и несчастливы.

- Предвижу твоё негодование! Но именно из-за таких вот неуверенных, как ты, мужики и командуют нами, чувствуют себя генералами, а мы обязаны стать в их глазах пешками; такие утверждают, что мужчины гnevаются, а женщины истерят, и одергивают нас, если мы поднимаем голову. Вот поэтому у нас женщина всегда объект любви, издевок и всего прочего, а мужчина - субъект. Не понимаю, на что ты рассчитываешь, выставляя свою слабость? А кто как ни женщина поднимает мужчину. В её понятии он ребенок, - зло и устало бросила ей в лицо Инна.

«С большой натяжкой я могла бы назвать её подружкой», - обиделась Мила.

- Мне не хочется ни возвышать мужчин, ни принижать женщин, я за мир между полами, за их равенство, чтобы все заботы в семье - пополам, потому что в чём-то мы больше понимаем, в чём-то другом - они. Женщине хочется, чтобы мужчина понимал, принимал, прощал слабости, жалел, был нежен, детей помогал бы воспитывать. Да ради такого мужа она на все готова: и детей его растить, и на две ставки работать, и два огорода тянуть... - промямлила Галя неуверенно, уже готовая сломаться под яростным напором Инны. И вдруг подумала, что, может быть, счастье в гармонии с самой собой, а не с мужчиной? «А как же природа? Не стыкуется».

Женщины притихли. Каждая перетирала в голове свою жизнь, свои проблемы.

- ...Если судить по моему мужу и зятю, мужчины не желают обременять себя воспитанием детей и поэтому утверждают, что у них не получается с ними возиться по причине слабой памяти на детали. Об их лень и эгоизм разбиваются всякие мечты и желания. О себе-то они не забывают, время находят и для рыбалки, и для футбола. А я пока растила детей, не имела ни одного выходного дня. О каком саморазвитии и духовности можно было говорить? Газеты не каждый день удавалось просматривать. Телевизор в основном на кухне спиной смотрела, - сказала Лиля, услышав последнюю фразу Инны. - Чтобы сделать шаг к духовному, надо чем-то в себе пожертвовать. Не могла же я сократить время общения с детьми. А жертвовать своим временем для нас и детей мужчины не готовы. Им свои интересы или ещё чего там... дороже.

- А если взять в пример моего отчима, мужа и брата, то выходит, что мужчины и женщины в равной степени способны заниматься детьми. С детства меня и брата воспитывали одинаково. Мы играли в одни игры, вместе нянчили сестренку, убирались в доме, вместе работали в огороде, помогали родителям перестраивать дом. А в результате мой брат - прекрасный муж и отец. Они с женой все заботы делят пополам. И двоюродный брат так же воспитывает своих детей. Пока мама чепурится у зеркала, собираясь на работу, а отец наводит лоск военной форме - он полковник, - дети-старшеклассники готовят завтрак на всю семью, а младший заправляет постели, - сообщила Алла. - Мужчины в моей родне четко помнят слова Карамзина о том, что без хороших отцов нет хорошего воспитания, и считают, что двух мнений в этом вопросе не может быть. Для меня до сих пор дом родителей - дом памяти большой дружной семьи. Ещё наши деды говаривали, что не может быть настоящим мужем тот, кто не умеет укрощать сердце и доверять рассудку.

- Я таких мужчин не встречала. Мне кажется, эти качества мужчины давно уже растеряли, как и забыли они, что такое честь и порядочность, - усмехнулась Инна.

Рита

Разговор возобновился. Рита неожиданно для всех продолжила ту же тему, но уже применительно к себе.

- Мне хотелось от мужа нежности, а он был сух, и я боялась приласкаться к нему. Он принимал мою нежность как желание постели, недоуменно и насмешливо смотрел: опять? днем? И я терялась. Ласковым становился лишь ночью. Только разве можно эротические игры назвать лаской в широком смысле этого слова? Не получалось у меня объяснить ему, что любовь – не слова ради получения кратковременного удовольствия и, может быть, даже не дела как таковые, а проявления... Не откликался, не понимал – хоть плачь. А мои чувства всегда были раскрыты навстречу каждому его слову. Я ожидала пересечений наших мыслей, слияний чувств. В минуты неудовлетворенности жизнью вспоминала свои первые к нему чувства: счастье увидеть хотя бы издали, запах его кожанка, умопомрачительное желание прикоснуться к нему, вместе стоять и смотреть, как полощется месяц в реке...

Вот так же в раннем детстве я хотела, чтобы меня обняла бабушка. Но она не умела или боялась моего детского взгляда: недоверчивого, всеосуждающего, желающего слишком глубоко проникнуть в душу. Мои глаза обвиняли, и ей не хотелось пускать меня туда, словно она чувствовала себя виноватой передо мной. А может, у нее не хватало на меня добра и тепла. Истратилась давно. Может, просто у нее сил уже не было ни физических, ни эмоциональных. Старенькая, больная была... Потом и она навсегда покинула меня... Врагу не пожелаю такого.

...Помню, уже сорок пять лет мне было. Лето. Прекрасный солнечный день. Настроение на все сто. Я делаю в квартире уборку. Подошла к зеркалу, чтобы протереть его – а сын рядом стоял, – и вдруг увидела в нем взгляд счастливой женщины: спокойный, мягкий и удивительно нежный. Я опешила. Не представляла, что могу смотреть так, как мне всегда хотелось, чтобы на меня смотрел мой муж, – с чистой, искренней любовью. Я тогда даже перед зеркалом пообезьяничала немного, меняя выражения лица. Никогда до этого случая не занималась подобной глупостью.

И тут вспомнила, как еще с юности замечала, что мужчины очень часто смотрят на меня долго, не отрываясь, будто впитывая в себя минуты общения. Я связывала подобное внимание с интересом к моей эрудиции и еще старательней стремилась быть на высоте.

Рита вдруг улыбнулась так, будто вспомнила что-то очень далекое и очень приятное.

- Стала я приглядываться к другим женщинам, ища в них взгляд, подобный моему. И вдруг одна то ли задерганная, то ли «замотанная» женщина-бухгалтер так искренне-радостно улыбнулась, когда я поблагодарила ее за безвозмездную помощь, так ярко осветилось и сделалось прекрасным ее строгое, каменное до этого лицо, что я не удержалась, чтобы не восхититься ею вслух. «Вы не представляете, как вы хороши, когда у вас радостное настроение. Улыбайтесь, улыбайтесь чаще», – попросила я. Бухгалтер так растерялась, так мило смутилась. И я поняла, что она тоже давно забыла, что она – женщина. А может, ей, как и мне, никто об этом не напоминал. За своей целеустремленностью в учебе и в работе мы забываем, что рождены еще и для того, чтобы радовать своей не только внутренней, но и внешней привлекательностью...

- Ох и разгулялась бы я, обладая твоим магическим взглядом. Все мужики были бы моими. Мне смолodu было интересно завоевывать мужчин и бросать, потому что скучны те, которых видишь насквозь, – рассмеялась Инна. – Ты потом, открыв в себе эту способность, пользовалась своими чарами, чтобы добиваться внимания мужчин?

- Не встретила такого, ради которого это стоило делать, – ответила Рита. И ее черные глаза заволокло дымкой печали. Она наморщила лоб и замерла, отдавшись течению грустных мыслей.

- «Всех нас гроб, зевая, ждет», – непонятно к чему процитировала Инна Пушкина.

«В Инне есть что-то, вызывающее беспокойство. Нагнетает, нагнетает незаметно. Раздражение наслаивается... И не переступить через нее. Кто-то хорошо сказал, будто то, что не помнишь, для тебя не существует. Только попробуй Инку выковырнуть из

памяти. За одну встречу навязла в зубах, намертво въелась в душу», – вздохнула Жанна.

Кира перехватила растерянный взгляд Риты и спокойно кивнула ей, мол, не обращай внимания, продолжай.

– Я болезненно воспринимала выходки мужа, и чтобы он не подминал меня под себя, от него переняла и освоила манеру защищаться грубостью, потому что по-своему, по-женски в свое время меня не научили воевать. На работе он был сдержанным, а дома психовал. Считал, что может сбрасывать на меня свое дурное настроение, понимал, что позволю, не сумею защититься. Но я, конечно, не сдавалась, боролась. И на развод сама подала. Он не хотел. Его все устраивало. Процедура была унижительной, болезненной... Когда развелись, для него словно и не было тех десяти лет, а я стала жить с сердцем, словно разбитым параличом. Он был моим первым мужчиной. Окунулась я в стихию тоски и разочарования. Долго не могла выскоблить его из себя. Казалось, вся душа залита кровью, и язвы на сердце никогда не заживут. Наверное, и не зажили. Я так, по сути дела, и не оправилась от того удара. Беспощадная судьба! Когда мы женились, он был еще не исподличавшийся. А потом вынул из меня сердце и загасил во мне все, что делало меня женщиной...

Я все думала: «Почему он больше не чувствует ко мне ни страсти, ни нежности, ни уважения? Не интересуется тем, что я делаю, о чем думаю. Ведь все это было до свадьбы. Не играл же он роль влюбленного только для того, чтобы жениться? Почему у него нет желания что-то изменить в наших отношениях? Мои слезы его не трогают...» Второй раз замуж пошла от тоски. Но теперь я уже жила в предвидении легко предсказуемых последствий... В жизни все гораздо прозаичнее. Нам надо вовремя выбрасывать из головы романтику, чтобы легче переносить удары судьбы... – в безнадежной тишине добавила Рита.

Ее печальные черные глаза в этот момент отсвечивали лилово-синим, как цейсовские линзы современного прибора, что придавало ее лицу особую обреченность. Взгляд был мучительно и напряженно прикован к одной точке, чуть выше экрана телевизора.

– Что до тебя, дорогая, то вот тут оправдания тебе нет! Потребовалась следующая попытка. Хотелось надеяться, верить. Изголодалась, тепла захотелось... И перед этим вывернула душу как карманы. И к чему это привело? Опять обожглась. Такая вот странная подробность... Все мы крайне падки на гормон счастья. Только «наука побеждать» нужна не только в армии, – сказала Жанна. – Знаешь, как у меня на родине старики говаривали? Получила свою порцию счастья и больше не вымаливай у Бога. Разобидится.

– Выразительный, предельно четкий, безупречно-убедительный комментарий, – обронила Алла. И Рита поняла, что Аллу тоже интересуется и беспокоит ее судьба.

А Кире дневник Ритин припомнился. Рита сама давала ей читать его в минуты грустных откровений.

Она писала о первом муже: «Увидела тебя в поезде слабеньким – ты не в силах был бороться со сном и заваливался на сидящую рядом немолодую женщину, – и тепло разлилось в груди. Так вдруг захотелось быть на ее месте, шептать «люблю», оберегать от всех предстоящих бед, идти рука об руку. Быть единственной для единственного. А в данный момент защитит от тетки, которая сердито сбрасывала твою голову со своего плеча. (Она не женщина, она не мать!) Говорят, надо слушать свой внутренний голос и подчиняться. И я поверила».

«Мое чувство к тебе просто и естественно, как приход весны, как восход солнца, как запах цветов... Это состояние милостивого просветления объединяло меня с лучшей частью прекрасного мира, где каждое слово значимо, где каждый жест говорил о любви».

– Помнить можно и за плохое, – каким-то посторонним голосом произнесла Аня. Сказала, как выдохнула из себя что-то тоскливое.

– Не задевая самолюбия! Непростительное легкомыслие уравнивать в правах ангела и демона. Не мечи икру. С чего это ты вздумала мужа жалеть? Напыжилась! Он-то жестко тебя задевал, и я что-то не заметила, чтобы при этом горевал. Отчетливо помню, как при

мне тебя оскорблял и третировал, устраивал сцены, кричал, простирал вверх руки да еще имел наглость называть свои грубости шутками. Он же чудовище! Тоже мне – моду завел! Юмором разряжают градус нервной обстановки, но не оскорблением и унижением человеческого достоинства. Подфартило – нечего сказать! – вспыхнула Инна. – Усвой простую истину: он был желчный, грубый, ни в грош тебя не ставил. Все норovil уколоть. Он убежденный противник равенства мужчин и женщин. Он же спал и видел, как бы припахать тебя. На фиг ему твои тонкие психологические переживания. Не стал он их препарировать и филигранно оттачивать. Не знал он и не хотел знать, что равновесие добродетели и красоты возможно только в отсутствие стрессов. К тому же в молодые годы мужчин больше интересует наше тело, чем образ мыслей. У них, видите ли, в это время преобладает культ красоты и наслаждений... Я же знаю их вдоль и поперек.

– Как я устала слышать этот идиотский довод. Не все мужчины такие, – с непередаваемым отвращением дернула плечами Рита.

– Те, которые сексуально озабочены. У таких мужчин, когда они завоевывают очередных женщин, семьи не существуют. Небезосновательно утверждаю. Я же тебе еще много лет назад доказывала, что таких чумовых мужей надо сразу безжалостно «сбрасывать с парохода» и проклинать, иначе вся жизнь коту под хвост пойдет, а в старости поздно будет разбираться, да и не к чему. А ты все: любовь, любовь... Десять лет на него угробила.

– По большому счету, ты права. Было бы за что клясть, а за этим у нас дело не станет. Каждому нужен свой Аустерлиц, Ватерлоо или Измаил, – рассмеялась Лиля.

– Ну не Цусима же! Ироничный подход к неразрешимым семейным проблемам более жизнестойкий, чем слюнвявый. Этому учат нас мужья.

– Крамольная мысль. Ты слишком цинична, – остановила Инну Рита.

– ...Мужчины утверждают, что женщины не понимают юмора. Интеллектуальный, тонкий еще как понимаем! А грубый, мужской, тот, что ниже пояса, не хотим воспринимать. Как-то по телеку шла юмористическая передача: там все падали. И женщина свалилась с лошади. Одежда на ней задралась, «батоны» из выреза блузки вывалились и некрасиво разнеслись по плечам, полные ноги раскинулись жутко противно. Она лежала на траве и вульгарно хохотала. Я была в ужасе, а мой третий муж чуть ли не икал от восторга. Когда я, расстроенная и рассерженная, ушла на кухню, он мне вслед «запустил», мол, помешалась на эстетике, юмора не понимаешь! – возмущенно рассказывала Лиля.

– А вот шутим мы на самом деле меньше, – сказала Лера.

– Что правда, то правда, – подтвердила Жанна.

– До шуток ли, после того как напляшешься в две смены – на работе и дома, – огрызнулась Лиля. – Ты представляешь себе мужчину искрометно шутящим, после того как он два выходных подряд проведет дома, выполняя вместо жены все домашние обязанности? Скорее всего, он, бешено матерясь, станет клясть жизнь, семью и все, что с нею связано.

– У меня есть неженатый одноклассник. Такой был веселый, компанейский парень! А когда умерла его мама, а потом и сестра, которые с ним нянчились, то стал он скучным занудой, – сообщила Аня. – Куда его юмор делся?

– Домашний быт съел, – рассмеялась Жанна. – А что бы с ним стало, если бы ему пришлось нянчиться с женой, детьми и внуками?

– Наверное, повесился бы, – рассмеялась Лиля.

– Вот вы тут о шутках заговорили, и я сразу вспомнила друга моего мужа. Шуточки так и выскакивают из него. И все больше короткие, мягкие, добрые. Например, едем мы как-то за грибами. Мой муж просвещает друга на предмет характеристик грибов, высказывает свое мнение об их вкусовых достоинствах. Мол, польский гриб – брат белому. А Николай

Сергеевич ему влет, не задумываясь, отвечает: «Брат, только двоюродный». И сразу стало ясно, что у него другая шкала распределения вкусовых предпочтений. Умные, тонкие экспромты друг выдает, естественно, без всякого гонора, не красуясь. Шутки бросает на единицу времени столько, что всех не упомнишь. Хоть записывай за ним. От них на душе спокойно и радостно становится.

Бывало, встретятся с моим мужем, и давай друг друга дружелюбно подначивать. Я тоже вступала в игру, настраиваясь на их волну. Мы вместе хохотали. Такая прекрасная разрядка после напряженной рабочей недели... И никакой пошлости. И никогда ниже пояса. Слабые или больные места друг друга не трогали, щадили самолюбие. Не искали случая, чтобы больнее ущипнуть. Друг любил поддразнивать моего мужа тем, что рыба, пойманная им, за год «вырастала» в его видении вдвое, а Саша «в отместку» проезжался по его страсти к хорошим снежкам.

Как-то наловил мой муж мелких окушков на уху – крупная рыба в тот день не брала, – так Николай Сергеевич с хитреньким видом спросил: «Ты сразу их будешь готовить или сначала доведешь до кондиции?» И тут же предложил оставить их в колее с водой, что образовалась после дождя возле нашего гаража. А потом с самым серьезным видом добавил: «Лужа может быстро пересохнуть. Пожалуй, лучше помести их в ванну. Там им самое подходящее место. Этой рыбе совсем чуть-чуть – месяца три – надо бы покормиться».

Что их объединяло? Они ничего не выгадывали из дружбы. Ясные, определенные были отношения, без фальши. В друзья друг к другу не набивались. Само собой у них сложилось. По душе.

– Он ему дороже брата? – зачем-то спросила Инна.

– Это разные, несравнимые категории, – ответила Алла.

– Ты и на рыбалку ездешь? – удивилась Аня.

– А почему бы и нет. На природе не думается, только чувствуется. И всё только хорошее, радостное. Будто отсекается все трудное, что возникало в течение недели.

Наверное, Алла хотела настроить подруг на приятный лирический лад, но продолжения беседы в том же русле не получилось. Видно, не стоило ей заводить этот разговор, не тот душевный настрой. Женщин сегодня «цепляли» только грустные темы.

– Человек не исчерпывается умом и наличием юмора. Я бы сказала, существо человека не ум, а совесть. Терзание совести – наш великий инквизитор, он делает из нас людей, не позволяет стать абсолютными скотами. – Это Лера подала голос, остановив тем самым приятные ностальгические воспоминания Аллы.

Инна сердито забурчала: «Не знает, чем человек отличается от животного?.. Тем, что умеет лгать».

Рита горько вздохнула:

– Вот и я говорила мужу: «Ни разу не испытал стыд за свои многочисленные гадости, ты и в следующий раз повторишь их, да еще с учетом опыта более изощренно, чтобы похлеще, больнее задеть, обидеть меня». А я-то, глупая, гордилась сама перед собой своим терпением, своей порядочностью. Советы своим молоденьким лаборанткам давала: мол, придет мой муж усталый, раздраженный, а я его накормлю, успокою, и лад в семье... Только оказалось, что его основная жизнь проходила где-то вне семьи... Настоящая любовь к нему в душу так и не постучалась. Безудержная, все сметающая на своем пути страсть гнала от одной женщины к другой. В жадном упоении вновь обретенной свободы рвался к следующей жертве. Многим женщинам на короткое время открывал свое быстро воспламеняющееся сердце, потому что эмоциональные взрывы долго не длятся. Смеялся: «Нужно ли идти против своей природы?.. Я как переходящий приз, как награда. Прелесть разных женщин в непредсказуемости». От каждой женщины его мозги взрывались, и он срывался как дверь с петель...

Легко жил, с панибратским отношением к жизни. Делал акцент на разнообразии. Ни на

одну женщину всерьез не запал, ни с одной долго не задерживался. Он как бы все время находился в точке бифуркации (в неустойчивом состоянии, переходящем в нулевое). Пересмешник. Я поняла бы, если бы методом проб и ошибок искал что-то определенное, страстно желаемое... если бы полюбил другую и женился на ней – тут все ясно. Но носиться за каждой юбкой?.. Жил точно в первобытном мире: только ради секса (овладеть и забыть) и желудка. То, что лишено тайны или хотя бы чего-то нового, интересного, недостойно его... Собственно, чего ждать, если нет сердечной привязанности... Судьба – это характер, это то, что заложено. В жизни нет ничего случайного. Все взаимосвязано. И даже то, что я ступила на чужую стезю, – не игра случая, а рок... Когда муж слишком далек от того, каким ты его хочешь видеть, – это невыносимо... Помню, узнав... буквально задохнулась от горького изумления... Удивительно, как живы воспоминания. Прошлое не оставляет в покое...

– Темперамент не спрячешь, если только закопаешь, – хихикнула Инна.

– Как это всё отвратительно! Вконец испортилось настроение, – простонала Аня. – Почему непорядочность многими мужчинами возводится в ранг достоинства? Это факт отсутствия внутренней культуры?

– Если женщине не хватает физических наслаждений, она компенсирует их чем-то духовным, а у мужиков это не получается. Им не дано... – фыркнула Инна.

«Теперь Рита душу напоказ выворачивает, – огорчилась Лена. – Она будто подводит итог своей жизни. Рановато».

– В юности я где-то вычитала, что жизнь – это растворение нас самих в других, а верность – высшее проявление силы. И поверила в это. Хорошо, благородно сказано. Но это утверждение, наверное, из рыцарских времен. Хотелось бы вернуть в наше время понятия нравственности. Мечты, мечты, где ваши радости?.. Неясны мне были мотивы поведения Стаса. Блажь, баловство скуки ради? Дань темпераменту? Так я никогда ему не отказывала, сама была не против... Мне его не хватало, но я же не бегала... Или тут еще что-то странное... – распалившись от воспоминаний, повысила голос Рита и нервными движениями вытерла носовым платком лицо и шею.

– Мартовский кот. Черта лысого ему не хватало. Я бы ему такой хай устроила! Ты позволяешь, и я себе позволю! Я бы ему задала перцу! Изобразила бы на нем пенку во всю стенку! – зло провозгласила Инна. Она чувствовала себя вправе дать волю раздражению.

«И Рита свернула на грустную тропу, – удивилась Жанна. – А ведь умела молчать, хотя многое, о чем она молчала, не давало ей покоя. Как скрипку несла свою боль, свою первую любовь».

– Не разглядела, не угадала я в нем верхогляда. Virtuозно лгал, с удовольствием лихо выворачивался, будто родился с этими качествами. Никогда не конфузился. Я чувствовала в нем что-то непонятное: в его отсутствие у меня часто перехватывало горло, меня бросало то в жар, то в холод, но не верила себе. Ведь ничего не указывало на его свободное поведение. Так почему же я писала в своих стихах о нем горькие строчки, правда, начиная их словами «неужели»? Предчувствовала, предвидела?.. Вот и получалась моя жизнь из многоточий надежд, страхов, неуверенности, недомолвок... Все мои беды на его совести.

...Он даже не задумывался над тем, что все домашние заботы лежали на мне. Я с ног валилась от усталости, а он, бывало, ложки к ужину сам себе не возьмет – все ему подай-принеси. Никогда не работавшими вне дома мамой и бабушкой так был приучен. А попробуй только заикнуться о помощи, так он сразу сказывался больным. Я верила, жалела его. А у него был на это простой расчет... И его мамаша подпевала, мол, что еще надо, он же возвращается к тебе. Может, ей, домохозяйке, этого было достаточно. Она, полностью зависящая от мужа, боялась требовать большего. Мужа побаивалась и перед сыном благоговела: мужчина!

Бывало, спрашиваю Стаса: «Почему ты считаешь для себя позволительным оскорблять меня, а за мной такого права не оставляешь?» И смотрю ему в глаза. А он меня не видит.... «Я – мужчина» или «Мужчина не должен делать то, что он не хочет, иначе он потеряет себя», – вот и все его ответы на все случаи жизни. А женщина, получается,

обязана терпеть по определению, так что ли? И время от времени он напоминал мне об этом всеми доступными ему способами. Его лозунг – не быть благоразумным. Самое главное – его поведение зачастую сводило на нет все мои усилия по воспитанию сына. Его преступное равнодушие, его жестокость... Напрасно взывала к его разуму.

Потом напрямую, но словно в шутку, стал говорить, что, мол, мужчине свойственно расширять «сферы своего влияния». Руки опускались, когда слышала такое... А дальше все больше и хуже... Сначала не верила, потом с ужасом осознала, что все это правда. Ревела, с ума сходила... тут и стыд, и страх, и растерянность...

«Очередная победа? Мои поздравления! Еще не рябит в глазах от разнообразия? Какая по счету?» – такими словами я встречала его под утро, уже готовясь к разводу. Не смогла вынести его пренебрежения мною... Думал, всю жизнь буду воздавать почести его изменам.

...Бывало, квартиру украшаю, готовлю на ужин что-нибудь вкусное в надежде, что придет пораньше, но не сбывались мечты, не оправдывались ожидания. Он все равно уходил кривыми путями, гонимый сладострастным любопытством, следуя темным животным инстинктам, и возвращался, когда заблагорассудится. «Разве человек создан для того, чтобы вести размеренную праведную жизнь?» – удивлялся он. А зачем тогда не гулял, терпел, пока не родился сын? Привязать ребенком хотел?.. Видно, мы, женщины, сами себе придумали вечную, верную любовь и как малые дети обижаемся на мужчин, которые эту выдумку не воспринимают, не одобряют и не поддерживают. А как-то случайно обнаружила, что не слушает он, когда я ему о чем-то говорю. И даже если слышит, то все мимо ушей проносит. Не нужны ему мои мысли, заботы, настроение. Боже, о каких мелочах я говорю! Занозой в душе была для него семья. Она казалась ему символом всего, что он ненавидел. Его бесила моя долго дрящущая жертвенность и стремление к ясности, справедливости. Я чувствовала его откровенное неприятие даже к ребенку. И он ему мешал. А расходиться не хотел. Не было у него потребности в душевном тепле. Не воспитано оно в нем, поэтому и отзывчивостью не отличался. Для него было достаточно комфорта, чтобы кормили его, обихаживали. И к чему только клонилось его сердце?.. Кто сам не страдал, тот и другим не умеет сострадать.

«В Рите невероятная нежность прекрасно сочетается со строгостью и решительностью», – отметила про себя Лена.

– ...Потом задумалась. Свою ли жизнь проживаю? Зачем она мне такая? И подала на развод. Сам бы он этого не сделал... Я отталкивалась от своего понимания счастья. Собственно, дело здесь даже не в этом... у него какое-то безотчетное желание возвышенной неземной любви. Он не мог представить свою любимую в халате... и себя простым, не великим... То, что лишено тайны или хотя бы чего-то нового, интересного, недостойно его. Доходило до абсурда... гурман, лизоблюд.

Поняв это, я, конечно, первое время пыталась ему подыгрывать, но ему еще было необходимо совершенно новое лицо... Если у человека не возникает сердечной привязанности, о чем еще можно говорить? У такого самая великая любовь стоит слишком мало. Такому важна только игра. В семье легко и быстро удовлетворялись любые его желания, и это не ценилось, – говорила Рита, смущаясь, пряча скорбный взгляд, с трудом подбирая подходящие слова. Казалось, в ее черных глазах была вся боль и все бессилие несчастливых в браке женщин.

– Ничего себе! Ошеломляющее откровение, – опешила Лена.

– Ну, это уж заскок. Он сексуальный маньяк? – недоуменно спросила Жанна.

– У каждого свои причуды, – презрительно фыркнула Инна.

– Кто слишком много страдает, у того чувства должны атрофироваться, а ты до сих пор с ума сходишь, – догоняя первую мысль Риты, эхом отозвалась Аня.

– Проще умереть, – возразила Инна.

– А ему, судя по всему, стыдно не было, и он никогда не давал нравственной оценки своим действиям. «Чувство вины? А что это такое?» Вот и разошлись наши стежки-дорожки. Не нужны мне были его подачки. Я хотела его целиком, полностью. Раз

грешишь, принимай на себя последствия: не бесись, не угрожай, не привередничай... Как катком по мне прошли годы моего первого беспросветного замужества. За что мне такое? За то, что любила? Ты, Инна, как в воду смотрела, предрекая такой конец. На самом деле осечка у меня с ним вышла. Но он хоть был умным, интересным. В нем было что-то невыразимо привлекательное. Не сексуальность, нет. Пожалуй, умение нешаблонно выражать свои мысли. Цены бы ему не было, не будь он беспардонным лжецом и распутником... (Она сказала это достаточно жестко, чтобы внести полную ясность на счет своего мнения, однако в то же время и мягко, чтобы это не выглядело как нанесение обиды некоторым из присутствующих.) Боже мой, сколько же тупых, бездеятельных, примитивных мужчин встретила я на своем жизненном пути! Много больше, чем глупых женщин.

- «Великая» история любви. Это же апокалипсис в отдельно взятой семье. И какие невидимые канаты притянули вас друг к другу, можно только гадать. Твой рассказ не укрепляет стремления к супружеской жизни. Если любовь воспринимать как неизбежное страдание, так зачем она тогда нужна? Может, проще, не задумываясь о высоких чувствах, справлять физиологическую потребность в сексе и все? Такое часто предлагается в западных фильмах, - вздохнула Лиля.

- Осенила замечательная идея! Время от времени тебя посещают гениальные мысли! Развела руками чужую беду, утешила! Растрогала донельзя. Ни к селу, ни к городу такие замечания... и так этого «доб-ра» кругом навалом, - взбунтовалась Жанна.

- Завести любовника? Чтобы после секса он по привычке холостяка уходил к себе домой? Нет, я бы хотела засыпать и просыпаться в объятиях мужчины, - сказала Рита.

- А я бы и сейчас не против. Не могу отказать себе в удовольствии, - то ли в шутку, чтобы подразнить подруг, то ли серьезно сказала Инна.

- Ну-ну. Дружно сняли очки, оба положили зубы в стаканчики... и вперед! - расхохоталась Мила, вызвав дружный смех подруг.

«Ну и финтифлюшка эта Инна», - молча удивилась Жанна.

А Инне хоть бы что. Она с равнодушным видом продолжила свои рассуждения:

- Собственно, у меня, Рита, тоже были схожие с твоей ситуации. Но меня голыми руками не возьмешь, мои мужья быстро получали по заслугам, - твердо заверила она. (Не утерпела, чтобы не проанализировать услышанное на свой лад.) - Можно подумать, мужья эти знали себе цену. Ха, только из чего она складывалась, они сами не понимали.

- Хоть и невелики были твои потери, но разорванные нити души, как ни связывай, все равно ведь болезненными узелками остались на всю жизнь, правда? - то ли уточнила, то ли подтвердила Лиля.

- Ты с детства была затюканная? - грубовато-искренне спросила Инна, словно не слыша вопроса Лили, обращенного конкретно к Рите.

- В детдоме я была слишком хилой, чтобы верховодить, вот и приходилось включать соображалку.

- А любовь ее отключила?

- Похоже на то, - улыбнулась Рита.

«Когда я вижу одиноких женщин, у которых много в характерах мужского, и одиноких мужчин с женскими качествами, то невольно приходит мысль, что иногда деление по типу пола должно происходить по способу существования, а не по физиологическим признакам», - про себя усмехнулась Лена.

- Рита, ты ревновала мужа? - негромко спросила Жанна. - Ну... это когда сама себя ввергаешь в безотчетный ужас, демонизируешь реальность, когда чувства достигают прямо-таки клинической остроты, когда осознаешь мучительный роковой тупик... ну, так, чтобы до умопомрачения...

- Ну и тему ты вбрасываешь, нечего сказать! - неодобрительно закрутила головой Инна,

словно прогоняя неприятные мысли, в один миг горьким потоком хлынувшие из ее памяти.

Эта реакция не укрылась от внимательного взгляда Жанны, и она «сняла свой вопрос с повестки дня».

Галин нежный голосок вдруг прорезался:

- Бывало, в общежитии девчонки с ребятами вперемешку в обнимку сидят на койках, песни поют, хохочут, а я всегда на отдельном стульчике. Не позволяла, чтобы кто-то меня помимо жениха касался, чувствовала, что любовь – сосредоточение на одном человеке. А он всю жизнь мне не верил, нервы мотал. Как зверь становился. Что-то беспощадное возникало в нем в эти моменты... То посмотрела на кого-то не так, то сказала что-то не то. Я с ума сходила от постоянной грозовой атмосферы подозрительности. Ревность – плохой советчик в жизни. После командировок муж рыскал по квартире, рылся в ящиках. Компромат искал. И этим перечеркивал все хорошее, что было между нами. Недоверие, сомнения, ревность – лавина, которая сминает человека, он становится одержимым.

Жанна мгновенно загорелась любопытством. А может, тема ей была близка, но она скрывала это.

- Ха! Она хотела, чтобы у ревнивца мысли были мудро соразмерны! – удивилась Инна. – Он же псих. И если я, как тебе кажется, ошибаюсь, провергни меня.

- Может, у него в детстве был дефицит базового доверия?

- А эта его хамская манера неприятия твоего мнения. К чужим словам он прислушивался, ловил каждую интонацию, что-то выуживал для себя. Отродясь не встречала такого деспота.

- Он ставил меня в положение, в котором трудно доказать невиновность или непричастность. Почему выходил за пределы благоразумия? Почему чужим верил больше, чем мне? Они же нарочно его дразнили, издевались... Он плод законченного, закоренелого скептицизма?

- Ненормальный он, – зло отреагировала Аня. Она жалела Галю.

- Им хи-хи, а тебе ой! как хе-хе... – с плохо сдерживаемой яростью проронила Инна.

- У моей знакомой учительницы тоже очень ревнивый муж. Зная это, над ним постоянно подшучивают, а скандалы достаются Людмиле. Получая сомнительное удовольствие, задумываются ли шутники над тем, что изводят не только мужа, но и жену? А может, их действия преднамеренны? Вряд ли.

- Такая вот она, злополучная сермяжная правда жизни. Одни бешутся, другие от этого страдают. Владимир даже молодым был уже каким-то охладелым. Вместо любви его внимание смещалось на жажду власти надо мной, на желание мучить. Зачем добивался ненависти к себе, что им руководило? Отсутствие здравого смысла, извращенный ум тому причиной или элементарная слабость? Случалось, так заигрывался...

Помнится, где-то читала, что Лермонтов будто бы считал, что женщина, приобретая характер, изменяет себе. Я бы рада быть просто женщиной, так ведь не позволяет, приходится бороться и с ним, и с собой. А еще говорят, что характер выковывается в горниле любви. Нет, в борьбе с мужским самолюбием, с многочисленными слабостями, с нежеланием смирить гордыню. Вот из каких «мелочей» складывается «Вселенная» человека... И сдается мне, ключевое слово среди них «эгоизм». И в нем столько безнадежности... Моя школьная подруга, измученная несправедливостью, лживостью и жестокостью мира, ушла в монастырь. А там матушка стала ее притеснять. Она и повесилась, не найдя нигде защиты...

- Ты повергла меня в шок, – испуганно пробормотала Аня.

- Недавно встретили мы мою знакомую с мужем. Наши ровесники. Выглядят прекрасно.

Улыбаются. Когда они ушли, я упрекнула Владимира: «А ты вечно злой, раздражительный, вот и выглядишь на десять лет старше. И я с тобой вечно на нервах. А разве нельзя и нам было жить как они: в добре, ласке, во взаимной заботе? В счастье». От эгоизма или от недостатка ума он на два шага вперед не видел?

- То-то твой муж казался мне человеком слишком уравновешенным, даже зажатым и не без странностей, - удовлетворенно сказала Инна, довольная своей наблюдательностью. - ...Но при всем при том он талантливый инженер.

- Не понимаю, почему некоторые люди не хотят жить спокойно. Ведь это так просто. Почему им обязательно надо ссориться, мотать другим нервы, делать гадости? Это же глупо! Что привлекательного они находят в такой жизни? И почему я позволяла ломать свою жизнь одному, другому? Получается, своим терпением я сама себе все портила. Хотелось покоя, тепла, опоры... Замужества! Вот тут-то и призадумалась... стоили они того? - вздохнула Рита и сделала скучающую гримасу, будто эти проблемы теперь слишком от нее далеки.

«И у нее развязался язык, а ведь еще не пили, - удивилась Жанна. - Сравнивают девчонки себя друг с другом».

«Мало кто знал, с какими трудностями пришлось столкнуться Рите еще в детстве. Она думала, детство останется для нее самой тяжелой травмой жизни... А тут навалилась глубокая депрессия - итог неудачных замужеств. И как она все это выносила? Мне, наверно, было много проще», - сочувственно подумала Лена и погрузилась в свои воспоминания...

- Я не приветствую всевозможную необузданность и не стала бы терпеть унижения. Вмиг достала бы свой «ножичек» и так бы отбрила! Всё сразу стало бы на свои места. Ты же знаешь мой язык. Говорю редко, но больше и не требуется. Да и не пустила бы я в свою жизнь недостойного, не позволила бы спутать все мои планы. Я сразу прикидывала в уме четко и однозначно: «Этот мне не подходит. С ним я рука об руку не пойду». В таких вещах я не обманывалась, - нахмутив начинающие сесть широкие черные брови, строго произнесла Лера и добавила:

- Четкая непримиримая позиция выработалась у меня еще в раннем детстве на мамином примере. Человек должен помнить, что он не может быть полностью свободным ни в семье, ни в стране, в которой живет, и с этим пониманием строить свою жизнь. А длительным трогательным отношениям я училась у бабушки, у которой после гибели родителей, по сути дела, и прошло мое детство.

- Даже животные имеют чувство собственного достоинства. Один случай убедил меня в этом... - попробовала сменить грустную тему Аня.

Но Инна уже крепко включилась в разговор о Ритиной судьбе и начала азартно развивать свое мнение.

- Ты, Рита, жестоко обманулась. Думала, что получить мужа, как туза из рукава вытащить. Вихрь любви и счастья закружил! А оказывается, прямо сказать, вляпалась. Не к тому берегу причалила. Зря ты тогда поторопилась. Конечно, легко нарваться, когда тебе с изрядной самоуверенностью виртуозно врут. И кто в свое время разбудил в Стасе самое худшее, кто вдохнул в него столько гадкого, ведь при папочке и мамочке жил. Ты в небе искала красоту и вдохновение, а для него сквозь звезды только черная бездна смотрела... Твой муж для меня был прозрачен. Он думал, раз у тебя нет родителей, значит, с тобой можно поступать как заблагорассудится. Быстро освоился. Всем понятно, что хорошие родственники придают человеку известный вес в обществе и уверенность в семье.

Первое, что приходило мне на ум - твой муженек экспрессивный, неудержимо скандальный, с приветливой улыбкой вурдалака. Ты увидела в нем своего короля, а он угадал в тебе свое царство, свое тепленькое гнездышко. Ты вкалывала с неистощимым терпением как заведенная, а он хоть бы в какой-то мере проникся твоей заботой. Не человек он, а разъезжающаяся куча дерьма. Лживая, изворотливая тварь, способная кому угодно отравить жизнь. Ты принимала в нем участие, которого он вовсе не заслуживал. На это он и рассчитывал. Я бы через такого переступила. И зачем замуж шла? Приспичило?

Инна опять начинала расходиться.

- Это ты уж лишкухватила... В общих чертах это выглядело так: сначала его слабость казалась мне нежной и трогательной. От этого я еще больше его любила. Забота о нем была мне в радость, - призналась Рита.

- Ты, в силу своей доброты, в каждом незначительном парне пыталась найти глубоко запрятанные достоинства, которых они и сами в себе не обнаруживали. Вот и вились вокруг тебя всякие и прочие. Вы с Лилей два сапога - пара. Ха! Огрузились заботами и были счастливы? Верх блаженства испытывали! Знала я одну такую даму. Говорила, мол, чем больше я переживаю трагедий, тем глубже познаю себя, раскрываюсь сама перед собой. Нашла себе оправдание! Не слишком ли дорого обходились ей эти уроки жизни? Похоже, сама себя успокаивала.

- Ой, Инна, заморочила ты мне голову своими примерами из жизни. Я его на самом деле жалела, от домашних дел освобождала, не докучала своими проблемами, помогала во всем. Я совершенно не думала о себе, ему себя полностью посвящала. Жертвовать собой ради любимого было приятно. Все мы в юности как Александр Матросов - нам только амбразуру подавай... а потом такая обида брала, хоть плачь. Но это еще полбеда...

- Ты принимала его таким, какой он есть, и к чему это привело? В семейных делах ты целиком полагаешься на свою интуицию, а она тебя подчистую подвела, потому что ты была настроена на людей добрых, порядочных, так сказать, по своему образу и подобию. Впору бы сразу разочароваться, как только поняла, что проиграла сражение, а ты все еще на что-то надеялась. Я сразу отрезала! И ни разу не пожалела. В свои прощальные слова я вкладывала всю душу, все свое глубочайшее презрение. Неблагодетельность молчания в такие минуты подтверждалась моим предыдущим опытом жизни...

- Ты на свой лад оригинальна, - усмехнулась Лера.

«Низкое торжество не добавляет разума, а у некоторых, может, и отбирает. Ей сладко стоять над поверженными и беспомощными?» - удивилась Алла.

- Наверное, кто-то может восстанавливать отношения и чувства к своим бывшим мужьям - только не я. У меня не остается к ним даже агрессии. Такова моя психофизика. Уже первый жизненный печальный урок не прошел для меня бесследно. Мне его хватило на всю оставшуюся жизнь... Помню, второй муженек пер на меня, как лось, лаву ругани изливал. Так я ему быстро хвост прищемила. Думал, с бессловесным животным или с «мебелью» будет жить, думал, всякого его стану с распростертыми объятьями встречать! Меня не объегоришь. А то присоседится, и хлопот с ним не оберешься: приборки, постирушки, а с самого толку с гулькин нос. Я и сейчас согласна жить с мужчиной только при добром взаимопонимании. А иначе зачем он мне нужен? Гвоздь я и без него в стену вобью, невелик труд, - сказала Инна и тут же, усмехнувшись, подумала: «Он, наверное, в свое оправдание нарисовал бы совершенно другую картину». И почему-то голубые зимние тени залегли у нее под глазами.

- Что тут смешного? - приняв усмешку на свой счет, возмутилась Рита. - С рождением сына ходила я вечно затурканная проблемами с ребенком и капризами мужа - не любил он, когда противятся его воле. Все старалась успеть сделать сама. Только все равно особой благодарности от него не замечала. Все отмахивался. И вместо того, чтобы твердо стать на ноги, стал позволять себе много чего лишнего. Выждал, пока сына рожу, и пустился в загул. В этом, как я посмотрю, многие мужчины схожи.

Хорошо устроился: верная хлопотунья-жена, требовательная любовница... Застала я их в собственной постели... Как гром среди ясного неба... Не по себе стало, затряслась как в лихорадке. Не укладывалось в голове такое... Лицо горело как от пощечины. А перед глазами будто мутная вода волнами, волнами. Я была сломлена, разбита, уничтожена... Тот самый случай, когда от одних только мыслей делаешься болезненно хмельной. Потом заледенела. Практически в одночасье весь мир стал для меня иным. В тот день я похоронила свои мечты на лучшее будущее... Замужество, семья - вот школа жизни. Только в ней становится ясно: кто есть кто. А вся предыдущая жизнь - детский лепет. Не суждено мне было испытать счастья в любви... Тогда я еще не знала, что та женщина - одна из многочисленного ряда доверчивых дурочек или любительниц приключений...

- Все о любви, все о ней, - будто эхом отозвалась Аня. - Ума не приложу... Поди разбери

их, этих мужчин...

– Кого легко добиться, того трудно удержать. Много позже я поняла, что какая-нибудь самоуверенная, эгоистичная девица быстрее покоряет мужское сердце, чем тонкая, скромная, добрая, и перестала уважать многих из своих знакомых... Муж был моим идолом. Но все его поведение оказалось преднамеренной ложью. Нельзя сказать, что я не чувствовала ее. Внутри что-то мешало, нудило... Но не могла я поверить, что такой любящей и заботливой можно лгать. Самой себе доказывала, что ошибаюсь. А он как раз и хотел, чтобы все именно так и выглядело в моем представлении. Обихаживал двух, а то и трех женщин одновременно и не очень-то мучился переживаниями. Для меня осознать такое так же трудно, как и осмыслить возникновение совести в человеческой материи, состоящей из электронов и позитронов... Долго это длилось по причине моей искренней наивности, но ложь рано или поздно все равно всплывает. Такой вот поворот случился в слишком прямой траектории моей жизни.

– Думала, всё, кирдык тебе, гроб с музыкой? – усмехнулась многоопытная Инна.

– И все-таки обидно, когда выстраданное тобой достается другой... Не представляю, как можно было привязать его к себе, сделать оседлым. Я прикладывала немалые усилия, надеялась... На мой взгляд, западню устроила мне судьба, используя мою порядочность. Видно, злой рок свел нас в недобрый час. Да чего уж теперь... слезами и стоном горю не поможешь. Странно, уровень науки и техники растет, но это никак не влияет на развитие человеческих взаимоотношений, не поднимает людей на более высокую духовную ступень. Как и сотни лет назад, люди погрязают в мелочах, становятся подлыми, гадкими...

«Почему Кира молчит? Природная сдержанность не позволяет ей ни свободно высказываться, ни тем более расспрашивать, – решила Жанна. – А у Лены эмоциональный паралич от избытка откровений подруг».

– Надо думать, ты поперла его, – взяла прежний, игриво-насмешливый тон Инна.

«Оседлала любимого конька», – вздернула плечами Рита.

– Из квартиры его мамы? Сама с сыном ушла, но не в общежитие, а в однокомнатную квартиру. Профком помог. Им проще было отсудить часть квартиры у моего бывшего мужа, чем «выбить» новую.

– Молодец, своего не упустила, – одобрила Инна. – Око за око, зуб за зуб.

– Все по закону, – раздраженно ответила Рита, резко обернувшись к ней.

Она вспоминала прошлое, и мысли о прежних обидах с новой силой застучали в ее висках.

Жанна встрепенулась.

– Когда я случайно, походя, слышу грязные истории из уст мужчин, то думаю, что мир животных намного чище мира людей. Не дай бог постоянно жить в гадком окружении. С такой пугающей ясностью вижу в нем себя... как неотступные немигающие глаза ужаса. Затылком, спиной чувствую этот взгляд из ада... Мне кажется, можно умереть от позора каждодневных унижений, от стыда за себя. Ты ушла, а ведь многие живут в нем, хотя достойны лучшего... Может, напрасно Всевышний, экспериментируя над людьми, дал нам разум и свободу действий?.. Конечно, мы теперь все скептики, иногда всё хорошее нам кажется абсолютно невозможным, совершенно нелепым...

«И к чему эти ее разглагольствования? Все-таки невозможная эта Жанна, как застрявшая под ногтем заноза. Много мнит из себя. Какая-то ненастоящая, притворщица...» – раздраженно взглянула на соседку слева Аня и вопросительно перевела на Киру свои печальные серо-хрустальные глаза.

– Так вот, вернусь к нашему разговору, – резко остановила Инна Жанну. Та сердито огрызнулась: мол, что, теперь на меня переключилась? Но замолчала.

– Рита, уж коль у нас речь зашла о характерах, я выскажу свое мнение. Ты никого никогда не подводила, надежная, невероятно пунктуальная и ответственная, никого не

обманывала и считала, что тебя всюду ждут открытые люди с распростертыми объятиями. Да ждут, чтобы использовать. Видно, детдомовская, наивная, нежизненная закваска крепко засела в твоей голове и не позволяла реально смотреть на жизнь. А мне сразу было ясно, что у тебя все этим кончится, и поэтому препятствовала вашему сближению. А ты, наверное, злилась на меня.

«Завела шарманку», – вздохнула Жанна. И ее мысли потекли тихим журчащим ручейком в другую сторону: «До замужества я с многими мальчишками дружила, но ни один из них не умел красиво ухаживать. Если и стояли на коленях, так только пытаюсь выпросить близости. А мне хотелось преклонения, восхищения, поклонения, чтобы мне пели «бесаме мучо...»

– Конечно, родиться красивой – уже бонус, но подарком судьбы тоже надо уметь распорядиться. Я любой ценой хотела избавить тебя от разочарований, но ты говорила о своем замужестве как о деле уже решенном. Влюбленность не только слепа, но и глуха... Видишь, я не охотница до сентиментальностей.

Инна все больше расходилась:

– В юности мы безоглядны в своих решениях, бестрепетно глядим в глаза трудностям, с безрассудной отвагой бросаемся в любовь. А в молодости уже не мешало бы подумать, чтобы потом не барахтаться, как не умеющие плавать. Ты же замечала за ним непонятное, но что оно значило, не стала уточнять. А у человека с годами развиваются не только положительные качества, но и вредные, сначала едва различимые, но если им создать благоприятные условия...

«Как кстати сейчас пришлось бы Валюша. Она быстро нашла бы нужную тональность в разговоре и не позволила бы девчонкам стонать. Сразу всю тоску-печаль разогнала бы по углам», – уже не в первый раз за встречу подумала Кира.

– Мечты быстро завяли, нарядные розовые крылышки надежд обтрепались. Тумаки достаются тем, кто позволяет. Я бы сразу сказала: шалишь, братец ты мой... Так бы и влип в притолоку от одного только моего взгляда, и больше не чудились бы ему несуразные глупости. Раз и навсегда запомнил бы и вмиг обучился всем азам поведения от «а» до «я». А в результате оказался бы там, где оказался, и больше не торчал как бельмо на глазу... Как тебе это? – со злым вызовом спросила Инна, по-кошачьи гордо и упруго выгнула спину и расправила плечи.

«Ну, Инка дает! – испуганно-восхищенно подумала Аня. И тут же ей почему-то вспомнились слова любимой певицы Изабеллы Юрьевой о себе: мол, «я из тех старушек, которые могут забыть валидол, но только не губную помаду». Нет, Инна из другой категории женщин. Она таран».

«Глядя на нее, можно подумать, что в данный момент ее ничего не интересует, кроме собственного ораторского искусства и желания покрасоваться перед нами. Фу-ты, ну-ты, ножки гнуты. И смех, и грех. Не устала еще всем доказывать свою самостоятельность?.. Нейметса ей, рьяно топчет мужчин. Видно, так и не расправилась ее душа после первого удара судьбы. Были бы свои дети, смягчилась бы... А может, и впрямь сочувствует Рите?» – думала Жанна, постепенно снижая накал осуждения.

«Сколько же раз она применяла этот метод на практике, сколько раз предварительно перемалывала, репетировала его в своем сознании? Каких мужчин она терпела подле себя? Какие сами ее избегали? Вряд ли многие мужские сердца очаровывались и как воск таяли от общения с ней, несмотря на ее красоту и бешеный темперамент», – думала Лера, вслушиваясь в резкую Иннину тираду.

– Твои претензии, Рита, так или иначе, я могу обосновать, а в чем его к тебе – мне не понять. Что давало тебе силы сносить трудности и неприятности? Валяй дальше. Недосказанное бывает наиболее интересным.

– Из своей собственной жизни я знала, как отец важен для ребенка. Потому-то и старалась, чтобы он больше внимания уделял сыну... Потом оставила попытки его исправить... Собственно, ругался он по причине нездоровья, – защитила своего мужа Рита.

- Во-первых, дети не удерживают мужчин от подлых поступков. Ты это уже сама поняла. Во-вторых, ты еще и оправдываешь его? Бесстыжих глаз чад не ест. Не по зубам он тебе оказался. И нечего было с ним валандаться. Лучшие свои годы на него ухлопала. Помню, чтобы заставить его что-то сделать, надо было ой как много постараться! Проще самой все без нервов выполнить, не надеясь ни на какие лавры, что, собственно, ты и делала. Если не ошибаюсь, лежебока он. Очень берег себя. Ни пропасти на него, ни погибели!

«Вот уж про это Инне не следовало напоминать. И без ее комментариев Рите тошно», - с обидой за подругу подумала Лена, хмуро взглянула на Инну, а потом пригрозила ей суровым взглядом.

Да разве ее этим остановишь.

- Ты видела его окружение, но не смогла заставить его чохом отказаться от всех дружков. Знала, что последнее дело - впустую компанией шляться по улицам. Не мальчик уже. Как и Лиля, считала, что любовью можно исправить кого угодно? В этом корень ваших бед с ней. Стервы на него не хватило, - с угрюмым наслаждением добавила она. - Встретила я недавно своего знакомого. Жаловался на жену, мол, ей всего пятьдесят два года, а она идет, согнулась в три погибели, ногами шаркает. Ух, как я взбеленилась! Как заору на него: «С чего ей молодеть да красоваться?! Для тебя твои измены - милые пустяшные мелочи жизни, а для нее - трагедии! Она болеет, состарилась раньше времени от страданий, которые ты ей причинял! Вот и вся арифметика. Жена твоя не только снаружи высохла, она и внутри вся ссохлась! А много ли ты ей помогал в домашних делах? Ее я вечно навьюченной вижу, а ты из магазина выходишь бодрой походкой, размахивая полиэтиленовым пакетом, в котором кроме пива и воблы ничего не бывает. Я с таким, как ты, на одном поле с... не села бы». И что же он мне нагло заявил в ответ? «Это был ее выбор: терпеть или уйти». С тремя детьми в общежитие или на частную квартиру? И без надежды на алименты? Хорош гусь! Да кто ты такой, чтобы осуждать свою жену, эту святую женщину! Был бы на его месте мой муж - так бы и врезала по сытой роже.

Она пообещала это так решительно и напористо, что никто в сказанном не усомнился.

- Следи за речью, - назидательно, как ребенку, сделала Инне замечание Аня.

- Нахваталась грубых слов и швыряешься ими, где надо и не надо, - поддержала ее Эмма.

- Значит, кое-где все же надо? - залиvisto засмеялась Инна, довольная тем, что подловила назидательную сокурсницу.

- Уцепилась за оговорку и довольна как слон, - добродушно отметила Мила. - В кого ты можешь превратиться, коверкая язык?.. К сожалению, сейчас время Эллис Дулитл, уличный язык лезет и с экранов телевизоров... И хватит гарцевать по Ритиной судьбе. Не третируй ее, не вытаскивай со дна колодца давно заброшенный хлам.

- Аня, провинившимся начисляй штрафные очки. Будем нарушителей удалять с поля, - рассмеялась Жанна.

- Лучше деньгами. Помнишь, как Евгений в общежитии установил в своей комнате копилку? А потом он и его друзья чай с тортом гоняли.

- Прости, Рита, я ненароком, сорвалось с языка... - послушно признала свою вину Инна. - Только, знаешь ли, Мила, кому-то это хлам, а для кого-то, может быть, разрушенная Вселенная. Я не имела «счастья» встретить такого психа, но гаденыша, подобного твоему мужу, на третий день взащей выгнала бы. Для таких мужиков нужно оставлять свободное пространство в три метра в поперечнике, и шаг вправо, шаг влево - расстрел. С моей легкой руки всех бы их... Мой третий, боясь - и не напрасно, - что я могу победить его в споре, грубо прерывал наши разговоры, рот мне затыкал. Так я быстро направила его куда подальше, чтобы не командовал, а ты миндальничала с мужем, увязая в его пороках как в болоте. Столько лет человека из него пыталась делать. Идеалистка. Он что, был медом намазанный? Может, ты и сейчас себе ищешь оправдания? - спросила Инна.

Лена сняла очки и обратила умоляющий взгляд в сторону подруги.

- Лена, ты сейчас видишь меня? - спросила Жанна.

- Нет, только предполагаю, - немного смутившись от прямого вопроса, ответила Лена, повернув голову на голос, - зрение сильно подсело за последние три года. Боюсь совсем потерять...

- Не гневи Бога. Ведь читаешь, и это уже много.

- Ты всегда была инициатором своих разводов? - теперь Жанна обратилась к Инне.

- Да. Хотела хоть в чем-то чувствовать свое превосходство. Иногда была снисходительна. Говорила, что он пока не готов к серьезным отношениям и должен пройти определенный жизненный путь, прежде чем стать мне интересным.

- И кто это сказал, что жизнь прекрасна в ее неосознаваемом эгоизме? - задумчиво произнесла Аня.

- Эгоист, кто же еще? - нервно рассмеялась Рита.

Разговор печальный и тревожный не кончался.

- Мир жесток к женщинам, - глубоко вздохнула Рита и замолчала.

«В глазах ее недоумение раненой птицы», - сочувственно подумала Лена.

- Выдохлась, что ли? - рассмеялась Инна. - Называй вещи своими именами. Не мир жесток, а лживые мужчины. Они специально себе таких «возвышенных» подыскивают, жалостливость и чувствительность им только на руку - натур утонченных проще заставить на себя пахать. Вы сами своей добротой и покладистостью, слишком любя и балуя мужчин, навлекаете на себя беды. Таким разнеженным пальцы в рот не клади. Они становятся непреклонными в своих слабостях. Откуда в вас эта чуть ли не религиозная терпимость? Генетическая, что ли?..

- После второго замужества я окончательно пришла к выводу - без мужа лучше, - в сердцах сказала Рита.

- Получается, после первого замужества твоя вера в мужчин пошатнулась, но устояла? - шутливо спросила Галя.

- Значит, ты простила его, - сделала вывод Жанна.

- Бог простит. Не думаю, что он нуждался в моем прощении. Человек очень меняется по жизни. И в то же время не меняется. Сохраняется в нем стержень, если, конечно, он у него имеется. Это трудно понять. Но оба эти момента в каждом человеке как-то странно сочетаются... Сложная битва человека с самим собой всю жизнь происходит, опять-таки, если он хочет меняться... - Риту потянуло на философию. - Жизнь, собственно, состоит из простых вещей, но когда в ней отсутствуют какие-то звенья, человеку плохо... И все же я не склонна видеть в мужчинах только подлецов. Мир без мужчин?.. Вряд ли...

- А небезызвестный классик сказал, что человеку нужен весь мир, - заметила Инна.

- Каждому свой. По тому, о чем человек мечтает, можно многое в нем понять, - вступила в разговор Лера.

- Я, например, теперь мечтаю, чтобы желание писать стихи у меня не исчезло, - поделилась Рита.

- А мне достаточно, чтобы внуки были здоровы, - улыбнулась Лиля.

- Мечтать надо о великом, недостижимом, чтобы всегда впереди сияла звездочка надежды? - спросила Аня.

- Я за конкретную мечту. Великое тоже должно быть реальным, иначе это не мечта, а видение. Возьми хоть коммунизм, - ответила Лиля.

- Социализма, конечно, достаточно, - подтвердила Жанна. - И все же «желай прыгнуть выше головы, может, тогда сможешь подскочить до уровня пояса», любит говорить мой

Коля.

- Мечты, мечты! Где ваши радости?.. - усмехнулась Галя.

- ...Красоты взаимоотношений хочется, тонкости, деликатности, а получаешь другие правила игры... Что-то темное, безнадежное шевелилось в моем муже. Носил в душе смутные, мучительные подозрения, не мог от них отделаться. Нервничал, страдал. Я упрашивала: «Не можешь смириться с чем-то внутри себя, борись с чем-то снаружи». Конечно, советовать легко... Если бы в молодости люди умели владеть собой, тогда и в старости они были бы здоровей.

«Опять душевный стриптиз. Открывать настежь свою душу всем сразу? - вздохнула Лена. - А завтра на встрече все они сразу станут веселы, энергичны и будут выглядеть самыми счастливыми, какими только могут быть женщины в возрасте за шестьдесят».

Женщины замолчали, погружившись в воспоминания о прошлом. Но уйти от большой темы им не удалось. Инна опять перехватила вожжи.

- Мужчины, в основном, в семье покой ищут, а мы их стараемся припахивать. Вот в чем причина противоречий.

- Но не одним же нам, женщинам, тащить груз семейных забот, - вздохнула Лиля. - Свобода, где она?.. Есть только тяжкое бремя.

- Свобода - понятие в большей степени политическое, - задумчиво произнесла Лера. - В быту имеет смысл говорить о воле. Это понятие человеческое, эмоциональное.

- Не лезь в философские дебри. Они непролазные. Русский человек свободолюбив по причине огромности нашей страны. Исстари так было: ушел в тайгу, и ищи-свищи его. Вольный. Ему там везде дом родной. В малых странах такого нет. Там душа человека всегда в рамках, - высказалась Инна.

«В Инне больше игры или настоящего трагического чувства? Я напрасно цепляюсь к ней? Может, она за бравадой и иронией научилась скрывать свои горькие истинные чувства? Ей тоже не досталась дорога, усыпанная розами и сахаром, но она боролась, искала, пыталась сложить простую мозаику своей жизни», - вглядываясь в усталое лицо Инны, размышляла Лера.

- Кто-то сказал: «Замужество погубило больше женщин, чем голод и войны», - сказала Жанна.

- Истинно прекрасной жизнью мы живем только в наших фантазиях, - тихо поддакнула ей Аня и только тут вдруг почему-то обратила внимание, как прекрасно удлинял шею высокий воротник и глубокий вырез на блузке Жанны.

- Каждой женщине в конце жизни хотелось бы сказать: «Я была счастлива».

- Все, чьи надежды не сбылись, наверное, и на том свете будут тосковать по счастью, - пошутила Инна, явно довольная своим остроумием.

- На том свете всем равно сладко, - усмехнулась Лена, стряхивая с себя задумчивость.

Все женщины разом замолчали. Опять наступила пауза.

Рита вышла на площадку. Вдруг хлынули беззвучные слезы от обиды за все сразу: за детство неласковое, за несложившуюся личную жизнь, за Иннины слова постылые. Как по живому резала... Отплакалась. Полегчало. Остались только тихие толчки грусти в седеющих висках.

За дверью было слышно, как Инна закатывается смехом. Ну, совсем как ребенок.

Эмма

- ...Хорошо, что теперь не обязательно прописывать супруга в своей квартире. Меньше стало охотников на квадратные метры, - заявила Жанна, видно, вспомнив какую-то не очень приятную историю из жизни своих подруг. - Осторожные старики и старушки не очень-то торопятся принять в свое лоно чужаков, внукам берегут трудом и потом доставшиеся квартиры.

- Среди мужчин хватает дураков. Всё готовы отдать за то, чтобы хоть год пожить с молодой. Жажда приключений зовет их всю жизнь, - фыркнула Рита.

- Марго тоже бы согласилась. - Это Лера сказала.

По телевизору шла реклама передачи «Романтики романсов». Прекрасный голос провозглашал: «И испытать сиротство как блаженство»...

- Не думаю, что сиротство как блаженство можно ощутить, если за всю жизнь не нашлось истинно любящего тебя человека, - сказала Лиля.

- Такие слова мог написать только мужчина, познавший такое блаженство, - предположила Аня. - Только он, наверное, понимал эти слова иначе, чем мы.

- Один и тот же человек в разных ситуациях бывает то велик, то ничтожен, - философски-задумчиво выдала Лера.

- ...В семейной жизни главное - гармония. Счастье женщины во многом зависит от того, кого она выберет себе в мужья. Каждой хочется, чтобы ее окружали не только любимые, но и любящие люди, - изрекла Алла.

- Я воспринимаю мужчин как материал, из которого могла бы вылепить подходящего мужа, чтобы самой окрашивать свой мир в нужные мне краски, - засмеялась Инна.

- Парадоксальная идея. Что мать вылепила и закалила огнем своей любви, только в черепки можно превратить. Сколько ни мни осколки, глины из них не получишь, - зло отреагировала Эмма на слова Инны, в горячности не обратив внимание на замечание Аллы. - Кто-то плачет, жалея другого, а кто-то стонет, жалея только себя. Моя бабушка, когда болела раком, не решалась лишней раз нас, работающих, потревожить. Не хотела обременять, боялась быть в тягость: «Вам на службу надо. Идите, не беспокойтесь, я сама справлюсь», - говорила она, преодолевая чудовищную боль. А моя свекровь по каждому чиху требует к себе внимание, да еще и капризничает, трезвонит ежеминутно по телефону, если сын не может быстро отпроситься с работы. И он привык любить только по требованию.

И вдруг как-то странно заблестели суровые глаза Эммы. Она вся напряглась, точно перед прыжком.

- Свекровь не жалела даже своего сына, а потом еще хвалилась соседкам: «И родители меня любили, и муж, и дети со мной нянькаются». Не просила, нагло требовала к себе внимание, которого не заслуживала. Стерва. Мужа своего не жалела, в сорок пять лет на тот свет спровадила. И дочь ее недолго прожила. Всех, кто находился рядом с ней, ухайдокала. Хорошо, что через пятнадцать лет мы стали жить от нее отдельно, иначе неизвестно еще, разговаривала бы я теперь с вами.

Терзая меня, отыгрываясь и отводя душу на мне, она будто оживала и молодела. Знаете, есть люди, которые психуют, закатывают скандалы, но не переживают. Другие, наоборот, в руках себя держат, а внутри них все горит и клоочет от волнения. Полагаю, моя свекровь из первых будет. Она в совершенстве владеет методом истерик. К тому же лицемерна, бездушна, жестока. Бог ей судья. Когда-нибудь, где-нибудь это ей отзовется...

- Ой, вряд ли... Ты слепо верила и позволяла срывать на себе злость. Я это тоже проходила, - вздохнула Лиля.

- Будешь смеяться, но поначалу я наивно полагала, что сумею с нею наладить контакт, что с годами свекровь оценит мое старание, терпение и все между нами уладится.

- Иногда надежда – зло. Она продляет мучения, – грустно усмехнулась Лиля.

- Я быстро расходилась со своими мужьями по той простой причине, что не хотела позволять им долго издеваться над собой. А ты пробовала переманить свекровь на свою сторону? Не льсти себе. Они же все в сговоре, – фыркнула Инна. – Небось, и сейчас сидит у себя твоя свекровушка в кухне и с удовольствием намечает в уме узор очередной тайной интриги. Плетет свои козни и радуется. Ждет-пождет, когда выложит их своему сыночку, чтобы лишний раз тебе нагадить... А ты верила, надеялась... Вот и снимала плоды своей доморощенной стратегии, каждый раз открывая ящик Пандоры, в который Зевс заточил все людские беды и напасти. Наверное, эта безмятежная близорукость длилась достаточно долго, если учесть твой пластилиновый характер.

- Люди, как правило, хотят доминировать, а не помогать другим подняться до своего уровня, – сказала Лера.

- К сожалению, те, кто нам дороги, не всегда любят друг друга, и, строя взаимоотношения в семье, это приходится учитывать, – добавила Алла.

- Но это на работе. Дома всё должно быть иначе: добрее, честнее, проще, – горестно возразила Эмма.

- Это кристально чистый идеализм, если не сказать жестче. Хотя, если вмешается счастливый случай, если повезет... Каждый ребенок, читая сказки, представляет себя победителем злых сил, но, становясь взрослым, не всякий оказывается способным на подвиг в нашей грубой, циничной жизни, – усмехнулась Лера и неопределенно пожала плечами.

- Помню, с ног сбилась в поисках лекарства, которое заказала свекровь. И в нашем городе все аптеки обежала, и к своим родственникам писала. Пока не отыскала, не успокоилась... Ценила? Куда там!.. Теперь вот свекровь до внуков нагло добирается, не просит, требует от них любви и внимания. Все уши им прожужжала настырными телефонными звонками. Понятиями чувства меры и такта ее сознание не оперирует. Культура – это прежде всего самоограничение.

- Молодец, хорошо тетка устроилась! Умеет всех выстраивать по ранжиру с учетом и соблюдением только собственного понятия иерархии, – рассмеялась Инна. – Она еще жива?

- Девяносто лет, а ее «об камень не расшибешь», – хмуро пошутила Эмма.

- Ну и поговорка. Я поражена, – удивилась Аня.

- Из деревенских «собраний сочинений» почерпнула, – усмехнулась Эмма.

- Грубовато звучит.

- Заслужила.

- И это освобождает тебя от соблюдения почтительности к старухе?.. Ну, если ты так считаешь и настаиваешь...

У Ани почему-то не повернулся язык упрекнуть Эмму в грубости.

- Все годы замужества моя душа была похожа на улитку, потерявшую свою раковину, свой домик. Устала... Я всегда хотела быть безупречной, создать идеальную семью, свой собственный прекрасный мир. И вот... позволяла собой помыкать, мирилась с унижением.

Взгляд Эммы стал бесстрастным, холодным, отрешенным, не выдающим, какие мысли и чувства таит ее душа, омраченным сознанием своего бессилия.

«Эмма устраивает бурю в стакане воды. Она умная, сильная, но отсутствие добродушия приводит ее к проявлению нетерпимости к людским слабостям», – недослушав подругу, решила Жанна.

- Свекровь мне жизнь портила, будто кислотой душу разъедала, со свету сживала в свое

удовольствие. Разрушая мою судьбу, она испытывала непонятное мне сладострастие... Что ею руководило? Ощущение собственного всевластия в семье?.. Не было у меня сил, опыта и желания с ней бороться. Чувствовала себя как в детстве, когда не хватало рук, чтобы удержаться, не сорваться с дерева...

- Незавидное положение, - протянула Аня.

Лиля кивнула в знак согласия.

- Такое случается, когда мы к себе более требовательны, чем к остальным, - заметила Лера.

- Если уж быть до конца честной, она с первого дня взяла в свои руки бразды правления нашей семьей и благодаря сыну получила надо мной почти неограниченную власть. Статус единственной и любимой позволял ей с полной безнаказанностью издеваться надо мной. С тех пор, как мы переехали к ней жить, муж не говорил со мной без дерзости, без насмешки. Мне хотелось помощи, утешения. Зачем еще нужен муж? А он... он использовал мою любовь против меня же самой. Он обижал меня, а я была слишком гордая, чтобы дать ему это понять. И при этом меня сковывала какая-то непостижимая апатия...

Надоело прогибаться под нее. Не прощу ей своей загубленной личной жизни. Это она направляла своего сына вести разгульный образ жизни. Сколько подлости было в этой паршивой семейке. Каждый любил только себя, каждый жалил ближнего, как умел. За что ненавидели меня? Зачем они делали мне больно? Какой в этом смысл? А я старалась их объединить... Только для некоторых лучше свои злые, чем самые добрые, но чужие. Особого благочестия ждать от них не приходилось. Не выстоять мне было против них. И я вынуждена была «сложить оружие».

- Силы зла в этой семейке властвовали безраздельно! - патетически произнесла Инна. - Они обычные люди от пят до макушки, только гаденькие. Люди, как и собаки, чувствуют неуверенность или страх и быстрее с радостной злостью набрасываются на того, кто их боится, - добавила она и рассмеялась громко, отрывисто и невесело.

- Целый год я отказывалась выходить «на ринг», только слушала. Пытаясь вникнуть, я терпеливо ждала, когда они выдохнутся и прекратят ругаться. Только предлогов для ссор им не надо было долго искать. Они могли раздуть любой едва приметный очаг раздора. На это у них фантазии всегда хватало. И родственников у них была тьма-тьмушная. Они как конденсаторы накапливали раздражение, а потом разряжались. Причем каждый слушал сам себя. А почему бы сразу не разобраться в мелких недоразумениях, чтобы не допускать ссор? После подобных многочасовых бдений я часто погружалась в трясину недоумения и отчаяния. Они как-то ругались, а я удивленно спросила их: «Жизнь кратковременна и бесценна. Зачем ее так бездарно тратить?» Так они в ответ ухмыльнулись мне пренебрежительно, холодно и жутко. Будто я, а не они со сдвигом по фазе. И мужу сказала: «Чтобы быть услышанным, надо говорить тихо». Преподавателя по математическому анализу вспомнила. Бывало, когда студенты не в меру расшумятся, он начинал говорить все тише и тише, тогда отличники сами наводили порядок.

Невмочь мне было спорить с родней Федора. Я не в силах была распутать клубок их взаимоотношений. У меня было такое чувство, что я вообще ничего не понимаю в их жизни. Все было так запутано, закручено и так абсурдно. Я увязала в их ругани как в зловонном болоте... Угораздило же мне попасть в эту странную семейку, в которой никто никого не любит!

- На что посягнула! На святое - на их уклад! - засмеялась Инна. - Вот и получала суровые нахлобучки. Не ко двору пришлось.

- Таким любая не ко двору, - рассердилась Эмма.

- Думала, преподаешь им урок честности и тактичности? Ты свой ум использовала в институте, на воспитание детей, а твоя свекровь свой нереализованный - она же не работала? - тратила на интриги, унижение, на издевательство над тобой... Ей посочувствовать надо. Что было в ее жизни интересного? Только сплетни. Вот она и полировала свое искусство. Ей доставляло удовольствие сознавать, что она,

необразованная, верховодит в твоей семье. Ты была прекрасной мишенью для нападок: мягкая, воспитанная, добрая. Твоя порядочность для нее – пустой звук. Ты не осмеливалась ей возражать и по первому зову мчалась к ней, высунув язык. Как же! «Разве можно перечить женщине много старше себя!» Конечно, ты стремишься угодить, ты хотела как лучше. А она колко выговаривала тебе за малейший пустяк, унижала, ранила. И ты сникала. Моя знакомая послала матом пьяную родню своего благоверного и тем сразу навела порядок в своей семье. Но ты же так не сможешь.

Твоя свекровь не знала постулатов, на которых ты воспитывалась: «насколько индивид может ограничивать себя, соблюдать условности, настолько он и человек». Она не понимала, что «...ум отчасти состоит и в том, чтобы уметь вовремя остановиться, скомпенсировать безнадежность ситуации иронией, снять страшную усталость, озлобленность или истерику смехом; знать меру дотошности, не позволять перехлестов...» – криво усмехнувшись, закончила «речь» Лиля.

Она вдруг вспомнила из своего детдомовского детства кодекс «Строителя коммунизма», висевший на стене у изголовья ее койки, сыгравший не последнюю роль в ее воспитании, и выдержки из великих философов, которые она и ее подружки старательно выписывали из книг и при каждом удобном случае применяли в разговорах с мальчишками, шокируя их заумностью и напыщенностью фраз, и улыбнулась.

– В детстве казалось, что самое страшное в жизни – это если кто-то обо мне подумает плохо. А в замужестве я каждый день ужасалась себе, но терпела недоверие и оговоры, наглухо зашториваясь от них своими обидами и презрением.

– Твоя свекровь, наверное, отродясь не знавала, что такое добро. В борьбе за существование не до этикета. Там не раскланиваются, не расшаркиваются. В таких семьях чаще всего воспитываются эгоисты, – сказала Лиля, как бы оправдывая жестокосердие подруги.

– Не скажи! Напротив, те, кого слишком любили и баловали, не понимают чужой боли, – возразила ей Лера.

Эмма рассеянно взглянула в ее сторону и продолжила:

– Сколько лет я ходила вокруг мужа на цыпочках, боялась огорчить, взволновать, расстроить. А от его первого же раздраженного ответа у меня все внутри сжималось, и я тут же сдавалась с ощущением неза заслуженной обиды. Я не могла ссориться и спорить из-за мелочей и молча признавала свое поражение. Я не умела и не хотела манипулировать мужем, как его мать, потому что считала это постыдным для себя. Меня хватало лишь на редкие, очень редкие булавочные уколы – на колкости, которыми я прикрывала свою горькую любовь. Но даже в них я жалела мужа, щадила его самолюбие, пока не сорвала с глаз благостные шторы и не поняла, на сколь зыбкой основе зиждется моя семейная жизнь. И даже тут, как это ни смешно звучит, следовала расплата «за вдохновенное своеволие». Ведь он, как и большинство эгоистичных мужчин, безусловно, считал свое мнение единственно верным. Он так и говорил тоном, не терпящим возражений: «Существует только одна точка зрения – моя, и я дружу только с теми, кто ее разделяет. Отложилось в сознании?» Нарцисс. Я могла выигрывать только отдельные сражения, но никак не войну. Я его защищала, а он только нападал... Жизнь – не школьная доска, и с нее не сотрешь тряпкой уже написанное, потому что она пишет кровью по нашим сердцам...

«Как трудно приблизиться к пониманию другого человека! Себя-то не всегда полностью осознаешь... Иногда на это требуется целая жизнь», – отрешенно думала Лена, неожиданно обнаружив в себе любовь и сострадание к подругам, о которых за долгие годы разлуки почти забыла. Она немного смутилась, точно стесняясь своего открытия.

– Слушаю и удивляюсь тебе. Муж – твой единственный свет в окошке? – разочарованно спросила Эмму Рита. – Это раньше неработающие женщины говорили мужьям: «Все мои радости в твоей власти». А теперь, когда точка опоры – работа и деньги – есть и у женщин, сохранять свое лицо стало много проще.

– Нам песни внушали, что «счастлив лишь тот, с кем рядом любимый идет». Мы так и понимали свое будущее, – улыбнулась Жанна.

- Ловкий рекламный трюк! - рассмеялась Мила.

- С некоторых пор я ничьи слова не принимаю на веру, - сказала Инна.

- Так тоже нельзя жить, - возразила Лиля.

- Пестуешь обиды? - адресуя свои слова только к Эмме, спросила Инна. - Трезвый ум толкал бы Федора на крутой подъем самоанализа, а не на протоптанную мамочкой тропинку... Я давно на таком муже поставила бы крест. Быстро показала бы на дверь. Как говорится, «шалишь, братец, всё будет по-моему». Было бы о ком жалеть! У тебя была только видимость семьи. Возят нас мордой об стол, а мы помалкиваем... Вон Лиля - эта тоже с тремя детьми, нищая, но воевала, переносила свои унижения с каким-то вызовом, что помогало ей жить. А ты просто терпела, не могла осмелиться дать достойный отпор? И что сварганила из своей жизни? До конца собираешься нести свой крест? - с брезгливой жалостью наскочила на Эмму Инна, всем своим видом давая понять, что ответственность за все случившееся с сокурсницей целиком и полностью лежит на ней самой.

«Критикует, но без злопыхательства. Какая-то в ней болезненно-безысходная злость», - решила Лена.

А Эмма в запале, она не слышит обидных слов, дальше рассказывает:

- «...Зачем ограничивать свои желания? В жизни и так немного радости. Женщины живут дольше, а мужчины быстрее. Им надо торопиться себя реализовывать», - говорила мать Федору. И он ей подпевал: «...Это совсем не похоже на то, что было с той, другой. Там всё переполняющая любовь, там то, что всегда ищет мужчина - сумасшедшие удовольствия», - слышала я, придя из магазина. Словно кинофильм какой-то обсуждали... Может, он и сам поначалу не догадывался, к чему склоняет его мать?.. Но ведь не в девятнадцать же лет он женился.

«Смакуя низменные удовольствия, они борются с моей правильностью?.. Какие-то вещи им кажутся абсолютно прозрачными, а для меня невоспринимаемыми? Не может мать подготавливать почву для измен сына», - сомневалась я сама в себе и терялась. Будто не со мной всё это происходило... Входишь в чужую семью и не знаешь, какие сюрпризы она тебе готовит. Их взгляды, критерии, оценки были выше моего понимания.

«Потрудись объяснить свое поведение. Не ограничивая себя, не воспитывай детей, - возражала я мужу в ответ на его нелепые на первый взгляд заявления. - Я хочу спать, но надо вставать к ребенку, я хочу почитать, но надо стирать, убирать, стоять у плиты. Кто-то должен всё это делать»... Вот именно кто-то, только не она и не ее сын.

А муж, пьяный от самолюбования, отвечал мне разнузданно и грубо: «Ты, как всегда, беспощадно права... Ха! Много шуму из ничего. Жаждешь реванша?». Он всегда переводил разговор на удобный ему иронический уровень или вовсе не утруждал себя комментариями. Его речи были полны язвительных незаслуженных выпадов, произносимых, по-видимому, единственно ради удовольствия искусно и больно ранить. (Вот они - мои губительные «выси любви»!) Попутно он выуживал из моих возражений слова и фразы, которые потом, вывернув по-своему, использовал, чтобы лишний раз укорить меня в том, чего на самом деле я не подразумевала. В этом он был образцом находчивости. Наверное, многолетний опыт постоянных ссор в своей семье обучил его этому. Возможно, он так поступал, чтобы, обвинив меня хоть в чем-то, уменьшить в моих глазах серьезность своих гадких поступков.

Я порывалась сказать, что он не прав, но он обрывал меня на полуслове. Я нервничала и никак не могла попасть в ритм его рассуждений. С ним можно было договориться только тогда, когда он сам этого хотел. Как-то заявил, что я люблю его, потому что мне просто нравится кого-нибудь любить. «Это у тебя сидит в подсознании», - рассмеялся он. Как я могла его разубедить, разуверить? Спросить, что находится в его подкорке?.. Ложь особенно сильно возмущает и обижает, если исходит от любимого человека. На работе мне удавалось своим сдержанным молчанием смущать и ставить на место не очень воспитанных людей. Но там меня уважали. А в семье... Думаешь, легко постоянно испытывать горечь поражения? - В голосе Эммы звучала еле сдерживаемая ярость.

- Собственническая манера держаться не делает Федору чести, - отметила Лера.

- Кричать и хамить я не могла, потому что считала: грубить – значит признавать свое поражение... И все равно проигрывала. А Федор искал к чему бы придраться, правоту свою подкреплял грубостью. Любая моя просьба воспринималась как упрек: сразу становился в бойцовскую стойку, начиналась атака – и я нарывалась на незаслуженные упреки, – упавшим голосом говорила Эмма. – Настанет ли день, когда я буду вспоминать свое прошлое без мучительных переживаний?

«Почему она не была в семье столь же непреклонна, как на работе?» – задумалась Жанна.

«Сколько раз за годы замужества она прокручивала в уме эти скорбные слова? Сколько поколений женщин трудилось над разрешением этого вопроса?.. Эти бесконечные обиды погубили не одну женщину, – думала Алла. – И ведь не бил, а убивал... А скольких еще и бьют...»

- Мне знакомо это чувство безысходности. Излишняя мягкость, неуверенность в себе пригвождает. Какие уж там твердые намерения, – вздохнула Лиля.

- Чтобы покончить с проблемой, надо рассмотреть ее со всех возможных точек зрения и принять четкое взвешенное решение, – сказала Лера.

- В семье бывают неразрешимые проблемы.

- Вздор говоришь.

- Вот, например, для свекрови центр Мира – ее сын. Для меня тоже. Так в чем наши противоречия?

- Для нее центр Вселенной – она сама!

- Поведение твоего мужа называется строить свою свободу за счет несвободы другого. Не надо знать Федора, чтобы сделать вывод: все в семье должно быть подчинено только его интересам. С большой долей уверенности я могу утверждать, что он видел в тебе только собственную вещь, а не личность, – сказала Инна.

- В этой связи мне сын одной моей знакомой вспомнился. Влюбился в одноклассницу. Она увезла его в Москву. Бизнесом занимается. Он тоже где-то работает, но в основном у нее на хозяйстве. Она не идет за него замуж, но и не прогоняет, до тех пор, пока он ей нужен. Он согласен нянчить их детей, но она отказывается их заводить. Карьеру делает. А что дальше? Она личность? А он? – Это Галя рассказала.

Эмма не слушает, ее собственные обиды захлестывают:

- Помню, беременной, попрошу его купить мне чего-нибудь вкусненькое, чего душа просит, чтобы меньше тошнило, так он делал это с таким раздражением и злостью, что пропадало всякое желание брать угощение. Настроение портилось, аппетит исчезал. Нет чтобы пожалеть, приласкать... А все почему? Свекровь бесилась, когда меня рвало, мол, зря добро перевожу. Будто я виновата, что у меня токсикоз. Я полагала, что для сына, занимающегося только работой, мнение матери менее существенно, чем для дочери, совмещающей работу и быт. А у Федора все не как у людей.

- Повзрослев, он не стал мужчиной, – фыркнула Инна.

- Помню, лежала на сохранении. Муж пришел в больницу злой, сунул мне кусок колбасы со словами «Из-за тебя на работу опаздываю»... и больше не приходил. Я лежала, слюну глотала, когда другие ели деликатесы. От угощений соседок по палате отказывалась, мол, не хочу. Самой-то нечем было поделиться... Да разве это главное... А ведь сам сына просил. А когда он попадал в больницу, я каждый день к нему ходила, успокаивала, поддерживала... Наверное, когда-то в глубине его души жил весьма пристойный человек... а потом даже его просьбы стали звучать как приказания.

На свадьбе я впервые заметила на его лице злое выражение и очень удивилась. Уже на второй день моего замужества он отказался идти со мной в кино, играть в бадминтон. Добился своего и успокоился. А когда ухаживал, такого не случалось. Я больше не видела его внимательного взгляда, улыбки. Любопытство проступало, ехидство, ирония – и только. Стал жестким, непримиримым, вспыльчивым, скупым на доброту... Не понимал

меня. Мое молчание для меня означало отказ, а он принимал его за согласие... Я была одна, повсюду и всегда одна, будто безмужняя... Было доверие, да все вышло. Осталось постоянно накапливающееся взаимное недовольство и претензии. Мои беды не обременяли его, они были ему безразличны. Я не жила, а заделывала трещины, закрывала бреши в наших отношениях, путалась у него под ногами... ради того, чтобы соблюсти приличия, сохранить видимость семьи...

А когда-то он любил шутить. Помню, говорил: «Я на тебе женился, потому что ты единственная из всех девчонок не повисала гирей у меня на руке, умела подстраиваться под мой шаг». Подстроилась на свою голову! Как-то пыталась вспомнить, много ли было в нашей жизни моментов, наполненных непосредственным, искренним весельем, естественной радостью, сердечностью, когда я чувствовала, что живу полной жизнью. Оказалось, что все они связаны только с моими попытками украсить наш быт... Если в жизни все происходит не так, как хочется, когда все усилия напрасны – это трагедия. Только хорошие дети – оправдание моей не очень счастливой жизни...

Как-то еду в автобусе. Смотрю, очень приятный юноша стоит – на вид лет восемнадцать, не больше – и всё на кольцо на своей руке поглядывает. И на лице такая гордость тем, что женат. Не удержалась, пожелала ему пронести такое уважение к браку через всю жизнь, чтобы семья могла гордиться им. Он благодарно улыбнулся...

Эмма замолчала. Ее печальный взгляд заметался по верхушкам пирамидальных тополей, раскачивающихся на фоне сереющего окна. Она словно перебирала в уме неожиданно открывшиеся волнительные воспоминания.

– Зачем так категорично? Твоя жизнь – всего лишь драма, – усмехнулась Инна. – Кто-то сказал, что истинно то, чего нельзя избежать. Вот и ты не избегла своей судьбы, «явила ее миру».

– Если в общенациональном масштабе, то это трагедия, – пошутила Жанна.

Эмме эта шутка не показалась удачной. Какие струны она хотела ею задеть или расслабить?

– Раньше мужчины считали самоотречение женщин естественным, природным, как, собственно, и они сами. Теперь работающая жена хочет делить свои работы с мужем. И это нормально... А тут какая-то патология: безнаказанность, вседозволенность, беспредел, – поначалу недоумевала я, озадаченно слушая, как я считала, «словесные спектакли» сына с матерью и не предвидя серьезности своего положения. Думаете, у меня была заниженная самооценка? Нет! Подлаживаться я не хотела, спорила до слез, обижалась.

А свекровь этими странными разговорами просто выясняла степень моего влияния на своего сына, чтобы менять по мере необходимости тактику давления на него, одобрять и подталкивать его в нужную ей сторону. Бдительно следила, каждую ситуацию просчитывала. Не скоро я разгадала ее хитрый ребус. Изучила меня и пошла в активное наступление... Помаяла, помучила она меня. Например, она приучала сына к тому, чтобы он ничего мне не рассказывал о своей работе, только с ней делился. А от меня требовала не волновать мужа своими проблемами и, главное, нашими с ней непростыми взаимоотношениями. Мол, береги его, у него здоровье слабое. И я верила. А она беспрепятственно делала свое черное дело.

Потом узнала, что эти беседы не просто отвлеченные слова. Прошло совсем немного времени, и он устремился на поиски неведомого. «Отвел душу?» – откровенно радовалась свекровь, трясая своими вечно неухоженными космами. Нет чтобы потребовать: «соблаговоли прекратить»... А я, глупая, надеялась, что она поймет, полюбит меня. Послать бы ее куда подальше, как сделала твоя подруга. Мол, какого рожна лезешь в нашу жизнь! Не умела...

– Чудо ты мое в перьях! Жди! Полюбит кобыла хомут, – рассмеялась уверенная Инна.

– А жеребец плеть, – невесело дополнила Лиля. – Жди, когда рак на горе свистнет.

- В самую точку, в десятку! - обрадовалась удачной поддержке Инна.

- Почему я не сопротивлялась, не давала отпор их наглости, позволяла помыкать собой? Боялась, сказав правду, обидеть неправильным пониманием их поведения. Слабость характера тому виной? Привычка правильной девочки слушаться старших? Врожденная внутренняя мягкость, интеллигентность? Все вкуче. Вот и не получали они должного отпора. Нет, я, конечно, пыталась... но их было двое, да еще и родственники. Даже мои невинные претензии на частичную независимость в ведении домашнего хозяйства тут же разбивались о стену авторитета матери, воздвигнутого сыном, и подвергались осмеянию. А он был безумно доволен собой... Да и некогда мне было воевать. Каждый день расписан по минутам, когда на руках трое малышей. Я только переживала: как дети будут уважать мать, если в семье ее в грош не ставят? Повезло. Дети по большей части в меня характером пошли.

«Она обожает в себе собственное великодушие?» - удивилась Инна.

«Похоже, Эмма впервые выплескивает перед девочками правду - безжалостные горькие слова признания в унижении. Для нее это самый тяжелый груз, выпавший на ее долю», - подумала Лена.

- В старости я отказалась ухаживать за свекровью, не стала остатки своей жизни на ее капризы разменивать. Знала по опыту с ее матерью - она тоже одно время с нами жила, - что надо мной она будет издеваться больше, чем над сыном или нанятым человеком. Мне надо силы беречь, чтобы внуков помогать растить. Я, конечно, еду ей готовлю отдельно и стираю, но ни шага не переступаю через ее порог по принципиальным соображениям. Видеть не хочу...

- Мстительная божественная Диана! - удивилась Жанна. - А как же катарсис, самоочищение?

- Никто не знает, на что способен человек, когда задевают его самолюбие, когда его медленно умерщвляют, - мрачно заявила Рита.

- Надо было обратить свой пылающий взор на мужа, - с вызовом заметила Инна.

- Он - следствие, мать - причина, - жестко ответила Эмма. И добавила:

- Пусть вокруг нее прыгают те, кому она делала добро... Правда, не знаю таких, потому что она себя только любит, а других заставляет себя любить. Но кто же насильно станет любить? Если только вид делают... Нет, я понимаю, она мать Федору, он обязан о ней заботиться. Я не собираюсь этому противиться. Сама постоянно напоминаю ему, мол, не забудь то, захвати это... Но я знаю, что даже теперь она была бы рада, если бы ей удалось насолить мне... Любить ее меня никто не заставит.

- Похоже, не дожидаться тебе от нее припадков старческой любвеобильности или хотя бы безразличия, - сказала Жанна.

- Я свекра еще застала в живых. Хороший был человек. Тоже, бедный, изнемогал от ее «любви». Раз Бог таких эгоистов не наказывает, мы сами должны это делать, чтобы другим неповадно было издеваться над ни в чем не повинными. Для всех должно приходиться время платить по счетам. Я не прощаю ее. Пусть подумает, как жила.

- Говорят, непрощенные на том свете очень маются, - тихо сказала Жанна.

Эмма не услышала ее или сделала вид, что не услышала, и продолжала свою печальную исповедь:

- Мое детство было безрадостным по вине мамы. Но так уж неудачно складывались обстоятельства ее жизни. Она сама из-за этого жутко страдала. Я давно ее простила. А свекровь намеренно издевалась надо мной. Как говорится, г... готова проглотить, если мне от этого станет плохо. Поначалу по своей наивной искренности и открытости я безоглядно принимала все ее советы и часто попадала впросак или делала что-то в ущерб себе, после чего погружалась в самообвинение и самобичевание.

Сначала свекровь показалась мне даже деликатной. Она открыто не выказывала своей неприязни ко мне. Первое время выглядела доброжелательной. А сама мои

положительные черты оборачивала неприглядными: вежливость – подхалимажем, доброту – слабостью и зависимостью, экономность – жадностью. Выставляла меня за моей спиной то равнодушной, то расчетливой. Любой мой поступок объясняла только низменными мотивами. «С правдой на лице» лгала. Свихнуться можно. Представляешь, по ее мнению, причина вежливости – страх. Получается, если человека не боишься, то ему можно как угодно грубить? Богатый и независимый по определению должен быть хамом? А как же интеллигентность, респектабельность? Еще пример. Я в праздники не оставалась в компании сотрудников, домой, к семье торопилась, а свекровь утверждала, что будто бы я успевала сбежать «налево». Компрометировала меня ложью. По себе, что ли, всех градуировала? И Федора сделала насквозь лживым.

– Разгромила, разделала свекруху под орех! Наверное, она слышала изречение Геббельса. Он утверждал, что ложь, повторенная несколько раз, становится правдой, – заметила Инна.

– Она намеренно создавала в сыне гадкое представление обо мне, вызывала в нем досаду, разочарование, непонимание. Внушала ему чувства недоверия, ревность. Сама «запускала» сплетни, а другие довершали ее черное дело, доводя их до сведения моего мужа. А потом еще и она, будто бы защищая сына от «нелепых слухов», старательно, с подробными комментариями рассказывала ему о них. Интриганка. Ведь говорят же, что самый короткий путь для достижения гадкой цели – ложь. Вот она с успехом и пользовалась ею.

– Источник сплетен быстро забудется, а смысл и дурная слава останутся, – объяснила суть «явления» Лера.

«Так и стоят у меня перед глазами юные, распахнутые миру, чистые глаза Эммы», – подумала Лена.

– Угар беспричинного дозволенного зла заражает, – расчетливо-непринужденным тоном заметила Инна.

– Ты прозорлива как Кассандра, – поняв ее тонкий намек, усмехнулась Эмма. – Никогда я не стану такой, как моя свекровь. А ее я просто игнорирую и не прощаю. И это, с моей точки зрения, самое сильное наказание.

«Эмма всегда была такая строгая, правильная, скромная. Обидчивое упрямство придает ее лицу отпечаток твердости или она на самом деле сделалась железной леди? Только зачем она сразу взяла обвинительный тон?» – подумала Жанна.

«Обычно ирония Эммы несла в себе скрытый или, по крайней мере, скрываемый характер. Это у Инны она прямолинейно била не в бровь, а в глаз без всякого камуфляжа. А теперь они поменялись ролями?» – удивилась Лиля.

– Мне никак не хотелось верить, что свекровины подвохи преднамеренные, что у нее искаженный взгляд на людей и их отношения. Но то были целенаправленные обманы и глумления, которые ни в какое сравнение не шли с тем, что я слышала из рассказов подруг. Она вытаскивала из себя все самые гадкие, самые низменные качества, приписывала их мне и умудрялась распространить на всех женщин. Тоже мне, эталон! Знала его мамаша толк в подлости. Я многократно пыталась поговорить с мужем, объяснить свою невиновность, но он уклонялся от давно назревших проблем или категорически защищал мать.

– Между правдой и мамой он всегда выбирал маму. Вот в чем корень всех твоих проблем. И в этом он видел свое право на ложь и на всё остальное, с этим связанное... – сказала Лера, глядя в окно, будто рассматривая что-то бесконечно удаленное. – Именно это понимали те девушки из общежития, которые хотели остеречь тебя от ошибки.

– А я не понимала, почему не складываются у меня отношения с мужем, ведь для меня семья всегда была на первом месте, во имя нее я забывала о своих амбициях. Мне не нужны были компании, если в них не было Феде. Я узнала, что свекровь оговаривала меня, когда у нас было уже трое детей. Мать преподносила сыну обо мне всякую гадость, а он с готовностью верил каждому ее слову и следовал ее советам. Так она успокаивала его совесть, умышленно подготавливая к распутству. Не обделена была фантазией. Кто знает, может, сюжеты черпала из собственного опыта? Исподтишка крысятничала и

всегда смотрела на меня «с любопытством преступника, разглядывающего свою жертву». Мстила мне за что-то свое, мною незнаемое?

- В отдельно взятых государствах и между ними всегда шла глухая война дипломатий без героев, но с палачами, оружием для которых служил яд, кинжал, подставы. На работе и в семьях происходит то же самое, только способы «уничтожения» проще: ложь, оговоры, сплетни, принижение. И масштабы «разрушения» меньше, - усмехнулась Инна.

- Из разговоров по отдельным отрывочным фразам я поняла, что свекровь была страшно ревнива. Муж работал на заводе, а она со своей тогда еще здоровой и бойкой матерью оставалась дома «на хозяйстве». В каждой женщине, работающей в непосредственной близости от мужа, она видела соперницу. И когда он умер (сама обманывая мужа, будто больна, она не верила в его слабое здоровье), она почувствовала облегчение. На похоронах я не заметила особого горя в ее лице (траур никому не к лицу). И потом никогда о муже не говорила, даже в годовщину смерти и в дни его рождения. Будто и не был он в ее жизни вовсе, будто не был отцом ее детей. А ведь ей было что вспомнить о нем хорошего. Поразительно, но и сын не помнил даты рождения отца. Меня, привыкшую с максимальной точностью запоминать все подробности семейной жизни, злило такое беспамятство к хорошему человеку. Мне свекор сразу понравился. Мягкий, понимающий... но такой замученный...

- ...А после него ты стала служить ей козлом отпущения, - подвела итог Галя. - В ней осталась безжалостная потребность на ком-то срывать свое зло.

- Наверное, свекровь выбрала тебя объектом для мести, потому что видела в тебе всех женщин, когда-то портивших ей жизнь, тех, к кому она, изводя себя, напрасно ревновала, - предположила Жанна.

- Да, после ухода из жизни мужа от ревности свекровь не избавилась. Она перенесла ее на сына. И его воспитывала по своему образу и подобию недоверчивым и лживым.

...Почему-то пребыванием рядом с ней я тяготилась даже тогда, когда ни о чем еще не догадывалась. От часа непосредственного общения у меня мозги вспухали и, казалось, уже не умещались в черепной коробке. Мне в буквальном смысле плохо становилось. Съедала она меня как энергетический вампир. Как часто не хотелось идти домой на это лобное место. Из-за детей приходилось... Скажешь, полная чушь? Нет! Я чувствовала, как ее сила питается за счет моей, как она высасывает из меня соки.

- Ну уж я бы справилась с нею на раз! У меня не забалуешь, - зло вскинулась Инна.

Жанна на это усмехнулась одним уголком рта: «Мать есть мать... Это тебе не мужиков вышвыривать...».

- Я старалась быть для мужа лучшей, а он не ценил, потому что в его жизни я была одной из многих, и ему ровным счетом было наплевать на меня. Я его устраивала как мать его детей, как домработница. Жена для него - удобная вещь, которая безропотно подчиняется и всегда под рукой. Не скоро я поверила, что его радости на другой планете... А ведь далеко не ас был, даже напротив. И по жизни ничем особенным себя не обнаруживал. И вдруг раскрылся неожиданной стороной. Поначалу я думала, что он эмоционально незрелый, надеялась, что изменится. Бесполезно. Вот такое счастье я обрела в браке. А когда-то даже не причисляла его к числу своих поклонников.

- Ты молчала, может быть, только потому, что неосознанно боялась окончательно убедиться в том, что доставило бы тебе слишком большую боль. Твое смирение - убежденное отчаяние. Мыслящий человек прежде всего пленник собственного мнения о себе и своих делах, и это мнение куда больший тиран, чем суд о тебе других людей. Поверь, судьба определяется тем, что человек думает о себе. Ты искренне считала, что у тебя нет выбора, и сложила лапки в приниженном послушании. У меня на этот счет наметанный глаз. Ты до сих пор не раскаиваешься в своем благонравии?

«Эмма любила, искала его расположения, а просящий человек не может диктовать условий», - подумала Лена.

«Оправдывает свою слабость силой своего противника», - решила Инна.

Лене казалось, что Эмма никого не замечает и размышляет вслух уже только для себя.

- Окольными путями я первый раз узнала о его «фокусах», по сути дела, случайно. Но не поверила. Стала вызывать на откровение, а он хитрил, изворачивался. Люди с нечистой совестью всегда сильны по части поиска предлогов, уловок, способов оправдания. Проанализировав разговор, я поняла - лжет. Но опять не поверила сама себе. Я недодумывала до конца ответы на больные вопросы, не вгрызалась в свои проблемы, будто мне кто глаза отводил или туманом застилал. Уже на следующий день мои страхи казались мне бесконечно далекими, чужими. Я спускала свои эмоции на тормозах и даже корила себя за мнительность, мол, не пристало мне... тем более что когда я упрекала его, он сразу напускал на себя вид оскорбленной невинности. Он играл роль, а я верила. Так прошло еще несколько лет.

- Так ты точно не знала?

- Нет. Подозревала, холодок сомнений, конечно, закрадывался, но не верила. Тихий голос где-то внутри меня возражал: «Изменять такой идеальной жене?» Вот она, земная юдоль, колыбель любви... «и ныне, и присно, и во веки веков».

- Ну, зачем ты так, - неодобрительно покачала головой Мила. Ее жест не остался незамеченным Кирой. И Галя бросила на Милу испытующий взгляд. «У каждого свой способ доводить до сведения других свою точку зрения. И если на то пошло, Мила вполне однозначно высказалась», - машинально подумалось Лене.

- Хорошая привычка видеть светлое там, где никто его больше не видит, - ухмыльнулась Инна.

- Он любовью считал наслаждение. Уверенность в тебе вызывала в нем скуку. А ты ради него отказалась от целого мира, и невоскресшая твоя душа тонула, все глубже погружаясь в обиды, - сказала Рита.

Эмма вздохнула:

- Я понимаю, люди устают друг от друга. Хотя я, когда любила, не обращала внимание на усталость... Странное поведение мужа я рассматривала как внешний демарш, как реакцию на подлые выдумки его матери обо мне, как раздражение. А один раз «на пушку взяла» - тебе знаком такой метод? - и он раскололся... То был тот самый случай, когда один день - целая жизнь, вернее ее гибель. Меня захлестнуло, смело, затопило обидой. Вот тогда-то я презрительно бросила ему в лицо: «У тебя хватило низости предать меня, так почему же не хватает смелости признаться в своей подлости?» Ему бы допросить свою совесть, раскаяться, а он...

«Не подгоняй меня под прокрустово ложе своих взглядов, не удастся тебе перекрыть меня на свой лад. Что это за жизнь, если все тихо, мирно и спокойно. Ни взлетов, ни падений. Кому нужна скука вымученного благочестия и благоговения? Ты не умеешь жить с удовольствием. Ты все время думаешь о детях. Ты же наседка-домоседка. Так и не вламывайся беспардонно в мою личную жизнь», - ответил мне муж выразительно, с грубой холодной силой, выслушав мои претензии. Изумление и обида окатили меня при этих его словах. Моя порядочность, мои старания мне в упрек? Как он может так больно ранить жену, мать своих детей! Это было выше моего понимания.

«Так возьми часть забот на себя. Я смогу расслабиться, и мы вместе сможем полноценно отдыхать», - предложила я. Не захотел, понимал, что тогда у него не будет времени развлекаться. Потом я попросила его нанять домработницу. Мол, это тебе по средствам. Так он и с ней закрутил у меня на глазах. Целая череда случаев была... И уже не удавалось мне скрывать от детей грязь, в которую вовлек нас Федор. А он в бешенстве орал: «С каких это пор мои поступки выносятся на суд детей?!» «Хватит паясничать», - возмутилась я. Думал, умасливать стану.

...Всепоглощающий бездонный ужас обуял и стянул все внутри меня, точно тисками. Я будто впала в ступор: «Доверие попорчено, самое святое поругано. Дети надломлены... Нужно ли пускать в сердце любовь, если она все равно испепеляет человека?.. Любовь - это рабство, поэтому любящий человек редко бывает счастлив».

- Предаешь любовь анафеме? - искренне удивилась Жанна.

- Ну, если любовь как болезнь...

- Любить – не преступление. А вот предавать... когда человек оказывается не на высоте... тогда отчаяния в жизни больше, чем радости. Если бы Федя не изменял, я могла бы любить его всю жизнь.

Эти слова вызвали у Инны скрытую усмешку.

- Нужно очень сильно испугаться, чтобы понять, что кровь на самом деле стынет в жилах. Нужно быть обманутой любимым человеком, чтобы почувствовать, что такое жестокость... А он еще, ты представляешь, скандалил, отыгрывался на мне и детях, если у него срывалось «мероприятие». Я леденела, я задыхалась от немого крика.

«Не понимаю, зачем она все это рассказывает? Словно вывешивает на всеобщее обозрение грязное белье», – передернуло Леру.

- Сейчас стало нормой для бизнесменов вести разгульный образ жизни или, имея жену- ровесницу, приводить на светские рауты длинноногих блондинок, пусть даже крашенных. Они стали неотъемлемым атрибутом имиджа.

- Ты так считаешь? – разгневанно бросила Галя.

- Нет, это Федор так думает, – фыркнула Инна.

- ...Потом были мучительные попытки вернуть себе ощущение жизни. Пыталась хоть как-то сохранить угасающую надежду. Думала, что он хотя бы с запоздалым раскаянием пожелает взять назад каждое свое резкое слово, захочет отринуть каждый гадкий поступок, покаяться. Дуреха. Мне так хотелось верить... Я питалась одними надеждами, но наши миры двигались разными темпами и в разные стороны. Мне оставалось лишь пугливое ожидание его поздних возвращений... Но в них не было даже обычной, привычной супружеской нежности.

- Покается! Ждать осталось совсем немного, до второго пришествия. Он же насквозь живой. Он уже не может жить иначе, – хмыкнула Инна и мрачно добавила:

- Я бы нашла его слабое место и всыпала. Он бы у меня получил сполна! Дала бы прикурить. И наказание соответствовало бы его преступлению.

- Мстить? Инна, ты самой себя еще не боишься? – заступилась Лиля не то за Федора, не то за Эмму.

- Запомни: «Слабые мстят. Сильные ищут справедливости. Надо не обижаться, не страдать, не злиться, а торжествовать!» Таков мой девиз, – провозгласила Инна.

- Ну и как, получалось? – проворковала Жанна.

- Не всегда, – мрачно призналась Инна и тут же рассмеялась:

- Но я старалась!

- Мужья иногда не признавали свою вину? – уточнила Лера.

- Никогда, – расхохоталась Инна.

- ...А Федор подолгу злился по каждому пустяку, строил из себя обиженного, уходил из дому. Мелкие ссоры он специально «организовывал», чтобы был повод уйти. А я себе не могла такого позволить из-за детей, и он это понимал, – снова услышала Лена голос Эммы. – Ему бы попасть в коготки Марго, она быстро обломала бы его и на место поставила. Да еще и высмеяла бы, что, мол, «слаб в коленках». Ее любимая фраза. Не понимал Федор, что ради его денег те женщины разыгрывали с ним страсть. Так ведь не убедишь, не докажешь. Чему угодно поверит, если это льстит его самолюбию. Готов совершать... акт с кем угодно, лишь бы хвалили. Пока есть деньги, его не привяжешь на короткий поводок... Этот странный ненасытный голод – половая горячка и нездоровое пристрастие к восхвалению, – в юности сопровождаемый горечью и завистью, нашел легкий путь достижения максимума посредством денег и смёл все мои высокие мечты. Я сходила с ума... «Сколько же он объяснялся в любви? Ведь без слов любви ни одна

женщина не согласится...»

- Эмма, но это же добровольное рабство! До чего же сволочной бывает жизнь! - вскрикнула Инна.

«Своего первого вспомнила?» - с болью подумала о подруге Лена.

- «Пуля - дура, судьба - индейка, а жизнь - копейка». Эти горестные слова я часто слышала в своем довоенном и в военном детстве, да и после... Впечатались они в мой мозг на всю жизнь, - на свой лад отреагировала Аня на слова Инны.

- Взаимоотношения между людьми как пазл: складываешь, складываешь и вдруг выясняешь, что некоторые детали утеряны, - сказала Лиля.

- Отстраненность, непреодолимая дистанция между нами лишь увеличивалась. Я не могла свыкнуться с его изменами и с утратой прежде всего своей любви... Странные телефонные звонки причиняли мне такую острую боль, что силы мгновенно покидали меня. И во сне я была несвободна от дурных мыслей почти так же, как наяву. Меня постоянно мучили невыносимые кошмары... Некоторым людям свойственно облегчать свои страдания, хоть иногда упоминая о них как бы между прочим перед своими друзьями. А я молчала, стыдилась... А вот сегодня лавиной смываю свою боль...

Я была слишком правильной и благоразумной и поэтому неинтересной ему. Я в институте работала, достаточно просвещена была в вопросах взаимоотношения полов. Только в моем случае бесполезны все эти знания... Не секс ему нужен был - ежедневное восхваление. Поняла я это слишком поздно, когда однажды горькой одинокой ночью вдруг вспомнила дифирамбы его матери. Все сошлось. Вот они, корни... Лишь в книгах царят легенды о верности... В детстве я не видела ласки и тепла, и взрослой мне не достало счастья. Вот и искала опору в жизни только в чувстве долга и верности семье... Дети - самая веская причина, чтобы жить. Чем еще вознаградить себя за разочарования? Самое большое счастье - это когда мой ребенок говорит мне: «Я люблю тебя, мамочка».

Горестный голос Эммы звучал надрывно, в нем была трагедия оставленности любящей женщины.

- Иногда удары судьбы помогают по-новому оценить себя, пересмотреть свои взгляды, - сказала Инна.

- А меня они полностью лишали сил и способности трезво мыслить во всем, что касалось наших отношений с мужем.

- А иногда мы сами себя убаюкиваем сказками, будто без страданий нет сладости любви, - «напела» Жанна.

- Выдумки все это! Я была счастлива, только когда любила спокойно и радостно... А может, Федя разлюбил меня, потому что я не стала похожей на его маму? Я не их поля ягода? - неожиданно высказалась Эмма.

- Такой семейке никакая не ко двору! - разъярилась вдруг Жанна.

Представляя себя на месте Эммы, Лена понимала, как невыносимо трудно ей говорить о себе.

- Я как узнала об изменах, так у меня пропало желание с ним... как бы это мягче выразиться... Я высокомерно воздвигала между нами стену отчужденности, держала его на расстоянии своей сухостью и ледяным пренебрежением. Муж вызывал во мне омерзение. Меня сковывала сама мысль, что он с теми женщинами в постели так же, как со мной. Во время соития я не смогла бы изгнать из памяти навязчивые картины... Я не хотела к нему прикасаться... но и отпустить не могла. Презрев самолюбие, осталась рядом.

А он хотел нравиться и пользоваться всеобщим расположением. Он погружался в сладостные чувства нового обладания, купался в комплиментах и был счастлив. Наверное, обрушивающееся на него опьянение вольной жизнью будоражило его, наполняло радостью, молодостью, восторгом. Те новые не ведали о его несбывшихся

надеждах, неудачах, которые вызывали у него чувство неиспользованных возможностей, выливающееся в недовольство жизнью, в раздражительность. Они не знали о его трудном характере. Для них он – сплошное обаяние. А семья? Это слишком малая толика из огромного ареала его желаний... Дома он опять становился злым, нетерпимым, бросал едкие уничтожающие фразы. И я, горько вздохнув, опускала глаза и уходила на кухню. Я не видела выхода... Мой помертвевший разум не мог даже на мгновение вырваться из тисков отчаяния.

– Так вот она откуда, эта вселенская печаль и довольно жалкое зрелище брошенной жены при живом муже, – вклинила в рассказ Эммы свой комментарий Инна. – Давно надо было поплакать на плече подруги. Попы и психиатры правы, предлагая исповедоваться. Если держать в себе все свои беды, можно заболеть или вовсе умом тронуться. Мне тоже иногда охота уткнуться в чужую жилетку... Я бы посоветовала тебе бросить Федора, заарканить приличного мужика, такого, чтобы быть уверенной в своей власти над ним, и опять замуж пойти «назло надменному соседу».

– Замуж?

Эмма не могла себе представить кого-то еще рядом с собой.

– ...А он и не стремится вернуть мое расположение. Вот и живем как два пассажира, вынужденных ехать в одном купе. Легче всего избавиться от боли может тот, кто ее причинил, а я всю жизнь сама с нею боролась. Он же был счастлив за счет других... Вот тебе и доверие, и защищенность, и отзывчивость, которые он демонстрировал, ухаживая за мной. Можно жить вместе и отсутствовать в сознании близкого тебе человека, а можно находиться в разных городах и быть рядом. Кто-то сказал: только будучи в безысходной ситуации, человек понимает, что он живет. А если эта ситуация длиною в жизнь?.. Нашел чем успокоить. Это тезис жестоких мужчин для доверчивых дурочек... Не живет человек в безысходной ситуации! Существует, мается... Иногда мне кажется, что человеческое общение лишено логики. Оно так многогранно, многопланово и так изменчиво... Это раньше мужская честь измерялась отношением мужчины к женщине.

Лицо Эммы опять сделалось непроницаемо-серьезным. Взгляд затерялся в бесконечном числе крыш и антенн.

– Ты ищешь логику чувств? – удивилась Рита. – Это из области фантастики.

– Откуда в тебе эта непримиримость? Пропитай сердце уверенностью, насыть душу любовью. Смири, урезонь свои обиды. Попробуй вспомнить что-то хорошее из вашей жизни. Еще раз по сусекам поскреби, – предложила Жанна, бросив на Эмму многозначительный взгляд.

– Давай, посоветуй облазить многочисленные фьорды прошлых событий, исследовать шхеры долговременной памяти! Эмма и без тебя миллион раз это делала. Может, еще что-нибудь этакое, умное предложишь? Я лично несильна в подобном виде деятельности, – скроив благожелательное лицо, спросила Инна у Жанны. А в голове ее пронеслось: «Святоша чертова! Сидит тут как в монмартрской мансарде и рассусоливает... То лениво цедит сквозь зубы, то будто роняет масляные «розовые» фразы».

– Ничего, что могло бы представить для тебя интерес, – резко ответила та, потому что почувствовала, как обдало ее ледяной волной пренебрежения.

– Когда в семье худо, когда между супругами нет согласия, то и в постели им одиноко и тоскливо, – сказала Рита.

– Ты права. Женщины выпроваживают мужей не из-за того, что им некомфортно в кровати, а из-за разлада вне её, – видно, отвечая на свои мысли, подтвердила Лиля.

– Если бы работа Федора по-настоящему поглощала или он с головой уходил в повседневные заботы, он бы, наверное, не бегал, – пробормотала Эмма. – ...А я еще пыталась шутить: мол, грехи еще не начинают тебя догонять? К совести, глупая, призывала. Спасение души требует большого труда. Праведная душа выковывается... А он, бегая на сторону, терял не только совесть, но и здравый смысл. Ни терзаний, ни сомнений... Для него жестокость стала обыденной.

«Зачем нам эта грязь и эмоциональные обиды? Это не столь этичные воспоминания, чтобы рассказывать о них во всеуслышание», – поежилась Лера.

А Мила слова американского артиста Шварценеггера вспомнила: «Каждую минуту, которую ты затрачиваешь на воспоминания о прошлом, ты отнимаешь от размышлений о будущем». «Возможно, он обращал их к молодым», – решила она.

– В капкан ты попала. Вляпалась в дерьмо по самые уши, – подвела итог исповеди Инна.

– Кто спорит.

– А с карьерой у Федора, похоже, все о'кей. Он у тебя строитель?

– Крупный специалист по ремонту автотрасс. Цепко, уверенно поднимался по административной лестнице.

– Наслышана. В ней он шел напролом. Ни за кем не признавал превосходства. Своего не упустит, у него не сорвется. У меня есть основания полагать, что из всего мог извлечь выгоду. Умел использовать людей. Тут разнотолков не может быть, – ехидно заверила Лера. И замолчала, мысленно проверяя, не забыла ли она сказать что-либо важное о работе Федора. Потом добавила, что все равно он не был до конца удовлетворен своими успехами.

– Ну это ты уж слишком... удачлив был, – защитила Эмма мужа.

– Молодец, – многозначительно протянула Инна.

– Одно мне было непонятно: почему муж неискренен, особенно в похвалах? Завидовал более удачливым друзьям? Злился? Или во всем был неискренен, потому что это его суть?

– Трудно оставаться друзьями с теми, кто неожиданно разбогател или добился большего успеха.

– Твоему мужу недостаточно было проявлять себя добытчиком, вот он и концентрировал свои усилия на женщинах, так как считал, что настоящий мужчина проявляется в первую очередь в постели. Изменял он не потому, что нуждался в разных женщинах, а для постоянного самоутверждения. И причиной тому могла быть его неуверенность или даже чувство неполноценности на почве осознания своей мужской слабости. Вот он и доказывал себе обратное, – выразила свою точку зрения Лера. – А мама, судя по всему, подсказала ему способ возвыситься в своих глазах. Не удивлюсь, если он был расточительным и щедрым только из желания произвести впечатление или из упрямства.

– А я с детства запомнила, что слово «мужчина» состоит из двух частей: «муж», то есть семьянин, и «чин», то есть карьера, – вспомнила Аня.

– Всех нас учат одинаково, да только каждый науку воспринимает по-разному, – сказала Лиля и подмигнула Инне.

– Говорили мне подруги, что не будет мне счастья, если соглашусь жить рядом с матерью Федора. Объясняли, что я всегда буду для мужа на втором плане и моя жизнь станет зависеть от капризов и непорядочности свекрови. Ни уважения, ни заботы, ни ласки я никогда не увижу. И что бы я ни делала, не вытеснить мне ее из сердца мужа... «А я и не стану этого требовать. Мы будем в нем с ней наравне», – улыбалась я. Не поверила девчонкам. Думала, своей любовью докажу обратное. Глупая, доверчивая гусыня! Он ни разу не защитил меня от нападков своей матери. Мне так одиноко было одной в чужом городе...

«Бедная Эмма! Занозой сидит в ее голове свекруха. А может, любя Федора, она неосознанно перекладывает часть его вины на мать затем, чтобы ненавистью окончательно не сгубить свою любовь?» – подумала Жанна.

– Откуда девчонки знали то, что для меня стало откровением только через несколько лет совместной жизни? – неожиданно для всех опять заговорила Эмма. Она волновалась так, словно все это происходило совсем недавно. – ...Совершать низкие поступки стало

привычкой, нормой даже в интеллигентной среде. Свекрови лгут и охаивают невесток, мужа поднимают руку на жен, являются в непотребном виде перед детьми, оставляют без средств существования своих стариков, бросают неизлечимо больных детей... - перечислять тошно. Побеждать зло надо их же оружием. Особенно важно наказывать тех «больных душой» мужчин, которые бросают своих детей-калек. Скажешь, негуманно? В моем окружении только один в этом плане порядочный отец встретился.

Женщины притихли, может, мысленно «изучали» свое окружение, подсчитывали чужие потери.

- ...Когда тебе было вникать в тонкости взаимоотношений между мужчинами и женщинами, ты же дальше учебников ничего не видела. У тебя одна цель была: выучиться и защититься, - хмыкнула Инна.

Лена чувствовала, с каким трудом проворачиваются во рту Эммы жестокие слова, с каким трудом они сползают с ее языка. «Прости меня, Господи» говорили усталые, печальные глаза этой мужественной женщины, выросшей наперекор всему троих прекрасных детей и добровольно взявшей на себя заботу о четырех внуках. «Наверное, впервые раскрылась. Строгая, надежная, все вынесет, все осилит, не отступится, потому что женщина, потому что знает: терпеливый человек - сильный человек. Сколько достоинства в ее лице! И вдруг такое... всю жизнь в унижении... Как, пропустив через себя столько боли, остаться человеком?.. Это трагедия женщины, принесшей себя в жертву детям? В институте ее ценили за четкость, собранность в работе, за требовательность к себе и молодежи. Ректор шутил о ней: «Вы у нас едва ли не единственный настоящий мужчина». (Кира в письмах сообщала.) А в семье оказалась незащищенной. И все потому, что любила? Если бы не любила, была бы жестче, тверже, муж не манипулировал бы ею? На работе она, наверное, чувствовала себя счастливой», - размышляла Лена.

- Насколько я знаю, из четырех семей ближайших родственников Федора только у вас есть внуки. И только благодаря твоему ангельскому характеру. Бог сам обрывает их родословную, а ты ропщешь, - тихо, но зло сказала Инна.

- Может, верна религиозная теория о том, что за грехи родителей отвечают дети? Но это ужасно... несправедливо, - растерянно пробормотала Аня.

Лена снова отвлеклась от разговора с Милой и Галей. Эмма снова заговорила:

- ...Вот объясните мне, бестолковой, почему мужчина платит любовнице? Двум людям приятно вместе. Она замужем, он женат. Они в равных условиях. Ну, я понимаю, если она делает от него аборт или растит его ребенка - тут он обязан. А этим женщинам разве не противно, что им приплачивают, как проституткам?.. Жена мужу всю жизнь посвящает, а отношение к ней хуже некуда...

Похоже, вопрос застал женщин врасплох.

- ...Настоящая женщина - та, которая заставляет мужчину забыть об идеале. Только как это сделать, не всем дано знать, - сказала Лиля.

- Не всякого можно заставить забыть об идеале, о мечте, - заметила Рита.

- А сами они идеальны? Что-то мне такой не встретился, - зло рассмеялась Инна.

- Девочки, не в той плоскости ведете разговор. Вы на мужчин смóтрите с точки зрения своих женских понятий. А у них все много проще, - усмехнулась Лера. - В семье между мужем и женой существует некоторая моральная дистанция. Муж стесняется попросить жену делать то, что позволяет себе любовница или, допустим, проститутка. Вот от тебя, Эмма, судя по твоему рассказу, Федор уж точно бегаёт по причине недостаточной раскрепощенности в ваших отношениях.

Как-то неожиданно и на удивление резко прозвучали Лерины слова.

- Твой не бегаёт! - нервно взвилась Эмма.

- У него другие потребности, - спокойно ответила та.

- Девочки, в «мучительно сладких» темах не переходите на личности, - остановила их Алла. - Супруги должны уметь разговаривать друг с другом на любые темы, интересоваться желаниями партнера. Молчание ведет к краху отношений, к чему и стремилась мать Федора, прекрасно зная это немудреное, но такое важное правило построения крепкой семьи. Мы, женщины, должны стараться, чтобы общение было тактичным, тонким, чтобы мужчина не позволял себе пошлости, грубости. И при всем при том не стоит бояться расширения диапазона откровенности.

- Детей мы сами воспитываем, а мужа и свекрови нам достаются готовенькими, поэтому «поставить их на место» гораздо труднее, - вздохнула Лиля, припоминая свои «вариации» на эту тему.

«Доминирующая нота сегодняшней встречи - траур по несбывшимся мечтам, - сделала печальный вывод Лена. - Поговорить по душам можно один на один, а тут... душевный стриптиз».

«Микроб откровения сегодня посетил мою квартиру! - удивилась Кира. - Я была наперсницей всех девчонок на курсе, знала все их тайны... хотя некоторые из них лучше бы не знать, а иные воспоминания лучше не трогать. Но обычно это происходило с глазу на глаз... Видно, теперь в своих выводах надо делать поправки на возраст, на редкость и краткость встреч».

- ...Не принимай свою свекровь близко к сердцу. Не стоит она того. Смири гордыню, без гнева прости ее. Прошлое принимай простодушно. «Идя через болото, ступай, где твердо»... Вспомни философскую картину великого Рембрандта «Возвращение блудного сына». В ней он поднял вопрос греха и милосердия. Сын ушел из дому, истратил весь запас своих средств и сил, но когда вернулся, отец простил его.

- Всё-то ты в одну кучу валишь, Жанна. Не пудри мне мозги. Я еще не выжила из ума, чтобы не понять, что в картине сын по недомыслию испортил свою жизнь, и осознал это, только оставшись ни с чем, испытал массу страданий. Простить мне свекровь за то, что она умышленно воспитывала сына подонком, издевалась надо мной, требовала избавиться от ребенка... и за многое другое? И это при том, что она до сих пор настроена далеко не благодушно и совершенно не раскаивается в своих деяниях? За оскорбление и унижение человеческого достоинства надо наказывать! И до тех пор, пока мы этого не поймем, в наших семьях будет процветать жестокость и насилие. Своим безразличием я с лихвой отплачу свекрови за ее издевательства. И пусть теперь не берегает для меня самые сильные «эпитеты». Они не дойдут до меня.

- Ты в опасном плену у заблуждений. Спасать тебе себя надо от ненависти, иначе душу погубишь, - осторожно сказала Жанна. - Добро - это прежде всего прощение, помощь, умение видеть в людях хорошее. Смилоствись. Зло надо останавливать. Пусть эта цепочка зла прервется на тебе. Это как дедовщина в армии. Меня били, и я буду бить.

- Это разные вещи. Я безразличием наказываю свою обидчицу. И ненависть тут ни при чем, это праведный гнев. Нельзя потворствовать злу и тем способствовать его распространению. Я свою невестку не обижаю и с зятьями дружу.

- Милосердие выше справедливости.

- Тебя бы с твоим благонаравием в мой котел. Посмотрела бы я, как ты запела бы... Наверное, сразу бы вспомнила все подводные чисто русские изречения - маты. Тебе легко говорить, выглядывая из-за пазухи заботливого мужа. Не по плечу тебе задача такой тяжести... - резко вспыхнула Эмма и добавила:

- Я могла бы смириться с ее агрессией, но только не с ложью и подлостью.

«Только ее страдания подлинны, а страдание других не в счет. Вот оно, высокомерие несчастливых, обиженных мужьями. Ненависть обычно небескорыстна. Может, и у них там было сомнительное, даже грязное дело? Что-нибудь с наследством... С чего бы ей пытаться умасливать свекровь?» - насупилась Жанна. Но внутри нее что-то стало комом

и не позволяло дальше развивать обидчивые предположения. Она только тихо недовольно пробурчала: «Быстро перечеркнула нашу студенческую дружбу».

- Девочки, девочки, хватит бодаться. Мы же договаривались с вами убирать, вымарывать из речи грубые выражения, - обеспокоилась Аня.

Но ее слова потонули в общем гуле разговоров, их просто не заметили. Не до церемониальных взаимных поклонов было в пылу воспоминания обид.

- ...Многое я прощала Федору, но вот чего я никогда не забуду и не прощу, так это один случай с дочерью. Замуж Лиза выходила. Ее будущий муж внимательно приглядывался к взаимоотношениям в нашей семье (мой муж тогда по просьбе Лизоньки играл роль примерного папочки), будто учился или примеривался, что можно позволять с женой, а чего нельзя. И вдруг слышу из кухни, как Федор говорит снисходительно-пренебрежительно про нашу дочь зятю: «Что с нее взять? Одно слово - женщина!»

Я взбеленилась, чуть по физиономии мужу не съездила. Хотелось всю дурь из него вытрясти... Но взяла себя в руки и потребовала выслушать меня. «Ты хоть иногда задумывайся над тем, что говоришь! - прошипела я. - Этой фразой ты сегодня дал зятю разрешение неуважать твою дочь, делать с ней все что угодно. Ты испортил дочери жизнь. Я с тобой радости не видела, и ее ты обрек на такое же «счастье». Гордись своей глупостью!» А с него как с гуся вода. И ухом не повел! Не дошло... Он не умел слушать других, потому что был слишком уверен в своем мнении. Он во всем самый-самый... даже когда нос сует в приготовление еды.

- И что дальше? - спросила Аня.

- Развелась дочь через три года. Очень страдала, первое время чувствовала себя неполноценной, неудачницей. Потом поняла, что бывший муж ее недостойн. Он не мог, как и ее отец, оценить ни добра, ни заботы. И у младшей дочки есть трудности.

«Свои дети всегда правы», - подумала Инна.

- Иногда проблемы не стоит решать, если их можно обойти, - сказала Лера. - А у сына как дела?

- Нормально. Он руководитель небольшой фирмы. Пока процветает, а дальше что Бог даст. Мы любим друг друга, но часто спорим. Иногда приходится объяснять ему самые простые вещи. Только в отличие от отца, он задумывается над моими словами. Как-то ругаться в доме при мне начал. Я ему говорю, мол, когда произносишь матерные слова, ты выказываешь неуважение не только ко мне, но прежде всего к себе. Ты даешь понять самому себе, что слаб, не можешь сдержаться. А если просто не хочешь держать себя в руках, это еще хуже. Значит, ты жестокосерден, не жалеешь моих чувств.

А раз даже поссорились. Помирились, конечно, но осадок остался... Уехал Федор без нас с друзьями. Погода как назло была чудная. Он на природе, а я с внуками в городе, в жарнице-пыльце. Конечно, обиделась. Я без него с учетом любых обстоятельств одна никогда никуда надолго не отлучалась... А сынок тут как тут со своим советом: мол, если не можешь изменить ситуацию, меняй отношение к ней. Ну, я и завелась. Говорю ему: «Нет чтобы сказать отцу - задумайся над своим поведением, а ты... Он гадко ведет себя в семье, а я должна что-то в себе менять, чтобы спокойно смотреть на подобные факты? А почему бы ему не измениться, не стать добрее, порядочнее? Если всегда защищать подлецов, мир никогда не станет лучше».

Тут он занервничал, голос повысил. Я вздохнула и говорю: «Тебя убило, что мать из кожи лезла, чтобы накормить семью, а твой папочка в трудные годы начала перестройки оплачивал обучение дочери своей любовницы, этой хитрой шлюшки. Тебя до крови в сердце задело, что он променял тебя на чужого ребенка...»

- Так она не шлюха, а проститутка! - непрекаемо заявила Инна.

- Зря, конечно, напомнила. Не сдержалась. Закричала: «А ты, я знаю, простил его!..» А в семье своих детей я не лезу. Мне же не нравилось, как перекраивали и коверкали мою собственную. Дети сами выбрали себе дорогу, спутника жизни. Если просили совета - советовала, просили помощи - помогала.

Эмма устало откинулась на спинку дивана.

- ...Подруга говорила: «Если тебя муж не любит, люби себя». Не получалось. Не приучена о себе думать. Я даже когда разлюбила Федора, продолжала с ним нянчиться. Сходила с ума от раздвоения, от эмоционального опустошения и обиды, а все равно не могла, чтобы не накормить, не погладить его костюм. Правда, без прежнего энтузиазма... Была головокружительная любовь, теперь осталась болезненная привязанность. Я так и не сумела разорвать порочный круг...

Просто я постепенно стала отвоевывать себе право иметь свободное время и возможность распоряжаться им по своему усмотрению. Мне не надо было задумываться, чем бы я хотела заняться на досуге. Я всегда мечтала научиться профессионально шить самые современные, красивые вещи, но не могла себе этого позволить и тем обворовывала себя. Я даже не осмеливалась на это претендовать, меня терзало угрызение совести, мол, я могла бы потратить это время на мужа. Он меня в чувствах обворовывал, даря себя другим, я себя - еще и в хобби. Одни минусы... Но позволила я себе осуществить это увлечение много лет спустя, уже после болезни.

И в словах я стала более жесткой, не щажу, как раньше, его самолюбия. Как-то он, собственно, как всегда и везде, разошелся в излишнем внимании к одной женщине. А я ему говорю: «Обрати внимание, как ведут себя другие мужчины: степенно, с чувством собственного достоинства или скромно, сдержанно. А ты напоминаешь мне кобелька в поисках очередной сучки. Обнюхиваешь всех женщин подряд, под хвосты... то бишь в глаза заглядываешь, заигрываешь, вьюном крутишься, чтобы привлечь к себе внимание... И вроде бы умным считаешься. Да, видно, ум и воспитанность у тебя в разных файлах лежат. Представь себе, что я так же стала вести себя с мужчинами. Наверное, сказал бы, что я чокнулась от переизбытка гормонов».

Разговаривая с Жанной, Эмма перешла на тихий шепот:

- ...Еще обидно... получалось, в начале перестройки, когда у нас были большие материальные трудности, Федор, как говорится, пас чужую корову в нашем огороде... Муж этой проститутки зарабатывал большие деньги, но ей всё было мало. Ей надо было еще ошипывать таких «умников», как мой Федор. Один звоночек сделает - она была из тех, кто в то время начальствовал - и половину заработанного Федором себе забирает. Наверняка не одного его грабила. Видно, чувствовала глубочайшее удовольствие от своей власти над мужчинами. А внешне ни кожи, ни рожи. И чем только брала? Хитростью, наглостью, лестью? Наверное, всем сразу. На лицо я была не из последних, и фигура как у артистки Гурченко. Талия сорок пять. Ноги, правда, могли быть и длиннее, но каблук делала свое дело. В сорок лет, как девчонка, стройна. Больше двадцати пяти не давали. Косметики ни грамма, свои краски не поблекли. Я на юбилей себе впервые помаду купила.

Инна взглянула на Лену, на ее усталые, отяжелевшие плечи, на руки, неподвижно лежащие на подлокотниках кресла. И ей вдруг вспомнилась университетская база отдыха, совместные танцы детей и взрослых. Им с Леной по сорок пять. Они еще худенькие, стройные и подвижные, как девчонки. В гости из соседнего лагеря пришли преподаватели технологического института. Была прекрасная дружеская атмосфера. Веселились от души. Еще не было перестройки.

На следующий день, просматривая видеокadres, один преподаватель спросил у Лены: «Вы в детстве занимались балетом?» «Почему вы так думаете?» - удивилась она. «Вы прекрасно двигаетесь, пожалуй, лучше всех из нашей компании. У вас какая-то особенная, неподражаемая грация», - ответил гость. «Ну, если считать перетаскивание на плечах мешков с зерном, с картошкой или с цементом в течение нескольких лет хорошей балетной тренировкой, то «да», - рассмеялась Лена. «Тяжелая работа не испортила то, что заложила в вас природа!» - сказал профессор потрясенно. Лена была искренне удивлена и смущена такой оценкой ее внешних данных. Помнится, пошутила: «А что я еще лет так через десять услышу!» В ее голосе звучала самоирония.

Эмма заговорила еще тише:

- ...А как-то ее увидела. Не знала, что это она... та самая, на которую вдруг запал Федор,

- я боялась на нее нечаянно наткнуться: кто бы знал, как я болезненно самолюбива! - но почему-то обратила внимание на эту женщину. На вид совсем старушка лет за шестьдесят. Шла, подавшись вперед, точно привыкла опираться на клюку. Тонкие ступни ног все время выворачивались наружу из туфель на низком толстом каблуке. Живот как у женщины на восьмом месяце. Пальцы на руках красные, тонкие, как крючки. (С собой невольно сравнивала, хотя не знала, что мы ровесницы.) Глаза цепкие, острые, хищные. Я еще подумала тогда, что в молодости она, наверное, если кого зацепляла, то уже не выпускала из своих коготков. Такая ни перед чем не остановится... И она на секунду блеснула в мою сторону жадным любопытствующим взглядом... Наверное, знала, кто я. Эта женщина выглядела лет на двадцать старше моего мужа. Мне и в голову не могло прийти, что он с этой старухой...

- У меня есть знакомая. Внешние данные ниже среднего. Но она постоянно говорит, какая она умная и красивая. Держится уверенно, будто и правда она самая-самая. И все привыкают к ее словам... Видно, та женщина расхваливала себя, а твой Федор верил ей, как верил своей матери, - предположила Жанна.

- Как ей это удавалось?

- Возможно, она сначала хвалила его, а потом себя.

Эмма на миг засомневалась, стоит ли продолжать разговор, и все же решилась.

- Это была самая длительная связь Федора. Хочешь - верь, хочешь - не верь, и с ней он валандался, не забывая о других... Не он, она его выбрала и увлекла. Сам бы он не решился. Зазвала его домой будто бы срочные бумаги подписать, напоила и в постель затащила. Именно она обучила его тонкостям лжи и манипуляциям с людьми. И что самое обидное, мой муж защищал ее, когда я обзывала ее словами, которых она заслуживала, называл ее порядочной женщиной. «С каких это пор гулять при живом муже считается порядочностью? - спрашивала я. - Где же твоя логика?» Но доказывать элементарные вещи человеку, находящемуся под гипнозом, бесполезно... Раз он кидался на ее защиту, значит, она или память о ней дорога ему.

- И до сих пор защищает?

- Теперь поостыл.

- Такие хлысты и черта, и ведьму готовы причислить к лику святых, лишь бы получить хвалу либо телесные удовольствия.

- Он получал комплименты - то, что его больше всего возбуждало, она - деньги, и оба были довольны. Она сама добивалась его, сама поддерживала эту связь, если она слабела. Изводила мою семью телефонными звонками. Женщины всегда сами завоевывали его, командовали им... Даже когда муж и жена любят друг друга, ежедневное бытовое общение - большое испытание. Не всем оно по силам. А если нет привязанности, стремления к разумному...

- Может, она обаятельная?

- О чем ты говоришь! Лстивая, скользкая, навязчивая, хитрая.

- Важны даже не сами поступки, а истинные намерения, то, ради чего они совершаются, - начала было Аня.

- А ты, Эммочка, тоже залучила бы себе приличного мужичка, - прервав Аню, дерзко посоветовала Инна и тем самым не дала развиваться ее, как она считала, примитивным философствованиям.

Эмма сделала вид, что не вникла в прямой намек. Поняла, конечно, и подумала: «Это Федор может с легкостью переходить границы условностей брака».

- Видно, когда-то твой муж сделал открытие, что представляет некоторую материальную привлекательность для женщин, и понял, что жена не является для него всем на свете. Потом возомнил себя чуть ли не секс-машиной или чем-то близким к этому понятию, и покатило. Он ведь воспринимал комплименты женщин слишком серьезно и буквально? - предположила Лера.

- Увлекаясь очередной пассивной, он вновь обрстал панцирем цинизма и черствости к семье, ничего не видел, не слышал и не понимал, кроме своих желаний. Ему было безразлично, что он больно ранит мое сердце. А я только удивлялась: «Какой же надо быть сволочью, чтобы, изменяя на стороне, дома вести себя с близкими как тиран. С какими бессовестными лживыми глазами можно принимать заботу о себе, да еще и привередничать? Вся его жизнь – сплошная ложь и полное подчинение своим страстям. Он так и не понял, что ничего дороже семьи для порядочного человека нет. И чего бы он ни достигал в своей жизни, все это прежде всего для семьи и во имя семьи... Разве ему понять, что человек счастлив, когда ему хочется отдавать без причины. Он же общался с другими...

- Да уж, не обременен Федор сильно выраженным чувством вины перед тобой. А бессознательное покаяние немногого стоит. Романы он тоже заканчивал без особых угрызений совести? Ха! Какая может быть совесть, когда сперма на глаза давит, – расхохоталась Инна.

- Городок наш небольшой, всего около ста тысяч жителей. Сплетни быстро разлетаются... Знаешь, как это – ходить с опущенной от стыда головой... Как-то случилось мне оказаться возле дома той любовницы. Федор тогда уже развязался с ней. Разговариваю я со своей знакомой о нынешних начальниках и вдруг слышу, рядом неприметный на вид мужчина рассказывает, как что-то чинил в ее квартире. С такой неожиданно кокетливой, хитрой улыбочкой это преподносил! И физиономия у него при этом была такая довольная. Осторожные, но скабрзные намеки делал... А недавно я услышала, что родственница осмелилась упрекнуть ее в поведении, не соответствующем возрасту, так она объявила ее сумасшедшей и отобрала дочку. Связи у нее... Жестокая женщина.

- Зачем ей девочка?

- Старость ее холить. Домработницей при ней служить. Она же о себе в первую очередь думает, – предположила Лиля.

- Может, врут люди. Но я не удивлюсь, если это правда, – неуверенно сказала Эмма и снова заговорила о самом для себя больном:

- Обычно, я слышала, если мужья ходят на сторону, то, чувствуя свою вину, они как-то пытаются ее загладить подарками, заботой. Может, поэтому я долго не верила в его измены. Мой муж и тут оказался «уникальным». Не задыхался в железных тисках совести. Полноводная река нашего семейного благополучия оказалась давно пересохшим ручьем, – горько усмехнулась Эмма. – «Жизнь – это сон. Нас убивает пробуждение». Так сказала Вирджиния Вульф. Не помню, что она под этим имела в виду, но мою жизнь эти слова характеризуют как нельзя точно.

Помню, в детстве меня до глубины души потряс рассказ «Старуха». В нем говорилось о простой женщине, которая всю жизнь отдавала работе и заботе о семье. Муж не замечал, не ценил ее. Он не видел, как росли их дети, сколько сил и здоровья жена вкладывала в их скромный быт. Когда она умерла, он снова женился и теперь уже сам заботился, по сути дела, о чужой больной женщине. Я до боли в сердце сочувствовала первой жене. Я рыдала и думала: «Бедная! Что хорошего видела она в жизни? Неужели бывают такие мужчины?»

«Попурри все на ту же тему, что и у предыдущих ораторов, – вздохнула Лена. – Почему я очень редко раскрываюсь? Наверное, не желаю навлекать на себя долговые обязательства взаимных откровений».

- Поражаюсь, в каких муках ты принуждала себя жить! Ведь не пятнадцатый век, – покачала головой Жанна. – Откуда здесь взяться платоновскому спокойствию и сократовской мудрости?

- Даже со своей болезненной щепетильностью я не нашла в себе сил оставить мужа... Знаешь, я очень часто слышала, как он будто бы вслух думал. Скажешь, странно? Нет. Я консультировалась. Это результат обостренного восприятия объекта при постоянном стрессовом состоянии. Иногда, когда я совсем не думала о нем, в моем мозгу неожиданно проносились мысли-предупреждения о том, что он идет не на работу. И они всегда подтверждались. От постоянной вынужденной «тренировки» чутье у меня

развились, как принято говорить, до степени абсолютного слуха.

- Тонкая натура, - определила Жанна.

- И теперь не потеряла бдительности? - окончательно добила Эмму Инна.

- Шутки в сторону! - обиделась Эмма. - Я читала, что наш мозг может излучать информацию, а некоторым людям дано ее воспринимать.

- Ну-ну, - недоверчиво хмыкнула Инна

- ...Федору Всевышний определит местом страданий самые что ни на есть задворки ада, - сказала Аня.

- Если такая беда с одним человеком - это трагедия, а если с тысячами, то это уже статистика, - горько усмехнулась Лера.

- Серьезные разночтения! - прокомментировала их слова Инна.

- ...Помню, Федор сказал восхищенно: «Как она любит свое имя!» «О, этот ореол непоколебимой уверенности в себе!.. Себя она больше всех любит. И ты такой же. Вы нашли друг друга, как рыбак рыбака... У нее дочь непутевой растет, а ей дела до этого мало. Знает, что на чужие деньги ее выучит. На бесплатном ей не потянуть», - ответила я брезгливо.

- На самом деле оплачивал?..

- А свои дети на скромном пайке?

- Сволота.

- А потом такие вот б... своих отпрысков-недоучек ставят командовать нами, - зло бросила Мила.

Женщины заговорили о чем-то другом, но Эмму уже невозможно было унять.

- ...Была бы я занудной, вредной, требовательной. Так нет же, все Федя, Феденька, милый, дорогой. И все заботы на мне. Я не считала его лучшим на всем белом свете, но я любила его, старалась, боялась его разочаровать. Если любишь и любима - быт не в тягость, думала я, искренне веря в свое счастье. А он все делал, только чтобы угодить матери и сделать приятное себе. И счастье отцовства ему так и не открылось. Дети не затронули ни одной струны его души. Друг детства Федора, побывав у нас в гостях, неодобрительно заметил, что мужчина должен иметь помимо работы определенные обязанности в семье, а я защитила мужа, мол, хороший он у меня...

- И застряла твоя жизнь на кухне, как таракан за плитусом, - пошутила Жанна.

Эмма сразу обернулась к ней и возбужденно зашептала:

- Я вот думала: «Может, в постели та лучше?.. Он хотел изощренности?» Была в нашем доме семья. Он - внешне неяркий, правда, высокий. Она - красавица, умница, ласковая. Сынок у них прекрасный. Так этот мужчина еще до армии познал одну проститутку. А когда его сыну было десять лет, они опять встретились, и он оставил семью. Там все ясно - секс для него был превыше всего. А тут... не думаю. Хвалиться мужу особенно нечем было, но я хвалила. Не знаю, верил ли он мне. Наверное, верил, как и другим... Я всякое пробовала. Не вытравить в нем этого... Видно, когда-то сбросил с себя совесть как одежду и забыл надеть. Насколько я поняла из пьяных излияний мужа, он у нее и у тех... очень старался, боялся опозориться. Жена-то все простит.

- На том свете терпение твое зачтется, - усмехнулась Инна.

«Что же она о муже с такой злой иронией?.. Рана свежая? Наверное, думает: я сейчас здесь, а он там с другой... может, даже в нашей постели... ведь не цадил же ее, даже когда в больнице лежала». - Жанна вся сжалась как от острой боли.

- Может, обойдемся без подробностей? - тихо попросила Лена. Но Эмма не услышала ее замечания.

- ...Остается лесть. Ею она опутала его из-за денег? И всё?? «Не может быть!» - успокаивала я себя и сама себе не верила... Случалось, искала мужа, чтобы убедиться в и так очевидном. Пыталась смотреть на его свидания сквозь пальцы. Не получалось... Если бы это что-то меняло в сердце... Весь мир утратил для меня интерес. Это глупо, но это так. Я не могла переломить себя, была точно в оцепенении... Я столько времени и сил потратила на обиды, растравливая себя... Когда я не была такой несчастной, он не вызывал у меня неприязни, несмотря на все недостатки, мне хотелось его видеть, заботиться.

Для совестливого человека такие отношения - на два фронта - пытка, а ему хоть бы что. Есть ли предел человеческой подлости? Сколько раз он переходил рубикон за годы нашей совместной жизни, а мне приходилось прощать его снова и снова. Говорят, в жизни за все приходится платить. Да, видно, не всем. Бывают счастливичики, вроде моей свекрови и ее сына... Все им с рук сходит.

«Студенты, наверное, считали ее уверенной и счастливой, - почему-то подумалось Лене. - Как же она, бедная, извелась-измучилась! И не придумаешь, чем можно вывести ее из этого губительного состояния».

- Наверное, когда он ухаживал за тобой, воображала: «вот мой джокер в кармане, вот моя выигрышная карта!» - усмехнулась Инна.

- Просвистело мимо меня мое счастье. Каждой женщине не хочется уступать своего мужа, ни с кем не делить... Но я для него - пустое место. Смотрит сквозь меня. А для души нет ничего страшнее холода безразличия. Шахматист Бобби Фишер сказал удивительно правильные слова: «Нет ничего целительнее прикосновений любимого и любящего человека». Не гарантирую точности воспроизведения, но суть я изложила верно. Предложили бы мне дворец, яхту, бриллианты - я все равно выбрала бы любовь, уважение, нежность. Есть вещи, которые не купишь... Если богатая женщина имеет молодого мужчину, она его не любит, а упивается властью над ним. И наоборот. Мне так кажется.

«Обрушила на нас свои тридцать два несчастья, всколыхнула у всех свои беды», - поежилась Галя.

«Никогда не слышала, чтобы женщина настолько откровенно говорила о сексуальных отношениях. Я восхищаюсь ее прямоотой. Она - настоящая. Ее поведение - «очередной «крестовый поход» в защиту прав женщин в семье», - подумала Аня.

«Когда Эмма говорит, в ней столько тоскливо-беззащитного. Ей больно, очень больно...» Сердце Лены защемило. Ей захотелось, как когда-то в детстве, убежать далеко-далеко.

- ...Любовниц предпочитают женам, потому что там праздник, а дома будни. За праздник они готовы платить любую цену. Ты на кухне часами ради него торчала, а она ему в это время стихи по телефону читала, расслабляла его плоть до состояния экстаза, - выразила свой четкий взгляд на проблему Инна.

- Эмма, мне кажется, что вы оба из разряда тех, которым надо, чтобы их развлекали. Поэтому вам вместе было скучно, - осторожно предположила Аня.

- Почему та женщина не отняла у тебя Федора и не вышла за него замуж? - Это Жанна спросила.

- А что она выгадывала? Ей от него деньги нужны были. Понимала, что в семейной жизни с Федором ей ничего хорошего не светит. Своего-то мужа она по полной программе в домашних делах припахивала: кухня, дача, огород, ремонт машины - все на нем. А на моем не больно-то покатаешься. Полезней обоих мужиков одновременно использовать. Не удивлюсь, если их было больше... Да и Федор не дурак был, чтобы из-за какой-то шлюшки семью бросать. Он был просто слишком слаб, чтобы хранить верность. Собственно, как и она. Ее знакомые «делились» со мной достоверными сведениями о

том, как она прокладывала себе путь наверх...

- Сколько можно терпеть и балансировать между невозможным и чуть менее невозможным?

- А может, твой муж тоже из-за денег? Ведь у него не ладилось с бизнесом, и ему, наверное, было неловко перед семьей. Я знаю такие примеры.

- Блуд у Федора генетически обусловленный, он у него в крови, - определила исходя из собственного опыта Инна.

- И все-то ты знаешь, - усмехнулась Лера.

- Я слышала, что мужчина должен быть сильным, чтобы его уважали, и слабым, чтобы его любили. Вот ты и любила его таким, - неуверенно предположила Аня.

- Нет, я ненавидела его слабым! - непримиримо воскликнула Эмма. - Неправда, что женщина любит мужчину за то, что он делает ей больно. Это гадкие выдумки самих мужчин. Как правило, жены любят сильней, поэтому, доставляя нам боль, мужья тут же оправдывают себя, мол, так устроена природа, против нее не попрешь. А при чем здесь природа? Просто жены в силу своих материнских обязанностей менее эгоистичны. И им же за свою доброту приходится страдать от недостатка внимания и заботы со стороны мужей. Такой вот парадокс... И даже если мы прячемся или бежим от проблем, они все равно тянутся за нами хвостом... Нет, не стоит ради мужей лезть из кожи вон!

- Хватит трепыхаться. Бессмысленно так себя терзать. Перестань оплакивать свою жизнь. Все мы по жизни совершаем массу ошибок. Все мы умны задним числом. Надо быть к себе снисходительнее. - Это Жанна снова «запела свои псалмы».

- Только я свои ошибки старалась исправлять. Вот в чем разница между мной и Федором. Он был слишком чувствителен к ощущению власти и мои просьбы в чем-то измениться воспринимал как попытку его подчинения. Боже мой, Боже праведный! Как часто мне хотелось петь ему песню Арно Бабаджаняна на слова Роберта Рождественского «Только ты живи, радостно живи!» Но из всех щелей моего дома выползали измены, жестокость, безразличие... И тогда думалось: есть ли на свете настоящие мужчины или они только в наших мечтах и в песнях, написанных прекрасными мужчинами с женской душой? Дай, Господи, хоть кому-то из достойных женщин испытать такое счастье, какое я слышу в этой удивительной песне... Иначе вообще не стоит жить...

- Малоутешительное откровение. С возрастом понимаешь, что жизнь по сути своей трагична, но в ней бывают приятные оазисы, особенно в молодости... Ох уж я бы придумала, чем досадить твоему Федору, уж я бы с ним поквиталась! - возбужденно сказала Инна. - Зря ты раньше не отважилась поделиться своей бедой. А то все: Федя любит, Федя хочет! Ось земли, черт возьми!

- Не все так просто, как кажется. Я помню его подкупающий взгляд, ради которого можно простить многие обиды, - задумчиво заметила Кира.

- Как в нашей жизни все несправедливо. Хотелось бы услышать что-то обнадеживающее, - уныло и потерянно вздохнула Аня. И вдруг заметила, что веки Инны густо намазаны тенями в тон блузке и это ей удивительно шло. Казалось бы, мелкий штрих, но он увел мысли Ани в сторону размышлений о женской красоте и отвлек от грустного разговора.

- Мой четвертый, тот, которого я привезла с юга, шутил: «Отношения - это манипуляции друг другом и соблазны, которые достаточно быстро лишают нас свободы», - рассмеялась Инна.

- Где взять справедливость? Ее надо выстраивать веками, - деликатно начала было Жанна, но шум спора Лили с Инной не дал ей попытаться проанализировать серьезную проблему.

«Эмма, бедняжка... Но мне бы не хотелось делать свою жизнь всеобщим достоянием», - подумалось Лене.

- Мы-то детдомовские, а как ты могла опростоволоситься с Федором? Как могла позволить уговорить, обмануть себя? Куда твоя мама смотрела?

- Это было как наваждение. И я сначала для него была как мания. Он сказал: «Как увидел твои глаза, сразу понял – пропал»... Может, он уже тогда всем одно и то же говорил... Когда влюбляемся, много ли мы слушаем родителей? – усмехнулась Эмма. – ... Боже мой, как я его любила! Только что не молилась на него. Всё для него готова была делать. А он подло пользовался этим...

- ...Разве Федор не ушел от вас? – деловито и заинтересованно осведомилась Инна. Ей показалось, что Эмма ждет этого вопроса.

- От таких жен не уходят. Его слова, – с гордым вызовом ответила та.

- Почему сама не оставила его, узнав о предательстве? – спросила Жанна.

- А зачем она должна себя наказывать за то, что делал он? – возмутилась Инна.

- А почему она должна мириться с изменами? – рассердилась Жанна.

- А ты сама сообрази.

- Сначала я терпела в меру отпущенных мне сил и старалась не показывать виду, потому что считала, какие бы неурядицы ни случались в семье, на детей это не должно отражаться. Плакала ночами тихо, сдержанно, горю воли не давала, на замок сердце при детях запирала, считалась с их нежной психикой. А когда они узнали, то ради сына. Дочери были за развод. Дважды я пыталась уйти, но сынок говорил: «Мне нужен отец. Потерпи, переберется». И я соглашалась, очень рассчитывая на его поддержку.

А Федор продолжал развлекаться и нагло издеваться надо мной. Я же с грехом пополам проглатывала одну его горькую пилюлю за другой... Внешне я была как сомнамбула, а в сердце плач всё громче и отчаяннее... И все-таки именно нарастание болезни вывело меня из состояния заторможенности, подхлестнуло, заставило взяться за ум.

«Эмма привыкла подавлять свои чувства. Но если вдруг вскипит или вспыхнет, «то берегись вся окрестная милиция», – с улыбкой подумала о сокурснице Лена.

- В характере русской женщины наряду с терпением неприкасаемость... А когда тяжело, неизлечимо заболела, куда уж было уходить? Диабет – нешуточное дело... Вот ты, Алла, говоришь, что в семье супруги шлифуют и оттачивают чувства. Уж не знаю, что мой муж шлифовал... – зло добавила Эмма. – Я с тридцати пяти лет на полном «самообслуживании», а Федор после шестидесяти обо мне вдруг вспомнил, когда уже вовсе ни на что не был способен, да еще обижался, непонимающе смотрел на меня, когда я отказывалась делить с ним постель и презрительно бросала: «Бегу, спотыкаюсь...» Он был противен мне в своей убого-ущербной похотливости.

- В женской мудрости много печали, – промолвила Лена.

- И это называется, сумела победить обстоятельства? Но какой ценой! – возмутилась Инна.

- Помню наши диспуты с Федором. «Ты презираешь меня с высоты своей добродетели? Меня ни молчанием, ни слезами, ни болячками не проймешь».

«А ты торжествуешь, упиваешься своей властью над больным человеком? Такова твоя система ценностей?..»

«Тошнотворно, противно...», – заерзала на стуле Лера, намереваясь выйти в коридор.

«Бедная, прошла все мыслимые и немыслимые испытания на верность, на прочность и терпение. Неожиданная, обнаженная откровенность – результат болезни. Понять Эмму можно...» – подумала Лена.

- Ты Федора ненавидела?

- Нет. С ненавистью долго не проживешь. Презирала... Я уверена: он не будет вспоминать обо мне с грустью или тоской, как и его мать о своем муже. Мы для них –

отработанный материал.

В комнате стояла напряженная тишина. Лена испуганно смотрела на бледное лицо Эммы, на ее дрожащий подбородок. Она боялась нервного срыва. «Как хорошо, что я была избавлена от длительного горького опыта ревности», – думала она.

А Эмма вдруг Галиного мужа вспомнила. «А ведь он тоже мучился, с ума сходил. На «сходке», будучи нетрезвым, как-то пожаловался, мол, чего только не передумаешь... кажется, убить готов, растерзать, в пепел превратить и развеять. Но как до дела... не можешь. Оказывается, это трудно... А утром ночные бредни спадают... встаешь и опять на работу идешь... и будто живешь... Но все равно никак нельзя, чтобы оружие было где-то рядом. А вдруг минутное затмение и – вся жизнь напополам...

Но Галка не виновата в мнительности своего мужа. Он культивирует в себе ревность, а она страдает. Пусть не распускается, в руках себя держит... А я разве виновата в слабости Федора?.. Помню, Галя внушала своему сыну Игорьку, чтобы никогда не верил сплетням, мол, их выдумывают люди, заинтересованные в крахе твоей личной жизни или бизнеса, мол, это происки недоброжелателей; составляй собственное мнение о людях, тогда будешь успешен и здоров».

– В нашем доме сейчас пять вдовых мужчин живут одиночками. А один, шестой, привел себе молодуху, так она его быстро «прибрала» на кладбище и квартиру захапала для своего внука, – тихо, чтобы не слышала Эмма, на ухо Жанне сказала Лиля.

Та ей также тихо ответила:

– Я заметила, если мужчина женится во второй раз и у него в этой семье нет детей, то новая жена не очень-то жалеет своего мужа. Первая жалеет прежде всего как отца своих детей. А если мужчина женится, будучи в возрасте, то уж явно кроме денег от него ей ничего не надо.

– Сомнительное заявление, – не согласилась с ней Лиля.

– Федор считал позором уходить из семьи, а жить непорядочно – нормальным, но не мог дать обоснование своим прихотям. Мама поощряла, значит, все хорошо. Он так и остался на всю жизнь ее капризным ребенком. Нельзя матерям прощать такое воспитание. Сам не умел любить и не верил в мою любовь, воспринимал ее как женскую слабость. Отсюда и разочарования. Жили, не понимая друг друга, будто говорящие на разных языках. Ни нежности, ни ласки... ни для души, ни для плоти. Не обрела я с ним, как говорится, «ни неба, ни земли обетованной». И отцом не был образцовым. Ни потискать, ни поиграть, ни посмеяться вместе с детьми, ни поговорить по душам, ни тем более научить чему-либо. С нашей собакой был нежнее. Занят был исключительно только собой. Может, и правы современные ученые, что игрек-хромосомы деградируют и погибают в восемь раз быстрее, чем икс. Вымирают настоящие мужчины, – вздохнула Эмма. Она никак не могла успокоиться и перекрыть клапан потока горьких излияний.

– Ученые исследовали наличие гена стыда? Слышала звон, но не знаешь, где он, – не поверила Лиля.

– Покаяние к твоему мужу может прийти только в случае полного мужского бессилия. И то сомневаюсь. Ведь он гордится тем, что делал? – дерзко и воинственно спросила Инна.
– Убивать таких гадов надо, чтобы и не плодились, – зло и решительно добавила она.

– Я мечтала, что моя семья будет зоной чистоты и порядочности, что в ней все будут разговаривать тихими спокойными голосами ласково и уважительно. Ведь муж вырос в маленьком городке, где в глаза осуждали пьющих, дерущихся, где по-соседски, дружески, без стеснения журили и детей, и взрослых... – как-то не очень логично попыталась увести разговор в теоретическую плоскость Эмма.

И снова о больном, только очень тихо, чтобы слышали только двое:

– Мне казалось, что все проблемы в семье можно решить доброй беседой за круглым столом. Этот способ я считала беспроегрышным, – призналась она. – Бывало, требует увеличить число дней без предохранения, а я объясняю, что уже раз рискнули и чем все закончилось? «Тебе несколько минут удовольствия, а я опять стану страдать рвотой,

головокружением. Потом через два месяца в больницу на истязание... Ты вон палец порежешь, так стонов на три дня. А меня без сознания поволокут после операции, кровищи немерено потеряю. Слишком неравноценные ставки». Так не понимал, на дыбы вставал. В чем-в чем, но тут я не уступала... Так до оскорблений и угроз опускался.

Женщины потупили глаза, страдальчески морщась. О чем они думают? «Зачем Эмма так... слишком обнаженно... это же слишком личное... неловко как-то... Будто в состоянии половинчатости...» Или свою боль вспоминают?

- А мне мой бывший после развода врать начинал в глаза, мол, ничего подобного не было, ты сама всех этих женщин выдумала, - с печальным недоумением отозвалась Рита. И это тоже прозвучало как-то не очень уместно и неловко. «Лучше бы мне не вмешиваться в разговор», - подумала она, сердито мотнула головой и раздраженно уставилась в неизменную картину противоположного дома.

- Иногда думаю: «Может, уйди я от него, все упростилось бы?.. Нет. Дети чувствовали бы себя обделенными, а благодаря мне они успели повзрослеть без стрессов... Знать всегда больше, чем не знать».

Эмма замолчала, будто что-то припоминая или выбирая из вороха событий.

Лене подумалось: «На ее долю выпали такие мучения, что каждая женщина, рассказывающая историю своей жизни, осознает, что ее слушает более страдающий и глубоко понимающий человек».

- Иногда один минус каким-то непросчитываемым образом сводит на нет все плюсы, - сказала она вслух.

- Особенно если этот минус длиной в жизнь, - добавила Эмма. - Сорок лет я пыталась объяснить мужу простые житейские истины. Он часто хоть с истерикой, но соглашался. Проходило совсем немного времени, и он снова поступал по-своему - проявлял ко мне неуважение. Он будто постоянно находился в стоячей воде своего незыблемого сознания и понимания. Не скоро я поняла, что эта непрошибаемость у него на уровне генетики и бесполезно что-то предпринимать.

В общем, мне оставалось только поражаться пустоте сердца мужа, его примитивному пониманию любви, его дикому эгоизму. Он никогда не понимал, что мне бывает очень тяжело, что я нуждаюсь в помощи, в утешении. Он воспринимал человека только в связи с тем, что можно от него получить. Ни сочувствия, ни жалости. Ведь как специалисты говорят: никакая обработка не скроет, какой породы дерево. Так и человек: сколько ни лакируй, его гадкое нутро все равно вылезет наружу... И подвернулся же он мне на горе горькое! Много ли мне тогда надо было: поразил исключительностью, благородством, отыскал созвучие душ, закружил весельем. Старше, опытнее был. Это только кажется, что этого мало.

Он был моим единственным мужчиной. Меня оскорбляло его неуважение. Его душа, к которой мне было не прикоснуться, всегда оставалась чужой. В минуты тоски мне казалось, что я его никогда по-настоящему, доподлинно не знала. Дети выросли, а он все продолжал куролесить. Он из тех, которые никогда не говорят «нет». Какое количество лжи и подлости от близких людей может вынести человек? Иногда мне казалось, я доходила до предела своих далеко не безграничных возможностей... У нас было все что угодно, только не семья. Как поется в песне: «из горького горя я счастье свое добывала».

Лера ударила вдруг в рассуждения:

- ...С годами свежесть ощущений притупляется. Чувства надо освежать. К тому же правильные люди по большей части скучноваты, а интересные, полные жизни нередко переходят границы добра и зла, ввергают свои семьи в несчастья. Во всем нужна мера. Я в этой связи случай вспомнила. Были мы в гостях у моих деревенских родственников, и мой муж не захотел есть вареную курицу, приправленную только деревенским ароматом. Если ел до этого жареную, с массой пряностей и всяческих приправ, вареной не хочется. Наверное, твой муж думал: «Зачем мне нужна женщина с устаревшими идеалами скромности, нежности и трудолюбия, если с «перчиком» намного вкусней. Нормы морали придумали слабаки...»

- Ты права. Есть женщины добрые, открытые. Такие ему неинтересны. Есть женщины без сердца. Порок притягателен... Как-то в квартиру не смогла войти. Мысленно взбесилась: «Есть где разгуляться в четырехкомнатной квартире. Раздолье, хоть полк баб приводи... Жри свою виагру! Может, скорее издохнешь. (Женщины дружно вздрогнули.) Прости меня, Господи», и ушла к соседке, - резко отреагировала Эмма на рассуждения Леры. - Муж сокрушил мою волю. Сначала я плакала. А ему нравилось меня мучить, он чувствовал свою власть надо мной. Много раз замечала, что он расчетливо дразнит и злит меня. Позже страдала, но гордо молча переносила боль. А он все равно продолжал уязвлять, унижать пренебрежением, упиваться своей жестокостью. Похоже, это его забавляло. И тогда на ум мне приходила соседская девочка-даун, которая с восторгом наблюдала растерянность людей, облитых ею из окна помоями... Он до сих пор, когда ходит по дому, чтобы не наткнуться, обходит меня точно так же, как шкаф или стул, не глядя. Он вообще не смотрит на меня, если не обращается по делу. Да и в этих случаях часто спрашивает, будто не видя меня, думая о чем-то другом.

А ведь было время, когда я считала его недостойным себя. Вокруг меня кружило много обожателей. Я прерывала знакомства по своему усмотрению, мягко убеждала в ненужности дальнейших встреч... Ума не приложу, чем присушил? Просто одно к другому в нем все удачно было пригнано и припорошено... И вон как все обернулось: я глаза мозолю, скуку нагоняю; мной пренебрегают и на привязи держат с холодным удовольствием. Никому не дано разобраться в человеческих пристрастиях... Сплошные противоречия и непонимание между мужчинами и женщинами.

Эмма говорила жестко, сухо, почти черство, будто не с нею это все было, будто никогда не любила, не жалела, не терпела. «С гордым сознанием собственной безупречности и даже превосходства», - ядовито подумала Инна и тут же устыдилась своей ехидной мысли: «Кому завидую?» И все же не смогла не съехидничать, пусть даже про себя: «Боялась продешевить, вот и нарвалась».

«Нет в жалобах Эммы и следа заносчивых обид. Ее горячность, ее негодование полностью овладевают мной. Она близка мне силой убежденности. Я вижу всё с нею происходившее ее глазами», - думала Лена.

- Это многое проясняет. И до сих пор не перебесился? - то ли спросила, то ли предположила Лиля.

- Куда там! И возраст не охладил его живейшего интереса ко всему, что касается утех плоти. Его постоянно влекут новые опьяняющие ощущения. Он из породы сластолюбцев. Ловеласы в вечной погоне за наслаждениями. Хотят, чтобы их всегда ласкали, говорили комплименты. Новые женщины всегда таят приключения. В поведении таких мужчин задействованы только органы чувств. Сознание, может, есть и царствует где-то на периферии, но не управляет ими. Не обременяют они себя самоанализом. Вторгаются в чужую жизнь, ставят все с ног на голову и уходят, если наскучило. Они четко осознают только одно: что это будет повторяться и повторяться, потому что если нельзя, но очень хочется, то можно. Для таких мужчин отношение с женщиной - игра без правил.

- Не скажи, некоторые искренне верят, что на этот раз эта женщина последняя, - сказала Аня. - Я об этом даже по телевизору слышала от знаменитого режиссера, как его там...

- Они, видите ли, жизненные проблемы видят с другого угла, со своей «кочки» зрения - всё только себе и для себя. Одну любовницу мужа хорошо изучила, она из той же породы. Мужа своего припахивала, а сама нежилась в объятьях других мужчин. Вот они с моим Федей и нашли друг друга. Семья для таких людей далеко не самое главное. Она для них - способ избавиться от забот, от бытовых нужд и не более того.

- Федор одержим не чувствами, а страстями, - коротко и четко сформулировала свое мнение Алла. - ...Мир шире, загадочнее, интересней, романтичней узких рамок семьи, - попробовала она увести разговор из плоскости личных обид в пространство высоких духовных ценностей.

- Федор - подлый мелкий тиран, - презрительно сказала Жанна.

- В масштабах одной семьи - крупный, - уточнила Лиля с усмешкой.

- В чем причина постигающих разочарований в любви? Реальная жизнь не сходится с воображаемой? - предположила Аня. - В душе каждого человека есть нечто такое, чем он, не отдавая себе отчета, очень дорожит. И когда он с этим расстается, то безумно страдает, и его жизнь становится невыносимой... Только у всех это нечто разное.

- Когда-нибудь кто-то, кто будет намного умнее нас с вами, создаст теорию беспрюирышных семейных отношений, - засмеялась Лиля.

- Пробовали уже. Была мода на «компьютерную сваху». Забыла?

- Баловство все это, - вяло махнула рукой Эмма. - Воспитывать сыновей надо порядочными.

- Ой, девчонки, я анекдот вспомнила. На первом курсе в колхозе на картошке ребята рассказывали. «Две женщины подошли к высоченному столбу, по которому Бог приказал им взбираться, чтобы попасть в рай. Одна говорит: «Появись на столбе столько суков, сколько у меня было мужиков». Сучки густо усеяли столб до самого верха, и она оказалась в раю. Вторая грустно повторила заклинание своей подруги, и на макушке столба вырос один-единственный маленький сучок». Видно, ты этот анекдот восприняла как шутку, а твой муж как руководство к действию, - невинным тоном сказала Инна.

- Помню, этот анекдот потряс меня. Я долго не могла прийти в себя. Верила и не верила, пугалась, злилась, - призналась Аня.

- ...Да, ты, Эмма, положительная. Но разве ум и добрый характер притягивают мужчину к женщине? Твоих чудных свойств достаточно, чтобы быть для него хорошим товарищем, - рассмеялась Инна. - Жажда обладать женщиной вызывается другими качествами: умением кокетничать, стервозностью, хитростью, особенным обаянием, умением играть, заводить, наглым демонстрированием красоты и сексуальности, - с опозданием на несколько десятков лет просвещала ее Инна.

- Не все же мужчины такие, - вяло защищалась Эмма.

- Это их суть в большей или меньшей степени. Тебе не повезло, нарвалась на яркий образчик.

- ...Понимаешь, Эмма, есть просто обладание, а есть обладание с наслаждением. Ты, наверное, мужу себя преподносила на блюдечке, а его это доводило до белого каления. Ему страсть от женщины нужна, пусть даже наигранная, артистичная, и все время разная, свежая, особенная, а не твое благодравие. Ему игры, препятствий не хватало. Собственно, он любит не женщин, а миражи, свои фантазии. Он с избытком получал все необходимое ему за деньги. Там он герой, если даже мало что может. Такие мужчины говорят: «Если женщина не вызывает у меня шок, она мне не нужна, она мне не подходит». Они таким образом превозносят себя. Мужчине, если он не любит, труднее, чем нам... А ты считала обладание мужем само собой разумеющимся, не требующим дополнительных умственных затрат, - с жестким откровением добавила Лера. - Тебе надо было научиться видеть себя его глазами и подстраиваться. А ты не могла, потому что тоже любила не реального мужа, а придуманного в юности. К тому же, будучи слишком правильной, ты не могла залезть в шкуру эгоиста. Человек должен немного меняться в процессе любой деятельности, приспособливая себя к тому, что у него уже есть внутри, если, конечно, это категорически не идет вразрез с его взглядами. У одного получается, у другого не очень, - выразила Лера свое мнение о причине несчастливой личной жизни Эммы. - Мужчина осознает любовь, только когда ее теряет. А до этого не задумывается. Он где-то впереди, в чем-то другом... Этим надо уметь пользоваться. У твоего мужа никогда не было страха тебя потерять, а то бы он больше тебя ценил. Представь себе игрушку или любимую книжку. Пока она лежит в шкафу, мы на нее не обращаем внимания. Но стоит ее потерять, как она начинает казаться в сто раз дороже.

- Серьезный упрек. Я не способна вызывать ярких чувств. Чем я хуже любовницы? Тем, что порядочнее? - взорвалась Эмма, и лицо ее покрылось малиновыми пятнами. - Надо было иногда намеренно в шутку кем-то увлекаться?

- Тогда бы он ее извел ревностью. И еще не известно, что хуже, - сердито не согласилась Галя.

- Игра - дело тонкое, надо грань чувствовать, - усмехнулась Лера.

- Романтики ему не хватало! Женщина, родившая ребенка, перестает быть романтической. Она обязана смотреть на жизнь реалистично.

- А мужчина хочет остаться романтиком.

- Будто нам не хочется. Хочется, да не можется.

- Почему только женщина должна, должна, должна?.. А где я? Где мои желания? Я должна его понимать, а он меня нет? - взбрыкнула Эмма. - У меня сил на игры не было. Он же мне ни в чем не помогал. Я была обделена, и я же виновата! Его от моего сладкого на соленькое с перчиком тянуло?.. Он же на той шлюшке не остановился, снова побежал... его же только помани. И все потому, что скромное счастье и добродетель считал трусостью, страхом не добиться большего. Мне надо было флиртовать, доказывать свою востребованность у мужчин? Идиотизм. Я же любила!.. А Федор до безобразия уподобился... кобелю. Как выражался его друг: «он трахает все, что шевелится». Да... не может мой муженек похвалиться стойкостью к искушениям. Слаб. Со стороны могут подумать, что он мужик дикого, необузданного темперамента. Да какой там темперамент, прости господи. И в молодые годы не устраивал... так... только бы лизаться. Мне кажется, страсть и темперамент не из одной «оперы».

Я была нетребовательна к нему и терпелива, а он воспринимал мою мягкость и снисходительность как неопровержимое доказательство того, что я не могу без него, даже такого непутевого? Как необъяснимо и сложно устроен психопатологический мир человека! Ведь это патология, не правда ли?.. Нормальный муж воздавал бы должное верности своей жены, дарил бы ей радость, а этот... - с болью закончила Эмма и сжала виски ладонями. В этот момент она выглядела как человек, который мечтает только об одном - чтобы от него отстали.

- Твой Федор - и не по товару монета. А твое поведение - самое распространенное среди женщин заблуждение. Подобного типа мужчины не ценят таких, как ты, домашних. Страсть и новизна им дороже любой добродетели, - сурово сказала Инна.

- Я не понимаю, как можно лгать тем, кто тебя любит?

- Ложь - основная, фундаментальная черта его характера. Он ее впитал с молоком матери.

- Еще в первые года замужества я слышала сплетни о себе, но последней, о ком я бы тогда подумала в этой связи, была свекровь.

- Веру в тебе порождало желание верить, жить в мире и дружбе с его родней. А твой муж предпочитал сплетни и голословные утверждения.

- Много позже я стала задумываться: не свекровиной ли хитрости я в немалой степени обязана нашим отношениям с мужем?

- ...Почему любовниц обхаживают, дарят им подарки, если они сами не против встречаться? - чуть смущаясь, спросила Аня.

- Такие мужья считают, что нечего им перед женами распинаться. Мол, жены по своему супружескому статусу обязаны быть для мужей - в меру их требований - всем, - объяснила Лилия.

- А они так не обязаны?

- Ну, если только в меру своих сил и желаний, - хохотнула Инна.

- ...Любовнице проще любить, добиваться, если у нее нет детей, - тихо сказала Жанна.

- У той дочь была, но она ее не очень волновала. О ней отец заботился. Правда, плохо. Я не знаю отцов, которые бы в одиночку воспитали хороших детей.

- Потому-то та и могла стать любовницей.

- А дочь все равно больше мать, а не отца любила? - уточнила Лера.

- Да. Откуда ты знаешь?

- Вычислила. Тоже парадокс. Хотя если дочь в ее породе, то ничего удивительного, - промолвила тихо Лера.

Эмма отреагировала на замечание по-своему:

- Все прощать можно только больным и дуракам. Как-то, будто шутя, я спросила мужа, любил ли он меня. Серьезно ответил: любил, но не так, как ты этого заслуживаешь. Наверное, думал, что порадовал.

...И свекровь моей мамы, и моя свекровь были такими. Это рок?! Какая удивительная реинкарнация! Одна женщина в девятнадцатом веке родилась, другая в двадцатом. Глядишь, такие стервы и в двадцать первый век просочатся. Они, по образу и подобию своему, считают всех женщин подлыми... Такая вот оборотная сторона, так сказать, изнанка моей семейной жизни... таков ее вкус.

- Это не вкус, а привкус жизни, - заметила Алла.

- Нельзя на все сто быть чьей-то судьбой... себе надо что-то оставлять.

«О боже праведный! Опять свекровь», - подняла глаза к потолку Лера.

«Кто или что может вернуть Эмме улыбку?» - вдруг подумала Лена.

- Как можно выносить жизнь, полную страданий? - засвидетельствовала свое непонимание Жанна и подумала: «По сравнению с порабощающей, всепоглощающей ревностью Эммы Лилины обиды не так уж и велики?»

«Почему девчонки не хотят прекратить эту исповедь? Им хочется докопаться до сути, до истины, чтобы и в себе что-то новое понять?» - анализирует беседу Лена.

- Ссоры-раздоры бывают в каждой семье. Они неизбежны. Страдания есть и будут всегда, но хотелось бы их поменьше. Думала, кандидатом технических наук стала и сразу умной сделалась. Может, и зря держалась за свои цепи. Но ведь сынок... - Эмма вздохнула. Глаза ее потускнели. - Да, интегралы было намного проще брать. Говорят, бедами душа растет и развивается. Оказывается, иногда погибает. Душевная усталость берет верх, человек становится безразличным...

Меня мучает извечный вопрос: почему нельзя поговорить, объясниться, достучаться? Конечно, разговор не всё определяет. Что-то поддается только чувствам. Вот вроде нашла я, что нас объединяет, и муж тоже вроде бы осознал, но приходил день, и он опять ничего не понимал. Ему трудно отменить разговором самого себя. И поступал он опять, исходя из самого себя. Может, есть территория души человека, которую нельзя победить словами? Если бы возможно было изменить взрослого человека беседами, он был бы прекрасен. Но природу не обманешь. Воспитывают с пеленок. Тогда еще можно что-то изменить, подкорректировать. И книжки умные он должен читать в детстве, пока еще его душа как пластилин.

- И все-то ты усложняешь. Все очень просто. Врал твой муж, будто бы соглашаясь, чтобы ты прекратила своё воспитание. Вспомни его любимую шутку: «Умение лгать - признак интеллигентности». Он даже не вникал в то, что ты ему внушала. Он хотел того, что хотел, того, что в нем запрограммировали гены и семья. Этим определялись ваши взаимоотношения. Ты вела свою линию поведения, он свою. Счастье в семье, если направления этих линий совпадают. Не по зубам тебе оказалась эта семейка.... Ой, не могу больше! От общения с тобой у меня вылетают все предохранители. Мне требуется психотерапевт! - шуткой разрядила себя Инна.

- Эмма, ты же не можешь сказать, что твоя жизнь, как, между прочим, и моя, была скучной? - усмехнулась Лиля.

- Чего-чего, а скучать нам с тобой не приходилось, - скривила губы Эмма. - И обе мы

одинок, как тот металлический штырь, что торчит у самой крыши глухой стены вон того дома.

И она указала на старое серое строение, высившееся напротив дома их временного пребывания.

- Забудь обиды, живи для себя и внуков, - посоветовала Аня.

- Я быстро забывала плохое, слишком быстро прощала, - вздохнула Эмма.

- Женщины прощают, но не забывают, - категорично возразила Жанна.

- Когда тебе боль каждодневно освежают и усиливают, обиды невольно опять всплывают. Бывало, говорю ему: «Что же ты с такой злостью и раздражением делаешь даже добрые дела? Да еще потом попрекаешь тем, что сделал. После этого не хочется принимать от тебя заботу. Радости нет от нее. А именно она - самое главное во взаимоотношениях людей». Психовал, бесился, мол, ничем тебе не угодишь, мол, ничего больше не стану делать. Право же, как капризный ребенок...

«Муж никогда не понимал ее как должно, как она того заслуживала. Ее душа - кладбище иллюзий и мечтаний», - про себя посочувствовала Жанна Эмме.

- Как-то в припадке небывалой расточительности или в порыве неожиданного благодушия муж переписал на меня машину. Думал, свои грехи этим смоеет. Но я так и не познала наслаждения от обладания частной собственностью. Я в ней не нуждалась. Мне нужен был только Федя. Если нет любви, никакими подарками пустоту души не заполнить.

- ...Муж одной моей знакомой в тюрьме начитался религиозных книжек и стал порядочным человеком. Бросил пить, курить. Семью боготворит. Он - исключение из правил? - спросила Аня.

- Это значит, он и до этого был порядочным, просто его судьба сделала зигзаг, из которого он сумел с честью выйти.

- Почему человек не учится на чужих ошибках, а проходит свой путь, набивая шишки? - снова спросила Аня.

- Это не вопрос диалога или книг. Это вопрос целой жизни для каждого. Человек ищет не рецепт, как жить, а смысл своей жизни. Сравнить свою и чужую жизнь - занятие полезное, но крайне неблагодарное. Особенно если у всей семьи, как у родственников мужа Эммы, общий недуг - отсутствие любви, и они это находят совершенно нормальным и естественным, - усмехнулась Лера. - В принципе, все можно оценить. Цены нет только у любви.

А Эмма все продолжала свой разговор с Жанной.

- ...К чести сына сказать, все эти годы он поддерживал и как мог защищал меня, осаживая отца в его гадких нападках и издевках. Дочек муж и слышать не хотел, за людей не считал, хотя одна теперь профессор, в вузе преподает химию, другая - предприниматель. «Они женщины, и этим все сказано!» - продолжал пренебрежительно говорить он.

- Может, напрасно ты так с мужем категорична, может, лишку берешь? Я понимаю, когда любишь, обиды быстро забываются, а если разлюбил, они всплывают из глубины памяти и выплескиваются во всех подробностях.

- Тебе пример его «любви и порядочности» привести? Да сколько угодно. Попросила я его свозить меня с внуками в лес, на природу, мол, ты каждый выходной на рыбалке, а мы в городе паримся. Так он привез нас в тридцатиградусную жару на песчаную косу, где ни кустика, ни травинки, оставил в раскаленной машине, а сам уплыл. Мне дурно от духоты, малыши плачут... Еще хочешь примеров?

- Мне ближе позиция отвлечения на что-либо более серьезное, - растерянно пробормотала Жанна.

- Все испробовала, не помогает. Отношения с мужем – моя самая серьезная проблема. С остальными я прекрасно справляюсь... Любовь проходит, а горечь остается и терзает, превращая жизнь в беспросветный мрак тоски, затягивая в трясину безысходных обид. И стереть из памяти их никак не удастся, – резко закончила Эмма, нервно стискивая руки. И вдруг тоскливо добавила:

- Вот ведь как бывает: за всю юность не случилось, чтобы меня оставляли. Влюблялась, разочаровывалась и первая уходила. Не было проколов, как говорили девчонки. А в замужестве не повезло. Можно подумать, я подряжалась исполнять только его желания... Что тут говорить? Давно разведен мост между нашими сердцами...

На этой грустной ноте рассказ Эммы иссяк окончательно. Глаза ее померкли и укрылись под защиту полуприкрытых век.

- Равнодушие, которым окутал себя твой Федор, пока ты страдала, теперь обернулось для него... мучением твоих нападок? Заставляешь его чувствовать себя виноватым? – насмешливо спросила Инна.

Ответа не последовало.

А она продолжила:

- Вот и пусть на себя пеняет.

«Вот откуда в ее взгляде эта тоска поздней осени и изморозь в волосах, – поймав изменившийся взгляд Эммы, подумала Лена. – Вот откуда эти плотно сжатые губы, молчаливость, твердая волевая хватка в любых делах. Бывает, что один гадкий поступок может заслонить или даже перечеркнуть все хорошее, что было до этого, а тут многолетняя боль. Чей вариант лучше – мой, Эммин? Она силы мужу отдавала, а он смеялся над ее любовью. Ей обидней... Судьба у всех нас неповторимая. И жизнь у каждой одна-единственная... А что с душой? У нее огрубела, у меня очерствела?... Нет, мы ее детям отдали».

- Эмма, что лучше: верить или знать? – тихо спросила Жанна.

- Много раз убеждалась, что лучше жить с закрытыми ушами и глазами, – ответила та.

«Получается, что неудачная семья – это кучка людей, притворяющихся счастливыми и хотя бы на время пытающихся обуздать в себе злых духов неудовлетворенности, обид и противоречий, – усмехнулась Инна. – А завтра Эмма будет вспоминать только самые счастливые моменты своей жизни, восторгаться детьми, внуками. Ни одного стога из ее уст не услышат наши друзья-товарищи и, возможно, позавидуют ей... Правда, завтра в основном будут говорить наши обожаемые старенькие преподаватели и наши милые седеющие мальчишки. И проблемы они станут поднимать только глобальные. Будет парад звезд и интеллектов. Девочки тоже будут на высоте, эрудицией станут блистать не менее ярко, чем улыбками, забудут все свои беды и обиды, начнут бисер комплиментов рассыпать сильному полу... А всеми нами обожаемый Игорь Васильевич, наверное, как и прежде, будет умен, строен и красив. Ему в те годы было немногим больше, чем многим из нас. Хоть бы пришел на встречу, порадовал. И Антон, наверное, не применит осчастливить своим появлением...»

Но ведь если разобраться, все мы в большей или меньшей степени можем гордиться не зря прожитыми годами: кто успехами в работе, кто детьми, а кто и тем, и другим вместе взятым».

«Да что же это такое сегодня происходит? Все будто сговорились, как документальные фильмы, прокручивать назад свои сценарии жизни и посвящать друг друга в тайны неудачных браков! Откровение Лили раскрепостило остальных?» – поежилась Лера. – А, собственно, что я хотела услышать? Наша жизнь теперь вращается вокруг двух столпов: прошлое да перестройка.

- ...Еще в далеком детстве я как-то услышала сдавленный плач нянечки. Она бормотала: «Если бы я не знала об измене, может, и умерла бы счастливой». Меня тогда потрясли ее слова... Видно, и правда есть такая подлая порода людей. Они как животные по весне: их ведёт только тупой инстинкт. И ничто их не может отрезвить, – сказала Аня.

- Экклезиаст ты наш доморощенный, - без тени ехидства рассмеялась Инна. - Все, к сожалению, банально и заурядно.

Разговор опять становился общим.

- ...Когда я развелась со вторым мужем, явился к нам первый «блудный папа» после многолетнего отсутствия - беспечный, веселый. Думал, что придется кстати. Мол, начнем все сначала. Мама у него умерла... Сын даже не глянул в его сторону. «Нянька тебе потребовалась?.. Ты сделал мне одолжение, придя к сыну? Не нуждаемся...» - отрезала я, - в подтверждение чьих-то размышлений добавила свой факт Лиля.

- Признавая мудрость твоих слов, возражу. Ты говоришь серьезно или, как всегда, шутишь? Предлагаешь побеждать зло жестокостью и непорядочностью? Но это же грязная война, - удивилась Мила. - Ничего хорошего из этого не может выйти. Писатель Юрий Трифонов говорил, что нельзя человека на всю жизнь приколачивать к его ошибкам.

- Это он нам, женщинам, такой совет давал. Сами-то мужчины не очень-то способны прощать. За одну ошибку со света сживут, - осадила подругу Галя.

- А если этих «ошибок» бесконечное число? А если они близким людям всю жизнь изгадили?.. Вот и подставляй то одну, то другую щеку! - рассерженно взбрыкнула Эмма.
- С меня хватит пережитого. Спроси мнения на этот счет у Риты. Она тоже ранена жизнью и объяснит тебе, что любовь не всегда соединяет и возвышает в человеке его положительные качества. Мой муж со своей матерью испортили мою жизнь. А она у меня одна. Другого шанса прожить заново природа не дает. Я благодарить их за это должна? Я тебя шокировала своей безжалостностью к их порокам? Может, это заставит их и других им подобных задуматься над своим поведением!

- Жди, заставит! Разлобастилась, - бросила реплику Инна, окатив Эмму мрачно-горячим взглядом.

- Кажется, Толстой сказал что-то вроде того: «Счастье - это хорошее здоровье, чистая совесть и плохая память на мучительные события», - сказала Лера.

- С последним пунктом я не согласна, - сказала Рита. - Простить можно один раз. Забывая плохое и прощая, мы не только позволяем, но и способствуем обидчикам продолжать свое черное дело. Хорошую себе отмазку придумали мужчины! Недавно встретила в магазине знакомого. Тридцать лет не виделись. Так он тоже мне сказал, что старается забыть, как три раза уходил от жены, как из-за него она не раз в больницу попадала... Какая была девчонка! Красивая, гордая, умная. Отец министром в какой-то из республик работал. В университете особняком от всех держалась. И что с ней стало?..

- Дожил до таких лет, а ума не нажил, до сих пор ветер в голове. Такие за ум не берутся, пока самих болезни не придавят. Не догадываются, что и им могут боком выйти их фортели. На два шага вперед не видят... - обреченно махнула рукой Лиля.

- Бог с ними, с чужими мужьями и свекровьями. Мы уже сами тещи и свекрови. От ревливой свекрови никто не застрахован, особенно если сыночек у нее один-единственный. А вот что касается наших мужей, осаживать их, я думаю, надо женской хитростью. Мы должны управлять ими, применяя «тиранию» слабого пола над сильным, - с простодушной и неизменно доброжелательной улыбкой сказала Жанна. - Я своим верчу, как хочу, а он только радуется.

- Умная женщина не поставит талантливому мужа к плите, а хитрая - пожалуйста, в любой момент. Есть у меня такие примеры. К сожалению, хитрость и наглость, как правило, побеждают талант, - как бы между прочим заметила Лера.

- Я в другом смысле, - обиженно поджала губы Жанна.

- Если муж неталантлив и не великий труженик на производстве, пусть вкалывает в семье наравне с женой и не уваливает, - высказалась Лиля.

- Дельный совет для того, у кого муж есть, - глухо, каким-то чужим голосом, будто с трудом выдавила из себя Инна.

Эмма продолжала начатый разговор уже шепотом, наедине с Жанной. Нашла благодатного слушателя.

- ...В дом к нам стал ее приводить, мол, записывать будет за ним. Маленькая, полная, чуть моложе меня. На меня смотрит с наглым пренебрежением. Как-то я пришла с работы раньше обычного. Слышу, муж с восторгом рассказывает о перспективах фирмы. А ей скучно было. Она тайком зевала в ладони, лениво склонившись на спинку кресла.

А он красовался уже не перед ней, перед самим собой! Он восхищался собой, своим умением умно выражать свои мысли. Он даже не обращался к этой женщине, сонно сидевшей перед ним. Мой герой принимал позу то Наполеона, то артиста, читающего восхитительный монолог и гордо вышагивающего по сцене перед публикой с высоко поднятой головой и картинно разбросанными руками. Он бесстыдно себя восхвалял. «У него приступ мании величия?» - думала я растерянно.

- Нарцисс - не лучший претендент на руку и сердце, - заметила Лиля.

- Постоянная влюбленность в себя не оставляла ему времени для мрачных мыслей, и он всегда чувствовал себя счастливым. А ты и даже те женщины вовсе были ни при чем. Вы посредники, - рассмеялась Инна.

- Это уж совсем из области психики, - отмахнулась Эмма. - Ну так вот, слушай дальше. Я оторопело стояла на пороге комнаты, но он, находясь в состоянии эйфории, не замечал меня и продолжал петь себе хвалу. Я слушала и поражалась, не веря ушам своим и тому, что видела. «Это происходит на самом деле? Ему нужна любая, лишь бы слушала и верила в его гениальность? Патологическое тщеславие гонит его к женщинам? Оно само является страстью и уже не подвластно ему? Оно занимает все его мысли? Вот откуда такая неразборчивость... Он понимал, что я не гожусь для этого. Я слишком хорошо знаю многие его слабости и по определению не могу им искренне восхищаться», - растерянно думала я, пораженная своим открытием. Я не могла ни понять, ни принять подобных проявлений.

И тут вспомнила его мать, ее дифирамбы сыну. Так вот в чем причина его непостоянства. Вот что значит завышенная самооценка, внушенная и взращенная матерью. Вот откуда самолюбование и эта странная любовь к себе, горячо любимому. Было бы к чему... Я даже в среде много более умных и интересных людей не встречала подобного «феномена». И брат свекрови сгубил своих детей непомерным восхвалением. У всех троих хоть и по-разному, но не сложились семьи и судьбы.

- Вот ты говоришь: страсть. Чтобы справиться с одной страстью, надо заменить ее другой, более сильной, но более полезной и безопасной. Только вот чем? - спросила Лера. Но Эмма ее не слышала.

- Я тоже уверенно делала карьеру, еще до замужества защитилась сразу после окончания аспирантуры, в двадцать четыре стала заведовать кафедрой в единственном в нашем городе институте, командовала тремя лабораториями. Но мне и в голову не приходило восхищаться собой. Работала деловито, буднично, нормально. Так и должно быть. Мое трудолюбие дало свои плоды. Врачи к знающему физику относились с уважением и почтением. Это естественно. Заслужила. И я к ним с таким же пиететом. Мы получали удовольствие от взаимной стимуляции, которую дарит общение разноплановых интеллектов. А как же иначе?

...Дикая сцена вспомнилась. Отдыхали мы на институтской базе отдыха. Были танцы. Муж на глазах у всей компании вспрыгнул на одну красивую разведенную женщину (она была в поиске), обхватил ее руками и ногами, чуть не свалил на землю... Потом продолжил танцевать с другой, страшно гордый своим поступком. А я стояла изумленная, растерянная. И потом, в домике ничего не могла ему доказать, а он даже не хотел обернуть инцидент в шутку. Видно, никто в детстве не объяснял ему правил поведения...

«Я сочувствую Эмме, но приходится - к моему стыду - признаться, что я так измучена своими проблемами, что уже не могу искренне и ярко радоваться хорошим моментам в жизни своих подруг и сильно печалиться от их грустных событий. Наверное, виной тому

мои отнимающие много сил болезни. (Организм таким образом сам сохраняет остатки моих сил?) Может, именно поэтому я лучше других понимаю Инну», – с некоторой грустью думала Лена.

Теперь Эмма в запале говорила чуть громче, и ее слышали другие сокурсницы.

– ...С клиентами, бывало, по телефону уважительно разговаривает. Ведь умеет же, когда хочет быть галантным, обходительным, а дома не считает нужным быть даже просто вежливым. Со мной нервный, резкий. Я его выслушиваю до конца, а он меня обрывает на полуслове, мол, все ясно, а потом выясняется, что ничего не ясно. И тогда он злится и кричит, что я плохо объясняю. Но ты же знаешь, как мы, педагоги-физики, умеем четко и кратко выражать свои мысли. Я не начинаю говорить, пока всесторонне не обдумаю то, что собираюсь довести до слушателя. Это он, прежде чем сказать что-то существенное, будет рассусоливать полчаса, так что не сразу сообразишь, куда он ведет основную линию.

Если он незнаком, допустим, с какой-то проблемой, то его идеи – пустые химеры. А он начинал творить совершенно нелепые вещи, но не признавался, что несведущий, не извинялся... Командуй там, где ты классный специалист, и не заглядывай, как хозяйка борщ готовит.

– Извинение – это факт чего-то истинно человеческого, даже интеллигентного... – усмехнулась Лера.

– Раньше, когда он делал глупости, я за ним их исправляла.

– А почему не он сам?

– Скажешь ему бывало, что он не прав, так такой ор поднимал, «мертвые из гроба вставали». Я замолкала, жалея детей. В первые годы совместной жизни я еще старалась что-то растолковать мужу, но он, не желая признавать ошибок, начинал кричать, грубо меня обзывать, нести невнятную, бессмысленную ахинею. Если я пыталась защититься, он кричал еще громче, хамил еще злей. Когда же, разнервничавшись, я переставала спорить, он спокойно заявлял, что я упрямая, и всю вину на меня перекладывал. Сценарий был один и тот же. А заканчивал он его фразой, применяемой им на все случаи нашей жизни: не нравится, ну и не буду ничего делать. А теперь сам исправляет свои ошибки. Сопит, злится, но молчит. Может, начнет хоть чуть-чуть ценить мой труд... Да вряд ли. Посмотрим...

– Федор наголову разбивал твои аргументы или его злило, что ты часто оказываешься права? – спросила Лера.

– Он отторгал их грубостью, которая выбивала меня из колеи и не позволяла идти по пути выражения своего мнения. Он уводил разговор в область нелогичного, и я уже пыталась обосновать бессмысленность его фраз и уходила от сути дела. Но мне никак не удавалось сформулировать рациональные возражения, потому что он перебивал меня, осыпал, как из хобота комбайна, горами словесного «мусора», и я запутывалась в них окончательно, уже понимая, что мои попытки доказать свою правоту изначально обречены на провал. Я замолкала. А ему только это и надо было. А когда я старалась вернуться к поднятой в начале разговора теме, он утверждал, что я снова затеваю ссору. А как-то в бешенстве заорал на меня, мол, только идиот бывает всегда прав. А все дело в том, что я никогда не отстаиваю необдуманных решений.

– Все ясно. Он любит только себя, а ты, пытаясь доказать свою правоту, ущемляла его самолюбие. Еще он не хочет принимать твое мнение в расчет, потому что боится подчинения. И даже если ваши мнения совпали, но предложение первой сделала ты, он все равно откажется от него из страха быть поработанным. Власть, пусть даже мнимое превосходство для него важнее истины, уважения и даже любви. Не только твои просьбы, но даже проявление положительных чувств с твоей стороны он воспринимает как покушение на его превосходство, как на требование подчиниться. А кричит он потому, что не уверен в себе, боится тебя.

– Боится?! Вместо того чтобы сказать, что не прав, исправлюсь, сделаю лучше, он заявлял, что раз мне не нравится, он больше не будет мне помогать. И не помогал. Мое малейшее замечание он использовал как повод разругаться и отказаться от домашних

дел. Но не могла же я молчать, поощряя его безответственность?

Я спрашивала мужа: почему он на добро отвечает злом, почему он мое желание сблизиться с ним считает дерзким вторжением в его жизненное пространство? Молчал. Не мог ответить на вопрос. Его поведение на уровне интуиции, он так запрограммирован? Не задумывался? Не хотел? Он не утруждал себя самостоятельным анализом своего поведения? Его лозунг: «Я всегда во всем прав». Он просто игнорировал вопросы, на которые не хотел отвечать. Не привык, чтобы его мнение оспаривали. Я прекрасно осознавала нецелесообразность ведения наших споров, в которых не могла переспорить или убедить мужа в чем-то, что противоречило моему мнению, но промолчать у меня не всегда получалось.

Меня с детства учили, что долг каждого человека совершенствоваться, преодолевать себя, свои слабости, что тот, кто не признает свои ошибки и недостатки, никогда не изменится к лучшему. Вот я и пыталась как-то воздействовать.

- Федор не отвечал на твои вопросы, потому что опять-таки считал, что самораскрытие перед другим человеком ведет к закабалению.

- Но это при условии, если бы я к этому стремилась.

- Но ты же хотела сделать его себе понятным? - напомнила Лера.

- Но не подчинить... Он же грубо обвинял меня в глупости, в том, что я выдумываю сюжеты его измен, а я ничего не могла ему доказать, хотя помнила все до мельчайших подробностей. Он нагло врал, глядя мне в глаза. Я не могла этого понять и не хотела терпеть подобного положения дел в нашей семье, - растерянно и зло проговорила Эмма.

- Он, наверное, полагал, что все в семьях любимым способом стремятся к власти. Над ним, видно, всегда довлела собственная мотивация поведения. Для Федора она главная, преобладающая, даже если с твоей точки зрения совершенно неверная. Для него крайне важно держать ситуацию под контролем и чувствовать себя победителем. А ты давила, давила его своей правильностью, порядочностью. Ты была права, и он ненавидел тебя за то, что ты заставляла его почувствовать унижение. Вот он и противоречил, да еще и гулял, доказывая тебе, что «на хрен ты нужна такая-разэтакая», - поставила жесткий диагноз «болезни» Федора Инна.

- Но это нелогично, даже глупо. В этом отличие мужчины и женщины? Любым путем, ложью, даже подлостью заставить петь под свою дудку? И они еще хвалятся своей мужской логикой!

- Не обобщай, - предупредила Лера.

- Получается, нормальный контакт, взаимодействие с таким человеком невозможно?..

- Если только льстить, лицемерить, пускать в ход все хитрости и уловки, свойственные женщинам, подлаживаться... Тебе это нужно?

- Но я никогда не повышаю голоса, не командую, мягко прошу или предлагаю. Федор как параноик: всегда ожидает от меня плохого, капризничает как избалованный ребенок, умеет только мучить, тешить свое якобы оскорбленное тщеславие. Ему бы только теснить, подавлять, затмевать. Сам-то он любит поддевать, а его «не моги». Как бы он повел себя, если бы я не уступала ему в дерзости?

- К этому вопросу мы вернемся как-нибудь позже. Он слишком сложный, - улыbnулась Лера. - Пойми, именно твоя честность, непоколебимость, твоя правота внушали ему опасения и неуверенность в его власти над тобой.

- Невольно возникает вопрос: как мне защитить мужа от самого себя, от страха оказаться ведомым?

- Да никак! С другими женщинами он тоже был ведомым... Черного кобеля не отмоешь добела. Человек, не признающий своих ошибок, никогда не изменится к лучшему, - негодуяше возрптала Жанна, продолжая слушать Эмму с неослабевающим интересом.

- Надо было для удовольствия мужа прикидываться дурочкой, - предположила Аня.

- Нелепая и предательская идея! Он и так меня в ничто превратил, так мне еще и саму себя принижать?

Эмма недоговорила. Инна спросила ее с внешне безразличным видом:

- А темперамент, а страсть Федора? Куда их денешь?

- Темпераменту всегда можно найти полезное применение. Только не стоит его путать с несдержанностью и распущенностью.

- А как же без страсти в любви? В ней есть что-то животное, сумасшедшее, неконтролируемое... по-своему очень даже привлекательное.

- Настоящая любовь - не страсть. Моя любовь - спокойная мощная глубокая река, а его - кратковременный бурный, мутный горный поток после весеннего ливня... Или ты о самом акте?..

- «Течет река Волга...» - пропела Инна, уходя от ответа. - Мой первый тоже считал, что любовь только на короткое время сливает мужчину и женщину в единое существо, живущее одинаковыми мыслями и чувствами. Он лишь влюбляться был способен. Пенки снимал... Мол, я дитя страсти, а ты - рассудочности. И нам не по пути.

«Быть подругами не значит вместе барахтаться в одной грязи, - вздохнула Лера. - Интересно, как Инка отреагировала на мой вздох? Наверное, превратно».

- Отчасти мне даже жаль Федора. Он никогда не получал ни удовольствия, ни удовлетворения от семьи, и ему уже не испытать этих благотворных, дающих смысл существования человека чувств, которые могут длиться до конца жизни, не ослабевая, а только укрепляясь. Искаженный взгляд на семью, сформированный его матерью, лишил его этой возможности. Он обкрадывал себя... Чего греха таить, он хотел свободно жить, вольно дышать, а тут я со своими заботами и желаниями, с детьми и внуками. Все мы небезупречны. У всех нас по мелочам рыльце в пушку: там не сдержались, там не так поняли. И нечего себя в грудь кулаком бить, - сказала Эмма мягко, печально, будто совсем другая женщина.

Последняя фраза поразила всех своим несоответствием всему ранее сказанному.

- В рай на чужом горбу твой Федор хотел въехать, - запальчиво сказала Галя и озадаченно замолчала. Не понимала она последних слов Эммы. И это ее злило.

«Кто не подчиняется себе, тем управляют другие. Надо же и себя понимать, уважать и любить. Конечно, подчиняться легче, но и вреднее», - сердилась она на Эмму.

- Не о том печалишься, - начала было Лиля.

- Беда в том, что я слишком много понимаю, просчитываю... и ужасаюсь подлости некоторых из окружающих меня людей... А что мне остается? Молча признать горькую правду и стоически ее сносить... Знаешь, когда сталкиваешься с собственным ничтожеством, в которое тебя превратили... по причине твоей любви, когда ощущаешь непредсказуемость, быстротечность и бессмысленность всего происходящего... Меня будто разжевали и выплюнули «железные челюсти» этого семейства. Как очистить сознание от всех этих убивающих меня мыслей?.. Он любил всех их или был только одержим ими?

«Эмма не нуждается в моих мыслях. Она говорит сама и слушает только себя. Ей необходимо выговориться», - подумала Лиля без обиды.

- Страсть не умеет рассуждать, она желает, жаждет, требует. Люди все разные. Одних поглощает страсть к науке, других - секс, третьи зациклены на своем здоровье, четвертых власть прельщает и деньги. Взрослых не переделать. Что заложено природой и воспитанием, не перешибешь. Таких, как твой муж, надо просто избегать. А если уж не повезло, то оставлять или отодвигать в сторону. Перестань с ним бороться. Найди в себе смелость сказать: «Это был мой выбор ради сына» и успокойся. Я тоже когда-то стояла перед выбором.

- Но ты не разочаровалась.

- Как знать... Все мы держим самые неприятные и тайные мысли при себе, - ответила Жанна тихим и каким-то безнадежно усталым голосом, будто выпав из повседневной реальности.

Сказала? А может быть, только хотела сказать...

«Какая-то неуклюжая попытка помочь Эмме... Чем же меня действительно раздражает Жанна? Своей напыщенностью, что ли... Я-то очень даже хорошо представляю, каково это - находиться рядом с человеком, которого любишь и ненавидишь... Хотя иногда кажется, я так до сих пор и не разобралась в хаосе своей души», - подумала Рита и, чтобы не окунуться в омут своей и чужой печали, быстро переключила внимание на Аллу с Лерой.

- Борьба за власть является важной частью отношений между людьми в обществе. И надо быть к ней готовой.

- В обществе, но не в семье. Для борьбы вне семьи требуются силы поосновательней, поглубей. Может, поэтому политика - дорога немногих женщин. Теперь такие попытки предпринимаются достаточно большим количеством женщин. Не всегда у них получается. У мужчин многовековой опыт.

- Получится.

- Даже несмотря на многовековое принижение?

- Вопреки ему...

- Влюбленность, любовь, страсть, одержимость. В чем их природа, в чем их смысл? Как-то вспомнила свою детскую любовь. Маленький, конопатый, ничего из себя не представляющий. Может, под рукой лучшего не было? И ведь с ума сходила... Но это была не любовь, а потребность выплеснуть на кого-нибудь переизбыток своих чувств. Я была влюблена в иллюзию, не имеющую равным счетом никакого отношения к выбранному мной объекту.

Те, в кого мы влюбляемся, кого боготворим, на самом деле обыкновенные, подчас ничем не выделяющиеся из толпы люди. Сдается мне, что мы приписываем мужчинам то, что значимо для нас, но оно не имеет ничего общего с тем, каковы они на самом деле. Источник влюбленности находится в том, кто влюблен. А объект - дело случая. И степень моей любви зависела только от силы моих чувств... Хорошо, если чувства объекта и субъекта складываются. А Федор не умел любить кого-то. Вспышки страсти, даримые ему природой, он направлял на удовлетворение жажды собственного восхваления. Может, я и ошибаюсь...

- Федор относил себя к тем мужчинам, которые считали, что на страсти мужчины основано могущество женщины. Страсть кратко-временна, власть женщины тоже. А у тебя получается, что сила его власти над тобой зависела только от силы твоей любви? Это что-то новенькое. Я считаю, она в твоей излишней мягкости, в неумении дать отпор. Она в его наглости и непорядочности, - заявила Инна со злостью.

- Эмма, если не можешь разжевать и проглотить обиду, выплюнь ее, - посоветовала Жанна. - Сдерживание гнева обессиливает, изматывает. Этим ты приносишь себе вред.

- Так было принято в нашей семье, - вздохнула Эмма. - ...А теперь муж никак не может смириться с тем, что я часто ужинаю одна, что не спрашиваясь - как это делал он всегда - ухожу в магазин, не докладывая, когда вернусь. Занимаюсь любимым делом, хотя оно его дико раздражает. Не вскакиваю по первому зову, не спешу выполнять его просьбы. Нет, я, конечно, делаю все, что мне по силам, но совсем не так, как раньше, без души. И это его задевает, заставляет задуматься о своем поведении. Но... все равно его характер не переделать.

На людях он демонстрирует свое ко мне внимание. Одна знакомая позавидовала: «Какой у вас прекрасный муж!» Я промолчала, глаза опустила. А когда женщина скрылась за углам, он так искренне хохотал... А я думала: «У него даже собственные душевные изъяны служат поводом для веселья... Хоть бы раз представил себя на моем месте».

- Когда человек истинно добр, это накладывает на его лицо отпечаток. А у твоего лица надменное, желчное, часто злое, - заметила Инна.

- Притча из Библии мне припомнилась, - сказала Лера. - Послушайте, в чем ее суть: «Идут Христос и его ученики лесом, лугом. Дорогу ищут. Тут им навстречу милая девушка бежит. Объяснила толково, куда и как им добираться, на холм взобралась ради них, проводила немного и по своим делам пошла торопливо. Идут путники дальше. Опять заблудились. Видят, в канаве пьяный лежит. Попросили его помочь. Тот буркнул что-то невразумительное. Ушли ни с чем путешественники. Тут Петр и говорит Павлу: «До чего же хороша была та девушка: и пригожа, и умна, и добра! Какой же у нее жених?» А Христос отвечает ему: «А вон тот, что в канаве».

Последовало грустное молчание, которое обидчиво нарушила Инна:

- Нельзя хорошее с плохим разьединять? Единство и борьба противоположностей. Как же, учили в вузе. Только что-то эта философия больше по нам, по женщинам бьет...

«И чего это Эмма застряла на рассмотрении одной стороны своей жизни? Это ее поздняя попытка разобраться в себе привлечением жизненного опыта подруг?.. Как она понимает свою несложившуюся семейную жизнь: как конфликт между отдельными личностями, как столкновение с неудачной судьбой, или она видит в своих проблемах социальные корни, глобальные причины? Промолчу. Не выдержать мне масштабного диспута. Да и не хочется взламывать замки на душах присутствующих. Мне бы, не вдаваясь в тонкости и подробности, успеть расспросить обо всех однокурсниках», - подумала Лена.

Но задать свой вопрос «о мальчишках» она не успела. Поддавшись атмосфере общей откровенности, опять заговорила Рита:

- Человек, не способный на низость и коварство, не ожидает таковых проявлений от других и не может разобраться в них, пока его не стукнут по лбу. Когда я вышла замуж, то была счастлива уже тем, что впервые ощутила себя в кругу семьи. Я считала своего первого мужа непогрешимым и оставила его, потому что он, оказывается, желал «наследить» везде, где только получится. Он не думал о детях, которых зарождал, не желая их «возделывать и взращивать». Он гордился своей самостью, своим самомнением и все шутил, что чуть-чуть беременной нельзя быть, а вот чуть-чуть женатым - можно. Его похоть сильнее любых моральных принципов. И с мужской силой она не связана. У него напрочь отсутствует чувство стыда перед семьей. А я считала, что устоять перед соблазном куда более достойно, чем гоняться за каждой юбкой. Но он в этом видел кайф всей жизни. Семья для него - он сам, а все остальные - сбоку припека. Вот и творилась в нашей семье чехарда...

Он говорил, что в нем вечно присутствует жажда нового, что не может противиться женщинам и ему достаточно их просящего взгляда, малейшего намека. Ему интересно раскрывать очарование каждой женщины: немолодой, не очень красивой, даже невзрачной. Он их коллекционирует, ведет им счет. Похвалялся, что уже за сто пятьдесят... Гордится своим размахом, возможностями, наслаждается собственным умением. Невелико геройство стать суперменом на одну ночь... Утверждает, что женщины его формируют, прибавляют ему какие-то новые черты, учат наслаждению жизни. Я могу это понять. Но зачем жениться, детей заводить? Ведь отцовство не его стихия. Пусть бы жил, как хотел, лишь бы безотцовщину не разводил. Вот что меня всегда больше всего волновало. Именно этому я не могу найти рационального оправдания. Ходил бы к одиноким, гулял бы в свое удовольствие. Так нет же, ему уют подавай. А сам называл любовь верной женщины мелкой, без полета, мол, она не устраивает его. Я любила его по-матерински, а ему нужна была временная любовница, и не одна. Его бесила моя некоторая зажатость. Тогда я этого не понимала. Возможно, он поначалу сам не осознавал своей сути или не признавался себе. Ему просто хотелось «оторваться по полной».

- Теперь, когда доказать отцовство не составляет большого труда, я думаю, многие мужчины задумаются над тем, что творят, - усмехнулась Инна.

- Семья требует жертв. И самая главная высшая и насущная из жертв - потеря свободы. Ее-то он и не готов был отдать. Жертвовать упоением свободы, наслаждениями? Да никогда! Семья для него была рабством, тяготившим его подчас до невыносимости. Он

не хотел подчиняться ее устоям. И тогда всё его подавляемое своеобразие, строптивость, вся ущемленная сила его необузданной натуры устремлялась на меня, выливалась в злости...

- Ярko выраженный шизоидный тип, - мрачно буркнула Инна.

Аня пробормотала, ни к кому не обращаясь:

- Кто-то из писателей сказал: «Женщина больше человек, чем мужчина. У женщин прекрасная совмещенность инстинктивного с чисто духовным». В некоторых семьях я наблюдала удачное примирение глубочайших противоположностей.

Мила задумчиво заговорила:

- Говорят, курица неосознанно выводит цыплят. Но вы бы видели, как она колготится вокруг яиц, когда высиживает, как остроглазо изучает свое гнездо после того, как сбегала поесть и попить, будто пересчитывает яйца. Как настороженно оглядывает сарай, если ее испугали какие-то посторонние звуки... А в чем же заключалась неосознанность поведения твоего мужа, Рита? Я вправе усомниться...

- Со Стасом я не знала слова «хочу», только «надо, надо». Никогда не капризничала, ничего не требовала... Таким, как он, не надо жениться. Только как же они без няньки хвост станут распушать?

- Некоторые мужчины любят, когда их о чем-то просят. Им тоже иногда хочется быть щедрыми. Они при этом чувствуют свою значимость... Если им не потакать в этом, они другим женщинам начинают угождать, чтобы возвыситься в их глазах, - тихо заметила Лера.

- Мой муж был жадным, - отвергла ее слова Рита.

- Вот беда, если не беден, так жаден! - рассмеялась Инна.

Рита продолжила:

- Раньше я думала: как все просто - семья, работа, и везде я на максимуме. В этом видела свое счастье. А когда узнала о художествах мужа - ко мне пришли сразу две женщины на сносях с разницей в два месяца, - я чуть с ума не сошла. Оглушила черная пустота ужаса. Все исчезло перед глазами. Мне казалось, что я нахожусь за гранью своих возможностей. Во мне все взорвалось. Я даже не пыталась усмирить в себе зверя ревности. Потом подумала, что ревность - порок, вторжение в чужую жизнь, в чужую свободу. Все равно теперь наш дом не дом, а мусорная свалка. «Ты - животное», - сказала я мужу. И одним днем раз и навсегда разлюбила... Вот и полюбитесь. Женихом был не очень завидным. Откуда что в нем взялось? Обаятельный, привлекательный...

А он смеялся: «Не устраивай балаган... Добродетельная жизнь тянется как панихида. Порочная схожа с веселой песней. Ты не представляешь, как сладко тупо и бездарно тратить свою жизнь! Тебе не понять, как прекрасны в своей неопытности и боязливой пылкости молоденькие девушки, с каким наслаждением они пьют терпкое вино моей любви. Чудные встречи наедине, торопливо-жадные объяснения... и природа в нас, и наши сердца звучат в унисон...». А раньше мне говорил, что задержался на совещании. Поэт! Он был искренним в пороке и лживым в добродетели. Жил без надрыва и лишних душевных затрат, в свое удовольствие... А я вызывающе молчала. Что мне оставалось делать с моим выжженным сердцем? Я чувствовала себя ненужной до такой степени, что выть хотелось. Хорошо, что быстро с ним развязалась.

Он из тех, о ком Клара Новикова в своей юмореске сказала: «Любовь - это история в жизни женщины и момент в жизни мужчины». Его поведение сделало меня невосприимчивой к ласковым словам. Я им уже никогда не верила... А позже - я слышала - он совсем распоясался, за вдовушек принялся, шутил, что, «по правде сказать, не лучший вариант, но и я уже не тот... далеко не орел. Меня даже иногда начинает тянуть в родные палестины».

Рита жестко свела к переносице начинающие сесть брови, все еще переживая только что рассказанное. Морщинки мелкими веерами заскользили по ее лицу и скрылись где-то в корнях чуть подкрашенных волос.

«Что это сегодня девчонок так «штормит»? – в который раз удивляется Кира. Ей захотелось отвлечься от чужих воспоминаний. Свои мысли нахлынули, завертели-закружили...

– Отсутствие ярких моментов в жизни ведет к изменам? Но смотря что считать яркими моментами. Меня не прельщает сомнительная ценность развлечений твоего мужа. Он не имеет понятия о нежности, чуткости, неослабевающей любви и признает только кратковременную страсть. Разве это настоящий мужчина? Разве не иссушается, не растрачивается, не истончается сердце любвеобильного мужчины? Разве не распыляет он себя, не обедняет свою душу? – возмутилась Жанна.

– Да есть ли у него душа?.. У таких только орган... Чуткость, нежность? Такого за моим сроду не водилось. Ну, разве что до замужества, когда завоевывал. Ни дна ему, ни покрывки! – взбрыкнула Эмма.

– У мужей и жен часто возникает конфликт интересов, – попыталась нащупать тропинку к истине Аня. – Все мы неодинаковые, неповторимые, хотя в детстве у нас было много чего общего, похожего, даже одинакового: трудности, простые радости. А мыслим мы все равно по-разному, желаем разного. Из нетипичных переживаний, из исключений собирается личность. В нас интересно не общее, а личное, глубинное, может быть, генетическое; положительное, конечно.

– И какого рожна не хватало Федору? Попалась бы такая, чтобы наперегонки с ним по мужикам бегала. Интересно, как бы он тогда запел? – засмеялась Жанна, ярко представив предложенную комично-трагичную ситуацию.

Инна опять навестила уши и мгновенно отреагировала:

– Такие особи не уживаются вместе. Они себе в пару тюфяков выбирают, которые только словами умеют наставлять на путь истинный... Ох добралась бы я до Федора, показала бы, где раки зимуют! Напомнила бы о том жутком случае... Все гулящие мужики, наверное, содрогнулись, когда измученная изменами жена, застав мужа в своей постели с очередной пассией, в состоянии аффекта лишила его кое-чего... Кормящая была. Тигрица защищала свое логово от посягательств извне. Ее можно понять... – в какой-то напряженной задумчивости закончила Инна свою жестокую угрозу.

– Говори, да не заговаривайся, – ахнула Лиля, – завяжи язычок в узелок.

– До сих пор осталась склонной к бурным реакциям, – недовольно пробурчала Лера.

В комнате воцарилась осуждающая тишина.

– ...И это пакостливое ничтожество, неспособное любить, не понимающее элементарных житейских истин и заветов, еще и унижало тебя, издевалось над твоей порядочностью и жертвенностью?! – снова возмутилась Жанна и замолкла, ожидая возражений.

– Над моей глупостью измывался...

– Раздариваем мы себя недостойным. Как нескоро мы умнеем... Любить и нравиться – разные вещи. Нравится человек за какие-то положительные качества, а любим непонятно за что. Просто любим, и все, души в них не чаем, а потом страдаем. Как поздно мы начинаем хоть что-то понимать в этом гробящем наши души мире. Нам остается только осознание своего бессилия перед прошлым, перед невозможностью все или хотя бы что-то частично изменить, вернуть назад, – печально усмехнулась Рита.

А Лена подумала: «Все прощают женщины, только не измены».

– Ох уж эта наша вечная, неиссякаемая женская сострадательность! – вздохнула Аня.

– Вот ты ка-ка-я! – тоном артиста Хазанова из известной интермедии протянула Инна.

Она не уточнила, к кому относилась свое удивление. Наверное, просто хотела немного разрядить обстановку печальных откровений.

От монотонности и однообразия разговоров подруг Лену неудержимо клонило в сон. Она запустила пальцы рук в свою густую шевелюру, закрыв тем самым свое лицо, уперлась

локтями в стол и прикрыла глаза. Сказывалась усталость. Как-никак четыре часа в пути провела и тут уж часа три, не меньше. И это при ее-то больном позвоночнике.

- ...Теперь в моем возрасте мне нечего стесняться своих прошлых ошибок. Да, все мы некогда мечтали. Наша беда в том, что, испытывая необходимость в привязанности к мужчине, мы предполагаем обратную связь, - усмехнулась Рита. - Мое замужество было огромной мукой, черной полосой, не без счастливых коротких моментов, конечно. Но их было так мало! Они не стоили того, чтобы терпеть унижения. Невелико счастье делить кров с таким мужчиной. Хлебнула я с ним. Все, связанное с физической болью - допустим, тяжелые роды или операция, - быстро забывается, а вот душевная боль - никак. Как ни старалась, не получалось. Хоть голову отсеки. Обидно, когда за добро расплачиваются злом.

И за что мне такая «божья милость»? За что столь несоразмерное наказание? За нелюбовь с самых первых дней рождения, за жизнь без ласки, за отверженность? Очень хочется верить, что Бог здесь ни при чем. Я мечтала полюбить такого, который способен понять мою боль и чья боль заставила бы меня забыть о себе самой. Чтобы я могла утешиться в его объятьях, а он в моих. Наверное, поэтому искала себе слабых. И находила. Один оказался эгоистом, лгуном и гуленой, другой был сумеречным, скучным... ни глотка свежего воздуха, ни грамма живительной силы... не тем будь помянут. Их слабости оборачивались моим несчастьем. Что это: случайность, совпадение, закономерность? Неисповедимы пути Господни и непонятны тропинки, по которым один человек находит другого человека.

- Хорошо, что не рискнула третий раз «сходить» замуж, - сказала Лиля. - Здоровье хоть немного сберегла.

- Судьба, наверное, оставила меня в покое, потому что у меня больше нечего было отнимать.

Лиля поняла ее намек.

- Ласки продляют жизнь, - не к месту хихикнула Инна, не вникнув в слова Риты. Она одновременно прислушивалась к беседе Гали с Милой. Лиля осуждающе нахмурилась:

- Я, например, сама не лгала и в других не представляла себе существования такой всеобъемлющей способности к лжи. Потом хотела до конца дней своих быть рядом с тем, кто пусть и не умел любить, как я, но кто был необходим мне больше меня самой, потому что считала: главное в жизни быть рядом с тем, кого любишь. Любовь была моим светом. Но и этого не случилось... Самопожертвование у мужчин возможно только в высоком состоянии духа. У женщин оно в крови. А с третьим мужем уступила своей натуре, женской сути. Не умеем мы, детдомовцы, жить только для себя. Видно, трудно учиться самим тому, чему хорошая семья учит своим примером.

Лиля горько вздохнула и замолчала.

- Посмотри правде в глаза: всему никакая семья не научит. Думать головой надо, - резко сказала Лера, уставшая от рассказов о бесконечных жизненных перипетиях подруг.

- В жизни много странного. Иногда кажется, что все события образуют какой-то определенный рисунок, но его никак не удается разгадать. Это как если бы наша жизнь состояла из мозаики, в которой не хватает многих деталей, - как бы оправдываясь, сказала Рита.

Лене показалось, что Рита почувствовала облегчение от своего трудного откровения, от своих пусть даже резких слов. Ее монолог заставил Лену взглянуть на себя, на свою жизнь как бы со стороны. Но она никак не могла раскрепоститься и последовать примеру подруги. «В моем одиноком молчании всегда подразумевается несуществующий собеседник, спорщик - моё внутреннее «я». Мне его всегда хватало», - думала она.

То ли от шумных разговоров подруг, то ли от собственных вдруг нахлынувших воспоминаний Лена почувствовала себя смертельно усталой и снова как бы отключилась на время.

- ...Нашим бабушкам было проще, они верили, что на том свете таких мужчин ждет

великое отмщение за все мучения женщин, – рассмеялась Жанна.

– ...Получил наш слесарь зарплату, напился и пришел к столяру поплакаться. А дверь в мастерскую оставил открытой. Слышу, во весь голос возмущается: «Не хочет моя баба со мной пьяным в постели...» И матом, конечно, как пулеметными очередями. «Я сейчас за деньги себе любую приведу!» И опять расстрелял весь свой запас боеприпасов. А я вышла из своей комнаты (она напротив) и говорю: «А если она тоже... за деньги?» Ты бы видела его растерянную, испуганную физиономию! Наверное, алкашу никогда в голову не приходило, что его терпеливая женушка могла бы отомстить ему той же монетой... Ушла я к себе. До слез хохотала.

Опять Лилин голос будто издалека:

– ...А когда мой второй муж свирепел, то словно с цепи срывался, терял контроль над собой, я с дочкой уходила из дому к подруге со словами: «Стенам досаждай» или молчала. Пустая трата времени спорить с ним. Ураган остановить мне было не по силам, и я ждала, пока сам иссякнет. Пьяным он всегда делал, что хотел, и последствия его не интересовали. И мне твердил, мол, не твоя забота, где я и что делаю. Бунт зрел во мне слишком долго. И все же я задумывалась: «Зачем мне все это нужно? Чем я готова пожертвовать ради такой семьи? Еще прибьет с психу, по пьяни. И грабли раз в году стреляют. Говорят, дураку с самим собой весело, а умному с самим собой нескучно. Пусть один живет и радуется. Пусть ищет свое придуманное пьяное счастье».

Мы все стонем, словно у судьбы взаймы счастья просим, а четко определить для себя – прощать или прощаться – не умеем. И решительно сбросить оковы у нас не получается. Жалеем их или себя... Там, где всё зависит только от нас, женщин, мы горы способны свернуть. Но когда мы в паре, когда задействован мужчина, почему-то становимся непредсказуемо неуверенными, не в состоянии помочь себе... Пусть тоска прячется в углах квартиры, но это лучше, чем каждодневные обиды... Если мужчина слаб или, напротив, – превозносит сам себя, то «суду все ясно».

...А перед свадьбой такие прекрасные слова говорил! Врал, а я верила. Детдомовская душа хотела семьи. Бывало, по молодости так хотелось ему сказать: «Ты моя Вселенная, ты мое всё, я дышу тобой, живу тобой...», а он матом... на землю опускал. Сердце сжималось в ожидании чего-то нежного, возвышенного, а получала дьявольски-омерзительное, невыносимо-грязное. И сразу ясно становилось, кто он и что он такое. Матерясь, он даже не пытался сохранить свое потрепанное достоинство. Не нуждался. Изводил меня этим. С Богом не разговаривал. Может, и правда на том свете с него за все спросится?

Помню, дочке два года, сыну пять, свекровь ногу сломала, сестра ее полоумная на моих руках осталась, брат в прединфарктном состоянии, еще и бабуся их столетняя... У меня на работе ор... Все выдержала. Молодая была, и Дмитрий пил еще почти в меру, когда я рядом была... Потом я заболела, а он ни разу не пришел в больницу. Свободу почувствовав, куралесил. И позже я с ног сбивалась, совсем загибалась, но всему ладу давала.

...Послала я его в сквер с дочкой и старшим сыном погулять, чтобы не болтались под ногами, пока буду уборку в квартире делать. А у самой душа не на месте. Бросила я полуюшку и к ним. Слышу рев на всю детскую площадку. Смотрю, Дима сует дочке огромный грузовик и требует с ним играть, а та от него шарахается. Ей он неинтересен, она боится его. А муж не понимает, что Катя – девочка и к тому же в ее характере созерцательность и длительное внимательное изучение объекта, а потом уже осторожные проявления деятельности. Довел ребенка до истерики. Я еле увела мужа с площадки. Стала говорить, мол, какой пример поведения мальчику подаешь, с детьми надо с подходом... Куда ему до понимания таких тонкостей. Он даже не хотел задумываться о таких мелочах. Он самый умный, он всегда прав. Диктовать ему вздумала, учить!

После нескольких неудачных попыток послать мужа гулять с детьми, пока я стираю или привожу квартиру в порядок, я пришла к выводу, что лучше уж пусть они играют дома на диване, чем портят нервы с горе-отцом. А он и рад. Быстро смекнул, что таким образом может удалиться или вовсе избавиться от ненавистного ему воспитательного процесса и тем самым стать свободным для своего «хобби».

- Может, он нарочно выставлял себя неумехой, чтобы ты от него отстала. Знала я таких типов, когда в родительском комитете работала. Им бы только увильнуть от забот да с друзьями пива попить, - предположила Жанна.

- У меня ноги подкашивались к концу дня от усталости, а ему все до «фени». А тут еще эти бесконечные очереди. Но мужа не пошлешь в магазин, вернется без покупок, без денег и на бровях... Ради кого мы безропотно сжигаем себя дотла? Настигает ли таких мужей возмездие хотя бы на том свете?.. Бывало, расшвыряет, разбрасает все со злом и никогда не уберет за собой. Знал, жена не потерпит беспорядка. В этом его отвага и ум проявлялись? И то сказать - чисто «мужское» поведение... Напортачить, перевернуть все с ног на голову... нет чтобы помочь, пожалеть. Кажется, Горький сказал, что жалость унижает. Да не унижает она... иногда нужно человеку сочувствие, ой как нужно.

- Жалость - не сочувствие, - строго сказала Лера.

- И с третьим... Шило на мыло поменяла. Думала, отдохну душой от второго. Ведь как говорят: переверни последнюю страницу первой главы, и ее конец станет началом следующей главы твоей жизни... И чего за него держалась, на что надеялась? А он верил, что ради семьи я буду до конца жизни терпеть его выходки, не предполагал, что может быть иначе. Он искренне не понимал, почему я развожусь с ним.

«О первом и третьем мужьях Лиля не хочет много говорить, а о втором вновь и вновь вспоминает. Не может выбросить его из головы. Значит, до сих пор любит», - поняла Лена.

- Мужчины физически сильнее нас, но это совсем не значит, что нравственнее. Я не осознавала этого, пока сама не попала в число таких же вот наказанных судьбой. Наверное, мужу приятно было сознавать, что кто-то слабее, глупее, то бишь наивнее его. Хорошо, что у меня хватило ума не прописать второго на свою жилплощадь. Ладно, оставляю в стороне свои старые проблемы, новых хватает, - усмехнулась Рита. - Видно, как теперь говорят, карма моя такая - находить себе плохих мужей. Собственно, чему тут удивляться? Я была подготовлена к этому всей своей предыдущей детдомовской жизнью. А может, хорошие повсеместно перевелись и теперь их днем с огнем не отыскать?.. И все же мне выпало счастье любить, хоть и безответно, а это уже много, - добавила она с теплой, но грустной улыбкой.

«Кого она имела в виду? Кто же он - этот ее мучительный и сладкий крест любви? Неужели Стас? А может, все-таки Антон?» - подумала Лена.

- Я бы отнесла твоего второго мужа к числу людей, не стоящих внимания. Он козу отпущения в тебе видел. (И тут без меня не обойдутся!) Тряс тебя, как ветер грушу, а ты только изгибалась, - вставила свое категоричное замечание Инна. - Только пыль умел пускать. Обласкан и свободен! Так сказать, и волки сыты, и овцы целы. Исправлять такого - пустой номер. Разве что под нажимом общественности. Опять не предусмотрела... Это тебе не научные статьи писать. Тут другие мозговые центры должны включаться. Ухлопала свою праведную жизнь на подонков, а оценить некому. Не много судьба отмерила тебе счастья. А ведь не сказать, что ты была неразборчива.

- Ну что ты за человек, в самом деле! Тебе про Фому, а ты про Ерему... Твердишь одно и то же, как заведенная. Сколько можно? Надоело! - раздраженно остановила ее Рита.

- Прости, с языка сорвалось, - неожиданно быстро отреагировала Инна и уставилась в окно.

«Как же Инна сейчас напоминает мужа моей подруги - Евгения. Тот тоже наговорит колкостей, гадостей, а потом извиняется с тем, чтобы тут же делать то же самое. А разве нельзя обойтись без оскорблений? Разве трудно говорить друг другу простые добрые слова? И всего-то надо чуть-чуть попридержат свой характер. А у другой подруги муж оскорбляет и не извиняется... А может, второй муж Риты кричал на нее, потому что на себя злился, на свое бессилие, на свою неспособность содержать семью. На жене вымещал обиду за свою несостоятельность. И такое мне приходилось наблюдать. Зря Рита в таком возрасте замуж пошла. Покоя искала. С мужчиной? Смех и только. А может, назло Стасу? - подумала Жанна. - Чудны твои дела, Господи!.. Вкладываем мы души в своих мальчиков, да не всегда из них золото получается. Гены ли виноваты, наши ли просчеты, мужья?»

«Что за невероятное создание наша Рита! Прошла через столько страданий и еще полна жизни. Сколько лет ей потребовалось на то, чтобы говорить о своей боли с какой-то мягкостью, со спокойной иронией и даже юмором? От нее исходит тепло и покой. Я бы так не смогла», – восхищенно подумала Лена.

– Почему ты такая красивая замуж сразу после развода не вышла? – в лоб спросила Риту Аня.

«Не люблю вторгаться в чужую личную жизнь... Ну если только человек сам захочет поделиться», – заерзала Лена.

– Думаешь, много находится мужчин, способных терпеть рядом с собой чужого ребенка? – вопросом на вопрос ответила Рита. – Ну если только те, которые сами будут зависеть от тебя... А другие, даже если женщина прилично зарабатывает, начинают попрекать, мол, кормлю чужого... У них все я... я... мне... мне. Не желала я сыну такого «счастья». Замуж пошла, когда он женился.

– А мой третий муж, только начав болеть, стал чуть нежнее и добрее. Значит, были эти крупницы человеческого в нем где-то глубоко запрятаны. Не может же быть, что они зародились, только когда он стал рассыпаться. Только ближе мы друг другу почему-то не стали... Может, я перегорела? Почему он раньше не понимал простейшие вещи? Разве надо обязательно получить удар палкой, чтобы ее бояться? Почему до этого в нем была только грубая, безобразная, бессмысленная жестокость? Отчего не замечал доброго к себе отношения, не видел моей боли? А может, эта его нынешняя нежность, доброта и забота только проявление рефлекса, боязнь быть брошенным, оставленным больным и никому не нужным на произвол судьбы? Хотелось бы верить в первое.

Кира принесла чай и кофе. Женщины разобрали чашки и на время уgomонились.

А у Эммы свои мысли в голове: «Страсть к любви не имеет отношения. Может быть, она даже противоположна любви... Мужчинам, в основной своей массе, духовная любовь так же важна, как и женщинам? Наверное, нет, иначе они не компенсировали бы ее недостаток сексом. Неужели только уют, забота, дети?.. Почему женщина стремится замуж? Чтобы иметь рядом единственного, любимого. Может, она ищет только стабильности? Ее могут дать алименты. Нет, все-таки ради духовной близости... Путь человека к самому себе слишком долог. Иногда он длиной в жизнь. И не всем его удается пройти без потерь».

Опять двадцать пять

Женщины шумно спорили, одновременно участвуя в двух-трех темах, возникающих на разных концах стола. Лена пыталась вникнуть в беседы подруг, но боль в позвоночнике отвлекала ее, рассеивала внимание.

- ...Жизнь вообще штука непростая. И радостной ее делать надо нам самим. Никто не придет и не развеселит нас, - задумчиво изрекла Аня. - В школах почти совсем нет мужчин, а праздники у нас все равно проходят весело.

- ...Женщины реже, но тоже лгут. Царь Николай умел любить, а женушка, эта хитрая немочка, надула его, скрыв свою наследственную болезнь, которой впоследствии наделила их единственного сына. Я бы такое не простила. - Это Жанна подала голос. - Моя подруга была слепая после детской травмы. Ее муж утверждал, что он тоже слеп не с рождения, но у них родился незрячий ребенок. Как она плакала, как проклинала мужа...

- ...А я когда от маленьких детей боялась уйти даже в магазин, советовала мужу запереться в ванной комнате и там головой биться о стену до тех пор, пока дурь не схлынет, - вернулась к начатому разговору Лиля.

- Помогало? - удивленно спросила Жанна.

- Какое там! Еще хлеще и злее брюзжать начинал. До фанатизма раскалялся - водой не остудишь. Его занудство «по пьяной лавочке» - неизлечимая болезнь. Жить меня учил. Цирк! Я на него войной шла, на улицу выгоняла, чтобы детям нервы не мотал. Тогда он хоть на время затихал. Не предвидела я такого «счастья» с ним, - вздохнув, поделилась Лиля. - Пьяным покалечился, а на мне зло срывал, будто я в том виновата. А я, страшась за его жизнь, умоляла его больше не пить, бегала за ним по буфетам и пивным. Все надеялась спасти. Шиш с маслом. Придет, наврет, наобещает с три короба, а потом опять за свое. Ему же в друзья набивались одни алкаши да подонки. Псу под хвост все мои старания... да еще гнал меня, чтобы не путалась под ногами. Что с пьяного возьмешь?

Нет чтобы ценить, что с ним нянчусь, так еще и гадил в душу. От глупости и главное от эгоизма все это. Как-то, будучи трезвым, бабой назвал. А я его спрашиваю: «Твоя мама тоже баба?» «Нет, - говорит, - она женщина. Она меня родила, у нас одна кровь, и этим мне ближе. А ты мать моих детей. В них твоя кровь подмешана». Я, видишь ли, ему чужая баба. Неожиданная мысль. Не готова я была к ней. Потом, пользуясь логикой слабой женщины, стал обзывать мои мозги куриными. Совсем деградировал. Я понимала, что он хамит, потому что у него не хватает ума ответить мне достойно. Все его отмазки наизусть выучила. Не так уж широк был их диапазон.

- Трус мстит за поругание своих надежд более жестоко, вот в чем штука. Если ему позволить, он может трансформироваться в чудовище. Такое вот, казалось бы, противоречие. Но такова его сущность, - прокомментировала Инна слова Лили.

- Может, и правда глупой была, раз столько лет вожжалась с мужем: нянчилась, жалела, пыталась подстроиться. Мое старание давало ему повод не особо перетруждаться. Когда он незаслуженно обижал меня, я всегда находила объяснение его недостойному поведению, оправдывала. И к чему это привело?.. Нельзя так принижать себя своей любовью. Наверное, мужское качество - стремление подчинить, а наше - уступить. Мы слишком терпимы к мужьям и беспощадны к себе. И еще ради детей мы смиряемся, притихаем, сносим мужские властные замашки. Тогда-то и возникает в них нечто, плохо вяжущееся с нормальным с нашей точки зрения поведением... Видно, судьба моя состояла в том, чтобы быть обманутой.

И почему я всегда несамостоятельных выбирала? Помню, подруга сердилась: «Кому в прислуги подалась? Загнешься с ним. Ему нейметя, а ты страдаешь, пытаешься унять, обуздать пьяного дикого зверя, побеждая в себе неприязнь. Свое мужество и порядочность перед ним стелешь. А в ответ только глумливый смех слышишь. Доброе, всезнающее сознание не подсказывает тебе выход их тупика? Разве для него живешь? Задумайся». Потом муж совсем обнаглел, стал грозиться уйти, дверью хлопал. Думал, побегу вслед, заламывая руки, а я сама подала на развод.

Кира про себя удивляется: «За все наши предыдущие встречи Лиля ни разу и словом не обмолвилась о проблемах в личной жизни. А Инна все знала. И о Рите, и даже об Эмме. Она, оказывается, умеет молчать».

«Вот опять Лиля перед лицом своей неудавшейся жизни. И снова сканирует любезную душе русского человека тему пьянства. Терпение с ее стороны, безразличие и агрессия – с его. Попыталась переделать мужа, и что получила? Узнала вкус тоски и одиночества. Осталось только сожалеть. И тем не менее именно такие женщины утверждают, что на их пусть даже необоснованном оптимизме не только семьи, весь мир держится... Разве женщины слишком много хотят? Жить так, чтобы находящиеся рядом люди были счастливы, чтобы уважали, будь то дети, старики или муж», – думала Жанна.

А Лена, слушая откровения Лили, с наводящей скуку отчетливостью увидела наперед, что произойдет в следующую минуту, о чем еще станет рассказывать несчастливая сокурсница.

– Не стоит воздвигать алтари каждому новоиспеченному мужу, – с жаром воскликнула Эмма.

Инна смерила ее непонимающим взглядом. Она с трудом сдерживала торжествующую улыбку, ее глаза насмешливо говорили: «А одному можно?»

– Да, не свидетельствует такое поведение о золотых россыпях характера Димки. Твоя жизнь – поэма борьбы, покорности и страданий. Запомни, ты не подарок. Тебя должны постоянно добиваться, тебя должны обретать! Ох и отыгралась бы я на нем и потом только бросила! Не позволила бы собой управлять. У меня не забалуешь, – хмыкнула Инна. – ...И все же, Лиля, в твоих словах о нем совсем нет души. Не похоже на тебя.

– Устала я, иссякла моя душа, истратилась. Я ощущаю свою жизнь лишь как ошибку, как вечную муку. Все хотят любить так, чтобы обрести целый мир, а не потерять его и заодно себя. Я рада бы сказать о нем что-либо хорошее. Но что?.. Изводили сомнения, но все-таки оставила я мужа, не выдержала его жерновов, когда поняла, что развод – это не конец света, хотя и считала, что в нем всегда проигрывает женщина.

– Ну, Лиля, ты даешь!

– Не дает, а выдает глупость. Подобное утверждение теперь даже у скептиков вызывает улыбку, – быстро отреагировала Инна. – Любовь к мужчине – не единственное содержание жизни женщины.

– Только не так уж много на свете вещей, способных утешить, облегчить жизнь. Любовь, нежность, забота, дети, – сказала Алла.

– ...Пусть, думаю, теперь будет счастлив с самим собой, с бутылкой и с друзьями. Сколько раз силилась представить его счастье, так и не получилось. Нет, с друзьями все понятно. Их любят потому, что с ними расслабляются, а в семье заботы. Я про водку... Пропал ни за понюшку табаку. Да и Георгий, мой третий, был мне далеко не самым лучшим мужем. Он из тех, что в трезвом виде и в грязи рук не вымажет, и сладкого вволю поест, а в пьяном... Стервец. Умел только обещать. Что же до детей... они ему не нужны были. Ответственность для него – слишком тяжелое бремя. О детях с ним вообще речи не шло. Да я не в обиде. Чужие они ему.

Вот я пережила череду непростых браков, и что? Я одинока. А разве я плохая? Разве я не старалась?.. Но есть память, вращающая калейдоскоп событий, подтверждающих безумство мужской логики, показывающей, что всё у них лишено морали... Вот тебе обоснование, лишнее подтверждение тому, почему у нас на курсе восемьдесят процентов несчастливых браков и разводов... У мужской любви короткий век. И не все попадают под ее раздачу.

«Вот так монолог под занавес! Ты на самом деле так считаешь? Этак можно подумать, что ничего прочного и важного в нашей жизни больше не осталось», – удивилась Лена и неодобрительно покачала головой.

– Все как в природе. В ней тоже только пять процентов вещества состоит из атомов, а остальное – темная материя. А наше сознание? Оно нам, конечно, иногда кое-что

сообщает, но в основном молчит. Живем на инстинктах, на том, что записано в память бесчисленными предками. Получается, человек – сейф для хранения генетической информации, а свободной воли в нем с ноготок. И гений тот, кто пытается понять о себе чуть больше, чем знают другие.

«Лилины слова не лишены здравого смысла. Но куда понесло! Она и среди академиков-биологов не растерялась бы», – криво усмехнулась Инна.

«Как же несчастливые женщины похожи! Те же манеры, те же речевые обороты, всё те же гнетущие мысли», – грустно подумала Лена.

– Вот поэтому и стремятся современные женщины к независимости, хоть и приходится отдуваться за двоих, лишь бы не нянчиться с непутевыми мужьями, – продолжила Лиля.

– И продолжают искать лучшего, – заметила Аня.

– Что я слышу? Заговор против мужчин! Может, это тупиковый путь? Было бы непροстителным фарисейством уверять, что мужчины нам вовсе не нужны, – улыбнулась Алла. – Мужчины двигают историю.

– Только куда они ее задвигают – большой вопрос, – рассмеялась Инна.

– «Для маленькой компании», – пропела Лиля. – Плохие мужчины нам не нужны. Я двумя руками за то, чтобы мужья занимали важное место в жизни своей семьи и достигали этого достойными средствами. Без государственной, нравственной политики, без положительного общественного взгляда на проблемы семьи нам не поднять и не разрешить эту задачу. А для этого нам надо добиваться, чтобы больше женщин было на руководящих постах.

– А женщины так прямо-таки все золотки? – тонко улыбнулась Алла.

– Злюками нас делают мужчины, – уверенно заявила Лиля.

– А сами жизнерадостно ржут, и ни в зуб ногой, – поддакнула Инна, довольная к месту вставленным пусть даже грубым словечком.

– Не обобщай, – остановила ее Лера. – Идеальных людей не существует. К мудрости одного примешивается тщеславие, к страсти другого – дикая ревность. Низость и величие так бывают переплетены и перемешаны в человеке, что сам Всевышний не разберется.

Лена ежилась, досадуя на то, что приходится выслушивать непривычную для ее слуха примитивную «бытовуху», которую выплескивали друг на друга ее подруги. «В юности слова в пустых разговорах были легки как перышки, а теперь они будто бульжники, хоть дорогу ими к погосту устилаи, – думала она, борясь с приступом недовольства. Подавляя надвигающееся раздражение, она проигрывала пальцами на коленях очередную энергичную мелодию, чтобы случайно не задеть, не обидеть высказывающихся готовой в любой момент вырваться резкой репликой. – Время слишком дорого, чтобы растрчивать его на пустую болтовню, тем более что его – этого времени – остается у нас не так уж много. Мужчины в данной ситуации не упустили бы возможность съехидничать, мол, мы позволили женщинам говорить, а теперь не знаем, как заставить их замолчать».

Возмущенно и грозно заговорила Аня:

– ...Раньше хотя бы в интеллигентской среде не было принято хвалиться своей непорядочностью, а теперь с экрана знаменитый артист заявляет с гордостью: «Я женился на ней, когда нашему ребенку было три года». В этом он видит мужское достоинство? Так он форматирует молодежь? Есть ли у него хоть капля стыда? Какое-то карлсоновское легкомыслие у мужчины за тридцать. Раньше ведь как считали: быть хорошим человеком, совершать добрые поступки – главная радость в жизни. А сейчас говорят, что делают добро только дураки. Мол, делать добро невыгодно.

«Выплеснут сегодня женщины свою боль и дальше жить станут внешне веселыми или строгими, не в меру деловыми», – подумала Кира.

- Аня, рассуди здраво. Тебе не кажется, что ты слишком жестко судишь мужчин и слишком много от них требуешь? Мужчины любят очаровательных, веселых, а не строгих. В связи с этим у меня вопрос к тебе, к слову пришлось. Знаешь, почему исповедники мужчины? Женщинам ненавистен всякий порок. Они не давали бы так легко отпущение грехов, как мужчины. А ты знаешь, например, почему мужчины тянут женщин в постель? Потому что им говорить с нами не о чем. Не о футболе же или рыбалке, - приснув в ладони, сама же и ответила на свои вопросы Инна.

Аня недоуменно взглянула на Инну и обидчиво подумала: «За дуру меня держит».

«Смешинка ей в рот попала или разрядиться захотела. А сделать это проще всего анекдотом или маленькой безобидной глупостью», - решила Лена.

- Мужчины предпочитают, чтобы за них вкалывали, а они бы развлекались? Это ты хотела сказать? - спрашивала кого-то Инна. - А кто этого не любит, ты что ли? Чувство ответственности за семью тебе не позволяет, а то, небось, тоже разгулялась бы...

- Вот только про это не надо! Не терплю пошлости! - взорвалась Лиля, вызвав откровенную усмешку Инны.

«...И все-таки при всей искренности в рассказе Лили есть какая-то недосказанность, о чем-то она умалчивает. Что за этим стоит? Кое-что настораживает меня в ее рассуждениях. Не могла она бросить покалеченного, пусть даже не по ее вине, только из-за его несносного характера», - подумалось вдруг Лене.

И будто услышав ее сомнения, Инна наклонилась к ней и произнесла горячим сбивчивым шепотом: «С его-то физическими недостатками и загулять! Уму непостижимо! Вот как водочка перекраивает даже такого никудышного мужика. Такого позора Лилия не потерпела. Я как-то спросила ее, не изменяла ли она мужу, ну хотя бы от обиды. Твердо сказала «нет». Не могла опуститься до его скотства. «Это у мужчин измены грехом, по большому счету, не считаются. Можно подумать, что заповеди сочинялись только для женщин. Тракторка Фрейда им ближе. Помню, были у нас в гостях друзья мужа. Один из них закрыл меня в ванной на шпингалет и давай умолять, мол, что же ты такая правильная, измени мужу хоть раз, жизнь-то проходит даром. Вспомнить будет нечего... Изменить, а потом вспоминать свой позор? Не понимают они языка тонкости чувств. Вот если по голове ударить - им сразу доходит. Примитивные... А вот когда третьего мужа искала, ложилась в постель. Как же иначе? Это я за первого выходила в полном неведении». - «Ну и...» - подталкивала я Лилию на откровенность. Она ответила брезгливо: «Один импотент, другой - так, кое-как... Тошно стало, бросила я это противное дело. На судьбу стала надеяться, а она тоже подвела», - с наигранно веселым осуждением сказала мне Лиля».

«Все в ней было: молодость, простые сильные искренние чувства, ощущение особой приподнятости, доверчивая готовность к счастью, порядочность, верность. И где все это? Растоптано, изгваздано, изгажено... Куда девается гармония здоровых, счастливых, любящих и любимых людей? Не было ее в Лилиных семьях. Не везло ей», - искренне сочувствуя, думала Жанна.

«Судя по Лилиному виду, не скажешь, что идеалистка, а вот глядишь ты»... - не могла тайне не усмехнуться Инна.

Лиля сидела задумчивая и грустная. Ее мысли текли и вились, словно тонкий медленный ручеек из болотца. «Работа, заботы... Только в зрелом возрасте стала позволять себе оценивать свое поведение в семье, пытаться его понять. (В молодости больше о чувствах думала: любит, не любит.) И пришла к странному выводу: когда любила Диму, то как бы находилась под собственным сильнейшим гипнозом и сама себе неосознанно внушала быть терпимой. А вот с третьим мужем попала под его гипноз и позволяла себе достаточно долго и бездумно подчиняться его влиянию. Но природа его воздействия была совсем другая. Первый муж был слабыхарактерным. Я быстро избавилась от его гипнотического воздействия и от собственных чар влюбленности и трезво посмотрела на своего избранника. Вот и Эмма много лет жила под гипнозом своего мужа и его матери и не могла вырваться из их оков. Она их ощущала, злилась, но ничего не могла с собой поделать. Почему такое происходит?»

Развод

- Лиля, почему ты считаешь, что женщина при любом раскладе в разводе всегда в проигрыше? - удивилась Жанна. - Ну, если только смотреть на замужество как на конечную цель, как на вершину своих мечтаний, как на единственный подарок судьбы, тогда конечно... Так было раньше, когда женщины не работали и были полностью зависимы от мужей. Ушло время, когда в семье безраздельно властвовали мужчины. Моя племянница Рая говорила мне: «Вроде бы я не глупая, но, как это ни горько звучит, - просчиталась. Сначала юная, влюбленная была, потом некогда было задумываться - забота о детях, о муже занимала все мое время. Обо всех думала, кроме себя. Обязанности были оправданием и смыслом моей жизни... Потом мысли стали возникать сплошь болезненные, унижительные. Жалость к себе возникла, растерянность, обида... заколотило всю: ведь не перевариваю, меня воротит от него... зачем с ним живу?»

Всполошилась, наконец, мысленно с особой тщательностью проследила всю нашу жизнь, его поведение и со всей очевидностью осознала свою глупость. К чему приведет такая жизнь? К отмиранию, к гибели всех внутренних сил? И вдруг поняла, что проблемы у меня возникают, когда я пытаюсь оправдать чужие надежды, а не свои. Вырисовался только один выход - развод. И я решилась. Меньше всего мне хотелось ссориться, поэтому ясно, непререкаемым тоном дала мужу понять, что он мне в тягость. Он сначала с высокомерным видом высказал свое неудовольствие, потом успокоился. Развод был бескровный. Делить было нечего, а на ребенка, как у нас принято в России, он не претендовал.

И с какой дури столько лет ожидала любви?! К чему мне его непомерные претензии? Почему верила, что пелена спадет с его глаз? Зачем терпела мужа? Ведь понимала, что устойчивые отношения с ним невозможны, что испоганил мне жизнь... Бывало, отхаживаю его, а он очухается, отплачется, окрепнет и снова дозу принимает... Сидел бы тише воды ниже травы, не высывался. Так нет же, еще и в драку лез. Дурному «отваги» не занимать. Себе ли, мне ли назло так делал? И я снова из огня да в полымя, а он и полшага навстречу никогда не делал. Посуди сама, какая это семья - ни возродить, ни переделать».

А я ей:

«Иду как-то по Ленинской. Десяток школьников-шалопаяев одного травят, издеваются. А он, выслушав их, гордо поднял голову и молча отошел от них. Не утерпела я, презрительно бросила гикавшей вслед мальчику компании: «Радуюсь, что среди вас хоть один настоящий мужчина оказался. Остальные - стадо, шавки, подпевалы. Смелые, когда десять на одного. А встретившись один на один с хулиганом, сразу обделаются. В кого же влюбляться нашим гордым, умным внукам? В вас, в вонючее дерьмо?» Плонула себе под ноги, растерла и пошла своей дорогой. А ты говоришь «откуда?». Вон они, рядом с нами... будущие ухажеры».

«Что толку распинать на кресте свои собственные чувства, морализировать. Так сошлись звезды - не повезло мне. А платила по счетам только я. Трудилась нещадно, и все как в прорву. Конечно, каждый пытается выстраивать свою жизнь с наименьшими потерями, но, к сожалению, она часто бывает переполнена утратами, от которых не уберечься».

Я сделала первый шаг по пути к себе, по пути уважения собственной личности и теперь наслаждаюсь уверенностью, независимостью от его тлетворного присутствия. Я вздохнула полной грудью, чувствую себя свободной, возрожденной, окрыленной и сполна вознаграждаю себя за умное решение. Плечи расправила, расцвела. Страх, ожидание беды исчезли из моей жизни. Разведясь, я почувствовала непривычную радость. Совсем было забыла, что это такое. Иногда иду и, как ребенок, улыбаюсь неизвестно чему. Я словно ожила. Для меня совершенно ясно: я больше не хочу иметь с мужем ничего общего, и уже ничто не сможет удержать меня рядом с подобным типом. Остался далеко позади тот отцветший период моей жизни. Теперь дочке больше времени уделяю. Души в ней не чаю. А что дальше? Поживем - увидим. Одно могу точно сказать - недостойного в свою семью не приму».

«И не жалко тебе мужа?» - спросила я.

А племянница ответила:

«На днях зашел ко мне сосед денег занять на выпивку и похвалился, что любовница его выперла, и он идет к жене в ножки кланяться, чтобы она его простила по доброте душевной и назад взяла. А я ему ответила, что он три года ругал и позорил свою жену перед всем домом, нагло демонстрируя свою любовь к другой женщине, и прощать такого подлеца и к тому же пьяницу – не доброта, а глупость. И добавила, что буду искренне рада, если сыновья поддержат маму». Я жестока? Да. Иначе подобного рода мужчин не образумить. Мы сами приучаем их к мысли, что примем любыми, даже самыми гадкими, вот они и распоясываются».

Раина мама считала, что стыдно быть безмужней. У нее был вселенский ужас перед разводами. Ее известие дочери как обухом по голове ударило. Она, успокаивая себя, устраивала за мужем дочки слежку. Но с тех пор как родители купили ему машину (цивилизация, черт ее побери!), он стал неуловим. А с появлением мобильной связи теща уже не могла контролировать его телефонные разговоры. Записать на диктофон его «беседы» она не догадывалась, а дочь не хотела подсказывать. Мама под лозунгом «как лучше» все это делала, а дочку тошнило от ее манипуляций.

Рая делилась со мной: «Сама я во всем виновата. Возник торопливый юношеский роман. Он разворачивался со всей увлеченностью и безоглядностью так стремительно, что не было желания глубже узнать друг друга. Потом было красивое замужество. Мы жили тогда, как играли, не ожидая трудностей. Говорят, счастлив человек, который не осознает степени своего несчастья. Так это обо мне в юные годы. Была или не была любовь – мне теперь решительно все равно. Легко выходить замуж в ранней молодости. А теперь я даже влюбиться не могу, если мужчина неумен и непорядочен, не то чтобы полюбить. В любой стране есть плохие и очень плохие люди. Хотелось бы, чтобы их было как можно меньше. Мой муж не убийца, не вор, но жить рядом с ним – значит уничтожать мою маленькую семью».

– Не возьму на себя смелость утверждать, что твоя Рая на все сто права. И куда нас заведут разводы – страшно подумать. К вымиранию? – растерянно сказала Аня.

– «Удивляюсь необоснованности и неосновательности людских суждений, – говорила мне Рая. – Со спокойной совестью корят, осуждают, а союз наш укрепить не стремились, на самотек все пускали. И мы не поддерживали близких отношений с родней. Варились в собственном соку. Во взрослых играли. Наверное, все, за редким исключением, так начинают свою жизнь, если рано выходят замуж. Теперь вот бывший муж мне просто товарищ по работе».

«Что вполне отвечает современному балансу отношений между полами? Или это нетривиально, нетрадиционно?» – саркастически заметила я.

«Знаю, можешь не соглашаться со мной, но ты не представляешь, как мне стало легко без мужа! Какое я испытала прекрасное, совершенно неожиданное ощущение торжества свободы! Я сбросила с себя бремя тяжелых обид, неудач, разочарований, расправила в себе подавленное, казалось, вконец загубленное достоинство, сделалась сильной, все для меня сразу стало доступным. Я же с мужем чуть совсем не потеряла уверенность в себе. С голодной жадностью я отдаюсь работе, ребенку, себе, тогда как прежде мой мир крутился только вокруг мужа».

Ради кого я доводила себя до невероятной степени изнурения? Ради человека, который не понимал, как мучается от его зла близкий к нему человек? Теперь я ни у кого не прошу одолжения, ничто у меня не вызывает осложнений. Забыла вечное ощущение безысходности. Каждым днем, каждым часом располагаю по своему выбору. Жаль, что поздно поняла, что «чем такой муж, лучше никакого». Теперь вот заново научилась ходить по солнечной стороне. Кривой ухмылкой судьбы был мой брак.

В паузах между работой и заботами о дочке создаю «шедевры» (шучу) – шью эксклюзивные модели одежды для артистов нашего театра. Их роли, если хотите, глубокое исследование души каждого героя; они словно сгусток того времени... Вот на что я променяла кажущееся благополучие под названием «мужчина в доме». Конечно, не все само собой случилось, очень непросто было пробиться. А тут еще перестройка. Но главное, что муж не мешал, не перекрывал кислород. Теперь, по прошествии пяти лет, я могу уверенно сказать: разойтись – было единственно правильное решение. Кожей чувствую. Не могу советовать, но иногда мне кажется, что многим из нас не повредило бы сделать решительный шаг. Нельзя потакать произволу».

Рита слушает Жанну и думает о своем: «Многие мои разведенные подруги, выйдя на пенсию, как они в шутку говорят, «ваяют нетленное»: стишки пописывают, статейки в газеты тискают, вышивают вместе с внучками, в походы с внуками ходят. Мол, с мужьями не нашли бы свободного времени. Их же нянчить как маленьких приходилось. Их же от дивана не оторвешь. Мы же, как спутники вокруг планет, около них должны были вращаться. А вот Инна считает, что всё так называемое творчество наших подруг – всего лишь примитивная замена упущенных возможностей быть счастливыми в браке».

Жанна продолжила рассказ о племяннице:

«Хотя бы любовника завела», – пошутила я.

«Кого в любовники брать? Ту же самую посредственность с улицы, такого же слабака? Порядочный семейный мужчина не пойдет на это. Я уважаю таких. В чужую семью влезать? Благодарю покорно!»

Знали бы вы, тетя Женя, сколько женихов на меня набросилось сразу после развода! Косяком шли, стаями. И всем одно от меня нужно было: квартира, уют, забота. Четко знают, что хотят, а у самих за душой – решительно ничего. Никакого с них толку... ни днем, ни ночью. И все какие-то противные, лысые, с кучей болячек и вредных привычек. Вялые, бездеятельные, капризные... Животы плещутся, что твоя волна на озере. А гонору-то! Лежалый, подбитый молью товар. Как я их?! Заслужили».

– А может, не лежалый, а выдержанный, как коньяк? – хихикнула Аня.

– Все-таки вы, детдомовские, беспросветные идеалистки, – рассмеялась Инна.

– «И все утверждали, что их намерения продиктованы самыми лучшими побуждениями. Пытались доказать мне, что представляют из себя гораздо большее, чем я о них думаю, да только мастерством перевоплощения не обладали. Я их насквозь видела с момента знакомства. Ох как я их всех шуганула! Послала, куда подальше... к вышеупомянутой прабабушке, чтобы не прилипали. Сразу доказывала бесплодность их усилий, открыто, напрямую растолковывала, что живут они со смутным, эфемерным ощущением своей полезности и что таким «раритетам» самое подходящее место на свалке. Твердо заявляла, что выхожу из игры. Не позволяла даже приударять за собой, чтобы случайно не клюнуть на чью-нибудь льстивую удочку, а потом выяснять отношения. Да, была груба и непреклонна. И никогда об этом не пожалела.

С тех пор чураюсь подобных встреч. Такой вот вотум недоверия. Не выношу мужчин с тухлыми глазами. Бросовый товар. Гнилые огрызки. Такого добра вокруг – сколько угодно. Приличного мужика женщина за порог не выставит. перевоспитать удастся одного из тысячи. Или вы думаете, стоит тратить жизнь на этот бесполезный эксперимент? Здравый смысл, трудолюбие и совесть – вот на что я опираюсь в своей жизни. Конечно, мне трудно, но, безусловно, много легче, чем с плохим мужем.

Самое смешное, что одинокая женщина становится мужественнее, а одинокий мужчина, чаще всего, насколько я могу судить по своему окружению, превращается в никчемного. Кризис среднего возраста провоцирует этих мужчин на попытку обрести хоть какой-то осязаемый итог своей бестолковой жизни. Они, в основном, кидаются жениться по новой, якобы желая наверстать упущенное или найти то неясное, что еще мерещится им вдали. Я далека от мысли объяснять их поступки личным тщеславием – его у них нет – или желанием облагодетельствовать женщину. На самом деле большинство из них просто хотят пригреться у чужого огня. Нужен мне такой хомут, эта кабала, эта мертвечина брака? Знаю, какие опасности он таит».

– Вот не знаешь про такое, и сердце не так болит о бедных женщинах. Я, оказывается... еще... счастливая? Вот оно, женское счастье... – усмехнулась Аня.

«И что я, глупая, именовала своим счастьем? – продолжила рассказывать Жанна об исповеди своей племянницы. – Свою влюбленность, и все? Теперь в лучшем случае бывший муж раз в год, как ясное солнышко, является к дочке, о себе напоминает. Меня избегает, побаивается. Знает кошка, чье сало съела... Ладно, что было, то сплыло. Одна радость от той моей прошлой жизни осталась: дочка. И она, слава богу, в мою породу пошла.

Не понимаю я мужчин, да и не хочу понимать. Подруга у меня есть, в институте работает. Красавица, всеобщая любимица, деловая, легкая в общении. Помню, один студент-заочник, глядя ей вслед, восхищенно прошептал: «Ей сорок пять, а она как весенний цветок! Воздушна, светла!» И вдруг одним днем почернела вся, взгляд поверх голов или в пол. Оказывается, узнала, что муж изменяет. Такую себе уродину нашел – не приведи господи! Надя нянчилась с ним как с ребенком, любовью к нему расцветала, а он... ничем не искупить такое! Любовь и боль рука об руку идут, когда один из двоих недостоин любви. С таким не сотворишь чуда счастья, при всем желании не изменишь интонации отношений. Вот она, горькая правда результата возвышенных чувств... Замуж она пошла за него молоденькой, потому что умел соловьем заливаться. Как тут было не поверить в распрекрасную ложь? Видно, романтизм – наше слабое место, вот мужчины и используют эту лапшу в качестве наживки. А ведь ей было из кого выбирать», – грустной усмешкой закончила свой рассказ племянница».

- Не бог весть какой случай, лишнее подтверждение мужской непорядочности и женской несурзности, – мгновенноотреагировала Инна.

- И мне случай сейчас вспомнился. Шли мы раз с подружкой по проспекту. Был чудный летний день. Нам по сорок пять. Я – высокая, 90-50-90, волосы светлые по плечам, шпильки, юбка-гофре. Не иду, а шествую. Как теперь сказали бы – модель. Ника маленькая, пухленькая, грудь пятого размера. Завязала концы блузки узлом, чтобы оголить кругленький животик. На ногах шлепанцы. Не идет, а плывет! Так охи-вздохи всех встретившихся нам мужчин были подарены только ей. Чуть ли не облизывались, пожирая глазами ее пышные телеса. А зачем тогда от жен требуют стройной точеной фигуры?.. Вот и пойми этих мужчин, – вздохнула Эмма.

- Я еще более странный случай расскажу, – сказала Жанна. – Жена у одного мужчины была преданной, а любовница загуляла. Так он вместо того, чтобы прогнать в шею, ревновать ее начал. Вроде она дорожке ему стала, когда оказалось, что еще кому-то нужна. А жена, получается, никому больше не нужна, раз не изменяет, и ценить ее не надо. Вот ведь странная психология.

- Беспардонная! – зло бросила Инна. – Это по типу старого пошлого анекдота: «Дашь – б... не дашь – сука».

- Тут похуже, – гневно возразила Лиля.

Романтика романсов

Подруги продолжали вести непринужденные беседы, а Инна подошла к телевизору.

- По восьмому каналу детектив. Кира, оставить? Пусть пошепчет?

- Сегодня не надо. Слава и так каждый раз, когда я смотрю детективы, подбрасывает в мой адрес реплики типа: «Твой любимый Коломбо, наверное, даже спит в своем знаменитом мятом, линялом плаще». Или: «Твой Коломбо, твоя мисс Марпл, как, впрочем, и Джессика Флечер, наверное, даже своих телезрителей подозревают в убийствах». Так ведь не от хорошей жизни я их смотрю, когда готовлю ужин, лучшего не нахожу, прыгая по каналам. А тут какая-никакая, хоть и примитивная, но все же классика жанра, и сюжет просматривается. Эти западные «друзья» мне еще не набили оскомину.

- Так Слава еще на занятиях.

- Все равно не надо. От современных «Ментов» меня уже тошнит, выть хочется, как волку в полнолуние. Слишком много негатива. Глохнут, слепнут люди от переизбытка кровищи на экране. Души детей становятся нечувствительными к страху, к чужой боли. Что вытворяют! Убивают больше, чем говорят. Сплошная фальшь вокруг. От всего этого у меня возникает отторжение. И если судить по телесериалам, «герой нашего времени» - милиционер. Перефразируя поговорку, скажу: «Что американцу хорошо, то русскому смерть». А может, время настоящих интеллектуальных героев прошло?

- Не говори, надоели жестокие кровопролитные сериалы. В советские годы нас мучили фильмами на производственные темы, теперь чернухой донимают, - поддержала Киру Лиля.

- Сентиментальные современные мелодрамы тоже наводят тоску. Конечно, людям хочется верить в бесспорно-счастливый финал, но не до такой же степени тупой! Представляешь, торчу вчера на кухне, плиту драю, естественно, телевизор спиной смотрю, как шутит мойменьшенький, иногда на экран поглядываю, пытаюсь нить сюжета не потерять. И что же я вижу: отец является в семью через пятнадцать лет. Взрослый ребенок и мамаша встречают его с распростертыми объятьями. Что он, этот режиссер, черт возьми, пропагандирует? «Гуляй, папочка! Примем, обогреем, старость твою станем тешить, слова дурного не скажем»? Глупый недальновидный мужской шовинизм в действии! Кинотеатр, как и театр, - храм культуры, а не мусорная яма. Раньше как говорили: «В театр приходит толпа, а уходит народ!» Томас Манн, между прочим, изрек.

Переключаю канал. Идет свежее испеченный фильм о тридцатых годах нашей страны, а речь героев современная. Не говорили так раньше: «пошел, стоять». Обращались к человеку: «иди, стой». Подобные обороты появились только в последнее десятилетие из уголовного фольклора. Молодой режиссер думал, что если он надел на ноги главной героине белые носочки, так этого уже достаточно, чтобы зрители почувствовали дух того времени и поверили в его примитивный, предсказуемый, скучный сюжет? Не составил себе труда понять, что еще живы люди, которые досконально помнят ту эпоху. Не фильм, а кладбище пустых авторских амбиций и шаблонов. Даже мой старший внук отрицательно на него отреагировал. Спросил: «Хочешь знать, что я об этом думаю? «Редкая похабень», хуже, чем «жесть». Без «переводчика» я поняла его «рецензию», по брезгливому тону угадала, что наши мнения совпали, хоть и выражались мы на разных диалектах.

- Наверно, путевка в жизнь у этого режиссера была со штампом какого-либо олигарха или не обошлось без огромной мохнатой лапы, - предположила Жанна. - Вон «некоторые» известные артисты - точнее, все как один - буквально в один голос утверждают, что «совершенно случайно» попали на главные сцены страны. А что на самом деле?

- Ха! Где же для тебя, Кирочка, на каждый день набраться таких фильмов, как «Покровские ворота» Казакова, «Зеркало» Тарковского или «Гараж» Рязанова? - несколько развязно спросила Инна. - Как говорил небезызвестный Зигмунд Фрейд: «Культура - это тонкая яблочная кожура над всемирным хаосом». А цивилизация - очень

тонкая пленка, отделяющая человека от животного.

- Хочется, чтобы она была толще, хотя бы типа апельсиновой корки, - заметила Аня. - Меня бесят кочующие из фильма в фильм штампы. Главный герой в жуткий мороз и в метель обязательно в пальто нараспашку и без шапки. А потом наши мальчишки, впрямую воспринимаемая метафору как руководство к действию, ходят в школу без головного убора, воображая себя героями. А зачем главный герой курит? Артист без сигареты не умеет изобразить умное, мужественное лицо? Или режиссеры не могут отыскать в характерах наших мужчин чего-то более достойного, что может привлечь зрителя? Курением, неумеренным употреблением спиртного, невоздержанностью в словах должны гордиться юноши? В каждом фильме, чуть что не так - главный герой за рюмку хватается. Стыдно за мужчин, за их слабости... А мы, женщины, в несчастье вкалываем. А без «оживляжа», без откровенных постельных сцен и голых тел не получается у них изобразить любовь.

Пошлость, кровь ручьями?.. Это нужно нашей молодежи? Это воспитывает в них защитников страны и семьи? В таких фильмах ни ума, ни твердости духа, ни достоинства, ни такта - ничего того, что делает юношу настоящим мужчиной. Измельчали наши фильмы. По пальцам могу перечесать и те западные, что мне нравятся. «Старик и море» Хемингуэя мне в этой связи вспомнился и их фильм «Последний дюйм».

- Молодежь не может интересоваться то, что когда-то волновало нас. Не митингуй, Анята. Лакированные занудные производственные фильмы брежневской эпохи тебе больше по сердцу? - удивилась Инна.

- Они были о добре, о положительных взаимоотношениях между людьми, - упорно защищалась Аня. - А теперь глухая завеса безмолвия над недавно еще звучавшими именами прекрасных артистов нашей юности. А в театрах что творится? В современной версии спектакля «Евгений Онегин» пьяные девушки таскают друг друга за волосы. На этих примерах мы воспитываем молодежь?

- Театр не отражающее зеркало, а увеличительное стекло, - заметила Лера.

- Жизнь стремительно несется вверх по спирали. «Видящие да увидят» правду, - усмехнулась Инна.

- Нашла оправдание!

- А где интеллектуальный юмор? Сейчас востребован пошлый, тот, что ниже пояса, а он разрушает вкус детей, - напонила Лиля. - Всюду слышу скабрезный подножный хохот...

- Свободной территорией от американского кино остались только старые искрометные советские комедии. Американцам носа туда нечего совать. Не сумеют они нас переплюнуть. Как говаривали наши предки: «Штаны у них для этого редки». Они только на спецэффектах выезжают, - добавила критики Эмма.

- Как-то смотрела «Тихий Дон» в импортном исполнении. Из души воротило. А от своего слезы не успевала отирать. Вся сердцем изболелась за каждого героя. Не понять им глубины русской души. С попкорном наш фильм не станешь смотреть, - вслед за Эммой заступилась за советский фильм Жанна. - Кинопрокат в СССР был самый успешный в мире. По «сарафанному радио» мы узнавали о лучших фильмах, часами простаивали за билетами. Радовало публичное, совместное восприятие фильмов, их последующее бурное обсуждение. Артисты владели словом, телом, чувствовали музыку, комичность и трагедийность в каждой сыгранной сцене. А теперь время красивых упаковок, а что в душе - неважно.

- Попкорн теперь не только на полу кинотеатров, он на экранах и в головах зрителей. Дело пахнет керосином. Предвижу крах кинематографа, - вызывающе заявила Инна.

Ее губы изогнулись в лукавой улыбке. Ей доставляло удовольствие смаковать эту тему. Но Иннино разгорающееся желание так и не реализовалось. Никто не счел нужным продолжить спор.

- ...А мог бы только к старости пробиться сквозь густой частокор блатных. Замнем для юности (любимая поговорка Инны), - услышала Лена, но вникать в разговор Лили и

Инны не стала.

Мысли Лены соскользнули с еле заметных тропинок памяти и снова обратились к действительности.

- ...Да будет тебе, Кира, наговаривать на себя и оправдываться. Славка у тебя та еще штучка... тоже порядочная шпилька, может, когда захочет, уколоть. И все же он самый добрый из всех мужчин, с которыми меня свела жизнь. Счастливая ты, Кирочка, - сказала с легкой завистью Рита, вернувшись к началу их разговора.

- ...Слышишь, Лера, на четвертом канале опять переводят стрелки с партии и Сталина на отсутствие религии и веры. Как всегда, народ у них во всем виноват. А пастухи тогда зачем? - сердито выразила свое категоричное мнение Аня.

- ...Он не осуждает не потому, что сам безукоризненно честен, а потому, что считает всех политических деятелей продажными, и присвоение казенных денег представляется ему менее тяжелым грехом, нежели самая обыкновенная кража у частного лица или мошенничество. Масштабы другие - только и всего. Ты думаешь, человечество (или отдельные его представители) способно наступить на собственные эгоистические желания? Способно честно договариваться, подчинять себя общим интересам и требованиям? Сомневаюсь. - Это опять Инна «выступала».

Кира делилась:

- ...Для меня теперь от прикосновения к искусству самые сильные, ни с чем не сравнимые впечатления. Я подпитываюсь им. То романсы меня вдохновят, то прекрасные оперные арии, то умную дискуссию прослушаю. Как-то услышала прекрасную фразу: «Задача музыки привлечь как можно больше людей к очищению».

- А я другое слышала, - сказала Инна. - Музыка - прекрасное средство настроить массы на созидание, на моление, допустим, на войну. Вспомни патриотические марши. Звук действует на человека сильнее, чем изображение.

- К тому же музыка теперь играет огромную, может, даже ключевую роль в удержании на определенном уровне моего эмоционального настроения. Она - мой спасательный круг от усталости и депрессии, - продолжила Кира, обращаясь к Алле.

- Она - вздох ангела в нашей душе, - согласилась та.

- А я поплачу, поплачу и опять за работу, - тихо и как бы в шутку промолвила Аня. - У каждого свой рецепт борьбы с плохим настроением. А ночью лежу и повторяю как своеобразную мантру: «Я счастлива, мне хорошо, мне очень хорошо...», - добавила она с грустно-ироничной усмешкой.

Кира присела на диван, расслабленно откинулась на его спинку, прикрыла веки и заговорила мечтательно, совсем как в юные годы:

- Музыка до сих пор раскрывает во мне что-то новое, чего я еще не знала в себе. Я по-хорошему всеядна: люблю разную музыку, но выбираю из каждого ее вида лучшее. Музыка сопровождает меня по жизни: радует, поддерживает в трудных ситуациях. Время от времени надо позволять себе отдыхать, отдаваясь на волю чувств.

И раньше моя внутренняя духовная зарядка и разрядка в зависимости от возраста складывалась из постоянно меняющихся музыкальных привязанностей и ориентиров - героические, патриотические песни с торжествующей интонацией слов, романтические песни о любви.

- Это после того, как оды вождям постепенно стали заменяться лирическими мотивами? - вставила замечание Инна.

- А теперь мне больше нравятся произведения философской направленности - старею? мудрею? - этаким музыкальный ряд, ведущий меня по дороге жизни. Ему сопутствует моя верная любовь к определенным певцам. Были периоды Георга Отса, Магомаева, Жени Мартынова, Гуляева, Высоцкого, Пугачевой, виртуозно оперирующей своим

талантом актрисы. Они исключительно точно угадывали музыкальный тон своего времени. Они – звуковые приметы, визитные карточки нашей эпохи. Их не надо было рекламировать. Цоя пыталась понять ради внуков. В студенческие годы плакала под Сальваторе Адамо, восхищалась «битлами». Они и сейчас звучат свежо и ярко. Безумно любила Мирей Матье с ее неповторимым раскатистым «р».

Теперь покоряет глубокий, тонкий Таривердиев – до сих пор помню, какое потрясение испытала от первого соприкосновения с его музыкой. Восхищают жизнелюбивые произведения Верди. До слез трогают мелодии непревзойденного песенника Арно Бабаджаняна, особенно его песни на слова Роберта Рождественского, который тоже неисправимый идеалист, как, впрочем, и все мы. Женский «Вивальди-оркестр» Светланы Безродной полюбила. Спивакова обожаю. У него безупречный вкус даже в музыкальных «хулиганствах» и шутках. Вот в ком живет удивительная музыка, вот где создается красота, вот в ком особенная легкость и изящество исполнения. Взыскательный мастер. Бодрит восторженный Штраус, трогает и уводит мою душу за горизонт счастливое страдание цыганских песен (но только не псевдоцыганских), надрывают сердце изнемогающие от жгучей муки несчастливой любви русские мотивы. Разные времена – разные имена, разная музыка... В буднях ведь так не хватает положительных эмоций. Иногда не против послушать, казалось бы, прочно забытые довоенные мелодии.

Меня чарует божественно искушенная простота произведений – она сродни гениальным стихам Пушкина, – и тогда мне кажется, что именно к ней надо стремиться. Пушкинская музыка слов, помноженная на прекрасную музыку Чайковского, так нежит сердце, что порой думается, стала бы перед ними обоими на колени.

– Чайковский не боялся до предела раскрыть в музыке все раны своей трагически настроенной хрупкой души, – заметила Алла.

– А до чего прост и прелестен вальс, сочиненный студентом Львом Толстым! Мягкий, лиричный, спокойный, умиротворяющий. А нежнейшее объяснение в любви Паганини! Скрипка – инструмент тонкой, глубокой страсти.

«Ах, какие мы умные и эрудированные! Нам бы только лекции по истории искусства школьникам читать», – про себя фыркнула Инна.

– Я оперетту люблю. До чего же здорово хоть иногда побыть пару часов в окружении искрящейся любовью головокружительной музыки, легких шутливых отношений, прекрасных нарядов, окунуться в радость, в восторг! – мечтательно сказала Эмма.

И всем женщинам захотелось того же. Это Лена поняла по их улыбкам и дружно заблестевшим глазам.

– Красота любого произведения идет прежде всего от бездонной глубины и лиричности талантливого стиха. Но только его сочетание с очаровательной музыкой, с неповторимым тембром голоса исполнителя и его тонкой неординарной личностью дает максимальное впечатление. Именно тогда происходит попадание в десятку. Слушаешь и невольно признаешь, что живешь в лучшем из миров, – вставила свое замечание Лера.

– Ты забыла сказать о замечательных зрителях, – невозмутимо добавила Инна.

Стол взорвался одобрительными аплодисментами. «Несмотря на собственные беседы, услышали-таки меня!» – обрадовалась Инна.

– Музыка – что-то вроде особого типа речи, которую понимают все люди планеты, – глубококомысленно продекларировала Жанна. – А Владимир Спиваков, тот, который создал оркестр «Виртуозы Москвы», говорил что-то типа: «Музыка – закодированные эмоции». Обожаю его! Выступает ярко, мощно, непревзойденно. «Путешествует только тело, а душа остается там, где родина». Он, рассказывая про гастроли за границей, так выразился. Хорошо сказал!.. А в быту, говорят, он удивительно неприхотливый, самостоятельный, боится кому-то доставить неудобство, затруднить. Гений, и без капризов. Повезло его жене.

– Но и без некоторой изящной усложненности в музыке обойтись невозможно – она по-особому трогает струны души. Вот так, с возрастом постепенно и дорастаешь до понимания классических оперных произведений, симфоний. Да... опера – это тебе не

фестивали бардовской песни на лужайке перед домом. Хотя и они нужны душе. Раньше времени не хватало вникать в серьезную музыку, в прекрасный процесс ощущения новизны. А детство, сами знаете, какое нам досталось. Куску хлеба радовались. Не до музыки было.

- Создание сложной музыки возбуждает мозговые процессы. Многие великие композиторы прекрасно играли в шахматы. Они становились их страстью, - поделилась Лера.

- А Пуччини был великолепным поваром, - вспомнила Жанна.

- Талант и азарт необходимы в любой профессии, - сказала Аня. - А я вот Святослава Бэлзу обожаю. Для меня он истинный интеллигент.

- Случалось и наоборот: Эйнштейн скрипку любил, Макс Планк был пианистом, а медик и химик Бородин стал великим композитором, - внесла свою лепту в разговор Алла.

- А как ты, Кира, насчет Майкла Джексона? - хихикнула Инна.

- Его творчество не находится в русле моего понимания искусства. Элла Фитцджеральд - эта пожалуйста.

- Тут ты неоригинальна.

- А я и не стремлюсь выделиться... Сейчас личностей в искусстве маловато, все за деньгами кинулось. Если кто хоть чего-то стоит, так сразу за границу мчится, а ведь успех на родине - это главное. Помни - она тебя взрастила.

Голос Киры и тут прозвучал как голос разума.

- Терпеть не могу, когда артисты напрашиваются на аплодисменты... Теперь выхолощены, нивелированы высокие понятия «великий», «гений», «талант». Бросаются ими как горохом, горстями. Заполонили весь эфир «шедеврами» типа «Убей мою подружку» и радуются. Победили вкусы толпы. Один продюсер пошутил с экрана: «Сделать звезду? Да не вопрос! Надену на нее балетную пачку и заставлю петь оперную арию на коньках», - сурово возмутилась Аня. - Примитивная музыка всюду: на улице, в магазине, даже в лифте. Она как фон, как звуковые обои. Музыка не слышат... И кучка певцов сами себя и друг друга превозносят до небес...

- Тут ты малость пересаливаешь.

- Нисколько!

- Искушенного зрителя этим не возьмешь, - решительно возразила Лера.

- Искусство должно опьянять и шокировать, - настаивала Инна. Ей очень хотелось поспорить.

- Знаете, как я открыла для себя балет? По телевидению поздним вечером шел праздничный ноябрьский концерт. Я вязала сыну шапочку и иногда устало и вяло поглядывала на экран. Слышу, говорят: Плисецкая. Оторвала глаза от спиц, всмотрелась и буквально задохнулась эмоциями. Я впитывала каждое ее движение, я дышала вместе с ней. Я словно из замусоленного мира попала в сказку. Все мое существо отзывалось на каждый ее прыжок. Мне казалось, что во время танца она как бы думает не только головой, но и телом. Ее чувства и движения были свободны, легки и в то же время лаконичны, точно сконцентрированы. У меня нет слов объяснить свои ощущения. Это было чудо, восторг, вдохновение! Я впервые почувствовала, что такое настоящее искусство балета, а до этого априори считала, что смотреть балет - скучное занятие. Плисецкая пробудила во мне понимание своего безусловного таланта, как когда-то Лермонтов, Некрасов, Рокуэлл Кент, как розовые листья осины в осеннем лесу открыли мне очарование природы, когда мне было всего шесть лет.

- В балете мы еще «впереди планеты всей»... Ты еще не посвящена в рыцари ордена балетоманов? - мило улыбаясь, расслабленно спросила Инна.

Кира увлеченно продолжила:

– Я совсем не представляю партнера Плисецкой, пусть он меня простит за это. Помню, только что они то соприкасались, то распадались в танце. Я была захвачена, поглощена смелым искусством балерины, ее идеально гармоничными движениями. Я как-то сразу поняла тему танца, его язык. Я прочитывала каждое ее па. Это был удивительно страстный танец гордой, любимой и любящей женщины, охваченной сильным, прекрасным чувством, испытывающей состояние экстаза. Теперь бы сказали, что это был сексуальный танец. Я каждой клеточкой ощущала ее любовь – властную, всепоглощающую, такую высокую, восторженную, восхитительную и какую-то одновременно целомудренно чистую, светлую, нежную. Это надо было видеть!

Я восхищалась ею – богиней любви, властительницей своего счастья, сумевшей поднять плотскую любовь на недостижимую духовную высоту и дарящей эту любовь искренно, ярко, мощно. Отдавая, даря свою любовь, она оставалась победительницей – уверенной, прекрасной, до краев наполненной чувством собственного достоинства и уважения к партнеру.

Одного этого выступления было достаточно, чтобы я поняла, какой высокой кратности и чистоты алмаз сиял на экране. Как она была божественно изысканна! Я впервые поняла выражение «поэзия тела». Я была потрясена и не замечала, что сижу, подавшись вперед, с раскрытым ртом и расширенными зрачками. Долго я не выходила из состояния приятно шокировавшего меня трансa. Мне хотелось на всю жизнь сохранить в своей памяти и в своих чувствах этот шедевр балетного исполнения... Вот говорят: все проходит, а я так и осталась в непреодолимом восхищении Марией Михайловной Плисецкой!

Интересно было бы уточнить: у нее природная грация или это результат обучения? Мне кажется, такие самородки рождаются раз в сто лет. Обаянию таланта не научишь. Это дается свыше. Больше я никогда не видела этот танец любви ни в чьем исполнении. А жаль. Это был самый чувственный танец из тех, что я видела за всю свою жизнь. Один хороший, очень сведущий знакомый сказал, что то был концерт для членов правительства, по воле случая попавший на телевидение. И пошутил: «Вселенская красота не принадлежит никому, разве что Всевышнему».

Надо вам сказать, с тех пор я влюбилась в балет, стала в нем немного разбираться, не пропускаю ни одного сообщения в прессе о любом ярком событии в этой области искусства и по возможности стараюсь попадать на выступления знаменитостей, приезжающих в наш город. И всегда открываю в них для себя что-то новое, неожиданное. Я жду этих встреч, как свидания с любимым. Для меня теперь нет большего наслаждения, чем музыка и балет.

Помню, Владимир Васильев поразил. До него я мужчин в балете не воспринимала, он тоже был для меня открытием. Сейчас вот к Цискаридзе присматриваюсь, изучаю его манеру двигаться, взлетать. Семья Мариса Лиены восхищает. Я счастлива, что еще одна прекрасная и радостная грань искусства осветила мое существование... А не знаете, почему современная молодежь в узком кругу друзей не поет и не танцует?.. Вот и я не понимаю причин этого «явления».

– В детстве по радио я услышала песню американского ковбоя. Поразило меня мужественное пение. Наверное, эту народную балладу можно было бы исполнить в грустной протяжной или в игриво-веселой манере. Но как прекрасен был ее мужественный вариант! С тех пор осталась в моей душе тоска по сильному, смелому, уверенному, честному, доброму и веселому человеку, – прочувствованно сказала Аня.

– Скоро начнется телепередача «Романтика романсов» – бальзам души моей. Романс для меня – точка притяжения, в которой сходятся мои душа, сердце и совокупность всех положительных чувств. Его музыка – вода, по которой хочется плыть бесконечно долго. Она то полный ярости океан, то журчащий ручеек. В нем тот душевный размах, который так необходим мне, когда наступает тусклая серая нестабильная полоса жизни и наваливается тоска – затажная ненастья души. В романсе все ипостаси человеческой любви: мучительная боль страданий, упреки, угрозы, подозрения, проклятья, от которых дрожит душа нетерпением и страхом. В нем и радость, и счастье, и совершенное душевное благородство, исключительная доброта, чудное наполнение богатой прелестной фантазией, прекрасные стремления, равных которым не сыщешь.

Романс – это нежнейший язык великих эмоций. За две-три минуты проживаешь чью-то целую жизнь. Мне кажется, для романса нет лучше инструмента, чем скрипка. Ее звуки – это музыка, которую исторгает сама душа. Я это физически ощущаю. Я где-то прочла, что романс – сущностное определение того, ради чего люди живут и главное – хотят жить. Это – Любовь. – Лена замолчала и словно погрузилась в себя.

Присутствующие оторопели. Лена заговорила!

«И эта в детство впала», – подумала о ней Инна, но без иронии. Шутя, любя.

«Вот если бы наши мужья сейчас услышали нас, они оценили бы наш душевный настрой или отнеслись к нему с иронией? Мы нечасто открываем друг другу свои эмоции. Больше о делах говорим», – подумала Жанна.

– ...Ты не знаешь, какой повод послужил тому, что его убрали с экрана? – обратилась Жанна к Рите.

– Разве для этого нужен повод? Причина на поверхности, – тут же откликнулась Инна.

«Каждой бочке затычка», – скривилась Рита, но промолчала.

– Не вовлекай нас в чужие интриги, – одернула Жанну Мила.

«О ком это они?» – не поняла Лена, но подключаться к разговору не стала. Со всех сторон до нее доносились обрывки фраз, на которые она не успевала реагировать.

– ...Мне не хватает его неповторимо очаровательной улыбки, его то по-детски искреннего радостного взгляда, то глубоко печального, то неуловимо скорбного, отмеченного благородством, одухотворенностью, иногда даже смятением юности. Бывало, он улыбнется с экрана, и мне хочется улыбаться. Мне нравится вокальная отточенность каждой его песни. Он как-то очень осторожно, нежно роняет звуки, и в эти моменты я думаю, что земное дыхание проникает в его песни. Эталонное исполнение!

– Ты у нас невероятно музыкальная дама, – прервала Инна неуместные, с ее точки зрения, слишком «лирические» переживания Жанны.

– Я скрипку люблю. Почему именно скрипка с детства вызывала во мне благоговейное преклонение?.. Иногда мне кажется, что музыка стоит над словами... – сказала Аня и тем заставила задуматься подруг не только о музыке.

– ...У него прекрасный богатый чистый тембр голоса с удивительной наполненностью звучания. Изысканно, салонно поет. А как владеет своим голосом! Но как-то холодновато поет, скованно. Жар души обещает так разочарованно и устало, с такими грустными интонациями, словно сам не верит ни в ее, ни в свою любовь. А нам хочется верить. Певец свою страсть должен преподносить слушателям. Я в нем что-то последнее время стала разочаровываться. Может, потому, что другие, не менее интересные личности выходят на сцену? – сказала Галя.

– О! Да ты, мать, ветрена! – рассмеялась Инна. – Я, собственно, тоже не устаиваю внимания давно подорванных авторитетов.

– ...Уверена, что он расслышал в ее словах нотки восхищения. Я заметила у него мимолетную гримасу немного раздосадованного человека, вынужденного с неохотой признать талант своего противника. Мне это не понравилось, но я мысленно сказала себе «стоп»...

«А теперь о ком она?», – не поняла Галя, занятая разговором с Милой.

– ...Я смотрю, нешуточные страсти разгорелись вокруг этой программы. Не перегибайте, девочки, палку. Не стоит мыть косточки людям, о которых мы ничего не знаем. Вот для меня главное, чтобы посредством музыки я улетала от обыденности, чтобы моего слуха чаще касались положенные на гениальную музыку Глинки строки, обожествляющие женщину, чтобы я хоть иногда слышала изумительного Марио Ланца и современных чуждых исполнителей старинных романсов. И тогда на душе у меня будет светло и радостно и никакие мелочи не испортят мне восприятия прекрасного. Тихую музыку люблю. Она как нежное прикосновение дарит внутреннее равновесие, гармонию.

Хочется жить в мире с самой собой, в покое, – разрядила обстановку Лена.

«И Ленка туда же. И ее на лирику потянуло. Как Кира высоким слогом заговорила. Поветрие какое-то...» – усмехнулась своим мыслям Инна.

– Я согласна, Марио Ланца – без сомнения великий певец. Слушая его песни, я могла молчать весь вечер, – согласилась Лера. – Искусство – это территория, где безболезненно Восток может встречаться с Западом.

– Но что значит «великий», кто раздает ордена? – Это вновь прозвучал высокий голос Инны.

– Время, – твердо сказала Мила и взглянула на Галю. – Понятий «талантливый», «гениальный» пока еще никто не отменял.

– А вы знаете, кто первый спел «День Победы»? Леонид Сметанников. Не ошибся композитор в выборе исполнителя. Лещенко прекрасно ее исполняет, но эмоционально недотягивает до Сметанникова. Тот пел ярче, вдохновеннее, темпераментнее. И почему его убрали из эфира, можно только предполагать, – вставила Инна. – А помните хулиганские демонстрации недругов на концертах Сергея Пенкина? Его голос в молодые годы был ярче, чем у Баскова, но с каким трудом он пробивался сквозь частокор «продвинутых». Такие держатся особняком. Мне кажется, Пенкин из тех, которые проникают в глубь произведения и хотят, чтобы звук выражал «и правду чувств, и правду мыслей». У таких певцов совсем другая экспрессия, другая кульминация. Правда, его слишком яркие костюмы я не воспринимала... И вообще, все эти подтанцовки, подпевки и спецэффекты нужны только бездарностям. Говорят...

– И все-то ты знаешь! Мода теперь такая... К чему нам внутрицеховые споры-раздоры между артистами? Сплетни есть всюду, и достоверного, как правило, в них чрезвычайно мало, – прервала Инну Рита.

– Искусство – привилегия избранных, причуда одиночек, – глубокомысленно заявила Эмма. – Я предпочитаю оперу. Она – самое прекрасное, что создано в мире музыки, она – пик музыкального достижения человечества.

– А вы знаете, во Франции есть шутка: «Фигаро разрушил Бастилию». Народ понимал – он свой. Такова сила искусства! – блеснула эрудицией Мила.

– А в приходе Гитлера Брехт виноват? – насмешливо подковырнула ее Инна. – Категорически не согласна с французами. За революции отвечают политики. Художник в своих деяниях подотчетен Богу.

– Куда завернула. Для художника тоже должна существовать не только эстетическая, но и политическая ответственность, – строго сформулировала свое мнение Аня.

– Многообещающий поворот в разговоре. Инна, что-то ты слишком критично сегодня настроена, – видно, намекая на что-то, непонятное остальным, фыркнула Рита.

– Нет, я в прекрасном расположении духа, а мой выпад – всего лишь ответный шаг на слова Милы.

– Говоришь для красного словца или хочешь обидеть? – снова оцетинилась Рита.

Похоже, присутствие Инны лишний раз напоминало ей о несовместимости их характеров, и это ее нервировало.

– Ну, сейчас начнется! – заволновалась Кира. – Поговорите еще о роли писателей в воспитании молодежи, о радикальных и конформистских течениях в искусстве. Сейчас приметесь сгонять в стаи художников, писателей, музыкантов, якобы для создания общей атмосферы циркуляции идей, для необходимости творить новые смыслы. Знаю, заведете разговор о требовании времени смотреть на искусство с более широких позиций. Скучно. Дайте художникам работать свободно, а уж жизнь рассудит, кто чего натворил, кто чего стоит. Гармония – это соответствие самому себе, вот и пусть самовыражаются, душу свою перед нами выворачивают наизнанку.

– ...Обожаю французский шансон! В некоторых песнях Шарля Азнавура столько

душевной глубины, что, слушая их, я вдохну и никак не могу выдохнуть, – вскочила со стула Жанна. – А если я во власти серебряного звучания трубы, то вся дрожу. И оркестр Поля Мориа иногда люблю послушать.

– Ты думаешь, певцы вместе с песнями свое нутро по крохам выплескивают? Тогда оно должно быть огромным как айсберг. Нет, они тоже играют как драматические артисты. Да, собственно, какая нам разница? – пожала плечами Инна.

– Есть музыка слов, есть музыка умных мыслей и гениально простых идей. Меня наука питает в обоих смыслах – и душу, и тело. Волнует в ней водоворот гипотез. Вы не представляете, сколько музыки в физике: то бравурной, то лирически восторженной, то мягкой, то жесткой или энергичной. Доказательства теорем – это симфонии, прекрасные лекции – оперы. Сколько в них бывает высоких, мощных и многочисленных мелких резонансных всплесков мыслей, разно-образных по частоте, по ширине интервалов. Это целая философия... У каждого, знаете ли, свое духовное пространство...

Я слышала удивительную, но странную фразу: «Смертные прикованы к жизни, бессмертные – к искусству». Искусство в каждом из нас, оно вокруг нас. Его только надо почувствовать в себе, разглядеть в том, что ты делаешь. Как поет душа, когда удается сделать что-то нетривиальное! По ноткам раскладываешь шаги на пути к истинному результату, проигрываешь в душе каждый нюанс удачной мысли, испытывая при этом экстаз, наслаждение, – сказала Лера тихо.

– Ха! Божественная музыка науки! Как это романтично. Похоже, ты наукой из-за угла пыльным мешком стукнута, – воскликнула Инна. – Ну, девчата, начали с романтики романсов, а закончили взаимопониманием физиков и лириков. Пойду в коридор остыну.

Спорить больше не хотелось. Все сделали вид, что исчерпали тему. Помолчали. И только Жанна будто не к месту заметила тихо:

– Не отодвинешь ни свои, ни чужие переживания. И свое понимание не навяжешь. Никто не избег разочарований... Собственно, мегаполис – он как супермаркет. В нем все есть – и классика, и «попса». Выбирай на свой вкус.

Мила с Галей обменялись им только понятными взглядами и улыбками. Долго молчавшая Лиля тоже, будто невпопад, сказала грустно:

– Раньше пестовали таланты. Старые артисты в неоплатном долгу перед страной... Давали себя проявить. Превозносили лучших. Дух творчества витал в залах. Теперь это уже былинные времена.

– Колебались вместе с линией партии. Трагедия в музыке не принималась. Подавай чиновникам только радость, оптимизм. И платили копейки, – буркнула Инна. – Джаз душили. Джазмен – был особый социально-психологический тип: он вел себя непредсказуемо и в музыке, и в жизни. Наденет пиджак в клеточку с огромными плечами, и давай выдавать с перцем... Жили по своим законам, избегали общения с властными структурами... И кто это придумал, что в искусстве иногда терновый венок важнее лаврового?... А стареющие матроны в опере? Стыдоба... При Союзе альтернативы не было. Теперь больше возможностей для развития талантов.

– А я на первом курсе университета, – вдруг вспомнила Лена, – на студенческом балу впервые видела, как ярко разряженные черные юноши и девушки очень красиво танцевали запрещенные танцы. Их никто не останавливал, не выгонял. Я, явившаяся в Москву из деревни, стояла в своих хлопчатобумажных чулочках и в школьной форме как чумная и смотрела со смешанным чувством восхищения и страха, как они грациозно бросали своих партнерш через плечо и те при этом улыбались. Выглядело исполнение танцев изящно и просто роскошно!

Мне тогда показалось, что я прибыла в столицу из каменного века. Мне почему-то сделалось ужасно холодно, и я невольно вспомнила свою уютную домашнюю фуфайку-стеганку и теплые добротные валенки с галошами, которые навсегда остались в деревне. Во мне зашевелились раздражение и обида. «Ведь мы запустили в космос человека, так почему же я выгляжу дикаркой с острова Пасхи, а эти дети обездоленной (так было написано в учебнике по географии) Африки такие уверенные и раскованные? Потом догадалась, что передо мной их элита, и успокоилась: «Главное, что я поступила

учиться, а остальное наверстаю».

- ...Нет сейчас пока приличных продюсеров. Нюх на таланты – такое же достояние, как и голоса певцов. А у них всё деньги, деньги на уме. Бездарей плодят. Теперь с помощью техники продюсеры из ничего делают нечто. Были бы «бабки», вмиг сварганят полуголоое чудо-юдо и протолкнут на телевидение – ешьте, хавайте, дорогие зрители! Иной раз так и хочется крикнуть из зрительного зала: «Включи связи, эту песню нельзя петь без голоса!». Все больше «муси-пуси» «радуют» наш слух. Музыка – не акробатический номер, ее слушать, а не смотреть надо, – возмущается Инна. – Они не поют, а настойчиво демонстрируют нам плоды своих пластических операций. В шоу-бизнесе все женщины на одно лицо.

- ...Надо прислушиваться к молодым исполнителям, искать новые таланты, а не отвергать всех без разбора. А то у нас в голове одни старые шаблоны, стандарты и стереотипы.

- ...Иной раз кажется, что всю настоящую культуру согнали на один канал, а остальные нам только мозги полощут... – возвысила недовольный голос Жанна.

- А мне иногда чудится, будто нас сознательно, умышленно лишают культуры и навязывают невесть что... – тихо пробормотала Аня.

- ...Что ты, Жанночка, возникаешь? Что, собственно, ты сама сделала или делаешь в деле воспитания современной молодежи? – высокомерно спросила ее Инна.

- Мой муж организовал дворовую команду, где все мальчишки находят себе дела по интересам. Я в «комнате школьника» веду кружки. И, между прочим, бесплатно.

Весьма кстати подоспела хозяйка со свежесваренным чаем и увела разговор в более спокойное русло:

- Один мой друг пошутил, что известные в наше время певцы, старея, поют всё хуже, но всё же лучше новых.

- Сейчас публика всеядна. Ей много чего нравится. Я понимаю, что не права, но у меня складывается впечатление, что у нас сознательно насаждают дилетантскую музыкальную культуру, пичкают низкопробной дрянью, – опять осторожно поделилась Аня и испуганно замолчала.

- ...Из современных певцов для меня Хворостовский звучит ярче многих, – сообщила Лера.

- ...Само по себе существование немедийной, нерейтинговой музыки – колоссальный протестный фактор против пошлости и примитива в искусстве. Как ни подражай Западу, русское в нас остается, а народное в музыке преобразуется, облагораживается, становится более высоким, – успокоила подруг Эмма. – И все-таки уходит культурная среда, в которой мы воспитывались. И нам ее жаль. Кое-какие заблуждения стоит развенчать, но хорошие советские традиции надо сохранить. Рано или поздно, но молодежь к ним вернется. Улучшением только материальной стороны жизни человека лучше не сделаешь. Культура воспитывает. В нас было инстинктивное стремление к порядочности, и оно закреплялось воспитанием. Удастся ли ее удержать в наших детях?

- Помните, как Сергей и Татьяна Никитины пели: «Времена не выбирают, в них живут и умирают». Молодежь нашу музыку не понимает. Надо чаще заполнять ею эфир, – предположила Аня. – Мне самой теперь ближе торжественность духовной музыки. Она высокая, элитная. Она поднимала и возвышала еще проживавших в деревнях наших дедушек и бабушек, если там была церковь. Орган люблю, его низкие глубокие тона...

- Если нам не нравятся многие современные песни, это совсем не значит, что они плохие. Они нам не по возрасту. В них и судорожность мелодий, и какое-то забулдыжничество – много чего наворочено. Перехлесты свойственны в любой области жизни.

- Величие истинно талантливой музыки в том, что она объединяет людей... В горах современного музыкального мусора все равно блеснут золотники и прорастут таланты, – оптимистично заявила Эмма.

- Классику надо внедрять в народ. Вон Денис Мацуев удачно организовал массовое поглощение элитарной программы классической музыки в провинции посредством концертов и фестивалей. В Сибири он у всех на слуху.

- Естественно, он родом оттуда.

- Тебе не кажется, что современной национальной идеей нашей страны должно быть развитие образования и культуры? - спросила Мила у Киры.

- Идея сохранения народонаселения нашей страны сейчас звучит актуальней, - хмыкнула Инна. - Народ - это те, что у земли. В них сильна совесть. Они - истина. Остальные - выходцы из народа, которые уже не слышат шелеста листьев.

- У тебя устаревшие понятия. Это раньше деревня была питательной средой. Теперь и она деградирует физически и духовно. - Аня усмехнулась невесело, словно бы через силу.

- Все темы разговоров перебрали и истожили? - на правах хозяйки дома остановила Аню Кира и пригласила отведать домашний торт.

Оживление, блеск в глазах подруг, не заставивших приглашать себя дважды, успокоил Киру.

После чая женщины разделились на кучки и продолжили тему в более спокойном тоне.

Мила смеется:

- ...Он необыкновенно красноречив... Лера, представляешь, утверждал, будто мужчины-пианисты играют интеллектом, а женщины физиологией. Не хотела бы я слушать бесчувственную музыку.

- ...Что ей нравится в нем?

- Возможно, она приобрела что-то такое, что недоступно твоему пониманию.

- ...Совсем сбрендил. Денег у него нет. Раскрутить его некому, а то бы и харизму, и гламур сразу обрел... - настырно влезла в разговор Инна.

Рита с Жанной шепчутся.

- ...Рита, не понимаю я роли дирижера. Когда он репетирует с оркестром - тут все ясно. Сыгранность, качество исполнения, отточенность, вкус - его прерогатива. А на сцене он красуется или подсказывает, кому когда вступать? Наверное, дирижер оркестрантам все-таки нужен, чтобы не случилось как в басне Крылова.

Недавно по телевизору увидела очень даже странный сюжет. Выскочил на сцену молоденький, восторженный дирижер и давай энергично размахивать руками, но никто из руководимого им коллектива ни разу не поднял на него глаза, не взглянул в его сторону. Напротив, все старательно смотрели в пол. Но счастливый юноша ни на кого не обращал внимания. Он был поглощен музыкой, а может, и собой или тем, что наконец-то прославился. Я замечала презрительные короткие ухмылки солидных оркестрантов между собой. Создавалось впечатление, что не приняли они этого юнца. Наверное, им навязали его без их согласия, и они демонстративно его бойкотировали.

Очень смешно смотрелся на сцене дирижер. Мне было стыдно за него, за его глупую восторженность. И жалко было наивного: на всю страну опозорился. Никто ему не подсказал, какой он глупый. Как будто мстили. Разве можно так жестоко наказывать молодых? Так и сломать человека можно и до психушки довести. В музыке-то он, наверное, разбирался. А в людях? Это приходит с опытом, а его-то у него как раз и не могло быть. Все мы в юные годы совершали ошибки, но нас учили по-доброму. Чаще бывает, что ученики недостойны руководителя. А иногда случается, что руководитель недостаточно хорош для учеников, и тогда он гнобит их или они его...

Галя говорит Ане:

- Я знаю, музыка звучит в головах и у простых, музыкально необразованных людей,

особенно часто у тех, у кого в жизни было много трагического.

- Сомневаюсь. Трудности душу развивают, а трагедии ломают, огрубляют. Радость больше способствует вдохновению, чем несчастья. Радость приподнимает, придает силы, а беды опускают, губят талант.

Кира тихо объясняет Лене:

- ...У внуков научилась. Готовлю на кухне в наушниках - «балдею» от классической музыки. Наверное, она соответствует моей природе. Конечно, это совсем не то, что слушать ее в концертном зале, но все же. В филармонию чаще, чем раз в году, не выбираюсь, а тут хоть такая возможность приобщиться.

- А я тишину предпочитаю. Устаю очень.

Лера

Пока подруги спорили, Лера молчала, грустно перемалывая в голове последние десять лет своей жизни. «Раньше между нами была та самая крайняя степень близости, о которой только можно мечтать. Нам никогда не надоедали бесконечные разговоры, споры. У Лёны была редкая подкупающая манера говорить о том, что интересно собеседнику, то есть о нем самом и его проблемах. Муж никогда не затягивал его на собственную территорию. Устоять перед ведением с ним разговора не было никакой возможности.

...Первое время и ссоры были. И хлопанье дверьми случалось. Как без этого? Притирались. Но при детях никогда не было разборок. И молчать умели, не мешая, не раздражая друг друга. Чтобы говорить без слов, надо очень много иметь внутри... А теперь вот часто порознь сидим. Каждый в своей комнате смотрит свой телевизор. Конечно, я не люблю пустых разговоров, но ведь грусть-тоска в душу заползает...

Все больше отдаляемся, чужими делаемся. Лед в его глазах вижу, недовольство. Собой или мной? Что-то грызет сердце, что-то смутно страшит, тяжесть в груди не проходит. Предаюсь необъяснимой тоске. Обидно. Сорок пять лет вместе. Как так вышло? Что нас разъединяет?

К бутылке прикладываться начал. Стал позволять себе лишнее. Чем это закончится? Но ведь нечасто. Генетически он не предрасположен к алкоголю. С кем не бывает? У любого человека случается «не его день». А все равно беспокойно на душе. Вот и сегодня с утра опять бодяга началась. Безобидное оборачивается чем-то бесповоротным. К чему это приведет? Может, нездоров и скрывает от меня? А вдруг не знает, что болен, но что-то его беспокоит, раздражает. Может, ему скучно? Так почему же иногда просит, чтобы все оставили его в покое?»

Не вдруг родители вспомнились. Мать грустила: «Вечно торопилась, крутилась-вертелась, стремилась все успеть – и семьдесят лет нет как нет. Пришло время подумать, осмыслить прожитое. А зачем? Ничего ведь в своей жизни уже не изменишь. Учтут ли мои внуки наши с тобой, доченька, ошибки или свои шишки набивать станут? Ты у меня умница, многое поняла, многое учла. Я горжусь тобой»...

Может, все от того, что не умеем мы наслаждаться жизнью? Всё работа, заботы в голове. Никогда не отдыхали. Некогда было. Бывало, стою в какой-нибудь очереди и ерзаю, трепыхаюсь: как там без меня, все ли ладно? Все в семье для меня было слишком серьезным и важным. И теперь расслабляюсь, лишь когда болею, да и то не всегда получается, если только совсем сил нет работать или если начинается депрессия. Мысль об отпуске целый год утешает, сулит отдых, а когда он наконец наступает, я в сад к мужу еду. Как он там один без меня справится?

Как-то предложила Лёне бросить сад и на лето куда-нибудь «завьюжить», как выражаются наши дети. «А куда? – спросил. – На юг нельзя – жара нам вредна. На лыжи не станешь с большими суставами. В круиз? Срываться с места? Какой смысл? По телевизору больше увидишь и узнаешь». Судили, рядили и ни к чему не пришли. И лишать мужа последней привязанности не хотелось. Какая-никакая, а отдушина. Вот и пытаюсь детям помочь по мере сил, чтобы они имели возможность отдохнуть на природе, запастись положительной энергией, порадоваться друг другу. Любовь надо лелеять, холить. Лучшее в человеке надо сохранять бережным отношением, выказывая во всю ширь щедрость своих пусть даже небольших возможностей.

...Ничего теперь не радует, не прельщает, ничего не мило. Можно было бы сделать и то, и это, но сил нет. Не хочется. Устала. В душе одна жалость осталась. И впрямь «скудной в желаньях стала». Что держит на этом свете? Внуки. Незадолго до сегодняшних посиделок с двоюродным братом по скайпу «встречалась». У него те же проблемы. Жаловался, что мало читает, глаза слабеют, что телевизор не привлекает, не радует. Рыбалка пока еще спасает от хандры.

Опять мать вспомнилась. Было время, когда очень не хотела быть на нее похожей. Но природа диктовала свое. Даже почерк тот же. А подбородок у меня все же бабушкин. Дети по-разному взрослеют. Я никогда не выражала своего недовольства, вслух никого не винила. Невысказанные упреки глубоко в сердце запрягивала. Просто считала себя

невезучей. На судьбу валила все свои маленькие беды, тогда казавшиеся непреодолимо огромными. Часто безжалостно грубила матери, не понимая ее, не желая понимать. Да она все равно уклонилась бы от моих вопросов. Теперь сожалею, конечно. Никогда не было у меня ощущения стопроцентного тыла. Отсюда опрометчивые поступки... Как-то мельком глянула в зеркало, пробегая на кухню, и будто мать свою увидела. Даже вздрогнула.

Отец. Хочет ли он моего прощения или не нуждается в нем? Наверное, не нуждается. Иначе хотя бы попытался навести справки. Для него событие прошло – значит забыто. Будто и не было. Какой-то там ребенок... Дочь его не устроила. Уверял, что сына хотел. Плохое не должно тревожить его память. Оно доставалось мне... Он не стоит того, чтобы я его помнила. Хорошо, что никогда больше не встречались. И не нужны мне его письма к матери – следы недолго горевшего пламени его страстной любви. «Великое» наследство...

Отчим. Изменял маме. Я ненавидела его за это. На дух не переносила, но ни разу, ни единым словом не упомянула об этом. Получается, он жил в семье и презирал ее. Как это страшно! Мать любила его (а может, это был страх одиночества?), старалась угодить, сердце свое рвала, а он ненавидел ее, рвался к другой, которая играла с ним, использовала. Он не понимал этого и был счастлив своей любовью к той, замужней. Разве не честнее было бы уйти от нас, пусть даже в никуда? Стоит ли теперь вдаваться в подробности?.. А что лучше для женщины? Для молодой – разойтись. А если уже будучи в возрасте узнала об изменах? Обида не отпустит. Отдать другой, а на что тогда жизнь положила? Ни за что!..

За год до смерти мать покаялась: «Сколько раз обида за поруганную, оболганную жизнь диктовала мне ужасные мысли, сколько раз представляла, как тонет он на рыбалке или его случайно подстрелили на охоте, или на него напали хулиганы. Себя в этой роли не представляла. Боялась. Страдания унижают. Себя начинаешь ненавидеть...»

Одна подруга рассказала, что «спокойно вздохнула только после шестидесяти, когда муж перестал быть мужиком. Мол, теперь он стал на диво мудрым, рассудительным. Может, секс и был бы в моей жизни чем-то важным, если бы муж мог донести до меня его прелесть. Каков тот или иной мужчина, можно определить по его жене». А я слушала подругу и думала, что люди часто лгут, а когда говорят правду – она обескураживает. Может, потому и лгут... Собственно, в юности я была незамысловатой, долго печалиться не могла. Мне несвойственно было просчитывать негативные моменты, делать выводы. Наивность – это когда веришь всему сразу и безоговорочно. Детский был взгляд на жизнь. Любили, баловали меня родители, хоть и бедно жили.

...Потом сама от обиды изменять своему отчиму стала, потому что умом боялась тронуться, как моя тетка. Клин клином вышибают... Нет, я не ищу себе оправдания. Я не любила того и даже не чувствовала себя с ним женщиной. Потом молодой был. Тело радовал, а душа так и не растаяла. Хорохорилась, молодилась. Но все это не то... паскудно как-то было...»

А за день до смерти мать сказала: «Я знаю, этот день заранее для каждого человека определен. Мы не ведаем, сколько нам отпущено. А где-то, в какой-то Высшей канцелярии записана эта дата. У меня тоже иногда бывают предчувствия: вдруг в одну секунду привидится то, что будет в ближайшие годы или месяцы. Хочешь – верь, хочешь – не верь. Не веришь? Если кто-то не обладает этим свойством, то все равно не имеет права утверждать, что такое невозможно... Если человек укладывается в назначенный срок, то умирает спокойно, если по какой-то причине раньше уходит, то тяжело». Заснула и не проснулась... Видно, Бог простил ее прегрешения.

Отчим стал пить, будто сознательно приближая свою смерть. Может, и бессознательно. Казалось, что-то внутри него всё горело, заставляя накачиваться алкоголем. Глаза его становились жутко дикими, настырно-требовательными. Я замыкала его в квартире, прятала спиртное. Он сбегал, выпрыгивая в окно. Благо первый этаж. Я принуждала его лечиться. Он отбивался. Выпивал и засыпал. Выпивал и засыпал. С трудом уговаривала его поесть. А ровно через год, день в день после ухода матери, я его схоронила. Вот и пойми его... Может, любил?..

Когда был молод, отчим не любил меня. А в старости? Проснулось ли что-то в его душе или необходимость заставляла терпеть мое присутствие? Кто-то должен был исполнять

его капризы. И все же мне было жалко этого немощного, обессиляющего, но все еще по-своему неумного человека. «Я парень еще хоть куда», – шутил он, пытаясь самостоятельно добраться до туалета. Я смотрела на его опухшее, в синяках и ссадинах лицо (более молодые собутыльники требовали денег) и думала: «Жил бестолково и умереть достойно не можешь».

– ...Если от мужчин всё зло на земле, то получается, что только женщины спасают мир от гибели. Только на наших плечах лежит ответственность перед Всевышним за все хорошее на земле? Ты это всерьез? Неправильный расчет, построенный на личных неудачах и обобщенный на весь социум – восемьдесят процентов разводов, и в основном по вине мужчин, – привел тебя, Инна, к абсурдному выводу, – рассмеялась Жанна. – Не надоело копаться в мужских недостатках и восторженно нанизывать их пороки: донельзя развращенные, но не знающие утонченной изысканности, сладострастные, но грубые, едкие и ехидные, лживые, ленивые, скучные... Впору стреляться.

– Не пора ли нам предоставить возможность выразить, наконец, свое мнение Лене? Наши мемуары нескончаемы. Лена, ау! Ты здесь или отсутствуешь? – весело спросила Лиля. По ее лицу было видно, что она искренне хочет расшевелить редкую гостью.

Инна, повернувшись всем корпусом к Лене, спросила ее:

– Что же ты молчишь, будто в рот воды набрала? За весь спор не проронила ни слова. Вежливо скучаешь? Выходи из зоны отчуждения. Церемонно удерживаешь нас на расстоянии? Давай, выскажись напрямик, без обиняков на тему, волнующую всех женщин мира, сорви все окутывающие ее тайные покровы. Обет молчания дала?

«Вот видишь, – говорило ее улыбающееся лицо в ответ на удивленный взгляд Лены, – я и до тебя добралась! «Сделала» тебя как девчонку! Не увернешься».

«Не по делу ты шустрая», – без обиды подумала о подруге Лена.

Молчать в такой ситуации было неудобно. Поняв, что уйти от прямого вопроса ей не удастся, Лена отшутилась:

– Лиля, очень мило с твоей стороны предложить мне поучаствовать в прениях по столь сложному вопросу. Но у меня недостаточно личного опыта, чтобы вступать в спор, а научной литературой по этой проблеме я не запасалась, все свое свободное время тратила на изучение физических теорий. Но я против того, чтобы нарушать законы Природы. Когда аукнется, уже трудно будет исправлять ошибки... Только от понимания не всегда становится легче.

– А если бы ты вышла замуж за Андрея, стала бы доцентом? – понижая голос до шепота, спросила Жанна.

– Думаю, что нет, – просто ответила Лена. – На его карьере работала бы, чтобы докторскую защитил.

«Для тебя любовь – главный закон жизни. Брак – таинство только для любящих сердец, остальные прозябают... Андрей один на всю жизнь освободил тебя от всех мужчин. Человека, который от тебя далеко, можно любить вечно. И это здорово – ни тебе ссор, ни тебе измен. Как все просто... Но стоил ли он твоих жертв? Не пора ли тебе признаться себе в том, что была не права, лишив себя личной жизни. Боялась лишний раз причинить себе боль? Неосмотрительно променяла любовь на обиду? Страх оказался сильнее веры? Знать бы, где соломку подстелить, знать бы, куда повернуть... Конечно, время очистило его образ от всех грехов, от всего плохого, наносного... теперь он для тебя только герой.... Может, ты и права... А он, чтоб ты знала, не больно-то вспоминает прошлое. Все они такие», – думала Инна, но вслух ничего сказать Лене не решилась. Она всегда чувствовала в ней серьезного противника. Да и не хотела трогать ее тонкие струны. Потому что любила.

– Что ты скажешь о мужчинах? – бестактно теревит Жанна Аню и сразу жалеет о содеянном, но не по причине неловкости, побоялась, что завяжется долгий разговор на тему, ее не очень интересующую. А та заговорила совсем о другом, не касающемся ее

личных взглядов и предпочтений:

- Подруга у меня в детском саду работала с двухлетками. Рассказывала: «Девочки у нас стоумные: всё замечают, всем интересуются. А мальчишки идут по улице, рты пооткрывают – куда, зачем их ведут? – не знают и не думают... Лужа перед ними. Один мальчик лезет в лужу. Девочка оттаскивает его со словами: «Много, много воды!» Она понимает, но не умеет сказать, что глубоко, но соображает, что ноги промочить – плохо... Не скоро мальчишки умнеют... Мы разные уже с детства.

Может, вы, девочки, свысока смотрели на своих мужей, потому что технари и умели наравне с ними паять, сверлить и прочая? Им не в чем было вас упрекнуть, не к чему придраться, не в чем возвыситься перед вами, – вдруг наивно предположила Аня.

- Ты меня удивляешь. О себе рассказывай, – напомнила ей Жанна.

- О любви? – краснея, переспросила Аня и выдавила из себя вымученную улыбку. Ей почудилось в тоне Жанны что-то оскорбительное. Она почувствовала досаду и одновременно облегчение от подталкивания к откровению. – Первая любовь была самой яркой страницей моей неудачной и впоследствии посредственной, серой жизни. Любила, гордилась тем, что ни с кем у меня ничего не было, никто не притронулся ко мне, что не опускалась ниже уважения к себе, сохраняла достоинство. Для меня, во всяком случае, это было важно. Поводов для пересудов и осуждения не давала. Мне в голову не приходило, что кто-то из мной обожаемых мужчин может быть со мной как со своей женой. Моя любовь вне времени и пространства. Она – память только для двоих, потому что затрагивала только души. Она не подвержена осмеянию, сплетням. Слава богу, что такие моменты были в моей жизни. Во мне тоже бушевали страсти. Я, правда, не давала им выхода... В жизни каждого человека должны быть хотя бы отдельные вспышки радости. Иначе чем жить? Вот мы и ищем их, сберегаем, помним.

Помнишь, Инна, как ты шутила? «Жить надо весело. Даже болеть надо уметь с удовольствием... Торопись сделать все ошибки, которые тебе предназначены судьбой». Но этот тезис не для меня. Вообще-то всё у меня в жизни было с каким-то скрипом, натужно.

«Заскулила. Голову кому хочешь просверлит своим нытьем... Женского запаха в ней маловато, а кокетства так и вовсе нет. О таких, наверное, говорил Достоевский: «В вас нежности нет, одна правда». Но в чьи-то руки она все-таки попадала или нет? У нее так и не хватило смелости отдаться любви, оказаться во власти сладостного безрассудства?», – подумала Инна и сделала нетерпеливый жест в сторону Ани.

- И во многие компании я не вписывалась. То не понимали меня, то не верили, то я скучала в них. Только с детьми находила себя. Работая, утоляла любую жажду души, успокаивалась, отвлекалась, забывала, что где-то есть боль, обиды, неудовлетворенность, несправедливость. А хотелось жить так, чтобы душа пела. Жизнь моя, как поезд, медленно идущий в одном направлении без остановок. Ра-бо-та, Ра-бо-та.

Любовь? Жуткий случай из детства всегда стоял перед глазами. Дебильная девочка жила на нашей улице. Так пьяные мужчины, бывало, привяжут ее к дереву как скотину, и в очередь к ней на выгоне, где мы около детдома играли... Не стеснялись нас... Она, бедная, каждый год рожала. Ужас... Ее даже хотели судить... Гады. Занимались бы «самообладанием», так нет же, им обязательно надо девчонку изгадить... ценой чьей-то загубленной жизни получить минутное удовольствие... Мне, помнится, хотелось, чтобы кто-нибудь перестрелял их всех из автомата, как немцев...

Видела я, как один кот пытался насильно завладеть кошкой. Как она защищалась!.. Вот и вся подоплека моей неуверенности. Не горела желанием встречаться с мужчинами. Всегда была до странности нерешительной, колебалась по малейшему пустяшному поводу... – говорила Аня, совсем не заботясь о том, чтобы ее слушали и понимали.

Словно для себя говорила. Это несвойственно педагогу... Хотя если только от одиночества.

- Да и вообще я была молчаливая, медлительная. Еще эти очки... А теперь вот ворошу в памяти то, что откладывала в дальние укромные уголки... Ведь не глупая была – правда же? – только робкая, – бормотала Аня, то ли споря с собой, то ли оправдываясь.

- Не наговаривай на себя, - осторожно прервала ее тоскливый монолог Кира. - Не знаешь ты себе цену. Скольким детям определила жизненный путь, скольким подарила маленькие лучики надежды. Ведь, даря им радость, ты же чувствовала себя счастливой?

- Дети и искусство - вот два главных вектора моей жизни, две причины быть счастливой, - подтвердила Аня. - ...Боялась я грубой власти мужчины. Не умела и не хотела притворяться, врать, льстить. Ради чего? Не у многих подруг-учительниц были счастливые семьи. Как-то ночью по телевизору слушала Познера. Он очень сочувственно говорил о женщинах: «Высшее право человека - право на жизнь, а у нас в России каждые сорок пять минут в семье убивают одну женщину. За год у нас уничтожают женщин больше, чем за десять лет погибло мужчин на войне в Афганистане. Поражает и вызывает уважение их сопротивление всеобъемлющей силе и неконтролируемому праву над собой». Я была в ужасе. Вот не знала и не так переживала. А сколько женщин умирает медленной смертью, живя в постоянном, целенаправленном унижении? А всё наша нищета. Какой уйти некуда от мужа, какая боится одна детей не прокормить. И всё это вместе взятое...

- Ой, Аня, не надо, мне дурно, - простила Жанна.

«Какая-то Жанна легковесная. И нашим, и вашим, - с неприятным чувством подумала Аня. - Но это лучше, чем быть напичканной злословием, завистью и раздражением».

Прошло несколько минут, и Аня снова сидела с печальной задумчивой улыбкой и с мыслями, далекими от разговоров подруг.

- В детстве, несмотря ни на что, мы жили мечтами. Они заполняли нас полностью и поглощали все обиды, неудачи. Мы не думали и не гадали, что во взрослой жизни можем быть поразительно несчастливы. Такое не укладывалось в наших головах. Нас не готовили к подобным поворотам судьбы. «В будущем нас ждет только любовь, успех и радость. Мы все сделаем, чтобы быть счастливыми», - говорили мы сами себе и верили в это. А вышел пшик, - грустно, с мягкой иронией в голосе подытожила Лиля. - Видно, мы, детдомовские идеалистки, не познав в детстве жизненного опыта родителей, были недальновидны, не умели строить взаимоотношений в своей семье и по определению не могли быть истинно счастливы.

«У меня никогда не было возможности просто поболтать с подругами. Беседы, конечно, случались, но все больше по делу, по строго определенной теме. А ведь в этой болтовне есть что-то... облегчающее, успокаивающее... Пора на пенсию?» - усмехнулась Лена.

- Дорогие физики, что за манера во всем стремиться к обобщениям! Привыкли в философии: «от простого к сложному, от единичного к общему». Хватит шельмовать мужей. Не надоело воду в ступе толочь? Сместите акценты. Далеко не всегда во всем бывают виноваты мужчины, - сдержанно улыбаясь, возразила подругам Кира. - Некоторые из нас за отдельными большими и хилыми деревьями не замечают добротного леса.

- «В истории человечество ищет не пепел, а огонь». Во всем надо искать огонь, - спокойно сказала как изрекла Алла.

- Ты, Кира, усомнилась в моих и Лилиных словах? Так ли это на самом деле? Не заносись, - вспыхнула Инна.

- Может, уточнишь свою мысль? Или, как всегда, наобум Лазаря... - сузила глаза Кира, обидевшись на последнее замечание.

- Да не вопрос! Не со зла мы клянем мужчин, от обиды. В браке нужны мудрость, воля, снисходительность, умение прощать и терпение, а много ты видела их в мужчинах? Им всегда не хватает какой-нибудь составляющей, и из-за этого все в семье летит вверх тормашками... Живем рядом, но слишком далеки друг от друга, - высказала свое мнение Инна, обходя обвинение в некомпетентности.

- Я читала у Кафки, что «супружеские походы налево в истинном понимании никогда не радостны», - сказала Жанна.

- Значит, настоящий был мужчина, - заметила Лиля.

Последовало длительное грустное молчание. Лена замечает, что Галя уже довольно долго неотрывно смотрит в окно и выражение ее лица достаточно быстро меняется. Ей кажется, что та вспоминает их смелое поступление в московский вуз и все остальное, с этим связанное.

- У женщин, между прочим, более развита чувственная эмоциональность. Я читала, что переживание женщиной материнства делает ее в шесть раз чувствительней мужчин и более интуитивной. В семьях мужчины и женщины должны объединять свои усилия. Но мужчины часто отвергают эту идею и многое от этого теряют, - сказала Жанна.

- А ведь точно! Мои мужчины постоянно проигрывали, не слушая моих осторожных предостережений. Возьми, например, пирамиды РДС, МММ, игры с акциями, - подтвердила Лиля.

- Я пришла к выводу, что у женщин больше страсти. Наша любовь обладает более яркими красками и полутонами, она более возвышенная, жертвенная. Чем заканчиваются наши романтические истории: печалью, болезнью или гибелью. Накал наших чувств слишком велик. Мы сосредоточены на переживаниях. А любовь мужчин менее интересная и менее трагичная. Они сами не знают, чего хотят. И тихое счастье им скучно, и от бурного быстро устают, - развила мысль Лили Рита.

- В городе о деревне мечтают, в деревне о городе, - фыркнула Инна.

- Мужчины и женщины - восхитительные антитезы! Две философии, два мировоззрения!
- с улыбкой произнесла Алла, надеясь внести шутовскую ноту в слишком серьезный настрой сокурсниц.

Кира

- ...Какой глубокий охват темы! Ты предметно говори, с лакмусовыми бумажками, наглядно. Не осилишь? - фыркнула Инна. - Мужчины! Они только кукиш из кармана могут показывать, да и то с трясущимися поджилками. Сочту для себя унижением всерьез о них думать. Для меня мои замужества - авантюрные истории, не закончившиеся праздничным карнавалом. Один из мужей говорил мне: «Я тебе не робот, чтобы включиться на любовь к тебе на всю оставшуюся жизнь, пока батарейки не сядут. Мне разнообразие требуется для перезарядки». «А мне?» - шутливо вопрошала я. «Не смей!» - орал он. Я хохотала. Поговорили. А от самого ни днем, ни ночью толку. И с чего гонор возносил? Был бы заботливый или прилично зарабатывал, тогда еще можно было снизить.

- Ты предлагаешь перевернуть весь мир? - пошутила Лера.

-...Ты же, Лиля, не хуже меня знаешь, что по статистике две трети работы на планете выполняют женщины, и это при том, что за одну и ту же работу часто нам платят много меньше. Получается, мир создан для мужчин или они сделали его своим, подстроили под себя. А мы сбоку припеку. Они хотят, чтобы мы им потакали, потворствовали, а сами пальцем для нас не желают пошевелить. Они желают быть нашей первой и единственной любовью, а мы - их последней. Парадокс! У них на все двойные стандарты - и

в семье, и в работе, и в политике. Мой жизненный опыт доказывает, что женщины все делают для семьи, а мужчины, в основном, для себя, но на словах провозглашают обратное, - продолжила распалаться Инна.

- Но не все такие, - возразила Лиля.

- У нас одни законы для мужчин, другие для женщин. Это несправедливо. Позор для женщины должен быть бесчестьем и для мужчины. Бросили ребенка - обоих надо наказать. Разве я не права? - поддакнула Аня Инне.

У Лены голова кругом пошла от обилия тем и разнообразия мнений, несущихся к ней со всех сторон. И она сосредоточила свое внимание на Кире.

- Инна, ты говоришь о мужчинах с таким раздражением, будто они нам соперники, а не партнеры, - улыбнулась Кира. - Скажешь, ты не обмирала от счастья, когда парень первый раз держал тебя за руку? Твое сердце в невообразимом восторге не возносилось к необозримым мирам? Ты никогда не испытывала восторга высоких чувств и мыслей, не знала экстаза? Разве ты, как писала Белла Ахмадулина, не восходила «к высокой степени безумства»? Ведь было? Сознайся. А ради кого и о ком создают мужчины прекрасные и великие произведения искусства?

- Ради славы, для собственного удовольствия! И ведет их по жизни талант, полученный от родителей и освященный Господом Богом, а не женщина, - горячо не согласилась Инна.

- Но вдохновляют их женщины! - подсказала Жанна.

- У супружества много недостатков, но лучшего пока не придумали. Даже большинство звезд на небе - двойные, - полусхутя сказала Лера.

- И их бурная жизнь, как правило, заканчивается взрывами, - усмехнулась Инна, высветив, таким образом, некоторые знания современных достижений в астрономии. - «Все люди рождаются свободными и равными, а потом они... женятся», - с усмешкой процитировала она.

- Но отрицая семейный уклад, мы не делаем людей свободными. Семья - это аксиома, устойчивый институт, микромир, где формируются души детей. И ни свернуть, ни разминуться нам с ней. Должны быть рамки, границы дозволенного для обоих полов. Муж и жена должны идти одним путем, совпадать. Разрушение семьи грозит гибелью государства. Не прожить большому миру без маленького мира семьи. Такая вот у него особенность. Это еще древние римские и греческие цивилизации на своем горьком опыте доказали. Я говорю прописные истины, - без назидания добавила Кира.

- Ну конечно же, истина не может устареть! А точка зрения - всегда пожалуйста. Истмат недавно штудировала? - съязвила Инна.

- Не ёрничай. Конечно, семья - не место взаимного восхищения, она - каждодневный труд. А мы - есть то, что мы видим, знаем, делаем. Некоторым, в силу определенных обстоятельств, не везет, и они становятся разменной картой в чьей-то нечестной игре. Всякое случается. И все-таки, с моей точки зрения, главное для женщины - это пространство вокруг нее, то, что непосредственно прилегает к ней. И ей это пространство надо беречь в первую голову. А остальное - политика, самые высокие сферы науки - не для нас, они нам не так важны. Однако я горжусь женщинами, сделавшими политическую или научную карьеру, но считаю, что ею они должны заниматься только после сорока пяти лет, когда вырастят своих детей.

- Наукой после сорока? А мозги к тому времени не усохнут? - мгновенно внутренне ошестинившись, сердито фыркнула Инна. - И ты туда же? Женщина обязана помогать мужчине делать карьеру, а он нет?

- Бывают кризисы семьи, но все возвращается на круги своя. «Завихрения» Коллонтай с ее теорией «стакана воды» наша страна пережила, и на Западе хиппи перебесились, повзрослели, поумнели и вернулись в лоно семьи. В мире все пронизано любовью, которая окрашивает жизнь в более яркие тона и вызывает желание жить и радоваться. Не зря Господь нас послал друг к другу, чтобы мы не пропали поодиночке. «Инь» и «янь» порознь существовать не должны. Это противоестественно.

- Чтобы мужчина не пропал! - стараясь подавить закипающий в ней гнев, возмущенно воскликнула Инна.

- Конечно, семья - это испытание, это ежедневный маленький подвиг, потому что семейная жизнь - это восхождение на Эверест. Не многим удается добраться до самой высокой вершины. Каждая семья достойна своей высоты, той, на которую ей хватило сил. Главное, «чтобы страховка не подвела». Какова формула моего счастья? Терпение, - словно не замечая реплик Инны, продолжала хозяйка дома.

«Не выставляет Кира напоказ свои добродетели. Ее голос звучит тихо, убеждает без навязчивости. У того, кто говорит уверенно, есть надежда внушить другим свое мнение. Не распекать же ей подруг», - со знанием дела, с улыбкой подумала Лера.

- Чтобы муж не мог сказать, что «ты сама вынуждаешь меня говорить то, что я не хочу говорить», - со смехом вклинилась Инна. - Ой, не стану я примерять чужой лавровый венок!

- Еще понимание. Работа над собой. Привлечение мужа к воспитанию детей и хозяйственным проблемам, - продолжила Кира, стерпев вмешательство. - Строить мир в семье - непростая задача. В чем причина ссор и скандалов? Неумение и главное - нежелание понять другого. У мужчин часто бывает необоснованное чувство превосходства. Отсюда неуважение к партнеру. Сбережение семьи требует больше энергии, чем создание новой. Да и будет ли та новая лучше? Жизнь - это постоянный поиск компромиссов. К тому же немаловажно, с кем ты их ищешь. Каждый человек нащупывает свою тропу, поэтому судьбы у всех разные.

- А если женщина более талантливая, твой рецепт применим? - не унималась Инна.

- Все это теория. А если не удалось найти близкого по духу мужчину, единомышленника, зачем нужен брак с любым, ради которого надо ежедневно трудиться и страдать? В этом случае путь терпения - слишком неблагоприятный путь, - сказала Аня.

- Кира, позволю себе не согласиться с тобой. Господа-товарищи, подхожу к главному: твои слова, Кира, о том, что брак полезен во всех отношениях, верны, если оба хотят одного и того же. А вот что тебе всучит судьба - одному богу известно. Не понимают многие мужчины, что любой человек вольный не безгранично. А именно в этом и состоит проблема многих семей, - уточнила Инна. - До женитьбы все мужчины прелестно «поют» дифирамбы, а потом так прикладывают тебя, что мало не покажется... Слишком часто мы находимся с ними в различных системах координат. Когда мужчина несет ахинею, я не могу реагировать нормально, адекватно, иронично, мне более логично в такую минуту врезать ему по самое «не хочу»... и не только словами. Всех бы

их оптом и сразу...

- Ты очень даже права... кроме последней фразы. Я это формулирую по-своему и, мне кажется, немного точнее: «Каждый человек выбирает для себя ту систему несвобод, которая бы его устроила. И когда двое женятся, их системы должны надежно стыковаться, иначе они разминутся как два космических корабля», - высказалась Эмма.

- Слишком поздно мужчины начинают разбираться в системах стыковки. Пока молодые, они сначала делают, а потом думают. И часто из упрямства не хотят признавать справедливости наших слов. А после сорока меняются, и не всегда в лучшую сторону. Мой третий был не способен извлекать уроки из своих ошибок. На одни и те же грабли сто раз натыкался. Я считала, что жил он бездумно, потом пришла к выводу, что не дурак он, ему выгодно не думать о тех, кто живет рядом с ним. И таких сейчас становится все больше и больше, - решительно заявила Лиля.

- К чему подобное злопыхательство? Если кому-то из нас не повезло, это совсем не значит, что в мире одно зло. Ты по своей жизни еще раз пройдишь, загляни во все фьорды своей памяти - глядишь, и накопишь много чего светлого, что похоронили обиды, - посоветовала Лера.

- Милая затея, но не оптимистичная, - фыркнула Инна.

- Мы, женщины, созданы Природой, с некоторыми физиологическими оговорками, по образу и подобию мужчин, поэтому есть среди нас и умные, и не очень, сильные духом и не очень. Мы стремимся к равновесию. Зачем нам противостояние? И вообще не надо делить людей на плохих и хороших. Все мы сложные... Мы не ниже и не выше мужчин, просто немного другие, и нам назначено свыше идти по жизни вместе. Факт остается фактом: мы терпеливее, терпимее мужчин, мы обладаем более сбалансированным субъективным и объективным восприятием жизни, и наша обязанность - хранить семейный очаг от внутренних бурь. Нет для человека в жизни ничего дороже семьи. И сыновей, и внуков своих мы должны настраивать на эту волну, - продолжала Кира развивать свою теорию семейного счастья.

- Чтобы ими командовали стервы? - тихонько хихикнула Инна. - Вон у единственного сына Вали Кошкиной жена десять лет гуляла, даже ребенка не хотела ему родить. Валя вся извелась, всё просила сына одуматься, а он, упрямый, мать свою до гроба довел... Все же хватило ему ума послушать ее. Развелся, женился, дочка у них. Валя еще успела на внучку порадоваться.

- Любовь! Помню, как сын восхищенно говорил о невесте: «У нее такие красивые ноги!» А я растерянно представляла полные икры ее коротких ног, несообразно длинные ступни и думала: «Вот уж правду говорят - любовь видит то, что хочет видеть», - сказала Галя.

- И у Раиски тоже не всё слава богу. Окрутила-оплела и увела ее сыночка девица, перекроила всю его жизнь, а родить не может. Радости полные штаны... Зря он ее после Максима замуж взял. Видите ли, в чем тут дело...

Лена недослушала. В голове мелькнуло: «Опять у Инны сплошной негатив. Сильно развитый дух противоречия - болезнь?»

Почувствовав заминку в рассказе Инны, Кира продолжила:

- Немаловажно и то, что упорядочение семьи ведет к укреплению общества. Конечно, в ней есть свои плюсы и минусы, но отказ от института семьи будет иметь последствием вымирание нации. Разве нам до всего этого нет дела? Кто будет через тридцать лет кормить стариков, если женщины не будут рожать? Я бы подняла и поставила этот вопрос ребром...

- И хотя у нас теперь какой-никакой, но капитализм, укрепление семьи должно быть одной из приоритетных государственных программ. Необходимо внимание всего общества направить на укрепление финансовых и моральных основ семьи. Надо не лечить последствия - строить детдома и тюрьмы, - а заниматься воспитанием мужественного, стойкого, умного, трудолюбивого поколения, способного поднять и защитить свою страну. И все средства массовой информации должны быть направлены

на помощь учителям и родителям, – строго преподнесла свои взгляды Аня.

– Ты не на митинге и не в Думе, – остановила ее Галя.

– А жаль, – сказала Мила. – Именно таким, как Аня, место в Думе.

– Опять одни благие намерения. Еще на каком вопросе ты остановила бы свое внимание и заострила наше? Ты нам еще лекцию прочти от общества знаний! Разве моя дочь не родила бы еще одного ребенка, а то и двух, будь у нее надежный муж? Речь идет не о нас, женщинах, а о нежелании мужчин брать на себя ответственность за детей! – поморщившись, нервно вскрикнула Лиля. – Раньше я считала, что если полюблю человека, то полюблю его со всеми его недостатками. А если этих недостатков все больше и больше? Как тут выстраивать отношения? Мужчинам всегда что-то мешает жить для семьи... Отложим этот разговор.

– Так я и говорю в основном о мужчинах и о том, чтобы по телевизору ради наживы не пропагандировали разврат и всякие отклонения, чтобы не растлевали нашу молодежь артисты, расхваливающие беззаботную жизнь и насилие, – стала поспешно разъяснять и оправдываться Аня.

Кира подняла обе ладони кверху и сместила акцент разговора в сторону личного опыта.

– Когда мужчины говорят: «Там хорошо, где вас нет», я в шутку отвечаю: «Там хорошо, где вы есть», потому что радуюсь, когда Слава говорит мне: «Я верю тебе как себе, я верю в тебя». К слову сказать: семьи ревнивцев никогда не бывают счастливыми. Доверие и понимание – основа и цемент семьи.

«Говорит-то он говорит, а если проверить, то тут бабушка еще надвое сказала. Может, Слава просто умело ей зубы заговаривает. Все они сво...», – еле слышно пробурчала Инна.

– Как вам со Славой удалось вместе продержаться сорок пять лет? Ты с высшей силой заключила пакт о ненападении или в этом изначально состоял божественный замысел? – полушутя спросила Лиля.

– Если хочешь, чтобы муж был главой семьи, не садись ему на голову, будь шеей; а если желаешь командовать сама, приготовься изворачиваться, лгать, делать мужу незаслуженные комплименты. Я сразу произвела своего мужа в генералы, но легкой иронией постоянно старалась держать его в рамках уважения к семье, – перевела Кира разговор на другие, более деловые, рельсы. – Чтобы сохранить любовь, надо не все силы и не все время расходовать на быт, стоит немного оставлять и для праздников. Женщины умеют сохранять в себе способность любить, а в мужчине ее приходится разжигать и поддерживать.

– Опять женщина должна, должна... – угрюмо забурчала Эмма.

– Я не уверена, что ты, Кира, на все сто права, – мягко заметила Алла.

– Да, вот еще немаловажная подробность. Дома мы по скромности наших возможностей ходим кое в чем, а на работу лучшее надеваем. Вот и получается, что мужья видят нас в застиранных халатиках, а своих сотрудниц, можно сказать, во всей красе. Ну и делают выводы. Они, конечно, и сами дома часто ходят небритыми, с голыми животиками, но считают это нормой. Себя они не видят со стороны. Им, в основном по причине высокого самомнения, не приходит в голову, что мы их тоже сравниваем со своими коллегами. Но мой Слава в этом отношении даже слишком консервативный.

– Что, без пиджака к столу не выходит? – восхитилась Аня.

– В наших тесных кухнях подобная чопорность не прижилась бы. Но в майке и семейных трусах не позволяет себе являться.

– Кира, как ты права! – воскликнула Мила. – Представляешь, заскочила я как-то к мужу на работу. Гляжу, идет мне навстречу высокий элегантный мужчина деловой уверенной походкой... А это мой муж, которого я обряжаю каждый день. «Да он у меня еще очень даже ничего! – подумала. – Со стороны видней, оказывается. А дома в семейных трусах примелькался... и вроде бы ничего в нем особенного».

- Мужские брюки, рубашки и шляпы благополучно перекочевали в женский гардероб. И это понятно. Их одежда удобнее. Но дома я и по сию пору никогда не хожу в брюках. Мужчине в женщине нужны прежде всего ее женственность, нежность, мягкость, как внешняя, так и внутренняя. Ему неприятно дотрагиваться до мужеподобной женщины.

- Рюши и оборочки им нужны? - хмыкнула Инна.

- Да, именно это. Джинсы у них ассоциируются с товарищем.

- Воображения у них маловато.

- Смотря у кого и в каком возрасте, - улыбнулась Мила.

И Лена подумала: «Какая хорошая, открытая у нее улыбка. Похоже, она счастлива в браке».

- Кира, ты всегда умеешь находить нужные слова в ссоре? - спросила Жанна.

- Я стараюсь споры не доводить до ссор. (А твой муж старается? - хотелось спросить Жанне.) Они не придают крепости взаимоотношениям супругов. Сказанное в запале всегда гадко. Я не ищу венца победы. С меня довольно избежать беды, не вступая в войну. Понимаю, что, жалуясь на чужой эгоизм, я защищаю и прикрываю свой собственный. Мне кажется, чем больше любовь между супругами, тем меньше она требует себе подтверждений. Ведь любовь - основа, корень жизни. Я больше ценю признание, похвалу и внимание мужа, чем деньги. Подарками и деньгами женщины пытаются компенсировать нехватку внимания мужчин и положительных эмоций. Мне кажется, можно обмануться в чем угодно, даже в вере, но только не в своей любви. Мне тоже трудно, тем не менее я счастлива.

- Кира, а куда Слава пропал? - спросила Инна.

- У него две пары занятий в технологическом, а потом еще одна в университете.

- Всюду успевает.

- Приходится.

Кира мышкой шмыгнула на кухню, притворив за собою дверь. А разговор принял другое направление.

- Я не знала любви родителей, не ощущала вкуса слов «папа» и «мама». Они ничего в меня не могли заложить воспитанием, но я люблю своих детей. Я читала, что с рождением ребенка в крови мужчин появляется гормон, усиливающий их любовь к семье. Только, должна признать, не у всех он вырабатывается, - рассмеялась Жанна. - А как ты, Аня, формулируешь для себя понятие «родительское чувство»? Как ты относишься к своим родителям?

Галя с Милой недоуменно переглянулись.

- Никак. Как можно думать о том, чего никогда не было? Я не понимала, что значит любить. Я умела только мысленно жалеть их и себя. У меня нет с ними общего прошлого. Это что-то вроде полной амнезии... Наш детдом был темный, злой. Мне непонятно было, зачем живут люди, зачем им нужна эта тупая, проклятая жизнь. И потом мне не везло... А моя подруга попала в бедную семью. Но там не было ни тоски, ни жалоб, ни злости. Никто никого не обижал, не искал виноватых. Они были в моем представлении самыми счастливыми на свете... Любовь. В этом слове есть что-то до такой степени преходящее, зыбкое...

Кира выключила газ и опять появилась в проеме двери.

- А как ты понимаешь свое собственное родительское чувство? - обратилась к ней Жанна.

- Лично для меня - это когда успехи моих детей затмевали мои собственные достижения в карьере, - улыбнулась Кира.

- Значит ли это, что ты могла бы совсем не работать?

- Нет, конечно. И не только из-за материального положения в семье. Но для меня никакое, даже самое любимое дело не может быть важнее семьи.

Галя одним ухом слушала спор кокетливо закатывающей глаза Инны с Аней, а другим – с неподдельным интересом внимала высказываниям Киры.

- ...А как тебе удается оставаться всегда оптимистично настроенной?

- Я понимаю, что все мои мечты и задумки не могут состояться, и настраиваюсь на то, что если девять раз не повезло, то на десятый все-таки должно получиться что-нибудь хорошее. Но это не значит, что я пассивна. В одном месте оттолкнут – я не расстраиваюсь, а иду в другое и снова пытаюсь проторить хотя бы тропинку к намеченной цели.

- ...Мне кажется, если мужчина наравне с женщиной не нянчится с детьми, у него не возникает к ним любви, – подала голос Мила.

- Мой не любил оставаться один на один с маленькими детьми, но я заметила, что лучший способ заставить мужчину что-либо сделать – намекнуть, что он уже староват для таких дел, – сказала Жанна.

- Любовь – это не отдельные поступки. К тому же одни люди созерцатели, другие способны действовать, – с неопределенной интонацией начала Лера, но недоговорила, уйдя в глубокие размышления.

- На моем третьем муженьке, бывало, где сядешь, там и слезешь. О его «не хочу» разбивался всякий мой наскок. Ничем его невозможно было пронять. Никакого проку от него семье не было. Себя лелеял. Ему бы только откатиться в сторонку или закатиться в канавку и смотреть из нее на все происходящее со стороны. Он мне как-то после очередной ссоры выдал: мол, «знаешь, почему мужчины ставят женщину на пьедестал? Чтобы с большим удовольствием дать ей пинка». Не упустил случая нагадить в душу. Это было последней каплей, переполнившей чашу моего терпения. Нет худа без добра. Наш развод стал для него полной неожиданностью. Получил, что заслуживал. Не откусывай кусок больший, чем можешь проглотить. Не выношу самодовольного невежества, не могу мириться с беспечной заносчивостью, – презрительно фыркнула Лиля. – После Георгия туго затянула петлю на горле своих возможных желаний.

- Тебя что-то давно не слышно, – затормошила Инна Эмму.

- Профессия педагога, как, собственно, и матери, и бабушки, требует большой растраты души, поэтому после работы хочется помолчать, восстановиться. Это с утра я соловьем разливаюсь, – улыбнулась Эмма.

Алла

Алла, недовольная поворотом разговора в сторону «перемывания косточек» мужчинам, остановила подруг:

- Хватит корить своих мужей. Вас послушать, так все мужья – скоты. Что же вы за них замуж шли? Некоторые из нас слишком быстро постарели и забыли, как влюблялись, любили, с ума сходили от ревности, может быть, даже какое-то время были счастливы. Будьте благодарны судьбе за то, что была любовь и есть дети. Миром правит любовь – и это истина, – иначе он давно бы рухнул.

Вот я своему мужу всегда «пела», что нет для него дела, с которым он не справился бы лучше меня, а потом частенько молчком переделывала после него. И что из того? Мужчина все равно должен быть или казаться главным. А он меня на первый план выдвигал. Саша проректором по хозяйственной части работал. Вот там он был по-хорошему амбициозен. Руководил, организовывал талантливо – это была его стихия. Но что касается того, чтобы что-то руками сделать... – не его эта сфера деятельности.

Алла посмотрела на подруг своими умными, приветливыми глазами, ожидая одобрения своих слов.

- Вздор говоришь... Ты же доктор наук! Два пьедестала в одной семье – величайшая, но «несовместимая с жизнью» редкость, – съехидничала Инна. – Здесь какая-то тайна?

Алла не удостоила ее взглядом.

- В ее компании он был мужем Аллочки, в его – она женой Саши, – сказала Лера, тем самым четко определив взаимоуважение в семье своей лучшей подруги.

- Алла, поделись своим опытом семейной жизни. Нам уже поздно добирать недополученное, так внукам пригодится, – мягко попросила Жанна.

Алла смутилась, даже как-то немного растерялась от такой неожиданной просьбы.

- Понимаете... это в основном заслуга Саши. Он был спокойным. Никаких конфликтов в семье. Полное приятие людей, которые рядом. Наш дом был островом стабильности. Саша помог мне состояться, стать полноценной личностью. Бывало, приду после работы домой измученная, раздраженная, положу ему голову на грудь, свернусь клубочком и будто цыпленком становлюсь в гнездышке его добрых рук. Блаженство охватывало мое тело. И такое умиротворение в душе, и так мне хорошо! Так бы и не расцепляла оплетавших меня его ласковых объятий... И нет больше сильной, негибкой и властной Аллы Дмитриевны, а есть усталая, маленькая, слабая Аллочка... Как хорошо было ощущать его рядом. Слышать взволнованное сердце преданного любимого человека – это такое счастье... И это было все, чего я от него хотела в тот момент... И он был благодарен мне за открыто выражаемые чувства. Не стесняла меня его забота. Сидим в кресле, делимся своими мыслями, мечтами, забывая обо всем брэнном, мелочном, недолговечном... Час с ним как год в раю... Жизнь наша была трудная, но радостная. Понимание жизни не облегчает ее. Но мы достигли чудесного равновесия наших душ. Не удовольствие, удовлетворение – главное.

- В духовном слиянии есть особая прелесть, необычайная наполненность, – сказала Жанна.

- Я считала, что ты из тех, что не дают мужчине больше трех минут на исполнение твоих желаний. Красавица! Гордая Аэлита!.. И вдруг... цыпленочек, – искренне удивилась Инна и задумчиво потерла переносицу, пытаясь осознать неосознаваемое.

Лена внимательно взгляделась в Аллу. «Глаза по-прежнему огромные и синие. Они того глубокого темного таинственного оттенка, какой бывает в драгоценных камнях сапфирах или в чистой бездонной реке. Очки придают ей фантастический вид. На самом деле Аэлита. Разрез глаз особенный, удлинённый. Похоже, это результат сильной близорукости, но, тем не менее, он ее украшает».

- И когда прошел период душевных бурь, когда чувства притупились, он все равно оставался ласковым, нежным, понимающим, заботливым. В наших отношениях было

столько теплоты. Я любила его, но не сразу оценила его тонкую душу. С годами научилась его по-настоящему уважать. Нервное желание утвердить себя в семье сменилось ласковым покоем. И только тогда мы стали единым целым. А сначала мне трудновато было признаваться в своей неправоте. И он не сразу, постепенно открывал мне свою бесконечно прекрасную душу. Мудрый, сдержанный был. Он – моя главная награда в жизни. Только когда в моей жизни появился Саша, я стала настоящей, полной, самодостаточной. Он говорил, что есть базовые вещи, которые надо обязательно пропускать через себя, а есть те, на которые не стоит обращать внимание... Хотя обычной логикой и здесь не обойтись...

Женщины слушали откровение затаив дыхание, не желая пропустить ни единой мысли. Они понимали, что в рассказе Аллы нет любования собой и она не грешит преувеличениями.

«Рассказывает нам рождественскую сказку. В ее красивой мозаике, наверное, тоже недостает многих кусочков», – недоверчиво подумала Инна.

– Кажется, Гете утверждал, что в семье один должен быть молотом, другой наковальней. Ну, что-то в этом духе. И с таким лозунгом он строил свою семью? Наверное, он был человеком крайностей, – тихо и задумчиво произнесла Жанна.

– Чем старше мы становились, тем более трепетной становилась Сашина нежность и забота, боязнь потерять меня. Он всегда с радостью возвращался в свою семью-крепость. Семья не тяготила его, не умаляла его свободы, чего так боятся многие мужчины. Счастлив был в ней.

– И этот его стимул носил имя Алла! – величественно произнесла Инна и тут же получила от соседки по столу чувствительный толчок локтем под ребро.

«Алла властвовала в спокойном сознании силы своей любви. Моя свекровь добивалась внимания мужа мелочной сварливостью, капризами. О любви она, видно, знала только понаслышке. А что давали мои бесплодные усилия любви при беспримерном легкомыслии Федора?..» – грустно думала Эмма.

– Этому способствовало еще и то, что он очень любил дочь. Было время, когда я боялась, что ребенок затормозит рост моей карьеры. Потом поняла: Саша прав: семья – прежде всего. Он так внуков хотел... Удивительно порядочный, преданный был человек... Все хорошее в нем сошлось. Вот так и продышали вместе тридцать лет. Только не он меня, я его потеряла... и тогда узнала, что значит «боль моей любви». Неожиданно оборвалась его жизнь. И врачи не помогли. Больница была всего лишь короткой отсрочкой неизбежного. Он ушел, как принято говорить, упокоился с миром, а я с годами все ярче слышу его голос... Это чудо – найти себе пару. В основном людям всю жизнь приходится приспосабливаться друг к другу. Мне повезло. Выбор профессии и выбор мужа – вот два главных начала жизни женщины. Для меня они были равновелики. Но я ошибалась. Любовь и роскошь прекрасных человеческих отношений – важнее всего, приоритетней.

– Каждое твое высказывание – как непреложная истина, – с притворным смирением произнесла Инна, но вложила в эти слова столько циничного недоверия, что даже Лена недовольно покосилась на нее.

«Зачем, пусть даже скрытно, хамит? Все для того, чтобы лишний раз обратить на себя внимание?» – поморщилась она.

Жанна поспешила нарушить неловкое молчание после «невинной» выходки Инны.

– Кто-то из физиков-ядерщиков пошутил: «Удачно жениться – значит суметь вытащить ужа из мешка гадюк», – засмеялась она. – То же можно сказать и о замужестве. Не нарваться бы на удава.

«А чтобы защитить Аню, она и пальцем не пошевелила бы, – разгадав ее тактический ход, фыркнула Инна. – ...Гимн верной любви поет Алла. А люди в большинстве своем неидеальны. У всех свои слабости и завихрения. У одних их больше, у других меньше. Разнообразие, черт его побери. Что касается меня... я в этом плане далеко не исключение, – иронизирует над собой Инна. – Я из тех, о которых говорят, что скорпион жалит себя своим же хвостом?»

- По счастью, и вкусы наши совпадали, и пристрастия, и мысли. Случалось такое: только я хочу что-то сказать, а он уже озвучивает мою мысль. И наоборот. Это не говорит о нашей предсказуемости или примитивности. Только о единении душ. У нас с Сашей были очень честные отношения. Мы говорили друг другу абсолютно все, потому что лучше такая близость, чем отдаление, которое часто заканчивается полным отчуждением или разводом. В Саше переплеталось все лучшее, чего может желать женщина: сердечность, нежность, понимание. И вообще... он умел любить, беречь, боготворить. Был у него талант видеть, слышать, чувствовать. Умел он из обыденного, житейского извлекать необыкновенное. До конца быть бы с ним рядом... Я каждой клеточкой души цепляюсь за наше с ним прошлое... Я оберегаю его, живу им, - сдавленно выдохнула Алла.

- Ой! Я зеленею от зависти. Такой и мне был бы в самый раз, - тихонько засмеялась Инна.

«Вот бы идти по дороге жизни как по ленте Мёбиуса. Мы могли бы продолжить с Сашей нашу жизнь и после...» - Алла грустно усмехнулась своим мыслям.

- Ушел... и всё остальное стало таким незначительным, приземленным... Казалось, жизнь потеряла смысл. Нет, работа, конечно, меня держит. Я всегда была до нее жадная. И дочка - счастье. Но чем дольше наше расставание, тем больше я понимаю, кем был для меня Саша. Без него не было бы меня настоящей... Не секрет, что и сейчас живу с оглядкой на него... Никогда не думала, что двое людей могут быть настолько совместимы. Я с радостью вспоминаю каждое мгновение, проведенное с ним. Даже то, когда мы иногда ссорились... я ссорилась.

Инна спросила ехидненько:

- Как же ты разглядела его уникальность в густом мужском мелколесье?

Аллу задел Иннин тон, ей не хотелось, чтобы в разговоре о ее муже звучали издевки или пошлость. Она ответила тихо, так, чтобы услышала только Инна, но достаточно резко:

- По мелколесью не ходила. Вокруг меня только мощные дубы и корабельные сосны росли. - И добавила несколько громче:

- Один раз поговорили, и я сразу поняла - мой.

- Ну, ты же у нас как снайпер - во всякую цель, вне всякого сомнения, с первого раза попадаешь, - без тени иронии похвалила Аллу Инна.

- ...Сподличать? Для его человеческого статуса это было невозможно. Честным был перед самим собой. Его невозможно было куда-то втянуть. Он был самодостаточный, на все имел свое четко определенное мнение. Саша до последнего дня верил в мои возможности, поддерживал любые начинания, даже немыслимые, литературные. Как-то, уже перед кончиной, сказал мне слова какого-то книжного героя: «Стремись к Луне. Даже если промахнешься, то все равно останешься среди звезд». Теперь я пишу будто... только для него.

Когда Алла говорила о муже, лицо светлело в мягкой улыбке, морщинки разглаживались, а в глазах за туманом грусти пряталась такая выстрадавшая мудрость. Алла вдруг замолчала, будто впала в глубокую задумчивость.

«Есть в ней что-то подлинное, истинно русское. Под ее мягкой, обаятельной внешностью скрывается сильная, умная женщина. И улыбка у нее как у Джоконды, сдержанная, затаенная. Не представляю ее вульгарно хохочущей», - подумала Эмма, любясь Аллой.

«Я тоже продолжаю любить деда и бабушку... И хотя моих обожаемых старичков давно нет, их любовь и моя к ним до сих пор поддерживает меня, - грустно улыбнулась внутри себя Лена. - Я стремлюсь сохранить в себе минуты, которые стали для меня памятными, чтобы не растворились они в приливах и отливах моего обыденного существования».

«Настоящая правда - не объективность, а бескорыстная субъективность», - подумала Лера.

- Ты уже застала своего Сашу человеком, победившим свои слабости, - сказала Инна.

- Или он даже смолоду не имел комплексов, какими были накачаны мои мужья, - предположила Лиля.

- Ну, скажем так, он был по жизни философом, - вслух решила Лера.

- Я тоже никогда бы не променяла такого на современного гордеца-мачо. Зачем мне бесполезная гора мышц? Зачем мне нужен человек, который на построение своей фигуры тратит все свое время? Такой только себя любит, только собой гордится и воображает, что, лишь взглянув на его формы, женщины падают вокруг него штабелями. Кому на потребу такое добро нужно? - горячо заговорила Лиля.

Кого она вспомнила? Может, зятя?

- Мы с Сашей были единым целым. «Ты - это я», - говорил он. Счастье и несчастье мы переживали с одинаковой глубиной. Возьму на себя смелость утверждать, что если люди любят по-настоящему, они уважают друг друга. В семье мы всегда единомышленники. Никогда не возникал вопрос: кто выше, кто значимей.

- За этим пониманием стоит огромная культура человеческих отношений, - озвучила свое резюме Лера.

- У нас как в балете: он всегда на втором плане, вторым номером, на поддержке, но что я без него? Даже «за кадром» он был всегда рядом. Когда он ушел из жизни, я надолго потеряла опору в себе. Мне не хватает его добрых рук, теплого голоса, его сердечности. Я без него осиротела... Боже, как прекрасен может быть человек!.. Я верю в земную любовь. Судьба обязательно нас сводит, но кто и как этим распорядится... Кто-то мимо проходит, от кого-то она ускользает...

- А кому-то недостается...

«Алла среди нас единственная - именно такая, какой мы все когда-то хотели стать, - по-настоящему счастливая? Или это известная женская уловка, хорошо скроенный миф? А если без излишней мишуры?.. Даже если это отчасти и так, она все равно самая-самая», - размышляла Аня.

- Ой, даже мухи дохнут от зависти! - вскрикнула Инна.

Никто не обратил внимания на ее колкость.

«Слишком навязчивая демонстрация добропорядочной семьи, - холодно решила Инна. - Интересно, к какой из известных мне разновидностей мужчин я могла бы отнести Аллиного мужа?»

- Ученые-биологи утверждают, что любовь - это невроз. Влюбленность, может, и невроз. Только не любовь. Я любила и притом была спокойна, уверена и счастлива. Нервы мои всегда были в порядке именно благодаря любви. Счастливым надо быть тихо... и внутри. Я такая, потому что у меня был мой Саша... А могла бы не на той странице открыть книгу жизни. Судьба даровала мне удивительного мужа.

Помню, объяснился мне Саша в любви и заплакал от полноты чувств, услышав мое согласие. Я была потрясена... Эти его слова и теперь звучат во мне так, словно я слышу их впервые... Это были самые прекрасные минуты его жизни. Потом было счастливое познание друг друга... Он всегда останется в моей душе таким, каким хотел быть и был на самом деле. Внешне он был неярким, но почему-то я моментально подпала под его обаяние. Сердце сразу сказала - мой.

- Такое совпадение равносильно чуду, - сказала Инна.

Лиля вдруг вспомнила одну свою знакомую. Та хвалилась, что муж ее «все пальчики ей обцелует...» Только не ее это была заслуга. Он умел любить. А она обыкновенная хитрая стерва, которая житья никому не давала на работе. И детей своих разводила с невестами и женами. Разве такой угодишь? И за что любил? Двуличной была...

«Столетний дуб в лесу повалился. Алла исповедуется! Откровения подруг ослабили и открыли всегда надежный клапан ее сердца?» - изумилась Кира. - Может, хочет помочь мне изменить настрой девчонок? Не удастся ей переломить ситуацию. Не тот случай».

- В Сашиной семье из поколения в поколение передается одна нехитрая притча.
«Пришли ученики к старцу в его келью - он почувствовал, что дни его сочтены, - чтобы проститься, поблагодарить за труды его праведные и выразить почтение его святости. А он повел их в деревню. Когда они вошли в чей-то двор, навстречу им вышла женщина со взрослыми детьми. И тут старик встал перед нею на колени со словами: «Вот кто святой. Она вырастила прекрасных детей».

Женщины притихли.

«Конечно, не все так однозначно в любой жизни. И в душе Аллы, наверное, были и разлад, и метания, и печаль. Все было, - мысленно на все сто не согласилась Лена с идеализированным образом семьи подруги. - Но теперь пустое, суетное, мелкое ушло и осталось торжество переживания редкостного чувства: величия любви...»

- Стоило Саше только подумать, а я уже высказывала взглядом его самую сокровенную мысль, и он радостно улыбался нашему пониманию. Мы оба мгновенно воспринимали внутренние послы, понятные только нам двоим... Любила я его очень, но не уберегла, - как-то по-бабьи горестно выдохнула Алла и добавила с печальной усмешкой: - Человек никогда не скажет: довольно, я уже счастлив... А что стало бы с могуществом женщин, если бы не мужское тщеславие?.. Но это уже другая тема...

Я каждый день перед сном трогаю последний Сашин подарок. Я как бы прикасаюсь к его рукам, целую и засыпаю...

Алла говорила тихо, словно сама с собой. И ее огромные под выпуклыми очками глаза наполнились слезами. Она замолчала. Она больше не могла говорить о любимом, а уйти от мыслей о нем ей не удавалось.

«Александр ушел из жизни, любя Аллу. Он оставил ей счастье до конца дней чувствовать себя счастливой, поэтому у нее нет полного одиночества, как у меня. Даже Андрей ушел от Лены пусть как-то неправильно, но по-своему любя ее. А мои мужья расходились со мной в злобе, и у меня от них оставалась одна обида. Я ненавидела мужчин из-за того, первого... словившего мне жизнь, - думала Инна. - И Лиля вспоминает своего Диму с жалостью. И если бы он «по пьяной лавочке» не ушел к той пьянчужке, то, несмотря на их трудную жизнь, она бы никогда не говорила о нем плохо, потому что считала бы свое предназначение исполненным до конца. Предательства не простила».

«Тело долго не живет, когда из него уходит душа... У подруги Нелли случился инфаркт после того, как она узнала, что муж всю жизнь любил другую. А если душа умирает еще при жизни...» - почему-то подумалось Лиле о нестерпимо грустном.

Для ощущения контраста? Так уж повелось, что на все радостные случаи из чужой жизни она находила вокруг себя что-то грустное... После развода с Дмитрием в ней все больше печальные истории копились.

«Как по-разному у нас складывалась жизнь. А все мы хотели одного: счастья, любви, радости...», - Инна судорожно вздохнула. Боль жестким обручем охватила ее грудь. Слезы прихлынули к глазам, но она подняла их к потолку и переждала момент слабости. Она не хотела растревать себя вечным вопросом «за что?», но отвязаться от риторических вопросов ей не удавалось.

«Каково было мое предназначение? В чем было мое счастье? Всю жизнь истратила на поиски приличного мужа. Стоило ли это того? Нет... Было и хорошее. Отец недолго, но любил. И предал. Была первая любовь, было счастье. И он тоже предал. Мама была, бабушка. Детдомовские были лишены и этого. Что еще? Лена, Антон. Кто-то сказал, что счастья много в одни руки не дается.

Хобби? Хотела бы поездить по свету, пообщаться с умными людьми. А мне доставались только телепередачи «В мире животных» с Сенкевичем и Дроздовым. Что хорошего кроме работы я сделала? Когда любила - отдавала себя полностью. Да, видно, не тем... Мало любила? А много ли любили меня? Даже мать... Предательство мужа сделало ее бесчувственной даже к себе. Лена. Прелесть какая была девчонка! А много ли ей досталось любви? И все же больше, чем мне. Она познала материнство и сыновнюю любовь. А Эмма? Кто следующий на заклатие судьбы?.. Мужья... В гробу я их всех видела и в белых тапочках. Ленка сейчас сказала бы, мол, попридержи вожжи... Когда

выпадают хорошие дни, я держусь, как никто другой, молодцом. Ну а коль всерьез постучалась беда, то, как говорится, отворяй ворота».

Стремясь успокоиться, Инна попыталась вникнуть в разговор сокурсниц. Ей требовалось найти повод подразнить очередную «жертву». Чего-то другого для отвлечения от тоскливых дум придумать у нее не получалось. «Милу бы сейчас послушать, – подумала она с тоской. – Рассказывала она всегда весело, подшучивая и издеваясь над всеми сразу, и над собой в первую очередь. А теперь она молчит. Несчастье сломило. Шутка ли... все мужчины семьи разом...»

– ...Умная женщина не станет замечать мелкие недостатки мужа, – задумчиво сказала Лера, подтверждая какую-то мысль Аллы.

А Рита о своем втором муже вспомнила:

– Мой никогда не рассказывал о своих неприятностях на работе. Не допускал в свои дела. Не хотел плохо выглядеть в моих глазах – самолюбивый был. А ведь одна голова хорошо, а две – лучше. Скольких ошибок мог бы избежать! Я могла бы внушить ему уверенность. Она же у него была показная.

– Всем хочется быть или хотя бы казаться умными и красивыми. Не зря же мы украшаем себя словами, одеждой, – сказала Жанна. – А мы, женщины, еще и кокетством. В кокетстве есть обаяние и определенная раскованность.

– Можно подумать, что мужчины не кокетничают! Да сколько угодно, – неодобрительно фыркнула Инна.

– Хитрая жена будет выпячивать недостатки, использовать их, чтобы принизить мужа. И еще неизвестно, кто из двух женщин окажется в большей выгоде, – вернулась Лера к словам Жанны.

– Саша тоже иногда шутил по поводу превосходства женской хитрости над мужской мудростью, – улыбнулась Алла теперь уже своей обычной, неизменно приветливой улыбкой.

– Как ни странно, парадокс заключается в том, что... – Аня смутилась, подправила очки безмянным пальцем... и не закончила свою мысль.

«Учительская привычка, – подумала Лена, – руки-то всегда мелом измазаны».

«Аня – старушка с фигурой пятнадцатилетней девочки, а лицо постоянно выражает уже давно ставшую привычной покорность судьбе, приобретенную ценой слишком ранней утраты иллюзий. Она всегда была доброй, слишком честной и держалась немного виновато, словно знала, что и ее есть в чем упрекнуть. Когда Бог раздавал самоуверенность и наглость, она дремала. Подспудное искушение сойтись с подругами ближе толкает ее к диалогу, а страх быть непонятой останавливает. Наверное, думает: никогда не знаешь, на что они могут обидеться, чего ждать от них в ответ на откровенность. Видно, и это не совсем по моей части», – решила за нее Жанна и не стала настаивать на продолжении фразы.

«Все-таки Анька неплохая девчонка. Такие кукиш в кармане и камень за пазухой не держат. Слушать умеет и делает это, проявляя к собеседнику неподдельный, а не просто вежливый интерес. И удивляется очень натурально! Она часто не понимает, куда я клоню, и оказывается в смешном положении, но ведь «не всем дано летать», – подумала Инна и усмехнулась над собой: что-то меня «не в ту степь» понесло.

– ...Любовь и выгода?.. Ну да, смотря кто какую цель преследует, – неопределенно протянула Галя.

– ...Если муж понимает и ценит ум женщины, тогда имеет смысл его выставить или применять. А так... лучше дурочкой прикинуться и молотить свою копну на благо детей и внуков. Я, например, розетку сама могу починить. Но должен же муж хоть что-то делать по дому. Иначе совсем мышей перестанет ловить. Не зря же говорят, что женщина сильна своей слабостью. Может, и правда счастье женщины состоит в том, чтобы хоть иногда позволять себе быть слабой. У меня получалось. Только сильному мужчине тоже иногда хочется преклонить голову на колени своей слабой женщине, –

задумчиво, будто в пустое пространство сказала Жанна.

- Не встретила я такого, чтобы могла допустить в свое сердце, - тихо обронила Аня.

«Это, конечно, поза. Сейчас самое время исповедоваться... Женщины в отсутствие приличных внешних данных обычно не питают несбыточных надежд... Даже примитивные уловки - кокетство и близкие женские слезы - мимо нее. Какие уж там мужчины? Вот они к ней и ни ногой... Ей надо такого же, как она, зануду, - подумала Инна. Ее на мгновение передернуло легким привычным презрением к высказыванию Ани. - ...Хотя, если глубже вникнуть, она приспособлена к жизни лучше других, потому что всегда ожидает самого худшего, ее ничем сильно не испугаешь. А ноет она больше по привычке».

- Насколько я помню, Алла, - криво ухмыльнулась Инна, - твоя мама была великой труженицей, надежным оплотом вашей семьи, доброй няней всем вам. Что-то я не разглядела сияния нимба над ее головой... Ведь два начальника в семье - перебор. Не правда ли?.. Что, рыльце в пушку?

- В нашей семье каждый достойно и с любовью нес свой портфель обязанностей, - мягко ответила Алла на выпад Инны. - Счастье человека во многом зависит от силы его души, от той высоты, которой она способна достичь.

Алла говорила, будто взвешивая каждое слово. Нечего ей было возразить.

«Умолкла Инна. Должно быть, и ее проняло откровение Аллы. Дрогнуло гранитное сердце... И меня рассказ Аллы как-то странно взволновал, - подумала Лера. - Мой Леня по молодости был невероятно ранимым, ломким. Ахиллесова пята есть у каждого из нас. Разным был. Не все клеилось, не купался в славе, но без любимой работы пропадал, задыхался. Не сразу стал опорой семьи. И я по молодости не всегда могла понять его, сдержаться - это было одной из моих ошибок. И тогда находились «друзья», которые советовали, мягко говоря, плохое. Я вмешивалась в их разногласия, трения, пыталась спланировать. А они искали способы давления на него: не выпускали за границу, «зжимали» договора. Когда коса спотыкается о камень, ломается коса. А для мужчины бесперспективность - это самое страшное. Но он никогда не отыгрывался на мне, только спрашивал: «Какова твоя концепция по данному вопросу?» С ним было непросто, но он был надежным. Не в смысле денег - они не главное, - в смысле души... Главная часть жизни, считай, прошла. Что нам теперь доказывать друг другу? Что делить? В нашем возрасте, если сумели вместе дожить, муж и жена - одна сатана».

- Любовь! Она - радость, боль, счастье? Кого любить? «Тайна сия велика есть». Как тут не ошибаться? Все мы дилетанты, по первому разу живем, - брезгливо сморщилась Инна и тут же неожиданно расхохоталась.

- Любят того, о ком болит сердце, - просто ответила ей Алла.

- В мой огород камешек? Я любила один раз - в семнадцать лет. Мне этого на всю жизнь с перехлестом хватило, - зло вспыхнула Инна. - Можно лгать другим, себя обмануть невозможно.

«Ну и перепады в настроении», - поразилась Жанна.

- Никогда не зарилась на чужое счастье... По своему опыту знала: чем ярче и глубже любовь, тем тяжелее разочарование. И все же когда я любила, мне все было по силам, я готова была идти на любые жертвы. Без любви, пусть даже несчастливой, все становится безразлично, неинтересно, не хочется жить... Любишь, если чувствуешь, что без него не можешь существовать, когда хочешь сделать для него максимально возможное, - со вздохом констатировала Лиля.

- Человек счастлив, только если он кому-то нужен, - подтвердила Жанна.

- Ты о нас, о женщинах? - с усмешкой уточнила Эмма.

- Когда любовь погибает, то способность созидать превращается в разрушительную силу, - высказалась Инна.

- Любовь - субъективная иллюзия, и все-таки она важна потому, что лучшего у человека

нет, – медленно, втягивая воздух произнесла Галя.

– Счастье – это такой итог жизни, когда не страшно уходить, зная, что не зря прожил, – сказала Эмма тихо.

– Уходить всегда страшно... – сказала Алла еще тише.

Наступила длинная философская пауза. Все словно прислушивались к своим тайным мыслям.

– Чего молчишь? Тебе неинтересно? – Это Жанна терзает Лену. – Опять уходишь в сторону?

– Нет, я сижу на месте, – вяло отшутилась Лена.

Гость

Настырный долгий тройной звонок в дверь будто встряхнул женщин. Они одновременно замолчали и с любопытством посмотрели в сторону Киры. А та загадочно-приветливо улыбнулась им и пошла открывать. Тогда они вскочили с мест и сгрудились у дверей в зал.

Медленной походкой, присущей старости вкупе с многочисленными болезнями, вошел лысый полный мужчина, одетый до странности ярко и вызывающе. Многочисленные возрастные родинки на лице и тыльной стороне ладоней, двойной подбородок, набрякшие веки. Сутулые плечи не украшали его когда-то крепкую, спортивную фигуру. Если бы Кира не знала, кто должен приехать, она бы не рискнула без длительного допроса впустить в квартиру чужака. Вглядываясь в блеклое расплывшееся лицо мужчины, она пыталась отыскать в нем характерные черточки, но время будто размыло и стерло все знакомое ей в юности. Никто не узнал в госте Василия, и все же это был он.

Кира немного растерялась. Возникла неловкая пауза. Ватная тишина обступила присутствующих. Пытаясь растопить в себе лед настороженности и неожиданно нахлынувшей тревоги, Кира через силу приветливо улыбнулась и протянула Василию руку. Он задержал ее в своих ладонях дольше, чем требовало того приличие. Наверное, потому что оценивал хозяйку опытным взглядом.

«Годы обошлись с ним жестоко», – подумала Кира и представила гостя: «Василий, земляк нашей Гали. Учился с нами один год. Вспомнили? Прошу любить и жаловать». А его взгляд первым делом быстро «огладил» женщин, потом ищуще скользнул по столу. При этом в глазах сквозило что-то от неистовой жадности к излишествам халявного праздничного стола. Взгляд только на мгновение остановился на сладких закусках и угас.

Наступила недоуменная, недоверчивая пауза. Инна первой оправилась от шока.

– История обнажает свои детективные пружины! – театрально подняв руки кверху, с озадачивающей легкостью обозначила она «начало нового сюжета».

И только тут все обернулись к Гале. Она стояла в сторонке бледная и неподвижная. Казалось, она отыскивала для Василия слова, которые бы шли из самой глубины сердца... и не находила.

– Не рада меня видеть, милая? – наигранно-веселым голосом, со снисходительностью, отдающей хамством, удивленно спросил Василий, подошел и попытался ее приобнять. Галя отшатнулась от него как от прокаженного и с такой силой сжала кулаки, что ногти вонзились в ладони.

В обращении «милая» подруги слышали все, что угодно, кроме любви, нежности или доброй памяти.

Василий обиженно просверлил Галю тяжелым взглядом, проскрежетал зубами.

– Жестоко. Ха! Ты ввергла меня в отчаяние, – с какой-то нарочито хмельной печалью в голосе неожиданно пожаловался он.

– Ты все тот же. Явился, сподобился. С какого перепуга? Не было печали, так черти накачали. Ты, грешным делом, не заблудился, кавалер с подмоченной репутацией?.. Удостоил лицезреть...

Сказано было презрительно-брезгливо. Повисла недобрая напряженная пауза.

– Сурово. Как божья кара. Что пялишься? Может, еще залепишь пощечину или всерьез съездишь по физиономии? Это было бы непростительно... Я не собираюсь платить по просроченным счетам. Может, обговорим условия перемирия?

И по тому, как Василий произнес эту фразу, все присутствующие сразу поняли, что говорил он эту фразу несчетное количество раз.

«Угрожает? Он не столь безобиден, каким казался раньше», – испугалась Кира.

Ценой заметных усилий Галя заставила себя сдержаться.

– Забыл свое выпускное сочинение по ранним произведениям Горького. Между прочим, блестящее было сочинение. Был в тебе ум, но не было человечности... Припомни употребленные в нем тобой слова старухи Изергиль. Разве они не подсказывают тебе, что напрасно ты сюда приехал? Это еще слабо сказано... Ты так и не вырос духовно. Напротив, деградировал. Иначе не рискнул бы здесь появиться... даже после стольких лет. Неужели надеялся, что я всё забыла, прониклась к тебе симпатией и мое сердце открылось навстречу тебе?.. Поразительно! Как всегда, никаких проблем с совестью?.. Не будет тебе моего прощения.

– Я слышу голос неумолимой судьбы! – рассмеялся Василий. – Так вот сообщаю: «Я не верю в потустороннюю жизнь, поэтому ничего не боюсь».

– Нисколько в этом не сомневалась. – Галя сокрушенно покачала головой. – Собственно, для тебя никогда не существовало пределов дозволенного. Помню твою фишку: улыбочивую непосредственную наглость. Разве в тебе что-то поменялось?.. Принесла тебя нелегкая... Не стану тебя удерживать. На сегодняшний день ничего в тебе не вызывает у меня прежних чувств: во мне нет былой ненависти. Презрение осталось. Не сгладилось, не растворилось оно в буднях прошедших лет. Уйди. Ты – человек из прошлого. Не затягивай меня в омут старых обид. Я давно выкорчевала тебя из жизни, давно отказалась от жестокого прошлого, хотя оно постоянно настойчиво напоминало о себе, жизненные неприятности воскресали его. Ты очень меня обяжешь, если уйдешь сам и сейчас же. Пожалуйста, не злоупотребляй моим терпением. – Галя говорила на удивление спокойно. Кто бы знал, чего ей это стоило...

Лена чувствовала, что Галя старалась не давать волю гневу. Но она также осознавала, что Галя уже не ощущала той злобы, которую испытывала к насильнику тогда, в те юные годы, когда ей было семнадцать, когда она готова была... В эту тайну была посвящена только она.

– Думаешь, я свалил дурака? Так не к тебе приехал. Кира пригласила. Ты бы уж точно не преминула попытаться выкинуть меня за борт... Я в вашем городе проездом. У меня всего три часа времени, чтобы посмотреть на моих бывших сокурсниц.

Кира виновато опустила глаза не в силах изменить ситуацию.

– Посмотрел и будет! Вали́ отсюда, – вдруг взвилась Инна. И непримиримо подумала: «Петух облезлый, индюк ошипанный».

– Стебаешься?.. Отстань, – как от назойливой мухи отмахнулся от нее Василий и, как ни в чем не бывало, продолжил:

– Галка, помнишь притчу «Волшебный камень», ту самую, которую ты читала в шестом классе наизусть на празднике Дня рождения пионерии?

Вольно или невольно, но песня «Взвейтесь кострами, синие ночи» на мгновение накрыла всех присутствующих легким воздушным звездным покрывалом пионерского детства.

– Выделяя в ряду многочисленных воспоминаний только главные события, от чего бы ты захотела отказаться в новой жизни, если бы это было возможно?

– Только от встречи с тобой, – жестко, не задумываясь, ответила Галя.

Умудренные жизненным опытом женщины поняли, что эта фраза расставила все точки над «i» во взаимоотношениях этих двух далеко не молодых людей и определила роль каждого в той давней и, видно, до сих пор не избытой в их душах юношеской истории.

Женщины не знали, как повести себя в такой щекотливой ситуации. Даже хозяйка дома растерялась. «Праздник закончился, не успев начаться», – подумала она.

Никто не предложил Василию стул. А он, похоже, не собирался уходить. Напротив, присмотрев себе освободившееся кресло, он решительно плюхнулся в него. Галя отпрыгнула, как расправившаяся, прежде сильно сжатая пружина, и, набросив на ходу первую попавшуюся куртку, выскочила в коридор. Уж она-то лучше всех присутствующих знала, что другого способа увести Василия из компании, кроме как

уйти из нее самой, не существует. Знала и то, как хамски он мог себя повести. Она не могла позволить себе испортить подругам вечер.

- Ты сам уйдешь или помочь тебе... вперед ногами?.. Ты же не настолько безрассуден? - «ласково» поинтересовалась Лена, выдвигаясь на передний план. В ее голосе прорывалось с трудом сдерживаемое волнение.

- Поторопись, Василий, поезд ждать не станет, - напутствовала Инна слегка ошалевшего гостя.

- Уноси-ка отсюда ноги. Яви миру свои ярко-желтые отсвечивающиеся подошвы. Тут тебе ничего не светит. Катись колбаской по Малой Спасской, - зло, сквозь зубы произнесла Мила, нависая сзади своей крупной крепкой фигурой над вжавшимся в кресло, ошарашенным странным приемом, гостем.

- Пора и честь знать, проваливай! - пронеслось по кругу.

Воцарилась напряженная тишина. Стал слышным привычный гул улицы.

Василий вскочил, растерянно озираясь. Женщины молча сдвинули ряды, отесняя неприятного гостя к выходу. И его уже не забавляла собственная самонадеянность. Может, в его голове промелькнула картина мести всех собравшихся здесь женщин, подруг тех, которых он когда-то обманывал. Наверное, ужаснулся: «Эти... распнут!»...

Педагогика

- ...Ой, что я услышала от подруги незадолго до моего отъезда! - возбужденно заговорила Жанна, обращаясь к Ане. - Она из Израиля приехала. Там в некоторых школах детям дают полную свободу. Они в глаза учителю говорят что вздумается, как угодно свободно могут повести себя на уроке, а учитель - молчи! Это просто не укладывается в моей голове. Вряд ли стоит проводить подобные опыты над детьми.

- Я не приветствую крайностей. Во всем нужно чувство меры. И любовь к ребенку должна быть адекватной. Дети еще не умеют ценить людей, но уважать учителя обязаны. Надо учитывать тот простой факт, что если они маленькими не научатся уважать учителя, то, став взрослыми, никого не будут уважать. Этого добиваются реформаторы? Интересно бы узнать, кто выступил инициатором такого жестокого эксперимента над детьми? На какие такие догмы он опирался? Думаю, из этой затеи у них ничего не выйдет, кроме лишней головной боли и взрослым, и детям. Осрамятся, - горячо возмутилась Аня.

«Эти дебаты надолго. Не снять мне их с крючка педагогических проблем», - подумала Лена, привычными движениями помассировала себе шею и смирилась.

- А к чьим советам и рекомендациям ты могла бы прислушаться? - спросила Жанна.

- Есть две-три фамилии классиков педагогики. Но в основном учитель на свою интуицию должен полагаться. Если ему дано. Надо чувствовать, что уместно, а что нет в данной ситуации и с данным ребенком. Любовь к детям, индивидуальный подход и ответственность за их судьбы должны вести педагога по правильной дороге. Без интуиции педагога - грош цена в базарный день всем знаниям заумных великих философов.

...Мы в четырнадцать лет считались взрослыми, социально, физически и психологически зрелыми... Период детства теперь удлинился. Это для того, чтобы ребенок мог понять свои возможности, научился регулировать свои эмоции и действия, смог найти себя и стать полноценным членом общества? - слышалось на другом конце стола.

- Некоторые родители до пенсии нянчат своих отпрысков.

- Надо родителям давать своим детям возможность самим зарабатывать себе на жизнь, если даже они способны их содержать. Так делают на Западе.

...Перемена в школе, а в коридорах тихо. Мы в свое время между уроками на головах ходили, а этих из классов не выпускают, чтобы не шалили. И учителям не надо пузыриться... В детсаду на стульчиках целыми днями сидели, потом в школе за партами... Если на цепи до семнадцати лет держать, так чего же удивляться, что они вялые и безразличные?..

Аня с Жанной продолжали мусолить нескончаемые педагогические проблемы, а Лена заскучала и повернулась к Рите с Милой.

Рита рассказывала:

- ...В моем детстве в нашей школе был мальчик, который с завидным постоянством выказывал неуважение к девочкам, так из него не вышло ничего путного. Казалось бы, какая мелочь, перерастет, поумнеет. Не поумнел...

«Педагогика заразна для женщин, как грипп», - усмехнулась Лена.

- А совсем недавно я была в одном лицее на встрече с четвероклассниками. Учительница, не повышая голоса, одними улыбками командовала классом. Дети были активные, позитивные. Даже те, что со слабыми возможностями - в силу моих теперешних обязанностей их я замечаю в первую очередь - активно и от души участвовали в беседе. Я слушала их и думала: «Знаете ли вы, милые детки, как вам повезло с учительницей?!» А на следующей неделе я побывала в еще одной школе. Одни дети на встрече вели себя вызывающе: сидели, развалившись на партах, говорили с надменно-презрительным видом грубости и бестактности, критиковали всё и вся; другие, собравшись маленькими группками, преспокойно и довольно громко вели посторонние

разговоры на глазах у незнакомого им человека и своего педагога. Некоторые ребята сидели парами, слегка придвинувшись друг к другу, и, сблизив головы, шептались о чем-то своем, только им интересном, и отвлечь их не представлялось возможным. Я была поражена подобным приемом.

А учительница растерянно потопталась у порога и выскользнула из класса, оставив меня на «растерзание» маленьким самодовольным глупцам, вообразившим себя всезнающими, все понимающими и все умеющими в этой жизни. А я смотрела на них и с грустью думала о том, сколько лет потребуется учителям старших классов и родителям этих детей, чтобы сделать из них достойных людей. А может быть, их окончательно упустили? Сколько шишек набьют себе эти мальчики и девочки, пока жизнь будет ставить на место их мозги, испорченные бесхарактерностью учительницы и попустительством директора школы, проглядевшей никудышного педагога? – вздохнула Рита.

– Примечательный эпизод. Есть чему возмутиться... Не мне судить, но у некоторых учителей закон: все, что непонятно – порочно. Нет чтобы разобраться, – тихо сказала Инна, видно, вспомнив что-то неприятное из своего детства, до сих пор ее задевающее и тревожащее.

А Рита заметила:

– Многое во взрослой жизни человека зависит от того, с какими учителями свела их жизнь. А для детдомовцев это особенно важно. У меня есть подруга. Так вот дети, ум которых – если быть до конца честным – подчас оставляет желать лучшего, читают и «по косточкам» разбирают с нею Достоевского и «Войну и мир» Толстого.

– ...Мы все жалуемся, что дети мало читают. Совсем недавно сидела я в сквере около школы и нечаянно подслушала разговор двух школьников. Один мальчик злился, что «замахала его училка» внеклассным чтением, а второй рассказывал, что в пятом классе он все лето читал и честно записывал отзывы по каждой прочитанной книге, как учили его в четвертом классе. Но новая учительница в сентябре не взяла тетради на проверку, никого не отметила, не похвалила. «Зря, дурак, старался, – обиделся я. – А на следующий год она даже не спросила, читали ли мы летом что-нибудь или нет. Перед седьмым классом я даже список необходимых книг не смог получить от нее. В общем, читаю я теперь одну фантастику, и никто меня не дергает».

– ...Никогда дети так много не читали и не писали, как сейчас в Интернете. Компьютер вытеснил ручку и бумажную книгу.

– ...Телевидение не вытеснило радио, и компьютер не вытеснит личное общение. А вот нам приходится предъявлять к себе большие требования, чтобы не только не отставать, но и несколько опережать детей в изучении современной техники.

– ...Знакомиться с новыми принципами организации мышления, новыми возможностями мозга. Ведь компьютеры, хоть и однобоко, но повышают интеллект. Современное поколение думает, но по-другому.

Лена не успевала всех услышать.

– ...Опоганено наше образование. Реанимировать его надо.

Аня обернулась к Эмме, словно призывая себе в поддержку ее благоразумие и уравновешенность. Та только коротко улыбнулась, мол, ничуть не сомневаюсь в абсолютной и несокрушимой правильности твоих слов.

– Я бы в первую очередь родителей винила, хотя и не отрицаю огромной роли учителя, – заметила Мила. – Вот моему внуку бомжей жалко. Они каждый день ночуют на нашей лестничной площадке. Лежат на развернутых картонных ящиках, стонут во сне, чешутся. Ужас! Так внучек им хлеб и горячий чай в бумажных стаканчиках выносит. Я сержусь, мол, не приваживай. Заразиться боюсь, я же мою полы перед своей квартирой. А Сашок упрасивает: «Потерпи, бабушка, зима скоро пройдет, а там, глядишь, и у них как-то жизнь наладится. Может, в деревню уедут на подножный корм. Нельзя бросать людей, когда им очень плохо»... Но ведь соседи ругают нас. А этажом ниже жильцы батарею в коридоре спилили, чтобы прогнать непрошенных гостей. Сашок переживал, что

бомжи оттуда ушли. Успокоился, только когда увидел их около магазина. Знать, другое теплое место себе нашли... Надеюсь, его ожидания насчет их будущего оправдаются... Как это ни прискорбно, не много я знаю таких оптимистических случаев. В основном они спиваются.

Лера рассказывает Алле:

- Мужа часто сердила моя неумно-тревожная обеспокоенность за детей. Мол, ты как насадка, а им собственный опыт нужен. И настаивал на предоставлении им большей свободы. А я утверждала, что пока малыши не поумнели, мой неусыпный контроль им необходим. «Всеу свое время. А пока уму-разуму я их буду на чужом опыте учить», - отстаивала свою позицию.

И вот пришлось мужу на базе отдыха два дня самому возиться с детьми. Меня на работу срочно вызвали. Конечно же, уезжая, я упрасивала его забыть о своем хобби и все время посвятить детям. Так он в первый же день позволил им поиграть на мелководье со своей резиновой лодкой, а сам занялся снастями. Кончилось тем, что сыновья, не сумев выгнать своих друзей из «баржи», попытались «с грузом» волоком вытащить лодку на берег и пропороли ракушкой ее дно по всей длине, на весь отпуск лишив тем отца рыбалки. Хорошо, что хоть никто из детей не утонул. На следующий день старший сынок поранил себе голову, соскакивая с длинной вибрирующей доски вместе с большими мальчиками. Не допрыгнул и упал в кучу железа от списанных сельскохозяйственных машин. Благо рядом оказался доцент нашего вуза Валерий Васильевич Черняев. Он и рану качественно обработал, и успокоил нашего сынишку. А младший сильно порезал себе руку непонятно откуда взявшимся у него ржавым складным ножиком. Пришлось обоим срочно отправлять в больницу на прививку. Грустный опыт.

Лена повернулась на возмущенный голос Жанны.

- ...Все зло от фильмов, в которых сплошное «мочилово», от них у детей в голове сумбур. Они пропагандируют жестокость, неуважение к женщине, индивидуализм и вводят на них моду. Детей теперь шокирующими сценами с отрубанием головы не удивишь и не напугаешь, - поддержала Жанна чье-то мнение. - Заниматься надо с молодежью. Только в молодости можно жить в полный рост. А если ее не туда направить, что хорошего от нее можно ожидать в будущем?

- Раньше чертей боялись, а теперь - стыдно сказать - людей приходится остерегаться. Не знаешь, когда от кого и за что схлопочешь, - без особой связи с общим разговором пробурчала Мила.

- А это ты к чему прилепила? - не поняла Инна.

- ...И, что самое странное, жестокими часто бывают трусы и слабаки, дорвавшиеся до власти. Не дать человеку проявить себя, уничтожить более талантливого им в удовольствие. Это так называемая малозаметная долговременная жестокость, которая часто начинается с равнодушия или с зависти. Бороться с нею надо во имя человека, - в поддержку Милиной мысли сказала Лиля и подавила глубокий вздох.

«Проблемы своих внуков вспомнила?» - мысленно предположила Кира.

Жанна опять с вдохновенным азартом заговорила о воспитании молодежи.

- Вот не далее как месяц назад произошла у меня неожиданная интересная встреча. Захожу я в свой полутемный подъезд - у нас там единственный зарешеченный тусклый пыльный светильник с мушиным осадком на дне - как всегда, с тяжелыми сумками. Незнакомый парнишка дверь мне придержал. Я поблагодарила.

Вижу у почтовых ящиков группу молодых людей лет по восемнадцать-двадцать - по виду студенты. Стоят и курят. Погреться зашли. Положительно настроенные, но, похоже, чуть навеселе. А на ступеньках сидят три пожилых бомжа. Один - старый, тощий и замызганный - нервно кривил беззубый рот и дрожащими корявыми руками вращал перед своим невидящим взглядом пустую бутылку из-под пива, словно ожидая добавки. Можно подумать, что кто-то ему чего-то должен! И у другого бомжа, хотя он усиленно морщил низкий лоб, сквозь алкогольную пелену и икание тоже не пробивалась осмысленная речь, но понять, чего он хотел, не составляло труда. А третий, совсем

юный, спал. Но на них никто не обращал ни малейшего внимания.

И я не стала их трогать, а обратилась к молодым веселым тоном: «Здравствуйте, кочегары. Все дымите? Слабо соску бросить? Умный человек не станет сам себя травить».

- Ой, не нарывалась бы ты! - невольно вскрикнула Аня.

- Молодые люди, видя мою улыбающуюся физиономию, несколько растерялись, не зная, как реагировать на критику. Только один в дальнем углу холла взвизгнул, как ужаленный. А я, шутя, подсказываю им, мол, у вас со мной встреча или у меня с вами? Определитесь. От того, как вы ответите на этот вопрос, и будет зависеть форма и содержание нашей беседы.

И вдруг один отчеканил: «Бандиты тоже курят, а они не дураки». Я на миг остолбенела. Для меня высказывание молодого человека стало откровением. Опомнилась и спрашиваю парня: «Для тебя бандиты - герои нашего времени? Так они же не умные, а хитрые, наглые и жестокие. Представь себе: вдруг этот твой «герой» маму твою пырнет «перышком» ни за что ни про что в темном подъезде или изнасилует твою сестру, обидит твою дочку. Тогда только поймешь, кто есть кто? Сейчас всерьез задумаешься о том, что творится вокруг тебя, или подождешь, пока в темечко жареный петух клюнет?»

- Какой агитационный ход! - деланно восхитилась Инна.

- Смотрю, некоторые ребята отступили ближе к выходу - может, стыдно им стало от этих слов, - а остальные сгрудились вокруг меня плотнее, стоят, перебирают ногами, топчутся на месте, вроде как бы нервничая, разглядывают меня с любопытством, точно инопланетное существо. Чувствую, ноги мои задрожали и чуть не подкосились. Вдруг заинтересованный вопрос слышу: «А что же тогда ум?»

«Ум, - говорю я первое, что пришло в голову, наверное, всплывшее еще из арсеналов моего детства, - должен быть направлен на пользу себе и людям. Человек умный, если он порядочный, если не оскорбит, не обидит, за семью и за Родину жизнь отдаст».

Вижу, на лицах некоторых молодых людей написано: «Высокие слова!» Поворачиваюсь к одному из них, настроенному наиболее скептически, и спрашиваю: «Чем жена будет гордиться в тебе? За что тебя будет уважать твой сын? Ведь не за то, что хамишь? Разве мужчина тот, кто курит, пьет и морду бьет?» Вижу, в самую точку попала. Опустил он глаза в пол, скривился как-то недобро. Вид сделался нервный, надорванный. «Если почувствует глумливые нотки в свой адрес, то и врезать сможет. Для таких субчиков не существует вопрос бить или не бить. Только бить. И если приложится, так уж как следует... Хорошо, если просто пошлет далеко-далеко и на все буквы алфавита. Пора прикусить язык. Не хватает мне самой давать лишний повод для разборки. Надо как можно скорее прервать эту тему. Это совсем не значит, что я сдалась...», - испуганно замелькало у меня в голове.

- Ой, - одновременно вскрикнули Галя и Мила.

«Быстро я скуксилась... Нет, не осмелится при свидетелях. Передо мной не тупые качки с каменно-непроницаемыми лицами. Обыкновенные ребята», - успокоила я себя и продолжила свою мысль: «Женщина многое мужчине прощает. Только никогда она не простит ему того, что не вступился он за мать, когда пьяный отец закричал или поднял на нее руку; не защитил свою жену перед своей бестактной родней, не помог своему ребенку в трудную минуту, унизил своим неуважением. Женщина хочет, прежде всего, чтобы надежность и радость была от мужчины в семье»... Много еще чего говорила.

«Ну, - думаю, - монолог у меня получился, конечно, серьезный, но хватит на сегодня душевительных речей. В больших дозах они молодыми трудно воспринимаются. Хорошо уже то, что ребятки выслушали меня». Улыбаясь, распрощалась с молодежью, пожелала им счастья и направилась к лифту.

Знаю, они не станут, как девушки, обсуждать встречу со мной, и не сразу получится у них допустить в душу мои слова. Но каждый про себя хоть на некоторое время задумается над услышанным, и что-то отложится в их пока еще ветреных головах, где-то глубоко в подкорке застрянет искорка полезного. Может, даже о своем предназначении

в этом мире вспомнят. Конечно, сначала у многих дух противоречия возобладает над их разумом – на то они и мужчины, – но чуть позже все-таки многим дойдут мои слова и запишутся в мозгу, пусть даже мелкими буквами. Представляете, теперь, когда встречаемся на улице, парни здороваются со мной, – Жанна с некоторой торжественностью закончила рассказ и поправила нитку янтарных бус на белой, без следов морщин, шее.

– Ах, какое очаровательное доказательство твоего благородства. Назвать вещи своими именами, или ты считаешь, что в нашей компании предпочтительно иносказание? Хотела бы с превеликим удовольствием, но не могу. Вот незадача!.. Судя по тому, что ты тут рассказала благонаравненным голоском, воображаешь, будто молодые люди, жившие безвекторно, из твоих откровений извлекли что-то принципиально новое, важное. И у тебя сразу слезы радости на глазах. Ура, ура! Прекрасное зрелище. Все восхищаются. Праздничное оживление, знамена полощутся и хлопают... Несешь полную чушь.

Какое неистовство воображения!.. Впустую всё это. Не захотят они, и не будут впитывать «животворные соки» твоих словес. Как говаривали старики – зряшные надежды. В облаках летаешь. Нечего видимость воспитательной деятельности создавать. Лучше для пущей важности пошли ходатайство в Думу, чтобы ужесточили законы. Совсем распоясались денежные мешки и их прихлебатели. Уж и президент им не указ, – презрительно, со спокойной наглостью хмыкает Инна и с величайшим удовольствием выпаливает: – Что молчишь, немочь напала? Хоть отмахнись. Может, за высокими словами ты какой-то другой подспудный интерес несешь? Теперь ведь у людей в основном потерян вкус к возвышенному. А может, поплачем вместе... или посмеемся?

Лиля первая возмутилась.

– Заткнись, – резко выпалила она в лицо Инне. – По-моему, ты говоришь слишком много и не к месту.

Но даже таким грубым замечанием сокурсница не достигла цели. А Инна обиделась ровно настолько, чтобы ответить еще ехиднее и резче, но никак не замолчать. Но Рита опередила ее:

– Слезы глубокого отчаяния и неудержимая неопишуемая радость – это у детей, а у нас все больше слезы к слезам. Тебе следует быть более точной в определениях. Ни с того ни с сего бросаешься на всех, как коршун на цыплят, и не раскаиваешься. Тебе не повредит задуматься о своем поведении. Во всяком случае, такого идиотского выпада я от тебя никак не ожидала.

Рита никогда не отделялась внутренним монологом и всегда горой стояла за несправедливо обиженных.

– Ополчилась, укоряешь, правильная ты моя! Смири гордыню! А может, просто для отвода глаз банальности лепечешь? Что ты думаешь и чего не думаешь – это твое дело, у меня о том голова не болит, – не унимается Инна. – Но замечу: больших парней уже не переломить через колено, не повлиять на их образ мысли и убеждения. Глас вопиющего в пустыне эти разговоры. Это далеко не то, что ты хотела бы от меня услышать?

Рита побледнела, но сказать ничего не успела. Эмма вступилась за нее.

– Не пристало тебе так говорить о подруге. Вы же вместе пятнадцать лет проработали. Ты ставишь под сомнение свою репутацию. Слово – великая сила в устах равнодушных. Даже не очень молодых людей оно иногда может направить на путь истинный... Не скажи, мы – старшее поколение – мощная сила. Детям и молодежи нужна наша спокойная разумность. Мы еще многое можем осилить, – уверенно сказала она, пытаясь смягчить тон неожиданной перепалки, но при этом резким движением головы отбросила назад свои непослушные русые, с густой проседью, волосы. – Мы еще нужны России, – добавила она с шутливым пафосом, но, тем не менее, стараясь придать своим словам убедительность.

Жанна про себя обрадовалась поддержке и воспрянула духом. Но на Инну реплика Эммы не подействовала, она закусила удила.

– Не пришлось по душе мои слова? Таков твой вердикт? Охолонь, упрямая. Что за

коллективный педагогический психоз с характерными интонациями учительниц с сорокалетним стажем? Рита, ты же инженером работала. Посмотри на себя: совсем с лица сошла. Блажен, кто верует. Ты и в гробу будешь наполнять детей высоким духовным содержанием. Да только дело того не стоит. Размечталась! Не смей меня. В своем истовом усердии ты забыла, как изменились время и люди. У каждого поколения своя рецепторная зона. Нас, например, Гагарин вдохновлял, а молодых он уже не трогает, не увлекает. Им теперь в свете новой жизни другое подавай – бабок побольше срубить... А некоторых стариков вообще к детям нельзя подпускать на пушечный выстрел, потому что из их души не вытравить накопленные годами досаду и гнев, а другие себя слишком любят и сами отказываются помогать воспитывать внуков, мол, мы свое отработали. Разве нет? Нечем крыть? – спросила Инна, довольная своей отповедью.

Все это она произнесла с хорошо рассчитанной насмешкой, цель которой была совершенно ясна всем присутствующим, кроме новых гостей. Рита промолчала, только посмотрела на Инну уничтожающим взглядом. Аня устало смежила веки, обратилась внутрь себя и задумалась. Но не найдя ничего подходящего, на чем хотелось бы мысленно остановиться, уставилась в окно.

«И ведь скажет, что «на мне нет вины, мол, то была невинная шутка». Чудовищная бестактность. Не перевариваю Инну. Азарт азартом, но доброе имя ведь дороже. Будто не понимает, «где кошке смех, там мышке слезы». Вечно балансирует на грани. Думает, нашла интересный способ воздействия на друзей? Ерунда на постном масле. Из этой затеи у нее ничего не выйдет. Ну если только настроение испортит. Каждый с первого взгляда определит в ней неуравновешенного человека, не умеющего разумно дозировать свою слишком концентрированную отрицательную энергию. Что этим поведением она самой себе хочет доказать? Прямо помешалась на стремлении противоречить... Где она настоящая: сейчас, когда такая вот несносная, или когда неожиданно тихая и задумчивая? Почему, черт возьми, такие люди способны заполнять все пространство вокруг себя?» – недоумевает Кира.

До Лены долетели только последние слова подруги детства. «Всем от Инны достается. Что-то мне не верится, чтобы она так ожесточилась. Злословит от скуки, развлекается. Не стану вмешиваться. Это просто маленькое досадное недоразумение, которое ни та, ни другая сторона не торопится разрешить. Сами разберутся, – подумала Лена, неотступно наблюдая за самой собой. – Все-таки первый раз за столько лет свиделись. Еще решат подруги, что умничаю, воспитывать их берусь».

– Не пойму тебя, Инна. Такое впечатление, что ты со всеми соглашаешься и вместе с тем – всё отрицаешь, – недовольно забубнила Аня.

– Инна, ты и в стариках умудрилась злонамеренно усмотреть что-то нехорошее. Как всегда, стоишь намертво в своих заблуждениях! «Не пойми чем» занимаешься. Поддавливаешь всех на ерунде. А тут еще некстати тема благодатная подвернулась, – не удержалась от восклицания Рита и сердито дернула плечом.

– Расслабон себе устраиваешь, – поддакнула Лиля. – Особенную из себя корчишь? Мозги с прибамбасами? Надоело! Хватит комедию ломать.

– Да, подвернулась интересная тема, – промолвила Инна раздумчиво, словно только что пришла к окончательному заключению по волновавшему ее вопросу. – И не делай свирепое лицо. Если говорить начистоту, мое молчание выглядело бы как каприз, или ты вообразила бы, что я по какой-то странной причине не нашлась, что ответить, не сумела выжать из себя ни единого слова. Я же не могу себе такого позволить. Сечешь?.. Прости, – сделала она неожиданный реверанс в сторону Лили.

Кира, приложив палец к губам, внимательно взглянула на Аню. Та поняла.

– Мы, собственно, и себя-то хорошо не знаем, чего нам судить других?.. Боже мой, как быстро подкралась старость! Меня недавно впервые назвали бабушкой: какой-то незнакомый мальчик предложил взять котенка на воспитание. Как резанули меня по сердцу его слова! Заметьте, ведь не по родственному статусу, а увидев мой возраст, мою немолодую внешность, так назвал. Я была в полном замешательстве и, ошеломленная, не возразив ни слова, взяла котенка, – тихо, горько, с вымученной улыбкой пробормотала Аня.

«Кира умеет говорить одним взглядом, нет, даже одной мышцей лица. Наверное, ее характер никому никогда не мешал жить», – восхитилась Лена.

– Не сложить мне сегодня с тобой, Инночка (сказано ласково, с ехидцей), общей идейно-творческой позиции. Как-нибудь в другой раз подискутируем, – отшутилась Эмма, не видя другого выхода прекратить прения. Ее пронзительные глаза неожиданно блеснули весело и молодо. Она категорически не желала затевать с Инной пустой и долгий разговор, перемалывания бесконечной темы.

«Ее глаза как осенние плоды бересклета, только обрамление не оранжевое, а бледно-бежевое, словно чуть потемневшее от времени. В них всегда живейшее любопытство», – подумала Лена. Она заметила, как необычайно хорошо улыбка меняет привычно строгое лицо Эммы, и порадовалась за нее.

– Кому истина, а кому покой. Тебе лениво со мной спорить, вот и вся разница между нами, – оставила за собой последнее слово Инна, прекрасно понимая свою неправоту, но зачем-то упорствуя.

Ею овладела какая-то нервная веселость. И все же вызвать на спор Риту на этот раз ей не удалось.

– Может, оно и так... Не трогай хотя бы сегодня память наших стариков. Не добивай и нас, пощади. Сделай это для меня, – тихо и мягко попросила Эмма.

– Да не вопрос, – быстро согласилась Инна.

И не было в ней в этот момент ни обычного гонора, ни задиристости. Куда что делось? Но Жанну насторожила легкость, с которой Инна сдала захваченные позиции.

«Не страдает Инна от угрызений совести, не огорчают ее проблемы подруг. Можно подумать, у нее врожденная близорукость на чужие беды. Не старается и даже не пытается расположить к себе. Заводит всех, хочет, чтобы мы шуршали, как навозные жуки в банке. Ей слово – она в ответ десять. Затесалась сюда и паясничает. Выставить бы ее вон вместе с ее наглой дерзкой и змеиной улыбкой, чтобы ушла она не солоно хлебавши. Кто бы приложил к этому руку?... – раздраженно думает она.

«Иногда очень блекнет и мельчает человек к старости. А большинство из нас с возрастом становятся пессимистами. С чего бы это? От не востребованности или по причине слабеющих сил, постепенно превращающих человека в овощ? Еще немного, и я уйду на пенсию и, будучи выведенной из активной производственной деятельности, превращусь в одну из многих... На Инну, например, стану похожа характером, да еще расплывусь, как кислая квашня», – со страхом думает Лена, привычным жестом массируя себе шею у основания головы.

Кира молча обносит подруг печеньем и компотом. Она надеется, что нервная тема исчерпана. Ее привлекает разговор Аллы с Лерой.

– ...Декан снял с моего занятия студентов, чтобы они вымыли лабораторию после ремонта. Парни набрали ведра воды и стоят руки в брюки, смотрят, как девушки распределяют, кому из них мыть окна, а кому пол. Я разделила лабораторию на две части и вручила юношам тряпки. Представляешь, они удивились и отказались помогать девушкам, мол, это женская работа, да и не умеем мы. «Учитесь, – потребовала я. – Допустим, – обратилась я к самому непримиримому – твоя жена будет в положении. Кто в эти месяцы будет мыть полы в вашей квартире?» И вот тут пришло время мне опять удивиться. Как ты думаешь, что он ответил? «Мама». Я опешила. «Получается, для того чтобы жениться, ты достаточно взрослый, а для того, чтобы взять на себя заботу о любимом человеке – не дорос, не готов? Или ты считаешь, что мама тебя до пенсии должна нянчить?» Конечно, заставила парней вымыть отведенную им часть лаборатории, мотивируя свое требование тем что не испробовав на себе все виды так называемой женской работы, они не научатся по-настоящему ценить заботу о них.

– ...Я им объясняю: «Возьмите девушку и юношу в девятнадцать лет. У нее в голове все по полочкам разложено, она четко знает, чего хочет. А у него еще ветер в голове. Это совсем не значит, что он плохой, просто незрелый... Влюбился, говорит красивые слова, совершенно не вникая в их смысл. Он врет, потому что очень хочет понравиться. Он на

самом деле восхищен собой, хотя еще толком не знает, какой он, на что способен по жизни... Он хочет обладать, наслаждаться, поэтому в состоянии эйфории сыплет бесчисленными звездными обещаниями. Он счастлив, и большего ему не надо. Жениться он не собирается. Потом восторг влюбленности меркнет... А он еще не научился думать о своей партнерше, о последствиях... Его снова легко увлечь, обаять... Делайте вывод. У девушки должно быть то, через что она не должна себе позволять переступать. Достоинство». Студентки спрашивали у меня: «Мы должны пытаться их перевоспитывать? А правда, что раньше юноши были более порядочные?..» Не только физику приходится преподавать.

Лена вздыхает и, опустив глаза в очередной альбом с фотографиями, окунается в историю жизни еще одной подруги. Она бережит в руках черно-белые, чуть пожелтевшие от времени снимки с зубчато-фигурными краями и современные, цветные. Но ей не удается надолго погрузиться в новый сюжет. Лиля с Жанной опять нашли общий язык и громким увлеченным разговором вынужденно завладевают ее вниманием.

А вот раньше...

- Я еще помню аромат прежней жизни и не могу тупо порвать с прошлым. Раньше проще было, люди были добры, солидарны, честны. Щадили друг друга. Помню, в детстве родинки у меня много появилось на руках, так воспитательница говорила: «к счастью», чтобы я не пугалась, не накликала на себя всевозможные болезни. Такая версия бытовала не просто так, не с потолка возникла, от доброты люди ее придумали. «Если руки у тебя волосатые, значит, в любви удачлива будешь», - ласково утверждала другая. Я верила и радовалась.

Люди были доброжелательны, открыты, искренне любили, искренне ошибались, честно исправлялись. Помню, меня учили уважать людей, одолевать свои обиды, боль, жалость к себе, воевать с ленью. И все это делали ласково, с подходом, с пониманием сложности моего характера, - с ностальгической теплотой предавалась воспоминаниям Жанна. - А теперь внутри людей зима. Как-то шла я из библиотеки в белом костюме, и вдруг давление шаркнуло. Я упала прямо в пыль, а встать не могла от сильного головокружения. Никто не подошел, не помог подняться. На пьяную я вовсе не была похожа, чтобы побрезговать...

- Что у нас теперь - социализм, капитализм? И то, и другое от нашей сегодняшней жизни предельно далеко. В стране, казалось бы, произошла грандиозная перетасовка, а повсюду по-прежнему рулят переметнувшиеся коммунисты и те, кто к ним примазался. Копшатся чего-то там... Глухая стена недоверия между нами. Стоило ли тогда огород городить? Какая-то несуразица получилась... Народ всегда жертва политических противостояний.

Это Лиле захотелось поскулить. И Жанна с радостью вторит ей:

- Теперь жизнь взбаламучена до дна, и мне иногда кажется, что мир вокруг нас создан не для умных и добрых дел, а на радость упрямым и крепколобым, с одной извилиной в голове. Что станет с их детьми, когда они, повзрослев, почувствуют сладость власти над слабыми или интеллигентными?.. Доброта людская почему-то быстро сошла на нет. Мир вокруг стал фальшивым, лживым, жестоким... И все потому, что по любому вопросу голосование ведется кошельком.

- Раньше чистых, строгих девушек парни побаивались, а теперь презирают, считают скучными дурами. И реклама вбивает в головы девчонкам и мальчишкам, что красивая внешность - главное во взаимоотношениях полов. Нас же реклама скорее отпугивает, чем привлекает. Мы-то знаем, что ее велеречивые заверения в основном - заведомая ложь, и не рвемся исполнять ее призывы. Но реклама всегда составляется таким образом, что трудно после нее убедить молодежь в обратном. Она верит ей и выбрасывает душевные качества на помойку, гонит с корабля современности честность, порядочность. Так недолго и до верности Родине добраться. Это же приведет к окончательному развалу страны, к моральному банкротству семьи! Ведь реклама напрямую воздействует на коллективный разум. Весь Интернет бурлит по этому поводу.

А ведь если внимательно присмотреться, причина тут одна - денег больше магнатам нужно нахапать. Раньше я не была стеснена в деньгах, а теперь нам что, шапку перед магнатами ломать, если они богатые?.. На легковверных девушках делают свой бизнес, да и парней ловят на удочку тщеславия и «разводят на бабки». Где правильный дух семьи? Раньше говорили на свадьбе: «Буду любить и беречь в горе и в радости, в молодости и в старости» А теперь невест оценивают с точностью до рубля, о духовной близости понятия не имеют, могут насмеяться над порядочностью. Проповедуется внешняя красота. Мол, постарела, морщины появились - долой, пора молодую жену искать. Женщины на операции по омоложению ложатся. Где привязанность к традициям? Все похерили! - горячится Лилия, заглушая других и всецело завладевая вниманием слушателей.

«Хотела бы я посмотреть на того, кто ее переговорит», - улыбнулась про себя Лена.

- А я рекламу не замечаю. Примелькалась. Да и не верю я ей, - сказала Жанна.

- Нас реклама не больно-то соблазняет, но не надо приуменьшать ее влияние на неокрепшие умы детей... И чем это все закончится? Не похоже, что все скоро наладится.

Наши дети, слава богу, не знавшие войны, губятся дикой рекламой. Живут наперекор логике... Закон и порядок теперь не в чести, добрых и жалостливых бьют и сминают... Разве нельзя создать общество, взяв все лучшее из социализма и капитализма? Невыгодно это кучке властолюбцев, для которых «закон что дышло, куда повернул, туда и вышло». Нахрапом своего добиваются. А страдает, как всегда, народ. Получается, молодое поколение работает не на себя, а на олигархов, – целиком отдаваясь грусти, суетливо зашуршала Аня, будто сыпая в мусорное ведро остатки прокисших традиционных праздничных салатов. – Не успеешь оглянуться, как такая же ситуация возникнет и в селах. О человеке будут судить не по делам, а по кошельку и связям.

Высказалась и как-то сразу еще больше нахохлилась.

– Связи – эквивалент денег, – уточнила Лера.

– Не смешите меня. Можно подумать, в той же Америке живут иначе, и у них нет тех же проблем. Да сколько угодно! Только они законопослушные и упорные, – вклинила свое замечание Инна, досадливо и надменно подняв высокие брови.

– По телевизору говорили, что восемьдесят процентов населения нашей страны готовы вернуть социализм. Конечно, идеального общества не бывает, как и идеальных людей, и все же всем хочется лучшего. Да, бывали времена, а теперь моменты, – грустно сказала Лиля, и ее далеко разнесенные на широком скуластом лице голубые глаза увлажнились.

– По молодости, а не по Союзу ты ностальгируешь. Прикиньте: по-моему, у наших внуков нет ни малейшего шанса выпутаться из сетей рекламы, и это большой и серьезный изъян в их положительном воспитании.

– С глобальным потеплением не теплеют сердца людей, – пошутила Жанна и посмотрела выжидательно, с любопытством. Наверное, ей хотелось, чтобы Лиля оценила ее юмор, но та не приняла шутку. Поняв это, Жанна тут же огорченно поставила тонкие брови домиком и добавила:

– Дождалась благоприятного случая высказаться, нагнала вам страху... Так-то оно так, конечно. Только отбрось, дорогая моя Лиличка, все свои опасения. Мы жили сосредоточенно, концентрированно, так что успевали хорошо воспитывать детей, помнить запах волос своих любимых, замечали проблемы родителей. Наши дети тоже сумели во всем разобраться, сделали правильный выбор, нашли свое место в жизни. И внуки не пропадут, никто не останется висеть на подножках. Мы, не распыляя своих сил и знаний, дадим им представление о том, что их ожидает в случае недомыслия, а они, повзрослев, по достоинству оценят наши старания.

– Мы теперь больше живем прошлым, но внуки ведут нас в будущее. И этим они нам тоже дороги помимо всех прочих кровных связей, – улыбнулась Лиля.

Жанна поддержала Лилю потому, что еще полностью не оправилась от грубого нападения Инны и была заметно разочарована и раздосадована. В ней еще бродили и бушевали противоречивые настроения, она мучилась от невысказанности своих чувств. Ей хотелось поскорее благополучно преодолеть состояние недовольства собой. «Раньше я замечала в Инне несентиментальную готовность помочь подругам. То было обманное ощущение ее простоты и доброты? Нет! Почему теперь она считает, что ей, как никому другому, дозволено над всеми насмеяться? Ни с того ни с сего накинулась на Аню, потом на меня. Неспроста все это. В былые годы я сказала бы ей: «Сбавь тон или уматывай отсюда». Проще общались... Инна дошла до того, что напрямую издевается. Нельзя же так грубо привязываться к людям. Кротость и всепрощение – не ее стиль. Представляю, как она вела себя в семье...

В чем причина ее столь разительной перемены? Она меня пугает. Накипь со своей души таким образом снимает? Нашла не самый лучший способ расходовать свою нерастрченную энергию. Возможно, просто цену себе набивает? Но соперничества, как в юности, между нами нет. Или свой крест ей не под силу? Не берусь судить... Мы все разные, все индивидуальные, даже штучные», – улыбнулась она, пытаясь отыскать зацепку для восстановления своего пропавшего благодушия.

– Поторопись с воспитанием молодежи... вдруг не дожدهшься... Ха! Свежо предание, да верится с трудом. И имя ему – мечта. Поговорим-поговорим – и на том все кончится, а

рекламодатели постараются не допустить необходимости и возможности выбора, – слышит она высказывания Инны, произносимые каким-то полинялым голосом.

– Обнадеживающий аванс нашим стараниям! Ставлю тебя в известность: нам, советским людям, все по плечу, – сердито пробурчала Жанна и резко отвернулась от объекта своего раздражения. Она не жаждала общения с Инной. «Наш пострел и тут поспел. Трещит без умолку. Включилась и пошла-поехала, понеслась без тормозов! И попробуй ее оспорить, – подумала она об Инне. – У нее самый несносный характер, какой только можно придумать. Ее не смущает мое волнение. Она как неизбежное зло... Злоба – самое долговечное человеческое чувство, оно остается даже, когда остальные пороки уходят из нас. Где я слышала такое выражение? Не сама же я его придумала?»

Лере тоже захотелось успокоить Лилю.

– Не буди лихо, не наезжай на всё подряд. Дозированно смотри телевизор. Надеюсь, ты не веришь всему, что пишут в газетах?

– Не забывай, мы пробавляемся информацией, подслащенной и процеженной сквозь многие сита, – в противовес Лере сказала Инна, чтобы позлить ее.

Рита заторопилась поддержать Леру:

– Вне всяких сомнений, во главу угла теперь ставятся деньги, потребление «съело» многих хороших людей, но воздержись от обобщений. У нас, например, не дрожат руки, когда мы держим пачку тысячных, и мы никому не завидуем, не правда ли? Если на то пошло, я охотно соглашусь с тобой насчет рекламы, но может, не стоит сбрасывать все в кучу и сваливать на других последствия своих ошибок? С нас тоже спросится.

Не переживай. Не жди каждую минуту трагедий. То, что сейчас нам видится концом, может оказаться удачным началом. Придет время, и мы заново обретем привычные нам духовные ценности... А в быту всегда были и будут хитрецы и всегда будут лохи, за счет которых живут изворотливые умники. «На то и щука в пруду, чтобы карась не дремал». Не волнуйся, заиграют зори прекрасного над нашей великой страной. Так ведь говорили в нашей молодости? С нашей помощью вырастут внуки порядочными людьми, станут любить свято и чистосердечно и будут счастливы.

– Не суетись. Зря надсаживаешься. Мечтаешь о благоденствии? Хорошо поешь. Прекрасные гомеровские экзерсисы. Валяй дальше! Фантастика тоже имеет право на существование... Собственно, ничего нового ты не сказала. Все наладится, все образуется, всему свой срок. «Будет тебе белка, будет и свисток».

Все правительства и все их президенты вместе взятые не могут решить проблем своих народов, а она тут здрасте-пожалуйста – самая умная. Ты издеваешься над нами, рассказывая с самым серьезным видом совершеннейшую чушь? Может, из темных мохнатых глубин древности извлекла это сокровенное познание? И мы должны воспринимать его безоглядно с легким замиранием сердца? Так что ли? – сердито не согласилась Инна, послав жесткий резкий пассаж в сторону Риты. – Здорово выступаешь!

– До тебя, Инна, Рите далеко, – поддела ее Жанна.

– Ты то хвалишь новую жизнь, то не веришь в ее возможности. Определись, в конце концов... Как всегда, считаешь лишь поверхностные смыслы любого события. Придержи свои «выступления» для бабушек на лавочке в парке. Не загоняй меня в угол, я ведь могу и взбрыкнуть. У тебя как всегда или сплошной пессимизм, или грубый пафос. Тебе не только плевать через губу на всех и вся. Голову сносит? Не криви душой, – пожалев, что вступила в беседу, раздраженно сказала Лера. Чувствовалось, что язвительный тон Инны смутил ее.

– А у тебя ощущение эйфории и какого-то нереального счастья, – совсем по-детски взбрыкнула Инна.

– Я нахожу, Лерочка, что ты права, и я не вправе роптать, – пропустив реплику Инны, согласилась Лиля, – но с тех пор как все у нас перевернулось, я ощущаю себя вывернутой наизнанку. Не чувствую в самой себе опоры, заново учусь твердо стоять на

ногах, пытаюсь найти новую форму согласия, стремлюсь слиться с действительностью, чтобы обрести понимание ценности современной жизни. Но получается, что бреду наугад, куда вывезет. Можно подумать, меня ведет таинственный инстинкт. Ну уж во всяком случае не ум и не опыт. Иногда мне кажется, что я достигаю «критической массы», дохожу до края отчаяния.

- Ты недалеко ушла от истины. Только и успеваем переводить дух от одного удара судьбы до другого, - вяло вторит ей Аня, быстрым нервным движением языка облизывает губы и тербит седой ежик на затылке. Она целиком и полностью разделяет переживания подружки. - Вот поэтому я и объясняю детям в школах, что нельзя одной черной краской малевать советское время. Нельзя отрешиваться от всего хорошего в прошлом. Кто не помнит прошлого, тот обречен совершать те же самые ошибки...

«Люди, пощадите! Кому нужно ваше упадническое настроение?.. Опять двадцать пять. Опять все по кругу», - вздохнула Лена и тихо забарабанила по столу тонкими длинными, как говорили ей в детстве, музыкальными пальцами.

- Нам трудно перестроиться, но дети наши уже думают иначе, чем мы. Они хоть и с трудом, но вписались, встроились в новую жизнь. А внукам будет еще легче. Они будут подготовлены к жизни самой действительностью, им не на что будет оглядываться, не о чем жалеть, - успокоила всех Лера.

- Жизнь становится более регламентированной, - поддакнула Жанна не очень уверенно.

Аня

- ...Помню, в детстве нам не казалось, что мы так уж плохо живем, потому что у всех вокруг были приблизительно одинаковые условия существования. Как праздника ждали по весне первое яичко, летом – первый огурчик со своего огорода. Не выносили пустого времяпровождения. Не избалованы были. Такой вот коленкор... – вздохнула Галя, на короткое время примкнув к пессимистически настроенным женщинам.

- Меньше оглядывайся назад. Не ровён час, в депрессию скатишься. Наше прошлое не зависело от нас, а теперь мы сами должны строить свою жизнь. Может, именно это тебя пугает? – кольнула ее Инна.

- Не говори ерунды. Все перевернула с ног на голову. Что хорошего в том, что наши дети лишились заботы своего родного государства? Под чью дудку поешь?.. Ломать – не строить. Чумной пир будто в насмешку над нами учинили. Ну да чего уж теперь, жить-то все равно надо...

Стоит отметить, случилось это еще и потому, что мы вместо того чтобы налаживать современное производство и укреплять свою страну, стали старательно расшаркиваться перед Западом и всерьез воспринимать все, что исправно предлагалось и вдалбливалось нам Америкой, пытающейся провозгласить себя единственной и неповторимой во всем мире.

Вспомни, как проводилось сокращение запасов вооружения и уничтожение военных предприятий. Сердце кровью обливалось. Руки бы кое-кому за это обломать. А уж интересы Америки всем давно понятны: чем нам хуже, тем им лучше. Спят и во сне видят, будто мы к ним приставлены и они нами командуют. Мечтают, чтобы мы на их фоне совсем потерялись. По этой части у них пока нет соперников, – выпалила Аня целую тираду, дивясь своей смелости.

- Мне это еще мой воевавший с Германией дед растолковывал, – подтвердила Галя.

- Ты это Горбачева критикуешь? – уточнила Лиля.

- Его, твоего любимчика. Вроде бы красивым словоблудием занимался, а какую кашу сумел заварить! Молодец. Может, госпожа Тэтчер вправила ему мозги? Шучу! Шучу, не ерепенся. Не вправила, закомпостировала, – рассмеялась Инна.

- Попахивает сплетнями, – неодобрительно покачала головой Кира. – Горбачев ей не угодил! Не на то ставку делал? Все-то у тебя в голове перепуталось. Склероз неумолимо продвигается?

- Сталина на тебя, Инна, нет. Шучу, шучу, – в тональность Инне рассмеялась Лиля.

- Один-один, – одобрила выпад Инна.

- Более того, если быть до конца честной и искренней, действия Ельцина иногда поражали меня близорукостью. Его заносило в область иррационального.

- Область, с твоей точки зрения, заслуживающая неотложной изоляции или категорического осуждения? Нет, вы послушайте, как заговорила! Давно ли осмелела?

- Отдал газ, леса, энергоресурсы в частные руки. Это никоим образом не диктовалось необходимостью. Да еще кому? Этим Березовским и иже с ними... Очевидно, до конца не предвидел результатов своих поступков. Многие указывает на это. Какая-то сверхъестественная бесхитрость...

- Глупая ты, Анька, – попыталась остановить ее Лиля.

- Кем заполняется Сибирь? Кто растаскивает ее недра? А Петр Первый утверждал, что богатство России будет прирастать Сибирью... Раньше студенты по распределению попадали за Урал и там оседали, а теперь все стремятся пристроиться поближе к Москве. Но она не резиновая... Мне так и не удалось уловить истинную причину этой жути, хотя сама непосредственно находилась в преддверии всех этих событий. Я будто бы до сих пор в обморочном приступе стыда. Мозги плывут. Как эти события оценят

потомки?.. По мне перестройка – страшное политическое потрясение... пусть даже неизбежное, а для кого-то она манящая загадочная сказка. Малое предпринимательство – это как нэп после революции, тут все ясно. Но порочная тяга к деньгам, взвинченная отъявленным безрассудством... Свинцовые мерзости... – вздохнула Аня, закончив выступление с выражением покорного безразличия. И тут же еле слышно пролепетала:

– Я обладаю сомнительным талантом по наивности говорить где не надо и что не надо.

– Да-а... – протянула Эмма так, точно это все и объяснило.

– Не прячешь скелеты в чулане, – удивленно покрутила головой Жанна.

«Ай да Анюта!.. Если от кого-то ничего не ждешь, тому всегда есть чем удивить», – подумала Лера.

– Не грузи нас ерундой. Потомки спасибо Ельцину скажут, – рассмеялась Инна. – Слишком пафосно излагаешь свои соображения. Только они у тебя на уровне примитивных рассуждений. Легко рассуждать, сидя на диване. Тебя бы на место президента. Как бы ты запела! До сих пор живешь в счастливой уверенности, что наша страна самая-самая?

– Да, самая-самая!

Аня так энергично вскинула реки кверху, что из-под строгого серого пиджака выпросталась белая блузка.

– Пришел энергичный руководитель, разбудил, взбудоражил дремавшую страну. Что в том плохого? Не его вина, что некоторые сумели «по достоинству» оценить ситуацию и успели этим хитро воспользоваться. Или ты считаешь, что кое-кто «наверху» тоже не избежал этого опасного, трудно изживаемого комплекса?.. Только не Ельцин, – сердито сказала Галя.

– Отнюдь не блестящее начало разговора, – усмехнулась Лера.

Аня, не обращая внимания на отсутствие интереса к ее речам со стороны подруг, упрямо продолжала высказываться:

– Мы ощущали себя единой семьей. Школьная воспитательная политика была серьезная, она не сковывала инициативу. Каждый ребенок именно в школе получал первый аккорд – толчок к своей будущей специальности. Нас приучали пробовать себя в различных делах. А как нас учили? Разбуди хоть сейчас среди ночи – любую теорему, любой закон вспомним.

– И это несмотря на прогрессирующий склероз? – пошутила Жанна.

– А теперь уровень знаний снижается год от года, но учителя и в ус не дуют. Конечно, с их-то зарплатой... Понять можно. Но...

– Не суди обо всех детях по своим ученикам-детдомовцам, – остановила ее Лиля.

«У кого что болит, тот о том и говорит», – рассудила Лена.

– Мы любили школу за тепло, терпение и требовательность педагогов, за взаимопрощение в коллективе. Учителя уважали мечты детей, поддерживали их стремление учиться. Помню, моя математичка утверждала, что обучение – это радость, и сама много шутила на занятиях. Как она преображалась на уроках! Мы все обожали и ее, и математику. Она учила нас настраиваться на волну любого урока для того, чтобы с удовольствием поглощать знания и не терять ни одного слова, сказанного педагогом.

Я с бесконечной любовью вспоминаю свою школу. Правда, она слишком идеализировала окружающий мир, но это для того, чтобы мы росли оптимистами. Любя детей, она продляла нам, послевоенным, детство. Школа давала много знаний, но не учила самостоятельно отбирать информацию, сомневаться в ней, отстаивать свою точку зрения и меняться. И, тем не менее, мы так ей благодарны!

Помните песню: «Вот эти руки, руки молодые, руками золотыми назовем...». Я пела, и в

душе был такой подъем, какого, будучи взрослой, уже больше не испытывала. Песня рождала мощную искреннюю веру в себя, в свои возможности. Хотелось хорошо учиться, многого добиться, познать жизнь во всем ее разнообразии. Песни о Родине воспитывали в нас яркую честную любовь к огромной прекрасной Отчизне. Мы были счастливы осознанием этой любви и своей причастности к ее великим достижениям. Мы готовы были, случись что, в любой момент броситься стране на помощь. Только позови. Ради общих идеалов мы готовы были отдать все силы и даже жизнь. А сегодня мне кажется, будто живем мы в хаосе, в котором нет определенного содержания, четкой цели, крепкого центра. В нас нет былой уверенности, – вздохнула Аня.

- Цепляешься за старое? Мы только часть души отдавали государству: ходили на собрания, на демонстрации, а жили своей правильной интеллектуальной жизнью, своим домом, в нем и было наше счастье. Оду поешь нашему прошлому, щедро расточаешь комплименты школе. К чему такой накал любви и страсти? Тебе впору помалкивать или каяться. Ты-то в своей серости ни малейшего понятия не имела, какое это блаженство хоть иногда отдаваться бессмысленному прекрасному отдыху. Одно у тебя на уме: работа, работа. Что ты видела в жизни? – небрежно, больше по привычке подпустила Инна колючку Ане, не придумав, к чему бы еще прицепиться. И в тот момент в ней не теплилось к Ане ни капли даже обычного презрения.

Алла оторвала глаза от альбома и посмотрела на Аню, и та сразу почувствовала ее присутствие.

- А в тебе, наверное, говорит какая-то неперегоревшая, незатухающая обида... Честность, трудолюбие и порядочность – думаю, не самые плохие качества, которые прививала нам школа. Верность, любовь к Родине – тоже не самое худшее, что есть в нас. Конечно, мы не знали истинного значения слова «свобода». А теперь узнали?.. Можно подумать, ты у нас на свою пенсию каждый год едешь за границу и на курорты и перед депутатами выступаешь, называя вещи своими именами, и они перед тобой стелют красную ковровую дорожку. Так, что ли?.. А раньше ты чуть ли не каждое лето на юга гоняла...

- Отстань, репейник, прекрати паясничать! Думаешь, зло делает тебя сильнее? Аномальные зоны бывают не только в природе, но и в душах некоторых людей. Ты и из молчания сумеешь вывести что-нибудь эдакое, неудобоваримое. Прекрати переиначивать! Меня не прельщает быть объектом твоих сомнительных острот, – в сердцах сказала Аня.

«Трудное детство больше, чем у других, сказалось на всей ее дальнейшей жизни, а она все равно умеет находить в нем доброе и радостное», – удивилась Лена.

- Голос не сорви от крика. Совсем осел, – насмешливо посоветовала Инна.

- Ты тоже сегодня без глушителя, – нашлась Аня.

- А ты прямо-таки божественное... нет... убожество. Ставлю себе в заслугу это открытие...

«Не может, чтобы не сказать что-нибудь обидное». – Жанна даже в лице изменилась.

- Прекрати! – Лера злым взглядом буквально четвертует Инну, и та слегка меняет тон.

- Надо всегда быть готовой к неожиданностям, к крутым поворотам судьбы, тем более что время сейчас фарсовое. Человек вчера говорил одно, сегодня совсем другое, но с той же искрой в глазах и с жаром в голосе. Раз-два – и все! – перед нами новый человек. Разуй глаза. Теперь ловкость, изворотливость и «тонкая» дипломатия взяты на вооружение, – радостно возвестила Инна, не скрывая своей заинтересованности в теме разговора.

Аня вне себя от ярости проямлила что-то невнятное, типа: «Что это за неясные намеки и необоснованные обвинения? Как всегда, вынашиваешь «грандиозные» замыслы по унижению своих сокурсниц? Бессовестно приписываешь себе право вершить суд и не каешься в близорукости?..» Потом разгладила гневно сведенные брови и сделала совершенно безразличное лицо, как сказала бы Кира – оформила фасад наигранной терпимости – и задумалась: «Почему Инна делает так, что я постоянно попадаю в

глупую ситуацию, долго нахожусь в ней, места себе не нахожу. Я оказываюсь в ложном положении. Всё точно специально выходит по ее. Если разобраться непредвзято – умеет играть и на белых, и на черных клавишах моего настроения. И вроде бы нельзя заподозрить ее в злом умысле, а будто бьет меня головой об стол, потому что не стесняется в средствах достижения своих целей. А какие они у нее? Что ее подталкивает изнутри?..

Мир познаём, а собственное человеческое сознание изучить не получается. До сих пор, можно сказать, незрелое человечество живет с полузакрытыми глазами. Человек то ничтожен, то безмерно велик, то призывает к милосердию, то затевает жестокие войны... Это если о глобальном... Мы знаем друг друга только на житейском уровне. Издевательство – это не то удовольствие, которое надо желать получать порядочному человеку. Не за теми ощущениями гоняется Инна. Разве шутят над такими вещами, как порядочность, доброта?

«Ссорятся, прямо как малые дети!» – удивилась Лена, всматриваясь в подруг юности. Ее взгляд остановился на Миле. Та была задумчива и грустна.

– ...А вы знаете, почему в мои юные года в нашей школе организовывались субботние вечера? Директор говорил: «Когда дети у нас на виду, мы не волнуемся за них». А теперь школьников поскорее выпроваживают за ворота: лишь бы педагогам поменьше было работы, лишь бы на территории школы ничего не случилось, а что за пределами учебного заведения творится – руководство не волнует. Там другие отвечают. Сплошь и рядом происходит такое. Получается, что задача воспитания им не по плечу или свой авторитет, своя карьера им дороже судьбы молодого поколения, – предположила Эмма. И, сама того не желая, подлила масла в огонь спора.

– Нет, вы только посмотрите на нее! Побуждаемая честолюбием, камня на камне не оставила от современного школьного образования. Подтверждаю, я согласна с тобой, хотя и с некоторыми оговорками. Ты проявила в этой области недюжинные способности. Пришел и мой черед торжествовать! Талантливые люди могут по достоинству оценить друг друга. Сдается мне, что и до вузовского образования скоро доберешься. Не погнушаешься или, может, хоть его-то под свое крыло возьмешь? Не разочаровывай меня. Блесни еще раз своей эрудицией. Из твоих уст всё звучит так правдоподобно, – рассмеялась Инна. – Не скромничай. Ты сама к себе несправедлива.

«Говоря колкости, Инна испытывает удовлетворение истинного художника слова, любующегося и восхищающегося своим произведением. Наверняка убеждена, что принадлежит к числу самых ироничных», – подумала Лена.

Но Эмма не отреагировала на колочку Инны и продолжила «выступать».

– Я состою в родительском комитете школы. Иногда нагряну в класс как снег в мае, и вижу, что теперь дети друг перед другом не знаниями, а одеждой хвалятся. Одни деньги у них на уме. Ничего делать по доброй воле, как это было в нашем детстве, их не заставишь, не призовешь на помощь. Канючат, философствуют, оговариваются, умниками себя выставляют. Нас за это так бы отщелкали перед всей школой – на всю жизнь запомнили бы этот урок. Видишь разницу? И что тут поделаешь – эпоха перемен, разногласий, разночтений. Хотя какой толк обижаться на время, осуждать его...

Лена оглянулась на Леру. Та сидела с равнодушным скучающим видом. «Наверное, на каждой такой встрече поднимается «школьный» вопрос, – подумала она.

– Раньше мне казалось, что если хорошо воспитывать детей, то и в государстве все будет в полном порядке. А теперь все понятия смешались, – посетовала Лиля. – Конечно, нам не нравился железный занавес, руководство делало слишком много ошибок, но страна была великая. Как можно высокомерно презирать свою Родину? Разве можно отказываться от всего хорошего, что было в нашей истории? Лена, поделись своими соображениями.

Лена в ответ только улыбнулась. А Лиля и не настаивала. Похоже, только из вежливости предлагала подискутировать.

– Мы не замечали особой беспринципности прежней власти, а теперь не строй, а одни ошметки от двух нестыкующихся систем, – печально поддакнула Аня. Лицо ее на миг

покрылось мелкими морщинками, за каждой из которых, казалось, таились всяческие несчастья.

- Обычно стоны - защита от зависти. Разве есть чему и кому тебе завидовать? - Инна удивленно приподняла тонкие, ниточкой брови. - Навалились неприятности, и ты, уподобляясь упрямому барану, упорно цепляешься и ревностно охраняешь прошлое, а по сути дела, совсем не знаешь его, живя узким мирком своих детишек. Не дело ты говоришь. Я должна подправить тебя. Не успокоюсь, пока не докажу, что права. Вот ты ратуешь за Союз, но не будет преувеличением сказать, что наша страна давно уже представляла собой шаткое равновесие дружеских национальных связей, - с нехорошей радостью в голосе сообщила Инна. - У русских братство: ты мне брат, я тебе брат. На равных. А у китайцев есть старший и младший брат. И все. А у прибалтийских народов или азиатских мы спросили, что для них значат наши братские отношения? Нельзя пожать руку, если она сжата в кулак.

- Мы всегда помогали народам братских республик. И они не отказывались от помощи, - выложила свой козырь Аня.

- Только кто ее теперь ценит?.. Все больше плохое вспоминают. Да еще и извращают. Русских отовсюду гонят.

- Вспомни, ты разве замечала, что мы дети разных народов? Украинцы, белорусы, татары рядом учились, работали, и никаких конфликтов не возникало. Потому что велась правильная политика дружбы народов.

- Если вместо того чтобы швырнуть в недруга камнем, мы посылаем его куда подальше мотом, то тем самым мы делаем шаг к дружбе или хотя бы к перемирию. Это и есть мирное сосуществование, - пошутила Жанна, чтобы прекратить пустые пререкания.

- Инна, ты с азартом и по своему разумению растасовываешь исторические события. Тебе отрадно знать, что великая страна «накрылась»? Забыла, что мы сильны единством? Тормози! Ты против дружбы народов? Дело в твоей голове уже дошло до естественного развода братских славянских народов? Ты поддерживаешь развал? Мне надо понимать твои слова буквально? Продолжай. Может, я на самом деле узнаю для себя что-нибудь новое, - вспыхнула Аня и повернулась к Лиле, будто ожидая ее одобрения. Той ничего другого не оставалось, как вступить в разговор. Но Инна перехватила инициативу:

- Ах, Анечка, разбила меня в пух и прах!.. Великое братство великих народов! В мечтах мы всемогущи... Я имею в виду именно то, что сказала. Не забывай, интеллигент определяется способностью к критике и самокритике.

- Шаткое равновесие ты в бреде или в приступах ясновидения замечала? - искренне обиделась за свои интернациональные чувства Лилия.

- В Прибалтику часто ездила отдыхать. Я слишком хорошо помню то время, чтобы глупо восторгаться им. Это вы, по гроб жизни обязанные Родине, имея сильно усеченное мировоззрение, жили как в башне из слоновой кости, ничего не замечали и смотрели на все происходящее вокруг сквозь розовые очки своей благодарности. Не видели даже того, что наши выборы были шахматным полем с одним королем. А может, не хотели замечать? В университете до изнурения просиживали за учебниками, на работе не поднимали глаз от проектов, а сейчас внуки заполонили вас полностью...

Неожиданно мешки под глазами Инны выступили резче и добавили ей лет десять. Женщины тактично сделали вид, что не заметили в ней мгновенной перемены. Лена напряглась: «Завидует Инна тем, у кого внуки... Инна то застывает, откинувшись на спинку стула, будто в голове ее мутится от отчаяния или жестокой глубинной боли, а то вдруг мечется, злится... точно в ожидании неизбежного избавления. Но оно приходит лишь в случае... конца. И тем горше, бессмысленнее ее маята. Разве она заслужила, чтобы так рано падать в пропасть, во тьму?.. О чем это я? О ком? О себе... Может, у нее не так все плохо, судя по внешним данным?..»

- Можно подумать, что на Западе их «короли» что-то решают... И ты, Инна, ничем не обязана стране... Только ты у нас всегда была продвинутой - главная карта в любой игре! - всё и вся понимала и никогда не теряла почвы под ногами. Вбила себе в голову невесть

что и других заводись. Опять принялась за свое, – раздраженно, но как-то неуверенно махнула рукой Лиля. В глубине души она чувствовала себя не совсем правой, и хотя обида подталкивала ее оскорблять, ей не хотелось задевать больные струны Инны. В этом она была выше своей своенравной сокурсницы.

– Племянник моего мужа – он военный – не считал возможным присягнуть желто-голубому флагу и стал российским безработным. Карьера обрубилась, квартира накрылась. Кое-как выкручивается. В бизнес подался. Знания в военном училище получил солидные, везде можно найти им применение, – вклинилась в разговор Жанна, желая ослабить накал беседы. Она уже поняла, что Ане не удастся успокоиться до тех пор, пока кто-нибудь, более уверенный, не поддержит ее или не остановит.

– Перестройка катком прошла не только по военно-промышленному комплексу, – заметила Галя. – Только на гражданке манна небесная в наш паек и раньше не включалась. Не сыпалась она нам с неба.

– А ты намеревалась всю жизнь находиться в утробе Родины-матери и чувствовать себя в полной безопасности? Понимаю, все подсознательно стремятся к стабильности. Только за счет чего?.. – покровительственно спросила Инна.

– Не бойтесь, девчонки! У страха глаза велики. Это СМИ раздувают каждый негативный факт, нагнетая обстановку. Были времена и трудней, а Россия развивалась. Но это, конечно, не снимает ответственности власти перед народом за принимаемые решения, – сказала Мила и понимающе переглянулась с Галей.

– Будем держаться этой версии, – засмеялась Инна. А сама уже прикидывала, как бы ей «уложить на лопатки» оптимистично настроенных подружек.

– Жизнь делается все невнятнее, все многослойнее. Опостылела она такая. Мне кажется, реформы могут быть успешны лишь тогда, когда они понятны не только начальникам, но и народу. И если кого и винить во всем, так это депутатов. Вот слушаю радио, и невольно приходит на ум: «Как же они там, «наверху», все повязаны! Не по деловым качествам, а по принципу «мой – свой». Вот поэтому все наши надежды оказываются вне зоны досягаемости, – в запале продолжила Аня. – А вот раньше...

– Смотрите, осмелела! Закудахтала! Не упустила случая! Ой, сейчас пропаду, рухну под тяжестью твоих обличений! – Инна комично схватилась за живот и перегнулась пополам. – Справедливости захотела! Этого добра у нас не водилось с доисторических времен. Не допустила ли ты оплошность? Не бухала ли сегодня с раннего утра? Это несообразно с твоим характером... Ни дать ни взять – дитя малое. Хромала бы ты отсюда куда подальше. Не зря говорят, что профессия накладывает отпечаток на психику. Был у меня муженек, в психбольнице работал. Ох, и доставалось ему от моих друзей!.. В тебе, Аня, говорит застарелый комплекс неполноценности. Душа больна, и мысли соответственно, вот и паникуешь.

«Видно, у Инны большой опыт перебранок с Аней, поэтому она подобные слова уже не считает оскорбительными. Наверное, случилось и похлеще выразиться», – подумала Жанна.

– Бывает ли у тебя когда-нибудь легкое, лучезарное настроение? Или, напротив, критическое по отношению к себе, мол, я этого себе никогда не прощу!.. Ни на секунду не ослабляешь хватки. Торопишься высказаться. Ты на меня голос не поднимай, насмешница. Нет чтобы утешить. Я знаю, о чем говорю, – неожиданно спокойно, но как-то безжизненно заговорила Аня совсем о другом, но очень ей близком. – Недавно проводила, если можно теперь так выразиться – на общественных началах, с учениками вечер, посвященный творчеству современных физиков, так такого наслушалась от детей, что даже растерялась. Не готова я была отвечать на их выпады.

– Не может быть, – вежливо удивилась Инна. И эта ее вежливость тоже имела унижительный подтекст. Но Аня в тот момент вся была под впечатлением неожиданных мнений школьников.

– Я ожидала услышать, что ученый – герой, способный отдать жизнь ради своей работы и своего народа, а услышала заявления о том, что «...он свободный человек и не обязан работать за гроши или грудью бросаться на амбразуру; что он имеет право не совершать

подвигов в том виде, в каком вы предлагаете, его подвиг – наука, а не пожары, тем более что, как правило, подвиг прикрывает результаты чьих-то ошибок, чью-то халатность. В этом случае герой за кого-то платит своей жизнью, своим здоровьем, а это неразумно. Почему вы считаете безнравственным то, что герой пытается заработать на своем героизме? Давайте расставим точки над «i»: это пусть даже кратко-временная, но тяжелая работа, сопряженная с огромной опасностью. Он имеет право требовать компенсацию. У него есть достоинство: я стою столько-то. Это раньше Шалапин и бесталанный, на котором не оставил след Бог, получали наравне... Мы такого не приемлем и опираемся на то, что есть, а не на то, что будет когда-то. Мы живем в данный период времени, и наша жизнь ценна здесь и сейчас. Теперь, скажем так, каждый несет свой чемодан сам... Вот вы в молодые годы имели награды за свой труд, и как этот факт отразился на вашей дальнейшей судьбе? Да никак. Вы и квартиру-то получили чуть ли не перед самой пенсией. И то, считай, повезло». Они мне как гвозди в пятки... я даже не пыталась выразить им свое непонимание...

– Как же! Герои ей нужны! Мне захлопать в ладоши?.. А может, истошно заорать? Волосы дыбом не встали? Раньше часто незнание опасности порождало героев, а теперь даже дети прежде думают, а потом делают. Безданное дело – искать современных героев. Ты вообще-то знаешь разницу между трусом, дураком и храбрецом? Вот тебе совершенно замечательная деталь: как ни парадоксально это звучит, грань между ними очень шаткая, – посмеялась над Аниной серьезностью Инна.

«Манера разговора весьма для Инны характерная. Пытается поставить человека в неловкое или даже смешное положение, а потом наблюдает, как он «выплывает». Подругам приходится держать с ней ухо остро», – усмехнулась Лена, уловив последнюю фразу Инны.

– Умная, ничего не скажешь. А мы тутешние, местные и ничего не соображаем... – в сердцах вскрикнула Аня и возмущенно добавила:

– И в бой шли по глупости?! Это была жизненная позиция. А ты без зазрения совести врешь! Героев не ищут, их воспитывают. Прекрати свои дерзкие реплики.

Я недолюбливала Олега Кошевого. Он очень напоминал мне наших районных комсомольских функционеров, которые только поддакивали партийным начальникам. Я даже при поступлении в институт сочинение писала о Сереже Тюленине. Но мне было неприятно, когда одна учительница, приехавшая с Украины, рассказывала «по секрету всему свету» о том, что во время суда человек, предавший красдонцев, обозвал мать Олега проституткой и обвинил ее в связи с немецким офицером ради спасения своего сына. Да еще перед всеми людьми со сцены пригрозил ей: «Одно мое слово – и через два часа твой сын будет стоять на этой сцене рядом со мной». А она ничего не ответила...

Та учительница покусилась на святое. Мне были нужны эти герои чистыми, непорочными. Я хотела идти рядом с ними, защищая Родину. Я мечтала, как Павел Корчагин, терпеть любые лишения, только бы моя страна была сильной и великой. И в своей скромной работе я старалась на максимум. А Павлика Морозова я представляла себе мужественным защитником матери, над которой издевался жестокий отец. Я о нем читала во втором классе и не совсем понимала, кто такие кулаки... Не выношу, когда мерзко марают нашу Родину, когда измазывают грязью и пошлыми домыслами великие подвиги нашего народа.

– Ваш разговор с большой натяжкой можно назвать милой беседой, происходящей в обстановке непринужденной респектабельности. Он больше похож на жаркую подростковую дискуссию. Нашли о чем спорить до хрипоты. Испокон веку бесчисленные философы многоречиво рассуждали на эту тему. И сейчас ничего нового от этих баталий ждать не приходится, – спокойно сказала Рита.

– Защитила, успокоила, заронила искорку надежды, и на том спасибо! – тоном негодующего разочарования отреагировала Аня и бросила сердито-вопросительный взгляд в сторону Риты. – ...Я много лет выискивала в детях крупинки золота, старалась развивать в них способность самостоятельно мыслить, все распознавать с первых шагов, но перестройка сделала это одним взмахом... Понимаю, у современной молодежи нет нашей советской предвзятости, но правильны ли их выводы? Не расшатывают ли они нравственные устои своих душ? Нас воспитывали на героическом образе Стаханова...

- Раздуваемого средствами тогдашнего пиара - идеологией, - беззлобно вставила свое уточнение Лера и натянуто рассмеялась:

- Этот номер со мной не проходил.

- А откуда в нас это яростное стремление, не щадя себя, довести дело до конца, откуда эта непреодолимая вера в людей, в мечту? Не от Николая ли Островского, которого мы читали в двенадцать лет! Помню, меня странно поразили слова героя Чарли Чаплина в одном из фильмов: «У нас обязательно будет дом, даже если для этого мне придется работать». У меня в голове не укладывалось, что не работая можно что-то получить, - гневно не сдается Аня. - А с кого теперь детям брать пример? С олигархов, которые обворовывают страну? С бандитов и мошенников, которые не щадят ни детей, ни стариков?

- Твоя правда. Работали на голом энтузиазме, воображая себя счастливыми, героями, вели двойную жизнь: наполовину реальную, наполовину питаюсь фантазиями, и не думали, чем это может обернуться. В карманах покоились авоськи, приготовленные к стоянию в длинных очередях за дохленькими цыплятами. А в мозгах наших звучало: «Мы не шли на поводу своих мелких желаний, думали о стране, о глобальном. Мы проповедовали идеи социализма и мира на всей планете».

- И в воздух чепчики бросали, - опять «выступает» Инна.

«Сколько боли, которую невозможно скрыть даже за изрядной долей иронии, слышу я в словах Инны! Она всегда свою сентиментальную любовь к кому-то или к чему-то прикрывала горьким юмором, непонятным многим, или насмешками», - думает Лена.

- И некому было остудить наши горячие головы, хотя от обидной уравниловки у некоторых из нас руки все-таки опускались, - вздохнула Лиля.

Она не успела закончить свою мысль, как Инна перебила ее:

- Ты, Аня, и теперь задарма трудишься. Бог тебе в помощь. И, конечно, к тебе тянутся страждущие любви и тепла... А, обманувшись в своих надеждах, окунувшись в гиперреализм капитализма, разочарованная неудачами, ты совсем утратила способность сопротивляться трудностям. Тебя удручает твоя теперешняя никчемность. Естественно, что нет готовности все начать с чистого листа. Оно, конечно, со страху и блоха волком кажется, и хочется кричать: вверяю себя тебе, Господи! А он отворачивается от нас, таких чистеньких, таких праведных. Тебе нечего мне возразить, так? - с кривоватой ухмылкой спросила Инна.

Она не сомневалась, что с минуты на минуту на нее обрушится негодование сокурсниц, пытающихся защитить Аню, и готовилась отбить очередную атаку. Но Аня, обойдя еще полностью не осмысленный ею болезненный вопрос веры, сама взяла «быка за рога».

- Что ты взъелась? Приятно чувствовать свое превосходство? Договаривай до конца. Дай волю своему языку. Только неплохо бы иметь для этого хоть какие-то основания. Я, по-твоему, произвожу впечатление дуры? А по-моему, у тебя рак совести. Мой вопрос я сформулирую иначе: разве лучше воспитывать лентяев и раздолбаев? Бред сивой кобылы! Нас иначе учили. Объясняли, что положительный жизненный опыт накапливается попутно с чтением и благодаря ему, доказывали, что язык, культура и труд творят человека.

К нам пришла свобода, и необходимо осознать, что это такое, что она несет, что дает или отбирает. Нас заманили в ловушку. Мы видим, что произошло крушение героических и романтических ценностей. «Алые паруса свернуты и брошены в дальний пыльный угол истории». Для ребят осталась только фантастика, и им не хватает романтики, хотя ее требуют их растущие организмы. Современная свобода оказалась бандитской, - с упрямой неистовой горячностью стоит на своем Аня. - Нам трудно дышать в любом времени, кроме того, в котором мы прожили основную часть своей жизни.

Она распалилась не на шутку.

- И твое самое заветное желание - остановить время. Не получится.

- У меня нет потребности увидеть или испытать больше того, что уже испытала на своем

веку. Мне только хочется удержать в себе все хорошее, что накоплено в моем сердце.

– Ты, мать, катастрофически стареешь, – улыбнулась Жанна. – Не желать увидеть, что будет со страной через десять, двадцать лет?! Впрочем, мы с тобой к этому вопросу еще вернемся... Успокойся, бандитский период мы благополучно пережили. А теперь жизнь просто испытывает нас на прочность. Оглянись, на дворе двадцать первый век!

– Сейчас модно все ругать. По-твоему, Аня, получается, раз богатый, значит вор или подлец. Огульное утверждение. Пора менять концепцию взглядов, – уверенно заявила Инна.

– Может, по нынешней жизни один из тысячи и сумел выдать себя раба, а остальные принижены нищетой. Особенно старики. А какая свобода может быть у бедного? Свобода от работы и зарплаты? И среди молодежи возникает разобщенность, несущая одиночество.

– Было упорядоченное безумие, а теперь неупорядоченное, – рассмеялась Инна.

– Нищий и есть самый свободный человек, – усмехнулась Лиля. И было непонятно, шутит она или всерьез так считает.

– Новое поколение чувствует себя пограничным. СССР для них – корабль-призрак. Он нечто романтически окрашенное, но чужое. Отсюда псевдоностальгия и отрицание, поиски себя в нацистских или националистических группах, ненасытное желание увидеть другого человека униженным. Нет у них тяги к пусть иллюзорной, но цельной жизни нашего поколения. И мы пытаемся обрести уверенность в современном хаосе, разобраться в любви и ненависти к нашему прошлому, внести некоторые поправки в то свое видение. Как понимаешь, проблем хоть лопатой гребь.

У нас сейчас не придумано ничего нового, чего бы не было в СССР, что вело бы молодежь по пути положительного развития. Воспитание пущено на самотек. Не забывай: наше будущее сидит сейчас за партами... Может, возникнут новые шестидесятые? – с преувеличенной надеждой в голосе и с извиняющимся выражением лица закончила свой нескладный взволнованный монолог Аня.

Ей бы отвернуться от обидчицы, а она, сама того не желая, с какой-то маниакальной настойчивостью направляла свой взгляд в сторону Инны.

«Подняли галочий грай (крик, шум). Во всех нас чувствуется неистребимая привычка педагогов много и долго рассуждать. Что угодно поставим под сомнение, любого заговорим до полусмерти и всюду приплетём детей, – усмехнулась Лена. – Хотя насчет того, что наше будущее сидит за партами, Аня права».

А Инна снова «приняла бойцовскую стойку» и с удовольствием пошла в атаку.

– Что это ты вдруг, скажи на милость, взялась учить нас жить? Настигла неудача, а ты, пришибленная ею, оказывается, не сдаешь позиций, не совсем еще скисла, если критикуешь. Молодец! Значит, еще на что-то надеешься. На что? Не ты ли утверждала, что незнание лучше, чем неправильное знание, потому что пробудить в закрытом сознании цельную веру легче, чем помочь окрепнуть однажды пошатнувшейся? Ха! Раздумья житейской мудрости озаряют твое лицо! Так почему же ты во всем видишь только трагическую сторону вещей? Ах да, именно ты со своим безмерно наивным и добрым взглядом способна увидеть вокруг море зла, – насмешливо восхищается Инна Аней. – Чем старше становишься, тем больше впадаешь в детство, в ту чистоту, которой обладала раньше. По большому гамбургскому счету это маразм... Ты у нас всегда была святая. А люди просто живут и, конечно, совершают ошибки, на которых сами же и учатся. Ведь это так просто. Азбука жизни. Тебе нечего возразить. Учись, пока я жива. Ни под каким предлогом не отклоняй моего предложения.

Или ты думаешь, что твой педагогический дар безупречен? Не смейся людей. Не ищи на свою седую голову приключений. Может, твои идеи, настоянные на морали и нравственности – полный абсурд и устарели еще при царе Горохе и давно не имеют шансов на успех в юной среде? Не пора ли включиться в новую ситуацию? Зачем мажешь настоящее черной краской? От страха перед всем новым готова забиться в любую щель и зарыться в паутине по макушку? Говорят, нечистая совесть заводит

человека в дебри несуществующих страхов. А ты, ангел мой, от чего стонешь? У кого что болит, тот о том и говорит? Старики держатся за старое счастье, а молодым новое подавай, – усмехнулась Инна, словно не относила себя к старшему поколению.

– Не снизошла, не удостоила ответа? – добавила она пренебрежительным тоном, вызывая молчаливое негодование подруг. – От своего учительского прошлого она в восторге! Забыла, как затюканные учителя из твоей школы выгрузили детей на картофельное поле, продуваемое всеми ветрами, под холодный осенний дождь? Первый час они еще пытались выбирать картошку из склизкой грязи, а потом при отсутствии хотя бы какого-либо укрытия, насквозь промокшие и застывшие, сбились в кучки и стали ожидать возвращения в город. Детей увезли только в конце рабочего дня. Ты же помнишь, каким вошел в школу твой любимчик, лучший ученик класса. На нем была неподъемная от впитавшейся воды куртка. Пока мальчик ждал разрешения уйти домой, под ним натекла огромная лужа. Уборщица, вытирая пол, собрала целое ведро ледяной воды. Твой любимец тогда целый год не ходил в школу. Температура не снижалась. Какую хроническую болезнь приобрел на всю жизнь этот талантливый, но слабый здоровьем мальчик? Про других детей я ничего не знаю... А причина простая: боялись гнева директора... А что до детей...

– Можно подумать, сейчас не бояться, – сердито буркнула Жанна. – Еще больше...

– Инна, ты же знаешь, меня в тот день не было на поле, – попыталась оправдаться Аня. Чувствовалось, что слова эти вырвались у нее с болью.

– Можно подумать, что твое присутствие что-нибудь изменило бы, – скривилась Инна.

Женщины молчали. Лене показалось, что наступившее затишье вот-вот готово взорваться.

– Это был единственный жуткий случай в истории нашей школы, – понуро забормотала Аня. И сразу осеклась, смешалась и потупилась.

– Директора не выгнали. Как же, школа на хорошем счету у руководства. А то, что он заставлял школьников в ущерб занятиям заниматься общественной работой для повышения собственного авторитета и потом эти толковые ребята не попадали в вузы, его не волновало.

Два года он преследовал твоего любимца, мотал ему нервы, угрожая завалить на выпускных экзаменах. Забыла, как он требовал от юноши сменить тему письменной работы уже после того, как тот написал половину сочинения по книге любимого прозаика? Надеялся, что тот его послушает и в результате «срежется», не успев достойно раскрыть идею произведений не очень нравившегося ему поэта.

За что мстил? Не смог школьник явиться на городскую олимпиаду, потому что на перемене его столкнули с лестницы и он сломал правую руку. Как же, школа недобрала баллов! За это можно и до нервного истощения довести.

Аня, опустив голову, пробормотала еще тише:

– Да, по натуре я отнюдь не герой, но я как могла защищала, поддерживала, успокаивала. Я делала все, что было в моих силах.

– В моих глазах это не довод. Жить не поднимая головы – надежнее, спокойнее, проще. Я тебя не виню, тебе самой требовалась защита. Мне продолжать повествование?.. Педагог!

Ледяное молчание повисло над столом. На молчаливое изумление сокурсниц Инна ответила неожиданно простодушным открытым взглядом. Даже Лена не поняла, что он означал.

– Некоторые твои шутки переходят границы не только смешного, но и дозволенного. Тебе следует подумать над этим. – Голос Лены прозвучал тихо, но непривычно резко и раздраженно.

Инна ответила ей совершенно спокойно:

- Нет у меня желания с тобой препираться.

Но то было спокойствие, аналогичное напряженному покою сжатой пружины. Кира посмотрела на Аню. Та была похожа на человека, проигравшего свою жизнь еще до вступления в пору молодости; на человека, который каждый день чувствует себя побежденным. «Только не на уроках, только вне общения с детьми», – мысленно защитила она сокурсницу. И сквозь Кирину обычную сдержанность на миг проглянуло выражение агрессивной решимости.

Кира делает знаки Инне, та не обращает внимание. Она завелась, ее не остановить и бизону. «Бизону-Кобзону» – срифмовалось у Киры в мозгу. Она сердито дернула головой, отгоняя ерундовые мысли.

Аня сначала – и это было ясно видно – прямо-таки оцепенела от слов Инны, буквально брызжащих ядом иронии, потом обратила свой взгляд, полный растерянности, на Риту, словно подруга была той, кому она могла в любой момент безмолвно пожаловаться, чтобы та быстро нашла выход из затруднительного положения. Но Рита задумчиво смотрела в окно и не могла вступить за нее. Аня взъерошила свои короткие седые волосы, и в лучах яркого света, льющегося из окна, ее голова стала похожа на отцветший одуванчик.

«А что я еще тогда могла сделать?.. Явилась, не запылилась и учит всех! Так и хочется сказать ей: «Отвали!» Инна мне глубоко... жутко несимпатична. Надеется, что я потеряю остатки самоуважения. Нет, дудки! Я хороший учитель, даю надежные знания... Опять переиначила мои слова. Они были направлены против нее, а она повернула их себе на пользу. Торжествует! Упивается своим превосходством. Только в чем? Когда говорит, будто черт желчь в ее уста вкладывает. А как многозначительно молчит! Талантливо паузу держит.

Пыль в глаза пускает. Мол, какая я честная. Возводит напраслину с непростительной небрежной, железной уверенностью в своей безнаказанности, а я сижу перед ней точно в тяжелом полусне и взираю как кролик на удава. А назавтра она, как ни в чем не бывало, будет хохотать, досказывать истории, которые не успеет выложить сегодня. С нее как с гуся вода, а я маюсь волнением, сомнениями, обидами, раздражением. Получается, что это у меня тяжелый характер. Мне кажется, что я говорю с достоинством, а выходит, что сердито и с кислой физиономией, – виновато бичует себя Аня. – К чему этот Инкин глумливый тон, превращающий нашу встречу в «приют комедиантов»? Что привело ее сюда?

Долго настаивается на злобе и зависти. Готова схватиться с кем угодно, лишь бы развлечься. Не нашла ничего лучшего, как измываться над более слабым. Ох, Инка, ты еще получишь свое сполна! – мысленно пригрозила Аня обидчице. – Русского интеллигента всегда заботила жизнь людей, которые живут хуже него, чтобы помочь. А ей нравится ошеломлять. В лице неприкрытое довольство и спесь. Никому не уступает ни в дерзости, ни в самонадеянности. Не утруждает себя объяснениями. «Мне плохо, и другим пусть будет несладко» – так, что ли?.. Кому и зачем бросает вызов? Иногда важнее не разрешить загадку, а выяснить, в чем она заключается, и тогда проблема может сама собой отпасть. Я права насчет Инны или это плод моего неприятия?.. Просто земля уходит из-под ног, когда я рядом с нею. А что бы она сделала на моем месте? Уж точно сбежала бы из школы.

Подрезать бы ей крылья. Знает, что мне с ней не разделаться, не справиться. Зачем она разжигает костер своих страстей и амбиций и с маниакальной потребностью рвется в бой? Что за блажь вколотила себе в голову? Это ее суть? Она всегда вносит в жизнь что-то фантазмагорическое. Она моя головная боль. Может, это только мои собственные впечатления? Мои нервы как оголенные провода под высоким напряжением. А ей оскорбить, что плюнуть... Какой же я стала нудной... Да ладно, с кем не бывает».

И тут Лера подала голос, не предвещавший Инне ничего хорошего. Она редко теряла самообладание, а тут закипела.

- Но-но, Инна, не так зло. Ну что за безобразная сцена! Твои слова как плевки.

- А твои как розы? - огрызнулась Инна.

- Не заводись, оставь Аню в покое, она не заслуживает твоих шпилек. Я не позволю тебе говорить с ней в таком тоне, и об этом тебе не стоит забывать, - грозно предупредила Лера. - Сделала разведку боем, и хватит. Ты не слишком разборчива в выборе выражений. Твое ехидство здесь совершенно неуместно. За всю жизнь ты так до конца на своей шкуре и не прочувствовала чужую боль от твоих ироничных и клоунских выпадов. Счастлива, что всех превзошла в этом виде «искусства»? Сознание пусть даже мелкой вины тебя никогда не тяготит и не омрачает? В тебе осталась хоть капля доброго чувства? На что тратишь силы? Все ищешь, чем бы подсластить свою никчемную пенсионерскую жизнь или чем бы опорочить, изгадить чужую? Уму непостижимо! Не слишком ли часто и не к месту ты даешь волю своему острому языку?.. Собственно, удивляться тут нечему... Советую перенести свое внимание на себя, - хмуро одернула Инну Лера, не позабыв, пусть даже завуалированно, уколоть ее хотя бы одним словом.

Она редко, но жестко и прямолинейно становилась на защиту подруг. «Эти слова защиты стоят многих Иннинных издевок и упреков», - обрадовалась Аня и улыбнулась Лере.

- Какая трогательная забота! Еще в детстве я устала от добрых советов, - выслушав сердитую отповедь Леры, беззлобно ответила Инна и тут же жестко пошутила, тихо, нарочито спокойным тоном, с бесстрастным лицом, но так, что у Ани мороз по коже пробежал:

- Есть советчики, а бывают антисоветчики.

«Вот и понимайте мои слова как хотите», - усмехнулась она, довольная тем, как изменилось лицо Ани, которая испуганно подумала: «Ее шутка вызвала у меня образ намыленной веревки. Я ее почти физически ощутила. Может, из детства рассказ воспитательницы о моем отце бессознательно вспомнился?.. Его немцы замучили, а свои долго еще числили в изменниках Родины. Тогда и вошел страх в мою кровь. Мне в детдоме издевок доставалось сверх головы. Моя жизнь там из-за чертовой парторгши была земным хождением по мукам, сравнимым с дантовыми кругами ада... Но откуда Инка прознала об этом? Зачем непереносимо давит?.. Везения - этого благоволия судьбы - мне не досталось, я и так обделена личным счастьем, а тут еще она душу травит. Превзошла самоё себя... офонарела. Совсем мозги набекрень сдвинулись. Специально сказала об антисоветчиках, чтобы напугать? Я бы не отважилась так доводить кого бы то ни было...»

Нет, Инка не могла знать происходящего в моем детдоме, где каждый год по количеству отрицательных эмоций и впечатлений был таким, что мог вместить десятки неудачных судеб домашних детей. Она не знала болезненно-звериного чувства голода, не радовалась милостыни, сунутой на ходу незнакомым человеком из сочувствия к горестной детской судьбе, не ожидала хотя бы от кого-нибудь доброго слова, взгляда, прикосновения. Ей не понять, что сердце может болеть и кровоточить куда сильнее, чем мозоли на загорелых ободранных руках. Не снизойти ей до глубокого осознания чужой беды... На беды у меня легкая память? А Лена? Сама ведь живет под двумя знаками обреченности: детдомовца и однолюба, могла бы вступить, защитить. Насколько я помню, в ее силах утихомирить подругу детства. Всем известна длинная история их искренней, хотя и странной дружбы. Слишком уж они разные».

Лена недовольно покосилась на Инну, но вслух больше ни слова не произнесла. «Я что, надзирать за ней должна? Неужели за несколько лет нашей разлуки Инна стала такой злой? Скорее всего, она не знает сложной родословной Ани и просто вслепую поддразнивает ее, раззадоривает, чтобы было в чём разгуляться неудержимому языку. Сморозила глупость и не желает в этом сознаться даже себе. Ведет себя ну совсем как малый ребенок. Нет, не поднялась бы у нее рука резать по живому даже в запале. Просто от нечего делать плетет канитель из правильных слов и неправильных смыслов...»

Разве что в отместку? Злопамятная. В таких случаях отпускает тормоза. Припомнит все свои унижения и не успокоится, пока морально не добьет. Но Аня не может никому напасть, не станет никого подстрекать, науськивать. Как о ней говорили на первом курсе? «Наивная, но не глупая. Молчаливая, но не бессловесная, и все-таки такая

беззащитная!»... И этикой Инна себя не утруждает. Не верю ушам своим», – удивилась Лена.

Она погрузилась в свои печальные мысли и отвлекалась тем, что пыталась по фотографиям в альбоме воспроизвести в своем сознании жизненный путь очередной сокурсницы, поэтому-то и не пустилась в догадки для расшифровки слов подруги детства, а только лишь удивленно поглядела на нее поверх очков. Она еще в молодые годы, учась в аспирантуре, научилась отключать свой внешний и внутренний слух для того, чтобы сосредоточиться на главном. А в разговоре подруг юности, как ей казалась, сосредотачиваться было не на чем. Интереснее было углубляться в составление сюжетов. «Старые фотографии дают мне ощущение подлинности событий. Они точнее слов», – удовлетворенно думала Лена.

А Лиля, не заметив состояния Ани, озабоченно и сокрушенно продолжала свою беседу с Жанной:

– Молодежь теперь одной ногой в Интернете, другой в дерьме. Надо меньше показывать по телевизору сцен насилия и больше объяснять детям, как губительно влияние язв нашего общества на молодые умы, чтобы они боялись их пуще семи смертных грехов. А то ведь там, где мы видим трагедию, пресса ищет скандалы и скандальчики.

– Они лучше бы занялись борьбой с игровыми автоматами, развращающими молодежь. Органы правопорядка притоны обнаруживают, вроде бы закрывают, а они опять как Фениксы возрождаются из пепла. Пусть бы рапортовали в газетах о действительно свершившихся фактах, а не о липовых, вот тогда бы их усилия приносили пользу, – с величайшим презрением в адрес третьей власти отчеканила Инна.

Вошла Кира с еще одним альбомом фотографий.

Стенанья долгие глетворны

Лену опять привлекли стоны Ани.

- ...Как же мне принять это новое «счастье», когда за один день тебя несколько раз обманут и лапшу на уши навешают, ни за что ни про что обругают?.. - тянула «похоронную мелодию» Аня.

- Хочешь новый анекдот из Интернета? «Кто в этом году навесил народу на уши самую длинную лапшу? После чьего посещения храма мироточила икона?..» - азартно прервала Инна Аню.

- Погоди, дай досказать. Невольно появляется мысль, что большинство людей у нас понятия не имеют о добром отношении друг к другу. Уважают только начальников, да и то если боятся. Произошло невероятно быстрое окостенение душ. А раньше я считала, что сострадательность из русского народа ничем не вытравишь, что оно в нем запрограммировано на генетическом уровне.

Так и хочется крикнуть: «Очнитесь, бессовестные, пробудитесь, безразличные! Получается, вы отвоевали свободу свинцу, а не уму и душе. Это ужасно, чудовищно!..»

Аня кротко посмотрела на Лилю сквозь тусклые круглые очки, казавшиеся огромными на ее сероватом узеньком лице.

- Насчет генетической сострадательности ты права. Она есть в нас. Купил недавно мой друг сыну однокомнатную квартиру, а тот долго не заселялся. И когда он наконец переехал, соседи стали нещадно донимать его придирками, мол, богатеи покупают себе квартиры и не живут, а нищие на улицах погибают. Проходу не давали ему! Вот я и провела эксперимент. Запустила утку, будто бы этого молодого человека невеста бросила перед самой свадьбой, поэтому он теперь один живет. И что ты думаешь? Больше его ни разу не тронули! А ты говоришь, окостенели, - улыбнулась Лилия.

- С какой бедственной быстротой нахлынули перемены! Какова модель будущего нашей страны? Незавидная судьба стариков, неопределенная - у молодых. Не упустили бы главного. При бездействии и при попустительстве проблемы падают, как снег на голову, а ведь их можно было бы предвидеть и избежать. И совершенно бесспорно, что тогда бы поддержка народа была гарантирована. Ну... а тут еще эти иммигранты, согласные на любую работу на любых условиях, лишь бы платили. Видно, дома и не к такому привыкли. Надо задуматься о границах применения западного опыта. Америка принимает только умных и богатых, а мы подбираем даже тех, кто не нужен в своих странах. И они нередко пополняют ряды преступников. Без иммигрантов нашей экономике, может, и трудно, но и с ними - пропащее дело. О столь серьезных для нашей страны вещах мы должны сто раз подумать, прежде чем принять решение. Не навредить бы себе.

- Я тоже так думаю. Просто я хотела убедиться, что не я одна с беспокойством смотрю на эту проблему.

- Опять всех одной поганой метлой метешь, - защитила приезжих Рита. - Не забывай, иммигранты, как правило, из наших бывших братских республик.

- Наша беда в крайностях. Надо не мешкая повысить требования к прибывающему контингенту, иначе социальные проблемы так встряхнут нашу страну, что мало не покажется. Вспомни Францию. И законодательство у нас дырявое, и полный беспредел в силовых структурах, - снова печально и бесстрастно заговорила Аня, безвольно сложив руки на коленях, будто бы позабыв прежние обиды или примирившись с мыслью о неизбежности присутствия Инны. Ее личико от причитаний еще больше заострилось и посерело.

- Смотри, не увязни в рассуждениях. Не отпускают тебя проблемы... или сама их не отпускаешь? Умеючи обосновать можно что угодно. Не продолжай. С тобой все ясно. Ах ты, святая ясная душа! Провинциальность тебе давно бы надо изжить... Совершенство на небесах - призываю в свидетели Всевышнего, - а в жизни все больше некрасивое, но естественное, - лениво, с некоторой долей участливого сарказма сказала Инна. И добавила, пряча улыбку:

- Не стоит стараться становиться совершенной. Это так портит характер! А может, не устоять мне перед искушением и поучиться? Разве что у тебя, Аня, проконсультироваться по этому вопросу? Но к тебе не подступиться. Ты всегда в окружении свиты детей.

«Нет у Инны ни чувства превосходства, в котором ее часто обвиняют, ни недоброжелательности. Шутит она так, пожалуй, не совсем корректно – это правда», – опять мысленно защитила Лена подругу.

- Это было бы кстати, особенно если вспомнить о небесах, – совершенно неожиданно весело подыграла ей Жанна.

Возможно, она таким образом хотела закрыть тему. По крайней мере, результат был именно такой. Инна почему-то с неожиданной легкостью позволила себя остановить, а ведь ее нелегко расположить, одарив пустяшной шуткой или примитивной лестью. Но Инна замолчала, потому что просто подумала: «Вываливает всем все про себя и воображает, что так и надо. Достала своими страданиями. Оно, конечно, каждому своя болячка больнее всего».

А между тем Аня наклонилась к Жанне и тихо, стараясь голосом расположить ее в свою пользу, спросила: «Инна не видит никаких препятствий для своих шуточек, и ты издеваешься? Хоть ты не ухудшай моего и без того не очень хорошего настроения. Дай хоть одним словом понять, что ты на моей стороне и пусть не во всем, но признаешь мою правоту». И та совершенно искренне прошептала ей в ответ: «И в мыслях не было шутить над тобой».

«Я не так чтобы уж очень огорчена нападками Инны, но все же...» – пробормотала Аня невнятно и умолкла.

«Самое интересное наблюдать за взаимоотношениями не между мужчиной и женщиной, а между женщинами или между мужчинами», – подумала Лена, не вникая в суть разговора подруг, и улыбнулась своей мысли.

Кира вздохнула с облегчением и нырнула в кухню хлопотать у плиты.

Аня, успокоившись, опять заговорила.

- ...А современное образование? – слышит Лена, с трудом оторвавшись от беседы Аллы с Лерой. – Поступила у моей приятельницы внучка в московский вуз на бесплатное отделение, а за квартиру надо столько платить, что всей семье не собрать такой суммы. И как тут быть?.. А вдруг откатимся назад? – неожиданно осторожно спрашивает Аня. – Вот и муж моей приятельницы шутит: «Вернусь с рыбалки, а флаги уже сменили»...

Видно было, что разговор взволновал и расстроил Аню.

- Проняла ты меня! Я рыдаю от смеха. Расквохталась, как наседка! Ждешь вознаграждения за неудачи и трудности последних лет или только участия? Тоскуешь по советской халяве! А пару оплеух для острастки не хочешь? Засунь эту мыслишку назад себе в голову или еще куда-нибудь. Блажен, кто верует. Неужели еще не истощились резервы надежды? – воскликнула неугомонная Инна. – Не терплю, когда говорят глупости. Лакируешь, украшаешь воспоминания, затушевываешь противоречия. Безутешная! Боишься разувериться?

Не вытаскивай отдельные положительные события из прошлого и не тащи их в настоящее. Попробуй восстановить историческую правду. Забыла, сколько раз эту правду подправляли? Потому что, оказывается, у каждого своя правда. И впоследствии историю будут очень даже сильно корректировать «под нужды руководства и трудящихся», ведь власти нужны только марионетки. Надеюсь, хоть здесь наши мнения совпали?

- Сколько еще сюрпризов нам новое время принесет – это большая загадка, – буркнула в ответ Аня.

- Щедро источаешь хвалу прошлому, Союзу, почившему в бозе. Не помешало бы тебе

вспомнить, что ты и раньше не барствовала на учительскую зарплату. И мы в НИИ получали сушие гроши.

- Но была стабильность. Мы квиты? - спросила Аня.

«Лиля, Инна и Аня задают тон нашей встрече. Это всегда так у них было или сегодняшнее безразличие присутствующих к избитой теме тому причиной? Им надоело пустопорожние разговоры о том, что все в нашем обществе плохо?» - подумала Лена.

- Ты осталась на старых позициях и хотела бы, чтобы твои ученики запросто, за здорово живешь, получали теплые местечки? Мол, не отбирайте у нас старую добрую сказку и веру в чудеса. Беззубая позиция! Бредовая безудержность пустых совковых мечтаний! Тебе не повредит поумнеть. Нельзя представить влюбленность, дрящущую сто лет, или любую страну, пытающуюся развиваться без реформ. Все течет, все меняется. И в нашей жизни сейчас многое ломается. Это нормально. Одно стареет и отпадает, другое возникает. Диалектика, - с вызовом добавила Инна.

По ее губам скользнула еле заметная усмешка, с оттенком гордости и превосходства. Она огляделась, чтобы сориентироваться и узнать реакцию подруг на ее слова.

«С высокомерием коронованной особы глядит. Было бы с чего, - удивленно хмыкнула Лена. - Присутствие Инны вносит некоторые неудобства. Но у каждой из нас свои слабости. Приходится быть терпимыми. Я не чувствую себя вправе осаживать ее. Инна ни в чем не знает меры или слишком занята собой, чтобы думать о других? При наших «мальчиках» она не осмелилась бы оттачивать свое жало, сумела бы взять себя в руки. При них всё наносное в ее характере быстро отходит на второй план. Все ее хитрые умыслы разрушаются в прах в тот самый миг, как только появляется Антон».

От намеренно оценивающего взгляда Инны Аня переменялась в лице, ее даже в жар бросило. Этого она уже не могла снести, и, нервно взъерошив волосы и сняв очки, что означало - она закусила удила, поднялась со стула. Вид ее сделался воинственным, упорствующим. Казалось, теперь ее не остановить. Но Инна не дала ей высказаться.

- Вынуждена тебя разочаровать: теперь далеко не каждый может позволить себе выбирать лучшую долю, чтобы удержаться на плаву. Тем, кто оглядывается назад и беспокоится, «как бы чего не вышло», не найдется места под солнцем. Не пытайся отодвинуть от себя реальность. Учи своих детишек дорогу пробивать грудью, а не лбом. Снес тебе голову наш перекошенный капитализм? У нас все так: то крайний социализм, то дикий капитализм.

- Усовестить меня хочешь, укротить или убить своей жалостью? Думаешь, зацепила? Понятно, куда ветер дует. Я не нуждаюсь в твоём сострадании. Нет, вы только посмотрите на нее, она сочувственно-милостиво качает головой! С ума можно сойти.

- Когда же ты поумнеешь? Напичкала себя ерундой и никак не можешь отмыться. Глубоко въелась сталинская пропаганда, - мгновенно взъерошилась Инна, в ярости не помня себя.

Но именно в этот момент ее высокий голос перестал быть центром внимания. И о том, чтобы нанести Ане достойный удар, не могло быть и речи. Алла заговорила, и запал Инны быстро остыл.

- Лера, а что тебя настораживает в молодежи?

- Собственно, не так уж и многое. Взрослые больше беспокоят, те, что бросают детей, оставляя их без будущего. Милиция. Политическое пустозвонство депутатов. Отписки по любому поводу, а не действенная помощь. Коррупция. Нежелание брать из прошлого лучшие моменты. Да мало ли что еще.

- Ох, и скользкий сей предмет - история! Для многих - и для меня в том числе - она темное пятно. История у нас не в большом почете. Пишут, переписывают... Что говорить о сегодняшнем дне, если с вчерашним еще толком не разобрались. Может, и правда для нас монархия больше подходит? В мире из десяти стран с монархическим строем восемь преуспевающих. Не развратит ли демократия нас окончательно? Боюсь, что, ратуя за свободу и «уступая желанию большинства», разбазарят политические

тяжеловесы-«демократы» нашу страну или отдадут на откуп иностранцам. Китаю, к примеру... И все же наш народ в мудрости своей умеет ценить в своей истории главное. – Это Эмма негромко размышляла вслух. Но масла в спор о судьбе страны не подлила. Скорее, загасила его.

– С возрастом я стала остро ощущать реальность слов: «В этом мире мы – всего лишь пылинки, и наши жизни – микроскопически малые эпизоды в извечной истории своего народа. И все мы, как и предыдущие поколения, будем преданы всеискупляющему забвению. Память уготована лишь избранным». От этого в душе иногда появляется чувство безысходности и тоски, – задумчиво проговорила Лера.

– К Богу не потянуло, чтобы утешил? – в тон ей спросила Инна и добавила: – Шучу, что называется, без обид. Разброд и шатания всем свойственны.

– И тебе?

– Мне по статусу критика они не положены, – рассмеялась Инна.

– Дразнишь, чтобы некоторым из нас жизнь слишком сладкой не казалась? По гороскопу я Лев, по году рождения – Тигр. Внушительная комбинация! Я верю в звезды, в связь каждого живого организма с Вселенной. Но к религии это не имеет никакого отношения. Преданность, порядочность, профессионализм – вот моя религия, – отчеканила Лера, не поддавшись на шутливый тон Инны.

Мила внезапно оторвалась от цепко державших ее мыслей.

– Что правда, то правда, до конца невыясненное или искаженное прошлое не позволяет достоверно судить и нормально строить сегодняшнее и будущее, потому что прошлое всегда с нами, – нехотя и как-то уклончиво сказала Мила и взглянула на Галю.

Судя по проскакивающим между ними коротким быстрым взглядам, Лена заключила, что добрая многолетняя дружба соседок по лестничной площадке никогда не прерывалась.

– Прошлое страны для всех нас не чужое. – Это Кира попыталась перевести спор на другие, более оптимистические рельсы. Она сказала это тихо, но тем четким и внятным голосом, который несет целую стихию чувств.

«Поражает ее твердость суждений и поступков. Никакого тебе мямленья, нерешительных колебаний; все продумано, выверено и спокойно», – подумала Лена, любясь подругой.

– ...Это наша с вами вина. Надо учить детей вовремя уходить от мониторов. Их поведение не инфантилизм, а защитная реакция от внешних, захлестывающих отрицательной информацией условий жизни. Ведь посмотрите, то, что раньше в малых дозах пряталось за стенами домов, теперь разрослось и бесстыдно вылезло наружу, стало публичным, общедоступным... И эта тема почти совсем не прослеживается в эфире, – услышала Лена справа от себя.

– ...Домохозяйки подсаживаются на примитивные сериалы, дети сходят с ума от жестоких импортных мультиков. Молодежь видит в западных фильмах, как герои легко, без любви ложатся в постель, мол, секс не повод для знакомства. Ужас. Всюду вижу сочетание силы и слабости, трусости и жестокости. Они – недобрые пастыри...

Интернет стал как мусорная яма. Там такое – хоть святых выноси. Мерзость, растрление, культивируются душевные и физические отклонения. Всю грязь вываливают на всеобщее обозрение. Естественность насилия – сильнейший яд, пропитывающий людей. Сто раз на дню вспоминаю про эти страсти. Вот чьего влияния нам следует опасаться... Бесовщина какая-то. Территория Воланда! А потом будем сокрушаться: «Печально я гляжу на наше поколенье. Его грядущее иль пусто, иль темно», – продолжила свою «песню» Аня.

– Понеслась душа в рай. Не буди во мне зверя своим нытьем, – нервно дернулась Инна.

- И то сказать, не самое приятное занятие выслушивать стоны, - тихо буркнула Лера и повернулась к Миле.

- Аня только отчасти права. Не то выуживает, - тихо согласилась с ней Жанна.

- Лекция в сельском клубе, - скучным голосом прокомментировала Инна монолог Ани.

Разговор опять свернул в сторону бесконечной темы воспитания детей, перемешанной с воспоминаниями добрых моментов детства.

- ...На твоём любимом канале «Культура» тишь, гладь и божья благодать.

- Насчет божьей благодати поговорим как-нибудь отдельно, - неожиданно резко ответила Аня, и ее руки инстинктивно затеребили ежик волос на макушке.

«С пустого завелась», - неодобрительно покачала головой Кира.

«Язык жестов иногда бывает точнее и убедительнее слов», - подумала Лена отстраненно.

Как-то сразу и мощно навалились на нее воспоминания из ее нелегкой жизни. Последние двадцать лет за суетой будней она не могла позволить себе расслабиться. А сейчас ей никак не удавалось полностью отрешиться от мыслей о прошлом, и это накладывало отпечаток на ее поведение среди подруг юности.

- ...Ты излишне эмоционально фантазируешь, а я тут при какой курочке? - фыркнула Инна, смерив Аню любопытствующим взглядом.

- Зачем ты со мной так? - Аня обиженно-вопросительно взглянула на Инну.

В ее покрасневших глазах читалось: «Как прохаживается по мне! Где не хватает ума, добывает за счет пафоса и грубости. Внушает окружающим осознание моей неполноценности? Манипулирует мной в полной уверенности в том, что лучшего я не заслуживаю? Разве я стою того?»

«Опять Аня под прицел Инны попала. Она дразнится, а та все принимает за чистую монету и берет на свой счет. Ничего лучшего не придумала, как нарочно изводить Аню. И не приструнишь. Она же на одно слово десять точно из пулемета выстрелит. Получится ссора. Да, характерец еще тот... Навсегда покончить с этими перебранками можно, только оставив Инну за порогом... Но она такая одинокая... И Аня тоже хороша, как дитё малое», - вздыхает Мила.

- ...Девочки, держите себя в руках, не распускайтесь. Не надоело препираться? Ох уж эти мне учительские нервы! Мы виним телевидение - одолевает оно нас, - но, наверное, и мы что-то где-то упускаем в воспитании детей, недорабатываем, - спокойно говорит Эмма.

В каждом ее жесте проявляется педагог и педант. Она очень серьезно относится к своей нынешней профессии и не упускает случая продемонстрировать свои навыки. Лене понравились ее умные, но такие усталые и грустные глаза.

- Дети наши не плохие, они другие, у них другой код развития, - спокойно и слегка насмешливо застывает за подрастающее поколение Кира.

Алла отвечает ей тихим согласием. Разговор течет через случайные ассоциации, ни на чем долго не задерживаясь. Теперь он соскочил на прошлое. Опять перепутывается с настоящим. Слева об одном, справа о другом. Голова у Лены идет кругом.

- ...Моя бабушка, до революции оставшись после эпидемии тифа в двенадцать лет одна, вынуждена была батрачить на помещика, а я в войну пяти месяцев от роду оказалась в детдоме, и ничего! Государство вырастило, выучило, работу дало. Квартиру я получила по очереди. Я бы не пожелала своей внучке судьбу моей бабушки.

- ...Ну, знаешь ли, на нефтяной игле мы не могли бы долго благоденствовать, - горячо возразила кому-то Инна.

- ...Нувориши возводят огромные особняки.

- Снова-здорова! Завидуешь?

- ...Да, люди на самом деле были добрее. Условия жизни не позволяли развиваться злобе и зависти.

- Плетешь всякую ерунду. Будто из преисподней вышмыгнула. Думаешь, новостью о нефти по мозгам шарахнула? Любишь понты? Велико твое заблуждение! С чего ты взяла, что мы перестроились? Мы и сейчас не перекрыли трубу с черным золотом, - сердито забурчала Аня и отвернулась, не желая продолжать болезную тему.

- Прекратите пустую перебранку. Золотого века на планете никогда не будет. Раньше говорили «хлеб всему голова», теперь «нефть всему голова». Пока за нефть идет борьба, мы в лидерах. Потом начнется более жестокая битва за питьевую воду. Не в вакууме живем. Правда, это будет не скоро, - остановила спорщиц Лиля.

«Как невыносимо банальны все эти споры!» - раздраженно думает Лера.

Тебе не понять...

- Ты по-прежнему курируешь детдомовских детей, пестуешь их умы и души или устала и только иногда навещаешь к ним? - спросила Мила, повернувшись к Ане всем корпусом.

- Она у нас, как всегда, в ярме, - ядовито процедила Инна.

- Ради всего святого, прекрати! Чем я провинилась перед тобой? - Голос Ани прервался от волнения.

«Перебарщивает Инка. Можно быть ироничной, но не до такой же степени! Что-то ее слова не очень подходящие случаю», - молча сердится Жанна.

Лера в этот раз ограничилась недовольным покачиванием головы.

Аня повернулась к Миле и спокойно, с достоинством призналась:

- Не могу бросить. Знаю ведь, что детдомовское детство - травма на всю оставшуюся жизнь. Не могу видеть детские слезы. Мне кажется, в людях с рождения заложена потребность в добре, и недостаток его сказывается на организме ребенка, как отсутствие витаминов. Хочу хоть чем-то поддержать детей в начале их самостоятельного жизненного пути. Пытаюсь помочь им сохранить в себе человека.

- Его сначала надо еще отыскать в них, - незамедлительно реагирует Инна.

- Хорошо, что ты это понимаешь, - парирует Лера. - Вот ведь пристала!

- В первую очередь выживают те, которые имели в себе положительную генетическую закуску, - предполагает Лиля.

- Маленькое уточнение: эта уверенность, конечно, базируется на собственном опыте, - усмехнулась Инна. - Из чего можно заключить...

- Не на твоём же, - снисходительно остановила ее Лера, поставив Лиле в заслугу ее жизненный опыт.

- Я до сих пор не могу спокойно смотреть в тоскливые глаза детдомовцев, в это неизгладимое, несмываемое временем клеймо. Я далека от мысли, что каждый мой подопечный перевоспитается, что каждый в душе мне благодарен за наше общение, но верю, что все они пронесут по жизни ощущение того, что чужие люди их любили. А это дорогого стоит, - заключила Аня.

- Позволь спросить тебя: ради чего ты это делаешь? Чтобы скрасить суетную серую прозу своей жизни или чтобы получить «благодарность с занесением в личное дело»? А может, твое общение - жест доброй воли? Святое Папы Римского все равно не станешь. Ты отдаешь себе в том отчет? Возможно, так само по себе складывалось, что большую часть своей жизни ты посвятила детдомовским детям? И это при том, что ты еще работала в обычной школе. Упорствуешь или тебе это пара пустяков, как не фиг делать? Не понимаю, какая радость в том, что малышня гроздьями виснет на тебе, - усомнилась Инна, не в силах поверить в наивный оптимизм Ани. - Может, они, эти чужие детишки, были твоей мечтой с детства? Свято исполняешь свое предназначение? Тогда снимаю шляпу перед твоим самопожертвованием.

- Детдомовские дети - моя боль, - стараясь не замечать иронии, серьезно ответила Аня. - Я скорее им помогу, пусть даже в ущерб своему времени и здоровью, чем себе. И это совершенно естественно укладывается в моем сознании.

- И что из этого? - не поняла Инна. - Она, видите ли, погибает от жалости к этим детям. Никакого сердца не хватит за всех страдать. И не надо нас жалобить. Не надо грудь выпячивать. Они для всех нас боль, - отмерила свою скромную долю сочувствия Инна. - Но ты, возможно, только по детскому легкомыслию, может, предчувствуя мнимый пик блаженства, когда-то взяла на себя такую обузу и теперь не можешь ее сбросить или на самом деле всё никак не выскочишь «из оглоблей своего детдомовского прошлого»? Никак не желаешь забыть свое вымученное детство, тоскуешь по нему? Ах, эта

«Сладкая» память детской боли! – оставаясь невозмутимой, опять бестактно, без обиняков заявила Инна, странно смакуя слова, и, довольная своей изощренностью, жадно уставилась на подруг, чтобы узнать их отношение к своей сногшибательной иронии, буквально впиалась в них глазами.

Аню нервно передернуло. Глубокая обидчивая складка пролегла у нее между бровей, глаза потемнели. Мысли закрутились, запетляли, высветив четко: «Инка никогда не проклинает себя за подобного рода слова?»

Кира мгновенно оказалась рядом с Инной и трясущимися губами прошептала ей на ухо: «Не изводи Аню!.. Это все равно, что ударить горбатого... да еще и по горбу. Детдом ее детства был плавильным котлом беззащитных душ». И быстро вышла из комнаты.

- Высплю, если не замолчишь, – тихо пообещала Мила.

Все подавленно молчали, никто не решался первым подать голос. Только Лиля ошеломленно ахнула, а Галя толкнула Инну локтем в бок, чтобы уgomонилась. Смех на другом конце стола резко оборвался. Алла и Лера молча повернули головы в сторону Инны. Наступила тревожная болезненная пауза. Эта пауза воспринималась Аней как бесконечно долгое преодоление рубежа внутренней скованности подруг, непривычных к высокой степени непорядочности в своем кругу.

И глубоко задумчивой сегодня Лене стало не по себе. Она помрачнела и даже привстала со своего места, будто готовясь к прыжку. Потом дотянулась через стол до руки подруги и больно придавила ее ладонь своею. Обычной реакции не последовало.

«Можно ли временами ненавидеть человека, которого любишь? Можно. Человек – сложное существо. Инна делается все заносчивей и непереносимей. Совсем не дает проходу Ане. Это уже не безобидные подначивания. Уверовала в то, что всё ей нипочем? Этак она доведет бедняжку, что та совсем потеряет голову. Знаю Иннину крайнюю задиристость! Хоть в стену замурай – и оттуда вещать станет. И всё культурненько, и слова-то все из словаря Даля. Не грешит при сокурсницах матерщиной.... Вот и пойми ее. Помню, звонит мне, мол, «только что видела по телевизору, как охотники свежевали жирафа и делили шкуру убитого ими дикого животного; я содрогнулась...» И вдруг такое по отношению к человеку...

Меньше всего я хотела бы сегодня заниматься ее усмирением. Не приставлена к ней. И Лера, и Алла, и все остальные, вместе взятые, молчат. Ничью сторону не хотят принимать или не горят желанием вступать с ней в перебранку?» – устало подумала Лена. И опять осторожно потянулась всем телом через стол, легким касанием притронулась к плечу Инны, потом притянула ее ближе к себе и стала шепотом выговаривать подруге на ухо:

- Мне не хочется ставить тебя в неловкое положение. Ты догадываешься, о чем я хочу с тобой потолковать, чтобы остудить твою горячую голову?

- Да уж не насчет грибов в лесу.

- Оставь свое чрезмерное высокомерие. Прошу: прикуси язык. Это становится невыносимым. Есть что-то мерзкое в том, когда пинают человека, пусть даже словами. Тебя это не колышет? Можно тебя на два слова в коридор? – тихо, но требовательно произнесла Лена.

- Я что-то не так сказала? – скроила удивленное лицо Инна, демонстративно не замечая тона подруги. – Мне лично не нужны проблемы.

Но тут же подумала: «Кира и ее приспешники сейчас всем кагалом набросятся на меня, выручая Аню». И добавила про себя слово, обычно обозначаемое на письме многоточием.

- Что это еще за безумный приступ непомерной гордыни? Не вписываешься ты в компанию со своей тупой категоричностью. Орудует словом, как скальпелем. Пользуешься тем, что Аня, по мягкости своего характера, не решается тебе перечить? Тиха, безвредна. Это тебя заводит? Ты, к слову сказать, переходишь все границы. Добром это не кончится. Я уверена, ты со мной согласна. Помолчи хотя бы ради нашей дружбы.

Но Инна улыбнулась Лене, показывая, что все в порядке.

«Инка меньше, чем кто-нибудь другой, способна идти на перемирие. С ней это не тот разговор, который легко завершается миролюбиво», – заволновалась Жанна. Но в лицо Ане не смогла посмотреть открыто, потому что не заступилась.

Глаза Лили высвечивали злость, а губы, еле сдерживая гнев, тихо с присвистом шептали:

– Инка, ты умом тронулась? По тебе психушка еще не плачет? С цепи сорвалась? Опять принялась за свое. Напрасно ты все это затеяла. Прямо-таки удручает твое бездушие и бездумность. Решила, так сказать, размяться. Какая прыткая! Задалась целью своеобразно развлечься, вывести всех нас из себя? Больше не стоит говорить подобных слов, ты и так слишком много сказала, больше чем достаточно охарактеризовав себя.

Славное зрелище, душа ликует?.. Дрянь ты... вот что я тебе скажу... от безделья маясь, языком чешешь, так вот намотай себе на ус.... До какой наглости докатилась! Не место тебе среди нас. Если не оставишь попытки выставляться, выказывая прямое неуважение моей подруге, ты наживаешь в моем лице недруга... я не стану Киры дожидаться.

Лиля задыхалась от негодования и гнева.

– Понятное дело, – продолжала она самым недоброжелательным тоном, – невозможно в людях многого понять, пока сам не переболеешь и не перестрадаешь их бедой. Ты в детстве никогда не ощущала себя заброшенной, в полной безнадежности безжалостно предоставленной самой себе.

Отвечай, почему Аня попала в немилость? Слабого, боязливо-податливого легче обидеть? Откуда в тебе эта болезненная привередливость? Не склонна принять мое посредничество?.. Ты не знаешь, что чувствует ребенок, когда ему чуть ли не в младенческом возрасте «мужественно разъясняют» его положение в обществе и его весьма скромное будущее. Когда он волей-неволей каждую ночь горестно строит всяческие догадки насчет своих будто бы незадачливых родителей, а чтобы отвлечься и не предаваться подобным мыслям, сам себя больно щипает или кусает свои руки. Ты не представляешь, как теряется и никнет взгляд ребенка при виде счастливых малышей, потому что в страшном предчувствии неотвратимой участи ему кажется, что на всем пространстве страны от Москвы до Владивостока нет никого несчастнее его. Тебе невдомек, что кому-то до сих пор бывает плохо. Наша жизнь удачно расставила все по местам, но и то раны детства до сих пор причиняют боль.

Я бы на твоём месте поостереглась в словах. Зачем идешь напролом? Что ты от этого выигрываешь? Хочешь прослыть бесшабашной, а получаешься безбашенной. Совсем с катушек слетела. Ты, случаем, малость не того?.. Собираешься продержаться в этой роли до конца? Слова твои, как удары кнута. В твоих устах даже золото от слова золотарь. С лёгкостью жонглера меняешь местами добро и зло. Своеобразное у тебя представление о человеческой природе. Не имеешь ни малейшего представления о доброте. Не потакай своему юродству. Не наглей.

Кулаки чесались, но Лиля словами изливала свою злость и обиду за всех на свете бывших и нынешних детдомовцев.

Но слова Лили почему-то еще больше завели Инну. Будто и впрямь у нее шарики за ролики зацепились. Она с надменным злорадством рисовала в голове картины своего торжественного ухода из компании... «и тогда они немедленно оценят мою истинную роль в своей жизни», – мысленно гордо произносила она.

Остальные женщины, потрясенные тупой черствостью, отчужденно и осуждающе молчали.

«Смотри, как держится!.. Инна свое бездетное страдание злостью изливает, – вдруг догадывается Лена, глядя в оторопелые лица подруг, которые смотрели на Инну, разве что не разинув рты от изумления и раздражения. Она слишком отчетливо это ощутила, хотя и сама затруднилась бы объяснить почему. – ...Только при чем здесь Аня? Я теряюсь: зачем она набрасывается на нее с такой кровожадной радостью, со злым задором, словно кто-то ее подхлестывает, зачем обрушивает на нее всю свою боль и раздражение за несостоявшееся женское счастье? Ведь понимает, что задевает ее

больное место, и не спешит загладить свою вину, мало того – продолжает придирки. Даже при мне. Такого с ней прежде не бывало. Что за напасть! Почему она сделалась вдруг жестокой, спесивой брюзгой?

Нашла на ком отыгрываться. У Ани и без того пришибленный, плачевно-неловкий, даже какой-то жалкий, несчастный вид, точно с возрастом пробудилось в ней прежнее полудетское пугливое шараханье. Она и в студенчестве всегда плакала так тяжело и надрывно, обдавая меня потоками слез, что я не выдерживала и разряжалась вместе с ней...

Непотребная, непозволительно бестактная выходка. Можно подумать, с холодным любопытством исследует человеческие души на прочность. Обидела, оскорбила человека, и горя ей мало. Да еще делает непонимающее лицо. Я целиком на стороне девчат... И все-таки что-то с Инессой неладно. Наблюдательный глаз мог бы заметить, что она сильно изменилась. Часто отрывается от общего разговора, точно ее тревожат другие мысли, и вдруг задумывается и неподвижно глядит в одну точку. Недолго, конечно, но и это не в ее характере. А то вдруг плотоядно набрасывается. Ее поведение не в последнюю очередь следствие перенесенной болезни... не исключаю такого варианта. Больного человека надо щадить. В конце концов, ей самой тошно. Но ведь разошлась, спасу нет. Вот ситуация – стыдно сказать, глупо промолчать. Ей бы самой красиво уйти. Покаянную голову не рубят. Девчонки сразу бы простили. Так ведь не уйдет...

Анютка, мой милый маленький человечек с огромным добрым сердцем. Тихая, остроносенькая, не говорит, а чирикает. Есть в тебе счастливый дар великой любви и заботливости. А я никогда не могла поделить свою любовь между многими. Бывало, сердце разрывалось от жалости и нежности к несчастным ребятишкам, но что-то во мне клинило, не пускало, возникал неуместный страх. Досталось тебе сегодня от беспардонной Инки ни за что ни про что и на орехи, и на семечки. Все намучились с ней. И всех, наверное, испепеляет желание примерно наказать обидчицу. Благодаря Инне с большой долей условности можно сказать, что наша встреча проходит «на высоком уровне». Даже в моих глазах она главная зачинщица. Зачем она продолжает усугублять неприятие? Может, она сама от себя не ожидала такого фортеля и теперь, раздираемая противоречиями, казнится, как нашкодивший ребенок? – с грустью думает Лена, окидывая всех присутствующих осторожным внимательным взглядом. – Выдержу паузу и выйду в коридор «мило побеседовать» с Инной».

Вошла Кира и смотрит на Инну так, точно ничего более худшего об Ане от нее никогда не слышала. И ведь на самом деле это так. Кира чувствует напряжение подруг. Ситуация вызывает у нее вполне обоснованную тревогу. (Час от часу не легче! Детдомовские ведь могут и накостылять Инке, не отделившись успокоительными словами, мол, не бери, Аня, в голову. Вздрючить на совесть не вздрючат, а пинка в зад крепкого дадут. Знамо дело. Так ведь говаривали в детстве? Хлопот тогда не оберешься.)

Пытаясь хоть как-то загладить неловкость и разрядить обстановку, она останавливает обидчицу взглядом твердо, без гнева, но явно сожалея об ее назойливом присутствии. «Ничего себе, сморозила! Я словно в воду глядела. Опасения оказались ненапрасными. А чего от нее еще можно ждать? Не могу поручиться, что еще не выкинет какой-нибудь фортель... Я же наперед знала, как она себя поведет, – корила она себя. – Ситуация прошлой встречи повторяется один в один только в другом составе. «Душевно» посидели. Сегодняшняя встреча испорчена тобой, Инна, с самого начала», – говорили ее потемневшие глаза.

По счастью, обошлось. Инна сразу устранилась от разговора, вся как-то подобралась и направила свой холодный, равнодушный, словно остекленевший взгляд в окно, будто самое важное происходило именно там, и всем своим видом демонстрировала дальнейшую незаинтересованность в теме. И только тихо, очень тихо пробормотала, кисло признавая свою неправоту:

– В святые не напрашиваюсь.

Но голос ее при этих словах неприятно заскрежетал от раздражения.

Лена отметила про себя, что слишком быстро согласилась Инна с молчаливыми «доводами» Киры. Ее это удивило: «Что же все-таки перекрыло в ней неконтролируемые

выбросы злости?» Она посмотрела на Киру с уважением: сумела-таки уладить отношения в компании, нарушенные человеком, думающим только о себе. И Аня взглянула с благодарностью. Кира улыбнулась, принимая эту моральную компенсацию за волнения. «Сказалась бы больной и ушла. Такая ситуация устроила бы всех. Но не случится. Я знаю Инну», – вздохнула Лена.

Ей вдруг почему-то – странная, непонятная ассоциация! – вспомнилось недавнее посещение церкви. Она тоскливо взирала на святое распятие. И словосочетание «святое» звучало в ее устах неестественно, даже кощунственно. Нет, она, конечно, окрестила внучка Андрюшеньку, но сердца эта торжественная процедура не коснулась. Только какой-то бессознательный, глубоко сидящий в подкорке тысячедавный внутренний страх за маленькое родное существо вынудил ее согласиться переступить через себя, через воспитание.

«Инна тиранит Аню, считая ее ничтожеством? За бессловесную дурочку ее держит? Да, она слова худого ни о ком не скажет, никого не обидит. И что в том? Что бы ты, Инна, сказала, узнав, как Аня в прошлом году (в ее-то возрасте!) поздней осенью, отдыхая в деревне у подруги, спасла двух малышей – горе-рыбаков, когда у тех перевернулась лодка. Она после три месяца в больнице пролежала. Еле отходили. Так ведь не позволит рассказать тебе... Эх ты, агент-007! Упражняешься в проницательности. Все-то ты, Инна, не там роешь, отыгрываешься на слабой. Непорядочно...» – сокрушенно думает Кира.

«Как говорят мои студенты, отвязалась Инна по полной программе. Она и сама не прочь взять свои слова обратно или хотя бы как-то их скорректировать – я это знаю наверняка, – но из чувства противоречия не сделает этого. Наверное, думает про себя: «Я ничего предосудительного не сказала. Кто вы такие, чтобы порицать меня? Тоже мне, Пиквикский клуб! Страсбургский суд!» Это в ее стиле, и с этим уже ничего не поделаешь», – вздыхает Лена, жалея, но не оправдывая подругу.

– Зато ты, Ритуля, как я посмотрю, святой заделалась. Вылитый ангел. Полюбуйтесь на нее! Животики можно надорвать. Вон крылышки уже начали прорезаться. Самое подходящее для этого время. Что размахалась руками, как вертолет лопастями? Не ровен час, взлетишь. Картина будет не для слабонервных. Можно подумать, ты всегда была кисленько-благовоспитанная. Ты тоже насмешничаешь. (Ну совсем как ребенок оговаривается!) Не старайся, до святой все равно не дотянешь. Ты грешна, как все мы, матушка, – равнодушно-безразличным тоном неловко защищалась Инна, не поднимая глаз. – И с тебя не убудет, если будешь говорить чуть вежливее, – ввернула она вовсе уж ни к чему и вскинулась, совсем как своевольный дерзкий избалованный ребенок. Самолюбие опять взяло верх над стыдом.

«Умничают друг перед дружкой. Мол, какие мы стали из детдомовских заморышей... не лыком шиты. Подождите, пока о вас хорошо скажут другие. Хотя, можно и не дожидаться, если как я... в последний раз... Опять меня несет горящая колесница...» – сознание Инны на какое-то время заклинило.

– Обменялись любезностями почище врагов, – грустно и рассудительно заметила Мила.

Современные детдомовцы

- Так что ты там насчет детдомов говорила? - Это Алла, о присутствии которой все как бы забыли, неожиданно помогла выйти подругам из ступора. Она оказалась в данной ситуации самой понятливой.

- Какие они теперь, современные детдомовские дети? - поддержала разговор Рита.

Аня начала громко, как на уроке, точно подбадривая себя:

- Маленькие дети, пока их жизнь не обломала, остаются самими собой. Они такие же, какими были и мы в их возрасте: добрые, честные, чувствительные. А подрастая, становятся всякими, некоторые насквозь фальшивыми. Мы, взрослые, их делаем такими. Недавно по телевизору показывали девочку, которая издевалась над малышами. А кто в том виноват? Воспитательница сделала из нее надсмотрщицу...

Отменили в детдомах физический труд (оградив себя от лишних хлопот) и тем лишили детей главного воспитательного рычага, формирующего их мозги. Назову вещи своими именами: неприспособленных иждивенцев растим, потребителей, не знающих цену труду, заботе, любви. Физический труд всегда был патентованным средством, так сказать, физиотерапией нервных срывов, но никак не панацеей от избыточных размышлений. Напротив, он исправно выполнял роль их стимулятора. Сам по себе повседневный, примитивный труд, например чистка картофеля - не созидание, он машинальный, как бы отупляющий. Но в это время ребенок разговаривает сам с собой, мысленно ведет с кем-то полемику. По себе знаю... Надо только правильно организовать труд детей. Я не любила коллективный труд без индивидуальных заданий. Он позволял лодырям примазываться к чужим успехам, безнаказанно пользоваться трудом старательных, лишая их желания стать первыми, лучшими. Хорошим воспитательным средством я считаю правило: сделал плохо или неправильно - переделай сам.

Не понимают наверху, что после незамысловатой иждивенческой жизни в детдоме ребятам на воле до беды совсем недалеко. У них же обостренное чувство жалости только к себе, других понимать не хотят... Мы в своем детстве были сильны своей братской близостью и стремлением стать достойными, самостоятельными. Вне всякого сомнения, теперь детдомовские дети выходят в жизнь в полной уверенности, что все им, бедненьким, обязаны, а сами и палец о палец не хотят ударить, чтобы что-то сделать для своей же пользы. Не приучены. Вот и катятся под откос. В наше время только пять процентов детдомовских детей сбивалось с пути, а теперь все девяносто пять. Ты только вникни в эту цифру! И вокруг меня живые свидетельства тому...

Я курирую многих бывших детдомовцев, пытаюсь хоть чем-то им помочь. Могу рассказать вам много грустных историй. Вот яркий пример вроде бы достаточно удачной судьбы. Коля еще до выпуска из интерната понял, что в полной свободе нет ничего привлекательного, поэтому не стремился к самостоятельной жизни. Учился кое-как, будто отбывал повинность. Знал, что из жалости поставят тройки и выдадут аттестат... Проще завышать оценки, чем возиться с пацанами. Главное - галочку поставить: выучили, выпустили...

И после армии он не чувствовал интереса к работе, к созданию семьи. Он и женился на домашней девушке (был симпатичным) только потому, что хотел иметь рядом с собой человека, который заботился бы о нем. Добытчиком не стал, его все время куда-то заносило. Прятался от жизни, от семьи, от самого себя. Вечно ныл, обещал себя убить. Его надо было все время уговаривать, поддерживать. Здоровенный такой мужик, а толку от него с гулькин нос...

Встретила как-то его жену. Она в Польшу неслась с огромными клетчатými сумками-чухалами зарабатывать тысячи ничего не значивших тогда рублей. Пожаловалась: «Думала, детдомовский, добрый, надеялась: приласкаю, обогрею - ценить станет. А у него только о себе голова болит. Посадила себе на шею бугая, только в больницу меня может посылать. Детей не хочет. Говорит: «Заведешь, сама с ними будешь кувыркаться». С работы его отовсюду гонят, дома за собой тарелки не помоеет. Замучилась с ним, а выгнать не могу. У меня квартира двухкомнатная, не разменяюсь...». Даже плохо знающий ее человек не мог не слышать в голосе этой женщины с трудом сдерживаемую ярость...

В современной школе недооценивают способности детей к труду. Помнится, я в пятом классе за полгода научилась вышивать стебельком, крестиком, гладью, подшивать «козлик» юбки, ставить заплатки (теперь их называют аппликациями) и еще много чему. А следующие полгода мы работали с деревом и металлом. Я до сих пор все в квартире делаю сама. А мои подопечные девочки вот уж целый год вышивают один и тот же рисунок. Это же скучно. Научился одному, переходи к следующему. Детство – это годы максимальной обучаемости...

«Если в человеке сильно развито чувство долга и ответственности, если он трудолюбив и нравственен, то даже при средних способностях он будет жить правильно и счастливо», – сделала вывод Рита из рассказа Ани.

– Реальность первого же после школы года бьет детдомовских детей, воспитанных на всем готовом, по мозгам. На их пути часто встречаются те, кто хочет их обмануть, поиздеваться, загнать в ловушку и использовать наивных, неприспособленных. А они, глупые, верят, что счастье само идет им в руки, не понимая, что деньги потом придется отрабатывать, попадают в жестокую зависимость.... потом не выдерживают, скатываются в пропасть: бомжуют, идут на преступления. И оправдываются тем, что злая судьба по собственной воле закинула их в последние ряды отщепенцев. И никто им не объясняет, что и в природе, и в современном обществе есть место добру и злу и непрестанной борьбе. А может, они не слышат предупреждений. Легче воспринимаются красочные речи, облеченные сомнительным блеском, чем серые нотации. Детдомовских надо за ручку вести, пока не поумнеют. Только если чего-то важного недодали в детстве, взрослым им это уже ой как трудно вложить в голову!.. Человек формируется в детстве. Глупенькие, на помощь олигархов надеются! А зачем богатым нужны эти беспомощные, неразвитые, подчас с умственными отклонениями щенята?

Воспитывать надо как следует домашних детей и дома, и в школе, чтобы не было детдомовцев. Недавно пришел ко мне юноша за советом, мол, что делать, если девушка его не любит? А сам ужас какой примитивный! Стала я ему растолковывать, что к чему. А он про жизнь свою начал рассказывать. Отец-милиционер избивает по всякому пустяку, не разобравшись в причинах. Мама боится отца, не защищает. В школе его одни презирают, другие бьют. В младших классах отлично учился, а теперь все не мило, жить не хочется. Думал, что, может, любовь ему поможет, но и тут облом вышел».

«А что ты сделал, чтобы понравиться этой девушке? Как ты доказываешь, что заслуживаешь ее внимания и уважения?» – спросила я. А ему и сказать нечего. Трижды я с ним беседовала. Никак он не хотел понять, что от его упорства и силы воли зависит его судьба. Все жалел себя. Я не выдержала плача, без обиняков по пунктам расписала все его недостатки, объяснила, что надо делать для их устранения, и попросила не приходите ко мне, пока не сдвинет дело своего самовоспитания с мертвой точки. Теперь вот жду его следующего визита с результатами выполнения первого пункта.

Инна посмотрела на Аню так, словно впервые заметила в ней что-то заслуживающее ее внимания, и подумала: «Она – точно открытая книга, а все же с многоточиями».

– Богатому легко быть добрым. Его помощь не равна помощи человека среднего класса. Богатые сначала обдирают каждого своего рабочего как липку, недоплачивая за его работу, накапливают миллионы, а потом с помпой кому-то немного «отстегивают» для усиления своего имиджа «защитников народа», маски которых изо всех сил пытаются натянуть на себя, чтобы попасть во власть и еще увереннее грабить народ, именем своим и авторитетом вводя его в заблуждение. Не достучишься, не докричишься до них, – брезгливо роняет Лиля. – На копейку делают, а на сто рублей себя похвалят. Наелись их помощи до отвала... раз в год по заказу, чтобы потрафить избирателям перед выборами. Думают, можно всех нас с потрохами купить своими подачками. Накалывайте легковверных... – вибрирующим от напряжения голосом, исполненным горечи, добавила она.

– Ах, какие мы гневливые! – рассмеялась Инна. Но слушала Лилю с каким-то голодным интересом.

– Не все, Лиличка, такие... – продолжила Аня. – Ну так слушайте дальше. Многие детдомовцы не верят мне, когда я рассказываю, что домашние дети часто донашивают вещи, перешитые от старших братьев и сестер, что они работают с родителями на огороде или где-нибудь подрабатывают и что не у всех на обед каждый день есть кусок

мяса. У них бытует мнение, что все домашние дети благоденствуют. Им воображение рисует рай. Их невозможно переубедить. В моем детстве детдомовские дети хотели от взрослого добрых слов – моральной поддержки, современные – только денег. А я им толкую о том, чтобы копили в сердце радость, чтобы собирали ее по малым крупинкам. Но их тоже испортил наш незрелый капитализм. Сейчас их в детдомах балуют, а потом они столкнутся с реалиями, и их одиночество будет обусловлено не только сиротством, но и бедностью. Незавидное будущее ожидает этих детей, не многим удастся стать достойной частью нового поколения. Ну, если только повезет еще маленькими попасть в хорошую семью.

- Детдомовцам, которые поступают в институты, государство неплохо помогает. – Это Алла осторожно попыталась прервать Аню.

- Но таких единицы. А что дети читают? Разве что Гарри Поттера, который еще дальше уводит их от действительности в мир фантазий.

Лена встрепенулась:

- Увидела я у своей студентки книжку о Гарри Поттере, удивилась. «Ты хоть понимаешь, что в двадцать лет любовь к подобного рода литературе – инфантилизм? Чувствуешь себя десятилетней? Не боишься деградации личности? Такое чтиво не готовит к жизни. Я в твои годы Сенеку читала».

А Лиля все о своем.

- Вот бы сейчас некоторых гламурных особ лишить денег, квартиры, связей, поддержки и выпустить в любой город с маленькой суммой для питания на один месяц, и пусть бы попробовали сами учиться, выстраивать карьеру, как делали это многие из нас. Может, тогда хоть чуть-чуть поняли бы проблемы брошенных детей и не рекламировали с телеэкрана всякую ахинею. – Она раздраженно фыркнула и обернулась к Ане, чтобы послушать ее рассказ.

- ...Я в церковь обращалась за помощью, «мол, отцы не понимают ответственности за своих детей. У нас принято во всем мать корить, мол, от ребенка отказалась. А что отцы детей бросают еще до рождения, никто не вспоминает. С них у нас никто не спрашивает. Заморочат голову, наобещают глупым девчонкам золотые горы, попользуются и бросят. Герои! Каковы глубинные течения их душ? Поражает духовная бездна таких мужчин. И среди них есть женатые, те, которые имеют детей, рожденных в браке... Пора поднимать вопрос отцовства на государственный уровень. И вы со своей стороны могли бы... Ведь без хороших отцов мальчики не могут получить достоверные знания жизни со всеми ее теневыми сторонами, что помогло бы им закалить волю. Да и девочки без надежного мужского плеча не становятся полноценными женщинами».

- Глядишь ты, какая продвинутая! А премьеру не писала? – вкрадчиво улыбнулась Инна, продолжая заводить Аню. – Хотя куда тебе с твоей наполовину тоскливой, наполовину пугливой застенчивостью.

Но Аня словно не почувствовала укола.

- Но церковь, оказывается, требует не презирать, не осуждать отцов, бросивших своих детей. Получается, что она лгать ребенка перед самим собой заставляет? Мол, прощаю тебя, папочка, за то, что ты сволочь. Разве это по совести – потакать безответственности и жестокости? Или теперь и совесть другая? Священник утверждал, что осуждать плохого отца – значит развращать свою душу. Выходит, уважать надо любого отца, даже подлеца и преступника. От слов священника я сначала еле пришла в себя, а потом так неистово разошлась, что один только сумбур в моей голове остался от нашей встречи... И это истинно широкий русский человек? Это воспитатель? Это ему должны руки целовать мои подопечные девчонки и мальчишки?! Иногда хочется в угрюмом ожесточении кулаками дубасить по твердокаменным лбам таких святош!

- Что ты видишь тут странного? Религия тоже принадлежит исключительно мужчинам, поэтому не волнуют священников проблемы женщин и детей. А когда-то Богоматерь была в чести...

- Церковь призывает к терпению и прощению, а у ее служителей не кротость, а

черствость. Красивые слова ради приличия говорят, им это выгодно или так положено по сану? Самодовольные лицемерные фарисеи. И все-то у них задом наперед... Ребенок, осуждающий отвратительное поведение отца, – плохой, а сломавший его душу папаша – бедный несчастный, и его надо простить и пожалеть. Такие понятия детям навязываются? Украл деньги – иди в тюрьму. С этим никто не спорит. А украл у своего ребенка детство, веру в людей, в любовь, наконец, жизнь сломал – и ничего! Бог простит... Довольно-таки гнусный аргумент в защиту слабого, прости Господи... От безысходности и я теряю в себе много чего важного, роняю себя...

– Не лезь в бутылку. Подлец, он и в церкви подлец. Плохие и безразличные люди встречаются во всех слоях любого общества, – как могла, смягчила Лиля Анину обиду.

– Это твоя трагическая правда о бессмыслии веры?.. Вот так всегда: поднимаешься до горных вершин ощущений своих возможностей, а тебя раз – и вниз, в пропасть... В душе образуются психологические депрессивные ямы. И попробуй из них выкарабкаться. Тут жизнестойкость нужна. И время иногда бывает сильнее тебя... Так говоришь, схлестнулись не на жизнь, а на смерть...

Меня не одурачишь. В церкви служат мужчины. Им выгодно принижать женщин, винить их во всех бедах и грехах. Поэтому и не допускают женщин к служению в храмах. Боятся, что наведут там порядок. Ева, если верить Библии, может быть, и соблазнила Адама. Так зачем же он, такой сильный, умный и Богом одухотворенный, поддался той, которая будто бы создана из его ребра? – рассмеялась Инна.

– Видно, вера, религия и церковь – совсем не одно и то же, – произнесла Аня очень тихо, словно долго не решалась высказать наболевшее.

У Лены даже мурашки побежали по спине от этого угасающего страдальческого голоса. Ей подумалось: «Не представляю нашу тихоню зло кричащей или улыбающейся во весь рот». Давние слова Ани всплыли в памяти: «После нашего детдома я не способна была радоваться. Уже будучи взрослой, медленно училась смеяться».

– Что ребенок будет об отце думать? «Правильно поступаешь, папочка. И я буду таким же, и мне простят мои будущие дети и мать моих детей, которая одна их будет поднимать или, не справившись, сдаст в детдом. А боженька меня простит. Я тоже сломаю, испоганю жизнь своим детям, как изгадил ее мне ты, папочка»? Так, что ли? Вот так и возникает «наследственная» безотцовщина. И кто ей способствует? – рассерженно продолжила Аня.

– Не отсюда ли дедовщина? Не поэтому ли свекрови издеваются над невестками? «Мне жилось плохо, так почему невестка должна быть счастлива в замужестве? Покаюсь, и Бог простит мои прегрешения. Даже если до болезни или до смерти ее доведу, все равно простит. У него на всех всепрощения хватит». Не видела я искренне покаявшихся сволочных баб и бандитов. Головы в церкви они все лживо преклоняют, – опять ввинтилась в разговор Инна. – Одна знакомая ехидно делилась со мной: «Мой сын хотел купить жене автоматическую стиральную машину, так я не позволила. У меня не было, пусть и она руками стирает. И большую квартиру не разрешила ему получить. Пусть невестка в однокомнатной мается». Даже о сыне и внуках не подумала. Вот что зависть и злость с человеком сделала. Зятю, я думаю, она такого не посоветовала бы.

– Конечно, я категорична, и кое-кто может сказать, что я человек крайностей. Но ведь подарками на Новый год души детей не излечишь. Калечить их не надо. Общество должно высвечивать роль отцов в воспитании детей, чтобы не считали – «наше дело не рожать». Почему, женщину, отправившую ребенка в детдом, осуждают, а об отце помалкивают? Он ни при чем? Он не обязан содержать и воспитывать ребенка? Без участия мужчины дети пока что на свет не появляются. Наверняка, если бы мужчина не бросил женщину, не ждала бы их ребенка злая участь. Невольно «Американская трагедия» вспоминается. У них там женщина даже к врачу на аборт не имела права прийти без виновника своей беды. Все, что я здесь говорю, далеко не ново, только не хотят меня услышать ни на каком уровне... одни отписки... или лживая показуха, – горестно закончила свой рассказ Аня.

– Держи марку старого детдомовца, Аннушка. Ты молодец, мы верим в тебя. Труды твои не пропадут втуне. С такими упертыми, как ты, стронутся с места в нашей стране и эти глобальные проблемы, – уверенно сказала Рита.

Лицо Ани впервые за встречу порозовело и засветилось. Она смущенно опустила глаза, и только кончики алевших ушей выдавали ее волнение и благодарность.

- Больше женщин надо проталкивать в Думу. На государственном уровне решать проблемы семьи и детства, а не отдельными частными «новыми веяниями», - сказала Лиля. - Надо, чтобы на самом высоком уровне и с телеэкрана утверждалось неуважение к пьющему, курящему, оставляющему детей без средств к существованию.

- Вот сижу я раз на лавочке около музыкального училища, внучку жду. - Это Жанна заговорила. - Два парня рядом сидят и всю мотом ругаются. Я возмущилась: «Прошу при мне, пожилom человеке, не выражаться!» Они умолкли, но ненадолго. «А при маме тоже употребляешь подобные эпитеты?» - спрашиваю я одного из них - красавчика. «Нет», - чуть подумав, говорит. «А при жене будешь?» «Буду», - не задумываясь, влет ответил юноша. «А женишься по любви?» - продолжаю интересоваться я. «Конечно», - сказал он. «Как же можно любимого человека посылать, как сказал Шендерович, «в известном эротическом направлении?» - удивляюсь я заведомому неуважению молодого человека к будущей жене. «Так заслужит...», - неопределенно протянул мой собеседник. «А если ты ее доведешь?» - продолжаю расспрашивать я. «На меня?! Мотом? Пусть только попробует!» - грозно, с возмущением вскричал юноша. Мы долго дискутируем с ним. Наконец я не выдерживаю грубого мужского шовинизма юнца и говорю: «Боже, какой ты примитивный. А сколько гонору! И за таких вот... - тут я сделала преднамеренную паузу - нашим благовоспитанным, эрудированным дочкам и внучкам приходится выходить замуж! Моей внучке только двенадцать лет, но она мыслит куда логичней, интересней и умней, чем ты».

«А он бессмысленно прекрасен, она ж - рассудочна, умна», - в заключение своего рассказа пропела Жанна, переделав на ходу что-то из классики. Но шутивная песенка не улучшила ее настроения.

Сложная проблема

- ...У нас если отец и борется за ребенка, так лишь затем, чтобы насолить его матери.

- Проблема неполных семей даже не в том, что женщинам одним тяжело растить детей, а в том, что мальчишки, выросшие в условиях женского окружения, по большей части не стремятся к лидерству, в них не чувствуется мужского начала. И дочери теряют женственность.

- ...Вот ты, скажем, смогла бы взять на воспитание детдомовского ребенка? - неожиданно напрямую спросила Аня у Риты и осеклась. Наверное, о себе подумала.

- Очень сложный вопрос, а я не могу принимать спонтанных решений. Мне это несвойственно. При наличии своих детей однозначно - нет. С моей точки зрения, роковое, непростительное заблуждение брать детдомовцев в семью, где уже есть родные дети. Как ни старайся, к чужому ребенку будешь неосознанно относиться чуть иначе, чем к родным. Трудно не сфальшивить. Невозможно себя постоянно контролировать. Дети будут чувствовать эту разницу, она будет их задевать. Надо обладать слишком большим запасом душевной щедрости, чтобы полюбить чужого ребенка, как своего. Когда родной чем-то не устраивает, он все равно свой, ему все прощаешь, а тупость чужого будет раздражать, из себя выводить. Видела я такие примеры. Но самая сложная проблема в такой сборной семье, безусловно, - это муж... А какова твоя позиция по этому вопросу?

- Ты права. Одно время у нас мода на усыновление возникла. Потом возвращать детей стали... Жуть. Что потом с ними было - вспоминать страшно... Хотя, конечно, случались исключения.

- И все же приемная семья лучше детдома, - сказала Лера.

Лиля не смогла остаться равнодушной к разговору Ани с Ритой:

- Трудно воспитывать чужих детей, особенно тех, которые до детдома жили в семьях, где творилось черт знает что. Как говорил в своей проповеди один мой знакомый священник: «Каждый идет своим путем. Чаще эти пути прокладывают родовые генетические программы. Как селевой поток, они обрушиваются на детей в виде хаотических желаний, намерений и поработают душу. Они творят судьбу, они указывают путь к призрачным радостям и преходящему счастью и еще больше усложняют их жизнь и жизнь будущих поколений. А между тем душа приходит в тело, чтобы постичь истину, просветлиться её Духом и найти высшее счастье... Вкус к высшему счастью - удел немногих. Широки врата и просторен путь, ведущий к спасению, но не многие находят его». Золотые слова! Как они подходят к нашим детям! Я записала проповедь, выучила и при любом удобном случае использую в беседах со своими внуками.

Я и сама-то, выйдя «в свет», в свое время не скоро поумнела, подводила детдомовская прямолинейность. Я ожидала от людей какой-никакой подлинности чувств, а получала от них молчание из чувства самосохранения... А я вылезала со своей идиотской, наивной честностью, с непониманием ситуации и все шишки сполна получала и от умных, и от хитрых. Стремилась что-то доказать, ну и «достремлялась» иногда по самую макушку. Долго еще боялась, что осмеют или обманут.

Но я родилась от нормальных родителей. Я - «дитя войны». А теперь, ты же знаешь, с какой наследственностью попадают в детдома дети алкоголиков и наркоманов. Разве ее перешибешь? Зачиная детей, подобного рода «предки» по большей части уже заранее знают, что не будут заботиться ни о душевном, ни о физическом, ни о материальном благополучии своих чад. Им и до себя-то мало дела: было бы чего глотнуть или нюхнуть. И какие от них дети? Яблоко от яблони. Мне представляется, что в нынешнее насквозь фальшивое продажное время, когда многие считают, что совесть и доброта - рудименты прошлого века, когда в цене наглцы, - детдомовцам не выжить. Многим не избежать бесповоротного превращения в бандитов или нищих. Жалко их. Какое у них может быть сопротивление жизни, будь они хоть стократ прекраснотушны... Помогать им надо.

- А вот если нет своих детей - это категорически меняет дело, тут совсем другая

история, – продолжила Рита. – Я бы не взяла ребенка, который помнит своих первых родителей, особенно мать. Больше всего в этой ситуации то, что, как ни старайся, я никогда не буду для него значить так же много, как она. Даже если он не будет с ней встречаться, она все равно навсегда останется его матерью, какой бы плохой ни была. Боюсь, что с голосом крови не поспоришь.

Как-то наблюдала печальную встречу. Мать через десять лет разлуки явилась к дочери. И я поняла, что голова кругом шла от радости у той девочки не от игрушек, а от того, что их принесла ее родная мать. И ей не было дела до того, что та пьющая, развратная. «Она не забыла меня. Она просто не могла прийти ко мне раньше». А приемная мать, столько лет отдававшая девочке всю свою душу, стояла растерянная, убитая, обливалась слезами и чувствовала себя обманутой... и лишней. Ее моральные и физические силы были на исходе. Только теперь она поняла, что у девочки есть еще одна своя жизнь и ей в ней никогда не будет места. Она осознала, что является только частью ее жизни и явно далеко не самой главной – кормит-поит – и что никогда она по-настоящему не станет ей матерью.

– Не сумела? Не захотела! – неожиданно жестко заметила Аня, и голос ее зазвенел, как лопнувшая струна. (Никто из присутствующих – кроме Киры и Лены – не знал, что приемные родители, разведясь, возвратили ее в детский дом.) – Надо всегда помнить, что за ошибки взрослых расплачиваются дети. Их раны никогда не заживают. Чтобы понимать, надо чувствовать ребенка.

– Неимоверно трудная и ответственная задача – воспитать чужого ребенка. Родному-то не всегда ладу даешь. Бывшему детдомовцу кажется, что какой бы хорошей ни была его приемная мать и какой бы плохой ни считалась его первая мать, родная все равно любит его намного больше, чем чужая. Вот он и ждет эту кукушку, как манну небесную, надеясь, что она будет его баловать, не станет заставлять учиться или работать, как эти новые жестокие, как ему кажется, а на самом деле просто нормальные, строгие родители, – дернула плечами Рита.

– Я бы могла взять только грудного малыша и постаралась бы воспитать в нем чувство благодарности. В противном случае малейшее слово доброхота о том, что мама неродная, в один миг может разрушить то, что я выстраивала бы годами, – довела свою мысль до завершения Рита.

– Не знаю... ждать от детей благодарности?.. Ну, если только уважения... – с сомнением пожала плечами Лера.

– В современном мире есть красота, но мало жалости, – вздохнула Лиля.

– Мать жалеет, она выше красоты. Доброта и милосердие спасут мир. Красоту саму надо спасать... Я имею в виду красоту взаимоотношений людей. Много ли ее в нашем суетном мире? – сказала Аня. – ...Да, есть еще одна тонкость в воспитании многих современных детдомовских детей, брошенных родителями-наркоманами или алкоголиками, которую надо обязательно учитывать – это низкий потолок их умственных способностей. Нельзя от них многого ожидать. Я в детдоме сама читать выучилась, и Лариса своим детям при мне один раз показала буквы, объяснила, как из них слова складывать, и проблем с чтением у них не возникало. Заинтересовались, сначала требовали им читать, потом самих за уши было не оторвать не только от художественной, но и от научной литературы. Так и идут по жизни – ни дня без книг. А с современными детдомовцами бьешься, бьешься... Главное, вырастить их добрыми, порядочными и трудолюбивыми. Сколько таких детей ни учи, сколько ни вкладывай, выше запрограммированной планки в своем развитии они не поднимутся. Руками работать у них лучше получается. Это их спасает. Именно это их качество надо использовать на полную катушку.

И сдерживающие центры у них часто не работают, словно атрофированы. Каждый шаг приходится контролировать. То у девочки неожиданно с двенадцати лет проявляется сильнейшая тяга к мужчинам, то у мальчика – к алкоголю и дракам или к воровству. В характерах этих детей очень много плохого набирается от обоих родителей. Много времени, сил, любви и терпения требуется для воспитания таких детей. Но они небезнадёжны. Это я точно знаю. Прихожу я от них предельно вымотанная, опустошенная. Долго мне не удастся изгладить впечатление, произведенное несчастными детьми. Они такие ласковые... такие жалкие...

Жанне вспомнился старенький тихоня-сосед, его горькие пьяные слезы: «Для кого жил-копил? С собой не унесешь...»

- Не надо о грустном, - попросила она. Слезы стояли в ее глазах.

- Я верю, что добро в природе людей, - тихо сказала Эмма.

- Из наших сокурсников кто-нибудь, - она оглянулась, нет ли рядом Лены, - кто кроме Лены взял ребенка из детдома? - спросила Алла.

- Трое бездетных. По два сына вырастили, внуков имеют. А недавно Света, дочка Кати, под опеку двух девочек взяла. Все нервы за два года вымотала, пока оформила документы. Не рискнула она сразу удочерить.

- Опека - тоже один из способов помочь обездоленным, - сказала Аня. - Все лучше, чем ничего. Как правило, если жена не может родить ребенка, семья рушится, а если муж не способен иметь детей, они берут малыша из детдома.

- Не факт, - не согласилась с ней Мила.

«Инне нечего горевать, она троих племянников помогала сводной сестре поднимать, когда та развелась», - вспомнила Кира.

- Почему Аня не родила себе ребенка, пусть даже вне брака? Как говорится, ей сам бог повелел, - тихим шепотом спросила Жанна у Риты.

Та ответила также очень тихо:

- Ей нравился один учитель, но он побоялся, что Аня ославит его или заставит платить на ребенка алименты. Не поверил в ее порядочность.

- А почему не взяла ребенка на воспитание?

- Посчитала, что за заботами об одном ребенке не сможет сполна отдавать себя остальным подопечным.

- Она не обманулась в своем выборе?

- Похоже, нет. Когда дети повисают у нее на руках, она выглядит такой счастливой! Я думаю, что она еще успеет подобрать себе «внучку» и осчастливить ее.

Жанна обратила внимание на то, что в комнате нет не только Лены, но и Инны. Она накинула на голову шарф и вышла на площадку перед квартирой. Никого. Спустилась двумя этажами ниже. Инна стояла под лестницей, ссутулившись, обхватив себя руками за плечи и уткнувшись головой в угол, как наказанный ребенок. Она плакала. Жанна увидела бесконечно несчастную, слабую, очень постаревшую женщину. Сердце ее дрогнуло и зануло, к горлу подкатил жесткий комок.

Лена одной рукой обнимала за талию вздрагивающую, безвольную подругу, другой промокала носовым платком перекошенное, зареванное, в черных подтеках туши лицо и что-то тихо, ласково говорила. Но приступы старательно подавляемой истерики следовали один за другим. Рыдания прорывались сквозь крепко сжатые зубы. Инну трясло.

...Теперь Лена сжала Инну в объятьях и прижалась к ее лицу своей бледной щекой, по которой тоже бежали горькие слезы. Они стали общими, как их беды. «Такая сильная, неустрашимая, и вдруг... Инне, как никому другому, нужны любовь и сочувствие. Она так одинока, а мы на нее... как с цепи сорвались».

Жанне стало неловко... Будто в замочную скважину подсматривала. Она тихонько вернулась в квартиру.

Вожди

Лиля опять загрустила:

- Все мы родом из Советского Союза. Но прошлого не вернешь, приходится приспосабливаться к новым условиям жизни, к другим типам людей. Новое знание легко воспринимается, когда сознание к этому готово, а нам меняться уже не с руки. - Она вздохнула и пригладила свои красивые рыже-седые волосы, забранные в пучок, заколотый скромной «бабочкой». - Я, наверное, отношусь к тому слою особо упертых граждан, для которых пусть даже основательно проржавевшие коммунистические идеалы до сих пор наполняют сердца гордым ветром любви и надежд. Я осталась одной из тех, как теперь говорят, странных идеалисток, порождением ушедшей в прошлое социалистической реальности.

- Восторгаешься тусклой советской жизнью? Ты до сих пор в бездумном самозабвенном трансе, в идеалистическом помрачении? - наигранно удивилась Инна.

«Никак не может отрешиться от прошлого. Никому еще не удавалось в него вернуться. Чего понапрасну его ворошить? Выводы мы давно уже сделали. И не нужно нам ничего доказывать», - недоумевает Лена.

- Почему это тусклой! Наши студенческие годы пришлись на конец пятидесятых и шестидесятые, - продолжила свою вдохновенную речь Лиля.

- Мы апофеоз свободы ставили выше благополучия, - закончила за нее фразу Инна. - Только каждый человек готов за свободу дать разную цену.

- Мы успели получить глоток свободы, и этого заряда нам хватило на всю жизнь. Наши души, взращенные людьми, очищенными войной, были восторженны и романтичны. Мы исходили из того, что человек по природе добр. И как эстафету поколений передаем это знание детям и внукам. Нашей религией была любовь. Наши судьбы были гармонично срифмованы с судьбой страны. Материальный статус никого не волновал. Мы жили скромно и приблизительно одинаково и не знали, что где-то бывает иначе.

- А теперь нас трясет, как трясет всю Россию, - сказала Инна.

- Мы начинали свою трудовую жизнь при том социализме, когда энтузиазмом были охвачены и верхи, и низы, когда происходило полное слияние личного и общественного, особенно хорошо понимаемого нами, детдомовцами. Разве чеховская философия беззаветного труда - и физического, и духовного - как основа светлого будущего не верна? Нас не водили на помочах, у нас был выбор. Во всяком случае, мы не чувствовали себя на обочине жизни, были дружны и единомысленны, отстаивая право жить без вранья. Нам все было по плечу! А по-твоему, получается, что «мы никто и звать нас никак».

- А теперь началась новая Россия!.. Ах, как славно дышалось в эпоху потепления! Ха! Захватывающее погружение в иллюзии. Продолжай, не сдавай позиций. Только многие идеи Хрущева оказались сплошной профанацией. А потом опять началось оболванивание. Во избежание недопонимания спрошу: и существование зла нам было знакомо только по книгам? Ты до сих пор живешь «в пространстве отражения былого величия». А нынешняя перестройка для тебя - изматывающее событие? - поспешила сделать ехидную вставочку Инна.

- Не надоело насмехаться?.. Зато теперь мы думаем о том, чтобы не перегрузить злом человеческие души, чтобы не узнали наши внуки, почему фунт лиха, - тоскливо продолжала Лиля.

- Монолог в жанре плача. У нас во многом так: сначала клянем, потом благословляем и на руках носим.... Что устала на меня? Детские мечты с возрастом должны терять свою силу и эмоциональность, - насмешливо заметила Инна. - Ты свято верила в эту идею «фикс», в коммунизм, в страну блаженного благополучия? И не заблудилась внутри себя, внутри лабиринтов неверия, незнания и страхов? У всех у нас разное пространство представлений. Высвети свое подробнее.

- Я в социализм верила. И не стесняюсь того, что ходила на демонстрации. Я еще помню то ощущение абсолютной безграничной ликующей радости, которое испытывала, гордо

шагая с друзьями по главной улице города, ставшего мне родным. А ты вспоминаешь одни очереди с номерами на ладонях и неизбежные при этом скандалы?

- Мы верили не в самое худшее. Вспомни немцев. Их учили брать под козырек любое решение, не вникая, подкреплены ли они нравственными смыслами. Неуязвимая позиция. Не этим ли она «замечательна»? Для объективного оправдания жестокости ты еще вспомни теорию коллективного бессознательного. Этика служения бывает разная. Гитлеру, например, - пробурчала Мила.

- Разоблачила? Смотри, куда лапу запустила? Социализм - «мечта общего счастья среди всеобщего несчастья». Тебе, Лиля, все-таки следует признать: социалистический эксперимент провалился. Равенства братства и свободы не получилось. Система прекратила свое существование. - Инна изобразила на лице сочувствие. - И поняли мы это только в девяносто первом. Как ты можешь ностальгировать по временам Брежнева, когда низы уже ничего не хотели, потому что ни во что не верили, а верхи ничего не делали, досиживая и холя свою старость. Власть категорически вырождалась. Вспомни свою подругу Любу. Она выучила мужа, заставила его в партию вступить, чтобы он стал каким-никаким начальником. И начались у него партийно-профсоюзные сходы (как он называл бл-ки). И кончилось это трагедией.

- К чему этот пример?

- Слава Богу, никто из наших друзей не делал партийной карьеры. Мы из другого теста, - сказала Аня.

- Потому что все мы надевали черепаший панцирь и формально зубрили решения очередных съездов.

- Мой отец был партийным, - одновременно ошетинились Мила с Аллой.

- И он был порядочным человеком, - сурово добавила Алла.

Наступила пауза. Киры не оказалось рядом, чтобы заполнить ее чем-то подходящим. «Музыкальная пауза на передаче «Что? Где? Когда?» - про себя хмыкнула Инна. И снова пошла в «бой».

- ...Разве ты, Лиля, не ощущала пустоту, бессодержательность и усталость ложной стабильности брежневской эпохи? Интеллигенции свойственно чувство брезгливости ко всему аморальному. Она четко понимала, на какой компромисс можно пойти, а на какой нет. Неужели за семнадцать лет правления Брежнева у тебя не зародилось никаких сомнений в неправильности социалистического пути?.. Может, совсем забурела от монотонности и нет желания поразмыслить?

Мне неведомый Афганистан стал осязаемым, когда впервые увидела цинковые гробы - героям вечная память в наших сердцах! - тихонько воющих женщин с иконами, прислоненными к груди, с фотографиями сыновей, прижатыми к бледным дрожащим губам... Кажется, Толстой говорил, что свобода состоит в отсутствии принуждения делать зло... Глодало душу раскаленное непонимание сути войны. Не было в глазах мальчишек, уходящих в армию, юношеского романтизма: «а вдруг война закончится, а я не успею стать героем», потому что воевали не за Родину-мать. Идеологически неоднозначное было решение...

На моем соседе можно было изучать отсроченные пролангированные последствия военных действий в Афгане: неврозы, психозы, клаустрофобию, навязчивые сны, склонность к суициду, непреклонный нравственный максимализм, неспособность вписаться в жизнь на «гражданке». Его друг-врач лечил афганских детей, а потом их отцы у них же на глазах убили его и тех, кто ему помогал. Сосед отомстил за товарищей... автоматной очередью. Солдатами не рождаются... И при чем здесь литературные представления о чести, порядочности и преданности? Противостоять войнам, не убивать себе подобных - вот что делает нас людьми... Всем нам дурили головы. В рабстве все равны, даже если рабу говорят, что он главный. Так вот и прошла жизнь в постоянных заблуждениях.

- Американцы тоже воевали во Вьетнаме. И там происходило чудовищное, бессмысленное истребление людей, - тихо напомнила Аня, потупив глаза.

- Защитница хренова... Расчувствовалась, расплакалась по социализму! Не надоело умиляться и слюни до полу распускать? Социальный миф может быть опасным. Жить в сказке-мифе нельзя. Нет, мы, конечно, старались, прикармливали соседние государства, удерживая таким образом сторонников и «братьев», не раскручивали маховик террора... вот только с Венгрией, с Чехословакией и с Афганистаном промашки вышли...

Не забывай, твой социализм тирана Сталина породил. Вспомни задавленные при нем налогами деревни. Что помалкиваешь? Боишься на старости лет разочароваться, - ехидно провозгласила Инна.

- Не все, но многое понимали про Сталина, только ничего не могли поделать. Умоляю, давайте оставим этот спор для более подходящего случая, - призвала подруг Аня.

- Хватит перечислять недостатки! Я о хрущевской оттепели говорила. Сталин - неоднозначная фигура, но он находился под сильным влиянием своего гадкого окружения. Того же Берии. Вот кто клещ и ублюдок. Он всех шельмовал! - занервничала Лиля.

- Нашла крайнего! Глубоко засели в подсознании мифы недалекого прошлого. Может, организуешь клуб приверженцев вождя народов? Мне озаботиться заранее, чтобы попасть в его члены?

- Где будет этот клуб? - заволновалась Аня, не поняв иронии.

- В Магадане, - съязвила Инна, вспомнив анекдот на эту тему.

- Прекрати издеваться. Не люблю я Сталина, - взмолилась Лиля. - Берия, между прочим, многое сделал в организационном плане для создания атомной бомбы в России.

- Я отказываюсь тебя понимать. Ты имеешь в виду шарашки? - зло отреагировала Лера, родственников которой черным крылом задела и тридцать седьмой, и сорок седьмой годы. - Некоторые люди не прощают сделанных им благодеяний... ты догадываешься, о ком я... таких надо чувствовать спиной... Он занимался исключительно «предателями» Родины, чтобы оправдать свое преступное существование... Или мы тоже, как и наши родители, при Сталине получили ожог памяти?

- Не ставь, Инна, пожалуйста, знак равенства между социализмом и сталинизмом с его бессмысленным режимом устрашения. В отношении «мудрой политики партии и гениального вождя - отца народов» у меня нет иллюзий. И не лопаюсь я от гордости, вспоминая его национальную политику. Собственно, самое страшное - не сам Сталин, а его метод... Как писал Достоевский: «Вариант управления страной». Помнишь: офицер, кажется, бил ямщика, а тот бил свою жену. И это было не раздражение, не обида на офицера... Она видела, как его били... В этом трагедия расправы. Или еще пример. Досталось крупному начальнику на орехи, и он начинает гнобить заместителя, а тот того, кто ниже его стоит, кто слабее. И так по цепочке...

- Не заговаривай мне зубы психологией и демагогией. Я далека от всего этого. Ты еще скажи, что Сталин выполнял великую миссию душителя революционного духа, как Наполеон, Кромвель и ему подобные...

Лена запустила пальцы в свою густую шевелюру и принялась растирать кожу головы где-то ниже затылка. Ее утомляли все эти пустопорожние разговоры. Всем своим видом она словно давала понять, что эта тема, как, в общем, и все остальное, ее мало интересует. Прошлое для нее было прозрачным. Да и настоящее на ближайшие десять-пятнадцать лет она представляла достаточно четко, хотя не во всем однозначно.

- И скажу. Ни у кого нет права губить чью бы то ни было жизнь.

Кира, непричастная к спору, выхватывала из разговора только отдельные моменты и с вялым интересом стороннего наблюдателя выжидала, чем все закончится.

- ...А твой капитализм Гитлера вознес. Или ты об этом безнадежно забыла?

- Зачем насильственно изыскивать и извлекать аналогии и проводить параллели? Зачем искать переключки эпох и их главных действующих лиц?.. Теперь не разобрать, что достоверно, что нет, - отмахнулась Аня, не желая вызывать в памяти тяжелые годы

детства. (К началу войны ей было уже семь лет).

- Так или иначе, но невозможно избежать неприятных ассоциаций с Гитлером, - поддакнула Жанна Лиле.

- «Надо, Вася, надо» извлекать аналогии. Помнишь крылатую фразу из фильма про Шурика? - рассмеялась Инна.

Шутка не позабавила присутствующих. Напротив, они как-то погрузтели и некоторое время не могли освободиться от неуютного ощущения зажатости.

- Хоть и говорят, что всякая параллель рискованна, но не всякая бессмысленна, - парировала Лиля. - И это наводит меня на мысль, что общественный строй здесь ни при чем. Ты согласна с тем, что злой гений может появиться в любой политической среде, в стране, где люди безразличны? Не здесь ли зарыта собака?.. Ни один народ не заслуживает ни Гитлера, ни Сталина! И это, черт возьми, мое решительное мнение, - снова вскипела Лиля.

«Какое именно замечание Инны привело Лилю в ярость, которую она даже не сочла нужным скрывать?» - озадачилась Лена.

- Лиле, оставь эту тему сведущим людям, - мягко попросила Кира.

- «А в Америке негров линчуют», - злорадно напомнила Инна навязшую в зубах фразу из детства только затем, чтобы не выпасть из разговора. - ...Твое мнение! Ха! Муха изображает мухобойку. Или паука?

- ...До сих пор не пойму, почему с печалью и с какой-то неизбывной тоской плакали по Сталину простые люди? Это были слезы по Хозяину рабов, приученных к многовековой зависимости от барина? Они боялись чего-то еще более страшного? - осторожно спросила Аня.

- Системы они боялись, - презрительно хмыкнула Инна.

- Угодничать можно заставить, но плакать... крепко сомневаюсь, - не удовлетворилась ответом Аня.

- Может, люди не слышали о Гулаге? - предположила Лиля. - Я ничего не знала, пока не прочитала Солженицына.

- Или слышали, но не хотели знать... - буркнула Инна.

Алла отвлеклась от разговора с Леной и задумчиво произнесла:

- Как интересно современное сознание выстраивает отношение к прошлому.

Кира заметила, как на ее лице мелькнуло выражение, которое она обычно приберегала для тех немногих, которые умели ее понимать и ценить.

- Современный человек, благодаря феноменально быстрому развитию техники, события воспринимает и понимает глубже и шире, - сказала Лера.

- А я считаю, что разночтения в понимании нашего прошлого - это результат отсутствия консолидированной государственной версии по многим существенным вопросам, - заявила Рита. - Даже об интеллигенции говорят разное: то она «соль земли», то ее лучшие представители - лишние люди... Сейчас мы не только в этом вопросе хромаем. Отсутствует профессионализм во всех областях нашей жизни...

- Воровать и разрушать у нас неплохо получается, - расчетливо съязвила Инна.

- Раньше человек, чтобы лучше понимать современность, обязан был держать в памяти историю. А теперь это в нас утеряно, - несмотря на укол Инны, продолжила Лиля историческую тему.

- Современность слишком давит избытком информации обо всем мире, - объяснила причину такой потери Лера.

- Может, еще чем-нибудь интересным поделишься? – ехидно изрекла Инна.

- Ну разве что бессонницей... – хмыкнула Лера, чтобы не допустить продолжения перепалки.

- ...Хотелось бы, чтобы в современной жизни поменьше было бесовщины, – скромно пожелала Аня.

Ей показалось, что она нашла способ по возможности деликатно вмешаться в разговор. Но Инна с Лилей были не в том настроении, чтобы замечать разные мелочи, и продолжали яростно спорить.

- Страна на очной ставке с собственной историей? Провела реконструкцию прошлых событий? Лиля, в твоей интерпретации она весьма оригинальна. Кого ты забалтываешь? А ты, Аня, обрати взгляд внутрь себя. Сама себя страшишься, даже своей тени боишься? Мол, не грузите меня грустным, мне хочется радостного.

- Я понимаю, плохое лучше видно, потому что хорошее – это норма и в глаза не бросается... К тому же у нас иногда самое великое выглядит самым низменным. Умеют представлять... – словно оправдываясь, сказала Аня. – Я сама грущу, но детей учу любить каждый миг своей жизни, каждый лучик солнца...

- Дамы, дамы! Вас не заботят нервы присутствующих? Что за неэстетический расстрел прошлого и настоящего? К чему с пеной у рта доказывать очевидные вещи, ставшие уже притчей во языцех? Не поддавайтесь однозначному охаиванию ни настоящего, ни прошлого. Я считаю, что надо отстаивать все положительное в нашем наследии. Я понимаю, нам в нашем возрасте свойственен грустный взгляд на жизнь, но нельзя безнаказанно бросаться словами. Наша жизнь – вечное движение, и это движение творят мысли людей. Неосторожно изреченное слово может пробудить вулкан страстей и зла. Берегитесь пересудов не только в словах, но и в мыслях! – продекларировала Жанна одну из идей своего нового увлечения.

Она сказала все это несколько театральным тоном, создавая впечатление, будто она сама не относится к сказанному всерьез или советует присутствующим сохранить долю здравого скепсиса.

- Напугала попа кадиллом! Я не ослышалась? Ты о высших силах? Виданое ли это дело? Бросаешься из крайности в крайность? – переспросила Инна и удивленно подняла брови.
- Ты всегда производила впечатление умного человека. Уж кого-кого, а тебя я не могу заподозрить в недостаточной образованности и поэтому тем более не понимаю направления твоих мыслей. Ты поражаешь меня не неосведомленностью, а чем-то другим, чему я еще не подобрала определение. Сдается мне, не о том думаешь, не тем голову забиваешь. Стремись на дно давно ушедшей эпохи? Сама как агнец божий идешь на закланье?

Мы, русские, в ответе за человека, а нас вечно несет в тайны «глубокого мироздания», потустороннего мира. Проснулось воображение? Перемякнуло мозги? Не забиралась бы ты в эти дебри. Ведь с кем поведешься... так и до новоявленного спасителя мира, миссии недалеко... Еще один камень преткновения? – засыпала Жанну ехидными вопросами Инна, вскинув красиво подведенные брови и подняв подбородок, демонстрируя свой горделивый профиль.

- Отстань, надоела как горькая редька. У кого переняла манеру лезть в душу без спросу? Ты выбрала неверный тон, и у меня появилось веское основание предположить... – недовольно забурчала Жанна. Ее уже никто не слушал, но она все продолжала сопеть и бормотать себе под нос.

Лера заметила, что Инна критиковала Жанну с некоторым упреком. Во взгляде ее и в тоне голоса уловила она тревогу и крайнюю степень разочарованности умственным уровнем сокурсницы. «Не в бровь, а в глаз, – подумала она, соглашаясь с Инной. – Но не по форме преподнесения, а по содержанию разговора».

- Я тебе вот что посоветую, Инна, – мягко въехала в разговор Эмма, крепко сплетая пальцы рук. – Не суди чужую боль.

«Скука, мухи дохнут, как говаривали мы в детстве. То скорострельные жесткие диалоги, то муторные, примитивные рассуждения... Устала я, неадекватно реагирую? – ворчливо думает Лена и дальше уже не вслушивается. Нарастающее напряжение прорывается только в ритмичных постукиваниях ее тонких пальцев о край стола. Но она справляется с ним и, погруженная в воспоминания, уже не замечает, в каком направлении течет разговор, и лишь иногда ее сознание выхватывает его отдельные моменты.

– ...Что ты хорошего видела при Советах? – громко вопрошает Инна.

– Хорошая работа, крепкая семья, спорт, искусство – разве этого мало? Ум и образованность ценились. А много ли ты митингов протеста видела при Советах? – защищалась Мила.

– Это в девяностые было безвременье, а не жизнь. Раскурочили страну вдрызг. Возникли такие новые понятия, как офшоры – поди в них разберись. Появились новые хозяева жизни – бандюки, – продолжила ее мысль Лиля.

– Так объявим им джихад! – сказала Инна с самым серьезным видом.

– А последствия? – испугалась Аня, не понявшая шутки.

– Так ведь уже отгребаем от бандитов потихоньку. Редко теперь стреляют. Пойми ты наконец, российский кризис – часть общемирового. Таковы законы развития человеческого общества, и ничего тут не поделаешь. За короткое время наша страна неузнаваемо изменилась, новое время прибило ее к новому берегу. Теперь люди ищут самих себя. Все нормально. В сложившейся ситуации так и должно быть. Капитализм доказал свою живучесть. Лучшего строя пока не придумали. И мы в скором времени в этом убедимся. Только десять лет прошло с начала перестройки, а ты требуешь невозможного. Припомни, как долго американцы «выстраивали» свою страну, сколько лет критерием справедливости и целесообразности у них служил кольт? – Рита пыталась успокоить Лилу.

– «Стравили пары», и хватит. Кризис не может длиться бесконечно долго. За спадами всегда бывают подъемы. Скулить можно, но только осторожно, в разумных пределах, – пошутила Кира.

– ...Помнишь наше правило: если хочешь помочь человеку, говори ему правду в глаза. А теперь не рискуют, боятся быть непонятыми, потому что кругом ложь. Ты утверждаешь или надеешься, что в хаосе новой жизни спрятан порядок? Этот вопрос еще ждет своего честного и беспристрастного исследования. К сожалению, правда бывает жестче и циничнее лжи и тем отталкивает. С тяжелым сердцем ее воспринимаем, – задумчиво произнесла Лиля.

– ...Оглянись на Запад. С твоей неумной энергией ты могла бы заниматься бизнесом, – сказала Инна.

– Мы не Запад... Ты имеешь в виду торговлю? Мне под завязку хватило поездок в Польшу. Не мое это. От капитализма выиграли только те, кто и раньше умел воровать. Они вовремя сориентировались. Теперь уже все поделено, даже в сфере обслуживания. Не пролезешь, не просунешься. Вот ты говоришь, что капитализм справедлив уже тем, что дает равный шанс любому. У кого ты видела равные шансы? У моего сына и у сына банкира при их одинаковом юридическом образовании? Не рассказывай нам сказки. Ты же сама знаешь, что ни при чем здесь «его величество Случай».

– Капитализм прогрессивнее, и жизнь людей при нем более выразительная, потому что стремление выделиться и подняться выше другого заставляет человека шевелить мозгами. А социализм всех уравнивал, не было стимула работать. В Союзе вообще не давали высовываться. А если и позволяли, то платили гроши, – тронула большое место многих присутствующих Инна.

Рита не могла оставить без внимания выпад Инны:

– Опять ты за свое! Ты разве старшим инженером стала, не работая головой? А Кира должность руководителя группы за красивые глазки получила? Мила пятнадцать лет пахала мастером, кучу своих рацпредложений ввела в производство, прежде чем стать

начальником цеха. Впрочем, и другое было... Не пускали выше. А кто не пускал? Блатные, начальники-мужчины, которые держались за свои портфели, а от нас ожидали только честной работы. Система их порожила и холила?

В бюджетных организациях и сейчас творится то же самое, только еще хуже стало. Недавно моей внучке в начальники такого тупаря поставили, все только дивятся. А ты говоришь - конкуренция! Только попробуй возникнуть - вмиг вылетит... Чиновники - источники многих наших бед. Они - сильные мира сего, хоть ничего не производят. Я лично чувствую себя обманутой...

- Мы присутствуем на скорбном пиру - распродаже сибирских угодий, полезных ископаемых, ресурсов. Я беспокоюсь, что мы быстрее Америки израсходуем свои природные богатства, - подпела Аня.

- Квартирная плата сжирает треть пенсии. Нам не до жиру, быть бы живу. Тебе, Инна, придется признать очевидное, - добавила Лиля.

- Оставить все как есть? А ведь реформы должны проходить в режиме диалога власти с народом. Иначе их не сдвинуть с мертвой точки... Как тут можно верить в будущее процветание страны: в разумное, справедливое, нравственное, чтобы без коррупции и привилегий избранным, без глумления над личностью, чтобы во главу угла ставилась целесообразность, - неуверенно бормотала Аня.

- Весомая критика в мой адрес. Я говорю то, что считаю нужным и правильным. И не дави на меня, - нехотя огрызнулась Инна, быстро не найдя аргументов в пользу отстаиваемой позиции.

«Вошла Рита во вкус, «завела» подруг. Как и Инна, любит блеснуть независимостью и непреклонностью. Одного поля ягодки, - вздохнула Лена. - Собственно, я здесь не затем, чтобы оценивать интеллект сокурсниц и давать им характеристики».

А рядом проистекал другой разговор. И в нем успевала поучаствовать Инна.

- ...Хотя обожаемый мной Лев Толстой упирал на решающую роль народных масс в истории, я сейчас отдаю предпочтение роли личности, - высказалась Жанна, желая увести беседу на проторенную со школьного детства дорожку.

- ...Моя главная мысль в другом: нас не протаскивали через огонь, не били кувалдой, не совали в ледяную воду, а души рвали, не давали высовываться, принижали, - вернулась Инна к началу спора. - Больше того...

- Сурово... А сколько прекрасных писателей и композиторов вырастили? Вопреки всему, что ли? А сейчас что-то ни одного великого не видим.

- Через двадцать лет потомки разглядят, отыщут, откопают, - рассмеялась Инна.

- Можно подумать, мы сейчас в почете и наши дети благоденствуют, - перебила ее Рита. - Мы не ловчили, не подличали, не паразитировали на чужом труде, не стремились решать глобальные философские вселенские проблемы - ими в мире занимаются единицы, но мы прекрасно справлялись с работой, семьей, бытом, где надо, проявляли стойкость и не зря прожили эти годы. Вопрос не стоял, где жить, сколько будут платить, потому что верили - все образуется. И все получалось. Такая вот была порода советских людей. Это теперь все умные пошли - сначала деньги запрашивают, а потом свои возможности оценивают.

Нам было трудно, но уютно на огромном советском пространстве. В нас был океан энергии. Энтузиазм бил через край. Нам страшно было прожить жизнь так, точно ее не существовало. Мы даже в самых глубоких тайниках своей души не сомневались в правильности своей жизни, для нас главным было, чтобы наши слова соответствовали делам. Мы осознавали величие проживаемой нами эпохи и не знали, что есть какие-то там выездные комиссии, в которых принижали достоинство людей, рвущихся к свободе, потому что нам и в голову не приходило уезжать за границу. И не наша вина, что кто-то там наверху - во власти устраивал помпезные празднования, разливал сироп сладкоголосых речей. Мы за себя были в ответе.

- Мы стремились к вольной городской жизни и добились ее. Хотели получить высшее

образование и получили. Правда, некоторым из нас в советской жизни чуть-чуть не хватало внешних атрибутов, демократической эстетики, – заметила Лиля.

– Красивых пиджаков и блуз. Мы приподнимали воротники плащей – и в этом уже был шик. Я Одри Хепберн обожала. Хотела подражать ее изяществу, – с улыбкой вспомнила Жанна. – Зачитывалась Ремарком. Он был мне близок... В жизни каждого человека случаются события, которые оказываются событиями душевного становления...

– А на работе с начальниками не всегда везло: то ставили пустого комсомольского горлопана, не сделавшего партийной карьеры, то мужлана, говорящего на языке, непривычном интеллигентскому уху. Но то были проблемы частного характера, и общественный строй был тут вовсе ни при чем. Мой начальник, к примеру, при социализме не нуждался в моей порядочности и трудолюбии, так он и при капитализме таким же остался – с одной мыслью сорвать себе куш побольше, а работать поменьше. Теперь еще и похлеще начальнички встречаются. И никто работников не защищает, – сказала Лиля. – Мы, детдомовские, отпущенные на свободу самостоятельно взрослеть, неплохо справились с поставленной задачей, потому что страна не забывала нас и в трудные минуты не бросала на произвол судьбы. Наши дети живут в квартирах, которые мы получили еще при Советах, а внукам на жилплощадь придется зарабатывать. И уж наверняка в этих условиях они не рискнут завести второго ребенка. И на обучение внукам будут копить, хотя и надеются, что они по знаниям попадут в число бюджетников. А разве можно с зарплатой инженера или педагога купить квартиру? Мой сын юрист. Он еле концы с концами сводит. Ему что, взятки брать, чтобы заработать на квартиру? На это толкает его капитализм?

– Перебарщиваешь, подруга. Ты пессимистка. Посмотри вокруг: народ маками цветет. Ты сейчас много людей в рваных ватниках и стоптанных сапогах видишь? Нет. А в самом начале перестройки? Вспомни, сравни. Нечем крыть? К твоему сведению, по статистике семьдесят процентов россиян имеют вклады в банках. Это тебе о чем-то говорит? – возразила Лера сердито, тем самым осадив Лилю так, что вмешательства Киры не понадобилось.

Та только сердито забурчала: мол, еще с четырнадцатым веком сравни, соломенные крыши хат вспомни, и замолкла, не найдя, чем еще срезать Леру.

– Мы не имеем права забывать прошлое: ни хорошее, ни плохое, – снова подала голос Лера. – Вот ты, Инна, тут насчет Сталина проехала. Да, мы еще застали последствие его правления – страх в глазах людей. Помню, пришел отчим с партсобрания и долго шептался с матерью о каком-то закрытом письме Хрущева о Сталине. Он, по своему обыкновению, из боязни, счел нужным скрыть от меня подробности дела. Это вполне вписывалось в его простой и здравый взгляд на вещи. Отчим хорошо помнил, что случалось с теми, кто позволял себе иметь собственное мнение... А я и не пыталась разобраться в причинах молчания взрослых. Раз отчим не говорит, значит, так надо.

Потом, несколько позже, когда я чуть подросла, он дал мне «Один день Ивана Денисовича» прочитать. Я была потрясена, но масштабов происшедшего в те годы не поняла. Подумала, что один на всю страну такой лагерь существовал. Это теперь, читая Шаламова, я в ужасе хватаюсь за голову и скорблю о двенадцати миллионах загубленных душ. Только теперь мне все стало ясно, наглядно, осязательно. А тогда была данность того времени.

Разве в молодости мы жили в какой-то другой системе координат, чем вся страна? Просто в нашу систему попадало не все, что происходило вокруг. Усеченная она была, что ли. Существовало множество знаний, которые проходили мимо нас, не касаясь.

– Политика не знает сострадания, – каким-то неестественным голосом подхватила Жанна.

– Ты оправдываешь Сталина? Это более чем непонятно. Опомнись! – взорвалась Инна.

– Ни в коем случае! – испуганно охнула Жанна. – Сталин очень плохой. Но то, что страна стремилась к социализму – это было хорошо. Мы родились в конце войны и жили памятью о героических победах, восхищались мужественным советским народом. Мы не мыслили себя без Родины и мечтали о всеобщем счастье.

- Жили «не пойми как» и вели борьбу плохого с худшим, - хмыкнула Инна. - Вы были никто и имя ваше никак! - повторила она фразу, уже упомянутую ранее в разговоре.

- Чьи глупости повторяешь? Роскошествовать среди послевоенных развалин?.. Мы росли среди умных книг. Мы были честны и открыты и уважали себя!

- Но замечали, что любят Чацких, а побеждают Молчалины, - с горьковатой шутливостью вставила шпильку Инна.

- Что ты пытаешься скрыть за едкой иронией? Мы воевали с ними, хоть и не всегда удачно, - с бессильной, какой-то детской обидой в голосе ответила Жанна. - ...Ты забыла о космосе? Разуй глаза. А спорт? Это были победы великой державы! Что плохого ты в этом усматриваешь?

Лена наклонилась к Инне: «Что-то наша хохотушка Милочка ни разу за встречу не засмеялась?»

«Я вообще не надеялась ее сегодня здесь увидеть. У ее младшего сына недавно жена от рака умерла. Трое малышей остались», - тихо поведала ей Инна. «О Господи!» - отшатнулась Лена.

- ...Фильмы Хуциева, Шпаликова, Тарковского призывали нас к добру, учили понимать тонкие человеческие чувства.

- И слушали музыку, по мнению властей, «чуждую уху советского человека»... по мнению недобросовестных чиновников, стремящихся выслужиться. Законы создания музыкальных произведений им были неподвластны.

- Мелко копаешь.

- Вспомни лирику высокого накала Риммы Казаковой. Она проявилась именно в хрущевский период, - вторглась со своими воспоминаниями Рита. - Поройся в своей памяти, может, что-либо хорошее откопаешь.

- Тогда все мы были молоды, красивы и восторженны! - усмехнулась Инна. - Казакова была открытая, дружелюбная, задорная, щедрая, а поэзия ее - подчас печальная. Помню ее слова: «Я довольно долго и искренне любила советскую власть и вдруг круто фанатично изменилась...»

Инна оглядела подруг, но не получила впечатления, на которое рассчитывала.

- Как мы посмели все это потерять?! Мы растоптали советскую гордость (нечего смеяться!), а другой не приобрели. И в застойные брежневские времена по инерции строились заводы и города. Амнезия поразила твои мозги? Внуки должны знать все хорошее, что создавало наше поколение. Что в свое оправдание скажешь? Давай, вперед и с песней. Что, твое мнение не ложится в русло моих воспоминаний?

Рита никак не могла успокоиться.

- Поубавь в голосе патетики. Может, еще вспомнишь сталинский период помпезных излишеств в домостроении? - усмехнулась Инна. - До сих пор гордимся этими высотками, хотя живем в аскетических хрущевских коробочках. Скажи еще, что гордились своей армией, что даже в преклонные года в наших душах все еще звучат властные чистые голоса восторгов юности от ее великих побед.

- Да, гордились.

- А теперь новая армия как неизбежное зло. Мальчишки не восхищаются героическим прошлым своей страны, потому что мало знают о нем. Может, ты и об этом не имеешь ни малейшего представления?

- Разрушая догмы, сохраняй лучшее, что было в прошлом, - не отступала Рита.

- Вся экономика была рассчитана и нацелена на добычу полезных ископаемых.

- Да ну тебя, замахала! - разозлилась Лиля.

«Набросились, как стая волков, сцепились. Похоже, не успокоятся, пока не обсосут проблему до косточек. Надоела мне вся эта волюшка. Было бы ради чего копыта ломать. Все так тривиально», – усмехнулась Лена. Ее пальцы «играли» на коленях ритмичную мелодию.

– Я бы не очень полагалась на твои воспоминания. Скучные семидесятые – время разочарований. В ходу фраза «достать», а не купить.... Тупые серые однообразные «производственные» фильмы. И где теперь твой космос? – снова «понеслась, не запрягая», Инна. – Что, получила? С такой высоты еще не десантировалась?

– С какой «элегантностью и непринужденностью» ты берешься критиковать наше поколение! Не перечеркивай наши жизни! В застое нет нашей вины, – оскорбленная в самых лучших чувствах, потеряв самообладание, взъерошилась Лиля.

– Человечество не развивается линейно. Был интересен космос, сейчас что-то другое вышло на первый план: например, микробиология, нанотехнологии. Потом еще что-нибудь затронет умы ученых. Я не могу делать ответственных предсказаний, – строго возразила Инне Жанна, оторвавшись от разговора с Кириой.

Инна только губы покривила.

«Ей не понравилось, что я оказалась не так проста, как выгляжу на первый взгляд», – самодовольно подумала Жанна.

Лена устала от скучной перепалки и задумчиво уставилась в окно. А там серые дома, дождь со снегом. «Девчонки одномерно зациклились на прошлом... Может, я, оторвавшись от подруг, совсем сухарем стала?» – думала она.

– ...Тебя, Инна, послушать, так наша жизнь при Хрущеве совсем замерла. Не надо порочить светлую память о наших предках. Народ воевал, восстанавливал, производил, создавал, пусть даже наперекор некоторым обстоятельствам. Не умеешь или не хочешь видеть достижений? Не гипнотизируй меня взглядом, – продолжала возмущаться Лиля.

– Ты о деревне ничего не знала. Житье там было бедным, серым, – вдруг спичкой вспыхнула Мила.

«Опять двадцать пять», – вздохнула Лена. И, пытаясь перевести разговор в желаемое русло, спросила ее с улыбкой:

– Хочешь вопрос на засыпку?

Но не своротить теперь было Милу с намеченного пути таким примитивным способом. Упрямая, хотя и добродушная хохлушка (так она сама себя любила называть) гневно продолжала:

– Никита шарахался из стороны в сторону. Натерпелись мы от него. Своими безграмотными реформами он нанес ощутимый удар по сельскому хозяйству. Похоже, не понимал, во что ввязывался, вот и лажанулся. Даже мы, дети, частенько подшучивали над его нежизненными идеями, занимаясь во время школьной практики «квадратно-ездовым» способом посадки рассады помидоров или засевая «под лопату» гектары колхозной земли кукурузой. Помню, в пятьдесят втором году по радио говорили, что Сталин накормил Россию хлебом. Но я не забыла, как с пятьдесят четвертого по шестидесятый, живя в селе, мы с мамой ночами стояли в очередях за тем же хлебом.

– В шестьдесят третьем Хрущев отнял у студентов бесплатный хлеб в столовых. Многих этим подкосил... Я, бывало, набью карманы бесплатным хлебом и иду в общежитие сытая, счастливая. Меню у меня было простое: на завтрак чай с хлебом, потом полный столовский обед, на ужин опять чай с хлебом. А в промежутках – хлеб всухомятку. Зверский был аппетит, на степуху не прокормиться, – добавила минору Лиля. – А через год Хрущев всю страну посадил на голодный паек. Вспомни, тогда появились талоны на пшенку, а в магазинах – китовое мясо и кукурузный хлеб.

– Может, я сейчас скажу глупость, но мне тогда почему-то казалось, что тот трудный год устроило нам нарочно само Политбюро, чтобы спихнуть Хрущева, – сказала Жанна.

– Ну, ты и фантазерка! А что скажешь про брежневские годы? «Жить стало легче, жить

стало веселей». И в это верила? – ехидно напомнила Инна.

– Но мы же все равно при Хрущеве оставались великой державой, и время полетов в космос было временем всеобщего воодушевления, – с неожиданной горячностью напомнила Аня.

– Но ни на шаг не продвинули свое сельское хозяйство. Целину распахали. Кукурузой обсеялись, а народ не накормили.

– Ха! Пренебрег твоими советами.

– Уличила! Хрущев с лицом и фигурой зажиточного крестьянина сам был из недр народных и хотел как лучше... А скольких людей из бараков и коммуналок вытащил в отдельные, пусть даже малогабаритные квартиры. – Это Аня опять неуверенно попыталась заступиться за Хрущева. – У тебя, Мила, уж извини, слишком трагическое видение прошлого деревни, и об него разбивается всё хорошее, что было в те годы в твоей жизни. Хрущев оставлял двоякое впечатление, и все же он был политическим самородком и уникальным, неповторимым харизматичным лидером. У него было политическое чутье, благодаря которому он стал незаурядным руководителем. Он задал новый тон, новый взгляд на дипломатию. Он ошибался, но шел вперед. При нем мы стали супердержавой и победили Америку. Нас боялись и уважали. Он катил страну на гору, а Брежнев с горы.

Мила возмутилась:

– Убедительно прошу, помолчи! Я тебе о деревне толкую, а ты мне мозги засоряешь городскими удобствами и политикой. Живя на всем готовом, ты не вкусила колхозной жизни, где были сплошь приписки и повсеместное воровство.

– Воровали, но все оставалось России, а теперь олигархи на Запад всё наше богатство гонят, – выбросила свой последний козырь Аня.

– Я права! – удовлетворенно подчеркнула она.

Замечание не пришлось Миле по душе – это было написано на ее лице, – оно мешало ей высказаться, но она упрямо продолжила:

– И Сталин, и Хрущев блокировали инициативу народа. И что люди от них получили? Один страну в ГУЛАГ загнал, другой – в дурь.

Я не склонна видеть в прошлом только плохое – это глупо, но к Никитке потеряла интерес, когда он впервые удивил меня дикой верой в то, что через двадцать лет мы будем жить при коммунизме. Весь мир грозился сделать коммунистическим. Рай на свой лад представлял. Авантюрист – он и в правительстве... то бишь и в Африке, авантюрист. Какого же уровня культуру, образование и совесть надо было иметь, чтобы утверждать подобную чушь! Наверное, идеология и логика несовместимы. «Его мечта попахивает библейским отголоском знаний, полученных в церковно-приходской школе», – удивлялась я и жила вне рамок колхозной системы с мечтой об университете. «Выкамаривается Хрущев, – говорила моя бабушка в злой печали, – провидец хренов! На кой ляд ему это нужно?»

– Меня больше всего в школьные годы бесило всеобщее поддакивание этой утопической идее. Не верила я во всеобщую людскую глупость, в то, что все оказались в западне идеологии. Я не понимала поведения людей, не хотела мириться с таким положением в обществе, бунтовала.

Родители, зная, как в одночасье можно погубить репутацию и надолго сделать свое имя опозоренным, пуганные Сталиным и не верящие в долговременное потепление, неусыпно оберегая покой и безопасность семьи, упорно и старательно «обламывали и обтесывали» меня, чтобы не брякнула где не надо что-то не в меру честно-наивное. И комсомол прикладывал к этому свою «надежную» руку.

Родители не были провидцами, но утверждали, что «им доподлинно известно, что всякие потепления – как вспышки гриппа – кратко-временны. Всякая власть поначалу хороша. Затем начинаются репрессии, сначала карают только худших, потом и до лучших руки доходят. Правители всегда поступают так с теми, кому они слишком обязаны...»

Поэтому-то они и не спешили расставаться со своими взглядами. – Это Инна «вмонтировала» свой монолог в рассуждения Милы.

– «Я вестника того предвидел сам». Для тебя важнее всего произвести впечатление? Давай и теперь возвести о приближении еще какой-нибудь ожидающей нас неприятности, а мы от души посмеемся. Скажи, так, мол, и так: еще один метеорит летит на Землю или новый тиран поджидает нас за углом. Предсказания не будут слишком вычурными? – с усмешкой спросила Рита Инну, точно в отместку за все ее предыдущие шпильки. Жанна чуть не прыснула от смеха.

– И не почешусь, – быстро нашлась Инна.

– А я никогда не жалела о своих мозолях, заработанных летом на колхозном току. И о том, что каменел позвоночник на длинных рядах помидорной рассады. Этот деревенский опыт, при разных жизненных обстоятельствах, был моим нравственным капиталом, моим неразменным рублем во всей моей дальнейшей жизни, – сказала Галя.

– Охотно верю. На этот счет у меня нет никаких предубеждений, но я бы не стала утверждать, что это единственный способ познания жизни и обретения уважения к людям. На всех дураков и лодырей мозолей на твоих руках не хватит, – заметила Алла в своей обычной манере, как бы между прочим.

– У Хрущева был природный ум. Я слышала, он чуть не плакал от бессилия, когда его идеи вязли или выворачивались наизнанку в чиновной среде. И он все-таки выделялся среди своего «высокого» окружения, – пробурчала Аня. – После Сталина ему хотелось верить.

– Способность вести светские разговоры – это как вторая специальность. Ему это не было дано, – рассмеялась Лера, видно, припомнив знаменитый на весь мир хрущевский башмак.

– Человек первичен: его характер, темперамент, талант, а специальность к нему прикладывается как необходимое следствие, – глубокомысленно заметила Жанна.

– Что может приложиться при отсутствии интеллекта и должного воспитания? – не согласилась с ней Мила.

– Хрущев освободил страну от лагерей, даже всех пленных немцев отпустил. Не только солдат, но и ученых, – напомнила Аня.

– При Никите деревня лучше жила, чем при Сталине, – энергично сказала Инна, желая покончить с непонятным ей педагогическим уклоном в обсуждении эпохи хрущевского правления.

Мила вдруг рассерженно заговорила на той смеси русского языка с украинским, на котором изъяснялось большинство людей ее родного села, расположенного на самой границе с Украиной. По всему было видно, что шутить на деревенскую тему она не расположена.

– Конечно, лучше! Сигнал Никитка народ с земли, огороды обкорнал чуть ли не по самое крыльцо, от скотины отвадил, хозяйство отучил вести. Всех к ногтю прижал. Мужики, чтоб не скурвиться, пить начали... Аспид, родимец его заberi. В колхозе вручную свеклу дергать заставлял враскорячку. Нехай бы сам померз на буртах, може бы трохи одумался... Да куды ж було вертаться?

Скотину отобрал, а молочко, яйцо и прочее – кровь из носу, но отдай в государство кожным литом. А угодий – фигу тебе под нос. Ишачишь, ишачишь, а маслица у тим роки раз получишь, да и то не больно-то разговеешься. Его бы в колхоз моего детства, узнал бы, как сухая ложка рот дерет... Кремлевский мечтатель.

Не в силах усидеть на месте, Мила вскочила и закончила свой монолог, нервно расхаживая вдоль стены.

– Бывало, вкальваешь с ранней весны по глубокую осень, рук-ног не чуя, а толку никакого. Лишнюю скотину в своем дворе не заведи, не моги. Помню, отелилась наша коровушка двумя детками, так бабушка, плача, скорее отнесла «лишнего» теленочка на

колхозный двор. Все убивалась: «Кто же его, бедненького, молочком выпаивать будет? Загубят ведь в колхозе. Общественное – оно ничьё». Чужая удавка, умные люди под любым предлогом бежали в город. Никите бы на попятную, да куда там, закрутилась-завертелась чиновничья машина. Не остановить. Вот и накатывал на селян девятый вал проблем... Ему ли вершить судьбы народов великой страны... Слава Богу, призвали Хрущева к ответу. Конец его был предreshен. Сожрали голубчика с потрохами. И пошла писать губерния. Он, видите ли, неправильно истолковывал коммунистическую идею. А раньше не замечали?

- Чего проще: поменял команду – и списывай на бывших все грехи своего правления!.. Брежнев всех обыграл и переиграл... – усмехнулась Инна.

- Мила, убавь обороты. Непростительно упрощаешь ситуацию, – с неодобрением заметила Эмма. – И ты, Инна...

- Не суйся не в свои сани. Избавь меня от необходимости общаться с тобой на эту тему. Ты некомпетентна, – огрызнулась Мила.

Эмма придала своему лицу выражение оскорбленного достоинства и отвернулась от обидчицы.

«Что это с нашей Милочкой? Нервы поизносились? При ее-то благодущии?.. И у нее бывают моменты, когда ей «палец в рот не клади», – удивилась Жанна. (Она не знала о трагедии в семье сокурсницы.)

- Боишься каверзных вопросов? Большая политика дело хоть грязное, но тонкое, и не нам в нее вникать, мы там не присутствовали, – холодно сказала Лера, выслушав бурные Милины излияния.

- А нынешний шабаш тебе по душе? Мы вернулись на семьдесят лет назад, только теперь всё много жестче... Таланты гробят и незаслуженно задвигают в самый дальний угол, блатных «середняков» за деньги протягивают. Ум разбивается о тупость и упрямую плебейскую непорядочность, которая уничтожает уважение к себе. Прелесть, а не времечко! – «поддала жару» Инна.

«Инна – вечный оппозиционер. Ее бы поставить рядом с Новодворской. Прекрасная вышла бы пара! В Думе ей цены не было бы. «Все у нас плохо, и во всем виноваты коммуняки». В чем Инна искренна и чистосердечна, так это в злости. Не пойму ее, сама только что капитализм расхваливала, а теперь ругает. Дразнит, намеренно заводит? Ее слова – бессмысленное неуместное вторжение в общий разговор, – усмехнулась Жанна без раздражения, даже с легкой завистью к Инниной раскованности.

Будто услышав мысли Жанны, Мила проговорила с каким-то непривычным для нее гонором:

- Я ни в чем не собираюсь разуверять некоторых присутствующих здесь городских – им солоно не приходилось. (На Инну или на Леру намекает?) Это было бы недостойно памяти наших деревенских стариков. Но если хорошенько разобраться, все мы вышли из деревень... и нечего отмежевываться от общих проблем.

Слова Милы не вызвали у Инны ни малейшего сочувствия. Легким движением плеча она дала понять, что они ее непосредственно не касаются, и, тем не менее, достаточно миролюбиво сказала:

- Как пышен цвет преувеличений! Как трудно развеиваются легенды. Что-то ты, Мила, сегодня тоже разошлась, разохалась? Не ожидала от тебя. Где твой так любимый мной оптимизм? (Не утерпела, чтобы не «подпустить» ехидного замечания!)

- Значит, слишком хорошо обо мне думала, – влет раздраженно отрезала Мила, не почувствовав ловушки, ей же самой и устроенной.

- Чего окрысилась? Чего взвилась, как фурия? Убери гнев с лица. Успокойся, прикинься валенком. «На хрена тебе наган, если ты не хулиган». Так, кажется, говорят в деревне? Хватит старые бабы стоны тиражировать. Больше апеллируй к разуму, а не к чувствам. Можно подумать, что в деревнях происходило и происходит что-то из ряда вон выходящее. Обыкновенный бардак. При всей заманчивости, при всей поразительной

раздольности нашей страны и великой духовности народа Россия – постоянно над бездной. Ей в основном не везло с руководством.

– Многообещающее начало. – Это Жанна заступила на вахту спорщика. – Про бездну – выдумки это всё. Все государства трудно развивались. У всех была масса проблем. Войны и все такое... Что касается брежневских времен с его заржавевшей экономикой, так это просто. Мы верили в возможности коллектива, когда поднимали руки «одобрямс», когда считали, будто то, что каждому не под силу, насущно необходимо и доступно сообществу. И даже с этим чувством локтя нам порой приходилось нелегко... Ну а теперь у каждого свои нужды, свои заботы, каждый хлопочет по своим делам самостоятельно. А если и собирается толпа, то она, как и я, копается в полузабытом прошлом и не делает выводов из старых ошибок, – стараясь обуздать чрезмерные притязания Инны на истину, самокритично и грустно закончила Жанна.

«Вот еще одна несъедобная пицца для размышлений», – поежилась Лена и принялась энергично растирать мышцы шеи и плечи.

– Тебе полегчало, когда высказалась? – не вникая в суть слов Жанны, сказала Инна. – А теперь ты, Мила, послушай меня. Начну с конца твоего яркого рассказа. Он все равно смыкается с началом. Всему должно быть удовлетворительное объяснение. Да, доставал Хрущев деревенских, потому что не хватался за легкие решения. Всех нас иногда заносит. Надо быть чуть снисходительнее к другим и более строгим к себе. (Кто бы говорил!) А кто крестьян не притеснял? Не вижу в этом апокалипсической безысходности. Но ведь при Хрущеве крестьяне стали наконец-то получать за трудодни деньгами, а не натурой.

– Тебя бы заставить жить на те деньги! На двенадцать рублей! – одновременно, не сговариваясь, возмущенно воскликнули Мила и Галя. – Показное человеколюбие.

– Так и я же о том говорю. Я не разрушаю ваши деревенские мифы. Перед вами, дорогие мои, два взгляда на крестьянство. Нет, на власть...

– Прекрати куражиться! Не можешь не ерничать? Откуда в тебе столько жестокосердной радости? – не выдержала Мила.

– Я же о сути, я о власти.... Ладно, ладно, замолчу только из уважения к твоим сединам, – натянуто рассмеялась Инна.

– А кто как не Хрущев заложил первый камень в фундамент перестройки? Разве не диссиденты-шестидесятники раскачали лодку социалистических устоев и подвели базу перестройки? – Эмма с надеждой подняла глаза на Аллу, ища поддержки.

– Есть отдельная порода людей, для которых служение первично. Они были во все времена, – задумчиво изрекла Алла. Но Эмма так и не поняла, где «витают» ее мысли.

– Хрущев был противоречив и не очень умен, но он не побоялся разоблачить культ личности Сталина, выпустил и реабилитировал миллионы осужденных, и уже только за это его надо добром вспоминать. Без его бесстрашных шагов не было бы признания современной Германией ужасов нацизма. Этот факт важен для народов всего мира, – спокойно сказала Лера, прекратив тем возможность дальнейших споров.

Возникла ничем не заполняемая пауза. Продолжительное молчание было нарушено возгласом Жанны:

– А я, глупая, еще со времен юности о домике в деревне мечтала! Оказывается, хорошо, что Коля меня не послушал.

Она высказалась так искренне и так по-детски весело, что все присутствующие рассмеялись. И Жанна улыбнулась, довольная неожиданным эффектом, открыв при этом великолепный ряд зубов, слишком безукоризненно ровный, чтобы быть настоящим. (Лена впервые это заметила).

Напряжение мгновенно спало, обстановка окончательно разрядилась. Женщины с каким-то неестественным азартом занялись чаепитием, благо Кира вовремя подоспела с полным подносом ароматных изысков.

И все же Мила не утерпела высказаться:

- Когда негде работать, остается тяга к пьяному забвению. А если бы сейчас в каждой деревне построить два-три заводика по переработке сельскохозяйственной продукции, так и жизнь в ней стала бы совсем иная. Только кому там строить?..

Кира улыбнулась Миле, но в ее приветливости ощущалось настороженное ожидание.

- Ой, девчонки, простите. И с чего это я разошлась? Детство всколыхнулось. Я так любила бабушку... Последнее время я все воспринимаю в черно-белых тонах... - тяжело вздохнула Мила и вышла из комнаты. Галя последовала за ней.

Да, была счастлива!

А Инна вроде бы и не обратила внимания на то, что уже закончилась перепалка сокурсниц о прошлых проблемах деревни и города, на то, что все устали от споров. Она не отступилась от поднятой ею темы – критики советской эпохи. И Лера не выдержала ее посягательств.

– Я не намерена спорить с тобой, Инна. Хватит. Ты меня послушай. Все мы, иногородние, и особенно детдомовские, приехали в город за мечтой – учиться в вузе. Нас восхищали и обогащали блистательные лекции профессоров, в них была правда будущего, подтверждающая наши мечты. Педагоги были лоцманами и мощной опорой для нас, начинающих свой взрослый жизненный путь. Они призывали нас соединить в себе духовное и физическое здоровье.

Мы довольствовались малым, радовались малому, не страдали от нехватки каких-то вещей, справедливо полагая, что не в тряпках счастье. Не завидовали чужому достатку, ни перед кем не заискивали. Ходили тощие, скромно, даже бедно одетые, но счастливые. До сих пор помню, как мой жених-студент, отворачиваясь от меня, засовывал под манжеты рубашки обтрепанные рукава старенького женского, видно, сестриного свитера, который он поддевал для тепла.

Наш мир не ограничивался наукой. Мы погружались с головой в культуру: театры, выставки. Помните повальное увлечение «Биттлз», Высоцким, Окуджавой, потом пришла очередь классики. «Нас утро встречает прохладой» пели только потому, что музыку к ней написал не кто-нибудь, а сам Шостакович! Не упускали случая попасть на выступления столичных гостей, купив билеты на деньги, сэкономленные на ужинах, а по ночам жадно глотали книги. Вспомни «Звездный билет» западника Аксенова, стихи Роберта Рождественского, Вознесенского, песни Сальватора Адамо. В них был аромат счастья, радость, вдохновенная широта. Поэты – певцы свободы – обожествляли женщину. Вспомни неземную вибрацию голоса Ахмадулиной. Как мы тогда все бросились ее читать! Я обожала Грегори Пека из «Римских каникул», балдела от «Серенады солнечной долины».

– Замечу: западника Аксенова читали, – уточнила Инна.

– Охваченные азартом мечты, мы рвались в космос. Физики были лириками, лирики интересовались физикой. Из-под нашего неискушенного пера тоже выходили восторженные строчки стихов. Мы верили что любовь – отправная точка любого творчества. Мы гордились своим народом, страной и вносили свой посильный вклад в то, чтобы она была еще прекрасней. Родина для нас всегда была на первом месте. Вот и вся премудрость нашего времени!

«Старое доброе студенческое время по-прежнему сохраняет над нами свою власть», – благостно вздохнула Лена.

Рита одобритительно кивала головой, не напрашиваясь, но готовясь что-то добавить или выразить свое отдельное мнение.

– Прекраснейший образец идеалистической реанимации нашего прошлого! Понеслась душа в рай, размечталась. Уже забыла, каково тебе тогда приходилось. Не позволяй своему воображению разыгрываться, – раздраженно фыркнула Инна, но продолжать не насмелилась. Да и по тону Леры она поняла, что та не желает продолжения разговора.

«Недавно услышала подходящее к нашей ситуации выражение: настоящее – это обещание лучшего будущего, а прошлое и есть настоящее», – вспомнила Кира.

«По третьему кругу пошли вспоминать молодые годы! Я нисколько не сомневаюсь в том, что каждая из них говорит искренне и считает свое мнение неоспоримым, и я не вправе препятствовать их излипаниям только потому, что они предсказуемы и поэтому неинтересны мне», – подумала Лена и снова уткнулась в фотографии в альбомах. Они рассказывали ей о жизни подруг много больше, чем их слова. И все же она оторвалась от альбомов, когда вновь заговорила Лера.

– ...Бывают книги как опознавательные знаки, как вехи. Они дают возможность оставаться людьми, не сбиваться с пути, расширяют горизонты, – задумчиво произнесла

Лера. – Лично для меня в школьные годы это была серия книг Айсберга «Физика – это просто», «Радио – это просто», «Телевидение – это просто» и так далее. Еще журнал «Наука и жизнь». Они открыли мне увлекательный мир науки. Художественной литературой я заинтересовалась несколько позже.

«Лера тридцать пять лет от звонка до звонка оттрубила в «номерном ящике». Всем известны строгости режимных предприятий. Дураков и лодырей там не держали. И то, что Лера проработала там столько лет и ее не сократили в лихие девяностые, говорит о многом. Уважали и ценили! А базу этому заложили прекрасные научно-познавательные книжки. И мне они дали бесприммерно много: прежде всего – закваску экспериментатора», – тепло вспомнила Лена свои по-детски наивные опыты из этих пособий «для чайников» (как сказали бы теперь), проводимые в школьном кабинете физики.

Наступила тишина. Похоже было, что все женщины выстраивали в памяти свои ряды произведений, оказавших мощное влияние на их взгляды, на профессию. Выдержав приличествующую моменту паузу, Лера продолжила развивать свою мысль.

– Нам было не до идейных скитаний. Мы не шумели, не кричали, не агитировали, фигурально выражаясь, «при реве ликующей толпы не жгли книги». Мы не встречали людей, чуждых советской идеологии, и никто из нас не был гоним и не попадал в места не столь отдаленные. Ничей моральный облик мы не разбирали, ни за чье исключение из университета не голосовали. Нас даже краем не зацепила «мрачная фантазмагория советских реалий», о которых теперь подробно рассказывает художественная литература.

И чего я совершенно не могу себе представить, так это доноительства и стукачества в нашей среде. Его не было ни из чувства страха, ни из корыстных целей, ни по идеологическим воззрениям, ни из тщеславия – сладкой тайной власти над людьми. Не было среди нас штатных провокаторов, которые нашептывали бы нам в уши: «товарищ недопонимает». Как-то мелко, подленько это все выглядело бы для нас. И с диссидентами не доводилось пересекаться. Мы не участвовали в травле товарищей и во лжи не были замечены.

– Мы еще в детдоме на всю жизнь крепко-накрепко запомнили, что доносчику первый кнут полагается. Береженого Бог бережет, – по-своему интерпретирует слова подруги Лиля.

– Понятие свободы и воли в сознании наших людей мало разнесены. Так исторически сложилось. Это не совсем положительно, – попыталась «вбросить» новую тему Алла. Но она не была услышана.

– Мы не стояли в первых рядах, но... – Жанне тоже не удалось пробиться сквозь неожиданно бурные эмоции Леры.

– Не привелось нам вкусить и запретного плода стилижничества. Никто нам в комитете комсомола не говорил: «Что это за халабуда на тебе надета?» А я могла бы на время из любопытства примкнуть к ним... Мы крутились как белки в колесе: учились, подрабатывали, увлекались... – все больше распаяясь, говорила Лера. Ее смуглое лицо побледнело, карие глаза расширились и сделались ярче.

– Хорошо сказала! – поощрительно кивнула ей Рита.

Адам и Ева

Лена с Аллой тихо шепчутся. Инна прислушивается к их разговору.

- ...Недавно гостила у знакомой в Москве, - рассказывала Лена, - посетила выставку картин на Крымском Валу. Обнаружила там работы незнакомого мне современного художника Виктора Яичникова. Заинтересовалась. Сначала он выставлялся у себя на родине, теперь в Москву перебрался. Что мне, прежде всего, понравилось, так это социально-позитивная направленность его проекта. Положительное, доброе начало просматривалось во всем его творчестве. Почувствовала, что он художник редкой самостоятельности. Прекрасно соединяет «вчера, сегодня, завтра».

Внимательно вгляделась в картины. Чувствую, глубокий, умный художник. У него особенный, только ему свойственный взгляд на жизнь. Он выбирает интересный ракурс. И пишет не просто картины, а судьбы. Представляешь, закрываю глаза - и в подробностях вижу каждое его полотно. Такое нечасто случается.

Сначала пробежалась взглядом по рядам детских портретов. Психологически точные, в каждом характер. Они не приукрашенные, не лубочные. Поняла, что манера письма мне импонирует: какая-то дерзкая, уверенная. Потом обратила внимание на руки Иисуса на картине, помещенной в центре галереи портретов простых людей. (Он среди нас!) Руки великолепные, божественные: трепетные, чувствительные, тонкие. Они не четко выписаны, будто не сфокусированы, и чуть фосфоресцируют. Они, как и его душа, нам доподлинно непонятны, непознаваемы; в них тоже тайна.

Люблю рассматривать руки. Допустим, рука просящего и рука с перстом указующим... какие они разные!.. Поразительно, руки будто живут своей отдельной жизнью... Хотя я и дилетант, но даже меня трудно чем-то удивить.

- Мы живем в мире, где все бегут в толпе. Лицом к лицу - лица не увидеть. Может, поэтому портреты сейчас не модны, - сказала Алла.

- У Яичникова не те портреты, о которых говорят, что они не модны. Портреты не парадные, как у Ильи Глазунова. Там я вижу руку мастера. Прекрасно пишет! А тут... каждый из них - открытие. В его картинах просматривается несомненный ум, юмор, необычайно тонкое, ему только свойственное видение, его собственная манера письма. Он не упивается эстетикой, сознательно играет формой. В его живописи есть моменты комического и трагического. Он не отрывает пространство от человека. И это свидетельство того, что его творчество - не игра со смыслами, а их поиск, потому что определяющим моментом истинного художника является: есть ли что ему сказать людям? Для меня это важно. Его работы разные по красоте, радикальности и консерватизму. Мне кажется, он еще ищет себя, многое пробует. Но то, что он уже нашел, - несомненно талантливо! Есть в нем дар, сниспосланный ему свыше. Интересно, он обласкан судьбой или тоже познал терпкий вкус непризнания, непонимания?

Я слышала от знакомых художников, что новаторство формы теперь отсутствует - все уже придумано, всё исчерпано, возможна только новая драматургия смысла. Я в теории ничего не понимаю и всегда ишу, кто бы просветил меня, темную. И мне кажется, что некоторые полотна Яичникова имеют целью разрушить дурновкусие таких вот, как я, дилетантов, - усмехнулась Лена. - На полотно «Утро» я обратила особое внимание. В красно-золотых красках зарождающейся зари стоит маленькая девочка. Оптимистично полотно смотрится, душу радует ожиданием счастья. Удачный сюжет налагается на прекрасный цветовой выбор. Задержалась около «Обнаженной». Воздушна, нежна, прекрасна, почти сливается с воздухом. И только поза девушки указывает на то, что лежит она на грешной земле, растворяясь в своих мечтах. Чудная метафора, как мне кажется.

Надолго меня приковала к себе картина «Каин и Авель». Каин потряс глубиной проникновения художника в самую его суть, в душу. Даже не зная сюжета, можно точно сказать: Каин - глубоко трагичная фигура. Как сейчас вижу: тяжелая лысоватая голова, крупные, но не грубые черты лица смертельно усталого человека. И вдруг это покатое, чуть сутулое плечо! Так талантливо изобразить внутреннюю непосильную ношу измученной, раскаявшейся души дано не всякому...

На застывшем от внутренней боли лице Каина глубоко запрятанная скорбь человека, осознавшего свершенное им злодеяние. Муки совести давят его. Вселенскую тоску вижу я в постановке его головы, в устало прикрытых тяжелых веках глаз, в сутулящейся под тяжестью греха спине (которую, кстати сказать, не видно, но она ощущается). И в слегка опущенном (нет границы подбородка), по-своему красивом, я бы сказала, умном, может быть, даже интеллектуальном лице. (В противовес Авелю, на лице которого, после Каина, трудно, по моему мнению, задержать свой взгляд).

Картина выполнена в кроваво-красных и черно-желто-розовых тонах, и, тем не менее, четко различима кровь на губах Каина. И мощная красная тень от лица к телу растекается следами и брызгами крови. Картина потрясает!.. Вечная тема зависти и предательства...

А как мне понравилась идея художника: «Адам и Ева - глубокие старики!» Прелестный сюжет, блестящая мысль! Смотрю. В первый момент вижу страшную старуху, суровую, коварную Бабу Ягу, колдунью или попросту ведьму. Всматриваюсь, вникаю. В лице нет умиротворения старческой мудрости. Строптивая, упрямая. Почувствовала острый, цепкий взгляд женщины, прожившей жизнь в борьбе за существование (а может, и с самой собой).

Потом в ее глубоко запавших, усталых глазах рассмотрела столько горечи по несбывшимся надеждам, столько перенесенной незаслуженной боли, что тоска залила мое сердце. А тут еще эта жесткая, скорбная, грубая складка вечно плотно сжатых обидой и мукой губ, глубокие морщины, избородившие когда-то, наверное, яркое, гордое, прекрасное лицо этой много выдержавшей на своем веку женщины. Сколько запрятано в них трагичного, укрощенного, сломленного бедами, неоправданно загубленного мелочностью быта, сколько в них скрыто разочарования жизнью с когда-то любимым человеком!

А эти седые распатланные воздушные волосы! Они еще ершистые и говорят о былой пылкости ее неугомонной натуры. Прямая даже в старости линия рта выдает сильную, целеустремленную женщину. Она даже теперь не смиряется, бунтует, страдает, остро переживает, реально оценивая уже прожитое. И только иногда из глубины глаз острыми стрелами выносятся сомнения - «так ли жила?», «чего ради страдала, рвала себя?», «в чем ошибалась?», «стоила ли жизнь всех мучений?».

А то вдруг упрямство натянет тетиву суженных острых зрачков и колючий взгляд спросит: «Все вынесла и что получила? Укатали сивку крутые горки?» Вижу - нет, не укатали. У нее еще есть жизненные силы, есть крепость, потому что ей надо еще за многое отвечать, всем помогать, всех оберегать (может, внуков?)

Но неожиданно, на один только миг, сквозь несколько настырную уверенность в ней проглянула беззащитность, усталость, зажатость, многолетняя (нет, многовековая!) обида женщины, не познавшей счастья, возложившей все трудности жизни на себя, но не получившей награды - удовлетворения. Но только на миг...

Она не хочет выпускать наружу затаившуюся в суженных зрачках боль, она гордая и не желает показывать свою слабость (или уже не может?). Но эта слабость оставляет свои отпечатки, свои следы густыми черточками морщин вокруг глубоко запавших глаз. В темном колодце бед ее души не докопаться до истинных причин ее проблем, но каждая из морщинок, ложась на лицо, углубляла глаза, загоняла зрачки в черную бездну небытия. В них накапливалась вековечная печаль женщины от изгнания из рая до современной далеко не райской жизни.

Поразительно точно передал художник душу женщины и всю ее морально трудную жизнь. (О физических страданиях, как мне кажется, лучше говорят руки. Впрочем, может, я и не права). Я была сражена, взволнована до глубины души способностью художника тонкими штрихами, точными цветовыми оттенками выразить мощную гамму чувств, вскрыть всю подноготную жизни этой, наверное, по-своему интересной, непростой женщины, которой хочется искренне сочувствовать.

Как такой молодой художник решился на анатомирование, вскрытие женской сути? Несомненно, он чувствовал в себе эту способность. Как же надо любить женщину, как надо знать ее жизнь, ее проблемы, ее вечный крест, как надо понимать и глубоко проникать в ее психологию, чтобы заметить, а потом гениально преподнести нам

вселенскую скорбь женской доли, мало менявшейся к лучшему в течение веков.

Талантливость его замысла еще и в том, что он в одном портрете сумел изобразить трагедию всех женщин, измученных безрадостной жизнью. Каждая женщина может попытаться найти саму себя в этой, непонятной каким-то образом запечатленной бездне образов. Он собрал и соединил в портрете потери, невысказанные печали, надежды, разочарования, усталость, желание счастья, любви, безысходность, неудовлетворенность. В этой картине воплотилась суть многих наших современных семей – всё в них держится на женщинах.

Картина бездонна. Она глубоко тронула, «зацепила», заполонила меня. В ней невозможно вычерпать все смыслы. Шедевр! В ней – вечная неизбывная тема на все времена. Уже не помню, когда я так восхищалась, так обмирала, стоя перед полотном. Наверное, еще в далеком детстве, в деревне, когда впервые рассматривала подаренную мне книгу «Эрмитаж». Вот бы подсмотреть, как этот художник священнодействует над полотном.

Глядя на шедевры давно любимых мною Тропинина, Рембрандта и современного Яичникова, понимаю, что не заменят подобное искусство никакие самые талантливые фотографии, которые дают моментальный образ, в которых не отыщешь такого мощного проникновения в человеческую натуру, такой концентрации эмоций. Идеи, символы, замыслы человеческие природа не построит, не изобразит, только человек способен их родить в своем сознании и своим гением воплотить на холсте. Тут, как мне кажется, художник идет дальше задумки Природы, поставляющей ему для работы отдельные элементы своего мироздания в той или иной форме под контролем своего всевидящего ока. А может, на самом деле для того и дается талант, чтобы поднять человечество еще на ступень и приблизить его к Всевышнему? Мне, атеисту по воспитанию, не дано разрешить для себя эту дилемму. Да и гуманитарного образования не хватает для осмысления подобных вопросов.

Помню, несколько раз возвращалась к полотну, отходила на несколько шагов назад, приближалась к нему совсем близко, всматриваясь, опять вбирала что-то новое. Подходила то слева, то справа, ловя малейшие изменения в выражении лица этой «страшной» старухи. И каждый раз обнаруживала в нем для себя неожиданные глубины, на которые ранее не обращала внимания, о которых даже не догадывалась. Каждый раз на меня смотрела другая женщина, но тоже несчастливая. Иногда ее взгляд начинал вызывать во мне беспокойство, и по спине бежали мурашки, а иной раз мое сердце сжималось печалью. А то вдруг, будто движимая желанием помочь, я вся подавалась вперед, к самому лицу этой удивительной женщины... Картина притягивала, отталкивала и опять притягивала мой взгляд, будто гипнотизируя, околдовывая... Мне кажется, в этой картине автор самыми простыми средствами достиг предела выразительности.

Лена замолкла. Видно, не удалось ей справиться с нахлынувшими чувствами.

– Убавь патетики. Ты мне целую лекцию прочитала об этом художнике. Сказывается преподавательская жилка, – улыбнулась Алла.

– Когда я говорю об искусстве понравившегося мне художника или композитора, я вновь двенадцатилетняя девчонка «из-за угла мешком с песком стукнутая», как в детстве шутила Инна. Не могу я с иронией рассказывать о том, что искренне трогает мою душу. Позволь мне хоть с тобой быть естественной! Ты раньше была моим самым терпеливым слушателем.

– Ладно, пой дальше в том же духе. Переживу, – ласково-насмешливо разрешила Алла.

– Понимаешь, мне кажется, я чувствую его картины. Такое не часто случается. В его полотне «Мужчина и женщина», в деформированных телах я увидела надлом его души, депрессивное состояние.

– Может, сам художник не чувствует того, что ты чувствуешь от его картин.

– Это не важно. Главное, что он, пусть даже подсознательно, своим талантом в зрителях пробуждает бури эмоций.

– А об Адаме ничего не скажешь? – поинтересовалась Алла.

- Об Адаме? На фоне Евы его вроде бы и не было рядом... для меня, конечно. Типичный умышленный подкаблучник. «Ничего не вижу, ничего не слышу, ни во что не вмешиваюсь», - вот что я разглядела в его портрете. Ветхий, но морщин на лице немного, и они сглажены. Сед, стар, безлик.

- Жестко ты его отхлестала. По легенде он, кажется, в старости ослеп.

- Не я его отхлестала, художник. Судя по портрету, этот человек всю жизнь был слепым. Немало таких мужчин встретилось и на моем жизненном пути, - усмехнулась Лена. - Я не знала легенду, поэтому думала, что бельма на глазах старика - это метафора художника. А может быть, так оно и есть. Я не исключаю этот вариант.

- Я тоже, - согласилась Алла. - Судя по тому, что Яичников выставляется в Москве, его творчество находится в центре внимания специалистов.

- Ты знаешь, я так заинтересовалась творчеством Виктора Борисовича, что через несколько лет снова пришла на его выставку, чтобы познакомиться теперь уже с автором, потрясшим мое воображение. Когда нас представили, он сказал: «Я вас знаю». «Не может быть, - возразила я. - Я преподаю естественные дисциплины». А он обрадованно воскликнул: «Это вы принимали у меня экзамен по физике на вступительных экзаменах в институт. Я вас сразу узнал». Я обомлела. Как можно одномоментным взглядом рассмотреть, вы-членив из памяти и угадать в этой седой полнозубой старушке в очках ту худенькую женщину, принимавшую тридцать с лишним лет назад вступительный экзамен. И это при том, что по жизни мы больше ни разу не пересекались. Какая удивительно цепкая память!

- Ну и как прошла встреча? Ему было интересно твое видение его творчества?

- Меня поразило удивительное, буквально зеркальное совпадение наших ощущений.

Лене больше не хотелось говорить о Викторе Борисовиче. Она словно боялась расплескать то ценное, живительное, что дал ей этот их единственный разговор в выставочном зале.

- Рассказывая о картинах Яичникова, я вспомнила посещение выставки еще одного липецкого художника - Владимира Валерьяновича Давиденко. Помню, я тогда куда-то торопилась, но мой быстрый взгляд остановил рекламный щит с его картиной «Радость жизни». Я была восхищена сюжетом и не смогла пройти мимо музея, где он выставлялся. Это полотно - прекрасный экспонат! Представляешь, сидит монах на мостике, усталые ноги опустил в ручей, а на лице такое блаженство! Сапоги рядом стоят... Оглушение тишиной и покоем... И поразительный эффект присутствия.

Захожу в галерею. Всматриваюсь, изучаю. Каждое полотно - классический шедевр. В них чувство незыблемости, вечности, глубочайшая, интимная исповедь души автора. Эти картины достойны украшать дворцы. Бегло осмотрела сельские пейзажи. Отдала дань уважения деревенькам пятидесятих годов. Они, наверное, из скромного детства художника. В них четкое ощущение времени, эпохи.

А вот здесь снег совершенно живой, его хочется взять в руки и ощутить холод зимы. Удивительный бесконечно белый цвет!.. Здесь небо падает... Надолго застряла у Давиденко-мариниста. Там кипящая морская волна на меня накатывает, и появляется желание отскочить, вернуться... Тут она хрустальная, скользкая, прохладная... невольно мечтательно задумываешься о летнем отдыхе.

А какая чистота красок, сколько прозрачности, глубины! Сколько тихой светлой радости в душе от них... Состояние нирваны.... На меня с этих роскошных полотен истекало такое количество любви, которое я уже не могла в себя вместить. Мелькнула мысль: «В Третьяковку не возьмут... там уже есть Айвазовский, Шишкин». Жаль... Мощнейший талант любви к Родине.

Интересно, он писал эти волны, глядя на море или на картины своего великого предшественника? Может, он подражал его манере письма или использовал методы учителя. Это ведь не возбраняется? Бывают талантливые копировальщики. Их работы не отличишь от шедевров гениев.

- Если Давиденко смотрел на море, то только не на Липецкое. В Липецком водохранилище волны в бурю свинцово-серые. Это я точно знаю. С Кирой к ее родственникам в гости ездила, - сказала Алла.

- ...А какой диапазон, какая многоплановость и широта художественных интересов и возможностей у этого художника! Меня портреты заинтересовали. Они скромно притулились в углу, у самого сгиба стены. Я буквально запала на них. Вот липецкая мадонна Литте. Тонкая чувственная грань, доведена до трудно воспринимаемого совершенства... А тут я была не только восхищена, поражена, но и потрясена до глубины души. Давиденко сумел передать красками не только нюансы меняющегося света, но и живое тепло, исходившее от лица священника. Такое пришлось мне почувствовать впервые. Возможно, я просто раньше этого не замечала у других художников, а тут вдруг обратила внимание. И за это я тоже благодарна посещенной выставке.

Служительница рассказала, что еще в детском саду воспитатели обратили внимание на взрослые рисунки ребенка. А вот за пределы своей области он не вырывается... Почему?.. Может, классический стиль не в моде... Мне тогда, помню, что-то взгрустнулось...

И вдруг своего учителя рисования вспомнила. Как же его звали?.. Он был сухой, безразличный, неинтересный. Занимался тем, что по клеточкам перерисовывал картины знаменитых художников. И, как я уже тогда понимала, далеко не талантливо. Деньги этим зарабатывал. А до нас ему было мало дела. Ничему толком не учил, гасил желание больше знать и уметь. Не любили мы его.

- Быстро ты «расправилась» с Давиденко, мало о нем поведала, - удивилась Алла.

- Все эмоции Яичникову отдала, - пошутила Лена. - Как-нибудь в другой раз расскажу. Я переполнена воспоминаниями...

- И все же, кто из двоих тебе кажется талантливой, кого ты больше ценишь? - задала провокационный вопрос Инна. Она, оказывается, тоже внимательно слушала откровения своей подруги.

Лена неохотно ответила:

- Их нельзя сравнивать. Писать природу - одно, а человека - совсем другое дело. У Давиденко преобладает умение. Он в ряду талантливых пейзажистов. А в творчестве Яичникова новизна, психологизм, собственное видение, постоянный поиск, глубина восприятия и выражения чувств человека. Он особенный, индивидуальный. В этом его ценность. Этим он мне близок.

- И где это ты так наострилась разбираться в живописи? - весело, но с некоторой долей иронии спросила Инна, полностью переключившая свое внимание на Лену.

- В данном случае я демонстрировала Алле единение своих ощущений с предполагаемыми мною чувствами художника, а не профессиональную глубину познаний и умений автора. Это я оставляю специалистам. Я выражаю, но не навязываю своего понимания. Ты, возможно, составила бы о картинах этого художника иное мнение, иначе представила бы его мне. Тем и интересно искусство, что оно у всех людей вызывает разную гамму и степень чувств, неоднозначную палитру ощущений.

А «наострилась» я, как ты говоришь, от своей хорошей знакомой. Почерпнула, что смогла, в наших редких беседах. Она директор одного из центров искусств в Липецке. Я иногда заскакиваю в этот город на денек-другой. Помню, когда познакомили нас, увидела я женщину средних лет с простым, добрым и умным лицом, с хорошо сохранившейся стройной фигурой. Была она в льняном изящном платье со скромными, из каких-то народных промыслов, бусами. Я сразу почувствовала стиль в ее одежде и поняла, что золотые украшения к данному наряду будут неуместны. Они нарушили бы гармонию, созданную художественным вкусом этой женщины. Это сразу расположило меня к ней, захотелось пообщаться. Она притягивала. Татьяна Ивановна Нечаева на многие вещи глаза мне открыла и мозги мои захлапленные «прочистила», освободив место для истинного понимания живописи. А еще я читала ее многочисленные изысканные, высоконаучные статьи об искусстве.

Меня с детства влекла живопись, но я никогда не имела возможности выделить время на ее изучение, о чем всегда очень сожалела. Я задавала Татьяне Ивановне элементарные вопросы (ты же знаешь, они самые трудные!), а она отвечала в доступной мне форме. Как сейчас помню мои первые к ней вопросы: «Что я могу познать нового, изучая абстрактную живопись, в чем ее важность, нужность? Арт – это новый способ думать в искусстве? Объясните это совсем коротко». Она улыбалась: «Это темы для целого цикла лекций. Несколько фраз вам для понимания ничего не дадут. Они для специалистов. Найдете время, приходите, побеседуем».

Я еще в школе новую молоденькую учительницу рисования, точнее сказать, практикантку донимала своими вопросами, хоть мать и «жучила» меня за прилипчивость. Не мытьем, так катаньем принуждала ее к беседам. Я тогда уже в десятом классе училась и ко всему в жизни относилась слишком критически. Наверное, у всех детей раньше или позже случается такой период взросления.

Мнением Анны Константиновны я очень дорожила. Помню, пришла к ней с альбомом репродукций «Эрмитаж» и стопкой литературы, какую могла отыскать в библиотеке, и сказала: «Мне дали задание рассказать семиклассникам о современных художниках, точнее о выставке современного пейзажа, а я не могу говорить о том, чего не понимаю. Мне неловко сознаться, что я ничего не смыслю в искусстве живописи, но я обожаю смотреть на картины и думать... Вот проходила в городе мимо театра, и его тяжелые козырьки буквально придавливали меня к земле. Мне ближе воздушность форм строений. Когда я гляжу на такие здания, то сразу вижу легкие летящие движения рук художника, рисующего эти проекты. Хотя кому-то, наверное, красота видится в масштабности и грандиозности архитектурных объектов».

Ее удивило мое, как она выразилась, серьезное углубление в живопись. Она говорила, что обычно для детей яркий цвет и свет – главное в картинах. Дети любят праздник цвета и света, а я другая. В одной из первых встреч – она мне очень запомнилась – вели мы разговор о причинах возникновения различных направлений в живописи. Я, как и большинство профанов, была противоречива, категорична, резка и глупа. Мы говорили примерно так:

– ... Что никому не понятно – так сразу авангард, а если ни на что не похоже – значит, модернизм. Для обоих направлений момент новизны является основополагающим. А некоторые стремятся столкнуть в одном произведении модерн и классику. Они отлично знают, чего хотят. Так, да? – нападала я на учительницу первой. – Наверное, сколько художников – если только они имеют свой почерк – столько и направлений? Незачем их под одну планку подгонять, искать в них общие черты, затушевывать их индивидуальность. Любые течения и направления в искусстве имеют право на жизнь – настаивала я, забрасывая ее вопросами. – Почему надо загонять художников в рамки, придуманные чиновниками от культуры или недобросовестными критиками? Так ведь не появится ничего нового, что бы открыло глаза людям на мир красоты. Надо дать творить, а жизнь сама отберет новое, лучшее, прогрессивное.

Вот запрети, допустим, одно, а вдруг именно оно помогло бы высветить людям что-то ранее не замеченное, особенное. Пусть художники пробуют, ищут. Может, при жизни их и не поднимут на победный щит, ведь часто выпячивают «серых» и замалчивают талантливых, расхваливая посредственность в угоду чему-то или кому-то, тем самым понижая планку талантливости (не выношу холуйства!). Но придет их время, и все станет на свои места, – тархтела я без умолку, выдавая на-гора стандартные обывательские фразы, воображая, что хвалюсь одновременно своей эрудицией и знанием жизни. – Только время отсечет все лишнее, смахнет шелуху бездарности. Время – лучший критик. То, что было создано прекрасным, талантливым, останется таковым навсегда...

Еще ненавижу подражательное эстетство – убежище для бесталанных, неспособных создать собственную красоту, тех, кто способен лишь отвергать созданное другими. Обычно это одномерные люди, которые никогда не рискуют и не ошибаются, не имея собственных вершин, провалов, падений. Они придирчиво наблюдают за другими, делают жесткие критические замечания, всегда готовые поддакнуть большинству или, когда потребуется, руководству. Не могут в честной борьбе достичь признания, вот и ищут повод для дискуссии, чтобы излить свою ненависть. Срывают объявления о

выставках, «размазывают» противников и конкурентов в газетах. Найдут уязвимое место художника и долбят, колют. На дух таких не переносу.

Талант дается Богом, то есть Природой, а ее нельзя обижать и предавать, иначе, как говорила моя бабушка, – жди потрясений. А эти бездарности «задвигают» талантливых. Спасу от них нет. Я много читала печальных биографий. Талантливым трудно живется среди обыкновенных людей. Их часто не понимают, им завидуют. А зависть убивает хороших людей... Говорят, в природе дарования оплачивать талант алкоголизмом или сумасшествием. Века уходят, а люди и их пороки все те же...

А есть талантливые, но придворные художники, есть конъюнктурщики. Ведь правда же? В любой профессии хватает таких. Занесло меня? По вашему лицу вижу, что занесло, – захлебываясь словами, говорила я Анне Константиновне. – ...Чувствуется, что я много прочитала, готовясь к встрече с семиклассниками?

Я гордилась своими «познаниями».

– И об этом ты собираешься рассказывать семиклассникам?.. Может, ты мне пришла читать лекцию? – засмеялась Анна Константиновна. (Она была всего на три года старше меня.) – Бродский был придворным иконописцем – Сталина писал, – но от этого он не стал менее талантливым. Время было такое. Это дело совести каждого – о чем будут его картины. Еще Леонардо да Винчи писал, что за идеологию отвечает рисунок, а за эмоции – цвет.

– Я знаю, человек – сосуд совести, и хорошо, если он не дырявый, – заторопилась я выказать свою эрудицию.

– В тебе говорит юное, глупое, неосознанное чистоплюйство и незнание многих истинных фактов истории. Нахваталась вершков, а до корешков не добралась. А в них вся соль.

Она перевела дух и медленно заговорила:

– Ужас какой-то! Нагромождение общих фраз. До чего же может договориться некомпетентный ребенок! «Подобной критики стога под каждым низеньким забором», надзиратель ты мой человеческих душ. Трепещите, враги!..

Я не обиделась за критику и обрадовалась, услышав к месту вставленную строчку стиха. Мне нравилось, что практикантка эрудированна. Я всегда от учителей ждала подобного. А они в основном предпочитали изъясняться с нами примитивным языком. Боялись, что мы их не поймем? А я хотела у них учиться говорить красиво, насыщенно, интересно и обязательно с юмором.

– Люди такие, какие они есть. Мне кажется, ты слишком много думаешь о самой себе, а не для самой себя. Ты видишь себя отдельно от реальности?.. Скорее всего, ты сейчас речь поведешь о моде на непризнанных или о несправедливо забытых художниках. Как в воду глядела? У меня есть все основания полагать, что сейчас ты станешь отвоевывать их у забвения, – с искренним возмущением, но с улыбкой корила меня учительница.

– Вы хотите сказать, что мои слова выглядят в ваших глазах безобразной выходкой? Мне так, во всяком случае, показалось и явилось полной неожиданностью, – грустно заметила я. – Я надеялась блеснуть знаниями...

– Ну, что-то вроде того. А ты решила во мне найти очередного кандидата в сочувствующие или восхваляющие? Я не разделяю многих твоих скороспелых, примитивных взглядов, – с суровой деликатностью подтвердила Анна Константиновна и поспешила увлечь меня вопросами по существу ею же самой предложенной темы.

– У тебя уже есть определенные предпочтения, пристрастия в искусстве? Наверное, обожаешь жизнерадостный смех комедий с их беспечным весельем и искрометным остроловием? Там все просто. Не правда ли?.. Так вот, направление в искусстве определяется задачами, которые художники себе ставят. Одни хотят точно скопировать жизнь, воспроизвести натуру.

– И приблизиться в своем искусстве к Богу? – остановила я Анну Константиновну.

- Можно и так сказать, - подтвердила она. - Для других эстетика важна. Возьмем любимую тобой эпоху Возрождения. Художники стремились к идеалу, к гармонии цвета, их цель - красота, удовольствие для глаз. То было время знаменитых художников и великих заказчиков. Ты вполне удовлетворена таким моим ответом?

- Я не вижу ничего непонятного в картинах Рембрандта, Микелан-джело. Прекрасное, талантливое исполнение, придаться не к чему. Что плохого в эстетике? Вы мне лучше объясните картину Шагала, ту, где главные герои парят в небе. У меня сложилось впечатление, что это рисунок десятилетнего школьника. Моя соседка так сейчас рисует.

А учительница мне ответила:

- Как запущено твое эстетическое воспитание! Может, ты, причастившись от Рембрандтовой чаши, потерялась в своих «обширных», но несгруппированных познаниях или воображаешь, что встала на обнаженный нерв того времени и надеешься, что твоя правда прошибет меня насквозь? (Как я любила эти ее заумные, красивые фразы!) Ой, поскользнешься! - пошутила она и тонко так улыбнулась. Мне показалось, с ехидцей.

- Как-то недосуг было просветиться, - ответила я деланно весело, (Откуда же ей знать о моем трудном детстве и заботе о куске хлеба в то время, когда счастливые городские дети насыщались эстетическими знаниями в художественных школах!) хотя, конечно, ее слова меня немного задели.

Но Анна Константиновна не стала выяснять причины моей занятости.

- С кондачка эту картину не объяснить. Каждый художник прежде всего хочет выразить свою эпоху и себя в ней.

- Изощряются. Надо же выделиться, чтобы их заметили. Главное, себя не забыть восславить, - опять не сдержалась я. Видно, малюсенькая, но колючая и болезненная (между прочим, обычная для многих детдомовских детей) обида еще не испарилась во мне.

Но Анна Константиновна, будто не заметив моего подначивания, сказала сухо: «Бриллианты в рекламе не нуждаются» и принялась раскрывать свою тему:

- Вот, например, в произведениях Достоевского всюду душевный разлад, разброд, мало красоты. Читая, подчас содрогаешься от отвращения. Даже образные средства языка у него более грубые, чем у других писателей. Он изображает правду жизни во всей неприглядности. В те трудные годы во всех областях жизни происходили революции. Жуткая условность была в искусстве, выхолощенность в душах людей.

Желание вернуть искусству свежесть, свободу, эмоции провоцировало художников к возврату в детскость. У Шагала в картине все это есть. Эмоциональное познание мира характерно для русского искусства. Разве ты не видишь парения, ощущения небесной, воздушной невесомости? Это же просто как дважды два. Парение для Шагала - это символ любви, образ влюбленной души, воплощение гармонии. Эта картина - гимн одухотворенной любви, которую он считал главным чувством в жизни человека. Благодаря нашим духовным усилиям мы можем летать. Тело - только резервуар для души. Душу нельзя изобразить реально. Конечно, Шагал был идеалистом, верил, что мир сотворен и управляем Богом.

- А сколько пряничности в его картине «Свадьба»? - буркнула я сердито. (Мне до сих пор неловко за эту шпильку.)

- Любое искусство иллюзорно, условно, оно не может быть точным отражением жизни. Художник должен уметь воспарить над реальностью, не забывая, конечно, о ней. Искусство должно нести элемент иррациональности... Видишь, и форма, и пластика у Шагала есть. Но здесь другой масштаб видения. А как его герои колористически выписаны! Чувствуешь весну и молодость? Какие чистые кричащие, насыщенные краски, просто чарующая игра света и цвета! Какая экспрессия, какие уверенные мазки! Если натуралистично изобразить этот пластический образ - он рассыплется. А у Шагала в нем все едино.

Видишь эту скульптуру на двухсотой странице «Эрмитажа»? Фактурная бронза,

Ренессанс. В ней вычленена плоть, и тем не менее эта фигура имеет очень четкий абрис. Вот голова – как оплавленная свеча. Понятно?

Я выразила неудовлетворение объяснением и без всяких церемоний заявила:

– С этой скульптурой мне все ясно, я ее нормально воспринимаю. А вот тут – сушилка для бутылок. Художник изменил контекст, и она сразу стала скульптурой? Это модная инсталляция? Какая изящная техника исполнения! Ярко, свежо, колоритно! Это, с позволения сказать, «искусство» – «уловитель запаха будущего?» А полотно, где кухонный стол засыпан огрызками и обрезками досок, утыканных гвоздями – это тоже произведение искусства? – повысила я голос. – Этот художник постиг совершенство? Ах, какая тонкая, но прочная натура! Зацепил он меня, я содрогаюсь от счастья, общаясь с его «творчеством»! Он трогает мои эстетические чувства. Его выставка доставила мне колоссальное удовольствие. Он, несомненно, – яркая индивидуальность, неоспоримый талант! Да? Или я опять не туда клоню? (Я тогда еще не избавилась от жесткой, подчас злой иронии, которая начала частенько накатывать на меня еще в восьмом классе.)

Этот художник, должно быть, не испытывает счастья от красоты мира. Кафка сказал: «Искусство ослеплено истиной». Ну что-то вроде того... Эти объедки и есть истина? Зачем подобные работы вопреки здравому смыслу и вкусу надо возводить в ранг произведений искусства? Внутри каждого человека должно быть заложено понятие красоты. Человек ради своих непонятных амбиций не имеет права отрываться от всего прекрасного на земле, уродовать его... Надо понимать, с кем имеем дело... Пусть карикатуры рисует и не суется в высокое искусство. С абстрактной женщиной разве захочется жить?.. И такое можно любить?.. Нет, я понимаю, художники не только красоту нам преподносят, они и войны изображают. Но и в тех картинах тоже есть какая-то эстетика... Судя по всему, те, которые... с огрызками, понимают ее иначе... и, выставляясь, тоже ждут своего звездного часа. Верят, что пройдут годы, и к их шедеврам будет не протолкнуться? Надеюсь, планка оценки талантливости и новизны не падет так низко. Для меня их «творчество», в лучшем случае...

Я замолчала под осуждающим взглядом учительницы.

«Какого черта лезу на рожон? Только этого от меня и следует ожидать? Мое поведение имеет под собой основу. У меня нет права на собственную точку зрения?.. Не дам себя убедить в глупом», – мысленно возмущалась я.

В душе не было сожаления, что критиковала это, с позволения сказать, искусство. Только чувствовала неприятное стеснение. Как будто всхлипы и стоны легкой, но злой волной трогали сердце. Не принимала его моя душа. Сличила его с тем, что видела раньше, для себя определила многое... но не приняла... Конечно, всяк торит свой путь.

– Может, поговорим о соцреализме? Рельсы, шпалы, роботы, трафаретные люди, – вяло предложила я.

– Такова эстетика нашего времени – искусство, лишенное сексуальности. Тебе известно это слово?

– Нет. Но о нем – потом. Талантливые художники часто выходят за рамки соцреализма. У них в запасе обычно находится целый букет альтернативных направлений, стилей, методов. Я об этом читала. А этот, с мусором на полотне, тоже открыл что-то новое, талантливое? – ткнула я пальцем в раскрытую книгу. – Сомневаюсь, – все больше заводилась я, в нервном возбуждении бросаясь несвязанными между собой самоуверенными фразами. – И с картиной Шагала... не дошло до меня ваше объяснение. Не совсем я его поняла. Я читала, что гармония формы и содержания – основа всех искусств. Вот с Достоевским это совпало. Следуя этому правилу, у Шагала я вижу примитивные чувства, изображенные примитивными способами. А он ведь, наверное, высокие и чистые хотел изобразить? Нестыковка выходит. Ну, разве что парение...

И я поставила учительнице в упрек уклончивость ее мнений. Получилось нехорошо, обидно. Я тут же раскаялась в своих словах и расстроилась, но она не рассердилась, только сказала с ноткой язвительной снисходительности: «Весьма неординарный взгляд на произведение талантливого художника. Прочтение романа «Война и мир», допустим, в семь лет тоже ничего не дает ребенку, и Бетховена в этом возрасте не получится, как ни старайся, играть с пониманием внутреннего содержания, прочувствованно. Ладно,

«разбор полетов» оставим на завтра. Это я тебе обещаю», - и снова принялась мне растолковывать азы:

- Первозданные чувства лучше изображать примитивным образом.

- Это как первую любовь с помощью собачьего вальса на губной гармошке? - вспыхнула я. - А я хочу ее услышать симфонией, исполненной прекрасным оркестром, и чтобы там обязательно пели скрипки. Ну в крайнем случае, хочу послушать соловья. Я так понимаю: чем выше искусство, тем глубже и полнее видит и чувствует просвещенный человек мир вокруг себя. Так зачем же нам нужен примитив? Конечно, что может понять вечно пьяный дядя Вася в великом духе эпохи Возрождения? Его, наверное, волнуют только собственные невнятные страсти, и ему этого достаточно...

Но вернемся к Шагалу. Знаете ли, так ведь все что угодно можно объяснить, подо все базу подвести и выстроить себе оправдательную теорию. Мне кажется, что этот знаменитый художник - да простит мне Бог мою некомпетентность - не сумел найти нового эффектного способа глубже и тоньше изобразить любовь двух людей, вот и пошел старым примитивным путем, которым интуитивно пользуются дети. А им просто не дано в малом возрасте знания смешения красок...

Вот в портретах Тропинина я вижу всепоглощающую любовь, нежность и всеобъемлющую доброту женщин, их, прежде всего, божественную душевную красоту. Наверное, он считал женщину вместилищем самого лучшего, что есть в человеке. Он понимал, ценил и умел их изображать, так что не требовались объяснения его картин ни тогда, ни сейчас. И через пятьсот лет люди поймут его искусство. Потому что оно истинное, прекрасное, глубокое и умное. Даже моих примитивных знаний хватает, чтобы понять и полюбить его картины. Я думаю, для него творчество было не профессией, а самой жизнью.

А еще мне кажется, он понятен всем потому, что Красота - она вне времени. Природа не ошибается в выборе прекрасного, она преподносит нам лучшее. А Тропинин умел красивое, умное и вдохновенное гениально концентрировать. Он просто любил людей.

Вот сейчас я больше вижу на картинах сюжеты о рабочих стройках. Кругом дымы, заводы. Нет, их тоже надо изображать, но так, чтобы люди не тонули в строительных лесах. И Шекспир мне понятен. Его тоже люди и их взаимоотношения интересовали. Человек - вот что главное в искусстве. Как умен Шекспир, как богат его язык! Читая его, с ума схожу от восторга! Талантище на все времена!

- Красота, о которой ты говоришь, привычная, а есть по-другому поданная, иначе преподнесенная. Великий художник никогда не видит вещи такими, какими они видятся нам, простым смертным. Он ощущает их по-своему и глубже. В этом его гениальность. И нам он пытается открыть нечто большее, чем мы знали до него. Изучая его творчество, мы начинаем понимать то, что раньше ускользало от нашего внимания.

- Не пойму, как по-новому Шагал преподнес нам влюбленных? Ну если только с помощью особенного сюжета, хотя вряд ли он так уж нов. Дети летают не только во сне, но и в мыслях, и на бумаге. Что такое особенное я не разглядела в его картине?..

- Будучи приверженцем символического искусства, он закладывал в изображаемые им образы второй, глубинный «подводный» смысл, иначе сказать, подтекст, который ты в силу своего возраста и недостатка знаний пока не улавливаешь.

- И все же не обижайте моего любимого Тропинина! Кто-то сказал: «Не трогайте великих!» Только за один портрет жены Щепкина, в котором он умудрился показать всю любовь и доброту женщин всего мира, я не могу позволить вам причислять его к художникам, пишущим для примитивной публики что-то обычное, - оскорбленная в своих самых лучших чувствах, резко заявила я. - А попытки преподнести нам окружающий мир по-особенному я видела у Филонова. Говорят, он именитый мастер, но я не большая поклонница его живописи. Я теряюсь перед ним. Люди у него очень даже странные. Зачем он их искорежил? Что он нам хотел сказать, изображая нагромождения уродств? (Теперь бы я спросила иначе: «Что за садомазохистские наклонности проявляет художник?») С моей точки зрения, он «талантливо» изображал отвращение к человеку. Да, я так его понимаю. И это есть его любовь к ближнему? Оригинально, конечно, но он далеко не Чехов от живописи. Вот вы, наверное, сейчас меня прервете. Мол, побереги

свое красноречие для подружек, мол, твоя голова набита всяким вздором. Проще сказать: мусором, соломой. Я не пустомеля, просто привыкла говорить начистоту. Так я вызываю на спор и выясняю для себя истину.

Филонов так «видел» и так «излагал» свои мысли! Он не хотел подстраиваться под кого-то или плясать под чужую дудку, вот и придумал свою манеру творить. Прекрасно! Но мне кажется, он сокрушал идею красоты и гармонии, да еще прикрывался заумными фразами! У меня что, другая организация мыслительной деятельности? Любовь, доброта и красота правят миром. Я не понимаю его художественные судороги, хоть ничего не имею против них. Такие выверты, наверное, не могут поколебать единого культурного пространства, не могут вызвать к жизни нездоровые явления.

Наверное, вы, Анна Константиновна, думаете: «Какие кощунственные, грубые, вызывающие оценки наглой дурочки!» Понимаю, что не скуплюсь на подобного рода «похвалы» по причине отсутствия достаточных знаний. И вы предполагаете, что в этом случае интуиции мало и она должна молчать? Вы, я вижу, тоже считаете, что Филонов прокладывал путь новому направлению в живописи, которого не понять школьникам или даже современникам, и только последователи, идя по проторенной дорожке, доведут его идею до совершенства. Может, конечно, и так.

- Еще раз повторяю: пойми, индивидуальность талантливого человека состоит в том, что он видит мир иначе, чем остальные. Он улавливает то, что не замечают другие. Постой, не торопись ставить телегу впереди лошади, - миролюбиво посоветовала Анна Константиновна, вздохнув мою и без того беспорядочно оформленную шевелюру. - Манера, которую нашел Филонов, называется концепцией умственного построения. В портрете мужчины, о котором ты, наверное, ведешь речь, - все несчастья мира, в нем трагедия людей. Он выписывает много лиц и глаз потому, что время не вмещает его грандиозные мысли. Мы не видим тех миров, которые видит гениальный художник. Они за гранью нашего понимания.

- Когда я что-то сначала не понимаю в учебнике, я вчитываюсь и все равно доискиваюсь, добираюсь до смысла. А тут... темный лес... Может, эта фраза нужна художникам для оправдания? Вы имеете в виду, что Филонов, как и Врубель, имел... некоторые психические отклонения? - не выдержала я. - Несмотря ни на что, Врубель мне очень близок, я его понимаю. И хотя каждый штрих на его полотнах кричит о его болезни, они вызывают любовь и сострадание. Я чувствую, что картины имеют реальную силу воздействия на людей, как музыка и литература. Вот, допустим, «Иван Грозный убивает своего сына» Репина повергает меня в ужас, в нервное возбуждение. Я не хочу ее рассматривать. Может, не доросла или не очерствела?

Но Анна Константиновна не услышала моего вопроса, а может, разозлилась или обиделась за мое предположение и не захотела отвечать. Я знала такой педагогический прием (не позволяющий сорвать урок особо любознательным, не имеющим тормозов детям), помогающий учителю довести намеченную тему до конца.

- Чтобы понять любого автора, надо иметь большой зрительский опыт, насмотренность нужна. Сначала надо научиться понимать его творчество, потом чувствовать, как он. То, что изображает Филонов, имеет отношение не к существованию человека, а к его сущности. Даже естественное общение людей почти не требует ротиков и носиков. Мы разговариваем масками, общаемся символами, понятиями.

- Символ - для меня слишком сложное и слишком многоплановое понятие. Вот, например, Христос - грандиозная личность, он - образ, воплощение скорби человеческой и на картинах некоторых художников не имеет физического лица, потому что он символ. Я понимаю этих художников и считаю, что неизвестную нам высшую силу не стоит наделять обыкновенной внешностью, пока она за пределами нашего понимания. Ведь людям со временем может открыться такое, чего они никогда еще не могли себе представить, так как его существование возможно только в ином мире, можно сказать, параллельном нашему.

И все-таки как же людям без лиц? По жизни я плохо воспринимаю человека только на слух, мне обязательно нужно видеть его глаза, я пытаюсь уловить неуловимое в его случайных, еле заметных движениях мускулов лица. Вот сделала соседка каменное лицо, глаза стали неподвижными, и только кончики губ слегка вздрогнули на мгновение. И мне все стало ясно: врет! Я не доросла до понимания ваших слов о масках, потому что не

хочу, чтобы люди общались таким образом? Но я запомню это, потому что чувствую, что вы правы. Ведь по радио я хорошо воспринимаю свои любимые литературные произведения. Но то чужая жизнь, а в своей я многое не хочу принимать: ложь, например, неуважение, и поэтому мне необходим личный контакт с собеседником...

И все же я еще очень глупая и упертая, мне все равно кажется, что у Филонова не получилось изобразить трагедию окружающей жизни, вот он и придумал себе навороченную гадость. Меня трясет от его картин. Вот Рокуэлл Кент сумел измученную войной Европу изобразить в виде женщины (прекрасный символ!), и ему хватило ума и таланта несколькими карандашными линиями и отдельными штрихами выразить трагедию людей целого континента.

Конечно, наверное, филоновские заморочки тоже имеют право на существование, но я их не поставлю в один ряд с картинами моих любимых художников. Моя душа отторгает, не принимает его. А кому-то ведь и он дорог. Не понимаю я этих абстракционистов. Видно, мои познания в живописи не идут так далеко. И мне еще расти и расти...

Вот экстравагантного, экзальтированного... как же его... с очень смешными усами!.. Еще жена у него Гала, русская. Вспомнила - Сальвадор Дали! - Я понимаю этого Дали, несмотря на вычурность его сюрреалистических произведений. Его картины яркие, сочные, иногда, как мне кажется, немного насмешливые и даже... простите, немного шизофреничные, но такие пронзительно нежные и лиричные. Они - отражение его фантазий, и тут он волен изобретать такое умопомрачительное, что, как у нас в школе говорят, и на голову не наденешь. И оно может очень даже нравиться, особенно если это эстетично.

Я с удовольствием рассматриваю его картины в книгах по искусству, пытаюсь расшифровать заложенный в них умный смысл. И, надо заметить, когда нахожу, очень радуюсь. Он вызывает во мне положительные эмоции, он мне интересен. Среди современных художников такого гения ищи не ищи - не найдешь. Или стоит поискать? Ладно, ладно, промолчу.

- Зачем молчать? Если эти вопросы для тебя значительны, они должны получать в тебе развитие. Но об этом потом... Вот ты и сама доросла до некоторого понимания великого художника. Хотя пока еще слишком буквально его воспринимаешь. Глядишь, и дорастешь до понимания Филонова и Шагала, - с улыбкой сказала мне будущая учительница рисования. - Картины Дали - попытка ответить на вопросы своей эпохи. В них - стремление проникнуть в глубины подсознания и распахнуть их, освободиться от давления разума на пласты подсознания. Стесненное, зажатое пространство нашей жизни заставляет нас жить во времени. Время ведь более емкое и гибкое, чем пространство. (?) И художнику важно создание метода, адекватного запросам времени, тогда оно будет щедро дарить ему вдохновение, станет способствовать его максимальной отдаче. И тогда перестанут для него существовать мелочи быта, и перед ним остается только главное - его творчество.

- Красиво, но очень сложно сказано! Я понимаю эту фразу на бытовом уровне, но никак не на глобальном. А в ней чувствуется что-то космическое, что ли...

- Ты знаешь, что сначала живопись была плоской. Художники эпохи Возрождения открыли объем и перспективу. Сальвадор Дали изобразил перспективу внутри Иисуса. Человек внутри пространства, пространство внутри человека. Понятна его идея?.. Все последующие поколения художников стоят на плечах предыдущих, продолжая и развивая искусство живописи.

- Вы говорите так, словно сами пишете картины в том же стиле. Это ваш секрет? Я не имею права приставать... Мне кажется, великий Дали несколько вышел из своего времени и поднялся над ним. Когда художник пишет, он, наверное, не знает, какие красивые слова будут говорить о его картинах и как умно и интересно будут объяснять суть его творчества, его особенности, мотивы. Художник, наверное, просто пишет, не задумываясь над тем, что выдает его фантазия, как водит его рукой Всевышний, - предположила я. - Он не сидит в задумчивой позе и не думает: «И где бы мне почерпнуть свежие мысли для своего искусства?» Или все же думает?

- Чаще не думает. И после завершения работы не помнит... Вернемся к нашей теме. У каждого человека есть врожденные таланты. Один художественно не одарен, но ему

дано воспринимать цвет и ритм – именно они вызывают в нем глубочайшие переживания – и он будет ярко ощущать внутри себя драматургию цвета, потому что она его больше трогает. Другой лучше чувствует нюансы изменения формы. Отсюда разные акценты. И ни к чему тут все переиначивать. Каждому близко и понятно что-то свое. Обычно мы смотрим на мир через одну или две грани кристалла, а Филонов учит видеть его через множество граней одновременно.

– Судя по картинам, я должна понимать ваши слова в прямом или переносном смысле? – чуточку «проехала» я по непонятному мне художнику. – Разве знаменитый сюрреалист не тому же учит?.. Как вы считаете, какая картина из тех, что мы с вами видели на последней выставке современных художников нашей области, заслуживает того, чтобы около нее остановились и специалисты, и новички?

– Думаю, «Ирисы». Она яркий пример того, что современное искусство – искусство высокого реализма. И еще прекрасная картина: розовые и голубые в легкой изморози листья осины на фоне ослепительно чистого снега.

– Во второй столько романтической нежности! Ваше мнение совпало с моим. Очень приятно. Это подтверждает мою теорию: мимо талантливого произведения никто не пройдет. Когда люди долго и молча стоят у некоторых полотен, я понимаю – их что-то привлекло в них, затянуло. И мне кажется, этот факт, подобное проявление чувств зрителей является одним из символов ухода искусства этого художника в вечность. Такие произведения не растворятся в капризах новой моды, они не подвержены старению. Я опять «загнула»? Люблю красивые слова, медом меня не корми, а дай высказаться высоким «штилем». У каждого свои слабости, – попыталась я оправдать свою болтливость. И тут же продолжила: – Вот в одном пейзаже я почувствовала отстраненность, а в другом как бы сама вместе с автором смотрела на природу. Вторая картина мне больше понравилась. Она все время притягивала мой взгляд... А почему говорят, что искусство требует жертв?

– Потому что жизнь человека коротка, а творения гениев остаются в веках. Гениальный художник ответственен перед вечностью. Вот ради создания этих шедевров он и жертвует собой. Творчество ведет его за собой, и подчас оно бывает сильнее самого художника.

– А разве наука не требует всепоглощающего трудолюбия? Я думаю, жертвенности требует деятельность гениев в любой области жизни. И не только гениев... Ой! Еще Малевич меня интересует, его нашумевший «Черный квадрат». Мне кажется, некоторые художники отрабатывают тупиковые ходы. (Шахматный термин.) В своем большинстве они убоги по изобразительному «языку» и новаторством объявляют непрофессионализм. Часто они предъявляют народу чистой воды псевдоноваторство со своими чудовищными перекосами... Чувствуете, как серьезно я изучала «Всемирную историю искусства» и критику современных художников? Не зря просидела полдня в читальном зале областной библиотеки, когда со своим классом ездила в город на экскурсию. Так вот Малевич. В чем его талант?

Анна Константиновна опять снисходительно-недовольно улыбнулась, как бы напряженно ожидая, какую еще очередную выходку я себе позволю. Потом прервала мои «изыски». Наверное, она поняла, что я, по глупости, собираюсь слишком жестко высказаться о гении, и сочла такое непозволительным. Но ведь андерсеновский мальчик был прав, когда кричал: «А король-то голый!» – думала я, разгоряченная беседой. Я же таким образом просто хотела четче, резче, грубее подсказать ей наиболее острые моменты своего непонимания, требующие разъяснения. Я провоцировала ее, как не раз случалось на уроках.

– Начиная Малевич реалистом, – спокойно и терпеливо, как и положено хорошему педагогу, – продолжала Анна Константиновна, – потом проникся идеей построения нового унифицированного человека-винтика.

– Стадом проще руководить, чем индивидами. Он поддерживал эту порочную идею? Разве это говорит об его уме? Может, он пастухом хотел стать? – фыркнула я недовольно, опять нетактично проявив свое нетерпение.

Меня почему-то раздражало объяснение таланта через историческую оболочку. Мне казалось, что истинный талант вне времени и пространства. Он либо есть, либо его нет.

Это то, о чем он пишет, может быть проникнуто временем, но только не то, как он это делает. Как – это и есть талант.

– Стадо, как ты изволила выразиться о народе, может быть высокоинтеллектуальным, к чему наше общество, собственно, и стремится. Мы о политике говорим или об искусстве? – строго переспросила меня Анна Константиновна, как нашкодившего первоклассника. – Гениальность Малевича в детскости.

– «Черный квадрат» – это детскость? – удивилась я.

– Не перебивай, – рассердилась практикантка. – У детей душа открыта, а у нас, у взрослых, одни стереотипы в голове. Вспомни его образ нового человека: призматический корпус, голова-треугольник, чистые локальные цвета без оттенков.

– Тоже мне гениальность! – искренне возмутилась я, снова завладев нитью разговора. – Мой друг Сашка в шесть лет именно так рисовал человека. Я еще ссорилась с ним, пытаюсь обратить его внимание на изображение выражения лица у человека, на его объемность, а он, глупый, только отмахивался, мол, руки-ноги есть, и ладно. Человек должен стремиться в своем развитии к вершинам, как теперь принято говорить, а Малевича тоже назад, в детство тянуло, в примитивизм? Ни-че-го не понимаю!

– Уверю тебя: если это и примитивизм, то примитивизм гениальный! – отрезала Анна Константиновна. – При чем здесь Малевич? Он – художник, а вот некоторые вроде... некоторые «за щетинкой не видят лица» и души человека... Художники, знаешь ли, бывают философы и виртуозы...

Наверное, практикантке трудно было говорить с такой упрямой и бестолковой ученицей, нахватавшейся азов, да еще и пытающейся спорить со специалистом. Я ей искренне сочувствовала, но не отступала. Мне хотелось понять! И она не отмахивалась от меня, как от назойливой мухи. «Может, я напоминаю ей себя в ее недалеком детстве?» – искала я объяснение ее терпению и оправдание себе.

– Еще раз повторяю: талантливый художник открыт, как ребенок, и именно поэтому он открывает мир, а аналитический ум он использует позже, когда думает, куда идти дальше. Малевич думал, думал и уперся в стену. Он разрушил божественные формы, а дальше видит – нет ничего. Дальше пустота, ничто, черный провал. В этом и состоит его гениальное открытие. Черный квадрат – это страшный образ бездны. Она ничто и в то же время способна вместить абсолютно все. Эта картина – символ, она обладает странной энергетикой. Она – стон! Она – вопль! Теперь каждый зритель по-своему на нее молится. Малевич сказал своим критикам-современникам: «Вы будете стариками, когда я буду понят».

– Ну, это уже мистика, экзистенциализм, философия. Мы это по истории недавно проходили. Тут открывается широкий простор для фантазии каждого индивида – что хочу, то и ворочу. Получается, что Малевич шел, шел, и все-таки пришел к мысли, что не надо уродовать красоту – это тупик в искусстве. Ведь именно к этому выводу он пришел, да?.. Нет, я не критикую Малевича. Он, наверное, талантливый и, может быть, даже гениальный уже потому, что дошел до этой простой истины. Ведь элементарные истины – аксиомы – невозможно доказать, их можно только осознать. Нам про это на уроках геометрии говорили.

Его идея черного квадрата – просто гениальна! Но искусства эта идея касается, как я понимаю, только одной своей гранью, в ней больше философии. Неудовлетворенный своей манерой письма, Малевич, наверное, искал еще что-то новое, особенное или пытался расширить то, что создавали его современники, собрать по кисти. Он преуспел в этом или «закрылся» черным квадратом? А его красный квадрат – это кровь и слезы? Был бы оранжевый, я бы подумала, что он изобразил солнце в окне, радость, надежду на счастье. Но для великого художника это было бы слишком примитивно. Наверное, эта картина не имела бы уже такого оглушительного успеха.

Не знаю почему, но Малевич представляется мне каким-то тоскливым, разочарованным художником. Его «Черный квадрат» и «Черный человек» Есенина перекликаются в моем сознании, вызывая близкие ассоциации. Как сказал мой сосед-алкаш, который некстати подвернулся мне во время чтения этого произведения на завалинке моей хаты: «Правда – жестокая вещь. Когда слышу ее – напиться хочется». Мой сосед – «философ», наверное,

потому и пьет. А может, он пьет, потому что не вредный, а какой-то трогательно наивный, беззащитный, совсем как ребенок. Понимаю, мое сравнение недопустимо глупое. Но оно так и напрашивается на мой беспокойный язык... А Есенина я не только понимаю и люблю, но и чувствую. Только вы про это никому не говорите. Не знаю, как в городе, но у нас он до сих пор запрещенный.

Практикантка неопределенно повела плечами, но взглядом успокоила меня.

– Я знаю, что мир многообразен, и нельзя отказываться ни от каких способов и путей его познания, но я против разрушения божественной красоты и гармонии. Еще в первом классе, гуляя по осеннему парку и рассматривая яркие кленовые листья, я сообразила, что как ни изошряйся, лучше, чем создала Природа, ничего не придумаешь: ни новых форм, ни линий, ни новых оттенков цвета. Помню, меня тогда поразила эта моя мысль... Надо уметь талантливо использовать уже данное свыше. И некоторые художники делают это гениально... Им бы еще гениальный замысел...

Я часто слышала фразу: «Художник так видит», но не понимала ее. И вот как-то посещала я выставку – благо к родственникам в город за продуктами мы ездим регулярно – и вижу: на одной картине изображены два грациозных, но странных силуэта. И вдруг поняла, откуда у художника такая особенная манера изображения человеческих тел. Он на самом деле видел их такими! И я тоже увидела, но не как художник, а с точки зрения изучения оптических явлений.

Было серое утро. Я стояла в начале длинного, как чулок, школьного коридора спиной к одному окну, а ученики шли к другому, к тому, что в конце коридора. Их фигуры выглядели составленными, как мне казалось, из неестественно вытянутых треугольников и трапеций. Они были какие-то схематичные, нечеткие и будто неживые – хотя перемещались – похожие на изящных инопланетян, сошедших с картин художника-фантаста в своеобразном преломлении его мысли. То были люди-тени.

Я не прикладывала никаких усилий, чтобы увидеть их такими. «Здесь поработали свет и тень, – догадалась я. – Я вижу перед собой наглядный физический, естественно-природный опыт по теме «границы применимости классической оптики Ньютона в зависимости от расстояния». Это просто «возникновение при определенных условиях загибания света в область тени». Об этом рассказывала наша прекрасная учительница физики. Художник тоже подглядел это природное явление, так, наверное, и появилось новое течение в искусстве, – с восторгом закончила я свой многословный монолог. Я была очень довольна собой!

– Помолчи немного, иначе мы с тобой далеко не продвинемся. Ты видела репродукцию картины Пикассо «Апокалипсис»? – спросила Анна Константиновна, пользуясь моей секундной передышкой. – В формах, в колорите нет ничего натуроподобного, а кровь стынет, когда видишь его мертвенно серо-желто-черные человеческие тела, искаженные войной, и чувствуешь, как смертоносное дыхание сметает на своем пути все до последней растущей на Земле травинки.

Одна из возможных интерпретаций сюжета этого полотна отсылает нас к картине страшного суда, к предвидению мрачного судного дня. Тема ужасов, катастроф – жуткое глубинное послание, идущее из основ бытия... А знаешь, когда нацистский офицер спросил Пикассо: «Это вы сделали?», он смело ответил: «Нет, это сделали вы!» Вот какой это был художник!

– Мне приходилось рассматривать в альбомах серию «Апокалипсис» Дюрера, картины Босха и Брейгеля. И «Апокалипсис» Пикассо тоже видела. Гениальное произведение! И сюжет, и воплощение потрясают. Эта картина – бессловесный, безгласный мир ужаса и боли. Она вопит о человеческой трагедии. А вот «Девочка на шаре» Пикассо меня как-то не задела. Не дано мне отыскать в ней зерна гениальности художника. Наверное, не доросла до ее понимания. И вообще... мне кажется, что иногда своими нововведениями Пикассо разрушал красоту... или за деньги рисовал модную ерунду. Как можно жить рядом с его уродливыми женщинами?... Простите за мое глупое откровение... – смущенно пробормотала я, не отрывая глаз от пола.

Похоже, я шокировала учительницу. Она долго молчала, и я решила заговорить о другом, менее спорном и «пожароопасном».

- Помню, еще маленькой я была дотошная, настырная и прилипчивая к интересным людям, вот и спросила одного художника, почему у него деревья красные. Он объяснил мне, что существует такой прием для усиления производимого впечатления - цвет выбрать более яркий, чем есть в реальности.

И в картине «Апокалипсис» все направлено на усиления впечатления, чтобы изображение приобрело характер откровенного гротеска. Только тут наоборот - отсутствуют яркие краски. (А как же иначе!) Всюду страшно вытянутые, жуткие тела в диких неестественных позах, раздавленные дыханием неизбежного... А эта безотчетная выразительность - когда трагизмом дышит каждый мазок - тоже составляющая ужасного единого целого... Этот триумф смерти...

В этой картине я прежде всего вижу творческий ум художника, способный талантливим сюжетом потрясти даже не очень образованного человека (это я о себе), а потом уже гениальность его воплощения. Хотя, возможно, чтобы создать этот шедевр, оба качества у автора шли вровень, так сказать, в гармонии, и я не должна их разделять.

У меня, помню, мелькнула тогда странная мысль, что горе и страдание - это те ипостаси, через которые художник выразил свой талант. И, судя по картине, получалось, что не только через понимание прекрасного можно ощутить желание жить и любить, но и через сочувствие, сопереживание, даже через жуть происходящего, через страх потерять наш чудный мир.

Много чего нового, непонятного наворачивалось в моей голове, поднимаясь откуда-то из глубины души, пока я рассматривала эту картину. Потряс меня до основания ужас, кричащий с полотна... Это было впечатление, несопоставимое ни с каким другим.

Интересно, Пикассо долго шел к идее создания этого произведения, к пониманию его способов выражения, или его одномоментно озарило? Собственно, это неважно. Главное - есть шедевр, и он останется в веках... Пикассо разнообразен, наверное, потому, что, говоря казенным языком, он тоже шел к своим шедеврам методом проб и ошибок?

- Суконным языком, - шутливо вставила Анна Константиновна. - Ты в этой картине отметила его необычайную любовь к деталям?

- Да. В этом он тоже гениален. А еще меня картина Мунка «Крик» потрясла. У него, как мне показалось, немного детское, но такое глубокое, я бы даже сказала глубинное понимания страха и ужаса в душе человека! Я тогда себя трехлетней вспомнила... Как чутко художник уловил это состояние! И как интересно выразил его. Вот где единство формы и содержания! Талант налицо...

А я в пятом классе нарисовала трясущегося от страха мальчика вибрирующими, дрожащими линиями. Но когда внимательно всмотрелась, то поняла, что это рисунок-насмешка для журнала «Крокодил». Не вывела я душу мальчика наружу. Только свое брезгливое отношение к чужому страху показала. Не сумела, не доросла до изображения глубокого. А ведь хотела, очень хотела. Наверное, именно тогда поняла, что не мне оформлять книжки картинками, кому-то более талантливому, которому доступно понятия символа. Вот и малюю шутливые портреты своих друзей. К ним меньше требований. Хотя как сказать...

- Ты пойми, - опять начала меня просвещать Анна Константиновна, не дослушав моих эмоциональных излияний, - меняется окружающая действительность, изменяется наш внутренний мир, и искусство должно меняться. У каждой эпохи свои шедевры, у каждого времени своя правда. К тому же человека всегда влечет новое, непривычное. Это тоже стимулирует поиск.

- Насчет фразы «своя правда» - не стану спорить, я ее не понимаю. У нее, похоже, социальные корни, и поэтому она меня не увлекает. Это не мое. Меня она просто неприятно задает... Мне почему-то вдруг одна выставка вспомнилась. Я тогда в шестом классе училась. Нас, отличников и лучших по трудовым показателям ребят, тогда премировали поездкой в город. Привели на выставку. А там был целый ряд картин, начиная от Адама (древних) до современных авторов. И что я увидела? После Леонардо да Винчи, чем ближе к нашему времени, тем примитивнее смотрелась живопись! Грустно мне стало. Получалось, что таланты по нисходящей уходят. Успокоила себя тем, что картины кем-то были подобраны очень неудачно или в наш город «не завезли»

шедевров... Хотя мне себя обычно трудно бывает усахарить, но, видно, очень хотелось верить в лучшее...

Я понимаю, что нет конца совершенству, а значит, и поиску, стремлению к совершенству. Здесь кто на ощупь идет, кого Всевышний ведет, как говорит моя бабушка. В искусстве, как и в науке, надо расширять границы познания мира, искать способы и методы реализации идей. Каждое время ставит новые вопросы, и на них приходится отвечать, вот именно поэтому в картинах художников мне прежде всего важно видеть талантливый сюжет, новые средства и способы выражения сущности, а потом уже блестящее исполнение. Изображение привлекает меня в первый момент ненадолго, а потом я начинаю «копаться» в произведении, искать суть. Натура у меня такая, что ли, техническая в первую очередь.

Вот Рембрандт, например, внес новое в постановке света, Леонардо да Винчи изобрел новые краски и тем мне тоже особенно ценен, помимо всего прочего. Под прочим в данный момент я имею в виду его гениальные картины, – торопливо и бестолково раскрывалась я перед Анной Константиновной, боясь не успеть высказаться. – Говорят, в искусстве не бывает прогресса. А как же новаторства в области света и цвета, открытие объемного изображения и многое другое? Просто он не так явно выражен, как в науке.

– В науке главное – «что?», а в искусстве – «как?» – улыбнулась учительница, сразу поняв меня.

– Очень важное замечание! Обязательно возьму на вооружение! – обрадовалась я новому для меня афоризму. – Вот совсем недавно я записала в дневник, что мы, русские, спрашиваем, зачем живем, а американцы – как жить. Вот ведь какая интересная между нами разница. А еще я услышала про американцев: когда они улыбаются – это у них означает – у меня все хорошо, а если русский улыбается, то он хочет этим сказать – у нас с вами все будет хорошо. Несхожая у нас психология. Поймем ли мы когда-нибудь друг друга?

– Если захотим, то поймем.

– Если они тоже захотят, то поймем, – добавила я.

Анна Константиновна рассмеялась и потрепала меня за вихры. И я поняла, что, позволяя мне вольничать, она не боится, как и моя математичка, уменьшить интервал между учителем и учеником. Школьники ценят это редкое качество в педагогах.

– Вернемся к твоим вопросам, – сказала она. – Я тебе уже говорила, что у каждой эпохи свои шедевры. Некоторые картины, дошедшие до нас из семнадцатого века, уже не смотрятся шедеврами – не выдержали они испытание временем, а другие до сих пор восхищают.

– Может, потому, что некоторые просто были менее талантливыми? – осторожно не согласилась я. – Или они устарели потому, что наука живописи еще не открыла к тому времени для себя многое из того, что стало известно позже? Вот Шекспир – гений на все времена. Что в нем есть такого, что никто не может его «перепеть»? Я обязательно должна в этом разобраться. Простите, я, как всегда, излишне категорична.

Мне трудно определить по качеству рисунка, шедевр это или нет. Но вот как-то увидела на картине старенький домик у церкви, и сердце мое нежно всколыхнулось. Домик совсем не похож на тот, в котором я жила в раннем детстве, но какие-то подсознательные струны моей души он задел, и в груди разлилось тепло, и тихая радость окутала меня. Как, каким способом этот простенький рисунок пробудил во мне столько добрых чувств? Для меня он талантливый, а другой человек может пройти мимо...

И еще знаете что в этом полотне было поразительнее всего? Необычайно сильная печать русского колорита. (Я сравнивала его с итальянским пейзажем. Красиво, но не так цепляет.) Может, поэтому он так тронул меня, мою душу?.. Или еще что-то?.. Я понимаю, что не знаю предмета нашего разговора, поэтому диалога у нас с вами не получается, но мне очень хочется знать, понимать...

И что это мы все про великих? Мне нравится один портрет на стене нашего кабинета физики. Автор мне неизвестен. Так вот лицо ученого он изобразил так объемно, что оно

словно бы выступает из плоскости картины. Этот ученый будто бы выглядывает из своего времени и с интересом следит за нашими уроками. Ощущения мои настолько реальны, что, взглянув на этот портрет, я каждый раз вздрагиваю.

А еще меня привлекает картина в кабинете биологии. На первый взгляд ничего особенного, ничего примечательного в ней в смысле красоты нет. Она валялась у дворника в его «конуре». Ее повесила учительница, лишь бы чем-нибудь пустой угол заполнить. Изображенный на ней букет увядающих пионов в вазе на темном столе наводит на меня тоску. А вот окно и вид, открывающийся за ним, как бы является продолжением комнаты, в которой находилась и я. Любопытное, знаете ли, ощущение. И я не упускаю случая «посетить» этот странный уголок.

К тому же, разглядывая каждый предмет на картине под разными углами зрения, я по привычке составляю из мазков и теней какие-то свои изображения. Художник так интересно обыграл цвет белого пиона, что я увидела в нем голову прекрасного, улыбающегося старика с шикарной седой шевелюрой. Его лицо со здоровым розовым румянцем выглядит настолько осязаемым, что мне кажется, будто оно дышит энергией и задором. А в понурых бордовых пионах я разглядела уморительные рожицы котят. Я им подмигиваю, разговариваю с ними, если на уроке мне скучно.

Анна Константиновна прервала мои рассуждения.

- Вопрос на засыпку. Тебе, наверное, крепко достается от учителей? - с лукавой улыбкой спросила она под конец разговора.

- Нет, - ответила я серьезно. - Если я чувствую, что учитель ничего не может мне дать, я и не пристаю к нему. А знающие педагоги - терпеливые. Многие, такие, как наша математичка, даже любят, когда я их атакую. У них появляется возможность проявить свою эрудицию...

После нескольких бесед с практиканткой из педагогического института я ощутила себя двоечницей. Я поняла - все мои знания в области изобразительного искусства на уровне интуиции, и загрузила, что уже не успею «просветиться» от нее в той мере, в которой хотела бы, что мы так и не доберемся с ней до разрешения многих интересных для меня вопросов. Тогда я не умела слушать собеседника, понапрасну много и глупо спорила. А педпрактика оказалась такой короткой, и она так быстро пролетела! Уехала Анна Константиновна. И я всерьез горевала о наших несостоявшихся беседах. Долго еще у меня в ушах звучал ее молодой, звонкий, хрустальный голос и чудилась ее тоненькая фигурка, скользящая между деревьев нашего школьного парка... Я так была благодарна ей за то, что она тратила на меня свои неурочные часы. Я была без ума от нее...

Как ни странно, несмотря на молодость, Анна Константиновна достаточно быстро покончила с моими главными заблуждениями, колебаниями, смятениями. Знаешь, бывало, в детстве читаешь по ночам с фонариком «жим-жим» умных книжек и начинаешь воображать из себя невесту что... Повзрослев, я была уже не так критична и категорична по отношению к талантливым художникам, пыталась понять суть их дарования... Ах это милое глупое, искреннее детство!..

Школьное время познания искусства уже было упущено мною безвозвратно. Не было у нас художественной школы. Я же жила в деревне, а там - сено, огород, строительство дома, дрова, скотина. Да мало ли еще какие дела... Мне тогда крепко влетало за опоздания из школы, но я не раскрывала родителям своей тайны. Мне были дороги наши беседы... Работа, только монотонная нудная ежедневная работа по хозяйству! Мне ведь удавалось выкраивать время только на то, чтобы иногда полистать альбомы с репродукциями знаменитых художников или на короткое время заскочить в выставочные залы в городе, чтобы буквально на бегу посмотреть картины какого-нибудь современного автора. Как я завидовала свободе городских детей! И так мне иногда бывало грустно... душа жаждала большего...

А теперь вот по прошествии стольких лет иногда к Татьяне Ивановне заглядываю, чтобы окупиться в омут ее знаний.

- Как-то мы с Соней - ты же ее помнишь? - о современных художниках спорили. Она

утверждала, что Ника Сафронов, используя некомпетентность богатых покупателей, «втюхивает» им свои модные в данный период времени «творения» как самые гениальные... – поделилась Инна.

Но Лена продолжила свой рассказ:

– Во время одной из бесед с Татьяной Ивановной неожиданно остро почувствовала свой возраст, вернее свое нездоровье – это было вскоре после операции. Беседа меня очень утомила. На меня начала накатывать депрессия – недовольство собой, переплетенное с усталостью и безысходностью. Помню, Татьяна Ивановна еще что-то объясняла, и мне еще хотелось ее слушать, но я уже не могла: захлестывало раздражение, желание подвергать любые ее слова критике. Я уже плохо владела собой, меня начинало трясти. Как всегда в таких случаях, меня потянуло в уединение.

Я еще пыталась бороться с нахлынувшим болезненным состоянием, пыталась рассматривать картины, записывать в блокнот свои ощущения. Но я не могла уже ни четко выражать свои мысли, ни воспринимать чужие. Я сумела только еще дважды обойти зал, чтобы найти новую знакомую, желая извиниться за нетактичное поведение, вызванное плохим самочувствием, и попрощаться. А не найдя ее, разнервничалась еще больше, готова была разреветься из-за того, что не желая, своим невниманием, наверное, обидела прекрасного человека. Такие вот теперь у меня нервишки. Пришлось срочно уйти, скрыться с глаз подальше от людей, домой, в свою келью, в уединение, чтобы ни на кого не переносить свое раздражение. Собственно, я даже не помнила, как покинула просмотровый зал. Такое вот у меня бывают теперь не совсем удачные встречи с Татьяной Ивановной.

Потом еще случались беседы, и я опять спорила и, может быть, часто не по делу. Все было... Вот, например, мне казалось, что с появлением качественной цветной фотографии – хотя нет предела совершенству – отпадает необходимость в художниках-пейзажистах. Только истинные шедевры могут стоять рядом с творениями природы, или они должны быть слишком нетрадиционными, не натуралистическими, но прекрасными. Я недавно посетила всемирную фотовыставку «Природа», именно она меня подтолкнула к такому выводу. Как знать, а может, развитие фотографии, напротив, способствует подъему этого прекрасного вида искусства?.. Ведь умудряются же современные художники, связывая в своем творчестве многовековые традиции предшественников, придумывать что-то совершенно новое... Может, они это новое опять-таки подглядывают у Природы? Да какая, в принципе, разница где. Лишь бы радовало, восхищало, поражало. Может, именно это как раз и нужно для того, чтобы достичь совершенства в изображении невероятно щедрой красоты мира, для разъяснения его тем, кто раньше не замечал его прелести?.. И опять я задавала смешные, противоречивые и парадоксальные вопросы, а потом смущенно спрашивала: «Я неисправимая? Вы еще не потонули в моих рассуждениях? Не устали?» И снова упрямо утверждала: «Теперь всё, что продается, то и есть искусство? Только я с этим не согласна...»

Недавно опять встретились. «Вы уже на пенсии?» – поинтересовалась я. Наверное, это прозвучало бестактно. Татьяна Ивановна ответила с едва заметной усмешкой: «Да. Но знания и опыт на пенсию не отправишь. Дома работаю».

– Вот слушаю тебя и думаю: «На самом деле твоя речь в те юные годы была такой сложной, я бы даже сказала умной?»

– Иронизируешь? А зря. Ты бы знала, как я любила «заливать» лет с четырнадцати. Ей-ей заслушалась бы! Особенно если про природу... крупными сочными мазками... В восьмом классе Горькому подражала. Помнишь его «Буревестник»? Потом по-своему писать стала, но не менее ярко и эмоционально, но, правда, не социально.

– И на острие твоей мысли-кисти рождались шедевры, – рассмеялась Алла.

– Как оказалось... иногда да. А теперь суше, жестче излагаю свои мысли. Ты не представляешь, насколько богаче был мой язык, когда я заканчивала школу. Часто ловлю себя на мысли, что и это слово было мне знакомо с детства, а потом забыто, и это, и это... Особенно остро я это почувствовала, прочитав книгу своего земляка. В моем лексиконе после вуза появилось много технических слов, но сколько я потеряла исконно народных, характерных именно для области, где прошло мое детство! И если они по какой-то причине вдруг всплывают в моей памяти, я им радуюсь, как ребенок конфете.

«Было бы о чем беспокоиться?» – скажешь ты. А для меня это трагедия, сравнимая с исчезновением растительных и животных видов на планете... Люблю родной язык.

Лену отвлек от разговора высокий голос Инны, как всегда, что-то настойчиво доказывающий. Оказывается, женщины все еще продолжали спорить о прошлом.

«Надоело говорить и спорить...»

- ...Смотрю как-то по телевизору «круглый стол», солидные люди беседуют, мол, «в интересное время живем. Тепла и счастья доставалось немного, война долго отдавалась отголосками в быту людей. Жили бедно, но нравственных канонов не теряли...»

«Сталина еще успели вкусить, захватили попытки Хрущева поднять сельское хозяйство. Нелепость его экономической политики в упор не видели. Но после «вождя народов» он был светом в окошке. Особенно поначалу. Застойную эпоху Брежнева пережили с его несуразным, вопреки всякой логике, соотношением цен и дефицита, потом перестройку Горбачева и Ельцина. Есть о чем вспоминать. Теперь вот время Путина стараемся осмыслить. Акценты расставлены правильно, а что на деле получится – посмотрим. Хотелось бы, чтобы был чуть жестче к коррупционерам.» «Мы, как всегда, много говорим. Год как разменяли третье тысячелетие. Что оно принесет миру?» Слушаю и пугаюсь. Раньше только на кухне об этом шептались, а теперь всеуслышание... Свобода! – Это Аня тихо делится с Милой.

- ...Нечего оплевывать наше прошлое, демонстрируя по своей неистребимой совковой привычке возмутительное высокомерие, и называть Родину страной «безнадежно кривых зеркал». Наше счастье оплачено немереной кровью отцов... Отмотай киноленту своей жизни назад. Ничто нас не испортило: ни пионерия, ни комсомол. Мы взяли из них много полезного. – Это Рита возмутилась.

- ...Ничего подобного? Почему ты так яростно отстаиваешь наше сомнительное прошлое? Оправдание ищешь? Мол, мы искренне заблуждались. Сколько не говори «халва, халва», слаще во рту не станет. Забыла, как Таисию вызывали на комсомольское бюро за огромный белый бант, которым она украсила свои прекрасные черные волосы, и как ты пряталась под партой и втихомолку, испуганно постанывая, пыталась поскорее избавиться от такого же банта, только черного, – поддела Риту Инна.

- Банты? Какая мелочь, было бы о чем говорить! Ведь никаких крупных оргвыводов по этому поводу не последовало. Я не иду на попятный. Случались где-то, как теперь мы знаем, перегибы, но только не в нашем университете. Все эти строгости, насколько я понимала, вводились для пресечения возможности ношения чего-то еще более экстравагантного... для нашей же пользы, чтобы некоторые студенты по бедности не чувствовали себя ущемленными. Наши педагоги тоже ходили на занятия без изысков в одежде и тем самым убеждали нас в приоритете духовных ценностей. Строгие запреты довольно скоро были сняты, потому что жизнь налаживалась и в них уже не видели необходимости. Признаешь мое объяснение разумным?

И все же сквозь смуглую кожу щек Риты проступил румянец. Она прятала глаза. Не от смущения, от стыда, что тогда не сумела опровергнуть сомнительный тезис куратора группы, то бишь наставника. И сейчас она пыталась оправдать свою тогдашнюю неуверенность и боязливость.

- С тебя взятки гладки, – рассмеялась Инна.

- В МГУ на физическом и механико-математическом тоже в этом плане отклонений я не замечала. Наукой до предела головы студентов были заняты, – сказала Лена.

- Да уж не постигали науку быть привлекательными и очаровательными для мужчин, – рассмеялась Жанна.

- Там же иностранцы учились. Им не запретишь... – криво усмехнулась Инна. – Я с филологами дружила, была там своим человеком. Стихи они шутливо-критические сочиняли. Дошло до ушей начальства. Дело раздули. Этого было достаточно, чтобы троих ребят исключить из списков студентов. Отчислили без права восстановления. Кандидатов на их место взяли. Многие из них тогда ожидали случая попасть в студенты. Моя подруга только на четвертом курсе такой чести удостоилась... Были сломаны судьбы мальчишек. Такой вот зигзаг неудачи. А ведь была оттепель. Но все равно глохли интересные студенческие идеи, руководство боялось каждого чиха, зверело от страха, – подкинула свой последний козырь Инна.

- То есть? – насторожилась Рита. – Объясни доходчивее. Не тяни kota за хвост. Это что еще там глохло? У нас были прекрасные КВНЫ. А вспомни танец псковитянок,

поставленный Галкой. Ты же сама поражалась, как художественный совет позволил девушкам танцевать в просвечивающихся платьях. Забыла? Может, ты и правда что-то чувствовала больше нас, но даже сама себе этого объяснить не умела. Знала о перегибах, о стихах, переписываемых от руки... и жила с этим, не высываясь... Самоустранялась? Не было уверенности в праве каждого на свободу слова... или рассудительно соглашалась?.. – безжалостно добавила Рита.

Льдистая голубизна надменных Инниных глаз затуманилась, как стекло бутылки шампанского, принесенной с мороза. Она затихла, усмиренная последней фразой Риты. Но ненадолго.

– На нашем факультете не было стилиг – недаром говорят, что точные науки дисциплинируют ум. У нас никто не носил галстуков «пожар в джунглях» или «селедку», но даже веселая, весенняя, нарядная юбочка могла послужить поводом для причисления девушки к разряду «вредных», и ее могли наказать как жертву модных тенденций. И ты со своим бантом вполне могла претендовать на звание стилиги и «загреметь»... Ты ничего не имела бы против такого поворота событий? Думаешь, небо не показалось бы в овчинку? Ха! Ведь ты могла подтолкнуть нас к тому, чтобы мы иначе, чем было положено, относились к жизни...

– Ну, раз тебе невтерпеж, давай критикуй, – махнула рукой Рита.

– Если действовать решительно, но осторожно, то некоторые правила того времени можно было обойти. Кое-кому это удавалось. Детям высокопоставленных родителей кое-что сходило с рук. Для этих богатеньких препятствий и тогда не существовало. Дине, например. Сквозь пальцы в комитете комсомола смотрели на ее броские наряды, а нам... ничтожным, сразу бы преградили путь... Еще бы, фланерство, пижонство – это же осмысленное противопоставление себя общепринятым нормам поведения! Ха! Эпатаж – это же протест, опасное расширение пространства личной свободы, шаг к образованию трофических язв общества! А вдруг в двери наших добропорядочных граждан постучится еще и секс? Возникнет поголовное безумие. Такого нам не могли позволить. Стилиги – праздные прожигатели жизни! У них было внутреннее несогласие с однозвучьем жизни. Не понимали идеологи, что, запрещая, они подталкивали молодежь к сопротивлению... А может, и понимали, – хитро скривилась Инна.

– Прошло время, и эти же чиновники стали носить брюки-дудочки и затертые джинсы. И чего ради бузили? – усмехнулась Лиля.

– А я не водила дружбы с городскими стилигами. Честно говоря, недолюбливала этих разряженных юнцов, считала, что для них яркие тряпки – предел мечтаний. Они казались мне слишком примитивными и легкомысленными, – сказала Жанна.

– ...Потом наступили убийственно обезличивающие брежневские годы фальши, перерождения душевных самобытностей в ничто... – опять «завела свою пластинку» Инна.

– Мы не изменяли главному в себе – человеческому, – сказала Алла, как отрезала.

– Вот у кого сплошные перегибы. Тебя послушать, так получается, что мы проспали все семнадцать лет его правления. Уточняй, кто проспал, – сердито сказала Эмма. Ее лицо вдруг покрылось красноватыми пятнами.

«И у нее слабые нервы», – сочувственно подумала Кира и, оставив ненадолго участников спора, пошла на кухню.

– ...Когда я после университета приехала в провинциальный вуз, то была поражена тем, что многие мои студентки являлись на занятия в мехах, увешанные золотом, как новогодние елочки. (В противовес моему излишне скромному, строгому, мной самой сшитому костюмчику). Но я «не козлилась», потому что воспринимала эти наряды на девушках как стремление их родителей поскорее выдать замуж своих дочурок в условиях дефицита мужского контингента в педагогическом институте, – сказала Галя.

Наступила неопределенная пауза, после которой разговор о моде возобновился. Но Лена уже отвлеклась на Жанну с Лилей.

- ...Мы были из тех, «на смерть идущих», если потребует Родина, - продолжила воодушевленно излагать свои мысли Лиля. - Преданность, любовь, профессия - были нашим фундаментом. Мы были крепкой породы. И я об этом говорю не стесняясь. Вот возьми даже нашу достаточно безответную Анечку. Для меня совершенно ясно, что если ей нагло посмотрят в глаза или грубо потеснят, она посторонится молча, спокойно и гордо. Помнишь, Блок так вел себя. После оскорбительной статьи о нем в журнале сначала издали кивнул редактору, а потом подошел и протянул ему руку. Но попробуй кто чужой задеть, затронуть хоть чуть-чуть Анины патриотические чувства - на амбразуру бросится, костями ляжет. Маленький человек способен на большой подвиг. Ты согласна? - Лиля повернулась к Ане.

Та молча кивнула, искренне радуясь мнению Лили.

- Наверняка глаза Ани всегда загорались при виде красного флага, поднимаемого вверх по высокому древку на площади у памятника павшим воинам. Она вытягивалась в струнку, в груди ее поднимались и вдохновение, и восторг, и мурашки пробегали по телу при звуках гимна. Он внушал ей надежду. А теперь, когда казавшаяся незыблемой страна развалилась, вопросы «В чем смысл жизни?», «Каковы великие цели?» стали общим местом. Они теряются, затираются, ускользают. В чем внутренняя логика современной жизни? Как ее выстраивать? Была эпоха космоса и физиков, а сейчас, как ни прискорбно, время чиновников и олигархов. Не стяжать нам теперь лавры Королева и Туполева. Откуда у бывших правоверных коммунистов преданность новой, только что родившейся власти?

И тут не обошлось без Инны. Она опять вырулила куда хотела.

- При чем тут коммунисты или некоммунисты? С Валерией Новодворской спелась? Та от нечего делать всегда во всех на свете бедах винит только коммунистов, и ты туда же, - возмутилась Жанна.

- Новодворская по-своему честная женщина. Если не удалась личная жизнь, так зачем ей в нос этим бестактно тыкать? - недовольно забурчала Лиля.

- Ха! И ты перекочевала в ряды поклонников этой фанатички? Может, тебя это и не волнует, а меня беспокоит. Никогда не поздно одуматься... Скажите на милость! Взясась меня этикету учить? - вздернула свои высокие тонкие дугообразные брови Инна. - ...А некоторые, как сухое дерьмо, всплыли на волнах перестройки... - не утерпела, чтобы не съязвить, Инна.

- Ты это на кого намекаешь? - завелась Рита.

- Для непонятливых дважды обедню не служат, - отрезала Инна.

Лена опять ушла мыслями в далекое прошлое.

- ...Потом начался крестный ход России к Богу, - саркастически усмехнувшись, вставила Инна. - А причина кроется сама знаешь в чем. Когда мы жаждем помощи свыше? Прими правду такой, какая она есть.

Словно не замечая шпилек Инны, теперь Галя с маниакальной настойчивостью продолжила гнуть свою линию.

- Мы надеялись, выучившись, изменить мир к лучшему. У нас у всех было одинаковое образование, одинаковые интересы. Нас волновало, что мы будем стоять как специалисты, как творческие личности. Мы были «одной группы крови». Наши мечты и стремления уравнивались честным трудом. И в созданных нами семьях мы искали то, чего нам не хватало в детстве: любви, нежности, надежности, понимания. Семьи были нашей линией обороны... Ушло наше время...

Алла, по обыкновению, будто вскользь обронила:

- Золотые слова! И это всё?

- Не зарекайся, - шутливо и неоднозначно отреагировала на Галину последнюю фразу Лиля.

Галя заговорила как бы в продолжение темы, но совсем о другом:

- ...И вдруг... помню, дети мои еще были школьниками, когда, как по голове молотком, меня стукнули «Дети Арбата», «Белые одежды», потрясла книга «Ночевала тучка золотая». А вслед «Раковый корпус» Солженицына сразил наповал. И в этих книгах была совсем иная, пугающая интонация. Они заронили незнакомое доселе чувство беспокойства, неуверенности, недосказанности. Описанные события казались слишком страшными, чтобы быть реально происходившими.

И я, наверное, впервые за многие годы задумалась над ранее не касавшимися меня вопросами: «Как угадать ход времени? Что в нем самое главное? Почему у нас отсутствует презумпция невиновности? Мы забиваем последние гвозди в крышку своего гроба? Разве мир так мрачен? Может, не я одна растрчивала себя на неверие и страх, размышляя, правильно ли живут мои дети? Разве мало поводов для оптимизма в нашей жизни?..» Боишься, а все равно веришь в лучшее.

- Отставание было во всем, но руководство не хотело признавать этого. А мы продолжали хорошо работать, боялись опозориться, подвести. Нас еще не очень пугали очереди в магазинах, но на кухнях мы уже начинали выражать свое недовольство. В мешанине забот с чисто женской покорностью мы терпели нехватку самых необходимых в быту вещей, потому что еще верили в преодоление страной любых трудностей и спокойно образовывали друг друга «Лолитой» Набокова, - прервала Галя Лера.

Лена вдруг вспомнила грустную унижительную историю с попыткой купить сыну зимние ботинки киевского производства, считавшиеся тогда достаточно приличными. Она, пробегая мимо магазинов, часто видела «побоища», но никогда не участвовала в них, обходясь недефицитными вещами, а тут решила рискнуть, чтобы порадовать сына нетривиальной обновкой.

Магазин кишел покупателями. Люди в очереди, галдя от нетерпения, буквально лежали друг на друге. Из-за притока все новых и новых покупателей в тесном помещении нечем было дышать. Толпа беспорядочно колыхалась и стонала, но люди в ней крепко держались друг за друга, временами удостоверения свою принадлежность к данному месту номером на руке. Импровизированная очередь то сжималась, то расправлялась, тяжело дыша, как огромное неведомое существо. Не в меру ретивая бабуся попробовала протиснуться без очереди. Над толпой раздался мужской голос, несколько разрядивший обстановку: «Куда спешишь, как голая в баню?»

Но вдруг кто-то истошно крикнул, что осталось всего пятьдесят пар. Толпу понесло по узкому коридору к прилавку. Мощный финальный аккорд - и очередь окончательно смешалась. Первые попали в середину и грозными голосами требовали восстановления справедливости, мол, мы с утра стояли. Кому повезло случайно оказаться у прилавка, молча торопливо совали смятые влажные бумажки продавцам, не разбирая хватали товар и, прижимая его к себе, с испуганными, но счастливыми глазами, подталкиваемые разъяренными покупателями, пытались продвинуться к выходу в сторону милиционера, под его защиту. За ними следующие счастливицы лезли друг другу на головы, сметая с прилавка «остатки роскоши былой». Задние, по сути дела зрители, непонятно зачем продолжали неистово напирать. Над очередью топорщился и качался обрубками корявых веток лес рук, требующих такого необходимого. Злые, истошные крики измученных, несправедливо обиженных людей дополняли жуткую картину «побоища».

Она неожиданно для себя оказалась в середине месива. Ее туда протолкнул и втянул водоворот энергичных напирющих. Кто-то нещадно колотил ее по плечам, а она, оберегая голову ладонями, думала только о том, как выбраться из этого столпотворения. Трещал прилавок, молча, сосредоточенно работали продавцы. Молоденький милиционер, стоящий неподалеку, то нырял в толпу настороженными глазами, то покрикивал, угрожающе размахивая дубинкой, но не решаясь ее применить к наиболее наглым и пронырливым покупателям... И вдруг, как скальпелем по живому, по кому-то резанули его острые серые глаза. Она невольно сжалась...

Потом ее вытеснили и крепко прижали, как пригвоздили, к стене, где она, задыхаясь и беспомощно озираясь, так и «провисела» до тех пор, пока не отхлынула от прилавка ничего не получившая, но уже потерявшая энергию толпа. И только грубые и безнадежные крики отдельных рьяных покупателей еще раздавались в различных концах изрядно потрепанного, расстроенного, медленно вытекающего на улицу потока

людей... Позже такие же «сражения» она наблюдала в очередях за самым примитивным, низкосортным товаром. За редкой колбасой были в основном злые молчаливые очереди, готовые в любой момент взорваться бунтом и смести всё и вся... Страна увязала в брежневском застое.

Самодовольное лицо неказистого мужичонки всплыло... Она стояла на остановке. Подъехал автобус. Ее удивили выражения глаз людей, дружно осуждающе или злобно смотревших из окон в одну сторону. Она проследила направление их взглядов. Плюгавенький мужичишко в затертой курточке и в мятых приспущенных брюках гордо прохаживался вдоль тротуара, небрежно размахивая авоськой, до отказа набитой... полукопченной колбасой. И это при том, что в продуктовых магазинах – давно шаром покати. На его физиономии четко прочитывалось: «Как я вас, умников, всех уделал!» Ей сразу вспомнились слова сына: «Мамочка, мне кусок жареный мяса приснился. Огромный, во всю сковороду. И такой запах на всю кухню!..» У нее тогда навернулись на глазах слезы, дыхание перехватило. Не каждый день, торопясь на занятия, получал от нее сынок бутерброд с вареной колбасой, а растущий организм требовал питания...

Перестройка

- ...Казалось бы, рано или поздно это должно было произойти, а все равно как-то неожиданно все случилось. Как снег на голову свалились крутые перемены... Страна неудержимо покатила по наклонной плоскости, происходила ломка взглядов и привычных понятий, общество полетело в бездну морального разложения. Мы вынуждены подстраивать свою жизнь под чуждые нам идеи. А многие люди с одинаковым равнодушием продолжали смотреть по «ящику» производственные романы и бразильские страсти. Их умами владела одна мысль: «Лишь бы не было войны».

- Диктуешь собственную версию исторических событий, намеренно фальсифицируешь историю или открываешь нам Америку? Кому хочешь досадить? - сделав выражение лица до смешного наивно-глуповатым, спросила Инна.

- При крушении государства отдельные предприимчивые личности делают большие деньги, остальные нищают и поглощают вороха газетных измышлений, ностальгируя по «старым добрым временам». Как всегда, работает закон сохранения денежной массы: если где-то ее густо, значит, где-то пусто». И правила игры изменились. Далеко не все теперь зависит от того, насколько честно ты трудишься. Хоть головой о стенку бейся - ничего не добьешься, ничего не изменишь...

- Капитализма испугалась?

- И все же начало девяностых было временем, когда людей остро волновала правда, интересовал исторический вектор развития страны. Пришла пора пересматривать свою жизнь, от многого избавляться, приобретать кое-что новое, но непонятное... Люди вдруг вспомнили, что страна, у которой нет героической исторической памяти, не может быть великой. Они будто бы проснулись... - продолжала Галя развивать далеко не внезапно пришедшие ей мысли. - Советская власть бесшумно и бескровно канула в Лету. Всеми нами обожаемый Горбачев незаметно ушел со сцены. Начались реформы. Кажется, Геращенко обещал нам, что дефолта не будет? Но все мы попали под его беспощадный каток, все стали нищими. И пропали мы, как говорил мой Владимир, «ни за понюшку табаку». Так сказать, накрылись медным тазом, пребывая в праведном возмущении. Сердце переворачивалось в груди, когда видела детей-попрошаек. А разъявленные проемы окон и дверей пустых коровников в деревнях? Черные дыры окон, как выбитые зубы... А заколоченные хаты? Картины обнищания стоят у меня перед глазами... Страна как-то неоправданно быстро изменилась. Ушло ощущение незыблемости. Мир, к которому мы принадлежали, рухнул. Мы лишились опоры. Жизнь подкосила нас, а мы упрямо продолжаем верить... Что в нас осталось от прежних? «Каким богам теперь молиться? Золотому тельцу?» - вопрошает молодежь. А старики молчат, подавленные и растерянные, мол, за что воевали...

Свалившаяся свобода озадачила прежде всего неясностью методов достижения цели. Мошенничество по нынешним временам стало отличной статьей доходов. Торгаши готовы выставить на продажу какую угодно гадость, снабдив ее яркой этикеткой... Сказывалась наша неспособность «добывать» деньги, изворачиваться, пресмыкаться, эксплуатировать. Мы как перевернутые на спину куры... Не завидую тем, кто будет писать историю этих десяти лет. Я доходчиво объяснила свой взгляд? - спросила Галя с внезапно прорвавшейся злостью.

- Мы не беспомощны и не втоптаны в грязь, - запальчиво воскликнула Жанна. - Нас не поставили на колени. Просто ушла эпоха романтиков. Мы еще докажем свое моральное превосходство.

- Интересно, как? Повернувшись к жизни спиной? А экономическое превосходство? - ехидно поинтересовалась Инна.

- Принимая удары, стоя лицом к враждебным силам, смотря правде в глаза.

- Распалась! Тебе бы генеральшей быть... Опять лозунги? Уморила. Историю делают не те, кто ставит великие цели, а те, кто действует. Зачем латать одежду, если она сшита из гнилой ткани лжи, фальши и несправедливости. Сжигать ее надо! - обрадованно вставила Инна, почувствовав новую почву для разговора.

- Звереешь, Инна, без видимой причины, - из-за спины Гали с укором отозвалась Мила.

- Причин тому много и поводов предостаточно... Коррупция? Войдем в силу - одолеем! И это неизбежно. Дай только свободу своему воображению. Раскрепостись, - издевательски обнадежила Инна, провокационно улыбаясь. - Пойми, перестройка не смерть, а продолжение жизни, скоро «страсти по Советскому Союзу» покажутся нам чепухой.

- Надеешься дождаться? - то ли соболезнуя, то ли ехидно сочувствуя, спросила ее Лиля.
- Может, лучшее время и настанет, да нас не застанет.

- Не стоит играть на искренних чувствах людей, - заметила Лера.

- Опять искус и подвох... - неопределенно отреагировала Рита на «выступление» Инны. Ей не хотелось погружаться в прошедшее десятилетие.

- Ошеломленные резкими переменами, мы получили психологическую травму, у нас теперь в некотором роде расщепленное сознание. Новое в нашу жизнь было привнесено, навязано. Но запас прочности традиционных доктрин у нас еще достаточен. Испытания выпали на нашу долю не такие уж трагичные. В истории любой страны бывают взлеты и падения. И то и другое надо переносить с достоинством. Мы еще будем на коне, - снова попыталась утихомирить подруг Жанна.

Она редко затрудняла себя размышлениями о политике, и сейчас ей не хотелось углубляться в неизвестное. Подобные разговоры она называла плевками зайцев в морду волка на недостижимом расстоянии.

- ...Но это только первая страничка новой летописи. Появились молодые перспективные руководители, знающие толк в государственных делах. Они нам приглянулись. Правда, непонятно зачем стали клониться в сторону европеизации, будто мы нуждаемся в няньках или своей головы у нас нет. Не от хорошей жизни у нас началась модернизация. А теперь вот в ВТО рвемся. На ту ли лошадь ставим? Мировой кризис уже и так нас зацепил. Расшаркиваемся перед Западом. А они к нам после развала страны свысока относятся. Слабых не боятся... ВТО - фикция, способ закабаления? Необходимость жить по законам развития капиталистической системы? Я еще не разобралась во всех его тонкостях, но пока только проблемы вижу для нас... Обрыдло все! - пессимистично закончила свою с подъемом было начатую речь Лиля.

- Вот насчет ВТО можно поспорить, мезальянс это или нет, - с холодным дерзким выражением лица заявила Инна.

- Прежде чем что-то утверждать, надо все плюсы и минусы положить на чаши весов, - неодобрительно покачала головой Алла, стараясь уловить, куда клонит Инна. Она произнесла это без всякого стремления вызвать раздражение оппонента, но та вдруг надменно оцетинилась:

- Ты хочешь приписать мне мысли и чувства, которых я не разделяю?

Алла ответила ей взглядом, исключаяющим вольности. Лена про себя отметила, что в ее лице не первый раз за встречу появлялось что-то такое, что удерживало любопытствующих на расстоянии.

- Я думаю, Ленин тоже не хотел плохого для народа, да поздно понял, что другого способа удержания власти не знает... А теперь люди наверх целенаправленно рвутся из-за денег, чтобы лоббировать свои интересы, - подала голос Аня. - Воруяют масштабно, но внешне соблюдают этикет... Что толку говорить?.. Но на большее я не гожусь.... Оставим эту тему... - извиняющимся тоном добавила она. - ...Никто меня не слушает. Я не принадлежу к числу тех, чьи мысли ценят...

«Сама себя высекает. Слушать такое - выше моих сил, - молча сердито реагирует на слова Ани Лиля. - Анька неплохая девчонка, но в больших дозах она утомительна».

Жанна встрепенулась и тем самым вывела Аню из затруднительного положения:

- Я Фиделя Кастро уважаю. Ни яхт тебе, ни счетов за границей, хотя столько лет у руля. Никогда перед США не опускался на четвереньки, не протирал брюки на коленях.

Противоречив, многогранен, интересен. А как говорит! Выразительность и откровенность – свойство незаурядной искренней натуры. Вот объясните мне, зачем в нашей Думе артисты и писатели? Они только описать и сыграть такого, как Фидель, могут, но не стать им. Во власти должны быть специалисты: юристы, политологи, чтобы обо всем народе думали, а не свою копну молотили. Во всяком случае, я пока не вижу среди них достойных «высокого трона», хотя, может быть, все они прекрасные люди.

– Ленин был юристом, – логично заметила Инна, тем самым подтолкнув собеседниц на спор.

– Нэп быстро вывел страну из разрухи.

– Сейчас другая экономическая и технологическая ситуация.

– У нуворишей особняки, импортные машины, а старики копейки считают.

Галя свой пример привела.

– ...Простой народ в начале перестройки пытался выжить, а чиновники, упиваясь своей властью, поддразнивали нас своей неуязвимостью и, наверное, едва скрывая ухмылки, с удовольствием издевались над нашими бесполезными усилиями стать индивидуальными предпринимателями. Мы все головы и бессильные кулаки разбили об их двери. Пользуясь нашей юридической безграмотностью, своим обращением с недопустимой степенью хамства доводили до истерики... И все же мы добивались, а потом за короткое время кооперативы и маленькие фирмы без дополнительных вливаний оказывались при последнем издыхании.

– Чехов говорил: «Зачем толкаться? Всем места хватит», – подала голос Инна. – Поспешу перейти к интересующему нас вопросу с другой стороны.

Но Галя, повысив голос, не позволила помешать ей высказаться:

– Чиновникам при любой власти сладко. Умная, хитрая стая. При социализме если чиновник проворует, ему сразу аморалку «клеили» – отвлекали внимание от экономических проблем, – а сам он нырял в больницу, на время, пока эхо затихнет, и его переведут в другое не менее теплое местечко. А сейчас им еще вольготнее стало.

– И все-то ты знаешь, только полутонов не замечаешь, – недовольно поморщилась Лера.

– А в армии всегда принято «назначать» виновных, козлов отпущения, – Инна с явной радостью ответила на иронию Леры своей порцией «информации». – А еще говорят, что свет достается героям, а тьма – врагам.

– Не все чиновники зловредны. Я помню в начале перестройки неубранные поля, недостаток продовольствия в городах, обращение мэра Ленинграда Собчака к сельским чиновникам: «Не запахивайте овощи, дайте людям запasti себе на зиму картофель, капусту, морковь...» – не замедлила отметить Лера.

– Мы тоже не гнушались любой грязной работы, чтобы прокормить семьи. Как-то хотели подработать на сборе плодов, а нас с овчарками встретили в колхозном саду его новые хозяева, защищенные от законов деньгами, как броней, – вспомнила Лиля. В ее смешке звучала горькая ирония.

– Отвыкай от социалистических привычек. Тебе такая мысль еще не приходила в голову? – улыбнулась Лера.

– Мне уже поздно.

– Все ваши мелочи – своеобразное послевкусие мирной революции, – фыркнула Инна.

– А мы – инженеры и ученые института – работали на картофельном поле. Когда убрали весь участок, его хозяин отказался расплатиться с нами картошкой. Он просто скрылся. Его подчиненные только руками разводили. А ведь раньше мы верили устным договоренностям, нас со студентами с распростертыми объятиями принимали. Теперь мало получить работу, надо еще добиться, чтобы за нее заплатили, – пожаловалась Рита. – Со мной на поле был племянник-пионер. Он был потрясен. Его еще никто не

обманывал. Моя коллега пошутила: «Вырастай, мальчик, и сам становись начальником, чтобы больше «не обламывали» тебя, как сегодня».

- Ну и как у него успехи? Внял совету? - деликатно поинтересовалась Эмма.

- Он руководитель небольшой фирмы.

- Наши дети плохо помнят то время, которое так ценят их родители. Им проще приспособиться, они не испытывают горечи, живущей в душах старшего поколения.

- Одни оплакивают былые дни, а другие - авантюристы всех мастей - успели настроить себе дома с мансардами и островерхими башенками, с бассейнами... - натянуто усмехнулась Лиля.

- Трудные были первые годы перестройки, но несравненно более легкие, чем те, что переживали наши родители в войну и после нее, - сказала Лера.

- Пока есть такие люди, как ты, не стоит волноваться насчет будущего нашей страны. Держись своей звезды, - с удовольствием съязвила Инна.

- Предлагаешь лить слезы только потому, что жизнь складывается не так, как мы планировали? Не слишком ли ты многого хочешь? - парировала Лера.

«Не воспоминания, а фатальный рефрен «в густом миноре обреченности», - вздохнула Лена.

- Не казись, - вернувшись к началу разговора, попыталась успокоить подругу Мила. - Твое счастье, что ты не все здоровье на этом деле потеряла, а деньги, вещи - все это пыль. Русскому человеку чем тяжелей, тем он лучше собирается в кулак.

- По рукам и ногам вяжут, подминают под себя неутомимые недобросовестные крючкотворы. А туда же... рядятся под демократов... - не успокаивалась Галя. - А ведь демократия, как нас учили, - это прежде всего ответственность за то, что делаешь.

- На чиновников давит система, а им надо сохранять свои портфели, кресла. Им тоже жить хочется, и жить хорошо, - подлила масла в огонь Инна. - Быть при кормушке и не воспользоваться?..

- «Бывали хуже времена, но не было подлей», - вздохнула Галя. - Кажется, что я не живу, а осторожно хожу по канату. И если даже этот канат расположен низко к земле и вроде бы идти безопасно, так все равно спотыкаюсь и падаю... Но я сейчас не о себе...

Она плотно сжала губы. Взгляд стал отчужденный, далекий.

«Не вижу связи в их разговоре. Одни жалобы. И что это им дает?» - молча сердится Лена.

- Не исключаю, что будет второй заход кризиса. Надо иметь мужество смотреть правде в глаза: жизнь перестала радовать, - подавленно отозвалась Лиля.

- Стареешь, вот и не радуется, - попробовала урезонить ее Лера.

- Жизнь - как клоунский спектакль, где все на грани. Сколько кризис еще продлится? Наши дети словно запаздывают в этой жизни. Пока метались, искали - уже за сорок. Зять мой вот ругается, не стесняясь в выражениях: опять их предприниматель обманул. Руки нагрел на их доверчивости. И что тут присоветуешь? Бедный не может быть слишком разборчивым... И у старшего сына проблемы с бизнесом. Не дал он какому-то человеку из администрации «подработать» на откатах, так он теперь режет его объекты и отдает угодным ему людям. А сосед мой, еще совсем недавно «заправлявший» на поприще сбора бутылок, благоденствует. Есть повод подумать, каково место порядочных людей в этой жизни.

- В бизнесе часто так: то густо, то пусто. А последствия финансовых неурядиц предсказуемы, поэтому надо людям на черный день откладывать, а не спускать все до нитки, - с видом знатока сказала Жанна.

- Откладывать, чтобы их сожрала инфляция?

- Все-таки ты на редкость ограниченная особа. Может, зятек твой сам виноват, может, он неудачник? Деятельных энергичных борцов надо растить,- кольнула Инна Лилю и сделала безразличное лицо. - Ой, не обижайся. Как-то само собой вышло...

- Когда я думаю о будущем моих детей и внуков, в голове начинает крутиться душераздирающая мелодия танго нашей юности: «Мне бесконечно жаль своих несбывшихся желаний, и только боль воспоминаний гнетет меня...», - загрустила Лиля. - Любые революции и перевороты имеют только два измерения. Они сотрясают или рушат системы, современникам несут беды и надеются на завтра. Что сегодня мы видим? Одни проблемы. Поэтому-то и трудно смириться и свыкнуться с окончательно ушедшими, по-своему хорошими годами. Конечно, мы тогда были молоды и все нам казалось прекрасным...

- Я не падаю духом, в семье гашу тревогу и продолжаю искать то, что примирило бы меня с двадцать первым веком. Мы «жаждали сразу всех дорог», а наши внуки, к сожалению, хотят все и сразу. Но история западных стран показывает, что молодые побегают, поэкспериментируют и опять возвращаются к консервативным ценностям, потому что нравственные заповеди исходят из здравого смысла. И мы возродимся, выберемся из тупика, только должно пройти еще какое-то время, - не особенно оптимистическим голосом сказала Рита.

- Не вижу ничего удивительного в наших столах. Старости характерны пессимизм и скептицизм. Когда мы были молодыми и влюбленными, то много смеялись и радовались, а сейчас в нас больше иронии, грусти. С возрастом мы применяем другие лозунги и фразы. Что-то типа «Если хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах», «Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить». Мы привыкаем осторожничать, стараемся быть как все, - невозмутимо небрежным тоном проговорила Инна и поменяла позу, удобней устраиваясь на стуле.

Галя спокойно снесла ее реплику:

- Что правда, то правда. Никуда нам от возраста не деться, - смягчилась она.

- Мы никогда не знали, что такое сорить деньгами. Вы забыли, что счастье - это не сытость, а стремление к чему-то важному, - напомнила Лера. - Трудное, но интересное время наступило для молодого поколения. Нам надо в нем выискивать лучшие моменты, а не давить на детей и внуков негативом.

- Олигархи одной ненасытной утробой живут, - остановила ее Аня.

- Тебе-то откуда знать? - зло расхохоталась Инна.

- Возродимся, - поддержала Леру Кира, - в Библии сказано, что «только худые дела делаются быстро».

- Когда поднимемся? В необозримом будущем? Ты всегда умела скрывать свои истинные мысли, имея при этом какой-то вполне определенный умысел, - скучным голосом проговорила Инна, бесцеремонно разглядывая Киру, точно заметила в первый раз. - Нет, вы только посмотрите на нее! Сменила гнев на милость!.. А ты, Галя, подбери слюни. Брось молот чепуху. До сих пор не можешь выкинуть из головы благостные впечатления студенческих лет? Все еще хранишь их в своем переполненном мозгу. До сих пор питаешься иллюзиями. С твоими мечтами - если ждать манны небесной - мы вылетим в трубу. (Она не слышала жалоб Гали на чиновников?) Словами делу не поможешь. Знаешь ведь, сколько ни плюй на руки, работа не делается. Чванливо рассуждаешь: «До чего у нас все плохо и как мы сами хороши»...

И тут же перескочила на противоположную позицию, будто выключатель в своем мозгу перещелкнула в другое положение:

- Возродимся! Раскатала губу. Не мытьем, так катаньем добьемся своего? Осталось всего ничего: начать да кончить. Дело осталось за малым: победить коррупцию, выйти на высочайший уровень технологий, окультурить народ, справиться с пьянством. И пулей рвануть в рай. И чтобы в воздухе обязательно витало что-то необъяснимо манящее... и

чтобы опять на дырах стоять. Мы же без этого не можем!.. А на крайний случай отбросимся, свалим все на происки Запада... А придет время – опять открестимся... И чего это я тут перед тобой распинаюсь? – едва сдерживая переполнявший ее сарказм, спросила Инна. – Конечно, каждому хоть раз в жизни хочется переписать свою жизнь набело. Переписать-то можно, прожить заново не получится.

Некоторые вот наломали дров – и в кусты. А кому довершать разгром? Сейчас модны поиски Бога, который мог бы помочь нам изменить ситуацию, но ее надо менять самим. Так почему же мы не торопимся встать под новые знамена?

– Ты слишком быстро говоришь и к тому же, наверное, пропускаешь промежуточные звенья в своих рассуждениях. Я не успеваю за ходом твоих мыслей. Они для меня как шарады. То ты вправо, то ты влево... Боюсь, не понять мне твоих сентенций, – торопливо проговорила Аня.

Инна с многозначительной усмешкой глянула в ее сторону.

– Инна, ты и мои слова взяла под сомнение, хотя ясно как день, что я права. Ты хочешь услышать мое мнение или ждешь подтверждения своему? Так вот возьми себе на заметку: не дождешься ни того, ни другого. Я готова восхищаться категоричностью твоих суждений и беспощадностью выводов, но к реальной жизни они не имеют никакого отношения. Все слова, слова, слова! Нашла способ привлекать внимание окружающих к своей особе? Образумься. Никто из нас не признает за тобой права последнего слова. Гордость не позволяет тебе в этом открыто сознаться. Ты у нас воплощение уязвленного тщеславия. Тебя не заставишь устыдиться, поймав на полуправде или заведомой лжи, а над чужим провалом и неудачей ты всегда готова посмеяться. Ой, не пройдет это тебе даром. И не говори тогда, что обошлись с тобой несправедливо. Сформируй и сформулируй свою четкую позицию, тогда и поговорим. Нечего заниматься словоблудием, – не на шутку рассердившись, отрезала Лера.

Ей было непонятно, верит ли Инна в светлое будущее страны или считает, что при капитализме вообще невозможна стабильность.

«Боюсь, добром спор с Инной не кончится», – подумала Жанна. Но разговор окончательно потерял управление и покатился сам собой, а потом совсем стих.

«Инна валяет дурака, стравливая подруг, мол, я не я буду, если не заведу вас, мол, я не я, хоть эта песня не моя. Подталкиваемая болезнью, она просто дразнит всех», – решила Лена и задумалась о чем-то своем, беспокоящем ее больше, чем выяснение отношений подруг.

«Истина всегда лежит между двумя крайностями. Ведь пришли же Финляндия и Дания, по сути дела, через капитализм к социализму. У них, я слышала, прекрасный лозунг: «Богат не тот, кто много зарабатывает, а кто умеет экономить». А мы со своим огромным миром неиспользованных возможностей где-то на окраине. Где наше бывшее величие? Треволнения и неудачи преследуют нас. Опять ждем у моря погоды? – будто уловив неопределенный настрой Инны, раздраженно думала Лиля, оскорбленная своими собственными мучительно неприятными мыслями и предположениями. – Теперь многие дорогие нам понятия устарели, истерлись, стали общим местом. Слова потеряли или изменили свой смысл. Конечно, различие в смыслах одних и тех же фраз в разные времена для меня очевидно, и все же...»

«Не вижу ничего дурного в своей приверженности к прошлому. Мне в нем жилось – не побоюсь это сказать – достаточно комфортно. Я сумела осуществить все свои мечты, – думала Мила. – Да, нас в чем-то обманывали, но то была отчасти прекрасноразумная ложь. Мы верили в светлое будущее, поэтому жили и работали с энтузиазмом, делали все на совесть, и нам не стыдно за свою работу, за свою жизнь... А сейчас нас не обманывают? Мы во лжи по самые уши!»

Мы хотим себя утешить, но шестьдесят процентов населения не доверяет никому, кроме своей семьи. Мы все похихатываем над телепередачами, но это не настоящая радость. Мы испытывали при социализме радость от труда, от настоящего юмора, а не от этого... который ниже пояса. У нового поколения отсутствует солидарность. Раньше при СССР говорили «мы», а теперь «я». Кругом наблюдаю безразличие к проблемам страны. Верхи все больше о себе, любимых, радеют».

Инна, криво усмехнувшись, игриво заявила:

- Судим, рядим, доискиваемся до причин, а все очень просто! Еще царица Екатерина Великая говаривала: «Когда народ слушает веселую музыку, в нем нет зла». «А когда он верит в добрые сказки, в нем не кипит бунтарство», - добавила бы я.

Но Лиля не слушает сокурсницу. О своем тревожится:

- А получится ли у моей внучки чего-то добиться в этом откровенно жестоком мире - большой вопрос, и это, признаться, меня очень беспокоит. Детям, хоть и с большим трудом, но удается выкарабкаться, а чем малышка порадует мою старость? Ведь на чем основывается и из чего складывается стариковское счастье: из радостных воспоминаний детства, из счастливой любви молодости, из успехов детей и внуков.

Помню, как я испугалась за свою Алиночку, когда наш сосед-двоечник - по старым меркам сопляк и непроходимый тупица, - (это-то меня и доконало) впервые подъехал к нашему подъезду на мерседесе. (На чем нажил свои миллионы? И как ловко скрыл все свои грешки!) А вдруг, - думаю, - у внучки произойдет мгновенный пересмотр жизненных ценностей? Обошлось, может, потому, что мы с ней в своей маленькой семье никогда не гонялись за деньгами, любовь и уважение на первое место ставили. Сработал заложенный нами иммунитет... И все же страшно за будущее страны. У нас не демократия, а власть олигархов, чиновников и бандитов. В микроскоп не разглядишь разницу между ними.

На что теперь нам делать ставку, в чем наша основная государственная идея: просвещенный патриотизм? крепкая семья? культура? Где наши крылья? Где наша душа? Если верить газетам и телевидению, сейчас в стране царит зло, апофеоз абсурда. А какое расслоение в нашем обществе! Мы сами теперь как маленькие обломки огромного кораблекрушения. Мы до неприличия не уверены в себе. Добродетель побеждена. Если я ошибаюсь, поправьте меня... Боюсь, без моей поддержки внучка с ее тонкой душой и неумением бороться познает и горечь нищенства, и позор унижений. Тогда я сойду в могилу или тронусь умом...

Было видно, как лихорадочно бьется пульс у висков некогда спокойной и смешливой Лили.

А Инна теперь отвечает только Ане, хладнокровно демонстрируя свое презрение к растерянности сокурсницы:

- ...Во-первых, ты неуважительно и неодобрительно говоришь о богатых, потому что тебе закрыт путь в их круг. Во-вторых, у меня к тебе настоятельная просьба: не впадай в мечтательность, не вводи себя в заблуждение. Сейчас нашему народу не идеология нужна, а нравственность. Любая идеология безальтернативна и требует однозначного ответа: да или нет. В этом ее ущербность. Она не учитывает полутона и оттенки жизни. К тому же верхи часто идеологией прикрывают свою некомпетентность.

- С какой стати я должна верить, если в тебе просто упорствует злой рок? Как же без идеологии воспитывать молодежь, как выстраивать мосты между поколениями? - болезненно-застенчиво засомневалась Аня. - Не бывает общества без идеологии, как человека без мировоззрения. Идеология направляет и объединяет людей. А так ведь недалеко и до хаоса. Пойдут митинги, собрания, начнется цепная реакция... От революций лучше простому народу никогда не становилось. Кровь, беды на его плечи всегда ложились. Кому это надо? Если только Америке. Они моду на разноцветные революции ввели...

- Ну ты, мать, даешь! Не дави негативной информацией. Хочешь привести меня на грань нервного срыва? Ха! Так не на ту напала. Как велика жизнеспособность иллюзий! Идеология, высосанная из пальца, решает одну проблему - чем бы еще заморочить головы людей. Думай, флаг тебе в руки. Сочини новую национальную идею возрождения России. Только не нагоняй уныния. Вон Солженицын очень умно говорил о «сбережении народа», а ты что посоветуешь? Настоятельно прошу, не погнушайся предложением. Кто смел, тот и съел, а то вдруг другие опередят. Может, войдешь в историю новым «серым кардиналом». Что прикусила язык? Прояви чудеса изобретательности. Скрестим шпаги? Не нравится? Может, подзатыльником меня как хулиганку пожалуешь? - с видимым удовольствием рассмеялась Инна. - ...Это все, на что ты способна?

«Она смеётся так искренне и заразительно, как может смеяться человек с чистой совестью. Ее порядочность для меня – вне всякого сомнения. В ней нет зла, если только раздражение. А этого добра во всех нас теперь с избытком... Откуда же в ней столь ироничный подход к людям, событиям? Зачем нарываемся, надсаживаемся? Иногда на самом деле хочется ее выдрать или хотя бы наградить оплеухой. Куда делся ее мягкий юмор и пусть даже навязчивая, но безобидная осведомленность? Все же что-то ее очень беспокоит», – в замешательстве думает Лена.

«Перевес опять на стороне Инны. Ввиду ее явного преимущества я замолкаю. В том, что говорит она, есть доля правды. Но ведь только доля. Как мне не хватает в споре с ней спокойной вдумчивости Аллы. Ну совсем как в студенческие годы. От природы не дано мне полемического дара, и жизнь не научила сопротивляться напору и неправде. А может, детдомовское воспитание на всю жизнь стало преградой раскованности и уверенности», – вздохнула Аня.

– Аннушка, не бери в голову. Все наладится. Время работает на нас, – как бы вскользь мягко заметила Лера.

В ее тоне не было ни малейшего укора или осуждения, но Аня, истолковав слова Леры превратно, по-видимому, заподозрив в поведении подруги некий тайный упрек, почувствовала себя неловко и, устыдившись своих до конца не продуманных слов, заговорила о другом, более понятном и не менее волнующем:

– Это ты верно заметила. Что лезть в высокую политику? – вздохнула она. – И все же я выскажу некоторые свои соображения. Начну с того, что опять по радио слышала, будто леса сибирские разворовываются и продаются за копейки за границу, рыба дальневосточная гибнет, и никому до этого дела нет. Законы надо срочно менять. Почему в Думе тянут? Кому это выгодно? Снова, по традиции доперестроечных лет, работает знакомый нам с детства принцип чиновников: «Лучше один рубль в свой карман, чем сто в государственный»? Помню одну их шутку: «Корысть – двигатель общественного прогресса». Только в карман теперь кладутся миллионы. На чьи плечи лягут эти, с позволения сказать, «издержки»?

Да что говорить о далеких, огромных размерах окраинах? От города сто километров отъедешь, так стыдно и обидно делается за стариков в деревнях. Вокруг все растаскано, разворовано. Надеюсь, Инна, ты веришь, что это не вымысел? Селянам и раньше несладко жилось, а теперь вовсе на подножный корм перешли. Сдается мне, они теперь ни в социализм, ни в капитализм не верят.

Крестьяне, по сути дела, батрачили и до революции, и при советской власти командовали ими, когда пахать и сеять. Это, конечно, тоже потихоньку расшатывало устой власти... В чем сегодня беды селян? Как всегда, не хватает денег, внимания, заботы со стороны руководства. Забыли, голубчики, откуда их корни. Все мы родом из деревень. Только в очевидное не всегда верится... А старики еще и шутят, что в этот переворот легко отделались, без гражданской войны... Они становятся никому не нужными. Им хоть на паперть... Все в зоне выживания. Нулевое время. Слышала, наше областное начальство пытается помочь селянам, в первую очередь ветеранам войны. На годовщину Победы подарки дарили... Может, и сделает что-либо стоящее, но это тоже не бог весть что, и ни к чему тут щенячий восторг... Вертикаль власти у нас крепкая, а горизонтальные связи слабые. На местах не слушают, не выполняют указаний. Местный произвол, коррупция...

Высказалась Аня и как-то сразу притихла. Она понуро сидела, опершись скрещенными руками на край стола, и казалась бесконечно усталой.

Затянувшийся разговор уже начал утомлять Лену, и она с надеждой взглянула на Аллу.

– А это смотря кто командует областью. Вот наш «голова» – выше всяких похвал, еще как развернулся! Ты чаще о нас конкретные сводки по радио слушай. Не стони, в следующем году нас ждет новая парадигма развития страны. У меня тоже осталась тоска по времени, когда мы были молодыми, но не надо закрывать глаза на действительность. Сейчас больше возможностей для роста, – уверенно заявила Алла.

– Ха! Тонкое замечание, – инквизиторской улыбкой ответила Инна на слова Аллы и добавила наигранным скучным голосом: – Проектами сейчас никого не удивишь,

посмотрим, что выйдет на деле.

А Лера поддержала Аллу:

- И у нас областной голова порядок навел что надо. Дороги в порядке. Обрабатывающие предприятия в каждом районе. Безработица минимальная. Селяне сами свою продукцию без посредников продают горожанам. Ты, Аня, сколько лет уже не была в деревне? Старыми слухами кормишься.

- Баланс сил и интересов у нас сильно меняется в зависимости от руководства, - сказала Лиля.

- Ты имеешь в виду высшую власть? - осторожно спросила Аня.

Лиля ушла от ответа. Мол, и так все ясно.

- Ну про рынок, Лера, ты мне сказки не рассказывай, наслышаны... «Не жили хорошо и не хрена привыкать», не сойти мне с этого места, - грубо сказала Инна и посмотрела в глаза всем женщинам по очереди, не скрывая, что пытается выяснить настроение каждой.

Аня возмущенно затрясла головой.

- Ну, это уже ни в какие ворота не лезет. Не знаю, что и сказать. Меня передергивает от возмущения, когда слышу твои выпады. Ты сама нуждаешься во встряске? В чем мы провинилась перед тобой? Ты намерена продолжать в том же духе? Почему хочешь, чтобы тебя считали хуже, чем ты есть на самом деле? Если я тебя правильно поняла, тебе нравится притворяться плохой. Ну что с тобой поделаешь, навязалась ты на нашу голову. Глаза бы мои на тебя не смотрели... - заговорила она внезапно изменившимся от волнения скрипучим голосом. Она сначала покраснела, задыхаясь от негодования и бесполезной попытки найти подходящие негрубые слова, потом непонятная бледность проступила сквозь некоторую болезненную серость ее лица. - Ты... ты городская, поэтому не сочувствуешь деревенским людям, а я в детстве у бабушки в пригороде два года жила, и мне близки их проблемы, - чуть ли не выкрикнула она, раздосадованная своей незащитностью, и в безмолвной мольбе оглянулась на Леру.

«То, что сказала Инна, вообще-то не слишком забавно. Оскорбит и глаза невинные сделает, будто ничего не произошло. Этак она может такое вытворить... Последнее время с ней происходит что-то неладное. Уж не больна ли она?», - подумала Галя, неожиданно уловив в отстраненном взгляде Инны на мгновение мелькнувшую усталость и безысходность.

«Зачем Инна откровенно посмеивается над Аней? Поощрять ее такое поведение едва ли следует. С чего бы ей таким странным способом выставлять боль своей души напоказ? Злая ирония разъедает ее. Это явный признак, может быть, до конца еще неосознаваемого конца... Чувствуется, что она чем-то обеспокоена: то вдруг совершенно невпопад «брякает» что-то несуразное, то не к месту смеется. Может, опять болезнь дает знать о себе, и она с ума сходит от страха? Случилось то, чего она больше всего боится? Неужели ее снова настигла и скрыто изматывает та же болезнь, давая временную отсрочку... от гибели... и она, больная, не рада самой себе? Что это я?.. Нет! Нет причин волноваться. Мне это представляется маловероятным, - обеспокоилась Лена, отдаваясь какой-то безумно-нереальной надежде. - Жизнь уже преподала Инне страшный урок, но провидение отвело беду - не раздавил ее онкологический молот. Пересилила, перемогла она свою болезнь. Неужели опять ее ждет очередное жертвоприношение беспощадной судьбе? Неведомая черная сила только-только начала в ней шевелиться или уже пожирает ее?.. Что-что, а свое подлое дело эта болезнь делает быстро и безжалостно. Здесь не проходит мнение, будто «есть вещи, которые о себе человеку не стоит знать». Напротив, надо срочно бить тревогу... Бедная Инна, за этой болезнью стоит ее не очень счастливая судьба. Она давит, иссушает ей душу. В Инне воплотились все женские страдания, вся их горечь. Судьба к ней несправедлива. Почему за одну-единственную ошибку она расплачивается всю жизнь, а виновник ее несчастий, наверное, «цветет и пахнет»?.. Нет, голос Инны еще громкий и звонкий. Поживет еще Инесса-принцесса», - думает Лена, припомнив ежегодные майские встречи с ветеранами Великой Отечественной войны. Она представила, как постепенно угасают их громкоголосые, веселые речи, как становятся они все тише и тише... и их все меньше...

«Лена какая-то скованная, никак не освоится. Ее нельзя упрекнуть в непорядочности или безразличии, но могла бы и одернуть, вразумить свою близкую подругу, чтобы та не ставила в неловкое положение девчонок. Только она умела ладить с Инной, и лишь она могла удерживать ее от всплесков отрицательных эмоций. Пора бы Лене перестать контролировать свое поведение. У нее как будто есть третий глаз, которым она все время отслеживает себя со стороны», – слегка досадуя, думает Кира.

– Не заводись, Аня, юмора не понимаешь. Не Инна, Шукшин так сказал, – чуть поколебавшись, встала на защиту Инны Жанна.

Она так тихо проговорила эти слова, что Лена еле их уловила.

– Девочки, давайте без панегирических переборов. Умничание недостойно мудрого человека. А тебе, Инна, стоит следить за каждым своим словом. Не досаждай людям, – просительно сказала Эмма.

– Прими мои извинения, – непредсказуемо отреагировала Инна, неожиданно быстро усмирив в себе несносного чертенка. И чтобы скрыть смущение, рассмеялась так, словно не о ней шла речь, а о ком-то здесь неприсутствующем. И только Кира заметила, что Инна не может отвести взгляда от будто бы гипнотизирующих ее пальцев Лены, выстукивающих ритмичную мелодию.

«Чувство вины наконец-то подтолкнуло ее к пониманию», – обрадовалась Жанна.

Тишину опять нарушило монотонное Анино стенание.

– Моя нынешняя жизнь – симфония моральных страданий. Бог весть почему я столкнулась с множеством неразрешимых проблем. Волею судеб... Одна мысль владеет мною неотступно: я не заслужила их. Не оправлюсь от одного шока, а тут другой. Я ощущаю жизнь как ловушку и подчас не могу совладать со своими эмоциями. К какому спасительному методу мне прибегнуть?

– Хочется на баррикады? – хмыкнула Инна.

– На данный момент меня особенно тревожит проблема роста коммунальных услуг по сравнению с ростом пенсии... Что за напасть! Квартплата – брешь в любом семейном бюджете, не залатаешь... Утюжат нас... Не греют душу обещания – они очень туманные, непонятные. Одни намерения, а где действия?

Я чувствую себя серенькой уточкой, выброшенной на лед. Когда нет денег, думаешь не головой, а желудком, – опять запричитала Аня тихим голосом, беспомощно разводя руками. – Раньше государство стояло на страже интересов трудящихся, а теперь ЖКХ никому не подчиняется, управы на них нет. Что хотят, то и воруют. Некому за нас заступиться.

Преимущество частной собственности налицо. Теперь каждому человеку приходится бороться в одиночку, самостоятельно изучать законы, чтобы чиновники не отфутболивали по каждому пустяку людей, бегающих по инстанциям хотя бы для того, чтобы добиться горячей воды в своей квартире. Адвокаты вызываются помочь, добросовестно предлагая платные услуги. Мы отряжаем выборных. Одни из них воюют, применяя кто околонуучную, кто народную лексику, ссорятся, другие униженно улыбаются, напрасно пытаюсь вызвать на лицах чиновников хотя бы намек на ответную улыбку, разряжающую накаленную обстановку. И тем, и другим отказывают потому, что, насколько я могу судить по собственным наблюдениям, в законах существует много маленьких различий, тонкостей и лазеек, не вполне доступных пониманию обывателя. Мужество сразу оставляет представителей, и они с вздохами, стесняясь своего проигрыша, толкаясь, пятаясь, поругиваясь и оправдываясь, поспешно расходятся по домам в полной уверенности, что никто им не поможет. И кончается все плевками и «пинками» в адрес тех, кто обязан нам за наши деньги создавать сносные условия проживания... А раньше заплатишь за квартиру – и живешь себе спокойно.

Вот она, обманчивая, легкомысленная вера в силу суммарного народного слова. Мы юридически безграмотны. Я сама даже приблизительно не могу сказать, какие претензии вправе предъявлять чиновникам, потому-то у меня и нет никакой надежды на мое благополучное проживание в ближайшем будущем.

В своей критике я исхожу из того, что ЖКХ выгодно недодавать нам тепла. Они, экономя на нас, увеличивают свои доходы и помогают заработать компаниям, которым мы платим, расходуя электроэнергию, обогревая свое жилище и грея воду на бытовые нужды в бойлерах. И это при том, что правительство призывает нас экономить ее, используя энергосберегающие лампочки.

Они же понимают, что бегать по инстанциям в поисках правды смогут единицы – и еще не факт, что сумеют чего-то добиться, – а те сотни тысяч людей, которым не до того – им надо работать, воспитывать детей – не станут тратить время на склоки, молча будут платить или накапливать долги. Почему мы должны бегать по судам, сутяжничать, попусту расходовать свои силы и время на борьбу с ЖКХ, гробить свои нервы, здоровье? Мы утрачиваем себя, превращаясь в вечных сквалыг, спорщиков, уподобляясь москкам из басни Крылова. Многие не выдерживают «пытку унижением» и бросают «хождение по мукам». На что и надеются управляющие компании...

А чиновники от ЖКХ, обаянные расточительством, выстраивают себе за наш счет великолепные хоромы, кутят в ресторанах. Некоторые из них не сегодня-завтра сбегут за границу. Наши лбы предназначены для того, чтобы мы растерянно хлопали по ним ладонями и чтобы чиновники стучали по ним, желая услышать звонкую пустоту?.. Вот они и трещат.

Кому еще выгодна наша беспомощность? Судьям, адвокатам?.. А раньше таких проблем не было – каждый знал свое дело, которому учился, – а теперь они лепятся одна к другой. И кто поможет предотвратить обрушивающиеся на нас беды? Унылость наших перспектив в настоящее время озаряется лишь слабой попыткой верить в самое высокое руководство, – все больше заводясь, уже с озлоблением говорит Аня.

– Россия тебе не такая! Из Америки приехала моя школьная подруга. Отпуск у нее десять дней. Отпуск по уходу за ребенком после родов – один месяц. А за моей внучкой три года место сохранялось, и пособие она полтора года получала, – сказала Эмма.

– А жить на него можно было? – спросила Инна.

– У нее муж есть, – ответила Эмма. Она не захотела вдаваться в подробности и добавлять в разговор негатива. Инна, видя, что Эмма не поддается на ее уловки, замолчала. Разговор на эту тему не клеился.

– ...Возраст не прибавляет нам мудрости, разве что унылости и занудливости, – улыбнулась Лиля. – Мы свое отпели, отплясали. Соппротивление старости и есть наша жизнь.

– Не скажи! Моей сестре далеко за семьдесят, а она ходит в хор ветеранов своего завода и стишки пописывает в местную газету, – впрямую восприняла слова Лили грустная, но неунывающая Мила.

– Это у нее результат предпенсионного или послепенсионного обострения? – пошутила Инна.

– Ты помнишь Юру Маренкова? – спросила Кира.

– Юрку?

– Юрия Алексеевича собственной персоной! Так вот его хобби – плавание.

– Правда? – недоверчиво глянула Инна. – Ему в обед сто лет, а он все плавает?

– Ему нет семидесяти.

– Теперь – в его-то годы! – он многократный чемпион мира по плаванию в своей возрастной категории. Каждый год пачками привозит награды из разных стран.

– Во дает! По всему миру раскатывает да еще призы и медали сшибает?

– Да. И в основном золото и серебро завоевывает. В этом году в Дании и Австралии выступил успешно. А ты говоришь – Юрка. Рита стихи пишет. Сборник «избранных» недавно издала. Алла вон прозой балуется помимо научных трудов. Как бы то ни было, а

литература стала неотъемлемой частью их жизни. И скажу тебе честно – мне кажется, лучшей. Такие вот у них теперь прекрасные оттенки жизни. И заметь: без всякой мании величия. Хоть и говорят, что фраза «Талантливый человек во всем талантлив» избитая, изжеванная, но ведь верная, и никуда от этого не деться... Ладно-ладно, не смущайтесь, я больше не буду вас расхваливать, – смеется Кира. – А вспомни преподавателей нашего вуза. Василий, тот, что Васильевич, маслом природу пишет, Михаил, который Александрович – гуашью балуется, а Фима виртуозно играет на многих музыкальных инструментах, в том числе и на балалайке. Представляешь, еврей – и вдруг балалайка! К тому же прелестно, с чувством поет. Завидуешь?

– Ага, – весело созналась Инна. – А тебе, Аня, невдомек? В чем твой талант?.. Хотя как посмотреть на твою проблему!.. Что попусту расточать слова? У тебя в голове вавилонское столпотворение мыслей. А если соберешь их в кучку и включишь оба полушария, то можешь выдать такое, что небеса зашатаются!

Инна и тут не упустила случая задеть Аню, но та не отреагировала.

– ...При желании всегда можно найти повод для недовольства и раздражения. Только нашему народу что ни пообещай – все схавает, – перескочила Инна на ранее заявленную тему и продолжила «разоряться», поддразнивая Аню. – Ты мне все уши прожужжала нытьем. Оскомину набила. Наговорила сорок бочек арестантов и что дальше? Ты запомни на будущее: прежде чем «одобрять» любое нововведение руководства, спрашивай себя: нужно ли оно тебе? Или мы, как и прежде, будем бояться высунуться, не зная, «как слово наше отзовется», а потом долго приходиться в себя от ошарашивающего впечатления, вызванного нашими новыми порядками? Бороться надо за свои права, а не ждать милости от властей. Привыкли только славить свою страну. Мозги усохли от бездумности.

Под аккомпанемент Аниных вздохов Лена потянулась через стол к Инне и попросила ее внимания. После некоторых уговоров та обещала не вести бесед ироническим тоном, но выторговала себе право беззлобно шутить. И в завершение их кратких переговоров тихо предупредила, что в подобных напоминаниях больше не нуждается. Она присмирела, но Лена знала, что временная передышка долго не продлится. И оказалась, как всегда, права. Не успела она перекинуться с Кирой парой фраз, как услышала зычный голос подруги и шепот Ани, ей отвечающей.

– Некоторые начальники, пользуясь полученной властью, поносят ранее руководивших, хают прошлое, но только затем, чтобы уже потом, при малейших успехах все предыдущие достижения приписать себе и кричать на каждом углу, при каждом удобном случае, мол, мы это сделали! Например, втихаря отняли у педагогов доплату за классное руководство, а у ветеранов труда бесплатное пользование землей в садоводствах, а потом с помпой вернули под «тем соусом», что это их заслуга, – сварливо возмущалась Аня. – Это касается как областных, так и высших эшелонов власти.

– Можно подумать, что подобного не было при Советах... Во всем, что касается тебя лично, ты неплохо осведомлена. Все перемены жизни и непривычные события кажутся тебе чреватými подвохом, неправильностью, опасностью. Может, еще и карой, наказанием, приговором судьбы? Что втягиваешь голову в плечи? Наконец-то распробовала жизнь, и у тебя от нее остались неприятные чувства. Я не права? У нее, видите ли, не складываются отношения с чиновниками, она, видите ли, подавлена жизнью! Давно бы пора отпасть твоим романтическим наслоениям, как коросте. Они же мешают жить в реальном мире.

Эх ты – ревнитель старых устоев! Все это мы уже проходили много раз. В девяностые годы был финальный аккорд трагедии, которая разыгралась в семнадцатом году. Не отступай от исторических фактов: не было бы семнадцатого года, не возник бы девяносто первый... А проблемы всегда и везде одни и те же. Возьмешься со мной спорить? Вряд ли. Потому-то в школе тебе самое место...

«Насчет внешних данных, скудно отпущенных Ане природой, не поспоришь, да они никого кроме нее не волнуют, но укорять ее за недостаток ума?.. Ох, припомню я тебе, Инка, это! С собственными проблемами управиться не можешь, а на других овчаркой кидаешься? – разозлилась Лена. И ее терпение кончилось. – Небольшая взбучка Инне не повредит», – решила она.

Но Аня уже вылетела из-за стола, как пробка из бутылки шампанского.

- Так ты расцениваешь мой труд! Думаешь, приложила руку к уничтожению меня как специалиста? Думаешь, если чем-то выбиваешься из общего ряда сокурсников, так уж умнее всех? Я не сделала ничего, что заставило бы меня стыдиться. Смотри, как бы эти грязные слова не обернулись против тебя. Нет, вы только послушайте: она ставит на мне клеймо! - вспыхнула Аня и нервно затопталась на месте, боясь не совладать с собой. - Я виновата, что в стране этический и моральный коллапс? У нас миллион бездомных детей, полторы тысячи детей в год насилуют и убивают, а вводить и применять жесткие законы к безответственным родителям Дума не торопится. Вопрос о наказаниях за издевательства над детьми и женщинами в семьях вообще не поднимается. Школа не воспитывает у детей личной ответственности, не учит оценивать себя и свое поведение. И как тут взрастить новую ментальность? Одних благих намерений, знаете ли, недостаточно. Боюсь, как бы не раздавила нашего Путина коррупция. Сминает она все попытки создать стабильное государство. А тут еще у нас процентов восемьдесят людей, абсолютно безразличных к политике. Была бы работа или пенсия, а остальное - хоть трава не расти. Понятие «правда» в разных поколениях интерпретируется по-разному, а вот «право» у нас забыли. Все больше по понятиям живем... Оно, конечно, Петру Первому тоже нелегко было...

- И ты туда же! Чернышевский, кажется, говорил, что «в каждом из нас сидит маленький Батый». И теперешние депутаты что-то лепят, лепят... «Священной короной» для них стала свобода слова... говорильня...

- Достала со своей критикой...

- Свобода слова у нас есть!

- Да только за нее... убивают.

Инна опять явно набирала обороты, и мысли Лены окончательно вернулись в компанию подруг. Она вслушалась в их разговоры и опять потянулась к Инне. Ее пальцы осторожно забарабанили по руке подруги.

- Надеюсь, ты не собираешься изменять своему слову? Я, как видишь, помню о своем. С плохим настроением лучше отсиживаться дома. Могу проводить...

В ответ Лена получила удивленный взгляд, уплывающий вдаль, и еще больше занервничала. «Кто может поручиться, что поведение Инны не результат болезни?.. Отдыхала бы себе дома, геройствовать без нужды неблагоприятно... Я совсем очерствела. Меня запереть одну в квартире, так быстро на стенку полезла бы», - сурово одернула себя Лена.

Лохи

Звонок в дверь. Кира открывает. Через порог переступает миловидная девушка с огромным мешком и скороговоркой сообщает, что она от только что открывшегося магазина «Современная электроника» проводит рекламную акцию и что сегодня четыре семьи в городе получают от фирмы прекрасные подарки. Кира недоверчиво спрашивает:

- Каким способом вы выбирали семьи, которые решили осчастливить?

- Методом «тыка», - с ослепительной улыбкой объясняет девушка и принимается расхваливать тостер, который тут же вручает хозяйке дома.

- Приятный сюрприз, - искренне радуется Кира. - Не верю своим глазам, это гораздо больше, чем я могла бы ожидать.

Девушка, продолжая расхваливать свой товар, вытаскивает из мешка утюг. Сладкая речь так и льется из ее уст, как молочная река с кисельными берегами. Кира, будучи человеком скромным, предлагает девушке утюг подарить своей соседке, которая содержит дочь и внучку и с ног сбилась в поисках подработок. Ей, мягко говоря, кажется неправильным «захватывать» оба подарка. Но девушка упорно стоит на том, что обязана все подарки отдать в одну семью. Подошел муж Киры и, восхищаясь говорливостью девушки, стал рассыпать ей комплименты, предвещая блестящее будущее на ниве менеджмента. А та, очень довольная собой и доброжелательным приемом, радостно улыбаясь,

продолжала «молотить свою копну», уверяя, что рада осчастливить их прекрасными товарами, и при этом успевала подробно, с большой долей фантазии характеризовать их полезные качества.

Кира вопросительно посмотрела на Славу, тот в ответ лишь неопределенно пожал плечами, что означало: надо повременить с выводами. Она вняла молчаливому совету мужа и положила подарки на тумбочку, стоявшую рядом с входной дверью. Вдруг Слава деловито «проехался» в адрес гостыи:

- Сыр я вижу, а где же мышеловка?

- Что вы, уважаемый, фирма на самом деле дарит подарки. А вам лишь нужно будет при любом удобном случае прославлять наш магазин, - ослепительно улыбаясь, ответила девушка и тут же достала из мешка огромный набор посуды якобы фирмы Андрея Макаревича, которого все присутствующие наверняка должны обожать.

Кира растерянно оглянулась на подруг, ища поддержки своим не-уверенным догадкам. Галя с Милой перемигнулись и замахали руками. Алла выразительно покачала головой. Сердце Киры упало. Она тоже догадалась, что подарки - не приятный сюрприз, а очередная афера, еще один способ отбора денег у обывателей. Она резко отстранилась от «дарительницы», потому что была наслышана о способностях таких вот шустрых агентов, а теперь на собственном опыте убедилась в их существовании и лишней раз утвердилась в мысли, что с прежней, доперестроечной, наивной верой в добро пора заканчивать, чтобы не выставить себя глупой. Происходящее мгновенно ввергло ее в подавленное состояние. Ей показалось, что у нее не хватит сил и нервов спокойно противостоять обманщице. Не успев толком обдумать, какие шаги в этом случае стоит предпринимать, она мрачно, обиженно, чуть ли не со слезами пробормотала:

- Я не нуждаюсь в ваших подарках. Вы пытались обмануть пожилого человека. Не стыдно? - И, полная горечи, поспешила скрыться на кухне.

А девушка не позволила себе обратить внимание на реакцию хозяйки квартиры и продолжала «петь», готовая обратить в свою пользу и момент растерянности, и неловкость, и смущение пожилой дамы. Научившись торговать лицом и голосом, она обезоруживающе открыто и нагло демонстрировала свою хватку. Возможно, она надеялась «захмутать» мужчину, смело играя на его самолюбии, посчитав его менее практичным (не на того напала!), легко заводящимся по пустякам или способным клюнуть на ее обаяние.

Чувствовалось, что посланница фирмы умела вести себя легко и привычно в любой обстановке и, наверное, уже считала, что удачно провернула дело. Ее не волновало, что уже проглядывали наружу ее истинные намерения, что уже слишком бросается в глаза ее нагло-непосредственное поведение. Было в ее действиях что-то цыганское, что ли. Она действовала их старыми испытанными способами, только «упаковывала» их в новую красивую обертку.

Слава незаметно кивнул Алле, которая с интересом наблюдала за хорошо разыгранным фарс-спектаклем.

- А сколько же стоит все это удовольствие? - неприметно кривя рот в ироничной улыбке, ласково спросил он девушку.

- Тостер три с половиной тысячи рублей, утюг (примитивный) - две тысячи, а с посудой все вместе - двадцать тысяч! И все это вам бесплатно, - продолжая обаятельно улыбаться, сообщила гостыя.

Слава давно и с легкостью мог бы опровергнуть «прелестные измышления» незваной гостыи, но он выжидал, чем закончится этот искрометный сюжет.

- И все же чем мы должны осчастливить вашу фирму? С нашей стороны было бы верхом неблагодарности не сделать вам что-нибудь приятное. Мы не можем быть такими жадными. Только ведь нечем нам вас порадовать, - полностью сохраняя самообладание и выдержку, со всей серьезностью продолжал игру супруг Киры. Эту фразу он заготовил заранее, еще задолго до того, как его жена поняла, что ее собираются надуть, всучив «подарки», «развести», как теперь выражается молодежь.

- О да! Конечно же! Небольшое дополнение, - воскликнула прелестная посланница фирмы. - Дело в том, что товар магазин получает из Германии и Франции, поэтому мы просим одаренные нами семьи оплатить только доставку товара. Всего-то пять с половиной тысяч рублей.

Все собравшиеся у двери женщины, теперь уже включая и Киру, дружно рассмеялись. Хохотали до слез, искренне.

- Ну вот и ключик к замочку от мышеловки. А я-то стою и думаю, что же на этот раз придумала талантливая молодежь, чтобы «обуть» простачка-обывателя? Ловкий трюк, рассчитанный на одурачивание доверчивых бабушек, - доброжелательно улыбнулся Слава. - Ладно, девчушка, ты, безусловно, талантлива, у тебя отлично подвешен язык, ты коммуникабельна, обаятельна и привлекательна, но не станем дальше ломать комедию. Мы не «лохи». Видишь, я даже термин молодежный употребил, чтобы подчеркнуть связь поколений, хотя ваши методы мы, старшее поколение, не приемлем.

Желаем тебе дорожить своей репутацией и сделать прекрасную карьеру на чем-то честном и полезном не только тебе, но и людям. Брось этим заниматься. Наверное, отправляясь на подобную работу, ты ни разу не вспомнила о своей любимой бабушке. А в общем, ты нас очень развеселила. Настроение теперь до вечера будет приподнятое, не каждый день встречаешь такой естественно-искренний самородок.

Кира, я помогу девушке, провожу ее до лифта, чтобы она не попыталась опробовать свои хохмы на наших соседях. А ты, Алла, подари гостю на добрую память компьютерную распечатку с настоящими ценами предлагаемых ею товаров и адресами фирм и городов России, в которых они производятся. И еще реквизиты фирмы Андрея Макаревича добавь. А на будущее, милая девушка, запомни: «Лапшу на уши надо уметь вешать так, чтобы трудно было заподозрить в мошенничестве. Любая ошибка, любой промах пойдет тебе в минус. А лучше вовсе ее не вешать». Обычно мы не миримся с надувательством. Другую посланницу фирмы мы не преминули бы вышвырнуть с позором на улицу, но очень уж ты артистична и обаятельна. Твои бы таланты да на пользу Отечества.

Когда «дарительница», ничуть не смутившись, ушла, остальные гости, узнав причину оглушительного хохота в коридоре, стали наперебой делиться «перлами» современного торгового искусства, с примитивными и оригинальными идейками обмана старичков, с которыми им или их соседям довелось столкнуться со времени начала перестройки. Рассказывали, как некоторые, попав на удочку, в сердцах проклинали себя за беспечность, другие - за глупую уверенность в том, что способны разглядеть любую аферу и справиться со всякими пройдохами, и тогда радость общения с чужими людьми уступала место настороженной агрессивности. На уловки покупались даже самые дотошные и привередливые старушки. Понять заблуждения мешали десятилетиями устоявшиеся традиции «добрососедства и братства». Набрался шикарный, «разнотравный букет» способов обманов, хоть рекламные буклеты составляй. Правда, творцов подобной «литературы» среди нас не нашлось. А жаль. Хорошее бы вышло «пособие для лохов». Ведь, по сути дела, легковверные люди сами провоцируют появление обманщиков.

Кошки

За окном тает. Лена смотрит сквозь плачущее окно во двор. Ворона, широко распахнув клюв, ловит капли воды, падающие из наружного крана, торчащего из стены противоположного дома. Она смешно выгнула шею, растопырилась. «У меня на родине сказали бы раскрылехтилась, – подумала Лена. – Вон как ногами перебирает, будто на цыпочки встать старается. Прелестная картина!»

– Ой, – воскликнула Лера, оказавшаяся рядом с Леной, – эта ворона заставила меня вспомнить любимого кота моей хорошей знакомой художницы Нины Ивановны Быковой. Смотри, вот она на фотографии. У нее кран на кухне подтекал, так кот, паршивец этакий, моду взял эти капли ловить. Можно подумать, пить ему не давали. Видно, большое удовольствие испытывал от такой игры. Как ни придет Нина с работы, а у кота чуб и хвост мокрые.

Обожает Нина своего кота, всегда о нем восторженно рассказывает! «Красавец он у меня!.. Чуть не услежу – кругом белые пятна шерсти. Я его чищу пылесосом. Сначала он не любил эту процедуру, сердился, потом ему понравилось. Ляжет на спину, лапки в стороны разложит и балдеет, как говорят мои внуки. Затем я поднимаю кота за заднюю ногу, демонстрирую его прекрасный мех домочадцам и раскладываю на своих плечах как горжетку. И он лежит спокойно, словно понимает, что им любят. А какой обидчивый! Если мои подруги начинают оказывать внимание какой-либо другой кошке, он перестает дружить с хозяйкой своей конкурентки.

Мой кот сам включает настольную лампу и греется под ней, а когда надоест – уходит, но не догадывается выключить свет. Я долго не могла понять, кто в моей семье такой забывчивый, пока не поймала моего любимца на месте преступления. А как-то мне не спалось. Лежу в темноте, задумалась. Вдруг чувствую, кто-то меня трогает. Я в ужасе. Кто? Я же одна в комнате! Оказывается, кот играл со мной. Завернулся в свой любимый леопардовый плед и лежит тихонько. Я думала, спит. А он высунул лапку из-под пледа, цапнул меня и спрятался. Подождал немного и снова цапнул. Но я о его проделке узнала только, когда ночник включила. А до этого страху натерпелась!

А какой он у меня умный! В глаза долго может смотреть, как человек, все подмечает и себе на пользу применяет. А еще он любит в полиэтиленовые мешки залезать и шуршать ими. Выдыхает – мешок чуть раздувается, вдыхает – мешок сжимается. Мой безобразник при этом так внимательно прислушивается, что мне кажется, будто эти звуки напоминают ему что-то очень интересное, важное или приятное».

Когда Нина Ивановна рассказывает о своем коте, она захлебывается от восторга. На нее приятно смотреть. Столько искренней радости излучает все ее существо. А я гляжу на нее и думаю, что именно таким и должен быть директор художественной школы – ярким, эмоциональным, добрым. Она еще и стихи пишет для детей... У нее есть шутка: обидеть кота – все равно, что подписать себе смертный приговор. Она считает кошку самым сексуальным животным.

– У меня на кошек и собак доброты не хватает, я ее всю детям отдаю, – сказала Аня. – Никто не спорит о жертвенности животных, о их привязанности к хозяевам, и, тем не менее, если, допустим, собака является угрозой для жизни людей, хозяин должен задуматься о создании условий безопасности во время выгула своего любимца. Я слышала, что животные любят хозяев такими, какие они есть, с их уродствами, болезнями, заскоками. Они принимают карму хозяина, выкачивая из него отрицательную энергию, потому что они более внушаемые.

– Этим они похожи на женщин, – рассмеялась Жанна. – О кошках говорят, будто они умеют читать мысли. Приверженцы этой теории основываются на предположении, что мысли имеют запах, и что именно кошки с их тонким чутьем способны их улавливать. Нам и в голову не может прийти то, что делает кошка или собака по лечению нервно-паралитических больных!

– Может, всё много проще: больные люди как-то иначе пахнут, чем здоровые, а кошки умеют отличать эти запахи. И притом далеко не всякое животное способно лечить или геройствовать. Такие таланты, как и людям, даются им не так уж часто, – ровным голосом откликнулась Лера. – Когда собака посвящает жизнь человеку, это является

само собой разумеющимся фактом, но если наоборот... Не понимаю этого фанатизма.

- Я читала, что девяносто семь процентов генов у собак идентичны с человеческими. И длины волн излучения их ауры тоже схожи. Может, и с Богом, они, как люди, связаны?..
- со снисходительной небрежностью опытного специалиста-материалиста сказала Эмма.
- И все же я за разумную любовь к животным. Я сколько ни старалась стереть из памяти страх первой неудачной детской встречи с собакой, так ничего и не получилось. До сих пор, проходя мимо крупной собаки, сжимаюсь в комок, случается, что по спине бегут холодные ручейки.

Разговор сам собой перешел на собак опасных пород, на отсутствие на них намордников во время прогулок, на яростное, буквально патологическое нежелание хозяев мучить ими своих любимых питомцев, которые становятся им дороже не только чужих, но и своих детей. Потом заговорили о попытках местных властей навести в парках чистоту.

- Почему, - возмутилась Мила - я, гуляя с маленьким внуком в парке, если ему приспичит в туалет, тут же убираю за ним в двойной полиэтиленовый мешочек и отношу в урну, а моя соседка не соизволит сделать то же самое за своим волкодавом. Она заставляет всех отдыхающих любоваться на отвратительные кучи и нюхать эту гадость. Да если бы еще она одна была такая, а то все собачатники и кошатницы не считают нужным заботиться о чистоте общественных мест, когда дело касается их питомцев. Я вообще не выношу рабской привязанности к домашним животным, доходящей до непристойного абсурда. Не понимаю, как можно тратить сердце из-за собаки или кошки, когда вокруг творится такое... нищие дети... Ну, если только эти люди бездетные. Им собака вместо ребенка. А сколько вокруг диких кошек и собак! Подкармливая их, люди только увеличивают их поголовье, а вместе с ним и антисанитарию. Любите, так забирайте их домой, кормите, лечите.

Лера уже не вникала в суть рассказов Милы. До нее долетали только отдельные энергичные фразы. Подруги долго еще продолжали «собачью» тему, а ей в связи с кошками память преподнесла совсем другого рода историю. Лена ей о себе рассказывала. Была у нее такая минута слабости. Встретились они, когда та на научную конференцию в Ленинград приезжала. Три дня тогда вместе провели.

Онкология

- ... В моей судьбе присутствовали многие факторы жизни, вызывающие страдание. Непонимание, неверие, унижение, ложь, оговоры, предательство... как у всех, наверное...

Как-то меня поразило странное наблюдение: раньше, избалованные жильцами нашего дома настырные подвальные кошки нагло перебежали мне дорогу, прошмыгивая перед самым моим носом. И вдруг, завидев меня, стали отворачиваться и уходить прочь. Когда я первый раз заметила их нестандартное поведение, то сочла его случайным. Но «зверье» с завидным постоянством уступало мне дорогу или даже панически убегало при моем появлении в близлежащие кусты, не удостоив меня даже беглым взглядом. Сначала это меня мало волновало, даже развлекало, потом породило в душе мистические сомнения, и уже не давало покоя предчувствие беды.

Лена тихим монотонным голосом рассказывала свою печальную историю, и не было в ней на тот момент обычного оптимизма и бодрости. Передо мной сидела усталая, стареющая, но еще красивая несчастливая женщина. Она не дозировала себя, была со мной предельно откровенна.

...Конечно, любой человек может серьезно заболеть, и никто не знает, чем закончится лечение, сколько годков ему отпущено Всевышним. Онкология пока особая статья в медицине, потому что злая коварная изматывающая болезнь подкрадывается исподтишка и извещает о себе подчас только, когда бывает уже слишком поздно что-то предпринимать... И тогда ощущение кратковременности бытия чувствуешь острее, больнее, четче, а неожиданную радость выздоровления – много ярче.

При слове «онкология» и у здорового человека все внутри содрогается и сжимается. Он зябко поводит плечами, и мерзкий холодок страха хоть на минуту, да заползет в его душу. Что уж о больном говорить. Смертельный страх выжигает душу, низводит человека в нуль, губит последние оставшиеся силы. Не подобрать слов, чтобы выразить ужас смерти. Кажется, уже хуже некуда, а оказывается, бывает... Зато жизнь после выздоровления становится тебе намного дороже. Не можешь надышаться... Здоровье – это чудо, это счастье...

И для меня не прошли бесследно годы чрезмерного напряжения сил. К тому же я не умела давать выхода обидам и гневу, копила их, вот и заболела. Долговременные обиды и стрессы являются основными причинами возникновения онкологии у женщин. У всех больных ощущение страха неодинаковое, потому что разное держит людей на этом свете: дети, маленькие внуки, нежелание отдать мужа в чужие руки. А если человек совсем молод, а если больной – ребенок? – горько роняла Лена. – Что он чувствует, когда жизнь висит на волоске?.. Нежные сердца ломаются от легкого прикосновения... а тут такое... Этого не поймешь доподлинно, не испытал... не дай бог никому. Я не считаю, что страдала больше других.

Смерть страшна ожиданием своего скорого приближения. Я чувствовала ее, маялась, безумно уставала. Как говорится, уже к обеду еле ноги переставляла. Но ведь утром на работу отправлялась с радостью, замечала красоту природы, хотелось петь! Мое дыхание часто опалялось сухим нездоровым жаром. Ухудшалась память, слабели нервы. Я не знала, отчего такое со мной происходит, и горько шутила: «истекают силы в сторону могилы». Иногда казалось, что слишком тонкая перемычка сознания отделяет меня от бездны. Непосильная мука ожидания неизвестного сокрушает дух, и тогда соображение покидает, остается лишь слабо трепещущий инстинкт: выжить, выжить... Надежда жизненно необходима...

В минуты полного просветления шла в поликлинику. А врачи не верили моим сетованиям. Не распознали они моей болезни и сердито возражали:

- Вы – цветущая женщина. Нельзя быть такой мнительной.

И не давали направления на обследование. Я снова горько шутила, трезво осознавая нарастание болезни:

- Спихватитесь, когда стану плохо выглядеть, только будет уже поздно, не оклемаюсь.

Болезнь уже состарила меня не только физически лет на десять, но и морально. Надо бы поторопиться найти ее и сокрушить. Мне это позарез необходимо, иначе... сын у меня маленький, Андрюша... один останется, – говорила я очередному доктору. – Есть многое в природе, чего мы не можем объяснить. Наверное, есть и судьба, и добрые ангелы-хранители, и предчувствия, которые подают нам знаки, подсказывают, предупреждают о беде, а мы часто не верим им, не чувствуем, не хотим их замечать. Судьбу не перехитришь, она дело свое знает туго.

– Наверное, вы меня не понимаете. Здоровому и тем более молодому человеку это трудно осознать, но вы примите мои объяснения на веру и попытайтесь отыскать причину моего угасания. Разве подобное внимание к больному не поддержит вашу репутацию? – отрешенно говорила я врачу. А он только снисходительно улыбался и, трагически-шутливо вздыхая, отвечал:

– Чего не знаю, того не знаю. Не посвящен. Мне пожилые женщины все уши прожужжали своей антинаучной мистикой. Что с них взять?

И страдальчески-весело добавлял:

– Хотите опротестовать мой диагноз? О, я этого больше не вынесу!

Надо отметить, что я не обижалась. Доктор с юмором – это уже хорошо. Он достаточно сдержанно и безобидно посмеивался над моей, как он считал, косностью, а мне было грустно: никто не хотел мне помочь, всюду я натыкалась на безразличие. Помнится, я с трудом открыла неподатливую дверь кабинета врача и удалилась непонятая и, если можно так сказать, ласково высмеянная. А человек должен стремиться раздвигать границы возможного, а не сжимать их, игнорируя непонятное. Я это воспринимаю как примирение с собственным незнанием, непониманием.

Что бы доктор сказал, услышав о том, что почему-то мой взгляд во время принятия душа, все время останавливается на груди, будто его что-то там притягивает. Посмеялся бы. А они, эти непонятные взгляды, возможно, были осторожными бессознательными или сознательными подсказками самого моего организма.

А что бы он сказал, если бы я рассказала ему про то, что чувствую уровень энергии, излучаемой некоторыми людьми. Вот совсем недавно сижу, беседую со знакомой и вдруг ощущаю мощные толчки в затылок. Долго не оборачивалась, с радостью воспринимая положительные волны. А когда оглянулась, увидела депутата областного Совета. Подумала тогда: какой же силы должно быть у него здоровье, если его организм так расточительно расходует свою добрую энергию? И еще подумала: интересно, он знает о своей удивительной способности дарить людям радость? Некоторые, которые не чувствуют его энергию, наверное, просто считают его обаятельным человеком... Я даже фамилию того человека запомнила: Тонких. Она как добрый талисман... Случается мне видеть белое окаймление открытых частей тела некоторых людей. О чем оно говорит? Не знаю...

Ну уж такому явлению, как неожиданные мимолетные видения, доктор тем более не поверит. Хоть и не часто, но ведь они бывают. Обидел меня как-то один знакомый. А минут через десять после его ухода в голове моей будто бы помутилось, все поплыло перед глазами, в жар бросило. И вижу я этого человека с другом. Они пьют и хохочут надо мной... Несколько секунд – и все пропало. Я позже рассказала обидчику, что видела, как он смеялся над моей бедой. Всю картину ему обрисовала... Он глаза вытаращил, ступешался... Не знаю, поверил ли, что Нечто иногда посылает мне импульсы... Да я и сама часто не верю себе.

А недавно погиб сын моего хорошего друга. И я в момент сообщения этой страшной новости увидела четкую озвученную картину его смерти. Его убили старым дедовским способом, не оставляющим следов на теле. Смерть в этом случае приходит не сразу, недели через две. А если организм крепкий, так и несколько месяцев еще протянет человек на этом свете... Но видения к делу не пришьешь... А вот самое простое, из чут ли не ежедневных мелочей: берусь за ручку двери, чтобы выйти по какому-нибудь делу, и уже заранее знаю: бесполезно. Не верю, иду и убеждаюсь.

Но мои предчувствия долго еще не приближали меня вплотную к разгадке болезни. Я не привыкла доверять своим необъяснимым ощущениям, а может, не хотела верить. Только

много позже поняла, что для меня иногда, на короткое время, открывается узкий коридор в неведомое, куда мое подсознание неосознанно успевает «протиснуться», чтобы стать носителем той или иной информации, не подлежащей проверке. Иногда из будущего, иногда из уже прошедшего...

Да что рассказывать. Наверное, выслушав меня, врач мысленно покрутил бы пальцем у виска, иронически или сочувственно поглядывая на «неадекватную» больную. Нет у него времени выслушивать наши, как он считает, бабьи бредни... и нет желания верить. В мировоззрение врача предчувствия никак не вписываются. Я бы могла сказать доктору: «Если вы не обладаете этим свойством, это вовсе не значит, что его нет у другого. Не надо всех по-особому чувствующих причислять к разряду мошенников». Но я промолчала.

- Я поверю. Со мной тоже не раз случались странные вещи. Помню, письмо от родственников мужа получила. Обычное. Но от него веяло злой энергией, будто ненавидят они нас за что-то. Позже узнала, что завидовали они моему мужу, недоброе желали, - рассказала я Лене. - У моей подруги брат был пьющий. И она всегда знала, когда с ним все в порядке, а когда он явится избитый и раздетый. Она ни разу не ошиблась. Маму всегда успокаивала: «Не плачь, живой Сеня, вот-вот придет». Ее сны часто носили символический характер предвестников событий. Конечно, пока превыше человеческих сил проникнуть в тайну предчувствий, но отрицать наличие таких способностей у некоторых людей не имеет смысла. Врачи, как и учителя, подчас слишком консервативны.

- Ну так слушай дальше, - говорила Лена. - Шла я домой и отвлекалась от неудачного визита к врачу рассуждениями о юморе и юмористах по жизни. «Всякие бывают индивиды. Некоторые за смехом скрывают натуры грубые, жестокие, бесчувственные. Таких надо лишать удовольствия от «веселого» злословия их же оружием - ответными ударами. Знала я одного такого типчика в НИИ. Объясняла я ему, что женщины и мужчины по-разному утонченные, что юмор бывает мужской и женский, и нельзя при женщинах отпускать мужские шутки, чтобы не задеть, не смутить, не оскорбить. А еще говорила, что не стоит всех считать пошляками и позволять себе весело хамить в любом обществе. «Одно дело, если я подобную шутку услышу с экрана телевизора, совсем другое дело, когда ее применяют конкретно ко мне. Чувствуешь разницу?» Не чувствовал... Спорить мне с ним не хотелось. Он уже нанес мне не одну болезненную рану своим злым языком...

Я уже тогда чувствовала свое сухое опаляющее губы дыхание, понимала, что тяжело болею, что силы постепенно покидают меня, и старалась избегать лишних усилий, если они, по моему мнению, не сулили положительных эмоций. Я чувствовала их дефицит и пыталась жить, экономно растрчивая себя. Другого способа сохранить себя на более длительное время я еще не представляла... Теперь, когда вокруг столько платных услуг, моя проблема быстро бы разрешилась. Обследовали и прооперировали бы без промедления... Отвлеклась я от темы...

Так вот, болезнь отнимала все мои силы и занимала все мои помыслы. С каждым днем мне приходилось прикладывать все больше усилий, чтобы выполнять привычную работу. И все же Всевышний дал мне серьезную подсказку. Ранним утром в полусне я узнала название своей болезни. Теперь бы сказали: «был голос». Я сразу поверила, потому что это «сообщение» совпало с моим предчувствием, оно у самой не раз вертелось на кончике языка. И я помчалась в рентген-кабинет. По знакомству.

Доктор посмотрела снимки, мило улыбнулась и успокоила: «Ничего страшного у вас нет, но в понедельник отнесите эти пленки в онкологию. У нас порядок такой». Была пятница. Она давала мне возможность спокойно прожить два дня. Она щадила меня. Я поверила ей. Помню, как живительное тепло надежды на лучшее разлилось в моей груди. Как приятно расслабилось тело, скованное страхом.

- Как ты думаешь, что явилось причиной твоей болезни?

- Безусловно, стресс. Гибель Антоши. И время закрытого периода совпадает - семь-восемь лет. Как в аптеке. Сравнивала время «инкубации» с подругами по несчастью - приблизительно такое же.

В онкологической поликлинике уже с порога меня поразила гнетущая тишина.

Неожиданно остро почувствовала другую жизнь: замедленную, леденящую. Все звуки странно приглушены, во всем обнаруживалась необходимость покоя. Тяжелая тишина и аптечные запахи неприятно напоминали о болезнях. Понимание чужой страшной беды, примеряемой на себя, вызывало в душе массу страхов. В холле огромная толпа тревожных женщин и несколько мужчин. Странное наблюдение: мужчины все с женами, женщины – поодиночке. Это показатель мужской заботливости? Ан нет, вон, один старичок сидит, жене место бережет, пока она отошла подышать.

Почему в основном болеют женщины? Что является причиной этой жуткой болезни? Бесконечные ежедневные оскорбления, унижения и как следствие – долговременные обиды? Неудачная личная жизнь. У них у всех жестокие, безразличные мужья? Эгоисты раком не болеют. До ста лет живут... Как говорит соседка: «И без мужиков плохо, и с ними несладко». Возможно, проблемы детей и внуков тоже приводят их в эти жуткие темно-зеленые стены. Или постоянный страх за свое единственное и такое неудачливое чадо, выращенное без отца?..

Обычно в очередях на прием к врачу люди делятся своими проблемами, интересуются квалификацией врачей, ссорятся с теми, кто пытается пройти без очереди, без талонов. Здесь – молчание, хмурые взгляды. От врачей выходят молча, иногда со слезами. Слезы здесь – дело обыденное. Не слова, глаза и позы выражают безнадежное отчаяние.

Суровый доктор начал разговор со мной так:

– Судя по тому, что я вижу...

Я мгновенно почувствовала себя на краю гибели.

– Какая степень? – прошептала я вмиг онемевшими губами.

– Как вы понимаете, я не могу, не имею морального права, не скрою от вас... вторая...

Я поняла, что третья или того хуже. Сердце ухнуло в бездну. Уронила голову на руки и белугой заревела, не думая о том, что надо бы постесняться своей слабости и попытаться сдержаться. Если каждая из нас станет распускать свои нервы... Но не сумела. Теперь я понимала, что такое мужество смертельно больного человека, что такое умение достойно нести свой крест. Но тогда я еще на что-то надеялась и не была морально готова сдерживать боль души. «Неужели медицина бессильна перед моим недугом? Неужели я больше никогда не увижу сына, моего Андрюшеньку?» – закрутилось в моем мозгу.

– Мне легче знать правду, чем мучиться в неведении. Неизвестность для меня губительна, – пробормотала я сквозь бурные рыдания. – Не оставляйте мне иллюзий. Осознание близкой смерти даст мне силы бороться за свою жизнь. Такой вот парадокс. Дважды не умирают. Я хочу довести свою жизнь до логического завершения, достойно подготовиться, закончив все свои основные дела и только тогда, если мне суждено... спокойно уйти... Я привыкла ставить вопросы ребром и спрашиваю без обиняков, потому что все, что касается меня лично... я всегда сама решаю, что для меня хорошо, что плохо... Вы не должны скрывать от меня то, что я должна знать по праву. Это моя жизнь и моя...

– Больные чаще всего не хотят знать, сколько им осталось, – осторожно заметил врач.

– Но тогда они и не задают прямых вопросов, – заявила я, все еще надеясь на лучший вариант.

– Ну что же, не стану держать вас в неведении. Третья, запущенная. Вам это о чем-то говорит? Двадцать процентов вероятности выживания. Я не преувеличиваю. Статистика. Но консилиум может опровергнуть мое предположение. Будем надеяться, – вдруг как-то особенно сочувственно сказал доктор, близко наклонившись к моему лицу.

А может, это мне только показалось. Я так нуждалась в поддержке! Понимал доктор, что лучше сказать больному «двадцать процентов удачных случаев, чем восемьдесят – смертельных». Такова особенность человеческой психики.

– Вам требуется срочная операция. У вас нет и недели на завершение каких-то дел, – добавил он мягко. Я безропотно согласилась.

Не помню, как добралась до остановки автобуса.

Сидела на скамейке, потеряв представление о пространстве и времени. Серая мгла вползла мне в душу и всю заволокла. Когда выпала из страдальческого забытья, первой мыслью было – «это конец». Скажу так: сама себе вынесла страшный приговор. Запомни, Лера: нельзя этого делать.

Шумели над головой березы, ярко светило солнце, а я не понимала, как всему этому можно радоваться. Мне казалась бессмысленной суеда людей, их улыбки странно не вязались с новым для меня, еще полностью не осознаваемым, тусклым, жутким миром, наполненным нестерпимо гложущим меня изнутри страхом и отчаянием. Я не винила людей, не осуждала. Я думала: «Им повезло...»

В душе было полное отторжение, нежелание воспринимать реальную беду и одновременно нескончаемые слезы, бессилие, невозможность справиться с обрушившимся на меня несчастьем, перечеркивающим все надежды на будущее, растерянность и обида на судьбу-злодейку. Кольцо страшных мыслей зажалось до такой степени, что не позволяло нормально думать. Путались события дней, недель, фамилии... сочувственные взгляды сводили с ума, мир померк. Внешне я была невозмутима. Но это было спокойствие изнеможения. Раньше я считала, что в случае болезни меня должно охватить безумное желание остановить первого же знакомого и все ему рассказать. А вышел ступор. Видно, не тот уровень заболевания. Не грипп.

Полная безысходность превратила меня в неполноценного человека, которого куда-то ведут, зачем-то зовут. Я не запоминала, где я, что делаю. Как автомат, следовала за аспирантом, взявшим мою судьбу в свои руки. Была Москва, научно-исследовательский институт, длинные светлые коридоры, внимательные люди, требующие срочной операции. Было неверие молодого врача в нашу с ним встречу в ближайшем будущем. Он не улыбался лживой, обнадеживающей улыбкой, он констатировал факт... И это вызвало вспышку мощного желания выжить, доказать обратное... Много чего было... и еще возвращение домой. Где, куда, зачем ходила, ездила – все это проплывало мимо сознания...

Перед глазами возникало лицо бабушки. Она молила об уколе, который помог бы ей мгновенно избавиться от страданий. Полтора года жутко кричала от боли. Морфий не помогал... Стала часто вспоминать детство. К чему бы это? У меня нет будущего? Зачем тешить себя слабой надеждой? Пузырек яда – и все проблемы сразу закончатся... Расписаться в своем бессилии? Это воспринималось мной как поражение, как стремление довольствоваться много меньшим, чем я могу... Это скорбное оцепенение у меня под влиянием оставшихся на всю жизнь горьких юношеских впечатлений смерти самого любимого человека? Но у бабушки не было и одного процента надежды на спасение, а у меня целых двадцать. Стоит ли делать попытку самой распорядиться своей жизнью? «Не лучше ли свалить ответственность на Всевышнего, ему сверху виднее», – вяло иронизировала я над собой...

Рассказ Лены вдруг пересекся в памяти Леры с воспоминаниями Инны о своей такой же болезни.

– ...На консилиуме неловко переминалась с ноги на ногу, машинально теребя дужки очков, и с трудом воспринимала слова докторов. Заторможенно и неуверенно ставила негнущиеся руки на талию, не могла унять ходуном ходившие колени. И когда молодой, высокий, крепкого сложения, спокойный и уверенный доктор сказал: «У вас обычный случай без аномалий», я почему-то сразу поверила ему. Во мне окрепла уверенность, что выживу. К чему скоропалительные выводы? Не все так безнадежно... «Нет, я не умру, не доставлю тебе такого удовольствия. Такая перспектива меня не вдохновляет. Не загубишь ты меня. Не допущу. Буду держать осаду», – с обжигающей злостью думала я о муже.

В больницу я должна была явиться в полдень. В силу своего беспокойного характера я, как всегда, стремясь к надежности, хотела поехать на автобусе с запасом времени хотя бы в полчаса. Но муж даже в такой ситуации не мог не проявить своего упрямства. Он тянул время и не торопился вызывать такси. Я нервничала, а он вырывал из моих рук телефон, утверждая, что у него все под контролем. У меня не было сил с ним спорить, а

мои слезы на него не действовали. Он, как всегда, стремился любыми путями настоять на своем. Когда он все-таки позвонил, ему ответили, чтобы ждали машину в течение часа. Потом мы немного постояли в пробке. А в завершение поездки нам еще пришлось объезжать улицы, где проходил ремонт трассы. В общем, опоздали мы на прием.

Доктор жестко и презрительно, с трудом сдерживая ярость, сказал: «Я уже положил на ваше место другую больную. Вы думаете, что если о вас звонили из администрации города, то это дает вам право не уважать доктора?» Я униженно, со слезами лепетала: «Простите, шоферу пришлось делать крюк, он не знал о ремонте дороги». «Я ничего не могу поделать. вам придется подождать, когда освободится койка», – резко ответил доктор и скрылся в отделении.

В обиде и изнеможении я обессиленно бросила мужу в лицо: «Из грязи в князи. Есть образование, есть деньги, но нет в тебе доброты, такта, уважения и уважительности. Чего ты добился упрямством? Выставил себя хамом, меня опозорил...»

Прошла неделя. Написала я на всякий случай прощальные письма и снова отправилась в больницу. «Подобно многим другим, нашедшим здесь временный приют, я не обнаружила при вселении признаков радушия и гостеприимства, – хмыкнула я про себя. – Здесь это мало кого волнует. Предел мечтаний каждого один – выжить. Часто ли здесь случается подобное?» На этаже одна палата мужская, все остальные женские. Подумала: «Почему же в основном женщины подвержены онкологии? Если выживу, покопаюсь в причинах заболевания».

Я очнулась от воспоминаний об Инне и будто снова услышала голос Лены.

– ...Вижу, как из операционной везут на каталке женщину. Меня пугает ее серое отчужденное, опустелое лицо уставшего от жизни человека. Неподвижное, безжизненное тело, пятна крови на простыне. Я закрываю глаза, но последняя картина еще некоторое время остается в нервных волокнах памяти сетчатки моих глаз. С новой силой гложет, скребет, томит неизвестность и беспокойное темное существо страха. «Здесь время вращается вокруг одной оси – центра страха, скорби и надежды. По-разному разрывается эта цепочка...» Приподнимаю веки и одновременно слышу напористый мужской голос:

– Какую гарантию даете после операции? – Это спрашивает муж той больной, которую только что увезли. Он суетится, забегает вперед, перекрывая путь доктора в ординаторскую.

– У нас больница, а не мастерская по ремонту телевизоров, – устало отвечает доктор. – Простите, у меня сегодня еще три операции.

Мужчина, неудовлетворенный ответом, сердито, но смущенно отскакивает к стене. «Обоих понять можно», – думаю я машинально.

...И до меня очередь дошла. От страха, что сердце не выдержит операции, окостенела. Тогда я не представляла, что бывают вещи хуже операции. «На столе хоть ничего не почувствуешь, и если вдруг... не будешь знать, что уже переступила черту». Ничем не снять жар мечущейся однообразной мысли: обречена, обречена, обречена... Как молотком по темечку... Есть время подумать о многом, но оно тратится на ужас перед возможной, а может, и неизбежной смертью. Гороскоп показал, что если родилась утром – выживу, а если... Страх погружает в агонию, в бездну небытия. Черные волны захлестывают. Сжимаются, стискиваются ребра, цепенеет сознание. Вот она, необоримая сила страха смерти... Боже мой, как трудно осознавать, что через несколько минут можешь умереть!.. Как больно расставаться с жизнью!.. Сынок... Нет, превозмочь! Противодействовать!.. Занемевшие руки не слушаются и делают неловкие непривычные движения. Ноги, налитые свинцом, прирастают к полу, но надо двигаться, двигаться... иначе можно сойти с ума... Пока в сознании, мучаешься, борешься со страхом, минуты считаешь – вот когда по-настоящему тяжело.

...И все же, как нас губит, уничтожает волнение! Обессиливает собственное воображение. И ведь не избавишься от него. Для человека страх смерти – нормальная реакция организма. Я обречена испытать весь его спектр, все вариации. Какие сухие

слова!.. Нестерпимый страх давит на виски, притупляя сознание, сковывает тело, мысли, но не чувства... Руки вросли в деревянную спинку кровати. Опять цепенеют и костенеют конечности, но тело дрожит так, что вибрация и скрип расшатанной койки слышны в палате всем. Оторвала руки от кровати, сцепила до боли пальцы. Не помогает. Страх во всем теле: в желудке, в голове, в ногах. Ходить, ходить, ходить... Ужас затапливает мозг... Господи, помоги...

Повели в операционную. Я чувствую, как болезненно растягивается и сжимается каждый нерв, каждый задубевший кровеносный сосуд... Вот она, трагическая неотвратимость судьбы!.. Старшая медсестра никак не может распрямить мои скрюченные руки, чтобы привязать их. Мне неловко. Я пытаюсь расслабиться. Молоденькая медсестра раздраженно бьет меня по предплечью и говорит что-то презрительно-оскорбительное. Но я уже под наркозом и плохо понимаю ее слова. Улавливаю только интонацию... Страшная черная пустота, пожирающая всё и вся... Сынок... Андрюшенька...

Операция прошла благополучно. Повезли в палату. Как бы издалека слышу голоса нянечек: «Помогай, помогай ногами, упирайся, тяжелая ты». Я напрягаю все свои слабые силенки, но мне кажется, я болтаю ногами в воздухе. Они ватные, чужие и не слушаются меня. И снова провал... Потом слышу приглушенные голоса доктора, медсестер, все тревожно снуют, суетятся возле меня. Опять провал памяти. Через сутки полностью ощущаю себя. Обнаруживаю трубку с гофрированной коробочкой и понимаю: все как у всех. Слава Богу! Смерть не решилась приблизиться ко мне, а была на расстоянии вытянутой руки. Еще рано было мне уходить?.. Спасибо доктору... Остальное – перевязки, уколы – ерунда на постном масле. Так говаривали в детстве. Операция забрала много сил, но сохранила жизнь. Это главное. Силы постепенно восстановятся.

...Все это так, если бы не десять жутких дней ожидания результатов анализа. У всех в палате глаза сочатся слабым тревожным светом надежды и страха. К концу этого срока страх становится невыносимым.

- Не ты первая, не ты и последняя, – успокаиваю я соседку слева, которая сидит на койке, обхватив плечи сомкнутыми в полукольцо руками. Ее черные глаза охвачены тлеющим страхом отчаянья.

- Это далеко не одно и то же – себя успокаивать или другого, – вздыхает пожилая учительница и нервно поеживается, облокотившись на колени. – Знаете, иногда мозг помогает человеку смириться с болезнью, и тогда тот неотвратимо гибнет. Эту матрицу в мозгу врачи обязательно должны обнаружить, уничтожить и заставить организм бороться.

- А мне мозг долгое время подсказывал про мою болезнь, но я не верила, и тогда организм сработал иначе – «выдал» опухоль наружу. Тут уж я за голову схватилась и бегом в больницу, – говорит бледненькая малорослая Ася.

Худенькая черноглазая девушка – ее Полиной зовут – со свойственными ей нетерпением и молодой неумной жадной жизнью горячится. Она еще не знает, чего ждать. Ее пока на обследование положили. В ее пока еще безмятежных голубых глазах детское бесстрашие. Она звонко и громко проповедует:

- Не стоит заранее убиваться, думать о последствиях, пугаться. Успею настрадаться, если не повезет. Меня бабушка в детстве учила, что если не допускать плохих мыслей, не говорить плохих слов и не совершать дурных поступков, то жизнь не затянет в дурной омут. Когда я пресыщалась безобразиями окружающей жизни, она читала мне Библию.

Ася взглянула на нее с мучительной укоризной.

Полина было сунулась со своим оптимизмом к жене редактора местной газеты, но встретила такой холодный отсутствующий взгляд, увидела такой горький, обжигающе-леденящий страх близкого конца, что опешила и замолкла. Девушка еще не догадывалась о том, о чем и без врача наверняка знала эта больная...

И мне приходили, болезненно протискиваясь и всверливаясь в мозг, такие же простые и страшные мысли. И я тоже минутами представляла, что это действительно возможно и меня тоже задавит недобрая тяжесть жизни, мысленно прощалась,... но тут же,

заливаясь слезами злости, мысленно орала на себя: «Нет! Нет!! Нет!!!»

Я лежала на койке с продавленным матрасом, откинувшись на плоскую жесткую подушку, сцепив ладони за головой, и думала: «Не ахти как много смелости во мне оказалось. Боюсь завязнуть в собственных страхах... Может, не называть вещи своими именами? Поля не называет. Ей легче... Можно, конечно, подловить ее на слове, да не сто́ит. Пусть живет с верой и радостью в душе. Во всяком случае, мне кажется, что вряд ли за ее симптомами прячется недоброкачественная опухоль. Ах, какими мы все тут стали провидцами чужого счастья! Жизнь еще успеет ее обломать. А может, так и пройдет без потерь, если окажется из разряда счастливиц. Мой отчим всю войну прошел – и ни одной царапины».

Опершись на локоть, задумчиво смотрит на дятлов за окном Нина, самая молодая из нас. Она тихо бормочет, никого не замечая:

– Все прежние ссоры-раздоры не стоят и ломаного гроша, а казались главными проблемами жизни... Забудутся все неприятности под скальпелем врача. Только бы выжить... Нет, нельзя безнаказанно долго натягивать до предела нервы человеку... щадить, жалеть его надо... Кто бы раньше посоветовал душу облегчать откровениями, может, и не было этой проклятой болезни... Девочки, смерть не может быть обыденной... И залилась слезами.

Рядом с Ниной пристроилась Анна Ивановна, учительница, обняла ее за плечи и сочувственно рассказывает о ком-то: «...Извелась, изревелась, бедная. Оказалась загнанной в угол неожиданно свалившейся на нее болезнью. Ухондокала она ее. Третий раз оперируют. Горько отмерил ей Господь щедрой рукой. Есть за что сетовать на судьбу. Все надежды прахом пошли. Девчонки из палаты пытались поддержать ее, а она ничьим словам не внимает, наглухо затворила свое сердце для людей. Может, батюшку к ней вызвать? Я ее уговариваю: «Не пеняй на судьбу, нехорошо это». А она мне: «Это не судьба, а горнило адовой плавильной печи... обсели меня беды со всех сторон... говорят, обычно горе сближает супругов, а мой... И за что судьба постаралась так жестоко изгадить мою жизнь? Лучше бы уж сразу... Жизнь наложила на меня свою тяжелую лапу, может... там всё будет иначе...» Что я могла ей ответить? Не могла же я ей напоминать: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой». Это все равно, что человеку с четвертой степенью онкологии советовать таскать кирпичи, когда он, бедный, уже конечностями чуть только шевелит, себя еле-еле с места на место переносит. Здесь этот пафос не проходит. Человеку посочувствовать надо с любовью. Одна больная про Яну странную фразу сказала: «Она – ангел, взявший на себя зло мира». Не понимаю... И все же была в ней упрямая злая надежда выжить. Вот и выжила». Может, так успокаивала, веру вселяла. Педагог ведь. Кто же знает, что было дальше на самом деле?..

Нина по-прежнему смотрит в окно затуманенным взором, ища успокоения в беззаботно порхавших с ветки на ветку птицах. Она никому не рассказывает о том, какое бесконечное горе она увидела в глазах одной молодой женщины в последние минуты ее пребывания в больнице. Лицо стало изможденным, безжизненным. Она исступленно запивала лекарства ледяной водой, охлаждая тело и огнем обиды горевшую душу, и ценой невероятных усилий пыталась улыбаться. Получалась напряженная, вымученная, страшная гримаса...

– ...Услышала исповедь музыканта, сравнила с судьбой матери, со своей, дочери, и меня словно пронизало – и у нее рак!.. Отец мой гулял, муж гулял, и у дочери такой же... никому такого не пожелаю. И результат у всех один. Брат мой в нашу породу – порядочный, и в семье все здоровы и счастливы... Раньше в селе, если жених из семьи пьяницы или гулёны – не отдавали ему дочку, жалели... Некогда нам задуматься над своей жизнью. Все дела-заботы... Музыканта того жена и мама выходили. А кто нас, женщин, при таких мужьях спасет? Сами... если сил хватит...

«Если человек легко вступает в разговоры и много рассказывает о себе, значит, он глубоко одинок и откровениями спасается от депрессии», – автоматически анализировала я поведение подруг по несчастью. – А эти женщины о чем-то другом беседуют, – подумала я, прислушиваясь к их разговору.

– ...Представляешь, кандидат каких-то там наук, а как дремучий мужик требовал от жены родить ему сына. Еще в старину старики шутили, что посеешь, то и пожинай.

- ...Слабая у нас, женщин, психика. Рожала в соседней с моей палатой девчушка. И вдруг узнаю, умом тронулась: разрешившись дочкой, отказывается от ребенка. Оказывается, глупый молоденький муж закидал ее письмами, мол, надо мной в армии смеяться будут, что бракодел, если девчонку родишь... Меня рядом не было. Я бы ему, дурню, быстро мозги вправила!

- Бедная, все девять месяцев не о том думала. Ведь это и на ребенке могло сказаться, - испуганно предположила собеседница.

- Молодая мамочка в психушке, доченька ее через год от рака умерла...

- Господи!..

- У моей подруги муж был нерусский. Все грозился убить, если опять девчонка будет. Наследника ему подавай! Так родила она... сына и дочь в одном ребенке. Видно, зачата была девочка, а волей страха матери дитя перепрограммировалось в мальчика.

- Это научно доказано?

- Не знаю, так говорят.

- ...В больнице есть время о жизни подумать. «Что было хорошего? Много ли?.. Сынок родился - счастье, на ножки встал - счастье. Выздоровел - опять счастье превеликое. Муж работу хорошую нашел - здорово! Сколько всего доброго наберется за всю жизнь? Ой, как много!.. Всю жизнь больше о других переживала. До себя руки не доходили. А тут дошло... в больнице... Книжки и раньше читала только в больнице. Хорошо в них уходить от тусклой реальности. От них так сладостно стучит в голове. Да какое там теперь чтение - то боль, то страхи, то тошнота... Природу только из больничных окон успевала разглядеть. Вон снег на ветвях тополя ровной опушкой висит... Не радуется. Вспомнила, что виноград в саду не успела накрыть. Все бегом и бегом... Нашла, о чем думать...

Не умеем мы радостно жить. Мама, будучи на пенсии, как-то в сердцах воскликнула: «Проклятое хозяйство! Ни на день его не бросишь. Как хочется уехать на озеро, полежать на берегу, вдыхая запах травы - как в детстве - и смотреть в небо долго-долго... И в детстве нечасто смотрела. Лет с восьми уже впряглась». Не довелось ей отдохнуть, в небо посмотреть... Сгорела... Упокоилась... Да и бабушка всегда говорила: отдыхать на кладбище будем... А ведь кто-то легко живет...

А у меня и в городе вертеп... Выживу, по-другому жить стану. Буду радоваться тому, что есть. Не буду строить далеко идущих планов... Как же.... Если вернусь, так же крутиться буду. На кого перекину свои заботы, на мужика своего, что ли? Ему не понять моей боли. Он здесь не был. Мне же и впрягаться. А он только погонять будет да ругаться».

В углу палаты две больные шепчутся:

- ... Вот так и сложились вместе - моя мягкость, податливость и его грубоватая напористость. Совсем разные, а сомкнулись плотно в одну картинку из кубиков или пазл. Надолго ли скрепились?.. Все время не покидало ощущение, что постоянно чувствую давление, в котором гасли мои желания и силы... Мама говорила моему брату: «Не обижай жену, она же не у себя дома. Ты теперь ее защитник...» Моя свекровь такого не скажет. Она другой закваски, другого посла...

На соседней койке тоже грустный разговор.

- Раньше у нас в деревне все больше естественной смертью умирали, а теперь то рак, то инсульт. Разве это не повод задуматься об экологии окружающей среды?

- И об экологии человеческих отношений. Это куда важнее. Мои старики ушли из жизни в девяносто, родители - в восемьдесят, а родня из моего поколения не переступает границы семидесяти лет. Что ждет наших детей и внуков в таком моральном климате?.. Что же мы делаем... съедаем друг друга, будто нелюди...

«Счастливые, наверное, сюда не попадают», - подумала я.

- Мы не знаем, насколько велики наши силы. Иногда мы, женщины, думаем, что все

можем преодолеть, но природа сама ограничивает нас. Вот и ты сочла, что одна вынесешь беду. Духом ты сильна, да организм не выдержал, сломался. У него тоже пределы есть. Недаром Бог создал каждой твари по паре: чтобы тяготы жизни вместе делили, в одной упряжке ходили, вместе воз забот тащили... А раз хорошего мужика не досталось, приходится терпеть болячки, коль не сумела от него вовремя уйти. Доктор говорил, что унижения и неудовлетворенность у женщин ведет к онкологии или шизофрении. Или к тому и другому, вместе взятым. А у мужчин – к инфарктам или к алкоголизму.

Маленькая сухонькая женщина, зашедшая к нам из соседней палаты, обреченно заговорила:

– Бабушка моя от рака умерла – муж погиб в гражданскую, оставив ее с четырьмя детьми, мать моя на почве загулов супруга заработала шизофрению, я лежу в онкологии по причине постоянных обид, дочь моя рассталась с мужем, жутко нервная... Страшно подумать, что ждет мою внучку?.. Где выход?

«Ну, прямо-таки династии несчастливых», – разволновалась я, продолжая вслушиваться в разговоры.

– Где выход? Не выходить замуж.

– Шутишь?

– Сомнительная шутка...

– Почему люди не берегут друг друга?!

– ...Облучение не назначили? – спрашивает у кого-то Анна Ивановна.

– Как же, читала, – тут же отвечает она другой больной. – Я люблю его злую хлесткую иронию. Мужчина должен уметь достойно осадить противника. Автор хорош в политических дебатах. Но когда он начинает восторженно заливаться соловьем, наивно расхваливая своего главного героя – врача широкого профиля, мое мнение о нем падает. «Самоуверенный фантазер, – думаю я о нем. Стоило бы получше изучить предмет своих разглагольствований. И всего-то надо было на часок заглянуть в нашу больницу».

Анна Ивановна – бывшая учительница литературы, может, поэтому общительна и говорлива.

– Ох! О чем я только что говорила? – вдруг судорожно заметалась она в мучительном напряжении, стремясь поймать мысль, уже вырвавшуюся из головы или отыскать другую, застрявшую там. – После второй серии химий совсем плохо с памятью стало, все трудней вспоминать имена, недавние события, и прошлые как в тумане. Память, раскручиваясь и улывая в прошлое, застревает на каком-то незначительном моменте и уводит в сторону от основного события... Но ведь живу. После третьей серии химий доктор обещает еще пять лет жизни. Я ему верю. Десять лет он мне уже подарил. Может, Бог даст, внучку успею доучить и замуж выдать. Большого счастья мне не надо.

– А врачи говорят, что проблемы с памятью начинаются именно тогда, когда человек хочет что-то забыть. Вот моя тетя очень хотела забыть о настырной любовнице своего мужа, она даже проводила ритуал сожжения нити, соединяющей их. Так ведь и правда у нее плохо с памятью стало, – заторопилась Галина выставить напоказ свои бытовые познания. – Тёте соседка доложила про ее мужа. Узнав такое, женщина или прозревает или погибает. Тетя заболела.

У некоторых людей болезни, старея вместе с ними, тоже дряхлеют, прекращают развиваться и даже каким-то образом консервируются. Вот и моя тетя выздоровела. А у соседки, напротив, болезнь активизировалась. Вот и пойми, почему такое случается? Может, Бог так решил. А у вас, Анна Ивановна, бывает неожиданное утреннее чудо хорошего настроения, когда ничего не болит, не тревожат беспокойные мысли, когда, как ребенку, хочется улыбаться, петь, ликовать, глупо восторгаться? – спросила Нина.

– Подставлять голову под дождь, скакать на одной ноге в классики? – усмехнулась та и будто застыла в оцепенении утраты всех своих сил.

А через минуту сказала:

- Думала, что бородавка под коленкой - мелочь, ерунда... То ли ослабление иммунитета вызвало появление бородавки, то ли появление бородавки явилось причиной ослабления организма...

Потом о другом заговорила:

- Первую ночь после химии я на всю жизнь запомнила. Мучительно долго тянулась. Не чаяла, как ее скоротать. Глаз ни на минуту не смогла сомкнуть. Химия для меня страшнее операции во сто крат оказалась... Я здесь пять лет назад уже лечилась, не удалось без операции обойтись. Зря тянула. Боялась. Надо было сразу решиться, а я, глупая, доктора не послушала... Ну, так вот всю ночь тоска и страх перед непонятным паутину боли в сердце вили. Кто бы предсказал, как мой организм отреагирует на лекарство?..

Лежу, ловлю изменчивые мгновения, томительно прислушиваюсь к малейшим отклонениям в себе, боясь подтверждений страшным догадкам. В голове причудливые сюжеты роятся. Больше всего боялась трансформации личности, раздвоенности сознания или еще какой пакости вроде временного помутнения рассудка, а может, даже и постоянного. При мне было тут у двух... Уж лучше тупое равнодушие, чем излишняя чувствительность. Страшилась поднять завесу, скрывающую тайну завтрашнего дня. Будет ли он для меня? В смятении встречала каждую неожиданную реакцию организма. Как оказалось, они во благо были.

Труднее всего было, когда ощущения вошли в застойную монотонную фазу. Проходил час, другой, пятый, десятый... Мне казалось, что я медленно умираю и тому умиранию не видно конца. Болела и страдала каждая клеточка моего тела, сопротивляясь действию лекарства, которое должно было убить раковые клетки и дать жизнь всему организму в целом. Мне представлялось, я чувствую гибель каждой из них, они дрожали, извивались от боли, медленно угасая. Все мое тело гудело, мелко вибрировало, жутко болело. Я не знала, насколько хватит у меня сил терпеть адское наказание, смогу ли дотянуть до утра и не свихнуться.

Почему-то в первую очередь эти ощущения чувствовали руки по локоть. Потом все тело выводилось из нормального состояния. Сначала горела кожа, следом губительное воздействие проникало вглубь до костей. Странное сочетание всепроникающего холода и одновременно охватывающего всю тебя огня. Это не укладывалось в голове. Такое невозможно описать.

Вот так и шли один за другим дни, проживаемые в тягостной тоске, в борьбе с собой и болезнью, перемежаемые депрессией и тошнотой... Но ведь что-то заставляло надеяться и терпеть эту борьбу жизни и смерти, оставляющую малый процент надежды выжить? Может, внучка?

- ...Правду говорят, что есть такое лекарство, чтобы после химии сильно не колбасило? Я бы заранее купила, - прерывает ее Ася.

- Есть. Немного облегчает состояние. Утром доктор двумя таблетками из личных запасов вызволил одну больную из ада и еще на две ближайшие ночи дал спасительного препарата. Сказал, что не ожидал от нее подобной патологической чувствительности. На вид она - железная женщина. (Значит, железной была только ее сила воли.) Потом пошутил: «Меньше знаешь - лучше спишь. Вон деревенской бабушке семьдесят четыре года, а она после очередной химии помолится и спит себе. Ни на секунду не допускает мысли, что Бог покинет ее в трудный час. Тебе бы так.

А ты вся исполнена глубокого трагического чувства. Соприкоснулась с болью соседки по койке, совершенно очевидно, что вобрала в себя всю ее горечь, на себя примерила и не оставила себе никаких оснований сомневаться в том, что и тебе так же плохо будет. Таков был твой вердикт? А ведь мы все разные. Может статься, у тебя все иначе пошло бы, не накрути ты себя до истерического состояния. Выбрось из головы предвзятое мнение. Рассей свои сомнения и страхи. Верь в свою звезду».

А я днем замечала горюющие глаза и скорбно поджатые губы у этой старушки. Не так все просто, как говорил доктор, успокаивая ту больную. Видно, здоровье у деревенской

бабушки было еще крепкое.

- Может, и прав юморист Жванецкий, когда шутил, что не обремененные знаниями страдают меньше? - влезает со своим мнением Полина.

- Глупости. Переносимость лекарств зависит от исходного физического состояния организма на тот момент.

- И морального. Я одноклассницу Лариску вспомнила. Она рассказывала, что их в детдоме не запугивали и она выросла бесшабашно храброй, - вздохнула Нина и продолжила рассказывать о своих подругах по несчастью.

- ...Я доктору говорила, что мысли мои неподвластны моей воле, что мгновенно погружаюсь в пучину отчаяния. Жизнь дала трещину, и я сразу потеряла надежду. Моя сила оказалась мыльным пузырем. В повседневной жизни я редко задумывалась о смерти, а тут... сюда бы того, по чьей вине я здесь маюсь... зараза чертов, - снова жалуется Ася.

- Ради всего святого, прекрати! Изводят такие разговоры, - не выдерживает Анна Ивановна.

Смотрю, в палату энергично и шумно входит красивая измученная женщина.

- На какой почве спор вышел? Побойтесь Бога, девочки, - громогласно заявляет она, - будете скулить, вся жизнь рухнет, как карточный домик. Как бы ни повернулась судьба, надо до конца жить весело. Мне тоже раньше чужой смех ухо резал. Но завидовать чужому счастью не в моих правилах. Так уж жизнь устроена: на Земле грехи не наказываются, добродетель не вознаграждается. Не пойми что творится. На том свете каждый за свои грехи будет расплачиваться. Не стану я брать на себя бремя чужих, а за свои отвечу. И вам того желаю. Кому слишком плохо, пойдете в нашу палату. У нас весело: вино, карты, анекдоты, песни.

Запомните, бабоньки - вредно держать в себе обиды, расслабляться надо, сбрасывать эмоции. Все болячки не от жратвы, а от нервов. В концлагерях люди погибали с голода, а в их кровеносных сосудах обнаруживали бляшки, какие теперь находят при ожирении. При спокойной жизни организм сам справляется с проблемами, созданными небольшим перееданием, но стоит распсиховаться - вся стабильность катится к чертям собачьим. Это я вам как медик говорю.

Она обвела затуманенным взглядом слушательниц и вдруг осеклась. Будто в чувство пришла... Лихо поправила соскользнувший на лоб парик и, вскинув голову, разухабистой походкой направилась к выходу.

Ее развязность и странная веселость сейчас были не ко двору. Все женщины вздрогнули, пораженные неадекватностью ее поведения. Нас испугал ее странный оптимизм. Я знала, чего стоила ей эта легкость в общении с нами. Не далее как вчера она жаловалась кому-то в туалете:

- Чувствую, не предотвратить мне гибель семьи. Такая в душе глухая обида поднимается! Мама, папа, теперь вот я. Что сына ждет? Ему, как, впрочем, и всем нам...

Она говорила так, словно призывала кого-то очень доброго и надежного в свидетели своих несчастий. Хотелось ее если не утешить, то хотя бы ободрить. И вдруг она залилась слезами. Я не выдержала и выскользнула плакать в глухую часть коридора, в «аппендикс», как в шутку называют его нянечки...

...- Но я никогда не видела, чтобы женщины злились, кричали на родственников, когда они встречались в приемном покое. Даже на мужей, которые, как я уже знала, могли быть виновниками их мучений. Только тоска в глазах. И слезы прячут. А с мужчинами случалось всякое, - донеслось из коридора.

В назначенное время пришел врач. Выдвинул стул, сел. Мертвея от ужаса, боясь окончательно потерять самообладание, присаживаюсь на койку. Руки конвульсивно сжимаются и разжимаются. Спина деревенеет. У подруг по несчастью в глазах

напряженная молчаливая мука, в стиснутых губах молитва... Я знаю: у многих дома маленькие дети. Это и определяет степень их отчаяния. И мой внутренний голос молчит, ничего не подсказывает. Очевидной катастрофы я не чувствовала. Не говорило сердце ничего определенного, будто на грани колебалось решение моей судьбы. Но, что хуже всего, мое слишком образное воображение все равно беспрерывно порождало страшные фантомы. «Может, мне тоже на Бога уповать, как многие здесь, чтобы успокоиться?» – думала я.

Вижу, доктор в отличном расположении духа. Значит, никому не принес смертный приговор. (Тех двоих уже выписали домой.) Он извлекает из кармана халата список. Читает фамилии и каждой больной обстоятельно объясняет ее ситуацию. Начал с тех, у кого опухоль оказалась доброкачественной. Они прячут счастливые глаза – я вижу их лучистое ликование – и, плача от радости, выскакивают в коридор. Доктор вслед им весело кричит: «Отделались легким испугом. Госпожа удача посетила вас. Отлегло от сердца? Волнение улеглось? Живите дальше спокойно».

У Нины тоже блеснули глаза, будто какая-то детская запретная радость шевельнулась в ней, будто годами нетронутая добрая тайна напомнила о себе. Сразу появилась потребность выплеснуть накопившееся напряжение. Мне не повезло попасть в когорту счастливиц. Собственно, я и не очень-то надеялась. Реально оценивала свое состояние. Я во власти острого чувства сострадания к себе. Но почему-то стало немного легче. Появилась определенность и ясный путь дальнейшей борьбы за жизнь. А пока обессиленно опустила на постель и в изнеможении откинулась на плоскую твердую подушку.

– Что? Стала рабой своих переживаний, хочется рвать на себе волосы? Не стесняйся, плачь, разряжайся, расслабляйся. Не пытайся выступать не в своей роли... Приступ малодушия миновал? Не мешало бы поспать. Понадоблюсь – зови.

Это доктор говорил мне, но его слова до сознания как-то не доходили. Поняла, что скрылся за дверью, когда услышала характерный скрип. Он-то и вывел меня из оцепенения.

Пытаюсь заснуть, ловлю тонкий момент погружения в тяжелую дрему. Кто-то рядом кашлянул. Все, сорвалось, упустила сон. Прислушиваюсь к себе, стараюсь подавить нервную внутреннюю дрожь. Она верный спутник бессонницы. Вновь и вновь пытаюсь... иногда и до утра. Спать по ночам у меня получалось неважно. Кто-то воровал мои таблетки из ящика медсестры. Я ни на кого не грешила, но соседки по палате удивлялись тому, что в соседней комнате одна черноволосая, полная больная просыпается в течение суток только для принятия пищи.

– Может, у нее натура сурка, – отшутилась я, надеясь уговорить медсестру раздавать лекарства персонально, как я видела в других больницах. Но она отказалась затруднять себя, мол, вы тут все ходячие.

И все же через месяц после операции я ожила, повеселела. Уже не хотелось думать о пережитом. И вдруг в комнате для свиданий встретила знакомого. Он с ненавистью посмотрел в мою сторону. Его глаза говорили: «Почему ты выжила, а не моя жена». Я тут же простила ему этот взгляд. Для меня в этом человеке было главное – он любил жену.

Слышала о химии много, но пока не ощутила на себе ее жуткого доводящего до полного изнурения действия, не могла доподлинно представить чувств больных, получавших это «зелье».

Привезли стойку с четырьмя пузырьками. Сколько в них яда, оцениваю я – два литра? «Ну и болтушка будет у меня в крови», – шучу я. Медсестра трижды не находит вену. Я чувствую жгучую боль. Лекарство снова и снова разливается под кожу, оставляя огромные синяки. Они меня не волнуют. Закрываю на такие мелочи глаза. Это не смертельно. Знаю, что поболят-поболят, да и рассосутся через месяц-два-три... У кого как. Я держу себя в руках и спокойно предлагаю запястье... потом ладонь. Медсестра снова пытается вставить иглу. Получилось!

Я уже в курсе дела: лежать надо час, наблюдая за процессом истечения лекарства, и вовремя менять сосуды. Соседки по палате, если они рядом, тоже зорко следят за скоростью проведения процедуры, за моим состоянием. Некоторые из них сами осторожно переставляют пузырьки, другие, страшась ответственности, торопливо и испуганно зовут медсестру, но все равно старательно изучают все ее движения. Наслышались о болях и видели долговременные последствия неудачных вливаний. А вдруг понадобится самим? А вдруг некому будет пережать шланг, и воздух попадет в вену? Это же реальная смерть!

Мне уже один раз пригодилось понимание принципа работы вытяжного аппарата, и я правильно прикрепила гофрированную коробочку, соскочившую ночью от неловкого движения. А соседка по койке не поверила мне, не сжала кровесборник перед тем как, сунуть в него трубку и к понедельнику лежала с температурой сорок. Ее потом неделю отхаживали.

Вновь подходит медсестра. В руках у нее три ампулы с красной жидкостью. Знаю, сейчас будет очень горячо в области таза. Медсестра предупреждает: «Потерпи, не дергайся». Я терплю. Меня на самом деле подбрасывает на койке, но усилием воли я гашу напряжение в мышцах, стараюсь быть послушной больной в надежде, что это облегчит мои страдания.

Не прошло после вливания и двух часов, как начала подступать тошнота. Она стремительно нарастала, и я уже думала только о том, чтобы добежать до туалета, не испачкав пол в коридоре. Рвотная масса поднималась к горлу. Зажала рот полый халата. Меня всю корежит, но я успеваю. Душу выворачивает долго и мучительно, до боли в желудке и в горле. Льется из глаз, носа, отовсюду, откуда происходит естественное выделение влаги. По спине бегут ручейки. Ночная рубашка от напряжения уже мокрая. Я опустошена и измотана. Но тошнота пропала. Надолго ли?

Умылась и только тут заметила, что рядом корячится совсем молоденькая худенькая девушка. Она то скручивалась, то раскручивалась. Было впечатление, что кто-то выжимает ее, как тряпку. На дрожащих ногах добралась до палаты, переоделась, легла. Стало чуть-чуть легче, но тошнотворное состояние осталось. Задумалась, оценивая только что прочувствованное. При беременности тошнота была другая, чем от химии. В ней не было уничтожающего зудящего страха смерти. Там я сознательно терпела, понимая, что создаю новую жизнь, а тут дико, по-звериному борюсь за свою жизнь.

Прислушиваюсь к себе, чтобы не упустить момент, когда надо снова бежать в туалет. Опять нарастает тошнота, желудок сводят судороги. Резко воспринимаются любые запахи, особенно гадкие из столовой. Ох уж этот вареный хек, век бы его не есть! И почему он здесь такой противный? Запах берedit весь организм, заставляет остро и нервно реагировать на малейшую мелочь. Но я терплю. А тошнота все нарастает. Я пытаюсь беззвучно подавить жуткие позывы. Нельзя терроризировать людей, которые лежат рядом, вызывая ответную реакцию в их организмах. Надолго меня не хватает, зажимаю рот руками. Давлюсь, все прыскает сквозь пальцы на халат. Снова мчусь извергать фонтаны.

Сотрясаемая спазмами, я перегибаюсь пополам. Мои кишки что-то закручивает морскими узлами. В горле саднит. Я оглашаю туалет то надрывным рваным, то захлебывающимся кашлем. Он отдается в мочевом пузыре болью и коликами. Прострелы по всему телу то короткие, то длинные, то единичные, то веерообразные. Странные, раньше о таких в себе не знала. Они на что-то похожи... Пью воду из крана и снова извергаю в унитаз из желудка зеленоватую жижу. Меня выматывает до основания... И так до часу ночи. Теперь чувствую себя не в пример лучше, только очень слабо. Дрожу всем телом. Упираюсь лбом в белый кафель, держусь за холодную водопроводную трубу, чтобы не свалиться на плиточный пол, залитый мочой и брызгами изверженной пищи... Я вдыхаю холод из форточки с разбитым стеклом, выдыхаю жар... Теперь тело в судорогах – ни вздохнуть, ни выдохнуть. Сердце то трепещет, то останавливается... Пришла в себя. Постояла, немощно поникнув. Голова как пустой самовар, по которому колотят... Шваброй помусолила пол и вернулась в палату, но ненадолго...

Опять надрывный кашель. Такой, что электрические разряды как ножом разрезают и разрывают мышцы рук, острой болью прошивают грудь и то место, где она еще совсем недавно находилась. Болезненные импульсы бегут по сторонам равнобедренного треугольника – по постоянному, будто по давно выверенному пути – от груди

проскакивают вниз и смыкаются в области мочевого пузыря или чуть ниже, а дальше мелкими коликами разбредаются по всему телу... Ощущения какие-то знакомые. Ах, да... Не раз в своей жизни попадала под двести двадцать. Случалось и за оголенный провод подержаться после безграмотного визита электрика в одну из моих лабораторий. (И он еще пытался меня, физика, учить уму-разуму.)

...Я худо-бедно пока передвигаю ноги самостоятельно, а моя подруга по несчастью уже не может идти сама. Сначала еще пыталась держаться за стену, потом ноги у нее подкосились, и она обратила на меня глаза раненой козочки. «Обопрись на меня», – прошу ее. Вместе мы добредаем до палаты. Там ее подхватывают другие женщины. Это истязание организма еще не страшное, потому что кратковременное и дает какое-то облегчение.

...Потом я начинаю ощущать странную потребность уйти от себя, убежать. Гонит не боль, а состояние организма, когда ни минуты не можешь ни сидеть, ни стоять, ни лежать, когда не знаешь, что предпринять, чтобы загасить, ослабить ужасно неприятное, тревожное ощущение постепенной гибели твоей плоти. Страх зарождается в самой сердцевине моего существа, начинает угрожающе нарастать, охватывая все большие участки моего тела. Вибрирующие волны темного ужаса и боли накатывают на меня и уже не покидают... Ни с чем не сравнимые ощущения.

Это не кратковременная знакомая острая боль, это необъяснимое словами состояние угасания жизни, когда каждая клеточка моего тела борется – и неизвестно, победит или отомрет... И я все это чувствую. Неясно, что происходит, чем закончится. Внимаю каждому своему вздоху, потому что дыхание теряется. То кажется, что душа вот-вот отлетит или сойду с ума, то боюсь, сомлев, свалиться на пол и умереть, не придя в сознание. Прослушиваю весь организм, улавливаю малейшие изменения. Отчаяние, страх и усталость сковывают тело и разум.

Мечусь, как медведь в клетке, не находя покоя. Кажется, если остановлюсь, то упаду и не встану, так и буду корчиться, пока не погибну. Как тень я брожу по коридору и шепчу: «Господи, дай мне осилить... еще, еще дай сил... Боже, когда это закончится, когда!?! Господи, дай выжить, помоги...» В голове никаких мыслей, кроме одной: как выдержать это жуткое зомбирование. Я уже не человек. Я просто комок нервов, стремящийся пережить страшно длительное мучение. Страх нависает над моей койкой, спешит за мной в туалет, в тупик коридора, где я хожу туда-сюда в мокрой от холодного пота «ночнушке» и в халате «внакидку».

Не хочется выставлять на общее обозрение свои страдания. У всех своих хватает. Опять ухожу в глухой коридор и там мечусь от стены к стене, кручусь на месте, сжав локти, меряю шагами ненавистный, но спасительный «отросток». Больно дрожит каждая клеточка моего тела, особенно болезненно чувствую умирание клеток рук... От лекарства должны гибнуть только клетки опухоли. Почему я чувствую боль по всему телу? Боже мой! Они заполнили меня целиком?!..

Я машинально растираю предплечья, словно пытаюсь их согреть. Я понимаю, в однообразии, в монотонности и бесконечной длительности саднящей боли – самое трудное, угнетающее. Кажется, что короткую, но сильную боль пережить легче, а эта медленно, но все равно уничтожает... На меня словно навалилась непосильная ноша, которую я обязана нести, не имея возможности бросить, ослабить. Сознание неизбежного губельного конца убивает. Нервная боль не отступает, накапливается и истязает с неподвластной мне постоянностью. В голове никаких мыслей. Я – никто. Я – ступок страха.

Невыносимо давит зловещая, угрюмая тишина ночного коридора. Подхожу к моленной комнате. Порога не переступаю. Через стеклянную перегородку вижу и слышу молящихся женщин. Поражаюсь страстности, истовости их молитв, коленопреклоненному смирению. Одна так вовсе в состоянии молитвенного экстаза. Насколько сокровенно здесь выражение собственного «я», подражать ему невозможно...

Говорят, перед лицом смерти человек меняется. В его душе появляются трагедийные интонации. Рвутся нити жизни, связывающие его с Космосом. Он вспоминает наиболее яркие или тяжелые страницы своей биографии... Вряд ли. Выжить он пытается, а не вспоминать.

Понимаю, что многие в молельной комнате уверовали в Бога только после операции. Они из заново родившихся, вернувшихся к новой жизни, не торопившихся ни в рай, ни в ад. Кошунственно прозвучали в голове знакомые с детства слова: «Лучше убедить, чем принудить». Пытаюсь вникнуть в смысл слов молитв. Он не доходит. Улавливаю только отдельные слова. Вошел мужчина. Он единственный среди женщин. Узнаю его. Заядлый курильщик. У него рак гортани. Он из числа безнадежных. Тихий и смиренный. Встал на колени. Покаянно целует крест. Последняя надежда... Каким он был до этого... упрямым, безвольным? Мелькает короткая мысль: «Женщины сюда попадают в основном по причине несчастливой жизни, а мужчины – по глупости и слабости характера. Из-за курения. И все равно его жалко...

Пытаюсь читать надписи у входа в молельню. Строчки плывут перед глазами, мозг не воспринимает смысла слов. Я не могу сосредоточиться, не могу стоять на одном месте. Меня снова мотает по коридору. К маленькому алтарю подходит священник, говорит что-то религиозное, очень доброе. Но слова современные. Слышу: «смерть – момент примирения... спасения».

Спасения от самого себя? От земной жизни? От причудливой или жестокой судьбы? «Самоотверженная любовь к ближнему – цель жизни человека...», – вяло текут в мою голову слова священника. Смысл их не доходит до сознания и не развивается... Я разуверилась в красивых идеях... У меня перед глазами сливаются ряды молящихся, колеблется волнами людская толпа. Их отдельные слова еще вспыхивают в моем сознании с остаточной силой, потом опять затухают.

«Хорошо ли знать срок смерти? Если тяжело болен, то – да. Всё какая-то надежда. А можно ли верить в предсказания? Хочется верить. Особенно если принять во внимание...» – мелькнули в момент ослабления боли неоконченные мысли и не оставили следа.

Дядя Володя вспомнился. Его обозленный на весь мир взгляд. День ото дня он терял человеческий образ, но ему было все равно. Скорбь и страх переходили в злобу. В исключительных случаях мы ведем себя иначе, чем в обычных... Ему не верилось: молодой, здоровый и вдруг – рак, страшные боли. И сроку врачи дали три месяца... Не мог он думать о спасении души, о ее сохранении и приумножении в таких нечеловеческих условиях. Не мог он в последние дни научиться ценить самое простое, самое истинное, о чем всегда толковала ему жена-учительница. И ссорился из-за мелочей, и на мат не скупился, и руку на нее и детей поднимал по пьяной лавочке. Все случилось... И набожная старушка-мать не ко времени горько бубнила о возмездии божьем... Мерзкое чувство стыда и позора не возникало. Только страх, жуткий животный страх смерти и обида на кого-то незнаемого... и на всех, кому досталось прожить дольше... А кто-то на краю гибели, ценя каждую минуту, стремится максимально успеть закончить задуманное... Это великое простодушие верующего или могучая вера в себя?... Вот и сосед, ветеран войны, пытался донести до него, что если уж неотвратимо суждено умереть, так уж лучше достойно.

...Пальцы, вцепившиеся в кресло, побелели, но они не могут удержать моего стремления бежать, бежать... Сил нет, меня заносит, мотает из стороны в сторону, ударяюсь об одну, о другую стену. А в голове одно – когда же, когда же наконец станет легче? Первая ночь такая длинная, такая бесконечная... Измоталась, прилегла, но и минуты не удалось полежать спокойно. То в одну сторону повернусь, то в другую. Предательски скрипит койка. Чувствую молчаливый ропот соседок. Мертвой хваткой вцепляюсь в спинку кровати. Замираю, терплю, терплю. Считаю про себя: один, два, три... минута. Один, два, три, четыре... еще одна... Время – оно как боль, течет по-разному... Тишина оглушает...

Ночью болезненное сознание заполняет тьму фантомами, неосязаемыми расплывчатыми злыми видениями. Одни проносятся мимо, другие все по кругу, по кругу... Хочется чего-то по-детски теплого, уютного, надежного. Хочется, чтобы сознание ласково погружалось в счастливый мир грез. Хочется...

Опять подпирает тошнота. Мчусь, отовсюду льет. На бегу обтыкаю себя длинными полами толстого махрового домашнего халата. В туалете из разбитой форточки свистит ледяной воздух. Я прячу за перегородку свое мокрое, измученное тело, высовываю только голову и дышу. Холод пробирает до желудка, но дыхание восстанавливается. Знакомая мне худенькая девушка с синими трясущимися губами советует мне:

- Больше пейте теплой воды, легче будет. Вы же одной желчью... вам же нечем... У меня опыт, я уже дважды по шесть химий вынесла... Рак уже в кости проник. Скоро мне его с ребер соскребать будут. Может, и выживу. Надо бы. Дочке только два годика.

Я с уважением и страхом смотрю на еле живую женщину. Ей много хуже, чем мне. Боже! Какое стоическое мужество перед лицом смерти!

- Мне тоже на полную катушку приписали, но сделали только первую, - лепечу я испуганно, пытаюсь представить себе, что будет со мной дальше.

- Не переживайте, три дня отмучаетесь, а там легче станет. Тошнота, конечно, совсем не уйдет, но человеком себя почувствуете. Верьте мне. Мы обе, как я вижу, одинаково плохо переносим лекарство. Вынесете все, только сердце подсадите. Побочное явление. Зато всю гадость убьете в организме. У многих получается. Это я такая невезучая. Нам бы заполучить американское лекарство, наше лечит, но глушит наповал. Главное, лечит...

- Тебя после химии мучает страх? - смущенно заискивающе спрашиваю я, очень надеясь на положительный ответ.

- Конечно. Страх не исчезает, он гнездится в сердце, в мозгу, в каждой клеточке большого тела. Это нормально.

Синие губы на серо-желтом лице скривились в жалкую гримасу. И вдруг потухшие глаза вскинулись, в них промелькнула слабая упрямая искорка.

- Доктор сказал, что двадцать пять процентов людей вылечиваются за счет своей веры в исцеление. Они верят в силу, в способность своего организма противостоять болезни. Я двужильная и ради дочки смогу побороть болезнь, - пробормотала она угасающим голосом.

Господи, как я желала ей выздоровления! Я задышалась от избытка нахлынувших на меня чувств, но мне не хватало сил сказать ей слова поддержки.

Почему-то вспомнились из детства пионерские наивные лозунги. «Боевая готовность ко всему, что встретится в жизни». «Встречай со спокойным достоинством любую беду, ничему не удивляйся. Воля и труд - все перетрут». «Остерегайся делать необдуманные поступки, за которые будет стыдно»... А как остережешься?.. Потом удивительный год всплыл в памяти: цветущие в ноябре каштаны и распутившиеся в конце января веточки сирени среди гор снега... А это из дошкольного детства. Надо бы остановиться, а я поднимаюсь все выше и выше. Ветви становятся все тоньше, хрустят под ногами. Знаю, что опасно, но лезу... падаю молча, сосредоточенно, успеваю хвататься за мелькающие ветки, обламываю их, сдирая листья, но чуть притормаживаю. Не разбилась... Знать, судьба моя такая.

Лицо отчима всплыло. Вздрогнула... Приехала проведать больного. Подставила щеку для традиционного поцелуя. Он вцепился в мое лицо, из последних сил развернул к себе и поцеловал меня в губы. Почему-то мороз пробежал по спине. А через час он попросил осмотреть с фонариком его рот. Я посветила, заглянула... Чуть дурно не сделалось. Страшная картина: все внутри изъедено болезнью... На ватных ногах в полубморочном состоянии выбралась на крыльцо. Села... «Сам заканчивает жизнь, познав все ужасы этой болезни, и мне того же желает? В это невозможно поверить... За что? В детстве не упускал случая больно зацепить меня за живое, и даже в последние дни своей жизни торопится свершить злое дело...» Мелькнула мысль: «Через семь лет заболела». Подсчитала: прошло семь лет...

Бабушку вспомнила, ее человечность, ее любовь... Сплю, брежу? Жаль ускользающего наяву чувства уверенности...

- Смирло ее, - шепчет надо мной молодая женщина. - Что с человеком болезнь делает!

Очнулась. Сажу на полу. Перебралась в кресло. Снова бегаю. Жду утра... Опять бабушка вспомнилась, ее грустные, покорные судьбе глаза, слова ее: «Уйти из жизни при этой болезни - благо. Не жалею меня»...

В детстве каждое утро прекрасно ожиданием чего-то совсем нового, необычного,

неожиданного... а тут – только бы выжить, только бы снова увидеть солнце... Какая-то мысль пробивается сквозь затуманенное сознание, я пытаюсь ее выцарапать... Да, ну конечно же!.. Ушла...

Громче обычного хлопнула дверь. Потому что ночь... Окончательно пришла в чувство. Опять тошнит, опять страшное напряжение во всем теле, опять рвота забирает последние силы... Утро. Слава тебе, Господи! Тошнит, но жизнь вновь стала желанной. Знать, линия судьбы не прервалась еще, тянется тонкой нитью, еще маячит что-то вдали...

Прошло три недели. Врач проверил мои показатели крови и счел возможным назначить следующую химию. На этот раз медсестра, намаевшись – по ее словам – с моими венами, разнервничалась, плохо отрегулировала скорость истечения лекарства, и оно вытекало три часа. К концу процесса психоз достиг такого уровня, что я готова была сорвать с себя бинты, пластыри и зашвырнуть иголку куда подальше. Меня трясло, руки и ноги непроизвольно двигались, нервы были на исходе.

- Нет сил больше терпеть, – застонала я. – Девушки, помогите!

Все повскакивали с коек, забегали. Одна больная помчалась за медсестрой и, не найдя ее, хотела уже сама поработать над капельницей. Но я, испугавшись непредсказуемого результата, не позволила ей. Тут в палату заглянула шустрая черноглазая молоденькая медсестра, которая иногда делала на вечерние уколы. Я позвала ее, и она вмиг отладила систему. Через десять минут мои мучения под капельницей закончились. А в следующий раз, когда ответственная за капельницу медсестра приболела, медсестричка вставила всем больным иголки, как волшебница: быстро, безболезненно, не жалуясь на плохие вены. Ни у кого из больных не образовалось синяков.

- Рука у девушки легкая, – радовались женщины.

- Не выгонят нашу медсестру. Блатная, – тут же доложила нам всезнающая Полина. – Она тут посоветовала одной больной чем-то смазывать синяки, а у той руку разнесло, так заведующий сам лечил пострадавшую, а ходу делу так и не дал.

- Да бог с ней, с этой медсестрой. Что нам эти синяки? Мы и большее терпели. Я гляжу, как она мучается, бедная, вставляя в вену иголку, аж вспотеет вся, так мне жалко ее становится. Немолодая уже. Ошиблась, видно, выбирая профессию, а теперь менять или не хочет, или не может.

После второй химии я полностью облысела, но меня это нисколько не беспокоило. Пусть даже на всю жизнь останусь без волос, невелика потеря. Мозги бы не испортить ядовитыми лекарствами. Мне еще работать надо, сына растить... Как бы там ни было, через полгода мучения закончились, и доктор весело сказал:

- Отошла ваша смерть в сторону. Умрете от чего угодно, только не от рака. А теперь отправляйтесь облучаться. Двадцать сеансов вам вполне будет достаточно, чтобы закрепить эффект от химии.

- Тех самых облучений, что у Солженицына в «Раковом корпусе»? – осторожно поинтересовалась я.

- Те, да не те. Слабее, – успокоил доктор. – После химии вам теперь ничего страшнее смерти не встретить. Прощайте. Не забывайте мой совет: не давайте созревать своим обидам, сразу выплескивайте их. Будут вопросы – звоните, – Он доброжелательно улыбнулся и протянул мне свою визитку.

Как широко распахнулось передо мной пространство города после больницы! До болезни я чувствовала себя на тридцать лет, а проболев и пролечившись – на все семьдесят. Но я жива. Господи, какое это благо! Смерть только приобняла меня, напугала и выпустила из своих цепких объятий. Значит, зачем-то я еще нужна на земле... для сына, конечно. Сколько мне еще отмерено? Пять, десять, пятнадцать... – целая жизнь! Новая жизнь.

Опять воспоминания о беде Инны пересекли мои мысли. «Дома первое время в основном лежала, привычно извлекая из памяти картины прошлого. Пыталась припомнить что-то

доброе, никогда еще не возникавшее в памяти, но повторялись до боли знакомые, много раз прокручиваемые картины обид... Почему заболела? Обиды зрели исподволь, долго и в какой-то момент стали непреодолимыми? Не смогла сжиться со своими бедами. Вот и посыпались болезни... Раньше не больно-то кумекала над жизнью. Нет чтобы не спеша разобраться. Некогда было: работа, заботы. До зарезу надо было все успеть. Я так хотела быть счастливой, так старалась...

А тут еще эта перестройка... эти огороды, черт бы их побрал. И все в одни руки, и каждый день аврал. Муж нет-нет да и заартачится. Соседка по саду, хорошо знавшая мой характер, сочувственно качала головой: «Надолго тебя не хватит». А я упорно твердила: «Согнусь, так распрямлюсь. Не сломаюсь...» И не сломалась, выдержала бы, если бы не узнала о его похождениях... Я жилы работой рвала, а он... зараза... Это и подкосило.

...Сердечная боль не отпускала ни на минуту. Совсем недавнее прошлое отгородило всю прошедшую жизнь. Оно давило, проникало в каждую щель, пресекало попытки уйти в положительные воспоминания. Оно разрывало их, как вода, превратившаяся в лед, разрушает камень.

События последних лет накрыли меня непроницаемой черной попоной, которая обволакивала и поглощала любые светлые мысли. И не уйти от бед, не скрыться... Все хорошее отодвинулось далеко-далеко, уменьшилось до еле различимого, бесцветного, серого, как всё в ночи. Для радости не хватало места в душе, распираемой болью и обидой. Обида уже не помещалась в моем теле, она убивала меня, меняя программу жизни, взглядов и чувств.

Я по привычке загоняла свои обиды на дно души, но они выползали, распространялись по всему телу, овладевая им как своей собственностью, травмируя, терроризируя, измываясь, ища слабое место, чтобы нанести окончательный удар... Я превратила сердце в кусок льда, тело - в безразличную бесчувственную инертную массу. Только обида жила в нем вольготно. Так тянулся первый... шестой, седьмой годовой круг. То была не жизнь, а страшный неосознаваемый сон под наркозом постоянной обиды. И случилось то, что случилось...»

«Странно, - подумала я тогда, - никогда бы не поверила, если бы услышала от кого-то другого, что Инна может быть такой глубоко ранимой. Значит, ее обычное поведение с подругами - постоянная поза, вызов, маска?»

А Инна продолжала: «Когда вела дневник, этим, оказывается, я бессознательно лечила свою распадающуюся от утраты любви душу, внутреннюю ее расхристанность после всё продолжающихся стрессов. Дневник был моей душевной терапией. Окунаясь в прошлое, в детство, я притупляла и тормозила свою болезнь, спасала и продляла свою жизнь. Обременяя рассудок важным и спасительным делом, я немного оттесняла уничтожающие меня отрицательные ощущения.

Московский доктор, когда я приехала к нему, чтобы уточнить диагноз, сказал мне: «Если бы вы не стыдились своей беды и постоянно делились со своей лучшей подругой своими проблемами в семье, вполне возможно, что не стояли бы сейчас передо мной». Последний перед операцией год я физически чувствовала, как провоцировали и подгоняли меня мои внутренние часы. «Пиши, пиши», - требовали они.

«Была бы жива твоя мама, может, крепко обняв тебя и утерев слезы, она сказала бы, мол, не плачь, доченька. К сожалению, такая беда не обходит стороной большинство женщин. Чтобы не страдать всю жизнь, реши для себя раз и навсегда: уйдешь ли ты от мужа или в отместку заведешь себе любовника». Так поступила мамина младшая сестра и тем спасла свою дочь. Именно об этом тетя поведала, когда посещала меня в больнице».

Вернулась домой. Муж был все тот же эгоист, лихоманка его забори... И я легко выходила из себя - тормоза не срабатывали, - сделалась заполошная, крикливая, бестолковая. А он не мог не задираться. Привык на мне разряжаться. Ему поорать только на пользу. И больную не жалел. Тут-то окончательно убедилась: такой и куском хлеба обнесет... А я не сдержусь, а потом переживаю... Это я на людях такая непробиваемая. Как в детстве выстроила свой имидж, так и придерживаюсь его, хотя ничего похожего на то, что я представляла из себя в молодые годы, во мне уже не

осталось... Сдулась.

Не сразу, но смогла я поменять отношение к жизни. На все проблемы стала реагировать проще, легче. Еще бы, такое перенести! Поняла, что нет безвыходных ситуаций, кроме смерти. А поднялась после болезни исключительно положительными эмоциями. Они были животворящей силой, которая воскрешала меня, заставляла хотеть жить.

«Инна делится со мной своими бедами, понимая, что не сегодня-завтра я уеду и увезу с собой ее тайны», – думала я.

– «...Сначала ничего меня не радовало, бревном лежала на кровати, мучаясь тошнотой и депрессией. Обиды перебирала в памяти. Потом подумала, что ведь не для этого Всевышний подарил мне возможность еще пожить. Я должна быть благодарна судьбе и радоваться каждому прожитому дню. Но долго не получалось справиться с пессимизмом. Когда накатывало в присутствии близких, отворачивалась к стене, ревела молчком, задыхаясь, захлебываясь слезами, а если была в квартире одна, выла во весь голос. Со стонами и воплями выбрасывала боль из души... Чего стоило мне перешагнуть через пережитое, знала только я...

А тут еще острая невралгическая боль по ночам стала часто пробираться в межреберье. Первые часа три терплю, потом от дикой боли начинаю сквозь зубы выть, потому что «убойные» лекарства уже не помогали. Сажу на коленях в смешной позе: головой в подушку, попой на полярную звезду и раскачиваюсь, пытаюсь «усыпить» боль. А она – хоть на стену лезь или головой в петлю...

Потом нашла в себе зацепочку: любовь к тихой охоте – сбору грибов. То лето выдалось знатное, богатое. Какие огромные всплески положительных чувств испытывала я от каждого найденного гриба! Выползу кое-как из лесного домика на базе отдыха и гляжу между деревьев, пока зрения хватает. И вдруг вижу – стоит, миленький мой. Откуда и силы появлялись к нему идти. Правда, походка моя была такая, будто идешь по лестничному пролету и все время промахиваешься, мимо ступенек ноги ставишь.

Кое-как добиралась, срывала гриб, и тут силы покидали меня. В изнеможении сваливалась на землю, а отдышавшись, снова начинала высматривать очередной гриб. Когда находила, опять мощная, горячая волна поднималась к груди, наполняя меня живительной влагой. Силы прибавлялись, и я снова, качаясь и цепляясь за кусты и деревья, шла к объекту своего вождения. А грибов в то лето, на мое счастье, выросло немерено. К концу третьего месяца я была в состоянии обходить не только территорию базы отдыха, но и прилежащие окрестности. Я ожила. Еще рыбалка помогала, но только в том случае, если я ловила одна.

Ты знаешь, когда мы ссорились с мужем, я физически ощущала, как силы покидают меня. Можешь надо мной смеяться, но я на самом деле чувствовала, будто из меня вытекает тепло и в груди становится холодно и пусто. Будучи здоровой, я не замечала за собой подобного. Тепло от радости разливалось в сердце – это я хорошо помню. А вот холод не случалось так остро почувствовать. Сильная была. Думала, снесу мне не будет...

Я сделалась на удивление чувствительной ко многим вещам: от малейших запахов меня выворачивало, становилось дурно при включенном мобильном телефоне – я болезненно ощущала его излучение, не переносила громких звуков... Прошло достаточно много времени, прежде чем мне удалось восстановиться до состояния, которое было у меня до операции. Стать прежней, той, что была до болезни, не получилось. Видно, не подняться больше организму выше той черты, до которой низвела его болезнь, не восстановить того, что «съел» рак. Теперь я человек с осенью в сердце. И причина тому – мои болячки. Вернее – это следствие. Но ведь живу же пока, и слава Богу, даже стараюсь по мере сил что-то полезное делать.

Я наглядно увидела и ясно поняла причину своей болезни и стала всеми способами избегать ситуаций, убивающих меня. Я хотела жить, а для этого мне нужно было беречь силы, которых теперь осталось не так уж много. Сожалею о своих былых страданиях, да прошлого не вернешь. Беда крепко и быстро учит тому, на что при обычном ритме уходит почти вся жизнь. Раньше жила чувствами, теперь больше рассуждаю. После пережитых страданий человек не может остаться прежним.

Характер до болезни у меня был достаточно покладистый, терпеливый, а теперь каждая

мелочь раздражает. Нервишки стали совсем никудышные. Я сознаю, что это плохо, и стараюсь уходить от ссор в прямом и переносном смысле. Иногда так устаю, что даже присутствие самых близких людей делается для меня труднопереносимым. Я в таком случае срочно скрываюсь в своей комнате и начинаю писать, выкладывая на бумагу нюансы своих ощущений и переживаний. Пишу для себя, чтобы спастись от горьких мыслей. А потом выбрасываю в мусорное ведро. Это хорошая терапия. Рекомендую.

Иногда читаю детективы или ищу по «ящику» что-либо удобоваримое, подходящее для моей мятущейся души – старую добрую мелодраму, комедию или что-либо научно-техническое, познавательное. Такая тематика успокаивает меня, позволяет сосредоточиться на другом, отвлечься, сместить акценты на разумное, доброе, вечное, уйти от примитивных мелочей быта. Отвлекшись, я превращаюсь в почти нормального человека, способного делать что-то хорошее. Приходится приспособливаться к состоянию своего организма.

Иногда (не из вредности, но из принципа) пытаюсь вести себя так, как мой муж вел и по-прежнему ведет себя со мной. Распихуюсь – прощения не прошу, жду, когда сам подойдет. Он же виноват в том, что довел меня до ручки. Может, думаю, задумается над своим поведением и прекратит орать по всякому пустяку и даже без повода, лишь бы сбросить на кого-нибудь свое плохое настроение. Ох, как тяжело ему переносить подобное мое отношение! Чуть ли не на стенку лезет от злости. А все равно не меняется к лучшему... После лечения я в нем нуждалась – морально – намного больше, чем когда бы то ни было, но он не понимал этого и продолжал жить своими желаниями. А мне язвительно советовал не теряться, если вдруг кто-то свеженький подвернется, мол, ты помолодела со своей сверхмодной прической. А меня – я же плохой! – можешь смело вычеркнуть из своей жизни. Я это переживу. Я понимала, неспроста все это, почву для развода готовит. На что ему больная жена? Опередила я его. Чуть окрепнув, сама его выпроводила. А через год за красавца замуж вышла, в пику своему самодовольному и самовлюбленному бывшему мужу.

После перенесенных мучений я стала грубее, резче, но на самом деле чувствительнее. Осмысленнее стала жить. О многом задумываюсь. Но от невнимательного отношения нового мужа зверею, не могу контролировать и сдерживать себя. Моментами срываюсь с катушек и такой дрянью становлюсь... Потом переживаю, но виду не показываю, иначе сразу на шею сядет. Имею опыт... А мужчины, я замечала в больнице, после пережитых страданий слезливее становятся, некоторые даже начинают понимать тонкие материи женской души».

– Ты с чем в онкологию попала? – спросила я.

– В первый или во второй раз?

Я вздрогнула: «Сколько же мучений досталось Инне на ее короткий век? Сколько еще «сюрпризов» преподнесет ей судьба?» Как в забытии прошли несколько минут сочувственного молчания».

Опять слова Лены припомнились и вывели меня из задумчивости:

«А кошки меня больше не избегают, не меняют привычную траекторию движения, завидев меня, даже трутся о мои ноги. Почему раньше убегали? Получается, что они чувствуют онкологических больных, как-то их распознают. Врачи считают эту болезнь незаразной. Что же отпугивает кошек? Не могу же я предположить, что животные подсказывают людям предстоящие несчастья? Это было бы совсем уж по-детски...»

Лена задумалась.

– А как сейчас себя чувствуешь?

– Сносно. Иногда мучают фантомные боли. Странное ощущение: груди нет, а она болит. И с рукой непонятное творится: она немеет и ничего не чувствует и в то же время болит так, что я с трудом ее поднимаю. Но это мелочи... Ничего, Андрей вырос, даст Бог, и внуков дождусь.

Узи

- ...Теперь чуть заболело, сразу страх смерти охватывает, - продолжила свой рассказ Лена. - До онкологии такого за собой не замечала, хоть уж не молодая была. В юные годы болезни приходят и уходят, а теперь вот они с нами навсегда остаются и пугают.

Как-то в автобусе встретила странную женщину: темноволосая, со строгими чертами лица. Красивая. Она по-доброму улыбнулась мне, в нескольких словах рассказала всю мою предыдущую жизнь и сообщила день моего ухода. Меня бросило в дрожь, и я в смятении, в растрепанных чувствах вышла на следующей же остановке. Психологически я была не готова к предсказанию. Зря я не расспросила женщину о дальнейшей судьбе моей семьи, ведь она была ко мне приятно расположена. А когда я вышла из автобуса, лицо ее как бы закаменело. Я видела, она у окна сидела. Может, обиделась, что я не выслушала ее до конца. Почему я не ответила на ее внимание ко мне? Испугалась ее откровений, неожиданности ситуации? Не поверила, что такое возможно? Но ведь было! Чудо было, а я его не оценила, не приняла, отвергла... Нервы сдали.

Опомнилась. Мысли смешались, закрутились, спутались... Какая я глупая! И все-то мне доходит на третьи сутки, и все-то задним числом, когда не вернешь, не догонишь, ничего не изменишь. Тормозная стала после болезни. Чего теперь жалеть, оплошала, упустила редкую возможность. Раз в жизни судьба подбросила подарок - удивительную встречу, а я не сумела ни воспользоваться ею на полную катушку, ни отблагодарить провидицу. Упустила момент таинственного откровения. Чего уж там, напрасно теперь каяться. Не перед кем. Может, Она сейчас читает мои мысли?.. Тогда «простите, простите, если можете...» Неужели то, что я торопилась по делу, заставило меня прервать столь важный разговор? Нет, все-таки мистический страх обратил меня в бегство. Несколько дней я в себя приходила, никак не могла успокоиться. Думаешь, не поверила? Еще как поверила! У меня самой иногда случались предчувствия и предвидения. Они являлись неожиданно, непредсказуемо...

Я часто вспоминаю эту женщину и задаю себе массу вопросов: «Как она «видит» день, год, ситуацию? Это же высший пилотаж, великий дар! Как она с ним живет, не мешает ли он ей? Видения все время давят на нее или являются, когда она думает о ком-то? Умеет сознательно проникать в подсознание человека, в мир его тонких энергий? А может, эту информацию она считывает откуда-то извне, из Космоса? Этот дар для нее счастье или несчастье?..»

- Но ведь страшно знать время своей смерти, - ужаснулась я.

- Если человек молод и здоров, наверное. Но когда ты сходишь с ума от малейшей болячки, каждый раз представляя, что это конец, то лучше уж спокойно прожить предназначенное. Конечно, хотелось бы больше побыть на этом свете, но уж как судьба повелит...

Я представила себя на месте Лены. Что бы я предпочла?..

- А ты не настраивай себя на предсказание, может, и дольше проживешь, - посоветовала я Лене.

Она только странно улыбнулась в ответ.

- ...После лечения начались изматывающие поездки в поликлинику. Раз выхожу на порог дома, чтобы ехать на онкологическое обследование, стою, такси жду. Силенок, чтобы добираться на автобусе, пока не накопила. Головокружения мучили, боялась упасть где-нибудь по дороге. Хлопот тогда не оберешься со мной. Так вот, стою, жду. Дорогу мне пересек черный котенок. И откуда он такой явился? Все приبلудные коты в нашем доме желто-серые. Улыбнулась и все же отступила назад в коридор. Не стала переступать его траекторию движения. А сама над собой подтруниваю: не навлечет же он мне неприятности... Экой суеверной теткой стала. Прошел мужчина и «очистил» мне путь.

Но только я снова вышла на крыльцо, как тот же самый котенок снова объявился и вместо четко выраженной прямой линии прочертил передо мной траекторию в форме правильной дуги и с довольным видом оглянулся на меня, мол, не уйди тебе от меня.

Тут подъехала машина, и выждать очередного «спасителя» я уже не могла себе позволить. Выругав себя за глупое недомыслие, я отправилась на УЗИ.

В коридоре поликлиники встретила нескольких знакомых женщин – подруг по несчастью. Полные слез глаза, судорожно-радостные рукопожатия. Поймала себя на том, что отвлеченно думаю о них как о героинях: «Через какой ад прошли!» Около кабинета, указанного в направлении, народу – тьма. Я шла под двадцать первым номером. Духота – смерть сердечникам. Задыхаюсь, воздух ртом глотаю, как рыба на прибрежном песке. Пот с меня градом. Вдруг выходит медсестра и, назвав мою фамилию, объясняет безразличным тоном:

– Вам в первый кабинет.

– Почему? – выражаю я протест.

– А какая вам разница? – спокойным скучным голосом спрашивает она.

– А такая, что я уже целый час в духоте промаялась. Чем я провинилась?

Медсестра ничего не ответила и с моей карточкой решительным шагом направилась в вышеназванный кабинет. Я, естественно, побрела за ней. Через час все-таки прошла обследование, и меня тут же послали со снимками к врачу. Благо это было совсем близко, в соседнем здании за углом. Иду, дышу глубоко, радуюсь, что первый этап обследования пройден почти без потерь здоровья. Ну что для инвалида лишний часок в шумной, нервной, душной очереди! Надо понимать, люди сюда со всей области съезжаются, и все со своими страхами и надеждами.

У двери врача тоже столпотворение. Присесть негде. Прислонилась к стене. Потом к углу притулиться удалось, все-таки с двух сторон какая-никакая подпорка. Когда очередь рассосалась, так даже на лавке полулежа удалось пристроиться – поблаженствовала немного. Слышу, вызывают. Снова обрадовалась. Дождалась. (Не часто удается по два раза на дню получить положительный импульс!) Правда, радость оказалась преждевременной. Но не буду забегать вперед.

Захожу к врачу.

– А где же Евгений Георгиевич? – удивленно поднимает брови доктор.

– А я вас не устраиваю? – отшутилась я нервно, предчувствуя каверзную ситуацию.

Я терпеливо выносила стремление попасть без очереди приезжих – им же надо успеть на районный автобус; с неизбежной безысходностью опускала пылающие искрами глаза, когда медсестра проводила к врачу «своих». Какой еще сюрприз заготовил мне этот кабинет и его обитатели? – подумала я вымученно, с безнадежностью во взгляде уставившись на доктора.

– Как вы прошли УЗИ, почему вы здесь? Ничего не понимаю. Искренне соболезную вам, но я жду Евгения Георгиевича. Ветерана. Где он?

Мне сразу пришло в голову, что мы с этим ветераном однофамильцы, и решила защищаться:

– Я не слышала, чтобы на УЗИ дважды выкликали мою фамилию. Других претендентов на мою очередь не было. А на сегодняшний день на обследование я записалась к вам неделю назад по вашему же указанию.

– Но передо мной карточка Евгения Георгиевича, – развела руками доктор.

– Не могли меня на УЗИ посчитать мужчиной: и губы ярко накрашены, и грудь, слава богу, хоть одна, но осталась, – с горькой иронией проехала я в свой адрес.

– Ну что вы, вы такая милая, достаточно молодая дама! Никому в голову не придет сравнивать вас с мужчиной, да еще с ветераном, – успокоила меня врач.

«В моем положении важнее в полной мере сохранить свой ум, а не телесную молодость», – фыркнула я про себя.

Я надеялась, что пока мы обменивались любезностями с доктором, медсестра решит мою проблему. Чего захотела! Она даже не сдвинулась с места.

- Я не ошибалась и не стану исправлять чужие недоработки, - был ее категоричный ответ на мой красноречивый взгляд.

- А кто сюда принес чужую карточку? - поставила я вопрос ребром.

- Регистратура виновата, - радостно парировала молодуха.

Я не стала ссориться и решила сама отнести в кабинет УЗИ чужую карточку с вклеенными в нее моими снимками. Мне жалко было людей, стоящих в очереди после меня. Не могла я заставлять их лишнее время «париться» в очереди. Меня ни за что ни про что наказали, и я не хотела наказывать остальных больных, отрывая доктора и медсестру от их прямых обязанностей, вынуждая разбираться в чужой безответственности. В регистратуре выдали не то, в кабинете УЗИ второпях вклеили не туда, медсестра не проверила по списку то, что ей принесли. Помочь себе могла только я. Найди тех, у кого нет проблем. Нет таких. Но ведь всем хотелось бы их поменьше, правда же?

Еще час ушел на стояние в очереди, поиск моей карточки в регистратуре и на объяснение с врачом и медсестрой в кабинете УЗИ. Еле живая, наконец добралась до заветного кабинета. Получив от врача несколько слов в утешение, я со спокойной совестью человека, доведшего дело до конца, направилась домой. Открываю дверь кабинета и уже с порога слышу шуточные слова доктора:

- Хочу обратить ваше внимание на то, что теперь вы с полным правом можете считать себя женщиной. Тому есть документальное подтверждение.

- А я желаю вам поменьше таких вот невезучих больных, - откликнулась я, притворяя дверь.

Мой больной позвоночник дрожал, хрустел, стрелял. Переступив порог дома, не снимая костюма, я рухнула на постель. Часа через три пришла в чувство. Попыталась подняться. С трудом, но удалось. Могло быть и хуже. Хирург предупреждал: «Избегайте длительных нагрузок, если в дальнейшем не хотите лишних проблем с позвоночником». Только не подсказал он, как это делать.

Позавтракала, пообедала и поужинала одновременно и снова повалилась в постель. Слава Богу, день прошел небесполезно. Не придется дважды по одному вопросу ездить в поликлинику. И то уже хорошо.

Лежу, размышляю, усмехаюсь про себя: «Жизнь - это постоянное испытание человека на прочность. Я не склонна поддаваться нытью, и все же, если серьезно, что-то все чаще и чаще приходится выдерживать подобные испытания по причине безалаберности и безответственности окружающих, и черный кот тут совсем ни при чем. А может, виноват мой возраст, мои болячки, которые не позволяют смотреть, как раньше, на непредвиденные трудности с юмором?.. Нет, все-таки слабовато у нас с уважением к человеку...

А через два дня мне предстояло идти на рентген. Серьезные проблемы с позвоночником возникли. Процедура подготовки к съемке оказалась для меня с моим теперешним здоровьем слишком сложной. Она состояла из нескольких этапов. Особенно с касторкой не повезло. Думала, «концы отдам». Не пошла она мне. И все же я мужественно перенесла все манипуляции и явилась к специалисту. Отсняв и проявив пленку, она вежливо попросила меня прийти в следующий раз, предварительно повторив процедуру подготовки организма. Я расстроилась немного, но так как винила себя (я, как правило, всегда сначала во всем виню себя), то безропотно удалилась восвояси. В следующий визит все повторилось - не получился снимок.

Но тут в кабинет вошла пожилая женщина и попросила медсестру сделать еще один снимок моего позвоночника. Та послушалась. Но что-то снова не заладилось, и изображение моих костей не устроило специалиста. Повторили процедуру. На этот раз пожилая сотрудница, внимательно рассмотрев снимок, сердито забурчала: «Смотри, как надо делать: отсчитывай позвонки и мысленно ставь на проблемном месте крестик... » И

она острым ноготком сделала на моей спине метку. На этот раз снимок получился. Сползая со стола, я возмутилась: «Подопытного кролика из меня сделали? Разве нельзя было предварительно поучиться на манекене?» Разнервничалась, конечно, правда, внутри себя. Шла и буквально падала от внезапного спада сил. Еле-еле доковыляла домой. Врач, выписывая из больницы, предупреждал: «Никаких облучений, таблеток, массажей. Даже горячей воды остерегайтесь, пока ваш разбалансированный организм не перестроится. Вы теперь у нас хрустальная»... А тут четыре рентгена в один день! Поневоле разволнуешься...

Почти на год я выпала из привычной жизни, а если еще учесть полную стабилизацию разбалансированного организма, то на пять лет. Но главное ведь – живу, даже работаю!..

Я посмотрела на Лену. В голове мелькнуло: «Дай Бог тебе здоровья».

Воспоминания Леры прервались шумом передвигаемых стульев. Алла выходила из-за стола.

Ангел

А мысли Эммы отвлеклись на откровения Киры о самой себе.

«Я, – рассказывала она, – вдруг во всех подробностях представила домик на окраине Риги, в котором мы с сестрой жили со своей старенькой бабушкой до тех пор, пока она не умерла. Нас, уже школьниц, отправили в детдом, где и началось неожиданно свалившееся сиротство...

Внутри меня, как всегда при этом воспоминании, сразу все сжимается и цепенеет болью той далекой утраты самого близкого, невыразимо дорогого человека...

Нас отрывали от родного порога, а мы цеплялись за перила и испуганно кричали: «Бабушка, бабушка!», не желая верить, что остались одни в этом огромном, пустом без нее городе. Она ушла и забрала с собой целый мир добра и уверенности.

За горьким поминальным столом сидели чужие женщины и держали нас на коленях, а мы с сестрой, заплаканные и притихшие, испуганно глядели на них. Нас жалели, нам сочувствовали, но от этого мы еще сильнее ощущали, как холодно будет жить без родного человека. Перед глазами возникало лицо бабушки, к сердцу подступало что-то пронзительно-нежное и невыразимо жалостливое. И потоки слез унять было невозможно. Чужие люди не спускали нас с рук до самого приезда машины, увезшей нас из детства.

Мы не знали чистого чувства к родителям, не испытывали проявления к ним искренней неподдельной сердечности, не умели гордиться ими, ярко излучая радость уже только от слов «папа» и «мама». Папа не оборонял нас от всего мучительно стыдного, грязного, с чем пришлось нам встретиться, и мама не защищала ни от жизни, ни от самих себя. Но мы были сильны духом и выносливы потому, что когда-то у нас была бабушка. Памятью о ней мы отстояли в себе достойных людей...»

Теперь Эмме печальный рассказ Киры о девушке Лениного сына Андрея вспомнился. Кира рассказывала, а она тогда сидела в ее глубоко кресле и представляла себе эти трагические события. Когда становилось невмочь, прикрывала глаза, чтобы подруга не видела набегавших слез.

- Сынок, Андрюшенька, со мной делился, – рассказывала мне Лена.

«...Яркий майский день. Я иду в школу. Но все мои мысли занимает таинственная незнакомка: «Чем же особенна эта девушка? Тоненькая, подвижная, легкая, стремительная, вот-вот вспорхнет ласточкой. Короткая стрижка светлых волос, открытое, удивительно доброе лицо, милые ямочки на щеках. Глаза мягкие, на удивление грустные, будто темной дымкой подернуты. Даже когда губы улыбаются, они только чуть светлее или ярче становятся. Для своих шестнадцати лет (на ее школьной папке для рисунков четко выведено – «10 класс») девушка четырнадцатилетней выглядит. Но не стесняется своей незрелости.

- Долго буду молодой, – отшучивается она, услышав за спиной в свой адрес нескромные «комплименты» парней, прогуливающих по парку, и взрывами смеха окатывающих стайки девчонок, встречающихся на их пути. – Вам не понять, что для меня недостаток, а что нет.

С улыбкой говорит, без обидных интонаций.

«Удивительно милая, необыкновенная, так бы и глядел на нее не отрываясь. Глаза притягивают. Ну и магниты! Что в них? Форма вроде стандартная, цвет обычный. Вот что! Поразительная, невыразимая прелесть взгляда! Глянешь – и пропадешь в омуте доброты невиданной, теплоты божественной, ласки чарующей... Я влюбляюсь?» – думаю я.

И, похоже, не знает девушка еще тайны своего обаяния, силы его, поэтому смотрит на всех с искренней непосредственностью, чарами не пользуется, никого не завлекает, на всех распространяет свое очарование, всем дарит радость. И восхищение в ее взгляде, и

нежность – случайные, мимолетные, и упрек – не кокетливый жеманно-женский, а удивленный, чуточку обиженный: «Как?! Разве так можно?!» Вспорхнули ресницы, сбросили секундное недовольство, и вновь мягкое, спокойно-ласковое лицо. Теперь серьезным сделалось. Задумалась. «А строгим оно бывает? А злым? Вот бы понаблюдать», – думает Андрей и обгоняет незнакомку, чтобы вновь попытаться взглянуть в ее глаза.

Вскочили в автобус. «Боже мой! Какое презрение в ее глазах! Сколько брезгливого отвращения!» Оказывается, один малый попытался приобнять «предмет моего исследования» за талию под предлогом тесноты или неустойчивого положения на ступеньке автобуса. Какая прелесть! Рук не распускала, чтобы наказать обидчика оплеухой. Глазами убила! Ай да дивчина-молодчина!

А теперь вот этот молодой парень осторожно, словно бы невзначай прикоснулся к ее руке. Девушка тут же чуть заметным движением плеча дала понять, что больше этого делать не стоит. Тот сообразил, глаза отвел. Она мило улыбнулась. «Понравилось, что понятливый», – про себя оцениваю я увиденное.

Вышла школьница из автобуса и не замечает, что идет чуть ли не вприпрыжку, будто порхает, тихонько напевая что-то по-детски искренне-восторженное. Она радуется городу, солнцу, весне, наполняется запахами, эмоциями. «Ах, какое сегодня яркое солнце, какие золоченые облака. И ветер ласково касается лица, и люди такие праздничные, светлые. Какое счастье жить!» Лицо ее восхитительно нежно сияет. Обогнула стайку девушек. Навстречу ей бежит и плачет ребенок, к маме не идет, упрямится. Девушка берет кроху за ручку и ласково говорит:

– У меня есть маленькая сестренка, такая же, как и ты. Со мной пойдешь или с мамой тебе лучше?

Она хитренько улыбается, делая ударение на «мамой». Малыш, «развесивший было уши» перед доброй «тетей», оглядываясь, медленно возвращается к маме и при этом пытается понять: всерьез она или в шутку хотела его забрать?

А вот мужчина идет с мальчиком лет пяти, «непринужденно маты разбрасывает», атмосферу добрых человеческих взаимовлияний вокруг себя загрязняет. Девушка замедляет шаг перед ним и, распахнув свои огромные лучистые, вспыхнувшие от негодования яркими сапфирами глаза, удивленно, с расстановкой произносит:

– А на вид умный!

И продолжает свой путь, больше не останавливаясь. Мужчина от неожиданности притормаживает, оглядывается по сторонам, ищет, кому же адресованы слова. Время для резкого ответа упущено, и он идет дальше, переваривая услышанное. Это заметно по его напряженному неприветливому лицу и продолжительному молчанию.

Незнакомка открывает решетчатую калитку. «Где произрастает? Из какого оазиса этот дивный утренний цветок?» – улыбаюсь я про себя. Глаза натываются на синюю табличку на кирпичном здании: «Детский дом № 12».

– Катя, Катюша, заждались, – кричат девушке из окна подруги...

Так Андрей описывал своей маме, нашей Лене, свою первую встречу с Катей.

Потом Лена Кире о Кате рассказывала.

–...Прошел год. Сижу я в коридоре онкологического отделения, ожидаю своей очереди и прислушиваюсь к разговору какой-то маленькой сухонькой старушки с пожилой учительницей, которая раньше меня должна зайти в палату к Кате.

– ...Родители? – переспросила учительница, – Живы, если можно так сказать о людях, потерявших человеческий облик. Я обоих знала еще детьми: тихие, неприметные. Еще в седьмом классе заметил Таню Ваня. Как только она окончила школу, они поженились. Дочка у них родилась. Сначала Ваня не интересовался спиртным. Первый раз изрядно набрался, когда его провожали в армию. Отслужил, вернулся. Но семья

расклеилась: взаимная энергетика между молодыми к тому времени уже ослабела. Я думаю, любовь от Вани ушла в разлуке. А может, и не было у него любви. Молодые часто женятся, едва познав состояние влюбленности.

...Так вот, что-то неладное стало твориться с Иваном. Напрасным был труд удерживать его дома. Ни одной теплой нотки в голосе ни в разговоре с Таней, ни с ребенком. Все рвался куда-то, хотел от жизни чего-то красивого и яркого, но ничего для этого не делал. Ждал, когда рак на горе свистнет. Сначала в семье возникали короткие словесные распри, потом вялотекущие ссоры затягивались все дольше, нудными становились, противными. И теперь Иван уже не мог отказать себе в удовольствии пропустить рюмочку, правда, за чужой счет. Скоро вся родня и знакомые отвернулись от него. Дружки только остались. Пьяные всегда в друзья рядятся. Таня по молодости не имела опыта семейной бытовой «политики», не знала, как подействовать на мужа. Злилась, плакала, упрашивала, проникалась участием к его беде. Он обещал исправиться, но не выдерживал и срывался. Потом оправдывался или по-наглому врал и требовал денег на бутылку.

Как-то напился до чертиков и утром проснулся в чужой постели. У Тани надлом произошел. Стыдно ей было. Ходила опустив глаза. Выхолощенные недоверием к мужу и страхом за семью, одинокие вечера тянулись мучительно долго. А раз в пику мужу напилась с подвернувшимися по случаю бомжами. Мол, полюбуйся! Нравится? Теперь жалость к себе управляла ее словами и поступками. После глупой измены Ивана они совсем отдалились. На них больно было смотреть. Таня страдала, ее сердце разрывалось горькой обидой, гордость подхлестывала желание поскорее покончить со всем этим адом, но инстинкт самосохранения и женское чутье подсказывали ей необходимость бороться за семью. А Ваня, и раньше не отличавшийся особой чуткостью, даже не пытался угадать нюансы ее чувств. Он взял себе за правило не вникать в дела семейные. Деньги иногда приносил, и ладно.

Все понимали, что его окончательное падение было только вопросом времени. Быстро надвигалась беда, ни отворотить, ни приостановить которую Таня с ее мягким характером не могла. Она, в сущности, жила тем, что верила в силу любви, способную победить любые несчастья, и это мешало ей правильно оценить ситуацию. Он-то уже не любил. И ничего тут не попишешь.... Первое время он еще пытался не показываться друзьям на глаза или отнекивался, упирался, стремился отделаться от них. А когда они его уламывали, уговаривали, он переставал считаться с женой, не чувствовал угрызений совести, и ее увещевания падали в пустоту его сердца, тонули в водке. А она ничего не могла предпринять и только смотрела ему вслед с чувством растерянности и обиды. Сердцем тянулась к нему, а умом не могла отыскать основания для совместной жизни.

Прошло совсем немного времени, и Иван перестал внимать спасительным мольбам жены – собутыльники пересилили. Слаб духом был! Увяз в пороках, пропал. А ему следовало бы подумать о последствиях своего поведения, и не затащила бы его подлая, злая сила алкоголя. Инстинктивного тяготения к семье у него уже не было, и он не видел необходимости обуздывать себя. Такое вот сокровище! Надежда и опора семьи! Знаете, я не очень высоко расцениваю человеческую природу отдельных особей. Иван – бесподобный образчик трусости, слабости характера и отсутствия здравомыслия. Не сдал он экзамен на зрелость. Я не выгораживаю Таню, но Иван старше, армию прошел, а она была неопытной маминной дочкой, – горько добавила учительница и, вздохнув, продолжила печальную исповедь.

Таня не выдержала постоянных попоек мужа и, чтобы избежать необходимости встречаться с его гадкой компанией, ушла к матери. Он приходил к ним и, впадая в бешенство, с перекошенным лицом орал угрозы. А протрезвев, снова становился тихим, плакал, просил прощения, умолял вернуться. Таня не спешила ставить крест на нем, терпеливо выслушивала его пьяные излияния, усилием воли подавляла раздражение и готовые вырваться грубые слова. Заботой пыталась смягчить создавшееся положение, шла на уступки. Может, и правду говорят, что мера любви у всех разная, а мера ненависти одна, – задумчиво и грустно подвела итог своим размышлениям учительница.

Когда силы и терпение Тани иссякли, она поняла, что оборонительная позиция не помогла, что ее старания не увенчались успехом, и сдалась. Не оценил Ваня безграничной доброты своей жены. Не подействовали на него ее простые чистосердечные слова. Ее душа, до замужества не знавшая горя, закрылась и

примирилась с горькой участью. Таня чувствовала себя самой несчастной на свете, ведь главной для нее в жизни была любовь. За нее она так долго боролась.

-...До моего уплывшего сознания снова доходят слова учительницы. Я встряхиваю с себя забытые и прислушиваюсь.

«Не знаю всех подробностей их отношений, но слышала, что родственники от Ивана открестились сразу же, на жену вешали всех собак, говорили, что не следовало бы ей уходить от него. А я считаю: если человек тонет, спасти его надо всем вместе, а не искать виноватых и не вести пустые разговоры. Женщины, когда им худо, плачут, мужчины – часто начинают пить. И в такой ситуации самое опасное – безразличие близких. Таню я меньше всех виню. Не могла она, юная и доверчивая, распознать его. А Иван пронюхнул свою жизнь. К сожалению, такое случается сплошь и рядом. В том, что не сложилось у них, он сам виноват. Я пыталась поговорить с ним, так он мне сказал, как отрезал: «Не парьтесь. Буду жить, как хочу». На что он надеялся? Думал, что все утрясется само собой, что выкрутится, вывернется? Не понимал, не признавал своей беды, вот и шел по накатанной дорожке. Предупреждала я, что аукнется ему беспутная жизнь, говорила, что какой мерой ее меришь, такой и воздастся тебе, – так он открыто смеялся мне в лицо. Заварил кашу, а расхлебывать пришлось дочке. Между тем взрослые должны платить по своим счетам, а не дети.

После очередного Ванькиного запоя сбагрили богатые родственники девочку в детдом и благополучно забыли о ней. Я не знаю, почему они поступили так подло. Вот и стала малышка сироткой при живых родителях. Она маленькой, бывало, ждет, ждет родителей, а они в детдом и глаз не кажут. Позже научилась она скрывать свою тоску по семье. А вы знаете, Катенька всегда ревностно оберегала репутацию родителей, не позволяла о них плохо говорить, – с умилением проговорила учительница».

- А что же Татьяна? – испуганно спросила я.

- Ой, забыла сказать. Чтобы увести мужа из плохой компании, вместе с ним пить стала. Долго так продолжалось... Спасти не сумела, а с горя сама пристрастилась к спиртному. Женщины быстрее от него погибают. Обида за сломанную судьбу и растоптанную мечту помutila разум Татьяны и не дала утешения в дочери. И материнское сердце ничего уже не подсказывало постоянно пьяной женщине, и не давала она себе ясного отчета в своих действиях. Да, жизненные трудности часто подстерегают нас там, где их совсем не ожидаешь... Теперь вот вдвоем с утра пораньше кругами ходят, толкуются вблизи киоска, бутылки сдают, приворовывают... за наркотики взялись.

- Как хрупка и коротка оказалась жизнь этой отважной умненькой девочки! Духом крепка, а детская плоть не выдержала страданий. Господи! Что нашептывает ей сейчас ее чистый детский разум? На чем держится надежда выжить? – вздохнула я.

В душе я была рада многословию собеседницы. Оно хоть немного отвлекало меня от печальных мыслей о Кате. Вдруг припомнился мой разговор с Катиным врачом. Он говорил о том, что на ребенка, когда он еще в утробе, очень влияют внешние раздражители, допустим, беспокойство матери из-за сложных отношений в семье. Эти волнения губят его. Еще не родившийся ребенок переносит инфаркты, в его организме закладываются будущие болезни.... А потом родители удивляются, откуда у малыша онкология, большое сердце, уродства или отклонения в психике. Наши предки были правы, утверждая, что будущей маме нужны только положительные эмоции.

А учительница повела разговор о наболевшем, которое постоянно ее тревожило и печалило.

- Я учу детей понимать себя, раскрываться, выражать свои чувства и мысли. Ведь почему мальчики и девочки подчас совершают глупости? Не научились задумываться о своих поступках, не умеют их оценивать и контролировать. А Катя умела.

Многие детдомовские детки живут в мире тоски и обиды. Практицизм не касается их мыслей, реальность их не волнует. Мечты поглощают и уводят в отрешенный, сладкий мир грез, где они любимы и любят сами, как бесплотные, прекрасные, безгрешные ангелы. А на деле, в быту они могут быть грубыми, резкими, непредсказуемыми, даже

подчас жестокими. Этакая раздвоенность существует в них. В мире фантазий им живется легко и радостно. Там не надо напрягать мысли, волю, не надо добиваться чего-то, трудиться, стараться. От сравнения придуманного мира с реальным растет в них дух противоречия, неудовлетворенность жизнью, появляется нежелание в нем находиться, и поэтому проходят их дни вяло, бесцельно и скучно.

Дети прячутся от жизни, оберегая в себе самих что-то хорошее, но часто им самим непонятное. Когда воспитатели просят таких детей в чем-то поучаствовать, те соглашаются с явной неохотой, без радости. А если и проявляют радость, то как-то все же больше напоказ, словно делая одолжение за то, что их заметили... Не проникает эта радость в глубину их душ, не избавляет от боли, накопленной годами. Радоваться детям приходится учить долго и старательно, а иногда и мучительно. Хорошо, если найдется на их пути человек (хотя бы один!), способный понять детдомовцев и пробудить в их душах любовь. Кате повезло встретить немало хороших педагогов, и она многому у них научилась. Знаете, Катюшка еще маленькой выгодно отличалась от подруг трезвым мышлением, оптимизмом, выделялась какой-то недетской целеустремленностью, искренней и глубокой добротой. Запомнился мне рассказ ее тети. Катюшке было четыре годика.

«Купили мы как-то на рынке арбуз. По дороге домой малышка сорвала цветок и спрашивает меня:

– Можно подарить его дяде, который нам арбуз продал?

Я разрешила. Смотрю, племянница весело подпрыгивает, улыбается счастливо. Я поинтересовалась:

– Рада, что мы арбуз купили?

– Нет, – говорит, – радуюсь тому, что цветочек дяде подарила. Он старенький, и ему, наверное, давно уже никто цветов не дарит».

Уже маленькой Катя умела находить удовольствие в чужой радости.

А как она танцевала русские танцы! Бывало, замрет на миг в нужной позе – глаз не оторвешь! Хороша была какой-то светлой, юной красотой. Чистая, нежная, искренняя! – восторженно и одновременно как-то грустно произнесла учительница. – И вдруг с ней приключилось нечто такое, чего никто не мог предвидеть. Всего-то бородавку на ноге нечаянно сорвала, а чем закончилось...

Да, забыла сказать. К Кате батюшка приходил, причащал. И вдруг икона упала с тумбочки. Я так и подумала, что она на пути к небу. Во время причастия Катенька лежала такая миленькая, бледненькая, печальная, точно тихий ангел. А вы кем Кате приходиться? – заметив непустой интерес к судьбе больной девочки благодарной слушательницы, спросила учительница.

– Сын попросил поддержать Катеньку... личным примером. Он любит ее. Мы все успели ее полюбить, – ответила я.

Учительница зашла к Кате.

– ...Подошла моя очередь идти в палату. Вошла с трепетом, поцеловала девочку, погладила светлые, золотистые в ярких солнечных лучах волосы.

– Я ждала вас, – растроганно произнесла Катя и в порыве сердечной нежности и детской доверчивости легонько прижала мою руку к бледной, чуть вспыхнувшей щеке.

Я ощущаю, как зашкаливают мои чувства, как закипают слезы. Я боюсь не сдержаться и стараюсь отвлечься, рассуждая сама с собой. «Вот опять я у твоей кровати, глотаю бессильные слезы, голову давит беда, неотвратимо нависшая над тобой. Коварная болезнь поймала тебя в невидимые сети, которые ты не в силах разорвать. Смерть не хочет выпускать тебя из своих цепких рук. Почему? Потому ли, что недосмотрели, или никак не удастся твоему организму победить болезнь? А я до последнего пытаюсь помочь тебе оттянуть понимание и ощущение неизбежности конца. Каждый раз

сомневаюсь: сумею ли проявить достаточно такта, найти в разговоре с тобой нужный тон? Какой мыслью я могу утешить себя, чтобы найти силы говорить с тобой, не выдавая истинных чувств? Я лепечу обманные слова надежды, пытаюсь облегчить тебе последние дни жизни верой в чудо. И твои глаза слегка вспыхивают, когда слышишь желаемое, то, чего просит твоя юная душа. И ты в этот момент веришь, что все еще можно поправить, что можно изменить, умиловить злую судьбу. А я в безысходности молюсь: «Господи! Сверши чудо. Спаси!»

Я прошу Катю перетерпеть боль, продержаться до конца мая. «Лето принесет тебе избавление, – уверенно говорю я и одновременно со страхом размышляю: – Боже мой, как девочка поймет эти слова? Ведь они так двусмысленны».

Катя заходится кашлем.

– Тебе надо приподниматься на подушках, полусидя лежать. Понимаешь? Нельзя болеть воспалением легких. Высокая температура вредна.

Катя дает себя убедить и, преодолевая боль, пытается приподняться. Движения не получаются, и только судорогой пробегаешь по обессилевшему телу желание выполнить просьбу. Скорбная усталость сразу глушит свет ее глаз. Я удобно устраиваю больную и обращаю ее внимание на то, что происходит за окном:

– Смотри, каждый лучик солнца обещает тебе счастье. Знаешь, когда я здесь лежала, вот на эту березку каждое утро прилетала семья дятлов. Я всегда с таким трепетом ожидала их появления, будто от них зависела моя судьба. Я кормила их из рук, и они радовались мне. Теперь это звучит наивно, а тогда доверчивость маленьких пестрых птичек делала на какой-то момент меня совершенно счастливой... Ой, смотри, на веточке, на той, которая ближе к твоей кровати, уже распустилось семь листочков, а вчера было только три. Весна и юность всё победят...

Я умолкаю. Сама чудом избежавшая смерти, я боюсь случайным словом задеть неведомые ей тонкие чувствительные струны души больной девочки, боюсь, что иначе, чем ей хотелось бы, истолкует Катя какую-нибудь безобидную фразу.

– Мне вздор в голову лезет и тошнит, – тихонько жалуется Катя, облизывая сухие, запекшиеся от внутреннего жара губы.

– Меня и теперь еще часто тошнит, но ведь я хожу. И ты скоро поднимешься. У всякой болезни бывают спады и подъемы. – Я успокаиваю девочку, а сама старательно прячу свою печаль, прорывающуюся в каждом движении, и выскальзывающую из-под устало опущенных век.

– Я же должна поступать в институт. Год теряю, – слышу я Катины слова, исполненные явным беспокойством.

Сердце переполняется страданием и радостью: «Господи! Еще верит! Еще хочет учиться». И я поддерживаю надежду больной:

– Выздоровеешь, окрепнешь и на следующий год обязательно поступишь в институт. Об этом можешь не волноваться. Поможем. Ты умненькая, упорная, целенаправленная, такие студенты нужны вузу.

Катя глядит на меня с благодарностью и слегка улыбается. Личико ее чуть розовеет и светлеет. Правда, ненадолго. Боль туманит глаза, и у Кати опять этот абсолютно отстраненный взгляд. Мне кажется, что сознание девочки уже не фиксирует увиденное, скользит невнятно, расплывчато, как в полусне или в полусознании; я чувствую, как из худенького тела уходит жизнь. Горький комок безмерной печали подкатывает к горлу. Сердце стискивает чувство беспомощности и прилив болезненно-тоскливой нежности. Стараясь подавить отчаяние и не дать себе разрыдаться, я незаметно для Кати крепко стискиваю зубами уголок зажатого в кулаке носового платка.

– Меня не лечат. Только обезболивают, – еле слышно шепчет Катя.

– Так и меня врач предупреждал, что нельзя принимать никакого лечения. Участковый терапевт прописала капельницу, массаж, а мой хирург все отменил, сказал, что организм сам должен бороться. Вот и веду вялый образ жизни, он для меня

спасительный. Это другая жизнь, совсем другой ее уровень, но все же жизнь. И в ней теперь мое главное счастье. Видно, и тебе такой же режим назначен.

Вдруг в памяти мелькнули трагичные слова маленького мальчика из Катиного детдома: «Родители не приходят, они меня с братом меньше водки любят, и Бог меня не жалеет». Голову сразу стянуло обручем невыносимой боли. Тоска мертвой хваткой пережала горло. «Много ли радости знала Катя? Что для нее было счастьем? Надежда на прекрасное будущее? Может, ее такая чистая, совсем еще детская любовь к моему сыну?»... – думала я. Снова сдавило сердце, закружило в голове. И Катю я уже слышала будто издали:

– ...В груди колет... И подружки у меня хорошие, и учительница умная, понимающая. Я не всегда ее ценила. А все потому, что о себе думала, а о ней только иногда, мельком. Ума не хватало ее понять. Вот и теперь она чаще других детдомовских дежурит у моей постели... А вы сейчас работаете?

– Да. И домашние заботы на мне. Я заметила, что физически работать мне трудней – голова грустными думами полнится, а когда о науке думаю, то отключаюсь от проблем.

Катины глаза вновь застыли. Тело сжалось болью и напряглось. Мысли остановились на полуслове.

– ...Отпустило. О чем я говорила? Об учительнице.

Я пересиливаю себя и продолжаю спасительный разговор, понимая, что, сравнивая меня с собой, Катя успокаивается, обретает веру. Мне нестерпимо трудно поднимать глаза на безнадежно больную избранницу сына, потому что мерой честности я всегда считала способность открыто смотреть в глаза собеседнику.

– Прорвемся, – как можно спокойнее говорю я.

– Да, – одними глазами отвечает Катя.

– Ты хочешь, чтобы я пришла к тебе завтра?

– Да, – вздрагивают Катины ресницы.

– Я обязательно приду, – шепчу я, а сама думаю: «Боже, какая она сегодня красивая, изящная. И выражение лица удивительно неземное, небесное. Нарисовать бы ее такой, запечатлеть на веки вечные. Тонкие руки вдоль тела. Легкий, еле приметный розовый румянец проступает на прозрачной коже лица, как бы подернутой легким туманным сиянием. В позе не покорность, нет, готовность и мягкая, искренняя вера. Удивительно чистое выражение глаз... Милая девочка... Святая.словно ангел»...

Неожиданно для себя я почувствовала, что больше не увижу Катю, и не смогла справиться с собой. Судорога пробежала по телу, руки задрожали, непроизвольно бессознательно задвигались. Я засуетилась, лихорадочно подыскивая повод, чтобы быстрее исчезнуть: В глазах Кати замечаю смятение, растерянность, испуг. В голове мелькает: «Что-то заподозрила, поняла, что я ей лгу? Почувствовала, что у меня больше нет сил ее обманывать и пусть даже святой, но ложью облегчать ее последние дни? А может, не догадалась, а просто обеспокоилась моим странным самочувствием?..»

– Завтра я обязательно, – слышишь? – обязательно приду к тебе, а сейчас мне надо уйти. Прости, чувствую себя неважно, – шепчу я, теряя координацию движений и уже не веря в силу воздействия своих слов.

Перед глазами плывет. Я плохо вижу соседние кровати, лица больных. Нетвердыми шагами, стараясь не спешить, иду к двери, выхожу из палаты и, оглядываясь, закрываю за собой дверь. Спокойный взгляд Кати поражает меня. Мгновенно накатываются волны вопросов: «Что чувствует эта девочка после моего ухода, вернее, бегства от ее страданий? Она готова без страха уйти в иной, неизвестный мир? Как к Божьей матери-заступнице? К этому призывал ее священник? А может, в этот момент она все-таки еще верит мне, не догадывается, что это ее последние дни, и не теряет надежды? Все еще ждет чуда?»

В палату заходит Андрей, а я, пряча слезы, торопливо иду по длинному коридору. Меня

догоняет девушка в больничном халате и тихо говорит, не глядя мне в лицо:

- Завтра уже не надо приходить.

Я прислонилась к косяку какой-то двери. Рыдания вырвались наружу. Девушка придвинула мне стул, бережно, но настойчиво усадила и произнесла глухим голосом:

- Ну, что вы так... Она же вам не дочь... Успокойтесь.

Сквозь туман сознания пробивались обрывки мыслей: «Господи! Ей же только семнадцать лет!.. За что?..» Тупой болью в голове стучало: «Как же случилось, что я не выдержала в твои последние минуты... Я не знала, что последние... Прости».

Медсестра опять наклонилась надо мной и прошептала:

- Катя сказала последние слова: «Мама, мамочка, приди, я так хочу тебя увидеть!» Потом негромко вскрикнула и затихла.

Перед глазами опять поплыло. Сознание еще успело выдать: «Катенька, прости, что я живу...»

Медсестра поднесла к моему лицу ватку с нашатырным спиртом. И только после этого я заметила, что рядом стоит растерянный худенький, светлоголовый юноша с покрасневшими глазами – мой сынок. Он испуганно теревит меня за плечо и бессвязно повторяет трясущимися губами: «Я тоже верил... Мама, тебе нельзя волноваться... я не выдержу, если... очнись... Мама, мама, мамочка!» Я уткнулась в плечо сына, и его сердце радостно вздрогнуло. Андрей неловко обнял меня и, уже не скрывая слез, забормотал: «Мама, ей было страшно? Она чувствовала боль?.. »

А рядом, за дверью ординаторской, веселый разноголосый смех: студенты-практиканты делились впечатлениями от прошедшего праздника...

Оптимизм

Отдельные островки бесед возникали то там, то здесь. Менялся состав группок. Кира подсаживалась то к одним, то к другим.

Лена выплыла из задумчивости, слышит разговор подруг и пытается сориентироваться. Аня что-то сбивчиво доказывает.

- ...Тогда был мощный исход интеллекта из России, и теперь он снова повторился, - неодобрительно замечает ей Рита, уводя разговор в сторону, очевидно, более интересной для нее темы.

- Патриоты не покинули страну, - жестко отвечает ей Кира, делая Ане выразительные знаки, но та и бровью не ведет, упрямо продолжая «выступать»:

- Когда-то в школе мы, читая учебник истории, возмущались, что на Западе квартплата составляет тридцать процентов от дохода семьи, а теперь сами платим половину пенсии и только вздыхаем: капитализм! Успокаивает то, что правительство обещает разобраться с подобным перекосом. Только когда это еще будет? А вдруг еще какая-нибудь напасть на нас... Вот и педагогические университеты собираются закрывать. И вроде бы правы: толковые абитуриенты разбегаются по престижным вузам, а в педагогические идут по остаточному принципу. Но троечный учитель может подготовить только троечного ученика. И к чему это приведет нашу страну? Закрыть вузы - это не решение проблемы. Этим мы окончательно поставим наше образование с ног на голову. А нам не все равно, кто будет учить и воспитывать подрастающее поколение, нашу смену. Пока правительство не повысит учителям зарплату, уровень образования будет катиться по наклонной, и не дождемся мы своих Ломоносовых и Менделеевых. Любовь к науке и искусству пробуждается и прививается в школе. Из слабого ученика в вузе нобелевского лауреата или знаменитого музыканта не вырастишь, сколько грантов ему ни выдавай... Ученых тоже не ценят, наука угасает. Не идет молодежь в аспирантуру, - продолжала бухтеть как бы для себя Аня.

- Дети видят, как плохо живут их педагоги, и «выбирают «пепси», - усмехнулась Галя. В этом вопросе ее мнение совпало с Аниным.

- В шестидесятые в физику шли не из-за денег и не требовали создавать условия для работы. Без царя в голове были? - энергично отозвалась Мила.

- Гегемон у нас - рабочий класс, но его тоже надо кому-то обучать новым технологиям. Нам никогда не будет хватать рабочих рук, если продолжим гайки руками закручивать... Надо срочно убирать главное препятствие на пути развития наших детей... - опять возбужденно заговорила Аня.

«Разговорила Аннушка, точно год молчала», - улыбнулась Лена.

Кира обняла Аню сзади за плечи, и готовая выпорхнуть тоскливая фраза застыла у той на губах.

- Зарекаться по нынешней жизни ни в чем нельзя. Только препятствие препятствию рознь, - не зная зачем, съехидничала Инна. - Спешу всех успокоить и утешить: «Жизнь идет так, как направляют ее Высшие силы. Ситуация яснее ясного, и не стоит пустыми разговорами добавлять напряжения своим ближним», - с серьезным видом повторила она чьи-то слова и рассмеялась, подумав, что неплохо и к месту прозвучала фраза.

И в этом была она вся.

Только Аня, не выдержав «осады», возьми да и не ответь на вызов Инны. Она лишь подумала: «Зла на тебя не держу. На больных не обижаются». И, на удивление всем, разговор неожиданно иссяк.

Аня не знала, как близка к истине и как больно могла бы ударить в сердце Инны, произнеси она эти слова вслух... Сколько ни готовится человек к неизбежным последствиям болезни - все равно это слишком тяжело, чтобы относиться к ним философски. Пожалуй, самая труднопереносимая боль на свете - боль скорого конца, боль расставания со всеми, кто дорог, со всем, что дорого...

- ...Кира, а это кто такая веселая на фотографии рядом с тобой? - громко прервала общий разговор Лена.

- Это Зиночка Пищалина из Липецка. Мы познакомились с ней, когда я ездила в гости к родственникам Славы. Тогда она работала заведующей столовой. Душевная женщина. Сын ее, Игорь Евгеньевич, стал директором домостроительного комбината. Рабочие от него без ума. Обычно - что уж скрывать - директоров чаще всего поругивают. А тут я слышала самые позитивные отклики о деловитости и, что самое главное, о его человеческих качествах. Депутат, умница, порядочный, душевный человек. Семьянин прекрасный. Я с ним столкнулась на почве благотворительности. Он детям помогал. Там же я познакомилась и с депутатом Курочкиным. Надежный, основательный, с дальним прицелом молодой человек. Он, как и Пищалин, из категории особых людей, для которых служение Родине - первично. Вот кто наши герои. Вот на кого должна равняться наша молодежь. Побольше бы нам таких честных деловых молодых людей - скорее подняли бы страну.

- А то в Думе черт-те кто заседает... - вздохнув, произнесла Лиля.

- Так не все же, - сказала Мила.

- Еще бы тебе все, - усмехнулась Инна.

- Без критики никак?

- Никак!

- Вступай в альтернативную партию.

- И вступлю.

- Только сначала из своих глаз бревна убери. Застылают они тебе все хорошее в нашей жизни. Или уже по привычке возражаешь? - сказала Лера с укором.

Эти слова остановили Инну, но взбудоражили Аню.

- Я только и слышу от соседа, который в четырехкомнатной квартире рядом с моей «однушкой» живет: «Закатаю в асфальт, замурую в стену». Это он так указания своим помощникам по мобильному телефону передает. А как наступает вечер, так вваливается к нему пьяная ватага, и слова им не скажи. Муж моей подруги как-то возник, так сосед ему прямо в лицо: мол, вы, гнилая интеллигенция - навоз земли. Смешно сказать, развенчал нас, дурья голова. Умника из себя изображает. Раз стою на балконе и слышу, как он говорит о моей подруге своей Марусе: «Это всего-навсего жена инженера Сибирякова. Какие с ней дела можно иметь?».

Настораживает то, что не умеет сосед соизмерять свои возможности. Хитрый, безответственный перед обществом, подвластный одной жажде наживы. Это ужасно. Вот напасть-то. Как обуздать его? Разве такого наставишь на путь истинный, научишь любить ближнего, заботиться о больном? Воплотил свою мечту, стал денежным мешком, а убожество души осталось при нем. Одним желудком живет. Торжествующий идиот. Сколько развелось охотников разбогатеть за счет других! Быстро уяснили, что нет проще работы, чем покушаться на чужое, а на действительно стоящие дела кишка у них тонка...

Иногда мне кажется, что моя душа выстлана пожухлыми травами горестей последних лет. В общем, мало утешительного... Такая вот «тусклая акварель» моей жизни, - говорила Аня, будто в замешательстве оправдываясь. - Я это не к тому, что не согласна с нынешней политикой, просто мы никогда ничего подобного и в мыслях не держали. Не позволяли хамства, стеснялись грубого слова. Фундаментальным свойством нашего поколения была порядочность. Для нас главным было состояться нравственно. Помните слова стиха: «И были наши помыслы чисты...» Для нас главной человеческой правдой была правда искреннего чувства сердца. Мне кажется, наше поколение много сделало для страны, и не наша вина, что наверху не те люди сидели. А как мы учились! Раньше о репетиторстве и понятия не имели. Брали учебники, задачки и самостоятельно их штудировали. Из деревень и детдомов в лучшие вузы страны поступали.

Пугает меня вновь появившееся в обиходе слово «господин». Если есть господа, значит, должны быть и слуги. А я не хочу видеть своих подопечных чьими-то служанками... И

пресса толчет сердце, журналисты – видно, те, что из перелицованных – нагло зарабатывают на боли и несчастьях народных масс. И поскольку, по моему мнению, на стабилизацию душ потребуются не годы, а десятилетия... – уныло говорила Аня всем уже надоевшие слова о трудностях неустойчивой жизни общества.

– Аннушка, не нагоняй тоску. Чего ныть? Радуйся каждому прожитому дню. Так ведь и всю оставшуюся жизнь можно проскулить, – взмолилась Кира.

– Тебе еще и лавры представителей прессы не дают покоя? Надо же, каковы твои личные предпочтения?.. За действия раба отвечает хозяин, и если журналист зависим... В каком-то смысле мы теперь все рабы, – хмыкает Инна и тут же засекает на себе косой взгляд Риты.

– Не говори глупостей, не подменяй понятия. Если журналист не будет давать себе отчета в своих словах, к чему это приведет?

«Трудно даже в такой маленькой компании без лидера. Без поддержки Валюши наша встреча потеряла мощный оптимистический заряд. Без ее положительного темперамента мне никак не удастся поднять настрой подруг на более высокую ступень. А у Вали: несколько слов, оброненных на ходу, – и все тут же менялось. Одного только ее присутствия было достаточно, чтобы нытье и бесперспективные разговоры даже не начинались. Она умеет сделать так, что все участвуют в ее заранее не придуманных спектаклях. Вовлекаются незаметно, без давления, будто бы самопроизвольно втекают. Валя – фейерверк, женщина-праздник! Не справляюсь я с ролью «хозяйки салона», – грустно думает Кира и снова пытается подбодрить подруг.

– Девочки, не нужна нам перепалка, снижайте пафос своих высказываний, оставьте темы, нам неподвластные. Жизнь не бывает сотканной из одних розовых жемчужин. Хватит перечислять временные и долговременные трудности, а то я сейчас тоже не останусь в долгу и в пику вам начну подсчитывать положительные моменты нашей теперешней жизни, и получится у нас не дружеская встреча, а семинар по экономике. Конечно, мы уже не будем счастливее, чем в молодости, но, надеюсь, еще успеем порадоваться за успехи не только детей, но и внуков. Стоит также принять во внимание, что и в нашей молодости не все было так уж гладко, как нам теперь кажется. Хотим того или нет, мы являемся частью безвозвратно ушедшего прошлого. Это раньше у нас считалось, что мир идет своим путем, а мы своим, но, оказывается, существует логика истории и ее неизбежность...

Инна ухватилась за зыбкую тему:

– Некоторые кричат новому времени «слава!» не спешат. И если уж говорить начистоту, иногда мысленно от бессилия даже призывают тень Сталина поквитаться с теми «новыми русскими», которые подозрительно быстро раскрутились и состоялись – не с неба же им богатство упало? – а теперь безнаказанно грабят ресурсы нашей страны. Разве я не права?

Женщины не поддержали скользкую тему. Надоела, в печенках застряла, в зубах навязла! Кое-кто поторопился сменить тему разговора или вовсе удалился на лестничную площадку остыть, отдохнуть от шума.

«На наших посиделках надо ввести табу на две темы: болезни и политика. Мы встречаемся, чтобы поделиться радостью, – подумала Кира. – Как бы развернуть всех, чтобы заговорили о вещах более приятных?»

Лена повернулась к Эмме. Та тихо делилась с Галей:

– ...Пытался внучку уговорить до свадьбы... Мол, не хочешь, значит, не веришь, не любишь. А она ему: «Я слишком люблю тебя, чтобы грехом своим накликать беду на нашу с тобой общую судьбу. Я оберегаю ее. Моя подружка дала себе слабину, и чем это кончилось?.. Грузовик налетел на нее. Жених только и успел разжать руку, когда она, падая под колесо, дернула его, увлекая за собой... А если ты уйдешь в армию? А если я надолго заболела? Ты должен научиться ждать, терпеть... Ты и в дальнейшем, капризная, собираешься добиваться своего? Это что-то новенькое в наших отношениях.»

А он ей: «А вдруг ты не подойдешь мне по темпераменту?» – «А вдруг ты меня не устроишь? – смеется она. – Тогда разойдемся. Вон Геля на второй день после свадьбы подала на развод. Муж ее в первую же брачную ночь стал заставлял по-всякому... как проститутку. Так она ему высказала напрямую, мол, если ты молодым не можешь без спецэффектов, что же с тобой будет через десять лет?» Молодец, самостоятельная у меня внучка, не дает себя в обиду. За словом в карман не лезет. Мы в свое время стеснялись про такое говорить...

Слава, пришедший с работы и уже минут пять слушающий женщин, будто почувствовал мысли жены.

– Ваше мнение, девочки, небесспорно. Я не склонен считать, что так уж у нас все плохо. Мы не на задворках истории. Лиха беда была в самом начале, но худо-бедно мы ее пережили. Что толку ворошить ушедшее? Проблем, конечно, и сейчас выше крыши, но они постепенно решаются. По мановению волшебной палочки все мгновенно меняется только в сказке.

– До перестройки одни трудности были, теперь другие. Раньше колбасы не хватало, а теперь ее бери – не хочу, так денег нет, – уточнила ситуацию на свой манер Инна.

– Надо честно исполнять свой долг, не хандрить, и жизнь постепенно наладится. Я физик, дети мои физики. Мы с Кирой всегда советовали им с достоинством отвечать тем, кто с Запада: «Мы – представители великой страны!» Для нас было главным научить их выбирать между добром и злом и смело смотреть в завтрашний день. И внуки наши с гордостью говорят: «Мы – россияне!»

«Всем трудно, одному ему легко. Ну прямо никакой трагедии в душе!» – еле слышно буркнула Инна, но трогать Славу не стала. Несмотря на внешне предвзятое отношение, было у нее к мужчинам какое-то внутреннее, может быть, даже на генетическом уровне, низкопоклонническое признание их превосходства. Это с женщинами она всегда в контрах.

Аня «затянула» обычную «песню».

– В какие дебри тебя, Аннушка, угораздило забрести! Всё много проще: воровать надо меньше, и все будет в порядке. В Германии строгими законами быстро порядок навели. Не церемонились ни с ворами, ни с бандитами. И у нас до семнадцатого года наказания были более жесткие. А теперь не стихают споры о неоправданности применения строгих мер к преступникам. И кто это подкинул нашим властям порочную идейку, что строгие законы вызывают рост преступности? С чьей подачи у нас разрастается во всех сферах жизни произвол? Запуталась, закопалась я в догадках. Любопытно было бы узнать, кого это мы должны благодарить за разгул коррупции в нашей стране. Откуда ноги растут, кому это выгодно? К сожалению, мифами питаются не только низы, – вздохнула Лиля.

– И что из того, что узнаешь? Мир бандитов, олигархов и чиновников сразу перевернешь?

– Не знаю, кто запустил эту утку, кто упорно отстаивает и даже навязывает нам эту точку зрения. Чей заказ выполняется? – тихо произносит Аня. – Один адвокат – не помню его фамилию – утверждал по телевизору, будто человек так устроен, что его тянет в запретное. А еще – что каждый всегда молотит свою копну, и только за свою шкуру ему страшно. А ведь молодежь слушает и верит. Как после подобных слов можно втолковать детям, что «честь ум рождает, а бесчестие последний теряет», что существуют понятия: порядочность, честность, достоинство, уважение. Они не понимают элементарных вещей или умышленно деформируют личности детей? Страшно поверить в такое.

– На какую тему кипят шекспировские страсти? – весело спросил Слава, подходя к Ане.

Тут Галя подала голос:

– Мне дед рассказывал, что в Германии если с дерева упадет яблоко на дорогу, так даже ребенок не подберет, побоится взять чужое. С детства воспитывают страх перед законом. А у нас вор залезет в садовый домик, попадет в капкан, так хозяина заставят оплатить его лечение. Человек нарушает основную заповедь: «не укради», признанную во всем мире, а наши законы говорят: «Воруй, дружок, мы защитим тебя». Не того

жалеют. Это же лжесострадательность, лжегуманность, извращение основной стержневой добродетели. Никакой логики! Абсурд. Вот и попробуй в такой ситуации образовать нравственное пространство, за границу которого нельзя заходить! Блуждаем в поисках ответа, как сквозь толстое тусклое стекло на все происходящее смотрим... Вот тебе и суды, вот тебе и милиция.

- Милиция и раньше была дрянь, и теперь сволочь. «Волков на помощь собакам не зовут». Насколько мне известно, чиновники и милиционеры непогрешимы только в кино, - зло отозвалась Инна. - В нашем детстве за изнасилование даже совершеннолетней девушки давали пятнадцать лет, а теперь за педофилию наказывают условным сроком. Не любят, не шадят думские депутаты свой народ, а то давно бы порядок в органах навели.

- А милиция чем тебе лично насолила? На «зебре» оштрафовала? - удивленная такой резкостью, спросила Рита. - У тебя же нет собственного автомобиля, чтобы соприкоснуться с барражирующими на дорогах «владельцами полосатых жезлов». Да и с твоим присутствием духа хоть в космонавты.

- А... круговая порука у них там, - зло махнула рукой Инна и раздраженно замолчала.

- Может, чем помочь? - встревоженно привстала Алла.

Инна не удостоила ее ответом и только нервно передернула плечами.

Никто из присутствующих не захотел продолжать эту сложную тему.

И только Лера в ответ на какие-то слова Аллы спросила с ехидцей:

- Участковые, как балерины, в сорок лет на пенсию выходят? С какой стати?

- Вредная работа, - жестко хмыкнула Инна.

- Я нашего участкового за тридцать пять лет один раз только видела.

- Радуйся, значит все в вашем доме в порядке.

- ...По выслуге он на пенсии. Не сорок, пятьдесят ему.

- А я смотрю, будка в экран телевизора не влезает, румянец во всю щеку - и вдруг пенсионер.

- Теперь шоферит. Больше ничего не умеет.

Галя делится с Эммой.

- ...Мой большой жизненный опыт подсказывает - крадет, как правило, кто-то из своего же ближайшего окружения. Помню, тыквы из моего огорода сосед таскал, ягоды и фрукты обрывал сотрудник, который помогал мужу ставить на садовом участке сарайчик. Первую машину у нас угнал и разобрал на запчасти шофер, которому надоело чинить «старушку». Надеялся, что мы новую купим. Ему хотелось «по-тихому» подрабатывать на ней после работы. Как мы позже узнали, Бог слишком жестоко наказал его за непорядочность. Вторую, не очень старую, машину отдал бандюкам на поругание другой шофер, когда его выгнали с работы за нечестное поведение, - горячо перечисляла Галя печальные моменты из не всегда ладной предпринимательской деятельности своего мужа.

- Американцы, наверное, смеются, читая «перлы» нашей юрис-пруденции, - фыркнула Лиля. - А ведь еще Екатерина Великая писала, что законы, не сохраняющие меру в добре, бывают причиной рождения безмерного зла.

- И за качество расследования и судейства ратовала, предупреждая, что лучше оправдать десять виновных, чем обвинить одного невиновного. Умная была правительница. Нашим судьям не помешало бы чаще вспоминать ее заветы, - добавила информации Аня.

- Царицу бы в нашу Думу, цены ей там не было бы, - рассмеялась Жанна.

- О депутатах и юристах не нам судить. Умом не вышли. И профиль другой, - осадила подруг Лера.

- Одно у нас в голове: болезни общества, несправедливое правительство. Еще ни один пессимист не открыл неизвестную землю и не проник в тайну мироздания. Когда одна дверь счастья захлопывается перед нами, всегда приоткрываются другие; но мы часто их не замечаем, уставившись взглядом в тупик или в неохватную даль, - сказала Рита и вышла с Лилей и Аней на лестничную площадку «перекурить», остыть.

Из кухни опять вышел Слава, на ходу вытирая руки о фартук.

- Мне показалось, что вы тут до критики законов добрались? Как говаривал Крылов: «И сапоги тачать пирожник», - улыбнулся он.

Дина

Ситуацию окончательно разрядила Кира. Она достала фото их выпуска. Все женщины вскочили с мест и окружили подругу. На них из дали лет с фотографии смотрели милые девушки и юноши, еще не обожженные жизнью, полные радостных надежд, бесконечно верящие в свои силы. Со всех сторон послышались ахи, охи-вздохи.

- Ой, какие мы тогда были юные и одухотворенные! И какие милые! А теперь померкли все наши прелести. Я постоянно нахожу в себе и на себе приметы старения, - кокетливо сказала Жанна.

- Да мы и сейчас очень даже ничего, - воскликнула Мила, самая шустрая из них и всегда оптимистично настроенная. (И это при всех бедах ее непростой личной жизни.) - Хотя, конечно, на седьмом десятке нам теперь о здоровье надо бы заботиться, да, как всегда, некогда, - закончила она с жизнеутверждающей улыбкой. «Но глаза ее остались грустными, будто подернутыми пеплом», - отметила про себя Лена.

Кира тут же вспомнила слова своего знакомого врача, который напророчил Миле долгую, несокрушимую старость, наполненную юной, озорной жизнерадостностью. «Но ведь даже у нее с возрастом поубавилось оптимизма», - грустно вздохнула она, но тут же взяла себя в руки и приветливо оглядела подруг.

- А я тоже не чувствую свои шестьдесят с хвостиком. Мне в душе тридцать. Ну ладно уж, сорок, - рассмеялась Рита. - Но когда не болею, точно тридцать.

- Ой, девчонки, - встrepенулась Жанна, - иду я как-то к внучку - он совсем недалеко от нас живет - настроение весеннее, пету хочется, плащ у меня расстегнут, шарф на ветру развеивается. Вдруг мужчина лет пятидесяти останавливается передо мной и восхищенно так восклицает: «Хороша!» Я растерянно и смущенно чуть ли не шепотом спрашиваю его: «Вы это обо мне?» И он с приятной улыбкой отвечает: «У вас такое вдохновенное, счастливое лицо! Не мог я пройти мимо». А я ему: «Весна!» Представляете, как приятно было в моем возрасте услышать такой искренний комплемент! И нашел для него такие простые прекрасные слова, - добавила она, потупившись, испугавшись своей излишней откровенности.

- Кира, это недавнее фото всей твоей семьи? - спросила Лена.

- Прошлогоднее, - отозвалась Кира, мельком взглянув на снимок.

- Не фотография, а библейская картина. Святое семейство, - с теплой улыбкой заметила Лена. - Ты здесь среди внуков как рафаэлевская мадонна. Ой, а это Дина! Божественная, несравненная, загадочная Диана! Шикарная, без намека на вульгарность, она всегда выглядела на миллион, но никогда этим не кичилась. Ее красота вызывала истинное наслаждение. Взгляды мальчишек всегда были прикованы в первую очередь к ней. Какая замечательно милая, легкая в общении, очаровательная, доброжелательная и в то же время сногсшибательная была девчонка! Я всегда любовалась ею. Помню ее всегда чуть приподнятый точеный носик, роскошные черные волосы, розовый, кукольный цвет лица, удивительно ей шедший, и голубые глаза неправдоподобной глубины и тайны.

В ней было нечто особенное, загадочное, природный магнетизм, что ли, заставляющий даже людей, настроенных против нее, улыбаться. Какое было соперничество между ребятами за ее благосклонность! Она производила фурор, царила в окружении поклонников, которые целой депутацией встречали ее у дверей университета. А она, как и подобает королевской особе, обдавала неугодных ей холодом лучистых глаз...

- И очень даже элегантно это проделывала. Подпустит к себе, как кошка с мышкой поиграет, а потом внезапно по носу щелкнет, оттолкнет, показав тем, что он для нее - пустое место. Помню, один упрямо маячил перед ее глазами, - начала Инна.

- А при ближайшем рассмотрении оказался примитивным. И что же ей было делать с ним? Пришлось «отшить», - со смехом закончила Лера замечание сокурсницы.

- Я не исключаю, что все именно так и происходило, - сдержанно улыбнулась Кира.

Инна никак не отреагировала на ее реплику, только подумала раздраженно: «Как всегда,

привычно изображает на лице скромную улыбочку. А Ленка, я думаю, проявляет вежливый интерес к разговору, хотя, скорее всего, мало помнит Дину, ну если только внешне».

- Лена, передай мне, пожалуйста, фото Дины, ее образ в моей памяти какой-то мерцающий, нечеткий. Что-то не сходится для меня в нем, - попросила Жанна.

- «Предание старины далекой» гласит, что сразу после распределения Дина уехала по туристической путевке в Чехословакию, где ее ждал жених из капиталистической Дании. Ее отъезд ознаменовался грандиозным скандалом: высокопоставленные родители вылетели из партии и потеряли свои престижные места. Поломала она им карьеру. Не ожидала я от нее такой прыти. Чем же закончился ее собственный роман с советской властью? Вернули ее, или в Дании она находилась вне досягаемости наших органов? Счастлива ли? Стоила ли ее любовь таких жертв? Обычно, чтобы совершить решительный скачок вперед, надо сначала подумать, сделать два шага назад, в прошлое, к прадедам - так учила меня любимая воспитательница. А она очертя голову бросилась в омут неизвестности. Я бы так не смогла, - поделилась своими соображениями Рита.

- Голову даю на отсечение за правду своих слов и скажу со всей прямотой, что только Дина, имевшая обыкновение и любившая изумлять, могла изъяснить готовность покинуть Родину. Тогда многие из нас проглотили языки от удивления, а некоторые приняли ее поступок в штывы, - со своей обычной категоричной непоколебимостью ехидно высказалась Инна. - Вопреки распространенному мнению, в наших кругах принято считать, что проблема ее разрешилась весьма непонятным образом. Все шито-крыто, и никто до сих пор ничего о ней не знает. Наверное, как-то сумела заранее подстраховаться. У таких особ обычно все схвачено, и нам это еще предстоит выяснить. А от поисков ответа круг домыслов и вопросов, как вы сами понимаете, лишь расширяется. Только она сама способна раскрыть нам свою тайну. А может, кто-нибудь приподнимет завесу таинственности и расскажет нам, что на самом деле тогда произошло? Какова была развязка? Вопрос на засыпку! Выкладывайте как на духу, - полушутя предложила Инна. - Как Дина заочно умудрилась окрутить богатого заграничного жениха? Случайность стала ее судьбой?.. Слава, власть и деньги - три зла, но почему-то многие к ним стремятся. Как же - свобода, возможность вершить судьбами. Зло притягивает.

У нее с этим иностранцем, насколько я знаю, даже шапочного знакомства не было. Загнала в угол своим приездом, надавила? А дальше - дело техники! И надо же было такое придумать!.. Схватила за возможность остаться за кордоном. Сломя голову побежала, точно без памяти.

Все, кто присутствовал в комнате, обернулись на голос Инны. Аня ахнула про себя, но это было написано у нее на лице. Лиля мысленно вскричала: «Опомнись!»

«Какая муха укусила Инну? Надеюсь, она уже израсходовала приличную порцию желчи и на некоторое время уgomонится», - думает Рита.

«Любому спорщику надо уметь оставлять пути к отступлению. Зачем Инна идет напролом? - не понимает Лена. - Перспектива ссориться с ней меня не радует».

«Не хватает Инне в жизни кошек-мышек и детективных историй с водяными знаками», - про себя фыркает Лера.

- Дина слишком честолюбива. В пользу того, что я права, говорит много фактов. Сделала прекрасную рокировку! А какова цена этому? Ей нипочем даже неподдельное горе родителей. Чего всполошились? Скажете, плакала навзрыд! Подобные мысли так и просятся быть высказанными, не правда ли? Но, похоже, разгадкой там пока еще не пахнет. Даже моя программа расследования забуксовала. Ясности в этом вопросе нет и, наверное, не будет.

- Не в милости у тебя Дина, - улыбнулась Жанна, очевидно, желая смягчить накал Инниной обличительной речи. Но, испугавшись возможной негативной реакции «всезнайки», не рискнула продолжить в том же духе. - Собственно, я небольшой мастак по части споров с недостаточным количеством информации.

Слушая разглагольствования Инны, Кира испытывала к ней сложные и притом не

лучшие чувства. Лиля неоднократно безуспешно порывалась прервать монолог Инны, но та, изливая яд злословия, словно сорвалась с тормозов. Лена уже раскаивалась в своем любопытстве и оторопело молчала, раздраженно думая: «Нервишки сдают? Пора бы ей уже отработать приемлемую форму общения с однокурсниками».

- Угадайте, кто муж Дины? – спросила Инна в явной надежде, что никто не знает.

Но не удалось ей утвердиться в собственной значимости. Кира пропустила мимо ушей ее вопрос о цене совершенного Диной поступка и внешне спокойно откликнулась бытовыми подробностями из жизни подруги:

- Муж Дины оказался очень богатым, «королем бекона», осыпал ее драгоценностями, но без привычного обожания поклонников она очень скучала и писала мне грустные письма. «Сижу одна во дворце, и некому показать свои наряды... Стою на краю бездонной пропасти мечтаний, красивая, богатая, не очень счастливая, и ощущаю оупляющий воздух семейного уюта. Сама себя приговорила к такой жизни. Так хочется вырваться в мир, способный дать пищу небездарному уму, но только лишь дело доходит до попыток пробить незыблемую стену устоев его семьи, сразу натыкаюсь на гранитный монолит непонимания. Я должна принадлежать семье и не более того...

Муж носится по свинофермам, от него дурно пахнет навозом. На многие километры в округе – ни души, ни одной усадьбы рядом, так как все эти земли – его собственность. Возвращается домой усталый и довольный... Не так я представляла свою замужнюю жизнь. Моя душа собирается в комок и не желает расправляться, хотя природа здесь чудная... Помнишь стихи: «Идет любовь, грядет беда... Если б не плакали дети, если б не плакали мамы, если б не плакали мы». Ох уж эта наша пленительная, безответственно искренняя, но жестокая наивность и горькое понимание дорогой цены взросления». В ее первых письмах не было ни радости, ни гордости за мужа. Потом мы на некоторое время потеряли друг друга из виду. Я скучаю по ней, – скромно призналась Кира.

- О, матка Боска! – взвилась Инна. – Что за вздор? Не пудри нам мозги. Нашла с кем равняться! Дина была из другого мира. Мы, наверное, казались ей все на одно лицо. Она и на родине не бедно жила, понимала толк в дорогих вещах, что считалось первым признаком благополучия. У них своя машина была, настоящая дача олицетворяла их кричащее богатство. Может, и ценила правила, да больше любила исключения.

Я тоже была бы не против махнуть за границу, да кто бы меня туда пустил и на какие шиши? Кто меня там ждал?.. А она умчалась в Чехословакию, где ее и настигла любовь к этому капиталисту. Антон Дину очень любил, а ее это тяготило. Мне жаль его, в недобрый час столкнула их судьба на перепутье случайных дорог.

«Некоторая неопределенность событий оставляет простор воображению, вот Инна на всю катушку им и пользуется», – подумала Алла.

«Своим ядом разве что насмерть не отравит», – внутренне возмутилась Жанна.

- Положа руку на сердце, скажу: пофорсить Динка любила, ну прямо вся из себя была: всегда во всем заграничном, задавала тон в моде. Помните, тогда белые нейлоновые блузки в городе только стали появляться. Так на нашем курсе – у нее первой. А с каким шиком носила! Она, скажем прямо, была из тех счастливчиков, которым с рождения было много дано и много позволено. Родители ее даже не пытались в чем-либо ограничивать.

А чего стоил этот ее загадочный взгляд, точно что-то ищущий в бесконечности! Но чаще всего он выражал нетерпеливое требовательное ожидание. А как она очаровательно злилась!

- Ты, наверное, тоже хотела обладать такими способностями, – подковырнула Инну Мила и оглянулась на Галю. Та в ответ чуть приметно улыбнулась.

- Красовалась, манерничала, говорила с молитвенным придыханием. Знала себе цену. Таковую цацу приметит всякий. Только ей одной подходила фраза: лучше вызывать зависть, чем жалость. Да, она была одна из нас, но не одной из нас, другая. Она всегда выпадала из нашей обоймы. Такова моя небольшая прелепа, таково мое предисловие, а дальше можете говорить что хотите. И пусть теперь Рита заявит, что по степени

абсурда мне нет равных. А я просто реально фиксирую отдельные моменты жизни.

Думаю, никто не станет возражать, что красивым и богатым многое сходит с рук, и Дина это понимала. А была всем мила, потому что на чужое место не претендовала, ей свое персональное было уготовано, чтобы раз, два и в дамки. Это нам, сирым, было не до шуток, нам надо было стараться не затеряться в волнах жизни где-то на перепутьях общежитий. Это Дина каждый день меняла костюмы, как перчатки. Наверное, приятно было иметь то, о чем другие не смели мечтать. А мы могли позволить себе только смену бантов и шарфиков, которыми обменивались друг с другом. И вот за все это я должна перед ней падать ниц? – бурно отреагировала Инна на слова Киры. – Мне, конечно, несколько неловко за мои откровения, едва ли они пришлись вам по нраву, но я знаю, о чем говорю, и не желаю врать. Скажу больше: я вообще не люблю ходить кругами. Дело прошлое, но я не стану подражаться в менестрели и петь Дине хвалебные песни. И нечего искать на полу тараканов! Дело тут ясное: у каждого своя правда... и это так же верно, как то, что меня зовут Инной.

Она говорила по своему обыкновению преувеличенно громко, сопровождая свою речь выразительными жестами, и довольно улыбалась, наблюдая смятение, которое ей удалось посеять среди «кадрового состава» подруг, и несколько секунд нежилась в «лучах» всеобщего внимания. Всем стало неловко. Знали характер Инны, но никто не был готов к такой резкости.

Кира взглянула на Лену: она буквально парализована удивлением. Посмотрела на Инну огорченно. Та – ноль внимания.

– С чего хорохоришься? Думать о людях хуже, чем они есть на самом деле, значит, самой становиться хуже, – изрекла Алла. – У тебя, Инесса, странный способ возобновлять дружбу. Решила поквитаться с Диной за свои прошлые сомнения и неуверенность?

Она, видно, в силу привычки работы со студентами, говорила слегка снисходительно и подчеркнуто на равных. Что-то на миг дрогнуло во взгляде Инны. Но она быстро собралась, и только излишне наигранная беспечность тона, когда она отвечала на замечание Аллы, выдавала ее напряжение. Эмма смерила сокурсницу строгим взглядом учительницы и подумала: «Не цветут фиалки в душе Инны. Так себе человек: горсть самолюбия, две пригоршни гонора». И все же высказалась вслух, тщательно подбирая слова и неодобрительно качая головой:

– Смело интерпретируешь чужую жизнь. Сплошные перевертыши в твоей голове. За что склоняешь Дину на все лады? Чего набросилась? Дорогу она тебе перешла? Зуб у тебя на нее? Твоя душа лишена человеческого присутствия.

Излишняя откровенность Инны, граничащая с вульгарностью, шокировала даже терпеливую Риту, много лет знавшую Инну по совместной работе в НИИ. Ее не покидало неприятное ощущение назойливого вмешательства в чужое жизненное пространство.

«За вычетом до невозможности тоскливой Ани и жутко вредной Инны, все девчонки – прелесть. С чего это Инка завелась? Зло так и распирает ее. Не устаю удивляться, как эти выходки до сих пор не дали повода выставить ее из квартиры. Не могу взять в толк причины такой лояльности. Почему ее принимают без особой враждебности? По крайней мере, внешне. Привыкли? Устали воевать с ней? Картина удручающая. Если такой цирк будет продолжаться и завтра, в присутствии мальчишек, я не выдержу», – подумала Жанна и нервно поежилась. Она выглядела озадаченной.

– Бред несешь. Не впутывай нас в свои домыслы и фантазии. Ты способна ополтить самое лучшее, что есть в человеке. К чему эти ни на чем не основанные выводы? Надо же додуматься до такого! Когда говоришь о своих принципах, ты набиваешь себе цену или просто лишнюю желчь пытаешься излить? Не гони волну. Что за странные эмоциональные перепады? Нелады с психикой? Операцию на мозге перенесла или тебе невмоготу от чужого счастья? Плохо, когда зло управляет человеком. Стремись подпалить крылышки прекрасной свободной бабочке. Резонное предположение? – горячо высказалась Мила. И добавила уже как-то обыденно тускло:

– Вот даже сейчас смотришь на меня и словно спрашиваешь: «Врезать ей на закуску по самое... не хочу?»

«Даже Мила не выдержала. Злоупотребляет Инна нашей добротой и даже признаков смущения не проявляет. Это наводит на мысль, что она не видит в своем поведении ничего предосудительного», – подумала Галя.

Инна даже не повернулась на голос Милы.

– Да успокойся ты, Мила. Не рвись в бой, не вскакивай на бруствер окопа. Это для нашего брата теперь вредно. До человека невозможно донести даже элементарные истины, если он сам не хочет их понять. Не поддавайся на провокацию, Инна нарочно заводит нас. Ей бы в Думе «выступить» вместе с Жириновским, – с улыбкой сказала Лера.

«Далеко не самый приятный сценарий встречи», – подумала Алла.

«Инне уже никогда не быть любимой, вот что страшно. Были бы дети... все-таки отдушина... Ведь только друзья и подпирают, когда тяжело. Последнее время я совсем закрутилась с Андрюшей. Простить себе не могу невнимания к ней...», – мелькнула горькая мысль у Лены.

– Что бы ты, Инна, ни говорила о Дине, я считаю, хорошей она была девчонкой. Почему бы нам не воздать должное красоте? И почему же Дине было не красоваться, при ее-то данных! Красота – тоже талант, и его надо уметь преподнести и использовать. Ты же не станешь корить талантливо написанный художником портрет. Надо отдать Дине должное – божественно хороша была! Но то был внешний, поверхностный признак счастья, а что было у нее на душе – никто не знал. Ее элегантностью и богемным стилем многие из нас тогда восхищались и наслаждались, как произведением искусства. Мне она казалась весенней, майской, а некоторые, должна признать, не могли справиться с хорошо скрываемой жалостью к себе... Помните, как о ней говорили на курсе – «русский бриллиант!», – подчеркнуто невозмутимо заявила Эмма. – Дина получила прекрасное воспитание. Ее называли салонной девушкой: остроумная, компетентная, безапелляционно-категоричная, властная. Она привораживала и побеждала мужчин не богатством, а смехом, юмором, презрительной иронией. Без этой особенности красота ее теряла бы свою внутреннюю музыку, свой шарм. На талантливую едкость нельзя обижаться. Аплодировать надо.

А помните в Дине это странное сочетание веселости и непонятной надменности? Может, оно было продиктовано какой-то глубокой внутренней трагедией? Мы же ничего о Дине не знали. Она не позволяла влезать в свою душу первому встречному, не раскрывалась перед каждым.

Кире при этих словах поддержки удалось улыбнуться.

– Ох, изойду слезами умиления! «Богатые тоже плачут», – отреагировала Инна названием нашумевшего когда-то сериала.

«Инна, очевидно, полагает, что подобного рода нападки возвышают ее во мнении сокурсниц, но на самом деле она роняет себя в наших глазах. Ее «старания» не будут оценены должным образом... Далась мне эта Инна! Осточертела. Какая-то в ней жеманная наглость», – раздраженно подумала Жанна.

Кира остановила Инну жестом и с настойчивой мягкостью продолжила рассказ.

– Да будет тебе известно, Дина никого не хотела обижать своими амбициями, ни себе, ни другим эпитетов не раздавала. А если прилипало, так прилипало. И с этим нельзя не согласиться. Она – красавица, она – царица Диана! Так ведь назвал ее наш историк? – добавила, немного волнуясь, Кира.

– Ангелы рукоплещут ей с небес! Какой чести удостоилась! Еще бы, имя ко многому обязывает, – громко, с истеричной ноткой рассмеялась Инна.

Безошибочно почувствовав непонятную расточительность отрицательных эмоций своей давней подруги, Лена рассудила: «Сбывается пророчество Киры... Каждый человек в любой компании выделяет одного непохожего на остальных, а здесь наверняка все выбрали Инну. И она это чувствует и сопротивляется. Инна привыкла радоваться и расстраиваться одинаково энергично и искренне, поэтому ее не понимают.

Справедливости ради надо отметить – перегибает Инна в оценках чужой жизни. Питает особое пристрастие к преувеличению. Послушать ее, так Дина и взаправду... монстр. Имея грустнейший опыт своей жизни, могла бы и мягче выражаться. Ведет себя совсем как ребенок: чем больше боится, тем яростней нападает. Не всех личные беды делают сострадательными. Непросто устроена жизнь человеческой души. Зачем она отпугивает от себя друзей? Для нее стремление любым способом доказывать свою правоту связано с желанием создавать в себе приток адреналина?»

Помимо желания в Лене все-таки тлела досада на подругу.

Эмма опять уставилась на Инну испепеляющим взглядом. А та не смутилась, с удивлением обнаружив, что ей приятен даже такой повод обратить на себя внимание.

«Нет, вы только подумайте, мало того, что хамит напрапалую, так еще ударяется в крайности и врет. Лгунья, притворщица, насмешница. Нет, чтобы порадоваться за сокурсницу, воздать ей должное», – мысленно возмущается Аня.

– Все студенты как один впились в Дину глазами. Умела она владеть ситуацией, держать внимание ухажеров своей стремительностью, легкостью, изяществом слова... И ее маму я знала. Прекрасный человек, редкий специалист... Не надо завидовать. Не будем трогать эту семью, – строго, как школьницу, осадила Кира Инну.

– Ну, уж этого про меня никак нельзя сказать! Никогда завистью не страдала и в мыслях не держала. Сия чаша меня миновала. Я на такое просто не способна. К зависти мои слова не имеют никакого отношения. Меня воспитывали не стесняться бедности, довольствоваться скромным достатком. Но – ха! – я не испытываю острого желания припасть к руке Дианы. В чем ты меня еще обвиняешь? Можно подумать, я провинилась перед тобой, – надменно заметила Инна, обозревая сокурсниц. И обиженно забурчала:

– Я выступаю за справедливость. Я на самом деле до сих пор не понимаю, что в Дине такого особенного находили ребята.

– Их притягивала ее респектабельность. Мы-то на ее фоне были несколько простоваты, – предположила Лиля.

– Ее красота не вызывала во мне отклика. К тому же Дина мне казалась полноватой. А эта ее ленивая нежная небрежность и насмешливая снисходительность и странные неожиданные короткие вспышки недовольства и гнева! Веселая и общительная? Ей ли, богатенькой, не быть веселой и беззаботной!.. Отчего же они штабелями вокруг нее падали и тупо не сводили с нее глаз? Некоторые девчонки на фоне блеска Дины даже начинали стесняться себя, остро ощущая свое несовершенство, и еще активнее впрягались в учебу или общественную работу, чтобы как-то выделиться... А это ее кокетливое недовольство жизнью, чего оно стоило? Рисовалась, сохраняла таинственное достоинство личности, – с натянутым смешком закончила Инна.

Она говорила не церемонясь, не считаясь с чувствами хозяйки дома. И думала не менее резко: «Говорят только отфильтрованными, отредактированными и проглаженными фразами. Их истинные мысли не подлежат вскрытию и не предназначены озвучиванию. Как же иначе? Они же могут обидеть, оскорбить. Никто из них не отваживается, а я не боюсь выражать свое мнение».

– О штабелях надо было спрашивать у самих ребят в те незапамятные времена. Сейчас, наверное, они уже не смогут вспомнить, что их так притягивало в Дине. Это уже подернутое паутиной прошлое, – чуть лукаво рассмеялась Жанна. – Я лично не чувствовала себя неполноценной рядом с ней, меня не волновали поклонники Дины, у меня с первого курса был свой круг обожателей, который не пересекался ни с чьим.

И всем присутствующим сразу стало ясно, что Жанна спокойна, уравновешенна и довольна своей судьбой.

«Задним числом несложно приписать себе серьезность и расторопность, которых наверняка не было в студенческие годы. Приятно думать о себе как об очень умной и удачливой», – мысленно проворчала Инна.

– ...Дина стала русским брильянтом в датской оправе. Ничего не поделаешь – любовь, –

вздохнула Рита, и ее темные глаза увлажнились.

Инна пружинисто вскочила, наглядно демонстрируя красивые изгибы своего изящного, чуть полноватого, некогда ладного тела нерожавшей женщины. Ее рука, описав в воздухе дугу, принялась энергично молотить узкое пространство между двумя соседками по столу, стремительно отшатнувшимися в разные стороны от бурной жестикуляции сокурсницы.

- Это ты мне рассказываешь? К твоему сведению, я располагаю совсем иной информацией. Не перебивай! Не морочь мне голову. Какая там любовь? Она, как я понимаю, на богатство позарилась. Дина не из тех, кто может быть счастливой в шалаше или палатке. Ее не надо было долго уговаривать сбежать из страны. Никто рук ей не выкручивал, на дыбу не вздергивал, не бил лежащей. Бабушка ее, с детства полоненная роскошью и достатком - бывшая царская фрейлина! - сбивала Дину с пути истинного. Вот и нахваталась она вольных мыслей. В сговоре они были. Захотела внучке заграничного счастья, молодость свою вспоминала и Дине внушала, что ничего не стоят ее нищие обожатели-студенты - эти восторженные провинциалы, вот и получали они отлуп. Обещала ей принца найти. Нашла что-то совсем уж запредельное. Если уж честно сказать, этот её принц - просто удачливый труженик-скотовод и торговец свиным салом. Только и всего!

Кира прикрыла глаза. Это была просьба, мольба, чтобы Инна замолчала.

- Может, хватит? Закругляйся развлекаться за чужой счет, - тихо сказала Галя с ноткой предостережения в голосе. А Мила выставила руки с повернутыми вперед ладонями, как будто таким образом пыталась остановить затянувшееся шоу.

- Жестоко поплатилась Дина за свое желание выделиться, за то, что отреклась от Антона, не распознала, что он - тонко ограненный талант. Она принимала его как часть своего приятного, интересного, но временного окружения, которое назавтра можно будет разогнать за ненадобностью. А ведь он был по уму и интеллигентности человеком из недосягаемой высшей лиги... А может, их разлад и к лучшему? Что хорошего выходит, если соединяются лед и пламень? Результатом драматургии их «плодотворной» жизни могли быть разве что слезы, - опять вылезла со своей гневной отповедью Инна.

Она и теперь говорила с уверенностью и непогрешимостью юности. И в данный момент ее душевный бунт не унимался, а нарастал.

«Самое грустное, что Инну нимало не заботит, что она ставит в неловкое положение своих сокурсниц. Ну не ругаться же с ней? В кого пускает свои отравленные стрелы? В своих же подруг... Непонятно. Воспитанный человек не станет говорить то, что может ранить, обидеть или даже просто задеть присутствующих. Хотя бы из вежливости, из уважения к чувствам Киры держала язык на привязи и маскировала свои эмоции. Дина - ее лучшая подруга. У Инны есть веские основания так себя вести? Маловероятно... Некуда деть неукротимую энергию? Я склоняюсь к мысли, что с большой долей вероятности могу отнести ее к числу своих недругов. Но если отбросить нюансы... нет, все равно» - озадаченно думает Жанна.

Лена внимательно вглядывается в лица сокурсниц, пытаясь считать с них мнение об Инне и ее неуместных разглагольствованиях. Галя смотрит на Милу, та отвечает ей понимающим взглядом, что не укрылось от внимания Инны. Алла и Лера приклонили друг к дружке головы. Похоже, они пытались уяснить истинную причину Инниних нападков на Дину. «В присутствии Инны всем становится неуютно», - заключила она.

«И до Дины добралась. Люди смотрят на один и тот же факт, а воспринимают и объясняют его по-разному. Очень многое зависит от личной точки зрения... Чьими глазами, чьим видением ты пользуешься?.. Это не то, что я ожидала услышать. Не готова я к такому развитию сюжета. Кто способен с ней тягаться?». - Перед мысленным взором Киры возникло лицо Вали. «Она справилась бы с Инной в два счета», - подумала она, одолеваемая дурными предчувствиями.

Кира опять прикрыла глаза, чтобы полностью овладеть собой, и несколько секунд подбирала слова для Инны: что-то насчет неприятных и приятных исключений из правил.

Инна успела заметить, что улыбка на лице Киры слишком быстро сменилась серьезным, даже тревожным выражением. Жанна и Рита тоже обменялись осуждающими взглядами. Эмма сделала легкое движение головой, ей последовал еле заметный утвердительный кивок Аллы. Лена поморщилась. И остальные переглядывались, вздыхали и поджимали губы.

«Только дворянской фанаберии Инке не хватает», – раздраженно поежилась Лера.

«Слишком легко берется судить о малоизвестных вещах. «Откровенность» не должна переходить границы. Инна находится в блаженном неведении о душевном смятении однокурсниц или ей нравится шокировать? Кто знает, в какой интерпретации она доводит другим наши собственные истории. Чуть что – не преминет воспользоваться... Кому приятно, когда тебя честят почем зря? От нее надо держаться подальше», – недружелюбно решает Аня.

«Кто-то очень точно сказал, что такт – это азбука ума. Культура начинается с запрета на хамство. Вульгарная особа, ей только допросы с пристрастием учинять», – сурово думает Эмма.

– Всю желчь слила? Ты отдаешь отчет своим словам? У меня складывается впечатление, что твое левое полушарие не ведает, что творит правое. Зачем ты препарировать чужую любовь? Ты понимаешь, что я имею в виду? – тихо, но веско говорит Рита, раздосадованная «бабским» уровнем беседы, навязанным Инной всему коллективу.

– Я всегда все понимаю и усваиваю на лету, – отрывисто отвечает Инна. – Только, думаю, тебе сейчас неуместно приставать с назиданиями.

И всем стало ясно, что она слегка пристыжена резкой отповедью Риты, но не переубеждена. Она просто обороняется.

– Твоя мысль не пришлась мне по вкусу, – с легким вздохом не соглашается Рита.

Со стороны было очень заметно, что ссоры и споры между ними – привычное (хоть и неприятное для Риты) дело.

«Если бы тебе всегда хватало здравого смысла, и умей ты подавлять отрицательные эмоции и помалкивать – цены бы тебе, Инна, не было», – вздыхает Лиля. А вслух участливо и осторожно спрашивает наугад:

– Что с тобой, Инна? Что тебя расстроило? Случилось что-то плохое? Может, тебе нужна помощь?

«Значит, Кира была права, когда писала о сложном характере их взаимоотношений. Ее утверждение действительно целиком и полностью соответствует услышанному сегодня... И Рите не позавидуешь. Собственно, Инне всегда требовался масштабный конфликт точек зрения. А что сегодня ее так взвинтило? Бьет наотмашь. Хотела на этом заработать больше очков? Вряд ли. В ней так трудно опознать прежнюю Инну», – недоумевает Лена, все еще погруженная в свои далекие от разговоров сокурсниц мысли. Она вздохнула. И этот тяжелый вздох как бы говорил: «И зачем сразу этот гон?.. Может, надо как-то иначе?..»

Инна не отвечает Лиле, но вспыхивает от замечания Риты и, подняв глаза к фотографиям на стене, делает вид, что ничего не слышала. Но почему-то тут же передумывает и нехотя негромко говорит:

– Ну, если ты, Риточка, так ставишь вопрос, то я, уступая твоим уговорам, лучше помолчу. Лицо ее мгновенно разглаживается и приобретает спокойное выражение, с него исчезает чувство превосходства, словно и не было неприятного разговора.

Слова Инны прозвучали столь неожиданно, что Жанна обрадованно подумала: «Как мило с ее стороны не продолжать эту тему».

Но Кира не уверена в том, что Инна смирилась и осознала себя неправой: «Ну да, как же! Так я и поверила. Это не безоговорочная капитуляция, а ход конем». Она также краем глаза заметила, с каким неодобрением Эмма посмотрела на Инну, будто ясно давая понять, что ее не приглашали, что она здесь чужая. Она тоже не верила и ожидала

нового витка раздражения, но тактично промолчала, заранее зная, что незваную гостью ее слова не остановят.

«Дважды за одну вину не взыскивают. Хватит Ритиной критики», – решила Кира, страшась, как бы на этот раз мелкая ссора не превратилась в словесное побоище. Она чувствовала себя ответственной за все происходящее в ее квартире и старалась держать ситуацию под контролем. «Рита сильно рискует, ввязываясь в спор с Инной», – настороженно думает она.

– Слово за тобой, Кира. Во многих отношениях мне полезнее послушать тебя, – с фамильярной, несколько даже ехидной интонацией говорит Инна, а сама покаянно смотрит на Лену.

Кира выдавила светскую улыбку, надеясь, что она получилась убедительной.

«На ее лице застыло несмываемое выражение благожелательности», – про себя презрительно хмыкнула Инна, с трудом подавляя смехок.

– ... Я это к тому, что Дина некорыстолюбива и не помышляла о деньгах. Свобода ее манила. Она стремилась в мир, в котором можно было говорить обо всем, хотела быть с теми людьми, с которыми приятно, а не с теми, кто полезен, – опередив Киру, жестко отрезала Рита, будто вызов бросила.

А Кира спокойно, намеренно сухо продолжила свой рассказ:

– Когда Дина родила двух девочек, то успокоилась, но так и осталась неприрученной. В Дании она была одинока и не так счастлива, как могла быть счастливой в Союзе. О родителях думала, скучала по ним, по родным краям, по друзьям. Крепко держали незримые прочные нити, связывающие ее с Родиной.

Мне кажется, Дина поняла, что свободный мир надо было строить в своей стране, что она оказалась на обочине всех происходящих у нас событий, и поэтому чувствовала себя выброшенной из гущи великой истории. К тому же она осознала, что люди и взаимоотношения между ними, с учетом некоторых поправок на культуру и уровень жизни, везде одни и те же... Потом я потеряла связь с Динной. Жаль, конечно, увидеться хотелось бы. Хорошей она была девчонкой, хоть и богатой. И теперь, я думаю, не пропала ее доброта. И красота не растерялась: остались, наверное, веселые глаза и милые ямочки на щеках, – улыбнувшись, добавила Кира.

Ее ровный спокойный голос немало бесил Инну, но она терпела хозяйку и устало думала: «Опять хандра нагнала меня. Съедает тоска с потрохами. Когда горячая волна обиды на судьбу ударяет в голову и увлекает в пучину неудовлетворенности и недовольства, на меня накатывает, я завожусь и чувствую себя в ловушке. Собственно, это не худший вариант, когда здоровье ни к черту... посуду пока не бью, с кулаками на людей не кидаюсь. Вот тогда-то у меня был бы непрезентабельный вид... Конечно, мне стыдно за трусливое желание избежать отчаяния посредством не слишком контролируемых вспышек ярости. Лена отнеслась бы к этому с пониманием, расскажи я ей... Сегодня я еще более-менее сносно чувствую. Сама струхнула, что не смогу затормозить, как тогда...»

– Может, поначалу Дина и не считала себя счастливой, да только, я думаю, с возрастом она все-таки оценила свое счастье. Любовь мужа для женщины значит слишком много и часто затмевает привязанность ко всему остальному... Когда дочки подросли, смогла ли она найти свое место в заграничной жизни и применить свой приличный багаж знаний? Вот Галка Рязанцева, та самая шустрячка, которая вышла в печально известном шестьдесят восьмом году замуж за чеха, тоже растила двух дочек, но еще сумела устроиться в министерство культуры Чехословакии. Все культурные связи с нашей страной были в ее руках. Без ее бурного темперамента у них не происходило ни одного более-менее приличного культурного события. Такие прекрасные известия просто оглушают. Я горжусь своей подругой, – с достоинством поделилась Рита. Ее строгое чернобровое лицо осветила широкая лучезарная улыбка, глаза молодо заблестели.

И Лена вдруг вспомнила, как на первом курсе ее поражала Галкина удивительная легкость в общении со всеми. О самых привычных прозаичных бытовых вещах она умела говорить весело, с юмором. «А из моих уст то же самое звучало примитивно, постно,

дубово или наивно. Я была слишком зажата, но, понимая свои недостатки, пыталась учиться тому, что не заложила во мне природа или не раскрыли, не раскрепостили воспитанием взрослые».

- Галкиной неукротимой энергии хватало и на нашу, и на ее вторую родину. Она такую деятельность развернула, что там только дивились. Покорила не только словаков, но и чехов своей жизнерадостностью, обаянием, легким, но напористым характером. Наверное, про таких женщин сказал знаменитый физик: «Миром правит энергия», - пошутила Кира.

- Этак мы и до рассуждений об энтропии доберемся - фыркнула Инна, но воздержалась от дальнейших разглагольствований. Побоялась снова задеть Киру: «Спокойная, спокойная, но так может осадить, что мало не покажется».

- И почему бы им, если, конечно, хочется, не выкроить пару денечков и не посмотреть, как живут их бывшие сокурсники? - мечтательно, словно сама себя, спросила Жанна.

- У Галки двойное гражданство, и пока была жива ее мама, она каждое лето приезжала в Союз. А сейчас у нее самые большие проблемы со здоровьем, - объяснила Рита.

- А Дина так ни разу и не приезжала на родину? - спросила Жанна, обращая свой вопрос Кире.

Рита резко махнула рукой в знак того, что об этом нечего и думать. Лера неопределенно пожала плечами. Проследив поднебесный взгляд Жанны, Инна взорвалась:

- Ну, если уж на то пошло, не ждите от меня поблажек! Никому я подыгрывать не намерена... Что за бредовый треп? Каким ветром ее к нам занесет? Ха! Потерпите немного, с минуты на минуту явится! Я умру от смеха. Прикольно!.. Я тут грешным делом подумала, вряд ли у Дины теперь найдется много общего с нами, нищими. Считаешь, удостоит нас своим присутствием? К ней теперь и на пьяной козе не подъедешь. Вы только подумайте, какая пропасть разделяет нас. Их страна на первом месте по уровню жизни. Годы, на протяжении которых Дина была отлучена от нас, наверняка сделали свое пагубное дело, - вернула Инна разговор в свое прежнее русло. Она напряглась, взгляд сделался колючим. - Представляю, будет глядеть на нас с истинно королевским достоинством, мол, у меня муж миллиардер! А если бы можно было попросить у нее денег в долг, так точно ответила бы: «Ссудить денег? Да не вопрос, если не будешь относиться к этому как к спонсорской помощи, то дам», или вообще сказала бы, что нет денег, что все они вложены в расширение и модернизацию бизнеса. Так все капиталисты говорят, - хладнокровно завершила Инна.

«Видно, решила рта сегодня не закрывать. Испытывает удовольствие, смакуя подробности чужой жизни?», - подумала Алла, подняв на Инну большие, выпуклые под сильными линзами глаза.

«Опрометчивое, неосторожное замечание. Ну что же, стойко снесем и эту дерзость. Мели, Емеля, твоя неделя. Ой, Инна, ты еще пожалеешь о своих словах, еще как пожалеешь! Горю желанием увидеть гоголевскую сцену из «Ревизора», - Кира невольно расплылась в улыбке и почувствовала некоторое расслабляющее облегчение.

«Нет, все же совершенно не похожа на себя Инна. Создается впечатление, что болезнь несколько... - прости меня, Господи - деформировала ее психику. И ведь не усмиришь недовольство девчонок ее поведением, пока не объяснишь причину ее выходок... Но она не позволит. А спор сам по себе не сулит благоприятного исхода», - думала Лена.

Неожиданно ее внутреннему взору открылась картина болезни отца подружки Люсенки. Он абсолютно не контролировал свое поведение, ходил в туалет, не снимая брюк, и тут же садился за стол обедать. Нес несусветную чушь... Лена в ужасе напряглась. «Нет, минует Инну такая жалкая участь...» - испугалась она своих мыслей и попыталась сосредоточиться на разговоре подруг.

- ...Вдруг она на ветер пустила все состояние мужа и преподнесла это ему в лучшем виде или злой дух от скуки разлучил их? Тоже вариант. А мы, как у нас водится, превозносим тех, кого долго не видим. Да что там говорить, любая жизнь трагично-комичная. А вдруг ее муж оказался низкопробным негодяем? И поделом ей... Что, я нелепость сказала? -

«тормозясь» под взглядом Киры, закончила Инна. – Лично мой интерес к Дине давно остыл.

«Как бы «поговорил» в такой ситуации с Инной наш слесарь из ЖЭУ? Врезал бы ей в ответ зарядом матерщины, чтобы не возникла. И никакой поблажки на пол и возраст. А нам нельзя, мы интеллигентные...» – подумала Жанна.

«Ни в чем не знает удержу. С чего это она окрысилась на Дину, кому нужны ее подлые выпады? И как теперь прикажете называть Инку? Злючкой? Было бы лучше, если бы она держала свое более чем странное мнение при себе», – молча ошеломленно пожалла плечами Кира.

Последнее предположение о ветренности Дины добило ее окончательно. Она собралась ответить обидчице в весьма жесткой форме, но Рита опять опередила ее.

– Остыл интерес? Какое облегчение! Между прочим, в приличном обществе приличные люди не повышают голос и не говорят об отсутствующих дурно. Я, конечно, имею в виду интеллигентных людей, – заметив тревожное нетерпение присутствующих, сердито прервала она жесткий комментарий Инны. А про себя заметила: «Инке везде тепло, светло и мухи не кусают. Что за непроходимая дремучая тупость нападает на эту чертовку, когда ей хочется «повыламываться» перед нами? Откуда в ней эта странная, неинтеллектуальная рефлексия? Ведь интеллигентность – это, прежде всего, способность понять другого. И ведь неглупая в общем-то.

И раньше, когда работала, была такая же ненормальная, хлебом ее не корми, только дай о ком-либо посплетничать или заняться моральной обструкцией, но как-то без злости, словно из любопытства. Все-таки кавардак какой-то у нее в мозгах. Видит то, что хочет видеть, а совсем не то, что носит человек в своем сердце. Бредит только пакостями. Просто патология какая-то. И ведь протестуй не протестуй – не поможет. Можно подумать, что говорит не об однокурснице, а о какой-то неопределенной фигуре с темным прошлым. Не понимает, что подобные слова, произнесенные не ко времени, могут даже судьбу человека сломать... Все мы подвержены маленьким женским слабостям, но не в таких же астрономических масштабах...

Сейчас в ней говорят мимолетные вспышки ревности стареющей, несчастливой в браке женщины к успехам подруги или она сгорает в обжигающем воздухе чужого счастья? Обычная бабья зависть лезет из нее? И в студенчестве каждый чужой прекрасный ответ на семинарах она воспринимала как личное оскорбление, как обиду. И потом в НИИ стремилась стать лучше всех. Без сомнения, отличалась выдумкой, вкусом. Собственно, это всё похвальные качества, если бы не ее излишняя настырность. Вечно в глаза лезла.

Насколько я знаю, она может искренне посочувствовать, если кому-то плохо, но совершенно не выносит, когда кому-то незаслуженно, как ей кажется, хорошо... Стремится хоть как-то заполнить свою жизнь и внести в нее разнообразие? Только к чему нам ее неумный «духовный стриптиз»? Лучше бы попридержала свой стержневой язык. Выдала себя с головой, обнажила грязную сторону своей души. Если бы она была наполнена не отбросами будней, а чем-то более возвышенным, ее можно было бы слушать. Чем же она так обозлена? Что ее так раздражает и выводит из себя?»

Все эти вопросы огнем пылали в мозгу Риты. Жанну тоже покоробили слова Инны, и она подумала с грустью: «Инна очень довольна тем, что ей представилась возможность высказаться?.. И она еще без всяких-яких пытается оспаривать свое право на посещение этой компании! Разве можно навязывать свое присутствие тем, кто не желает тебя видеть? Я человек невоцерковленный, но мне хотелось бы посоветовать ей судить о людях не с ненавистью или безразличием, а с любовью и жалостью. Ей же самой от этого стало бы легче. Вот смотрю на нее и вспоминаю одинокого лермонтовского демона, который «сеял зло без наслажденья»... А мы еще, случается, утверждаем, что человек – венец творения, что каждый человек – вселенная. Далеко не каждый. Долго еще нам идти к совершенству».

И даже страсть Лены к наблюдениям после монолога Инны на некоторое время замерла в ней. «Виртуозно вырубивает на нужное ей направление. И не сказать, чтобы при этом сильно смущалась... Ей ли доискиваться до истины в чужой судьбе? Это же путешествие в незнаемое», – озадаченно думает она о подруге и незаметно пытается делать ей предостерегающие знаки.

- А может, давнишней мечте Дины и впрямь суждено было осуществиться и она безмерно счастлива без слез и раскаяния, - мечтательно закончила Жанна язвительную речь Инны, пытаясь смягчить накал разговора.

Она чутко держала сторону хозяйки дома. Мнение Киры казалось ей достоверней и важней ее собственной памяти, и поэтому она тут же подумала: «Неприятное направление принимает наш разговор. Зачем Инна втягивает нас в свои бредни? Ей хочется выпендриться как подростку? Так и норовит погладить кого-нибудь против шерсти. И это называется наслаждаться беседой на равных? Строго говоря, чистое безумие продолжать Инне препирательство. Она не вправе понуждать Киру к откровенности. Все-таки шило у нее в некотором месте. Пришла в гости и платит хозяйке черной неблагодарностью. Это бестактно по отношению к Кире. Отравляет всем хороший настрой... Вопрос здесь, наверное, в другом: как и в былые годы, все у нее сводится к деньгам.

Тоже мне прорицательница выискалась. Почему она не в духе? В ней, как и в юности, говорит тревожная зависть к женщине, до бесспорной элегантности и блеска которой ей явно было не дотянуться. Причину этой неприязни, наверное, стоит искать не только в теории всеобщего соперничества... Кондовой Инка стала, совсем потеряла способность мыслить парадоксами. Раз перестала понимать юмор, значит, стареет. Так ведь можно и честь, и совесть, и справедливость оставить за воротами жизни - невоспринимаемая мысль для людей нашего поколения...

Я бы не отважилась вторгаться в личную жизнь подруг. На то она и личная. Попробуй я вмешаться... А если Инка разойдется - так мало не покажется. Можно подумать, до ее мозгов цивилизация еще не добралась или не застала их дома. У нее и меня повернется язык обсуждать. То-то ей счастье будет размяться на новенькой, если я не смолчу. И гореть мне в адовом огне ее измышлений, особенно если захочет столкнуть лицом к лицу с недоказуемым прошлым. Стать предметом ее пересудов - это уж слишком! И ведь ничего не предпримешь ей в пику. Ведет себя, точно неуязвимая. Разве ее переговоришь-переиграешь? Увы, нет... Не хватит мне духу с ней воевать, пусть другие ставят ее на место. Мне в таких ситуациях проще передвигаться на цыпочках и подальше от нее. А почему бы и нет? Собственная незамазанность мне дороже.

Мне не в чем себя упрекнуть. Мое дело маленькое, я предпочту помалкивать, не задевать дикого вепря. В этом мое преимущество и моя польза для нашей компании», - подумала Жанна, решив таким образом обезопасить себя на все непредвиденные случаи сразу. Она стала успокаивать себя и настраивать на положительный лад привычными, проверенными временем словами тренинга: «Что бы Инна ни сказала, настроение она мне не испортит».

- Инна, ну зачем ты так? Без ножа меня режешь. Я не разделяю твоей убежденности. Думаю, Дине хватит мудрости и любви к прошлому, чтобы, если представится возможность, с радостью встретиться с нами, - укоризненно заметила Кира с невероятной деликатностью в голосе и посмотрела на Инну печально и задумчиво, точно страдая от тайной боли за свою сокурницу, которая бредила ей сердце. Она тут же подумала: «Наверное, неожиданное появление Дины вряд ли обрадует Инну. Ну и пусть, не для нее приглашала».

- Помяни мое слово, если... - снова нарушила Инна едва обретенное равновесие. Но ее уже никто не слушал, потому что Лена радостно воскликнула, осторожно вынимая фото из дугообразных уголков старинного альбома.

Антон

- А вот и Антон - всеобщий любимец! Он, как всегда, рядом с Диной. Они друг друга стоили, были звездами одной величины. Удачно сложилась его судьба? Помнится, он обожал Дину, на коленях перед нею стоял, преподнося трогательные свидетельства своей любви с таким видом, словно дарил ей свое счастливое сердце, с ума по ней сходил, буквально из кожи лез, чтобы угодить ей. Ее оценки во всем для него были определяющими. Бог свидетель, как-то сказал мне грустно: «Я связан по рукам и ногам одним только фактом ее существования... Настоящей любви не страшны ни разлуки, ни беды».

Когда на лекциях он смотрел на Дину, на лице его была такая счастливая, застенчивая улыбка! В ее сиянии хотелось воспарять в грезах. Это его ощущение прекрасного юношеского счастья я сохранила в себе навсегда. Он для меня так и остался на пьедестале... Я только могу догадываться, насколько важную роль в его жизни играла любовь.

Антон был такой глубоко драматичный, тонкий! Рядом с ним невозможно было произнести грубую фразу или назвать кого-то плохим тем словом, которое он на самом деле заслуживал. Может, поэтому он держался несколько в стороне. Мне представлялось, он был постоянным немым укором для некоторых ребят, не созревших для серьезных чувств. Я слышала, что Антон родом из маленького провинциального городка, с детства был счастливым, баловнем, избранником судьбы - рос в надежных отцовских объятиях, грелся в лучах его одобрения, всегда был при деле, гордился своими интеллигентскими корнями. Отец понимал, что лидера надо воспитывать, и поддерживал его с раннего детства, поощрял желание сына быть первым. Редко кому так везло.

Лена радостно вздохнула и незаметно утерла соскользнувшую слезу. Как иногда бывают чувствительно приятны воспоминания юности!

- Антон - птица высокого полета, и теперь его старенький отец лишь тень своего знаменитого сына, - сказала Мила.

- Как я уже поняла, принц потерял принцессу. Дина сыграла в его жизни драматическую роль. Не сложилось у них, не состоялось. Нашумевший роман не имел продолжения. Два равновеликих человека не нашли дорогу друг к другу. Жаль, они были великолепной парой - оба неотразимые. Кто кого из них оттенял?.. Как сложилась карьера Антона? Я слышана об его успехах, но как-то общо и расплывчато. Какие интересы превалируют сейчас в нем? Настигла ли его новая, не менее прекрасная любовь?

Лена, предвидя самые развернутые рассказы и пояснения о безусловном любимчике курса, настроилась слушать долго и внимательно.

- Антон - фигура легендарная в наших кругах. Что выделяет его среди нас? Он Божьей милостью ученый, прирожденный физик с выдающимися интеллектуальными способностями. С самых первых шагов в науке был удивительно пытливым, творчески глубоким. Достойный ученик своих учителей. Неординарный человек, с переизбытком наделенный талантами, и прекрасными качествами души. Неугасимый огонь познания всегда толкал его только вперед - он с ним родился - и не позволял жить обыденно, тривиально, - начала рассказ Кира.

- Ему не давало покоя ощущение, что он должен быть победителем, - скороговоркой вставила Инна.

- Кто бы сомневался. Не вижу в этом ничего дурного. Он понимал меру своего таланта и старался не изменять ему, стремясь с каждым новым научным шагом выйти на более высокий виток творчества в достижении собственного совершенства. Ведь понимание глубины и тонкостей приходит с опытом. Это главное, чем он побеждал.

Его научные работы говорят сами за себя. Шел к своей цели, ни на минуту не сомневаясь в успехе. И успех сопутствовал ему. Слова его никогда не расходились с делом. А потом уже и положение обязывало держать себя на уровне «высших мировых стандартов». Помнишь, Лена, его присказки: «Право считается одним из лучших надо постоянно

доказывать. Чувство удовлетворения от сделанного оправдывает все усилия». Он работал не для власти, не для ливреи, он любил все, что делал. Шлифовал свой талант в Москве, может, поэтому быстро пошел в гору. В историю нашего города вошел уже тем, что создал научно-исследовательский институт нового типа, занимающийся разработкой самых современных технологий.

- Сам подсуетился, а некоторые все выискивали, кто стоит за его успехом, напористо доказывали, что просто так в нашей жизни ничего не случается. Много кривотолков вызывал, - с нервным смешком подала реплику Инна.

- Потом Антон пришел к необходимости вступления в партию, и это при том, что он не из тех, кто поет с хором или с чужого голоса.

- Где безликая масса, там заканчивается Человек, - процитировала кого-то Инна в непонятно какой связи.

- В противном случае - ты же знаешь - ему не видать бы директорства как своих ушей, - не меняя тона, продолжила характеризовать Антона Кира.

- И это все, что ты смогла о нем сказать, и больше из тебя не вытянуть? Меня это наводит на грустные размышления. Антон не способен терпеть рядом с собой ни советчика, ни руководителя. Не любит соперничества. Он как одинокий волк!

- Скорее как одинокий благородный лев, - улыбнулась Рита.

- Я, конечно, не настаиваю на этом, но он не мог выносить даже заместителя. А как же тезис: чтобы уметь руководить, надо уметь подчиняться?»

- Смотря кому. Заместителю, которого ему навязали? Не передергивай, Инна. Антон не готов был подчиняться ничтожеству, пусть даже если его «спустили сверху», - пояснила Рита. - Сначала спасался от зама самоиронией, а потом поставил его в такие рамки, что тот сам пожелал сменить место работы. Слишком бледно он выглядел на фоне остальных сотрудников.

- И все же выбирать руководителя коллективом - сущая нелепица. Но ведь тогда было модно, - вставила свое замечание Инна.

- Не приходится сомневаться, что Антон очень четко проводил демаркационную линию «специалист - неспециалист» и в этом плане обладал феноменальной проницательностью. Это было для него делом чести, потому что лучшим своим достижением он по праву считал свой институт и его прекрасных сотрудников.

Лена слушала рассказ Киры и сравнивала Антона с директором своего института.

- Антон быстро заявил о себе в полную силу как талантливый руководитель, способный объединять людей, безупречно согласовывать их действия. Он удивительно органичен в этой роли. Четко выстраивал свою политику, не делал пустых ходов, потому и не попадал впросак. Все задуманное ему удавалось. Он не суетный, не любит публичности. Никому не приходилось перебарывать его начальственное самолюбие, потому что он простой и воспитанный. Не представал перед сотрудниками «во всем грозном величии своей должности». Говорил, что не может позволять себе, чтобы его настроение влияло на решение не только глобальных вопросов, но и проблем отдельных людей. А все потому, что он чувствовал интерес к каждому человеку и в каждом искал личность. Знал границу, до которой можно спорить или пытаться заставить изменить свое мнение. Власть не растлила его, что теперь нечасто случается. Как-то сказал: «Опережать друг друга надо только в хороших делах». Антон жил жизнью коллектива. Люди чувствовали его дружеское расположение, верили ему. Именно в своем НИИ он высветил все грани своего таланта.

- Так ведь под себя людей подбирал, - выстрелила мелкой картечью неугомонная собеседница.

- Наверное, Антон знал слова Петра Кропоткина: «Главная задача руководителя - не мешать знающим людям работать», - сказала Жанна.

- Порядочный, честный...

- ...До определенного предела... за которым честность больше похожа на глупость, - хитренько уточнила Инна.

Лицо ее выражало удовольствие и восхищение собой.

- Прекрасную карьеру сделал исключительно благодаря самому себе. У него богатый послужной список. Ему отведено лидирующее место в науке, и оно соразмерно его данным. Он сделал головокружительную карьеру. На такую высоту никто из наших ребят не поднялся. Иного результата я от него не ожидала. Но продиктовано это было еще и обстоятельствами, тем, что все у него удачно совпало. Антон - баловень судьбы. (Кира, наверное, трудности в работе мужа вспомнила).

- Как правило, удача бывает следствием многих правильных последовательных выборов и поступков, - заметила Лена.

- И что в нем совершенно замечательно, так это то, как он умел оказаться в нужное время в нужном месте, подстроиться и встроиться, принять меры предосторожности. Он не склонен к непродуманным инициативам и никогда не лез на рожон. Держал руку на пульсе. Он - яркое свидетельство эпохи, - по-своему объяснила Инна карьерный рост Антона.

- И ты, Кира, считаешь, он феномен чистой харизмы? Я бы серьезно подумала, прежде чем ответить, - добавила Инна, и легкая улыбка заиграла на ее пухлых губах.

- Велика сила заблуждения! Временами я думаю, что в тебе слишком много скепсиса, и мне хочется оградить тебя от огорчений. Я не стану уточнять, что ты подразумеваешь под «влиянием харизмы», но в одном ты права: у Антона резонансное совпадение со временем. В нем его квинтэссенция, - спокойно отреагировала Кира. - И в девяностые, когда происходили мучительные роды нового государства, когда всех терзала нестабильность, безысходность, он не вышел в тираж, не пропал и, правильно выстраивая отношения с властями, избегая «острых ситуаций», сохранил институт - главный труд своей жизни, потому что чувствовал особенность того времени. Без сучка и задоринки, на пять с плюсом перенес перестройку, не очень она ему повредила, если сравнивать с другими научными заведениями такого же типа. Не позволял ситуации выйти из-под контроля. А мог бы запросто отказаться от борьбы. Сам быстро перестроился и преподал урок другим. Сумел призвать под свои знамена многих.

- Еще бы! Ему-то с его характером и перестать ловить мышей? Да ни в жизнь! Не умеет работать вполсилы. Надо признать, все, что касается его работы - не подлежит сомнению. Масштаб им содеянного не позволит забыть о нем, - высокопарно согласилась Инна, не найдя к чему придаться.

- И сейчас, когда нынешняя наука переживает отнюдь не лучшие времена, он не отошел от дел, в НИИ заправляет, чувствует устойчивый спрос и предложения. Даже умудряется выбивать деньги на квартиры самым ценным сотрудникам. Он в прекрасной форме. И по-прежнему работать в рамках его проектов одно удовольствие, потому что он реально оценивает потенциал каждого сотрудника и во главу угла ставит не только ум, но и похвальное трудолюбие, порядочность. Между прочим, первое, что бросается в глаза, когдаходишь в его кабинет, - так это простота и изящная скромность обстановки.

- Скромность в быту украшает не только тиранов, - хихикнула Инна. (О ком это она?)

- Опять посыпались награды. Как раньше сказали бы: пламя, зажженное в его груди, с годами не гаснет. (Красиво изъясняюсь?) С простым достоинством несет свой талант. Недалек тот день, когда в членкоры АН попадет. У него многое чего еще впереди, и это радует. Всегда кажется, что герои и таланты рождаются где-то далеко, а не рядом с нами, - сделала некоторое пояснение к рассказу о карьере Антона Кира.

- А прежде ничем не отличался от прочих отличников, разве что язык был хорошо подвешен. Права, как мне казалось, был спокойного, незаметного, - снова высказалась Инна.

- Сдержанный и основательный был с юности, - уточнила Рита.

- Твоя внимательность похвальна, - оставила за собой последнее слово Инна.

- Начну вот с чего: чтобы лучше понять Антона, стоит упомянуть тот факт, что причина его успешности помимо всего прочего заключалась еще и в том, что он не считал других глупее себя, - весомо и, похоже, с удовольствием сказала Рита. - Его прелесть, можно сказать, изюминка, состоит еще и в том, что он никогда не заострял внимание на своих прекрасных способностях, обеими руками отмахивался от почестей. Не кокетничая, говорил, что «и без моего скромного содействия много чего хорошего происходит в нашем институте».

Иногда талант бывает много выше душевных качеств человека, но у Антона они равновелики. Всегда мог успокоить, рассеять страхи, поддержать, подсказать. Помню, мгновенно распорядился восстановить меня на работе, когда в начале перестройки заведующий нашей лабораторией решил то ли сэкономить на мне, то ли пристроить кого-то из своих.

Рита в одном отделе с Антоном начинала работать, и многие годы, как она любила выражаться, «они жарились на одной сковородке».

- Это в нем, несомненно, присутствует, - подтвердила Кира.

«Ритка не бог весть какая шишка, а туда же... примазалась, присоседилась. Было бы с чего задирать нос, - с ревнивым раздражением подумала Инна. - И ей, оказывается, тоже было трудно противостоять его ласковой напористости».

- Он настолько теоретически широк и глубок, что мне казалось, ему были тесны рамки нашего университета. За ним охотились, его наперебой зазывали к себе многие вузы, как говорится, и Москва была бы у его ног.

- Есть поговорка: «Если ты преуспел в Москве, то можешь добиться успеха везде», - сказала Аня.

- Но он не колебался, какому учебному заведению отдать предпочтение, остался верен родному университету. Не думаю, что не нашел ничего достойного внимания. Никогда себя никому не предлагал. Наверное, считал, что здесь ему есть что терять. Может, корни его тут были слишком глубокие или четко понимал, что здесь он нужнее. Не мне судить, - продолжила Кира.

- Жизнь - череда событий, череда выборов, и Антон, как я уже успела заметить, умел выбирать, вот поэтому, наверное, никто не сумел его переманить, - внесла свой скромный вклад в рассуждения Жанна.

- А может, сам не полез выше, осознав, что может потерять и то, что уже имеет. Где Москва, а где мы. Понял, что на гения не тянет. У меня на родине говорят, что лучше быть королем в деревне, чем пешкой в городе. Но он, похоже, не прогадал, - не утерпела съязвить Инна.

Она не могла не позволить себе поддеть Жанну, не ответить ей в пику. Слишком легко и просто та шла по жизни, несмотря на многое плохое, что творилось вокруг нее. Инна усмехнулась над собой, заметив, что и против Жанны у нее кое-что нашлось. Она нехотя признавала и ее сохранившуюся красоту, и какую-то невинную искренность, но ей было приятно сознавать, что в споре Жанне с ней не тягаться.

- Только ты могла пойти туда, не зная куда, - бросила Рита упрек в сторону Инны. - Ну что с тобой опять происходит? Не устаю тебе удивляться.

«Зачем Инка ехидничает? Прежде чем так говорить об Антоне, надо десять раз подумать. Меня не волнует, что она вложила в свои завистливые слова. «Одни всю жизнь видят только лужи, а другие - солнце в лужах», - подумала Жанна и брезгливо передернула изящными плечиками.

- Наша молодость совпала с мощным всплеском науки, то было время физиков. Антон был не просто его частицей, он был знаком, определяющей приметой, факелом. Он любил и ценил время, в которое жил. То же самое я могу сказать и о других профессорах - наших бывших однокурсниках. О таких людях, наверное, говорят - столпы земли Российской. Физики - не артисты, о них в прессе ярких слов не услышишь, шквалом

аплодисментов и дождем из букетов цветов их не осыпают, так хоть между собой мы дадим достойную оценку их трудам и талантам, – улыбнулась Кира.

– О! Даже ты впадаешь в велеречивое восхваление, – удивилась Инна.

«Есть в Кире какая-то необъяснимая прелесть. С неподражаемым изяществом умеет она придать характеристике человека нравственную весомость, поднять на такую моральную высоту, что никакие щипки и ехидные замечания не смогут его опорочить. И это не проявление светской обходительности и любезности. Ее добрые слова идут из глубины души. Она всем дарит свое расположение, но далеко не в равной мере», – подумала Лена, внимательно вслушиваясь в интонации голоса подруги.

– Антон – яркий, эlegantный, всегда держится с достоинством, возможно, потому, что достоинство окрашивает любую жизнь в четкие конкретные тона. В любой компании он в главной роли.

– И, похоже, вошел во вкус, – рассмеялась Инна.

– Он как молодой дуб – прямой, крепкий, кряжистый... – улыбнулась Лиля.

– И развесистый, – хихикнула Инна.

– Этот «оплот величия» с невероятной осторожностью и заботой обращается с людьми, потому что самая надежная дружба рождается в совместном преодолении трудностей, – заметила Рита, не приняв шутливый тон.

– Ни одного темного пятнышка! Виват, король, виват! – воскликнула Инна.

– Он ведет насыщенную интеллектуальную жизнь. Живая легенда, но не одержим честолюбием. Знания – вот главная цель его жизни.

– Ради знаний наши далекие предки отказались от рая, – усмехнулась Инна.

– И Антон любит повторять: «Человечество создано желанием познавать», – напомнила Рита.

– А об остальных аспектах жизни Антона я не информирована и потому воздержусь от каких бы то ни было замечаний. Не вижу причин для вторжения в его частную жизнь. Никогда не позволяю себе распространяться о том, чего доподлинно не знаю, и с сомнением отношусь к рассказам, переданным через третьи руки, – деликатно отстранилась Кира от комментариев личной жизни сокурсника, предвидя Иннины шпильки на ее любимую тему. – Как ты, Лена, уже слышала, Антону не суждено было соединиться с Диной, не пошли они рука об руку по жизни. И хотя бабушка Дины, от которой зависело ее благосостояние, на самом деле была противницей этого брака, я не считала ее виновницей их несложившегося союза. Антон никогда не был уверен в чувствах Дины к нему и оказался прав: малейшая случайность – и он на самом деле упустил ее навсегда. Все это до известной степени прозрачно и продиктовано не высоколостью Антона или отстраненностью Дины – так сложилось, так легли карты – и быть по сему. Не нам это обсуждать и не нам менять, – веско закруглила свой рассказ Кира.

– Что до меня, я тоже не осведомлена о его частной жизни после университета. Эта сторона его «деятельности» меня не интересует, – поддакнула Эмма, строгая седовласая дама. – Если тебе нужны точные сведения, советую обратиться к самому Антону, но заранее предупреждаю: не дави на него, он скуп на подробности.

Последние слова были произнесены с нажимом и таким тоном, что Лене сразу расхотелось продолжать свои расспросы. Видно было, что подруги не хотели касаться этой темы и не желали озвучивать ни одну из известных им версий. Сплетни не достойны внимания уважающих себя людей.

«А с другой стороны, молчанием они только разжигают любопытство. Что в Антоне такого, что отличает его от остальных однокурсников? Я бы предпочла услышать мнение Киры, а лучше бы из первых уст, но не от Инны, которая, насколько я понимаю, не потерпит, чтобы не разродиться своими «знаниями», не наговорить всякой всячины», – подумала Лена, водрузила на нос очки и стала рассматривать фотографии в очередном

альбоме.

Часть гостей разделилась на обособленные кучки и вела интересные только им разговоры, остальные поглядывали на Киру, как музыканты на дирижера, способного в любой момент направить оркестр в нужную тональность. Лена, листая альбом, невольно прислушивалась к тому, о чем довольно громко шептались сидевшие от нее по правую руку Рита и Жанна.

- ... Высокая наука - удел избранных. Теория, которой хотел заниматься Антон и в которую влюбился с первого прочтения, была престижной, но к тому времени уже сформированной, и сделать в ней что-то новое - означало подскочить выше голов корифеев.

- Мне сразу вспомнился наш сокурсник Далинин, который вознамерился «перепрыгнуть» Эйнштейна. Не знаешь, чем ознаменовался его «великий труд»? - отвлекла Жанна Риту от генеральной линии ее рассказа.

- Жена у него оказалась очень деловой и реально оценила возможности и перспективы своего упертого мужа. Сумела его переориентировать. Он по другой теме защитил не только кандидатскую диссертацию, но и докторскую, - ответила Рита скороговоркой. - Не о Далинине, об Антоне сейчас речь. Об Аркаше, если тебе интересно, я расскажу особо.

Сначала небольшое отступление. Делать личный внятный выбор из нескольких, казалось бы, четких дорог всегда трудно. Когда ты стоишь на бездорожье, да еще в распутицу, бывает намного проще. Здесь все сводится к тривиальному везению. Ухнул, куда вывезет, и всё тут. Так было со многими из нас, ты же помнишь распределение.

А насчет корифеев... Отцы-основатели этой теории, увешанные многочисленными знаками отличия, говорили Антону, что «не так-то просто на ходу вскочить в поезд, летящий на большой скорости, к тому же еще если все места в нем уже заняты». Но он успел вскочить на подножку последнего вагона и не слетел с нее до сих пор. Сумел нащупать в своей теме новое, потому что был одержим, или, как говорили тогда о нем, - «ушиблен» этой проблемой. Напористый, амбициозный, упрямый, неумоимо упорный, с поразительной творческой дерзостью, он часто плыл против течения и выдвигал дерзкие творческие идеи. И это проходило.

А у Лены в мозгу высветились свои ассоциации со словом «подножка». Шеф ее любит произносить по праздникам тост: «Чтобы наши ученики и наши собственные дети не висели на подножках!»

- Самым сложным для него было материальное воплощение идей. Но он сам вел свою игру, ни под кого не ложился, в чужие тарелки не заглядывал, на себя одеяло не тянул, потому что умел видеть всю ситуацию в целом и в различных плоскостях. Слушал мэтров, не забывал об уважительном отношении к старикам, но спорил с ними, потому что вместо того чтобы помогать нести новые идеи в жизнь, они поначалу противоборствовали, отдавая предпочтение тем, кто старше и опытнее. Не любил Антон ходить по чужим стопам, ему всегда было интересно делать то, что еще не делал никто. Был в нем хороший кураж, даже спортивный азарт - сумею, сделаю! «Если работа интересна, на нее ни усилий, ни душевных затрат не считаешь», - утверждал он. В его таланте нет жертвенности и обреченности. Он ему в радость.

По причине ершистости не сразу был обласкан руководством. Поначалу получал всякое: и добрые слова, и хулу, случались жуткие административные нагоняи, отстранения от дел. Но он, набивая шишки, учился. Все имеют право на неудачи. Судьба каждому из нас дает шанс. Другое дело, чтобы этот шанс суметь увидеть и использовать. Он смог вырвать у судьбы то, что считал своим по праву, - безоговорочный успех.

Антон органично влился в коллектив - пришелся ко двору - с головой ушел в работу, вкалывал с упорством заговоренного. Тему он выбрал, надо сказать, не из легких, к тому же она была вредной для здоровья и опасной. Ты же помнишь полное отсутствие техники безопасности в те года. Успех не всегда является неотъемлемым атрибутом таланта, но у него все спорилось, все получалось: и эксперимент пошел с первого раза, и

расчет под ноль, почти без погрешностей. Шеф не мог им нахвалиться. И, что самое важное, у него часто рождались идеи, не мотивированные спросом. Значимость их бесспорна. Надо отдать должное степени его прозорливости как ученого. Профессионал! Такая творческая амплитуда редко кому свойственна. И все потому, что сколько работает, столько и зреет в нем специалист. Школа у него была отменная. Ты же помнишь наших педагогов?

– Педагоги были одни, да судьбы у всех нас разные, – сказала Жанна с некоторой долей грусти.

– А сколько он в меня влил информации! Не счесть его полезных советов. С его подачи я попала в секретную лабораторию. Там царил атмосфера свободы и творчества.

Рита вдохновенно посвящала Жанну в подробности карьеры своего начальника.

– Я никогда ни в малейшей степени не сомневалась в Антоне. Представляю степень удовольствия общения с ним и завидую тебе, – восхищенно сказала Жанна.

Прослышав, кем интересуется Жанна, Инна достаточно громко, чтобы услышала Лена, обратилась к Рите через стол:

– Мощная увертюра! Красивая версия. Какие дифирамбы! Какая осведомленность! Мол, знай наших. Как не позавидовать! Рита, Антон возглавил пантеон твоих личных божеств? Это устоявшийся образ Антона, его каноническое жизнеописание или апокриф? Ах, в его характере такое разнообразие черт! Разбухаешь от собственной гордости за сокурсника? «Он трижды гениален!..» Его в пору объявить идеалом, национальным достоянием! Куришь ему фимиам? Что подвигло тебя на подобные высказывания? По-дружески льстишь захваленному Антону или намеренно создаешь ему ореол невнятной помпезности, сравнивая его с великими умами? Может быть, просто с нежностью вспоминаешь друга студенческой молодости? – подозрительно осведомилась она.

– Откуда такие «познания»? – сдержанно-насмешливо спросила Рита.

– Земля слухами полнится, – наобум, но в тон ей туманно ответила Инна. – В принципе я не против подобной характеристики. Я об Антоне вполне беспристрастно сужу и тоже выделяю среди прочих, но зачем столько восторженных эмоций? С чего это вдруг ты решила на открытое признание достоинств Антона? Тебе ведь больше импонирует обстановка строгой секретности. Развей мою панику. Хотя ты, не в пример мне, обычно пользуешься только общедоступными источниками информации... Потрясающая обнаженность дружеских чувств! И придаться не к чему. Антон – прекрасный человек, чего уж скрывать. В глазах-то обычно у тебя ничего особенного, а тут таким огнем разгорелись. Сияешь от обожания или от собственной значимости? Хочу тебя предостеречь...

«За Риту принялась. Замолола языком. Не даст сегодня нам от себя отдохнуть», – подумала Жанна.

– Ты что, запала на него и затаилась? Трагедия, апофеоз любви! Крыша не поехала? Ха-ха! Это что-то личное? Беспрецедентное известие! Да ради бога! Оставайся при своем мнении... Думаешь, разумнее всех рассказала? – с упоением начала Инна. – Давай, продолжай в том же духе, потешь старушек. Наш тусклый унылый мир так нуждается в ярких личностях! «Его жизнь насыщена красками и фонтанирует блестящими идеями. Дипломатичный, деликатный, дальновидный, он подчинил науке все свои помыслы. Он никогда не успокаивается на достигнутом результате. На его долю всегда выпадало решение и выполнение главных задач. Критичен и самокритичен, отстаивая свою позицию, способен быть принципиальным. Поражает его тонкое чувственное видение мира. Пространство общения с ним неохватное. Он всегда разный, но главное – талантливый. Корифей, титан мысли.

Образованный, обворожительный, умеющий с присущим только ему блеском очаровывать, восхищать, доставлять радость. Он не бывает унылым, тусклым, скучным. Свободный, сильный, великодушный. Женщины от него запросто теряют голову. По большому счету он для них – предел мечтаний. Он же человек-праздник, наделенный особенным утонченным чувством красоты.

У него богатое гибкое воображение, глубокая эмоциональная и чувствительная память. Стремится к совершенству. Он с ходу понимает людей. Даже ирония его замешена на искренней любви к сотрудникам. Его жесткость не злобная, грозность пламенная, но кратковременная. Все, что он говорит и как говорит – прекрасно! «Я потеряла зрение, осязание, заслушивалась и уже чувствовала только лишь силу его страсти и верила только ему. Суть ускользала от меня...» Так? Ха! «Не искушай меня без нужды».

Отталкиваясь от этой бездонной личности, задам тебе вопрос: мне продолжать оглашать список достоинств Антона? – сузив глаза и горделиво-пренебрежительно поведя плечом, спросила Инна. – О чем еще я не сказала? «Его бьющая через край жизненная сила, сознание, заряженное до предела волей к победе, попирали скептицизм стариков, тех, что стояли на его пути, но он и врагов умел сделать своими союзниками, потому что поступал по совести. Ни в чем не позволял себе отступить от истины. Теплый, позитивный человек. С ним на редкость легко общаться. Если я правильно его понимаю, за друга в лепешку разобьется там, где другой палец о палец не ударит, но если потребуется, выбросит все сантименты на помойку. Выручая друга, он – в лучшем случае – рискует репутацией, в худшем – головой. Такой друг – настоящая находка... И все же он не простой, как кроссворд на последней странице газеты...»

Опять же, что еще хорошо: «Он – весь свободы торжество!» Что еще можешь добавить к его портрету? Еще будем огород городить? Ах да, не премини напомнить: не хвалится, не фанфаронит. Ни чванства, ни звездности в нем нет. Клеветническую стряпню не приемлет. Умеет быть ясным. Не терпит офисный планктон, тех, кто без инициативы, кто быстро привыкает подчиняться и не может обойтись без указаний свыше. Просто успешно работает, идет по жизни с высоко поднятой головой, но не задирает носа. Нам такие его успехи и не снились. Еще расскажи о том, что поработен работой, что радость ничегонеделания ему незнакома; что остался верен науке и не приобщился к баснословным капиталам, которые выкачивают из России ушлые дельцы. Убедившись в незыблемости капитализма в родной стране, не оставляет надежды на лучшее будущее нашей науки, хотя в это трудное для страны время не может осуществить своих намерений до конца... Нет у нас профессора равного ему калибра. Уважаю его за неисчерпаемость».

Антон уже легенда, поэтому сложно отделить в его жизни правду от вымысла. Это просто заметка на первую полосу газеты в доперестроечные времена. Хотя больше похоже на эпитафию или некролог. Ты не согласна с моей точкой зрения? Я задаю неудобные вопросы? Не играю тебе на руку? Зато не выношу дешевого чистоплюйства и осуждаю излишнее кокетство. Я противница одномерных трактовок человеческих судеб. Они вызывают неясные аллюзии, – ошетибилась Инна. – Ха! Еще скажи об Антоне совсем по-современному, что-то типа: «Он – харизматичный лидер, небожитель» – сейчас это модно. Ну, прямо-таки мистический восторг! Может вбить осиновый кол в сердце твоей идеологии: «Чем человек талантливее, тем он ближе к Богу. Ведь Бог – это то, к постижению и достижению чего мы должны стремиться». «Его не окружает безликая толпа недругов»... Почему если враги, то обязательно безликие? Если бы безликие!..

Почему, собственно, все должны стоять на ушах от успехов Антона? «Так сложилось. Судьба благоволила ему. У него просто талант быть счастливым. И успех не заставил себя ждать...» Хватит балабонить. Этак можно подумать, что чужая слава кое-кому не дает покоя, – вкрадчиво ухмыльнулась Инна.

– Окстись. А я каким тут боком? Под руку тебе некстати подвернулась? Что это ты так разволновалась на мой счет, – нелюбезно, устало и каким-то чужим голосом отозвалась на выпад Рита. – Обо мне не беспокойся, я себя реализовала в той степени, в какой хотела. А вот в тебе, похоже, говорит уязвленное самолюбие. Только непонятно, с чего это вдруг здесь замешан Антон?.. Смейся, смейся!.. Но ведь на самом деле все твои слова справедливы применительно к Антону.

– Я всегда говорю удивительно умные вещи, только никто этого не замечает, – отшутилась Инна. – Меня ты недооцениваешь, а каждый чих Антона превозносишь. Я тоже никогда не хотела, чтобы кто-то управлял моей жизнью, но мне не удавалось заручиться чьей-либо поддержкой, – притворно осуждающе добавила она.

Волна беспокойства, точно легкий порыв ветра, заставляющий мигать пламя свечи, пробежал по Лене. «Можно узнать, что есть в нас лучшего и худшего, по тому, как мы говорим о тех, кого когда-то любили», – подумала она.

И от внимания Киры не ускользало ни малейшее движение на лице Инны. Она тоже стала проявлять признаки беспокойства, боясь, как бы внешне непринужденный разговор у Инны не вылился в яростную вспышку.

«Сегодня вездесущая Инна представляется мне воплощением дурного тона. Все-таки не вписывается она в наш круг. Слушаю ее и испытываю стыдливое отвращение. Как вклевается в кого – не оторвешь. Выворачивает жизни друзей и так и сяк. И как ее остановить?» – рассеянно думает Жанна и тут же забывает свой вопрос, отвлекшись на слова Риты, которая продолжала высказывать свою точку зрения, не реагируя на шпильки Инны, воспринимая их с брезгливой неизбежной покорностью:

– Когда человек с большими амбициями вырывается из своей привычной среды и начинает заниматься тем, чем не занимались его предки, это часто кончается трагично. Чтобы вырваться из круга, который тебе предопределен рождением, недостаточно таланта в определенной области науки. Но Антон, должна я тебе сказать, быстро научился взвешивать каждое слово, нажимать на нужные пружины, проявлять неприсущую ему в юности осторожность, избегать междоусобных конфликтов, попусту не растрачивая свою энергию. Умел быть жестким. И все это потому, что рано открыл для себя теорию относительности человеческих отношений, их логику, эксцентричность и парадоксальность. За флажки не заходил. Понимал, что агрессия обычно обслуживает какой-то мотив, и быстро отыскивал его. Он органично существовал в выбранном пространстве и предельно выражал свой талант.

– Он утверждал себя как яркую личность, которой ничего не надо кроме творческого труда. О, этот соблазн невозможности, полный чарующей созидательной и разрушительной свободы! Кого он только не губил. О жизнь высочайшего накала! – не смогла обойтись без шутивно-высоких фраз Инна.

– Смею надеяться, что и сейчас он надежно удерживает свои позиции, что нынешним чиновникам он окажется не по зубам и все ему будет удаваться и впредь. Талантливых людей у нас достаточно много, но не каждому дана способность пробиваться, а Антону всегда удивительно везло на счастливые встречи. Он – дитя удачи.

– А нас «создал несчастный случай»? Мы тоже не из последних, – сердито фыркает Инна.

– С тобой, Инна, все ясно, – беззлобно смеется Жанна.

– Раньше, в Союзе, при наличии мохнатой лапы способна была утвердиться любая посредственность с тем же, если не с бóльшим успехом, чем талантливая. Денег на взятки у людей тогда не было, зато процветало кумовство. А теперь новоявленные олигархи командуют парадом. Такое, к сожалению, царит во всем мире. Вот вы считаете Буша-младшего гением? Я – нет, – философски отвлеченно заметила Аня, глядя в окно.

– При чем здесь Буш? – мгновенно откликнулась Рита. – Он ставленник своей партии. У них там от личности президента почти ничего не зависит. Артист Рейган тоже сносно справлялся. Короля делает свита. А у нас от смены руководства очень многое в стране меняется. Только зачем ты здесь приплетаешь политику? Спустишь на землю. Я об Антоне Жанне рассказываю. Его становление пришлось на конец шестидесятых, а семидесятые стали его звездными годами. Именно на них пришелся пик его славы, именно тогда он сумел создать себе имя. Еще в то далекое время он заговорил о технологической революции, указывал концепции и направления развития, выдвигал свою версию, хотя перспективы ее тогда были очевидны очень даже немногим. У него было чутье.

– Может, он и сам до конца не осознавал, что делал шаг в новую реальность, – предположила Инна, не имея целью умалить заслуги сокурсника.

– Пришло время Антона. Он всех обошел, и ему уже ничего никому не надо было доказывать. Ему был дан карт-бланш.

– Очень рада, что ты это признаешь. Это твоя собственная точка зрения или приобретенная на стороне?

– Он познал и ошеломляющую славу. Его же собственная реакция на успех была

простая, даже шутивая: «Выше летаешь, дальше видишь. Новое в работе всегда интереснее пусть даже самого лучшего, но старого». При надобности события своей жизни он преподносил с иронией, но всегда с определенным шармом, – будто далеким эхом отозвалась Рита, не обращая внимания на шпильку Инны.

– Это сияние славы ослепляло тебя и не позволяло видеть его ошибки.

– В институте царил атмосфера свободы и творчества. Аспирантов Антон напутствовал: «Копайте глубже, находите необычное и исследуйте». Но он чутко понимал, что есть определенный потолок, выше которого уже нельзя доверять интуиции, так как там уже начинается азарт, игра, и не забывал о контроле.

Антон с ходу выдавал идеи, которые потом становились направлениями в науке. Каждая его новая дерзкая идея выливалась в научные труды его учеников. Он не боялся тратиться на молодых, умел открыть потенциал любого аспиранта, но и от них требовал полной самоотдачи. Не стеснялся отдавать свои идеи на суд молодых, хотя знал, что молодежь – самая жесткая, бескомпромиссная аудитория. «Почему бы, пользуясь случаем, не подбросить диссертательную идейку хорошему человеку? Отрываю от сердца! Берите. Вполне возможно, она найдет себе рачительного хозяина», – шутил он, беспрестанно покусывая нижнюю губу и встряхивая боксерскими плечами, что выдавало его неугомонный характер. И аспиранты вверяли себя его надежным рукам, в шутку называя шефа отцом, а когда он создал свой институт, то – директором всея НИИ. В кипящем котле его мыслей варились многие. О таких людях говорят: «В них отразилась эпоха. Они сами влияют на эпоху». Я горда тем, что судьба переплела наши дороги.

– Помогая молодым, он, прежде всего, укреплял собственные позиции. Признай: ученики – его должники, – фыркнула Инна.

– Ну, это если бы он смотрел на них через твою призму, – «отфутболила» оговор Рита.

– Риточка, ты в буквальном смысле запротоколировала биографию Антона, – восхитилась Жанна. – Спасибо тебе за рассказ.

– Ты знаешь, я слышала, его мнением и сейчас дорожат и не рискуют начать новую тему, не посоветовавшись с ним. Никто из наших ребят до него не дотягивает, а ведь какие умницы, возьми хоть Сергея, Вадима, Мишу. Но он не возгордился. «Мощь человечества состоит в непохожем существовании каждого отдельного человека», – декларировал Антон на собраниях.

– Сергей отказался от депутатства, отшутившись тем, что счастливы люди, невостребованные властью, что, становясь слугой народа, можно перестать быть человеком. Лебеда в пример приводил, мол, ушел из армии, где многое умел, в политику, где не умел ничего, принимал рискованные решения. И чем это кончилось?

Но Антон не одобрил Сергея и даже резко отбрил, утверждая, что «теперь история стран делается не на полях сражения, а в кулуарах власти. И что человек, способный положительно влиять на других, но не сделавший этого, – предатель, испугавшийся тех, которые из-за корысти лезут наверх и которых надо убирать, потому что сами они не уходят. А как еще можно назвать человека, которому дано, а он не воспользовался своими возможностями во благо других? Тебе предоставляется широкое поле деятельности. Пойми, Сергей, депутат – связующее звено между реальным миром завода, института и сферой центральной власти, всегда такой надменной, далекой и чужой. Нам нужен во власти человек, понимающий нужды интеллигентской прослойки, способный защитить наши идеи и самих ученых от бюрократов. Мы не имеем права оставлять без внимания проблемы наших сотрудников. Мы должны быть справедливы и действенны, иначе когда-нибудь сами себе повесим на шею камень несправедного приговора. Не зря мне пришла в голову счастливая мысль выдвинуть тебя в депутаты. С твоей помощью мы разнимем, разорвем ряды чиновников и тем самым прекратим бесконтрольный умышленный финансовый передел. Там непочатый край работы.

Правда, сейчас принято играть в демократию, но тебя трудно заподозрить в приверженности к нереалистическим идеалам. И хотя наша концепция уже не вызывает бурных возражений и неприязни, труд депутата не под силу неискушенному. Но я могу поклясться – ты сумеешь. Пятьдесят лет могут быть началом новой карьеры, а не концом, как некоторым кажется», – горячился Антон. «В кресле депутата ты будешь

смотреться органично», – закончил он шутливо.

Сергей, немало озадаченный предложением, сначала растерялся, стал упираться, мол, хочешь совместить несовместимое. Потом сообразил в том, что Антон высказал то, о чем он сам часто последнее время думал, но не решался озвучить. «Я постарюсь не разочаровать тебя», – пообещал он. «Вороны летают стаями, а мы, орлы, в одиночку. Я помогу тебе», – пообещал Антон, и они ударили по рукам. В общем, по настоянию и при его непосредственной поддержке попал-таки Сергей в кандидаты. В щедрости своей выделил Антон на его предвыборную агитацию приличную сумму. И тут он остался верен своим идеалам, – поведала Рита Жанне.

– Наслышана. Не слабые бабки отвалил – это был королевский жест! – и с блеском, без шума и пыли провернул организационную кампанию. Подарок в духе Антона. После этого я зауважала его еще больше.

– Провел кампанию, – поправила Инну Рита. – Не каждому это под силу, но со своим бешеным общественным темпераментом Антон и тут оказался на высоте. Недаром обстоятельства постоянно ставили его в центр событий.

– Метил Серега в дипломаты, а попал в депутаты, – фыркает Инна вспльчивее, чем того хотела.

– И ведь, как всегда, Антон оказался прав. Интуиция его не подвела. Нюх у него на такие дела. Сергей очень старался – не мог же он обмануть ожиданий друга. Он оправдал возлагавшиеся на него надежды, стал весьма известной фигурой на политическом Олимпе, как теперь говорят – продвинутым. Именем Антона он открывал и «бронированные» двери. Сам того не ожидая, сделался знаменитым. Понятно, что это может значить. Сережка защищал права граждан без ущерба для науки, но, правда, с потерей личного времени. Но так жизнь устроена: что-то теряешь, что-то находишь. Антон был доволен его работой, поддерживал во всем. Восемь лет они были как один кулак. У Антона тоже было несколько развилок жизненного пути, но он всегда отдавал предпочтение науке. Как-то говорил Сергею: «Мир обречен на непонимание, пока у нас не будет интереса и уважения к каждому человеку. Не двурушничая, не двоедушничая, ты вносишь достойную лепту в важное дело. Сколько еще поколений пройдет, пока мы научимся жить по-настоящему цивилизованно?..»

«А на первом курсе Антон, как и я, держался обособленно, был провинциально скромно, наивен, доверчив и фанатично принципиален», – с улыбкой вспомнила Лена.

– Как видишь, Жанна, полезны его мощные духовные инъекции в друзей! И должна тебе доложить, он сам очень четко вписывался в концепцию правды, близко к ней подходил, насколько давали, конечно... Политкорректность никогда не являлась его отличительной чертой. И что самое невероятное: другой на его месте давно бы мотал срок в Магадане, а ему ничего не мешало...

Умел и надавить, и увлечь... И в разгул застоя, когда по телевизору был только позитив и «диспут согласных», эзоповым языком говорил о стратегических просчетах власти. И напрямую случалось выступать. Не хотел себя смирять. Чувство справедливости не давало ему покоя, – продолжала говорить Рита, словно не замечая попыток Инны прервать ее. – С достоинством себя нес. Но счастлив он прежде всего работой. Помню, раз произнес шутливо: «Как тут не работать, не стремиться? Только выдал лучшее, что мог, от тебя сразу ждут еще чего-то большего. Я просто делаю свое дело. Человеком правит призвание, оно влечет, подталкивает, заставляет. Ничего так не завораживает, как пестрая сумятица вечной новизны, ничего так не усиливает радость жизни, как удача в работе. Только она приносит подлинное счастье и ощущение неограниченной свободы». У него и на первом, и на втором, и третьем месте – работа. Она у него в крови, и, должно быть, именно поэтому он не желает противиться этому зову сердца. Увлеченностью работой он словно бы продляет себе молодость.

Взглянув в его сосредоточенное, вдумчивое лицо, можно понять, что такое счастье в самом высоком смысле этого слова. Он весь отдается процессу. Работать для него так же естественно, как дышать. В моменты глубокой сосредоточенности он ничего вокруг не замечает, перестает понимать шутки и даже самые абсурдные предложения обдумывает на полном серьезе. Таким я имела удовольствие видеть его не однажды. И альтруизм для него – норма.

- Я как-то сказала Антону: «Ты счастлив потому, что у тебя есть любимая игрушка - твой институт?» - протолкнула сквозь поток Ритиных слов свое замечание Инна.

- Он как-то пошутил, медленно вышагивая по своему кабинету: «Я люблю свою работу еще и потому, что не жду от нее верности и постоянства». Наверное, я по-своему поняла грустный подтекст его слов... Антон - единственный по-настоящему безупречный из всех тех, кого мне довелось встретить на своем жизненном пути. Думаю, ему грех жаловаться на жизнь. В чем он нуждается, так это в свободном времени.

Говорила Рита негромко, подчеркнуто сдержанно. По ее лицу было видно: она очень старалась, чтобы рассказ выглядел торжественным, но не очень эмоциональным.

- Тебя, Рита, послушать, так получается, что Антон совершенно счастлив только в работе. Трудотерапия - это новая эйфорическая концепция бытия? - удивилась Жанна каким-то капризно-жеманным голосом. - Однако, согласишься, это странно. Звучит неубедительно. Давай вещи называть своими именами. Это противоестественный бред, демагогия. Невозможно жить одной работой. Рита, это твои измышления? Ты хоть слышишь себя со стороны?

Тут Инна опять встряла в их разговор и не дала Рите ответить Жанне на ее несколько наивный вопрос. Она сидела слева от Риты и, протиснувшись между стеной и спинкой ее стула, скороговоркой зашептала:

- Что ты лезешь со своими комментариями и вопросами! Погоди, не перебивай, - она резким жестом остановила Жанну. - Не сочту за труд и как на духу все разьясню об Антоне. Совсем маленькая ремарка: «Рита, ты в силу своей восторженности видишь только парадную сторону его жизни. Все трудности и досадные оплошности ты оставила за скобками. А я знаю всю подноготную. Конечно, хотелось бы считать, что всё было именно так, как ты представляешь Жанне. Все, что ты говоришь, - правда, но не вся правда. Я просто обязана уточнить. Всё на самом деле обстояло несколько иначе. Да, Антон - физик по призванию, по крови, так сказать милостью Божией; успешен, всего достиг, всех покори! Талантливый, но неуправляемый, поэтому о нем ходили самые невероятные слухи, мол, эгоист, неуживчивый».

- Враки. Он легкий, остроумный. Поговоришь с ним - и жить хочется, - возразила Эмма.

- Неудобным он был. Научным и партийным бюрократам не нравилась его самостоятельность. Наивные считают, что общество всегда открывает возможности для талантливых людей. Должно, конечно, но... приходится учитывать человеческий фактор... и его бесчеловечность. И если отмотать клубок событий назад, то можно заметить, что жизнь к нему не всегда была щедра на добрые моменты. Его тоже преследовали неудачи. И в этом я не вижу большого греха. Все закономерно.

Антон не принадлежал к элите. Не думаю, что поначалу он был очень любим начальством: слишком смелый, слишком приметный, яркий и везучий - этакий сгусток ума, воли и оптимизма. Таких стараются не пускать наверх, они же всю иерархическую лестницу могут всколыхнуть. Фортуна, конечно, вилыла перед ним своим прекрасным... хв... профилем, но не сразу далась в руки. Не раз попадал в немилость. И тут надо знать Антона, чтобы понять, что он не отступится.

Это только кажется, что все у него было гладко, что ему по воле Божией предстояла блестящая карьера, что кто-то ему соломку подстилал. Не сразу он стал признанным лидером. Он тоже, хоть и отчасти, «изведал страдания маленького человека под пятой сильных мира сего». В аспирантуре ему приходилось в какой-то мере преодолевать окружающую его зону отчуждения. Он же был пришлым. Но молодые не боятся трудностей и сами идут навстречу им. Вот и Антон доказывал, что молодость и талант могут соревноваться с опытом маститых ученых. Могу себе представить, чего это ему стоило... Становление Антона - скачки по холмистому пейзажу. Судьба не раз испытывала его на прочность. Уж я-то знаю не понаслышке. И не всегда оказывалось, что Всевышний «проплатил» его удачу, что вполне было ожидаемо. Но подобные моменты обычно обходят при написании или озвучивании биографий знаменитостей. «Все хорошо, прекрасная маркиза. Все хорошо, все хорошо!»

В подтверждение своей точки зрения скажу: Антон тоже не всем пришелся по душе. Не в чести был у начальства, не слишком оно его жаловало, и у некоторых профессоров

вызывал амбивалентные чувства своей, я бы сказала, недостаточной гибкостью. Еще бы, он же покушался на святая святых – на субординацию. Что и говорить: Антон – истинный сын своего времени... ну, и поверил, что ухватил Бога за бороду. Только подводили его каверзные люди, порицали его методы работы, некоторое время придерживали, не давали развернуться во всю мощь и ширь. И преуспели, о чем достаточно ярко свидетельствует тот самый случай, когда Антон оказался жертвой интриг и ушел от Титанова. Красноречивый факт!

– И тут же немедленно последовало твое дознание, – подпустила шпильку Рита.

– Он-то сражался по правилам и игру готов был принимать лишь до определенных пределов.

– Твой рассказ начинает отдавать дешевой сенсацией. Сведения из желтой прессы почерпнула? – пошутила Лена.

Инна, и глазом не моргнув, продолжила:

– Кое-кто подумал, что карьера Антона булькнула на дно, мол, ему не простили неподчинения, что, по сути дела, он в «изгнании» и выключен из науки, ходили упорные слухи, что вышел он в тираж, но они просчитались. Наверное, тогда Антон еще не умел просчитывать риски... Но у меня нет оснований думать, что этот случай стал ему неким предостережением на всю дальнейшую жизнь. Он слишком верил людям.

– Ты предполагаешь, что... – гневно начала Рита.

– Ничего не предполагаю. Этими словами я не имела намерения оскорбить Антона, – отвергла ее намек Инна и продолжила свою мысль:

– Надо сказать, в некотором смысле Титанов (царствие ему небесное) был проблемной фигурой. Заработал себе герастратову славу. (Чем бы ни прославиться, лишь бы прославиться.) Видно, не раз и не два «экспериментировал» на других жертвах, раз сумел выжить такого, как Антон. Наверное, солидный афронт приготовил, всеми правдами и неправдами вовлекая в свои сети зависимых и завистливых. Как говорят в подобных случаях, в затылок Антону дышал. Целый заговор сотворил... с чьей-то поддержки. С чьей? Неразрешимая загадка.

Титанов обычно использовал людей вслепую. Помогая ему, они не догадывались о его колоссальной выгоде. А потом он бросал их. А кто «возникал», тому чинил неприятности, душу вынимал. Оголтелая, хамская позиция. Оттого и происходил постоянный отток умных ребят из его лаборатории.

– Это у него называлось иначе: заставлять таланты молодых воплощаться в русле требований своего руководителя. Лейтмотивом его поведения было стремление укреплять свои позиции только личными связями и нужными людьми. А маленькие людишки, аспиранты там какие-то... – вставила Рита.

– Не гигант мысли. Мало того, боялся, что люди поймут это... Поговаривали, будто он так долго ждал власти, что, когда её получил, в его психике произошел сдвиг. Тщеславие его раздавило. Он тоже прошел свой путь страданий. А может, радость неполной сомнительной победы в нем слишком быстро угасла и не принесла удовлетворения. Мне он казался человеком, угодившим в собственные сети. Кому быть сумасшедшим, тот все равно по какой-то причине сойдет с ума, – понизив голос до шепота, поведала Инна. – Я, между прочим, предрекала...

– Ну, ты у нас мистически одаренный человек, – фыркнула Лиля, прислушавшись к рассказу Инны. – Теперь мы вольны строить различные догадки. Мол, ему бросили кость, а Антона сделали козлом отпущения... Истории с позиции победителя и побежденного часто звучат по-разному. А некоторые вообще склонны превратно понимать любые события...

– Инна, не повторяй сплетен! – возмутилась Рита. – Антон не обращал внимания на всяких там... шутил, что конфликты служат пробным камнем, показателем величины личности. А я в пику ему отвечала, что животные умнее, у них внутри одного вида существует солидарность и только с другими видами – борьба... Тебя, Инна, между

прочим, это тоже касается, – добавила она с внешне беззаботной улыбкой.

«Почему-то в каждом Ритином смешке по отношению к Инне все явственнее звучит сарказм? Она принимает все ее шпильки на свой счет?» – удивилась Жанна.

А Инне в одно ухо насмешка влетела, в другое вылетела. Она торопилась высказаться.

– Не вмещался талант Антона в «прокрустово ложе» отдельных «стариков». Поначалу он сам исправно давал им поводы для критики тем, что постоянно проходил через искус прямолинейности. И идеи его вызывали неодобрение и скепсис. Его называли теоретиком-идеалистом. Но он и врагов заставил говорить о себе восхищенно и зло, но не безразлично. Кто-то ругал его, кто-то хвалил, но все сходилось во мнении, что Антон, несомненно, – звезда крупной величины на небосклоне науки. Только, видно, кое-кто решил, что его следует хорошенько наказать, чтобы другим было неповадно... Не взнуздали, не запрягли. Не сдался Антон.

Скандал вызвал эффект разорвавшейся бомбы и едва не просочился в прессу. Не хватало еще, чтобы этот факт стал публичным достоянием!.. Очень жаль, что между прозвучавшими тогда на всю страну знаменитыми именами не было фамилии нашего Антона... У кого-то хватило подлой смелости – прознав об его грандиозных намерениях и планах – незаслуженно ослабить Антона и с треском провалить его кандидатуру в Ученый совет университета. Прокатали его... Кто-то сильный и беспощадный, напрочь лишенный совести, провел мощную, хорошо распланированную интригу. Видно, никак не мог простить ему успеха. Никто тогда не подсказал Антону, что затевается за его спиной, никто не взял его под защиту, не помог вывести его из-под удара. Одни стали сторониться его, боясь бросить тень на свою репутацию, другие сочиняли про него бог знает что, плодили разные слухи, донимали.

Уж очень Антон своим поведением не походил на остальных: не льстил, не заискивал, плевал на замечания. Вот ему и врезали, чтобы неповадно было высовываться, когда не просят. Его предупреждали, мол, попомни наши слова, достукаешься, как Шимко (прекрасный был педагог, студентов любил и понимал!), со своей прямолинейностью. Враги использовали старый метод, почерпнутый в пьесе Грибоедова «Горе от ума» и теперь нередко применяемый для очернения и уничтожения незаурядных личностей... История обростала легендами. Только бывшие сокурсники остались рядом с ним, демонстрируя свое молодое, беспредельное, безрассудное бесстрашие. Антон по достоинству оценил их надежность и веру в него.

«Несговорчивая, раздражительная, но об Антоне отзывается лестно, даже сочувственно. Только не нужно ему ее какое-то двусмысленное заступничество», – недоверчиво подумала Жанна.

– Антон относился к университету не как к месту службы, а как к малой родине. Уйти для него было равнозначно бегству за границу, поэтому тяжело переживал разрыв с университетом, – подтвердила Рита.

– Хватало в жизни Антона предательств. Тот памятный исход года произвел невероятный прорыв в отношениях между сотрудниками коллектива его лаборатории. Люди как бы проснулись от спячки.

– Вопрос на засыпку: «Антон волевым решением отставили от должности, и старый НИИ он покинул «по не зависящим от него причинам?» – шокированно уточнила дотошная Жанна. – В чем я сильно сомневаюсь, – прибавила она.

– Сам. Наверное, не с бухты-баряхты решил, прежде очень крепко подумал. Знал, что не ужиться в одной берлоге нескольким амбициозным волкам, что в противном случае ждут его «веселые» времена борьбы за первенство, в которой не стоит уповать ни на свой талант, ни на беспредельное терпение. Ведь если дело в конкуренции умов зайдет слишком далеко, то терпение не поможет, все равно выживут те, кто использует хитрые интриги и вероломство. А он не мог работать, не находясь в гармонии с самим собой. Лгать и притворяться не хотел, поэтому просто не общался с теми, перед кем надо было стелиться. Напоследок Антон еще раз удивил своей порядочностью и бескорыстием, помогая бывшим коллегам.

Его уход не остался незамеченным: он дал толчок к развитию самосознания. Появились

первые ласточки, которые позволяли себе говорить в лицо руководству не совсем приятные вещи, не закрывали глаза на подлость во имя личного благополучия. Случаи по тем временам совершенно невозможные. Многим пришлось тогда задуматься, против кого дружить. То был сложный процесс возрождения...

Антон не стал копаться в черных глубинах подсознания претендентов на его место, организовавших травлю, не примкнул к оппозиции, предлагавшей «уходить огородами», чтобы «ударить с тыла», не ввязался в ссору. Он не хотел оспаривать свое первенство любыми способами, верил только своей интуиции и сверхтонкому чутью. Поэтому предпочел сваре неупоминание и объяснил свою пассивность тем, что борьба там шла не за науку – у них не было канонических различий и противостояний – за регалии, а у него другая точка отсчета. И тем на тот момент удовлетворил всех недругов. Все себя «нашли» и затихли. Не знаю, правда это или нет, но многие подозревали злой умысел его основного, высокопоставленного, конкурента. И я ловлю себя на той же мысли, поэтому-то и после всей этой истории так долго тревожила меня эта обидная неожиданность... И как ловко все состряпал! Выждал, когда Антон уедет в отпуск... Известный классический прием...

– «Провидческое» решение, – определила Лера.

– Я восприняла его уход как трагедию, как личную потерю, – намеренно сухо сказала Рита. – Антон шутил: «Наличие врагов и сопротивление конкурентов доказывает, что я на правильном пути и, используя новые приемы, двигаюсь в нужном направлении». Не переживал, знал, что нигде не пропадет и свое наверстает. Он не сник, а, напротив, бросил вызов обстоятельствам. Осмотрительен стал настолько, что с тех пор свои планы и замыслы вынашивал втайне, отслеживал ситуацию, чтобы завистники не застали врасплох. Сдержанность и скрытность во всех важных делах вошла в его плоть и кровь, и его осторожные шаги едва ли можно было предугадать. Никто не знал, что можно от него ожидать. Потому и выплыл. Он и сейчас настороже и готов в любое время встретить неожиданное лицом к лицу.

Хотя процесс был сопряжен с целым рядом традиционных для нашей страны трудностей, Антон все обдумал, все предусмотрел и создал новый институт – свое любимое детище. К тому же увел с собой лучших молодых специалистов. «Враг был посрамлен», хотя и после «водворения на престол» от него не сразу отстали. Некоторые завистники не переставали бухтеть, шуршать по углам, мол, не без опоры на чей-то авторитет заполучил институт. Это был апофеоз – прекрасная кульминация уже следующего года! Еще бы, перед подобным фактом бледнели все предыдущие мечты. Ты представляешь степень шока завистников!.. Нет, непросто был Антон.

Все поняли – для Антона нет неподъемных дел. Он сможет претворить в жизнь любую стоящую идею. Его действия уже не называли творческим авантюризмом. Институт стал этому главным неоспоримым доказательством. А он, оснащая лабораторию самым современным оборудованием, неустанно повторял запомнившиеся со студенчества слова любимого профессора о том, что «наука вся прикладная, только результаты одной теории сразу находят применение, а другой – через десятилетия, а то и столетия».

И многим пришлось под него подстраиваться. Но льстецов и подпевал он удалил от себя из чувства гадливости и отвращения. И мне советовал осторожно, но целенаправленно избавляться от нежелательных знакомств. Наотрез отказался от наушничества, которое процветало в годы, совпавшие с началом его самостоятельной работы. Поняв это, интриганы сами стремглав разбежались в поисках подходящих мест.

– А повезло ему, потому что его идеи на тот момент совпадали с духом и требованием времени. Собственно, он тогда даже перерос свое время, – добавила Жанна глубокомысленно. – Точнее, опередил.

– Тесно было Антону в старом НИИ. Ему все время надо было пробовать что-то новое, что априори привело бы к открытию. И он создал прорывную технологию в своей области исследования.

– Инстинкт создателя приобрел в нем масштабы творческой страсти, – пошутила Инна. – Просто попал в струю, – добавила она, лишь бы поперечить. – Меня всегда удивляла в нем «поразительная адекватность желаний и возможностей, тождество усилий и результатов».

- Чем ты станешь жить, если нечему и некому будет противостоять и противоречить? - весело спросила Галя.

Инна не обиделась, даже рассмеялась.

- Институт Антона стал прибежищем опальных молодых ученых с ультрасовременными идеями, пытающихся сохранить свою индивидуальность. Именно из-за новизны идей привлекал он их в свой институт. Шутит: «Не зарывай талант, данный Богом. Он возложил на тебя священный долг. От тебя только требуется талант усердия. Главная радость - сознавать, что работаешь, принося максимальную пользу. Мы живем не просто так, у каждого свое предназначение».

Каждого обиженного привечал, настаивая на обязательном продолжении начатых им изысканий. Я бы даже сказала, настоятельно требовал этого. По своей воле, безоговорочно доверившись Антону, рванулись к нему и университетские ребята, хотя им работалось там совсем неплохо. Но, видно, на то время с Антоном никто не мог сравниться. Талантливый руководитель, рачительный, образцовый хозяин в лучшем смысле этого слова. Все заботило его: и люди, и идеи. Власть не растлила его. Вот поэтому собрал мощный научный и интеллектуальный состав молодых сотрудников.

- Как тут не найти сотоварищей-единомышленников! По большому счету за сфинксом прятаться удобней. К тому же Антон умел устранять врагов и помогать молодым. А почему бы и нет, если это тебе ничего не стоит. Мудрый царедворец и одновременно в душе бескорыстный мальчишка, - съязвила Инна.

«Ну не может Инна не добавить ложки дегтя, даже расхваливая человека», - удивилась Жанна.

«Теперь на Рите отводит душу, голубка моя сизокрылая, судьбой-злодейкой подстреленная. В иронии за Инной никому не угнаться», - всем существом ощущая несправедливость ее слов, тем не менее с теплой грустью думает о подруге Лена.

- Денег и власти всегда мало, - продекларировала Инна. - Сразу вспоминается «Сказка о рыбаке и рыбке».

- Не сравнивай. Старуха была глупой и самодовольной, - сердито возразила Мила. - Власть - штука жестокая. Мой брат сам ушел из обкома в директора завода. Понял, что слишком тяжел для него этот хомут. Он был честным и слишком ответственным.

- Не часто такое случается, - заметила Лера.

- Некоторые до сих пор не могут простить этому любимчику богов ни таланта, ни красоты, ни того, что ему позволено быть счастливым, - проехала Лиля непонятно в чей адрес, но с явным намерением быть услышанной.

- ...Дефицитом талантливых кадров институт не страдал.

- ...А еще он утверждал, что главным поощрением для ученых служит внедрение их разработок и технологических новинок. Наука должна быть востребована в своей стране, иначе наши изобретения быстро подхватят на Западе и нам придется платить за свои же изобретения, как не раз уже случилось.

- Истины прописные, но если бы они выполнялись... - сказала Жанна.

- У Антона они выполнялись.

- Кто бы сомневался! - перебила Инну Рита. - Тут я целиком и полностью согласна с тобой и подписываюсь под каждым твоим словом.

- ...А мне говорил: «Надо видеть любую проблему под разными углами зрения. Нельзя скропалительно реагировать даже на, казалось бы, сиюминутную ситуацию. Ссориться с людьми, прессовать их нельзя. На этом пути люди не прощают ошибок... Вот и ищу подходы. Стоит чуть-чуть оступиться, сделать неверный шаг - и ты у них под колпаком. Мне это нужно?»

- Разве ты, Инна, не согласишься со мной, что Антон классный наставник? Я не знаю

ему равных. Со свойственным ему великодушием он считает, что главный его вклад в науку – помощь начинающим. Для меня Антон – воплощение здравого смысла и прагматизма. Доказал, что он не только яркая, но и сильная личность. Всегда принимал зрелые решения. Помню, как своим властным распоряжением увеличил финансирование нового технологического проекта, и никто не пикнул. Если Антон утверждал, то его слово являлось главным аргументом в решении любого вопроса.

– Рисковать, то рисковал, но из бюджета не выходил, знал край. Осторожный, бдительный был.

– Восстанавливая в правах уволенных, не делал никакого различия между своими однокурсниками и взятыми со стороны. В прошлом году инфаркт перенес – болезнь равнодушных людей. Крепко отпечаталась история его карьеры в моей, я бы сказала, излишне эмоциональной памяти. Не могу отделаться от мысли, что я, хотя немного и робела перед ним, но все же постоянно пыталась подражать ему. Перенимала его манеру общения. Конечно, и близко не видела себя рядом с такой значительной фигурой. А он шутил: «Избавь меня бог от подражателей, но не от последователей», – объясняла Рита Жанне.

– Эти слова крепко отдают самолюбованием. Тебе не кажется? А ты у нас всегда упорно держалась в тени. В его тени... Может быть, еще и млела в его присутствии?.. «Какого масштаба человек! Чем крупнее личность, тем он скромнее и проще», – в голосе Инны опять зазвучала ирония. – Чем благороднее металл, из которого сделана чеканка, тем...

– Может, хватит?.. Не заводись... – остановила ее Лена.

«Не пора ли закончить эту «содержательную» беседу? Как бы она не переросла в ссору», – обеспокоилась Кира, почувствовав непонятное напряжение, возникшее между рассказчицами.

– Ну и дотошная ты, Инна, – не выдержала Жанна.

– При свидетелях говорю. Рита не даст соврать. Я не дам что-то в характере Антона подмалевать, отретушировать, – рассмеялась Инна.

«О любом из наших профессоров, бывших однокурсниках, я могла бы сказать не меньше прекрасных слов, чем об Антоне. Каждый из них интересен и талантлив по-своему. Тоже не лаптем щи хлебают, – с некоторой обидой подумала Кира, остановившись на минутку около Инны, чтобы разложить перед подругами печенье. – Но надо признать, он первый среди равных».

– Я не сразу Антона раскусила и оценила. Сообразуясь со своими предпочтениями, сначала рванула на завод. Я всегда выбивалась из общих правил своими неожиданными желаниями. Хотела в начальники цеха пробиться. Но ведь у нас как: стоит в цеху, где работают одни женщины, появиться пусть даже никудашному, самому захудалому мужичонке – его сразу начальником ставят. Вот и нам придурка недоделанного подсунули. Только и умел, что по цеху шастать, заложив руки за спину, пивко цедить да руководству кланяться. Не заладилось у меня с ним, не срослось. Расходились мы во мнениях. Что ни предложу, отмахивался – не встречай, не твоего ума дело, попривыкнешь, втянешься. А я взвизывалась как ужаленная. Трудно всю жизнь делать то, что не хочется. Разнес он вдребезги мои надежды. Уплыла моя золотая мечта.

Помыкалась, помаялась и от обиды «наострила лыжи» в университет, поначалу на самую завалющую должностенку, потом в НИИ подалась. Не знаю, как бы сложилась моя карьера, не подвернись мне тогда нежданно-негаданно эта приличная работа. Не цацкались там со мной, но я пробилась в люди знаниями и трудолюбием. И когда Антон свёл меня со своими коллегами в новом НИИ, я сначала отнеслась к нему по меньшей мере настороженно. Не сразу он ошеломил меня силой своей личности. Предвзята к нему была, но помалкивала, точно в рот воды набрала, пока не встала крепко на ноги. Потом принялась нападать, не боясь навлечь на себя его гнев, правда, не прилюдно, только один на один. Не больно-то перед ним расшаркивалась. Я запросто бывала в его кабинете, сидела в его необъятном мягком кресле.

«Не помня себя от счастья», – ревниво подумала Рита.

- Я нападала, а он шутками отбивался от моих идей: мол, не по миру пойдём, а по миру, мол, мы сами с усами. «Прибереги свои шуточки и хорошо отрепетированные экспромты для других», - говорила я. И он не нарывался. Крепко мы цапались, хоть я иногда и побаивалась, что он даст ходу нашим горячим «прениям» и вышвырнет меня, потому что, как я теперь понимаю, с моей стороны в основном был один пустой эмоциональный треп. Наверное, он не мог взять в толк, как это можно серьёзно заниматься такими пустяками, но не издевался надо мной, терпеливо разъяснял мои ошибки. Мягко, без злых или укоризненных интонаций умел не дать себя победить, - с явным удовольствием говорила Инна.

- Не разделял он твоих идей и пристрастий, - сказала Рита и добавила: - Креста на тебе нет. Ему бы тебе накостылять, а он цацкался с тобой, искал и находил общий язык.

- Твоя напористость ему импонировала, но... - попыталась что-то сказать Жанна, но Инна не позволила, продолжив свой рассказ на высокой ноте.

- Да, не дистанцировался. Случалось, впрочем, и так, что спустя день-другой мы натыкались друг на друга - и будто не было между нами раздоров. Иногда Антон невзначай выхватывал взглядом мое лицо на каком-либо совещании и благожелательно кивал. И все! - любой инцидент был исчерпан. И хотя он был наделен многими качествами, не присущими мне, скажу без ложной скромности: понимали мы друг друга, хоть и ссорились.

«Раздувает мелкие события своей жизни до размера великих. Изрекает прописные истины, а в глазах вспыхивает убежденная решимость - хоть на баррикады! От самой себя в восторг приходит или, сгорая от любви, не может очнуться от вдохновенного забытья? (Не о себе ли я?) Не терпится ей сообщить о своей близости к Антону, мол, и до меня его руки доходили», - опять ревниво думает Рита.

- И где это он обзавелся этой милой манерой, которая вызывала в окружающих уважение и уступчивость, никого при этом не задевая? Может, в Москве? Умел прощать, понимал, что каждый человек имеет багаж несовершенств. Он и мои собственные недостатки объяснял мне как-то иначе, по-своему, и после этого я начинала относиться к ним проще, спокойнее. В изменчивом калейдоскопе жизни он никогда не усугублял трагедий, только сглаживал, поэтому-то и был предметом моей гордости.

- Не мог же он позволить, чтобы из-за таких вот слишком ретивых и злоупотребляющих его расположением все труды шли насмарку, - поддела ее Рита.

- Надо отдать ему должное, и мне дал возможность проявить себя. Сам вызвался помочь. Снизшел! Без него мне не удалось бы раскрыть в такой степени свои способности. Радостное послевкусие от того, что мы вместе работали, осталось на всю жизнь.

- Вот видишь, он и тебе помогал, - вставила фразу Жанна.

- И что же? Мне теперь ему за это до скончания века кланяться? Есть люди - я сама из их числа, - которые могут признавать достоинства другого только внутри себя, а внешне - не в силах. Я ничего не делаю из чувства благодарности, - демонстративно сообщила Инна. - И вообще, неотъемлемая обязанность руководителя лично решать глобальные задачи, а не закапываться в мелочах.

- Зачем кланяться? В каких мелочах? - недоумевает Рита.

Инна опять прерывает ее:

- Антон бывал слегка высокомерным и надменным, язвил. Но только ненадолго он попадал в ловушку собственного превосходства и собственной гордыни. Какую-то внутреннюю преграду имел и не переступал ее.

- Не наговаривай! Сорвалось с языка, обмолвилась? Ты можешь припомнить конкретные факты? Поделись. Аргументируй! Нечем? На что ты рассчитываешь, отрезая себе путь к отступлению? Ты совершаешь большую ошибку, бездумно разбрасываясь словами. В каких это случаях и где Антон бывал высокомерным и язвительным? Может, когда ты слишком наседала на него со своими претензиями и притязаниями или когда не позволял разводиться тары-растбары? Опять применяешь подтасовку - свой излюбленный

прием. Аналогия легко просматривается, и это наводит на грустные размышления, – рассердилась Рита. – Может, ты полагаешь, что мы должны быть тебе благодарны уже за то, что ты почтила нас своим неотразимым присутствием? Так это противоречит здравому смыслу.

Женщины сразу почувствовали тонко рассчитанную двусмысленность ее последней фразы и сделали вид, что не заметили ее. А Кира вторично с удивлением взглянула на Риту.

– Воображаешь, что одним словом сформулировала диагноз? Не знаю, какой смысл ты вкладываешь в свои слова, но они бьют мимо цели, не задевают меня, не трогают, – пренебрежительно фыркнула Инна и неодобрительно покачала своей упрямой головой.

Мила вдруг вспомнила слова Лены: «Мечту надо удерживать на расстоянии, иначе она при приближении превращается в прозу жизни. А так можно любить вечно, пока самой не надоест или кто-то более яркий, более умный не захватит твою душу», и с грустью подумала, что Рите с Леной лучших мужчин больше не встретилось. Рита до сих пор смотрит на Антона не иначе как с почтительным изумлением, до сих пор он не утратил для нее прежней привлекательности. Если бы Инка об этом узнала, наверное, была бы в полном недоумении, посчитала бы ее больной на голову и уж точно вволю над ней поиздевалась. «Я физически ощущаю, как радостно пролетают дни, проходят годы, наполненные его присутствием в моей жизни, и это при том, что у нас с ним всегда были только рабочие, деловые, дружеские отношения. Он всегда был для меня факелом. Сколько раз тасовала нас жизнь, как колоду карт: смешивала, разделяла, а мы все время оказывались рядом. Знать, судьбе так было угодно», – поделилась она как-то в минуту грусти своим счастьем-болью.

Немного успокоившись, Рита снова заговорила тихо, уверенно и размеренно, как человек, который зря погорячился или боится дать волю чувствам.

– Несмотря на головокружительную карьеру, тяжелая плита величия не легла на плечи Антона. Много души в ребят вкладывал, вовремя подставлял плечо, знания свои раздавал, что называется, большой ложкой. Не было у него отрицательных прецедентов, не было проколов – все защищались. Видно, была у Антона потребность продлиться в учениках. Как там говорится у Пушкина: «Нет, весь я не умру...» Умел дружить, оставаясь на равных.

Рита еще долго могла бы говорить об Антоне, но Инна тоже стремилась выложить перед Жанной свои знания о самом обожаемом сокурснике, она не хотела выпускать пальму первенства из своих маленьких цепких ручек и снова энергично взяла инициативу на себя:

– Благодаря своей работе Антон изрядно поколесил по свету, свободно говорит и пишет по-английски. А как по-французски чешет! И на итальянском, равно как и на немецком «шпрехает». Имеет приличное представление о западной культуре. Тонкий ценитель искусства. Видал он и лучшие времена, а нынешние – если не вдаваться в подробности – для многих иначе как деградацией не назовешь... Но так или иначе, жизнь его идет вперед. Он продолжает работать, хранимый от случайностей судьбой, с горьким пониманием высокой цены, упущенных не по его вине возможностей. Даже злые завистливые языки вынуждены утверждать, что по-прежнему нет такого договора, которого он не сумел бы заключить, чтобы не оставить своих людей без работы, и нет такой темы, за которую он побоялся бы взяться. Предчувствие еще многих свершений не угасает в нем.

Мне представляется, что сейчас ему, как и всем нам, приходится трудно, хотя интерес к институту не поубавился. Фундаментальная наука не востребована, не хватает финансирования, нет того соревнования, что было между СССР и нашими «заклятыми друзьями» из США, которое двигало научный прогресс, но Антон не теряет надежды, верит, что звезда нашей науки не закатится.

– Чего у Антона не отнять, так это того, что он талантлив, божественно красив и обладает удивительной способностью распространять вокруг себя радость. Он элегантен даже дома, наедине с самим собой.

Инна напряглась. Рита посмотрела ей в глаза и ответила на незаданный вопрос:

- Я знаю, о чем говорю. Мне с председателем профкома не раз случалось заскакивать к нему в нерабочее время с разного рода отчетами.

У него такие располагающие манеры. Есть в нем кураж. Он единственный в своем роде. И в пене славы никогда не потонет, хоть и не освобожден от официальной нагрузки признания. Он независим и горд, не задумывается о своей силе ума и не претендует на то, чтобы она служила только ему. Неисчерпаем. Нам его еще постигать и постигать... Для него главное постоянно меняться, углубляться, двигаться дальше, не мечтая о том, что «и нас выльют в бронзе», - сказала Рита, чтобы закончить этот разговор чем-то, что ей казалось неоспоримым.

- В бронзе? Это участь политиков и военных, - рассмеялась Инна.

«Обо всех можно рассказать что-то красивое, но слабости тоже являются достоянием каждого из нас. И примером этому может послужить прошлогодняя встреча. Катя каждой сокурснице подписывала только что изданную книгу стихов. Конечно, в этой демонстрации успеха присутствовал элемент кокетства и похвальбы. Мужчины тактично сдерживали свое недовольство наивным, непреднамеренным афишированием Катиной славы - а она-то здесь при чем, где же ей еще дарить книги, как не на встрече с подругами? - но накапливающееся раздражение вынудило их уйти из-за стола, якобы бы прогуляться. На лицах читалось плохо скрываемое завистливое пренебрежение. Меня на мякине не проведешь», - саркастически ухмыляясь, рассуждала про себя Инна.

Жанна вдруг радостно встрепенулась.

- Лет двадцать назад встретила Антона на вокзале - я из Владивостока в Киевскую область к свекрови ехала. Ну, просто нос к носу столкнулись. В первую секунду подумала: «Обозналась? Он - не он?» Представляет мое ошарашенное лицо! И тут мои плечи просто хрустнули от его дружеских объятий. Рад был встрече.

Антон был в прекрасном костюме, в шляпе и перчатках, с эффектной тростью. Рафинированный, утонченный.

- Ха! И ты замерла, «подавленная величиим этой незабываемой минуты», - ревниво съязвила Инна. - Было время, когда трость и сигара символизировали высокое положение в обществе, а теперь это, как правило, обыкновенное пижонство.

- А помните старую бессменную студенческую куртку Антона, подходящую на все случаи жизни? Тогда он был простой и доступный, - сказала Аня, и ее библейское личико оживилось.

- Как правило! Антон во всем - исключение из правил, - запальчиво возразила Жанна. - Аристократическая проседь в висках. Усы и бородка придавали ему вид весьма импозантный. Во всей его внешности просматривалось высокое покоряющее благородство, в манерах - изысканность и совершенство. Невообразимое обаяние. Голубая кровь! Вполне тянул на академика. Похоже, Всевышнему он полностью удался, - пошутила Жанна. - Но внутри под всей этой элегантной сбруей он был все тот же: милый, душевный. Мы глядели друг на друга и молчали. То была минута грусти по нашей далеко-далеко ушедшей юности, знак легкой скорби о безвозвратном и неизбежном. Слезы стояли у нас в глазах.

Потом он улыбнулся и предложил «как в старые добрые времена» заскочить в привокзальный буфет. Я была ограничена во времени, но мы все-таки успели пропустить по паре рюмочек за встречу и вспомнить захлебывающийся восторг юности, во время которой представлялась возможность совершить что-то очень важное и нужное. Когда мы обнялись на прощание, я невольно на миг слилась с ним и вдруг подумала: «До чего же он уютный! Так бы и не размыкала всю жизнь эти надежные руки», - упоенно рассказывала Жанна.

Она на миг устыдилась своей откровенности, потому что по мимолетному наблюдению за реакцией подруг на ее слова - о которой они, конечно, умолчали - она поняла, что они сочли ее поведение неприличным, тем более что ее рассказ мало вязался с темой разговора.

«Замолчала! Испугалась своей собственной смелости? Как будто неэксцентрична, но болтушка, каких свет не видывал», – ревниво подумала Инна, презрительно скривив губы.

– Потом в поезде я никак не могла опомниться от радости этой встречи, от нахлынувших теплых чистых воспоминаний о нашем совместном ученичестве. Одним движением руки он возвратил мне чудные пять лет общения, которые уже стали далеким трепетным прошлым. Антон всегда умел заронить в душу нежность, оставить о себе прекрасные воспоминания. Его слова всегда наполнены особой тонкостью восприятия собеседника, его выводы были под каким-то своим особенным положительным углом зрения. Я до сих пор расплываюсь в улыбке только при одном воспоминании об этой встрече, – тихо и прочувствованно говорила Жанна, и радостная грусть читалась в ее взгляде.

– Ха! Осчастливил своим рукопожатием! Обнял!

Жанна обижено отвернулась от Инны

– Есть невзятые вершины в жизни Антона? – спросила Лена как бы шутливо.

Но Инна повернула поток беседы в другом направлении.

– Кстати, маленькая справка: ты, наверное, очень удивишься, узнав, что наш вечно юный Антон так и не женился!

– Почему? – заинтригованно воскликнула Жанна и тут же прикусила губу, почувствовав бестактность своего вопроса.

– И это тем более странно, что Антон – стопроцентно законченный мужчина во всей своей плоти. Поговаривают, было много достойных женщин, желающих составить ему партию. Казалось им, вот она, счастливая возможность – подарок судьбы, вот он – бери его голыми руками, а нет! Не по зубам орешек. Не давался, разочаровывал, чем, естественно, вызывал массу толков и пересудов, хотя на работе за ним романов не водилось. Он был галантен, но не ухаживал, как воображали себе многие девушки.

Лишенный семейного счастья, он не испытывал обделенности. И все-таки женщины были необходимым компонентом его жизни, – заговорщицким тоном зашептала Инна, склоняясь к самому уху Жанны. – Ведь не от бедности же чувств он остался холостым? Охотно допускаю, что «его сердце – поле битвы между Богом и Дьяволом», как говорил Достоевский в своем романе. Но к чему оно склонялось, я так и не поняла.

«И зачем Инна из каждого события чужой жизни делает шоу?.. Такой человек... и не преуспел на ниве создания прекрасной семьи? Вот ведь несчастье. Встречаются мужчины с опытностью, с дальновидностью и расчетливостью в заботах о глобальных, государственных делах, но проявляющие полнейшую неумелость и непригодность в делах сердечных. На Антона это не похоже. Понимаю, при его шикарных данных ему трудно было найти себе достойную пару. А тут еще любовь к Дине приобрела красоту идеала. Заботливая душечка ему не была нужна», – подумала Жанна. Ей стало до слез жалко Антона.

От Инны не ускользнул все более пробуждающийся интерес Жанны к ее рассказу, и она с энтузиазмом продолжила:

– Антон, понимаешь ли, говорит, что он и семья – несовместимые понятия, что он способен только на время закрепить возле себя красивую женщину для того, чтобы ее не похитили другие. Конечно, семья – не нами и не сегодня придуманный способ существования двух разнополюсных индивидов, но Антон не желал ее создавать. Считал, что в ней душа многократно пробует на излом, а он не может позволить себе роскошь губить себя и женщину, которая согласилась бы разделить с ним кров, и жизнь. Вот и балансирует между свободой, долгом и удовольствиями, убивая всех зайцев одновременно. Смеялся: где двое – там всегда или комедия, или трагедия.

– Ты всё так ярко расписала! Я просто заслушалась, – с недоверчивой улыбкой покачала головой Жанна. – Ты столько о нем знаешь, что можно подумать: он тебе душу свою открывал. Или это твои домыслы? Антон, может быть, и человек сильных страстей, но в другой области. Мне так кажется. Ты же не утерпишь, чтобы не присочинить и не

выдать свои фантазии за слова Антона. Я подловила тебя?

Кира коротко и выразительно посмотрела на Инну, но понимания не последовало.

- Антон утверждает, что только влюбленность совершает с ним чудеса, и тогда его распирает ликующая энергия фантазии, идеи роятся в мозгу, а семья может убить талант или довести его самого до бешенства или даже до безумия.

У Риты с языка готовы были сорваться резкие слова, ее раздражение чувствовалось все явственней, но она сдержалась и только сказала, наполовину шутя, наполовину сердито:

- Такого с Антоном не может быть по определению. Ты, Инна, найди себе нового мужчину и измывайся над ним сколько он тебе позволит, а Антона не трогай. Ты же знаешь - я этого не потерплю и отражу любые твои поползновения.

- Все эти годы мы жили, как умели, любили, как могли. У каждого из нас своя сказка жизни, - улыбнулась Жанна. - Но разве с Антоном не случилось, чтобы он тосковал по собственной семье или досадовал на докучные расспросы друзей на эту щекотливую тему? Надо посмотреть правде в глаза: разве его не волнует, что иногда бывает невозможно догнать упущенное, и тогда этого себе уже никогда не сможешь простить? - решила спросить Жанна, угадав наилучший момент для своего вопроса.

- Похоже, он не тяготится одиночеством, некогда ему было, а может, он слишком любит и ценит себя, чтобы терпеть кого-то рядом. Но у него до сих пор загораются глаза, когда видит красивую женщину, а между тем ему пора бы остепениться. Только ничего он с собой поделат не сможет, пока волшебство любви в нем само не прекратится. Его, наверное, не излечит и горький опыт неудач. Такова его натура: вечный студент любви - неуловимый, стремительный, недостижимый.

Тут все ясно. Внутри него бушуют две равновеликие силы: любовь к науке и любовь к женщинам. Эти две ипостаси отлично уживаются в нем в виде равновесия между разумом и эмоциями. В этом вопросе он не желает снисходить до удобных обществу условностей... Этакий обаятельный циник.

- Циник! Ты с ума сошла. Ничуть не бывало! Ты заблуждаешься, - горячо запротестовала Рита.

- Любить себя - вот единственный роман, который его устраивает еще и тем, что он может длиться всю жизнь. Наверное, мучительное наслаждение любить такого.

Последние слова Инна произнесла с тем нарочитым спокойствием, какое обычно напускают на себя женщины, стремящиеся скрыть свои чувства. И Лена это сразу почувствовала.

- Может, он приверженец мужской дружбы? - предположила Жанна без тени двусмысленности.

- Мужчины ищут мужской дружбы, когда не находят себя в любви к женщине, - приснула в ладошку Инна.

- Я бы не была так категорична в своих утверждениях. Легко бить того, кто не может тебе ответить, не будучи рядом. Но Антон не восприимчив к чужому мнению... И долго ты эту глупость в себе держала? У тебя на него зуб? Он тебя не жалует? Тогда откуда эта весьма вольная интерпретация жизни товарища? Ты, Инна, как всегда, пережимаешь. Кому бы говорить, а кому и помолчать. И как только у тебя язык повернулся сказать такое об Антоне? «Любит только себя!» Абсурдная мысль и совершенно не к месту, - сердитым шепотом не согласилась с Инной Мила, тоже прислушивающаяся к ее разговору с Жанной.

Жанна

Может, Жанне надоели препирательства Инны и Риты или ей захотелось привлечь внимание к своей особе, только она вторглась в разговор сокурсниц и повернула его в совсем неожиданное направление.

- Не хочется никого обидеть - у всех свои радости и печали, - но, Господи, как здорово иметь хорошую, спокойную семью, надежный тыл, - воскликнула она достаточно громко, с какой-то явно наигранной небрежной ленцой, адресуясь скорее к себе самой или к подругам, нежели к Всевышнему. Ей явно хотелось похвалиться своим счастьем, а повод никак не предоставлялся.

- Человек счастлив настолько, насколько он доволен тем, что у него есть. Вот я, например, никогда не ждала гениального мужчину или там бессребреника, я искала себе нормальное, среднестатистическое. Мне нужен был человек, с которым я могла бы безбоязненно стареть. Мужчинам, наверное, льстит думать, что женщины только и мечтают об их физических достоинствах, а нам нужно другое: надежность, ласка, внимание. Ведь любовь молодых людей - это нечто большее, чем любовь в юные годы. Она как выдержанный коньяк, настоящий на пережитых трудностях быта, на бедах и радостях.

Я не встретила человека, которого могла бы боготворить. Думаете, они были, но я пропустила? Любовь пришла ко мне без бурных эмоций, тихо и незаметно, как благодать. Я узнала в Николае себя. Мы не две половинки, мы - единое целое. Удивительно, но с мужем я и сама стала сильнее, увереннее, хотя он взял на себя большую часть моих забот. А раньше я считала, что одинокие женщины сильнее замужних. Это заблуждение. Незамужние более ранимые, более нестабильные, дорого им обходится самостоятельность. Природу не обманешь - она изначально запрограммировала быть каждой твари по паре.

Аня при этих словах как-то съежилась, лицом потускнела и погрустнела, но промолчала.

- Не выпадай из контекста, - буркнула Инна.

Наступила пауза, имеющая целью указать рассказчице на ее промашку, но Жанна замолчала, из боязни многословием ослабить эффект от уже сказанного.

- Научные достижения - хорошо, подвиг жизни - прекрасно, превосходно, но выше всего я ценю в мужчине порядочность, привязанность к семье и любовь к детям, а не способность зарабатывать большие деньги или ходить в героях. А если муж еще несколько преуспевает на поприще науки или бизнеса, так вообще цены ему нет. Мы с мужем не шикуюем. Мои материальные запросы не так уж велики - крыша над головой, необходимый минимум одежды, сытая натуральная еда. А вот нежности, внимания и понимания не купишь ни за какие миллионы. Если в семье есть любовь, то многие проблемы сами собой отходят на задний план. Нас единоклющие выручает. Мы любим друг друга, и это помогает нам относиться терпимо к нашим слабостям. У нас полная эмоциональная совместимость, поэтому в семье все спокойно, мирно. Если любишь и уважаешь человека, не одолевает желание первенствовать, не нужны никакие ссоры и выяснения отношений. И тогда невозможно быть более счастливыми. А сейчас мы богаты своей любовью к внукам. Они - самое дорогое, чем мы обладаем в жизни.

Мы с Колей как-то сразу поняли, что совместная жизнь нам даст намного больше, чем если бы мы жили порознь, может, поэтому быстро поладили. Он, когда мы только поженились, сказал мне, что у женщин больше порядка в голове, поэтому в некоторых вопросах мужчины должны им безоговорочно подчиняться. И я, в свою очередь, стараюсь делать так, чтобы муж чувствовал свою значимость в семье. Даже в мелочах веду себя так, чтобы он думал, будто это он сам все придумал или хотел этого. Мужчины без ежедневной порции лести чахнут и гибнут. Как, впрочем, и мы без комплементов. Хвалю мужа громко и прилюдно, а порицаю вполголоса и наедине.

Жанна улыбнулась детской наивной улыбкой. Ямочки засияли не только на щеках, но и на подбородке. Она лучилась счастьем, светилась радостью. Все присутствующие видели, что ее любовь не пылкая, но полна естественности, невинности, тайной трогательности, наивной прелести и спокойной уверенности. Это-то и раздражало Инну.

Она находила счастье Жанны сомнительным.

- Жизнь легче, чем мы думаем: нужно всего лишь принимать невозможное и выносить невыносимое, - ехидно фыркнула она.

А Жанна, не вникая в сказанное Инной, продолжала с упоением:

- Правда, последнее время Коля стал тяготиться своими обязанностями, хотя еще не отдал времени яркость красок своей привлекательной внешности, даже не поседел. Теперь вот не переносит запаха табака. А какой был заядлый курильщик!

- Одни превращают дым в деньги, другие - деньги в дым. И что самое странное - все довольны, - снова небрежно вклинилась Инна. Не утерпела.

- Теперь он все больше стремится уехать на рыбалку. Я не препятствую, понимаю - устает. У него есть оправдание - возраст. Работа изматывает, а внукам помочь хочется. Но он бодрится, мол, рано еще меня списывать со счетов. Я и сама стала тяжела на подъем, по дому с черепашьей скоростью вожусь. И слезы теперь у меня всегда наготове. Бесчувственному легко быть твердым. Когда болеешь, приходит понимание, что тебе уже далеко не сорок. Вот говорят, что самое опасное для любви - отсутствие препятствий, а я всегда хотела иметь их поменьше.

Представьте себе, мой первый парень был ростом два метра. Девчонки завидовали мне. А я, бывало, как подумаю, что у меня может быть дочь такого роста и это не принесет ей счастья, так сразу пропадало желание с ним встречаться. Я не понимаю мужчин, которые поступают неосмотрительно, женятся на красивых, но глупых девушках. Эгоистично ради собственной услады не думать о будущем своего ребенка. Может, вам покажется, что я в чем-то несколько примитивна, но такие у меня убеждения, и ничего тут не поделаешь, - добавила она с милым, мимолетно блеснувшим лукавством, подчеркнувшим ее еще заметную холеную пригожесть.

Аня громко вздохнула, давая выход своим чувствам. Подвижная физиономия Инны выражала безграничное удивление - какое только можно было себе вообразить, - вызванное трогательной наивностью Жанны. Она вскинула глаза и тут же пришла в состояние боевой готовности:

- Никому еще не помешала доля здорового скептицизма по отношению к жизни. Тебе бы тоже... Будь твой муженек молодым писаным красавцем, вряд ли у тебя сложилась бы тихая семейная жизнь. Вот тогда бы ты поняла, что такое око за око и все такое прочее, связанное с ревностью, разборками. Проще жить с таким, который не бросается в глаза...

- Вопиющая бестактность! И как только у тебя язык повернулся сказать такое! - начала было Мила.

- Мой Коля красотой не блещет? Но это с твоей «кочки» зрения. А для тех, кто понимает, он приятный и обаятельный. У него очень даже располагающая внешность. А на сторону мужчины глядят не по причине своих эффектных данных или молодости, а от неправильного воспитания, - с достоинством ответила на грубый выпад Жанна. - Мой Коля утверждает, что тот, кто знает сто женщин, не знает ни одной, а кто хорошо знает одну, тот знает сто. Гоняясь за количеством, не достигнешь качества.

Слышавшим эту перепалку казалось, что Инна на всех пытается выместить неудачи своей личной жизни. Это задевало и раздражало. Кира выразила на лице крайнюю степень огорчения, и Инна подумала, что ее отрицательные эмоции имеют и к ней какое-то отношение.

- Не заводись. Твой Коля женился, успев вдоволь нагуляться и наделать кучу ошибок, какие молодым еще только предстояло сделать. Опасна зыбкая жизнь с юным, которого трудно удержать от искушений... Каким образом муж ценит тебя? - ехидно спросила Инна.

- Мне медали за преданность требовать от мужа? Мой Коля полушутя говорит: «Жена в России больше, чем жена. В наши трудные времена она часто является единственным оплотом».

Жанна сделала паузу, желая усилить впечатление от умной фразы ее мужа.

Кира напряглась, с тревогой ожидая выпадов со стороны Инны.

Тема не была поддержана, и Жанна, чуть смутившись, умолкла. А Инна неожиданно стала тихонько напевать что-то совсем неподходящее ситуации.

Антон, опять Антон

Задел Инну за живое рассказ Жанны.

«Не хвались, а Богу молись. Расхвасталась, разоткровенничалась! Видно, шла по жизни, ни мыслями, ни сердцем не терзаясь. Не выношу необузданно глупых изъятий чувств. Жажда красиво хвалиться возникает только у дураков. «Кто говорит что хочет, тот может услышать чего не хочет». Повезло ей, вот и задается. И где только такого откопала? Что-то менястораживает в их отношениях. Мужик – он ведь сам по себе как кот. Ему женщина нужна постольку, поскольку создает комфорт. А может, это мне только несамостоятельные мужья попадались?..

Не подумала Жанна о том, что уши многих из нас давно тоскуют по замирающим звукам нежно произносимых фраз и просто по доброму человеческому участию. С удовольствием бы выпроводила ее отсюда», – мстительно подумала Инна, но почему-то не завелась и не ответила Жанне по-своему «достойно».

Почему? Может, потому, что неожиданно задумалась о ее судьбе? В классе Жанна была самой «сильной», как говорили учителя. Ни разу не случилось, чтобы она не ответила на какой-либо вопрос, не решила трудную задачу. В вузе была одной из лучших на курсе. На съезд комсомола ее посылали как самую активную, деловую, умную, порядочную и удивительно скромную. Вышла замуж за выпускника пединститута и отправилась за ним на Дальний Восток в деревеньку, в которой не было даже нумерации домов. Всю себя отдавала местным ребятишкам и своей маленькой семье. «Доброта есть, ум тоже. Одно не исключает другого. А она с ее талантами и внешностью всю жизнь была для мужа чем-то вроде домработницы и, похоже, деградировала? – гадала Инна. – Откуда в ней такая нетребовательность к жизни? Почему, имея такие прекрасные умственные данные, не добивалась в жизни достойных ее высот? Любовь за собой повела? Ради нее она «закопала» себя в деревне? А вдруг бы разочаровалась в муже, и тогда это стало бы трагедией всей ее жизни. Но как гордо защищает свой выбор! Не показное ли это?

И сестры ее, не менее талантливые к наукам, не сумели достичь многого и в личной жизни оказались неудачливыми. И это с их-то золотыми бесхитростными сердцами! Вот в чем обидная ирония судьбы. Поди, пойми ее, судьбу эту их распроклятую. Может, в детстве стоит поискать корни их неуверенности перед жизнью? Им не хватало практической смекалки или цепкости? Их городская мама, когда-то с отличием закончившая институт, родив третьего ребенка, оставила работу, и семья жила на нищенскую зарплату деревенского завклубом... пока не случился тот жуткий пожар...

А ведь, если вдуматься, процентов пятьдесят (а то и все шестьдесят!) женщин ищут именно такого, как у Жанны, мужа: надежного и совсем даже не сексуального, чтобы помогал, нервы не мотал, а не этаких, пусть даже совершенно очаровательных, «перпетум кóбиле», как у Маргариты, которые в упор не видят своих жен... Такая вот моя бытовая версия.

– ...И все же роскошно говорит Антон, – томно прикрыв глаза, проговорила Рита, желая возобновить разговор: «Моя душа призвана идти дальше, она стремится к познанию мироздания... только любовь, искусство и удовлетворение от достигнутого в науке доставляют мне истинное наслаждение, находят во мне глубину и делают счастливым. Они приоткрывают мне вечность...» Как это на него похоже! Есть своего рода шик в его словах... И все-таки он романтик. Последняя особь из когда-то многочисленного вида, – пошутила Рита.

По ее лицу прошла еле уловимая улыбка, точно она подумала о ком-то очень любимом, но далеком.

Женщины уважительно помолчали.

«Как же мало меняются люди с возрастом. Рита сегодня как-то особенно романтична, ну совсем как тогда, в день моего отъезда в Москву, в МГУ. Никто в меня не верил, но все искренне желали удачи, а Рита говорила яркие вдохновенные романтические слова напутствий», – вспомнила Лена.

– Антон мог бы и понятней изъясняться. В его возрасте уже принято давать

рациональное объяснение своим чувствам, а он остался романтиком, – вставила пренебрежительную фразу Инна.

Со стороны казалось, что в ней боролись и уважение, и нелюбовь к Антону.

«Инна знает свой стержневой характер и уже не ждет к себе доброго отношения? Я заметила, что ее удивило и обрадовало мое приятельское к ней обращение в самом начале нашей встречи. Она как-то сразу разъярилась, стала мягче. А в первый момент показалась слишком напряженной и взвинченной», – на минуту отвлеклась на Инну в своих мыслях Жанна.

– Может, это и хорошо, что Антон романтик, – помедлив, сказала Лера. – Как-то за рюмкой коньяка, не помню, на какой праздник мы собирались, он произнес задумчиво: «Все мы ищем того, кому не хотели бы изменять». Может, о работе говорил, а может, Дина всю жизнь стоит перед его глазами.

Я эту его фразу запомнила еще и потому, что впервые услышала нечто подобное от своей мамы. Она при этом еще добавила, что всегда хотела умного и такого, в ком могла быть уверена, но, видно, эти понятия несовместимы. А много позже она грустно констатировала, что так и не встретила мужчину, которым могла бы всерьез восхищаться, потому что мужчины по большей части неумны, неглубоки и в основном лживы. И сказала она это так, будто добралась до сути главной житейской истины, основной причины всех женских несчастий. Мне было жаль ее...

«Любовь! Одни беды от нее, – подумала Инна. – Антон! Спроси он меня тогда, наверное, сказала бы правду, и тот день, может, изменил бы всю мою жизнь. Но после ошибки юности не давало покоя чувство вины, я была слишком неуверенной, и неловкостью своей все испортила сама. Только поняла это слишком поздно. И потом не видела в юных девах, с их примитивными попытками соблазнить, серьезных соперниц и все надеялась... Надо хорошо знать мужчин, чтобы не влюбляться столь опрометчиво...

Но когда спустя годы мы встречаем тех, кого любили прежде... мы их не любим, потому что и в них, и в нас умерли те, кем мы были в юные годы. Мы стали другими. Теперь я уже не могу себе вообразить, что страдала, сходила с ума. От того состояния влюбленности, от прошлых мучений сердца ничего не осталось. Я испытываю к объектам своего прежнего вождения смешанные чувства любопытства, разочарования и даже некоторой неприязни. Но тут уж, что греха таить перед собой, надо винить обиду на свое неслучившееся счастье или зависть к соперницам.

Еще больших трудов мне стоит поверить в то, что некоторые роковые встречи, предвещавшие радость и страдания, были пустоцветом моего пылкого воображения, а трогательные истории, бывшие тогда единственным утешением, теперь кажутся почти смешными... Оказывается, любовь вместе с нами стареет, изнашивается и погибает»...

Голос Риты перебил печальную думу Инны.

– Что мне еще нравится в Антоне, так это то, что он не позволяет себе хвалиться перед друзьями, не бравирует своим талантом. Говорит, что здесь это было бы неуместным, мол, не на партсобрании, где все регалии каждого обязаны быть на виду. От похвалы его, очевидно, предохраняет редко теперь встречающееся нравственное достоинство ума. Может, поэтому и для нас, его сотрудников, его «хорошо» было высшей точкой похвалы.

– Хватит смаковать героя. Антон – совсем не уникальный случай. Если ты ищешь кумиров среди своих современников, значит, сама уже принадлежишь прошлому, – подбросила шпильку Инна.

«Так и подмывает ее кому-нибудь нахамить. Скучно Инке дома одной, задыхается она в тисках четырех стен. Ищет на кого выплеснуть переизбыток нерастроченной энергии. Наверное, сейчас сидит здесь между нами и думает: наконец-то у меня в жизни что-то происходит... Или хамит, или хитро, провокационно исповедуется, вкрадчиво влезает в душу, вываливая житейский хлам наружу то истово, то с осторожной правдивостью, ожидая от каждого из нас того же. Слушать ее порой совестно, но я слишком устала, чтобы упорствовать, отстаивать свое», – размышляет Кира, предлагая подругам чай, кофе и бутерброды.

- Закругляйтесь с разговорами, перекусите, - обращается она к подругам.

Рита опять заговорила о научных успехах Антона, потому что побоялась еще раз ступить на зыбкую почву разговоров о личной жизни своего друга.

- В небольших, гомеопатических дозах похвальба, злость и обидчивость не только простительны, но и полезны, - засмеялась Жанна. Ей не хотелось скучных, серьезных разговоров и оценок.

А Рита не унималась, ее точно прорвало:

- ...По-настоящему умный и серьезный, Антон испытывает отвращение к тем, кто вкладывает свою энергию в рекламное пустословие, набивает себе цену, желая прослыть гением, дает амбициозные названия своим статьям, теориям и проектам. Как-то хлестко и ядовито высказался - видно, достали его, - что дураков всюду хватает, что, мол, дураки и хулители, со страстью отстаивающие глупые дела, не бесят его, там все ясно. И только те, что настырно лезут в разумные проекты, выводят его из себя, потому что его злит торжествующий оптимизм несведущих людей. И тут же заявил, что любая борьба, будь она даже на службе самого правого дела, никогда не убедит того, кто сам не захвачен этой борьбой. Вы не представляете, какого удовольствия лишаетесь, не общаясь с Антоном, не пытаясь его разгадать. А он связан с каждой из нас какими-то незначительными подробностями, которые объединяют всех, - задумчиво и немного грустно закончила Рита и с таким важным видом кивнула головой, словно под присягой подтвердила строгую достоверность своих слов.

От внимания Инны не ускользнул излишне романтический настрой сокурсницы.

- Рите побережь бы комплименты для своего очередного мужа, - зашептала Инна, обращаясь к Жанне, - а она возвеличивает и расхваливает на все лады Антона. По-моему, она злоупотребляет литавами, характеризуя однокурсника, с пеной у рта защищает. Подумать только, как велико его влияние на умы некоторых женщин! Ее рассказ - ода! Бравурный марш в честь друга юности. С тем же успехом она могла бы воздвигнуть ему памятник у себя на родине. Он ее единственное утешение? - иронично хмыкнула Инна, бросив презрительный взгляд в сторону Риты, для которой она произнесла эту фразу достаточно громко, чтобы та поняла, что говорят о ней, но пониженным тоном, чтобы показать, будто не хочет быть услышанной. Ох уж эти каверзы женской натуры!

«Инка похожа на неразорвавшуюся гранату, готовую от малейшего толчка все разнести в клочья. Глаза ее горят каким-то болезненным возбуждением, - тревожно подумала Аня. - Не ожидала, что ею так остро переживается само воспоминание о давней любви».

Рита резко выпрямилась на стуле, ее щеки вспыхнули нервным румянцем, но она ответила Инне с достоинством:

- Мне следует обидеться на твои колкости? Не дожدهшься. Запомни, мои интересы лежат несколько в другой плоскости, нежели ты предполагаешь. Антон - герой не моего романа, он просто прекрасный человек и редкий друг. Я ценю его. Ты же знаешь, что удивительные встречи, переворачивающие жизнь человека, слишком редки... Если продолжишь говорить глупости - будешь иметь со мной серьезное объяснение, только не тут и не сейчас. Я промолчу, хотя ты уже достойна приличной нахлобучки. Не выбивай меня из нормальной колеи.

Инна применила свой старый излюбленный способ: подколоть, унижить, раздосадовать и вовремя отвернуться. Теперь ее голос совсем сошел на доверительный шепот, и она принялась спокойно делиться с Жанной своими предположениями:

- Антон - холостяк по натуре, вот и не снискал доверия «масс», окучивая красоток, ценит в себе только самцовую доблесть, помешался на собственной персоне. Меня шокирует его непохвальная неразборчивость. Похоже, он дал обет безбрачия. У каждого своя Голгофа... Конечно, его откровенная наглость и изысканная небрежность по-своему неотразимы, а безупречные европейские манеры притягивают. Мне кажется, он все больше напоминает свою мать. Наверное, от нее он унаследовал высокомерную изысканность обхождения. Ее прекрасное дворянское воспитание выпестовало в нем это свойство... Он точно всех инспектирует своим пронзительным взглядом. В нем это

проявляется инстинктивно, произвольно, в силу привычки... – долетали до Лены отдельные фразы Иннинных высказываний.

– «Из неправды в правду дверей не отыскать», – обронила Алла. – О каждой из нас тоже говорят много всякого, разного.

«К Антону, я думаю, все эти сплетни имеют малое отношение. Не одобряю я подобные рассказы. Не стоит верить всему тому, о чем Инна треплется. Может, Антон по натуре дамский угодник, но никак не ловелас. В студенческие годы, помнится, он был не большой охотник до вина и вольных женщин. Одной Дине отдавал все свое мужское обаяние. В порядочности никто с ним не мог сравниться, – думает Жанна, внешне не выдавая своего несогласия. – А если что и было, так эти локальные моменты несовершенства в нем так милы и обворожительны, что только подчеркивают его естественность».

– Не пора ли нам закончить разговор об Антоне? – шепнула на ухо Инне Кира.

Ответа не последовало.

– Говорят, если юноша был слишком любим своей матерью, он ждет от женщин слишком большой к себе любви и, естественно, не находит. Нельзя получать, не умея отдавать. Женщинам тоже хочется, чтобы их любили, боготворили... А как он красиво и гордо скидывает голову, с каким достоинством! И движения шеи при этом настолько гибкие, высокомерные, даже кокетливые. От матери унаследовал...

– Кто тебе о нем такое наговорил? Я такого за ним не замечала. Антон прост и в высшей степени естественен. Никогда не замечала в нем ни малейших черт рисовки и позы. Никогда не видела, чтобы он принимал людей, самодовольно развалившись в кресле. Слишком предвзято ты к нему относишься и чудовищно извращаешь его поведение, – в запальчивости повысила голос Рита и, смутившись, оглянулась, испугалась, что привлекла к себе внимание.

Но нет, все присутствующие были поглощены своими разговорами.

– Так я тебе и скажу, кто, – рассмеялась Инна.

Она умела нагнетать обстановку неудовольствия, поэтому невозмутимо продолжала:

– Не уместно ли в этом случае задаться вопросом: «Что может привести в жизнь женщины такой мужчина?» Только хаос. Его любовь – блестящий дивертисмент на короткое время. Легко ему – не надо ни о ком тревожиться, заботиться. По одному принципу живет: если очень хочется, то можно. Он слишком умен и хорош, чтобы кого-то любить. Любая ему неровня. Прекрасно выкован природой, улетный экземпляр, к тому же красив той особенной внутренней красотой, которую так ценят умные женщины. Но он давал отпор любым их поползновениям. А чтобы потешить свое самолюбие, окружал себя дурочками, которые сохли по нему, которым нравилось, чтобы их раздевали глазами. У них он нарасхват. Элегантное решение, ничего не скажешь!

И – надо же! – совсем не боялся огласки. Другого давно бы «раздавили» и мокрого места не оставили. Такие дела обычно заканчивались скверно. Ему бы оставить опасную забаву, так нет, все нипочем. Был молод, беспечен, кровь бурлила. Я советовала ему не искушать судьбу, сокрушалась, мол, умерь свой пыл, иначе с тобой при первой же возможности разделаются.

Надо сказать, не удавалось повлиять. Это было безнадежным делом. Как-то он заметил мне довольно холодно, мол, на свой аршин всех не меряй. Не оценил моей заботы. Не одобряла я его ребячества, но, смирившись, предпочла больше не смущать друга, со стороны наблюдала его жизнь...

Аню ошеломили слова Инны, Лене чуть дурно ни стало... «Хорошо, что Рита вышла на лестничную площадку подышать и не слышит этой дикой ахинеи».

– Во внешней красоте их притягательная сила? Но она ничто без внутренней. Нет, все-таки недаром говорят, что женщины одерживают верх над самыми выдающимися мужчинами лишь благодаря макияжу и прекрасной фигуре.

- Напротив, Антон был один из тех немногих, которые не боятся сильных умных женщин. Он дружит с ними, - возразила вошедшая в комнату Мила.

- Если он их использовал, то хорошо устроился, - хмыкнула Инна, довольная невольной подсказкой.

- Не можешь без пошлостей! - рассердилась Мила.

- Наверное, надо быть мужчиной, чтобы понять Антона. Существует магнетизм талантливых людей, в них влюбляются, и ничего тут не поделаешь. А влюбленности гениев интересны тем, что под влиянием чувств у них возникают талантливые идеи или создаются прекрасные произведения искусства. Я, например, скорее полюбила бы талантливого, нежели красивого, - простодушно заметила Жанна, совершенно не желая унижить Инну своим замечанием. - Умная женщина, наверное, уцепилась бы за Антона обеими руками. От такой просто так не отмахнешься.

Реакции Инны на слова Жанны не последовало. Она торопилась высказать свое мнение:

- Едва ли надо говорить, что он в женщинах искал радость и сладость, а они в нем опору. Не сходились их помыслы. Разное исповедовали. Он - нарцисс, и в этом его несчастье... Никто не удержал его ни опытом, ни безотказностью, ни пышными или изящными формами. Ему хотелось от них только телесной любви... Для очистки от грехов его идеального образа - а они, несомненно, за ним водились - нам только не хватает средневековой церкви с ее индульгенциями, но для этого надо очень даже напрячь воображение, - с притворным вздохом закончила свой монолог Инна.

Вошедшая при ее последней тираде Рита взвилась, буквально взорвалась громким негодующим шепотом:

- Как можно опускаться до таких примитивных сплетен?! Кто тебе сказал такое? Передай им мой «горячий»... очень «горячий» привет!.. Так, всё! Хватит, достала! Может, ты это всё из собственного опыта вывела?

- Да уж не из твоего серенького, - пробормотала Инна как бы для себя, но опять-таки, чтобы слышала Рита.

- Не пори горячку и не раскручивай моховик недовольства тобой. Не умствуй там, где нужна мудрая простота. Мне гадки твои измышления. Я чувствую себя так, будто это меня ты всю вывернула наизнанку. Не приписывай Антону манеры ловеласа. Это уж слишком!

Ты прекрасно знаешь, что Антон - самый чуткий и совестливый из нас, но его семейное счастье возможно только при наличии единства физического, духовного и эмоционального. Его-то он и не находил, а из насильственного альянса ничего путного выйти не может. И он это понимал. Не торопись наказывать людей. Как говорится, оторванную голову к месту не приставишь. И вообще, подумай, может, не судить, не осуждать и впрямь будет мудрее? - с притворным, но ядовитым смирением добавила она.

Рита никак не могла успокоиться, терла подбородок, резко встряхивала головой, будто дирижировала возникающей в ней бравурной музыкой.

- Духовные поиски? Одно другому не мешает. И так, и этак их можно повернуть... - весело ухмыльнулась Инна.

- Искрометное суждение! Одни пошлости в твоей голове. Моя позиция в этом вопросе категорично однозначна, - вспыхнула Рита.

- Ах, ах! Мое общество для тебя недостаточно изысканно! - вскрикнула Инна так громко, что недоуменно умолкли и растерянно опустили глаза в пол две соседки по столу, Мила и Аня, те, что сидели рядом с Жанной. А Кира, на минутку остановившаяся за спиной Риты и успевшая услышать отповедь обиженной однокурсницы, с суровым состраданием взглянула на Инну, но промолчала, чтобы не разжигать страсти вокруг имени всеобщего любимца. Она старалась угадать дальнейшую линию поведения Инны и только на миг приподняла руку, точно желая остановить ее, пока та не сорвалась окончательно.

«С раннего детства нас приучали держать свои чувства в узде, многословную

восприимчивость души загоняли до полного бесчувствия в тесные рамки стыдливого умолчания. И в школьном детдоме у меня был девиз: «Вижу, но молчу». Так легче было выживать... А влюбившись и утешившись призраком телесной близости – на миг соприкоснувшись коленями или руками, – мы вдруг понимали, что есть на свете чувства, из-за которых стоит жить, но умело маскировали их хорошими манерами... Ну и что? Если восстановить в памяти череду жизненных событий, разве строгое воспитание помешало нам? Ведь нет же?» – думала Кира, неодобрительно поглядывая на Инну.

Рита, сжав свои руки так, что ногти вонзились в ладони, думала раздраженно: «Что-то не припоминаю я за Антоном перечисленных подвигов. Опять вылезает из всех щелей эта инкина невыносимо вульгарная претенциозность!.. Ни сплетни, ни фантазии в ней надолго не задерживаются. Странная у нее мораль. А какая готовность и способность защищать свои собственные «нравственные» основы! Не дают ей покоя чужие лавры, не остается сомнений, что иронией она прикрывает свое гнилое нутро. В своих бесчисленных авантюрах она приобрела довольно сомнительную репутацию, и сейчас, похоже, ее переполняет страстное желание столкнуться со мной лицом к лицу. Зачем? Если изголодалась по роскоши общения, так смени ампулу из уважения к хорошей компании. На худой конец, могла бы утешиться другим способом и в другом месте...

И Лена молчит. Хотя бы потихоньку упрекнула подругу... Может, перед всеми ткнуть Инну носом в ее собственный порок, в ее слабое место и оставить сплетницу побежденной, обесчещенной? Будет знать, как дразнить и травить других. Ха! Эта будет сцена, «полная напряженного драматизма и философской глубины или высочайшего проникновеннейшего лиризма»?.. А черт с ней. Я пришла сюда не для того, чтобы выяснять с ней отношения. Не следует высвечивать и выпячивать обычно мне несвойственное... Не стану никого разубеждать, что не переменялся Антон со студенческих лет, что на самом деле все обстоит прямо противоположным образом – девочки сами на него вешаются, а он только отбивается. Мои подруги сами разберутся в том, кто из нас прав.

Превратно судит об Антоне Инка, да еще и распространяет свои вздорные домыслы и утверждения! Недаром в отделе всегда говорили, что если произошла утечка информации, особо нет нужды упоминать Инну. Всем и так все ясно... Из-за таких вот завистливых и «слишком сведущих и осведомленных» гнусные пасквили всю жизнь преследуют незаурядных людей... Репутация зарабатывается десятилетиями, а губится в одночасье. Вопреки расхожему мнению Инны о похождениях Антона, из него вышел бы прекрасный муж, будь он рядом с любимой.

Не хочу его оправдывать, конечно, что-то было... но, может, он искал вторую Дину и не находил. Я верю, что ему нужна не только физическая любовь, доводящая мужчину до безумия, а еще и истинная, рожденная узнаванием, заботой, верой в любимого человека, единомыслием. Поиски идеала не называют страстью к женщинам, это скорее трагическая необходимость. Но разве такая любовь, какая была у Антона в юности, может повториться? К тому же девушек у него было, насколько я знаю, не так уж и много...

Только если Инка наворочает – не скоро разгребешь завалы ее фантазий. Как всегда, перегибает, перебарщивает. Она свой необузданный темперамент, лишенный свободы развернуться на чем-то полезном, направляет в другую сторону. Ей, не согласившейся на поиски компромиссов в своей семье, хотелось бы и других видеть такими же несчастливymi... Может, у нее разгуливается воображение на почве физической неудовлетворенности?

Почем тебе, Инна, знать, как он оставлял своих женщин, свечку, что ли, держала? Смешны поверхностные оценки людей, основанные только на собственном опыте, легко постичь другого в сравнении только с самой собой, но будет ли это истиной? – молча распалила себя Рита. – А может, Инка видит в нашей встрече возможность причинить мне новые мелкие неприятности?»

В огромных черных глазах Риты читалось затаенное возмущение, обидчивость и оскорбленная во всей своей деликатности женская стыдливость. Она так разгневалась, так разнегодовалась, что румянец осветил ее чуть поблекшее красивое смуглое лицо. Она снова и снова прокручивала в голове слова Инны. Боль прошлого, давно отступившая на второй план, вдруг всколыхнулась, затрепетала, нервы натянулись. Рита была на грани. Казалось, еще немного, и покажутся слезы...

И не справилась... Неожиданно для самой себя Рита высказалась вслух достаточно громко, презрительно, даже ехидно. Слова, полные безрассудного отчаяния, словно сами явились из ее прошлого как эхо той горячей, тайной, драматической, студенческой любви:

– Ах, так вот как, оказывается, обстоят дела у Антона! Тебя, Инна, с позволения сказать, заносит. Тебе всегда не доставало врожденного такта. Хочешь всех ошеломить? Твои слова – весьма смелое заявление на достоверность. Как всегда, выискиваешь недостатки? Кидаешься на всех, как черная пантера. Из-за чего надрываешься? Я к тому, что не спешишь ли ты с выводами, может, мне стоит поторопиться и положить конец твоим домыслам твоим же методом? Я, например, слышала о нем другую, полярную, безоговорочную точку зрения. Женщины преклонялись перед его талантом, а он хотел, чтобы они видели в нем человека.

Понимаю, ты много пережила, много видела в жизни зла, но вопреки твоему устоявшемуся мнению я считаю, что Антон обладает многими добродетелями, но его женщины слишком поздно начинали понимать, что имели дело со сложным, утонченным индивидуумом... И вообще у тебя, Инна, как-то удивительно просто получается ставить людей в идиотское положение, делать из них монстров, пользуясь тем, что пока все прояснится, утечет много времени... да и выяснять никто не станет...

Меньше сомневайся в себе, тогда больше будешь доверять другим. В твоём изложении личная жизнь Антона получила очень даже ненадлежащую трактовку. Тебе не кажется, что ты несколько предвзята в своих оценках?.. Перевоссоздаешь им пережитое в духе своих сокровенных желаний?.. Страдаешь за поруганную правду своего женского естества? Оно стало венцом твоих несчастий?..

Рита досадливо и раздраженно махнула рукой, не надеясь на понимание.

В комнате повисла явственно ощутимая неловкость. Присутствующие опустили глаза и насторожились в ожидании бури от такой неожиданной бестактности всегда сдержанной Риты. Казалось, заговор молчания окружил ее плотной стеной.

«Будь сейчас здесь хотя бы один из наших мужчин, такой неловкой ситуации никто из женщин не допустил бы. В чем причина этой странной Ритиной вспышки? Похоже на невольную, неосознанную ревность. Так ведь не семнадцать лет. Хотя, конечно, о юношеской любви вспоминают редко, но помнят-то всю жизнь. Никак не могу взять в толк, неужели и Рита не избежала участи Инны? Она тоже была влюблена в Антона? Выдала себя? Я и мысли такой не допускала, каверзное предположение. Зачем Рита высветилась, поставив вопрос ребром?.. Не в меньшей степени это же можно сказать и об Инне. Отчего они обе так сильно покраснели, разнервничались? Неужели юношеская безответная влюбленность, не увядая, может дремать в сердцах бесконечно долго? Не думаю. Юность – годы, когда всюду и во всем грезятся тайны – уже давно прошла, и с ней утекло давно перебродившее половодье первых ярких чувств. Не стоит тратить время на раскрытие загадок, которые уже не вызывают в нас высоких чувств. Разве что простое любопытство.

Длительная разлука обычно усыпляет злопамятство и обиды, даже пробуждает давнишнюю дружбу. Я могла бы понять Инну с ее вспышками неводержанности. Она замурована в четырех стенах. Она одинока. Но с чего это Рита вдруг завелась? Не похоже на нее. Всегда такая собранная, строгая, правильная... А строки ее стихов дышат страстью и мольбой, поражают откровенностью чувств. Но то стихи... В жизни ведь как случается: она любит его, он – другую, а та – третьего. И все несчастливо... Инна чем-то задела Риту? С нее станется. Заметил ли еще кто нервные подергивания рук Риты? Наверное, она уже и сама не рада, что ввязалась в разговор с Инной. Не случилось бы чего из ряда вон выходящего. Надеюсь, Инна не отравит атмосферу встречи настолько, что нам придется сожалеть о сегодняшнем дне... К чести Инны могу отметить: не продолжила она «обмен мнениями». Ах, как неловко у них все вышло! Я должна их мирить?.. Избавьте меня, пожалуйста, от подобного рода обязанностей!» – все это промелькнуло в сознании Киры с космической скоростью.

Но Кира умела, когда надо, придерживать готовые вырваться резкие слова, поэтому только внимательно посмотрела с едва заметным беспокойством туда, где еще тлели угли раздора. Упреждая неосторожные и, более того, неуместные комментарии, она

отвлекла ершистых однокурсниц от огнеопасной темы попыткой уплотнить их жизненное пространство, чтобы втиснуть между ними еще одно посадочное место для кого-то из ожидаемых гостей.

- Не будете ли вы так любезны помочь мне? Вас не стеснит, если я придвину ваши стулья к шкафу? - с шутливой, но неукротимой заботливостью настаивала она.

Ее действия привели к желаемому результату, буря миновала гостеприимные стены этого скромного жилища. Настал настороженно-хрупкий мир. И все же мир. Инна усилием воли сумела сжать в кулак свое сердце и не выдать своих чувств. Только говоря о других, она могла позволить себе распалиться. «Высказалась Ритка! С моим самолюбием и самоуважением я никогда и никому не служила запасным аэродромом, даже Антону», - сердито пробурчала она себе под нос. Но долго еще бурлила внутри нее обида на Риту. Видно, не понравилось, как на ней апробируют ее же методы.

И все-таки не избежали гости минуты неуютного молчания, хотя Рита и постаралась овладеть собой, чтобы не огорчать подруг. Кира, в свою очередь, снова вмещалась. С очаровательной легкостью, пропустив между пальцами истинные проблемы сокурсниц, она принялась мягко расспрашивать Аллу о здоровье ее старенькой мамы, а потом откликнулась на более веселой ноте на призыв Ани и Милы срочно «заморить червячка».

«Кира - хороший дирижер, умеет в любой момент отретушировать, замаскировать истинное положение вещей и смягчить отношения между людьми. Немезида ты наша милая! Редкое и очень необходимое качество в женском коллективе. Ум, такт, любовь, милосердие, неосуждение - когда они встречаются в одном человеке - это дар Божий. Кира богата той мудростью, которая порой лучше всякой учености», - оценила Лена поведение хозяйки дома. (Она не знала удивительного таланта общения Вали, которая влилась в их компанию годом позже).

- Инна, я думаю, ты права, - словно бы проснувшись от скоротечного сна, высказала свое предположение Жанна, - женщина сама никогда не покинет стоящего мужчину. Только твои слова не послужили опровержением моей теории. Тут все ясно: не любил Антон, а женщины это чувствовали и вынуждены были оставлять его.

Она сказала это для того, чтобы продолжить разговор, повернув его в нужную ей сторону, потому что считала, что оживленность ее речи скроет хоть и временное, но тотальное духовное оцепенение маленького коллектива. При всем при том она была не против кое-что выпытать и выспросить об Антоне. Но никто не поддержал ее мнения, возможно, сочтя его провокационным или излишне наивным в данной ситуации.

- Мне кажется, он сам дает нам ключ к разгадке. Я лично приписываю это тому, что он однолюб. Сгорел в любви к Дине. Женщины для него - лекарство от одиночества. И с детьми у него, как говорят мои внучки, полный облом. Жаль, порода хорошая... А алкаши десятками детей строгают, русскую генетику портят... Что ни говори, положительное в Антоне все равно на два порядка выше и значительнее всех его вместе взятых недостатков, - неожиданно для всех присутствующих подытожила долго молчавшая Эмма.

- Кира, а есть ли среди наших однокурсников хоть один предприниматель? - неожиданно спросила Жанна. - Помнится, в наши студенческие годы инициативу первых смельчаков на корню подрубали наглядно, чтобы другим неповадно было. Тот процесс (ты помнишь его?) впечатлил многих, шрамами на всю жизнь остался, глубоко отложился, страх породил. На подобные вещи мы стали смотреть с опасливым недоверием.

- Все, кто занимался наукой, остались верны ей - не подались в бизнес, не улетели за границу. К сожалению, часть молодежи сейчас голосует ногами - уезжают на Запад. Скажу высокопарно - наши сокурсники со страной все беды переносили, хоть и за гроши, но продолжали работать на своих местах, считая, что приносят пользу Родине и своему народу, оберегая уже созданное и пытаясь, по сути дела, бесплатно продолжать исследования.

- Кому надо было улететь, еще раньше крылышки расправили. Видно, нос по ветру давно держали. И будто ветром их сдуло, - невозмутимо уточнила Инна.

- Ты на кого это намекаешь? - спросила Аня, но сказала это так, словно не представляла, о ком идет речь, и рассчитывала на чью-то помощь в прояснении этого вопроса. А может быть, понадеялась на деликатность сокурсницы.

- Коль скоро речь зашла об этом, я подскажу тебе. На него намекаю, на твоего любимого... Понял, что тут ему ничего не светит, и слинял в Америку. Крышу ему снесло, хотя он и не производил впечатления летуна. Только я слышала, не нашел он там счастья, загнанный какой-то, всего боится. Дочки-красавицы его одиноко там кукуют. Перестарки. Юношам на чужбине всегда легче пристроиться. Наша судьба не всегда та, что мы яростно желаем... Он, по крайней мере, старался извлечь из их ситуации все, что могло бы принести семье пользу и радость...

А здесь с его-то связями он ой как мог развернуться. Перемудрил себя. Сейчас в России легче, чем где-нибудь еще, можно столько денег заработать, чтобы потом жить где хочешь и как хочешь. В наши предприятия пока что вкладываться рискованно. Коррупция, неразбериха, обман... Ничего, не так, так этак как-нибудь выкрутится. Левич - парень головастый, - спокойно разъяснила Инна.

- Решился-таки уехать, - не то утверждая, не то вопрошая сказала Аня. - Я и не знала... Думаешь, поддела меня, на обе лопатки положила? Не обольщайся... Ну-ну, давай продолжай в том же духе, - Аня улыбнулась с легким презрением и сделала вид, будто речь в монологе Инны шла не о ком-то ей когда-то очень дорогом, а о чем-то мелком и до ужаса неприличном. Ей не хотелось раскрывать свою душу перед бестактной недоброй «теткой», какой она увидела бывшую сокурсницу. - Чуть что, так сразу я на языке. В честь чего это опять обо мне... - раздраженно забурчала она, отворачиваясь от Инны.

«Зачем Аню растревожила?... Заведется в коллективе одна паршивая овца и всем настроение портит своими неуместными комментариями. Слишком далеко заходит в своей наглой «непосредственности», - раздраженно думает Галя о порочных наклонностях Инны, в который раз заглушавших ее радостный настрой от встречи.

Кира предложила проветрить зал, и женщины дружно отправились кто в спальню, кто в коридор.

Сокровенное

Женщины вели спокойную беседу о целительных свойствах лекарственных трав. Вдруг Инна громко возвестила, привлекая к себе общее внимание:

- Я совсем забыла вам рассказать об очень важном, сокровенном, я бы сказала, очень личном. Марго говорила, что понимает и оправдывает подчас пренебрежительное отношение многих женщин к телесной любви. «Видно, не досталось им мужчин, которые сделали бы их способными ценить это значительное, божественное, возвышенное таинство, может быть, самое святое из всего, что дано Богом человеку». У нас в России на самом деле нет секса. Секс - это великое искусство, которое от природы дано не каждому. Даже при наличии очень даже приличных данных этому надо учиться, причем обеим сторонам. Мы жутко безграмотны в вопросах получения наслаждения».

«Нам неловко об этом даже думать, и мужчины не станут учиться, они слишком самолюбивы и уязвимы, - возражала я ей. - К тому же они не смиряются с тем, что женщина с ними равная. В таком случае они не смогут нами командовать».

- Умные таких комплексов не имеют, - подала голос Алла.

- Жестокая реальность! Уязвимы они по причине своей мужской несостоятельности, по неспособности утолить женщину даже в молодости, что уж говорить о наших годах. Мы вынуждены себя ограничивать... За всю свою жизнь не было случая, чтобы я отказала мужу. Да мне хоть сколько раз в день... А еще лучше: раз, но как надо... - игриво-конфузливо фыркнула Инна. - Вот вы, девчонки, испытывали экстаз, настоящее эротическое воспарение и слияние, которое повергало бы вас в изумление?.. Ну, если только от музыки. Но там другое, духовное единение... Вы знаете, что значит внимать своему внутреннему голосу, своим сексуальным желанием?.. Певицу Аллу Пугачеву вспомнила. Вот кто притча во языцах. Молодец, замуж за молодого пошла!

- В том, что женщина в таком возрасте выходит замуж, много меньше абсурда, чем если в эти же годы женится мужчина. В готовности женщины в любом возрасте принять мужчину я нисколько не сомневаюсь, а вот способен ли мужчина выполнить им же желаемое? - рассмеялась Лиля.

- Замуж Пугачева вышла. И что тут удивительного? Многие знаменитые женщины имели молодых мужей. У кого деньги и положение в обществе, тот и правит бал. Юная девушка не пойдет за бедного старика. То же самое можно сказать и о молодом человеке. Тут все баш на баш. В одном проигрываешь, в другом выигрываешь. Все по науке. Цели в таких браках разные. Для пожилого мужчины молодая жена - признак значимости, состоятельности, а женщине в возрасте молодой муж нужен для сексуальной улады.

- И зачем только по телевизору постоянно мужчины о своей полигамии вещают? К чему это приведет, если девушки наконец поверят в это? Русский народ погибнет. Немыслимая картина, ужас! Зачем заниматься самоуничтожением? Нет чтобы с экранов семью славить, мужьям толковать, чтобы из сыновей мужчин настоящих помогли растить, - вздыхая, возмущается Аня.

- Важное замечание, особенно в разрезе перспектив развития современного общества, - скривилась Инна. И в ее лице и особенно в ярко накрашенных губках мелькнуло затаенное пренебрежение.

- Где они, настоящие мужчины? Ау! Я не говорю о героях. Я просто хочу увидеть мужчину с абсолютно мощной мужской генетикой, который с лицом, «обезображенным интеллектом», не станет крутиться, как красна девица, у зеркала - я помню чудное мгновенье, перед собой явился я! - любясь набором своих рельефных мышц, а со спокойной мудрой уверенностью сделает что-то простое, реальное и необходимое для семьи. И не сбежит в кусты от первого же несчастья, постигшего его семью, не перебросит свои обязанности на жену, искренне веря в женский стоицизм, - вторит ей Лиля, имевшая горький опыт неудачных замужеств. - Не знаю, как было раньше, до революции, но современной женщине много труднее, чем мужчине. Может, мы сами их балуем? Мы очень хотим иметь семью, а они, почувствовав это, садятся нам на шею. Меня всегда поражала неадекватная оценка мужчинами своих возможностей. Похвали,

и они сразу верят тому, чему хотят верить. Я, например, всегда на себя смотрю трезво, четко знаю свои плюсы, минусы. Меня не собьешь грубым комплиментом.

Молчаливое согласие подруг по несчастью было ей ответом.

- А я, когда в молодости слушала Маргариту, думала: «Ты, кроме работы, ничего не делаешь. Даже обедать позволяешь себе в ресторане, не экономишь, как мы, семейные... Примчишься с работы домой, а там тысяча дел ожидает. А если дети маленькие? Когда дети болеют, разве до себя? А если еще огород плечи к земле пригибает, корзины с овощами руки оттягивают? Бывало, плюхнешься в постель, косточки свои расправишь и рада месту. До оргазма ли тут? Лишь бы расслабиться, напряжение в малом тазу снять и мужу хоть какое-то удовольствие доставить. Недостаток сна отнимает больше сил, чем голод», - безнадежно махнула рукой Лиля.

- А я слышала, что чуть ли не девяносто процентов русских женщин фригидны, - сказала Инна.

- Беспрецедентное заявление! Да не фригидны они. Замордованы работой, бытом, страхом «залететь». Нет культуры взаимоотношений, мужья безграмотны, грубы, безответственны... А в результате сплошные кошмарные нелепости... Только числятся в мужиках... Попробуй среди них идентифицировать нормального... Эх!.. - Лиля опять безнадежно махнула рукой.

«Зачем они об этом... когда уже ничего не изменить. Это слишком жестоко. Надеюсь, Инна не нарочно подняла эту тему», - подумала Лена.

- В подтверждении твоих слов коснусь только одного примера, - не унималась Инна. - Марго рассказывала, будто одна ее знакомая в шестьдесят лет в полусне без наличия мужчины впервые в жизни испытала острое жгучее наслаждение - оргазм, она чувствовала, как ее тело омывалось волнами невыразимого блаженства... и ее изумлению не было границ. Потом, опомнившись, остолбенела от обиды: жизнь с мужиком прожила, а женщиной так и не стала? Это повергло ее в уныние. Всё причитала: «Зачем судьба так жестоко подшутила надо мной? Зачем она в таком возрасте показала мне, что я должна была испытывать? Ведь ради таких ощущений и на самом деле имело смысл выходить замуж и боготворить мужчину. Только «старая и согбенная» я поняла, что в молодые годы пропустила хорошую учительницу - Маргошу. Но в молодости не бывает авторитетов - сами себе все гении и таланты. Мы хорошо учились, но учились другому и не знали, что в жизни есть еще что-то помимо работы. Не умели ценить жизнь, наслаждаться ею». А Марго сказала ей, что еще не поздно, и предупредила, чтобы не слишком увлекалась, потому что это может плохо отразиться на кошельке. Только после этих шуточных слов я поняла, что она имела в виду. Меня даже в краску бросило, - сообщила Инна, доверительно подмигнув Жанне. - А та знакомая только отшутилась, мол, что ты плетешь, мне уже поздно и стыдно... Потом Марго добавила, что всегда жила с пониманием того, что благополучный секс высокого уровня - один из главных диспетчеров здоровья человека в молодости. И всегда жалела, что нам, ее подругам, малознакома природа противоположностей и достижение их гармонии посредством интимной жизни. Я отшучивалась: меньше знаешь, спокойнее спишь. А она на это только сочувственно качала головой. Не понимала я тогда своей неосведомленности.

- А я своему, бывало, говорю ласково: «Дефибриллятор ты мой», а он все равно не понимал, - словно отвечая на незаданный вопрос, как бы невпопад сказала Лиля и смутилась.

- А та женщина, - продолжила Инна, - позже делилась с Маргошей: «Понимаешь, я лежала неподвижно. Боялась, вдруг что-то отвлечет меня и спугнет удивительные ощущения. Я до последней капли хотела ими насладиться. И они длились, длились, постепенно ослабевая... Мне хотелось уснуть под их угасание, чтобы казалось, будто они продолжают всю ночь... Я мечтала, чтобы такое повторялось снова и снова... чтобы оно возникало чаще и чаще... Желание получить настоящее наслаждение, наверное, было подобно наркотику.

Как-то смотрела фильм по телевизору и вдруг поняла, что если после секса партнеры сразу начинают разговаривать или даже встают, значит... - ничего не могу сказать о мужчине, - но женщина уж точно не знает, что такое оргазм, как не знала о нем я всю

свою замужнюю жизнь». Женщина рассказывала о своих чувствах смущаясь, не глядя Маргоше в глаза. Мол, бабка на седьмом десятке, и вдруг такое... во сне с мужчиной...

Что это ты, Жанна, вдруг пригорюнилась? Себя сравниваешь? Ранена тайной печалью? Все мы тут обманутые...

- Ты настаиваешь на том, что именно так все и было на самом деле с той женщиной или только предполагаешь? Может, просто придумала? - как бы шутя, уточнила Лиля.

- Настаиваю. Большинство женщин успевают состариться, так и не узнав, что такое оргазм.

- Ничего особенного с той женщиной не произошло. Во сне все чувства и ощущения человека стремятся к желаемому, недостижимому в реальности максимуму, - сказала Лена.

- Раньше женщины не знали, что такое оргазм, и были счастливы. Если начать гоняться за физическими ощущениями, можно растерять духовное начало, - раздраженно сказала Жанна.

- Вот и ты не понимаешь меня. Понимание - самая сложная проблема людей. Если кто не хочет понять, значит, никогда не сумеет, - обиделась Инна. Надо знать такие вещи, хотя бы ради будущих поколений.

- Это уже из области иррационального, - высказала свое мнение Лиля, наклонившись к самому уху Жанны. - До меня тоже доходили слухи об этом... Неловкие мысли об особенных интимных отношениях тоже сидели во мне, тревожили, но я не умела их высказать. И слова тети, у которой я некоторое время жила после детдома, всегда сдерживали меня: «Не задавай опасные вопросы, чтобы не получить опасные ответы». Да и стеснялась я, не привыкла к обсуждению щекотливых тем. Никогда не думала, что пройдет энное количество лет и Маргошины слова припомнятся мне в горькие минуты разочарования и воплотятся в фантазиях...

А тогда меня очень смущала откровенность Маргоши. Я слушала ее только в силу своей любознательности. Мне казалось, что речь в ее рассказах шла об обыкновенных пошлых романчиках, на которые бездумно идут многие мужчины, чтобы поддержать в себе легенду о своей повышенной сексуальности, но мы женщины обязаны думать и понимать, к чему это может привести. Может быть, во мне уживался обыкновенный осмотрительный совестливый обыватель?.. При одной мысли об измене нервное беспокойство - боязнь будущего, принимающая форму страха перед собственным сиюминутным темным желанием - одолевало меня.

Я так рассуждала: «К чему приведёт подобное падение? К жалкой зависимости, униженности? Стоит ли оно того? Лучше один муж, но каждый день. От нехватки секса еще никто не умирал, а от недостатка любви - сколько угодно... Разве имела бы Марго столько мужчин, если бы ей сразу достался достойный или хотя бы приличный? Она же не была ни шлюхой, ни проституткой. Она была в поиске. Чем я отличалась от нее, когда искала себе мужей? Я считала необходимым иметь печать в паспорте, а она нет. Вот и вся между нами разница.

Мятежным ищущим натурам труднее дается личная жизнь, потому что они предпочитают мужей, которые помогают делать их жизнь не только легкой, но и интересной. А сами могут превратить жизнь любого мужчины в ад. К тому же невзрачные женщины знают о мужчинах больше, чем красивые. Они рано начинают видеть свои проблемы и досконально изучают объекты своего внимания, чтобы не ошибиться, не оказаться в пролете. Мне тетя советовала оставить старания непременно стать счастливой, учила в любом случае держаться королевой и радоваться жизни. Вот я и жила с открытыми глазами и закрытыми ушами. А радости все равно не было.

Моя рассудочность всегда была на страже моей нравственности. Я слышала, что «на это» иногда идут отдельные женщины в отместку своим слабым на передок мужьям, чтобы испытать элементарно низкое грубое осознание того, что вот «теперь мы квиты». Меня коржило от таких историй.

- Ведь даже небезызвестная Брижит Бардо понимала биологическую подоплеку женской

натуры и утверждала, что чем больше женщины стремятся освободиться от мужчин, тем несчастливее они становятся. Правда, это она поняла, когда ей было далеко за тридцать.

- Мужчины становятся нравственной пропорционально убыванию потенции. И нечего закрываться от этой проблемы, - упрямо и сердито забурчала Инна.

- Гербалайфа переела, - хихикнула Жанна.

Жесткая полемика

Лена справа слышит:

- ...Русский человек воспринимает окружающую действительность шире, глубже, более философски, потому что жизнь у нас более сложная, чем у тех же американцев. У нас за спиной тысячелетняя история борьбы за существование и нравственных поисков, - высказалась Рита. - Глубина наших противоречий сама является достоянием.

- И не предполагает мобильной экспрессивной полемики, - добавила Лера.

А слева другое.

- ...Мы не на студенческом семинаре, - остановила развитие скользкой тонкой темы Кира и повернулась к Инне. Но та продолжала в запале:

- А Марго ничего не боялась и только смеялась: «Ищешь место под солнцем - приготовься терпеть пузыри от ожогов; мечтаешь о радуге, будь готова попасть под дождь». Как-то Марго пришла ко мне злющая-презлющая, вся встрепанная и с порога как возопит: «Нет, ты только послушай эту формулировку! Ты только вдумайся! Диктор спрашивает: «Какую роль в жизни общества играют мужчины и какая отводится женщинам?» Понимаешь, нам, женщинам, место в жизни страны отводят мужчины, действиями которых сначала руководят гормоны, а потом уже ум! Диктуют нам, как жить, задают тон! Мужской шовинизм так и лезет из них. Привыкли, что мы во всем полагаемся на них. О каком равенстве полов можно говорить, если с телеэкрана преподносят нам такого рода выражения?! У них очень двусмысленный лозунг: «Мужчины делают с женщинами всё, что им нравится, а женщины - всё, что им хочется». Кому это «им»? Экая хитренькая двусмысленность.

Американская писательница Кейт Миллер писала, что «превосходство мужчин основано на молчаливом согласии общества с системой ценностей, вовсе не биологической по своей природе». Мужчины кроют образ женщины по мерке своих желаний. Я не утверждаю, что женщины лучше мужчин, но они уж точно не хуже. А недавно я услышала, что «естественное величие женщины в отсутствии амбиций, ей не нужен социальный успех». Вот так они нас веками закабалляли. Но это не про меня! За свои кресла испугались мужчины? Мокрые курицы! В большинстве своем мужчины примитивны и не могут оценить ум женщин. Уж я бы не промахнулась, встретив неженатого достойного». И беспощадно рассмеялась.

- А я говорила Маргоше: «Ты - гремучая смесь красоты и ума, этого женщине и так предостаточно, но в тебе еще поселилась грубая настойчивость и нетерпимость. Ты переходишь всякие границы. Не уступать, не сдаваться; ни пощады, ни снисхождения! Ты всех сражаешь своим мощным темпераментом. Не у каждого мужчины есть такой, как у тебя, характер. Всего в тебе чересчур, всего в тебе сверх меры. Не слишком ли ты сурова, гневлива и осуждающе критична? Занозы горечи не дают тебе покоя? Если бы ты была счастлива, все казались бы тебе добрыми и пушистыми».

Я шутливо, притворно возмущалась, а она резко перебила меня:

- Не у каждого?! Редко у кого из мужчин сильный характер. А ты знаешь, что победа бледнеет, когда побежден более слабый? Как-то на рынке я ввязалась в спор. И один из ссорящихся зычно заорал на меня: «Молчи, женщина! Мужчина будет говорить!» Ну я вмиг его обрезала: «Я позволяю прерывать себя только достойным. Я потеряла уважение к мужчинам еще в детстве, когда в войну и после нее на тракторе моя бабушка давала такие нормы, что ни один мужчина не мог ее победить. А она в то время троих детей одна поднимала. А еще когда сосед-здоровяк смертным боем бил свою маленькую жену и, если она уходила от него, насильно возвращал и продолжал измываться. Ни милиция, ни суд не вставали на ее защиту... и многое, многое другое.

А теперь, когда я одна рошу сына, исполняя, по сути дела, обязанности мужчины и женщины, я тем более не стану признавать приоритет любого мужчины. Женский такт и мудрость я предпочитаю расходовать только на достойных. Так что молчи, мужчина! Женщина будет говорить!.. «Не суди, мужчина! Ты не был женщиной на земле!» (Вряд ли он слышал о Цветаевой.) Посторонись. Идет Ее Величество Женщина! Идет

Женщина-Мать!» Не выдержал мужчина моего напора, отступил.

- Такие женщины, как Марго, и уйдя со сцены, продолжают свой век между нами...

Инна немного успокоилась и продолжила рассказывать о подруге: «Моя красота – тоже талант, – утверждала Марго. – Почему я не должна использовать ее по своему усмотрению? Что в этом предосудительного? У меня есть квартира, достойная работа. Кто-то ждет от мужа денег, кто-то нежности и заботы, а мне, пока я молода, в силу моего темперамента, муж нужен в основном как полноценный партнер в постели. Почему я должна грызть сухарь, если достойна есть торт? Подавленные желания часто вызывают раздражение, озлобление, болезни. Почему, – возмущалась она – мужчина, пока не женат, имеет право искать себе подходящую пару, а женщина нет? Мы из одного теста слеплены Всевышним, и желания, и страсти у нас одинаковые. (Ее слова теперь ярко подтверждают некоторые бизнес-леди, имеющие на содержании красивых сильных мужчин.) И если подумать, то станет ясно, что различий внутри каждого пола много больше, нежели между полами.

Но мужчины пока позволяют себе большую свободу. Они безотчетно приходят в страшную ярость и не могут с собой совладать, если речь идет об аналогичной свободе для женщин. И все же есть между нами разница. Для мужчины любовь – это способность видеть в партнере себя, ощущать гармонию в себе, с самим собой. А для женщины любовь – это ощущение гармонии с любимым. Для женщины в любви смысл всей ее жизни, именно любовь расставляет все ее акценты».

Мужчины считают, что не каждую женщину можно завоевать, и тем самым поднимают нас над собою. Но их утверждение, что каждая женщина может добиться мужчины, однозначно разрушает возможность истинного женского счастья – веры и любви в семье до гробовой доски. Тем самым они опускают себя и женщину на дно, одновременно обвиняя ее в ее же несчастье. Мол, я не виноват, она меня добилась. Еще от Адама идет... Это утверждение выявляет глубинный психологический смысл мужской сути. Слабы изначально...

- Как понять свободное поведение с обеих сторон? Гулящего мужика могу себе представить, а женщину с детьми... не вяжется как-то, – сказала Аня.

- Воспитание не позволяет или воображения не хватает?.. Что касается своих жен – в каждом мужчине сидит Отелло или моралист Каренин, – пошутила Инна. – Мой второй все приглядывался ко мне, будто прислушивался к моим тайным мыслям. Все компромат искал, сплетни собирал. Даже вспоминать противно. Исстари повелось во всем винить женщину. «Она – зло, исчадие ада, сосуд греха. Человечество рождается в грехе». Чушь, глупость все это! Мужские бредни. Сами устоять не могут, а ищут крайнего.

Если ты от мужчин ума ожидала и благоразумия, тогда у тебя не все дома. Их главенство продиктовано собственническими интересами. Все законы они обратили в свою пользу по праву физически более сильных. И религию сочинили соответствующую. Мол, так Богу угодно. Проще обвинить женщину, чем изменить себя.

Мужчины устанавливают порядки в обществе без участия женщин. Есть письменные свидетельства тому, что в старой дремучей России даже богатые женщины не имели права распоряжаться своим приданым по своему усмотрению. Их продавали, да еще и приплачивали, за некрасивых. Какое унижение!..

- Мужчины писали историю, а умные женщины – можете в этом не сомневаться – ее корректировали и даже переписывали. Вспомните имена великих жен и не менее известных куртизанок. В их власти было останавливать войны. Правда, для их собственной жизни эта деятельность часто оборачивалась многими бедами, – Рита попыталась увести разговор в сторону более интересной для нее темы, где она могла проявить эрудицию. Ей надоела «бытовуха». Но женщин было уже не остановить.

- Мы разные только в мелочах. Например, если брюки начинают жать, женщина говорит: «Я опять набрала вес!», а мужчина: «Опять брюки после стирки сели!» У жены замечает каждый фунт прибавки веса, а свой животик не видит. А попробуй ему сказать, так он сразу: «За мной таких грешков не водится, ты ко мне предвзята», – рассмеялась Жанна.

- Я не думаю, что кого-то удивлю, если скажу, что все мужья хотят, чтобы жена была хорошей матерью и хозяйкой в доме, бизнесвумен на работе и тигрицей в постели. С такой они заключили бы союз, да и то на время, пока она молода. А на себя-то оглянитесь. Чего сами стоите? - поддала жару мужчинам Инна.

- Вот говорят, что женщина по глупости покупает всякую ерунду. А почему покупает? Для восстановления душевного равновесия, когда ей не хватает внимания, заботы, ласки. Мужчины в этом случае пьют, курят, блудят. Это лучше? - спросила Лиля.

- Не вдаваясь в излишние подробности, скажу так: каждый мужчина хочет, чтобы его жена выглядела хорошо, но... не слишком хорошо, чтобы другие мужчины не заглядывались. И любовниц они ревнуют не меньше жён. Мужчины вообще удивительно нелогичны: твердят, что все женщины одинаковы, и тут же меняют одну на другую. Они, видите ли, не могут пройти мимо женской красоты, овладевают ею и уничтожают, чтобы другим не досталась.

Мозги нам туманят, а сами простые истины не воспринимают. К примеру, то, что женщина не может быть одновременно стрекозой и пчелкой. Или-или. Выбирай на свой вкус. Так нет же. Им подавай и то и другое в одном флаконе, а чего сами заслуживают, не удосуживаются подумать. Никогда я не обольщалась по поводу физических и умственных способностей мужчин. Ну, если только в самой ранней юности, - с усмешкой вставила Инна. - Гулящая женщина - не женщина, а вещь. А что есть гулящий мужчина? Такое же дерьмо.

- Многие мужья хотели бы, чтобы жена в постели была высший класс, но втайне побаиваются, что она так же будет вести себя с другим, и поэтому предпочитают раскованность искать на стороне. Мужчинам нравится личная жизнь без осложнений, - добавила Лиля.

- А тебе разве не нравится? - удивилась Алла.

- Зато мы, женщины, с облегчением узнаем из книг, что в богатой и просвещенной Америке мужья тоже пьют, матерятся и рукоприкладствуют, - искренне расхохоталась Жанна.

- Что это вы, девчонки, сегодня разошлись не в меру, ругая мужчин? - ворчливо заметила Лера.

- Не выпадай из контекста. Не всех клянем. Кто же станет хаять хороших? О них речи здесь не идет, - это Лиля развеяла заблуждения Леры и весело добавила: - Через критику плохих мужей мы себя осмысляем.

Инна опять продолжила рассказывать о Марго.

- «Мужчины стремятся подавить в женщине индивидуальность и заставить бессловесно служить им, - энергично проповедовала Марго - Например: жена талантлива. Муж, видите ли, не может быть счастлив в ее тени, а жена должна быть счастлива в лучах славы мужа и обязана забыть о своих мечтах и амбициях. А ведь талант не имеет пола. И когда она во имя любви пожертвует своим талантом, отдаст ему свою молодость, все свои силы, он ее бросит и помчится за молодой юбкой, перечеркнув всю их совместную жизнь.

И что самое обидное, все лавры этого «героя» достаются его последней жене. Будто и не было тех прожитых тридцати-сорока лет, не было трудностей быта, рождения детей, его славы, добытой с ее непосредственным участием. Сколько мы таких примеров знаем! С таким мужем-эгоистом женщина оказывается в безвыходной ситуации, потому что муж намеренно ничего и никого не признает, кроме себя и своих желаний».

А я перебила Марго: «Мне не нравится культ жестокой мужественности и непорядочности, привнесенный в нашу культуру американскими фильмами. Где мы раньше видели в наших старых фильмах, чтобы мужчина поднимал руку на женщину? Ну, только если это страшно отрицательный герой. В своих фильмах американцы приписывают нам свои желания, насаждают и прививают несуществующие черты характера, уродуют нашу тонкую психику. Выдумали, что женщины любят мужчин за недостатки. Они выдают желаемое за действительное. А сейчас и среди наших мужчин

бытует такое же мнение. Вот и Трахтенберг поддался на их провокации, с телеэкрана утверждая, что мужчина должен быть страшен, груб и вонюч. Не понимает, что женщинам нравятся мужчины умные, порядочные и культурные. Ни к чему нам обезьяны. Своим более чем странным мнением они себя хотят себя оправдать или нас принизить?»

«Мужчинам невыгодно это уяснить, – рассмеялась Марго. – Ты, Инна, права. Это Америка из зависти творит нам зло. Мне один американец рассказывал: «Побудешь в России, и в душе расцветает нежность и романтические чувства не только к женщине, но и вообще к жизни. Вы, русские, особенные, а мы корячимся над своими долларами, глубоко внутри себя прячем, что волки друг другу, потому что вечно подозреваем конкуренцию. Доверяем только себе. И улыбаемся, улыбаемся...» Разоткровенничался! Видно, расслабился большой дозой нашей русской водки...»

Всякий человек награжден избытком возможностей и избытком недостатков и всякий их расходует, как умеет».

– ...Одна монашка пыталась мне втолковать, будто бы эгоисты, совершая злые поступки, сами становятся несчастными. Только ведь эгоист, делающий себя несчастным, – это нонсенс! В противном случае произошло бы естественное искоренение зла. Все любят сказки. Оставлю этот вывод на ее совести, – сказала Аня. – Вернусь к ранее поднятой теме. Мужчины нередко достигают высокого положения благодаря своим женам. Я знаю примеры, когда после смерти или ухода жен мужья не писали больше великих произведений, объясняя это потерей вдохновения, и не поднимались больше на вершины научных открытий. Женщины же достигают определенных высот в основном вопреки своим мужьям – кроме разве что артисток, – добавила Аня из своих теоретических познаний. – А вот совсем недавно я по телевизору смотрела награждение женщин-ученых в области биологии, медицины и генетики. Они стояли на сцене такие молодые, красивые, счастливые...

– И все-таки основные крупные открытия приходятся на долю мужчин, и вовсе не потому, что нам не дают высываться, – многозначительно улыбнулась Алла.

– Где требуется терпение и скупулесность, женщина незаменима, – подтвердила Рита Анин тезис.

– Даже самым талантливым из нас с большим трудом удается оторвать свои мысли от болезней своих детей, от семейных проблем, – сказала Лера.

– Мой опыт работы в НИИ говорит о том, что мужчины любыми способами отбирают у женщин результаты их наработок. Некоторые женщины пытаются вести игры в их манере. Но чего это им стоит! На них обрушивается град оскорблений, начинаются гонения. Что позволительно мужчине, женщине – ни-ни! И не всем удастся отстоять свою позицию. Я из их числа. Я на чужое не претендовала, но у меня отнимали, – вздохнула Лиля.

– Я бы прямо так не сказала... но каждый утверждает свою интерпретацию данной проблемы, – сказала Рита. – Я не работала над диссертацией, поэтому подобные проблемы прошли мимо меня.

– Может, потому и не работала, что считала бесполезным бороться?

– Может, отнимали потому, что женщины разрабатывали их идеи? – вновь заступилась за мужчин Алла.

Лене вдруг припомнился ее визит через двадцать лет в НИИ, в котором она делала дипломную работу. Те же ребята стояли у тех же вакуумных установок, только с поседевшими висками... И как-то грустно ей тогда стало за них... Вроде толковые были, старались, стремились, а не состоялись... Семьи, наверное, у всех... Но и без их труда не происходили бы защиты диссертаций, не было бы в НИИ крупных событий, открытий...

– Ты думаешь, я с бухты-баракты бросила завод? Я цех вывела в передовые, а руководство надо мной своего прикормыша поставило, – жестко отрезала Мила и незнакомым Алле стылым неопределенным взглядом уставилась в окно.

- Мужчины не стремятся обратить внимание на ум женщины, потому что боятся оказаться в проигрыше. Им легче смотреть, чем думать. Даже умные мужчины отнюдь не избегают общества дурачков, а часто ли ты видела умную женщину рядом с тупым парнем? Если только на полном безрыбье... Мне кажется, даже Сократ боялся спорить со своей женой и ничего не мог ей доказать, - усмехнулась Лиля.

- Потому что причины спора и субъекты спора у них были разные. Я думаю, каждый из них защищал свою позицию, доказывал свою идею применительно к себе, а не к партнеру. Никому не дано до конца понять другого, и логика спора здесь вовсе не при чем, - возразила Лера.

- ...Где-то я слышала фразу, что каждый муж, будучи на том свете, хотел бы услышать от жены в последние минуты ее жизни: «Из всех бед, выпавших на мою долю, не было горше и тяжелей той, чем этот короткий срок, что я жила без тебя». Так почему же при жизни редко кто из них палец о палец ударяет, чтобы заслужить такую память? Привыкли, чтобы их жены хвалили авансом или из жалости, и там, за гранью... на дармовщину желают получать удовольствия? - рассмеялась Лиля.

- ...Говорят, будто гулящих жен мужья любят до обожания. Плачут, но любят. А те питают к ним отвращение, - осторожно сказала Аня.

- Не знаю таких примеров. Не встречала, - недовольно буркнула Рита.

Лиля горько рассмеялась:

- Мой второй бывший на мое замечание как-то возмутился: «Ты сама такого выбрала, вот и терпи!» «Так неужели я не взяла бы кого-то получше, если бы было из кого выбирать?» - ответила я со злостью. А он мне: «Вы сами нас беспутными воспитали». А я ему: «Что же вы не помогаете женщинам растить из сыновей настоящих мужчин? Вам это невыгодно? Тогда самим придется отвечать за свои ошибки? Вам легче на нас их сбрасывать». Поговорили! Расставили все точки над «i»! Как часто после таких разговоров я бывала опустошенной, точно ограбленной... Да, мужчины не любят копаться в тонких материях, не любят признавать за собой вины. И впрямь женская добродетель должна быть велика. Ее ведь приходится на двоих делить. До замужества я считала, что в этом мире существует единственное настоящее счастье - любить и быть любимой в браке, все остальное - суета; верила, что женское достоинство - преданность, а мужское - защита этой преданности. И что я имела? Одни предательства... Да, не женщины предали Христа...

- Мне кажется, что семьи, собранные из осколков разбитых семей, иногда бывают крепкими, - сказала Эмма.

- Вот именно, что иногда. Противоречишь себе. Не потому ли ты не стала экспериментировать? - напористо заявила Рита. - Поговорим по душам? Мой муж, как всегда, на готовенькое претендовал: чтоб ни рук не замарать, ни душой не поболеть. Отсюда и развод. И в других семьях он был таким же. Прошли годы, и он стал хвалиться, что у него двое детей. А что он в них вложил?.. Ты, Инна, как в воду глядела. Сына он сумел привадить, а дочь с внучкой при мне остались. Не предали... Тину, Лину вспомнила. Мы кучка жалких неудачниц или мы... такое целое поколение?

Кира недовольно покачала головой, мол, опять двадцать пять про несчастья, но к подругам обратилась шутливо:

- Можно подумать, у меня сегодня заседание клуба несчастливых жен, собравших всех непорядочных мужчин нашей округи.

- А ты организуй в противовес нам клуб счастливых семей, - живо откликнулась Инна. - Много ли таких наберется?

- В каждой семье в течение жизни накапливается много сложных проблем и обид. Зачем же их выпячивать?

- Мы их обычно не выпячиваем. Просто что-то сегодня на нас нашло. Выговориться захотелось, поплакаться что ли. Разрядку себе устроили. Наверное, к дождю, - пошутила Лиля. - Уж прости нас, Кирочка.

- Как мы сейчас похожи на женщину из анекдота, шипевшую на пне в лесу! - усмехнулась Инна.

- Мы больше не будем, - совсем по-детски сказала Лиля. И все рассмеялись.

- Представляю, сидят сейчас где-то наши бывшие мужья и тоже шуршат нашими косточками, полощут наши грехи, буквально, как им кажется, плещутся в них... - ухмыльнулась Инна. - Помните, был какой-то французский фильм в двух частях. В первой муж обвинял в разводе жену, а во второй она, конечно же, его.

А Лена почему-то вспомнила фильм «Мужчина и женщина» с Анук Эме, и музыка из него закачала ее на волнах грустно-нежных воспоминаний...

И снова Инна изощряется в своих откровениях:

- По молодости Марго, разочаровываясь в одном мужчине, очертя голову кидалась в новую любовь, и в ней опять возникало чувство, как ей казалось, намного шире и глубже, чем к предыдущему... Слушая Марго, я представляла, что мужчины все поголовно помешаны на своем «мужском достоинстве», которое и является их слабым местом.

- Если бы только мужчины. Мальчишки тоже, - вклинилась в рассказ Инны Лиля. - А меня секс до замужества вовсе не интересовал.

«И меня ни в детстве, ни в юности не интересовали подробности интимной жизни взрослых. И о мальчиках я никогда не думала как о мужчинах. Даже извечный вопрос, откуда появляются дети, меня не волновал. Моя голова всегда была занята уроками и всякими полезными вещами», - вспомнила Лена.

- ...Мне хотелось за это презирать их всех скопом. Только я заметила, что тяга к власти у мужчин сильнее полового влечения. И если им не удастся проявить себя в работе, то за неимением лучшего они пытаются командовать в семье, чтобы хоть чем-то скомпенсировать пробелы в своем потрепанном самолюбии, - закончила свою мысль Инна.

Лена устала, до нее опять долетали только отдельные обрывки фраз.

- ...«Ты, Маргоша, - реликтовый экземпляр из Красной книги, - шутила я. - Тебя оберегать нужно. Ты не женщина, а антонов огонь! Никому покоя не дашь. Я еще только одну такую встречала. Хотя по безрассудству та уступает тебе. Муж ее, до чего уж темпераментный был кавказец, так и тот больше года с ней не выдержал. Говорил, мол, «хорошо, что мне хватило ума оставить ее, чуть было до смерти не заездила, как гоголевская панночка. Ее неумную фантазию никакой мужчина не выдержит, ей легион самцов подавай. Когда женщина шалеет, ее ничем не усмирить». Надеюсь, ты встретишь того, кто будет нуждаться в тебе и оценит твой огневой темперамент».

- ...«Я бы тоже никогда не удерживала тех, кто от меня уходил. Но в моем случае мужчин оставляла я и по причине, противоположной твоему примеру. Я не могу себе позволить «роскоши общения» с недостойными меня. Всегда найдутся женщины, которым просто скучно и одиноко, вот и пусть отправляются к ним и пытаются украсить их скудную эмоциями жизнь», - отвечала мне Марго.

- ...«Таких, каких ты ищешь мужчин, в природе от силы процентов пять наберется. Скольких же надо их перебрать, чтобы найти подходящего? Да и никакой гарантии нет, что такой мужчина останется тебе верным. Всем известно: красивый и темпераментный муж - чужой муж». При этих моих словах злым весельем полыхнули Маргошины глаза. «Найду!» - сказала. Мне бы ее уверенность.

- «Мне интересен ход твоих мыслей, - шутливо продолжила я наш разговор, - но я хочу сказать о другом. Мне бы и в голову не пришло влюбляться и ложиться в постель с мужчиной только за его, допустим, красоту».

- Марго не оставила мой протест без внимания. Сказала: «Мужчины каждую симпатичную женщину раздевают глазами и примеряют на себя, и любовь здесь ни при

чем. Для многих из них затащить женщину в постель – дело мужской чести. (Какое, однако, с моей точки зрения, специфически странное понятие чести!) Может, они вообще не знают, что такое любовь, и ими движет по жизни только влюбленность, страсть и привычка к комфорту».

«Но ты – женщина», – остановила я ее.

– ...«Мужчины – собственники. Они сами закабаляют женщин, а потом, когда они становятся им неинтересны, терроризируют их или бросают. Получается замкнутый порочный круг, из которого женщине нет выхода», – утверждала я.

– Можно подумать, мы не собственницы! – усмехнулась Лера, внимательно вслушиваясь в воспоминания Инны о своих давних разговорах с Маргаритой. Жанна и Эмма тоже подавили усмешку попыткой переключиться и сосредоточиться на чем-либо другом.

– «...Умная женщина умеет разжигать и поддерживать страсть в мужчине. Не отпугивать же мужчину своей потной и постной физиономией труженицы-святоши. Мужчины – как часы, их нужно заводить каждые сутки, иначе они перестают тикать, их надо всегда держать в напряжении, как бы на некотором расстоянии, чтобы они до конца не были уверены в нашей любви. Как только они успокаиваются, их любовь тут же ослабевает, и их тянет «налево». А что ты сделала бы, если, мягко выражаясь, почувствовала, что муж к тебе равнодушен? Оставила бы его?» – серьезно спрашивала меня Марго.

– «Страсть быстро проходит. Остаются уважение, привязанность, обязанности», – отвечала я, немного смущаясь примитивности своих взглядов...

– Кто бы меня разжег! Где бы разжиться приличным мужичком? – пошутила Лиля, перебив воспоминания Инны. – Страсть – чувство животное?

– А вот боготворение, которое при этом возникает, – это уже духовная составляющая, – усмехнулась Рита.

– Ой, тетки на склоне лет взялись выяснять, что такое секс! Спорить на эту весьма сомнительную тему не имеет смысла, – смущенно хихикнула Жанна. – Я тоже не осуждаю Марго, но сама никогда не смогла бы выбирать, не сумела бы переступить границу, выстроенную воспитанием. Я не могу и не хочу любить многих. А по поводу красоты мне случай вспомнился. Приехал к нам на каникулы младший брат моего мужа, а я говорю свекрови: «Каким красавчиком стал ваш Толя!» А она мне в ответ как-то даже испуганно: «Не говори ему об этом, а то забалуется, испортится, душу загубит. Не в красоте счастье».

Лиля с Ритой беседуют. Лена, не отрываясь от спора Жанны с Инной, с трудом улавливает суть их разговора.

– ...Это еще один довод в нашу пользу.

– У нас было слишком короткое ненастоящее детство, и юности мы толком не знали. Рано включались в повседневную борьбу за существование.

– Домашним мальчишкам тоже не было времени долго оставаться детьми. В четырнадцать уже взрослыми считались.

– А откуда же в них забалованность? Неизжитое, неискоренимое детство не оставляет их и в зрелые годы. Ведут себя на удивление нелепо: безрассудно, легкомысленно, расточительно. И все это без малейшего оправдания и смысла. Наверное, эта запоздалая детскость дает им хоть и несравнимую с полноценной детской, но все же радость. Гулюшки, компании, пиво, сигареты, рыбалка им не возбраняются.

– Может, послевоенная безотцовщина виновата? Матери все в трудах праведных, а они целыми днями одни по улицам гоняли, без присмотра, по сути дела, без воспитания.

– Замужним женщинам такой возможности расслабиться жизнь обычно не предоставляет. Мы всегда взрослые. Под бременем забот мы быстро созрееваем, и затянувшаяся зрелость накладывает заметный отпечаток усталости и безнадежности на

наши жизнерадостные и, в общем-то, жизнеспособные натуры, что ведет к преждевременному старению.

- ...Ну что касается рыбалки - так это мое! Я не раз облавливала и мужа, и его друзей. Им и не снилось добиться таких успехов. Правда, бурно не афишировала свои удачи, не покушалась на мужское превосходство в этом хобби. Прекрасное я вам скажу средство от всех хворей, как телесных, так и душевных. Это настолько проверенная карта, что не воспользоваться ею грех. Рекомендую, - громогласно заявила Мила, чем очень развеселила всех присутствующих.

А Инна упорно продолжает свой рассказ о подруге:

- По молодости Марго, разочаровываясь в одном мужчине, очертя голову кидалась в новую любовь, снова обретала полнокровие и ту же беспокойную мечтательность, и вновь в ней начинало шевелиться чувство, как ей казалось, намного шире и глубже, чем к предыдущему. На фоне этой все возрастающей неразберихи чувств, событий и характеров она не скоро научилась предвидеть, в каком обличье новый мужчина может явиться к ней. Они же лгуны и артисты. Играют того, кого ты желаешь. Хочешь обаятельного? - на тебе! Хочешь доброго и покладистого? - пожалуйста! И ее опять постигало разочарование.

Но у Марго находились силы разумно переносить свои неудачи. Случалось, что в пору встреч с одним она не исключала возможность влюбиться в другого и даже вести игру с двумя одновременно. В этом, мне кажется, она похожа на мужчин. Она также считала, что любовь к мужу должна быть другая, особенная, отдельная, и что связи на стороне не должны касаться ее и ослаблять.

- Так она считала, потому что не встретила своего единственного, - сказала Алла.

- Разочаровываясь в очередной раз, она шутила: «Кто-то сказал, что сколько раз человек любил, столько у него было жизней. Наверное, он прав. Ведь на самом деле общение с новым человеком - это новая жизнь со всеми ее нюансами и сложностями. И я честно ее проживаю, подчас независимо от желания». И тут же грустно вздыхала: «В мужчине должно сойтись очень многое, чтобы я его полюбила. Чем больше я имею любовников, тем больше разочаровываюсь. Плохой секс хуже, чем никакой. К тому же я убедилась - и ты, Инна, абсолютно права, - что у мужчин страсть к власти и деньгам сильнее, чем к женщине. Им заманчивее побеждать на выборах, чем дарить любовь. Женщина для них загадка, но ее решение они ищут в каждой следующей женщине. Такова их гнилая психология. Завоевание для них - момент игры, и им наплевать, что женщина в этой партии ставит на карту свою судьбу. Они или не хотят, или не умеют думать о партнере».

Я не думаю, что существует мужское и женское понимание мира, это придумали мужчины, чтобы возвыситься над нами. Просто в биологическом партнерстве мы выполняем разные функции. Мир мужской и женский - это пока что в сущности две культуры с совершенно разным жизненным опытом. Если эти опыты сближаются, то появляется какая-то схожесть, возникает больше взаимопонимания. Я замечала подобное в крепких учительских семьях, в которых все жизненные заботы и проблемы делятся пополам: сегодня один на хозяйстве, а завтра другой делает то же самое. Они разумно приспособливают свой ритм жизни согласно расписанию занятий.

Женщине нужен один мужчина, только настоящий. А многие мужчины считают, будто чтобы не терять сильного полового влечения, им нужны разные женщины. Причем следующая не обязана быть лучше предыдущей, главное - другая.

- «Так считают все мужчины вне зависимости от воспитания?» - удивлялась я.

- «Воспитанный мужчина, если и не ищет другую, то все равно мечтает о ней», - отвечала Марго.

- «Мечтать не вредно, - улыбнулась я в ответ. - Если все женщины поверят твоим словам, мир людей очень даже скоро исчезнет с лица Земли. Получается, что человечество от вымирания спасает не истина, а прекрасные женские иллюзии?.. Собственно, я тоже не вижу особого отличия нас от мужчин. Ведь женщина, имеющая плохого мужа, тоже втайне мечтает о лучшем».

- «В том-то и разница, что «имея плохого» и «о лучшем», а не о любом другом...»

Маргарита так рассказывала о своей жизни, что я будто бы видела ее своими собственными глазами. Сначала мне казалось, что она - не пойми кто. Всё-то у нее со всеми приятельские отношения с легким романтическим налетом. Потом прониклась... У каждого в сердце есть боль, которую мы не хотим выносить на суд даже лучших друзей, разве что после рюмки хорошего коньяка... А потом, утром, наверное, с некоторой неловкостью вспоминаем о своих ночных излияниях.

Я, наивная, помнится, в упор спрашивала, а Марго напрямую рассказывала, что «иностранцы в любви нежнее и порядочнее. А от наших мужичков, если и испытаешь редкую бледную попытку нежности, так потом за нее дорого расплатишься. Уходя, чувствуешь себя опустившейся, обиженной, жалкой, сама себя презираешь. Одно слово - совки». Во всем винила нашу русскую робость перед запретной темой. Мол, все идет от воспитания. «Не умеют любить, не умеют выражать своих чувств. Какие-то все натужные, перекосившиеся. Нет ни легкости, ни элегантности в их поведении. Скука. А хочется стонать от восторга. У нас в России на самом деле нет культуры секса. В основном сношаются. Игра не стоит свеч», - смеялась Марго.

«Роковая, искушенная, зрелая, раскованная, такие женщины не бывают счастливыми», - думала я о ней тогда.

Как-то мы с ней услышали по радио, что будто бы в Японии женщины, по сути дела, только после шестидесяти лет начинают жить по-настоящему свободно и раскованно. Марго грустно усмехнулась: «Наверное, речь тут идет о духовной составляющей жизни, когда с возрастом отношения между мужчиной и женщиной поднимаются на другой уровень. Где же после шестидесяти найдешь достойного, способного... мужчину, если и в тридцать они все на учете и переучете...»

- Много ли в этом возрасте бывает в запасе радостного ожидания? Если только связанного с внуками и правнуками... У всех у нас по жизни есть любовь, дети, работа. Только приоритеты мы в разном порядке расставляем, - сказала Мила.

- Просвещала Марго меня, глупую, мол, «мужчины сильнее желают ту женщину, которая готова отдаться, покоряют тех, кто хочет быть покоренным, еще их влекут загадочные, роковые. Они сами возвышают их в собственных глазах. А достойных, правильных по злой иронии судьбы любят меньше. Уважают, восхищаются их порядочностью, а более горячего чувства, страсти у них не возникает, не рождается. Мужчинам кажется, что если их любовь и нежность сводится к заботе, то это приводит к монотонному существованию без бурь и восторгов. А им нужны горящие (пусть даже наигранные) глаза, преклонение перед их мужскими качествами - если даже их не густо. Они поверят... Любят стерв с невозможным характером, которых надо добиваться, перед которыми надо стоять на коленях, вымалывать по капельке их внимание. Они, как дети, любят играть, только тогда им интересно. А любящая жена дает это все без боя и с избытком. Торт каждый день тоже надоедает».

- «Подкована ты на все сто, - восхищалась я подругой, - у тебя на все случаи есть примеры и цитаты, наверное, всю феминистскую литературу изучила?»

«На том и стою. Это лучший способ считаться оригинальной. Меня сейчас интересует религиозный феминизм и новое прочтение библейских текстов. В стародавние времена культ девы Марии был необычайно велик и способствовал обретению женщинами голоса в истории. Это много позже мужчины, чтобы принизить женщину, стали утверждать, что Бог вдохнул в Адама душу, а женщину создал из ребра мужчины, и ей души перепало от него не так уж много. Но даже этот выдуманный факт идет нам на пользу, потому что женщины сумели развить свою душу, недосыгаемо поднять ее планку, а мужчины остались с те же багажом, что и много веков назад», - шутила Маргоша.

«И что это вдруг Инна за Маргариту принялась? Аукается ей, наверное, от таких, пусть даже положительных, обсуждений. Чем более интересным мне закрыть образовавшуюся в разговоре брешь, в которую Инна изливает свои «познания»? Сама она не замолчит, пока не выговорится», - думает Кира.

- «...Историю всегда писали мужчины. Они совершенно сознательно вытеснили женщин из трех важных сфер жизни: политики, религии и армии. Мол, они ни на что не

способны, кроме как рожать детей».

- «А что ты, собственно, от них собиралась услышать? Целомудрие - вот женская добродетель и доблесть. Ее героизм в том, чтобы ждать мужа, как Пенелопа Одиссея».

- «Несмотря на его похождения? Ведь этот Одиссей на всем пути следования не пропустил ни одной юбки, а сам, возвратившись домой, первым делом поднял вопрос о верности жены. Ну как же, он герой, ему можно! А пока он геройствовал, жена одна и за себя, и за него вкалывала и сына растила... И сейчас еще слышны голоса в Думе, мол, женщину-роженицу не заменить, а женщину-менеджера - пожалуйста. Это не делает чести депутатам. Я готова допустить, что они правы при условии, что мужчины создадут действительно нормальные условия существования семьи. А пока пусть помалкивают в тряпочку.

Как-то спорила с одним депутатом по поводу проституции. Он женщин ругал, мол, какие они распущенные. Ну я и врезала ему промеж глаз: «Востребованы проститутки. Спрос определяет предложения». Нет чтобы подумать о воспитании порядочности, а они решают вопрос о легализации проституции и тем самым как бы утверждают: мужчина никогда не станет порядочным семьянином. А тогда какое же они имеют право требовать чистоты от жен? Никакой логики!»

Жанна будто проснулась от кратковременного забытья и заговорила:

- Мой Коля одно время долго болел, почти два года. Мне, честно говоря, стали иногда приходиться мысли о другом мужчине. Лежу как-то ночью, перебираю в памяти всех своих знакомых. Никто не нравится. И вдруг поняла, что не стоит оно... это самое... того, чтобы я чувствовала себя после измены последней дрянью. Помню, один мужчина с моей работы, зная о длительном нездоровье моего мужа, стал ко мне «подкатываться», клеиться, как теперь говорят. Я не могла сослуживца отшить так же грубо, как незнакомого, ну и стала мямлить, мол, понимаете, как подумаешь... А он мне влет: «Такие дела делают не думая». И отстал.

- «...Почем знать, что именно пленяет одного человека в другом. Одна может стать эпизодом, другая на всю жизнь застрянет в сердце. Один - прекрасный специалист, перед другим, казалось бы, открываются тайны природы, а в быту они оказываются людьми мелкими, даже противными... вот и пойми, как их определять. От таких мужей не дождешься вдохновенных минут. Мужчины не любят, когда мы говорим им, что они на самом деле представляют», - говорила Марго.

- Мы тоже не любим, когда мужчины нам говорят о нас то, что мы сами о себе думаем.

- Мы разумнее и честнее. Проверено многократно, что мужчин легче всего взять лестью. Их нетрудно уверить в их гениальности, поскольку они сами так считают. Лестью можно заслонить любой их порок.

- ...Русский мужчина любит с чужой женщиной и тут же смотрит на нее как на подстилку, презирает. А себя так нет! Он самец, ему можно.

- Всё в мире имеет цену.

- И даже любовь?..

- Дело здесь совсем в другом...

Мила с Галей понимающе посмотрели друг на друга.

- ...Всегда будут женщины и мужчины, для которых любовь - целый мир. И если он рушится - для них это вселенская трагедия, - сказала Алла.

- ...Если истинно любишь, какая тут может быть хитрость... - вздохнула Эмма.

- ...Марго сама, как бы оправдываясь, как-то говорила мне задумчиво: «Человек - это вершина великого духа и одновременно мерзости, на которую не способно ни одно животное. Природа наделила человека способностью любить, а он наполняет мир

слезами и тоской в глобальных масштабах, да еще и оправдывает свои действия именем Бога. И даже мы, женщины, забываем свое истинное предназначение: любить и быть любимыми, служить гармонии, потому что вокруг нас не любовь, а война полов. Нет чтобы уважать права друг друга в семье, в масштабах общества, а вместо этого всюду попытки категорически оспаривать свое превосходство.

Во всей окружающей нас жизни нет случайностей, вокруг царит гармония закономерно и целесообразно действующих сил, связывающих все в природе воедино. А мы мыслим другими категориями, вмешиваемся, разрушаем. Я не чувствую мира даже в себе... Человеческое общество так и не научилось жить законами добра. Оно губит себя, уничтожает...»

С годами Марго пришла к выводу, что лучший защитник женщины – ее материальная независимость, хотя она и не спасает от одиночества. Остается полюбить себя – это тоже один из важных компонентов счастья.

Инна замолчала.

– Мужчины давно это поняли. Но их эгоизм живет за наш счет, – вздохнула Лиля.

А Инна, переходя на совсем тихий шепот, сказала вдруг Лене на ухо: «Я, глупая, лишь однажды позволила себе неосторожность беспардонно спросить Марго о детях. И получила в ответ жутко болезненный стон, который, наверное, давно прятался в усохшей оболочке ее души, а может, и в истончившейся материнской плоти, перенесшей неоднократные многострадальные потери – неродившихся детей. К тому времени она поняла, что жизнь пуста, если о ком-то не болит сердце. Не могла я без слез слышать этот стон. В нем была и моя боль... На тот момент ей хотелось довериться кому-либо, кто мог бы понять ее, облегчить ту страшную тяжесть на душе, которая, как ей казалось, росла в ней с каждым днем. Она была слишком горда, чтобы кому угодно выказывать свои слабые струны».

Инна выпрямилась и продолжила громко:

– И вдруг – ты представляешь! – в тридцать три родила сына от умного, красивого, здорового, женатого мужчины, предварительно письменно заверив его, что претензий по воспитанию и содержанию ребенка иметь к нему не будет. Единственное условие, которое она для себя оговорила: если будет сын, то в восемнадцать лет она позволит ему увидеть отца. Нашла талантливого врача. Та заставила ее на год уйти с работы и все девять месяцев находиться у нее в больнице под присмотром, строго соблюдая постельный режим и прочие предписания. В противном случае доктор снимала с себя всякую ответственность. Марго к тому времени созрела для материнства, поняла, что ради ребенка сможет отказаться от многого, поэтому все выдержала. Хороший родился мальчик. Видно, зачала она его в добрую минуту. Как-то счастливо пошутила: «В одно касание гол забила!.. Бог, с библейских времен не знавший лучшей награды угодному Ему человеку как умножение его потомства, и тут не оплошал. Пожалел, наверное, меня». В современном мире этот подарок пригодился бы многим, и не одним только женщинам... Статистика говорит о двадцати процентах бесплодных мужчин. А сколько среди оставшихся малоспособных?

Лиля наклонилась к Жанне и прошептала ей на ухо: «Моя подруга не раз жаловалась, что жена ни во что не ставит ее сына, совсем с землей его сровняла, мол, не устраивает он ее, и все тут». Жанна в ответ прошептала: «Я не врач и, наверное, скажу спорную вещь. Никакой мужчина не сможет удовлетворить ту женщину, которая не способна сама с себя снять вождление или внутреннее напряжение – как ни назови. Посоветуй подруге вызнать у сына этот тонкий момент их взаимоотношений с женой, и все сразу прояснится. Мне уже приходилось вникать в эту проблему с племянником мужа. Некоторые современные стервозные бабенки, вместо того чтобы помочь мужьям преодолеть робость, берут себе на вооружение эту убойную фразу, чтобы подчинять себе неуверенных мужей. Нет, я тоже не белая лилия, но не терплю, когда несправедливо унижают в принципе неплохих мужиков, когда лгут в угоду своим меркантильным интересам».

– Марго так и не нашла себе достойного, за которого захотела бы выйти замуж. Слишком требовательна была. «Ты не заигралась?» – спросила я ее однажды. А она объяснила мне причину словами австрийской писательницы Вики Баум: «Супружество требует самой

изощренной неискренности, какая только возможна между двумя людьми». И добавила: «К неискренности нас принуждают мужчины. Они заставляют нас прятать истинные чувства и разыгрывать перед ними спектакли, а я не хочу превращать свою жизнь в театр даже при том, что с возрастом стала благоразумнее и сговорчивее. Я не нахожу в этом радости. Мое благоразумие распространяется только на сына, но никак не на посторонних мужчин. Они не стоят того, потому что в основной массе своей тупы, мелочны и злы. Меня колотит от их примитивности».

Ответ, достойный Марго. Она, как всегда, была категорична. Кира пыталась ей доказать, что ни богатство, ни талант не смогут дать человеку полного счастья, если его любовь останется без ответа, приводила неисчислимы примеры индивидуально неповторимых жизней женщин, говорящих о том, что счастье в семье возможно. Бесполезно. Марго оставалась при своем мнении и только отшучивалась: все мы ищем, с кем бы спеть на два голоса чарующую арию, но не всем дается прекрасный голос».

«Ни один мужчина, который настолько глуп, что приходит в восторг от жеманства и лицемерных восторгов о собственной персоне, не стоит того, чтобы за него бороться. А мой опыт показывает, что этому подвержены все мужчины, даже самые умные. Процесс внутренней цензуры, который в той или иной степени присутствует в других случаях, у них полностью отключается на момент восприятия комплиментов. На этот счет у них в мозгах нет рычажка-ограничителя. Иногда мне даже кажется, что мужчины по природе своей нелогичны. У них, похоже, на каждую ситуацию имеется своя, именно на тот момент удобная мужская логика.

- Двойные стандарты? - подсказала я.

- Может, я совсем не понимаю мужчин? Они представляются мне то дикими, глупыми и примитивными, то недостижимо странными. Иногда умными. Раньше я считала, что по-настоящему сильный духом мужчина не нуждается в том, чтобы самоутверждаться за счет женщины, имевшей слабость его полюбить. Так нет же - ошибалась. Значит, дело тут не в силе духа, а, допустим, в отсутствии благородства, порядочности, доброты. Из того, что они обо мне говорят, правдой является, может быть, одна сотая. Многие мужчины даже и не пытались меня соблазнить, боясь моего презрительного отказа. Сплетничая, они хотели лишь того, чтобы другие поверили, что они со мной спали. Вымерли благородные мужчины, как мамонты. А я не желаю, чтобы об меня ноги вытирали, вот и живу лишена искреннего мужского тепла, благоговейно созерцая единственно прекрасного мужчину - сына, хранимого Богом и данной мне великой материнской любовью.

Честное соревнование полов могло бы развивать лучшие качества обеих сторон, но наши мужчины не хотят честной борьбы, они для этого слишком ленивы и самолюбивы. Им культуры общения не хватает. Но я очень уважаю женщин, побеждающих в игре, правила которой навязали им мужчины».

Марго никогда не выбирала выражений, когда «поливала» мужчин. Перегибала, конечно, палку; в ней бурлила обида на неудачно сложившуюся судьбу. Не встретила она надежной мужской руки. Только на себя надеялась. «Падая, за землю держалась», как говорила когда-то киноактриса Нона Мордюкова. Вот говорят: «Твоя судьба - твой характер. Марго была красива, умна, обеспеченна, но слишком горда и прямолинейна - и вот тебе результат. Резка, и юмор у нее - кошки, играющей с мышью. А как-то сказала с грустью: «Как бы я хотела никогда не кончать многих тех университетов, через которые прошла...» - закончила свой рассказ Инна.

- А мне Марго рассказывала, что боятся ее мужчины за то, что она видит их насквозь, что у нее в голове давно сформировалась логическая программа, благодаря которой все люди и взаимоотношения между ними становятся прозрачными. Например, двое перебросились взглядами или просто отвели глаза - и ей до противного все ясно, все как на ладони, даже скучно. Они моргнуть не успевают, как оказываются в памяти ее «компьютера». А когда я недоверчиво улыбнулась, Марго раздраженно воскликнула: «Не нахожу ничего забавного. Это все равно, что ходить по улицам и видеть внутренности каждого прохожего», - поделилась Гая.

- Марго правильно сделала, что не вышла замуж за недостойного ее. Из двух зол для себя она выбрала наименьшее, потому что основательно, обстоятельно подходила к любому житейскому вопросу. Не подкопаешься. Как-то я спросила ее: «Почему ты не

вышла замуж за того депутата? Мужчина, как говорится, все при всем». А она отшутилась: «Не желаю посвящать себя престарелому Дон Жуану. Мне ведь ему еще больше придется лгать. А я не хочу. К тому же меня вовсе не прельщает роль домработницы и сиделки при нем в ближайшем будущем», – с усмешкой сообщила Лера. – Я с ней согласна.

– И все же, хотя Марго не верила в счастливые браки, за внешним фасадом ее экстравагантных поступков всегда скрывалось желание найти мужчину, ради которого она могла бы совершать чудеса самоотверженности, лететь к нему на крыльях. Любая самая раскрепощенная женщина мечтает о нежных словах одного человека, а не о тысячах комплиментов сотен мужчин, потому что в генах каждой женщины хранится память о единственном, сильном духом, надежном мужчине. Мне так кажется, – сказала Жанна.

– Трудно найти умного мужчину, который не побоялся бы полюбить умную энергичную женщину, – вздохнула Эмма. – Марго нашла такого только в лице своего сына. Кира, как ты думаешь, она завидует замужним?

– Нет. Считает, что завидовать – значит признавать себя ниже других. К тому же женщина, воспитавшая прекрасного ребенка, не может чувствовать себя несчастливой. Внучка у нее растет прелестная, как две капли на нее похожа. Страстное, жертвенное утверждение себя в материнстве – это ли не счастье! Это ли не главная радость в жизни женщины. Марго сначала была сильной властной пантерой, потом стала нежнейшей, беззащитной в своей любви матерью. Обе противоположности прекрасно уживаются в ней, – ответила Кира.

– Вот бы увидеть умного, сексуального и любящего свою семью мужчину! – искренне пожелала Аня.

– Все в одном флаконе?.. Нереально, – засмеялась Инна. – Разве что...

– В музее? – пошутила Лиля.

– Хотела сказать правду, но промолчу.

– Для меня Марго – Медея, – задумчиво произнесла Лера.

– ...Современная женщина хочет жить полной жизнью, а не только нянчить мужа и детей, – усмехнулась Инна. – Вот у тебя есть муж, а я тебе не завидую. Есть вещи, которые для одного человека являются нормой, а для другого – они совершенно неприемлемы, противопоказаны его внутреннему состоянию и настрою.

– ...Несчастливая и несчастливая, – разные вещи, – словно подтверждая какие-то свои мысли, тихо сказала Аня.

– Знаете, не всем мужчинам и не всегда от нас нужен только секс. Им тоже часто не хватает добрых слов. Мы, работающие женщины, не всегда находим силы и время на внимание к мужьям... – вздохнула Жанна.

Разговор потерял накал. Женщины опять зашуршали альбомами.

Вадим, Николай

Инна наклонила голову к Жанне, явно собираясь ее во что-то посвятить. Обе углубились в перешептывания, и до Лены долетали лишь отдельные отрывки их «повествований»:

- ...Про Вадима, про этого порочного красавца, что-нибудь слышала? Помнишь его? Пересмешник, любимец женщин, всегда делал ставку на эпатаж. Бьюсь об заклад, что без гарема у этого петушка не обошлось. Меня еще в студенческие годы поражало, как странно точно его внутренний мир сочетался с внешностью. У него уже тогда были все повадки петуха. Как я хохотала, впервые обнаружив это разительное сходство! Он смешно махал руками-крыльями и так своеобразно мелкими шажками нарезал круги вокруг меня! Видно, так уж он природой изначально запрограммирован. В каждом человеке есть что-то от какого-нибудь животного.

...Вообразил себя самым искушенным ценителем женской красоты, петух ошипанный. Считал, что достиг на этом поприще желаемого совершенства. Только тем и занимался, что ловил «любви порывы благотворные». Отчаянно искал встреч, отважно бросался в любой омут любви. Его страсть, как шампанское: пены много, толку мало. На короткое время опьяняет и сводит с ума, потом тишина. Что будет дальше с объектом кратковременного обожания, его не заботило. Небось да авось обойдется... Не люблю я мужиков, у которых при взгляде на женщин только одна мысль в голове возникает, которые в своей жизни обожание представительниц противоположного пола на первое место ставят.

- Точно подметила. Боже мой, как же он был падок на лесть, как был чудовищно неискренен из-за безмерного, болезненного желания всем нравиться. К тому же за его брутальным обаянием скрывалась дремучая некомпетентность, малопригодная для побед над умными женщинами, поэтому он находил удовлетворение в успехах весьма невысокого сорта. До смешного ценил внимание женщин, каждый взгляд их ловил, все насытиться не мог. Это был его капкан, и он не мог в него не попадать. Видно, это была его моральная компенсация за недостаток способностей в других областях жизни. Знал, что заслуженной похвалы в них ему не дожидаться, - поддержала разговор Жанна. - Как сейчас обстоят его дела?

- Где его только не носило, и везде он оставлял следы своего пребывания - детей. По сей день жена с ним мучается из-за его слабости к женскому полу. Неистребимое, буквально патологическое желание нравиться - до сих пор его основной порок. А в остальном ты совершенно права, он - туха-матуха. И в кого только уродился? Родители были приличные.

Как-то за рюмкой вздумал исповедоваться передо мной, мол, жена, которую я люблю, не справляется с моими потребностями, и я вынужден ее обманывать с другими, которые мне просто нравятся. Вот на днях увиделся с Х... и все такое прочее... А я ему: «Что же делать женщинам, которых не устраивают в постели мужа? По статистике такая неувязочка случается в восьмидесяти процентах семей».

А недавно я ему напрямик врезала: «Ты уже не способен ни причинить женщине боль, ни доставить ей удовольствие. И витрина твоя в достаточной степени поизносилась, а повадки все те же. Так и живешь, перебиваясь с середины на половинку кое-чем и кое-как? Приплачиваешь дамам, чтобы они смеялись над твоими шуточками?» Кровно обиделся. До сих пор не разговариваем. Как-то жаловался моей подруге - видно, в оправдание, - мол, свобода, наверное, и есть самый худший вид неволи. Мол, жена разрешает, а я уже не хочу. Может, теперь мне ее с гаком хватает?» А сам по привычке так и стреляет глазами. И манерничает. Все-таки есть в нем что-то чисто женское. Не знаю, как там у него по мужской части - наверное, все давно паутиной заволокло, - но вот что уж точно, так это то, что для лести его уши пока еще вполне открыты и свежи.

Знаешь, на ком Вадька женат? На Варе. Не смогла она забыть свою первую любовь - преподавателя. Помнишь, со стройотрядом в тайгу из-за него комаров кормить ездила. А судьба ее с Вадимом свела уже в НИИ. И кто бы мог подумать? Сюрприз, каприз природы... приговор судьбы.

- Видно, злой рок давно замыслил эту шутку. Зачем он женился при такой патологической склонности к непостоянству?

- Для ощущения нормальности. Его выражение.

- А что его держит в семье?

- Уют, какая-никакая забота. Разводы в его жизни уже случались. Были и пеленки, и вопли. Не желает он больше повторять пройденное, хоть и ученик никудышный. Устал. Языком теперь в основном треплет, вспоминая молодые беспутные годы. Его даже мужчины не одобряют, посмеиваются над ним. Мол, старик с явным перекосом. Ему всегда хотелось свободы, радости, любви. Море любви без трудностей, без работы души. Кто же такого стерпит?

«Набита Инна чужими тайнами. Только какие же это тайны, если по секрету всему свету?» - усмехается Лена.

Теперь Лена слышит обращенный к ней голос Киры:

- А ты про Николая слышала? Был прост и прям, как кол. Ненавидел - может, только внешне - свою провинциальную укоренённость. Тут был, вероятно, и какой-то расчет - хотел произвести прогнозируемое положительное впечатление на преподавателей. Помню его шуточку в свой адрес: «Судьба обидела внешностью. Я один из тех, кого без специальных примет не опознаешь. Физиономия подгуляла, конечно, а так - я ничего. Хорошо подготовлен к преодолению препятствий и трудностей. Мозги при мне, а это главное».

Первое время незаметным бананом прикидывался, хотя мог произвести и благоприятное впечатление. Любил примерять на себя маску простачка, увальня, недотепы, чтобы как-то немного подбодрить себя. Долго не раскрывался. «Поспешай медленно» - была его любимая поговорка. Скромнен, осторожен был в словах. Ему не хватало вкуса, но он учился. Говорил, мол, я могу себе позволить желать чего-то добиться, но вот удастся ли воплотить желаемое, это совсем другой вопрос. К нему и не приставали. А он просто хотел остаться самим собой. Трудно пробиться к человеку, если он сам того не хочет.

- Как он этим был невыносим и этим же особенно мил, - воскликнула Аня.

- Надо заметить, речь его отличалась изысканностью, что редкость для выходца из крестьянской семьи. Видно, много читал, стремясь выйти на другой уровень. Шутил, будто рад, что за упорными занятиями не скоро догадался о существовании другой жизни, полной удовольствий. Не отдавал дань карточному безумству, не запил, не загулял. Видно, успел к тому времени повзрослеть, поумнеть, поэтому и не скатился в пропасть, как некоторые. Он не был украшением нашего курса, но упорством и трудолюбием добивался иногда большего, чем талантливые лодыри. Напряг все, что можно, в себе и достойно закончил университет.

О женщинах говорил только возвышенно и чисто. Может, и были на его счету любовные истории, но он никогда о них не распространялся. Девчонки со страшной силой вились вокруг него. Чувствовали в нем уравновешенность, надежность, добротную провинциальную закваску, целомудренный мир неподдельных чувств, ни с чем не сравнимый по свежести и искренности. А он будто назло всем женился на своей, деревенской. Она пять лет его ждала.

Мне достоверно известно, что, получив диплом, он надел погоны. В четырех тайных войнах участвовал - теперь это уже не секрет, - не раз висел на волоске от гибели. Есть сведения, что дослужился до чина полковника, а когда уходил на пенсию, оказалось, что нигде не служил. Ордена и медали есть, а места службы нигде в документах не указаны. Долго боролся с несправедливостью. Добился. Тем, кто шли за ним, легче было. Он расшевелил чиновничий муравейник, сломал их беспредел. Но замечателен он не только этим. Встретила его недавно. Жив, здоров, доволен жизнью. Утверждал, что достиг даже большего, чем надеялся. Уже будучи на пенсии организовал небольшое предприятие, и вовсе не для того, чтобы разбогатеть. Людям рабочие места предоставляет, не обирает их до нитки, как некоторые. Ценят, уважают его.

А случилось это так: поехал он на родину, туда, где, как говорится, бродило его белобрысое детство, поведать стареньких родителей, там и познакомился с предпринимателем из местных. Потолковали наедине. Он сразу ухватил суть дела, и они быстро нашли общий язык. Не знаю, в чем его лепта, но, короче говоря, новый друг

подключился, разрешил многие проблемы Николая, каким-то чудом провел его через все чиновничьи барьеры, и они ударили по рукам. Николай, нырнув в бизнес, поплыл быстро, уверенно и поставил дело на широкую ногу. Теперь они успешно сотрудничают – один в деревне, другой в городе. Оба не в убытке. Беспрецедентная удачливость!

Вошел Николай во вкус предпринимательской деятельности. Нашел себя. Как рыба в воде себя чувствует в бизнесе. В решительности ему не откажешь. Сначала какими-то щетками из свиной щетины торговал, теперь у него два заводика появилось, гофрированную тару из отходов производства выпускает. Справным, деловым оказался: все умеет, все у него сочетается. Жизнь вокруг него бурлит. Добытчик, продвинутый хозяин. Одежда на себя не тянет. Мощно, ярко, самобытно себя проявляет. Видно, харизма у него такая открылась. Говорил, будто сам не ожидал, что из него может «вылупиться» приличный предприниматель. Ведь как поздно талант открылся. Как и прежде, принципиальный. Если не попадешь в идеи, которые он исповедует, не станет с тобой иметь дело. Нашел свою золотую жилу, процветает, счастлив. О чем, мол, еще может мечтать на пенсии бывший деревенский мальчик из дремучей глубинки? Зарабатывает деньги, достаточные для того, чтобы удовлетворить свои амбиции, те, что подспудно дремали в нем с самого детства и вдруг так неожиданно пробудились.

Была я в их богом хранимом гнезде. Сердце их семьи – жена. В ней, как мне показалось, скромность, доброта и терпение возведены в крайнюю степень. Она много души в семью вкладывает. Здесь все подчинено ее нежному влиянию. Дом у них огромный, куча внуков. Шум, гам, радость. Впечатляет! Отношения в семье не медово-паточные, а правильные, умные, искренние. В золоте не захлебываются. Дети тоже нашли себя в семьях и им отдаются со всей страстью и старанием. Николай, сам чуждый искусству, художественному волнению творца, послал внуков обучаться языкам, музыке, живописи. Смотря по склонности. Такое их «хобби» и его облагораживает. По-другому и быть не могло. Такие – соль земли нашей, – оптимистично закончила свой рассказ Кира.

– ...А Федя в Афгане был ранен. Ордена имеет. Принес награды главе администрации области и говорит: «Где я только не служил, помотало меня по России. Дочки взрослые, а я до сих пор своего угла не имею». Дали ему квартиру. Внуков в ней теперь нянчит, – сообщила Лиля.

– Сын у него тоже военный?

– Военный. И на полюсе холода в Оймяконе служил, и в Кушке жарился, потом в Московскую область его послали с обещанием квартиры. Целый год их дом стоял с недоделками замороженным. Кого заботит офицер, когда нет войны? Тогда они самовольно дом захватили, провели отопление, свет (коммуникации к дому были подведены), поклеили обои и заселились. Теперь борются за получение ордеров. Упирают на то, что сам президент был у них в части и обещал всех офицеров обеспечить жильем. Не знаю, чем у них дело закончится, но Анатолий говорит, что не уйдет со службы, пока ордер не получит. Уж о потраченных деньгах никто и не вспоминает. Главное, что зимуют в своих собственных хоробах. До этого Толя с семьей в однокомнатной служебной обитал, а теперь его дочери имеют отдельную комнату. Рай!

– ...Виталий?

– Ах, Виталий! – шутливо-картинно заломив руки, в восхищении простонала Мила. – Я ожидала увидеть седого величавого профессора, а увидела молодого человека, на вид не больше сорока лет, худощавого с косой светлой челкой на лбу. У него вся жизнь была расписана вперед на много лет. Он еще школьником знал, что после вуза его ждет аспирантура, через три-четыре года защита кандидатской диссертации, еще через несколько лет степень доктора наук – все, как у отца. По проторенной дорожке шел. Это совсем не значит, что все ему было преподнесено на блюдечке с голубой каемочкой. Он работал много и, главное, целенаправленно. Внешне сдержанный, отстраненный, даже холодный, а в душе мягкий, нежный. По стечению обстоятельств именно он помог Антону в его трудную минуту. Пусть временно, но взял его на свою кафедру.

Ты знаешь, Виталий мою младшую дочку своей жене «сосватал» на репетиторство. Дочка же в английском «ни тпру, ни ну» была, только со словарем, как впрочем, и большинство выпускников. Так та заставила ее за четыре месяца язык выучить. Поехала-таки моя Галка на стажировку в Англию. В Америку не удалось пробиться. Представляешь, как это ей помогло в карьере? А моя старшая внучка у Виталия

защищалась. Всю душу ей вытряс, пока не добился от нее результата. Она стольким ему обязана! Он наш добрый гений.

- Какие у нас на курсе чудные мальчишки! Какие у них прекрасные характеры, какие удачные судьбы!.. - с доброй слезой в голосе сказала Лиля.

А Кира, подсаживаясь то к одной, то к другой группке подруг, незаметно объединяла всех общим разговором, реанимировала и подталкивала продолжение интересующих всех тем.

- ...Ее отец в молодые годы был настоящим коммунистом и только поэтому не мог позволить себе роскошествовать. Я как-то будучи у Нины в гостях неосторожно пошутила над его фанатичной верой в коммунизм, так ему чуть плохо не сделалось. Глаза вытаращил, дыхание сбилось. Я уже сама не рада была своему легкомыслию... Не смог пережить перестройку. Инсульт случился...

- Кира, а как Оксанка со своим Олегом? Ходили упорные слухи об их разводе.

- Они не просто познакомились, они сразу нашли друг друга. Их отношения развивались трудно. Ссорились с битьем посуды, мирились с охапками цветов. Мне они казались опасным сближением двух критических масс. Я все взрыва ожидала. А они любили друг друга до умопомрачения. Дня не могли прожить, чтобы не услышать любимого голоса. Она категорично критиковала его и в то же время боготворила. Он тоже сходил по ней с ума, но не хотел уступать. Ярко жили. Между ними никогда не было равнодушия. Боролись два диких темперамента, два горячих непокорных сердца. Она была - вопль, зов, молитва; он - вихрь, огонь, распятие. Они захлебывались жизнью, увлекались работой до изнеможения, оба многого достигли. В горы вместе с детьми, а потом и с внуками ходили, сплавились по сибирским рекам. Каждый отпуск новый маршрут открывали... Кто бы записал историю их любви, историю прекрасных, гордых, пламенных сердец!.. Они жили прекрасной насыщенной жизнью. Они познали любовь истинную, полнокровную, бескорыстную, обжигающе-тревожную. Им всегда было страшно расстаться даже на час, а тут она отпустила его одного. Он, сын и невестка разбились в автомобильной катастрофе. Оксана винит себя в том, что допустила их гибель. Она не вынесла бы этого удара, если бы не долг перед тремя внуками... Земной поклон ей...

- Господи! - только и произнесла Жанна, каменея от ужаса. Она долго еще рассеянно слушала Киру, пытаясь прийти в себя от впечатления, произведенного трагедией когда-то таких близких ей людей.

«Три жутчайшие автомобильные катастрофы... три жестокие трагедии...» - мысли Жанны не шли дальше этих обессиливающих слов.

Ей сразу вспомнился случай с мужем. Они с Колей никогда никуда не ходили порознь, даже в кино. А в тот день она задержалась на работе по профсоюзным делам, и Коля ушел кататься на лыжах один. Домой его привезла «скорая» с переломом ключицы. Горка оказалась обледеневшей. Она тогда еще пошутила: бог наказал.

- Кира, ты списывалась с Димкой? Он был для меня непонятой личностью, - перевела Жанна разговор в новое русло. - Помнится, он еще на первом курсе женился. Бывало, ссорился с женой и все свою первую школьную любовь вспоминал. Считал, что с нею был бы более счастлив. Все грозился уйти из семьи, когда сын вырастет. Ему бы сказать спасибо жене за то, что она его несносный характер терпела, а он еще и выпендривался.

- Так ведь и ушел! - откликнулась Аня.

- Что ты говоришь! И как теперь живет? Доволен?

- Ха! Теперь он сам трудный характер второй жены терпит и из упрямства не сознается, что прогадал. Бог не фраер, он все видит... И как в человеке совмещаются романтизм и занудство? Вы бы знали, как прекрасно он умел ухаживать! Каждый день за пять километров бегал к невесте на свидание. А мужем был неважным - жена его жаловалась мне. Сынок у нее - чудо превеликое, святой. Жену свою боготворит. Боже, как он на нее смотрит!.. А она, стерва, аборт от хахалю сделала, а теперь родить не может. Мать знает про фортель невестки, но молчит. Сына жалеет, боится, что сломается, - внесла в разговор свою категоричную лепту Инна.

- А про Шурика слышала? Нет? Погоны надел. Геройски погиб при исполнении. Даже жениться не успел. Наш, детдомовский, был. Вечная ему память.

- ...О ком? О каком Мише, Кира?

- О Михаиле Андреевиче. Он старше нас с тобой лет на девять был. Помнишь, он еще закидывал удочки насчет того, много ли на нашем курсе желающих продолжить учебу в аспирантуре?

- Как же, помню, знаю. Читала в газете его биографию по случаю юбилея. Ни намека на то, что притесняли его как немца, хоть и обрусевшего. Все-то у него по-ихнему в жизни происходило ладно и гладко. И детство, как у всех, голодное, и в аспирантуру взяли запросто. А как на самом деле было - копать не стали. Написали, что школу свою педагогическую создал. Докторов и кандидатов защитилось у него около сотни. А что академика не получил до сих пор - умолчали. Прекрасный человек, дай Бог ему здоровья, - от души пожелала Эмма.

- Этого-то как раз у него уже маловато, но еще консультирует.

Почувствовав резкий будоражащий запах горячего томатного соуса, Кира заторопилась на кухню «спасать» рагу.

- Толика Шуваева вспомнила. Все пять лет ходил в одной синей спортивной рубашке на голое тело. Она выгорела на солнце, вылиняла от стирки, буквально расползалась на глазах, а он ее все чинил, штопал. Всегда трудно по жизни шел. В армии попал под воздействие какой-то химии. Облысел. Жаловался мне: двадцать три года, а на меня обращают внимание только женщины после сорока... Когда женился наконец, ему было очень трудно добиться расположения членов ее семьи. Все косились на его лысину. Он старше отца жены выглядел. Обрил бы голову и без вопросов. Моды тогда не было... Рано покинул нас, - вздохнула Лиля.

- Ты ему очень нравилась, - напомнила ей Инна.

- Мало ли кто кому в юные годы нравился, - усмехнулась Лиля.

Никита

- К слову о Никите. Известия о нем есть, но всё больше разрозненные, размытые. Знаю, что теперь он сам по себе живет, жена сама по себе, и что раньше она его в кулаке держала. Заарканила и вопреки здравому смыслу припахивала по полной программе. Совсем затюкала бедолагу. Об этом периоде жизни мне известно лишь то, что он всеми силами пытался защищаться. Они как кошка с собакой цапались. Разными были: она подспудно копила свою неприязнь и обиды, он мгновенно выплескивал свое недовольство. А чего обижаться? Собственно, он уже с первых дней их брака понял, что жена возьмет над ним верх, - зашептала Инна, улучив момент. Потом совсем тихо добавила: - Когда они в очередной раз разводились - а жили в однокомнатной квартире, разделенной простыней, - так он, говорят, чтобы позлить жену, приводил на свою половину женщин.

- Фу, какая гадость! Сплетни все это, не верю. Никита не такой. Он тонкий, ранимый... ну, конечно, немного эгоист, как многие мужчины. Но в меру. И чем он тебе не угодил? - рассердилась Жанна. - Умница был, по всем статьям знатный жених. Правда, немного нервный... Помню, лет тридцать назад я встретила его в Воронеже и спросила, счастливы ли он. Он как-то слишком торопливо ответил «да», и я поняла, что не очень.

Мне писали, что он на пенсии, безвылазно живет в вымирающей деревушке, сторонится друзей и для него теперь весь мир - одна улица. В эзотерику ударился. Поговаривают, что умом немного тронулся, что в голове у него «веселенький келейный и узконаправленный апокалипсис». Деревенские жители над причудами его посмеиваются. Это правда? Тогда это что-то из ряда вон выходящее.

И с чего это он надумал эзотерикой заняться? Сомнительная духовная пища. Собственно, я толком не знаю, что это такое и с чем ее едят. Это что-то связанное с какой-то сектой? Может, сплетни всё? Мне кажется, Никита не способен на шарлатанство. Я посмела усомниться в правдивости и уместности слов своих знакомых. Не тороплюсь клеймить Ника печатью подозрения. И в слащавом романтизме его не могу обвинить, хотя порой мне иногда кажется, что мир без утопий был бы слишком примитивным. Много в биографии Никиты для меня остается за кадром.

- Не знаю, возраст ли, смятение ли души привели его к подобной жизни. Может, ему так проще. Совершит ошибку - покается, - раздумчиво промолвила Галя. - Все мы сначала безбожники, а с возрастом или если серьезно заболеем, так без божьего благословения шагу не делаем. И в детстве к Богу случалось обращаться то с просьбой, то с похвалой.

Раз мы с другом - нам лет по двенадцать было - решили сделать громоотвод для своего шалаша из двух связанных за корни подсолнухов, ну, чтобы повыше был. Куском провода стебли обмотали, один конец воткнули в травяную крышу, другой - в землю и отошли на несколько шагов, полюбоваться своим «творением». Дождь как раз находил. И вдруг как шарахнет что-то совсем рядом с нами! Нам уши заложило, шалаш наш горит! Испугались мы, домой ко мне примчались. Нас ужинать зовут, а мы не идем, в себя прийти никак не можем. Потом ничего, успокоились, и уши отложило. Вот тут-то и возблагодарили мы Господа со слезами на глазах, не стесняясь друг друга. Не сразу до нас дошло, что могло бы произойти, будь мы в шалаше. Чудеса непостижимы...

- С беспощадной честностью Никита долго искал точку опоры и нашел ее в религии. Только ведь верить надо так, чтобы не разрывать линию жизни. Ты помнишь Тоню? Никак не могла ее дочь родить ребенка, зять злился. Вот и поклялась она себе, что поверит в Бога, если появятся у нее внуки. В секту попала, в Сибирь уехала вслед за миссией... Не возвращается. Дочке и внукам навредить боится. Себя на закланье отдала за их счастье, - сочувственно вздохнула Лиля.

- Говорят, что в промежутках между долгими приступами то духовной летаргии, то самодства Никита предается изысканиям в области астрологии. Не знаю всех подробностей его жизни, но то, чем он занимается, далеко от религии - это то ли изучение народного врачевательства, то ли, напротив, поиски корней пагубного знахарства. Не вижу в этом ничего дурного. Пусть исследует. Мы ведь до сих пор в этих областях знаний пребываем во мраке невежества из-за неоправданной осторожности чиновников от медицины, - сказала Рита.

- Его увлечения - дань неиспользованным возможностям мозга. Помнишь анекдот: «А ум куда я дену?..»

- Я слышала, что не выдержал он испытания на прочность и его песенка давно спета. И как ученый-физик он давно сошел со сцены. С годами мельчал, скатывался все ниже и ниже. А теперь в одиночестве созерцает блистательное крушение своих надежд. В его судьбе много еще чего непонятного. Ясно одно - он превратился в мрачного брюзгу с манией величия.

В последний период жизни - считай уж лет так десять - сфера его интересов - оккультные науки, смысл которых для многих из нас до сих пор туманный. К этому ближе его промысел. Пособие по бессмертию души создает. Для него сейчас не существует никаких табу. Карабкается к собственной истине по лестнице сомнительных умозрительных концепций, говорит, надо держать связь с космосом, а не с политиками. Раньше за подобные художества можно было схлопотать вполне реальный срок.

Ходит Никита с взглядом человека, узревшего то, что не видят и не знают другие. Говорит, что через религию и философию познал радость и полноту жизни. А для меня истина - предмет прямого постижения. Я в астрологии не понимаю и не пытаюсь разобраться, - добавила информации Инна. - Еще слышала, что Никита вразнос пошел, что крайности его подвели, каликой переходим сделали. Его нынешняя жизнь - одно сплошное чистое, как кристалл, стремление к высшей духовной неэгоистической жизни. Утверждает, что каждое его слово - непреложная истина...

Спасаясь от полной деградации и утраты личности, лучше бы пошел в монастырь. Думаю, на этой «пище» он долго не протянет. Мальчишество какое-то. Ходит по деревьям, разговаривает сам с собой, как придурок, ушибленный Библией. Юродивый, что ли? А может, бес в него вселился? Он - тайна, покрытая мраком! Откуда у него тараканы в голове? Не понимает, что прогноз - это лишь тенденция к чему-то. И как добавить ему хоть микроскопическую дозу просветленной реальности? Незавидная у него судьба. Мне кажется, он полностью лишен привычных ориентиров, потерянный на свой лад несчастный человек. Я ездила к нему, пыталась говорить, но слова не достигали цели. Может, он только делает вид, что все у него хорошо, что доволен своим теперешним положением?

- Бес, юродивый. Все в кучу свалила, - налетела на Инну Эмма. - Что-то мои давние воспоминания о Никите никак не вяжутся с сегодняшним преподнесением его личности. Это, по меньшей мере, странно. Прямо-таки какой-то абсурд абсурдов! Не верю я во всю эту дребедень. Ведь не спился же, как Добромислов. А что увлекся чем-то непонятным для нас, так каждый по-своему волен душу спасать...

Хороший был парнишка. Он откуда-то из-под Кирова, из маленькой, богом забытой деревеньки.

- Не придирайся к словам. Лучше уж перестраховаться, - недовольно буркнула Инна.

- Никита нашел новое применение своим талантам. Он придерживается собственной философской концепции. Иногда мне кажется, что его теории - тупость непроходимая, а иногда в ней высвечивается что-то пугающе недостижимое, неподвластное разуму. Сомнения на базе больших, но недостаточных знаний много лучше элементарных сомнений профана. Наверное, я в Никите чего-то не понимаю в силу своей ограниченности. По мне - он несчастный, путанный, невысказанно сложный человек, постоянно апеллирующий к высшей силе, доверяющий только своей интуиции. Он выстраивает сложные конструкции самооправдания, чтобы считать себя идеальным.

Здоров ли Никита душевно? Он всегда был, как натянутый нерв. Истинную причину происшедшего с ним я вижу в его повышенной возбудимости. Наши трагедии в основном заключены не во внешнем мире, который мы привыкли обвинять во всех наших бедах, а в нас самих. Не отвергаю, конечно, и условий жизни человека. Никита всегда был подвержен стрессам, страхам, хотя внешне стремился казаться уверенным.

Что же так крепко засело в его умной голове и не дает спокойно жить? Что-то смутное, неопределенно-зыбкое затемняет свет его разума, без остановки опускает вниз и не сулит ничего хорошего. Такое впечатление, что тягостная и упорная болезнь обрела над ним полную непостижимую власть. На что ему надеяться в старости? Поистине всякое

непредвиденное может случиться в жизни с каждым из нас. Хотя по верованиям мистиков – от судьбы не уйдешь. А вдруг корни его болезни надо искать в детстве? Может, любви ему крепко недодали, – неуверенно спросила Лиля, обращаясь ко всем сразу.

– В поисках причин неудач взрослого человека психологи чаще всего склоняются именно к этой версии. Что далеко ходить? Взгляните на наши судьбы, – сказала Аня.

– Я не считаю наши судьбы неудачными. В основном сложились. Никто не пошел на дно, – возмутилась Рита.

– Любили его в семье, даже слишком, с раннего детства оглаживали, хвалили. Маша рассказывала, – решительно опровергла предположение Галя. – Любви, конечно, много не бывает, если только она разумная.

– Как знать, может, как раз осознание какой-то изначальной неизлечимой трагедии, находящейся в его душе, и подвело Никиту к этой черте. Мы все обитаем друг у друга только на поверхности души. Нам не дано заглянуть в глубины. Но что бы там ни было, Никита все еще пытается, пусть как-то по-своему, делать добрые дела, – вставила в общий разговор свое мнение Рита.

– Ты, Лиля, как мне кажется, слишком склонна к рефлексии. Никита накоротке с высшими силами? По всем законам логики с ним такое не должно было произойти, и я, будучи к нему весьма расположена, не могу принять на веру чьи-то домыслы. Некоторые тут слышали звон, да не знают, где он, – шутя проехала Жанна, чтобы увести разговор от этой трудно воспринимаемой, душу рвущей проблемы.

Рита сразу выступила в защиту Лили:

– При чем здесь логика? Это вопрос чувствительности, а вернее – бесчувственности некоторых... Во всяком случае, он придавал большое значение оберегам, считал, что они не лишены своей печальной мистической тайны.

Но Инна, привыкшая все, за что берется, доводить до конца, и тут не уклонилась от темы:

– Не следует забывать еще об одном обстоятельстве. От Никиты и раньше исходила какая-то неудовлетворенность, даже неустроенность души. Мы не можем отвернуться от того факта, что он всегда был недоволен жизнью. Резкий, категоричный, конфликтный. Не обласкан был фортуной. На горизонте его семейной жизни слишком часто собирались черные тучи. А Машка не принимала в расчет его характер, подавляла в нем индивидуальность, деньги с него трясла – все мало ей было. Он не жил, а всю жизнь перед ней держал экзамен. Сначала долбила, чтобы диссертацию защищал, потом на Север погнала его зарабатывать на квартиру – дочка подрастала. Считается, что именно там он, погруженный в проблемы семьи, и впал в ипохондрию. Раздавила его Машка, расплющила, а потом из квартиры выставила. И так все обставила – комар носа не подточит. Ее образ мыслей можно изложить двумя словами: дай, дай. Ее бесило, что он не оправдал ее надежд и ей приходится довольствоваться малым. А теперь она его в деревню выселила, – мрачно прокомментировала Инна жизненные перипетии сокурсника.

– Ну ты, Инка, и загнула! – возмутилась Мила. – Строже, внимательней следи за своими словами. Она же с двумя дочками в двух комнатках коммуналки поселилась, а ему в деревне халупу купила. Дочкам, что ли, в деревню ехать, где нет ни работы, ни женихов? А у него все же пенсия. Это был лучший вариант размена их квартиры. Ни Никита, ни Маша не виноваты в том, что кандидат наук и инженер, работая вдвоем, так и не смогли скопить денег на приличную жизнь, а тут еще и перестройка началась. Она по всем нам ударила, но Ник не вписался...

– Что из того, что Маша заставляла Ника зарабатывать на квартиру? Одни мужчины гордятся тем, чего они добились в жизни, а некоторых надо все время подталкивать, чтобы они хоть что-то делали для семьи. Надо же кому-то из двоих быть сильным и требовательным, обладать выдержкой, чтобы выжить в современных условиях. Не так уж и много трясла она с мужа, – заявила Лиля.

- Бывают характеры, а бывают норовы. Всем нам дались кооперативные квартиры тяжким трудом, но вы же не ныли, не стонали. Вон Нона одинокая, а сумела не только заработать на двухкомнатную квартиру, вкалывая на двух работах, но еще и дачку на старости лет себе сварганить. Не заступайся за Машку, – не отступала Инна, всегда находившаяся в состоянии полной боевой готовности, – она и своему другу детства жизнь искалечила, выйдя замуж за состоятельного и перспективного, как ей казалось, Никиту. Иван рос без отца в нищете и убожестве. Своим умом дошел, что надо отлично учиться. А подвигла его на это любовь к Машке. Хотел быть всегда рядом с ней, обещал ради нее добиться в карьере всего, чего она захочет, готов был жизнь положить ради ее счастья. А она не поверила и ответила ему, мол, не хочу всю жизнь влачить жалкое существование, что, мол, хватит с нее нищеты и унижений, испытанных в детстве в семье старшей сестры, которая взяла ее на воспитание из детдома. И вот на тебе, пожалуйста! – Иван бросил университет, ушел в армию, потом с ээками работал на химическом заводе. Больше о нем ни слуху, ни духу. А казался таким целеустремленным!

- А это тут при чем? Маша не обязана отвечать за всех ее обожавших. Разум должен руководить судьбой, а не эмоции, – обиделась за подругу Жанна.

- Я тоже считаю, что надо уметь держать удар и проигрыш встречать с достоинством, а не винить в своих неудачах всех, кроме себя. Грош цена такой неразумной упертости. Вот вам результат отсутствия глубокого воспитания. Заставить себя учиться отлично ради любви он сумел, а победить свои эмоции после отказа девушки у него не получилось... Жалко, конечно, Ваню. Каждый может оказаться у последней черты. Видно, не нашлось рядом с ним небезразличного человека, который помог бы ему справиться с неразделенной любовью. От нее слабый человек сначала теряет волю, потом разум и уже не ведает, что творит... Бережней надо бы относиться друг к другу, – сказала Лилия.

- Уходит от нас доброта, доброжелательность. Обиженных, озлобленных что-то больно много теперь стало. Вот и получается то, что получается... – вздохнула Рита, видно, вспомнив что-то личное, тянувшее ее душу.

- В человеке заложено болезненно реагировать даже на беду щенка, так как дети зверей – все равно дети, – сказала Инна.

Никто не стал уточнять, что она хотела выразить этими словами, никого не заинтересовала тональность ее фразы. Только Рита мысленно раздраженно завелась, наверное, расшифровав подтекст «послания»: «Забывает Инна соотносить свои слова со своей совестью, если она, конечно, у нее еще осталась. Нельзя потакать ее нездоровому любопытству. Чуть что – наострила ушки и понеслась додумывать. Агата Кристи местного разлива! Никак не хочет понять, во что она имеет право вмешиваться, а во что нет. Настырная. Когда заведется, в ней всякая щепетильность пропадает. Чего доброго, и до хозяйки дома доберется со своими претензиями. С нее станется...»

- Очень необычным человеком оказался Никита. По большому счету, хотя жизнь его трудная, даже местами мрачная, но в нем сохранился большой заряд веры в людей. Не зря же он ходит по деревням и что-то там проповедует – такой вот парадокс, странное сочетание чернухи и оптимизма. Может, именно в этом он нашел себя, – попробовала отыскать что-то положительное в поведении Никиты Галя.

- Юмор со слезами на глазах, – плавно и грациозно повела плечами Инна.

- Может, внутренняя раздвоенность в нем оттого, что в его жизни приняло участие много хороших людей, память о которых и держит его на земле желанием поделиться добром с другими? – мягко предположила Жанна. – Когда грустно, я всегда вспоминаю тех, кто помогал мне в трудные моменты жизни. Их у меня тоже хватало...

«Студентом Никита был талантливым, готовым на самопожертвование... Можно быть душевно больным, но духовно здоровым. На этот счет есть много примеров. Не повезло ему, не в те руки попал, сломался...» – мысленно пожалела Аня несчастливому сокурсника. А спустя некоторое время ей подумалось: «А был бы он счастлив, полюбив меня?.. Машка красивая.... Если бы да кабы...»

«Права ли Инна, осуждая Никиту? Можно ли правильно понимать и интерпретировать

слова и поступки другого, достоверно описывать чувства? Себя бы попытаться правильно выразить. Как пристрастно и поверхностно иногда мы думаем о друзьях юности. Мы натягиваем на них одеяло собственных обобщений, стереотипов, не выделяя и не анализируя детали, оттенки чувств, собственно, не зная их. О чувствах других мы судим из своего опыта, пронося их беды через свою душу. Мы приписываем им свои качества, пытаемся вложить, даже втиснуть в них свое видение событий. Но все мы разные. Мы делаем выводы из результатов их жизней и считаем их объективными, но на самом деле они субъективные. К тому же жизнь подвержена воле случая или судьбе – кому как больше нравится.

Какое право мы имеем судить ближнего? Не лучше ли вместо того, чтобы хаять другого, оборотиться на себя, как советовал великий баснописец. Все мы бываем смешными, глупыми, недалёковидными, упертыми, неправыми. Любить проще, чем ненавидеть. И радостней. Надо одобрять, поддерживать друг друга, а мы непрерывно ссоримся, обижаемся, мучаем и мучаемся... Что-то Инна со своей вьедливостью сегодня опять потеряла в моих глазах привлекательность», – вздыхая, думала Лена.

И ей почему-то вдруг припомнилась немного корявая шутка декана: «Не падай духом, а падай брюхом». Она ее иногда раздражала. А зря. Юмор, пусть даже не очень качественный, – дело полезное.

Верю

Аня что-то жарко, но негромко рассказывает Лиле. Лена поняла, что их беседа является прямым продолжением разговора о семье Никиты.

- ...«Если вы не учились в литературном или в каком другом вузе, это делает честь вашему языку. Если эти чувства ваши собственные и проявлялись по отношению к своим проблемам - это одно, но если вы ставили себя на место другого человека, - то это уже высший пилотаж. Как-то читала сборник рассказов писателей из Вологды, и вдруг от одного из них дохнуло на меня чем-то близким, родным-родным. «С чего бы это?» - удивилась. Заглянула в оглавление - земляк писал! Вот так же, читая ваш роман, я дышала щемящей грустью ваших воспоминаний детства и юности. До чего же мощно и ярко ваш язык (во многом уже забытый мною под влиянием городской жизни и специфики моей работы) погрузил меня в атмосферу сороковых и начала пятидесятых годов моей собственной жизни, такой отличной от вашей!

Проглотила ваше произведение за три вечера. Все есть в нем: и чистый язык, и богатый местный колорит, и интригующая нить, зовущая узнать «а что дальше?» Вы пишете легко, с великой, сострадательной любовью к простым людям. Если бы не иногда встречающиеся в тексте «чисто мужские выражения», я могла бы решить, что этот роман писала женщина, потому что мужчин с такой тонкой душой и, главное, с прекрасной способностью ее выразить до этого встречать мне не приходилось. Меня поразило полное отсутствие эгоизма в вашем герое, что, как правило, больше свойственно нашему полу. Ваше произведение лишней раз подтвердило мое мнение, что люди в разных областях нашей огромной Родины очень и очень даже разнятся. Где-то они добрее и тоньше, где-то интеллектуальнее, а где-то они жестко практичнее, эгоистичнее и т.п. Дышат по-разному. И эти нюансы у вас очень ощутимы.

Спасибо за книгу. Вы преподнесли мне много восхитительно-добрых, хотя и немного грустных минут. Творческих вам успехов, удачи, здоровья».

Я понимаю, то была не рецензия, а отзыв, вернее - просто личное мнение.

Лиле не удалось скрыть свое удивление.

- Ну, Аня, ты даешь! Как говорится, «если хочешь быть впереди классиков - пиши предисловия и рецензии», - пошутила она.

Аня смутилась и покраснела:

- Недавно меня завуч попросила составить рецензию на какую-нибудь из тех книг, которые учителя обсуждали со старшеклассниками на классных часах.

- А я уж, грешным делом, подумала, что, зная твою принципиальность и прямолинейность, она решила твоими руками размазать автора по стенке.

- Нет, завуч мне предложила на выбор нескольких авторов. Я сама взяла книгу уже знакомого мне писателя. Правда, она оказалась неожиданно другой, нежели предыдущая. Я была растеряна, даже хотела отказаться, потому что в вопросах религии до сих пор не определилась. Мне кажется, в нашем обществе сейчас нет места православию. Фикция в основном кругом. Но мне завуч сказала, чтобы я не заморачивалась, обтекаемо сочинила. Да и как можно критиковать книгу, если не знаешь главного - то, что сам автор отстаивал. Может, не художественные особенности, а именно проповедь религиозных положений он ставил во главу угла своего произведения, и то, что мне кажется недостатком, он считает достоинством.

В рецензии я написала, мол, «книга удивляет своей мощной информативной религиозной составляющей и четкой заостренностью в сторону религиозно-духовного воспитания читателя. Именно эта направленность выделяет ее из ряда других подобных, придает ей определенную особенность и неожиданное своеобразие. Импонируют некоторые основополагающие размышления автора, особенно те, которые непосредственно касаются картины Мироздания и научного обоснования существования Святого Духа как физического, точнее информационно-энергетического поля.

Рассказы волнуют, вызывают много разных противоречивых мыслей и массу вопросов.

Последние два рассказа особенно изобилуют церковной терминологией. Они – не легкое развлекательное чтение. Читателю придется напрячься, вникнуть в рассуждения автора, чтобы докопаться до их сути. И тогда эти сказания из реальной жизни станут восприниматься ими как притчи – и это, безусловно, одно из достоинств книги, – потому что их главный смысл: «Только то, что делается с любовью, – принадлежит вечности».

В книге прозвучала болезненная для современного общества тема бескультурия и внутрисемейного бездушия, от которых прежде всего страдают дети. Сочувствие, сожаление, горечь и искренняя любовь к людям слышатся в каждом рассказе автора. Трудно писать светлые образы в рамках жесткой действительности. А вот взгляд автора на природу пропитан благословенной любовью и восхищением. Эти рассказы – гимн природе. Много путешествуя, писатель имеет возможность поделиться с читателями своими впечатлениями о красоте природы в разных странах и о прекрасных творениях рук человеческих. Свойственная автору подробная описательность вызывает эффект присутствия и украшает произведение.

У каждого автора свой читатель. Эта книга нужна пожилым, больным и уставшим от жизни людям. Молодым, желающим проникнуться глубоким пониманием духовной составляющей жизни, она тоже будет полезна, потому что несет свет, любовь и добро, заставляет задуматься о себе, о своем месте в обществе и в мироздании. Остаться безразличным к данному сборнику невозможно. Книга актуальна, своевременна, точнее сказать, она в духе времени».

Понимаешь, написала, а удовлетворения не получила. Будто виляла, обходя острые углы. Что бы сказали мои ученики, прочитав мое послание? Думаю, оно бы им не понравилось. Они бы не прониклись. Оно бы ничего не дало их уму. Сама я долго находилась под впечатлением рассказов. Они взволновали меня, вызвали массу противоречивых чувств и вопросов. И это хорошо! Я читала и думала: «Сколько пороков в человеке? Хочет ли ему тепла, добра, радости, а кругом «свинцовые мерзости» реальной жизни, несправедливость сплошь и рядом. Тоска зеленая загоняет душу в черную яму, когда понимаешь, что не можешь помочь слабому человеку, забывшему, а может, и не знавшему, что должна у него быть совесть, достоинство, какая-никакая гордость.

Отчего же так низко падает человек и опоминается только ближе к смерти, когда ничего не может изменить и только кается, дабы не попасть в ад. И жалко человека, и обидно за него. Ведь зачастую он не виновен в том, что кто-то в детстве сломал его судьбу, не встретил он в юности человека, который помог ему или хотя бы подсказал, а сам он не сумел вылезть из грязи, в которую попал по недомыслию. А как трудно выправлять человека! Проще с раннего детства закладывать в него то, что сделало бы его нормальным, годным для себя и для общества. Прослеживаю судьбы моих подопечных детей: эту мама бросила, того папа недоглядел, искалечил, этого соседка обидела, оболгав, а эту чистую ангельскую душу совратил, испоганил отчим... Второе поколение, третье... и опять все по кругу, по кругу. А рождаемся мы, если верить Церкви, чтобы стремиться к возвышенному, делать добро... чтобы когда-то стать вровень с Богом.

– Доморощенный карась-идеалист, – сдержанно улыбнулась Лиля.

– Доброго, нежного, податливого травят, давят, ломают. И дела никому нет, что из такого ребенка потом вырастет. Всяк свою копну молотит... Эх, человек-человечище, царь на планете. Сам-то чем лучше зверя?..

Сначала, читая эти рассказы, я будто в хронику милицейских будней окунулась, но постепенно автор вплотную подвел меня к религиозной теме, и вот тут-то я и почувствовала свою неподготовленность не только в смысле недостатка знаний. Я верующая, но не религиозная, вот в чем моя проблема.

– Ты уверовала в слова Достоевского «Если Бога нет, то все дозволено», испугалась и начала поиски пути к Богу? Эдак мы с тобой договоримся до того, что если бы Ритин муж верил, что его ждет карающая десница неизбежного возмездия, то не нарушал бы заповедей... Может, и фантом Божией Матери тебе явился? С чего это вдруг мысль о Боге у тебя переключалась в разряд неотложных? – удивилась Лиля.

– Не шути так. В молодости я не помышляла о Боге. Некогда было в житейской суете. Да и атеистическое воспитание довлело. Я не понимала, как можно верить в религиозные сказки. Нас ведь учили жить без всех этих ширм, страховок, без всяких религиозных

заморочек, не принимать бездоказательно на веру никакой образ мысли, каким бы древним он ни был, потому что то, во что верят сегодня многие, завтра может оказаться ложным. А на склоне лет стала задумываться, правильно ли жила на этой не очень гостеприимной земле, и незаметно для себя принялась поминать царствие небесное.

- Люди делают землю неудобной, - вскользь заметила Лиля.

- Время начало лететь очень быстро. Какое-то беспокойство стало одолевать. Иногда мне кажется, я бездарно растратила единственную данную мне жизнь, и меня охватывает отчаяние.

- Нам, русским, свойственен поиск незыблемого... А время летит быстро, потому что мы не хотим этого. Вот как-то мне пришлось два месяца ждать одно важное для меня известие. Так они мне годом показались. Как видишь, скорость течения времени зависит от нашего восприятия происходящих событий, - улыбнулась Лиля.

- В сердце заползает страх от незнания того, что ждет там, за гранью... Возникают вопросы типа: кем мы запрограммированы и «где находится та канцелярия, которая выдает нам распечатки на жизнь с полным ее расписанием по всем пунктам?» И есть ли она... Вот говорят, нас Бог создал. Когда? Возможно, жизнь уже неоднократно возникала на других планетах. И мы их потомки. Возможно, есть параллельные миры, в которых мы проживаем наши последующие жизни. Ведь даже существование планет - лишь миг в масштабах мироздания, что уж говорить о человеческом обществе и тем более об отдельном человеке.

- Мы рождаемся с именем Бога на устах родственников, с Ним же, при Его необременительном присутствии, отправляемся на тот свет. Так уж заведено много веков. В жизни каждого современного православного христианина обязательны три «похода» в церковь: крещение, бракосочетание и отпевание, а в остальном как получится, - сказала Лиля. - Только разве стоит каждому человеку хвататься за чей-то подол, за иллюзию вне себя? Это всегда расслабляет, ведет к пресечению собственной воли, а надо не лишать себя возможности измениться, концентрироваться, не склонять головы перед кажущимся неизбежным, чтобы мнимости не утащили в гнилое болото... Ну разве что в самой страшной беде... Пока по черепашке беда не шарахнет, в религию не придешь. Защиту в церкви ищут те, у кого уже нет надежды. Им остается полагаться на волю Господа. Алла рассказывала, что ее родители уходили из жизни, не вспоминая о Боге. И она сама утверждала: «Кто терпим ко всему, тот ни к чему не привержен. Споры атеистов с верующими бессмысленны. Все равно каждый остается при своем мнении».

- А в церкви батюшка толковал мне, что люди не могут жить без религии, что только одна наука не может человека сделать человеком и что нельзя отдавать смирение на испытание разуму. Еще о том, что церковь - дом Господний среди людей и для людей. Мол, я не понимаю глубину своего падения и отчаяния, потому что недостаточно озаботилась религией и свет веры не проник в мою душу и что не познать мне очищения и благодати. Красиво говорил, но не убедил.

Я его спросила: «Зачем надо защищать Бога, если он сам может наказать нечестивцев и отступников? Если Бог есть Любовь, тогда кто насылает войны, несчастья, болезни? Я читала в Библии, как Христос вернул зрение слепому и тот воздал хвалу Богу. Почему Богу, а не Христу? Разве Он не с его ведома совершил чудо? А если Бог всемогущий, так почему надо было позволять рождаться на свет убогому ребенку, заставляя его страдать? Это же негуманно. Где был ангел-хранитель этого несчастного? Эта история похожа на ту, в которой по недосмотру и попустительству бригадира в нашей школе случился пожар, и трактористу пришлось совершать чудеса героизма по спасению детей из огня. Но ведь этого можно было избежать. Если Бог всемогущ, почему он не создал мир идеального счастья?» Скажешь, совковое желание? А зачем Небеса не устают карать добрейшей души людей и позволяют благоденствовать гадким людям? Почему за чужие грехи идут невинные детские души! Не смог священник мне толково и доступно ответить, в демагогию ударился.

- Не богохульствуй. Не боишься своих кошмарных мыслей? Вступать в спор с собственной совестью теперь стало привычным делом.

- Скажи еще: не святотатствуй. Это невозможно без веры. Человек часто не испытывает страха или угрызения совести при осквернении святынь, которые ему безразличны. Он

не может осознать своего якобы преступления. Для него произнесенные им слова просто грубая критика или элементарное выражение своего несогласия. Только это уже вопрос воспитанности, личной культуры, но не ереси, – задиристо ответила Аня и сама поразилась тому, что сумела прийти к такому выводу без посторонней помощи.

– А некоторые памятники и надгробья рушат, – тихо сказала Лиля.

– Так я же и говорю, что это от недостатка воспитания. Хулиганство.

– Хорошо, если так. А если со злым умыслом? А если в этом противостояние?..

– Да хватит тебе. Обо мне речь.

Успокоившись, Аня продолжила рассказ:

– Еще священник стал утверждать, что Бог даровал Адаму рай. А я его перебила: «Кто вам это сказал?» и указала на небо. Он разозлился, разгневался. Проявление нетерпимости со стороны священнослужителя меня очень удивило. В Библии написано: «верующий не гневается»... Кричать на меня стал. А это запрещенный прием. Я понимаю, служитель церкви обычный человек. Так пусть и не требует от меня того, что сам не в силах превозмочь, пусть не предъявляет мне претензий, если сам не способен прощать... А тут еще я вспомнила, что при Союзе Церковь сотрудничала с КГБ... что многие из них если не лжецы, то лицедеи.

Я не согласна с тем, что объединяющей идеей России является православие, и мне не хотелось бы, чтобы священники преподавали в общеобразовательных школах. Пусть организуют свои, воскресные, и там утверждают христианство и умиряют мятущиеся души тех детей, которых пошлют к ним родители. Мне кажется, что современное православие слишком тоталитарно. Я не хочу, чтобы религию насаждали, как раньше партийную линию. Нам духовность нужна, мораль и разумная демократия. Не Богу, людям надо служить искренне и честно... Вот и братание с Церковью коммунистов мне непонятно. Удивляет Зюганов. Я, как ты, наверное, уже успела заметить, с тобой совершенно честна...

– Никита говорил, что теология через абстрактное развивает интеллект, гибкость ума.

– Детям говорить об иррациональном рационально? Даже мы, взрослые, суть вещей видим по-разному. Пусть дети математикой мозги развивают. Наука – вещь логическая, доказательная, а бого-словие – догматическая.

– Это не моя точка зрения. Никита изучал теологию из самых лучших побуждений. Он хотел понять...

– Я тоже хотела бы понять... Но не будем об этом. Богословие по другому «ведомству». Ты лучше мои вопросы разреши. Я буду их задавать, а ты находи им соответствующее толкование. Ничего не имеешь против такого расклада? Вот, к примеру, неужели Высшей силе необходимы наши молебны и коленопреклонения? Если что и нужно, так это наши добрые дела и помыслы. Ты не находишь мои слова резонными? Надеюсь, они не приводят тебя в недоумение?

...В общем, я чувствую свою полнейшую безграмотность в вопросах религии, даже иногда кажусь себе очень глупой. (Аня на самом деле выглядела растерянной.) Позволю себе крайнюю откровенность: я пыталась, но так и не стала религиозной. Нет у меня священного трепета и веры в Христа. И это меня сильно напрягает. Священник утверждал, что то истинно, что самоочевидно, в чем нельзя сомневаться. Христос был, и никак иначе. В это надо верить. Это аксиома. А мне кажется, нет ничего более обманчивого, чем подобные очевидные факты. Я слишком умничаю?

Лиля некоторое время колебалась, словно подбирая подходящие ситуации слова.

– Посягаешь на извечные истины? Наверное, надо быть храброй, чтобы «возникать» против Христа? – усмехнулась она, уже предчувствуя о чем пойдет речь дальше, и напряглась.

– Или глупой. Я же не против, чтобы другие в него верили... Кому дело до моего верю-не верю?

- ...Понимаю, твое «я» – этот недремлющий, гордый и мудрый страж внутри тебя – сомневается, требует... Геометрия с аксиом начинается. Вот и религия тоже на чем-то должна строиться. Это структурное совпадение отнюдь не случайно... «Вера – это отношение человека к бесконечности бытия, а религия – это то, чем человек расплачивается с самим собой», – задумчиво добавила Лиля что-то совсем уж непонятное Ане.

- Бог – это неподдающееся описанию нечто, Высший Мировой разум, Абсолютный Дух. Бог – это Любовь. И этому Богу я верю. Я верю в Высшую силу, но она как-то отличается от религиозной. Чтобы разобраться в себе, я даже стала припоминать то, что мы когда-то изучали на эту тему в университете. «Вера – категория точного знания, когда уже нет сомнений». Может, всяк по-своему верует? Как ты думаешь, возраст или возврат общества к религии подтолкнул меня к размышлениям о Боге?

- В большей степени причиной тому наши годы. «Стареем, дуреем», – шутя, говорила мне в детстве пожилая воспитательница. Еще болезни и наличие свободного времени. И, пожалуй, самое главное – от одиночества... По целому ряду причин я не хочу говорить о церкви. Оставим эту тему.

- Нет, вот ты объясни мне, пожалуйста, – опять напористо пристала Аня к Лиле, – почему в церкви ко мне обращаются «раба божия»? Изводит эта фраза мое социалистическое сознание. Одна моя хорошая знакомая, ее зовут Анна Ивановна Серебренник, – очень умная и эрудированная, не в пример мне, дама, досконально изучившая основные типы религий на планете, – рассказывала, что Христос – великий проповедник мира на земле. Он называл людей «детьми Божиими», тем самым считая людей равными друг другу и свободными в своих благих делах и помыслах. Он хотел, чтобы люди сами учились совершать выбор между добром и злом и сами заслужили Царствие Божие, которое должно когда-то возникнуть на Земле. А что из себя представляет царство всеобщего благоденствия?.. Прежде всего социальное равенство полов!

- Ты имеешь в виду естественную эволюцию человека? – вежливо, но без особого интереса спросила Лиля.

Аня только отмахнулась.

- Почему у тебя такое уксусное выражение лица? Глумишься надо мной? Прискорбно! Еще эта моя знакомая – она, между прочим, физик – доказывала, что создал Бог людей по образу и подобию своему не внешнему, а внутреннему, то есть способными мыслить, творить и самосовершенствоваться. Он дал человеку свободу воли и выбора. «Бог трехчастен и триедин: отец – сын – дух. И человек тоже. В нем ум – слово – дух. Ум в нем начальствует. А дух (душа) бессмертен. Человек приходит в мир познать Творца и стать хоть чуточку к нему ближе. Пока мы можем познать только относительную истину, абсолютную знает только Бог...» Тогда почему мы должны его бояться? Воспитание страхом – не самый лучший вариант для развития личности, которое предполагалось Всевышним. А эта странная фраза: «Господь кого любит, того и наказывает». Наказывать надо провинившихся... Как-то не вяжется, не складывается все это у меня в голове...

И ведь за что люди распяли Христа? Именно за то, что он проповедовал идею «сынов божиих». Но тем, кто был тогда у власти, невыгодны были его идеи. И коммунистов с их лозунгом равенства и братства ненавидели и боялись капиталисты всего мира. Значит, Церковь была неправильная и коммунисты не напрасно отделили ее от государства? Она рабов воспитывала. Конечно, прекрасные образцы зодчества люди зря уничтожали. Но это от бескультурья и варварства... Может, и наша современная Церковь сбилась с пути и нуждается в исправлении и обновлении? Я говорю крамольные мысли? Я нахожусь на территории заблуждений?.. Тогда к чему сводится моя вера? Я вижу для себя единственно возможный выход – понять.

- Это допрос с пристрастием? Испытываешь мои принципы на прочность? Ну-ну... Громоздишь один вопрос на другой? Может, избавишь меня от своих неразрешимых проблем? Не могу поручиться, что наша беседа добавит тебе знаний и понимания. Зачем бесцельно расточать время и слова. Мне, признаюсь, самой моя позиция по этому вопросу пока не очень ясна. Сама мучаюсь раздумьями... Иногда человек предпочитает иллюзию реальной жизни. Любая жизнь связана с потерями, и не всем по силам справиться с собой без веры в сверхъестественные силы. С телом иногда договориться

легче, чем с душой. Ему можно приказать: работай... Вот видишь, и твоя знакомая не отрекается от Христа, – устало заметила Лиля. – А досконально изучить Библию мне уже не по силам.

Ей не хотелось вникать в глобальную тему. Но Аню не на шутку рассердил ее чуть ироничный тон и некоторое чувство превосходства, проглядывавшее – так ей казалось – в как будто бы безобидных фразах.

– Выслушай меня в порядке исключения, – взмолилась она так, словно всю жизнь дожидалась той минуты, когда ей позволят высказаться. Она осторожно прикоснулась к руке Лили. Это краткое прикосновение было исполнено доверчивой просьбы и болезненной надежды.

Лиля посерьезнела и подумала с грустью: «Аня горячая, слабонервная, бурные чувства ее быстро изнуряют. Ей достаточно самого пустяшного волнения, чтобы выйти из строя, и потом несколько ночей будет страдать бессонницей... Нет, все-таки превосходное здоровье – одно из завидных качеств человека».

И она, как бы шутя, сказала:

– Некомпетентный некомпетентному – не советчик, не помощник.

Но Аня уже настроилась на исповедь.

– Маленькой мне древние боги очень не нравились. Они были жутко порочными, жестокими, коварными, своевольными. Бывало, читаю мифы Древней Греции, и волосы дыбом поднимаются. Я восставала против них и сама себе придумывала богов. У меня был собственный пантеон добрейших и умнейших божеств!

Столетиями цари и короли опирались на двух колоссов – светского и религиозного, так надежнее, легче народ в повиновении держать. И хоть много бед возникало от всяких поборников религии типа крестоносцев (а ведь религия – проводник нравственности и добра) и прочая, и прочая... союз их был всегда крепок, потому что цели одни. Когда светская власть не справлялась с народом, она привлекала на свою сторону высокопоставленных представителей от религии. А иногда папы полностью узурпировали власть над странами. Отсюда следовало, что религия нужна для порабощения народов. И выгодно она была для поддержания имперских амбиций правящей верхушки. Ведь так нас учили в школе?

– И доставалось на орехи от тех же крестоносцев в основном народным массам. Верхи, как всегда, благоденствовали, – хмыкнула Лиля с выражением бесконечной скуки на лице. – Исторический опыт Западной Европы не говорит в пользу Церкви. Слава Богу, у нас не было Варфоломеевской ночи. России истинное христианство не коснулось. Мы по-прежнему во многом язычники.

– А прикрывали крестоносцы свою жестокость тем, что будто бы души людские очищали от грехов. Мол, кто не покается, тот не спасется и в ад попадет. Мол, жгут и убивают они во имя спасения ближнего своего. Раз Господь не препятствует войнам, значит, они ему угодны. Помню, как шокировал меня рассказ из учебника истории об индульгенциях. «Ну покайся, отпустили тебе грехи, так не твори больше зла! Ведь покаятие подразумевает перемену мыслей в сторону улучшения. А Церковь с абсолютно холодным сердцем продавала «отпущение» впрок. Мол, грехи, убивай – за все заплачено. Это проявление божественной мудрости? Разве не грех было брать деньги за заведомое знание о совершении преступлений в ближайшем будущем? Разве так можно спасти душу? Тому ли учил их гениальный Христос? Я думаю, «презренью к толщине мошны», говоря словами Александра Дольского. Те священники не верили ни в Бога, ни в дьявола. Они порабощали народы и грабили. Церковники в те темные времена были самой богатой прослойкой... «Я одно знаю: нет истины без любви. Насилие – это против наших правил! И никакие исповеди не смывают грехов. Их не надо совершать», – бунтовала я. – Поводов к этому у меня было предостаточно. Все видел мой пристальный, все подмечающий горестный взгляд. Тогда-то и дала я себе зарок: ни под каким видом не стану религиозной.

«Курс истории за седьмой класс», – припомнила Лиля. В ее глазах внимание окрашено вежливым бесстрастным любопытством, дружеской снисходительностью и чуть

насмешливым ожиданием. Она вздохнула, прижала пальцы к вискам, сделала несколько круговых движений, словно желая уgomонить биение беспокойной крови в венозных сосудах головы, и подумала: «К чему она мне все это говорит?»

- А теперь мы живем в капитализме. Многие в жизни поменялось. В России сейчас кризис идентичности. Мы не знаем, куда и как двигаться дальше. И ничего нового, стоящего нам в голову не приходит, потому что все это уже было на Западе... Зачем сейчас нам эта неправильная Церковь? Я слышала, что от Церкви идет идея возвращения к нашим истокам. Но она так двойственна. И сейчас «братки» строят церкви, часовенки, надеясь на отпущение грехов. Разве с религией легче жить? Не потянет ли она нас назад? Если не притормозить, она может стать такой, как в средние века. Может, изгнать ее с корабля современности? - спросила Аня несколько неожиданно даже для самой себя.

- Вот так загнула! - удивилась Лиля. - Нельзя сказать, что эту проблему ты сформулировала корректно. Все-то ты упрощаешь. А что взамен предлагаешь? Не зря же вот уже два тысячелетия христианская религия служит людям во всем мире. Значит, она нужна кому-то.

- Вот именно, что кому-то. Богатым. Я раньше больше на доброту простых людей надеялась, а не на неведомое... Ну, власть - тут все понятно - играет в верующих. Ей надо во всем быть на волне, ей приходится опираться на Церковь. Мода к тому же... так сказать, сдача на милость духу времени...

- Взаимоотношение светской и религиозной власти - это сложная тема. Я думаю, руководители нашего государства приходят в церковь, чтобы отдать дань уважения вере граждан, - сразу, без паузы высказала свое мнение Лиля.

- Своеобразное, неожиданное видение! Как ни странно... но выходит, что ты права.

Аня выглядела пристыженной.

- А зачем простым людям церковь? Понятное дело, бывают в жизни каждого ситуации, в которых кроме, как на Бога, уповать не на кого. По слабости и беспомощности идут люди в церковь, глубоко не задумываясь над тем, что она им несет. А она частенько умно «вела линию власти», утверждая, что любая власть от Бога. И даже фашистская?!

Задача Церкви - стараться сохранять хрупкий мир взаимодействия различных конфессий в стране, заниматься вечными истинами и возрождать душу человека, возобновлять хорошие обычаи, быть верующим опорой, а не служить власти.

- Знаешь, что меня смутило в твоих словах? Комкаешь ты все. Надо святое от будничного отделять. Жизнь каждого человека сопряжена с верой во что-то.

- К чему, например, мне священник? Сваливать на него свои грехи? Не ведет ли это к безответственности и несамостоятельности? А где гарантия, что этот поп не воспользуется тайным знанием? Что он в такой момент ставит во главу угла? Я испытываю дискомфорт, когда беседую со священником. Кто его наделил правом быть посредником между мной и Богом? Откуда у него такие полномочия? Священник, в какие бы он одежды ни рядился, такой же грешный человек, как все мы, а может, иногда даже еще и хуже. Бывает, что пьет, врет, нечист на руку, чревоугоден. Я не слишком доверяю этим слугам Божиим на Земле, - не унималась Аня.

- Христос тоже был посредником - сказала Лиля тоном судьи.

«Она таким образом хотела внести ясность в мою проблему или установить между нами соответствующую дистанцию?» - ненадолго озадачилась Аня.

- Батюшка в нашем селе был человеком в принципе добрым. Но, бывало, напьется, осеняя себя крестом, бранится, как извозчик, куролесит... валяется в замызганной сутане... крест терял... И он связывал селян с Богом? Мой детский разум протестовал. Я жалела его, но не верила ему и не хотела ходить на исповедь, не хотела рук ему целовать. Не лежала у меня душа к церковным процедурам. Ложь я в них чувствовала.

- А ты знаешь, у христиан есть понятие совести, а у некоторых народов и религий - нет. У них есть понятие «доброе сердце», - сказала Лиля только для того, чтобы сбить накал

чувств подруги.

- Приемные родители жестко заставляли меня ходить в церковь, вынашивая мечту сделать из меня себе подобную. «На небесах с Всевышним никто не разминется», - пугали они меня. И батюшка сердился, говорил, что я не созрела для постижения Бога, грозил карой небесной. А я его слушала и растравливала себя: «Честно ли по отношению к Всевышнему обращать мои слезы к этому слабому человеку? Кто его «возвел на царствование»? Не насмешка ли это над величием Бога?.. И этот человек может лишиться меня права на вечную душу?.. Я забиваю себе голову чепухой?.. Почему взрослые не желают понимать простые истины? Ведь церковь - всего-навсего бутафория, внешний атрибут. Бог и духовность не в церкви, а в моей душе».

Для меня важнее было самой обратиться к неведомой Высшей силе, управляющей всем живым на свете. Строго говоря, я не понимала, почему к Богу можно прийти только через веру в Христа? Потому что другого пути не придумали? Свой духовный выбор я сделала еще в раннем детстве. И в школьные годы возмущалась: «Я за личную унию с Высшим разумом. Разве я не имею такого права?.. Если и Там существует иерархия по типу светской, то вы меня извините... это не по мне...» А церкви и все эти обряды кто придумал? Люди, конечно.

- Не переживай так. Разочарования в жизни неизбежны... Ничего нового ты не изобрела. Были у нас на Руси в семнадцатом веке раскольники. Их анклавы по всей стране распространились. Особенно много их возникало на Севере и в Сибири. Раскольники не пили, не курили, были трудолюбивы и скромны в быту. Только не нравились их вера царям и священникам, потому что те не позволяли себя эксплуатировать, вот они и устраивали на них гонения. Я читала, что один царский чиновник так проникся правильностью быта раскольников, что писал царю, мол, «вижу будущее России в старообрядстве». Боярыню Морозову помнишь?

- Еще бы не помнить! Протестанты устраняли посредничество и утверждали, что человек непосредственно ответствен перед Богом. Только это не совсем то, о чем я тебе толкую. У раскольников тоже были храмы и иконы, но без попов... Собственно, советская власть тоже выросла на беспоповстве и на положительных заповедях.

Аня задумалась, но ненадолго.

- Мой друг называл церковь центром самоподготовки по борьбе со страхом. И это при том, что религия сама замешена на страхе, которого и без того в моей жизни было предостаточно. Явная нелепица.

- Веский довод. Только выводы из этого примера можно разные делать и вовсе не связанные с религией, - спокойно возразила Лиля.

- Католик Папа Римский и наш православный патриарх - они тоже обыкновенные люди, а не помазанники божии. Они, наверное, несколько умнее многих из нас, и я могу относиться к ним с уважением, но никак не с религиозным благоговением и трепетом.

Лиля изобразила на лице выражение, явно имевшее целью убедить Аню воздержаться от слишком резких суждений по поводу того, что еще ею до конца не осмыслено.

- Я слышала, что в Америке шестьдесят процентов католиков и что их Церковь не вмешивается в дела государства, а оно со своей стороны достаточно лояльно к верующим. А у нас, несмотря на стремление религиозной власти слиться со светской, престиж религии все равно падает. Наблюдается разложение Церкви: всякие скандалы со священниками на местах, не всегда корректная борьба за честь мундира... Не хочу перечислять... Для меня религия - всего-навсего часть культуры любого народа, поэтому я считаю, что зря «порешили» в революцию церкви - прекрасные памятники русского зодчества, - закончила свою мысль Аня. И добавила растеряно:

- Кто же все-таки играет судьбами людей?..

И запнулась.

- Об одном я тебя настоятельно прошу: отвергая Церковь, не делай это публично. Не стоит ранить чьи-то добрые безутешные сердца. Иногда для человека, оторванного от

целительного богослужения, мир становится невыносимым, – осторожно посоветовала Лиля.

– При Советах была атеистическая диктатура. Мы и без религии выросли правильными, честными, достаточно добрыми, трудолюбивыми. И не было у нас разнотолков. Все нам было ясно, как жить, как воспитывать детей.

– Прошли те достопочтенные времена. Живи в режиме реального времени. Надо идти навстречу современности, а не закрываться от нее, – остановила Аню Лиля.

В ее тоне не прозвучало ни малейшего намека на ироническое сочувствие, но, похоже, она устала от бесконечной говорильни. Только Аня уже запрягла и не нуждалась в понуканиях, чтобы мчаться на рысях.

– Ты знаешь, меня всегда пугало то, что Церковь утверждала, будто Христос требовал от людей любить себя больше себя самих и своих близких. Это же прямая дорога к сектантству. Ведь говорится в Библии: «Не сотвори себе кумира». А разве Христос не кумир?

– Он символ.

– Один мой друг «нанизал на шампур секты» свой хилый дух. Его долго убеждали, обхаживали, затягивали, и он безоглядно уверовал в своего кумира. А тот проклял его за то, что он, будучи порядочным человеком, предпочел оставить дом и деньги семье, а не их религиозному братству. Искалечил себе жизнь. Хорошо хоть детей не утянул за собой. Жена не позволила, сказав, что нельзя приносить людей в жертву каменным идолам, которые лишь ненадолго закрепляют выдуманное человеком истины... А Высшая сила может быть кумиром?

– Не тот уровень, не та высота... чтобы нам говорить подобное, – осторожно заметила Лиля, не глядя подруге в лицо, словно опасалась, что взгляд глаза в глаза установит между ними некую глубокую связь, обяжет к ответственности за слова, брать которую на себя она не собиралась.

А Аня всё о своем:

– К тому же по-русски любить – значит, прежде всего жалеть. А Бога жалеть нельзя, он сильнее всех нас вместе взятых. К Нему не любовь, а благоговение должно быть. Существуют разные виды любви: к Родине, матери, детям, к высшей непознанной, доброй силе. Нельзя их смешивать. Представляешь, как глупо звучала бы фраза: «Кого ты любишь больше – меня, свою жену или сына?» Эти чувства нельзя смешивать и сравнивать, хотя они исходят из одного человека, как нельзя сравнивать любовь к профессии и книгам. Истинная мать, если потребуется, не задумываясь, отдаст жизнь своему ребенку, совсем не потому, что меньше любит мужа... она его любит иначе. Я так думаю.

А если Бог – гигантский, невидимый, пульсирующий Мегамозг... то какая уж там к Нему любовь... А что тогда есть наша душа? Переплетение нервов, пристрастий или чего-то непостижимого, неподвластного нашему уму?.. Она – самое загадочное явление в человеке. Может, она – система мозговых связей, наделенная самосознанием... Мозг – это квантовый компьютер. А сознание возникает при возбуждении миллионов клеток мозга. Человек умер, мозг тоже. А душа? Может, она – важнейшая составляющая вселенной, каждая точка пространства которой содержит информацию, и ее способен считывать мозг... А к чему отнести преисподнюю... и есть ли она? – каким-то неживым бесцветным голосом добавила Аня.

Лиля задумалась. И невозможно было понять, изучают ли ее глаза Аню или этому отрешенному взгляду представлялось нечто иное, не имеющее никакого отношения к их разговору. Аня выдержала паузу и продолжила:

– Знаешь, Лиля, я только сегодня узнала, почему люди стремятся получить прощение. Потому что по религии выходит, что за прощенный на земле грех им не придется держать ответ перед Богом. Умно придумано.

Недавно была в церкви. Там священник утверждал, что человек живет ради Бога. А

почему не ради себя, своих близких и всего человечества? Непонятны мне технологии религии. И к каждой своей фразе этот батюшка добавлял: «Как сказал Господь, как завещал нам Господь». От имени Бога говорил. Не слишком ли много на себя брал? Все мы по-разному воспринимаем одни и те же речи. Не может он гарантировать истину своих слов. Представляешь, как мне, атеисту советской закваски, слушать такое. А на днях по телевизору один священник так перевирал слова великих людей – и не скрывал этого, – что у меня волосы на голове шевелились. И уже назавтра я застала его на другом канале, где он с умным видом проповедовал о честности и порядочности. Может, стоит первосвященникам присмотреться к своим кадрам и перепрофилировать их?

...Собственно, что такое религия? Это убеждения людей, горящих желанием постичь некую вершину идеала, и Христос тут... только как витрина. Ой, прости, как звезда на недосыгаемой горе... И до Христа люди жили. Кому молился Адам? Государства возникали, их культуры развивались и погибали... Хорошо продуманная притча о Христе, может, и полезна, потому что создавалась с учетом недостатков человеческих характеров, но ведь каждый может понять ее по-своему... и не всегда правильно... И вообще, нужна ли нам религиозная скрепа? А может, Христа придумали по аналогии со светской иерархией того времени из страха обидеть Бога тем, что всякий грешник станет докучать Ему своей ерундой? Представь себе свободный доступ к президенту. С ума сойти можно! Опять ерунду говорю?..

Мы растили детей в правде, с добром в душе и не разочаровались в этом до сих пор. Чехов вот тоже в людях «Царствие Божие» искал, потому что любил и жалел людей, а не находя его, становился язвительным и желчным. Может, он верил в Бога, но вряд ли слишком доверял Его слугам. Может, наше воспитание приемлемо только при социализме и современным детям теперь надо точить зубки? – запустила Аня свой первый серьезный вопрос. – Священник Александр Мень утверждал, что проповедь важнее правды. Я этого не понимаю. Он о лжи во спасение говорил?.. Видишь, у меня каша в голове. А все от недостатка знаний в этой непростой области «науки».

Аня говорила возбужденно, глаза ее горели. Ее словно подменили.

– Положа руку на сердце скажу: не знаю, что тебе ответить. У каждого в душе свой ад и свой рай... В этой фразе Александра Меня как в капле воды отразилось его собственное понимание назначения Церкви. Я его разделяю только частично... Зачем вести разговор на фоне полного непонимания темы нами обеими? Не будем углубляться. Ладно? Нам трудно манипулировать понятиями и смыслами, не имея достаточных знаний. Своими вопросами мы прежде всего себя в тупик загоняем. Даже в верхах церковной власти до сих пор не утихают споры об истинности бытия, о возможности раскрытия тайны возникновения и существования человечества и всего Мира. Куда уж нам... Жалким умом не охватить Высший Разум, – натянута улыбнулась Лиля. Она еще надеялась, что властное бессилие – усталость – прекратит их разговор.

– Нет, подожди, – настойчиво продолжила Аня, – еще на один вопрос ответь. Вот когда я вспоминаю войны, так и хочется крикнуть во все горло: «Господи, что Ты с нами делаешь? Где Твоя справедливость? Ведь гибнут миллионы! Почему Ты позволяешь злу побеждать добро?» Разве Бог совершенен в своих деяниях, если Он допускает войны? С Его благословения они идут? Не слишком ли Он карающий? Бога в жар или в холод не бросает от количества приносимых Ему жертв? Бог, если он есть, как и Христос, – мужчина. Женщинам не нужны войны... Наверное, служители церкви во все времена кропили святой водой уходящих на войну... Я в Библии искала ответ, но ничего из нее не поняла. Может, потому, что пропускала ее постулаты через свое материалистическое восприятие мира?

Священники служат обедни за победу тех, у кого состоят на довольствии. Принуждают к ложной присяге. Так и хочется послать их в самых отборных выражениях... И немцы, и русские одному Богу молятся. Как он выбирает, кому помочь? По нравственным критериям, по десяти заповедям?.. Оно, конечно... когда война... общепринятые нормы морали в счет не идут... Лучше бы Бог вообще прекратил бойню. Все народы без исключения были бы ему благодарны...

– Наполеон сказал: «Бог всегда на стороне более сильного», – попыталась отшутиться Лиля. Но Аня так рассердилась, что кровь отлила от ее и без того неярких щек.

– Опять мусолишь старую как мир историю. Ответ мой простой. Бог дал человеку

свободу выбора, значит, ответственность за свои деяния лежит на людях. Зачем валить свою вину на Бога? Это – побег от себя. Кто-то сиганул с моста и погиб. Кого ты станешь винить? – жестко спросила Лиля и грустно усмехнулась. – Мы сами нарушаем определенную нам линию жизни.

– Получается, что войны испытывают Небеса на прочность.

– И не только войны.

– Свобода! Человек не раб, если у него нет зависимости, допустим, от курения, алкоголя, разгула, если он верен своей семье, горд ею; если он не алчен, не завистлив, не тщеславен, не страдает от гордыни. Мне кажется, до перестройки таких много было среди нас... Мир устроен разумно, и человек должен вести себя соответственно. А у него столько порочных качеств, сколько бессознательной животной агрессивности незащищенной табу... Почему в быту столько злобы, мелочности, глупости? Куда девается здравый смысл? И я тоже, конечно... не справляюсь... но стараюсь.

– Таковы люди.

– Мне кажется, при социализме они были чуточку лучше.

– Истина в душе, а не на уровне правительств. И она не сиюминутна. ...В некотором смысле Церковь достаточно демократичный институт. Бедные и богатые одним Богом судимы. Перед Ним все равны. Ни сословий тебе, ни классов, только прихожане.... Еще мне иногда кажется, что верующие в большей степени оптимисты. А сколько разумных мыслей в Библии! Например: «Вечности принадлежит только то, что создается с любовью». Прекрасные слова! Они – моя путеводная звезда.

Лиля замолчала. Взгляд ее был задумчив, сух и долог.

– Пока доподлинно не доказана истинность ни эволюционного, ни революционного пути развития Природы. Как образовалась Вселенная – нет ответа. И дарвинская теория – только гипотеза, и существование Бога – тоже. Конечно, непременно должен существовать угол зрения, под которым все сразу станет на свои места. Церковь проповедует догмы, а не истины. У нее нет инструментов изучения природы. Правда, в свое время она была хранилищем знаний, но это уже в далеком прошлом. Церковь знает, что хорошо, что плохо, а ученые знают, как искать истину. Вот и пусть каждый занимается своим делом. Ученые уже доказали, что развитие природы началось с одной клетки. Она основа всего живого.

– Это только одна ступень знания. А как возникла первая клетка?

– Придет время, откроют.

– И станет доступна картина единства Мира. И постигнем тайну рождения и гибели бесчисленных галактик... Знаешь, как-то задумалась о многообразии растительного и животного мира на Земле. Вот ты представляешь такую картину: Бог создает все эти цветочки-лепесточки, жучков-паучков... Мир слишком многомерен.

– Сейчас бытует гипотеза, что жизнь на Землю занесли астероиды. Но в ней тоже рано ставить точку. Мне ближе гипотеза, утверждающая, что природа обладает собственной разумностью. Эта ниточка ведет к признанию существования Всемирного разума.

– Но мы не знаем механизмов разумности Природы, степени нашей зависимости от нее... Каждый волен выбирать, во что верить. Монополии на истину не существует. Раз нет конечного знания, всегда будут возникать новые мифы... Разве тебе так важно, был Христос или нет? Главное – есть какая-то Высшая непознанная сила, управляющая Миром и нами, а что она собой представляет – электронный мозг, систему чисел, на чем настаивают некоторые великие математики, – решение этого вопроса в далеком будущем. Мне кажется, Бог не имеет конкретной формы... Но лично для меня он всегда рядом.

– В твоей душе? – спросила Аня.

Лиля не ответила. О другом думала. Аня с удивлением перехватила Лилин взгляд, исполненный какого-то скрытого значения, до такой степени не соответствующий ее

собственному состоянию, что она растерялась и замолчала.

- ...Хотелось бы, чтобы религия давала внутреннюю свободу, а не закрепощала нагромождением ритуальных условностей, - сказала после паузы Лиля. - Я лекцию одного прекрасного профессора слушала. Понятно говорил что-то вроде того: «Религия крепко укоренилась в природу современного человека. Христианская, православная религия хороша тем, что она не карающая. Она заявляет: не справедливость - высшее начало, а нравственный уровень. Бог есть любовь, добро и праведность. Основной принцип жизни христианина - любовь, а цель жизни - стремление к совершенству». Хорошо объяснил, старые истины преподносил как-то по-новому, свежо и просто. Будто бы утверждал необходимость религии...

- Как помощницы власти? Для кого «пел»? Говорить можно многое. Лично для меня критерием оценки человека являются его добрые дела. В этом я солидарна с Леной. И еще я верю в предназначение каждого человека... А моя детдомовская няня верила в жизнь после смерти. Утверждала, что никогда не покончит с собой уже только потому, что боится не встретиться на том свете с теми, кого любит на земле.

Аня умолкла. Ее взволновало воспоминание о доброй няне.

- ...На крыльце нашего гастронома я часто вижу молодую женщину. «Я - невеста Христова», - говорит она каждому, кто поднимается по ступеням к дверям магазина. «А ты получила у Христа согласие стать его невестой? Может, ты ему не подходишь? Вон там стоит еще одна «невеста». Ты за многоженство? Я - против», - вполне серьезно сказал ей проходивший мимо строгий мужчина. Женщина растерялась, заморгала глазами... Большинство людей воспринимают ее как свихнувшуюся на любви к Богу. Много странных людей подвизается на ниве любой религии. Хотя бы те же экстремисты. Сложен душевно-духовный мир человека... А света веры на запойных лицах попрошаек, постоянно толкущихся у стен церкви и обещающих молиться за тех, кто подаст им милостыню, я не заметила... Они то крестятся, то всех... посылают. Помню, холодно было, из жалости дала я им денег всем поровну, так они все равно чуть не передрались тут же на паперти.

...Я вот верю и не верю в бессмертие души. Что душа собой представляет? Где базируется? В детстве я считала, что в сердце, потому что оно реагировало на все хорошее и плохое, что встречалось мне по жизни. Позже пришла к выводу, что в голове. Но что есть мозг - мешок нейронов с переплетением связей, контролирующих наши мысли и поступки и распад которых ведет к потере собственного «я», а может быть, и к гибели души? Или душа имеет собственный разум и свободу воли... и улетает в Мировое пространство. Святой дух я понимаю как нечто пронизывающее всё и вся вокруг. Что-то типа особой неведомой и пока недоступной нашему исследованию конфигурации электромагнитных волн, модулированных биополем...

- Любая теория постулирует некую реальность. Еще Вернадский писал о биосфере.

- Иногда я хочу попросить Бога: «Покажись» и тут же пугаюсь: «Прости, Господи!» Непорядок у меня в голове?

Аня опять смущенно улыбнулась.

- Вон куда тебя наладило... У каждого человека на каком-то этапе жизни может возникнуть подобное желание. В Библии и это учтено. «Счастливы не видевшие, но верующие» - провозглашает она главный принцип веры... Каждому хочется, чтобы кто-то его любил. «Может, хоть Бог нас истинно любит», - думают они.

- Сегодня Лена молчала, молчала и вдруг сказала: «Девчонки, как я вас всех люблю! И сама того не знала».

- Она всю жизнь в тисках. А душа-то живая...

Лиля вздохнула.

- ...Только в религии сейчас тоже как в чиновничьей среде. Наверное, есть священники, которые неформально, с душой выполняют свою работу. Да, работу, я не оговорила.

Именно так я воспринимаю их службу. Но я невезучая, мне не встретились такие... А жаль. Как говорится, грешников много, праведников мало; много званных, да мало призванных... Во всем человеческом мире люди одинаковы и законы в той или иной степени схожи. Духовенство также локтями прокладывает себе путь наверх во власть, у них те же передрыги, свары, интриги. И чем больше я о них узнаю, тем меньше доверяю их словам и не хочу идти под защиту стен храма... Все люди в одном котле варятся. И Бог у людей один, только разные религии называют и позиционируют Его по-своему... И во всех горит огонь единомыслия...

Недавно разговаривала о религии с молодым рабочим из нашей бывшей азиатской республики. Он помогал мне в ремонте квартиры. Удивилась, что обе наши религии так схожи. Чуть было не спросила, кто у кого списал. Пощадила парня. Он так старательно соблюдал все заповеди.

- Никого не суди... Свои дела правильно справляй.

Аня точно не слышит.

- Священники к скромности и простоте призывают, а сами в золоте стоят. Поражает парадная роскошь обрядов и церемоний, а богатство церкви противоречит Святому Писанию. Понимаю, светским начальникам тоже нехилые здания строили. У каждого свои символы величия и власти. А может, людей в церковь влечет еще и красота? И этот атрибут необходим? Отметать эту версию было бы с моей стороны нерационально. Но религиозные обряды не стоят моего внимания. Если только в культурно-познавательном плане, - будто для себя рассуждает Аня. - ...Когда моя детдомовская подружка в семнадцать лет умерла от рака, послали меня в церковь купить свечей и всякие религиозные похоронные атрибуты. Захожу. Все сияет от золота, ветки зеленые кругом - на Троицу дело было, - батюшка красивым голосом молитвы поет. Душа затрепетала. И вдруг второй священник, тот, что заупокойные записки собирал, как гаркнет на всю церковь! Я аж присела от неожиданности. Это он так осадил шебуршавшую старушку, которой никак не удавалось пробиться к нему сквозь толпу. Я поскорее купила все, что требовалось, и бегом оттуда. После никаким калачом меня туда не могли позвать. Не нужна мне их красота, если она без доброты и снисходительного отношения к человеку... Что уж там о каком-то разрыве метафизики рассуждать... все тривиально и бытово...

Аня заметила, что Лиля кивает ей и впопад, и невпопад, как бы все время соглашаясь с нею. Это ее возмутило, и она с новой энергией принялась за критику.

- ...Когда я серьезно заболела, подруга уговорила меня причаститься и окреститься перед операцией. Телефон дала знакомого священника и так его нахваливала: мол, умница, высокой души человек, ну прямо святой. Я так растрогалась, что через подругу передала ему самую дорогую для меня вещицу. Все детство оберегала ее от чужих «грязных» рук. Звоню, объясняю, что очень больна. Не дослушал, прервал, мол, некогда мне. У меня внутри вроде как что-то осело. И о реликвии не вспомнил, не поблагодарил. Видно, слова красивые умел говорить, а души, чтобы помочь больному, не хватило. И ты после этого осмелишься утверждать, что они лучше нас и порядочней?

- Охлади свой воинственный пыл. Не стоит тот человек твоего негодования. Не все священники безгрешны. Они, как и мы с тобой, обыкновенные люди.

- К другому попу повела меня подруга. Я подумала, пойду, может, беседа с ним во благо окажется. Хотя, конечно, к вероятности чего-то подобного я всегда относилась неоднозначно. А тот как коршун на меня набросился. Не простил моей неосторожной наивной прямолинейности. Я созналась, что никак не могу простить жестокости... Я, глупая, к нему с открытой душой... сочувствия, поддержки захотела. Стояла перед ним с вытянутым, озадаченным лицом, и мои грешные мысли о нем не могла заслонить спасительная молитва. Из головы не шло раскаяние. К кому пришла за помощью, за добром? Где же его понимание, всепрощение, которое ему по сану, по должности положено? Ахинею нес. Кричал так, как если бы я затронула что-то его личное, больное, как если бы не я, а он был страдалец в этой ситуации. И кто же из нас двоих был несчастнее?.. Так я и не испытала облегчения. Только досаду... Если верить Библии, Христос тоже бывал гневлив и резок. Он тоже грешен? Прости, Господи... Подружка все видела и всю обратную дорогу молчала. Она больше никуда меня не водила.

- Все это частные примеры. Не обобщай, не строй из них систему. Не путай религию и служителей.

- И все же решилась я принять обряд крещения. В тяжелые пограничные моменты человеку трудно полагаться на свои силы. Вот и влечет его к чему-то более сильному, высокому, чистому, пусть даже невероятно сказочному... Настроилась. Пошла в собор.

Целый месяц священник мариновал меня. Все откладывал и откладывал процедуру. Оказывается, хотел сразу двоих окрестить. Пришли мы. Купили у монашек полотенца. Те предупредили, чтобы мы их потом, после обряда, всю жизнь хранили.

Священник явился помятый, неухоженный. Борода клочьями, под мышками на рясе потные круги. Злой какой-то, торопливый. Накричал на парня за то, что тот по-старославянски не умеет читать. Я-то догадалась, что священник может заставить повторять за ним молитву, и пока ждала приема, старательно разбирала письма на стенах церкви.

Потом священник стал грубо заставлять меня тут же при нем и молодом человеке снимать гамашу и колготки, упрекая в том, что я надела семь одежек... Так ведь зима была. И те же монашки могли бы разъяснить, как надо подготовиться. В общем, у парня растерянный, даже испуганный вид, я стою как оплеванная. Чуть ли не бегом проволок нас священник вокруг чаши-купели, окунул наши крестики в святую воду, утерся нашими полотенцами, бросил их в дальний угол помещения и вытолкнул нас вон... До обидного нелепо и пошло выглядело все происходившее. Долго было на душе тоскливо. Не так я представляла свое посвящение Богу... Вот тебе и хлеб наш насущный, духовный... До сих пор бережит память. Обидно, что ни один из девяти священников, встретившихся на моем жизненном пути, не оправдал моих надежд. Каждый свою копну молотил... Невезучая я.

- На десятого надейся, может, повезет,- грустно пошутила Лиля.

- Но его я уже не услышу... - еще более грустно ответила Аня.

- Да ладно тебе, - поежилась Лиля, - мы с тобой еще поживем и много чего хорошего успеем сделать.

- Совсем недавно в церкви была. Больше из эстетического любопытства. Там святую чудо-икону выставили. Ту, которая покинула храм Христа Спасителя и отправилась по городам России к людям. Подумала: подойду, взглянусь в лик, хранящий добрую память многих поколений, почувствую что-то особенное, неземное, выскажу перед ней свое сокровенное. Приложусь к чудотворной святыне, и, может, просветление во мне наступит... Доподлинно осознаю, что пришло время единения во мне духовного света с божественной мудростью и стремление постичь вершины бытия. Так вдруг искренне пожелала!.. Я ждала чуда - того момента, когда восстанавливается гармония разума и души... А нас прогнали мимо иконы точно овец через узкие ворота хлева... Счастье привалило...

Промелькнуло перед глазами блекло-бурое пятно и все. Не успела взглядом охватить изображение, как оказалась на улице «в припадке бесчувственной страсти». Получился какой-то обманный маневр, раздувающий угли религиозного равнодушия. А хотелось, как в песне: «и душа с душой говорит». Хотя бы догадались поместить реликвию ликом по направлению движения к ней толпы. У каждого было бы несколько секунд на общение, пока она находилась в поле зрения. А священнослужители поставили ее параллельно. Паломники издалека приехали, мерзли на улице в январский холод. И тут о людях не думают... Почему-то я еще ожидала там услышать прекрасную тихую духовную музыку, по типу той, что часто возникала в детстве по ночам в моей голове во время мечтаний, или церемониальную проникновенную религиозную речь. А нас подгоняли с плохо скрываемым раздражением. Я чувствовала себя униженной. Что уж там говорить о полном единстве людей в храме?.. Каждый о своем, каждый один... Может, глубоко верующим больше дано и они успели ощутить духовное воспарение, божественное вдохновение... Не знаю.

«Об этом, наверное, многие думали. Но никогда мне не приходилось слышать, чтобы кто-то произносил подобное вслух. Чего боялись?» - подумала Лиля.

- О чем это я? - на лице Ани было написано: «Я потеряла нить разговора». - Ах, да. Крещение. Много чего еще могу вспомнить. Может, я и не права; хотелось бы в это верить. Нет, церковь... это, наверное, не мое.

- Свободу воли, веру и неверие никто еще не отменял. Даже в наш век полной деградации, - заметила Лиля и подумала: - Сомнения заложены в самой Аниной природе? Она просто не может без них существовать?

- Так постепенно накоплялась во мне и концентрировалась религиозная нетерпимость, отторжение обрядов...

- Ты сформулировала гипотезу и подгоняешь под нее факты, вместо того, чтобы делать все наоборот.

- Вот и на гору Афон женщин не допускают. Девочек и мальчиков по-разному крестят. И тут дискриминация по половому признаку. Я не «дочь божия»? А возьми мусульман. Во что они превратили женскую сущность? А ведь на самом деле в Природе женское начало сбалансировано с мужским. Нет, не Бог ввел неравенство - мужчины, стремящиеся нас поработить с помощью религии. Они верховодят в этом мире, они диктуют законы... Кто нас, женщин, очистит от скверны, отстоит, оправдает, сбережет? Мы ведь все одним миром мазаны... Вот я и бунтую... в мыслях. А в политику и во власть зачем священники лезут? Не функция церкви что-то в ней одобрять или не одобрять. Ее дело - души спасать...

- Не подозревала я, до какой степени ты погрузилась в сомнения. Понимаю, хочется выплеснуть освободиться... только, может, хватит истязать друг друга разговорами? - как можно тактичнее спросила Лиля. В ней рефлекторно проявилась элементарная воспитанность. - Вот мы тут суетимся, что-то пытаемся себе уяснить... а может быть, за последние несколько десятков миллионов лет существования нашей планеты под действием земных катастроф Человек многократно из чего-то или откуда-то возникал, исчезал и вновь возрождался, начиная с нуля...

Но Аня в запале, и тут уж ни такт, ни угрозы не препятствие бурному монологу.

- Женщина по Библии - дарительница жизни. Но в христианской религии утрачена священная значимость женского начала.

- Ты знаешь, что означают слова «эпоха Водолея»? - прервала Аню Лиля, очевидно, желая успокоить или обнадежить подругу. Только не поддалась она и продолжила возмущаться:

- Созидателем выдвинут мужчина, а женщину сделали его отростком, мол, она из ребра Адама. Пересчитайте свои ребра, господи-мужчины, а потом рот раскрывайте. Не Христос, а мужчины придумали грязь первородного греха, чтобы принизить, опорочить женщину, признав ее заведомо греховной. Почему греховна именно женщина? Почему чрево матери - греховная тьма? Можно подумать, мужчины на свет появляются совсем другим путем или они не участвуют в процессе продолжения рода. Дурость какая-то. Секс, в конце концов, - функция парная. Весь живой мир по одной системе размножается. Получается, одна его половина - греховная, другая - святая? Мозги кое у кого набекрень съехали?

Не придумали пока другого естественного способа производить на свет потомство. Получается, женщины заведомо плохие и такими их создал Бог? Законники от религии критикуют Создателя?! Зачем?.. Каждый толкует Библию на свой лад... Это как же надо ненавидеть людей, чтобы объявлять только что рожденное дитя грешным! Получается, что христианская религия замешена на чувстве вины? А мне хотелось, чтобы она была спокойная, всепоглощающая, умиротворяющая, но не уводящая от реальности, от борьбы за существование, не зовущая склонять голову и уходить от проблем в монастырь.

Жизнь и так не слишком радостная. Зачем ее еще больше усугублять придуманной виной? Может, священники таким способом пытаются привлечь мужчин в лоно церкви? Любые религиозные конфессии, как и любые партии, заинтересованы в увеличении числа своей паствы, и тут все средства хороши?.. Ой, нет. Глупость сказала... Прости меня, Господи, если ты есть... Разум и сердце не сходятся во мне.

Аня разнервничалась, ее трясло. Женский вопрос – для нее самый болезненный.

– Кто-то сочинил хитрую байку, а я должна чувствовать себя приниженной уже способом своего зачатия и рождения? Может, именно раздвоенность в религиозной теории ведет к тому, что в некоторых семьях почитается мать и принижается жена? Но жены ведь тоже матери. Опять полное отсутствие логики!

– Так свойственное и моим бывшим мужьям, – усмехнулась Лиля.

– Ты находишь ситуацию забавной?! – разозлилась Аня. – Я пришла к выводу, что боялись мужчины, что женщины возьмут власть над ними, вот и придумали способ давления. Пример мусульман особенно нагляден. Во что женщин превратили! Двадцать первый век на дворе, а они до сих пор паранджу носят. Между прочим, Коран – я читала – раньше давал женщинам большие права, но восточные мужчины тоже отобрали их и стали толковать стихи учения в свою пользу... Алкоголь они не употребляют. Это хорошо. Мне нравится, что они не морочат голову верующим изображением своего пророка Мухаммеда. Это разумно... Хотя, как у всякой религии, у них тоже хватает отклонений. Экстремисты и прочее!.. Не мне влезать в их дела... И, честно говоря, я бы не хотела иметь рядом со своим домом мечеть, чтобы меня, страдающую жестокой бессонницей, рано утром будил мулла своим заунывным религиозным пением. Я имею полное право на тишину.

Одно меня смущает. Есть у меня подруга, она замужем за инженером-мусульманином. Вот о какой семье я мечтала! Уважение, такт, обожание. Получается, их аллах не помешал ему создать прекрасную семью. От уровня внутренней культуры человека зависит его поведение. А может, ее муж сумел войти в зону, в которую редко кто входит, и познал тайну Творца? Каковы пределы человеческих возможностей, никому не дано знать...

– Успокойся. Ну надо же, молнии из глаз вылетают! С кем жаждешь сатисфакции? Занесло тебя. Не лезла бы ты в чужой огород со своей мотыгой. Опять винегрет в голове. «Разговорчики в пользу бедных». Помнишь эту нашу присказку? Популистские манки. Если бы такое было возможно... Сказок начиталась. В мире, как в космическом корабле или в подлодке, надо уживаться со всеми. И культура человека – ты права – играет в этом не последнюю роль.

– Сама понимаю... Для меня главным нравственным авторитетом остается Бог как Высший Разум. Моя религия – делать добро от чистого сердца. А то, что запрещает Церковь, я и сама себе запрещаю. Я толстовцем была с детства, даже тогда, когда еще не читала великого классика, наверное, потому, что судьбе было угодно много раз бить меня в самое сердце. Такая вот безнадега... И в религии я защиты не нашла. А ведь пыталась.

Гнев улегся, и Аня заговорила спокойнее:

– Помню, как в студенческие годы захотела я посмотреть убранство церкви, но меня в спортивном костюме и с непокрытой головой не пустили. «При чем здесь современная женская одежда? Тогда и мужчин не пускайте, пока они не нарядятся в длиннополое рубище, в котором Христос ходил по земле, – возмутилась я. – Церковные каноны придумали люди, а не Христос. Если человек беден, он может прийти в церковь, обернувшись чистой простыней. Не важно, в чем ты пришел, важно, с какими мыслями явился. Грабителя, прячущего под приличной одеждой нож, вы пускаете, а меня с добрыми помыслами оставляете за порогом. А вдруг я, увидев прекрасные творения человеческого гения, стану чище, вдохновеннее, задумаюсь о своем предназначении, захочу служить чему-то более высокому?»

У меня помимо брюк и этого свитера по бедности нет другой одежды, так что же, мне заказан вход в церковь? Не должна форма одежды препятствовать желанию человека познать что-то новое. Я же не голая явилась... Конечно, одежда должна, по возможности, соответствовать месту пребывания и тем самым выражать уважение к людям, а в данном случае – к месту поклонения Христу или Всевышнему. Слава Богу, в театр пускают в брюках. Там, наверное, меньше косности или люди умнее. Когда-то христианские традиции запрещали вскрытие тела. И к чему это могло бы привести?...» Я понимала, что начинаю грубить и что мне нужно остановиться.

Монашки были удивлены и озадачены моими горячими, искренними словами. Они растерялись. Они привыкли верить и бездумно исполнять. Одни обступили меня и стали вразумлять, другие негодуяще покрикивали. Обстановка накалялась. Я уже собралась отступить перед пожилыми людьми – была воспитана в уважении к старшим, – и вдруг подошла ко мне самая старая из них, с тихим праведным лицом, молча обернула мои бедра куском черной материи, покрыла голову чистой белой тряпицей и впустила под таинственные сумрачные своды. Я благодарно взглянула на мудрую старушку и вступила в святая святых... В церкви я была одна. Глухо отражали каменные своды мои осторожные шаги, сначала даже мороз по коже пробегал...

Нет, я рассматривала иконы и картины как шедевры искусства, но на душе у меня было тепло и радостно, но совсем иначе, чем в музее. В моем диковатом сердце вместе с любопытством и смирением поднималось чувство благоговения. Тогда я отнесла это ощущение на счет встречи с мудрым человеком. Меня поразило гордое смирение, тихая доброта, скромное достоинство той монашки.

Почему люди верят в Христа? Потому что не всякому человеку можно верить? Почему Церковь с помощью Бога пытается приучить людей любить друг друга или хотя бы терпимее относиться к ближнему? Потому что люди сами не справляются?.. Я не сразу окончательно стала одиночкой, сначала пыталась верить церкви. Но вера не должна быть слепой. Я должна для себя хоть что-то в ней понять. Человек обязан давать себе отчет в собственных чувствах и действиях. А от меня требовали бездумного подчинения, принятия всех канонов Церкви на веру. А ведь многие из них уже изжили себя.

Вот я читаю Библию, вникаю и сомневаюсь в некоторых религиозных положениях. Они устарели и смотрятся примитивно. Книга, однажды принятая за непогрешимую истину... вера в неколебимые, неоспоримые постулаты... Правильно ли это? Я не о ключевых заповедях. Они бесспорны. Социалистическая нравственность тоже на них строилась... Что ни говори, все-таки религиозность несколько блекнет под влиянием просвещения. И священная Библия, безусловно, – книга книг, кладезь знаний, но всякий по-своему ее толкует. А понятая буквально, она опасна.

– Для жизни или смерти? – подняла брови Лиля. Но развивать эту тему не стала.

– Церковь не объяснила моего непонимания, не направила, не принесла успокоения. Если она говорит от имени Бога, то все в ее учении должно быть четко, ясно и прозрачно. В противном случае не избежать домыслов и двумыслия. Вот за что Бог наказывает безгрешных младенцев? Уж хотя бы их не трогал!

– Наказывает, чтобы заставить родителей доискиваться до причин наказания, размышлять о том, какими же прегрешениями они прогневили небесные силы. Так объясняет Библия, – печально вздохнула Лиля. Ничего кроме горечи не услышала в этом вздохе Аня. И в ее взгляде она не уловила ни издевки, ни агрессии, ни малейшего намерения оскорбить или унижить.

– Не устраивают меня... жесткие религиозные притчи. Недобрый человек их писал. Хотя и жизнь наша жестока. И такой ее делают жестокие люди... Из сказки все равно когда-то приходится возвращаться в реальность. Что тысячу лет назад было мистикой, теперь становится научным фактом. Теперь не сжигают на кострах. Все течет, все меняется. Чиновникам от религии приходится корректировать свои учения, они упираются, выкручиваются. А мне претит ложь. Признайте, что вы не во всем искренны, не утверждайте себя единственно правыми. Все пути движения к истине равноправны. Я не религиозный человек и не собираюсь кривить душой в угоду кому бы то ни было. Скажу тебе страшную тайну (шучу): помнится из истории, что еще при Петре Первом Феофан, может, не вполне сознавая, сломал хребет православия...

– Петр был верующим человеком, но Церковь не любил и мечтал создать новую религию. Достаточно весомое доказательство?

– И поэтому опирался на пушки, а не на иконы?

– Это уже политика. Ты, главное, не ожесточайся. И не противоречь себе. Сама же сказала, что динамика – всеобщий закон. Религия, раз она создана людьми, тоже должна корректироваться, как бы она ни была консервативна, – как бы в раздумье заметила Лиля и терпеливо улыбнулась. – А Петра Первого я уважаю. Он, конечно, много чего

натворил, но зато пробудил Россию от сна. А еще мне нравится его фраза: «Русский тот, кто Россию любит и России служит». При всех своих многочисленных закидонах талантливейший был человек. Человечище. Задал тон нашей стране на три последующих столетия.

А Аня опять о своем:

- Мне нравятся сказания о том, что после смерти мы возвращаемся на Землю в другой ипостаси и будем возвращаться до тех пор, пока не дойдем до высшей степени своего развития. Ведь на Земле душа учится. Это правильно. Рай надо заслужить, а за одну жизнь другой столько ошибок натворит, что и за три новых не исправит. Но и в этой сказке масса недочетов. Может быть, кто-то очень умный другую версию придумает?

- Поздно сочинять новое.

- Наверное, это одна из приятных людям сказок...

- Мне один священник сказал, что атеисты или очень безрассудные, или очень отважные люди. Мол, трудно достойно умирать, если знаешь, что исчезнешь навсегда бесследно... Допустим, была бы я неверующей. И почему это я должна исчезнуть бесследно? В моих детях и внуках я останусь. И твои, Аня, добрые дела еще долго будут аукаться в поколениях детей и внуков тех мальчишек и девчонок, которым ты сумела помочь, сделала счастливыми. В Евангелии от Матфея есть фраза: «То, что вы делаете братьям меньшим, вы делаете Мне». Так что место в раю тебе обеспечено, - улыбнулась Лиля.

- Священник, очевидно, имел в виду, что твоя душа погибла бы в Мироздании, не внесла бы в нее свой вклад. Но откуда ему это известно? Из тех же сказок? Мы каждым своим шагом, каждым своим деянием связаны с Космосом. Я верю в бессмертие души.

- А твой любимый Чехов говорил, что бессмертие - вздор, - не без легкого ехидства заметила Лиля.

- Я этот его пробел с лихвой в себе восполню, - отшутилась Аня и добавила серьезно: - Нельзя запугивать порядочных людей и тем самым лишать свободы выбора, которую всем нам предоставил Бог, то есть Природа. Пусть Церковь преступников пугает.

Лиля попыталась скрыть свое разочарование Аниной «детскостью» под улыбкой. Аня смутилась, почувствовав наивность высказанной ею последней фразы, но продолжила сетовать:

- Пусть Церковь помогает вернуть преступников к праведной жизни, если это им по силам, в чем я искренне сомневаюсь. А школе нельзя навязывать преподавание Закона Божиего. Это нарушение прав человека. Кто чувствует себя неспособным без помощи Церкви воспитать хороших детей, тот пусть приобщает их к религии. Вот история религии вещь интересная и полезная, ее нужно изучать.

Может, ты считаешь, что сейчас, когда культурно-нравственные ценности забыты, когда многие родители и учителя не учат детей доброте и, как следствие, не справляются с жестокими взаимоотношениями между учениками, религия нужна школе?

«О, она только начинает входить во вкус беседы! Еще один педагогический мозговой штурм я не выдержу», - заволновалась Лиля и настроилась защищаться. Но Аня быстро отступила от привычной школьной темы.

- ...Не верю я, что Богу (Высшей Силе) требуется наши жертвы, приношения. Их люди придумали для своего спокойствия. Представь, положили меня на операцию. Никто не заставляет меня нести врачу подарок, а я все равно от чистого сердца что-нибудь да подарила бы. Ругаешь меня?

Я вот еще о чем подумала. Проходят тысячелетия, а души человеческие не приближаются к идеалу. Отдельные личности приподнимают великое звание Человек, а другие его опускают в бездну, в черную пропасть преисподней, а в массе своей - он остается все тем же, с теми же пороками. Сколько же миллионов лет человечеству отпущено на совершенствование своей личности?.. Да... Природа - гениальный создатель, прекрасный архитектор. Ее воображение бесконечно, а наше, человеческое, ограничено тем, что мы видим, слышим, ощущаем... Вчера впервые увидела по

телевизору, как кораллы – живой камень – выпускают семена, источники своего бессмертия. Была потрясена... И подумала: ответ на вопрос «В чем смысл жизни?» все-таки даст наука, а не религия.

Вижу в твоём взгляде немой вопрос. Попытаешься разуверить меня или отместить обвинения? Думаешь, я атеистка. Вовсе нет. Я верю в того же Бога, что и все христиане. Я ощущаю божественную связь с мирозданием, но не могу воссоединиться с остальными верующими, потому что представляю ее несколько иначе, чем бабушки на паперти. Поэтому я одиночка. Скажешь, не грузи меня своими глупыми измышлениями?

– Что тут скажешь? «Суду все ясно». Мы до сих пор не знаем природу руководимых нами сил, не знаем, в каком виде они существуют. Из страха на всякий случай умные люди две тысячи лет назад придумали для себя Христа и поклоняются ему. Не исключено, что человек, послуживший ему прототипом, на самом деле жил на земле и был личностью планетарного масштаба. И это тоже сыграло не последнюю роль в выборе его кандидатуры на место Спасителя. Проще обращаться к кому-то более естественному в твоём понимании, чем к чему-то неопределённому... А сказочности ему добавила таинственная связь с Высшей Силой – Богом-отцом. Так просвещали нас в вузе? Новых учений в этой области знаний мне за мою жизнь ниоткуда не прибавилось.

– Люди любят мифы и склонны превращать в святых тех, кого боятся, не понимают или ценят. Помню, как я, будучи вьедливой пятиклашкой, была поражена, узнав, что Александр Невский – святой. Для меня он был героем, победителем, а при чем тут святость, я не понимала. Я как-то не очень представляла себя припадающей к кресту, истово молящейся великому полководцу и просящей у него пятерку по контрольной... и тем более умоляющей подарить мне хорошую семью.

...Возьмем хоть мавзолей Ленина – языческое капище. Это тоже вопрос святынь... Недостаточно целостное образование. Надеюсь, не устоит...

– Ленин – сакральный символ. В церквях тоже мощи.

– Упокоиться бы вождю с миром, а то и в хвост, и в гриву треплют его имя. Душа его, небось, мечется, мается. Пора бы уж определиться с его местом... и в истории тоже... Собственно, словами все можно оправдать: публичный дом и публичная библиотека – суть разная...

– Умные люди создали учения, придумали церкви, внедрили обряды, процедуры церковных служб. Надо же как-то объединить народные массы. Во времена многобожья обряды, между прочим, тоже имели место. Насколько я понимаю, все церковные песнопения основаны на обращении к Христу... Сначала основная масса народа этому противилась, потом эти учения кому-то стали выгодны... Со временем кое-что в них менялось согласно требованиям обстановки и вышестоящих лиц. И наука ударяла по мракобесию. Представляешь, если бы до сих пор жгли ученых... и сейчас кое-что в религии подправляется. И это нормально... – будто про себя повторяя школьный урок, тихо говорила Лиля. – Если сказать по совести, религия, Церковь как способ общения и единения людей у нас теперь не всегда срабатывает. Много ты видишь людей в церквях? Все больше старушки, да и те в основном по праздникам, как мы в театр... Наличие церквей не приблизило человека к Всевышнему. Это удел ученых. Мне так кажется.

– По религии Бог совершенен, а его творение – человек – нет. Сам создал мир несовершенным и потом сына своего послал за него умирать. Что-то тут одно с другим не сходится... Нет, я, конечно, читала, что своей смертью Христос показал людям их жестокость, чтобы опомнились... И все же я не понимаю, как можно будучи взрослым верить в сказки.

Недалеко я продвинулась в своих «изысканиях», может, потому, что в них доминирует научная составляющая, которая не дает оторгнуться от себя логику... или не от того отталкиваюсь... Чем больше человек познает мир, тем глубже в его мыслях бездны сомнений. Иной раз кажется, что мир никуда не годится и ждет своей гибели. Не звучит внешний мир в лад с моим внутренним. Душа то расправляется, то снова съеживается, чувствуя свою беспомощность. Не наступает в ней праздник... И это еще не все: жить все равно хочется, но стоит ли?... Вот и пришла к выводу, что ни к чему мне религия. Достаточно веры.

- Аня, ты просто устала.

- Недавно я услышала от священника притчу о монашке, пролежавшей, будто бы в угоду Богу, в своей келье двадцать лет. Меня очень взволновал его рассказ, вызвал разнообразные противоречивые чувства и массу вопросов. Естественно, во мне, человеке верующем, но не религиозном, возобладал дух противоречия и противодействия. Особенно в той части, где превозносилось «самоотречение, самоуничтожение и самоуничтожение себя» и где «матушка сказала ей лежать», мол, «подвиг ее такой». Для кого-то эта история, может быть, звучит благостно-умиротворяюще, но для меня, воспитанной в духе уважения к достоинству каждого человека, послушничество монашки выглядело как бессмысленное насилие (пусть даже и добровольное) над личностью. Зачем надо было молодой женщине идти на такие лишения? Разве умышленно губить здоровье – это не грех? Сознательно избрала мученичество. Пожертвовала собой, отказалась от лучшего в себе, достойного, высокого, стала ничтожной. Во имя чего?! Думаю, мы бы с тем священником не поладили...

Рядом со мною были дети. И я, как педагог, подумала: «История, конечно, впечатляющая, красивая, но к чему она призывает, о чем свидетельствует, чему учит детей? Религиозному фанатизму, покорности, бездумному благоговению перед церковными традициями и обрядами? Как я должна объяснить детям этот «подвиг»? Верьте, и вам воздастся? Я как-то не очень представляю своих учениц, истово молящихся той якобы святой: «Укрепи меня, Господи, дай силы выучить уроки», – усмехнулась Аня.

- А истово просящих: «Господи, верни мне папу»? – жестко спросила Лиля.

Аня, опустив глаза, подумала: «Кому угодно молиться?.. К чему это приведет?» и продолжила:

- Там в церкви я почувствовала свою неподготовленность к четкому осознанию – в смысле запаса знаний – этой темы. Без специального образования или хотя бы самообразования я плохо воспринимала церковную терминологию. Я с трудом вникала в суть произносимого священником. «Возможно, – думала я, – есть такие люди, которым ничего, кроме как поклонения Христу, в жизни не требуется? А может, монашке задурили голову или она «с приветом», как грубо выражаются мои дети? Здесь надо глубоко понимать психологию фанатично настроенных религиозных людей. А какие чувства испытывают монашки, которым приходится ухаживать за этой мнимой «лежащей»? Может, во мне говорит мое атеистическое воспитание, и преодоление его требует от меня определенной зрелости, – сомневалась я. – Трудно судить чужое поведение... не суди, да не судима будешь. Но именно имея такие сомнения, люди попадают в секты. По мне – лучше довериться сердцу, чем какому-то новоявленному «мессии». Многое в нашей жизни зависит от умения слушать себя.

Святость – что это такое? Верное служение Богу или людям? Эта монашка для меня не святая. Она ради себя мучается? Мне казалось, что мои подопечные ребята большим подвигом считают жизнь своей нянечки, которая в войну потеряла мужа и двух старших сыновей, одна вырастила четырех младших детей. Имеет медали за труд в колхозе. Чтобы прокормить семью, вынуждена была на своем горбу таскать мешки с картошкой пешком за десять километров в город. А в старости, во время перестройки, стала работать в детдоме, чтобы хоть какую-нибудь копеечку принести в дом, где куча внуков... Недавно няня умерла. Боли у нее были дикие. Криком кричала. Лекарства не помогали. И только тут она воззвала к Господу: «За что?» И разуверилась... Дети помнят нянечку, мы на могилку к ней ходим... Может, это совсем другая история, не имеющая к религии никакого отношения...

- Серьезный повод для изучения основ христианской религии, – произнесла Лиля. И подумала: – «Недооценивает себя Аня. Считает себя хуже, чем есть на самом деле».

- И я о том же. Не столько для себя, сколько для моих подопечных. Хочу вникнуть, разобраться, чтобы уметь отвечать на их вопросы. Мой долг направлять их, тем более что они доверяют мне, как никому другому. Может, моя жизнь отчасти несчастлива по причине религиозного невежества? В этом, правда, я искренне сомневаюсь. Вера, в принципе, замечательный инструмент воспитания человека. Но вера, религия, церковь – у всех народов разные... и кто прав... Понимаешь, пока я не доведу это знание до полной ясности, оно не прорастет во мне, а значит, я не смогу им воспользоваться.

- Серьезный мотив. Намерение, безусловно, похвальное, - опять задумчиво произнесла Лиля, явно что-то обдумывая. - Я лично детям сказала бы так: «Подрастайте, осознавайте себя как личность, полезную себе и обществу, а потом сами решите этот вопрос для себя, без чужого давления. Если сейчас, пока вы взрослеете, имя Бога вам помогает, обращайтесь к нему». Вот и все! Зачем мудрствовать? Еще Вольтер писал: «Если Бога нет, его надо выдумать». Стоит ли лишать себя идеалистического? Здравомыслие не всегда на пользу человеческой психике... Один умный человек сказал: «Кто ищет Бога, тот его уже нашел. А тайна так и останется тайной...»

- Я хочу разобраться в религии как в науке, чтобы подняться на еще одну ступень духовного развития, вот и спрашиваю себя: а не воображаемая ли она, эта ступень? Об этом я часто думаю, слушая прекрасные возвышенные духовные стихи знакомой поэтессы, которая в быту, вообще-то говоря, жутко склочная.

Иногда, читая поэтов-классиков, я чувствую себя ущемленной тем, что испытываю восторженное благоговение к их виршам, а не к религии, потому что знаю многих людей, которые приходят в благостное состояние уже только при виде самой неприметной церквушки. Одним видом своим она поворачивает их помыслы к высокому, возвышенному, вызывает светлый творческий экстаз. Понимаешь, они открыли для себя духовное, религиозное измерение жизни. Я имела счастливую возможность лично убедиться в этом. Но стихи тех же авторов меня волнуют иначе, когда я чувствую в них обращение к Высшей Силе, или Богу-отцу, как принято называть его в стенах церкви... Мне кажется, поэты тоже не всегда четко осознают, кого и что превозносят. Наваяло, и все. Наверное, я подобно многим... нет, не берусь судить,... этого не следует делать. Не о них речь, обо мне...

Понимаешь, не сливаются во мне воедино два символа: Отец и Сын. Религии - внешние интерпретации Высшей силы - разные, так уж исторически сложилось, а Бог все равно для всех - един. Как сказал один мой ученик священнику на уроке по православию: «Бог один, да провайзеры разные». И чего копыя ломать?.. Наверное, и здесь экономическая подоплека просматривается?.. А как-то строчка из Борхеса меня потрясла до глубины души. «...Но кем же движима Всевышнего рука?..» «Рука», я думаю, в данном случае это метафора. Что может быть выше Вселенского разума? А поэт задумался, усомнился...

Колокольный звон трогает мое сердце. Он будто из древности пытается донести мне информацию о душах всех предыдущих поколений православных людей. Духовную музыку люблю, она глубоко и мощно тревожит мое сердце, в чем-то даже возвышает. При этом я чувствую, что радость выше скорби, а красота выше страха и ужаса. Эта музыка уносит меня в какой-то иной вдохновенно-печальный, может быть, даже параллельный мир... пробуждает божественное... А потом я возвращаюсь в сложную реальную жизнь, и мне становится еще менее комфортно. А ты так-таки ничего не чувствуешь от духовной музыки?

- Почему же. Чувствую.

- Еще орган меня восхищает, особенно его низкие регистры, такие глухие, густые, глубокие. Они обволакивают меня, полонят, отгораживают... Я преклоняюсь перед людьми, способными к музыке, я боготворю их. Они для меня - небожители, потому что владеют недоступным мне искусством. Ты думаешь, что, не понимая религии, я лишаюсь огромного пласта чего-то неосознаваемого, но очень важного в моей жизни? Вряд ли. Хотя, конечно, этот вопрос слишком глубокий и тонкий для меня, - грустно созналась Аня.

- Я недавно в церкви была, проповедь отца Геннадия слушала.

«...Существует божественный одухотворенный Космос - информационно-энергетическое поле земли, - в нем хранятся все многовековые знания человечества. Именно оттуда приходит информация на всё живое в этом мире и на каждого человека в отдельности и несет ему свет и любовь. А вот каков ее закон распределения - загадка загадок. Скорее всего, это информационно-энергетическое поле охватывает все Мироздание. Есть еще «пространство творения»...

Это тебе, Анечка, уже не религиозные догмы многовековой давности, эта теория - тонкая, изящная, диалектическая конструкция. Импонирует мне его философия.

«Смогут ли люди когда-нибудь расшифровать хотя бы код своей планеты, или он так и

останется тайной тайн? Собственно, в природе нет ничего непомерного человеку. Это вопрос времени... Все указывает на то, что преображающая нас энергия, соединенная с высшей мудростью, открывается не всем. Если у кого-то в результате захламенности грехами и стереотипами сбита индивидуальность, жизненно важная энергия не проходит, не вливается в него...»

Не поручусь за точность пересказа. Но смысл я уловила и передаю правильно... «Без истинной веры невозможно найти глубинный смысл жизни, без веры трудно идти вперед...» Я думаю, он говорил о Творце.

Я нечто подобное в молодости читала у философа Павла Флоренского. Мне его слова были близки и понятны. Меня тогда поразило его утверждение, что наука и религия не только совместимы, но и неотделимы. Он же был священником! Разошелся Флоренский с обществом лет на пятьдесят. А ведь издание его трудов даже в то время было бы уместным и полезным для страны. Но это надо было понимать...

- Это тот самый Флоренский, который не снял с себя сана, не отрекся от Бога и был расстрелян на Соловках? Тихий, незаметный, но мало чего боялся, потому что верил в свою правоту. Его будто бы собирались канонизировать?

- Праздный вопрос. Канонизация не прибавит ему величия. Он и так велик. Речь идет не просто о человеке, а о человеческом Человеке... Есть преступления против человечества, которые не имеют срока давности, даже если в них погибают одиночки. Вспомни Джордано Бруно.

- Невежественные люди уничтожали талантливых, и кара не достигала их. Ну хотя бы божественная...

- Не о нем, ему молиться нужно. Спасибо ему...

Собственно, не мне судить о предпочтительности для тебя тех или иных взглядов. Это личное дело каждого. Но мне кажется, они у тебя близки с моими, только находятся в еще более «расхристанном» состоянии. Жаль, я не имею возможности посвятить себя изучению интереснейшей темы. Я не знаю, как относился Флоренский к Церкви и была ли у него вера в Христа.

- Да, религия - это не маленькое недоразумение, которое вот-вот должно разрешиться положительно... но не зря же люди славят Бога в стольких поколениях.

- Это «недоразумение» затянулось на две тысячи лет. Как говорил поэт Саша Черный: «Века в тревожной вере», - позволила себе пошутить Лиля, чтобы как-то загасить Анины «сполохи».

- Объясняя свою систему взглядов, ты тоже все время путаешь Христа и Бога. Ну это отдельный разговор...

- А ты, обращаясь к Богу и Святому Духу, умышленно обходишь своим вниманием Христа. Я не ошибаюсь?.. Мне двумя-тремя фразами эту проблему не охватить, не высветить все твои ошибки. Тут целая система семинаров потребуется, так сказать, отдельный спецкурс. Ты лучше на эту тему с Кирой поговори. Она, похоже, вплотную занялась вопросами веры. Только сегодня не заводи диспута. Для полного счастья нам только его и не хватает, - мягко посоветовала Лиля.

- Она слишком заумно говорит о подобных вещах. Ты доступнее объясняешь, - смущенно созналась Аня и опять «накинулась» на Лилю. Она никак не могла быстро угомониться.

- Что есть для тебя Бог?

- Мечта, никогда не обретающая реальность.

- Ты носишь крестик?

- Нет. Распятие - символ вечности и упования на Бога, молчаливый символ церковных законов и означает страдание. Я ношу абстрактный янтарный крест-кулон. Солнце греет мне душу. Я обожаю символы. Они открывают глубины. Для меня в этом их прелесть.

- А как ты понимаешь слова «не суди, да не судим будешь»?

- Ты сейчас ведешь себя совсем как школьница, - удивилась Лиля. - Не впадай в детство.

В ее голосе уже слышалось раздражение, но она уже в который раз взяла себя в руки.

- С одной стороны эти слова правильные. Осуждать ближнего, не зная глубинных причин его поведения, неумно. Но с другой стороны они призывают к терпимости по отношению к несправедливости и еще к бездействию. Вот почему мы должны терпеть плохих чиновников? Разве мы не обязаны осуждать бездельников, лжецов? Должна существовать гражданская позиция. У каждой медали две стороны. Объясняй своим подопечным: шурупить надо, мозги развивать, гибче быть, а не слепо подчиняться заветам. Вот и весь сказ.

- Вот если бы на Земле жили народы одной национальности и одной веры, проповедующей любовь и самосовершенствование, планета зажила бы спокойно. Ведь религиозные барьеры возвели люди. Правда, я читала, что любая религия и любая идеология - средство порабощения человека... Вот те на! Приплыла к тому же берегу...

- Теория тотального единства? На что она будет опираться? Детсадовские мечты, замки на песке. Полного мира на земле еще не было. Человеческая история - это история войн. Люди всегда найдут из-за чего сцепиться. А власть? А деньги как средство достижения власти? Забыла? Сейчас воюют за нефть, а потом вода станет предметом вождения. Всегда будет борьба за место под солнцем. Не глупи. Самое сокровенное у народов - их вера, религия, язык, культура и национальность. Собственно, все на одну гору взбираются, только разными тропами. Народы, стремясь сохранить свою самость, не желают ассимилировать. Раз в мире несколько религий, нам тоже нельзя запрещать свою, христианскую, православную, чтобы не быть порабощенными чужой. Пожалуй, даже стоит защищать ее.

- Эта мысль для меня новая и совершенно неожиданная.

- Дарю. Пережевывай, - рассмеялась Лиля.

- Кто бы меня повернул лицом к православию, чтобы я не чувствовала себя изгоем. Кто бы, уверенный и чистый, сумел меня переубедить, перенаправить... А может, многие верят, как и я, в Высший разум, только помалкивают об этом?.. А как, с твоей точки зрения, сочетаются в душе человека религия, суеверия, мистические явления? Ты не думай, что я из тех, кому за каждым углом мерещатся призраки.

- Я не подвержена предрассудкам. Суеверия - это глупость и невежество. Они отнимают у человека духовную энергию, порабащают его волю, вызывают навязчивый страх, снимают непрременную обязанность отвечать за свои поступки.

- А вера прямо-таки вселяет желание жить...

- Не можешь без темных глобальных тем... - вздохнула Лиля. - Кто верит в церковного Бога, тот, наверное, верит и в дьявола как в противодействующую силу. Кто-то из моих друзей пошутил: «Для русской женщины церковь и колдуньи как два разных департамента. Сходила туда, потом сюда... Все на пользу». Женщина сначала ищет понимания, а не найдя его, хватается за успокоение. Не довольствуется одним способом, если он не помогает. И мистика в ход идет, когда душа болит... Хотя, там, где в душе настоящий Бог, - химерам места нет. Мне так кажется...

- А что есть душа?

- Наверное, это что-то вроде сгустка энергии, несущей индивидуальный код. Как-то так... Душа бессмертна.

- Мне кажется, что дети, по какой-то причине рожденные до срока, менее удачливы, потому что заложенная в них при зачатии программа сбивается, делает ошибки... И я все-таки верю в ангелов-хранителей. Помню, возилась у плиты. Сковорода долго не закипала. Почему-то мне стало не по себе, мурашки побежали по телу. Я заподозрила неладное, но не поверила своим ощущениям и продолжала помешивать лук на сковородке... Очнулась за шкафом в шоковом состоянии. Оказывается, сковорода взорвалась. Навесной шкафчик, тот, что был сзади меня, - вдребезги. Воистину тут

приложил руку добрый ангел. Кто, как не он, перенес меня в безопасное место? Других вариантов не вижу. Помню, няня в детдоме говаривала: «И птаха не околеет без Божиего повеления».

А может, и правда, есть прямая связь каждого человека с Мировым разумом. Допустим, она существует в виде потоков, исходящих из человека, и входящих в него. Что-то типа обратной связи. А вдруг именно сигнал Сверху спас меня от смерти? Мол, не пора тебе еще умирать, живи и радуйся. Но кто определяет нам срок жизни? ...Как-то торопилась на работу, а мой автобус раньше времени тронулся. Шофер открыл дверь, ну, чтобы я на ходу вскочила. Но когда я догнала автобус, он перед самым моим носом ее захлопнул. И так проделывал трижды. Издевался надо мной: то отъедет, то остановится... Так и не смогла я попасть в совершенно пустой автобус. А на следующий день прочитала в местной газете, что в такое-то время автобус свалился с моста, шофер погиб... События сложились настолько необычно, что мне в них нетрудно было усмотреть некий замысел Божий. И таких стечений обстоятельств только из своей жизни я могу привести немало.

- Ты же сама чувствуешь шаткость своей версии, - снисходительно улыбнулась Лиля.

- И Зоя рассказывала, как ей кто-то давал подсказки в самые трудные моменты жизни. - Ане казалось, что чужие примеры прозвучат весомее. - Сначала она думала, что это подсознание, ее собственный внутренний голос говорит с нею. Но почему мужским голосом?.. Голос был проникнут теплом и заботой. Он был спокойный, мудрый и красивый. Она на всю жизнь запомнила его неповторимый тембр... И, тем не менее, не прислушивалась к нему, потому что не верила в чудеса. Потом жалела. А вот в мудрость своего внутреннего голоса она верила, многократно убеждалась в правильности его советов. Он - что-то вроде совести... Я не исключаю, что ее ангел-хранитель иногда с ней разговаривал. А мне не являлся...

Помню, я тогда думала: «Она - пылинка Мироздания, а получала подсказки «извне», корректирующие ее жизнь. Эдак можно предположить, что любому событию, происходящему на любой планете во Вселенной, тоже «предшествует поток информации, направляющий его по определенному пути», и что все живое (а может, и неживое) находится в теснейшей взаимосвязи, подчиняющейся неведомым пока нам законам. Этот поток пронизывает и контролирует всё и вся. Опять же возникает вопрос: что является источником излучения этой поразительно умной и всеобъемлющей информации? Всемирный Разум? Тогда, может, и правда разум человека может существовать без тела? А что является переносчиком информации? Электромагнитные биополя? Опять все сводится к физике и биологии... даже возникновение сознания, даже восприятие запахов. Сознание создает модели реальности, отвечает за эмоции, способно наделять жизнь смыслом. А ведь сознание... это тоже скопление клеток, живущих по определенным законам... Человек - это вселенная, созерцающая саму себя. Смысл жизни не во вне, а внутри нас... Но если согласиться с современной гипотезой, что Мироздание - самоорганизующаяся, саморазвивающаяся, а значит, и саморазрушающаяся система, то... многое не сходится. И все же кому-то там... понадобилось программировать и старательно направлять Зоину жизнь по предначертанному руслу? Значит, всерьез просили ее поверить Им? Может, и правда человека сопровождают в жизни какие-то неизвестные нам сущности?

- Бесы, что ли? Сказки все это. Недостойный для культурного человека перекоп в сторону суеверия. Не забивай себе голову.

- Не могу. Голос все-таки был мужской, - задумчиво сказала Аня.

- Благословенен промысел Божий, - как-то странно произнесла Лиля.

И Аня не поняла, была ли в ее голосе усмешка или она сама растерянна и озадачена.

- И что это меняет? - спросила Аня. - Вот ты, наверное, смотришь на меня и думаешь: «Старэ, как малэ», а у меня еще остались способности осмысливать физические явления, новые теории. Просто с возрастом кое что в моем мировоззрении перестало сходиться. Я знакома с теорией Большого взрыва, создавшего Вселенную, не забыла формулу Эйнштейна, связывающую энергию с массой. Я знаю о существовании отрицательной энергии, заполняющей все пространство Мироздания, и о черных дырах, в которых останавливается время, и это доказывает, что времени до Большого взрыва не было, а значит, не существовало того, кто все это будто бы создал. И нет рая и ада. Но меня

смущает то, что запуск взрыва и спонтанное появление Вселенной объяснятся по аналогии с возникновением из ничего микрочастиц. А ведь нас учили, что нельзя огульно применять законы микромира к макромиру. Вспомни ошибочную теорию тепловой смерти Вселенной.

- Я тебе уже говорила, что в науке еще бесконечно много белых пятен. Религия за счет их и существует, - недовольно заметила Лиля.

- А вот к чему ты отнесешь предчувствия, вещие сны, предсказания провидцев? Какова природа этих явлений? Верить ли ты, что расположение звезд соотносится с положением человека в Мироздании и что у каждого из нас есть ангел-хранитель (пусть даже в виде электромагнитной волны), но мы его не умеем или не хотим услышать? Я читала предположения о существовании Мировой галактической информационной системы, к которой все мы подключены, но далеко не в равной степени.

- Поиск истины тоже своего рода религия... Засыпала вопросами, как снегом в метель. Не знаю! Но с возрастом я стала чувствовать, что будто кем-то ведома. А с детства противилась странным подсказкам. «Я не животное! Сама хочу строить свою жизнь, открывающую передо мной богатейшие возможности. Не стану принимать пусть даже частичное участие в своей судьбе чего-то непредсказуемо-неведомого! Именно так и никак иначе!» - строго рассуждала я. Это я о балете. Какие были планы, какая стратегия! - усмехнулась Лиля. - Теперь жалею. Все равно ведь повернула на ту, указанную мне в детстве, стезю. Тогда она казалась мне лишенной определенной привлекательности... Да разве наверстаешь упущенное?.. Только при чем здесь Высшие силы?..

«Если кто и относился ко всему слишком серьезно, так это Лиля. Ни на кого не полагалась, ни у кого помощи не просила. Сама зарабатывала себе очки», - уважительно подумала Аня.

- Значит, хорошо, что Природа не полностью предоставляет людей самим себе, не то они неизвестно что бы натворили.

- Я не шучу.

- Я тоже. Одна моя подруга рассказывала, что перед поступлением в институт ей снился сон, будто бы она с великим трудом ползет вверх по почти отвесной горе, а мать в образе ведьмы стаскивает ее вниз. Она взобралась на острую вершину. И вдруг скатилась вниз, но не в пропасть, а совсем недалеко от вождельной точки. А потом увидела себя идущей за руку с высоким парнем. Оба счастливо улыбались. Попыталась разглядеть молодого человека. Только успела схватить черты его лица, а оно стало расплываться на глазах. Ей даже в голову не пришло задуматься над расшифровкой сна. А через тридцать лет мы встретились, и подруга рассказала, как встретила парня, вышла за него замуж, перевелась в институт в его родном городе и что только теперь поняла, что ее муж похож на того парня из ее вещего сна, о котором она напрочь забыла уже на второй день.

- Твоя подруга записала в память портрет того парня и подсознательно искала на него похожего. Мы «здро́во мысли́м на Земле, в мистической купаясь мгле».

- А я верю в предназначения. Помнишь булгаковскую Аннушку с ее подсолнечным маслом?.. Я расскажу тебе еще более интересный случай из жизни той же самой подруги. Уже выйдя на пенсию, стала она видеть сны, будто летает. И до того ей было радостно! В последнем сне о полетах она, чувствовала, что уже тяжело ей подниматься вверх, видела, будто она, как раненый лебедь, то взлетает на небольшую высоту, то падает; трепещет ее тело, срывается дыхание, и она угасает... Поняла она суть своего сна, только когда пять книжек стихов написала. Помню, пошутила: «Жаль, что не догадалась посчитать, сколько ночей полетов предсказал мне вещий сон. Я до сих пор не знаю, о физической или духовной смерти шла речь во сне».

Потом подруга тяжело заболела, и какая-то женщина назвала день ее смерти. Сказала, что «судьба человеку дается в первый миг зачатия, а дальше он ею распоряжается сам, но под присмотром. Мол, нельзя чтобы хорошие люди не по своей вине долго страдали». Подруга обрадовалась и поблагодарила женщину за то, что эти последние годы может теперь прожить спокойно, не пугаясь малейшего отклонения от нормы в своем

здоровье... И как тебе такая история?

- Очень даже недурна.

- Вижу, не убедила. Скажешь, примитивные бабьи поверья? Фома ты неверующий... - огорчилась Аня. - Я в этой связи еще одну подругу вспомнила. Странный случай с ней произошел. Может, он тебя просветит, что-нибудь разъяснит или, напротив, еще больше запутает.

- Что же ты привязалась ко мне, ну прямо-таки прилипла с этими байками, - уже открыто досадливо поморщилась Лиля.

- Честное слово, эта последняя, - заверила Аня и торопливо затараторила:

- На третьем курсе это случилось. Увидела она своего жениха с другой девушкой. Обида всколыхнула, перевозбудила ей мозг и в один миг будто перетряхнула весь организм... А дальше произошло совершенно невероятное. Из ее горла вырвался гортанный дикий рык. В момент ревнивого возмущения она взглянула на свои руки. Это были мощные мохнатые лапы тигрицы... Вместо своего лица ощутила разъяренную оскаленную морду тигрицы... оглянулась на себя - и увидела готовое к прыжку напряженное полосатое тело...

- Себя увидела в зеркале? - пошутила Лиля.

- Это «воспоминание» из бесконечно далекого прошлого или достаточно близкого?.. Сейчас модна теория переселения душ. Но по гороскопу в недалеком прошлом она была наложницей ближневосточного шаха - что подтверждали ее изысканные эротические сны юности, - но не тигрицей. Не сходится. Значит, первый вариант. Попахивает мистикой... Подруга надолго «застряла» над разгадкой этого феномена.

Я тоже кое-что читала о воскрешении прошлой памяти в результате аварий. Многие не поняла, но запало, зацепило... Есть верхний слой сознания, ниже идет затуманенное подсознание, а еще ниже или глубже находится самый труднодоступный слой, хранящий информацию, накопленную всеми предыдущими поколениями. До него без стресса не добраться простому смертному... Такая вот многоуровневая система... В общем, пока эта гипотеза - темный лес!

Ты ведь знаешь, что память раннего детства утрачивается не полностью. Некоторые люди доходят в своих воспоминаниях до предела, и для них возникает самое первое, первый вздох... когда душа только начинает привыкать к новому обиталищу... Хотя, может, это их собственные изощренные фантазии, в которые они со временем поверили как в реально происходившие события... А иногда мы вспоминаем то, чего в нашей личной жизни не было, потому что ребенок рождается со своим собственным «Я» и с бесконечным запасом знаний всех предшествующих поколений. Он - гениальный обладатель всеобъемлющей памяти. Мы просто еще не научились ее расшифровывать. После стрессов, например, иногда люди начинали говорить на неизвестных нам языках.

- Платон тоже придерживался теории, что всякое знание есть воспоминание. Но он под знанием понимал не теоремы, а что-то более высокое.

- Возможно, та тигрица - результат работы глубинной памяти?

- Вот и Толстой что-то говорил о суеверии смерти...

- Я читала, что в поэтической форме совершенно неожиданно для себя некоторым утонченным личностям удается вытащить из глубины сознания такое, чего в прозе не удастся. Вот тут-то и возникает мир странных образов, а иногда и предвидений. Поэзия - более тонкий глубинный инструмент души. Стихи - это же концентрированное воплощение воспоминания и переживания. В них соединяется настоящее с прошлым и будущим. Не знаю, не могу судить... Сейчас развитие человека идет по объективному пути, по пути логики и отбрасывает личное. Разум победил чувства. Вспомни, как в раннем детстве ты ликовала, глядя на восход солнца. Он пробуждал в тебе восторг бытия, заложенный всеми поколениями, начиная от Адама и Евы. Священник сказал мне, что «это память того, как человек жил в раю. Это и есть наша память перед Богом. Воскресение возможно. Существует круговорот души в Природе. И нас ждет рай...»

Только я вот все думаю, если на том свете так хорошо, как расписывают нам священники, что же никто туда не торопится даже из тех, кому земная жизнь кажется адом?.. Нет, время религии как закона уже прошло. А Христос – просто образ единения и спасения мира... Я считаю, что рай живет в каждом из нас. Надо искать его в своей душе и больше не терять, застревав на мелочах. Легче всего сохраняет память прошлого и рай в сердце человек, который умеет любить, а значит, прощать. Этим он душу сохраняет. А глубже проникают в прошлое и в будущее те, для кого неосуществимость в творчестве и в любви соединились воедино. И тогда они испытывают накал чувств такой силы, какой не испытывали в лучшие моменты своей жизни. Может, я и ошибаюсь... Это только одна из версий...

– Неудачники и несчастливцы чувствуют сильнее? Ну, с этим тезисом, я думаю, можно поспорить. «Живи, заблуждайся, страдай, а рай в душе не забывай?..» Не знаю... На днях, проходя мимо церкви, разговорилась с незнакомой женщиной. Красивая. На лице печать скорби. Стала ей объяснять, что священник ей не поможет, что к хирургу ей надо идти. А она с такой восторженной верой заговорила о таинстве причастия, что я поняла: ей с Богом легче. И если она и умрет, то с Богом на устах. Такого мне познать не дано. Да я и не хотела бы... Жалко, та женщина была совсем, совсем молодой... – тяжело вздохнула Лиля.

Аня тревожно вскинулась.

– Ты ее больше не видела? Такую верующую на скорую руку не убедишь. Спасать ее надо.

– Не видела. Пыталась искать, – опять вздохнула Лиля.

– Жаль... Вера, строго, говоря, не упрощает жизнь и не является ни способом, ни средством получения удовольствий. Хотя, наверное, верить здорово... Ты уж, пожалуйста, никому не рассказывай о моих бестолковых исканиях истины. Я, конечно, небольшого ума женщина, но моя не очень счастливая жизнь постоянно заставляла задумываться о причинах унижения моего человеческого достоинства. Вот ведь какой-нибудь ерундовенький начальничка цеха, а и тот себя Богом чувствовал на вверенной ему территории. Давил, премий лишал, приставал. Пошла я в церковь после его преследований за поддержкой, так такое услышала – стыдно рассказать... У одних рай в душе, у других ад. Бесы и вокруг нас, и внутри...

– Не вали в кучу гадких людей, веру, религию и церковных служителей. Все это разные понятия, хоть и принадлежат одной теме... Можно быть духовной, но нерелигиозной, – опять настойчиво и твердо сказала Лиля, чтобы прекратить Анины нескончаемые рассуждения. И тут же подумала: «Вторым хлебом насущным становятся для нас разговоры».

– Бог... «Ни потрогать, ни узреть...» Вера помогала нашим пращурам сохранять здоровье: Бог дал, Бог взял... Как просто... И знание, что грех – дорога в огненную геенну, держало их в узде, но тоже ведь не всех... Вот говорят попы: «И придет на Землю Царствие Божие...» А какое оно? Будут ли там религия, начальники?.. Опять социальное неравенство? Только бестелесное существование людей может быть идеально счастливым?.. Значит, люди погибнут, и останутся только их души?.. Опять я не в ту степь... А социализм пытался строить рай на Земле для живых... – растеряно пробубнила Аня. Ей никак не удавалось закончить свою бессвязную мысль...

Повисла долгая пауза. Лиля воспользовалась ею, чтобы присоединиться к разговору Гали с Жанной.

Однокурсники

И вновь Лене слышится мягкий спокойный голос Киры:

- ... Елины? Это как раз тот случай, когда две личности не вдруг совпали и будто приклеились друг к другу. Они – нерасторжимое целое. Обычно в семье трудно найти золотую середину, которая устраивала бы обоих. Они сумели. Удачный семейный альянс. У них уникальное взаимопонимание и растворение друг в друге. Я бы сказала проще: здорово пригнаны друг к другу, как идеально изготовленные детали одного механизма. Их взаимоотношения наполнены теплотой и нежностью. Мне кажется, ядром их семьи является все-таки Зоя с ее трезвым умом, рачительностью и всегда ровным настроением. Умеет с достоинством разрешать любые семейные проблемы, заботиться, оберегать. Елины ищут друг в друге только хорошее. Они как сообщающиеся сосуды. В их семье нет сплошной идиллии, но они понимают, что полнота жизни в счастье-несчастье.

...И хотя Леонид кандидат наук, у него тоже были проблемы с работой. Не испытывают до сих пор институты дефицита научных кадров, потому что пока еще не все научные направления удалось восстановить до прежнего уровня. А когда третий инсульт придавил его, Зоя сказала мне: «Вот ничего бы не делал, просто сидел бы рядышком, и мне больше от него ничего не надо...» У меня отлегло от сердца, когда узнала, что выходила она его. Знаешь, между ними существует какая-то непонятная мне неопосредованная связь... или я ничего не понимаю в эзотерике... И внуками не нарадуются. Душу в них вкладывают. Зоя еще преподает, репетиторством занимается. Отличным педагогом оказалась. Это у нее от мамы. Глаза теплеют, когда об их семье вспоминаю.

- Как же, помню. Он, такой невысокий, полноватый, аспирантуру заканчивал, когда они познакомились, - сказала Лиля.

Инна наклонилась к Жанне:

- Своей преданностью, умильностью и непорочностью их отношения и в молодые годы более всего напоминали мне роман восьмидесятилетних старичков.

Жанну внутренне передернуло от подобного сравнения. Ей нравился Леонид, и она гордилась тем, что когда-то ввела его в круг своих друзей.

- Я как раз забегала к ним, когда Кира сообщала им по телефону о приезде Лены. Елин так восторженно отреагировал на сообщение, что Зоя даже оглянулась на него и недовольно поджала губы. Я понимаю ее. Каждой жене хочется, чтобы она была для мужа самой лучшей на свете, единственной. Радостное восклицание своего мужа она восприняла как обиду, чуть ли не как измену. Оно задело ее самолюбие. А он просто мужчина, хоть и больной. У мужиков бессознательно на первом месте всегда чужая женщина. Быстро забыл, что еще совсем недавно был на грани... Не щадят мужчины чувств жен, даже такие хорошие, как этот Елин.

- Не выдумывай ерунду. Ты помешана на фрейдизме. Леонид обрадовался Лене как подруге жены. Может быть, предвкушал маленькое застолье – приятное разнообразие в их сложной хлопотной жизни, - сердито возразила Жанна.

- Кира, - самым тихим шепотом обратилась Лена, - не узнаю я Милу. Не слышу ее веселого оптимистического смеха. Мне даже как-то не по себе от ее настроения.

- В аварии погибли одновременно ее старший сын, муж и зять. А совсем недавно жена у второго сына умерла от рака. Такое пережить... она совсем другой стала. Четверо внуков на ней. Галя первое время от нее не отходила, боялась за нее.

- Вот ведь судьба... как у Вали и у Оксаны... - вздрогнула Лена. Все внутри нее похолодело.

Рассказ Киры свернул на какую-то общую тему, и Лена опять без особого внимания стала прислушиваться то к тихой возбужденно-доверительной беседе Инны и Жанны, то к разговору Милы и Ани. Иногда до нее долетали отрывки фраз Леры и Аллы.

- ... Ты утверждаешь - и совершенно справедливо, - что у нас массовое укрывательство преступлений, многое замалчивается. В чем причина? Боязнь прослыть стукачом, страх потерять работу или еще что-то?

- ...В начале перестройки их семью милиция подчистую обокрала. Звонит следователь своему начальнику, мол, телевизор и видак тоже забирать? Тот ответил, мол, чего мелочиться, все вези. Голые стены оставили и затертый диван. Благо прокурор города был им знаком, но и тот целый год был вынужден воевать с низшими чинами. Никак не хотели подчиняться.

- ...Ее сыну угрожали. Она в милицию. Там все сделали, чтобы раскрыть банду. Она в восторге. Ее семья активно помогала следствию. И вдруг узнает, что всех преступников отпустили. Оказывается, милиционеры старались только затем, чтобы потом содрать с бандитов за освобождение приличную мзду. Она в шоке.

- ...Понимаешь, сама постановка вопроса мне уже интересна.

- ...А в коллективах что творится! Далеко за примером ходить не надо. Вот как-то выступала я с докладом на кафедре, увлеклась. Неожиданно для меня и, наверное, для остальных он оказался на порядок выше доклада заведующего. Но из-за боязни испортить себе карьеру все сделали вид, что не обратили внимания на этот мелкий факт. А шеф исправил отчет о заседании так, будто я вообще в тот день не присутствовала на заседании научного семинара... Мне совершенно случайно в руки попали эти документы. До этого шокирующего случая я была в наивном неведении о политике шефа в отношении меня. Давил и одновременно не выпускал меня из своих жестких клешней. Он подбирал себе сотрудников по своему уровню, а я не укладывалась в его клише, в прокрустово ложе. Я думаю, единственная новость, от которой он получил бы удовольствие, состояла в том, чтобы я ушла из института и не была бельмом в его глазу. Я не доставила ему такой радости. И что выиграла?..

Никто не поможет, не защитит, пусть ты хоть сто раз права. Каждый за себя дрожит. Вот и получается, что начальник - наместник Бога в отдельно взятой организации... Перевыборная система в образовании - это карающий домоклов меч начальника, оружие подчинения и унижения сотрудников. Не подпоешь - пошел вон. У нас только две женщины на кафедре по-настоящему защищены: у одной муж профессор, у другой - отец кандидат наук.

- ...А для меня физическое превосходство глупого над умным - самое страшное. Злого, но умного, хоть есть за что уважать. Когда сильный забывает, что он человек, когда он не может встретиться с самим собой лицом к лицу - это ужасно. Помню, увиденное повергло меня в болезненный ужас.

- ...Причина наших бед в социальных и культурных проблемах. Их надо решать на Земле, а не уносить с собой на другие планеты. Мы живем на Земле и должны следовать ее судьбе.

«Тут решаются глобальные проблемы», - с ласковой улыбкой подумала Лена.

- Кирочка, а Сомова Кристина счастлива со своим избранником? Кто он? Я знаю его? Ее прекрасные миндалевидные египетские глаза всегда горели бриллиантовым огнем! - вспомнила Лена.

- Кристя молодец, умница. Все у нее в семье прекрасно. Дочка у них, внучка. А мужа ее ты не знаешь, он из Санкт-Петербурга. У них была такая романтическая история любви!

- Зная подлую мужскую породу, Кристина вышла замуж за самого умного и красивого из всех известных мне ребят - не считая, конечно, Антона, он вне конкурса. Если уж и страдать, так лучше из-за самого, с твоей точки зрения, достойного. Не так обидно. Ведь некрасивые и не очень умные тоже гуляют на сторону, - не утерпела негромко добавить штришок к портрету мужчин Инна.

Лена в ответ на это замечание только головой покачала. Аня же одарила Инну выразительным взглядом горестно-сочувствующего укора.

- Девчонки, а Мишка Кустов где теперь? Давно о нем ничего не слышала. Умным, по-

деревенски основательным, с практической сметкой был, с юмором, но уязвимым по части женщин. Лариске тайно симпатизировал. Не рисковал подойти к ней, боялся ее прямолинейности и острого язычка. Но нет ничего тайного, что не стало бы явным. – Это Жанна вспомнила о Мише.

– Каким прекрасным семьянином оказался! И карьеру неплохую сделал. Сынок его в детстве сильно болел. Жена Миши семь лет не работала, все внимание ребенку отдавала. Сейчас он в Америке. Нашел себя в компьютерном бизнесе. К себе родителей зовет. Они пока не решаются. Тяжело корни из родной земли вынимать, сердце рвать. Боль и перенесенные трудности держат наших людей на родине крепче, чем радости; потому-то, наверное, заласканной молодежи легче оторваться и улететь, – сказала Кира.

– Вот уж от кого не ожидала высокого полета, – искренне удивилась Жанна.

– А где теперь Люда Глотова? После потопа в моем кабинете я потеряла записную книжку с адресами; к сожалению, многие телефоны так и не удалось восстановить, – сокрушенно вздохнула Лена.

– Люда, та, что в НИИ работала в лаборатории физической химии? Такая милая, спокойная, как мадонна. Ее муж спортфак заканчивал? Он ну, такой... извините... похожий на... ну, не очень симпатичный, – уточнила Инна.

Жанна утвердительно кивнула.

– Знаю. Мы много лет подряд втроем в офицерскую столовую обедать ходили. Боже, какой он был несдержанный, резкий. Как Люда выносила его постоянные, необоснованные взрывы? Мне уже через полчаса общения с ним дурно делалось. Могу представить себе, как он вел себя с нею дома.

– Значит, что-то удерживало ее возле него, чем-то, наверное, все-таки хорош был, – предположила Аня. – Может, просто любила?

– В постели устраивал. От Люды мы впервые услышали, что такое оргазм. Большинство из нас, прожив с мужьями по тридцать-сорок лет, так и не поняли, в чем он состоит, а ей повезло хоть в этом. Такого, наверное, ведь не бывает, чтобы и умный, и богатый, и порядочный, и красивый да еще чтобы и устраивал, как Людку. Тут уж выбирать приходилось, кому что важнее. А случилось и по всем статьям в полете оказываться, – понизив голос до шепота, иронично хмыкнула Инна, скривив полумесяцем губы.

– О ее судьбе расскажи, о детях, внуках, – зябко передернув плечами, попросила Жанна.

– История Люды, если судить по нынешней жизни, самая тривиальная. Родила сына, а муж вдруг увлекся философией. Они договорились так: сначала он защитится, потому что с маленьким ребенком ему не справиться, а потом она продолжит заниматься своей темой. А у Люды к тому времени уже был ряд статей в московских журналах и очень серьезное изобретение в области химии. Я видела свидетельство, Люда как-то, потупив глаза, мне его показала. Скромняга! И такая наивная в быту.

Она сначала надеялась, что муж поможет ей с ребенком – он так мечтал о сыне! – а она в течение двух лет закончит диссертацию. Но он на дыбы встал, начал оскорблять ее, ну и все такое прочее, что бывает в таких случаях... Ей пришлось уйти с завода, чтобы создать мужу максимально хорошие условия для работы. Шеф Люду не отпускал, говорил, что талант она свой губит, мужа ее уговаривал. Куда там! Такой ор был.

В общем, защитился он только через семнадцать лет и сразу вообразил себя великим. Жена стала ему казаться «мурлом» и дурой. Я никогда не пойму, как можно из-за какой-то девчонки так возненавидеть близкую тебе женщину, жившую с тобой бок о бок, терпевшую несносный характер, любившую тебя, заботившуюся, растившую твоего ребенка? А ведь когда-то любил Люду, жутко ревновал.

– Чтобы понять такое поведение, наверное, надо быть мужчиной, – усмехнулась Рита.

– Эгоистичным, бессердечным, – добавила Аня.

– Любовь не признает логики. Она многим крышу срывает, – заметила Инна. – Ушел-таки Людин муж к молоденькой студентке. Бог ему судья. Сынок их в мать пошел: тонкий,

нежный, симпатичный. Стихи писал. Университет окончил. А вот как в Америку попал – не знаю. Семья, бизнес у него там. Все о'кей. Люда одна живет, ни на что не жалуется.

Как-то вздумала я «крестить» ее бывшего мужа, так она не позволила. На первой фразе мягко остановила, но таким тоном, что мне больше не захотелось поднимать тему их развода. Мне даже показалось, что она до сих пор его любит и не хочет трепать его имя или терзать память о нем горькими воспоминаниями. Только хорошие моменты их жизни отфильтровывает и сохраняет в своем сердце. А много ли их у нее было, если учесть его взрывную натуру? Это же надо было так суметь! И как тут не позавидовать ее характеру! – искренне удивилась Инна.

– Лена, Катю помнишь? – спросила Кира. – Такая была высокая, костлявая, сутулая и страшно стеснительная. Поехала она первый раз в жизни в командировку. В переполненном автобусе ее нечаянно столкнули с верхней ступеньки. Упала бедняжка на асфальт, о бордюр передние зубы выбила. Стоит, плачет, все лицо в крови. Поздно уже было – около двенадцати ночи. Автобусы редко ходят. Где искать ближайшую гостиницу? Вокруг – ни живой души. Бредет она по плохо освещенной улице, еле-еле чемодан волочет, что мама ей навязала. Вдруг парень перед ней появился как из-под земли, такой огромный, чуть полноватый. Остановился около Кати, своим платком лицо ей отер. А она уж и не сопротивлялась – так измучилась неопределенностью, неловкостью ситуации. Молодой человек расспросил, кто она, куда и зачем идет, и предложил переночевать в своей квартире, в одной комнате с его мамой.

А через месяц она вставила себе зубы и вышла за этого парня замуж. Судьба. Теперь внуков воспитывает. Ты бы видела, с каким достоинством и с какой гордостью она рассказывает о своей семье! Вот тебе и дурнушка, вот тебе и золушка. Счастье лопатой гребет.

– Вика тоже в командировке свое счастье нашла. С ее-то ростом в метр восемьдесят пять надежд на замужество было маловато, и это при том, что была она девушкой нетривиальной, с юмором и в эрудиции за пояс могла заткнуть чуть ли не любого мужчину. Так вот, было ей уже тридцать пять. Как говорится, последний шанс оставался. И вдруг знакомится она в Ленинграде – у нас там с одной солидной организацией договор был – с холостяком, своим ровесником. Через два месяца возвращается и говорит мне: «Не выйду замуж, так хоть ребенка заведу от парня с приличными генами». Под Новый год ей рожать, а тут ее кавалер появляется. Он всем нам очень понравился. В общем, с праздника на руках ее в роддом отнес. Дочка у них родилась. А через год она еще и сына родила. Вика мамой-наседкой сделалась. Куда ее надменность и презрительная ирония делись! Не поверишь, муж Ленинград из-за нее оставил, – восхищенно закончила Лилия.

– Что-то я ничего давно не слышала о Ромке. Знаю только, что после университета он очень быстро пошел в гору, дорос до директора завода. Мы все гордились им, – подала голос Аня.

– Ромка опрометчиво посчитал, что если он когда-то многое сумел и многого добился, то это прославит его навечно. Но старые победы быстро забываются. Высокому руководству подавай новые достижения. Другие, пока он был администратором, росли интеллектуально, развивались. Изменилось к нему отношение высших чинов: стали смотреть на него сверху вниз и вбок. А он жил по старым понятиям и все еще на что-то надеялся. Думал, если не поднимут выше, так хотя бы перебросят на теплое местечко по горизонтали. Вот и заявил неосмотрительно на одном из совещаний, что, мол, пора сделать некоторые перестановки, укрепить кадры молодежью. А руководство области будто того ждало и преподнесло его слова народу, как понимание обстановки в стране, как желание добровольной отставки. Свергли его с Олимпа и ничего хорошего взамен не предложили, чтобы ни у кого не стоял на пути со своими орденами и медалями. Лакомым куском было его кресло. Он, конечно, разобиделся, ушел в себя, хотя к услугам его были варианты чуть пониже, если бы он смирился, – доложила ситуацию Инна.

– Может, он надеялся на высокопоставленных друзей, думал, что недостатка в желающих помочь ему не будет? Он же тоже, наверное, когда-то делал им услуги, – предположила Жанна.

– Вот именно, что когда-то. То все давно забыто. «Дела давно минувших дней». Сейчас другие времена и нравы... А вдруг он кому-то невзначай не угодил? Знаешь ведь закон

подлости: сто раз подладишь, а на сто первый раз – нет, и вот ты уже кровный враг на всю оставшуюся жизнь... Может, на то был промысел Божий, как теперь принято говорить. Я, правда, всегда всё валю на гадкую людскую породу.

Трудно сверху падать. Да и не готов он был к этому. Тут на одну ступеньку ниже окажешься, и то самолюбие гложет, буквально съедает. А он вон с какой высоты рухнул. Ему бы разбушеваться, выкричать свою боль и обиду, а он молча страдал и рак заработал. Эта болезнь, как говорится в научной литературе, зачастую возникает по причине долговременных обид и неудовлетворенности жизнью, – как-то особенно жалостливо, совсем по-бабьи вздохнула Инна. Видно, своя боль сложилась у нее с болью бывшего сокурсника. – Видела Рому недавно. Черты лица его точно стекли. Дальние уголки глаз и рта опустились книзу. Морщины напоминают глубокие русла ручьев, неумолимо ведущих к дельте – изборожденной трещинами шее. Зрелище не из приятных.

– ...В молодости нам было легче, чем теперь нашим внукам. Мы жили открыто, с обнаженными душами. Мы нуждались в искренности и сами были искренними. И каждый надеялся, что он в центре мирового процесса – ни больше, ни меньше! Мы были молоды, пели песни под гитару, верили в свою звезду, могли «ни о чем» говорить часами. А теперь внукам некогда философствовать, речи говорить. Вкальывают...

Раньше мы считали, что мир построен на любви, и верили, что доброта спасет мир, а теперь наши внуки, пусть даже в шутку, говорят: «бабло побеждает зло». Доброта не котируется. С тем и вошли в третье тысячелетие. Такая вот антисовковая шоковая терапия. Отсюда наша озабоченность, беспокойство. На нашем пепелище веры и отчаяния теперь хозяйничает другое время, и оно несет свое мировоззрение... Возникают радикальные оппозиционеры типа Эдуарда Лимонова, ставятся новые непонятные, амбициозные задачи, появляются новые лозунги. Да, мы много говорили, но мы так же много и честно работали, – грустно поддакнула Инне Мила.

– Хорошо хоть до пенсии Ромка успел доработать. Многие, даже более молодые, в перестройку не сумели удержаться на своих местах. Мой младший брат был директором завода, так сам ушел. Говорил, что ставленник нового мэра пытался заставить его вести черную бухгалтерию, но он не захотел за чужие грехи в тюрьму попадать. Сказал: «Ничего не выйдет у нас с вами. Поищите себе другого зама». Жаль, конечно. И не в деньгах, не в должности дело. При моем брате завод был одним из лучших в отрасли по стране. Целый год он не мог на работу устроиться. Мстили ему за отказ «сотрудничать». Ничего, не пропал. Слишком ценный своим опытом был работник, поэтому оказался востребованным даже наперекор некоторым, – внесла свой оптимистичный вклад в общий разговор Лера.

– Молодец, вставил он всем им!.. Дорогу осиливает идущий, – одобрила Лериного брата Лиля.

– Всем бы такую порядочность и активность, давно бы поднялись, – добавила Рита.

– Все у нас знают, что нужно для возрождения России, но никто не представляет, как это сделать. Первым делом я бы... – опять услышала Лена пронзительно высокий голос Инны.

«Тут-то она права», – вяло усмехнулась про себя Лена, и ее бесконечно грустные мысли потекли быстро и далеко.

– ...Валя как-то подсчитала: тютелька в тютельку восемьдесят процентов разводов на нашем курсе. Правда, некоторые повторно вступали в брак, – сказала Эмма.

– В надежде, что бесплатный сыр достанется второй мышке? – с саркастически усмешкой спросила Инна и посмотрела в сторону Лили.

Лили сделала вид, что не поняла намек на ее неудачные замужества, и подумала, раздраженно поморщившись: «О других она любит говорить правду, а слушать о себе ей нравится?.. Поговори мне еще! На себя оборотись. У паскудных людей ведь как заведено: они радуются, когда мы реагируем на их пакости, и продолжают гадить с еще большим удовольствием». Но она тут же одернула себя: «Какая же я мнительная! Над собой Инна иронизирует. Это же она всех нас перещеголяла в попытках найти свое счастье».

- Может, одна из причин разводов – вечная нищета нашей жизни? Только на ноги начинаешь становиться, а тебя опять по башке какая-нибудь заварушка или перемена... Нет, все-таки не она виной нашим женским несчастьям, – сказала Лиля медленно и с легким укором непонятно кому.

- Может, пьющие мужчины портят нам статистику? Так не похоже. В нашем доме сто квартир, а пьяница только один, и тот недавно ушел в мир иной. Только полгода после смерти жены смог прожить. Некому стало его спасать.

- Не хочу заморачиваться статистикой, но немного оказалось среди нас по-настоящему счастливых. Правда, есть очень даже приличные семьи. У Киры, например. – Аня посмотрела в сторону кухни. – Судьба милостива к ней. Ее со Славой духовной близости можно позавидовать. Их отношения дадут молодым сто очков форы. С возрастом физическая тяга у них постепенно переродилась в глубокую безотчетную нежность, в привязанность, уважение, и от этого их любовь только усилилась. Счастливые. И не убедить меня в обратном, – негромко, но внятно произнесла Аня, словно текст из любимой книги вслух прочитала.

Кира, услышав эти слова, зашла в зал, радостно смутившись и покраснев.

- Нет, вы только посмотрите на нее, запылала-то как, словно любимый артист Ричард Гир признался ей в любви и обожании или она получила от мэра сертификат идеальности и благопристойности своей личной жизни, то бишь попала в двадцатку лучших семей города, – весело рассмеялась Жанна.

«Кто знает, где он бывал на самом деле, когда будто бы занимался диссертацией, а она одна возилась по вечерам с детьми? Аспирантки у него были молоденькие, шустрые», – подумала Инна, не решаясь вслух нарушить фантастический мир Славы и Киры грязными предположениями. – «Нехорошо хозяйку честить в ее доме», – упрекнула она сама себя.

- ...Вечная и верная любовь, конечно, есть. Наши старики жили бедно, но не сомневались в существовании любви, наверное, поэтому не помышляли о разводах и жили дружно, вместе преодолевая все трудности. У них было проблем куда больше, чем у нас. А если заранее настраиваться на то, что возможен развод, так он и будет. Сейчас молодежь все быстро делает: женятся – разбегаются, детей делят. Отчего разводы? Все очень просто: у мужчин страсть быстро кончается, а культуры строить взаимоотношения в семье у них нет. Вон на Западе старички вместе и в кафе, и на танцы ходят, обнимаются, милуются. А я своего мужа как-то обняла, и мы поплыли в вальсе – нежность напала, уж больно хорошая музыка лилась из приемника, – так он на меня как на «чокнутую» посмотрел, мол, с чего это вдруг тебе, старушенция, танцевать в голову взбрело. А мне и сорока не было. Так обидно стало... Вот так и трансформируется институт семьи в невесту что. А потом удивляемся возникновению взаимоотношений другого типа: гражданские браки и прочее. Отцы должны учить сыновей выстраивать взаимоотношения в семье на своем примере, а чему такой научит? – вздохнула Лиля. – Много лет я пыталась смягчить его характер, но если что родителями не заложено, больших успехов не жди.

- Мы хорошо прожили с мужем сорок лет, но что до тонкостей... не всем дано летать, – усмехнулась Мила. – Современная неумолимая статистика утверждает, что настоящей любовью осчастливлены, в лучшем случае, только три пары из десяти. Пять пар многократно влюбляются и любят, а две оставшиеся вообще понятия не имеют о любви, только влюбляются или им просто немного нравится их объект.

- В твоих словах звучит скепсис, мол, при ближайшем глубоком рассмотрении жизнь груба и жестока. А ведь это не так! Не может быть, чтобы между нами было так мало счастливых пар, ведь все по любви женились, – горячо воскликнула Жанна.

- Наверное, наши некоторые городские избалованные, инфантильные, внешне интеллигентные мальчики не умели переживать за других, только себя, любимых, лелеяли. А девочкам ничего не оставалось, как вешать груз всех семейных забот на свои нежные плечики. Сельских ребят, не испорченных цивилизацией, у нас на курсе «имелось в наличии» всего двое. Было бы больше, может, и подправили бы они картину разводов в лучшую сторону. Они как-то больше понимали, что любить – значит, утверждать неповторимость существования другого человека, что человек с адекватной

собственной оценкой не ищет виноватых в других. Считали, что не нужно переделывать ни мужа, ни жену, и, раз выбрав, любят друг друга такими, какие есть. Сельские ребята как-то проще относились к жизненным перипетиям, мужественнее, что ли, – философски серьезно рассуждала Лиля, пожалуй, больше для себя, чем для подруг. – Мужчины, покидая нас, оправдывают себя тем, что мы, женщины, сильные и сами сможем справиться со всем, что встретится нам на жизненном пути, что мы можем без них воспитать наших общих детей. Они сбрасывают на нас свою главную задачу мужчины – защиту своей семьи от жизненных невзгод и тем предают своих детей.

Нам надо кричать от ярости, а мы плачем от обиды и жалости к себе, к детям и упорно несем нашу непосильную ношу. Материнской болью сердца кровоточат, но мы терпим и не тычем этим мужчинам в нос, не требуем изменить отношение в обществе к семье. Сами-то они не захотят лишиться привилегированного положения, свободы. Поражает их негосударственный подход к государственным проблемам.

– Не все хорошо в нашем королевстве с мужчинами. Сначала они оказываются неспособными защитить своего ребенка, жену, потом Родину. Женщина может воспитать в мальчишке нежность, трудолюбие, но вырастить защитника, воспитать в нем мужчину – функция отца. – Это Галя поддержала Лилю.

– А гражданские браки? Это же позор мужчинам, их бессилию. Ищут тех, кто их будет лучше нянчить, – вклинилась в разговор Аня. – И потом, с каким здоровьем родятся дети, если их мамы будут находиться в нервном напряжении: женится-не женится? Жанна, вот ты говоришь «не может быть», чтобы восемьдесят процентов. Все может быть. Я как-то вникла в жизнь своих соседей по лестничной площадке и что же обнаружила? В первой квартире жена мужа выгнала и одна дочь вырастила. Тот считал, что если он мужчина, то этого уже достаточно, чтобы все в семье считали его хозяином и беспрекословно подчинялись ему. Стариков ее не уважал, из собственной квартиры их гнал. Маты-перематы каждый день.

Во второй квартире хозяин летчиком был. Погиб при исполнении. Великодушный, сильный был человек. Другого такого хоть сто верст в округе обойди – не отыщешь. Двоих детей жена сама воспитывала. Не захотела отчима сыновьям. В третьей квартире муж все большим притворялся. Жена на себе все заботы тащила, а он гулял напропалую и жизни радовался. Когда супруга об этом узнала, с ней произошел нервный срыв. Сильно болела. Муж, правда, в старости одумался, детям стал помогать.

В четвертой вроде бы все было нормально. Он бесплоден, но они воспитывали приемного сына. И вдруг смотрю – с молодой идет. Что не поделили? В пятой – здоровенный мужичина смертным боем жену бьет, выпивает, конечно. В шестой мужичина один живет, семью оставил и вольничает. В следующей квартире – женщина одна дочь растит. Продолжать?

– Аня, не распаяйся, ты можешь удушить своей болтовней. Хватит, я устала от негативной информации, – взмолилась Жанна, – хотела от тебя услышать что-то высокое, значительное, умное, доброе, достойное, чтобы в душе был простор и радость, а ты опять за свое.

– Ну, давай, сама рассказывай, флаг тебе в руки! – надулась Аня.

В наступившей тишине явственно проступил разговор Аллы и Гали.

– ... И почему же не сложилось? Ведь одной из лучших была в группе.

– Приехала я сдавать кандидатский экзамен в аспирантуру по иностранному языку. Слышу, на консультации шушукуются девушки, мол, кто председателю понравится, тот сдаст. Поняла, что они имели в виду. Платище простенькое надела, туфли без каблуков, волосы пригладила, косметики ни грамма. Вижу, все равно понравилась. Глазки его так и заблестели, как петушок вокруг меня топтаться, увиваться стал. Ну, я и уехала. Не смогла через себя переступить. Семья для меня – святое. И с непосредственным начальником постоянно проблемы возникали. Отказала я одному из наших директоров, так сразу давление началось. Сделаю доклад, а потом мои идеи у него в отчете обнаруживаю. Ссориться? Не подладишь – вылетишь в два счета с работы, и профком не защитит. Там тоже все схвачено. Человек в коллективе зависит от мнения коллег и уже тем уязвим. Сплетни изводили. Ни один мужчина не касался меня, кроме мужа, но не

верили люди, что я отказала большому начальнику... Даже женщины.

- Мужчины часто сплетничают о верных женщинах, недоступных их плотоядным желаниям, - усмехнулась Лера. - Из зависти.

- Чем старательнее человек карабкается вверх, тем больше встречает на пути препятствий морального плана. Руки опускались от бессилия. Плюнула я на науку и решила детей воспитывать, работу, конечно, не бросила. А наиболее наглым сплетникам отвечала: «Если бы я изменяла мужу, то не сидела бы в простых инженерах». Откровенности они мне не прощали. Только терять мне уже было нечего. Фантазии их не были разнообразными... Я даже третьего хотела родить и с работы уйти.

- За чем дело стало?

- Третью кровать негде было бы разместить в нашей маленькой квартире. И все же до сих пор жалею, а вдруг дочурка в меня пошла бы? Так вот на мне и закончилась моя порода. Обидно, - грустно улыбнулась Галина.

Мила Лене говорит:

- Я раньше, бывало, приеду к старикам, а у них и там, и сям - кругом беспорядок. В ящиках все в кучу набросано. Думала: на пенсии оба, чего бы им не разобрать, не рассортировать этот хлам. А у них, оказывается, сил не было. Им хотя бы кое-что самое необходимое сделать и ложку до рта донести. И Вадик мой удивлялся, мол, сидят на лавочке, лясы точат, лучше бы лед на крыльце скололи. А я как-то прислушалась к их беседам и поняла, что до пенсии они хорошо работали, были уважаемы, а теперь никто не помнит их заслуг. Вот и сидят они, положив бессильные, бесполезные руки на колени, и рассказывают друг другу про свою прежнюю жизнь, делятся былыми радостями, нынешними заботами. Общаются.

Инна перехватила инициативу в разговоре Жанны с Аней:

- ...Вернулся из армии? Слава Богу.

- Сказал, мол, я спортсмен, но военного из меня не вышло. Не мое это: не стал я там сильнее ни телом, ни духом. А оба племянника нашли себя в армии, хотя и не спортсмены.

- ...Я бы половину своих сотрудников уволила, но где взять уверенности в том, что те, кто придут на эту мизерную зарплату, будут лучше прежних.

- ...В этом году у меня на одно место в аспирантуру три претендента. По способностям - не по знаниям - все трое потенциально приблизительно одинаковые, но один - «от Ивана Ивановича», другой - сын очень состоятельных родителей, а третий - лучший студент моего последнего выпуска. Раньше, при Союзе, я обязана была взять первого кандидата, а теперь могу выбирать между первым и вторым. Конкуренция! Кого посоветуешь взять? - едко усмехнулась Алла. - За каждого из этих двоих мне в основном самой пахать придется, вот и соображай тут...

Лена через силу расправила ватные ноги, осторожно разогнула онемевшую спину и устало прикрыла веки.

Пишу

– ...Недавно по телефону беседовала с редактором московского журнала по поводу моих стихов. Он восхитился одной моей строчкой: «Она выше всяких похвал. Вы сами-то понимаете ее великолепие? Она как нота, с которой начинается песня. Ведь читателю после ее прочтения уже не надо объяснять, что этот дедушка любит внучку, что он не умеет разговаривать с маленькими детьми, но искренне хочет объяснить ребенку, что такое дружба народов и какие в нашей стране были прекрасные традиции. Возможно, судя по языку, дедушка много лет был руководящим или партийным работником. Не правда ли? И все это вытекает из одной только фразы! И никаких слов больше не надо. Вы специально ее придумали и вставили?»

«Нет, – ответила я честно, – у меня зеркальная память, дед на самом деле так мне сказал давным-давно, когда мне было восемь лет. Помню, мне тогда очень понравилось, что он разговаривает со мной, как со взрослой. «Значит, считает меня умной, способной понять его», – порадовалась я. Ведь у меня, как у большинства детдомовских детей, был комплекс неполноценности, боязнь оказаться глупее домашних».

«Если вы интуитивно занесли эту фразу в свое произведение, то это еще лучше. В этом-то и состоит наше писательство – не разъясняя подробно, одной фразой уметь подать образ. Например, совсем не обязательно писать, что ваш герой химик. Достаточно того, чтобы в его бытовом отвлеченном разговоре – хотя бы о разводе – прозвучали непроизвольно употребленные чисто химические термины, что-то типа диссоциации, абсорбции или, допустим, он сравнил бы семейную жизнь с процессом дистилляции. Не теряйте эту способность, развивайте ее в себе», – сказал мне на прощание столичный редактор.

Люди все эмоционально разные, все думают и говорят по-разному, а не по заранее заготовленному клише. Они живые, а не механические куклы, – делилась Рита с Аллой. – Я как-то прочитала знакомой – она критик – стихотворение о воспитательнице детского дома, которая каждое лето брала детдомовского ребенка в свою семью, и он там приобщался к реальной жизни, так она заявила мне, что человек ни наедине с собой, ни вслух не станет говорить высокопарно.

Я на нее уставилась и возразила: «Так это я так думаю, говорю и пишу. Я – тот реальный человек, который мысленно благодарил эту прекрасную женщину за доброту к чужому ребенку. Я не выдумывала эти высокие чувства и слова, это говорила благодарная душа бывшего детдомовца, которому на жизненном пути встретились добрые люди. Я хочу, чтобы о них узнали многие. Ты же благодарна матери за то, что она нянчилась с тобой, допустим, до двадцати лет, мужу за то, что он, наверное, уж лет тридцать неусыпно опекает тебя. Вот и моя душа всегда поет, когда я встречаю истинно доброго человека. Конечно, теперь уже не так звонко, как в детстве, и все же она до сих пор восторгается. Конечно, мои чувства со временем ослабли, притупились. Я никогда не смогу писать, как в юности. Былое не оживает во мне с такой же силой, как прежде, не рождает мгновенных, восхитительных всеобъемлющих, ярких вспышек, но поэт в любом возрасте не может быть нечувствительным ни к чужому горю, ни к проявлению добра.

Моя душа от радости звенит колокольчиком, колоколом, набатом звучит от чужой беды. Почему я должна душить в себе благодарное чувство к человеку, который не просто формально исполняет свои обязанности по отношению к ребенку, но и делает много больше, чем было предписано инструкцией? Мне хочется говорить об этой женщине высокие слова, петь гимн ее доброте. Я не стесняюсь своих чувств, потому что они искренни. Разве только на похоронах надо говорить о человеке прекрасные слова?

Ты меня не понимаешь, потому что не чувствуешь того же? Тебя шокируют слишком восторженные слова? Я воспитана на героических песнях о войне, о Родине, о бедах людских, и я на самом деле так думаю, так чувствую, так отношусь к людям. Я сама с самого раннего детства испытала слишком много такого, что на всю жизнь сделало меня безразличной к проявлению несправедливости или, напротив, радости. Ты моложе меня, и ты не воспитывалась в детдоме...»

Наверное, знакомая обиделась на меня. Получается, я ее упрекнула в недостаточном внимании к эмоциональному воспитанию. Я была нетактична. Во мне говорила обида. Вот всегда я так... глупо... на эмоциях. Тормоза не срабатывают, – вздохнула Рита. – И

все равно я оставляю за собой право не во всем соглашаться с друзьями и знакомыми.

- Алла, говорят, человек не может дать того, чего нет в нем. Но человек также не может и взять того, что не соответствует его душе. Вот в чем беда, вот в чем проблема. Как надо было мне преподнести материал, чтобы пробудить в ней понимание?.. Я думала, рассказав о своих чувствах. Не получилось... Искать к ее сердцу другие пути?

Если бы мужчина не принял моего стихотворения, я бы поняла. Говорят, что у большинства женщин эмоциональная планка, уровень чувствительности выше, чем у мужчин, и поэтому они не дотягивают до нас, не воспринимают наши чувства, не могут понять, поверить в их искренность. Я, правда, в этом очень даже сомневаюсь... Хотя всем известно, что порог слышимости у мужчин и женщин разный. У нас в ушах колики и в голове вибрация от слишком громкой музыки, а мужчинам она в удовольствие.

...Существует эмоциональная глухота. Но утверждать, что у мужчин она встречается чаще, я не могу. Высокий порог душевной нечувствительности - когда человек не слышит чужую боль - теперь явление нередкое и среди женщин. Почему она, допустим, верит Достоевскому, что есть такие тонкие люди, как Алеша Карамазов, но не желает поверить, что есть на свете бывшие детдомовцы, которые до конца своей жизни остались болезненно чувствительными, излишне эмоциональными. Мне хотелось ей крикнуть, мол, познакомся, я и есть один из представителей этой достаточно большой когорты людей, чувствующих и ведущих себя несколько иначе, чем ты и тебе подобные хорошие люди. Просто мы немного другие. А она сказала: не тот формат... А потом жалуемся, что дети вырастают жестокие.

- ...Мне нравится искренность и ясность твоих строк. Просто пишешь, а сердце прожигает. На душу легко ложатся. Самое трудное - это просто писать о сложном. Поэтический мир тебе достался из детства, и тебе удалось его в себе сохранить. У тебя удивительное погружение в наше детство! Очень личная книга, сердечная. Она полна человеческого содержания. В ней тоска ребенка по любви и ласке. Давно читала, но многие твои строфы до сих пор не идут из моей головы. Чувствуется, что писал внутренне свободный человек, - выразила свое мнение о Ритиной книге Лиля.

- Но смотреть на мир детскими глазами не стоит. Это слишком дорого обходится, - пошутила Лера.

«Лилина похвала прозвучала мягко, дружелюбно и настолько безукоризненно смодулировано, что даже кажется искренней», - удовлетворенно хмыкнула Инна.

- Самое важное - значимость выбранной тобой темы, собственная авторская позиция и интонация. Правду пишешь... И грандиозные идеи могут быть выражены в форме утонченной простоты, - задумчиво произнесла Лена. - Эта книга - образ нашего детства. Миллионы соотечественников могут сказать: «Это мое детство». Каждый человек может найти в ней осколки своей жизни.

- Не вскружили успехи голову? От восторга еще не потеряла рассудок? - злоредно хихикнула Инна, сама даже не успев понять почему.

- Ты это по поводу моей скромной персоны? - спокойно удивилась Рита.

- Не лишне упомянуть, что и в наши времена, и во времена оные неприкрытая правда не встречала сочувствия, если она не изящная, - вставила умную фразу Инна.

Аня смущенно поведала:

- Я очень любила фильм «А зори здесь тихие». И вдруг узнала, что автор выдумал эту историю. С тех пор не могу смотреть этот фильм. И другие фильмы про войну. Такая вот я странная... Я искренне считала, что в основу любого сценария обязательно должен ложиться реальный факт, который писатель доносит до нас согласно своему писательскому дару. А в детстве я Луи Буссенара читала. Так его «Капитан Сорвиголова» меня не воодушевлял. «Ври, но не завирайся! - сердилась я. - Десять пуль получил - и живой. Моему папе одной хватило...»

- Значит, мои книги для тебя. Читай, может, они помогут тебе пересилить твой

«пунктик» и повернут к пониманию твоей ошибки, – улыбается Рита. – Что из того, что сюжет придуманный? Все равно в нем правда войны. Борис Васильев был фронтовиком, на себе прочувствовал все тяготы тех страшных лет. Его проза – барометр чести и совести. Я люблю все его произведения.

– У него такое умное красивое одухотворенное лицо. Ему нельзя не верить, – призналась Галя.

– Наверное, приятно, когда слова послушны велению твоих мыслей. Ощущаешь необыкновенную легкость, полет, – сказала Лера.

– ...Подкупает, что ты о нас, о детдомовцах, написала, – тепло сказала Жанна, еще не читавшая книг Риты.

– Человек лучше воспринимает то, что перекликается с его собственными бедами.

– Правильно сделала. Слова одного известного журналиста вспомнила: «Если я не напишу о своих прекрасных друзьях, память о них умрет вместе со мной».

– В своих книгах ты пытаешься смотреть на мир глазами других людей? Надеешься предугадать и описать чужие переживания? Пустой номер. Это еще никому не удавалось. Все писатели свою душу выворачивают наизнанку, – громогласно декларирует Инна.

– Главное, что эти стихи – прямое попадание в нерв времени, – по достоинству оценивает поэзию подруги Лера.

– Наверное, стихи мне больше удаются, – потупилась Рита, и лицо ее заалело.

– Вот живет человек обыденной жизнью и вдруг находит свое призвание и расцветает, – улыбнулась Алла.

– Недостаточно отвечать запросам времени, надо еще уметь противостоять ему, – припечатала Риту Инна. – Хорошо, что ты не подделываешься под вкусы непредвзятого читателя. Твои книги в метро в полусонном состоянии не считаешь. Они требуют душевного взаимодействия с героями. В них что-то приходится домысливать, что-то читать между строк. Но мне больше нравятся забавные, пикантные, приятные темы, – добавила она.

– Удаются стихи потому, что ты много знаешь о жизни. Не сахарно, не причесанно пишешь. Молодым полезно почитать о грустном. Пусть задумаются о себе, о тех, кто рядом с ними.

– На одном легком чтении оскотиниться можно, – сердито пробурчала Эмма, на минуту оторвавшись от разговора с Кирией.

– А где же так необходимая мне критика? Хвалу надо приправлять перцем и горчицей, – пошутила Рита.

– Удел специалистов разбирать произведение по косточкам. Мы выражаем чувства, которые вызывают твои стихи, – ответила Лиля.

– Продолжайте хвалить, не отвлекайтесь, – пошутила Инна.

– Главная тема звучит громко и тревожно. Пресловутая пестрота и теснота деталей оборачивается избытком страшного, рвущего душу прошлого, – будто оглянувшись на свое детство, вздохнув, сказала Кира.

– Создающего упадническое настроение. А как же созидательность, оптимизм? – дополнила Инна слова Киры своим видением стихов Риты. – Я со всей страстью критикую только то, что люблю, к чему небезразлична. Видишь, как стараюсь, – не преминула шутливо добавить она. – И все же мне больше нравится легкая, непринужденная игра ума писателя, наполненная высокоинтеллектуальными, но не заумными философскими раздумьями.

– Первое, что напрашивается тебе ответить, так это то, что время, когда у меня было

желание и эмоции легко и ярко воспеть жизнь, упущено навсегда.

- Это и понятно. Как бы сказать короче, чтобы «не растечься мыслью по древу» В юности утренняя роса казалась брильянтами, подарками природы, а в старости – слезами уходящих лет... Вот ты пишешь и, наверное, думаешь, что ангелы будут плакать, если ты займешься чем-нибудь другим.

- Ставлю сотню против рубля, что тебе «ржачка» и перевертыши ближе, – буркнула Лиля.

- Позор на мою седую голову! – рассмеялась Инна, небрежно тронув рукой свою прическу без единого седого волоса, – А тебе тонкий юмор и легкая грусть Чехова претят. Тебе надо, чтобы, с пеной у рта негодовали, чтобы эмоции разлетались фейерверком!

- Не в масть, Инна. Хватит цепляться ко всем, – остановила ее Лера. – Ритина первая книга не верх оптимизма, и, тем не менее, она светлая, добрая, чистая. Тебе бы призму в голове поменять или линзы в глазах перефокусировать.

Замечание получило одобрение подруг.

- Инна, а ты откуда узнала о хобби Риты? Она же его не афишировала, – спросила Мила примиряюще.

- Она пресс-релизы от секретных агентов получает, – пошутила Жанна.

- Носом учуяла, – рассмеялась Инна. И добавила: – Вот ты, Рита, копаешься в печалях и невзгодах, одолевающих детей, поешь гимны добру и справедливости, призываешь верить, надеяться, а ведь мир такой несправедливый!

- Как же без надежды?.. Многого самого грязного в своих книгах я недоговариваю. Не хочу нести детям чернуху.

- Обнаруживаешь тенденцию обходить острые углы?

- Когда пишешь, надо думать не только о том, что сказать детям, но и о том, чего не сказать. «Даже в таком урезанном виде ко двору ли приходится моя печальная правда? – беспокоилась я.

- Это вопрос таланта и ситуации. Случаются и прескверные вещи. Но у тебя все к месту, – успокоила Риту Лера.

- Первая книга вызвала оглушающий эффект? Ну как же, глас маленького детдомовского народа!

- Сенсация живет мало. Важно, чтобы произведение долго служило людям, – остановила Инну Лена.

- Мне кажется, эта книга пока лучшее из всего мною написанного. Уже четырежды переиздавалась. Не знаю, какая судьба ждет еще недописанную...

- Твое творчество нравственно, а значит, креативно. Это главный критерий, – четко обозначила свое мнение Эмма.

- Рита, я уважаю твою позицию, но тебе следует снять табу – запрет с души – и дописать опущенные жесткие главы, – небрежно посоветовала Инна.

- Сейчас разуюсь и побегу дописывать... Оставляю это тебе. Собери мозги в кучку и посоображай конкретно. Нарисуй картину нашего детства крупными яркими мазками, – пошутила Рита. – А мне достаточно того, что я пишу о том, как трудно юному доброму сердцу во взрослом мире, когда жестоко ранят самые, казалось бы, простые поступки, и о том, что будет оно, это сердце, мучиться, пока само не окрепнет, пока душа не покроется защитным панцирем.

Я хочу видеть в своих читателях собеседников, людей небезразличных. Пусть почитают и что-то о себе поймут.

- Чушь городишь, - сразу всё поняв по Ритиной улыбке, упавшим голосом пробурчала Инна тихо, чтобы не слышали другие, и насупилась. - Мечтаешь увидеть в моей «писанине» что-то совершенно непотребное?

- Да ладно тебе, не дуйся, - попросила Рита.

Инна тут же вздернула подбородок вверх. Чем-чем, а лицом управлять она умела превосходно.

- Меня волнует трагическая поэзия твоих строк. В них особая, смелая экспрессия образов, - сказала Эмма.

- А меня поражает аскетическое богатство черно-белой палитры. Правда, странное сочетание слов? - спросила Лера. - Один умный человек сказал: «Творческое поэтическое воображение - пиковое воплощение воображения».

- Ты забыла подчеркнуть «женское», - заметила Инна.

- Можно подумать, для женщин существуют другие законы мышления, - возроптала Лиля.

- Как к тебе приходят стихи? Ты настраиваешься на них? - спросила Галя.

- Нет. Они все время присутствуют в голове. Чуть тронешь их мыслями, и сами полились... Вспомни, как ты кормила грудью Сережку... Странная аналогия?

- Женщинам очень даже понятная.

- Мысли и рифмы ничем невозможно заглушить.

- А если ты не имеешь возможности их выплескивать, они набатом звучат в голове? Так же можно свихнуться.

- Тогда я «пишу» во сне. Утром, конечно, ничего не помню и переживаю. Но, видно, такая разрядка необходима моему организму. Наверное, это на самом деле своеобразная защитная реакция.

- Недавно с интересом читала биографический роман одного известного ученого. Его с детства окружали знаменитые люди науки и искусства. И в собственной взрослой жизни судьба не обходила его разнообразием событий. Ему было о чем писать, было чем заинтересовать читателей. А вот каким образом суровая безрадостная жизнь, бедная внешними событиями, могла стать источником смелого воображения, выразившегося в столь сильных и ярких стихах? В них то романтические порывы мятежного духа, то глубокое, исполненное страсти искреннее правдолюбие, то горечь, то нежность и грусть, - сказала Галя, ни к кому конкретно не обращаясь. Откуда такое поэтическое созерцание?..

- Как же должны были сойтись звезды, чтобы тебе повезло и ты смогла прокричать на всю страну о безотцовщине, - задумчиво проговорила Аня.

- Не преувеличивай. Докричалась ли - это еще вопрос.

- И в прозе ты просто и ясно выстраиваешь объем внутреннего гиперболически романтического мира своих героев, эмоционально, неожиданно, раскованно выписываешь отдельное, самостоятельное пространство каждого героя, - сказала Мила. - Вроде бы непритязательные мелодраматические истории, но ведь как поражают и трогают, от них трудно оторваться. Наверное, потому, что твои героини живут рядом с нами и каждая женщина в них себя видит...

- Глобальное в минимальном? - удивилась Инна. - К чему бы мне еще придраться? Я выполняю твою просьбу. - Это она добавила с веселой ухмылкой.

- Как ты, всецело отданная борьбе за существование (работе и заботе о близких) и личное человеческое достоинство, поглощенная мыслями о своем неудачном браке, можешь писать книги с глубоким пониманием реалий повседневности и ее социальных контрастов? Как тебе удается оставаться эмоционально насыщенной, ироничной, но

душевной и не потеряться во всем этом густом месиве проблем? – закончила свою мысль Галя.

– Если есть знание и обладание способностью постижения не только себя, но и других, никакая занятость не помеха, – ответила за Риту Лера. – У тебя настоящие стихи, а не «взбивание пены». Не отступай, подруга. Еще Чехов говорил: «Человек в ответе за свой талант».

– Мне кажется, что дети, прочитавшие твои книги, став взрослыми, не смогут совершать преступления, – сказала Аня.

– Это мне наивысшая награда.

– Придумала вопрос! Мир давно объяснен, народонаселение типизировано. Что еще нового может придумать писатель? – азартно спросила Инна.

– Каждая эпоха выдает своего героя, и его надо осмыслить, – спокойно ответила Алла.

– Кто же герой нашего времени? Где-то я слышала: «Несчастлива та страна, в которой нет великих героев». Ну или что-то в этом духе.

Может, Инна и надеялась, но диспута не последовало. Не сумела она на этот раз зажечь сокурсниц. Они погрузились в персональные размышления.

Вошла Кира. Прислушалась к разговорам.

Галя говорила:

– ...Еще бы! Его выбросили, как изношенные ботинки, как исписанный стержень шариковой ручки!.. Оскорбили, унизили, распяли...

– ...Да ты, я смотрю, нарасхват! – Это Инна удивленно заметила Ане.

– ...Кажется, Толстой писал, что «интересны несчастные семьи, потому что они разные», – заметила Жанна.

– Мне они не просто интересны, это моя постоянная фантомная боль, – уточнила Рита.

– Тема бесконечная, как жизнь. В ней не выдохнешься, не испишешься.

– ...У тебя кое-где существует некоторая, как бы намеренная разорванность текста. Это для выделения второго плана? И вставные «новеллки» тоже? – спросила Алла.

– Правильно поняла, – обрадовалась Рита. – Сознательные пустоты, умолчание. Оставляю пространство для размышления.

– «Разговорчики в строю!» Зашибись. Я в шоке. Некоторые ваши выражения совершенно простреливают, – разошлась в своих эмоциях Инна.

– ...Книги – хранилище образов, без которых человек не человек. В них тысячелетняя мудрость, ответы на многие загадки мироздания и загадки человеческого сердца, – задумчиво изрекла в пространство Аня (только для того, чтобы что-нибудь сказать?) строгим монотонным голосом. Совсем как на уроке.

Кира отвлеклась на Лилю. Та с легкой грустью говорила Жанне о себе, казалось бы, не в общую тему. Навеяло...

– Я долго не находила понимания среди сотрудников, хотя вела себя, как мне думалось, идеально. Но это с моей точки зрения. Я всю себя отдавала работе, но наживала врагов из тех, которым было за мной не угнаться. Их ругали, ставили мою работу им в пример. Сама того не замечая, я разворошила осиное гнездо, и меня постоянно жалили, принижали, оскорбляли, подсиживали, оговаривали. Иногда прямо говорили – не высовывайся. А я хотела в жизни чего-то добиться и доказывала свои к тому способности.

И вдруг одна пожилая женщина из соседней лаборатории, увидев меня, воскликнула: «Наслышана о вас. Теперь мне все ясно. Наивный взгляд. Искренне возмущаетесь людской непорядочностью. Приходите в тихое бешенство – по причине бессилия что-либо изменить – от сплетен, обвивающих вас, невиновную, потому что открыты в выражении чувств, не способны сделать кому бы то ни было больно. Грудью станете за человека, которого считаете правым. Поразительное трудолюбие, безграничная честность и вера в добро. Наверное, тратите свое личное время, только бы студенты успели подготовиться к занятиям, понять тему. Все объясните, все растолкуете. И постоянно утверждаете: «Не студенты для нас, а мы для них».

Студенты, наверное, пользуются вашей добротой. Еще верите, что честным трудом добьетесь многого. А пока повышения по службе достаются блатным бездельникам (нет, и умным, и трудолюбивым тоже, но все же блатным в первую голову) или тем, кто делает много не на благо института, а лично начальникам. И все-то у вас чересчур, через край, все на пределе возможностей и излишне эмоционально. Отдаете себя делу, в ущерб себе. Делаю вывод: вы воспитывались в детском доме. Вот увидела вас, и появилась потребность убедиться, что я не ошиблась. Сколько таких вот чистых, добрых прошло через мои руки! А скольких обломала жизнь, и становились они ключочим шиповником или вовсе увядали... А выжившие – как реликты, как редкие дикие прекрасные розы...»

Она говорила так старомодно, так забыто. Я сама иногда думала в том же ключе. Помню, я тогда загрузила: «Неужели я такая примитивная, предсказуемая?» Она поняла мои мысли. «Нет, – ответила она, – вы хороший человек, просто для меня, с моим опытом, люди вашего типа прозрачны. Вы для меня раскрытая книга, а для других... Да и вообще я неплохо разбираюсь в человеческой природе. Я все свое свободное время посвящаю ее изучению. Вы торопитесь отдать себя людям, часто не заслуживающим вашего внимания. Не разменивайтесь по мелочам. Концентрируйте свои таланты и выдавайте небольшими порциями, тогда вас надолго хватит, и терроризировать станут реже, и заметят скорее...»

Рита откликнулась на признание Лили:

– Недавно смотрела телепередачу, в которой детдомовские дети с обидой говорили о том, что домашние дети и даже их родители обзывают их, оскорбляют их человеческое достоинство. И вы бы видели, как эти разряженные, наглые, самодовольные юноши и девушки бросались в бой, чтобы защитить и выгородить себя! Мол, что мы особенного сказали? Ведь они же на самом деле подкидыши. Не подумали, что эти несправедливо обиженные судьбой дети не виноваты в своем нынешнем положении.

Эти молодые люди не умели ставить себя на место детдомовцев, их незрелые души не способны были прочувствовать боль несчастных. А ведь не дай бог какого-то жестокого случая, и новые условия быстро дали бы им почувствовать, что значит сносить незаслуженные унижения. Детдомовские дети сидели понуриив головы. Они не находили понимания в реальном мире, у реальных людей. Они осознавали, что говорят с домашними на разных языках. Им было неудобно и страшно тоскливо среди себе неподобных. Они чувствовали безысходность своего будущего, ощущали себя заклеяменными. На их тоскливых лицах читалось: «Сытый голодного не разумеет».

Иногда можно жизнь прожить, так и не созрев до понимания чужой боли, так и не раскрыв свою душу для восприятия чужой беды как своей. Я в таких случаях говорю этим людям: «Если вы не чувствуете, как я, это совсем не значит, что и другим это не дано. Ведь если вы, допустим, не понимаете квантовой теории, это не значит, что и я не понимаю ее. Я не знаю, как мне достучаться до ваших сердец, чем вылечить эмоциональную недостаточность, какими еще примерами убедить вас в моей правоте. Я только могу молить Бога, чтобы вам и вашим близким не случилось попасть в ситуацию, схожую с той, в которой находятся ребята, которых вы сейчас осмеиваете и плевываете».

Мне кажется, что одна из задач литературы – воспитание. Дело писателя – будить в людях добрые чувства, спящие где-то в глубине души, научить радоваться доброму делу, чужому успеху, сочувствовать чужому горю. Чтобы не кривились их губы в ехидном осуждении: «мол, если дура, пусть вкалывает», и не удивлялись, спрашивая самих себя: «А что воспитательница имеет с того, что приводит домой чужого ребенка, зачем ей это нужно?» Чтобы поняли, что ее забота нужна, прежде всего, этому несчастному ребенку. Да, это прибавляет ей забот, но и добавляет в сердце радость за успехи малыша, за то,

что ему с ней хорошо и тепло.

Человек с неразвитой душой лишает других возможности передать ему свои чувства и тем самым открыть в себе самом и в ком-то другом нечто подобное. С такими людьми трудно найти взаимопонимание... Они не осознают, что духовно обедняют свою жизнь.

Такой была моя учительница литературы. Помню, я с восторгом описала в стихах поход в лес. А она упрекнул меня в том, что я о прогулке пишу, как о полете в космос. (Много лет спустя редактор солидного издания именно это стихотворение выделил из всех прочих, сказав о нем: «Это безупречное произведение, шедевр».) Я тогда, в детстве, запальчиво заявила своей учительнице: «Как вы, Наталья Григорьевна, не понимаете, что я подросток, а не взрослый сухарь? Мне хочется подвигов, а где я их возьму? У меня мало интересного в жизни. Есть только учеба, работа и книги. Но я всюду ишу то, чем можно восхищаться. Ведь от радости крылья вырастают! В лесу меня распырал восторг. Я радовалась солнцу, легкому беззаботному общению с ребятами, свободе. Меня переполняли эмоции. Я размахивала руками, орала песни и знала, что мне за такое поведение не влетит. Я была счастлива, и это здорово! Конечно, может, совсем по-другому я была бы воодушевлена, посетив прекрасную выставку или концерт талантливого певца, но я лишена этого и могу только фантазировать на эту тему. И в своих фантазиях я тоже бываю счастлива. Что тут плохого?

Я пишу спонтанно, просто без околичностей излагаю чистейшую правду, не думая, не мучаясь над каждой фразой, как это, возможно, положено делать взрослым. Часто записываю мысли, которые мной не обдумывались раньше. Я не виновата, что вдохновение накатывает постоянно, ежеминутно: на уроке, в поле, на дереве. В юности, наверное, все пишут безудержно, с восторженной радостью или с горькой тоской. Может, насилие над собой полезно и необходимо, но у меня нет времени переделывать написанное. Успеть хотя бы кое-что записать из того, что потоком, вихрем выносятся из души. Как ни ухищряюсь, я даже этого не имею возможности делать из-за никогда не заканчивающейся отупляющей проклятой работы по хозяйству.

Я люблю родной язык и чувствую его. Я еще в раннем детстве пыталась представить себе, на что похоже то или иное слово. Игра у меня такая была... И стихи мне хотелось декламировать обязательно с глубоким внутренним выражением... Но учительница не понимала меня. И мне хотелось сказать ей, что даже научная информация должна подаваться эмоционально, тогда она легче воспринимается и запоминается. Но я не посмела. Дети редко позволяют перечить взрослым, даже когда чувствуют себя правыми.

Лена с интересом слушала Риту. Многие из ее высказываний было ей близко.

- А другая учительница так эмоционально читала нам Горького и Некрасова, что моя душа расцветала. Даже учитель физкультуры пытался примитивными способами учить детей ярко проявлять свои эмоции на соревнованиях.

Мне кажется, писатель «задается» сразу, с рождения, он не может быть ничем иным. Остальное - игра обстоятельств. Писатель или есть, или его нет. Просто он в разном возрасте выражает себя по-разному. Допустим, в юности восторженными стихами, позже зрелыми. Что он может, видно с первых его произведений. Не надо удивляться раннему таланту некоторых писателей. Просто у них была возможность вовремя начать. Вспомни Лермонтова. Если мысли просятся на бумагу, не стоить думать, что не созрел, чтобы безвозвратно не утратить в себе что-то особенное, свойственное только тебе и только этому периоду жизни. Взросление зачастую оплачивается утратой непосредственности, памяти детскости, яркости. Я начала писать для себя, когда сказать мне еще было нечего, кроме моей детской тоски и наивной радости. Но не могла не писать... Жаль, ничего из раннего не сохранилось... Не знаю, позволит ли мне здоровье осуществить себя до конца. Слишком поздно я хватилась. У меня зов детской мечты пробился сквозь толщу проблем и наслоений занятости только после пятидесяти. Хотя с детства чувствовала, что мне нужно что-то большее и достичь я должна чего-то особенного. В двенадцать лет я не представляла себе писательства, но уже знала, что обязательно буду писать для детей рассказы, и четко понимала, на какую тему. Мне все время были какие-то подсказки. И все же я не верила, что смогу. Кто бы поддержал...

...Наверное, тогда учительница литературы обиделась на меня. Получается, я ее упрекнула в недостаточном внимании к эмоциональному воспитанию. Я была

нетактична. Во мне говорила обида. Вот всегда я так... глупо... на эмоциях. Тормоза не срабатывают, – вздохнула Рита. – И все равно я оставляю за собой право не во всем соглашаться с друзьями и знакомыми.

Лена сделала легкую сидячую разминку и, приободрившись, снова обратила свой взор на подруг.

– ...Нередактированная рукопись беззащитна, как ребенок, – пробормотала Алла, вспоминая какие-то свои коллизии.

– ...Писательство – это территория индивидуальных высказываний, а значит, дело тонкое и не каждому стоит соваться в эту кухню, – по-своему отреагировала на слова Аллы Мила и полюбопытствовала: – Ты сразу на компьютере работаешь или сначала пишешь тексты ручкой на бумаге? Мне, например, нравится работать на компьютере. Допустим, ставлю я в отчете многоточие из четырех точек, а он указывает ошибку. Я убираю одну точку, но зеленый цвет не пропадает, и я понимаю, что должна текст разделить на две части. Представляешь, компьютер подсказывает мне: мол, какого лешего ты в один абзац две мысли всунула? Приходится разделять. Во дела!

– Ну и выражения! Русский язык попал в серьезный переплет. Ни вздохнуть, ни охнуть, – рассмеялась Алла. – Из каких литературных глубин почерпнула сие богатство?

– Из народных. Шучу, шучу.

– Хорошо еще, что без мата.

– Категорически не приемлю свободного употребления ненормативной лексики!

– Язык живуч, он все перемелет, – сказала Инна.

– Если каждый начнет его засорять, никаких жерновов не хватит, – неодобрительно покачала головой Алла. – А я пишу и редактирую на бумаге. На компьютере сотру строчку и забуду, а позже она начинает казаться мне лучше последующей. Но восстановить ее в памяти уже не удастся. Это раздражает, – созналась она.

– С тех пор как «вылетело в трубу» двести страниц текста и все попытки вытащить их из жерла компьютера ни к чему не привели, я осторожничаю. И ведь не сплошной текст пропал, а несколько тысяч мелких вставок, уточнений, вот что самое обидное. Ведь я как обычно пишу: иду куда-то по делам... и поплыли строки: удачные диалоги, шуточные или ироничные комментарии. Я их тут же на улице записываю в блокнот, а потом вношу в комп. А черновики выбрасываю. Потом новые мысли приходят... Теперь каждый огрызок бумаги храню.

– ...Канва моего романа проста. Ее можно выразить несколькими фразами.

– Так, может, на них стоит остановиться? Разве их недостаточно? – хитро сощурившись, спросила Инна и тут же весело ударила себя по лбу: – Придумала вопрос. Унизительно быть безвестным писателем?

– Если это всего лишь хобби, то нет, – сдержанно ответила Рита.

– ...Что сказать о моей первой книге прозы? Она тоже о детской душе. О детдомовцах. Ты же понимаешь, книга возникает там, где есть проблема. Очень важно, чем пробуждается душа ребенка: первой болью или первой радостью... Почему пишу воспоминания? Пытаюсь прорваться к собственной сути. Когда о чужой судьбе пишешь, то отчасти выступаешь в роли журналиста, пересказывающего чужое горе, чужую беду, пропуская ее через свое сердце. А вот когда я открыла закрома собственной души и стала поднимать с ее дна пласты своего пережитого детства – это совсем другое... Казалось, что строчки давно были сформированы в голове, многократно отредактированы, и я еле успевала записывать их, утирая потоки слез, вызванные горестными и радостными воспоминаниями. Колотилось сердце, сбивалось дыхание. Я задыхалась от нахлынувших чувств и писала, писала, не задумываясь. Окуналась в прошлое и будто заново его переживала, только в концентрированном, скрученном виде. Я расплетала его в тонкие полоски и укладывала на страницы длинными искренними строчками... В это время какие-то процессы, происходящие в моем мозгу, блокировали возможность писать о чем-то другом. Поэтому эта книга – один в один моя жизнь, воплощенная в разных героях.

Вместе с книгой ушла частичка меня самой, и я временно стала несколько более равнодушной к некогда больно волновавшей меня теме. Может, дав полное выражение своей печали, я вычерпала из души и саму грусть своего детства. А другие книги – уже не калька с чьей-то жизни. Чужая судьба давала лишь изначальный толчок к написанию очередного романа или повести.

– Получается, отдавая, обедняешь, выхолащиваешь себя? – спросила Лиля.

– Нет, я лишь освобождаю место для других тем и эмоций.

– Наивное, простое, доверительное для детей можно написать, если удастся избавиться от всего взрослого, что наслоилось на душе и почувствовать себя ребенком. Только тогда слова дойдут до детских сердец, – сказала Лена.

Инна не утерпела, чтобы не прервать подругу:

– Рита, на мой взгляд, немного фантастики и мистицизма не помешало бы твоей книге. Шепотка вымысла только укрепляет и подтверждает достоверность. Ну что это за книга, если в ней ни загадочности, ни туману, ни тебе импрессионистичности. Если я правильно понимаю, мир грез – истинное поле брани каждого писателя. Книга должна захватывать: «А что дальше?» Должна быть интрига.

– Я не пишу детективы. Другим притягиваю. Не мешай борщ с компотом. Моя книга – не игра в детство. Она о том, что «вдруг» ничего не бывает. Дети, имевшие родителей, мечтали о чем-то фантастическом, а мы, детдомовские, – о самом обыкновенном, о хорошей семье. Меня прежде всего интересуют чувства детей, их терзания, копания в себе. Я не хотела морочить головы маленьким читателям заумным, заковыристым сюжетом. Боялась, что, распутывая его, дети потеряют нити моих рассуждений, мои чувства – то, ради чего и писалась эта книга.

– Книга честная, выстраданная. В ней широкий спектр детских переживаний. Она для детей, но далеко не детская. Читая ее, о многом передумаешь. Обогащаешься не только знаниями, но и чувствами, – подтвердила Лиля. – Только поистине внутренне свободный человек может позволить себе такую открытость.

– И все-таки в каждом творении для детей должна быть доля волшебства. Не набрасывай узду на разыгрывающуюся фантазию, раскрепостись. Подстегни себя, выпусти на волю дух свободы. Я чувствую, у тебя его предостаточно, – не отступала Инна.

Рите вдруг припомнилось из детства: «... Прочитала полстранички из Рэя Брэдбери и поежилась от странного, мощно давящего на мозги незнакомого ощущения холода и неприятно пугающей мистической таинственности, властно затягивающей в темные, зловещие, глубинные недра сознания и... нанизывающей на крючок. Голова будто не желала осознавать прочитанное. Она отторгала. Не хотелось думать, боялась... Казалось, если впущу в себя эту мистику, глубоко вникну, прочувствую его строчки, то шизанусь... Я будто балансировала на весах Фемиды: перевернуть – не перевернуть следующую страницу, закрыть – не закрыть книгу. Огромным усилием воли отложила ее. Она пугала меня до тех пор, пока я не убрала с глаз долой.

...А может, то был не Брэдбери. Книжки, «проглоченные» на бегу или ночью, подчас были без обложек, случались отдельные, вырванные откуда-то страницы... Позже думала: «Как у автора получается обычными словами так влиять на мозги? В чем состоит это влияние? Как достигается? Неужели особым чередованием слов? Он гений? Он психически неадекватен или я?.. В моей жизни уже был случай подобного ощущения от музыки. Я тогда тоже испугалась острой глубинной боли в голове, странного давления на мозги и убежала... Может, только я чувствую этот жутко странный, дикий, нечетко осознаваемый страх возможности сдвинуться по фазе... или выйти на особый уровень восприятия чего-то, что недоступно другим... Нет. Помнится, Саша тогда тоже сидел в ленинской комнате бледный, какой-то испуганный... и он тоже выбежал вслед за мной.

«Нет, мне это не нужно, это не мое! – воспротивилось все мое существо. – Я никогда не рискну окунуться в столь неведомое, такое пугающее. Не хочу экспериментов над собой...» Мне было двенадцать, но уже тогда, будучи ребенком, я поняла, что должна защищать свою, возможно слабую, психику, свой разум, потому что он – самое главное, что есть во мне. «В своих фантазиях я уплываю далеко, но не ухожу за пределы. И мои

фантазии всегда добрые. Когда вырасту, я буду писать для детей рассказы, оберегающие их, помогающие им легче войти во взрослую жизнь».

- Волшебство присутствует. Дети сами придумывают себе мир, в котором им свободнее дышится, интереснее живется, - громко заметила Аня, вернув тем Риту в реальность. - Их немножко подтолкнешь в нужную сторону, а остальное они сами дорабатывают своей фантазией.

- ...Иногда я переживаю: не слишком ли моя книга откровенная?

- Любая искренняя книга похожа на обнаженного человека, который сам себя привел к кресту, - тихо сказала Лена.

- Может, когда иссякнут сюжеты, я примусь фантазировать, а пока мне не удастся объять необъятное своей жизни и судьбы моих друзей.

- Вряд ли ты возьмешься за фантастику. Жизнь - неисчерпаемый, неиссякаемый материал, - сказала Алла.

- Я бы юмора добавила. Юмора много не бывает. Люди без чувства юмора - враги радости, - сказала Инна.

- В детдомовской жизни? - уточнила Рита. - Не к месту в этой книге расточительное многообразие фейерверков юмора. Ничто так не ранит, как неискренний смех... К тому же юмор - дело молодых, а мне теперь ирония ближе и милее, - добавила она с грустной усмешкой.

- Кажется, Оскар Уайльд сказал, что на свете нет ничего смешнее правды, - обронила Лена.

- Эта книга - сведение счетов с обидчиками из твоего детства? - фыркнула Инна.

- С таким подходом к литературе для тебя и вся классика - сведение счетов авторов с личными врагами и с государством... А большего ты не узрела? В тебе в неявной форме обнаруживается пренебрежение к людям с гуманитарными наклонностями.

- Ты веришь, что от твоих книг мир станет чуть добрей? Какая трогательная иллюзия!

- Книжки в детстве вылепили меня.

- Теперь этим занимаются компьютер и телевизор.

- Надо в первые годы жизни ребенка одержать победу над этими монстрами, удалив их как можно дальше, и только в качестве награды позволять малышу смотреть наши прекрасные мультфильмы и детские фильмы.

- У тебя испортилось настроение?

- Разве что совсем чуть-чуть... твоими стараниями.

«По привычке жалит или на самом деле ей не нравится то, что я пишу?» - озаботилась Рита.

- ...А мне, Рита, приятен твой особый строй простых фраз, восхищает лиризм описаний природы. Эти жемчужины разбросаны по всему произведению. Ты будто стихи в прозу переводишь. В них поэтическое благозвучие и музыкальность, приметливость и точность физика. Я читала твои книги внукам. Язык ни разу не зацепился за слог, - сказала Галя.

«Когда я болела, у меня не было желания описывать увиденное, не было эмоциональных сил изображать то, что представляло моему тусклому созерцанию. Получались холодные констатации, схваченные безрадостным взглядом и отмеченные точными, но бездушными рассуждениями. Природа меня не радовала, не вдохновляла, как прежде», - думала Лена.

Рита все-таки закончила свою мысль:

- Написала о детстве и почувствовала некоторую опустошенность. Будто себе ничего не оставила. Думала, надо отойти от этой темы, она освоена. Неинтересно топтаться вокруг нее. Имеет смысл повернуть в другую сторону, вонзиться во что-то новое. А она не отпускала, пока не написала еще пять книг.

Но потом возникли другие чувства и воспоминания. Они словно расширились, распрямились в душе, стали яснее и тоже попросились на бумагу. Похороненное во мне вновь ожило... хотя иногда хотелось отречься, отбросить все, что связывало с горьким взрослым прошлым. Чтобы ночами не мучило... Обыкновенным напряжением мысли не выведешь себя из депрессии. Спасало писательство.

- Кто-то сказал: неудачи и стрессы в жизни - топливо для творчества, - подсказала Инна.

- Только что осенило? - с удовольствием поинтересовалась Жанна, хитренько прищурившись.

- Стрессы в основном являются причинами болезней, а не вдохновений и озарений. Моя нервная система для творчества требует «щадящего солнца и безветрия». Для меня положительные эмоции - мощный стимул. В этой связи мне один примечательный случай вспомнился.

Была у меня встреча в детском доме. Дети слушали очень внимательно. Еще бы, я же когда-то была одной из них! Малыши поднимали руки, задавали вопросы. За неудачные вопросы их тут же достаточно грубо, но исподтишка одергивали, шикали, как когда-то одергивали и шпиговали нас, случайно пробалтывающихся или намеренно пытающихся донести до комиссии свои проблемы... И вдруг поднялся один малыш в огромных, круглых, с сильными линзами очках и очень серьезно сказал: «Я буду, как вы».

После беседы с шестилетками в коридоре детдома я встретила группу мальчишек лет четырнадцати. Они, оказывается, тоже слушали меня, стоя у открытой двери зала. «Вы поняли, что читать надо, чтобы стать выше себя сегодняшнего, чтобы развивать не только мозги, но и душу?» - спросила я, польщенная их интересом к моей беседе с малышами. Ребята смущенно потупились.

А один из них, худенький и очень развязный, с восторгом сообщил мне, что ничего не читает. Я ответила, что литература, пока жив человек, не исчезнет, даже если не будут читать такие, как он. И добавила: «Шекспир жил четыреста лет назад, а его произведения до сих пор современны. А ты какой след на земле собираешься оставить... червяк безмозглый?». Я была жестока и груба. Но иногда, чтобы пробудить застывшую, недоразвитую душу, требуется серьезная встряска. Парнишка был сильно запущен. Он ничего не понял из моих слов и с удовольствием доложил, что скоро бросит школу и пойдет работать в ресторан вышибалой и что все попытки учителей воспитать и обучить его - бред сивой кобылы.

Я с сожалением посмотрела на тощего, вертлявого мальчика и молча сжала его запястье своей еще сохранившей остатки былой железной хватки рукой. Он, пытаясь вырваться, крутился, извивался всем телом, дергался, приседал. Я отпустила его руку и спросила как бы наивно-удивленно: «Лучше быть накачанным, чем начитанным?.. И этот жидкий коктейль ты называешь характером? Что ты сейчас из себя представляешь? Ни-че-го! К вышибалам, как ты называешь охранников, помимо серьезной физической подготовки предъявляются очень строгие требования, такие, например, как сдержанность, чувство такта, понимание психологии клиентов. Как много тебе еще надо учиться, чтобы поумнеть... иначе я гроша ломаного не дам за твою дальнейшую жизнь. Задумайся над моими словами, еще не поздно».

Реакция у ребят была разная, но никто не засмеялся. Одним было явно стыдно за товарища, другие раздраженно понурились. А один слушал очень внимательно и вдумчиво, и я одобрительно взглянула в его сторону. Мы поняли друг друга... Я побеседовала с ним. Он поделился, что слышал, будто в Америке дети полностью не читают художественные произведения, а только выжимки из них. И я объяснила ему, что литература - это не столько интересные сюжеты, сколько талантливое преподнесение материала и прекрасный язык. «Война и мир», сокращенная до пяти страниц, не добавит ребенку ума и не разовьет его мироощущения. Юноша остался доволен нашим разговором. Через несколько лет я встретила его на литфаке.

Прошли годы. И вот совсем недавно – в марте – я увидела по телевизору запомнившегося мне мальчика в огромных очках. Передо мной был не стеснительный, не зажатый, смотрящий исподлобья мальчик-волчонок, с какими мне чаще всего приходится разговаривать, а открытый, свободно общающийся с незнакомыми взрослыми людьми юноша, спокойно и деловито рассказывающий о своих планах на будущее. В его словах сквозила уверенность, что в своей жизни, на своем поле боя он всегда будет выигрывать и побеждать. Он уже понимал, что перед ним огромная палитра возможностей, и хотел взяться за то, что станет для него интересным и органично вплетется в его будущее. Не скрою, меня прошибла слеза, – сознаясь Рита. – Позвонила в детдом. Я не ошиблась. Это был Савелий. Следы второго мальчика обнаружить мне не удалось.

А как-то шел областной конкурс чтецов. Дети читали наизусть мои рассказы, получали престижные призовые места. И вдруг, когда со сцены зазвучали рассказы «Обида» и «Тоска», одна девочка расплакалась и выбежала из зала. Я разволновалась и стала расспрашивать детей, не слишком ли грустные я пишу рассказы. И один мальчик ответил за всех: «Нельзя детей кормить только сладким, а то из нас вырастут эгоисты». А девочка сказала: «Моя подруга Света специально пришла посмотреть на вас, на человека, который так хорошо понимает детей. Ее мама – учительница в нашей школе. Она унижает и оскорбляет дочку при всех и считает, что «делает это из лучших побуждений». Мы очень сочувствуем подруге. Света прочитала вашу книгу, нашла в ней себя и поняла, что не одна она такая несчастливая, что вы переживали то же самое и больше того, но все выдержали и стали человеком. Ей это очень помогает».

Я догадалась, что Света не сможет вернуться с зал, поэтому тут же написала записку и попросила ее подругу передать мое послание. Я написала буквально следующее: «Непонимание родителей – самая тяжелая ноша для сердца ребенка. Но не ожесточайся, не злись на весь мир и каждый день тверди себе: «Я хорошая, сильная, умная. Я сумею это доказать. Ты преодолешь все трудности. Я верю, из тебя вырастет прекрасный человек... Мама поймет, в чем она была не права. И ты простишь ее». Девочка очень хотела, чтобы ей верили. Ей так не хватало любви и понимания мамы...

Лера подумала: «Если дети не прочитают лучшие детские книги, то бунинские «Темные аллеи» им не понадобятся, они не сумеют их прочувствовать. Это как если закрыть детские библиотеки – некому станет ходить во взрослые».

До Лены опять долетают отдельные фразы из разговора Риты с Аллой. (Шум споров, возникающих на разных концах стола, не позволял расслышать многого.) Они ей показались интересными.

– Мне не стыдно за уже написанное. Я не откажусь ни от одной своей строчки. – Это Алла сказала.

– Читала. Полновесные произведения, ни на что не похожие. Над ними задумываешься, задаешь себе массу вопросов.

– «И увидел Бог, что это хорошо!» – съязвила Инна.

– В детстве мой язык был богаче, чем сейчас.

– Так ведь на Пушкине воспитывались.

– А теперь язык улиц вымыл высокие обороты из языка Пушкина и Шекспира? – насмешливо уточнила Инна.

– ...Эти детали многого стоят. «Засмеют» и «совсем засмеют» – не одно и то же. «Совсем», значит, уже смеялись над чем-то в нем. Иногда даже знак препинания меняет или углубляет смысл предложения. Вот убери кавычки, и фраза зазвучит иначе: жестче, грубее.

– ...Это ты о смысловых и структурных метафорах?.. Образы намеренно, сознательно схематичны... Казалось бы, абстрактная ситуация, но внутри она конкретная и четкая... Они – это каждая из нас. И стиль адекватен замыслу. А что у тебя является метафорой судьбы?..

- ...И приятие, и отгораживание от героев случается. Иногда и сама не знаю, куда они меня заведут.

- ...Тебя не пугает отсутствие динамики в твоём последнем произведении? Нет ни интриги, ни четко выраженного сюжета – всё «здание» держится на эмоциях.

- Они и есть главная суть. Пикассо говорил: «Я рисую мир не таким, каким вижу, а каким мыслю». А я – каким чувствую, – мягко улыбнулась Рита.

- Чем оправдано замкнутое пространство, в которое помещены герои?

- Это интересный вариант. Бывали в литературе подобные по форме, стилю и насыщенности бессюжетные психологические произведения и очень даже интересные для тех, кому они близки. Каждый в книгах ищет себя или того, на которого хочет быть похожим.

- Иногда я... жестко-откровенна?

- Нет. По отношению ко мне и моим произведениям я это всегда приветствую. Не слишком ли я натуралистична и категорична в некоторых вопросах? Может, следует напустить туману?

- Что сто лет назад казалось бунтом, теперь – классика.

...К сожалению, мне не знакома долгая тщательная кропотливая работа над каждой строкой. Годы поджимают, а столько еще хочется выразить из накопленного за жизнь! Спасибо шефу, профессору Полякову, за совет. Я его в шутку спросила: «Мне еще одну методичку для студентов написать или художественную книгу?» А он мне тоже вроде бы в шутку ответил: «Методических указаний на кафедре у нас горы, а художественных книг – ни одной». И у меня в мозгу что-то всерьез переключилось. А через месяц рукопись первой книги лежала на столе. Как ни странно, писалось легко и вдохновенно. – Это Алла исповедовалась Рите.

- Вот так пошутили! – рассмеялась Инна.

- ...В разных областях по-разному пишут. Возьми, например, вологодчан. Душевно пишут, но по-иному: добротней, глубже, затаённой. А в Воронеже – тоньше, изящней. Мне так кажется.

- Фантазируешь.

- Может, и так.

- ...У нас говорят – кушают, а в Липецке, допустим, едят. Чувствуешь разницу? «Кушать» звучит мягче, ласковее, добрее. С грубой интонацией это слово произнести невозможно.

- ...Трагизм личного бытия в юности послужил толчком к созданию лирических поэтических строк. Теперь вот пишу ироничную прозу для взрослых. Неожиданный, провокационный ракурс взяла на вооружение. Важно писать, никому не подражая, – доверительно говорила Алла. – Лезть на гору, равную первой, не имеет смысла. Развитие происходит, когда взбираешься на другую, более высокую вершину.

- ...Иногда кажется, что, читая мои не очень веселые строки и не вникнув в их суть, молодежь подумает: какое занудство! – и отбросит книгу. Им теперь развлекательную литературу подавай. И какое им дело до того, что каждое слово в ней выстрадано автором и ее друзьями. Помню, мой сын, ознакомившись с рукописью книги одной моей подруги, пошутил: «Жесть. Пусть подарит редактору банку кофе, когда будет отдавать ему свой роман на прочтение». Мне бы не хотелось, чтобы о моих книгах так говорили.

- Боишься забвения? – усмехнулась Инна.

Алла не ответила.

- ...Взрослое – это не значит обязательно негативное.

- ...Как ни крути, осталось еще во мне какое-то ребячество. Только в последней книге я

его не проявляю. Тематика не позволяет.

Лена никак не могла сосредоточиться на разговоре Аллы с Ритой. То Кира рассуждала о чем-то ее интересующем, то Жанна с Галей отвлекали своим веселым оптимизмом.

- ...Не выношу, когда на сцене классику переиначивают. Не писал так Чехов. Не писал! Раздевают героев, делают наркоманами. Куда их несет? Угораздило же мне пойти на этот спектакль! Всю душу вынули и вывернули... Теперь аплодируют тому, что раньше освистывали. Социальные проблемы побоку, психологию героя на помойку, акценты смещают в сторону быта, упрощения.

- ...На фронте время было спрессовано. Каждый миг мог быть последним. А теперь, когда время растянуто в пространстве, прошлое приобретает другую окраску... Теперь недругу подают руку. Нет необходимости сохранять себя для какой-то идеи.

- Такая необходимость всегда существует, только не для всех.

- ...До чего же мы в некоторых случаях одинаково мыслим! Как-то пришло мне в голову красивое словосочетание «мужество обреченных», но недолго им гордилась, потому что когда «бродила» в Интернете, разыскивая подругу детства, то эту фразу сразу в двух письмах обнаружила. Даже обидно стало.

- Может, эта фраза еще в детстве всем вам запала, а потом в нужный момент всплыла.

- ...Многочисленными повторениями она подчеркивает характерные внешние черты своих героев, а я таким образом выделяю и заостряю внимание читателей на мыслях и действиях моих действующих лиц.

- ...Заманивать сюжетом? Не тот жанр, чтобы «вымахиваться» в угоду непонятливому или нетерпеливому читателю. У меня отсутствует четкая фабула. Есть такой вольный ассоциативный способ выстраивать произведение. Я сосредотачиваюсь на внутреннем мире главных героев. Хочу, чтобы они выросли до уровня символов и не исчезали в водовороте событий. Уж не знаю, что получилось... Ведь за каждым рассказом, за каждым героем, к сожалению, трагическая судьба сотен тысяч. Это не черные нафантазированные драмы, а жизненные человеческие варианты...

Мне нравится экспериментировать с формами подачи материала. Люблю дневниковый жанр. Обожаю перетекание, диффузию жанров, - вернулась к началу поднятого ранее вопроса Рита. - Не люблю скрупулезно, до мельчайших подробностей дотошно выписывать одежду, лица, тщательно «прорисовывать» детали. Мне это не составляет особого труда, но кому что свойственно, кому что важно... Мне хватает с достаточной степенью определенности указать время действия, общественную принадлежность героев. Пусть внешними подробностями кто-то другой занимается.

- ... Пушкин и Некрасов писали просто, но удивительно глубоко, а теперь такие кудри в стихах навешивают!

- Все у них было дозировано, но как гениально!

- ... Моя вторая книга - тоже запись свободных ассоциаций. Я пишу по наитию как нахлынет. Только так могут возникнуть и всплыть тайные мысли подсознания. Бывает, что случайно выберешь нужную перспективу, и неожиданно вскрывается точный продуманный смысл того, что до этого казалось полной бессмыслицей. Ты же понимаешь, творчество - это работа несколько измененного сознания.

Лена внимательно вслушивается в беседу. «Алла отлично знает, о чем говорит, - подумала она. - Энергично набирает очки и быстро поднимается вверх по моей табели о рангах». Лена переглянулась с Инной и поняла, что против собственной воли та тоже испытывает к Алле восхищение. Инна даже наклонилась к ней поближе, чтобы не упустить ни одного ее слова.

- ... Литература условна, как и всякое искусство.

- ... Совмещая несовместимое, можно достигнуть невероятного эффекта.

- Эта книга - пощечина мужчинам?

- Скажем так: некоторому проценту...

- ... Кто-то воспримет как драму, кто-то как насмешку.

- ... Ха! Абсурд выше логики.

- Каждому нравится разное. Кому-то приятно в углу кафе помочиться...

- ... О, недоступная, залитая ослепительными лучами славы! Как хрупок и тонок мир, окружающий тебя! Литература для тебя – один из способов оставить свой след на Земле?

- ... Некоторые из этих внешне простеньких, неожиданно возникающих моментов как бы находятся за пределами восприятия. До их понимания надо дочитать, додуматься. Здесь нужны паузы. Пусть каждый читатель воспринимает их по-своему. Не надо навязывать ему свое мнение, что-то разъяснять. Мое дело увидеть, обозначить, обострить проблему для ее решения. Натолкнуть и подтолкнуть, заставить задуматься. Я ставлю проблему, «авторство» остается за читателем. Проза, как и музыка, позволяет разные прочтения. Книга – это зеркало, в котором каждый видит что хочет, – объясняет Алла свою точку зрения. В ее глазах при этом появляется лихорадочный блеск, и выражение лица становится характерным для человека, пребывающего в некоем воображаемом отстраненном пространстве, видимом только ему.

- Так возникает прекрасная внешняя законченность и интригующая внутренняя недосказанность, интересная читателю, – поняла Лиля.

- Ну, прямо околдовываешь своей речью. Блистаешь тончайшим пониманием человеческой психологии, – важно-насмешливо сказала Инна и грациозно повела плечами. Она хотела еще что-то добавить, но в последний миг передумала.

Лена пытливно наблюдает за подругой, силясь прочесть ее мысли. Она вынуждена была признать, что в эту встречу ей это не всегда удается, только от случая к случаю.

- Послание гениев не всегда поддаются пониманию. А ты, Рита, в своих книгах не зашифровываешь тайное послание будущим поколениям? – с хитреньким выражением лица спросила Инна.

- Я о нем говорю открыто, – просто ответила Рита.

Лиля грустно вздохнула:

- С пониманием человеческой психологии у меня плоховато. Я всегда думаю о людях лучше, чем они есть на самом деле, и это мне многократно аукнется неприятностями. Вот тебе маленький пример: рассказала мне одна знакомая гадкую историю про нашего общего знакомого, а я ей мягко, тактично посоветовала забыть о ней, мол, мало ли чего люди наплетут, а ты будешь крайняя. Я остерегла ее и тем самым стала для нее врагом номер один. Она просто взбеленилась от моего совета! Я хотела ей помочь, а навредила себе. Она надеялась, что я, будучи достаточно легковой, и дальше «понесу» сплетню? Она во мне ошиблась, и я же осталась виноватой? Я уж потом «дотёпала», что мне стоило бы промолчать, потому что эта знакомая могла воспринять мои слова как нравоучение и обидеться. Да мало ли еще какие варианты здесь возможны. «Темная ты», шутит надо мной в таких случаях Кира. И ведь стараюсь себя контролировать. Только стремление помочь человеку всегда у меня выходит на первый план, преобладает, затмевает остальное, и я снова и снова попадаю впросак. Наверное, это мое неизживаемое детдомовское наследие.

- И я вечно оказываюсь жертвой чужих, непонятных мне интриг. Людей, которые делают мне неприятности, я стараюсь исключать из своей памяти. Именно с такими я научилась скрывать свои чувства и ни на что не рассчитывать, чтобы не получить очередную незаслуженную порцию унижения. Я как бы смешиваюсь со своей собственной тенью, – пожаловалась Аня.

- И с трудом, но шагаешь по своему собственному пути... ведущему в никуда. А я всегда пользуюсь лакмусовыми бумажками, проверяю людей на вшивость, – гордо сообщила Инна.

- Как это? – не поняла Аня.

- Очень просто. Расскажу один случай. Несколько лет я состояла на заводе в комиссии по списанию как главный специалист по технологическому оборудованию. Моему шефу очень захотелось «поиметь» один вполне рабочий станок себе домой, а я не подписывала документы, приносимые его материально ответственным лицом, не могла через себя переступить. Два года станок стоял на складе как непригодный, и я решила использовать его для выяснения истинного отношения ко мне шефа. Он всегда при мне превозносил меня до небес.

Когда в очередной раз мне принесли бумаги на списание станка, естественно, подписанные шефом, я дала им ход. И когда они прошли все инстанции, изъяла их, не донесла до бухгалтерии, а станок отправила на другой склад и опечатала. И что же вы думаете? Ровно через год вызывает меня главный и начинает обвинять в том, что я, пользуясь служебным положением в корыстных целях, списываю пригодное к работе оборудование, и грозит мне увольнением по статье.

Мой шеф стоял рядом, с трудом сдерживал радость победителя. Он вообразил, что я списанному станку «ноги приделала и налево сбыла». Бедняга, целый год мучился нетерпением, выжидая, пока документы пройдут оформление и инвентаризацию, но не удосужился удостовериться в их наличии, зная мою аккуратность и щепетильность в любых вопросах. А я «оформила» на своей физиономии наивное выражение, достала из папки требуемые документы и справку сторонней организации о хорошем состоянии станка – заранее запаслась на случай «непредвиденных» обстоятельств – и попросила пройти со мной на предмет ознакомления с объектом прецедента. У шефа глаза округлились. Не удалось ему выгнать строптивую сотрудницу.

- Тебе не пришло в голову, что твой шеф мог стараться для главного? Ты после этого случая не ощущала непонятного давления? – усмехнулась Лиля.

- Непродуманные до конца эксперименты, проведенные на эмоциях, чреватые печальными последствиями, – сказала Лера.

Лена вздохнула, припомнив свои многочисленные ляпы молодости, долго приучавшие ее к осторожности в общении. «Чем на более высоких ступенях находятся люди, тем сложнее и запутаннее между ними связи», – думала она, привычно растирая мышцы в области шеи.

Справа от Лены Жанна с Аней разговаривают.

- Интересное наблюдение, – сердито говорит Аня, – проходит мой коллега твердым, решительным шагом, вахтер его не останавливает. Подхожу я и вежливо докладываю, что мне в четыреста первую. Вахтер, видя перед собой скромную интеллигентную женщину, тут же начинает строить из себя начальника: «По какому вопросу? Ваш паспорт!» Я ему: «Мне просто спросить у секретаря, вышел ли начальник из отпуска. Может, разрешите позвонить с вашего телефона?» Куда там! Целую лекцию мне прочитал. Спустилась я от секретаря и говорю вахтеру с обидой: «Заставили инвалида с заболеванием позвоночника топтать на четвертый этаж. Такую принципиальность и усердие надо проявлять на производстве... Может, еще разденете старушку?.. А вдруг я бомбу несущий?» Тоже мне режимное предприятие: депутатская приемная да куча частных фирм бытового назначения!

На следующий день мы с коллегой в другое место «кланяться» вместе пошли. Он прошел, а меня теперь уже женщина-вахтер мариновала. Мол, в два часа только пропущу. Я принялась ей объяснять, что мне пораньше надо, чтобы заявление написать, стул свободный занять, потому что мне, инвалиду, стоять трудно. И думаете, она пошла мне навстречу?

Лена с улыбкой тоже вставила замечание:

- Знаете, какие люди в Московском университете считали себя самыми главными, когда я там училась? Уборщицы. Гонору – выше головы!

Лена опять переключила внимание на беседу Риты с Аллой.

- ...И не намек на единый стиль? А как же завязка - кульминация - развязка? А сюжет интересный? - примкнула к писательской беседе Инна.

- ...Зачем же так вульгарно понимать мои слова, - возразила Алла.

- В такого рода литературе не важно, что дальше. Текст в данном случае держится только на мастерстве автора. Это в беллетристике нужно обязательно увлекать, держать читателя в напряжении, - сказала Рита.

- Твое произведение - чистейшая рефлексия тонкой художественной природы. В тебе говорит неискоренимый педагог или это специфическое женское видение проблемы? - спросила Инна.

- ...Достижение цели зависит от масштаба способностей, от цельности природы автора, а не от пола. Женский взгляд. И что? Есть мужской, есть женский. Изучение проблемы от этого только выигрывает.

- Много философствуешь, фразы встречаются слишком длинные. Ради чего бросаешься в словесные хитросплетения?

- Октябрьским языком взрослым людям проблемы не преподносят, - за Аллу возразила Рита. - Чем больше диалогов и монологов у главного героя, тем глубже раскрывается его личность и обстановка вокруг него.

- А я думала, что герой познается в делах, - удивленно подняла и без того крутые брови Инна.

- Одно другому не мешает.

- И нескончаемые внутренние монологи тому же служат?

- Конечно. У каждого писателя свои предпочтения в структуре произведения. Алле импонируют эти максимально убедительные способы подачи характеров героев.

- Книги - это в основном возврат в прошлое.

- Этот возврат, как ты изволишь выражаться, полезен каждому новому поколению. К тому же часто прошлое одних стран является настоящим для других, - сказала Алла.

- ... А в детской книге ты умышленно старалась упрощать фразы, пользуясь безыскусным слогом, понятным детдомовским детям? Поэтому в твоей первой книге такой рациональный язык? Может, выбор диктовался личным пристрастием к краткости и простоте? Или это не столь важно? - храня в интонации превосходство, спросила Инна у Риты.

- Первая книга изначально задумывалась для детдомовских детей. К произведениям для детей предъявляются другие требования. Иногда в них на первое место выступает поэтическое ощущение мира, иногда - понимание детской психологии. Писать детям о детях и взрослым о детях - абсолютно разные вещи и в смысле языка, и в смысле подробностей. Ребенок понимает то, что доступно ему в силу его возраста, семейной принадлежности и многого другого. Я, например, в десять лет, читая «Тома Сойера», не понимала, а потому и не заостряла свое внимание на рабстве в Америке. Мне были интересны только захватывающие приключения мальчишек.

- ...И оставь, пожалуйста, свои изуверские комментарии. Тебя привлекает неприглядная роль категоричного критика? Запомни, критикам памятников не ставят, - встала на защиту Риты Лера.

- А я бы поставила. Талантливый критик - это тот, кто свой гений созидания принес в жертву гению разума. Он учит, воспитывает, всем существом своего таланта откликается на новое время. Вот у Белинского было предназначение быть критиком. У него и вкус, и знания, и талант к этому был.

- Опять иронизируешь?.. Поняла, причисляешь себя к таковым.

- Ты же считаешь себя писателем...

- В критики часто идут несостоявшиеся писатели, поэты, музыканты и художники, чтобы излить свою ревнивую зависть и желчь. Критики разрушают то, что не сумели создать сами. Мы сами имели возможность неоднократно убедиться в их непрофессионализме. Они на дух не переносят удачливых собратьев... А иногда злобная реакция вызывает такую же ответную, - заметила Галя. - Мне шуточные строчки вспомнились. Я их в Интернете вычитала: «На критика решил переучиться. - В путь добрый... - Из вина плохого хороший уксус может получиться»... Инна, ты же профан в литературе, а туда же...

- Я не несу яиц, но могу оценить их вкус, - самоуверенно ответила Инна избитой фразой.

- Не рвись насолить всем. Критика должна быть продуктивной, а не убийственной. Всё когда-то встанет на свои места. Во все времена неистовые ревнителы-середнячки - застрельщики нападок - тупо бросались сладострастно громить таланты, а потом пересматривали свое отношение. Булгакова и Пастернака клеймили, в чем только не обвиняли, а теперь превозносят. Мол, «не нашлось ушей воспринять новаторство... Теперь их концепция соответствует современному пониманию». Покаянные письма пишут. У нас всегда так: сначала поносят, потом памятники ставят. Современники редко угадывают гениев, - напряглась Эмма.

- Это политика. Во всем мире так, - отметилась короткой фразой Аня.

- Не критика, а замалчивание - вот что самое страшное для любого человека. Невозможность выразить себя заставляет иногда усомниться в своих способностях, - внесла свое печальное и очень верное замечание Лена.

- Хороший редактор необходим любому, даже самому талантливому писателю, чтобы незамыленным взглядом заметить все огрехи и шероховатости. Но в существе дела я в основном полагаюсь на себя, на своего внутреннего цензора.

- Пушкин, кажется, сказал: «Ты сам себе свой высший суд», - подсказала Жанна.

- Помню, написала я пространный рассказ о том, как отчим приставал к падчерице. (Ах, как долго живут в сердце тяжелые детские впечатления, чтобы когда-то наконец-то выплеснуться на бумагу!) Честный, жесткий рассказ получился. Но что-то все время беспокоило, тревожило, раздражало меня в нем. Я чувствовала дискомфорт до тех пор, пока не вычеркнула его из своей рукописи. И только много позже поняла, что была права. Не надо детям про это... Мне хочется, чтобы дети, читая мои книги, смотрели на жизнь разумно и позитивно.

- Как бы там ни было, должна отметить: пишешь ты, Рита, весьма прилично. Рифмоплетство у тебя в крови. Долго не оставляла меня твоя книга. Честно скажу: начиная читать, я не была открыта для ее эмоционального восприятия, боялась неуютных, тягостных впечатлений, - созналась Инна. - ...Ты стихами избавляешься от

ной тоски?

Она пристально взглянула в глаза Рите.

- Только отчасти. Пишу и как бы отпускаю некоторые свои проблемы... Знаешь, я не осознавала себя состоявшейся личностью, пока не стала писать, - расслабившись от неожиданной похвалы, доверительно сказала Рита. - Теперь вот писательство считаю одной из главных страниц своей жизни. Я много лет так или иначе шла к этому... А на работе скрывала, что пишу, пока не стала членом Союза писателей. Предвидела недоуменные возгласы коллег: «Она еще и пишет?!» Я не считаю себя талантливой, но у меня свой почерк, своя манера письма... Я благодарю судьбу за то, что у меня есть дети, внуки, за то, что могу писать, и еще за то, что еще живу.

- ...Не поняла: твое писательство - это бегство от себя? - спросила Лиля.

- Нет, оно - путешествие внутрь себя. Писатель, как правило, интегрирован в свой собственный внутренний мир. Когда писала первую книгу прозы, я была одновременно ребенком и взрослым... Нет, в большей степени ребенком. Я думала и чувствовала, как

ребенок, мысленно росла вместе с ним.

- Возвращаешься если не в детский возраст, то в свою чистоту и, если хотите, в детскую мудрость, - по-своему объяснила этот феномен Алла.

- Изучаешь себя, собственные глубины? - искренне удивилась Жанна.

- Да. И узнаю много нового или давно забытого, - улыбнулась Рита.

- Ты годами вынашиваешь идеи, долго внутри себя ищешь и выстраиваешь сюжеты? Одолевают муки творческого бесплодия? Да?

- Нет, сюжеты возникают как вспышки. Их у меня за глаза хватает. И картинки к сюжетам являются неожиданно, будто из ничего, из неоткуда. Труднее всего найти точное выражение мыслей и чувств. Говорят, у композиторов всегда в голове звучит музыка, а у меня всегда бегут строчки, даже ночью, - объяснила Рита.

И Алла поделилась:

- Рядом со мной не случилось человека, сумевшего оценить мои первые опусы, но во мне в один день вдруг что-то произошло, и я сразу почувствовала, как надо писать, что я из себя должна вынести, оставаясь самой собой. Будто прорвало плотину копившихся страстей. У меня не было намерений становиться писателем, их родили обстоятельства. Сначала сомневалась, потом смотрю, прорисовывается что-то удобоваримое... С тех пор и открываю душу бумаге. Я пишу, потому что внутри меня не помещается лавина слов и мыслей, я переполнена ими, и кажется, если не писать, голова взорвется. Удивляюсь таинственной работе лаборатории мозга... Иногда мне кажется, что я уже обрела свою интонацию, но все равно сомневаюсь. Хотелось бы еще испытать удовольствие в оттачивании писательского мастерства. А то я в силу привычки часто подхожу к своим текстам как к научным статьям, в которых выверяю каждую фразу, просеивая слова сквозь густое сито размышлений и возражений, будто в них каждое слово - на вес золота. Боюсь, что за четкостью я теряю красочность и легкость изложения.

В своих литературных пробах я чувствую себя свободно, раскованно. Я будто пою, а не делаю очередной доклад на научной конференции. Моя душа словно наполняется весной. Вдохновение во мне может быть вызвано чьей-то случайно оброненной фразой, маленькой сценкой, подсмотренной на улице. Есть люди, которые будто подключают меня к дополнительному источнику питания. Да мало ли еще что происходит совершенно непредсказуемое. Я ловлю такие мгновения и, пока мысли еще свежи в памяти, не стерлись, не размылись, записываю их, осмысливаю, истолковываю. Если сразу не занесу их в компьютер, считай, они уже утеряны навсегда. Так ярко потом уже не удастся воспроизвести.

- Такие мгновения можно назвать озарением?

- Не знаю, - сказала Алла просто. - Сама удивляюсь: откуда что берется в голове? Из каких глубин подсознания являются неожиданные строчки? Я же никогда всерьез не интересовалась литературой и не задумывалась, что особый строй слов может трогать душу... Может, оттуда?.. - И вверх показала.

- Высшие силы водят твоей рукой? - засмеялась Инна.

Но никто ее смех не поддержал.

- Понимаю, не каждый, у кого есть ручка и желание писать - Лев Толстой, - пробурчала Инна.

- Можно подумать, здесь кто-то претендует на его лавры...

- ...Честно говоря, начиная писать первую книгу, я не представляла, во что она выльется. Собственно, сначала это был большой рассказ, и вдруг - случился роман. Писала, как диктовало мне сердце. Этот процесс необъясним. Одно за другое цеплялось... А теперь критики разбирают эту книгу по косточкам, изучают, обсуждают, цитируют. По радио вещают. Кто-то ищет в ней новую эстетику, кто-то открытия для психологов и педагогов, кто-то - черты современного реализма. Один пишет, что «внутренняя динамика при внешне спокойном повествовании не отпускает читателей».

Но это же не детектив, чтобы на каждой странице выискивать взрывоопасные моменты. «...Присутствует социальная составляющая». Можно подумать, я о ней только и думала. То ли хвалят, то ли ругают. А все очень просто – правда жизни подчас бывает куда страшнее вымысла, – сказала Рита. – Зря я обкрадывала себя, часами колдуя у плиты, устраивая ежедневные стирки, «вылизывание» квартиры в угоду привередливому мужу. Можно было относиться к быту много проще. А теперь я пишу, не таясь, с интересом читаю классиков, философов, буквально купаюсь в их мыслях. Я чувствую себя в эти часы счастливой, заполненной благодатью, которую всю жизнь жаждала моя душа. Своей бездумной всепоглощающей любовью к мужу я помещала себя в тюрьму быта, отрывая на него время и от своего ребенка, и от своего совершенствования.

– Личная жизнь не удалась, так захотелось снискать себе славу на ниве писательства? – проехала Инна. – А твой, Алла, главный герой никак мужчина? Он противоречивый, борющийся, ошибающийся, но побеждающий. Да? Фонтанирует отрицательная энергия, бушуют страсти, но он справляется с ними: душит, гасит, давит их. Ни под каким видом не позволяет себе расслабиться. Он боевой, азартный, не признает коленопреклонения, отвергает лесть... Где-то я его уже видела... Но чувство понимания гротеска останавливает тебя. Это же не противоречит твоей природе! И мы закроем глаза на излишнюю эмоциональность. Интуиция и чутье не подводят меня?.. Дашь почитать твою книгу? Я ее от корки до корки изучу.

Подруги от невозможности пресечь Иннины высказывания только вздохнули и отвернулись, чтобы не видеть ее шальных глаз. Сильно затянувшаяся пауза грозила перейти в неловкость.

– ...Вот так же жадно я мечтала об опере. Но музыкального театра в нашем городе не было, – вздохнула Жанна, разрядив обстановку своей наивной бытовой фразой.

– ...Когда я начала писать, физика и математика для меня перестали быть интересны. Я внезапно охладела к ним. Они будто уже не существовали для меня. И я поняла окончательно – писательство было моим предназначением, а все остальное, как говорится, – средство существования моей материальной оболочки. Власть слова – вот моя власть. Ни чины, ни посты мне не нужны. Для меня теперь счастье – удачно найденная мысль, нетривиальная строчка, нестандартно выражающая чувства. Я уже не мыслю моей жизни без того, чтобы ни писать, – восторженно говорила Рита, и глаза ее сияли. – А в молодые годы я один замысел бросала, за другой хваталась: заражалась, увлекалась, отвлекалась... Одну тему долой, на другую переключалась. Хотела объять необъятное. И доводы были убедительные: огромное испепеляющее желание написать что-то особенное. А теперь готова неделями искать единственно верную фразу. Часто такое случалось: иду, допустим, в магазин – какая проза! – только о чем-то подумаю – и полились строки. Но пока домой доберусь, редко что в голове оставалось. Теперь вот всегда с собой ношу карандаш и бумагу... Жаль, что за моей спиной не стоят литературные традиции. Я не имела возможности много читать, изучать теорию, допустим, в престижном литературном институте. Мне бы на годик в Переделкино. Окунуться в писательскую среду, поучиться, чтобы избавиться от саднящих чувств неуверенности и неудовлетворенности. Только что толку томиться по недостижимому. Да и время поджигает...

– Писатель не может не страдать, не переживать. Это его суть.

– А ты не исключаете того обстоятельства, что могла перегореть? – задала бесхитрый вопрос Инна.

– Только не в молодости, когда фонтанировала идеями, когда мысли и фразы захлестывали, а времени не было их записывать. Да и всерьез не относилась к этому занятию. Ничего из тех ранних стихов не сохранила... Это потом, много позже, когда увлечение перековалось, по сути дела, в профессию, сожалела. Я теперь боюсь одного – потерять вдохновение.

– И уже нет тем, достойных твоего пера? – ехидно вклинилась Инна.

– Напротив... И каждый раз, начиная новую книгу, я чувствую себя ученицей, пытающейся сдать экзамен. Будто я опять дебютирую. Понимаешь, есть внутренняя цена всему тому, что делаешь... – продолжала исповедоваться Рита, не обижаясь на Инну.

«И я, и я, и я того же мнения», – пропела Инна.

– Отличное хобби, прекрасная отдушина! Да еще какого диапазона и общественной значимости! – восторженно-мечтательно сказала Лиля. – Это уже не любимое занятие в свободное время, а призвание. Мне кажется, что самое страшное для человека – не реализовать свои способности. Правильно говорят, что привычка – вторая натура, а хобби – вторая жизнь.

– ...Название твоего недописанного романа многообещающее, – заметила Алла.

– Более чем обещающее. Не слишком претенциозное? – смущенно улыбнулась Рита. – Заголовок очень важен.

– И первая страница. Даже первая фраза. Название с чем-то перекликается?

– Оно условное.

– Дань моде?

– Необходимость. Ты же понимаешь.

– Еще бы!

– Чтобы привлечь внимание читателей, – подала голос Жанна.

– Возможно, это будет не роман, а нечто другое. Я еще не определилась с формой подачи материала. Роман – это вершина в прозаических типах произведений. Может, я еще не дотягиваю...

– Твоя новая книга об утраченных иллюзиях? – теперь уже осторожно спросила Инна.

– Она о вечном.

– С вечностью охота поиграть? Помнишь, знаменитая актриса...как ее... Раневская сказала: «Плевать в вечность – неперспективное занятие».

– А я и не плюю.

– Уточни.

– Это грустная книга о счастье.

– Странная фраза. Звучит как «смешно о страшно серьезном» или даже как «развлекательная книга о смерти»... Ох! Ты повергаешь меня в трепет...

– Резонансное заявление. Очень хотелось бы поверить, что это так, – в тон ей ответила Рита.

– Ты всегда была одержима глобальными проблемами. В мелкотемье тебя не упрекнешь. Поэтому быстро набираешь очки?

– В известном смысле «да». Всегда существовали темы, сохраняющиеся на века, и те, что исчезали, стоило только их авторам уйти в мир иной.

– Главной темой любого писателя является человек, даже когда он вроде бы просто описывает природу.

– Каждый берет свою ноту и поет свою песню.

– А у тебя как с новой книгой?

– Есть лишь фрагментарные заметки и наброски. Весь текст как бы составлен из отдельных кусков, которые перемещаются, переливаются, расплываются. Идет непрерывный, хаотичный процесс их сцепления и распада, пока еще ни к чему не приводящий.

- В наше предельно коммерциализованное время удастся издаваться? - понизив голос, тактично поинтересовалась Жанна.

- Неужели бьешь все рекорды по количеству продаж? - с кошачьей улыбкой спросила Инна.

- Издаюсь малыми тиражами. Две-две с половиной тысячи экземпляров. Свой труд я отдаю детям бесплатно. Продавая книги, я пытаюсь окупить затраты на их издание.

- Чтобы книга состоялась, что для тебя в этом процессе самое сложное?

- Найти деньги на издание.

- А в журналах не пробовала печататься?

- Пробовала. Но, как правило, главы произведений звучат сильнее в контексте с другими. Ты же понимаешь, что никто не станет печатать в журнале отдельные рассказы из книги Носова «Витя Малеев в школе и дома». Они имеют ценность только в связи с общей канвой произведения. А блоки с продолжениями в газетах и журналах сейчас «не модны».

- У моего знакомого уж десять лет лежит рукопись готового романа. Он переживает, что его книга не сыграет ту роль, которую могла бы сыграть в воспитании молодежи.

- Так пусть в Интернет ее отправит. Теперь это без проблем.

- Чтобы в Интернете этот роман искали и читали, ему тоже нужна реклама, а не вероятность того, что кто-то на него случайно наткнется.

- ...Не секрет, что целый ряд столичных издательств не желает получать бандероли с рукописями, присланными из провинции, - заметила Жанна.

- И это при том, что по «Культуре» не раз говорили о дефиците книг для детей и юношества?

- Вот и разумеешь...

- Им бы самим выжить.

- Поэтам в этом плане много проще.

- Как сказать...

- У них объем написанного меньше, значит, дешевле...

- Мать честная, до книг ли теперь!

- До книг.

- ...Алла, у тебя изящная и волнующая поэзия. Будто с Богом говоришь. Кажется, что каждая фраза выверена, отшлифована до предела. Счастливая судьба звучит в твоих строках, - перебила Жанну Инна. - Естественно. Какова жизнь, такие мысли... Я думаю, настоящая поэзия - это когда в одном стихе вся «Война и мир». Ведь поэзия это кульминация и концентрация языка, - солидно констатировала она, с удовольствием преподнося подругам свою эрудицию.

- Вот так, и ни больше и ни меньше? Ну и запросы, ну и требования! - усмехнулась Лера, сама для себя пишущая стихи.

- ...Алла, наверное, очень сложно писать о современности, о том, что все знают. Трудно заинтересовать читателя жизнью простого человека. Проще копаться в архивах ушедших из жизни знаменитых людей, фантазировать, домысливать, как многие писатели прошлого, - предположила Лиля.

- Кому что, - не согласилась Рита. - Одним политика, интриги, приключения, другим

что-то более приземленное: пытаться проникнуть вглубь простых вещей и событий.

- Говорят, настоящий творец обязан ставить перед собой лишь великие задачи и что нет великих писателей без великих образов, а ты стараешься в простом человеке увидеть героя.

- Я пытаюсь поднять женщину чуть выше, чем она сейчас на самом деле стоит в нашем обществе.

- Желаете облечь женщину высоким достоинством? Поешь ей хвалу?

- Хвалу? Слишком громко сказано. Стремлюсь привлечь внимание читателей на гармонию человеческих отношений семье.

- Хочешь взорвать общественное мнение? Давно пора, - одобительно заметила Лиля.

- Эта тема сейчас в моде?

- Она всегда в моде.

- А я думала, ты о мужчинах пишешь. «Чураюсь гением протоптанной тропы», надеешься своим творчеством открыть новый уровень правды? Сейчас, чтобы тебя услышали, надо либо новое слово в литературе сказать, либо старое по-новому изобразить. С такой-то темой не попасть тебе в когорту знаменитых авторов, - хмыкнула Инна. И пропела: - Но... «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется».

- Я до сих пор не чувствую себя поэтом. Это слишком высокое звание. Но у каждого автора свой взгляд на успех. Кто рвется на Запад, кому нужны тиражи, кому важен круг друзей. Мои стихи не нуждаются в защите. Мне ни к чему щит оригинальности формы, темы и воплощения... А в детстве я мечтала своими книжками войти в каждый детский дом. Мечтала попасть в школьный учебник литературы хотя бы одним стихотворением или рассказом... хотя бы упоминанием. Надеялась быть читателям интересной... А вот в прозе...

- Какое в столь юные годы творческое высокомерие! Желала завладеть вниманием миллионов, чтобы твое имя было у всех на слуху? Хотела заработать прижизненную славу? - перебила Риту Инна.

- В моих мечтах не было гонора. Я хотела быть полезной детдомовским детям.

- Впрочем, любой писатель и поэт мечтает создать притчу на все времена, и втайне выискует всеобщего признания, полагая, что заслуживает его.

В словах Инны явно звучала ирония.

- Велико твое заблуждение. Я ничего выдающегося не сделала, но свой достойный вклад в литературу и в воспитание подрастающего поколения внесла, - сухо ответила Рита.

- Чудное обаяние скромности! Оно кого хочешь на лопатки положит. Ему невозможно не поддаться, - с улыбкой заговорила Галя. - Не прибедняйся, Рита. И премии есть, и в энциклопедии ты попала. Я по радио слышала. Василий Белов - наш прижизненный классик, человек правильной и щедрой души, оказался провидцем, когда написал, что ждут тебя признание и награды.

- Я как раз хотела сказать о том, что мне редкостно повезло, что безмерно благодарна Василию Ивановичу Белову за его поддержку. Дай Бог ему здоровья и вдохновения.

- Твои слова да Господу в уши, - сказала Лена.

- А в переиздание энциклопедии могут и не включить, - легонько уколола Инна.

- Ну и что с того? Плакать не стану.

- А как же неизжитые комплексы детдомовского воспитания? - улыбнулась Лиля.

- ...Ха! И до сих пор не получила ордена за скромность?.. Существует устойчивое мнение, что премии как рупор, ими дорожку наверх прокладывают. Значит, и рецензиями

известных на всю страну писателей «обклеилась»? Небось, первым делом этим озаботилась? – спросила Инна не без насмешки. – ...И чего жилы рвать? Два-три поколения... а потом все равно ведь забвение...

Рита только плечами передернула.

– Хоть строчкой, но останется...

«Когда всерьез чем-то гордятся в себе, то делают это втайне. И причин тому много», – подумала Лена.

– Случается, человек не издал ни одной книжки, а о нем говорят как об известном писателе. Кажется, Поляков не то писал об этом в своем романе, не то говорил с телеэкрана. И ведь кто-то и зачем-то делает им имидж? – недоуменно спросила Жанна.

– Слышала звон, да не знаешь, где он? А ты, Алла, тоже мечтаешь о славе? – с самой серьезной миной поинтересовалась Инна.

– Мое тщеславие и самолюбие быстро пресытились. Уже с первой книжкой. Я считала ее, может быть, небольшой, но победой. Тогда я на самом деле испытала максимальное наслаждение, а потом все только нанизывалось. К тому же радость несколько омрачается трудностями с изданием.

– Запомните, девчонки, ваши книги – высший пилотаж! Продолжайте культивировать свою индивидуальность. Живите, как ведет судьба. Пишите. Радуйте нас. Ничего в жизни для каждого из нас не повторится. Ничего не будет потом. Всё есть и будет только сейчас.

– Перевес сил явно в вашу пользу. Смотрите не лопните от гордости, – рассмеялась Инна.

Не упустила возможности позубоскалить.

– Да ладно тебе... проехали, – смущенно махнула рукой Рита. – ...Кто как может встраивается в новое время. Сейчас главенствует рыночная идеология: идти на поводу у читателя. Одни писатели – беллетристы – получают огромные гонорары, а другие – у которых смехотворные тиражи – премии. Нам важен общественный резонанс для привлечения читателей в библиотеки. Премии не добавляют ни имиджа, ни денег на издание и не делают круг читателей шире. С читателями надо работать, чем я и занимаюсь. Если еще хоть одно поколение детей успею охватить, буду счастлива. Я из библиотек не вылезая. Дружу с заведующими и сотрудниками. Святые женщины! За мизерную зарплату душу отдают детям. Какую многогранную работу проводят по приучению детей к книге! Какие им праздники души и ума устраивают!

Лариса, та, которая беленькая, та, что из Липецка, тоже плотно общается с детворой в школах и библиотеках. Она писала мне, что ее «открыла» и приобщила к «юной аудитории» Галина Семеновна Гурьева, заведующая центральной детской городской библиотекой, а к взрослой – Виктория Викторовна Якимович, директор всей библиотечной системы города. С удовольствием она вспоминает и Марию Александровну Буслаеву, которой обязана общением с детьми области. Все вместе они уже много лет дружат «на ниве воспитания молодого поколения». У Ларисы с ними много точек соприкосновения. Все оказывают ей всяческую помощь. Я о такой только мечтаю.

– ...Ты считаешь, что все тобой уже написанные книги имеют законченную отточенность?

– Нет, конечно. Мне надо еще очень много работать в этом направлении, чтобы осмыслить хрупкую, тонкую материю писательского мастерства. Мне бы, как Паустовскому, попутешествовать по России, познакомиться с современными признанными творческими людьми, пообщаться, поучаствовать в диспутах. Я бы возвращалась домой с богатым запасом наблюдений, новых знаний, и это благотворно сказывалось бы на моих произведениях. Может быть, я стала бы писать глубже, изощренней или тоньше, многозначительней, научилась бы передавать между строк то, что моими героями недосказано. И во мне поубавилось бы неуверенности. Но женщина не может позволить себе оставить семью. Вот и варишься в собственном соку.

- И неплохо варишься, - одобрительно сказала Лера. - Я когда читаю твои книги для детей, так словно смотрю своим внутренним зрением кинофильмы или вроде как сама участвую во всех событиях, погружаясь в мир твоих персонажей. Описания природы замечательны. Если у тебя в рассказе льет летний дождь, я дрожу от восторга, если дует осенний ветер, я зябко ёжусь, мурашки бегут по коже.

- С нетерпением жду твою следующую книгу, - сказала Лиля. Буду держать за тебя кулаки, чтобы тебе сопутствовала удача.

Рита не могла скрыть, насколько приятна была ей эта поддержка.

- Один знакомый поэт из Воронежа так подписал мне свою книжку: «Из физиков в лирики, наоборот - никогда!» А что, органичное сочетание: физик - поэт - писатель! Мне, что ли, тоже во спасение своей души тиснуть какую-нибудь книжонку? Может, засесть за мемуары? - рассмеялась Инна.

- Боюсь, дело может обернуться мировым политическим скандалом. Ни для кого не секрет, что для тебя узки рамки своей страны, - злопамятно пошутила Жанна и многозначительно подмигнула Рите.

- Кому нужна черная меланхолия раздавленного жизнью бедолаги? Всем требуются неслыханные глобальные потрясения, чудовищные, сокрушительные несчастья или яркая любовь, - криво усмехнулась Инна. - Рита, твоя известность еще не перешагнула границ нашей Родины?

- Ну и шуточки у тебя...

- Раскрутка - удел немногих писателей. Там критерий один: из чьей ты песочницы. Мне об этом недвусмысленно намекнули, когда я попыталась помочь одной слишком стеснительной подруге. И еще бабки нужны, - дополнила Инна. - Проза жизни... Значит, не раздаешь интервью пачками?

- Только в пределах своей области. Еще я отсылаю свои книги друзьям, осевшим в разных городах и странах. Сейчас даже успешные, признанные писатели обречены выживать: ездят по стране, рекламируют свои книги. А у меня для этого нет ни денег, ни здоровья. Это обратная сторона жизни писателей - зазеркалье. Я сунулась было в фонд одного известного писателя, мол, буду вам весьма обязана... хотя бы советом помогите. А секретарь сказала: «Не вижу причины, по которой ваши с ним дороги могут пересечься... Надеюсь, вы не настолько наивны - хоть и детский писатель, чтобы не понимать, что это кормушка...» Ну и так далее. Стыдно, неловко, обидно было, будто милостыню выпрашивала... Хочется надеяться, что в обозримом будущем мне еще повезет... хотя...

- Понятное дело, боишься забвения и мечтаешь остаться в веках. Или ты считаешь, что уже оставила свой скромный, но яркий след? Пусть родственники после кончины поместят тебя и твои произведения в нескораемый саркофаг, а через тысячу лет, глядишь, кто-нибудь и наткнется на это захоронение. В историю войдешь.

- Учту твой совет, - спокойноотреагировала Рита на шутивно-ироничные слова Инны.

- ...Может, еще отыщется миллиардер, по типу дореволюционных меценатов Мамонтова и Саввы Морозова, который мог бы принять на себя финансовые обязательства по изданию твоих книг для подростков. Это было бы здорово! - оптимистично предположила Жанна.

- Держи карман шире. Как бы это сказать мягче... К миллиардеру тоже надо как-то суметь протоптать дорожку. Ушлой надо быть, опять-таки, связи иметь. Я пыталась... Не так все просто в нашем мире. Богатые тоже ищут, чтобы с выгодой... Своими книгами я себе, а не ему имидж делаю. И в Думу обращалась, и к деловым женщинам. Кто отписки присылал, кто вообще не заинтересовался вопросом воспитания юного поколения. Литературная деятельность, за редким исключением, во все века в основном была подвижничеством.

- Моей знакомой поэтессе муж помогает издаваться, а потом они вместе пытаются продавать ее книги, чтобы окупить затраты на издание, - сказала Мила.

- А моя знакомая жаловалась мне, - вспомнила Аня, - что у нее никогда не было возможности спокойно заниматься любимым делом. «Пишу на бегу, урывками, с постоянным вторжением в бессознательно-иллюзорный мир домашних забот и проблем. Не может быть и речи о творческой обстановке, чтобы беспрепятственно окунуться в свои грезы, ощущения, ловить моменты вдохновения. Только захожу в состояние транса, воображение плывет в царство подсознания, начинают возникать первые строчки, а тут... злые взгляды, издевки, насмешки благоверного. Какое уж там вдохновение или озарение?.. Вспоминать не хочется».

Наступила долгая грустная пауза, которую следовало срочно заполнить, и Жанна уже не в первый раз за встречу блестяще справилась с ситуацией, непринужденно задав Рите незамысловатый вопрос:

- А ты помнишь, когда и где тебя в первый раз напечатали?

- Еще бы! Это было в восемьдесят седьмом, на День Победы, в местной газете. Мне хотелось сообщить об этом всем друзьям и знакомым, но я стеснялась распиравшей меня радости и молча шутила над собой: «Сбылась мечта идиота». А теперь вот чуть ли не каждый год новая книга...

- На ближайшие десять лет вперед запланировала великие свершения? Ведь ты же хозяйка своего положения, - спросила Инна.

Рите не хотелось язвить. Она усмехнулась в ответ:

- Ну не то чтобы на десять...

Потом тихо вздохнула и указала пальцем в потолок.

- Понятно. «Если хочешь рассмешить Бога, расскажи всем о своих замыслах». Кажется, так звучит предостережение.

- ...Жизнерадостные произведения редки. В основном литература паразитирует на людских несчастьях, - проявила осведомленность в классике Инна.

- Спорная мысль, - не согласилась Лиля.

- ...Почему сейчас преобладает спрос на фантастику? - спросила Жанна.

- Осознание абсурда жизни, утрата жизненных смыслов, усталость, исчезновение надежд. Безучастность, безразличие, отстраненность. Читатели ищут адреналин вне себя, а души не работают. Чем больше неудовлетворенность жизнью, тем больше стремление скрыться от действительности в скорлупу, - предположила Рита.

- Мифологема абсурда?

- Лучше уходить в фантастику, чем в депрессию.

- Фантастика для некоторых лишь сладкая оболочка вокруг горькой таблетки.

- По целому ряду причин меня раздражает стойкий стереотип в некоторых интеллигентских кругах по отношению к бестселлерам как к слабой литературе, мол, они - «позолоченные гробницы посредственного дарования». Литература должна быть разнообразной. Сравнение тоже обогащает. Вольтер говорил, что «все жанры хороши, кроме скучного». - Это Рита сказала.

- Ты не хочешь перескочить на фантастику, пока она в моде? Или будешь чувствовать себя Пегасом, вынужденным тащить чужую телегу? - с невинным видом спросила Инна.

- ...Может, провокационными романами выводить людей из спячки? - предположила Эмма.

- Кабы знать...

- Я предпочитаю странных, парадоксальных авторов, что-то типа магических реалистов. Мо Янь меня привлек. Пишет необычно, эпатажно, дерзко. Иногда его читать неприятно, но все равно интересно. Его романы многожанровые, многослойные,

стилистически изощренные. Я живо представляю его героев, с удовольствием распытаю всевозможные сюжетные коллизии, – сообщила Инна.

– Я познакомилась с книгой этого автора, когда была в командировке в Москве. Жаль, что не в полной мере. И, тем не менее, я более чем сдержанно отношусь к его творчеству, но не из-за своего невежества. Я не заинтригована сюжетом. Он разительно отличается от того, что я приемлю. Но это только впечатление... Собственно, мой интерес к этому произведению сводился к знакомству с качеством языка и к положительной способности автора впитывать в себя великую древнюю культуру своего народа. Не хочу по одной книге создавать и выражать свое мнение, – заметила Лера.

– ...У некоторых современных авторов одаренность борется с расчетливостью, и не всегда в пользу первой, – затронула Инна «скользкую» тему.

– Надо стараться жить, не марая ни себя, ни других. Я нашла свою нишу и уже тем счастлива, – спокойно отреагировала Рита.

– И все же легче писать, когда тебе не указывают, что и как делать? А еще лучше, когда помогают, – сказала Инна. – Ты обращалась в Москву, чтобы сделали критические замечания?

– Пробовала. Сейчас сложное время, им там не до нас.

– Я слышала, что при Союзе с авторами подробно занимались. Могли одну и ту же рукопись многократно возвращать на доработку, каждый раз снабжая ее подробными комментариями, испещряя поля многочисленными заметками. «Поражал уровень размышлений редакторов над чужим текстом... Они взрывали сознание. Я попадал в лес ассоциаций!.. Пропадало недоумение перед текстом, – восхищался один мой знакомый, тыча мне в лицо отредактированной рукописью восьмидесятых годов. – Нас учили писать. Мне случалось «прогонять» свою повесть по нескольким редакторам. Многослойным контролем удалялись огрехи. Получались произведения, несопоставимые по качеству с современными. А теперь и за деньги не хотят работать с авторами. Может, это не те деньги... Безразличие – вот чума нынешнего времени», – сообщила Лера.

– Раньше статья во влиятельном журнале могла возвысить или погубить начинающего писателя, – выложила свои скромные познания малознакомого ей мира творческих людей Жанна.

Инна опять вторглась в пространство беседы Аллы с Ритой:

– Не побоялась, что тебя в Москве станут оценивать по тем же самым критериям, что и больших писателей?

– Того и добивалась. Мне не надо, чтобы по головке гладили и на приколе держали. Во мне присутствовало неизбежное ощущение недостатков. Я не впадала в эйфорию по поводу своей писанины и хотела получить необходимую порцию критики, услышать мнение профессионала (пусть даже горькую правду без прикрас), которому доверяю, чтобы помог расти, чтобы потом, как после очистительной рождественской купели, почувствовать себя воспрянувшей, обновленной. В моем возрасте уже стыдно писать плохо. Но никто не приложил руку к моим стихам. Не могу себе приписать, что была ученицей знаменитого поэта.

– Некому помочь сегодняшним Чеховым и Блокам, если ты не принадлежишь к избранным... к узкому кругу, – сказала Инна.

– Пройдет лет десять-пятнадцать, и все изменится, – ободрила Риту Жанна.

– По сути?.. – удивилась Лера. И ее губы покривила усмешка.

– А мне повезло. Я не обращалась, как ты, с официальной просьбой, а послала свою первую книгу по адресам нескольких любимых мной писателей и получила от них и отзывы, и советы, – сказала Алла.

– Я слышала, что писатель помогает другому писателю, пока он заведомо слабее его. А иногда и похуже случается... – «закинула удочку» Инна.

От прямого обсуждения и осуждения кого бы-то ни было Рита уклонилась и заметила, что не стоит свои трудности навешивать на других и в других же искать причины своих неудач.

- Всякое бывает. Уроdlивое и недостойное труднее поддается переработке сознанием, чем глупое. В этом смысле поэт, как и любой человек, абсолютно беззащитен. Оговор – документ, не имеющий законной силы, но хитро сработанный и грамотно сформулированный, к сожалению, стреляет без осечки... Закулисье иногда бывает неприглядно... Оно встречается в любых областях нашей жизни... – пустилась в рассуждения Лиля.

- Одних возвеличивают, других сминают, унижают... Всё, как везде... – усмехнулась Инна.

- Не обобщай, – остановила ее Алла.

- «Посредственности всегда ведут страшную борьбу с теми, кто их превосходит», – подтвердила Лиля слова Инны фразой знаменитого Бальзака.

- Здесь может быть совсем другое... иная подоплека. Не стоит приписывать людям им не свойственное.

- Я думаю, теперь деньги всему виной... качество произведений не в счет... Поди узнай, кто греет на этом руки, – высказалась Инна.

- Девчонки, хватит наезжать на незнакомых нам людей и бросаться надуманными фразами! Не повторяйте сплетен. Все это пыль, суета сует. Не это главное. Опустим пустые рассуждения на эту тему, – остановила подруг Рита.

В голосе ее чувствовалось раздражение.

- Человек и автор могут не совпадать. Что далеко ходить за примерами? Есть у меня знакомый писатель. И вот ведь какая несуразица: пишет такие прелестные душещипательные рассказы, а в жизни жесткий, эгоистичный, циничный! Такая вот двойственность. Родился поэтом, но жизнь отредактировала его, оставив часть души чистой, нетронутой. Скажешь, такое невозможно? – поделилась недоумением Жанна.

- Боже мой! Некоторые люди с такой легкостью делают пакости, если это им несет хоть какую-то выгоду. Был у меня милый, обаятельный знакомый. Мы много раз, попадая в одну компанию, беседовали с ним об искусстве, я всегда восхищалась его эрудицией. И вдруг узнаю: одного из своих заводских коллег утопил ложью, другого. Я в ужасе... Какая двуличность! Так и норовит поймать в свои сети неосторожную легковерную душу, внушая ей мысль о своей порядочности и благожелательности. Тонко, изощренно действует. Для него это просто и естественно? Может, даже нравится? Получается, что место под солнцем выигрывает тот, кто хитрее, а не тот, кто умнее. Иногда вот так задумаешься – жить не хочется... Какой я была счастливой в студенческие годы! – простонала Аня. – Еще у меня была коллега. Расположит к себе, наобещает кучу всего и ничего не сделает. И ведет себя, будто не понимает, что обидела человека. А сама радуется, видя ее волнение и разочарование.

- Аня, ты опять в миноре. Смени, пожалуйста, настрой, – мягко попросила Лиля. – Я сейчас почему-то представила, как ты радуешься, когда, ожидая от человека подвоха, вдруг получаешь помощь или, в крайнем случае, доброе слово. В каком-то смысле ты счастливее оптимистов.

Лиля улыбнулась, в надежде, что чуть приободрила подругу.

- Это, как если бы кто-то занес над Аней пудовый кулак, а потом вдруг раскрыл ладонь перед ее носом и отдал давно утерянную ею золотую брошь, – хмыкнула Инна.

- Обычно по жизни успешнее тот из талантливых, кто имеет поддержку, – уточнила Лера в продолжение начатой темы.

- Хорошо, если талантливый... – буркнула Инна.

- Мозги даются, чтобы предвидеть, просчитывать варианты и не попадать в ловушки, –

усмехнулась Лера.

- Я хочу свой ум использовать на пользу детям, а не на распутывание хитрых ребусов непорядочных людей, - возмутилась Аня.

- Одно другому не мешает. Что это ты на старости лет стала азам жизненных перипетий обучаться? Хочешь просвещать своих подопечных?

Аня утвердительно кивнула.

- ...Рассуждения о бессмысленности премий стали общим местом. Одних авторов обвиняют в ангажированности, других - в политизированности.

- Ха! Немыслимый позор на все времена!.. Экая невидаль! Думаете, капитализм привнес в наше общество эти ухватки и приемы Запада? И раньше подобных «танталов» всегда хватало, - фыркнула Инна.

- В каждом, даже элитном, саду есть сорняки.

- Иногда их бывает слишком много.

Лена задумалась о чем-то своем.

- ...Неизменное мое пристрастие по жизни - Некрасов, - сказала Рита. - По характеру он был очень даже сложным, говорят даже порой отвратительным, а поэт прекрасный. Человек - существо многоплановое. Но мне интересна только одна его грань - поэтический талант. Язык хорошего писателя или поэта - наслаждение. Ум восторгает, если он не злой...

- Поэты острее чувствуют ситуацию или слово? - поинтересовалась Аня.

- Как сказать... чувства первичны, а у кого они на что в большей степени направлены... это индивидуально.

- Поэтам, писателям и артистам хорошо, у них всегда есть выход страданиям. Для меня вот чувства важнее. Можно не понимать чего-то, но почувствовать.

- ...Вот Горький, познавший гнилой яд власти, хоть и был человеком великих утопий, а в юности зажигал меня. Я некоторое время была под мощным облучением его харизмы.

- О, это обаяние прекрасной лжи! - рассмеялась Инна. - Ну, никак не можем мы избежать сопоставлений! Так и тянет нас помериться с великими.

- Не видела я людей, с таким восторгом описываемых Горьким. Если вор, так он обязательно гад, если бандит, так уж точно прожженная сволочь, - заметила Аня.

- Мне Лермонтов ближе всех. Надеюсь, тут тебе нечего мне возразить.

- Это уж точно.

- У Достоевского, Толстого и у современных авторов зло человеческое разное, - захотела поделиться своим мнением Жанна, всерьез заинтересованная беседой.

- Так и время было разное. К тому же одно и то же произведение не одинаково воспринимается читателями разных эпох, - ответила ей Лиля.

- Она не в том смысле... - заметила Рита.

- ...У героев западных классиков простые радости: дом, семья, дети, а героям Достоевского, кем бы они ни были, обязательно «надобно мысль разрешить». Эдакая погруженность в свои и чужеродные философские идеи. И душеспасительных речей ему недостаточно. Надо крушить...

- ...Говорят, произведение - подлинный шедевр, если его ценят единицы. Правда? - спросила Аня.

- Ты имеешь в виду, что понимают только специалисты?
- Я, например, Хармса не понимаю и его стихи не отношу к шедеврам. У меня с Киной даже спор на эту тему вышел. А совершенный язык Пушкина люблю. И что из того?
- Речь не об этом...
- Хармс? Он особенный, нетривиальный, тем и интересен. Ты просто не вникла. Его с кондачка не осилить.
- А как тебе Тургенев?
- Ничего... «Почему бы не любить свой народ, сидя во Франции».
- А еще лучше в Америке или в богатой Дании, - сказала Инна, не вникнув в суть разговора.
- ...Набоков? Мощное эстетическое потрясение. Он не рвет на груди рубаху, а холодностью и высокомерием закрывается от всех. Его отстраненность мне импонирует.
- Я бы то же самое сказала о Бунине.
- Сноб он. В этом его ущербность. И глазомер его хищный...
- Но это с твоей точки зрения... У Бунина потрясающее слово!
- ...Я не о характере, о качестве творчества писателя.
- Часто произведения выше автора. Все подробности личной жизни забудутся, а прекрасные книги останутся.
- Мне Пастернак ближе. Помнишь его «шафрановое утро», «имбирно-красный лес»? Перед глазами стоят...
- ...Платонов? Я его «Котлован» читала после операции, и мне казалось, что теперь уже не болезнь, а он меня убивает.
- Недавно читала антифашистский, антитоталитарный роман Гроссмана о внутренней свободе человека. (Мне его по знакомству достали.) Чтение этой книги требует огромных нервных усилий. Тяжелое, надрывное произведение. В нем ярко прозвучала заслуживающая внимание мысль: «Цель Отечественной войны - свобода - превратилась для нашего народа в средство достижения победы», - задумчиво сказала Эмма, не надеясь на отклик.
- «Эрудицией блистает», - покривила рот Инна.
- Я согласна с утверждением, что абсолютная смелость начинается в отсутствие размышлений о последствиях своего поступка. И все же истинным героизмом можно назвать только осмысленную, целенаправленную смелость человека, защищающего кого-то или что-то.
- Преодоление страха и есть мужество.
- ...Я Юрия Казакова люблю. За душу берет тонко, нежно, сочно.
- Он реверансы в сторону власти не делал? - подозрительно спросила Инна.
- О природе писал, - дернулась Лиля.
- А если разобрать его со строгой полицейской логикой, то и у него, наверное, что-то такое... найдется?
- Да ну тебя.
- ...А как тебе Веллер?
- Уменький-преуменький и преехидненький! Нравится.

- ...Дашкова? Очень даже ничего пишет! Весьма, весьма интересно сюжет закручивает. В этом обаяние ее книг. И язык очень даже приличный. Донцова, мне кажется, несколько жиже будет. Может, конечно, я ошибаюсь. Вкусы у всех разные.

- Зато она полновластно царит на полках книжных магазинов.

- Ну и молодчина! Уметь надо.

Лера и Алла о другом беседуют.

- ...Пруста большинству современных школьников не осилить. Пока они проберутся через дебри его длиннющих философствований, от них уйдет суть того, что хотел сказать автор. Сейчас требуется писать коротко и четко.

- В стиле «записки на манжетах»?

- Им теперь подавай роман из эсэмэсок!

- Мы - люди другой начитанности. Мы умели наслаждаться чтением. Это было магическое чувство...

- Роман из эсэмэсок? Не так уж это и смешно. Возникла особая языковая реальность, новая форма письма, новая литература, потому что у современного человека нет времени для книг. И общество не способно помочь удержать нишу для чтения.

- Эсемэски - литература? Мама мия!

- Чтение глубокое и развернутое, когда через книги мы открывали мир, ушло, разрушилось. Интернет дает поверхностные знания. А человек должен не только знать, но и понимать. Он должен думать, размышлять. И этому нас тоже учили книги. Они развивали наши души, воспитывали из нас людей. А сейчас читают только школьники, да и то слишком мало. И еще старики. Интенсивность коммуникации возрастает, а молодежь глупеет, становится бесчувственными роботами, - привычно невозмутимо серьезно провозглашает Аня.

- Не расчухаю, что ты там бормочешь. Заклинания царя Соломона? - недовольно осаживает ее Инна.

- Нарастание информации приводит к тому, что мы не успеваем ее осмыслить и уже не можем управлять ею. Мы постоянно опаздываем и не понимаем, как жить в этом скоростном мире. Появляется чувство бессилия. Эволюция не всегда положительна?.. - Это Лиля сомневается.

- Молодежь сумеет.

- При условии, что мы будем не только зарабатывать деньги, но и заниматься воспитанием детей посредством литературы.

- ...Некоторые ученые видят развитие современного мира как коммуникационное развитие, как абсолютное языковое множество, как текст. И литература сейчас понятие более широкое, чем сто лет назад... - говорит Алла.

- Слишком заумно.

Лена снова прислушалась к разговору Риты с Аней.

- ...Как-то читала повесть Виктории Токаревой и недоумевала: отчего там нет длинных размышлений, философствований, лирических отступлений? И вдруг дошло - это же готовый сценарий для фильма. Четко, коротко, ничего лишнего. Вот оно, оказывается, где собака зарыта! - улыбнулась Рита.

- И я как-то книгу в руки взяла. Читаю и не понимаю - Токарева или Маканин? Угадываются общие интонации, напрашиваются параллели... Нет, думаю, все-таки это женщина писала, - сказала Инна.

- Нет, нет и нет! Фантазия чистой воды. Не станет она кому бы то ни было подражать. Она самодостаточна. У нее свой почерк. Это твоё болезненное воображение, - возмутилась Аня.

- ...Жан Жирандо? Я не разделяю его мнения, что можно находить достаточную глубину на поверхности жизни. Это заблуждение. Копать надо.

- ...Нравится сухая, чувственная, безысходная проза Бунина? Как же, литературный аристократ!

- Блистательный прозаик. Как всегда, точен. У него прекрасное чувство стиля и языка.

- Непримируемый оппонент советской власти изображал русское сознание, отраженное в швейцарском зеркале.

«И тут без Инниного участия не обошлось. Тоже мне эксперт высочайшей пробы», - мысленно фыркнула Лера.

- Вот кем угодно меня считайте, но я при всей мощи его писательского гения не могу к нему благоговеть, зная о барских замашках в отношении девушек и девочек из прислуги... Так и стоят перед глазами дикие случаи, им же описанные без всякого раскаяния... Обыкновенная вседозволенность барчука. Он считал, что можно испытывать высокие чувства только к женщине благородного происхождения. Девушка из народа для него - безгласное животное, мусор. Ее походя можно использовать, унижить и выбросить на свалку.

- Не помню, разве он там пишет от первого лица? Надо будет перечитать.

- Герой Толстого в «Воскресенье» ничем не помог Катюше, но хотя бы испытывал угрызения совести. Что-то человеческое в нем просыпалось.

- Упрощенно, односторонне ты как-то оцениваешь великих людей... Человек многогранен, противоречив.

- Ну, ты голова!

- Не отягощай своей совести размышлениями.

- Гляди, перейдут врукопашную...

- У каждого свой Бунин.

- Я молочу чепуху? Вы скажете: время, воспитание. А я напому о чуткости, порядочности, интеллигентности... Да и любовь у Бунина какая-то высокомерная, спесивая, эгоистичная, больше религиозная, чем душевная. А о нежности я вообще не говорю... Не обо всем можно писать. Человек внушаем, а значит, зависим от слов и мыслей великих... Скажешь, я педагог, педант, до мозга костей? Я в твоих глазах стала посмешищем?

- Не слишком ли ты пристрастна?

- О личных чувствах писателя лучше судить по дневникам и письмам. В них высказывания, которые проливают больше света на масштаб таланта автора, чем бесчисленные статьи критиков.

Лене к месту вспомнилось замечание Бунина: «Настоящая любовь никогда не заканчивается браком». Как он понимал в данном случае слово «настоящая»?

- Собственно, я не осмелюсь рассуждать на эту тему. И все же живая, яркая проза Алексея Толстого, несравнимо менее изощренная, не заумная, как утверждают некоторые критики, но увлекательная и жизнеутверждающая, мне ближе. Меня поражает сила его писательского воображения, - мягко закончила свой сердитый монолог Аня и спросила Аллу:

- Почему Мастер Булгакова имеет право только на покой? Помнишь, в конце книги?..

- Света заслуживает только тот, кто жертвует собой ради кого-то. А он вольно или

невольно ломал чьи-то судьбы.

- И в романе «Доктор Живаго» главный герой у него эгоист, - вздохнула Аня. - ... Возможно, я примитивная. Всюду прежде всего вижу боль использованных и брошенных женщин и детей, а к талантливым людям, наверное, надо подходить с другими мерками.

- Ох уж эта твоя утомительная детдомовская бытовая всепоглощающая сентиментальность, - фыркнула Инна.

- Мы о писательском таланте говорим, а не о личной жизни авторов, - еще раз напомнила Ане Рита.

- А Ленин не любил Достоевского, говорил, что он архискверный писатель.

- Ты еще Сталина вспомни.

- Раньше фразы вождей проходило брать на вооружение, а теперь мы имеем право выражать свое мнение, не боясь холодного металла, направленного в затылок.

- ...Лена, а ты в чем преуспела? Стихов не пишешь? - весело поинтересовалась Жанна.

- Стихов? Нет. В основном научные труды. У меня две монографии и несколько научно-популярных брошюр, - серьезно ответила Лена и обратила свой взгляд к Инне. Та понимающе улыбнулась.

- ...А этот высокомерный подтекст!.. К тому же очень плотный текст, обилие терминов. Вобрала в себя огромное количество информации. Слишком много хотела выразить, а получилось нагромождение. Много наслоений, двойственности.

- Надо, чтобы читатель мог перевести дух и отдохнуть от обилия отступлений или от излишней скорби героев?

- ...Героиня говорит весело, а сама исстрадалась, истерзалась. Ты об этом? Так это, наоборот, здорово. Насколько я понимаю, этот момент поразительно тонко выписан.

- При всей убийственной точности фактов и деталей ей не хватает чувства меры. Факты - грубый исходный материал. Реальную ценность они начинают приобретать только будучи переложены на язык художественных условностей. Мир образов - не мир реальных людей.

- Она описывает жизнь, а не как бы жизнь.

- И, конечно же, там смелость на грани фола!

- Зато в ней нет провинциализма.

- Только «уши» торчмя торчат из всех закоулков.

- Главное - не сбиться на стереотипы и шаблоны.

- И вместе с тем не перейти границ этики и эстетики.

- И чтоб ты в этом понимала! Нос не дорос советовать.

- Я и не берусь.

- Зачем она ищет прибежище в деревенских диалектах и пытается быть в них убедительной? Да не говорят так уж давно в деревнях! Телевизор всех сравнял. Надуманно, за уши притянута. Еще она тонет в обобщениях. - Инна, как всегда, была напориста и вызывающе категорична, но говорила интересно.

Аня тоже была захвачена дискуссией и внимательно вслушивалась в терминологию. На ее лице отражалось стремление понять и запомнить. Но она не скрывала, что многое в разговоре о литературе для нее китайская грамота. А Инна, и так видя ее насквозь, продолжала изошряться и, закончив, грубовато спросила: «Не врубаешься?» Аня густо

покраснела, но промолчала.

- ...Извини, мне это имя ничего не говорит, - сказала Алла.

- ...Опять «Эхо Москвы» полощет мозги народу! Выруби его на фиг. Нервы выдергивает, как морковку из грядки, - раздраженно вскрикнула Инна. Она даже побледнела. Взгляд ее сделался блуждающим, движения - неуверенными.

Лена обеспокоенно взглянула на подругу. Та шутливо ей подморгнула.

- ...Кто-то в шутку сказал, что краткость - горемычная сестра таланта. Я тоже не люблю выскобленные фразы.

- А кто-то сказал, что пиршество слов съедает, растворяет или размывает не только субъективное, но и объективное. Я предпочитаю лаконичные диалоги.

- Они не сушат мозги?

- ...Сочна, прекрасна русская речь! Нельзя ее обеднять.

- ...Правда, что поэт - человек, который понял себя, а прозаик - тот, который понял других?

- Хватит, хватит! Обложили! Устала я от давления интеллектов, - нервно рассмеялась Инна. - Сейчас главное - актуальность.

- Мне кажется, книги Аллы и Риты всегда будут актуальны.

Инна не вступила в спор. Лена по достоинству оценила этот «подвиг». Она понимала, что подруге стоило немало труда сдержаться.

- Время перетасует сегодняшние таланты, и тогда станет ясно, «кто матери-родине более ценен», - оптимистично перефразировала Лиля со школьной скамьи известную строчку стиха.

- Ты знаешь, мои книги в библиотеках воруют. Неловко хвалиться подобным... но это тоже в некотором роде показатель ценности, - смущенно поделилась Рита на ухо Лиле.

Вошла Кира, согнувшись под тяжестью солидной стопки книг.

- Лариса из Липецка мне присылала их, так сказать, на читательскую рецензию, - сказала она. - А сама завтра обещала приехать, непосредственно к встрече с сокурсниками и преподавателями. Впервые за сорок лет. И всего на полдня. Она уже несколько лет как нездорова. Пишет в основном лежа и по утрам, когда боль еще не мешает думать. Как-то сказала мне по телефону: «Мое писательство при моем нынешнем здоровье - благословение Божие. Представляешь, если просто лежать и в потолок смотреть... С ума сойти можно».

Алла, Рита и Лера дружно изумленно вскрикнули и вскочили со своих мест. Книги пошли по кругу. Начались восторженные ахи-охи. Потом книгами прочно «завладели специалисты». Рита и Лера торопливо перелистывали те, что для детей и юношества. Алла, жестом истово верующего, прикасающегося к святыне, положила руки на «взрослый» том и прикрыла глаза, словно медитируя. Подруги не мешали ее сокровенным чувствам и ни о чем не спрашивали. Спустя какое-то время Лена услышала тихое: «Сбылись наши мечты».

- Вот партизанка! Умеет секреты хранить. Я-то думала, она в библиотеках читает популярные лекции по физике. Приятный сюрприз. Нашего полку прибыло, - взволнованно сказала Рита.

Лена мысленно рассуждает: «Что я вынесла из нашей встречи такого, чего не было во мне раньше? Что узнала, прочувствовала как-то иначе, что нового открыла в себе и подругах? Пожалуй, то, что нет более изощренного способа оттолкнуть от себя человека, как не позволить ему сочувствовать твоей беде. Вот поэтому-то и стремится Инна

навязать всем свое мнение через знание подробностей жизни подруг, не присутствующих на встрече.

В моем возрасте уже трудно открывать в людях что-то новое. И не только в людях, но и в их речах. Даже слушая споры замечательных людей в любимых телепередачах, я редко замечаю оригинальные мысли, в основном они делаются своей эрудицией. Как-то даже мелькнула глупая мысль: «Стало жить менее интересно. Всех видишь насквозь, многое предугадываешь». И новые, умные или красиво развернутые фразы не так уж часты в их диалогах. В основном все говорят стандартным языком людей, получивших приблизительно одинаковое образование. Только профессиональной терминологией чуть-чуть разнятся и темпераментом речи».

В комнату вошла Кира, и мысли Лены скользнули на другую тропинку: «Кира никого ничему не учит, но в ее присутствии становишься какой-то иной: спокойнее, добрее что ли. Какая-то в ней есть изюминка».

И Жанна с какой-то восхитительно-ласковой грустью думает: «Какие мы были юные, невинные, красивые, и мне казалось, что все мы обязательно будем счастливыми. Обстоятельства и время разметали нас. Как бы нам того ни хотелось, прошлого не вернешь. Боже мой, какое печальное разнообразие судеб моих однокурсниц. Жаль, что многих уже не придется увидеть в этом году. Может, на следующий год снова выберусь «на сходку». Круг однокурсников начал сужаться... Инну жалко. Не к кому ей голову приложить, вот и мечется, тонет в обидах. Даже Аня счастливее ее».

Кира подошла к Ане и Жанне.

- О чем вы так таинственно шепчетесь? Похитили Инну и пристроили по своему усмотрению. Могли хотя бы спросить, желаю ли я этого? Может, я хочу заполучить ее во временные помощницы, а то Слава что-то задерживается.

Кира это предложила с естественным радушием, к которому Инна не смогла придраться.

- Защищаешься? Одной, понятное дело, не управиться. О чем разговор! Я счастлива удостоиться такой чести. Я на десятом небе и отдаю себя в твое полное распоряжение, - с некоторым недоумением, но с явным восторгом подыграла ей Инна. - А я справлюсь? Может, к нам еще кто-нибудь присоединится?

- Выбери себе кого захочешь в напарницы, - улыбнулась Кира.

- Жанна, пойдём с нами? - просительно глянула Инна, боясь отказа.

- А почему бы не размять онемевшие члены? - с готовностью вскочила Жанна, молча удивляясь тому, как Инна смогла тонко почувствовать ее настроение.

Сюрприз

Раздался осторожный звонок. Инна, сидевшая ближе всех к прихожей, подхватила и открыла дверь. Женщины, в поле зрения которых находилась Инна, наблюдали сцену, достойную пера Гоголя. Та стояла с открытым ртом с таким видом, точно перед ней распахнулись врата рая или, по меньшей мере, пред ее очи явилась сама Матерь Божия Мария.

- Я нахожу, что ты с тех пор не очень изменилась, - пролепетала Инна растерянно и отступила в прихожую.

- Не верь глазам своим! - засмеялась гостья, снимая изящную шубку.

Кира буквально влетела в коридор. Усталые, с чуть приподнятыми к вискам уголками, глаза Дины возбужденно блестели. Она с непринужденным изяществом то собирала в пучок, то роняла свои роскошные черные волосы, и они тяжелой волной рассыпались по ее худеньким, грациозным, как у балерины, плечам. Секундная пауза, и Кира бросилась к Дине. Та с тихим радостным стоном упала ей в объятия:

- Наконец!

- Дождалась!

Женщины высыпали в коридор.

- Мы имеем уникальную возможность присутствовать при... явлении Дианы народу. Милости прошу к нашему шалашу, - театрально воздела кверху руки пришедшая в себя Инна. - Тороплюсь вставить хоть словечко, а то ведь потом не дадут, - весело добавила она.

- Ты всё та же, - улыбнулась ей ослепительной голливудской улыбкой виновница переполоха.

Дина держалась еще несколько натянуто, а скованность подруг мгновенно исчезла. Возможно, за счет единодушия. Все зашумели, загалдели. Вот уж и Алла притянула к себе Дину, потом Мила закружила ее, как ребенка. И пошло-поехало по кругу! Кто-то пододвинул стул, кто-то принес чайный прибор.

- Вчера приехала? Мама здорова?

- На такси?

- И никому не сказала!

- А может, сфоткаемся, как говорит мой внучек, пока еще почти трезвые. Наша компания безусловно достойна быть немедленно запечатленной, - шутливо предложила Лиля.

- Ах, эта милая мания величия увековечивать себя для потомков! - проехался Слава, но тут же нырнул в книжный шкаф за фотоаппаратом. Дина достала кинокамеру.

Веселая пауза - и новая лавина вопросов.

- Я подниму сегодня бокал за гостью, заметьте, первый ее заздравный бокал на Родине!

Все мгновенно притихли. Дина не могла не оценить Славиной внимательности и деликатности. На ее глаза навернулись слезы...

- Не посрамим память нашего далекого прошлого. Все дружно вздрогнем! - радуясь неожиданной встрече, как новогоднему подарку, - провозгласили подруги.

И все же Кира ожидала большего эффекта от встречи. «Поутихли наши эмоции. Мало трогают даже сюрпризы. Стареем», - невольно загрустила она.

Немного отдохнув и расслабившись, Дина начала «писать словами узоры густым ярким шитьем по канве основного сюжета своей жизни». Женщины заслушались. Они смотрели на нее неотрывно, но с разными выражениями лиц. Дина сидела, но даже в ее позе было что-то такое, что заставляло подруг представлять, будто взлетела она высоко-высоко... Это была все та же Дина. Она была хороша с этим блеском уверенности в ясных глазах, чего так не хватало в последние годы всем присутствующим на этой «знаменательной» встрече.

Лена заметила, как неприметным непринужденным движением Дина чуть провернула кольцо на безымянном пальце левой руки. Засиял, переливаясь, крупный бриллиант. «Почему прятала его в ладони? От воров? Боялась шокировать нас богатством?» - подумала она и тут же забыла о своих вопросах.

Бурная «пресс-конференция» с Диной длилась и длилась. Но и гостя не обошла без обычных житейских разговоров. Лена слышала, как она пожаловалась Кире:

- На меня у вашего дома накинута странная, эксцентричная бабулька. Я думала, она меня изобьет. Я не поняла, о чем она кричала, но на всякий случай извинилась и юркнула в подъезд.

- Наверное, твое чувство собственного достоинства задела Митрофановна, староста подъезда, неумный борец за порядок. (Кира не стала пугать подругу тем, что рвение старушки вызвано боязнью террористических актов, прокатившихся по стране.)

Своеобразная женщина с тяжелым характером. Начальницу из себя изображает, хотя до пенсии всю жизнь проработала простой рабочей. Ей обязательно надо на кого-то накричать, призвать к ответу – жива не будет, если кто мышью мимо нее проскочит. И матом может обложить, если кто-то позволит себе выступить поперек ее мнения или чем-то не угодить ее ревностному оку. С полуоборота заводится. Взорвется, наговорит грубостей и удалится, довольная собой. И самое главное, считает, что имеет полное право так себя вести. Переубедить невозможно. Это ее сущность. Она же вихрь, ураган, торнадо! Таких особей только жизнь может обломать; лишь большое несчастье или смерть заставит распрощаться со скандалами.

- Наверное, не все благополучно в ее личной жизни или она очень больна, вот на соседях и отыгрывается, – предположила Дина. – Иначе я не могу прокомментировать такое поведение.

Лена взглянула на Инну, и ей вдруг подумалось: «Инна самая одинокая, самая несчастливая из нас. Как там у Бунина? «Во мне – Я и Бог». А у нее и Бога нет. Прости, подружка. В ближайшее время я на максимум восполню свое невнимание к тебе».

- И мне от соседки не раз доставалось ни за что ни про что. Забудь этот маленький инцидент. Женщину можно простить. Она из добрых побуждений старается. Другие-то по злобе бесятся. А что воспитания не получила, так кого теперь винить? Старушку уже не переделать, – попросила Кира.

Подруги накинулись на фотоальбом гостя. Дина не рискнула сразу вытащить из сумки «СД» диски, пока осторожно не выяснила наличие компьютера в семье и его возможности.

Мгновение и вечность

Опять звонок в дверь.

- Это Андрей, – как можно спокойнее сказала Кира и глазами попросила Инну впустить гостя. Лена будто приросла к креслу.

...Андрей... Сердце испуганно вздрогнуло, дыхание перехватило, закружилась голова. Лена была не в силах шевельнуться. Кира приподняла ее под мышки и слегка встряхнула. И будто быстрее побежала по венам кровь, забилась в возбуждении, прихлынула к лицу. С туманом в глазах на ватных, полусогнутых ногах она с трудом сделала несколько шагов в сторону прихожей... Их руки встретились, словно ведомые неким безупречным инстинктом. У него они тоже дрожали. «Неужели и он сохранил любовь? Ей чудится? Боже, как реально!.. Он просто коснулся, а остальное дорисовали ее чувствительная память, настрадавшееся воображение? Как давно она не держала в своих руках его ладони; сильные, любимые...»

- Я всегда помнил о тебе. Лучше тебя я никого не встретил...

«Что это? Прошлое разыграло? Ностальгия по ушедшей молодости? Желание реабилитироваться в ее глазах и ослабить свою вину? Просто доброе стремление поддержать ее дух в старости? Рисуетесь? Какая разница? Он здесь. И это правда...»

Лицо ее пылало, все внутри вибрировало радостной дрожью... Как объяснить, как передать словами продолжительность своих чувств во времени, их силу?..

В этот момент она не оценивала его слова, не подвергала глубокому анализу. Она слушала, и для нее ничего больше не существовало... Анализ будет потом. Если будет.

Андрей отстранился, взглянул ей в глаза... и этот взгляд сказал ей больше, чем любые слова: он сожалел о том, что произошло тогда, много лет назад.

- Эта наша встреча – спустя эпоху. А ты все та же... Теперь я знаю о тебе все-все. Я не знал о нашем сыне. Груз осознания вины навалился на меня физической тяжестью, я потрясен твоей жизнью и на какой-то момент почувствовал, что умираю... Прости меня.

- Лучшего не нашла, худшего не хотела... В моей жизни все-таки было больше хорошего,

потому что я любила...

Андрей... Лена... Они еще некоторое время молча стояли, обнявшись, положив голову друг другу на плечо. В этот момент они были единым целым. Оба понимали, что это – встреча с прошлым и окончательное прощание с будущим. Только теперь они по-настоящему осознали и прочувствовали, как она была необходима им обоим. Ему требовалось искупление – ее прощение, ей – эти, пусть даже не совсем правдивые, слова. Кира давно это поняла, потому-то и задумала свести их вместе. Собственно, и всю эту встречу с однокурсниками она затеяла потому, что ее не покидало непреодолимое желание хотя бы на короткое время соединить прошлые пары тех далеких шестидесятых. Чтобы вспомнили юность и многое наконец-то для себя прояснили.

«Столько вокруг Лены было мужчин, но ни один из них не смог установить с ней контакт, не помог ей почувствовать вкус жизни, как это сделал Андрей. Вот и пойми, за что один человек преданно любит другого?.. Почему Андрей, а не, допустим, Антон, как более достойный?.. Или Игорь... Сумели бы они сохранить свои чувства в такой чистоте и неизбежности, если бы не расстались? Сомневаюсь, – подумала Кира. – Семья – слишком тяжелая ноша. Не всякой любви она по плечу... Лена и Антон... Ничья страсть не заставила их раздвоиться... Они однолюбы, только любят не тех, недостойных их чувств... Виртуально любить несложно, а вот под гнетом быта... Не зря в церкви во время венчания на головы жениха и невесты надевают венцы, венцы мученичества. Чтобы осознавали ответственность... Семья – функция двух неизвестных, и если одно из них мнимое... то о чем дальнейшем можно рассуждать? Одной только ее любовью семью не сохранить... Им после его измены воскреснуть друг для друга было уже невозможно... Всю жизнь Лена вела борьбу за непорочность. Не хотела, чтобы чужие руки и губы пятнали ее любовь к Андрею, чтобы никто не осквернил то единственно прекрасное, что было в ее жизни».

Лена обессилено опустилась на пуфик, стоявший в прихожей у зеркала. В памяти замелькали ускоренные кадры их студенческой жизни, их любви. Взгляд ее обратился к тому... их последнему дню. А в ушах звучало: «Мама, милая мамочка! Я тебя люблю».

Лицо Инны неожиданно исказилось какой-то жестокой внутренней мукой, вмиг осунулось и сделалось каким-то дряблым, серым. Она почувствовала очередной пережест тоски и несвоевременную досадную слабость, сразу ссутулилась и как-то растекалась и уже с гаснущим вниманием следила за Леной и разговорами подруг глазами в черных полукружьях тяжелых век. Это было одно из многочисленных ощущений, которые предвещают неприятные события еще до того, как они случаются. Действие самого сильного лекарства заканчивалось. Кому, как не ей, лучше всех знать его сроки. Дальше никакое мужество не поможет. Срочно требуется укол. «Хотелось хотя бы еще часок пообщаться...» Инна тихо и медленно вышла из-за стола. Ее качнуло. Чтобы не потерять равновесия, она ухватилась за спинку стула. Переждала сильное головокружение и незаметно исчезла. Как растворилась...

Мамочка

Женщины за столом весело переговариваются, иногда возникают бурные всплески эмоций, захлестывающие всю компанию. Разговоры разгораются с новой силой. Лена и Андрей сидят рядом. Но она в прошлом. Она вновь перемалывает много тысяч раз пережитое, передуманное... Годы жизни шуршат в голове, как страницы быстро перелистываемого дневника, которого она никогда не имела возможности вести. Слой за слоем снимает, пласт за пластом... Раскапывает и отбрасывает мхи печали, вязкую глину недоверия, горькие окаменелости бездушия и горечи, встреченные ею на жизненном пути. Она ищет минуты счастья. Любовь к Андрею. Четыре года, как счастливый миг. Сынок родился... встал на ножки... Научился плавать... Обнял ее, сказал «мамочка». Эти мгновения счастья – вехи ее жизни.

...Сыночку пять лет. Заболел. Лежа в постели, старательно вычерчивает график своей температуры. Откуда у него понятие координатных осей и масштаба? Наверное, понял их назначение, когда тихонько играл на ее лекциях где-то в самом дальнем углу аудитории... Шесть лет. С удовольствием собирает по методическим описаниям лабораторные установки и демонстрирует их на самоподготовке студентам. Придирчиво следит за правильностью выполнения ими экспериментов. Он так играет. И ведь без ошибок, чего не скажешь о торопливых студентах...

Она снова углубляется в свою душу, чтобы найти там светлую радость, а находит глубоко запрятанную боль, которая от воспоминаний стократно усиливается, распирая ее измученное сердце. Она будто смотрит на себя со стороны.

...С того страшного события прошло много дней, но ей до сих пор иногда мнится, будто то, что случилось с ее сыном, было с кем-то другим и в другой жизни, а ее Антоша сейчас переступит порог и улыбнется... И боль, причинявшая ей столько мук, тоже чья-то... Происшедшее ускользает от ее понимания, оставаясь на уровне чувств и ощущений... Но несчастье реально существует и безжалостно сверлит и раздирает ей мозг... Каждый следующий день истощает натянутые нервы. А тут еще эта зима с ее все растущей день ото дня безнадежностью и унынием...

Она терзается, сжимая виски в бессильном отчаянии. «Я не нужна самой себе. Пустоту в сердце ничем не заполнить. Работа не заменит сына. Жить незачем»... Жизнь словно сжалась и переместилась ТУДА со всеми помыслами... Эта страшная бесконечная память, эта невыносимость чувств... Она убивает...

«Вырастила, ночь за ночью сидя у его кровати, мечтая. Вылепила характер. Жила все эти годы, воодушевленная любовью и чувством прекрасно исполняемого долга. Цель вовсе не сводилась к тому, чтобы он добивался всего того, о чем сама мечтала, но оказалась не в состоянии достичь. Просто хотела видеть его здоровым и счастливым. Но судьба пишет свои сценарии. Жизнь была соткана из забот и тревог о сыне. А что теперь? Безумная, запредельная, зашкаливающая тоска, разрушительное состояние ненужности, неприкаянности. «Лучше бы я погибла... Как с этим жить?..» Из ее приоткрытых губ едва пробился долгий тягучий вековечный стон, такой слабый, точно вылетал он не из нее, а из сердца женщины... тех незапамятных времен, из дальних далей...

Оказавшись одна в четырех стенах, она почувствовала, до какой степени несчастна, загнана, измучена. Она, наверное, впервые осознала ничтожно узкие пределы своих физических возможностей и непосильность ноши морального давления вины. Страшная неизвестность отступила, но пришла жуткая, безнадежная определенность. Хотелось выть. Неосознанно вызревал самый жестокий период ее жизни – без сына.

Мучило мрачное сознание своей вины. Вины как открытой незаживающей раны. Поощряла занятия спортом, увлекла, подставила под удар. А теперь горе пустило под откос привычное течение жизни... Если бы можно было предвидеть, чем обернется та поездка в горы!.. Изводила непреодолимая жажда говорить себе правду, проклинать себя, свое хобби, явившееся причиной жуткой трагедии. Ей хотелось надеяться, что боль, которую она испытывала при покаянии, хотя бы отчасти искупала ее вину перед сыном. Но все оправдания, которые находил мозг, были фальшивыми, неубедительными. Оставалось задумываться до ужаса, до шизофрении, обмирать, вздрагивать в тяжелой тишине...

Беспрерывно разъедающая душу тоска не уходила из сердца, пульсировала в мозгу. Она, складываясь с виной и одиночеством, удваивалась, утраивалась... Невыносимо мучительная переполненность сердца, ужасающе губительный холод страшных мыслей терзал ее, разливаясь по телу тяжелой вязкой слабостью, заполнял ее мозг, узурпировал власть над воображением. Разбуженный страхом инстинкт самосохранения мог бы подсказать, как быть. Что делать? Но он молчал. Это безмолвие страшнее крика... Душа стала выжженной горем пустыней. Обуглилась. В ней умерло главное, и она утратила желание жить...

Оглушенная болью, она стремительно падала в пропасть безмолвия. Окружающий ее мир потускнел и стал чуждым, враждебным. Все путалось в ее представлениях, вращалось в какой-то непонятной смутной тревоге, вводившей ее с состояние странной настороженности... Погруженная в пучину страданий, она жила, как в дурном сне. Вернее, на границе сна и яви. Она больше не впадала в обычную спасительную после перенапряжения сил кому – крепкий сон. Ни день, ни ночь – все серо, все едино... уткнуться бы в подушку, провалиться бы в темноту сна... Но и во сне она металась во власти кошмаров.

Она потеряла всякую ориентацию в пространстве и во времени. Дух горести и печали касался всех сфер ее деятельности. Печаль буквально пронизывала всю жизнь, превращая ее в тень. Ей уже казалось безумием надеяться на что-то, что могло бы изменить ее жизнь к лучшему. Мир добра и счастья остался где-то вовне. Она заточила себя в своей боли и не могла вырваться из ее тисков. Рана сердца ныла без выхода к разуму. И главной причиной тому была боязнь вернуться в привычный мир и обнаружить, что там больше нет сына. Какая-то непонятная тупая боль в голове размывала мысли, делала ко всему индифферентной, не давала сосредоточиться на чем-либо одном. Она не могла думать о том, о чем хотела. Она не распорядилась своими мыслями. Они шли сами по себе, как им хотелось, и сколько она ни старалась, предпочитали задерживаться на том, что ее мучило.

Она физически ощущала одиночество, которое будто выползло отовсюду из всех углов и окутывало ее странными, неясными предвечерними образами, чутко подстерегающими тенями, принося неосознаваемую тревогу. «Такое одиночество – предвестник безумия?» – мелькала одинокая, будто случайная мысль и тут же пропадала. Другие привязывались: «Иногда в добром безумии человек бывает счастливым. Не надо излечивать его от такого счастья». «Внутри каждого из нас существует программа. Мы ее не знаем, но постепенно открываем для себя. Неужели произошел сбой?.. А может, и правда, достигнув крайнего предела, боль, чтобы окончательно не лишит рассудка, на время погружает меня в спасительное небытие». «Вернусь ли я из переживаний, поглотивших меня? А зачем?» – вяло думала она, вслушиваясь в себя.

Почему-то вспомнились слова деда, утешавшего соседку: «Видишь, Христос на кресте. Гляди и утешайся тем, что в страданиях, которые не избежать, не обойти, тебе легче, чем было ему... Измаялась ты душой. В ней тупая, холодом пронизанная пустота, подавленность. Мысли кружат вокруг одного. Нельзя всю жизнь пестовать в себе эту боль. Самоистязание – грех... Тебе бы обратиться к Нему сердцем, чтобы избавиться от свербящей неотвратимости неотступных, назойливых мыслей, выплакаться, испытать облегчение». И вроде неверующий был дед, но верил... А у нее не получается...

По вечерам она отрешенно и бесцельно бродила из комнаты в комнату, не в состоянии чем-либо заняться, и только погружалась в мрачные внутренние диалоги. В тревожном унынии, навалившись грудью на подоконник, долго простаивала у окна, бездумно скользя глазами по заляпанным грязью машинам, глядя поверх окон постоянно галдящей забегаловки, по сути дела распивочной, что ютилась напротив. Это заведение открывало свои двери для посетителей, круг которых определялся чем-то, что не вписывалось в ее понимание человеческой нормальности. И сизыми спиралями колыхался над ней сигаретный дым. Полночь, за полночь, а сна нет...

И вдруг она неожиданно пристально вглядывалась в зыбкий сумрак ночи и переживала в своем воображении все, что сказала бы сейчас сыночку, если бы он вдруг... Она ждала его, а его не было... и она ловила себя на странном чувстве смещенной реальности. Возникало отвратительное ощущение чего-то постороннего, вторгшегося в мозг, будто инородный непроницаемый интеллект плотно сцепился с ее сознанием, а ее собственный мозг оставался безучастным даже к смутной, властной работе подсознания.

Он не контролировал его... Потом она приходила в себя, возвращалось чувство вины, отчаяние и ненавистная жалость к самой себе. И она вынуждена была признавать свое бессилие. Глаза снова суровели.

Она пыталась требовать от себя мыслей, додуманных до конца, но слова в них будто соединялись многоточием. И тогда слепой черный страх одолевал ее, лицо искажалось гримасой страдания, и взгляд застыл в неподвижности. Смятение духа, ее постигшее, было столь велико, что она могла часами глядеть перед собой, ничего не видя, непонятно о чем думая, пока тяжелая напряженная дремота не сжимала ей веки, и она больше не принадлежала себе.

Раньше во сне всегда происходило мгновенное, безболезненное изменение ее состояния к лучшему, но картинки ярких детских снов давно отцвели и крепкие сны молодости теперь ушли в прошлое. Во сне уже не разрешались недоумения и проблемы, постоянно занимавшие ее. Теперь одни жуткие запутанные кошмары заполняли ее ночной отдых. Именно ночь обнажала всю степень ее горя, тяжким бременем виснувшего на плечах и давившего петлей одиночества. Именно бездеятельная ночь особенно сильно выстуживала кровь тоской и безысходностью. Ночью в одиночестве все впечатления обострялись и усиливались. Говорят, во сне ярче радость, сильнее страх. Почему?.. Да и утром обрывки нереальных снов еще таились в подсознании, продолжая терзать измученную обессиленную душу.

Со страхом она ожидала наступления следующей бесконечной ночи, когда перед ней чудовищной черной глыбой вырастала и разрасталась смертельная тоска. Думать не получалось, пыталась просто вспоминать. В полубезумии, в нервной усталости она тщетно шарила в закоулках памяти, чем бы взбодриться или успокоиться. Она не могла остановиться ни на одном факте, чтобы он тотчас не связывался в целую вереницу страшных воспоминаний – везде был только сынок, только беда и одна тупая мысль: «Как дожить до утра?»

Она стала бояться воспоминаний. Страхи, может быть, и не возникали бы, если бы в каждом сюжете, что воскресал в ее памяти, не гнездились скорбь, боль, страдание. Ох уж эта причудливая, злая, выборочная память горя. Она как черное жерло печи, пожирающее все светлое, что накопила жизнь... Ей хотелось, как в детстве, натянуть на голову глухое одеяло, отгородиться от жестокого мира, сделать вид, что его не существует... чтобы не наступал момент, когда уже не страшит возможность не удержаться на скользком краю бездны иррационального... когда уже... И она с маниакальным упорством вспоминала каждую малость, каждую подробность Того дня. Он заслонял ей всё. И эти мысли, без конца повторявшие один и тот же сюжет, прогоняли сон... И случился надлом, нервный срыв – как хочешь обзови. Это когда на улице спотыкаешься о тени, как о реальные предметы, а в доме в ужасе шарахаешься от своего изображения в зеркале, как от чужого человека, неизвестно каким образом забравшегося в квартиру... «Это потеря рассудка? Уйти из жизни, покончить с сумасшествием?» Но даже затуманенный болью разум восставал против этой мысли.

Иногда мир ее воспоминаний прояснялся. Она вновь контрастно постигала свое несчастье, искала виноватых, но никого не находила, кроме себя и природы, жестоко убившей ее мальчика... Опять она ухнула в свое прошлое. «Горькое разочарование забросило ее в этот заснеженный край... Не то... Почему сынок? За что? За лавинами не гонялся, тесты на прочность себе не устраивал, знал, когда проявлять отвагу, когда попреридержать эмоции, рано научился соизмерять свою силу и слабость...»

Это она его учила, что осторожность следует соблюдать всегда, даже когда есть уверенность в собственных силах, потому что существуют непредвиденные, непросчитываемые ситуации, возникающие в тот момент, когда их не ждешь, не чувствуешь. Горы не прощают промахов. Ничто не проходит безнаказанно. И он жил в ладу с окружающей его действительностью и всегда помнил, что доблесть не исключает осторожности. У него всегда срабатывал внутренний интуитивный защитный механизм. И по жизни он не блуждал окольными путями, прямо шел к намеченной цели. Но ему претила даже видимость послаблений. Ему хотелось поскорее пойти во взрослый поход, чтобы развеять ребяческие иллюзии.

«Где просчиталась, почему не сумела подстраховать сына? Это фатальная или

тактическая ошибка? За что судьба так жестоко обошлась с ее ребенком? Это торжество несправедливости?» Ей не хотелось верить в то, что Провидение уготовило ему, такому безгрешному, столь ранний и столь ужасный конец. «Вот опять она, эта тонкая грань между счастьем и трагедией... Сначала Андрей остался на рубеже ее прежней жизни. Он – высокая любовь и страдание ее жизни. Уехав от него, она так и не разубедила себя в том, что была неправа... Теперь Антоша – ее единственное полное счастье – покинул ее навсегда, оставив вечную тоску и пустоту сердца»... Без сына ее жизнь потеряла свой главный смысл.

Говорят, «каждое поколение приносит в жертву лучших. Самые талантливые и беспокойные всегда идут первыми, оставляя мир уже не таким, каким он был. Более совершенным». Мы все воспитаны в преданности делу, идее, но не всем дано осветить правильную дорогу в будущее... Красиво говорят, не задумываясь...

Как-то сразу все в ее жизни разладилось. Стократно замедленный ритм изматывал. Каждый день казался перегруженным деталями. Нападала удесятеренная усталость. Все стало нечеловечески, чудовищно неприятно. Мысли рвались и металась, словно подхваченные вихрем. Прошное причудливо переплеталось с настоящим, живые логические нити соединяли несоединимое. Она силилась овладеть собой, старалась привести мысли в порядок но, обессилев, послушно повиновалась течению подсознания, и вновь ее утомленный взгляд бродил, ни на чем не останавливаясь. Ей раз за разом казалось, что хоть жила она трудно, но удивительно четко, ясно, твердо стояла на ногах, а теперь... Теперь она жила на автопилоте без мыслей, без надежд. Вокруг что-то происходило, что-то менялось, но она не вникала, что именно, и потому оставалась бесстрашна, тупо безразлична.

Пойманная в паутину серых, не различающихся дней, она сникала. И скорбь все глубже пускала свои корни в ее измученное сердце. «Ведь, в конечном счете, люди живут прежде всего ради своих близких, кровью с ними связанных... разве можно подготовить себя к вечной разлуке с теми, кого любишь? Значит, правильно говорят, что в каждом большом счастье заложено маленькое зерно несчастья, и оно прорастает, чтобы счастье не длилось вечно». За что мне столько бед?

В ней исчезло чувство устойчивого равновесия, которое делало жизнь возможной, давало уверенность. Появилась ежеминутная боязнь растеряться, столкнувшись с чем-то непредвиденным. И сразу же, будто того только и ждали, нахлынули, закружили сомнения, неясные предчувствия, и все это с какими-то клочками разорванного сознания. Ей казалось, что отныне и навсегда в ее жизни поселился тупой зловещий страх. Она сама теперь как сгусток страха, она – окаменевшее чувство вины и более ничего. «Я седая и стылая, как пепел, осталось лишь развеять...» – думала она горько.

И время теперь для нее текло по-другому. И дом стал негостеприимный, неприятный, нестерпимо холодный. В нем было тоскливо жутко. Сжимали стены, падал потолок... Былой задор угас, будто не было его и в помине. Из общительной и энергичной она превратилась в непроницаемую, внешне совсем безразличную, с холодным сердцем, осиротевшим без сына. Без радостной боли в груди она не чувствовала себя живой. Добрый мир перестал для нее существовать. Его уничтожило несчастье. Таким вот оказалось пагубное влияние горя.

Она отвернулась от друзей, не открывалась подругам, раскручивала колесо непонимания и даже обид. Лицо ее потемнело, губы плотно сжались. Как будто кто-то посягал на некие ее тайные сокровища, а она хранила их и отстаивала даже ценой собственной жизни. «Да. Нет. Мои проблемы никого не касаются» – вот и все разговоры на работе. Она боялась постороннего вмешательства в свою боль, боялась усиления постоянно подступающего отчаяния. На людях она тоже чувствовала свою отверженность. Ей было плохо в толпе. Ей будто воочию виделось их болезненное, гаденькое любопытство к чужому неблагополучию, страданиям. Она отмахивалась от него, а оно иголками вонзалось в мозг... Лекции читала на автомате. И даже в НИИ подолгу ходила неприкаянной, стараясь настроиться на тему...

Она ощущала необъяснимое, но очень сильное искушение согнуться, провалиться сквозь землю. Ее изводила вынужденность публичной демонстрации скорби. Хотелось забиться в угол, спрятаться, чтобы отстали. В такие часы в ней закипала злость против самой

возможности вторжения в ее мир, такой ранее любимый, невыдуманный. Она чувствовала себя одинокой и желала быть одинокой. Ведь больная душа жаждет укрытия. И она стояла на страже своего одиночества, того понятия свободы от всех, которое возникло у нее с гибелью сына.

Коллеги терялись перед положением, в котором она оказалась. Глаза отводили, относили ее состояние на счет болезни, жалели по-настоящему, искренно. Говорили, что от несчастий никто не застрахован... «Но оно-то досталось мне!» И она своим молчанием с какой-то злой и вместе с тем вызывающей черной гордостью выставляла свою беду на всеобщее обозрение. А иногда с тупым равнодушием или резким грубым раздражением, досадливым жестом отстраняла, кинувшихся было навстречу ей подруг, не желая бросаться с головой в волны их сочувствия. «Что могут понять эти, счастливые? Я никого не уполномочивала...»

Простодушно-счастливая улыбка, с которой она раньше говорила о сыне, пропала. Она даже в мыслях не могла вернуться к прежним радостям, их больше не существовало. Горе изменило ее облик. Она как-то сразу сникла, постарела, в углах губ появились жесткие, горькие складки. Замкнулась, уединилась. На работе свои обязанности выполняла автоматически и как-то суетно. Ей казалось, что именно благодаря этой торопливости успокаивается ее душа и находит себе занятие ум, чтобы не слишком размышлять над тем, что действительно печалит, беспокоит и обесценивает. По крайней мере, ей так хотелось думать.

Раздавленная жестокостью и несправедливостью судьбы, она перестала быть сильной. Ее охватило гнетущее чувство полной беспомощности. Пришло осознание совершеннейшего отупения, болезненной, ноющей пустоты в голове, серой унылости жизни. Глодавший ее страх, беспричинное беспокойство и горькая беспросветная тоска мешали вернуться к действительности. Она все больше теряла чувство реальности, жизнь протекала, как в тумане. Ей казалось, будто все, что с ней происходит, ей снится. Ощущение сюрреалистичности бытия не покидало ее.

Мысли о смерти все чаще посещали ее в самые неподходящие моменты, но чаще – между сном и явью, когда самые простые и привычные вещи искажаются до безобразия болезненным воображением. Длинная череда видений являлась не только в отведенные для сна ночные часы, демоны страха проникали через узорчатый занавес реальности и днем. Сумеет ли она войти в прежний ритм жизни или это конец?

Теперь уже к вечеру от однотонных мыслей голова раскалялась, каждый звук приносил страдание, наружный шум разрывал ей мозг. «Зачем рыться в одном и том же? Как обновить свои мысли? Внутри неразбериха, смута, обреченность. Сотрясаемая смертной мукой душа то стонет, то рыдает. Как я устала, скорей бы конец... Дед утверждал, что тот, кто преодолел отчаяние, живет не только в мире, но и в вечности. Слова, слова...»

Ночами напролет, оставаясь наедине со своими горькими мыслями, она вновь и вновь, воскрешая прошлое, предавалась самокопанию (как это свойственно нам, русским!) и отчаянию: «Сама разрешила. Сынок считал, что ему, юниору, оказана большая честь идти со взрослыми. И я не могла не признать, что он самый достойный из группы претендентов... А теперь все мечты лопнули, как мыльный пузырь, небо пропало, солнце закатилось навсегда». Она вновь представляла, что здесь ее нет, она вся там, где ее сын. Она отказывалась понимать, что всё еще живет...

Говорят, люди не в состоянии полюбить мертвых. Они любят память о живых и, скорбя об утрате любимых, страдают чистым страданием, забывая обиды, пустые сожаления, уколы унижительной ревности, предаются незамутненной боли... Слезы – женская вотчина скорби... Но не было слез, которые облегчили бы душу. Несчастье ударило в сердце страшной пугающей горечью, слишком глубокой для слез. И словно захлопнулась за ее спиной резко и гулко дверь, за которой Надежда. И что ей осталось: укоры, леденящая душу тоска? И все это к Богу? Ему выплескивать ад души?..

...Она столько перестрадала в дни поисков детей, что теперь ей казалось, что она ничего уже не ощущает, кроме боли, и никогда уже ничего радостного не почувствует. С тупой сосредоточенностью она постоянно прислушивалась к тоске в своем сердце. И опять совсем невмочь становилось ночью, когда изводила бессонница, когда, пребывая в

пограничном состоянии между сном и бодрствованием, не могла отбиться от круговорота мыслей, чего прежде с ней никогда не случалось... «Боже мой, опять ночь! Опять придется обороняться от собственных, отягощенных виной нелепых фантазий и ощущать совершенно шизофреническое состояние расщепления сознания...»

Она старалась загнать мысли в далекое прошлое, чтобы укрыться там, в воспоминаниях детства, подсознательно стараясь отвлечься от того, что мучило здесь и сейчас. Не помогало. Боль все равно просачивалась сквозь далекие воспоминания, и она вновь и вновь мыслями возвращалась туда, где осталось ее сердце, – к сыну. Депрессия захватывала ее целиком. Она пыталась сосредоточиться, на чем-то другом, но не успевала собраться с мыслями, как она набрасывалась, заглушая всё и вся. «Находясь под постоянным давлением горя, трудно остаться жизнелюбом, – оправдывала она себя. – Хорошо, когда можешь свои страдания пережечь во сне, а утром обновленной идти навстречу новым заботам... Не тот случай... если по ночам проваливаешься в тоску, а выплыть не можешь. Поневоле волком взвоешь...» Никто не догадывался, до какой степени опустылела ей жизнь.

Хотела с помощью таблеток изменить свое состояние и в конце концов выбраться из омута, в который погружалась все глубже и глубже. Не получилось, все равно оставалась не в ладах с собой. До утра просиживала на диване, то временами проваливаясь в тревожный сон, то тяжело пробуждаясь. И тогда, рассыпав по плечам поседевшие волосы и застыв в позе поникшей плакучей ивы, глядела в слепые глаза окон, словно желая убедиться в своей правоте: все вокруг плохо, весь мир насквозь пропитан страданиями, как и ее черные пустые дни.

И зима со своими резкими ветрами и метелями навевала на нее прежде не испытываемую гибельную тревогу. И она с горестным отчаянием как молитву повторяла откуда-то из глубины памяти всплывшие тоскливые строки знакомой поэтессы Аллы Линевой: «Как скоро тает зимний день, как долго зимний вечер длится». «Ей белый иней выстудил глаза». Боль, как болезнь, засела, вгрызлась в мозг, не позволяя распоряжаться собой, своей судьбой. Она раздавила ее и заставляла принимать только жестокие истины, не уходить от них, не избегать. «Кто я теперь? Несчастливая одинокая женщина со всем набором сопутствующих проблем?» – кривила она рот в горькой усмешке. И ей хотелось хоть на миг ослабить терзающую ее муку.

Друзья говорили: «Будь реалистична, взгляни правде в глаза. Если не можешь преодолеть несчастье, смирись с ним как с неизбежной данностью. Направь все усилия себе во благо. Сбереги себя для будущих полезных дел. Долго ли ты так продержишься?» Но она не относилась к числу людей, способных быть беспричинно счастливыми. А повода к радости не находила... Легко сказать, да как это сделать... А дятел в голове долбил: «С мыслью о счастье придется расстаться. Худшее уже случилось. Разве бывает что-нибудь страшнее? Да пропади она пропадом, такая жизнь! Не нужна она мне». Работа. Очнуться от рабочей мороки затем, чтобы снова мучиться страхом?.. Не хочу... Разве придет конец этой свинцовой усталости? Разве можно еще что-то предпринять, чтобы избавиться от измучивших меня видений? Нет, мне никогда не вырваться из страшного гипноза гор, никогда не остановить этих жутких выхлопов подсознания... Снова это странное беспокойство шевелится во мне. Я должна подавить, загасить зарождающуюся во мне тревогу, не допустить ее до сознания... Но я опять под ее безжалостным нажимом. Я, прикованная к ТОМУ месту. Стою, не в силах оторвать взгляда от пылающей зари со все возрастающим беспокойством и с тоскливым ощущением неизбежно страшного финала. Я опять на вершине Той горы...»

Почему в то утро незадолго до гибели детей ее несколько раз охватывала тревога и ощущение незащитности? Ведь ничего не предвещало подобного исхода. Хрупкая прелесть рассвета казалась ей невыразимо трогательной. Грубоватое благодушие руководителя успокаивало. Тогда она и подумать не могла – да и как можно было представить такое? – что всего через несколько часов... Всё самое страшное было еще таким далеким... и невозможным... Одному Богу ведомо, откуда появилось тело этого гигантского чудовища. Окутанное клубящейся снежной пылью, оно несло, пожирая, уничтожая на своем пути все живое и неживое. А сначала, в первые секунды, издали этот струящийся серебристыми складками снежный поток казался таким безобидным и красивым, и только гул, сопровождавший эту смертельно опасную искрящуюся массу,

вернул ее к реальности. Поток катился, разделяясь на ветвящиеся ручьи, но там, где находились дети, он был самый мощный. Вот он, достигнув последней преграды, играючи перемахнул ее и ринулся на ту скалу... Теперь она видит, как сын делает какие-то отчаянные движения, пытаясь спасти свою напарницу.

В течение нескольких секунд мир вращается в ее глазах совершенно бесконтрольно. Казалось, воздух, собравшийся внутри нее, разрывает ей грудь. И вот опять ее взгляд до последней секунды следит за сыном, сопровождая каждое его движение. Ее сердце сжимается в судорогах мучительного, невыносимо тяжелого ожидания чуда. Страстно и безнадежно молча молит она Всевышнего вмиг растрескавшимися от нервного напряжения губами... Откуда-то, будто из-под земли, внезапно возникает перед ним этот страшный, оголившийся кусок остроконечной скалы. И сын с размаху налетает на него, увлекаемый лавиной снега и камнепадом, способным запросто сравнять с землей любое, даже самое прочное строение. Лавина смыкается над ним... И лучший день его жизни в один миг становится последним...

Вопли ужаса повисли в стывшем воздухе бессмысленной едкой взвесью. Сердце ухнуло вниз. Она ощутила это столь явственно, что замерла... и упала. Она не слышит свой вопль, обращенный в пустоту гор. Ее безжизненные глаза уже не ищут, на чем остановиться... Время для нее остановилось...

А если бы не было голой скалы, камнепада? Тогда у него было бы пятнадцать минут – стандартное время выживания под лавиной... Сначала снежный поток несет тебя, как река, весь склон трясется, гудит. Но стоит лавине остановиться – ты будто замурован в бетоне. Клаустрофобия, углекислый газ скапливается, страшно трещит голова, пульс учащается. Это как дышать в полиэтиленовом мешке. Дикий страх, дезориентация. Но есть надежда, что успеют откопать, пока сердце еще работает, пока врач не констатировал смерть мозга. А что если все пойдет не так? Если, если...

Страдания часто выпадают не на долю мерзавцев. Может, не надо преувеличивать значение Бога и его влияние?... Одни понимают и принимают его зов, другие – нет. В горе человек иногда доходит до его отрицания. Бабушка, умирая от рака, с обидой кричала в небо: «За что?» Но ее тянуло к Богу. А может быть, сомнения, едва не унесшие ее от привычной истины, крылись в другом?... То был страх физического угасания...

Мгновение гибели сына – самое жуткое за всю ее сознательную жизнь. Именно в эту секунду она не выдержала, сломалась, потому что не было у нее ощущения конца. Не надрывали сердце дурные предчувствия; они были, только коснулись, но не задержались в ее сильном, уверенном сердце... и вот именно поэтому она пережила эту самую страшную минуту своей жизни... Осознай, пойми она это... Беды могло и не быть. Слепая случайность... прихоть злой судьбы – и все прахом... «Лучше бы не знать достоверной причины гибели сына, лучше бы не видеть, лучше бы сама... Боже мой, как больно вдыхать постылую жизнь, как горько понимать ее ненужность!..»

Вот она опять мысленно озирает картину разрушения, и к горлу подкатывает удушающий комок. Смерть всегда напоминает, насколько человек уязвим, непостижимой тяжестью боли и растерянности ложась на сердца и плечи тех, кто любил, кто любит вечно... И она будет думать о сыне, пока ее память не соскользнет в сумеречный покой собственного забвения, словно провалится во тьму.... Говорят: «Воды утекают – берега остаются, мы уходим – дети остаются». А у нее? Кому нужны годы, отмеченные печатью одиночества, бесконечным однообразием дней, полных беспокойного ожидания невесты чего и тревожно-лихорадочных ночей? «Я многого была лишена в жизни, так ради чего мне ниспосланы эти жуткие страдания? Я их не заслужила. Они лишены всякого смысла. Чему они научат меня? Терпению и смирению? Их у меня было предостаточно».

...Иногда до ее сознания доходили отголоски той прежней жизни, память уносила ее в прошлое, всплывали то счастливые, то грустно-радостные моменты. Как-то вспомнилась грубоватая, но милая шутка сына, когда вечером он, видя, как она увлечена сюжетом из программы «В мире животных», весело сказал: «Мама, опять порнуху смотришь?» Тогда она рассмеялась, поняв, как быстро мужает ее мальчик. А теперь вот сердце зашлось... Что-то озорное всегда было в нем, таком милом, искреннем, ласковом, талантливым. Сынок с раннего детства просто фонтанировал забавными умозаключениями, веселыми придумками, специфическим, ни на что не похожим добрым, мягким юмором. Одним словом, жестом или взглядом он умел объяснить, показать ситуацию, высветить или

закрывать проблему. Ей теперь так не хватало его искристого, радостного смеха, сердце не размягчалось без его теплых успокаивающих слов...

Опять мысли рвутся, как паутина под пальцами... Почему-то именно мелочи оказывались теперь самыми значительными, самыми важными и необходимыми на свете: его улыбка, радостный смех, его маленькие детские секреты, рассказанные ей с необыкновенным доверием. А теперь она лишена их... Трудно противиться тоске, понимая, что ничего хорошего уже не будет.

...Говорил: «Выходи замуж, если попадется хороший человек». Не встретился такой, с которым ей хотелось бы прожить всю жизнь, но не переживала, не считала себя обделенной... Помнится, один раз чуть не поддалась на уловку. Через сына мужчина стал ее добиваться. Подумала, может, и правда придется по сердцу? С цветами пришел на свидание в парк, стихи читал в день их знакомства. Но что-то в нем настораживало ее. Оказался квелым, бесхребетным, никчемным. Через неделю явился к ней на квартиру. Облагодетельствовал! Нарисовался пьяненький, с выражением слезной собачьей преданности в глазах, с избытком мужского фольклора, нимало не заботясь, приятно ли ей его состояние. Глянула на него в приоткрытую дверь – с души воротит. Перед сыном стыдно стало. Удержалась от совета, как гостью интересней распорядиться собой вне их дома – пьяного лучше не трогать, – и молча на дверь лифта указала. Ее нервы не были предназначены для экзальтации.

Так оскорбился. Не оценила, видишь ли, его героического позыва растить чужого ребенка! А потом перед друзьями утверждал, что считает за лучшее нигде долго не задерживаться. И сказал это в ее присутствии. Подгадал, когда она проходила мимо его компании. Какая низость! Правда заключалась в том, что он даже порога ее дома не переступал. Как оказалось, совсем лишен был душевной опрятности. Злокозненный какой-то мужичок попался да еще вздумал диктовать свою волю. Конечно, не осталась у него в долгу, жестко отхлестала словами, зло унизила, но при этом не испытала победного ликования. Тошно было. Ой как тошно. Осталось глухое взаимное неприятие. И самое обидное, сам-то ничего путного из себя не представлял, а еще на что-то претендовал. Думал, разоренное сердце готово всеми силами привязаться к тому, кто выкажет ему немного сострадания и элементарного внимания?.. Ох уж эта вечная жажда счастья – безрассудная мечта юности!

Всех людей судьба оделяет разными долями счастья. Некоторым достается жизнь, богатая бедами. Никто не готовит нас к возможной печальной действительности, все о счастье твердят, поэтому-то и нет у нас иммунитета к страданиям. И ломают, и корежат они нас, романтичных, восторженных, наивных... Путь целомудрия, ограничения, отречения, отказа и отрицания, который она сама добровольно избрала, потому что ее любимый из-за ее строгих принципов не мог стать ей мужем, – единственно правильный, и незачем было устраивать этот внутренний разлад...

Раньше она четко сознавала, что только в себе самой сможет найти душевную опору, и не теряла самообладания даже, казалось бы, в самую отчаянную пору схватки за жизнь и здоровье маленького сына. Она привыкла жить ради него. А теперь, когда беда выхолостила ее, когда, не помня себя от горя, она отрешилась от мира, от общения, с нею остались только обнаженные нервы и тоска-удавка. Конца ее мучениям не было видно, и она утвердилась в мысли, что цвет ее жизни – черный, цвет горя и неудач; что суждено ему быть вечным спутником ее страданий. И цена ее жизни – три копейки в базарный день.

В своих переживаниях она дошла до края. Куда делась та всепонимающая, всезнающая женщина, готовая любому прийти на помощь? Теперь даже для себя она не могла найти способ выйти из бесконечно тяжелой депрессии, избавиться от постоянно преследующей ее вины. «Ничего не осталось в моей жизни, кроме запредельного безумного кошмара. Даже когда стараюсь погрузиться в размышления о работе, мне не позволяет сосредоточиться мучительная мысль о сыне. Как же все далеко у меня зашло, как абстрагировалась моя жизнь, если я разучилась различать порожденную страхом фантазмагорию от действительности? Я не ведаю, когда брежу, а когда пребываю в подчинении у сознания. Глядишь, и говорить начну вслух и бесконтрольно, – горько поморщилась она. – Тогда от меня можно будет ожидать любых сюрпризов... Так ведь и рехнуться недолго. Всего лишь один шаг отделяет нормального человека от помешанного, с перекрученными мозгами...

Это уже перебор. Никакой логики, сплошные эмоции. Я во власти наваждения? Это на меня не похоже. Что делать? Как пустить ход мыслей в другом направлении? Надо думать о хорошем, о новых планах. Но ведь это все равно будет без него, без Антоши. И все хорошее сразу потускнеет или вызовет еще более острую боль... Без нормального сна мне не выбраться из трясины депрессии. И здесь у меня шансов ноль». На ее лицо вернулось досадливое выражение, потом оно сделалось безразличным...

От обиды на судьбу первое время она избегала видеть счастливые лица матерей. Рука не тянулась ни к одной из книг. В них выдумки, а вокруг реальная жизнь. Схлопывались слезные железы, вовремя не включались сердечные клапаны, в обмороки падала. Напряжение все нарастало, горе нескончаемо изматывало. Подруга-врач констатировала нервное истощение. Потом, в частной беседе, сказала: «Разбитое горем сердце ни один врач не вылечит. Жизнь так устроена, что мы умеем забывать о том, что существует смерть. Мы многое забываем. Терпи. Знаешь, легче живется тем, кто запросто вываливает свои несчастья на головы друзей. Беды ослабляются, даже несколько обесцениваются. А ты молчишь, копишь страдания. Время лечит...»

А оно не лечило. Наоборот, возникало все более глубокое понимание своего горя. Неясно-тревожные мысли появлялись, уходили, опять возвращались... Становилось немного легче, только когда ею овладевало безучастное, сонливое безразличие... «Ничто не вернет мир моей душе. Я не могу не роптать на свою горькую судьбу», – думала она печально.

И вдруг, поручив четверых детей и огромное хозяйство заботам свекрови, сердцем угадав Ленину боль, на весь отпуск примчалась из Казахстана любимая подружка юности Люсенка, чтобы вырвать ее из опасного одиночества. Руку помощи протянула ей та самая милая добрая тихая девочка с небесно-голубыми глазами и косой, беленькой мальчишеской челкой над чистым выпуклым лбом, с которой она в студенческие годы иногда позволяла себе говорить открыто о самом сокровенном. И это была уже не иллюзия дружбы. Камнем на Люсино сердце легла беда подруги. Своя, годами выстраданная боль погнала ее за тысячи километров от дома. Как же иначе, ведь горе может сломать любого, даже самого сильного человека, если он остается со своей бедой один на один. Люся умела быть верной подругой тем, кто относился к ней искренно и серьезно. Она лучше других понимала: недопустимо, чтобы в такое сложное время человек был предоставлен самому себе, оставался наедине со своими мыслями и был озабочен своими размышлениями настолько, что все вокруг переставало существовать.

Но даже она, зная тонкую натуру Лены, не ожидала увидеть всегда уверенную, энергичную, независимую подругу до такой степени истерзанной, подавленной, совершенно сломленной, находящейся в состоянии какой-то обреченной умственной апатии, во всяком случае, если судить внешне. Боль и беспросветность как в зеркале отражались на лице Лены. Погруженность в себя, в свои беды не помешала Людмиле заметить в подруге ее нынешнюю потерянность, горестный обвал души. Она была потрясена, увидев Ленин тронутый смертельной усталостью взгляд, полный бесконечного ужаса и горя. И в ее голосе не было ничего, кроме усталости. Перемена была столь разительной, что Люся горестно подумала: «Она страдает от переизбытка тяжелых дум. У нее не хватает сил даже на то, чтобы просто осмыслить происходящее с ней».

Бледная, измученная бедой, Лена встретила ее странной, жалкой, покорной улыбкой, пропаханными бедой морщинками лица, потухшими глазами, от взгляда которых у Люси больно сжалось сердце. Лена только изумленно-горько воскликнула навстречу ей: «Люсенка! Какими судьбами?», и черты лица ее резко изменились, как если бы она внезапно осознала, что совершила страшную, непоправимую ошибку. Лицо закаменело, болью сдвинулись брови, образовав на переносице глубокую расселину. Она скорее удивилась, чем обрадовалась приезду подруги, но поняла, что заставило ее принять в ней участие... Оказывается, даже с ее жизненным опытом она не подозревала, насколько сильна Люсиная дружба и преданность.

Подавленная впечатлением от состояния подруги, Люся не смогла сразу заставить себя говорить одобряющие слова. Неизвестность всегда представлялась ей значительнее и опаснее, чем она на самом деле являлась. Но то, что она увидела, шокировало ее, и она не знала, как поступить, чтобы вырвать Лену из пространства скорби. Она понимала:

это не та боль, не та скорбь, что изливается в жалобах. Она понимала, что тоска бывает много пронзительней слез... Темная тайна пораженной, покореженной болью психики Лены пугала ее, поэтому сначала она даже не делала попыток рассеять ее устойчивое уныние и апатию. Их первым разговором было насыщенное молчание в объятьях друг друга.

Любая душевная болезнь – свидетельство личных, этических или моральных потерь. Чужая боль, чужая душа – секрет за семью замками. «Вот, оказывается, что могут сделать с человеком горе и одиночество! Оно и понятно: одинокий человек перед несчастьем беззащитен... Какой непроглядный колодезь боли! Полная утрата положительных эмоций. В черной глубинной тоске, несомненно, есть что-то страшно зловещее. И кто это сказал, что в несчастье человек раскрывается глубже всего? Утешающее заявление... Бывают минуты, когда и сильный человек не может стать выше переживаемого момента, – думала она с некоторой растерянностью. – Мне было легче. Я плакала, утопала в половодье слез. Сухой плач души – самый тяжелый».

Лена была так погружена в себя, что Люся не сразу решалась нарушить ее сосредоточенности. К тому же она считала, что неуместно лишний раз выражать подруге сочувствие, способное всколыхнуть разбитое сердце, всякий раз будто заново переживающее свою беду, свое безмерное горе, что не стоит беречь незаживающую рану. Первое время она просто старалась ни на минуту не оставлять Лену после работы одну, говорила ей простые, четкие, конкретные слова и деятельно пыталась вовлечь подругу в полноценное общение, чтобы вернуть ей остроту ощущения жизни. Но страстное напряженное желание понять подругу, чтобы поскорее разогнать этот невыносимо страшный мрак ее души, заставлял, подталкивал ее действовать более энергично. И она принялась ежедневно внушать Лене:

– Если нет слез, значит, сердце ожесточилось. Надо что-то делать с болью, которая не дает тебе дышать. Растормозись. Говори, говори! Твое сердце стыло от беды, твоя невысказанность гнетет тебя. Не подавляй эмоций. Вдоволь намолчалась без меня. Доверься мне. Я же не понаслышке знакома с существованием крайних трагических обстоятельств. Отрешись от своих горестей. Нельзя жить самоистязанием. Я встану между тобой и твоей бедой. Рано тебе уподобляться расстрелянной птице. Не впадай в мрачность, не хорони себя, жизнь окончательно не потеряна. В тебе притупилось самое истинное, самое сокровенное. Разве неизбежное не свершается, если мы придавлены страданием? В жизни не может быть остановок. Ты закрепляешь в себе чувство вины, а вина не очищает, она губит.

Лена отвечала на ее слова жестом, выражавшим одновременно понимание и бессилие.

– Выслушай меня и поверь: я смогу взглянуть на твои проблемы с другой стороны и уже этим помочь тебе. Пойми, каждый человек хоть раз в жизни сталкивается с жестокой действительностью, окунается в океан человеческих бед, а твоя жизнь – история за пределами страданий, находящихся за гранью человеческих возможностей. Но не предавайся отчаянию, постарайся перешагнуть критическую линию своей боли. К чему тебе это самоуничтожение? Примори себя с жизнью. Воскреси себя. Прими происшедшее как горькое осознание неизбежной данности. Понимаю, закон целесообразности, заставляющий все живое менять свои формы, здесь не работает... Чтобы не душила вина, прости сама себя, и сразу повернись спиной к своей боли. Копание в прошлом не приносит пользы. Мысли о смерти недостойны тебя. Кому и что ты докажешь этим?

Не спеши с выводами, подумай, что может послужить тебе исцелением или хотя бы прибежищем. Ты была хорошей матерью, и уже в том твое оправдание (И зачем только она произнесла эти слова!), – с непоколебимой уверенностью в собственной правоте говорила Люся. – Тебе не идет жалкая, тупая обреченность. Она мешает тебе вернуть душевное равновесие. Мобилизуй себя. Непомерно раздутая склонность к самоанализу – это именно то, от чего ты не можешь освободиться – мучает и раздражает тебя, как заноза.

Угнетенное состояние позволило бедам выдвинуться в твоей душе на первый план, причиняя тебе жгучую боль, и создало в тебе ощущение того, что ты не справишься с собой. Твоей душе, надорванной страшным застоём, требуется движение, – ласково и осторожно рекомендовала Люся. – Тебе бы сейчас на юг, к морю. Я не одинока в своем желании? (Боже мой! Что за глупая мысль! Неизвестно еще чем обернется мое тупое

вмешательство в ее судьбу. Из-за неуверенности в пользе своих действий я слышу в себе путаное многоголосье?) Даже самые сильные страдания со временем блекнут и утрачивают остроту. (Что я говорю? Эту боль не излечивают десятилетия... вся жизнь.)

И Люся, исполненная беспомощной солидарности и любви, сознающая свои ограниченные возможности, останавливала сама себя. Поставленная задача оказалась много трудней, чем она ожидала, поэтому ей хотелось добиться хотя бы временного душевного спокойствия, вызванного пусть даже притупленностью чувств. Но в Лене поднималась тихая волна недовольства подругой. Ни облегчения, ни освобождения от мыслей, на которое Люся надеялась, не было и в помине. Изнуренная горем, усталостью, постоянными недосыпами, Лена не воспринимала слова подруги.

Люся рассуждала с быстротой, в некоторых случаях совершенно неуместной, и тем раздражала Лену. Она, зачастую не считаясь с ее доводами, говорила и говорила, словно боялась остановиться и услышать вопросы, на которые не сможет найти ответа. А Лене казалось, что подруга понимает, но не хочет принимать в расчет то, какие сомнения ослабляют ее дух, и с видом лицемерного святоши долдонит свое. Она слушала Люсю и молча качала головой. И эти покачивания были несколько двусмысленны и могли быть интерпретированы как знак одобрения или служить выражением самых различных и весьма тонких нюансов ее разбродных чувств и мыслей.

- И чего только ты не придумашь, - вяло всплеснула руками Лена, как бы отодвигая подругу вместе с ее никчемными словами.

Ей почему-то пришло в голову украинское слово «байдюже», которое ее бабушка применяла, как ей тогда казалось, и к месту, и не к месту. Она не понимала его универсальности и только поражалась степени охвата им всевозможных жизненных ситуаций. Это короткое, емкое слово в устах бабушки и утверждало, и сожалело, и возмущалось. «Вот так и Людмила...» - думала она безразлично.

И снова приходила ночь. И снова возвращались муки. Она одиноко лежала с болью в сердце и терзалась тяжелыми думами, завидуя крепкому сну подруги. Опять жуткие мысли, полусны, кошмары, трепещущие нервы, покинутость, смертельная тоска... «Было нечто: я и он, а теперь... ничто. Была чуткая, пульсирующая материнская усталость, а теперь она - свинцовая, давящая, не приводящая ко сну, не спасающая... Нет желания освободиться от нее... это конец».

- ...Не вырисовываются у меня в голове контуры твоего будущего. Судьба проверяет, человек ты или нет. Прошлое изменить нельзя, а будущее - можно. Нельзя, чтобы боль побеждала жизнь. Понимаю: она - преграда твоим мыслям... Ты никогда уже не будешь прежней, и все же попробуй вернуть себе утраченное равновесие, похорони печальное прошлое, не сбрасывай себя со счетов, начни жить заново, выплыви из забвения, из небытия тяжелой задумчивости, пока не загрызла тебя смертная тоска. Депрессия чаще всего кроется в нас самих. Ты от себя устала, от своей рефлексии. Чувствуя невероятно глубокую усталость от жизни, мы сами погружаем себя в бесконечную пустоту одиночества; отгораживаясь от мира, делаем себя самым ненавистным себе существом. Разве ты не чувствуешь потребности в утешении?.. В голове Людмилы мелькнуло: «Слишком гордого человека невозможно пожалеть даже в его горестях. Надо искать другой подход».

- Тебе снова надо почувствовать в себе надежный стержень, чтобы жить, а не влачить жалкое существование. Заново научись жадно выплавлять из скудной жизни крупинцы радости. Ты же всегда умела! Я знаю, о чем говорю. Я уже прошла через это... Попробуй играть на мандолине или петь сначала пусть даже самое грустное, чтобы заглушить трагичные мысли, загасить тоску. Когда поешь, не думаешь ни о чем. Мне помогало, если потихоньку «скулила» народные песни.

Но слова отскакивали от заледеневшей души Елены. Сердце с неистовой болью восставало против любого непрошеного проникновения. «Чем всколыхнуть аппетит к жизни, если основное ощущение от нее - безразличие, а в сердце пронзительная пустота. Мужчина отводил бы душу в водке или предавался необузданным «забавам» и с наслаждением следил, как безнадежно опускается... Мужчина... А я разве не опустилась?.. Не пора ли поубавить заносчивости и составить о себе реальное представление... чтобы было чем себя попрекать...»

- Зачем тебе вскрывать свои комплексы, углубляться в химеры подсознания? Пересиль себя, не позволяй себе уходить в недовольство собой, придави уныние, смирись с несчастьем, посланным тебе судьбой. На все воля Господня. Он примиряет нас с жизнью как раз в те моменты, когда эта жизнь трещит по швам. Спрашивай у Бога не «за что мне такое?», а «зачем?». Не бывает креста выше человеческих сил. Не убивайся, не бери на себя больше, чем можешь донести, остальное оставь небу. Платить по счетам надо только за свои прегрешения...

У нее чуть не сорвались с губ слова: «Бог дал, Бог взял». Но она сама их испугалась, понимая, как они не к месту для человека, воспитанного «в духе героической борьбы с религиозными предрассудками». Люся сама не знала и даже не задумывалась, были ли ее слова столь бесспорными, как она себе на тот момент пыталась представить. Говорила автоматически, больше по привычке. Ведь говорят же, что Христос – слезы человеческие. И он облегчает душу...

Люся искала любой зацепки, чтобы вытащить подругу из болота несчастья и одиночества. Настоящее страдание иногда отрезает все дороги к просветлению души, и надо, чтобы кто-то сумел протоптать к больному сердцу поначалу хотя бы маленькую тропинку.

- Молитва смывала с меня высокомерие и отчаяние, уносила в мир более высокого порядка, освобождала от дневных волнений... - начала было Люся, но реакция Лены была совсем не той, на которую она рассчитывала. По всей видимости, даже обратной. Сама того не ожидая, Люся задела, коснулась... тайного... Прежде всего, она поймала на себе несколько недоуменный взгляд подруги: «Не ждала от тебя таких слов. Нашла чем утешить! Чушь... Наивная? Но не до такой же степени».

При упоминании о высших силах Лена насторожилась, ее передернуло – вот так, ни больше ни меньше. Она слабо скривила губы со смешанным чувством удивления и досады, но ответила мягко и печально, стараясь выразиться деликатнее:

- Он свое уже сделал... И ты тут мало чем можешь помочь. Думаешь, религия дарит веру в свои силы?.. Только не мне.

У Лены вызвало гнев то, что ей приходилось выслушивать и принимать участие в разговоре на запретную для нее тему. «И это подстроила подруга!» А та и не заподозрила, в какую ярость привела Лену. Она не догадывалась, что основное препятствие к выздоровлению составляла как раз уверенность Лены в ее незаслуженном наказании, может быть, даже... высшими силами. И это было более чем достаточным основанием для того, чтобы больше не поднимать эту болезненную тему, избегать ее всеми возможными способами. Пусть будет ирония или грубость, в этом она не станет препятствовать Людмиле... Она уже раз обожглась, поверив в облегчение душевной боли. Вместо торжественной печали и смирения, которые должны были возникнуть в церкви, на нее накатила совершенно неуместная неприличная злость, глаза ее запылали сухим нехорошим огнем. В неподготовленном сердце обида вспыхнула с еще большей силой...

Лена заговорила с оттенком горечи в голосе, что не прошло незамеченным для Людмилы: «Это шаг в пустоту, в неизвестность...» И ей почему-то не стало хватать воздуха, она зашлась слепящей, изматывающей обидой и смогла только прошептать: «Не вытягивай из меня жилы». Людмила растерянным жестом выразила свое раскаяние за легкомыслие. И пока Лена приходила в себя, она лихорадочно обдумывала, каким образом ей изменить категорическое отношение подруги к обсуждаемому вопросу в пользу религии, но ничего не придумала и даже не смогла быстро сообразить, что сказать в свое оправдание, и окончательно смутилась. По удрученному выражению ее лица Лена видела, что она стыдится своего поступка.

Без сомнения, слова Лены не были желанием перечить. Она понимала, что в поисках даже слабого мимолетного утешения для нее подруга хватается за идеи ей непривычные, доподлинно неосознаваемые, будто говорит она с чужих слов. Раздражала Лену и Люсяна неумеренная болтливость. В этом сквозила некая, совсем уж неуместная, на ее взгляд, ребяческая наивность, некомпетентность. «Носится со мной как с писаной торбой. Точно с ребенком разговаривает. Досаждает, допекает непрошеными советами... Даже однажды позволила себе бестактность – спросила, как погиб сынок», – мрачно думала Лена. Она не выказывала свое раздражение, а со спокойной, словно

неприятной сдержанностью, без ссор, редкими емкими фразами ухитрялась заставить подругу почувствовать, что пальма первенства в их разговорах принадлежит ей. И для Люси снова затворилась дверь к сердцу Лены, как затворялась уже не раз во время их бесед.

Поняв свою оплошность, Люся терялась и пугалась, что не выполнит опрометчиво данное себе обещание спасти подругу, но замолкала ненадолго. Похвально было упорство, с каким она отстаивала свое право на советы, пытаясь разрушить атмосферу скорби и безысходности. Она не отступала в поисках ахиллесовой пяты своей подруги, хотя иногда от бессилия злилась и пускала в ход далеко не великосветские выражения, а потом каялась, просила прощения, объясняя свою несдержанность нервами. «Ты же знаешь, чего я натерпелась от своей свекрови, и с мужем долго пришлось хлебать гадкую кашу его тирании. Устала я от сложностей. Что-то горькое подступало к горлу, мешало дышать. Так хотелось простых, незамысловатых и честных отношений... – говорила она и со слезами обнимала Лену, будто ища, как в юные годы, ее защиты. – Когда скорбь начинает невыносимо больно терзать мне душу, я говорю сама себе: «Подопри свое сердце надеждой и живи дальше»... Она чуть не сказала: «ради детей», но вовремя опомнилась.

Проходило совсем немного времени, и Люся опять искала пути примирения подруги с реальным миром.

– Ну что ты, в самом деле, очнись! Путь твой не завершен. Хочешь ты того или нет, тебе придется начинать жить заново. Не все проходят Голгофу с последующим воскрешением, но только не ты, – упрямо говорила она. – Что-то сломалось в тебе, и ты почувствовала себя незащищенным ребенком. Если память мне не изменяет, ты не лишена честолюбия. Каждый из нас несет в себе свою особенно звучащую ноту жизни. Не загаси свою, такую красивую и высокую. Выйди из беды с наименьшими потерями. Не губи себя. Тебе не пристало поддаваться разочарованию и бездействию, ты еще много можешь сделать. По уши впрягайся в научную лямку, изнуряй себя работой. Чтобы не оставить ни минуты для гнетущих, терзающих сердце раздумий. Вспомни свои слова: «Коль скоро рассчитываешь на победу, ставки надо делать по-крупному». Вытаскивай свои козыри, не мелочись. Где твой характер, твоя суть? Ты же знаешь себе цену. Вспомни доцента с кафедры биологии. Он птицами занимался. До последнего дня из последних сил старался. Врачи дали ему полгода жизни, а он четыре смог...

Она опять чуть не сказала «ради своих троих маленьких детей».

– Ты сама в своем расстроенном воображении создала ужасный образ нынешней жизни. Тоска сама собой не прекратится, ее, как болезнь, надо лечить. Перед тобой самый труднопреодолимый перевал в твоей жизни. Пройди его достойно. Я страх и тоску выбивала из себя злостью на свою беспомощность, – упоенная своей собственной речью, утверждала Люся.

Лена угрюмо молчала. «Кому нужны эти нудные резоны? Не отбиться мне от наседающих тоскливых мыслей». На какой-то миг Люся уже отчаялась найти способ вывести подругу из мрачной депрессии. Ей хотелось закричать: «Мне скрестись, стучать, барабанить в неподатливую дверь твоего упрямства или умолять?!» Но она успокоилась и пустилась в воспоминания.

– Пораскинь мозгами, ты же всегда учила меня тому, что мы, женщины, не можем позволить себе быть слабыми. Я первое время часто вспоминала твои шутливые слова: «...Усталость отложи на потом, это любовь и рождение детей на старость нельзя откладывать...», «Кажется, еще немного – и конец, но я взмываю белым лебедем!» Они не плод моего воображения. Ты права, мы обязаны взмывать... Всегда в самый ответственный момент ты оказывалась рядом с теми, кому плохо... Я и Лиле о тебе рассказывала, когда ей было тошно.

Мне тоже знакомо чувство губительного одиночества. Вспомни весь пунктир наших, пусть даже редких встреч, вспомни мою беду. Я тогда до ручки дошла. Ты учила меня чувства подчинять рассудку, ты помогла мне тогда выжить, и не растоптала меня горькая правда жизни. Встала я на ноги, окрепла сердцем. Живу, хоть нередко и сейчас еще меня топчут, борюсь. Твой лозунг: «Чтобы радоваться жизни, надо быть сильным человеком» поддерживает меня в трудных ситуациях, не дает раскисать... Это же отступничество! – возмущалась Люся. – Мне показалось, ты перестала себя уважать. Тебе выпало очень

трудное испытание – переживать самое большое несчастье в жизни женщины – гибель ребенка, но ты, насколько я тебя знаю, самая сильная из нас, твоих подруг, ты сумеешь вынести его и с полным правом сказать: я сильнее обстоятельств. Это горе никогда не забудется, не сотрется из памяти, но тебе надо заслониться новыми заботами, новыми проблемами. Умение быть или чувствовать себя счастливой – тоже талант. Можно ведь и всю жизнь проплакать. Ты пропиталась собственной горечью. Расслабься. Если в душе нет пространства, а в сердце – ритма времени, – это смерть. Грех – убивать себя. Отрешишься от сомнений, положишься на меня. Вместе мы победим твою депрессию.

Ты поставлена перед выбором: отвоевать себе новое счастье или отказаться от него. Молодость – лучшее лекарство от всех жизненных невзгод. Тебе только сорок. Ты достойно прошла первую половину своего жизненного пути. Прими взвешенное решение, ты же умная. Не растрачивай на тоску драгоценное время второй половины. Я понимаю, в твоём сердце последние семнадцать лет безраздельно царили сын и мама. Все остальные привязанности для тебя были как тени. Теперь, когда самых родных больше нет, тебе необходимо свыкнуться с мыслью о потере, освоиться в новых условиях. Все раны в конце концов зарастают. Попробуй научиться любить себя. Это поможет тебе выжить. Любить, а не жалеть. Жалость к себе ослабляет и физически, и морально, с ног валит, превращает в медузу. Сама посуди, ведь плохо, если человек перестает быть нужным самому себе? Абсолютного счастья не бывает. Отыщи и не упусти хоть малое... Я понимаю, когда все плохо, никак не можешь уйти от своих скорбных мыслей... это невыносимо. Но прекрати вслушиваться в себя.

Только Лена не поддавалась под влияние подруги, снисходительно, даже как-то покровительственно поглядывала на нее и печально качала головой, не принимая ее мужественного сострадания. Мол, не привыкла раскладывать свой груз по чужим плечам. Сама разберусь, как жить с неразрешимой мукой в сердце. Она не позволяла себе сомневаться в суждениях подруги, но и не подчинялась ее воле. А Людмила верила в успех своего замысла и снова вооружалась терпением.

– Не прячься от самой себя, – говорила она уже на следующий день. – Как иногда бывает важно знать, что кто-то чувствует так же, как и ты. Бывает, что и чужие чувства, сходные с твоими, становятся близкими тебе.

Лена отвечала ей молчаливым согласием. Но не прорывались к ней Людмилины слова, утомляли. Да она и сама запутывалась в них.

– Я не вправе лезть в твою душу, оспаривать твоё мнение. Знаю, что никогда не перестанешь горевать, но это только сейчас тебе кажется, что твоё горе не поддается переосмыслению. Я отгоревала своё несчастье, и ты прими его как данность и переживи. Не смеешь надеяться?.. Новые обстоятельства уже предъявляют на тебя свои права. Победи страшную прихоть судьбы, не дай сломать себя. Тебе сейчас главное – не упасть ниже, чем ты есть, не свалиться еще глубже в пропасть отчаяния. Отбрось проклятую нерешительность, порожденную несчастьем, не позволяй горю обрушить твою жизнь, не обрекай себя на одиночество. Изоляция может любого человека привести на грань безумия. Одиночество возвышает души и заставляет идти вперед только избранных. Человек – стадное животное, ему нужно общение, – пошутила она, с тревогой, опасно глядя на Лену. – Сделай одолжение, попытайся преодолеть горе, найдя выход в науке и творчестве. Помнишь, Хичкок обернул свои страхи в творчество.

– Ты считаешь, что тебе удалось выявить между нами объединяющее сходство? Он думал о себе, и это несколько меняет дело... Какое творчество, когда душа пуста, а сердце разорвано на две половинки? – все еще храня в уголках губ гримасу боли, устало и безнадежно отмахнулась Лена.

Не помогали ей Людмилины слова, не трогали душу. То не было простодушное стремление отрицать очевидное. Она еще вся была в своём горе. И голова до сих пор была как чужая и не воспринимала адекватно окружающее. И скрытный характер, закаленный самостоятельной жизнью, не позволял, не впускал. И только глаза чаще, чем ей хотелось, проявляли во взгляде то, какого рода мысли заключены в ее непокорной голове. Но она приобрела привычку их прятать. Вот и не получалось у Людмилы найти ключик к сердцу подруги. А Лена отвечала ей с уступчивой усмешкой привычное: «Тебе видней».

И, тем не менее, негромкий успокаивающий голос подруги становился для Лены как бы

единственным ориентиром в мире, погрузившемся во мрак с той минуты, когда она осталась в городе одна. И Люся, словно понимая это на уровне подсознания, отменяя всякие сомнения, не отступалась и упорно продолжала искать, нащупывать.

- Ты в своей жизни уже совершила один негромкий, но героический подвиг - воспитала прекрасного сына, соверши еще один. Прыжок с парашютом - это прыжок не вниз, а вверх, через страх, через боль... Пойми, для нас, женщин, предел несчастья - безнадежное одиночество. Оно, как стопор или якорь, не позволяющий двигаться, жить. Нам нужно о ком-то заботиться. Отвлекись от своего горя, переключись на сострадание чужому горю. Именно на оселке чужой беды проверяется человек. Сколько еще всего хорошего в тебе спрессовано и не растрачено!

Воспитай себе второго сына, перенеси на него то, что не успела отдать Антоше. Пусть он станет отправной точкой в твоей новой жизни. И тогда в тебе не увянет до срока способность любить безраздельно - твоё истинное женское предназначение - и сразу освободится обычно скрытая вечная сущность вещей, и твоё подлинное «я» пробудится от мертвящего забвения. Не допусти, чтобы оно погибло окончательно. Ты возродишься. Сердце вновь раздвинется, готовое вместить не только новые страдания, но и новые радости. Только мысленно держись за тех, с кем была близка, чья любовь тебя поддерживала и укрепляла. Совершенного решения твоих проблем не может быть, но это лучшее, что ты могла бы сделать в такой ситуации.

Не тешь себя мыслью о прошлом счастье, не слушай сейчас своё сердце, оно больное и не подскажет разумного выхода из тупика. Включи мозги. Трудности снова будут сыпаться на тебя, как из рога изобилия, но с ребенком ты выступишь, вновь почувствуешь себя в седле. Все проблемы и мелкие обстоятельства утонут в твоей любви к крохотному беззащитному созданию. Материнское начало возьмет верх.

Засветись снова, теперь, как сентябрьский кленовый листок. Твоя душа с надорванными нервами снова научится любить. И когда-нибудь ты признаешься себе, что, несмотря на трудности и беды, твоя жизнь была нескончаемым чудом и что ты успела сделать почти все, что хотела, и успела насладиться многим из того, что отпускает нас окружающая нас природа. Не отнимай у себя минуты счастья, которые стоят многого и даже тех испытаний, которые посылает нам судьба. Помнишь, «Старик и море» Хемингуэя? Какова сила духа! Там мужчина ради самого себя утверждался, а тебя будет направлять праведная цель - воспитание человека. Знаешь, правильно говорят: «Что отдаешь, к тебе когда-то возвратится».

Конечно, чтобы замкнуть своё сердце для жизни, для любви, надо тоже быть сильным человеком. Но твой ли это путь? Что ты предпочтешь? Искать ответы на все вопросы придется тебе самой. Как бы ни было трудно, надо жить и работать во имя своего будущего... Ты говори, говори, выговаривайся. Не молчи, - упрашивала Людмила подругу. - Каких бы высот ни достигла в своей карьере женщина, она в душе прежде всего мать, а потом уже все остальное. Надо, чтобы свеча не погасла...

Лена вздрогнула, словно оттолкнула себя от этой неожиданной мысли. Она не готова была видеть на месте своего сына другого. «Нет! Никогда! Никого!..» Она не сразу отважилась подвергнуть анализу эту неожиданную мысль, она старалась вовсе не размышлять о ней, будто не желая признавать за ней бóльшую важность и ценность, чем она на самом деле для нее содержала. А была она, эта ценность, немалой, судя хотя бы уже по тому, какое значение Лена вдруг сама придавала ей. «Я не хочу радости? Не хочу счастья? Боюсь надеяться, чтобы не разочароваться? Это слабование, уход от действительности... Счастье - просто жить?.. Мне этого мало. Это позволительно только в старости».

Хоть не сразу, но отозвались Люсины слова в сердце Лены. Она вдруг почувствовала, что стремительные, многословные, на первый взгляд бессвязные фразы все-таки несут информацию. И поэтому зазвучали они для нее как-то убедительнее, веселее. Она снова и снова вдумывалась в уже отзвучавшие слова Людмилы... «Зачем мне ребенок? Быть для кого-то нужной, самой главной? Чтобы меня снова любили?.. И я любила? Так трудно без чьей-то любви... Я сопротивляюсь, потому что самой себе боюсь в этом признаться?»

В ней будто бы немного затеплилось, слегка засветилось предощущение не пустого будущего. Она еще не понимала, что именно отвлекло ее от тяжелого груза тоскливых мыслей, что конкретно пошатнуло престол ее скорби, но что-то стронулось в ней в

сторону улучшения душевного самочувствия. Слова пока прозвучали только в ее голове как намек на то, что могло бы случиться, но пока не случилось... Может, она почувствовала необходимость сделать самое главное, самое нужное, но еще неосознанное. Она вдруг увидела себя со стороны, с изумлением, едва узнавая.... «Почему я сломалась? Разве я слишком долго держалась за мамину юбку? Нет... Был бы рядом Андрей... С Люсенькой не так холодно и одиноко...» – думала Лена, вдруг проникаясь к ней некоторым доверием и пониманием. Она потихоньку оттаивала, как сосулька на редком январском солнце. Ей уже иногда хотелось повалиться лицом в подушку и кричать в голос по-бабьи, рыдать навзрыд, чтобы облегчить свое сердце или отдаться на поруки чужой жалости, или пусть даже неуверенно, но запрокинуть лицо и увидеть простор неба. Но не получалось... И все же свершившаяся в ней с таким трудом перемена оказалась значительно глубже, чем она себе представляла.

И вдруг Лена непроизвольно улыбнулась. И как бы ни была ничтожно мала, эта едва промелькнувшая улыбка, она немного прибавила настроения Люсе. Она, заметив эту едва заметное изменение, вспылала каким-то детским восторгом тайного союзничества с подругой. У нее появилась надежда. «Ведь иногда бывает так важно вовремя почувствовать что-то родное, объединяющее», – чуть ли не со слезами радовалась она. Но не торопила Лену проскочить полосу сомнений. ...Слова Люси уже не казались Лене столь беспощадно отвлеченными рассуждениями, не затрагивавшими струн ее сердца. В них она видела что-то простое и конкретное и думала о них уже без гнева, хотя пока еще холодно, словно бы абстрактно. Эти слова отворили маленькую щелочку в ее зажатом, измученном сердце, как-то смягчили ее душу, породили жажду людского сочувствия. И само присутствие Люси отвлекало от тяжелых мыслей, сосредоточенных на одном и том же и непрестанно терзавшем ее изболевшуюся душу. Но быстро растормозиться не удавалось. Слишком медленно возвращалась она в действительность из боли... из апокалипсиса души. Но как-то ночью, очнувшись после очередного короткого раунда беспокойного сна, она обнаружила подушку влажной от слез. Организм во сне позволил себе расслабиться.

Она неожиданно для себя расплакалась, и мощный поток слез впервые принес ей некоторое облегчение. Она удивлялась силе и обилию своих слез. И позже она снова и снова бессознательно давала волю слезам. Терзавшие ее боль и тоска понемногу стали отступать. Сострадание и нежность возвращались в ее душу. Она оживала. На какой призыв она откликнулась хоть слабо, но незамедлительно? Что несколько поубавило в ней скептицизма? Крохотная надежда на то, что счастье, пусть и трудное, может повториться? Она слушала Людмилу и будто в уме произносила те же слова. Потом стала рассказывать о своих чувствах очень осторожно, стараясь не бросать подругу на острые рифы своей беды:

– Порой мне кажется, что вокруг меня не настоящий мир, а стилизованная реальность, как в театре. Вот я и воссоздаю в себе то, что было раньше, чтобы вернуться в реальный мир, минуя трагедию. Все вокруг меня пропитано неоднозначностью пространства, когда ничего не происходит и в то же время что-то происходит. Понимаешь?

Людмила не понимала, но слушала внимательно.

– Я хочу растянуть доброе время и сократить, замедлить или даже остановить горестное. Иногда хочу выйти за временные рамки. Я понимаю, что мои переживания не умственные, они носят осязательный, чувствительный характер. Это состояние прострации. Не могу я тебе доходчиво это объяснить. Я читала, у преступников такое случается. Они не испытывают ужаса от совершенного преступления. Они видят в своем действии что-то совсем другое, для нас нереальное, – открывалась она подруге.

– Боже мой, куда тебя заносит! – пугалась Люся и тут же дипломатично замолкала. Потом опять возвращалась к опасной теме:

– Леночка, не надо об убийцах. Они воспринимают насилие как должное. Их фетиш – смерть. Они не казнятся и, как говорится, быстро выбрасывают пустые гильзы прошлого. Не ставь себя с ними в один ряд. Страшный рок, а не ты – причина твоих страданий, и выйти за их пределы ты сможешь, лишь борясь не за себя, а за будущего ребенка, судьба которого будет зависеть только от тебя.

В ту ночь у Лены было ощущение экстаза, такого полного и яркого, какой приходит только во сне и никогда не случается на самом деле, в реалиях, потому что идеальной

жизни не бывает. Во сне она видела, будто обнимает подругу, а между ними уже была новая, воображаемая жизнь – маленький ребенок, и он находился в мощном поле любви этих двух сильных, надежных женщин...

Она проснулась с растерянной мягкой улыбкой. Ей было тепло. Странное счастливое спокойствие на короткое время снизошло на нее. Потом опять восторжествовал дух противоречия. «Кошунственная, жестокая мысль! Моего сыночка никем не заменить... Горе никогда не покинет меня до конца. Оно будет преследовать меня даже в самые радостные дни, если таковые теперь возможны... »

И вот, по прошествии нескольких дней, Лена обмолвилась, что на работе ужасней всего то, что она постоянно чувствует на себе излишне пристальные взгляды сотрудников, что ее изводят их участливая жалость, сочувственные слова, как по живому режут, точно прогоняют сквозь строй соболезнований. Естественно, что она в ответ или молчит, или бросает резко: «Да не вяжитесь ко мне с участием, и так тошно!» И Людмила потребовала от Лены взять отпуск, чтобы новое место всецело завладело ее вниманием, ее мыслями. Лена, может, впервые за ее взрослую жизнь, почувствовала себя слабой и вдовой и хоть не сразу, но согласилась. Невозможно мгновенно отрешиться от себя, от проблем. Еще долго черными, перехлестывающими тенями металась в ее сознании тревога и тоска, и заполненные до краев депрессией дни выматывали душу, разрывали сердце невозвратимой утратой, не позволяли спокойно коротать ужасно длинные ночи.

Всякий знает, что ночами, когда нет дневной суеты, душа больше стонет. Но Лена потихоньку отогревалась чуткостью Людмилы, и боль души ослабляла свою хватку. Мучительные мысли о сыне, тоска в сердце подле нее как-то становились тише. Она ни словом не обмолвилась Люсе об этом, но теперь не уходила от общения с нею, напротив, искала точки соприкосновения. Она поняла, что именно Люсенька в самое тяжелое время не позволила ей сойти с ума от горя. В ней затеплилась пока что пугливая и робкая надежда. Она очень осторожно касалась ее сердца и снова уплывала... А Люся улыбалась. Она уже несла в себе чувство своей причастности к доброму, светлому, просыпающемуся в подруге. Это придавало сил и уверенности.

Не в одночасье изменилось Ленино отношение к действительности. Потихоньку таяло и уходило чувство затравленности. Ее уже не пугали новые мысли, новые ощущения. Но решительных, кардинальных изменений в сознании не происходило. Может, потому, что еще совершенно непредсказуемо, неконтролируемо часто мелькали в голове грустные мысли, которые сразу вышибали все «предохранители», и снова начиналась жуткая бессонница, за ней следовала черным хвостом депрессия... Жуткие воспоминания всё еще сохраняли над ней мощную непреодолимую власть. Они словно замуровывали ее в непроницаемый саркофаг.

А Люся торопила: «И с таким настроением ты собираешься преодолевать новые превратности судьбы?» Характер их разговоров тоже претерпел заметные изменения. В них появилась некоторая задушевность. Беседы приобрели доверительную тональность. Теперь Лена уже сама пыталась направить свои силы в русло вновь приобретенных надежд, осуществление которых потребует от нее снова вознестись наверх, постепенно набирая высоту. Еще совсем недавно она отказывалась принять горькую действительность, а теперь ей казалось, что годы, проведенные с Антошей, были прекрасным, счастливым сном, ни забыть, ни стереть из памяти который невозможно. Они останутся с нею навсегда...

Некоторые раны не подвластны времени... мир рушится в один миг... боль хоть и притушляется, но всплывает снова и снова... Время четко делится на «до» и «после». Но она пробудилась, и наступила новая реальность, требующая от нее концентрации всех сил, для осуществления главной и единственной цели ее жизни, ее высшего назначения – воспитания ребенка.

Потом события стали развиваться стремительным темпом. Подчинившись настоянию подруги, Лена на время покинула город, бывший когда-то для нее центром вселенной, потому что здесь рос ее сынок, но ставший центром горя, потому что в нем его не стало. Город преследовал ее, навевая слишком тягостные воспоминания. Деваться некуда – всюду он, он...

Поначалу Лене не хотелось возвращаться на родину, боялась убедиться, что многие воспоминания окажутся совсем не схожими с прошлыми, реальными событиями, и разочаруют ее. И все же она поехала в деревню, где прошло ее школьное детство. Эта деревня, как шутили соседи, «одной ногой стояла в Украине, другой – в России»... Недаром говорят, что когда тебе плохо, хочется вернуться туда, где когда-то было искренне хорошо. Там было трудно... но иногда так радостно!

Она приехала в деревню, чтобы там почерпнуть ту силу, которая помогала ей расти в детстве и поддерживала её на протяжении многих взрослых лет. Движимая интуицией, она прибыла сюда, чтобы, пройдя через возрождающий ритуал, вновь вернуться к жизни. Сначала это путешествие подарило ей встречу с самой собой. Здесь она совершила очищающую экскурсию внутрь себя и поняла, как необходимо иногда побывать в тиши таинственных уголков детства, задуматься, по-иному проанализировать прожитое, чтобы вновь обрести себя. Раньше все бегом, бегом, а тут остановилась, оглянулась и будто дотянулась до детства, до своей истинной души. Почему с возрастом мы хотя бы мысленно стремимся вернуться в прошлое? Устаем от жизни? Окунаемся в детство в поисках первых чистых чувств ради обновления? Да мало ли для чего... Почему именно в этой деревне, в глубокой провинции, а не в городе, где прожила основную часть своей жизни, у нее возникает ощущение родины?..

Она пересекла станционный поселок. За ним открылся луг, и уже в душном запахе старого сена – остатков прошлогодних развороченных скирд – почувствовала что-то родное, до боли знакомое, но далекое. Подумалось: я разучилась думать о радостном? Она удивилась широте и пустоте открывшегося перед ней пространства. И эти высокие облака, как застывшие ворохи аптечной ваты, и небо первозданной синевы и чистоты... А эти хлеба слева – сила-силища! И эта выгнутая спина большого моста и вогнутые спины у маленьких мостков и кладок! Пахнуло детством, всколыхнулась в груди тихая, радостная грусть. Впервые за многие годы она ощутила блаженный покой, растворяющий не только проблемы, но и желания. В городской скученности, где глаза натываются на стены домов, и постоянный шум слегка туманит мозги, она отвыкла от чистого, далекого горизонта, от успокаивающей глади полей и лугов, от всеобъемлющей, плотной тишины...

Вот и круча. С нее прыгали в воду кто вниз головой, а кто солдатиком... Подошла, осторожно наклонилась, взглянула на тихую водную гладь. Обмелела река, далеко ушла от прежнего берега. Легла в траву. Ветерок обдувает, кузнечики стрекочут. Хорошо-то как!..

Ее душа, затерянная в бесконечных подробностях городской жизни, здесь, в деревне, вдруг вновь обрела четкие контуры. Внутри нее что-то зашевелилось свежей, забытой уже радостью любви к природе. Почему-то вспомнился легкий, еле различимый гул живого ствола дерева. До дрожи в ногах захотелось вновь прижаться к нему, испытать счастья... вызвать в себе яркое восхищение, странную, неземную, радостную тревогу...

Шла к кладбищу медленно, горько вспоминая все связанное с прошлым хождением по этой дороге... Сонные собаки, как и прежде, валяются в пыли. Рядом спокойно пасутся телята, прядая ушами, отгоняя насекомых. Вот еще сливающийся вдаль обветшалый забор старой части кладбища, тонущий в бурьяне, вот уже четко выделяющийся на фоне чистого неба темный крест на входе в святилище. Здесь тихо и торжественно. По самому краю кладбища осевшие могилки-холмики с обветшалыми, покосившимися крестами – недолговременными, молчаливыми хранителями усопших. Они уже не приглашают... в свои когда-то распростертые деревянные объятия. А вон там могилы вовсе без крестов. Они овеяны особой скорбью и печалью. Наверное, такие имеются на любом деревенском кладбище. Около них думается о вечном и преходящем. А вот эти надгробья – «зафиксированная в камне память»... Они не просто память, это то, что укрепляет нас по жизни.

Трепет охватил ее, когда она унеслась мыслями в детство, в свои прошлые ощущения, которые долго дремали где-то в глубине ее души. Они нахлынули внезапно у могил матери, бабушки и любимого деда, переполнили грустной и нежной тоской осознания потерь. Она будто в кругу родных, еще живых...

Сколько всяких теплых, добрых мелочей сразу вспомнилось ей!.. У их могил она почувствовала не только первозданную тишину, чистоту деревенского воздуха и красоту дикой природы – в этой картине запустения старой части кладбища было ощущение застывшего времени. Словно за этим осевшим, сглаженным, заросшим бурьяном рвом притаилась само время, сама смерть... Столько здесь было покоя и печали! В тишине и аромате этой вечной кладбищенской жизни она остро ощутила, как стесняет ее сердце давняя, неизбывная любовь, светлая грусть прошлого, боль настоящего и неопределенность будущего. И сердце не могло противостоять внедрению печали. Навернулись слезы...

Стоя у надгробий, она медленно пролистывала книгу памяти, сиюсь удержать ускользающие теплые мгновения минувшего. Не без труда она прокладывала путь к, казалось бы, затерянным в памяти грустным местам... Но в переплетении мыслей о прошлом, настоящем и будущем побеждало новое настоящее, пропитанное и пронизанное добром давно ушедших лет. Не сразу побеждало, потому что моменты воскрешения прошлого слишком сложны. Ее сознание путалось в нем, как в неуверенном забытьи, которое мы иногда испытываем, задремывая, окунаясь в несказанные видения. Слишком много труднопреодолимого наслоилось в ее прошлом: детдом, еще детдом, семья, еще одна... Не хотелось думать о грустном, но оно просачивалось...

Воспитательница. Почему именно ее вспомнила? Что расшевелило и разбудило в памяти именно этот эпизод? Звук, совпавший с тем, из далекого детства? Запах цветущей белой акации? А может, густая, насыщенная тишина? Тогда она была заполнена страхом. Терпкий сладковатый воздух или всего-навсего до боли знакомый негромкий, надоедливый зуд насекомых?.. «Она замахивается, я сильно сжимаю веки, будто это поможет онеметь всему внутри, чтобы все живое там заглохло. Мое, стиснутое между зубами ойканье, под аккомпанемент жуткого, заходящегося от злости смеха воспитательницы, сплетается со свистящими звуками ударов лозинкой и с тяжелыми, с великим трудом сдерживаемыми, продолжительными вздохами ожидающих своей очереди ребятишек. Страх рвет их сердца... А потом одних бросала в темном лесу. И это уже был не просто страх. То был ужас...» Именно этот ужас был первым и самым сильным, потому что полная незащитность для ребенка – самое страшное... Разве я могла, мама, рассказать вам про это...

Знала воспитательница, что все будет шито-крыто, пока мы – запуганные малыши... Это годам к шести мы обретали голоса и некоторое понимания себя в этом маленьком детдомовском сообществе... После очередной экзекуции, когда боль сковывала тело, думала: «Когда вырасту, неужели я тоже вот так же буду психовать и бить?.. Нет!»

А иногда я в бешенстве рыскала по хлестким кустам, с остервенением ломала ветки, сквозь зубы выплевывая грубые слова и черту, и Богу, не защитившему... «А пропади она пропадом, эта ненавистная жизнь!..» Разряжалась... чтобы не озвереть... А кажущиеся другим случайными слова «дом» и «семья» уже тогда проникали в сердце колючей болью, проступали предательской бледностью лица и нервным подергиванием мышц у глаз... «Наверное, потому-то со мной – пока не выросла – всегда было непросто... Может, здесь корни моей одержимости и упертости характера?»

«Не воспоминание, а какой-то «тончайший исповедально-лирический» шедевр», – колко усмехнулась Лена с высоты своего взрослого мироощущения. Но душа заныла, как прежде, как много лет назад... – Лезут в голову совсем не подходящие месту и минуте мысли... И почему в первую очередь вспоминаются те, первые, самые горькие годы?.. Сколько же до сих пор во мне обиды на несправедливость судьбы, отнявшей детство... Мои воспоминания всего лишь смутный отголосок того времени, а так больно...

Вспомнилась единственная встреча с отцом.

– Не язви, – сказала мама, – он все-таки твой отец.

– Не велика заслуга стать отцом. Труднее быть им, – резко бросила я. – Разве эта версия из разряда гипотетических?

Он не нашелся, что ответить, и только буркнул раздраженно: «Преступление шьешь? У тебя шарики за ролики заехали. Не надувай щеки, прекрати свой интеллектуальный нудеж. Вся в мать... Не надейся на алименты». А я отвернулась и молча презрительно

удалилась. Не понял. Больше нам говорить было не о чем... «Вот еще одно белое пятно замалевала в картинке своей жизни, – подумала я брезгливо... – Доцент, загадочный герой...»

И мать ни на чем не настаивала. Только кивнула, подтверждая этим правильность моего поведения... Тогда я еще не знала, что она – родная мать, путалась в догадках и домыслах. «Матери оставляют детей, если только умирают... А эта женщина переживает за меня, но не любит...» До полной разгадки тайны моего рождения было еще так далеко... почти целая жизнь.

Бабушка рассказывала, что родилась я с ощущением печали и какого-то космического одиночества в глазах. Совсем крошечной я любила вглядываться в лица, будто погружаясь в тайны человеческой души. Особенно нравилось мне смотреть на стариков... Откуда уже тогда была эта глубокая печаль, которая словно только искала повода, чтобы перейти в страшную внутреннюю боль?.. От того, что мать не хотела ее появления на свет?.. От несовершенства мира у некоторых людей главное отношение к жизни – тоска? Откуда это равнодушие к людскому горю, сочувствие сиротству, сострадание к обиженным, обманутым? Это следствие собственного безысходного детства? Хотела для всех добрых людей справедливого мира в семьях, а не того, что каждый день открывалось ее не в меру чувствительному взору...

Подружек деревенских вспомнила. Почему-то их пары подбирались странным образом: одна красивая, вторая серенькая. Одна умненькая, другая не очень... Они убегали с кладбища. Маячившие впереди кусты казались им похожими на чудищ, и по спине у них пробегал влажный, но колючий холодок. Они прислушивались к скрипу шагов, шуршанию одежды, к стуку своего сердца. Дыхание у них сбивалось. Они дрожали, стенали, цеплялись за нее. А она не боялась мертвецов. Она многого не боялась из того, что приводило в ужас девчонок, и вела себя абсолютно непредсказуемо. Долго еще не понимала, чего надо бояться. А иногда из-за пустяка, с их точки зрения, отключалась, удивляя и пугая... Привычная с раннего детства улыбка, служащая препятствием для слез, никогда не сходила с ее лица. Ведь если они начинались, их долго не удавалось остановить. Девочки считали ее веселой... Тоже детдомовское наследие...

Почему-то о себе вспоминалось отстранено, как о постороннем, в третьем лице...

Школа и их хата стояли рядом. Хата. Здесь мать изводила нотациями... и была бабушка... Огоньки в окнах школы никогда не сливались и дрожали темными зимними вечерами, как далекие едва разнесенные звездочки в ночном небе, и звали, и манили. Школа – островок счастья. О нем всегда вспоминала, когда уставала от непонятной неосознаваемой тоски, когда та слишком угнетала. От школы во все стороны по деревне распространялись, как круги от брошенного в воду камня, известия о событиях в мире. От нее исходили положительные волны, поглощавшие все дурное и глупое.

Бабушка. Милая бабушка. Простите. Я не видела смысла в многочасовом вышивании крестиком или гладью огромных полотен, бездарно поглощавшем мое драгоценное свободное для чтения время – ну если только в усмирении моего вздыбленного характера и в выработке женской терпеливости. И, тем не менее, мне бывало жутко стыдно, когда вы заставляли меня за воровским чтением книг, припрятанных под пальцами. Мне не хотелось вас огорчать, даже если считала вас неправой... До сих пор помню ваши шаги, становившиеся год от года тяжелее и медленнее, ваши глаза, неконтролируемо закрывающиеся под давлением усталости, ваши тяжелые, вечно красные от домашней работы добрые руки...

Вызвали улыбку воспоминания о маленьких милых детских изобретениях. Одной учительнице понравился мел, которым можно писать не пачкая рук, как современным толстым фломастером, другой – идея перемещения в прозрачном стеклянном шаре, третью заинтересовала своевременная идея ленточного перемещения по бездорожью. Они снисходительно улыбались, но не ругали за фантазии...

Нравилось одним росчерком нарисовать чью-либо рожицу и притом абсолютно узнаваемую. Любила извлекать музыку из легкого дуновения ветра, из теплого утра, из шелеста листвы. Не зная нот, не имея ни голоса, ни слуха, то напевала что-то нежно-грустное, то сумасбродно-бравурное, то тоскливо-задумчивое, на ходу сочиняя

подходящие слова. Не могла пропеть две строфы кряду на одну мелодию, потому что никогда не запоминала уже вылетевшее. Бесшабашная голова преподносила все новые и новые мелодии, сочетания звуков, рифмованные строки. Просто так пела душа... Чудной была девчонкой... И в студенческие годы на нее часто «находило», и она опять, как в детстве, качалась на волнах рифмы и музыки.

Потом был длительный перерыв. И вдруг... опять запела душа ярко, солнечно, восторженно. Было как-то странно неловко и радостно чувствовать в себе такое искреннее пробуждение, когда восхищало каждое хрустальное утро, каждая травинка, усыпанная бриллиантами росы. Видно, мой добрый ангел вспомнил обо мне и дал еще один шанс порадоваться жизни. Воскресив мою душу, он позволил проявить себя в ранее горячо мечтаемом, но на долгие годы законсервированном, по причине необходимости выполнения своего долга перед сыном...

Почему-то вспомнила, как кружила по лесу. Будто затмение нашло. Тогда в седьмом классе училась. До того не подозревала в себе существование такого рода жуткого страха. Может, впервые почувствовала возможность смерти, как это чувствует животное... нет, все-таки, как человек... В шесть лет трижды тонула, но такого страха не испытывала. Уровень ощущений и осознания себя рос и формировался вместе со мной?

А в пятом классе зимой, когда напала свора собак, отнимая с трудом и нервами добытый для всей семьи хлеб, так только о хлебе и волновалась. О себе как-то не успела подумать. Спас чужой полуголый мужчина, случайно вышедший во двор «до ветру». С тех пор еще не раз пуганная, проходя даже мимо спокойно лежащей собаки, испытываю нервное волнение...

Воспоминание из городской жизни вклинилось. Преддверие перестройки. В дальнем углу рынка вступилась за обманутую старушку. Цыган нож к нижнему ребру приставил, слегка надавил. Сотоварищи окружили плотной, зло гомонящей толпой. Глазами, как плетью по лицу... глазами, как пулей в сердце... Лицо сына проплыло словно в красном тумане... Заметили бледное полуобморочное состояние, отстали, пригрозив припомнить. До самого дома, пока не обняла сына, ничего не чувствовала, кроме дикого страха оставить его без защиты. И этот страх был во сто крат сильнее того, каким боялась за себя... Не стану кривить душой: и за себя тоже на миг испугалась. Явно ощутила, как нож входит, полосует плоть... В груди холод, в животе жар, в голове туман, жуткий неконтролируемый страх... Помертвела... Страх неопределенный и конкретный – совсем не одно и то же... Думала, что не боюсь за себя. Оказывается, не железная, такая же, как все... Но ведь только на секунду... Но внутренний голос успокоил... Но это уже из другой жизни.

...И в момент первой встречи с сыном она тоже услышала голос кого-то, никогда ею не видимого, но ощущаемого в редкие, разбросанные по всей жизни минуты, – голос ангела-хранителя, впервые явившегося ей с подсказкой в шестом классе. Тогда она его не послушала... Она часто не слушала его, не веря, не воспринимая. А если подчинялась ему, то оказывалось, что лучше, правильней и быть не могло... Понимание пришло только с возрастом, и это-то и обидно. Сколько упущено прекрасных возможностей! Сколько глупых поступков не было бы совершено. «Ангел, приставленный ко мне, был очень заботливым, когда являлся. И случалось это в самые важные моменты моей жизни. Иногда я бывала ему очень благодарна», – улыбнулась Лена своим воспоминаниям и их кажущейся нелепости.

Перед глазами опять проплыло детство, поход с дедом в цирк. Шестнадцатилетняя девушка-наездница – это понятно. А тридцатилетняя женщина? Тогда я не задумывалась об этом. Я была безрассудно смелая, но когда у меня появился сын, долго не могла спокойно смотреть вниз с балкона своего шестнадцатизэтажного дома. У меня слабели руки, ноги становились ватными. Чувство ответственности перед сыном делало меня осторожней. А как же та бедняжка, из цирка? Ежедневное преодоление своего страха – это же выше человеческих сил!

Мать. Мама... Надо было раньше простить, когда была жива... Кто знал? А она, видно, чувствовала. Обняла, заплакала, сказала «прости». А я ей: «Чего уж там. Я уже давно

самостоятельная». Не было намерения обидеть... Надо было сказать, что прощаю... Язык не повернулся соврать. Неготовой тогда оказалась. Надо было пересилить себя... Теперь бы на душе легче было... И все же жаль, что мне никогда не приходилось вкладывать в слова «папа» и «мама» того смысла, который хотелось вложить. А вот слова «дедушка» и «бабушка» не были для меня абстрактными во всех смыслах, и в том мое счастье...

О, эта рассыпанная и перемешанная мозаика событий!

...Вспомнила, как неожиданно для себя открыла, что святые – обычные люди, жившие нравственно и сделавшие что-то хорошее для народа. И понятие таинственного Бога, и поклонение святым сразу пропало в ее душе, будто и не было их в помине, хотя очень жалко было расставаться с верой в высшие силы, с надеждой на халявную помощь.

Слова дедушки пришли на память. Они о том, что «жизнь ведет каждого так высоко, как велико его понимание собственных возможностей, что нельзя поднять человека на высоту, если он не несет ее в себе». «Пока человек не съел ни одного куска хлеба, заработанного своими руками или головой, он не может понять счастья жить на земле». «Учись замечать в человеке не то, что всем сразу видно: броские качества внешности, ума, раздражительность, а ту внутреннюю силу и доброту сердца, которые могут стать светом во тьме для тебя и всех окружающих. Суди о людях по поступкам, старайся войти в их положение, найти им оправдание. Отдавай себе отчет, где ты и кто перед тобой». Улыбайся на глазах чужих людей беззаботно, если даже в сердце игла... Сила человека не в злобе, а в доброте и благородстве, которое он в себе несет... Следи за собой и не выискивай в других причины своих бед... Полнота жизни невозможна без страданий. Но истоки большинства человеческих страданий заключаются в страхе и сомнениях, в ревности и зависти, в жажде денег и славы. А еще в непонимании, что каждый из нас – частичка огромной вселенной и каждый должен занять в ней ему соответствующее место, чтобы не превратиться в пыль. В твоих силах избежать многих страданий». «Каждый человек проходит свой путь и сам несет в себе те осложнения, которые его потом непременно станут донимать. И, тем не менее, многие люди считают, что все беды к ним приходят извне». «Люди – существа эгоистичные. И если видят, что кто-то готов переложить их горести на свои плечи – садятся им на голову, используют внаглую, обманывают и при том еще не уважают тебя, высмеивают за доброту. Вежливое предложение: «располагайте мной, если моя помощь может быть вам полезна» звучит для них как призыв к нападению. Остерегайся таких субъектов, сторонись, избегай». Оградить хотел. Умным был. Этого у него не отнимешь.

Он часто говорил: «Пока человек не научится управлять своими страстями, к чему-либо большому он не способен, даже при наличии хороших умственных данных». «Ты еще не в состоянии представить себе весь сложный ход вещей, всю силу человеческих страстей, расставляющих на каждом шагу капканы. Признаюсь откровенно, не факт, что тебе все это скоро удастся усвоить, но слушай и запоминай. Пригодится...»

Учил, готовил к трудной жизни. Жаль, мало... Много из его слов не уместилось в моем детском сознании, многое я никак не могла взять в толк, не углубляясь в смысл сказанного. А он их все повторял и повторял, словно хотел, чтобы я их выучила наизусть. Может, чувствовал... Меня уже тогда поражало, что он всегда во всем оказывался прав. Иногда меня это не устраивало. Я не понимала, почему именно так, а не иначе должна себя вести, но в голову не приходило его послушаться. Я интуитивно сознавала, что в требованиях деда всегда лежит глубокий смысл, и хранила в своей памяти его наставления как самое дорогое... Слова его не были брошены в пустоту. И много позже я повторяла их про себя, не вдруг уверовав в них как в несомненную истину. Особенно, если сделала или сказала что-то не подходящее случаю. И как-то утихало внутри. Необычайная тишина воцарялась во мне, начинали звучать новые ноты... Потом, без деда, стало очень холодно... Только полгода счастья с ним подарила мне судьба, но его заветы сопровождают меня всю жизнь».

...А говорят, что «истина проста: никогда не возвращайся в прежние места». Надо возвращаться, тем более что они уже не совсем прежние...

Она легла в траву под огромную липу, подложив под голову ладони... Молодая березка в ногах. И хорошо ей стало, чисто и ясно на душе.... Незаметно для себя замурлыкала: «Вернулся я на родину...»

«Что-то мне подсказывает, что липа та самая. Бурая короста ствола выдает ее возраст. Листья скрывают внутренний рисунок ветвей дерева и мою маленькую тайну. Мне девять лет, я голым пузом скатываюсь с ее вершины...» Тишина вдруг опять зазвучала единственным неожиданно найденным звуком – жужжанием шмеля, будто ревниво охранявшего обитель ушедших... Потом послышался гул далекой машины, он приближался, нарастая и расширяясь, занимая все пространство вокруг.

И она очнулась. И теперь уже воспринимала – хоть как-то глухо и неясно – все звуки и мелкие детали окрестности. Разломы кладбищенского забора застыли своими зияющими рисунками в стиле «модерн». Тропинки к ним пропадали под нависшими ветвями многочисленной неистребимой незапланированной поросли. Вот вспорхнула из-за кустов и вскрикнула громче обычного потревоженная кем-то ворона. Вот, разорвав неподвижный воздух, бесшумно пролетел самолет, оставив на чистой голубой глади неба широкий, бесконечно длинный белый хвост... и деревня будто бы отодвинулась. Вдруг почему-то подумалось, что и без нее в мире все останется по-прежнему. Взгрустнулось... Но это в целом мире. А в ее городе, в институте от нее довольно многое зависит...

Находясь среди величавого молчания природы, она ощутила в себе какую-то неведомую ранее жизнь сердца, какое-то особое единение с миром давно ушедших людей и поняла, что мир прошлого, настоящего и будущего един и будто бы заранее и на много миллионов лет вперед запрограммирован. Осталось только правильно подставлять в программу свои данные, но это не всегда и не у всех получается...

Сегодня она как-то особенно остро ощущала свое слияние с природой. Она, как в раннем детстве, чувствовала, что нет разницы между нею, ветром, тихо шелестящими деревьями, что все едины, все они – звенья в общей гармонии вселенной. То был миг духовного прозрения вдали от людской суеты. Она ушла в себя, и какая-то странная тихая благодать наполнила ее, очищая, успокаивая, умиротворяя. Она казалась себе частью этого пейзажа – так слилась с ним мыслями, чувствами и даже телесно. Не хотелось двигаться, говорить, даже слышать человеческую речь. Наверное, сердечные бури утихали у многих людей, попадающих в эту целительную тишину. Может быть, потому, что чем больше вокруг тишины, тем звонче и громче голос изнутри... Эта тишина отличительна значимостью и глубоким смыслом душевного покоя... здесь будто бы природа творит тихую утреннюю молитву...

«Боже мой, как умопомрачительно пахнут сегодня травы!»

На кладбище она особенно остро ощутила краткость, конечность и непрерывность жизненного пути поколений. Вот, справа, Смирнов-прадед, вот дед, и сын их рядом. О Боже, и внук уже тут... в военной форме. Двадцать ему. У могилы ветром и дождями гладко ошкуренная, засохшая осина... Некому спилить... Пересохло в горле... Шершавым языком облизнула стянутые сущью губы. Афган? Чечня? Изучает даты. Сколько здесь молодых, красивых мужских лиц...

«Вот так, наверное, иногда люди приходят к мысли о Боге...» В груди похолодело. В изнеможении осела в траву. Своя боль придавила... Хотела пойти дальше, но не смогла. Какая-то сила удерживала, не отпускала. Опустилась на лавочку у могилы солдата. Вздохнула. Мелькнула кошунственная мысль: «Моя вера, наполненная сомнениями, не выдерживает критики. Но ведь и не было времени осмыслить. Круговерть...»

Ей показалось, что кто-то смотрит на нее сзади. Прошмыгнул худенький суетливый мужичок. И она, пожалев о потере пустынности места своего уединения, пошла дальше. Неожиданно попала взглядом на летящий в облаках крест. Раньше часовенки здесь не было. Это открытие окончательно вывело ее из оцепенения...

В детстве со страхом смотрела на эти кресты. Не боялась, благоговела... из молчаливого уважения к чужому прошлому, к чужим судьбам. Опять взглянула на могилу деда. Прислушалась к себе: хорошо и покойно. Грусть легкая, теплая и глубокая. «Оказывается, бывает и такая. Парадокс! Вот живешь, живешь столько лет и вдруг узнаешь, что не всё еще почувствовала».

...Зычный голос гудка паровоза, подъезжающего к близлежащей железнодорожной станции, дерзко возвестил о скорых разлуках и встречах. И опять пронеслись в ее памяти с космической скоростью детдом, другой детдом, семья, другая семья... И всем этим переменам всегда сопутствовали эти тревожные звуки, несущие непредсказуемые

перемены...

Сидя на лавочке у могилы деда в тихой доброй задумчивости, сама того не желая, неосознанно рассеянным взглядом выхватила молодую женщину, стоящую на коленях перед свежей могилкой наедине с самой собой, как, собственно, и она теперь. Женщина заметила ее, усмехнулась как-то странно и ушла. А она, не сразу вникнув в ситуацию, наконец поняла ее, смутилась и долго не могла отделаться от неприятного ощущения вторжения в чужую жизнь... Это маленькое зябкое происшествие отвлекло ее от приятных воспоминаний.

Ее детство давно ушло навсегда, превратившись в некую абстракцию. Но нежность к родным оставалась в ее сердце, в ее памяти и вызывала некоторое раскаяние, что мало ценила, мало встречалась. Ей вдруг захотелось, чтобы ниточка этой памяти не прервалась... Она вновь испытала жуткую горечь потери сына и залилась слезами. И снова словно облегчающее благословенное омовение коснулось ее сердца, как когда-то очень давно с бабушкой, в детстве.

По тропинке пробежали чьи-то дети, подвижные и счастливые даже в этом необычном месте... Она задумалась, а снова, заметив малышей, вздрогнула...

Пересекла кладбище и пошла к деревне окольной дорогой, чтобы напомнить себе о школьных подружках, живших когда-то на самом дальнем конце порядка.

Елена вышла на большак. Справа луг, но не слышно на нем щелчков кнута. Нет теперь стада. Слева угадывалась река. Обмелела, заросла камышом, но еще ощущается ее влажное теплое дыхание. Под эскортом двух грязных тракторов ползла, надрывно сопя и дымя, условно белая «Волга», неизвестно каким образом попавшая в наши края. Ища приключений на свою голову, за нею на велосипедах, веером разбрызгивая жидкую грязь, мчатся деревенские мальчишки. (Дети - признак жизнестойкости деревни. Значит, всё как прежде?) Они ловки и необыкновенно подвижны...

Всё отчетливей и зримей контуры крайней улицы. Лена испытала тихую радость от вида родной деревеньки, распластавшейся на холмистом берегу реки. Она не претерпела ни малейших изменений за годы ее отсутствия в ней, разве что домишки и сарайчики стали ниже, осели и потемнели. Некоторые уменьшились прямо-таки до игрушечных. Но обветшалые плетни везде заменены на заборы. Деревца, которые они сажали всем классом, выросли, загустели. А родная улица умудрилась застыть почти в нетронутом виде. Все так же плывут над ней огромные легкие облака.

Будто открутила время назад. Не была здесь после похорон матери...

И все же кое-что изменилось или стерлось из ее памяти. Потаенная география расположения деревенских улочек нарушилась прогалками, образованными давно брошенными и успевшими истлеть хатами. Словно отдельные, не очень важные ее куски просто выпали из памяти. То являлись, то терялись знакомые очертания... Вот здесь жил мальчик, ее первая детская любовь... Ей вспомнился грустный лес. Была поздняя осень. Деревья стояли голые, жалкие, понуренные, продуваемые промозглым ветром... Она всегда влюблялась осенью. Может, поэтому ее любовь всегда была заведомо несчастливой?.. Другое дело ранняя весна! Лес еще голый, но запахи в нем уже яркие, потому что земля просыпается в ожидании чуда... Но теперь хату того мальчика поглотили огромные кусты сирени, и видна только часть коричневой крыши. На первый взгляд она все та же, но воспринималась иначе, ностальгически. И знакомые теперь здесь в основном уже бывшие. Не все узнают...

Магазин. Не слишком развращены местные жители кулинарными изысками. Как и прежде, в витрине макароны и консервы. Керосин и сахар на одном прилавке. Нет вычурных домов, красивых арок, чугунных оград, так привычных в городе, но ворота крепкие, оконные наличники еще нарядные. Улицу не опишешь яркими, несоразмерно громкими эпитетами. Не подходят они этому скромному месту. И все-таки какая прелесть эта родная улица!.. Тревога нарастает сладостным беспокойством... родная хата... «Как удивительно похожи бывают окна на глаза хозяев. В нашем доме - на отчима: маленькие, настороженные...»

К своему дому – в котором теперь жили дальние родственники – она подошла, когда все живое и неживое уже спрятало под собой свои тени и воздух не обжигал. Приняли радостно, с любопытством. Первую ночь Лена проспала как убитая. Легла и как в яму ухнула на двенадцать часов. На второй день ей начал открываться «сезам» местного быстрого южно-русского говора, и она с удовольствием произносила забытые, немного смешные, но такие родные слова языка ее детства. И ей пришлось на короткое время забыть некоторые свои привычки, чтобы приспособиться к неторопливому быту семьи своих деревенских родственников. Она пыталась показать, что она такая же, как они. Но в их голосах звучало осуждение. Они хотели видеть ее другой, вырвавшейся из деревни куда-то очень высоко. Они хотели уважать ее именно за это.

Пошла в гости к бывшим одноклассникам. Разыскала троих. Учителей добром вспомнили. Помянули ушедших, провели живых. Домой возвращалась, когда наплывали сумерки, и в их дымке растворялся горизонт, таял далекий лес. И почему вечером деревенские улицы кажутся печальнее? Потому что серые? – удивилась она, взглядом отыскивая свой старый дом.

В хату не пошла. Присела на лавочку. Боже, как удивительно пахнут маттиолы в палисаднике... Как и прежде... Она, как в детстве, потянулась сердцем в ночное небо, усыпанное огромными, необыкновенно яркими гвоздиками звезд. Далекий завод слезился рядами мелких цветных огоньков. В лунном свете деревня разительно изменилась, показалась незнакомой, чуть ли не потусторонней. Что-то инопланетное чудилось ей в старых огромных серебристых тополях и в потонувших в их черной тени домишках. Сразу набежали детские сказки... Она старалась воспроизвести прошлые чувства, не утерев ни капли из пережитого... а они были другие, с примесью многочисленных знаний и ощущений. Но они были и радовали незабвенностью... Ее настроение изменила внезапно вынырнувшая из-за поворота машина. Шибанула в лицо фарами... Потом шумная компания вывалилась из соседской калитки... Она никогда не любила делить с кем бы то ни было свои благостные моменты общения с природой... только с Андреем и Антошей...

Потом наблюдала, как рассвет украшал золотисто-оранжевой каймой облака. Ходила по мягкой, давно просевшей, замшелой дамбе, по прогнившим доскам латака (запруды), по изломанной береговой линии обмелевшей речушки. Долго смотрела, как медленно раскачиваются по течению тяжелые косы водорослей. Они напоминали о первом свидании... Подумала: «Да, далеко не Генуя». Постояла около нехоженой лужбинки, где камыш прячет опасную для жизни копань (трясину). Вздогнула: гиблое место!.. А днем прислонялась к теплым стенам, касалась обросших влажным скользким мхом фундаментов домов. Во всей полноте и пестроте вспомнила мир родной деревни. И оборотную сторону деревенской, будто бы романтической, жизни снова увидела: бездорожье, необеспеченность быта. Потому что отвыкла от неудобств...

Почему с возрастом все чаще оглядываешься назад? Почему так влечет к этой не очень-то радостной, скорее даже печальной (но не горькой) деревеньке, где прошло детство? Чем обусловлена тяга к месту своих корней? Какова логика этого явления? Существует ли она... Детство, каким бы оно ни было трудным, – все равно радостное время... Тянет туда, где ты делал для себя первые счастливые открытия.

Драгоценный камень, если хорошо присмотреться, маслянистый. Изъятый из недр матери земли, он продолжает жить, даже если украшает чью-то руку или грудь, а выращенный, искусственный – сухой, неживой. Вот так деревенские люди от городских отличаются. Городской человек подчас продукт беспамятства, хотя теперь и в деревнях теперь таких хватает.

«Посреди деревни хвойные лесочки выросли. Мы их тоже всей школой сажали. Как приятно шумят!.. И на этой улице хаты без определенного порядка? Такие широкие прогалки! Исчезли многие дома. Ушли люди... Всегда издевались над деревней. Всегда бедность была. И бабушка рассказывала, и мама. И свое детство помню: на улице грязь по колено, в хате мухи и прекрасный вальс «На сопках Маньчжурии» из окающего репродуктора. И сейчас вот в той хате взмывающая на сквозняке занавеска от мух на двери... Так тронула сердце...

Подумалось. Сравнить хотя бы жизнь сельского и городского учителя: в деревне на нем работа, хозяйство, без которого не прожить, строительство дома, сараев, погребов – и все своими руками, а у городского – только работа. И ведь каких ребят в деревне выучивали

- гордиться могли. Верили, стремились. Не за страх, за совесть трудились. Все заботило их. С петухами с радостью просыпались, за полночь с надеждой на лучшее ложились... Раньше деревня была материнским лоно для России, теперь уж нет... Грязь, бездорожье, неустроенность быта в больших селах в основном ушли в прошлое с появлением электричества, а теперь кое-где и газа. А все равно не задерживается здесь толковая молодежь. Перспектив не видит...

И ток все на том же месте. И силосная башня, где погибли, заигравшись, двое мальчишек из ее класса. Вот зернохранилище. Вот пожарная каланча, где сдают экзамен на способность проспать двое суток кряду самые ленивые. А вот и первая утрата: высохла речушка, протекавшая за огородами. Заглянула в колодец. Аукнула. Звук поглотила глубокая чернота воды. Маленькой звездочкой высвечивалось и дрожало дно еще живого колодца.

Гусиное озерцо не пересохло. Видно, как и прежде, его каждый год чистят и углубляют заинтересованные в нем сельские, те, которые держат стада водоплавающей птицы. Край воды слегка подрагивает и покачивается на солнце, высвечивая мелкие камешки и рябь песка на дне. Вот сельсовет. Рядом столб, на котором когда-то висел громкоговоритель в форме раструба.

Около школы встретила старую соседку. К ее дочке гости из города приехали. Гармонист играл, а она с таким счастливым лицом пела «Шумел камыш», что я невольно загляделась. Там же увидела деда одноклассника Толика. Живой еще, слава Богу. Сколько же ему стукнуло? Давно за девяносто? Он покашлял, предупреждая о своем приближении. Запавший рот, выражение старческой немощи на прокопченном лице, сухощавые руки опирались на самодельный посох. Дед пригласил посидеть с ним на лавочке, погутарить. Заговорил, сразу оживился, помолодел лет на десять.

- Сидай тучочки, милая. О себе расскажи, и мне дозволю похвалиться внучком. В городе Москве он у меня, прохвессором по астрономии работает. Шутка сказать: не всякому дано при жизни быть достойным сподобиться познать, как вся наша Вселенная господом Богом устроена.

Старик усмехнулся в усы, неверной рукой пригладил реденькую «шевелюру» и продолжил:

- Раньше, в моем детстве, говаривали: «Тяжел грех родительского неповиновения». А я в молодости настоял, уехал учиться. Отец сердился, мол, куда ты от земли, думаешь, счастье там раздадут горстями? Трудно, голодно было, как в песне: «Улыбкой прикрою прорехи невзгод, согреюсь я песней веселой...» Выучился, но не остался в городе. Крепко держали семейные узы. А внучек мой, как преодолел в шестнадцать лет барьер родительского несогласия, так и пошел дальше, не то чтобы игнорируя их мнение, но отдавая предпочтение своему решению. Со мной советовался, ценил мой жизненный и учительский опыт... Я тебя хорошо помню. Ты с улицы Луговой (после войны имени Чуйкова), - сказал он, подчеркивая этим свою исконную принадлежность селу. - Шустрая была!..

Надо было выслушать старика, уважить. И он на прощание в благодарность одарил ее доброй бодренькой стариковской улыбкой. Руку церемонно протянул. Ей приятно было это признание в искреннем к ней уважении. «В деревне старые люди всегда были простосердечные, открытые. Они мудры и правдивы. У них все написано на лицах... Старики с продубленными ветром и солнцем лицами - их здесь большинство - не думают, как жить, они просто живут. Сами того не замечая, продолжают существовать в «домотканом» деревенском порядке и в основном на «подножном корму»: что вырастим - то и наше.

И что-то теплое и мягкое коснулось ее сердца при воспоминании о живых еще учителях, соседях... И в ее усталое сердце вновь пролилось спокойствие и теплая грусть. И радость. Подумалось: «Пока старики живы, мы, следующее поколение, считаем себя молодыми». И все же скрип калитки дома Толиного дедушки прозвучал в ее сердце как сигнал из далекого прошлого... Именно здесь они собрались всем классом после выпускного, чтобы идти на речку встречать рассвет...

Много о чем передумала Лена за эту неделю. Она будто заново училась смотреть на мир и как в первый раз радоваться. Странное дело, к ней понемногу возвращался вкус к

жизни, желание жить. Конечно, она по-прежнему иногда погружалась в тяжелое ночное бдение, когда человек не то спит, не то бодрствует, предаваясь одновременно и трезвым мыслям, и сиюминутным страхам, и всепоглощающим грезам, с трудом выдерживала муку ночи. А днем ей в голову приходили необычайные мысли, которые никогда не посещали ее в суетной городской жизни. Она думала над глобальными проблемами бытия, о смысле жизни, о причинах умиротворения. Еще о добре и зле, о жизни и смерти. О том, что никто, абсолютно никто не может дать гарантий, что для тебя тоже наступит следующая минута, о том, что миг, в котором мы живем, так короток, что мы подчас не в состоянии успеть ухватить его и поэтому способны истинно воспринимать только прошлое.

Она подпала под очарование деревенской тишины. Все мелкое, раздражающее, заводящее мысли и чувства в тупик отступало. Она обнаружила, что внешняя суета ей не мешает, хотя все видела и слышала отчетливо. Недавние протесты улеглись. Внутри нее точно все присмирело. И свою трагедию она стала воспринимать чуть-чуть иначе, по-новому, немного легче. И происходило это уже без чьей-либо помощи, а всего лишь от внутренней гармонии с окружающей ее тишиной. Что-то растаяло внутри нее и отпустило. Давно в ней не было такого действительно высокого очищающего чувства всеприемлимости жизни... тихого, грустного счастья, если угодно... Думала она и о Люсеньке, о том, как много было выстрадано ею самой, чтобы так понимать чужое горе.

Вернулась в город. Еще не выветрились в голове впечатления от деревни, но и тут тоже иногда стали возникать моменты радостных сомнений, мысли уже скользили, выстраиваясь почти с обычной непринужденностью. Они приобретали реальные очертания. Появилось чувство некоторой уверенности, что сможет многое преодолеть. Теперь ей опять многое из того, что последнее время стояло перед нею непреодолимой стеною, стало понятно и просто. Жизнь постепенно входила в привычную колею.

Людмила с радостью наблюдала за поведением подруги, уже не скрывавшей от нее никаких слабостей и особенностей своей натуры, которые могли быть восприняты чужими людьми отнюдь не с таким пониманием. Она терпеливо сносила и совершенно неожиданные вспышки иронии и, казалось бы, преднамеренные, а на самом деле неконтролируемые нервные взрывы подруги... Обычные истерики тоски. Ничего не поделаешь, так она излечивалась от недуга.

...Конечно, прошло еще много времени, прежде чем Лена окончательно осознала и освоилась с новой для нее мыслью о чужом ребенке. Но этот, казалось бы, еще бесконечно далекий день в ее жизни уже замерцал. И начался он в деревне, где она всерьез впервые задумалась о создании новой маленькой семьи. Ребенок уже был нужен ей, но она еще не была готова признаться себе в этом, она все еще боялась усугубить память о сыне внедрением в свою жизнь чего-то нового, инородного. Она еще металась...

Перспективы любой идеи, вообще-то говоря, всегда смутны и туманны. Жизнь интересна угадыванием очертаний будущего. Но Людмила посчитала нужным напомнить Лене, что память о сыне ничем не разбавишь и свыкнуться с потерей ребенка, отречься от него невозможно, что ей известна неизбывная материнская боль, что она сама пятнадцать лет назад потеряла первенького, когда ему было полгода... К тому же она на полную катушку хлебнула всех прелестей замужней жизни: и беспредел, и мерзость человеческих, точнее нечеловеческих, отношений, подлость, предательство, насилие над личностью. Ей тогда казалось, что она постигла всю бездну земных страданий. Жизнь представлялась воплощением зла. Но есть верные подруги и красивое доброе слово «Надежда»... Я говорила себе: «У меня есть сила воли, упорство – мои личные качества, – то небольшое, что никто у меня не отнимет. Теперь, чтобы выжить, я должна, прежде всего, ценить все то, что есть хорошего во мне. Я дорожу им, не предаю, не сгублю, не переступлю через него. И выдержала».

Вот откуда в этой маленькой, сильной, мужественной женщине нежность, слова любви, утешения и уважение к огромности Ленинского горя.

И сомнения вдруг взорвались единственным решением, и настала для Лены минута радостной муки волнующе-тревожного созерцания маленького беззащитного человечка.

И сердце ее захлестнула неслыханная волна нежности к этому брошенному ребенку, как чувство во искупление всех возможно ранее совершенных ею ошибок, как символ возрождения собственной жизни, надежды и любви. Потекли слезы, задрожали плечи. И тогда до боли впились в подлокотники кресла ее побелевшие пальцы, и доктор, успокаивая, накрыла своей ладонью ее онемевшую руку.

...Она прижала к себе малыша, вдохнула его запах – запах жизни... Маленькое существо ткнулось личиком в ее щеку... и она задохнулась ливнем эмоций... и все поплыло перед глазами. «Во мне возродилась мать? Я прежняя? Я содрогаюсь от боли или уже от счастья?..»

В осознании пережитого момента встречи с малышом радость прилила к ее сердцу, растопила в нем лед, охватила теплом и одарила счастьем. Вновь затеплилась надежда. И слова любимого Лермонтова вспомнились: «И верится, и плачется, и так легко-легко».

И Люся снова была рядом. Она понимала, как важно для Лены ее опосредованное участие в сегодняшнем ее чувстве. Потом они шли крестить Андрейку, и сознание Лены плыло в какой-то совсем иной реальности. И церковь, казалось, на миг заслонила собой все небо... Подумалось: «Благословенна в детях...»

Умный, выверенный до миллиметра ее мир на какое-то время рухнул, но она сумела покончить с собой временно слабой и снова стать прежней. Хотя невозможно после пережитого остаться прежней. Но все вдруг снова стало ей подвластно. Она переродилась, сделалась одновременно мягче и в чем-то тверже. День ото дня оживала и крепла ее вера в себя. Она готова была к новому тихому подвигу, как выражалась Людмила. Она будто заново начала жить и любить, и это чувство неким волшебным образом сделало ее самой собой – человеком, способным действовать. Ей предстояло прожить еще одну жизнь. И она нашла в себе силы еще раз пройти тот же путь. Свет любви освещал ее жизнь и жизнь ребенка... И вновь она просыпалась с ощущением праздника и слышала: «Мама, мамочка». Теперь уже от Андрюшеньки.

Она вырастила прекрасного сына. Чего это ей стоило? Не о том сейчас речь... А теперь вот и внучок Андрюшенька появился.

Как и прежде, она ведет себя спокойно, совершенно обычно, будто и не было в ее жизни страшного события – гибели первого сына, только скорбные глаза иногда выдают ее горе. А что в сердце? Разве кто сможет заглянуть в него? Когда глаза плачут – все видят, а когда стонет сердце – никто не знает. Оно и лучше... Она не похоронила сына. В ее памяти он всегда рядом – веселый, умный, красивый, как Андрей. Таким он останется для нее навсегда. И разговор у нее с ним идет постоянно, особенно в минуты усталости или грусти... Он же у нее самый главный, старший... И тогда она по-прежнему слышит его слова: «Мама, мамочка! Ты для меня самый дорогой на свете человек. Ты самая любимая!»

...Наверное, воспоминания длились всего лишь несколько минут. Андрей сидел рядом и все еще держал ее руку в своей. Но Лене казалось, что прошла целая вечность...

А гости шумели.

Ужин

В зал вошел Слава. Прислушался. Лиля делилась:

- ... Племянник женился и с таким восторгом рассказывал, что теперь он «травоядный». А я ему: «В нашей жизни не так много радости. Зачем же намеренно в молодости лишать себя удовольствия съесть палочку прекрасного шашлыка или брызжущую ароматами отбивную? Тебе, когда будешь в моем возрасте, еще успеют надоесть овсяная каша и морковные котлеты. Мне вот теперь то одного нельзя, то другого... Лев Толстой только ближе к пятидесяти перешел «на подножный корм». А до этого жил на полную катушку...

- ...Холестерин высокий? С чего бы это, ты же не полная?

- Полнота здесь ни при чем. Причина в нервных стрессах. Что за примерами далеко ходить? Когда я на праздник в хорошем настроении балую себя пирожными, сахар в крови у меня повышается на три десятых, не больше, но если употребление сладкого совпадает с ссорой в семье, то сахар сразу «взлетает» на три единицы и я беру за лекарства.

Рита говорила:

- Я говорю врачу: вырезайте больше, чтобы ни одна больная клетка не осталась в теле. Не послушал. Болячку вырезал, а красные воспаленные ткани оставил. Я их потом месяца два разными мазями заживляла. Никак они не срастались.

- Как же, так он женщину и послушает! - дернулась Жанна.

- Позволю себе не согласиться с тобой. Специалист профана, конечно, не слушает! Наверняка его действия были мотивированными, - сказала Лера.

- Мы, физики, привыкли думать над каждой мелочью, а врачи учатся на зубрежке и мыслить отучаются.

- Так то же плохие врачи.

- ...И эти годы хотелось бы прожить, не навешивая на близких своих болячек.

- Реклама требует использовать при малейшей боли сильнейшие лекарства, а того не понимают, что начинать надо со слабых и с малых доз. После сильных уже ничего не поможет, и тогда только одна дорога - на кладбище.

- Ах, какие мы теперь всезнайки!

- ...Сейчас многие питаются и лечатся по телевизору...

И Слава подумал с еле приметной в уголках губ мягкой улыбкой: «Девочки скатились к беседам далеко не молодых людей. Замечаю явный энергичный сдвиг, даже «перекос» разговоров в медицинскую сторону. Болезни - основной «крен» многих немолодых женщин. Как же иначе? Наши женщины-пенсионерки, как только выпадет свободная минутка, не могут, чтобы не покритиковать или не посоветовать, не облагодетельствовать и тем скрасить свое скромное существование. Им есть чем поделиться. Они обрушивают лавину познаний и красноречия на первых же попавшихся знакомых и не очень знакомых, вовлекая их исподволь или намеренно, настаивая на полноценной беседе. И тут уж их не остановить. Пожалуй, эти разговоры лучше, чем во всеуслышание бодаться с властью, нести яркий и вдохновенный бред о будущем нашей страны, спорить о демократии, о недостатках нового общества и вопить о правах человека. Они, милые мои, по доброте своей неисправимые интернационалистки, хотя, конечно, уже разобрались в современной ситуации. Умные ведь... Все больше по инерции мыслят советскими категориями... Власть наговорилась. На год им впечатлений хватит.

Услышала бы сейчас мои мысли Кирочка! Ох и досталось бы мне от нее на орехи и на семечки! И мужской максимализм мне навесила бы, и домострой, и отсталость взглядов, и неуважение к личности... ой, ёй-ёй!..» Слава улыбается сам себе, своим мыслям и с

обожанием поглядывает на жену, «командующую парадом». Она, как всегда, мягка, внимательна, неназойлива».

- Девчонки, я наблюдаю победу пессимистической корреляции сознания? Не пора ли нам пора... обратиться «к радостям желудка».

- Наконец-то здравая мысль возобладала! - радостно поддержала его Жанна.

- Сиди не сиди, а начинать торжество надо. Всё на кухне так прекрасно, что я не в силах остановиться на чем-нибудь одном. Ну просто глаза разбегаются. Хоть антологию из рецептов девочек нашего курса создавай. Вижу, каждая из вас принесла с собой свое самое любимое блюдо. И все же я, как вечно голодный мужчина, сразу сфокусировался на отбивных. Галка, сознавайся - твоя работа? Они же всегда были твоим фирменным блюдом. Что бы там ни говорили некоторые - те, которые завидовали! - твое кулинарное искусство по части мясных продуктов выше всех похвал. Я не ущемляю талантов присутствующих, просто до сладкого, например, мне дела нет и мимо морепродуктов я пройду спокойно. Слюнки не потекут. Но попробовать и воздать должное каждому блюду я не премину. С вчерашнего дня ничего не ел, аппетит нагонял. (Не забылась и эта старая студенческая шутка.) Что? Подействовала реклама? Как саранча, на отбивные налетите?

И я внес свой скромный посильный вклад в число самостоятельно приготовленных деликатесов. Смотрите, какого вина приберег, специально зарезервировал для этого случая. Еще доперестроечное. Сам делал из ягод своего сада. Душу вкладывал. Могу поспорить с самым записным гурманом - прекрасное вино! - озаряя всех присутствующих открытой, чуть смущенной улыбкой, сказал Слава. - Тряхнем стариной! «Огуляем для сугреву крови» и повышения процентного содержания оптимизма в мыслях? Не станем мелочиться! «Уже снежинки на висках не тают... но еще отважен крыльев взмах!» Взбрызнем, освежим нашу дружбу, накрепко цементированную застольями юности. И понеслась душа в рай!..

- Да мы его за один присест! - одобрила Мила.

- Охотно поможем тебе осушить не только эту бутылку, - поддержала ее Галя.

- На стол мечи все, что есть в печи!

- Тут в самый раз подходит наш старый студенческий лозунг: «Коль пошла такая пьянка, режь последний огурец». Помните, Сашка при каждой встрече обязательно какой-либо новый перл выдавал. Кладезь народной мудрости! Редкой пробы золотник. Всегда в ударе. От его шуток мы все буквально покатывались со смеху. И что самое важное - никакой пошлости. Жаль, не отпустили его сегодня с фирмы. Незаменимый.

- Вином мой кулинарный ресурс не исчерпывается. Но это секрет фирмы. А когда мы с Кирочкой женились, верхом моего мастерства был украинский борщ. По скромности нашей студенческой жизни он был в самый раз. Теперь мой «арсенал» гораздо богаче.

Кира засуетилась с подносом. Галя и Алла помогали ей переносить посуду и тарелки с закусками.

...Комната взорвалась продолжительными аплодисментами и криками одобрения.

- Слава, какая прелесть твое вино! - чуть пригубив, воскликнула Мила и даже присвистнула от удивления.

- Как в лучших домах Парижа и Лондона! - высоко оценила творение Славы Лера и зажмурилась от удовольствия.

- Нравится? Забирает? Богатство букета чувствуешь?

- Не то слово. Прелесть! Я в восторге! Не чета тому, что сейчас в магазинах. Невозможно устоять против такого напитка. Слава, ты - волшебник! - оценила мастерство винодела Лена.

- Мне понятен и приятен ход твоих мыслей, - смущенно отшутился Слава.

Алла тоже радостно кивнула в знак того, что она удовлетворена пробой.

- Не откажешь мне в удовольствии выпить с тобой персонально, - смешно подмигнув, живо отозвался Слава на похвалу Аллы. - Может, на брудершафт?

- А это уж как тебе заблагорассудится, - весело откликнулась она и шутливо-манерно поклонилась, насколько позволило узкое пространство. - Не стану стеснять себя всякими условностями.

- Какие пожелания альтернативной стороны я должен учесть? Может, кто хочет водочки или коньяку? - тут же отвлекся Слава на Леру и Милу.

- В моей юности коньяку к завтраку и обеду не полагалось, - с наигранной чопорностью шутливо заметила Мила, наливая себе полную рюмку, - по свидетельству диетологов, подобная вольность ведет к алкоголизму.

- Чтобы не притуплялись вкусовые ощущения, начинать надо с хорошего легкого вина, - сказала Жанна.

- А под конец и бурда за милую душу пойдет? - засмеялась Галя.

- Только не в нашей компании. Мы предпочитаем качество количеству, - назидательно заметила Эмма.

- Некоторые события - вот как эта наша встреча - совершаются так редко, что заслуживают особого внимания и позволяют нарушать многие светские каноны, - в тон ей ответила Жанна. - Сомнение - пить или не пить - единодушно будет разрешено в пользу коньяка.

- Не надерешься? - придав своему голосу неправдоподобную искренность, сочувственно спросила Лиля.

- В нашей компании можно пить без малейшего риска напиться. Мы, как это водится между интеллигентными людьми, не позволяем себе забываться.

- Еще бы! Воспитание.

- Аня, что это ты минеральную воду на вкус провераешь? Надеешься оценить ее качество?

- Осторожничаю. Случай грустно-смешной со мной на пятом курсе вышел. Была я у Марго в гостях. Компания собралась веселая. Я обычно позволяю себе за вечер выпить грамм пятьдесят хорошего крепленого вина. Мне этого было достаточно для поддержания соответствующего празднику настроения. А у Марго был только коньяк. Я отказывалась его пить, упирала на то, что не пробовала и боюсь последствий - опьянения. Но один внимательный и обходительный молодой человек принес мне воды запить коньяк. И я решила уступить. Все дружно и весело стали учить меня, как надо задерживать дыхание и, не нюхая, быстрым движением глотать горячительное. Я же осторожно пригубила из рюмки и, когда почувствовала во рту непривычное жжение, торопливо под радостные крики собравшейся вокруг меня компании махнула из любезно предложенного стакана половину так называемой «воды» - водки. Проглотить ее мне не удалось. Она стала в горле колом. Я вдохнула, а выдохнуть не получалось - видно, водка попала в легкие. Когда я, бледная, измученная, наконец пришла в себя, обходительный молодой человек стал извиняться, утверждал, что через этот ритуал удачно проходили все «новенькие», но вот со мной шутка не получилась. А Марго объяснила, что не верила в то, что я, прожив в общежитии пять лет, так и не научилась пить, поэтому и разрешила друзьям позабавиться. А я считала, что ни к чему мне это сомнительное удовольствие - пить крепкий алкоголь. Никому не удавалось уговорить меня, потому что я сама должна была захотеть этого. Ну и захотела... С тех пор и появилась эта смешная привычка проверять содержимое предлагаемых напитков.

- ...Кира, а Надя приедет? Ей же из сада добираться на перекладных. Он же у нее у черта на куличках, в экологически чистой зоне. Она ведь и зимой живет на даче? - уточнила Лиля.

- О дача! «О жажда величия пленников крошечных шестисоточных земельных наделов».

Кто из нас на это не купился в начале перестройки, когда финансы пели нам романсы и мешок картошки или тыквы со своего участка, корзина морковки и ведро фасоли выглядели пусть временным, но все же спасением утопающих, – сказал Слава, комично вращая глазами. – Наши женщины не станут томиться от скуки и искать, чем бы себя занять. Когда энергия и азарт брызжут через край, они заведут себе огород и станут в один ряд с мужьями, тщетно пытающимися своими руками возвести «хоромы» размером три на пять метров...

– Слава, вы свой дом еще не достроили?

– Скелет готов, отделки ждет. В лучшем случае, еще на пару лет работы, – отозвался он не очень оптимистично.

– ...Это суше? Нет, хочу повременить с экспериментом над своим желудком. Я двумя руками голосую за традиционный салат оливье. Ничего более отрадного для моих глаз в жизни на праздничном столе не видела, – рассмеялась Рита и потянулась к огромной салатнице.

– Ты лимончиком, лимончиком спрысни, – слышалось на другом конце стола.

– ...Всех уговорю, уломаю. Надеретесь... до положения риз. Я только начинаю входить во вкус, – шутливо-напористо подзадоривал Слава, лучезарно улыбаясь. – Зря, что ли, я старался!

– Думаешь, наклюкаемся? Я пас. Не надейся. Никому не удавалось довести нас до кондиции, и у тебя не получится, – рассмеялась Лиля и сделала шутливое движение ногой, словно отпихивала назойливого шкодливого котенка. – Мы, как подобает приличным манерным старушкам, держим свои тайные страсти на достаточно большом удалении от хорошей компании, – пошутила она.

Слава сделал вид, что не заметил фривольного жеста, и ответил ей в тон:

– Ну уж и старушки! Вам еще лет двадцать ими не представляться. Сознайтесь, до сих пор мужчины оглядываются? Не забыли еще, что такое форс, кокетство и всякие такие женские штучки!

– Твоими бы устами да мед пить, – радостно вздохнула Кира.

Слава принялся разливать вино по рюжкам-наперсткам. Первый тост подняли за безвременно ушедших друзей. Слава говорил тихо, торжественно. Его голос словно бы объявлял кульминацию горьких событий... Помолчали, будто черту подвели под прошлым.

Тихая беседа некоторое время легкой дымкой висела в воздухе. Потом наступило приятное легкое ошаление от хорошего вина. Женщины расшумелись, раззадорились. С разных концов стола слышались смех, шутки. Встреча шла полным ходом, застолье набирало обороты. «Выпьем и снова нальем», – опять и опять заманчиво подмигивая, предлагал Слава. Лера еще порывалась вставлять шутливо-едкие комментарии, но они растворялись в буйном веселье. Со всех сторон раздавались возгласы: «Не делайте из еды культа», «Поднеси Ане, а то она пропускает, халтурит», «Долей еще твоего заздравного», «За кого еще не пили?»

– Я буду пить славу Женщине! – провозгласил Вячеслав. Все дружно, стоя, поддержали прекрасный тост.

...Галдеж стоял, как в школе на перемене.

2002 г.

Продолжение следует.

Контакты

Уважаемый читатель! Буду Вам благодарна, если Вы поделитесь мыслями о моих книгах на сайте, где скачали эту книгу. Если проблемы, поднятые в моих книгах, созвучны с Вашими переживаниями и взглядами на жизнь, или Вы хотите поделиться эмоциями или историями лично — вот мои контакты:

Вконтакте:

Сотовый:

Skype:

email:

Сайт:

Пишите, звоните. Буду рада общению!

Зоркая душа женщины

Когда-то, много лет назад, они учились в одном институте, а потом разъехались куда кого определила судьба и стали жить своей, опять же назначенной роком, жизнью – кто безмятежно и спокойно, кто в бедах и горестях. Но так их крепко-накрепко связало студенческое время, что съезжаются они порою в один город, в одну, ставшую им почти родной квартиру и вспоминают, обсуждают, говорят. Говорят, специально не выбирая о чем говорить, спонтанно, – кто-то бросил одно слово, другое – и за это слово ухватились, оно стало началом разговора. О человеке, который не приехал на встречу, о преподавателе, который ох как был к ним строг на экзаменах! – о юноше, которого обожали все студентки, о лекциях, семинарах, зачетах... Лилась беседа, перескакивая с одной темы на другую. Кто-то ее поддерживал, а кто-то нет. Кому-то то, о чем шла речь, казалось мелочным, не стоящем внимания...

Да и я, читая рукопись книги Ларисы Шевченко, не раз отодвигал ее в сторону, но проходили минуты – и меня тянуло к мелко напечатанным листам бумаги, и я вновь вчитывался в строки, и вдруг выяснялось, что уже не очень-то молодые женщины, рассуждая о своих студенческих временах и временах современных, говорят не о мелочах, а о судьбе. О судьбе личной и судьбе общей. Судьбе Родины, России. Того государства, в котором они, рожденные, выросшие и воспитанные в Союзе ССР, вдруг начали жить уже в зрелые годы. Когда трудно менять привычки и представления, мнения и убеждения, привязанности и неприятия.

В своих разговорах, идя от частного к общему, от жизненных неудач одних к воспарению других, они вдруг выясняют и для себя и для внимательного читателя, что есть нечто общее в судьбах и молодых, и тех, кто на склоне жизни, россиян. И это общее – в тоске по сильному государству, в котором каждый мог бы реализовать свои способности, в потребности того порядка и уклада жизни, где были бы и совестливая, воспитывающая литература, а не разлагающее душу телевидение и не обогащающиеся на бедах народа олигархи, алчные чиновники и недобросовестные священники, и где главным мерилом жизни стало бы благоденствие народа.

В этой новой книге Ларисы Шевченко много пронзительных и строк, и страниц. Пронзительных по обнаженности чувств. По той мере, с которой оцениваются события в жизни и отдельного человека, и целого государства.

Говорят, у нас нет литературы женской и мужской. Есть, дескать, одна единая, как бы в ней ни светились мужчина или женщина. Но, как мне кажется, есть в жизни нечто такое, о чем лучше, взволнованнее скажет писательница, нежели писатель. Это, например, женская душа и женские чувства! Женское отношение к делу, к работе, к детям, к родителям. Наконец, к мужчинам.

У Ларисы Шевченко – женская проза. Много эмоций, внимание к деталям, которые – уверен – ускользнули бы от мужского взгляда. Но женская проза и в том смысле, что она как обнаженный нерв, вызывает у читателя боль. Боль и сострадание. Сочувствие. Ко всему, о чем рассуждают женщины, давно не видевшие друг друга. Да и не только...

Есть в книге авторские ремарки, авторские отступления. Комментарий... Они как бы книга в книге. Но тем яснее позиция писателя, ее отношение к жизни. Она не приемлет равнодушия и пассивности. Так ее воспитывали, и так воспитали.

Книги – они ведь как слепок собственной судьбы. Вернее, в них всегда прослеживается жизнь автора. Даже если и нет в книге страниц, посвященных собственной судьбе. Но есть позиция. Есть отношение. Есть накал. Есть нотки одобрения или отторжения. Любви и неприятия...

Лариса Шевченко известна как детский писатель. Обращение к теме детской души было для нее не случайным. Несколько лет – в раннем детстве, – проведенные без родителей, наложили отпечаток на ее произведения. В них много того, чего писатель была лишена в детстве. Много добра, тепла и ласки. Много трепетного отношения к маленькому человеку.

Эта трепетность ощущается и во «взрослой» книге Шевченко. В принципе, если

двумя-тремя словами определить главную ее, сквозную тему, то она – о добре. Об уважительном отношении к человеку. Даже в такие времена, когда страна, в которой живет человек, переходит от одной общественной формации к другой. Когда по сути свершается революция. Революция в том числе и в душах.

Но даже в такие времена и при таких обстоятельствах нельзя, чтобы разрывались чувства совести и долга. Дружбы и взаимовыручки. Бережного отношения к человеку. Ведь жизнь так хрупка...

В жизни главной героини Ларисы Шевченко были моменты потерь, когда она могла впасть в отчаяние и при этом чувстве возненавидеть весь мир и всех, кто, в отличие от нее, страдающей от смертельной болезни, здоров, весел и благополучен. О том, что пережила героиня, – несколько страниц книги, поразивших меня отчаянным страданием. И еще – мужеством, с которым хрупкая женщина борется со своим тяжелым недугом. Борется и побеждает. Борется, не завидуя нам, здоровым. Не сетуя на свою судьбу. Не мучая себя вопросом: а почему я, а не она? Почему не она, та счастливая, кого я вижу в мире политики, литературы или шоу-бизнеса?!

В литературе, как и в жизни, надо быть и честным, и стойким. Книга Ларисы Шевченко об этом. О честности, о стойкости. О человеческом в каждом человеке.

Леонид Винников,

журналист, член Союза российских писателей,

заслуженный работник культуры РФ.

Благодарности

*Автор выражает признательность
и искреннюю благодарность:*

заместителю главы администрации Липецкой области –

Людмиле Валентиновне Кураковой

главе администрации г. Липецка –

Михаилу Владимировичу Гулевскому

начальнику управления культуры Липецкой области (2006 г.) –

Федору Ильичу Жиляеву

ректору Липецкого государственного педагогического университета –

Павлу Георгиевичу Бугакову

директору Липецкого домостроительного комбината –

Игорю Евгеньевичу Пищалину

директору МУ «ЦБС»,

депутату, заместителю председателя городского Совета г. Липецка –

Виктории Викторовне Якимович

директору областной детской библиотеки (2006 г.) –

Валентине Павловне Филаговой

начальнику управления физической культуры и спорта
Липецкой области –

Владимиру Михайловичу Дементьеву

Обложка

Литературно-художественное издание

Лариса Яковлевна ШЕВЧЕНКО

Воспоминания

Вкус жизни

Книга первая: В поисках утраченного смысла

Книга вторая: Мгновение и Вечность.

Предваряя возможные недоразумения, хочу предупредить читателей: не стремитесь к ложным идентификациям. Не ищите себя среди моих героев. Не забывайте, пожалуйста, что это художественное произведение.

От 18 до 88

Редакторы: Л.И. Винников, Н.Н. Калтыгин.

Художественный редактор: И.Л. Чемякина.

Корректоры: Л.Ф. Бондарева, Е.Г. Фурсова.

Компьютерная верстка и дизайн: Т.В. Поздеева.

Благодарю за помощь в наборе текста С.В. Санину.

ООО «Редакция газеты «Де-факто», 398000, г. Липецк, ул. Тельмана, 116.

Подписано в печать 2 октября 2013 г. Формат 70x100/16. Объем 31 печ. л. Тираж 1300 экз. Заказ № 148.

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «Издательский дом

«Мичуринск». 393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск, Липецкое шоссе, 5.

Ш 37

ББК 84 (2 Рос - Рус) 6

ISBN 978-5-901510-26-1

© Л.Я. Шевченко, 2014

Об авторе

Родилась Лариса Яковлевна Шевченко 14 марта 1945 года. Она взяла всё лучшее от своих воспитателей, школьных учителей, а затем ученых и педагогов МГУ, ВГУ и НИФХИ. Взяла, чтобы на протяжении десятилетий отдавать знания, житейский инравственно-духовный опыт будущим учителям – студентам ЛГПУ. В 2004г. Л.Я. Шевченко была награждена медалью-знаком за заслуги перед Липецким государственным педагогическим университетом и Почетной грамотой Липецкого областного Совета депутатов. Грустное детство, голодное, но веселое студенчество, трудная, но счастливая молодость, – такой емкой триадой определила Лариса Яковлевна сущность формирования своей личности, глубинные ее родники.

В 1999 году увидела свет ее первая книга для школьников «В барбарисовых джунглях», а затем одна за другой пришли к читателям ее «Уроки на скамейках», «Проталины», «Пробуждение», «Лестница надежд» и двухтомник «Надежда».

В 2014 году Лариса Яковлевна представила на суд читателей заслуживающее серьезного внимания произведение для взрослых – двухтомник «Вкус жизни». За ним последовали «Реквием», «Любовь моя», «Ее величество», «Дневник замужней женщины», «Тина».

В произведениях Л. Шевченко мы ощущаем прежде всего любовь к людям. Ее книги утверждают добро как одну из главных ценностей жизни – и детской, и взрослой. Лариса Яковлевна – член Союза писателей России, чье взыскующее слово востребовано не только юными читателями. Она лауреат первой премии областного конкурса «Достижения в области культуры и искусства» (2006г.); литературных премий имени И.А. Бунина (2011г.) и премии имени Е.И. Замятина (2013г.); лауреат премии «Золотое перо Московии» (Москва, 2015г.), лауреат премии имени Алексея Липецкого (2019г.). Награждена медалью Ивана Бунина за мастерство и преданность творческим традициям классической литературы (Москва, 2015г.).

Л.Я. Шевченко – действительный член Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург, 2015г.).

Борис Шальнев,

член Союза писателей России,

заслуженный работник культуры Р.Ф.,

лауреат литературных премий имени И.А. Бунина